Марк Эллонд

Цитадель огня

Мрак остается

Мрак остается

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Марк Эллонд

MARK

ANTHONY

The Keep of Fire

The Dark Remains

МАРК

ЭНТОНИ

Цитадель огня

Мрак остается

издательство АСТ ЕРМАК
Москва
2003

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Э67

Серия основана в 1999 году

Mark Anthony
THE KEEP OF FIRE
1999
THE DARK REMAINS
2001

Перевод с английского В. Гольдича, И. Оганесовой («Цитадель огня»), С. Масленниковой («Мрак остается»)

Серийное оформление А. Кудрявцева

Художники А. Ломаев, В. Ненов

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 21.08.2003. Формат 84x108$^{1}/_{32}$
Усл. печ. л. 48. Тираж 7000 экз. Заказ № 3597

Энтони М.

Э67 Цитадель огня. Мрак остается: Фантаст. романы: Пер. с англ. / М. Энтони. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. — 908, [4] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-020255-5 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9577-0706-6 (ЗАО НПП «Ермак»)

Это — мир за гранью.

Сумрачный, сумеречный параллельный мир, где стоят высокие замки и царят высокие боги, где грядущее повинуется закону тайных рун и закону могущественных заклинаний.

Мир, который века и века стоял рядом с миром нашим — неведомый, недоступный, чуждый. Но однажды граница меж Землей и миром за гранью перестала существовать. И тогда...

И тогда за человеком, способным бродить между мирами, начали охотиться и секретные службы Земли, и силы Зла, возродившегося в мире за гранью!

И тогда в мире за гранью появился некто, обладающий даром убивать не людей, но — БОГОВ!..

И тогда настало для горстки защитников Света время схватиться не только с таинственными адептами Мрака — «скирати», но и с подвластными им демонами АДА...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сос)-44

© Mark Anthony, 1999, 2001
© Перевод. В. Гольдич, И. Оганесова, 2002
© Перевод. С. Масленникова, 2003
© ООО «Издательство АСТ», 2003

Цитадель огня

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Касл-сити

ГЛАВА 1

Раскаленный ветер швырял в горы пригоршни жара, прожигая до самых костей.

Сухая трава, сгоревшая, не успев набрать силу, шелестела в канавах вдоль шоссе. Апрель умер под лучами равнодушного солнца, прихватил с собой май; наступил июнь, но долина в предгорьях казалась бурой и безжизненной, словно приближался конец сентября. Лето задушило весну в колыбели — в этом году уже никому не суждено было увидеть зеленое дитя.

Из трепещущего горячего марева выступил человек, точно взвились в обожженный воздух хлопья пепла из невидимого костра. Демон пыли несколько раз нетерпеливо взметнул, потянул к себе обрывки черного одеяния, в которое кутался худой, измученный незнакомец, и припляcывая спрятался ему за спину.

Человек с трудом удержался на ногах и сделал шаг вперед.

— Где ты, Джакабар?

Его голос прозвучал в тишине, будто хриплый зов стервятника, на потрескавшихся губах выступила кровь. Человек вскинул голову, вглядываясь в мерцающий горизонт черными, словно обсидиан, диковинными глазами, лишенными зрачков и белков. Затем поднял руку, пытаясь прикрыть от жестокого солнца похожее на выжженную пустыню лицо.

У него над головой, в пронизанном ослепительными солнечными лучами воздухе, возникло какое-то движение.

— Джакабар?

За далекой серебристой завесой, повисшей над дорогой, появилась тень, промчалась сквозь серебристую пелену и устремилась к человеку.

Зверь приближался с головокружительной скоростью, с каждым ударом исполненного страхом сердца становился все больше и вскоре заполнил собой все вокруг — человек не

видел ничего, кроме зверя, слышал лишь его оглушительный рев. Солнечные блики играли на алой жесткой шкуре, чудовище прижалось к земле, будто приготовилось к прыжку, и издало пронзительный стонущий вой, наполнивший сознание человека и парализовавший его. Он даже не пытался бежать, ожидая, что вот сейчас стальные челюсти сомкнутся на его теле, разорвут плоть, переломают все до единой кости.

Неожиданно порыв горячего, с привкусом гари ветра поднял в воздух мелкие камешки, впившиеся в незащищенную одеждой кожу. Жалкая, сухая трава склонилась к земле, словно приветствуя наводящего на все живое ужас императора, но тут же выпрямилась — мир замер. Человек оглянулся, пытаясь рассмотреть дорогу у себя за спиной, а чудовище вдруг съежилось, померкло и умчалось прочь.

Взгляд человека снова устремился вперед, он забыл про зверя. Все его существо поглотил жаркий огонь, выжег память и мысли, всё, чем он был. Человек отчетливо представил себе, как языки пламени облизывают его иссушенную точно древний пергамент кожу. Скоро. Прошло очень много времени. Осталось совсем чуть-чуть.

Он попытался сдвинуться с места, но земля не отпускала. Тогда человек напряг все свои силы и поднял ногу. Черные нити расплавленной смолы протянулись от изношенного сапога в небольшую ямку, образовавшуюся на поверхности дороги. Человек вытащил другую ногу и устремился вперед. Он не знал, в какой диковинной стране оказался. Знал только, что должен обязательно найти Джакабара.

— Берегись, — прошептал человек, — он пожрет тебя.

Человек медленно, спотыкаясь, брел по горной дороге, оставляя за собой следы, постепенно сливающиеся с расплавленным асфальтом.

ГЛАВА 2

Теперь ему казалось, будто он вовсе никуда и не отлучался.

— Скоро он будет здесь, — прошептал Тревис Уайлдер, стоя на пороге салуна «Шахтный ствол».

Опершись на перила, он повернулся на запад и, глядя вдоль Лосиной улицы, принялся рассматривать высокие горы, которые, словно суровые стражи, охраняли маленький городок.

Касл-Пик. Впрочем, за годы своей жизни гора успела получить несколько имен. В 1880-х добытчики серебра называли ее пиком леди Шпоры, в честь знаменитой в те времена шлюхи. Легенды утверждают: когда гангстер из Криппл-Крик

отказался оплатить ее услуги, леди Шпора застрелила его во время дуэли, проведенной по всем правилам, прямо посреди Лосиной улицы. Довольно скоро после знаменательного события она умерла от холеры и была похоронена так же, как жила и работала — в ботинках на высоких каблуках и со шпорами.

Еще раньше на картах, составленных, чтобы заманить мечтателей в поросшие высокой травой прерии, гора называлась Арго, хотя единственным золотом, которое кому-либо удалось найти в Касл-Пике, был теплый солнечный свет на рассвете и закате.

За несколько лет до золотой лихорадки 1859 года она превратилась в гору Джеффри, получив имя одного из членов небольшой экспедиции, предпринятой в 1820-м, — как-то вечером лейтенант Джеффри взобрался на ее вершину, прихватив с собой бутылку виски. К тому моменту, когда пять лет спустя Шайлер П. Джеффри умер от заражения крови в своей квартире в Вашингтоне, его имя благополучно соскользнуло со склонов горы, оставив о себе в качестве напоминания лишь пустую бутылку из-под виски.

Индейцы юты, наблюдавшие за бледнолицыми с поросших лесами кряжей, окрестили гору Хмурой из-за туманного облака, которое постоянно окутывало ее вершину. Если люди, жившие здесь до них, и давали горе какие-нибудь свои названия, они канули в прошлое вместе с ними. А еще раньше... никаких имен.

Одна гора. Много названий. В конце концов пик и городок получили имя мистера Саймона Касла, сколотившего состояние в издательском деле на востоке и приехавшего сюда, на запад, чтобы воплотить в жизнь свою мечту — создать новое великое королевство. Он построил отель «Сильвер-Палас» и оперный театр, а через восемь лет вернулся в Филадельфию после того, как его жена умерла от туберкулеза, а в особняк из песчаника ударила молния и сожгла его дотла.

Касл-Пик. Имя осталось. По крайней мере до тех пор, пока никто не придумал другое. А потом, когда здесь снова не останется людей и долина сможет в одиночестве предаваться своим мечтам, гора станет просто горой.

Тревис вцепился руками в перила. Закрыл серые глаза, прятавшиеся за очками в тонкой металлической оправе, и представил себе: высоко на склонах гор оживают юные осины, перешептываются на ветру, шелестят серебристыми листочками, потом раздается глухое покашливание каньона, а стройные сосны начинают отплясывать веселую тарантеллу. Скоро он будет здесь.

Тревис всегда, в любом мире, мог предсказать, когда задует ветер.

— Я знал, что ты вернешься, — сказал Макс тем памятным январским днем, когда Тревис перешагнул порог

«Шахтного ствола», так и не сняв потрепанную после долгих странствий одежду чужого мира.

Было утро, и в салуне, кроме двух посетителей, никого не оказалось.

— Я знал, Тревис, даже несмотря на... даже когда Джейс сказала, что ты погиб в пожаре вместе с Джеком. Я тут за всем присматривал... для тебя. За баром, страховкой, вел книги...

Макс замолчал, не в силах больше произнести ни слова, но Тревис и так все понял.

— Все замечательно, Макс, — проговорил Тревис и обнял друга. — Все отлично.

Вот так Тревис вернулся домой.

Последующие дни показались ему необыкновенными и одновременно ускользающе хрупкими. В каком-то смысле Тревис чувствовал себя здесь не менее чужим, чем на Зее, когда путешествовал в компании Фолкена по прозвищу Черная Рука. Канализация, водопровод в доме, электричество и грузовики представлялись ему чем-то чужим, окруженным экзотическим ореолом. Но, как и на Зее, Тревис знал, что скоро привыкнет к своей прежней жизни. Нужно только время.

В отличие от любопытного барда, никто в Касл-Сити не поинтересовался, где Тревис пропадал больше двух месяцев и почему вернулся назад. Впрочем, жители городка не склонны задавать слишком много вопросов. Им все равно, где ты был, важно, что сейчас ты здесь.

Джейсин Уиндом единственная попыталась выспросить Тревиса о случившемся, но даже и ее вопросы, острые, точно стрелки на ее форменных брюках, имели вполне определенную направленность.

— Ты был в «Обители Мага» в ночь пожара? — спросила Джейс как-то раз, когда зашла вечером в салун.

Сидя на табурете с прямой, словно натянутая струна, спиной, она взяла в руки блокнот и карандаш и приготовилась записывать.

— Был, — ответил Тревис.

— Знаешь, отчего возник пожар?

— Джек дрался с каким-то типом, который влез к нему. Я был снаружи — Джек приказал мне бежать. Когда я обернулся, дом уже горел.

— А тебе не удалось рассмотреть, кто к нему забрался?

— Нет, не удалось.

Тревису довелось столкнуться с ними лишь через некоторое время. В Белой Башне вязателей рун он заглянул в их страшные глаза и увидел там смерть. Но об этом Тревис рассказывать не стал.

Он ждал новых вопросов, но Джейс захлопнула блокнот и встала с табурета.

— Все, Тревис. Я тебе позвоню, если шериф Домингес захочет тебя еще о чем-нибудь спросить, — сказала она и направилась к двери.

— Вы его нашли? — Тревис посмотрел Джейс в глаза. — Нашли Джека?

Она поджала губы, потом коротко кивнула.

— Его похоронили на кладбище Касл-Хайтс.

— Я обязательно туда схожу. Спасибо, Джейс.

Помощница шерифа зашагала к двери, впрочем, сначала она нашла глазами Макса. Они обменялись такими взглядами, что Тревис сразу понял — Джейсин удалось-таки захомутать своего жеребца. Он уже заметил, что Макс сменил рабочие штаны на джинсы.

Собственно, может, и не так плохо измениться ради другого человека. Иногда Тревис жалел, что ничего подобного в его жизни не случалось, хотя, как он ни старался, ему не удавалось представить себе, каким бы он стал и ради кого захотел бы меняться. Скорее всего это не имеет никакого значения. Важен процесс, сам факт превращения в новую личность.

После разговора с Джейс ему стало легче, дни потекли размереннее и спокойнее. Владельцы сдали его домик на окраине города какой-то семье, и потому Тревис поселился в пустых комнатах на втором этаже над «Шахтным стволом». Старая квартира была узкой, в ней постоянно разгуливали сквозняки, а кухня могла похвастаться только плитой и раковиной, но он решил, что на первое время этого хватит. Неожиданно Тревис понял, что его требования к жизни изменились — он привык путешествовать налегке.

Макс припарковал потрепанный зеленый пикап Тревиса позади салуна, и наступил день, когда Тревис набрался смелости и попытался его завести. Он вставил ключ в замок зажигания и весело рассмеялся, когда мотор тихонько заурчал и ожил.

И вот потянулись дни, наполненные заботами о «Шахтном стволе». Книжный клуб Мойры Ларсон продолжал собираться в салуне каждую неделю — только теперь напыщенные романы о классовой эксплуатации сменили остроумные, живые произведения Ивлина Во. Пижонистые ковбои с ранчо перешли с солодового виски на мартини. А Молли Накамура по-прежнему терпеливо учила посетителей бара складывать жесткие листки бумаги так, чтобы из них получались хамелеоны и обезьянки, и, как и прежде, умудрялась несколькими ловкими движениями превратить мутанта в произведение искусства.

Короче говоря, Тревис легко и с удовольствием вернулся к своей прежней жизни.

Время от времени, вытирая стойку бара, подметая пол или собирая пустые стаканы из-под пива, он вдруг ловил себя на том, что смотрит в окно, на скалистые склоны гор и думает о ветре, который там разгуливает. И о странствиях.

Твое странствие подошло к концу, Тревис. Ты вернулся домой, туда, где твое место.

Он открыл глаза и вздохнул. Над головой шипели электрические провода, по тротуару, весело резвясь и приплясывая, мчался мусор — разноцветный сверкающий предвестник непогоды.

Тревис подставил лицо спешащему в город ветру и приготовился отдаться во власть его прохладных, надежных объятий, вновь ощутить тысячи самых разных возможностей, которые ветер несет на своих крыльях. Затрепетала трава, растущая вдоль дороги, клочья газет распустили щупальца, принялись угрожающе шевелить ими, подчиняясь неистовым порывам, туристы отчаянно вцепились в свои шляпы с яркими значками...

...а потом опустили руки и зашагали дальше.

Одинокий порыв обжигающего ветра промчался по Лосиной улице и умер, тяжело вздохнув на прощание. Провода доиграли свою симфонию, трава снова погрузилась в неподвижный сон, а щупальца газет прильнули к тротуару.

На лбу Тревиса выступили капельки пота, которые тут же с радостью слизнул горячий воздух, оставив на коже сухие соленые следы. Не было ни прохладных объятий, ни тысяч возможностей. Только солнце продолжало поджаривать мостовую, деревья и землю под ногами, пока все вокруг не пропиталось ароматом древних, высушенных костей. Подобное случилось впервые. Такой жары, такого сердитого неба, такой безрадостной долины Тревису еще не приходилось здесь видеть.

Он поднял руку и погладил кусочек гладкой кости, висевшей на кожаном ремешке у него на шее. Ее поверхность прочертили три параллельные линии. Тревис медленно провел по ним пальцем. Да, словно он никуда и не уходил. Но ведь он знает, что это не так. И все в его жизни переменилось.

Тревис вздохнул, спрятал талисман и вернулся в салун.

ГЛАВА 3

Прохладный воздух «Шахтного ствола» ласково коснулся разгоряченного лица Тревиса. Он встал за стойку, открыл холодильник, достал бутылку лимонада и прижал ее к пылающей щеке. Первое ледяное прикосновение оказалось неожидан-

ным, и он вздрогнул, но уже в следующее мгновение счастливо вздохнул и закрыл глаза.

— Знаешь, Тревис, люди сделали одно потрясающее открытие — пить гораздо легче и приятнее, если сначала снять с бутылки крышку.

— Люди такие зануды.

Макс фыркнул, и Тревис открыл глаза. Его помощник держал в руках поднос с чистыми стаканами.

— Странный ты какой-то, Тревис.

— Слава Богу. А то я уже решил, что начал терять форму.

Макс театрально закатил глаза и принялся расставлять стаканы.

Тревис скрестил на груди руки, прислонился к стене и стал с интересом наблюдать за тем, как работает его помощник. Следует отдать ему должное, Макс за время отсутствия Тревиса действительно следил за порядком в салуне. И не просто следил, дела шли превосходно. И хотя Макс явно гордился своими достижениями, он без колебаний передал бразды правления в руки Тревиса, когда холодным январским днем тот вернулся.

А Тревис с радостью окунулся в свои обязанности владельца заведения. Как и все в его прежней жизни, привычные заботы дарили тепло и ощущение уюта. Но, как и во всем остальном, что-то неуловимо изменилось. Салун целых два месяца принадлежал Максу — и не важно, что говорится в официальных документах.

Тревис открыл ящик, вытащил сложенный листок бумаги и положил его перед Максом на изрезанную ножом стойку бара.

— Это еще что такое?

— Сам посмотри.

Бухгалтер в отставке взял листок и нахмурился.

— Тревис, только не говори, что ты снова решил заняться нашими финансовыми бумагами? Я только привел их в надлежащий... — Он замолчал и с несчастным видом посмотрел на Тревиса.

— Нет, Макс, — рассмеявшись, ответил Тревис. — Я не занимался нашими бухгалтерскими книгами. Если честно, я даже не знаю, куда ты их припрятал. Кроме того, это твоя обязанность как моего партнера.

— Партнера? — удивленно моргая, переспросил Макс.

— Ну, ты им станешь, если подпишешь бумаги. — Тревис протянул ему ручку. — Давай, дружище.

Макс поколебался немного, но ручку взял. С благоговением, точно ему совершенно случайно удалось завладеть древней картой, на которой обозначено место, где спрятано сокровище, он развернул документ, положил его на стойку и старательно вывел на нем свое имя рядом с именем Тревиса. Затем, сложив бумагу, отдал ее Тревису.

— Спасибо.

Тревис убрал бумагу обратно в ящик, а затем, с самым серьезным видом глядя на Макса, проговорил:

— Ты это заслужил, Макс. «Шахтный ствол» принадлежит нам обоим.

Макс кивнул и широко заулыбался.

— Получается, что теперь *мне* тоже будут сюда звонить?

— Я понимаю, ты взволнован, но это еще не повод вести себя так, будто у тебя крыша поехала, — заявил Тревис, положив руку на плечо друга.

Прежде чем Макс успел ему ответить, Тревис, насвистывая веселый мотивчик, скрылся за дверью задней комнаты. Партнер, подумаешь! Тревис вовсе не обязан прекратить над ним подшучивать.

Днем Тревис отправился в универмаг «Маккей», чтобы купить новые петли для задней двери салуна, которая отчаянно скрипела. По пути назад он заглянул в кафе «Москито», где одна чашка кофе плавно превратилась в три по мере того, как приходили все новые посетители, непременно желавшие угостить Тревиса.

Покинув благословенную прохладу кафе, Тревис отчаянно пожалел, что ему не хватило ума заказать кофе со льдом. Заляпанное ржавыми пятнами солнце лениво подползало к бастионам Касл-Пика, словно за день оно настолько устало и отяжелело, что держалось на небе из последних сил. Над Лосиной улицей переливалось разноцветными бликами волнующееся жаркое марево. Тревис платком не первой свежести вытер пот со лба.

Добравшись до «Шахтного ствола», он заметил рядом со стареньким «вольво» Макса «Харлей-Дэвидсон». На черном блестящем боку красовался кельтский крест, а с ручки свисали потрепанные ветром и давно потерявшие свой цвет перья и костяные бусы. Мотоцикл показался Тревису знакомым, но он никак не мог вспомнить, где и когда его видел. Тревис быстро нырнул в уютный полумрак салуна.

Посетители уже начали собираться, и его приветствовал нестройный гул голосов. «Дочери фронтира», в своих обычных комбинезонах с красными полосами, собрались на очередную встречу. Их голубые, похожие на сладкую вату, волосы слиплись от жары, но они ничего не замечали. Двое из них играли в пул с симпатичными гладко выбритыми молодыми людьми — судя по рубашкам «Док-Мартенс», из Денвера, — на лицах которых застыло изумление. Так бывает со всеми, кто оказывается достаточно глуп и связывается с «Дочерьми фронтира». Жители Касл-Сити предпочитали не иметь с этими акулами никаких дел.

Около музыкального автомата под заунывное пение Пэтси Клайн танцевали тустеп Дейвис и Митчелл Бэрк-

Фейверы. Они, как обычно, щеголяли в одинаковых ковбойских рубашках с геометрическим рисунком и безупречных джинсах «Рэнглер», их выдубленные ветром лица почему-то всегда вызывали у Тревиса ассоциацию с суровыми равнинами высокогорий. Раз в неделю парочка приезжала в город со своего ранчо, расположенного к югу от Касл-Сити, чтобы немного развлечься. Их движения поражали четкостью и безупречной синхронностью, благодаря которым они стали победителями в соревнованиях по тустепу в Сан-Франциско лет десять назад.

По дороге к стойке Тревис задержался, чтобы полюбоваться их мастерством, и невольно тяжело вздохнул. Большую часть своей жизни он провел наедине с самим собой. Интересно, суждено ли ему когда-нибудь *так* почувствовать другого человека? Он не знал. Иногда надеялся, что судьба преподнесет ему столь бесценный дар. Впрочем, Тревис прекрасно понимал, что в танцах ему ничего не светит — природа обделила его какими бы то ни было способностями.

Кто-то вскрикнул, и, повернувшись к стойке, Тревис увидел, что Макс пытается смешать коктейль с мартини для пижонистых парней с ранчо. Один из них, владелец ухоженной бородки, хмуро поглядывал на непослушную жемчужного цвета луковку, которая резво спрыгнула с вилочки для оливок и принялась весело кружить по полям его старательно отглаженной черной шляпы. Тревис бросился на выручку.

Через несколько минут ковбои получили коктейли и отправились за свой любимый столик играть в домино.

Макс перебросил через плечо полотенце и с чувством сказал:

— Спасибо, Тревис, я твой должник.

— Ясное дело. — Тревис засунул руку под стойку и вытащил книгу рецептов коктейлей с мартини. Протянув ее Максу, он заявил: — Для начала почитай...

И замолчал, увидев, что в дверях салуна «Шахтный ствол» появились рыцарь, дама и варвар.

— Тревис?

Казалось, голос Макса доносится откуда-то издалека, будто тот стоит в конце длинного туннеля. Тревис молча наблюдал за тем, как диковинная троица лавирует между столиками.

Этого не может быть. Они не могли здесь появиться.

Дама, одетая, несмотря на страшную жару, в зеленое бархатное платье, шагала, гордо вскинув голову и не глядя по сторонам. Корсет так высоко поднял ее грудь, что она располагалась перпендикулярно к телу, а розовая кожа покраснела от солнца. Коротышка рыцарь производил впечатление очень сильного человека. По лицу, на котором застыло мрачное выражение, ручьями

стекал пот, кольчугу, пожалуй, трогать голыми руками не стоило — чтобы не обжечься. Варвар со спутанными грязными волосами, закутанный в тяжелые меха, плелся за рыцарем и дамой. Они направлялись прямо к Тревису. Неужели они всё знают?

Не могут они ничего знать. Им здесь делать совершенно нечего. Их место в другом мире.

Троица наконец добралась до стойки. Рыцарь положил руку на рукоять меча и заявил:

— Мне «Курс», стаканчик «Шардоннэ» и... — Он посмотрел на варвара. — А тебе что?

— Ирландский портер, — ответил тот.

Дама нахмурилась.

— Как ты можешь пить эту ядовитую гадость, Тед?

Варвар ухмыльнулся, на грязном лице сверкнули ровные белые зубы.

— А ты попробуй.

Тревис тупо пялился на них, пытаясь понять, что же здесь все-таки происходит. Только сейчас он заметил сотовый телефон на поясе рыцаря, яркий ремень на платье дамы и сандалии с нейлоновыми шнурками и резиновой подошвой на ногах варвара.

Как же он мог забыть?! Еще вчера он видел яркие палатки и ларьки к востоку от городских окраин. Сейчас июнь. Время Средневекового фестиваля. На закате солнца в салун заваливалась компания пропотевших рабочих, чтобы пропустить стаканчик после тяжелого дня.

Макс потянул его за рукав.

— Что-то случилось, Тревис?

Он никак не реагировал на просьбу рыцаря, и тот нахмурился.

— Нет, Макс, все чудесно.

Тревис быстро занялся напитками, и довольный рыцарь бросил на стойку двадцатку.

— Ну и жарища, — сказал он.

Варвар окинул взглядом пунцовую грудь дамы и ухмыльнулся.

— Боевые трофеи, Сара.

Она поправила платье и поморщилась.

— Да уж. Все из-за Алана, который забыл зонт.

— Извини, — пробормотал рыцарь, и троица отправилась искать свободный столик.

Тревис смотрел им вслед и не сразу заметил удивленный взгляд Макса. Его партнер задумчиво покачал головой, но ничего не сказал, а через некоторое время, так же молча, отвернулся, чтобы достать новый бочонок с пивом.

А Тревис тем временем бросил мимолетный взгляд на сапоги из оленьей кожи, торчавшие из-под джинсов: те са-

мые, что приказала сшить для него леди Эйрин, одно из немногих напоминаний о Зее. А еще у него остался амулет из кости — руна надежды, — который он носил на шее, и половинка монеты, подаренная братом Саем. Именно она помогла Тревису вернуться домой, и теперь он всегда держал ее в левом кармане.

Тревис закрыл глаза и увидел высокие крепостные укрепления среди обнесенного каменной стеной огромного поля. Иногда ему отчаянно хотелось рассказать кому-нибудь о том, где он в действительности побывал. Но единственный человек, который понял бы его, мертв.

Мне так тебя не хватает, Джек.

Открыв глаза, Тревис взял поднос с грязными стаканами и отправился к раковине.

По дороге он бросил мимолетный взгляд на экран телевизора, но не смог понять, что же там рекламируют. Мелькали картинки, пейзажи, улыбающиеся люди занимались самыми разными делами — катались на лодках, гуляли, готовили обед. А над ними или за окном висела яркая полная луна, проливая ослепительно серебряный свет на совершенно очумевших от счастья людей.

Реклама закончилась, экран потемнел, а в следующее мгновение появился логотип компании: полная луна постепенно превратилась в стилизованную заглавную букву «D».

— «Дюратек», — послышался убаюкивающий, ласковый мужской голос. — Миры возможностей рядом с вашим домом.

Тревис нахмурился. Ерунда какая-то. Он показал на телевизор и попросил Макса:

— Выруби их. Уж лучше радио.

Макс выключил телевизор, и тут же ожил допотопный радиоприемник.

Через секунду зазвонил телефон. Макс так стремительно к нему бросился, что Тревис даже не успел сдвинуться с места.

— «Шахтный ствол», — произнес Макс в трубку и наградил Тревиса ехидной улыбочкой. — Нет, но я являюсь совладельцем, и смогу вам помочь... — Затем он повернулся к Тревису спиной и заговорил так, чтобы тот его не слышал.

Тревис застонал. Теперь, когда Макс стал его партнером, жизни ему не будет.

Ну что ж, делать нечего. Он занялся грязными стаканами. У него за спиной звучала музыка: древние звуки, летящие по сверхсовременным проводам. После громоподобного грохота рекламного ролика мелодичная песня ласкала слух. Тревис улыбнулся, подумав о том, как старое и новое легко сосуществуют друг с другом. А вдруг два совершенно разных века могут встретиться друг с другом? Словно два разных мира.

Он почувствовал, что кто-то смотрит ему в спину, и резко обернулся.

Она наблюдала за ним. Зеленые с дымчатым отливом глаза сияли над идеально очерченными бровями. Тревис поставил стакан, который держал в руке, и женщина, удобно устроившаяся на табурете у стойки, улыбнулась ему. В ее коротко остриженных темных волосах искрились огненные отблески. Черная кожаная куртка, джинсы и сапоги. Он разглядел татуировку на шее — змея в форме восьмерки, вцепившаяся в собственный хвост.

— Дейдра? Дейдра Атакующий Ястреб?

— Мой нежный рыцарь, — проворковала она.

Затем потянулась через стойку и поцеловала его, заставив почувствовать себя оленем, застигнутым врасплох яркими огнями прожекторов.

ГЛАВА 4

Тревис познакомился с ней три года назад.

Июль подходил к концу, когда обезумевшие от счастья насекомые, только появившиеся на свет, слегка успокоились и тянули свою заунывную песнь, а облака лениво проплывали по ослепительно синему небу, вспоминая время от времени о своих обязанностях и наполняя долину оглушительными раскатами грома.

Как-то вечером она зашла в салун под медные литавры разбушевавшегося ветра. Тогда у нее еще были длинные волосы, которые сияющим водопадом омывали плечи. Тревис сразу заметил, что на ней все те же черная кожаная куртка и сапоги с квадратными носами, а на плече висит тот же деревянный футляр с инструментом.

Она сообщила, что ее зовут Дейдра Атакующий Ястреб и что она бард.

Она участвовала в Средневековом фестивале. Фестиваль подошел к концу, и Дейдра решила немного подзаработать в Касл-Сити, прежде чем снова отправиться в путь.

— Горы дарят мне песни, — заявила она. — Мне так трудно с ними расстаться.

Когда она доставала старенькую мандолину и принималась наигрывать какую-нибудь мелодию, у Тревиса захватывало дух — ничего красивее он никогда не слышал. Тревис убрал коробки с небольшой эстрады у пианино, когда-то служившей чем-то вроде сцены для водевильных номеров, и поставил посередине стул. Следующие две недели Дейдра Атакующий Ястреб

играла на своей мандолине в «Шахтном стволе». В ее жилах текла ирландская кровь и кровь американских индейцев, и завораживающая своей простотой музыка сочетала в себе традиции и тех, и других ее предков. После представления, устроенного в вечер ее появления, молва о Дейдре быстро облетела город, и каждый вечер в бар набивались желающие послушать мадригалы тринадцатого века, кельтские баллады и мифы индейских племен, которые она рассказывала нараспев поразительным, таящим в себе волшебство голосом.

Тревис редко виделся с ней в те дни; Дейдра оказалась такой же неуловимой, как и ее музыка. Пару раз она останавливала свой мотоцикл, когда встречала его на Лосиной улице.

— Садись, мой нежный рыцарь, — говорила она.

Мой нежный рыцарь.

Она стала называть так Тревиса после того, как он поведал ей историю про старые очки, принадлежавшие когда-то гангстеру по имени Тайлер Кейн и подаренные ему Джеком.

Он устраивался у Дейдры за спиной, мотор издавал душераздирающий рык, и они летали по каньону, склоняясь на поворотах к самой земле. Как-то раз вечером они остались после закрытия салуна, разговаривали, пили виски, делились друг с другом мечтами. В какой-то момент, когда повисло смущенное молчание, Тревис протянул руку, чтобы погладить ее волосы. Но на полпути замешкался и неловко подхватил свой стакан.

Потом даже самому себе он не смог объяснить, что ему помешало; почему он не позволил своим пальцам коснуться мягкого шелка ее волос, почему не прижал к себе, не поцеловал, и они не занимались любовью на одеяле, брошенном на усыпанный свежей стружкой пол салуна. Но ведь любовь это сила, верно? А Тревис прекрасно знал, что сила штука опасная.

Вечером следующего дня Дейдра выступила перед теми, кто пришел ее послушать, а потом Тревис услышал рев ее мотоцикла, мчащегося по Лосиной улице. Больше он ее не видел.

И вот она появилась вновь.

— Мне следовало догадаться, что это твой скакун, — сказал Тревис, глядя на нее через стойку бара.

— Если честно, он новый. Я купила его прошлым летом. — Потом, весело усмехнувшись, проговорила: — Выиграла в покер у парня из «Ангелов ада», в Лос-Анджелесе.

— Напомни мне, что я дал себе слово не садиться играть с тобой в карты, — прищурившись, попросил Тревис.

— Не волнуйся, Тревис, я тебе поддамся. Пару раз.

Он посмотрел на деревянный футляр у нее на плече.

— Ты будешь у нас играть, Дейдра?

— Может быть. Все зависит от ставок.

Тревис открыл древнюю кассу, вытащил ящичек для денег и высыпал мелочь на стойку.

— Пятьдесят два доллара и семнадцать центов подойдет?

Дейдра встала, собрала деньги и засунула в карман.

— Считай, что оплатил одно выступление, Тревис, — заявила она и грациозно, точно лесной олень, направилась к маленькой сцене у пианино.

Примерно тогда же Макс положил трубку, хотя Тревис догадался, что разговор закончился несколько минут назад.

— Твоя подружка? Ты хорошо ее знаешь?

Тревис налил две кружки обжигающего кофе.

— Едва ли.

— Ну конечно, — заметил Макс. — Поцелуй выдал тебя с головой. В Нью-Йорке малознакомые люди приветствуют друг друга именно так.

— А я не сказал, что совсем ее не знаю.

Макс ехидно улыбнулся, и его усы сделали нахальную стойку.

— Ты уж реши, хотя бы для себя, компаньон.

Тревис уже собрался объяснить Максу, что на западе не принято употреблять слово *компаньон,* но передумал. Из опасений, что новое знание его убьет. Тревис отнес чашки к сцене, поставил их на пианино, а сам уселся верхом на скамью.

— Знаешь, а я рад тебя видеть, — сказал он.

— Правда? — чуть приподняв бровь, спросила Дейдра.

И снова Тревис вспомнил тот вечер, когда отчаянно хотел к ней прикоснуться и не решился.

— Правда. Я так хотел... хотел, чтобы...

Чего он хотел? Тревис не знал.

Улыбка скользнула по губам девушки.

— Я много лет назад научилась не жалеть о сделанном выборе.

Она достала мандолину из футляра и начала настраивать ее, уверенно перебирая пальцами струны. Очень старый инструмент, сделанный из темного дерева, похоже, многое повидал на своем веку.

— Ну и как же зовут ту счастливицу, которой удалось покорить твое сердце? — спросила Дейдра.

Тревис покачал головой. Тогда Дейдра бросила насмешливый взгляд в сторону Дейвиса и Митчелла Бэрк-Фейверов, которые сидели за столом в уголке, касаясь друг друга плечами и сблизив головы.

— Ладно, как зовут счастливчика?

Тревис рассмеялся и снова покачал головой. Улыбка на лице Дейдры сменилась понимающим выражением.

— Ясно, решил идти по жизни в одиночку.

— По-моему, ты говорила, что не стоит жалеть о принятых решениях? — пожав плечами, сказал Тревис.

— А ты уже сделал свой выбор?

Тревис потер правую руку. Он не знал, как ответить на ее вопрос. Наконец, кивнув в сторону мандолины, проговорил:

— Знаешь, у меня был друг, которому понравился бы твой инструмент. Он торговал антиквариатом. Джек часто повторял, что понять «сегодня» можно, только взглянув на него из другого, очень далекого времени или места.

Дейдра тронула струны, которые издали мелодичный звон.

— История имеет огромное значение для народов моих родителей. Эта мандолина принадлежала деду моей матери. Он привез ее из Ирландии. Каждый раз, когда я на ней играю, я думаю о нем и о том, какой он был храбрый, ведь совсем не просто решиться пересечь океан и поселиться в совершенно чужой стране. — Она заиграла грустную мелодию. — Твой Джек мудрый человек.

Тревис так и не смог привыкнуть к тому, что всякий раз при упоминании о Джеке у него сжималось сердце.

— Да, он был мудрым человеком. Помнишь, я тебе рассказывал, что он подарил мне очки.

— Да, которые раньше носил гангстер.

Дейдра улыбнулась и заиграла похоронную мелодию.

Тревис расхохотался. Он отлично помнил тот день, когда Джек подарил ему очки. Он разбирал одну из коробок, помогая Джеку привести в порядок чердак в «Обители Мага», и случайно на них наткнулся — пыльные, дужки вывернуты, стекла разбиты. Он показал их Джеку.

Значит, вот где они прятались. Хорошо, что ты их нашел, Тревис. Мне кажется, они должны принадлежать тебе.

Тревиса тогда удивили его слова. Впрочем, Джек часто говорил необычные и даже загадочные вещи, и Тревис, пожав плечами, взял подарок.

Дейдра подняла голову и окинула его задумчивым взглядом.

— А знаешь, интересно, что ты решил смотреть на мир именно через эти очки.

— Думаешь? Мне иногда кажется, что быть плохим парнем очень даже весело. — Он изобразил кривую ухмылку и напустил на себя свирепый вид. — Эй, дамочка, это ограбление.

— Страшно, — заявила она, в зеленых глазах зажглись огоньки. — Но я серьезно, Тревис. Почему ты выбрал очки гангстера? Почему не шерифа или рейнджера?

Тревис поскреб рыжеватую щетину на подбородке.

— Понятия не имею. Наверное, дело в том, что я не герой.

— Правда?

— Правда. Даже в детстве я никогда не мечтал стать сказочным героем. Я никому не говорил, но мне ужасно хотелось, чтобы их всех сожрали чудовища. — Он изобразил кровожадную улыбку. — Вот тролль, прячущийся под мостом, — это я.

Дейдра наградила его пронзительным взглядом.

— Звучит так, будто заговорило твое второе «я».

— Второе «я»?

— Темная сторона твоей души, демон, злой дух — называй как хочешь. — Она взяла чашку с кофе и принялась греть руки. — Возможно, какая-то частичка тебя знает, что ты мог бы стать гангстером.

Тревис посмотрел на свои руки. Он не видел ее, зато прекрасно чувствовал — знак Джека, руну рун, пульсирующую под кожей ладони.

— Нет, я никогда не смог бы сделать то, что творили они.

— Осторожнее, Тревис. Душа человека — это огромный, бездонный океан. Каждый из нас способен совершать поступки, которые нам самим кажутся чудовищными. И это нормально. Но если ты вздумаешь отрицать реальность, темная сторона может взять верх, не спрашивая твоего согласия.

— Не понимаю.

— Хорошо, давай по-другому. Сто лет назад шериф не слишком отличался от гангстера. Каждый зарабатывал себе на жизнь при помощи револьвера. Разница в том, что один *использовал* пистолет, а другой становился рабом своего оружия.

Тревис удивленно уставился на Дейдру. Она не могла знать, что чувствует человек, который вдруг понимает, что наделен могуществом и может уничтожить другое живое существо.

— Извини, Тревис. Я не собиралась читать тебе лекцию. Кроме того, наше второе «я» не всегда несет в себе зло. Иногда чудовища могут стать героями. Возьми, например, «Красавицу и чудовище».

Он поднял голову и криво улыбнулся.

— Даже не пытайся испортить мне настроение.

Дейдра поднесла чашку к губам, но Тревис все равно заметил, что она улыбнулась. Он встал и заявил:

— Мне пора к моим посетителям.

— *Твоим* посетителям? — чуть склонив голову набок, спросила Дейдра.

— С тех пор, как пару лет назад умер Энди Коннелл.

— Ну, в таком случае помогу-ка я тебе немного подзаработать. — Дейдра взяла мандолину и пробежала пальцами

по струнам. — Спасибо за гостеприимство, Тревис. Ты хорошее чудовище.

— Ну, на твоем месте я не стал бы заходить так далеко, — громко рассмеявшись, проворчал Тревис.

В ответ она одарила его загадочной улыбкой, которая стояла у него перед глазами, пока Тревис шел к стойке.

ГЛАВА 5

По-видимому, новость о том, что Дейдра Атакующий Ястреб снова появилась в «Шахтном стволе», разлетелась по всему городу со скоростью света, и к закату солнца в салун набились зрители, пришедшие из самых дальних уголков долины послушать ее музыку. Тревис наблюдал за Дейдрой из-за стойки бара, вспоминал другого барда, жившего очень далеко отсюда, и по его лицу блуждала грустная улыбка. Не проходило дня, чтобы он не подумал о Фолкене, Мелии, Грейс и всех тех, с кем познакомился на Зее.

Впрочем, это не совсем так, верно? Потому что в последнее время случались дни, когда, погрузившись в заботы о салуне, Тревис вовсе не вспоминал о Зее. А вдруг когда-нибудь он совсем о ней забудет? Или убедит себя в том, что случившееся плод больного воображения, результат психической травмы, полученной в результате гибели лучшего друга, — убедительная и вполне реалистичная выдумка человека, который два месяца где-то скитался, охваченный горем, и пытался найти смысл там, где его никогда не было?

Нежное пение мандолины смолкло, и тут же разразился гром аплодисментов. Тревис обвел взглядом салун, где яблоку негде было упасть, и покачал головой. Дело не в том, что не можешь снова вернуться домой. Просто, когда возвращаешься, оказывается, что в твоем доме что-то неуловимо изменилось. Как могла Дороти выносить жалкие черно-белые пейзажи Канзаса, побывав на ослепительных от разноцветных красок дорогах страны Оз? Только ведь он любит свой дом, даже такой бесцветный и скучный.

Тревис снова улыбнулся, счастливый человек, знающий, где его место. Макс вышел из подсобки с чистыми стаканами в руках. Тревис взял у него половину, и в этот момент снова заиграла мандолина и зазвучал сказочный голос Дейдры:

Нам в этой жизни суждено
Всю жизнь по кругу мчать.
Лишь одного нам не дано —
На месте постоять.

Спешим с восхода на закат
Настранствоваться всласть
И возвращаемся назад —
На миг к корням припасть.

Я шел по южным берегам
И горько возрыдал;
Бродя по северным снегам,
Судьбину проклинал.

Ходил на запад, на восток,
Везде одна беда:
Наступит ночь и всходит в срок
Манящая звезда.

Давно уж юность отцвела
Зеленою весной,
И зрелость летом отошла,
Украсив сединой.

Листвою осень шелестит
И, взор туманя мой,
О чем-то тихо говорит
С грядущею зимой.

Но в этой жизни суждено
Нам всем по кругу мчать,
И одного лишь не дано —
На месте постоять.

Тревис уронил стаканы на стойку, и несколько штук разбилось. Аплодисменты смолкли, зрители завертелись на своих местах, пытаясь понять, что произошло. Тревис молча смотрел на Дейдру, завороженный музыкой, не в силах пошевелиться.

Откуда она знает эту песню?

Дейдра, сидевшая в дальнем конце салуна, заметила его реакцию и нахмурилась. Она встала, положила мандолину и начала пробираться к Тревису между столами и стульями. Короткое мгновение, и вот уже тут и там возникли разговоры, кто-то сунул монетку в музыкальный автомат, какая-то женщина попросила у Тревиса пива, но руки не слушались его. К счастью, Макс стоял рядом и не заметил потрясения, написанного на лице Тревиса. Он обслужил клиентку.

Дейдра подошла к стойке.

— Кто научил тебя этой песне? — спросил Тревис севшим голосом.

Она удивленно смотрела на него своими миндалевидными зелеными глазами.

— Что-то случилось, Тревис?

Он вцепился в край стойки так, что побелели костяшки пальцев.

— Песня. Где ты ее слышала?

— Пару лет назад меня научил один бард.

Пол закачался под ногами Тревиса. Фолкен? Неужели она знакома с Фолкеном Черной Рукой? Невозможно!

Так же невозможно, как путешествие в другой мир? Невозможно, как существование волшебства?

— Бард? — облизнув пересохшие губы, переспросил Тревис.

— Именно. Я познакомилась с ним на Фестивале Возрождения в Миннесоте. Мы... ну, я... — Высокие скулы Дейдры окрасились легким румянцем, словно их коснулась кисть художника.

Тревис поморщился. Она не знакома с Фолкеном. Дейдра услышала балладу от другого барда, а он поставил ее в неловкое положение своими вопросами. Интересно, откуда тому известна песня — у, кто знает? Впрочем, дорога между Зеей и Землей открыта в оба онца. Разве песня не может перебраться из одного мира в другой, ели это доступно человеку? А попав на Землю, она быстро стала остоянием странствующих музыкантов.

Дейдра протянула руку и коснулась его пальцев.

— Тревис, что-то не так. В чем дело?

Он открыл рот, понимая, что должен объяснить, сказать хотя бы что-нибудь, но никаких разумных мыслей в голову не приходило.

Впрочем, в этот момент дверь салуна с грохотом распахнулась, и Тревис резко вскинул голову. Посетители, все как один, повернулись к входу.

Сначала Тревис решил, что незнакомец тоже явился со Средневекового фестиваля, как та диковинная троица, поразившая его воображение. В первый момент тяжелое черное одеяние показалось ему монашеской рясой, впрочем, он сразу заметил, какая она потрепанная и грязная, вся в пыли. Чем больше Тревис смотрел на невероятного посетителя, тем меньше его костюм напоминал костюм монаха. Скорее уж судьи. Или палача.

Человек в черном ворвался в гудящий людскими голосами салун, и Тревис понял, что он вряд ли имеет отношение к фестивалю. Скрюченные, точно когти, пальцы, иссушенное ветрами, пергаментное лицо покрыто шрамами. Губы шевелятся, словно он произносит безмолвные слова заклинания. Незнакомец наткнулся на стол, те, кто за ним сидел, вскочили на ноги и испуганно

шарахнулись в сторону. Макс поспешил к нему навстречу, Тревис за ним.

Мужчина протянул руку к стоявшей рядом женщине и свистящим шепотом произнес несколько слов. Кажется: «Где он?» Женщина испуганно вскрикнула и отшатнулась.

Тревис тихонько выругался. Хорошо бы позвонить помощнице шерифа Джейсин Уиндом, но телефон далеко. Разговоры в салуне начали стихать, странный тип наводил на посетителей ужас. Тревис смахнул пот со лба — в салуне почему-то стало невыносимо душно.

Макс подскочил к незнакомцу и протянул к нему руку. Тот что-то прошипел и ускользнул, прежде чем Макс успел к нему прикоснуться. Почему-то Тревис подумал, что он ужасно похож на змею.

Макс убрал руку за спину и пролепетал:

— Извините, я...

— Где он? — В голосе незнакомца появились металлические нотки. — Где Джакабар?

— Кто? — ничего не понимая, переспросил Макс.

— Я должен найти Джакабара. — Руки диковинного гостя взметнулись в воздух, словно напуганные птицы, он вцепился в свое одеяние, начал его рвать прямо на себе. — Где Джакабар из Грейстоуна?

Тревис замер на месте.

Что?

Макс задумчиво почесал затылок.

— Вы имеете в виду Джека Грейстоуна?

Тревис попытался вмешаться, сделал вдох, но раскаленный воздух обжег легкие, и он задохнулся. Он видел, что люди вокруг него вытирают пот, удивленно рассматривают свои влажные рубашки.

— Боюсь, Джек покинул нас прошлой осенью, — проговорил Макс.

— Как? — спросил незнакомец визгливым шепотом. — Как он ушел? Я должен знать!

— Он погиб во время пожара. В антикварной лавке.

Мужчина в черном одеянии закрыл глаза, и на лице у него появилось благоговение, смешанное с болью.

— Да. Пожар. В конце концов огонь заберет всех нас...

Незнакомец открыл глаза, и только сейчас Тревис заметил, что у него нет белков. Только черные, точно дыры, или вырезанные из оникса зрачки.

Кто-то налетел на Тревиса, пихнул в плечо, поднялась невообразимая неразбериха, люди толкались, пытаясь поскорее выбраться на улицу.

— Послушайте, мистер, — начал Макс. — Повернитесь и...

— Ты!

Его крик прозвучал, словно пистолетный выстрел. Остатки посетителей бросились к выходу. В результате перед Тревисом образовалась толпа, сплетение тел, его оттолкнули, отбросили в сторону, точно попавшийся на дороге предмет мебели. Когда народу стало поменьше, Тревис поднял голову и увидел, что странный тип уставился на него своими невозможными черными глазами и указывает пальцем, точно обвиняет в страшном преступлении.

— Ты призвал меня сюда. Ты наследник Джакабара!

Тревис сжал правую руку в кулак и почувствовал ожог, как будто схватил горсть раскаленного угля. Безумец бросился к нему, бессмысленно размахивая руками, точно марионетка, оказавшаяся во власти допившегося до белой горячки кукловода.

Макс попытался его перехватить.

— Эй, ты, держись подальше...

Шипение, запах горящей плоти. Макс взвыл и отдернул руку, лицо его превратилось в маску невыносимой боли.

Мимо промчались последние посетители — салун опустел, и странный человек оказался на расстоянии вытянутой руки от Тревиса. От его черного одеяния поднимались серые призрачные змейки. Дым. Оно тлело.

— Тревис, — прозвучал тихий голос у него за спиной. — Отойди.

Дейдра. Тревис видел ее красм глаза. Хотел сделать, как она сказала, но черные глаза незнакомца околдовали его, не давали пошевелиться.

— Ключ, — прошелестел сухой голос.

Тревис тряхнул головой. Ему вдруг показалось, что у него плавится мозг.

— Я не... не понимаю.

Изборожденное, страшное лицо разгладилось, на него снизошел мир.

— Да, я должен отдать ключ тебе.

— Скорее, Тревис, — выкрикнула Дейдра. — Отойди от него.

Макс, в глазах которого застыла боль, прижался к стене.

Тревис понял, что ему не убежать. Ослепительный невыносимый жар жег кости, поглотил его тело. Усилием воли он разлепил непослушные губы и прошептал:

— Кто... Кто ты?

Незнакомец улыбнулся, словно острый нож располосовал его лицо, и протянул руку. Тревис смотрел, не в силах отвести глаза, как от черного рукава поднимается к потолку дым.

— Берегись — он пожрет тебя!

— Тревис!

Крик Дейдры разорвал смертоносный жар. Тревис отскочил назад и налетел на стол. А когда поднял голову, человек вдруг напрягся и замер на месте. В следующее мгновение руки взметнулись вверх, незнакомец откинул голову назад и издал душераздирающий вопль.

— Келефон! Джакабар! Помоги мне!

Человек в черном превратился в пылающий факел.

ГЛАВА 6

Солнце осторожно пробиралось в долину, когда помощница шерифа Джейсин Фиделия Уиндом села за руль полицейского грузовичка и отправилась к югу от города, в сторону кладбища Касл-Хайтс.

Ослепительное солнце еще только добралось до восточного склона Сигнальной гряды, а небо уже несколько часов радовало глаз чистым голубым сиянием — горы просто обожали порезвиться на рассвете. Джейс открыла окно, и внутрь тут же ворвался горячий воздух. Раннее утро, а уже жарко. К полудню станет невыносимо. Помощницу шерифа это беспокоило.

Нет, Джейс совсем не беспокоила жара. Несмотря на невыносимую, тяжелую погоду, она не сменила тщательно отутюженные брюки цвета хаки, форменную рубашку и галстук на что-нибудь более легкое. Джейс не боялась лишний раз попотеть. Но вот для многих жара настоящее бедствие. От нее страдают фермеры и домашний скот, старики и дети. Если так будет продолжаться и дальше, ей придется все чаще проделывать тяжелый путь вверх по склону, на кладбище Касл-Хайтс.

Джейс проверила, не соскользнула ли во время резких поворотов с соседнего сиденья черная урна. В ее обязанности не входила доставка на кладбище останков неизвестного, но Кайл Эванс, местный коронер, отправился в Нью-Джерси на похороны матери, и потому на долю Джейс выпало проследить за погребением необычного незнакомца, объявившегося вчера в их городе. Впрочем, она относилась к этому спокойно. *Служить и защищать.* Именно такие слова Джейс, когда ей исполнилось двадцать пять лет, произнесла в присутствии шерифа Домингеса два года назад. Джейс считала, что любая работа, которая облегчает жизнь другим людям, как раз и входит в ее обязанности.

Она завернула за поворот, не сводя глаз с дороги, обсаженной высокими деревьями. Джейс ехала, строго соблюдая все ограничения, послушно сбрасывая скорость, если того требо-

вали желтые дорожные знаки, ее маленькие сильные руки уверенно и четко, без лишней суеты управлялись с машиной. Джейсин считала, что в жизни следует делать все, как полагается, как того требуют правила, и неукоснительно их выполняла.

Несмотря на то что Джейс приходилось каждый день сталкиваться с людьми, нарушающими законы, она их не понимала. Кто-то кричал и сыпал ругательствами, когда она выписывала штраф или надевала наручники, другие жаловались на то, что законы их душат, мешают жить. Иные плакали, сетуя на несправедливость. Но Джейс твердо знала, что они ошибаются. Мир без правил лишен смысла. Законы не ограничивают человека. Они дарят ему, насколько возможно, счастье, спокойствие и красоту. Артисты создают свои произведения, руководствуясь законами сочетаемости цветов, оттенков, перспективы. Музыка основана на математической логике. Физика помогает людям удержаться на поверхности земли, а не взлететь, точно воздушный шарик, в космическое пространство.

Джейс редко снились сны, но время от времени к ней являлся кошмар, который вселял в нее ужас.

Она в крошечной лодчонке, в которую вцепился свирепый ветер. Только вот бескрайнее море не похоже ни на что, виденное ею до сих пор, — оно не темное и не светлое, не жидкое и не твердое. Налетает стремительная, сердитая волна, вгрызается в утлое суденышко, разрывает его на части. Она пытается плыть, ищет спасения, но никак не может понять, где верх, а где низ. Здесь Джейс просыпалась, задыхаясь, не в силах унять дрожь, и долго смотрела в потолок, потом оглядывалась по сторонам, видела свою кровать, четкие очертания стен и пола, и снова закрывала глаза.

Джейс прекрасно понимала вселенную, в которой правит порядок, но во сне она попадала в мир, где ей приходилось сражаться с морем хаоса...

Наверное, ее отец тоже увидел этот страшный мир и не выдержал потрясения, потому что однажды, когда Джейс училась в пятом классе, она вернулась домой из школы и обнаружила, что отец повесился на балке в гараже.

Асфальт уступил место гравию, Джейс сбросила скорость и аккуратно миновала два последних поворота. Она остановилась на парковочной площадке, взяла урну с прахом и выбралась наружу.

Кладбище Касл-Хайтс представляло собой печальное зрелище. Вот уже сто тридцать лет большинство жителей графства Касл хоронили своих близких, которым пришла пора отправиться на вечный покой, на более дорогих и ухоженных кладбищах Денвера. Безымянные могилы давно заросли сорняками, деревянные таблички сгнили и превратились в прах, кусты дикой мали-

ны накрыли невысокие холмики колючим покрывалом. Тут и там виднелись надгробные камни, застывшие под самыми необычными углами. Казалось, будто кладбище вот-вот сорвется с места и соскользнет вниз по склону, в долину, где и найдет успокоение.

Джейс посмотрела на урну, которую держала под мышкой. Печальный случай — даже имени не напишешь на надгробной доске. Но от пострадавшего не осталось ничего, что помогло бы выяснить, кто он такой, даже зубов. Только кучка пепла и несколько обгоревших костей. Джейс проверила описание, данное ей Тревисом Уайлдером, в базе данных на тех, кто числился в розыске, но ничего существенного ей обнаружить не удалось. Она решила, что поищет еще, но сомневалась, что в этом есть смысл.

Как ему удалось организовать самосожжение? Еще одна загадка. Огонь был таким сильным, что в кремации не возникло никакой необходимости. Однако «Шахтный ствол» нисколько не пострадал. Лишь на полу осталось черное выгоревшее пятно, да в воздухе витал запах дыма. И еще рука Макса Бейфилда.

Макс сказал, что прикоснулся к незнакомцу перед тем, как запылал огонь, но Джейс знала, что он ошибается. Макс прекрасно разбирался в цифрах, но устройство мира его слабое место. Впрочем, она считала, что это по ее части. Люди не загораются внезапно, без всякой на то причины, и не получают ожогов, если нет огня. Скорее всего необычный гость салуна облил себя каким-нибудь воспламеняющимся химическим составом и поджег на виду у большого скопления людей.

Только вот зачем? Как Джейс ни старалась, она не могла отыскать разумного ответа. Впрочем, она уже давно поняла, что человеческая душа таит в себе массу загадок, проникнуть в суть которых не дано никому.

Ему хотелось быть уверенным, что именно она его обнаружит, Мод. Я знаю, что говорю страшные вещи, но я твоя сестра, а это правда. Она всегда ставит свой велосипед в гараж, когда возвращается из школы. Никогда не оставляет его под дождем. Джейсин такая хорошая девочка. Он должен был знать. Благослови, Господи, бедняжку...

Порыв ветра поднял в воздух клубы раскаленной на солнце пыли. Джейс убрала прядь коротких волос за ухо и оглядела кладбище. Где же представитель похоронного бюро? Дейл Стокер, следивший за порядком на Касл-Хайтс последние двадцать лет, умер прошлой весной. Но ведь должен же кто-то его заменить, разве нет?

— Эй, есть тут кто-нибудь?

Ветер подхватил ее голос и унес куда-то, в одному ему известные дали. Джейс открыла железную калитку. В самом центре кладбища имелось небольшое возвышение, сторож,

наверное, где-то по другую сторону и потому не слышал, как она подъехала.

Помощница шерифа прошла мимо заброшенных, давно забытых могил. Надписи на большинстве надгробных камней стерлись, и разобрать имена стало невозможно. Впрочем, на нескольких сохранилось некоторое подобие букв, истертых ветром и непогодой, они проглядывали сквозь толстый слой времени под лучами утреннего солнца. Золотодобытчики, которым не повезло ничего найти, молодые люди, чьи тела вернулись сюда из Нормандии в гробах, женщины, жившие во времена Депрессии. Вдруг она остановилась возле одной из могил, присела на корточки, отодвинула густые заросли травы и прочитала надпись на потрескавшемся камне:

НАТАНИЭЛЬ ЛЮК ФАРКУАР
1853—1882
Прекрасный человек
Замечательный отец
«Да простит тебя Господь»

Забыв о том, зачем пришла сюда, Джейс задумчиво разглядывала надпись. Разве прощение Бога имеет значение? А как насчет тех, кто любил Натаниэля Люка Фаркуара? Простили ли они его? Если он и в самом деле был прекрасным человеком и замечательным отцом, почему его убили в возрасте двадцати девяти лет? Хороший человек ведет себя осторожно и старается сделать все, чтобы вырастить детей, а не оставляет их сиротами. Его не будут закапывать в землю на старом кладбище. Джейс собралась встать, но в последний момент остановилась и потрогала рукой прогретый солнцем камень.

— Могу я вам помочь, мэм? — прошелестел у нее за спиной незнакомый голос.

Джейс быстро убрала руку, встала и повернулась — проделав все это одним изящным движением. Ей потребовалось усилие воли, чтобы не выхватить из кобуры пистолет.

Перед ней стоял высокий мужчина — намного выше ее самой, а Джейс уже в двенадцать лет могла похвастаться своими пятью футами и двумя дюймами. Несмотря на жару, он кутался в длинное потрепанное шерстяное одеяние, которому самое место в каком-нибудь гробу. Рубашка незнакомца цвета старой слоновой кости, казалось, была одного цвета с его желтыми зубами.

— Итак, — сказал могильщик, и на его изможденном лице появилась широкая улыбка. Скрипучий, словно про-

ржавевшее железо, голос прозвучал как-то неестественно ласково. — Насколько я понимаю, вы представитель закона. — Он опирался на ручку лопаты большими, костлявыми руками.

Джейс открыла рот, чтобы ответить, но не смогла произнести ни слова, и молча кивнула. Что-то в этом человеке ей показалось необычным. Как правило, ей удавалось понять, что представляет собой ее собеседник, примерно секунд за пять, но сейчас она была в полном замешательстве.

Мужчина сдвинул широкополую черную шляпу, вытер лоб грязным платком и водрузил шляпу на место.

— Вы его знали? — кивнув в сторону могилы, спросил он.

— Этот человек умер около века назад, сэр, — ответила Джейс, стараясь справиться с охватившим ее изумлением.

Могильщик пожал плечами, словно данный факт не имел существенного значения.

Джейс нахмурилась, она не встречала стоявшего перед ней мужчину в городе. Интересно, когда он приехал в Касл-Сити? Кроме того, покойный Дейл всегда отличался сдержанностью. Могильщики не слишком общительны — или они предпочитают общество мертвых обществу живых?

Джейс протянула ему урну.

— У меня тут груз, с которым я хотела бы расстаться.

Могильщик еще крепче вцепился в ручку своей лопаты и расхохотался: грубый, неприятный звук разорвал кладбищенскую тишину.

— Ну и сказанули вы, мадам помощница шерифа.

— Извините, я вас не понимаю.

— И нечего извиняться. — В воздух снова поднялся столб пыли, окутал плечи необычного могильщика, который не сводил глаз с далекого горизонта. — У каждого из нас имеется груз, с которым мы с радостью расстанемся. — Он снова повернулся к Джейс и одарил ее мрачным взглядом. — Разве нет?

Джейс прикусила губу, не зная, что ответить. Ей совсем не нравился этот человек. В его словах не было ни порядка, ни смысла. Она протянула ему урну с прахом пострадавшего. Могильщик вонзил лопату в землю и взял из ее рук ящик, обхватив его тонкими худыми пальцами. На изборожденном морщинами лице промелькнула печаль.

— Он пришел издалека, — прошептал могильщик. — Но теперь он отдохнет. Но даже и долгожданный конец несет в себе боль.

Больше всего на свете Джейс хотелось поскорее убраться восвояси. По спине струйками стекал пот, пылали щеки.

Но она считала, что должна проследить, чтобы все было сделано, как полагается.

— Значит, вы о нем позаботитесь?

Могильщик оторвался от созерцания урны с прахом и, казалось, удивился, что она все еще здесь.

— Не беспокойтесь, — медленно кивнув, проговорил он. — Я за ним присмотрю, дочь моя.

Джейс вздрогнула и замерла на месте, боясь пошевелиться. Кладбище окутала белесая дымка, а в голове прозвучали слова из далекого прошлого.

Бог позаботится о нем, Джейсин.

А почему Он не позаботился о нем раньше, ваше преподобие? Почему не защитил его?

Жизнь устроена совсем не так просто, Джейсин. Иногда с очень хорошими людьми случается плохое.

Это несправедливо. Бессмысленно.

Его деяния не всегда понятны нам, смертным.

Но так не правильно.

Джейсин, ты не должна сомневаться в Его...

Слова заглушил какой-то грохот. Белая дымка растаяла, на ее место пришли самые разные оттенки коричневого и ярко-синего; земля и небо. Джейс поняла, что все еще стоит посреди кладбища.

Девушка оглянулась, но странный человек исчез. Куда же он подевался? Ведь она отвлеклась всего на одно короткое мгновение. Джейс опустила глаза и увидела на земле лопату — видимо, падая, та ударилась о землю, и этот звук вывел ее из задумчивости. Рядом с лопатой виднелся квадрат свежевскопанной земли, очищенной от травы, темно-красной, богатой железом. Поблизости стояло маленькое гранитное надгробие с одним-единственным словом, которого Джейс не поняла:

МАЙНДРОТ

Джейс задыхалась. Невозможно. Солнце ни на миллиметр не сдвинулось со своего места на небе; прошло всего одно короткое мгновение. Однако она не сомневалась, что, если ей вздумается взять лопату и раскопать свежий холмик земли, она найдет там черную урну с прахом покойного незнакомца. Девушку затошнило, как всякий раз, когда ей снился сон о море.

Бросив последний взгляд на могилу, она поспешила к своему грузовичку, отчаянно дрожа, несмотря на страшную жару.

ГЛАВА 7

Снова все изменилось.

На сей раз он не слышал никаких колокольчиков. Вместо них появился какой-то человек в черном, совсем как раньше, только жизнь Тревиса больше не будет прежней.

— Тревис?

Он поднял голову, услышав тихий голос. Дейдра замерла по другую сторону стойки бара, на лице у нее читалось беспокойство. Тревис почувствовал что-то влажное в руке и увидел, что сжимает мокрую тряпку. Наверное, он вытирал стойку, а потом задумался, да так и остался стоять, глядя в пространство перед собой.

Берегись — он пожрет тебя.

Он попытался изгнать из памяти шелестящие, словно сухие листья на ветру, слова, и не смог. Что они означают? Это предупреждение — только вот о чем? И почему тот странный человек произнес их, обращаясь к Тревису?

Ты. Ты призвал меня сюда.

Тревис сжал руку с тряпкой, на стойку бара потекла вода. Он боялся признаться самому себе, что знает ответ на этот вопрос.

Дейдра потянулась к нему, погладила по руке, и он выпустил тряпку.

— Пора открываться, Тревис. Нужно только немного проветрить. У тебя нет запасного вентилятора? Поставили бы его на северном окне.

Тревис кивнул, хотя считал, что открывать салун бессмысленно. Он сомневался, что кто-нибудь из завсегдатаев рискнет прийти сюда снова. Сколько бы он ни тер пол, сколько бы ни проветривал помещение, ему никогда не избавиться от черного пятна на полу и горьковатого запаха дыма — никогда. А на мягком от жары асфальте Лосиной улицы остались следы человека, превратившегося в пепел. Они будут вечно напоминать о его страшной смерти. Тревис знал, что, если ты отмечен Судьбой, тебе не спастись и не дано ничего забыть.

Впрочем, он ничего не сказал Дейдре. Она оказалась незаменимой помощницей в те жуткие три дня, что прошли после появления незнакомца. Казалось, девушка излучала ослепительное сияние, которое разгоняло мрак, царивший в салуне.

— В кладовке, по-моему, есть вентилятор. Пойду принесу, — сказал он.

Через пару минут Тревис вернулся с вентилятором, весь в пыли, довольный. Дейдра расставляла стулья и вытирала столы. Она распахнула дверь на улицу, но посетителей, похоже, не намечалось, если не считать, конечно, пыли и обжигающе

горячего ветра. Тревис поставил вентилятор на окно и включил, только проку было немного, он лишь поднял в воздух столбы пыли.

— А как Средневековый фестиваль? — спросил он, помогая Дейдре оттащить от стены стол.

— Я выступаю там только по выходным, — ответила она и, взяв в обе руки по стулу, ловко поставила их около стола.

— Точно? Того, что я тебе заплатил, маловато за такую работу. Мне не хочется, чтобы из-за меня ты теряла деньги.

Дейдра стряхнула пыль с рук.

— А я и не теряю. На такой-то жаре! Люди с солнечным ударом не слишком щедро платят за песенки. Кроме того, тебе не следует обо мне беспокоиться, — сказала она, чуть понизив голос.

Дейдра незаметно показала ему в угол, и Тревис проследил за ее взглядом. Ага, кто-то все-таки пришел пропустить стаканчик. Тревис вздохнул и подошел к маленькому столику, стоящему в самом углу.

— Макс, почему ты не дома? Что ты здесь делаешь?

Его партнер усмехнулся и стал ужасно похож на гончего пса.

— Я не уверен, что ты тут без меня справишься, Тревис. Вот и решил проверить, все ли у тебя в порядке.

Неожиданно он поморщился и погладил правое запястье, прячущееся под толстым слоем белых бинтов.

— Макс...

— Все нормально, Тревис. Правда. — Макс положил левую руку на стол. — Просто я... я не могу дома, не могу один.

Тревис кивнул. Особенно отчетливо слова незнакомца звучали в голове, когда он оставался один. Больше всего Тревиса беспокоила боль, которая застыла на лице его всегда жизнерадостного, улыбающегося партнера. Как Максу удалось получить столь сильный ожог, Тревис не понимал. Он же едва прикоснулся к человеку в черном. А когда они довезли Макса до окружной больницы, оказалось, что у него пострадала вся ладонь. На лбу у Макса выступили капельки пота, его била дрожь, несмотря на страшную жару. Значит, у него температура, и ему требуется отдых.

А может быть, поможет какое-нибудь другое средство? Одновременно с воспоминанием Тревису пришла в голову идея. Он увидел леди Мелию, завернутую в одеяла, рядом с развалинами Белой Башни. Фолкен сделал для нее отвар, и она сразу перестала дрожать.

— Я сейчас приду, — сказал он Дейдре. — Мне нужно... нужно кое-что взять.

Дейдра посмотрела ему в глаза и молча кивнула. Макс, ни на что не реагируя, уставился в пространство.

Тревис бросился в кладовку и, перепрыгивая через две ступени, помчался по лестнице в свою комнату, длинную,

ржавевшее железо, голос прозвучал как-то неестественно ласково. — Насколько я понимаю, вы представитель закона. — Он опирался на ручку лопаты большими, костлявыми руками.

Джейс открыла рот, чтобы ответить, но не смогла произнести ни слова, и молча кивнула. Что-то в этом человеке ей показалось необычным. Как правило, ей удавалось понять, что представляет собой ее собеседник, примерно секунд за пять, но сейчас она была в полном замешательстве.

Мужчина сдвинул широкополую черную шляпу, вытер лоб грязным платком и водрузил шляпу на место.

— Вы его знали? — кивнув в сторону могилы, спросил он.

— Этот человек умер около века назад, сэр, — ответила Джейс, стараясь справиться с охватившим ее изумлением.

Могильщик пожал плечами, словно данный факт не имел существенного значения.

Джейс нахмурилась, она не встречала стоявшего перед ней мужчину в городе. Интересно, когда он приехал в Касл-Сити? Кроме того, покойный Дейл всегда отличался сдержанностью. Могильщики не слишком общительны — или они предпочитают общество мертвых обществу живых?

Джейс протянула ему урну.

— У меня тут груз, с которым я хотела бы расстаться.

Могильщик еще крепче вцепился в ручку своей лопаты и расхохотался: грубый, неприятный звук разорвал кладбищенскую тишину.

— Ну и сказанули вы, мадам помощница шерифа.

— Извините, я вас не понимаю.

— И нечего извиняться. — В воздух снова поднялся столб пыли, окутал плечи необычного могильщика, который не сводил глаз с далекого горизонта. — У каждого из нас имеется груз, с которым мы с радостью расстанемся. — Он снова повернулся к Джейс и одарил ее мрачным взглядом. — Разве нет?

Джейс прикусила губу, не зная, что ответить. Ей совсем не нравился этот человек. В его словах не было ни порядка, ни смысла. Она протянула ему урну с прахом пострадавшего. Могильщик вонзил лопату в землю и взял из ее рук ящик, обхватив его тонкими худыми пальцами. На изборожденном морщинами лице промелькнула печаль.

— Он пришел издалека, — прошептал могильщик. — Но теперь он отдохнет. Но даже и долгожданный конец несет в себе боль.

Больше всего на свете Джейс хотелось поскорее убраться восвояси. По спине струйками стекал пот, пылали щеки.

Но она считала, что должна проследить, чтобы все было сделано, как полагается.

— Значит, вы о нем позаботитесь?

Могильщик оторвался от созерцания урны с прахом и, казалось, удивился, что она все еще здесь.

— Не беспокойтесь, — медленно кивнув, проговорил он. — Я за ним присмотрю, дочь моя.

Джейс вздрогнула и замерла на месте, боясь пошевелиться. Кладбище окутала белесая дымка, а в голове прозвучали слова из далекого прошлого.

Бог позаботится о нем, Джейсин.

А почему Он не позаботился о нем раньше, ваше преподобие? Почему не защитил его?

Жизнь устроена совсем не так просто, Джейсин. Иногда с очень хорошими людьми случается плохое.

Это несправедливо. Бессмысленно.

Его деяния не всегда понятны нам, смертным.

Но так не правильно.

Джейсин, ты не должна сомневаться в Его...

Слова заглушил какой-то грохот. Белая дымка растаяла, на ее место пришли самые разные оттенки коричневого и ярко-синего; земля и небо. Джейс поняла, что все еще стоит посреди кладбища.

Девушка оглянулась, но странный человек исчез. Куда же он подевался? Ведь она отвлеклась всего на одно короткое мгновение. Джейс опустила глаза и увидела на земле лопату — видимо, падая, та ударилась о землю, и этот звук вывел ее из задумчивости. Рядом с лопатой виднелся квадрат свежевскопанной земли, очищенной от травы, темно-красной, богатой железом. Поблизости стояло маленькое гранитное надгробие с одним-единственным словом, которого Джейс не поняла:

МАЙНДРОТ

Джейс задыхалась. Невозможно. Солнце ни на миллиметр не сдвинулось со своего места на небе; прошло всего одно короткое мгновение. Однако она не сомневалась, что, если ей вздумается взять лопату и раскопать свежий холмик земли, она найдет там черную урну с прахом покойного незнакомца. Девушку затошнило, как всякий раз, когда ей снился сон о море.

Бросив последний взгляд на могилу, она поспешила к своему грузовичку, отчаянно дрожа, несмотря на страшную жару.

Она сделала большой глоток кофе и покачала головой.

— Никто не смог определить личность пострадавшего. Да и осталось от него так мало, что лаборатории просто не хватило данных. Похоже, нам не суждено разгадать его тайну. — Она поставила кружку. — Лично я думаю, что он находился под воздействием какого-то запрещенного законом вещества, когда заявился к тебе. ЛСД. Героин. Электрия.

Тревис долил кофе в ее кружку.

— Электрия?

— Новый искусственный наркотик, — кивнув, пояснила Джейс. — Он появился на побережье около года назад и начал стремительно распространяться. Тот, кто его употребляет, погружается в состояние эйфории. Специалисты также говорят, что он притупляет чувство опасности. Я не знаю, чем облил себя наш неизвестный гость, но, думаю, он считал, что ничего плохого с ним не случится.

Тревис вздрогнул, и в голове у него снова возник пронзительный голос незнакомца и его странные слова.

В конце концов огонь заберет нас всех.

Нет, помощница шерифа ошибается. Тот человек знал, что он сгорит. Кроме того, наркотик не объясняет оставшиеся следы на асфальте.

Тревис достал из холодильника бутылку воды и подтолкнул ее к Джейс.

— Не отнесешь Максу? Доктор говорит, ему нужно побольше пить.

Джейс взяла бутылку и направилась в угол, где устроился Макс. Тревис проследил за ней взглядом, а затем против собственной воли посмотрел на темное пятно на полу.

— Человек-Факел.

Тревис поднял глаза на Дейдру. Сегодня она надела белую коротенькую майку с черными джинсами, но ее кожа все равно блестела от пота. Татуировка на шее напоминала сверкающее нефритовое ожерелье: змея, пожирающая свой хвост.

— В каком смысле? — спросил он.

Дейдра посмотрела ему в глаза.

— Такой герой имеется во многих мифах и культурах. Человек-Факел. Сожженный Бог. Принесенный в жертву король. Снова и снова нам рассказывают о мужчине или женщине, которых поглотил огонь.

Тревис почувствовал, как в горле застрял комок, но он заставил себя не обращать на него внимания.

— Зачем? Почему истории о таких людях повторяются, почему их продолжают рассказывать?

— Ну, точно я не знаю. Наверное, главная идея в перерождении. Феникс, Шива, Христос. — Дейдра провела пальцем по змее у себя на шее. — Нужно умереть, чтобы стать кем-то другим.

Тревис снова посмотрел на обожженный пол.

— Но кем?

— А это тебе решать. В конце мы должны сами выбрать, кем станем.

Дейдра взяла мандолину и отправилась на маленькую сцену.

Тревис вздохнул, затем схватил поднос и отправился собирать грязные стаканы из-под пива. Краем глаза он заметил какое-то движение и, обернувшись, увидел, как мимо открытой двери салуна медленно проехал черный спортивный фургон с тонированными стеклами. На боку у него красовался знак — полная луна, превращающаяся в стилизованную заглавную букву «D». Тревис успел даже прочитать надпись под ним:

«ДЮРАТЕК»
МИРЫ ВОЗМОЖНОСТЕЙ — РЯДОМ С ВАШИМ ДОМОМ

Он вспомнил рекламный ролик, улыбающихся людей и снова удивился необычному девизу неизвестного товара. Он всегда с нетерпением ждал возможностей, которые приносит ветер. Но иногда они могут пугать — эти возможности.

Фургон покатил дальше по Лосиной улице и скрылся из виду, а Тревис снова занялся грязными стаканами.

ГЛАВА 8

Дейдра Атакующий Ястреб вышла из отеля «Сильвер-Палас», выбивая воинственную барабанную дробь по дощатому настилу своими черными мотоциклетными сапогами.

Время подошло.

Она набросила на плечо черную кожаную куртку и окинула взглядом безлюдную Лосиную улицу. Было еще очень рано, и небо казалось черной бездонной чашей. Впрочем, предрассветная прохлада медленно отступала, начинался новый день, но Дейдра чувствовала себя вполне уютно в коротенькой маечке и черных джинсах. Через пару часов на город навалится жара, от которой нет спасения.

Дейдра засунула руку в карман и нащупала маленький листок бумаги, который обнаружила в своем гостиничном почтовом ящике. Нужно спешить. И все же она остановилась и, опираясь о перила, приветствовала наступление дня. Как часто в су-

матохе дел людям не хватает времени, чтобы остановиться на мгновение, произнести молитву, подумать о своей жизни или просто посмотреть на окружающий мир. Однако Дейдра всегда умела подарить себе несколько минут покоя и радостного созерцания — даже если ее ждали очень важные дела. Она считала, что мир заслуживает большего внимания, чем ему обычно оказывают.

Дейдра посмотрела вперед и позволила себе *быть*. В коротко остриженных черных волосах вспыхивали золотистые искорки — эффект, который дарила им хна. Косметику Дейдра не признавала, лишь чуть подводила тушью свои поразительные, словно затянутые серой дымкой нефритовые глаза. Одно ее ухо украшал крест, другое — анк. На шее висел медвежий коготь, подаренный дедом в день его смерти.

Медведь даст тебе силу, дитя. Не забывай о нем, когда ты одна и напугана.

Дейдра коснулась рукой когтя и улыбнулась. В ее жилах текла кровь трех индейских племен, среди предков даже был один легендарный герой — по крайней мере так утверждала бабка-ирландка. Однако она оказалась далеко от своих родных мест. Но она там, где ей следует быть. И теперь принадлежит к новому племени.

Девушка вышла на улицу; ее «харлей» стоял за углом. Ей нравилось, что можно спокойно оставить мотоцикл на улице и не беспокоиться об угонщиках. В Париже и Афинах все иначе. Да и в Лондоне тоже. Одним уверенным изящным движением она уселась на своего скакуна, запустила мотор и помчалась по улице. Как правило, Дейдра надевала шлем, но не здесь и не сейчас. Сегодня ей хотелось почувствовать, как ветер треплет волосы, касается их ласковыми пальцами. Никакой, даже самый потрясающий любовник не дарил ей такой радости, не умел заставить сердце замирать от сладостного восторга.

Мимо проносились фасады домов, и вскоре город остался позади, Дейдра мчалась по узкой дороге, а впереди высились горы. И она вдруг вспомнила последние несколько лет своей жизни. С тех пор как Дейдра в первый раз приехала в Касл-Сити, ей довелось побывать в самых разных местах, и она видела множество чудес. Бродила в катакомбах под Тауэром в Лондоне. Размышляла, сидя в компании каменных горгулий Нотр-Дама. Карабкалась на гигантские пирамиды Тикаля в джунглях. И чувствовала себя крошечной букашкой рядом с великолепием Софийского собора. А еще она заглянула в бессмертные глаза египетских фараонов в безмолвных пирамидах.

Однако ничто не наполняло ее сердце таким благоговением и восторгом, как горы Колорадо. Их красота не имеет никакого отношения к творению рук человека, слабого, смертного, ограниченного в возможностях, способного создавать

произведения, которые рано или поздно поглотит Время. Великие древние горы не нуждаются в людях, но щедро одаривают их своим великолепием и поражают вечным, непреходящим величием. Только здесь Дейдра сочиняла свои лучшие баллады, потому что горы делились с ней вечной, сказочной музыкой. Она была счастлива, что смогла сюда вернуться, пусть и ненадолго.

Дейдра мчалась вперед и вскоре увидела впереди крошечную рыжую точку, которая, впрочем, быстро приняла очертания машины — старой «вольво» с помятым бампером. Когда Дейдра узнала машину и водителя, они уже проскочили мимо. Она оглянулась через плечо, «вольво» притормозила, затем съехала с шоссе и направилась к небольшой проселочной дороге. Машина скрылась за деревьями, оставив в память о себе клубы пыли, затянувшие дымным облаком утреннее небо.

Интересно, куда это направляется Макс Бейфилд, да еще так рано? Ему бы сидеть дома и лечиться. Ожог на руке не проходил, более того, казалось, даже становился хуже. Дейдра забеспокоилась, боль иногда заставляет людей вытворять странные вещи. Несколько мгновений она раздумывала, не поехать ли за ним, но потом вспомнила, что ее ждут дела.

Она снова посмотрела на дорогу — и как раз вовремя, впереди ждал крутой поворот. Долина осталась внизу, и шоссе постепенно привело ее «харлей» в извивающийся змеей каньон. Вчера она сказала Тревису, чтобы он не ждал ее сегодня, что она должна выступать на Средневековом фестивале. Возможно, она заедет туда чуть позже, чтобы ее слова не стали ложью и, точно проклятая стрела, не вернулись назад, чтобы наказать. Однако сейчас целью девушки был вовсе не фестиваль.

Вскоре дорога вывела ее к мосту, и она остановила мотоцикл. Дейдра нашла и полюбила это место много лет назад и часто приезжала сюда, когда ей хотелось побыть в одиночестве.

Она вытащила из багажника какой-то предмет, подошла к мосту и посмотрела на склон, усыпанный камнями. Дейдра помнила, как река Гранитная мчалась по этим скалам, спеша поскорее добраться до океана. Сейчас между камнями с трудом пробирался тоненький, бессильный ручеек, а над неподвижными лужами резвились тучи насекомых, наполняя все вокруг пронзительным жужжанием. Но в тоненьких осинках, растущих вдоль русла высохшей реки, имелась своеобразная красота, которая позволяла смириться с потерей. Дейдра вскинула голову, убедилась, что над ней чистое небо, затем подняла предмет, который держала в руке — небольшой телефон, — и включила его.

Нажав одну-единственную кнопку, она приложила телефон к уху, и через три секунды услышала голос человека, находящегося на другом конце света.

— Контакт установлен, — сказала она.

Ей что-то ответили, девушка кивнула, на лице у нее появилось волнение.

— Да, полагаю, так и будет. Если вы правы, Аномалия Первой степени.

Голос в трубке зазвучал резче.

Дейдра поморщилась, облизнула губы и заставила себя ответить, сохраняя спокойствие:

— Я здесь именно затем, чтобы подтвердить это.

Вопрос. Она провела рукой по коротким волосам. В небе парил ястреб.

— Нет, я еще не убеждена. Пока нет. Но я видела кое-что — лечебную траву. Он использовал ее, чтобы заварить болеутоляющий чай для своего партнера. Я хорошо разбираюсь в травах, это растение я не знаю. — Дейдра кивнула. — Да, я взяла из чашки листик. И уже послала с курьером в Лондонскую лабораторию на анализ. Ответ получу сегодня.

Она еще несколько секунд слушала — план остался прежним. Ее собеседник собрался завершить разговор.

— Подождите, — прервала его Дейдра. — В салуне произошло... нечто необычное. Мгновенное возгорание. Четыре дня назад. Личность жертвы не установлена, но случай очень характерный. Мне кажется, он имеет отношение к остальным.

Она немного послушала, потом кивнула.

— Да. Но у меня будет возможность понаблюдать. Я помогла ему привести бар в порядок после происшествия, и он ждет, что я вернусь.

Прозвучал новый вопрос, и на сей раз Дейдра не смогла скрыть раздражения.

— Нет, я не забыла Третий Закон и Клятву. Я наблюдала, а еще сделала для него то, что должен делать старый друг, — и все.

В телефоне прозвучало еще несколько слов. Сердитых. Дейдра заставила себя успокоиться.

— Если вы считаете, что так будет правильно.

Раздался щелчок, и связь прервалась. Дейдра нажала на кнопку и опустила телефон. Итак, началось. Назад дороги нет. Она надеялась, что поступает правильно.

Ты же знаешь, что так надо, что это единственный путь, Дейдра. Ты понимала это, когда давала Клятву в Лондоне. Наблюдать — Верить — Ждать. Так должно быть.

Дейдра вздохнула. Если не терять времени, можно успеть на фестиваль, а значит, получится, что она сказала Тревису правду.

Она повернула голову и собралась подойти к своему мотоциклу...

...и замерла на месте.

— Привет, — сказала девочка.

Детский голосок, звонкий и чистый, словно серебряная ложечка коснулась тончайшего фарфора. Дейдра удивленно заморгала, нахмурилась. На вид девочке было лет восемь-девять, темные волосы обрамляли маленькое миловидное личико. А еще Дейдра сразу обратила внимание на старомодное черное шерстяное платье и такие же старомодные ботинки на пуговках.

Дейдра подняла глаза. Поблизости не видно никаких машин, кроме ее мотоцикла. Ну и как же девочка здесь оказалась? Как ей удалось пройти десять ярдов по гравию, не издав ни единого звука? И что ей нужно?

— Наблюдать, — проговорила малышка. — Верить. Ждать.

Дейдра вздрогнула. Наверное, девочка подслушала ее разговор, а она произнесла последние слова вслух.

— Ты заблудилась? — спросила она.

— Нет, — ответила крошка звенящим голосом. — А вы?

По спине Дейдры пробежал холодок, она вспомнила истории, которые вечерами рассказывал у костра ее прадед — о духах, селившихся в камнях, и тенях, вдруг оживавших на ветвях деревьев, чтобы поболтать с зазевавшимся путником. Солнце повисло над границей каньона, но платьице девочки по-прежнему окутывали сумерки.

— Я не понимаю, — призналась Дейдра.

Фиолетовые глаза смотрели серьезно и внимательно.

— Ищи их, когда отправишься в путь.

Дейдра присела на корточки, чтобы заглянуть малышке в глаза.

— Ты о чем? Что я должна искать?

— Огонь и чудо, — прошептала девочка.

Тишину разорвал пронзительный крик, и Дейдра подняла голову. Ястреб опустился ниже, в лучах солнца блеснули красноватые перья, Дейдра заглянула в маленькие блестящие глазки. Но уже в следующее мгновение ястреб взмыл в воздух и исчез.

Дейдра снова опустила голову, зная, что не увидит девочки. Ведь не зря же она слушала истории своего прадеда.

ГЛАВА 9

Солнце, точно огромный ожог, сияло над вершиной Касл-Пика, поливая долину раскаленным алым жаром. День умирал, и все с нетерпением ожидали его смерти в надежде, что она принесет облегчение. Тревис шагал по Лосиной улице, встретив

по пути нескольких местных жителей и пару туристов. В это время года в Касл-Сити, как правило, бурлила жизнь, но привычный полноводный поток отдыхающих превратился в жалкий ручеек, высохший под лучами обжигающего солнца, совсем как Гранитная река. Тревис решил пока не открывать «Шахтный ствол». Спешить ему было некуда. Посетители если и появятся, то лишь после захода солнца, когда в долине станет немного прохладнее.

Да и Макса с Дейдрой нет в салуне. Вчера вечером Дейдра сказала, что будет играть на фестивале, и весь день он представлял себе, как малиновые от жары денверцы покупают раскаленных железных дракончиков и вгрызаются в истекающие жиром индюшачьи ножки под палящими лучами безжалостного солнца. Ничего не скажешь, развлечение что надо. Так и солнечный удар получить недолго. Мысленно он пожелал Дейдре удачи.

Что касается Макса — Тревис заехал к нему по дороге, но оказалось, что в квартире у партнера темно и пусто, а машины нигде не видно. Тревис и сам не знал, что подтолкнуло его, но он вылез из своего пикапа и подошел к входной двери, решив заглянуть внутрь. Занавески были задвинуты неплотно, и сквозь щелку он увидел страшный беспорядок — повсюду разбросана одежда, газеты, грязная посуда. Сначала Тревис решил, что ошибся квартирой — Макс отличался патологической аккуратностью, — но потом проверил номер. Нет, он не ошибся.

По дороге к своему пикапу Тревис вдруг заметил в паутине сухой травы что-то блестящее. Обрывок глянцевой бумаги, скорее всего от брошюры, но что за товар в ней рекламировался, он так и не понял. Пожав плечами, Тревис засунул бумажку в карман и сел за руль.

Тревис думал, что найдет Макса в «Шахтном стволе», но в салуне напарника тоже не оказалось. Тревис шагал по Лосиной улице, а внутри у него все обрывалось от страшных предчувствий. Тогда он сжал зубы и заставил себя успокоиться.

С Максом все в порядке. Подумаешь, ожог. Ничего страшного, и нечего беспокоиться, Тревис. Неудивительно, что у него все перевернуто вверх дном, разве можно содержать квартиру в порядке с одной рукой?

Тревис направился в сторону универмага «Маккей». В кармане у него лежали дверные петли, которые он купил четыре — неужели только четыре? — дня назад. Они не подошли, и он собирался обменять их на другие.

Подойдя поближе, Тревис заметил около универмага черный спортивный фургон и замедлил шаг. Может, это он проезжал мимо салуна на днях? Или другой, просто очень на него похожий? Непонятно. Блестящая черная краска, без единой ца-

рапины или вмятины. Тонированные стекла, непроницаемые, словно ночь. Полная луна на боковой дверце отливает кроваво-красным в лучах заходящего солнца.

Мимо Тревиса прошел какой-то паренек с ранчо, нечаянно задел его плечом, и только тогда Тревис понял, что стоит на месте и, как дурак, пялится на грузовик. Он смущенно пробормотал извинения и, открыв скрипучую дверь, оказался в знакомой суете универмага «Маккей».

Маккей открыл его в 1890-м, и с тех пор универмаг каждый день гостеприимно принимал покупателей, за исключением, конечно, праздников и Великой Депрессии. Ян Маккей, сын первого владельца, продал магазин в сороковых, но около десяти лет назад его внучка, Оника Маккей приехала в Касл-Сити, чтобы составить свое генеалогическое древо, не смогла устоять перед очарованием долины и выкупила универмаг, который когда-то открыл ее прадед.

За прошедшие годы магазин почти не изменился. Огромные торговые центры, торгующие со скидками, наводнили другие городки в горах, однако «Маккей» остался в целости и сохранности и продолжал стоять, прикрываясь своей железной крышей и глядя на мир зеркальными стеклами витрин. Высокие, добротные полки точно так же ломились от самых разных товаров, как и во времена серебряной лихорадки, канувшие в далекое прошлое — хотя сейчас чесночницы и соус «карри» пользовались гораздо большей популярностью, чем кирки и бутыли с ртутью.

Тревис вдохнул пропитанный пылью и специями воздух и улыбнулся, подумав, что, наверное, так пахнет сама история. По крайней мере кое-что никогда не меняется. Он вернулся в отдел скобяных изделий, нашел пару новых петель и поспешил к выходу.

По воздуху плыл нежный, мелодичный звон колокольчиков.

От потрясения Тревис замер на месте. Он уже однажды слышал этот серебристый перезвон в Касл-Сити. Именно тогда все и началось...

— Спасибо за то, что посетили «Маккей», — прозвучал у Тревиса над головой мелодичный голос.

Мужчина с полиэтиленовым мешком в руках появился из-за угла, улыбнулся Тревису и поспешил к боковому входу. Тревис зашел за угол и обнаружил источник поразившего его звука.

Древняя медная касса, занимавшая целый прилавок с незапамятных времен, исчезла. А на ее месте затаилось продолговатое, приземистое *существо* из черной пластмассы. В привычный гул магазина снова ворвался пронзительный звон, и Тревис понял, что колокольчики тут ни при чем — только электронный прибор издает такой безжизненный и такой безупречный звук.

Другая клиентка — молодая женщина — замерла у прилавка. По другую его сторону стояла Уонита Заблудившаяся Сова. Сегодня она заплела в толстую косу свои черные с проседью волосы, надела джинсы и свободную рубашку с ярким геометрическим рисунком. За очками с толстыми стеклами поблескивали мудрые карие глаза.

Уонита легко коснулась каждой покупки, затем едва заметным движением дотронулась до черного чудовища на прилавке. Бледное сияние залило ее суровое лицо, и снова зазвучал звонкий сигнал, напомнивший Тревису звон колокольчиков.

— Семнадцать долларов и тридцать два цента, — сказала Уонита.

Значит, она все-таки подсчитывала стоимость покупки.

Молодая женщина протянула ей кредитную карточку. Уонита взяла ее и провела над прямоугольным устройством, ни разу к нему не прикоснувшись. Снова послышался звон. Уонита вернула карточку владелице, сложила покупки в блестящий полиэтиленовый мешок и кивком попрощалась с женщиной, которая направилась к двери.

— Тебе помочь, Тревис?

Он покачал головой, сообразив, что снова, как дурак, уставился на Уониту, ничего не замечая вокруг себя. Он подошел к прилавку и положил на него петли.

— Привет, Уонита. Мне нужно поменять петли.

Она кивнула и прикоснулась к петлям — нет, неверно. Она аккуратно тронула бумажные ценники.

Тревис мрачно за ней наблюдал.

— А куда подевалась старая касса?

— Эта лучше.

Только сейчас он заметил у нее на руке что-то вроде черного нейлонового браслета на липучке. На тыльной стороне находилась маленькая черная коробочка. Уонита прикасалась к диковинному сооружению на прилавке, раздавался звон, и одновременно на браслете вспыхивали буквы.

Тревис нахмурился еще сильнее.

— Он использует мое тело в качестве провода, — пояснила она.

— В каком смысле?

— Когда я прикасаюсь к какому-нибудь товару, она запоминает. — Она показала на коробочку у себя на запястье, затем на черное устройство, стоящее на прилавке. — А когда я дотрагиваюсь до этой штуки, она прислушивается к моему телу и узнает, что я трогала. А потом все складывает.

Неожиданно Тревис все понял. Он вспомнил, как пару месяцев назад они с Максом смотрели по телевизору передачу «Канала Чудес». Вечер выдался спокойный, посетителей

было немного, и они могли позволить себе расслабиться и отдохнуть. Рассказывали про новые технологии. И, среди прочего, о приспособлении, которое использует для передачи данных человеческое тело и не нуждается ни в каких проводах и кабелях. Зона персональной связи — ЗПС — так назвал эту штуковину диктор с монотонным тоскливым голосом. Но те приборы выглядели неуклюжими и пугали своими размерами. По сравнению с изящным устройством на руке Уониты они казались чудовищами, сбежавшими из выставочного зала научных работ учеников средней школы.

— Очень полезная штука, — сказала Уонита.

— В каком смысле? — спросил Тревис. — Какая от него магазину польза?

Она пошарила под прилавком и извлекла на свет брошюру, которую тут же вручила Тревису.

— Почитай, может, найдешь что-нибудь и для себя.

Он посмотрел на книжицу и чуть не расхохотался. Наверное, ему следовало удивиться, когда он увидел полную луну и стилизованную букву «D», но Тревис нисколечко не удивился. «Дюратек». Значит, вот чем они занимаются — одна из тысяч возможностей, которые они предлагают.

— Последнее время миссис Маккей очень нервничала, — сказала Уонита. — А теперь к ней вернулась надежда. Она говорит, что наши дела давно не шли так хорошо. Она даже зарплату мне прибавила.

Тревис выглянул в огромное окно. В сгущающихся сумерках по Лосиной улице носились обрывки бумаг и еще какой-то мусор, похожий на сухие клочья травы. «Нет, Уонита, ты ошибаешься. Дела вовсе не так хороши, как ты думаешь. Как раз наоборот. Кто эти люди, так внезапно появившиеся в нашем городе? Что им известно про настоящие возможности, которые дарит человеку Судьба?» Тревис посмотрел на полную луну на обложке. Он уже видел испещренные одним и тем же знаком двери домов, когда его жизнь круто переменилась. Тревис смял книжонку, засунул ее в карман и направился к двери.

— Тревис? Ты забыл петли.

Уонита сунула ему в руки гладкий блестящий пакет, Тревис вышел из универмага, и на него тут же навалились пропитанные густым жаром и пылью сумерки. Тревис принялся отчаянно вертеть головой в поисках черного фургона, чтобы спросить у его владельцев, зачем они явились в город и с какой стати собрались тут все поменять.

Но фургон исчез. Тревис вздохнул и зашагал в сторону «Шахтного ствола», пора было открывать салун.

ГЛАВА 10

Макс позвонил в «Шахтный ствол» без четверти двенадцать ночи.

Тревис, стоявший у стойки, быстро схватил трубку.

— Макс? Это ты?

Шипение на другом конце провода постепенно превратилось в осмысленные слова.

— ...я, конечно, Тревис.

Голос Макса показался Тревису каким-то неживым, с металлическими призвуками, словно он разговаривал с ним, сидя в длинной стальной трубе.

Тревис встал спиной к залу, чтобы не мешал шум. Вернувшись из универмага, он обнаружил, что у дверей салуна собралась толпа посетителей, с нетерпением ожидавших открытия заведения. Да и сейчас, несмотря на поздний час, половина столиков была занята. Тревис подумал, что люди иногда бывают даже слишком добрыми и великодушными. Он положил коврик на черное пятно на полу, но запах все равно остался.

— Макс, я... — Он заговорил тише. — Я начал волноваться, когда ты не объявился сегодня.

— Тревис, а ты беспокоишься, когда какая-нибудь из «Дочерей фронтира» сломает ноготь, открывая банку с пивом?

Тревис не удержался и фыркнул. Да, это настоящий Макс, даже если голос у него какой-то искусственный.

— Где ты? Я... ты дома?

Возникли статические помехи, а затем послышался голос Макса:

— ...чудесно, Тревис. С каждым днем все лучше и лучше. Правда, я не шучу.

Тревис знал, что должен верить своему другу, но не мог забыть лихорадочного блеска в его глазах.

— Ты давно видел помощницу шерифа? — облизнув губы, спросил Тревис.

Послышалось едва различимое шипение, а потом наступила тишина.

— Макс? Ты?..

— Да. Да, видел...

Неожиданно его прервал такой пронзительный вой, что Тревис невольно отодвинул трубку от уха, опасаясь оглохнуть.

— Макс? Где ты? Что это было?

Снова какие-то шумы и помехи, а потом послышался едва различимый голос Макса:

— Мне пора.

— Подожди! Ты придешь в салун завтра?

— Может быть. Точно не знаю. Но мы скоро увидимся, Тревис. Честное слово.

Тревис вцепился в телефон, будто надеялся таким способом удержать друга.

— Макс, скажи мне только...

На сей раз шипение сменилось монотонным жужжанием, кто-то набирал номер. Тревис повесил трубку.

Только когда Молли Накамура попросила налить ей еще чаю, он сообразил, что стоит и тупо пялится на телефонный аппарат. Тревис заварил ароматный чай и протянул ей чашку. Молли серьезно кивнула и вернулась за свой столик, где давала урок оригами.

Тревис начал складывать в раковину грязные стаканы, но тут краем глаза заметил, что на стойке что-то лежит. Он протянул руку — гладкие бумажные крылья, черное тело и острый, изогнутый клюв. Тревис похолодел, несмотря на то что секунду назад умирал от жары.

Это подарок, Тревис. Молли не может ничего знать. Здесь это всего лишь птица...

Он осторожно положил бумажного ворона на стойку.

Два часа спустя последние пижоны-ковбои, которые с трудом держались на ногах, отправились восвояси. Тревис перевернул стулья на столы и подмел пол, жалея, что сегодня нет Дейдры. Просто для компании, да и нежная песенка на мандолине сейчас пришлась бы очень даже кстати. Он быстро закончил уборку.

Уже поздно. Пора закрыть дверь, отправиться к себе наверх и попытаться уснуть. Тревис снял ключи с крючка на стене и вдруг замер на месте, оглядываясь по сторонам. У него возникло диковинное ощущение, будто он смотрит на незнакомую, чужую жизнь. Куда-то подевалось привычное, радостное ощущение тепла и уюта. Сегодня ему казалось, что здесь все не так. Не правильно. Жара, городок, Макс. Что происходит в Касл-Сити?

Что происходит с тобой, Тревис?

Если бы его спросили, он не смог бы сказать, чей голос сейчас прозвучал у него в голове, его собственный или тот, что давал ему советы в трудную минуту и ужасно напоминал Джека. Но Тревис не слышал его с тех пор, как вернулся на Землю. Впрочем, кто бы ни произнес эти слова, в них заключалась истина.

Может быть, не Касл-Сити изменился, а ты, Тревис?

И все-таки что-то здесь не так. Тревис не знал, что происходит, но отчетливо понимал, что события последних дней связаны между собой — странная погода, человек в черном и знак полной луны. Только вот что их объединяет?

Тревис покачал головой. Он еще не забыл, как совсем недавно рассчитывал получить ответы на мучившие его не-

вероятные вопросы в старом шатре, который переливался в ночи яркими огнями. Но где он, этот шатер?

Может быть, они смогут тебе помочь...

Или следует искать ответы в другом месте? Засунув руку в карман, он вытащил смятую брошюру. Полная луна переливалась в свете неоновых огней салуна. «Дюратек». Что они могут для него сделать? Как изменят его жизнь? Тревис поколебался пару секунд, но потом все-таки открыл книжонку.

И замер от потрясения. Перед его глазами замелькали яркие картинки, смеющиеся люди, красочные пейзажи. Он снова засунул руку в карман и нащупал там маленький обрывок, который нашел возле дома Макса. Тревис сразу понял, откуда он взялся, но все равно приложил к обложке.

— Что ты делаешь, Макс? — прошептал он. — Что делаешь?

Тревис вложил в брошюру обрывок, свернул ее, постоял немного, затем взял бумажного ворона — он так и лежал на своем месте на стойке, — разгладил его и засунул между листками книжонки. Все это он убрал в карман, схватил ключи и шагнул к входной двери.

Тревис так и не понял, почему не повернул ключ в замке, почему потянул за ручку, открыл дверь и вышел в сумрак ночи. Иногда судьба сама принимает за нас решения. А порой чувство опасности.

Агатовый фургон почти полностью слился с ночью, его присутствие выдавали лишь отблески лунного света на гладких боках. Тревис едва различал бледные очертания полной луны, висящей слишком низко для небесного светила.

Тревис остановился на краю дощатого настила. Хлопнула дверца машины, послышались шаги, скрипнул гравий. Из черной тени вышел мужчина и остановился в пятне света перед салуном.

— Я ждал случая с вами поговорить, — сказал незнакомец.

Тревис вцепился в перила, не в силах справиться с охватившим его ужасом.

— Кто вы?

Мужчина улыбнулся, но едва заметно, словно собственным мыслям. Тревис присмотрелся внимательнее: невысокий, красивый, со светлыми волосами и аккуратной бородкой, под шелковой рубашкой перекатываются могучие мышцы, голубые глаза внимательно смотрят на собеседника сквозь стекла очков в металлической оправе, точно такой же, как и у самого Тревиса.

— Миры возможностей, — ответил мужчина. — Рядом с вашим домом.

Тревис покачал головой:

— Что все это значит? Что вы продаете?

— Всё. Разве вы не видели наши рекламные ролики? — Его смех — мягкий и влекущий — дурманил голову. — Конечно же, видели. Пропустить их невозможно. Наш отдел маркетинга работает безупречно. Все, чего хотят люди, в чем нуждаются, о чем даже боятся мечтать — вот что мы продаем.

— Возможности, — пробормотал Тревис.

— Целые миры возможностей. — Мужчина помолчал немного. — Впрочем, вы же знакомы с другими мирами, не так ли, мистер Уайлдер?

Ночь, точно испуганный зверек, почуявший опасность, замерла на месте, боясь пошелохнуться, по спине Тревиса стекал пот. Каких слов он ждал от странного незнакомца?

Мужчина отошел от своего автомобиля и приблизился к перилам, у которых стоял Тревис. Голубые глаза за стеклами очков смотрели внимательно и серьезно.

— Вы знаете, что это значит, мистер Уайлдер? Вы понимаете важность своего открытия? Для нашего мира, для всех нас?

Тревису казалось, будто рот у него забит песком, он не мог произнести ни звука, а когда все-таки сумел справиться с собой, его слова прозвучали как-то жалко и не слишком убедительно.

— Понятия не имею, о чем вы говорите.

Ласковая улыбка на лице незнакомца превратилась в кривую усмешку.

— Как раз наоборот, вы отлично все понимаете, даже лучше, чем многие другие, мистер Уайлдер. Вы собственными глазами видели, чем может одарить нас другой мир.

— О чем вы?

Мужчина сделал шаг вперед, приблизился к Тревису.

— Вы действительно не понимаете? Какая ирония! Вы там побывали, но, словно слепец, не смогли ничего увидеть. — Он пожал плечами. — Давайте посмотрим на проблему с другого бока. Что, по-вашему, подумали викинги, когда их украшенные резными драконами корабли подплыли к пустынным берегам Гренландии? Какие мысли бродили в голове Христофора Колумба, узнавшего, что открытые им острова не имеют никакого отношения к Индии? Как вы полагаете, на что рассчитывали мужчины и женщины, решившиеся пересечь океан, чтобы поселиться в Джеймстауне?

Тревис молча смотрел на своего собеседника.

А тот развел руки в стороны и продолжал:

— Новый мир, мистер Уайлдер. Вот о чем я говорю. История человечества представляет собой длинные периоды бессмысленного, бесполезного существования, расцвеченного потрясающими открытиями новых миров. Сегодня люди думают, будто их больше не осталось. Давайте на время забудем о космиче-

ских кораблях и межзвездных путешествиях. — Он сложил руки и заявил: — Мы с вами знаем, что они ошибаются.

— Оставьте меня в покое, — потребовал Тревис.

Незнакомец уже подошел к краю дощатого настила.

— Прошу вас, мистер Уайлдер. Я ваш друг. Разве вам не хотелось все это время поговорить с человеком, который сумел бы понять, что вам пришлось испытать? С человеком, которому вы могли бы рассказать все?

Да. Да, больше всего на свете. Но *этот* человек там не был. Он все равно не поймет.

Тревис убрал руки с перил.

— Я попросил вас оставить меня в покое.

— Хорошо, мистер Уайлдер, — вздохнув, проговорил незнакомец. — Я вижу, вы еще не готовы меня выслушать. Но позвольте дать вам совет. Знаю, вы мне не доверяете. И не сомневаюсь, что вам кажется, будто среди ваших знакомых есть люди, на которых вы можете положиться. — Он чуть склонил голову набок. — Однако до конца разобраться в чужой душе невозможно, мистер Уайлдер. Свои самые сокровенные секреты люди хранят очень старательно и никогда никому не открывают. Все чего-то ищут. По крайней мере я сказал вам то, что хотел.

Тревис понял, что задыхается. Несмотря на поздний час, стояла страшная, невыносимая жара. Что пытается сказать ему этот странный человек? Но тот лишь кивнул и повернулся к своему фургону. Не отдавая себе отчета в том, что делает, Тревис поднял руку.

— Подождите...

Его слова утонули в реве двигателя, ворвавшемся в тишину ночи.

Тревис поднял голову и увидел, как ослепительно белый луч прорезал ночной мрак. Он прикрыл глаза рукой, а когда опустил ее, увидел мотоцикл. Дейдра открыла визор шлема, в неоновом свете сверкнули зеленые глаза.

— Тревис, садись!

Он стоял, не в силах пошевелиться, но уже в следующее мгновение страх и потрясение столкнули его с места, и он выскочил на тротуар.

Светловолосый незнакомец рассмеялся и, перекрикивая рев мотора, заявил:

— А вот та, что ищет даже сейчас!

Тревис бросился к Дейдре.

— О чем он?

— Не слушай его, Тревис, — сурово проговорила она.

Тревис искоса посмотрел на незнакомца. Тот упер руки в бока, лицо его посерьезнело.

— Не забудьте то, о чем я вам сказал, мистер Уайлдер.

— Что происходит? — спросил Тревис, повернувшись к Дейдре.

— Поедем со мной, если хочешь понять.

Несколько коротких мгновений Тревис не мог пошевелиться, казалось, его пригвоздили к месту два взгляда — Дейдры и странного незнакомца.

Однако до конца разобраться в чужой душе невозможно...

Сбросив оцепенение, Тревис уселся на сиденье мотоцикла. Едва он успел обхватить Дейдру за талию, как она нажала на стартер и машина сорвалась с места. «Харлей» устремился вперед, точно разъяренный китайский дракон, оставив позади только мрак и пустоту.

ГЛАВА 11

Дейдра выключила двигатель, и мотоцикл остановился. Тишина тут же окутала ночь, точно мягкое бархатное покрывало. Тревис откинул с лица волосы, спутанные ветром, и увидел испещренное сумеречными тенями здание бывшего оперного театра.

Оно давно пустовало, но во времена своего расцвета театр принимал знаменитых теноров и сопрано Европы, а еще поговаривали, будто бы сам президент Мак-Кинли смотрел здесь парижское шоу со стриптизом. Но даже и сейчас, старое и давно заброшенное, здание поражало своей элегантностью и изяществом, а колонны в стиле греческого Возрождения матово поблескивали в свете уличных фонарей.

Около часа они мчались вперед по пустынным дорогам; Тревис сидел, прижавшись к Дейдре и боясь пошевелиться, но в какой-то момент они, видимо, свернули, поскольку остановились в конце Лосиной улицы, не больше чем в полумиле от салуна. Тревис разжал руки и с трудом слез с «харлея». Ему казалось, что мир продолжает стремительно проноситься мимо, ускользает из-под ног. Впрочем, может быть, так и было.

Дейдра легко соскочила с мотоцикла, одновременно умудрившись снять шлем. Потом тряхнула короткими черными волосами и посмотрела на Тревиса.

— Как ты, в порядке?

Первые слова с тех пор, как она велела ему сесть на мотоцикл. Тревис собрался ответить, но понял, что не может найти подходящих слов. В данный момент он не слишком отчетливо представлял себе, что значит в порядке. Дейдра отвернулась и принялась всматриваться в ночной сумрак. Неожиданно Тревис подумал, что она, похоже, лучше него знает, что происходит.

— Почему здесь? — окинув взглядом останки оперного театра, спросил он.

— Ты должен кое с кем встретиться.

С этими словами Дейдра начала подниматься по широкой мраморной лестнице. Тревис стоял на месте, не зная, что делать. Когда-то, во время представления диковинного «Апокалипсического шоу», брат Сай сказал ему, что у человека всегда есть выбор. Сейчас у Тревиса возникли сомнения относительно справедливости его слов.

Тревис догнал Дейдру, когда та остановилась перед дверью.

— Закрыто, — сказал он. — Театра больше нет...

Он замолчал, увидев, что девушка достала из кармана какое-то пластмассовое устройство в форме речного камушка. Нажала на кнопку, послышался щелчок, и одна из двойных дверей чуть приоткрылась. Дейдра убрала устройство в карман и вошла внутрь. Тревис вздохнул и последовал за ней в холл.

Они быстро миновали темный участок и вскоре подошли к границе громадного открытого пространства. Глазам Тревиса предстал океан потрепанных облезлых кресел, дальше виднелась сцена, залитая ярким светом единственного прожектора.

Дейдра облокотилась о резные перила.

— Они нашли его, — сказала она, и ее голос гулким эхом разнесся по пустому залу.

Тревис не понял, к кому она обращается, но уже в следующее мгновение со сцены ответил голос, усиленный акустикой оперного театра:

— Философы будут недовольны.

Дейдра так сильно сжала перила, что побелели костяшки пальцев.

— Плевать на Философов.

Смех, прозвучавший в ответ на ее слова, прокатился по зрительному залу.

— Будь осторожна, Дейдра Атакующий Ястреб. У Философов везде уши. Не стоит забывать об этом.

Из окутанных тенями кулис в круг света вышел какой-то человек.

— Добро пожаловать, Тревис Уайлдер.

Тревис тряхнул головой в надежде, что мысли хотя бы немного прояснятся, внутри у него все похолодело. Боги, складывается впечатление, что его знает целая куча незнакомых ему людей. Кто они такие? Он посмотрел на Дейдру, но та не сводила напряженного взгляда со сцены. Неожиданно она тоже стала ему чужой.

— Чего вы хотите? — спросил Тревис и удивился тому, как его неуверенный, дрожащий голос взмыл к самому потолку зала.

— Помочь, — ответил незнакомец.

Тревис вздохнул. Несмотря на волнение, он заметил, что тот не сказал: «Помочь тебе».

— Идем, Тревис, — прикоснувшись к его руке, позвала Дейдра и зашагала по проходу к сцене.

Тревису ничего не оставалось, как последовать за ней.

Пока они шли к сцене, незнакомец удобно устроился на краю оркестровой ямы. Тревису показалось, что он его ровесник, лет тридцати или немногим больше — судя по седым прядям в черных кудрявых волосах. Чувственные губы, орлиный нос, многодневная щетина. Он был в мятых хлопчатобумажных брюках и белой полотняной рубашке с закатанными рукавами. Незнакомец ужасно напоминал киногероя из какого-нибудь черного боевика 40-х годов. На сцене рядом с ним лежал плотный конверт.

— Кто вы? — спросил Тревис.

Мужчина протянул руку и представился.

— Адриан Фарр.

Тревис никак не отреагировал на его жест. Он имел в виду совсем другое.

Впрочем, Фарр нисколько не обиделся, сделав вид, что просто собирался взять конверт.

— Чего вы хотите? — повторил свой вопрос Тревис.

Фарр улыбнулся. Кривые зубы придавали его лицу необычное обаяние.

— Мы ищем разные диковинные вещи, — ответил он. — Чудесные.

Тревис задержал дыхание.

Все чего-то ищут...

Он с трудом выдохнул, собрался задать еще вопрос, но понял, что не знает, с чего начать.

Фарр вынул из конверта фотографию и протянул Тревису.

— Вам знакома эта женщина, мистер Уайлдер?

Тревис заметил, как сильно у него дрожит рука, словно внутреннее чутье подсказало ему, кого он увидит. Женщина на снимке, вличественная и одновременно испуганная, бежала вниз по лестнице, прижав руку к груди и глядя перед собой изумрудно-зелеными глазами. Только сейчас Тревис все понял.

Он поднял голову и встретился взглядом с Фарром.

— Вы Ищущие, верно? — Повернувшись к Дейдре, он сказал: — Оба.

Брови Фарра полезли вверх, а Дейдра открыла было рот, но так ничего и не сказала. Тревис невесело ухмыльнулся. Приятно осознавать, что у тебя в запасе тоже имеется парочка сюрпризов.

— Нечего на меня смотреть, — заявила Дейдра, когда Фарр повернулся к ней. — Я ему ничего не говорила.

Фарр кивнул:

— Нам следует иметь в виду, что мистер Уайлдер знает больше, чем мы предполагаем.

Дейдра протянула руку, будто хотела прикоснуться к Тревису, но потом убрала ее.

— Как ты?..

Он улыбнулся и провел пальцем по фотографии.

— Это Грейс. Грейс Беккетт. Она рассказала мне про Ищущих. И про вас, Адриан Фарр.

— Значит, вы знакомы с Грейс Беккетт. — Голос Фарра прозвучал излишне напряженно.

Тревис все-таки не сдержался и расхохотался. Он вспомнил все, через что им пришлось пройти вместе с Грейс, что они пережили и что делали.

— Можно сказать и так.

Он протянул фотографию Фарру. Со всех сторон, словно безмолвные актеры, к ним подступали тени.

— Выходит, ты явилась в «Шахтный ствол» вовсе не затем, чтобы петь свои баллады, — взглянув на Дейдру, проговорил Тревис.

Мимолетная улыбка коснулась ее губ и исчезла.

— И чтобы петь тоже. Те несколько дней, что я пела в салуне три года назад, значат для меня гораздо больше, чем ты можешь себе представить. Наверное, я надеялась еще раз пережить те волшебные ощущения. Впрочем, ты прав. Есть и еще одна причина, заставившая меня вернуться в Касл-Сити.

— Сгоревший человек, — прошептал Тревис.

Фарр убрал фотографию в конверт.

— Ты не ошиблась, Дейдра. Он действительно очень хорошо все чувствует.

Дейдра встретилась глазами с Фарром.

— Ты ему скажешь? Или я?

— Думаю, я справлюсь.

Тревис поправил очки, принадлежавшие когда-то гангстеру.

— Что вы собираетесь мне сказать?

Фарр поднялся на ноги, и тут выяснилось, что он на несколько дюймов ниже Тревиса, но тому почему-то показалось, будто он смотрит на Фарра снизу вверх. От этого человека исходило ощущение спокойной силы, тут он чем-то напоминал Фолкена Черную Руку.

— Почему мы вас искали, мистер Уайлдер.

ГЛАВА 12

Только когда Дейдра взяла его за руку и подвела к первому ряду кресел, Тревис понял, что едва держится на ногах. Когда он опустился на мягкое сиденье, в воздух поднялся столб пыли. Глянув на Ищущих, Тревис увидел в глазах Дейдры беспокойство; выражение, появившееся на лице Фарра, он прочитать не смог.

Фарр достал из кармана брюк изящный серебряный портсигар, вынул сигарету и поинтересовался, искоса взглянув на Тревиса:

— Не возражаете, если я закурю?

— Я не диктую другим людям, как им следует жить.

— Хороший совет, мистер Тревис, — кивнув, согласился Фарр. — Постараюсь его запомнить. — Он закурил, и ароматный дым гибкими змейками устремился к потолку. — Выслушайте меня очень внимательно. Сегодня к вам подошел один человек. Он не назвал своего имени, но оно не имеет значения. Важно, кого он представляет. Повторяю, в наши намерения входит спасти вас, мистер Уайлдер. Больше ничего. Не разговаривайте с ними.

Сила и убежденность, с которой Фарр произнес эти слова, удивили Тревиса, заставив вжаться в спинку кресла.

— «Дюратек», — прошептал он.

Дейдра присела рядом с ним на корточки.

— Да, тот человек был из корпорации «Дюратек». Они...

Фарр поднял руку.

— Подожди, еще рано, Дейдра. Сначала мы должны кое-что рассказать мистеру Уайлдеру.

Дейдра встала и коротко кивнула.

Фарр прислонился спиной к сцене.

— Нас действительно интересует человек в черном одеянии, который сгорел в вашем салуне. Вот уже некоторое время мы занимаемся изучением схожих случаев. Впрочем, у нас весьма разносторонние задачи, и мы приехали в Касл-Сити не из-за него.

— А что с ним произошло? — Тревис вдруг понял, что не может выдавить из себя ни слова. — Как ему...

Фарр снова взял в руки конверт, достал из него несколько фотографий и протянул Тревису. Несмотря на то что ему отчаянно не хотелось делать этого, он заставил себя посмотреть и увидел черные обугленные тела, застывшие в самых невероятных позах. Почему-то вспомнилась телевизионная передача, посвященная гибели Помпеи. Тысячи людей оказались погребенными под обжигающим пеплом Везувия. Через девятнадцать веков археологи смогли воспроизвести картину их гибели — мучительная боль и безжалостный всепоглощающий огонь.

Фарр протянул руку, и Тревис с облегчением вернул ему фотографии.

— Что с ними происходит? — спросил он.

— Мы и сами хотели бы понять, — сделав очередную затяжку, сказал Фарр. — На протяжении нескольких веков зарегистрированы случаи спонтанного возгорания, но то, что происходит сейчас, отличается — некоторыми деталями. Исследования показали, что имели место очень высокие температуры. Но при этом практически ни у кого из жертв тело не пострадало. Более того, мы сумели выявить заметные изменения в морфологии, химическом составе и даже структуре ДНК. Человек, погибший в вашем заведении, представляет собой одно из немногих исключений, поскольку от него не осталось ничего. В большинстве остальных случаев жертва скорее не сгорала, а... изменялась.

Тревис посмотрел на Дейдру, и в его серых глазах за стеклами очков появилось изумление.

— Человек-Факел. Но ты ведь сказала, что это миф.

— Только миф является оксюмороном, Тревис, — грустно улыбнувшись, ответила Дейдра. — Мифы отражают те аспекты нашей жизни, которые скрыты от чувств и здравого смысла. В определенной степени они реальнее мира, на который мы смотрим.

Фарр погасил сигарету и бросил ее в ржавую банку из-под сардин.

— В последние несколько месяцев началась настоящая эпидемия случаев спонтанного возгорания. Кое-кто из членов нашей организации считает, что они имеют отношение к неожиданно сильной жаре, обрушившейся на наш континент. Другие... думают иначе. События, о которых мы говорим, еще не стали достоянием широкой общественности. Но это ненадолго.

— Почему? — спросил Тревис, твердо зная, что не хочет слышать ответ.

Фарр помрачнел.

— На прошлой неделе я стал свидетелем того, как воспламенился пациент больницы в Канзас-Сити, несмотря на все старания докторов. Его случай оказался нетипичным, потому что он жил еще несколько часов.

Тревис закрыл глаза. Нет, он ничего не хочет об этом знать. Но уже в следующее мгновение он заставил себя посмотреть на Фарра.

— Что... чем он?..

— Чем он стал? — Фарр покачал головой. — Не знаю. Однако больничные анализы подтвердят наши выводы. Очень скоро поползут слухи. Но я отвечу на ваш вопрос: перед самым концом его кожа приобрела базальтовый оттенок. А когда медсестра

попыталась сделать ему укол, свидетели утверждают, что он к ней прикоснулся, и медсестру охватило пламя. Сейчас она находится в реанимации. Доктора сомневаются, что она выживет.

— А какое я имею к этому отношение? — с трудом сглотнув, спросил Тревис.

— Никакого. Точнее, мы сначала так думали, — ответил Фарр. — Нам казалось, что данные события не связаны с вашим случаем. Вполне возможно, что так и есть. Но я уже давно научился серьезно относиться к совпадениям.

Что-то здесь не так — дело не только в Ищущих, не только в людях, гибнущих в огне.

— Но если вы приехали в Касл-Сити не из-за сгоревшего в моем салуне человека, то зачем?

Фарр искоса посмотрел на Дейдру.

— Мне кажется, тут ты справишься лучше меня.

Дейдра устроилась на ручке кресла рядом с Тревисом.

— Ты сказал, что разговаривал с доктором Беккетт. Значит, тебе известно, что с ней произошло прошлой осенью в Денверском мемориальном госпитале, когда...

— ...когда она убила человека с железным сердцем, а Адриан помог ей бежать от другого такого же, служившего в Денверском полицейском участке. — Тревис знал, что ему не следует радоваться удивлению, промелькнувшему на их лицах, но ничего не мог с собой поделать.

Дейдра едва заметно кивнула.

— Полагаю, Грейс сказала тебе, что Ищущие заинтересовались этим необычным случаем. После событий в полицейском участке мы попытались с ней связаться, но не смогли. Мы обнаружили машину, которую ей дали. За городом. Касл-Сити. С тех пор мы пытаемся понять, куда она отправилась.

— Она попала в мир под названием Зея, — тихо проговорил Тревис.

Фарр и Дейдра обменялись напряженными взглядами.

Дейдра подняла руку, но Фарр едва заметно покачал головой, и она кивнула.

— Вот. — Фарр достал из конверта еще одну фотографию. — Посмотрите.

Тревис протянул руку, опасаясь, что ему предстоит снова увидеть скорчившиеся, сгоревшие тела. Он смотрел на бурый снимок Лосиной улицы — повсюду грязь, лошади, фургоны, тут и там группы мужчин в мятых шерстяных костюмах, женщины в темных, бесформенных платьях.

— Снимок сделан в Касл-Сити в 1897 году, — пояснила Дейдра. — Я нашла его в архиве библиотеки графства.

Тревис прищурился.

— И на что я должен смотреть?

— Вот сюда. — Фарр показал на человека в нижнем левом углу старой фотографии. — На этого человека.

По краям снимок потерял четкость, но Тревис сумел разглядеть пожилого, благообразного мужчину в темном пиджаке и пальто. Седая бородка аккуратно подстрижена, но волосы разметал ветер. Мужчина вглядывался в даль пронзительными умными глазами.

У Тревиса возникло ощущение, будто кто-то вогнал ему в сердце острую иглу. Он поднял глаза и пролепетал:

— Но... Это же Джек.

— Да, — подтвердил Фарр. — Мы уже некоторое время ищем вашего друга Джека Грейстоуна, мистер Уайлдер.

— Вы опоздали, — не выпуская из рук фотографии, сказал Тревис.

— Мне очень жаль, Тревис, — встретившись с ним взглядом, проговорила Дейдра.

В оперном театре повисла тишина.

— Я бы выпил чашечку кофе, — вдруг сказал Фарр. — Кто со мной?

Спустя несколько минут они уже стояли на сцене. Тревис вцепился в пластиковый стаканчик с кофе из термоса Фарра. Сначала он решил, что сцена пуста, но оказалось, что это всего лишь иллюзия, возникшая из-за направленного луча прожектора. В задней части он разглядел стол, заваленный бумагами, несколько переносных компьютеров и еще какое-то электронное оборудование.

Тревис сделал глоток кофе, обжег язык, но ему было все равно.

— Дейдра, что происходит? Что это?

— Что я могу ему сказать? — спросила Дейдра у Фарра.

— Все, что посчитаешь нужным. Только не забывай о Девятке и Единице.

Дейдра задумалась, потом кивнула и посмотрела на Тревиса.

— Я узнала про Ищущих осенью того года, когда побывала в Касл-Сити. — Она принялась расхаживать по сцене, ее ботинки выбивали по деревянному полу барабанную дробь. — Я отправилась в Ирландию в надежде найти там вдохновение, потом немного попутешествовала по Англии, Уэльсу и Шотландии. Около недели играла в пивной в Эдинбурге. Там я и познакомилась с Адрианом. Однажды после моего выступления мы с ним разговорились, и он рассказал мне поразительные вещи о... возможностях. Возможностях, которые интересовали и меня. — Она улыбнулась. — Через неделю он привез меня в Штаб Ищущих в Лондоне.

— Мне повезло, что я тебя нашел, — сказал Фарр. — Ищущим повезло.

Дейдра задумчиво смотрела куда-то в пространство.

— Я всегда знала, что существуют другие миры, что иногда они оказываются совсем рядом с нашим. Эту веру подарили мне родители. — Она снова посмотрела на Тревиса. — Стоило мне познакомиться с Ищущими, я сразу поняла, что я из их числа.

— И ты ищешь другие миры, — подытожил Тревис.

Ему ответил Фарр:

— Как я уже сказал, мистер Уайлдер, нас интересуют самые разные вещи. Но вот уже пять веков Ищущие находят, описывают и изучают свидетельства о существовании других миров.

— Все не так заманчиво, как может показаться, — грустно улыбнувшись, проговорила Дейдра. — Став Ищущей, я обнаружила, что в основном их работа состоит в чтении старых скучных документов и внесении данных в компьютер.

— Однако именно читая скучные документы, ты сумела обнаружить ключ, который помог разобраться в деле, поставившем нас в тупик еще сто лет назад.

Дейдра взяла со стола папку.

— Здесь идет речь о человеке, известном Ищущим как Джеймс Сарсин. Мы не знаем его настоящего имени, поскольку у него их много. Однако когда Ищущие впервые о нем услышали, его звали именно так. В то время он торговал в Лондоне книгами. В начале правления королевы Елизаветы. — Дейдра оторвала глаза от папки. — Кстати, речь идет о королеве Елизавете I и 1564 годе. Но уже тогда было ясно, что человек, называвший себя Сарсин, прожил в Лондоне или его предместьях около двух веков.

Тревис покачал головой:

— Но это же...

Он замолчал на полуслове. Невозможно. Бессмысленное слово. Разве он не убедился на собственном опыте, что возможно и не такое?

Дейдра достала несколько листков бумаги из папки.

— Перед тобой копии документов о передаче права собственности на книжную лавку мистера Сарсина в Лондоне, датированные с 1532 по 1851 год. Если ты посмотришь на них внимательно, то заметишь, что примерно каждые пятьдесят лет хозяин «Книжной полки королевы» умирал, а его владения переходили в другие руки.

Тревис начал перелистывать страницы, с трудом разбирая слова — мешали цветистый стиль и слишком изысканное написание букв. Но опыт работы с рунами помог ему сосредоточиться и разобрать имена: Оливер Сарсин, Жак Гри-Пьер, Луи Гри-Пьер.

— Ну и что тут такого необычного?

— Ничего. Пока не посмотришь вот сюда. — Дейдра вытащила из папки еще один листок. — Все документы на-

писаны во времена чернил и гусиных перьев. Иногда человек, который ставил на документе свою подпись, нечаянно размазывал чернила, оставляя отпечатки пальцев. Вот здесь сравнительный анализ отпечатков, взятых с документов 1592, 1651 и 1799 годов.

Тревис посмотрел на документ. Он не особенно разбирался в данном предмете, но даже ему бросилось в глаза, что на увеличенных участках трех отпечатков пальцев одинаковый рисунок.

— Вы хотите сказать, что какой-то человек жил в Лондоне более трех веков, время от времени делал вид, будто он умер, и оставлял в качестве наследства свою лавку самому себе, чтобы соседи не заподозрили неладное.

Глаза Дейдры сияли.

— У тебя все получается как-то уж слишком просто.

— Ищущие давно заподозрили, что мистер Сарсин имеет отношение к другим мирам, — сказал Фарр. — Поэтому мы за ним наблюдали, надеясь узнать больше.

— А вам не приходило в голову, что его можно спросить?

Фарр поставил чашку с кофе.

— Ищущие предприняли несколько попыток вступить в диалог с мистером Сарсином. Однако он категорически отказался разговаривать. Нам стало ясно, что Сарсин знает о нашем существовании, и ему известно, что именно нас интересует, но он не пожелал нам помочь. Затем, примерно в 1850 году, «Книжная полка королевы» сгорела дотла. Мистер Сарсин исчез, и дело закрыли. А потом Дейдра кое-что нашла.

— На самом деле все получилось по чистой случайности, — пожав плечами, заявила Дейдра. — Я просматривала старые документы и заносила сведения из них в компьютер. В Лондоне. Мне в руки попало письмо — имевшее непосредственное отношение к материалам, собранным Ищущими, когда они занимались делом Сарсина. Должна заметить, что урожай у них получился совсем небогатый. Письмо без обратного адреса было адресовано какому-то знакомому Сарсина, жившему в Лондоне. Узнать, откуда оно послано, не представлялось возможным.

Дейдра поискала в папке, достала пожелтевший листок бумаги и начала тихо читать:

Боюсь, мой друг, я не могу сообщить вам мой нынешний адрес, однако скажу, что нашел это место совершенно случайно и что расположено оно в поразительной по красоте долине. Местные жители называют высокие, изрезанные хребтами горы на западе Хмурями, но лично мне — и я не сомневаюсь, что вы меня поймете — они кажутся похожими на величе-

ственный замок. Вполне возможно, что в конце концов я решу осесть здесь надолго.

Гревис похолодел.

— Хмурая? Разве не так индейцы юты называют Касл-Пик?

— Так, — подтвердила Дейдра.

Наконец Тревис все понял.

— Это Джек. Он был Джеймсом Сарсином. Вот почему вы приехали в Касл-Сити, верно?

— Ты же видел фотографию, — сказала Дейдра. — Джек Грейстоун прожил в Касл-Сити больше века и совсем не постарел. Мне кажется, ты не хуже нас знаешь почему.

— Не хотите ли присесть, мистер Уайлдер? — Фарр показал на стул около стола.

Тревис кивнул и опустился на стул, невольно сжав правую руку в кулак. Он знал, что Джек был волшебником с Зеи, но дано ли ему когда-нибудь до конца понять, кем на самом деле являлся его друг? И что он с ним сотворил?

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Дейдра, легко коснувшись его плеча.

Тревис внутренне усмехнулся. И почему люди постоянно задают ему этот вопрос после того, как их стараниями земля начинает уходить у него из-под ног?

Фарр устроился на краю стола.

— Как только нам стало известно, кто такой Джек Грейстоун, мы подумали, что Грейс Беккетт перед своим исчезновением приехала в Касл-Сити не случайно. Дейдра знала, что вы дружили с Грейстоуном. Предпринятое нами расследование показало, что и вы тоже куда-то пропали в ту же ночь, что и доктор Беккетт. Теперь, надеюсь, вы понимаете, почему мы ужасно хотели с вами поговорить?

Тревис не сводил глаз с папки на столе.

— Вы поразительный человек, мистер Уайлдер, — проговорил Фарр, во взгляде его появилось напряжение. — Думаю, вы и сами это понимаете. Джеймс Сарсин и Грейс Беккетт очень интересовали Ищущих, поскольку оба определенно являются путешественниками из других миров. А вы связаны с обоими. По правде говоря, я пойду дальше и выскажу следующее предположение — вам тоже довелось побывать в другом мире.

— А почему вас так сильно занимают другие миры? — спросил Тревис.

— Что такое жизнь без новых открытий, нового знания и нового опыта? — тихо проговорил Фарр. — Мы ученые,

мистер Уайлдер. Разве желание удовлетворить свое любопытство не достаточное объяснение нашему интересу?

Тревис провел рукой по лежащей на столе папке. Незнакомец, что подошел к нему сегодня около салуна, наверняка готов отдать многое, чтобы заполучить информацию, содержащуюся внутри.

— А они? — подняв голову, спросил он. — Те, другие?

— «Дюратек», — произнесла Дейдра так, словно ее тошнило от одного только упоминания этого имени.

— Другие миры ищем не только мы, — ответил Фарр. — Но нами двигают совершенно разные устремления. Я уже сказал, что мы ученые, и нас интересует знание ради самого знания.

— А чего хочет «Дюратек»? — облизнув пересохшие губы, спросил Тревис.

Дейдра невольно сжала руки в кулаки.

— Использовать, поглотить, подвергнуть насилию.

— Я не понимаю.

— Подумайте сами, мистер Уайлдер, — наклонившись к нему, заговорил Фарр. — Целый новый мир ресурсов, которые никто не разрабатывает, местное население, не испорченное благами цивилизации, отставшей от нашей на несколько веков. Речь идет о Третьем Мире. Только там не будет ни законов, ни ограничений, ни международных общественных организаций, к мнению которых следует прислушиваться и которым необходимо подчиняться. Целый мир с его богатством, а достанется оно тому, кто обнаружит его первым.

Тревис несколько мгновений рассматривал Фарра, а потом его взгляд устремился в далекие дали. И он увидел, как гибнут серебристые валсиндары из Зимней Пущи, падая на землю под ударами безжалостных топоров. И израненные горы Голта, окутанные клубами дыма. Он увидел, как девять башен Кейлавера превращаются в пыль, став жертвой бездушных железных чудовищ, которые могут только разрушать. Они спасли доминионы от Бледного Властелина. Неужели же им суждено попасть во власть другого, не менее жестокого господина?

— Нет, — сказал Тревис. — Этого нельзя допустить.

— В таком случае помогите нам, — попросил Фарр.

— Пожалуйста, Тревис, — прикоснувшись к его руке, добавила Дейдра.

Тревис посмотрел на папку, открыл ее, дотронулся до старых бумаг — принадлежавших Джеку. Он никогда не стремился играть значительную роль в жизни других людей. Но ему ее навязали вместе с силой, подаренной Джеком. Впрочем, брат Сай прав. Человеку не дано выбирать, что с ним произойдет в следующее мгновение. Но зато он может решать, как с этим поступить.

— Хорошо, я...

И замолчал, заметив, что из папки торчит уголок листка бумаги. Тревис смог разобрать только несколько слов, но и их хватило, чтобы он поспешно выдернул листок. Стихотворение... нет, песня. Слова записаны неровными строчками, почерком далеким от идеала, однако Тревис их сразу узнал и без труда прочитал начало:

Нам в этом мире суждено
Всю жизнь по кругу мчать...

Он положил листок на стол и поднял глаза. По-видимому, на лице Тревиса появилось такое выражение, что Дейдра и Фарр невольно отступили на шаг назад.

Однако Дейдра быстро оправилась и спросила:

— Что случилось, Тревис?

— Вы хотели меня использовать, — едва слышно сказал он.

Фарр удивленно посмотрел на Дейдру, которая пыталась найти подходящие слова.

Тревис встал.

— Песня. Ты сказала, что слышала ее от барда в Миннесоте. И обманула меня. — Он захлопнул папку. — Ты нашла ее в бумагах Джека. И спела в салуне, чтобы посмотреть на мою реакцию.

— Извини, Тревис, — смущенно проговорила Дейдра. — Я не собиралась тобой манипулировать. Но я хотела наверняка выяснить, узнаешь ли ты ее. Другого пути я не видела.

Она протянула к Тревису руку, но он отшатнулся.

До конца разобраться в чужой душе невозможно...

— Другой путь был, Дейдра, — сказал он. — У человека всегда есть выбор. Ты могла спросить меня.

Она потянулась к нему, но Тревис сделал еще шаг назад.

— Тревис, пожалуйста, не уходи. — В темных глазах появился страх — за себя или за него, Тревис не знал.

Фарр не сдвинулся с места.

— Нам предстоит сделать грандиозное открытие, мистер Уайлдер. И мы его сделаем. Вам не удастся вечно прятать свое знание. Помогите нам, помогите ради добра, которое мы хотим творить. Иначе восторжествует зло.

Неожиданно Тревис разозлился. Да кто они, чтобы просить его о таких вещах? Ведь речь идет не о каком-нибудь необычном артефакте, который они мечтают отыскать. Решается судьба целого *мира* и живущих там людей. Они собираются засунуть его под увеличительное стекло и разглядывать, точно диковинное насекомое, нечаянно попавшее к ним в руки. Разве это лучше, чем задушить его металлом и пластиком?

— Нет, — проговорил он. — Вам этого не понять. С моей помощью вы туда не попадете. Ни вы — и никто другой.

Прежде чем они смогли ему ответить, Тревис развернулся и, промчавшись по окутанному тенями оперному театру, выскочил в ночь.

ГЛАВА 13

— Нужно его догнать.

Дейдра схватила шлем и вытащила из кармана кожаные перчатки с обрезанными пальцами.

— Значит, ты уверена, что тебе до конца ясна природа явления, которое мы здесь обнаружили, — чуть приподняв одну бровь, спросил Адриан.

Дейдра принялась натягивать перчатки.

— Нет, мы не можем знать этого наверняка, но сейчас важно другое. Тревису угрожает опасность. Неизвестно, на что пойдет «Дюратек», если доберется до него.

Адриан сложил руки на груди, его губы искривила язвительная усмешка.

— Думаю, сейчас Тревис о нас не самого лучшего мнения.

— В таком случае я намерена его переубедить.

Дейдра собралась надеть шлем.

— Хорошо. Я свяжусь с Ищущими и сообщу им, что ты считаешь Третий пункт Установления несущественным. Не сомневаюсь, что они будут только счастливы его вычеркнуть.

Дейдра поморщилась и опустила шлем.

Адриан шагнул к ней и проговорил:

— *Ищущий наблюдает и никогда не вмешивается.* Ты уже нарушила это правило, когда вмешалась в разговор мистера Уайлдера с представителем «Дюратека». Ты собираешься еще больше усложнить положение? В прошлом Философы были склонны прощать тех, кто забывал о существовании Третьего пункта Установления — один раз, — но в дальнейшем демонстрировал раскаяние. Однако я совершенно точно знаю, что они не поощряют злостных нарушителей.

— Отлично. В таком случае я буду присматривать за Тревисом как друг, а не Ищущая, — заявила Дейдра.

— А теперь ты забываешь Клятву, — рассмеявшись, сказал Фарр.

Дейдра разглядывала его несколько коротких мгновений, а потом опустила голову.

— *Ищущий прежде всего должен оберегать интересы Ищущих.*

— Значит, все-таки помнишь.

Девушка положила шлем, гнев ушел, уступив место холодному ужасу, печали и беспомощности. Сейчас она ненавидела Адриана. Но лишь потому, что он был совершенно прав. Дейдра долго думала, прежде чем дать клятву верности Ищущим три года назад, в подвале огромного особняка шестнадцатого века, в предместье Лондона. Сегодня Ищущие стали ее жизнью. И хотя порой она считала, что они придерживаются слишком строгих законов, ограничивающих свободу членов организации, Клятва и Третий пункт Установления существуют для того, чтобы защитить как самих Ищущих, так и тех, с кем они имеют дело. Просто иногда складываются гораздо более сложные ситуации, чем могли предусмотреть старые правила, впервые записанные в Книге пять веков назад средневековым обществом алхимиков, назвавшихся Философами.

Дейдра прислонилась к сцене.

— И что же, просто возьмем и отпустим его?

— Пока отпустим. Установление в данном вопросе не дает нам шансов. Мы не имеем права заставить мистера Уайлдера вступить с нами в диалог. В наших силах только наблюдать. Потому что цель Ищущих — посмотреть, что будет делать человек, связанный с другими мирами — по собственной воле. Наша деятельность не должна влиять на его решения, иначе знание, которое мы от него получим, может оказаться извращенным. И не забывай наш девиз: *Наблюдать — Верить — Ждать.*

— Чего ждать?

Адриан немного помолчал, потом ответил:

— Когда опасность, о которой ты говоришь, станет настолько реальной, что ее увидят даже Философы.

Дейдра выпрямилась.

Разумеется. Он всегда именно так и поступает. Ведь ему удалось вступить в контакт с Грейс Беккетт и не навлечь на себя гнев Философов.

— Девятый пункт Установления, — сказала она вслух.

— Отлично, — криво ухмыльнувшись, похвалил ее Адриан. — Наконец-то ты решила использовать голову по назначению. — Подойдя к столу, он достал фотографию Грейс Беккетт и провел по ней пальцем. — Девятый пункт Установления. *Главная цель Ищущих — не допустить, чтобы другому человеческому существу был причинен вред.*

Положив снимок, он повернулся и окинул Дейдру серьезным взглядом.

— Именно Девятый пункт позволяет нам сохранять человеческие качества и лицо. Он помогает нам справиться с самонадеянностью и не допускает бессмысленных игр с судьбой —

в случаях, когда кому-нибудь взбредет в голову использовать полученное знание не по назначению. — Адриан показал на электронное оборудование, расставленное на столе. — Мы наблюдаем, систематизируем, изучаем. Все по правилам, прямо как в операционной. Но если жизни другого разумного существа угрожает опасность, все пункты Установления отходят на задний план, остается только Девятый.

Дейдра провела рукой по волосам. Звучит, конечно, неплохо. Но ей казалось, что этого недостаточно. Она хотела действовать — *немедленно.*

— И сколько же мы будем ждать?

— Если ты не ошиблась, Дейдра, недолго. Совсем недолго.

Дейдра внимательно посмотрела на своего коллегу. С самого начала она понимала, что Адриан Фарр не так прост, как может показаться на первый взгляд, сейчас она убедилась, что не ошиблась. Добиться высокого положения среди Ищущих удается далеко не каждому, для этого должна быть *очень* уважительная причина. Поговаривали, будто бы Фарр обнаружил портал, ведущий в другой мир — совсем недавно закрывшийся, — в пирамиде майя на Юкатане. В сочетании с тем, что он распознал Аномалию Первой степени, встретившись с Грейс Беккетт, это давало многим повод утверждать, что Фарр готовится подняться до статуса Философа.

Разумеется, Ищущие, с которыми Дейдре довелось встречаться, почти ничего не знали о Философах. А уж о том, работал ли кто-нибудь из них простым агентом Ищущих, прежде чем стать членом тайного круга, направляющего деятельность организации, и подавно. Несмотря на то что все приказы поступали от имени Философов в письменном виде — а в последнее время с использованием электронных средств, — за три года Дейдре ни разу не удалось ни увидеть, ни вступить в контакт с кем-нибудь из них. Впрочем, она вполне могла и не знать, что разговаривает с представителем высшего руководства. Среди рядовых членов Ищущих бытовало мнение, будто Философы находятся среди них, только тщательно скрывают свое истинное положение.

Она подошла к столу. Фарр перелистывал небольшую, переплетенную в кожу книжицу. Ищущие обнаружили ее около века назад среди руин «Книжной полки королевы». Следовательно, когда-то она принадлежала Сарсину. Страницы, не пострадавшие от огня, неплохо сохранились, а символы, написанные на них, внешне походили на руны и не имели отношения ни к одной из систем письма, принятых на Земле.

Фарр провел пальцем по рисунку, изображавшему меч, клинок которого украшали диковинные руны. Кое-что они все-таки утаили от Тревиса — между человеком, известным под име-

нами Джеймс Сарсин и Джек Грейстоун, и Грейс Беккетт существовала связь.

Дейдра взяла в руки фотографию Грейс и коснулась пальцем трапециевидного кусочка металла, висевшего на цепочке у нее на шее. Символов на снимке не было видно, однако Дейдра изучила их в увеличенном виде и знала, что они полностью совпадают с рисунком. Не вызывало сомнений, что кулон доктора Беккетт является частью меча, изображенного в книге. Как Грейс Беккетт получила кулон — причем не вступая в контакт с Джеком Грейстоуном, — оставалось загадкой.

— И что все это значит? — вздохнув, спросила Дейдра.

Вопрос был чисто риторическим, и она не ожидала, что Адриан ответит.

— Это значит, что нам не хватает знания, — сказал он, не поднимая головы. — Что, несмотря на тщательные наблюдения и века, потраченные на изучение и анализ проблемы, мы беспомощны перед загадками, которые пытаемся решить.

— Но дети ведь учатся, Адриан. Мы тоже можем учиться. Мы будем наблюдать за Тревисом. — Дейдра сжала руки в кулаки. — И пробьемся к нему раньше «Дюратека».

— Возможно. А как насчет тех, кто доберется до него прежде нас всех?

Дейдра нахмурилась, уронила руки.

— В каком смысле?

Адриан молча захлопнул книгу.

ГЛАВА 14

Небо пылало.

Тревис устроился на полуразрушенной стене — кирпичи почернели и потрескались от дыма и жара — и наблюдал за тем, как осторожно пробирается в долину рассвет. С трудом повернув затекшую от долгого сидения шею, он принялся разглядывать руины вокруг: останки печной трубы, кусок обгоревшей стены, разбросанные тут и там обломки мебели, такие же истерзанные и обугленные, как и все, что когда-то удалось достать из-под пепла в Помпеях.

Почему он пришел на пепелище «Обители Мага»? Лишь когда робкие лучи рассвета принялись перекрашивать небо из чернильно-черного в серое, Тревис понял, куда его принесли ноги после побега из старого оперного театра. Впрочем, наверное, в этом был смысл. Ведь именно здесь все началось. Здесь вспыхнул первый пожар.

Где Джжкабар из Грейстоуна?

В ушах Тревиса снова зазвучал шипящий голос незнакомца, словно тот неслышно подкрался к нему и прошептал свой вопрос на ухо. Джакабар из Грейстоуна — Джек Грейстоун. И никто другой. Кого еще мог искать тот страшный человек в черном? Если у Тревиса и были какие-то сомнения, документы, которые ему показали ночью Дейдра и Фарр, полностью их развеяли.

Тревис сжал правую руку в кулак и уставился на развалины лавки древностей. Неожиданно он почувствовал, как его охватывает гнев, обжигающий, точно полуденное солнце.

— Это несправедливо, Джек, — прошептал он. — Ты не имел права так со мной поступить. На меня свалились проблемы, от которых ты ушел, но я же ничего не понимаю. Какие-то люди тебя ищут, а находят меня. Что мне делать? Ты легко отделался, вот что я тебе скажу, Джек!

Из-за Касл-Пика выглянуло солнце. Тревис поднял голову и посмотрел прямо в его раскаленный глаз, отчаянно жалея, что не сгорел тогда вместе с Джеком.

Какая-то тень закрыла солнце, и легкий ветерок коснулся лица Тревиса. Несколько секунд он ничего не видел, словно ослеп, но постепенно глаза привыкли, и Тревис различил перед собой женщину и девочку. Он снял очки и спрыгнул со стены.

Женщина и девочка были в черных, точно уголь, платьях, а их лица казались бледными лунами на дневном небосклоне. Тревис взглянул на черные волосы малышки, и у него возникло ощущение, будто их окутывает ночной мрак, а локоны женщины, озаренные лучами солнца, сияли ослепительным медным блеском. Тревис задохнулся от изумления. Впрочем, и это имело свой смысл. В прошлый раз, когда его жизнь круто изменилась, он тоже с ними встретился.

— Саманта, — прошептал он.

Девочка посмотрела на него своими взрослыми фиолетовыми глазами.

— Мы искали тебя, — сказала она звенящим детским голоском.

Несмотря на необычность происходящего, Тревис улыбнулся и с горечью произнес:

— И не только вы.

Женщина протянула руку и взяла девочку за плечо.

— Значит, это он? Мы его нашли?

— Да, сестра Миррим, — ответила малышка. — Это он.

Тревис поднял голову и только сейчас заметил тонкую полоску ткани, скрывающую глаза незнакомки.

— Что с ней произошло? — спросил он, повернувшись к Саманте.

— Она заглянула в огонь, чтобы увидеть, что прячется внутри.

— И ослепла, — покачав головой, проговорил Тревис.

Малышка Саманта посмотрела на него, и розовый бутончик ее губ расцвел мудрой улыбкой понимания.

— Не беспокойся за сестру Миррим. Она обладает другим зрением. Другими глазами.

Тревису казалось, будто он кружится на карусели, мир вокруг отчаянно вращался, и он никак не мог сосредоточиться на происходящем.

— Я не понимаю.

Девчушка протянула руку. На крошечной ладони лежал бумажный черный ворон.

Тревис отшатнулся, прижался к стене. Неужели все начинается снова?

— Я вижу, — прошептала сестра Миррим. — Ночные птицы пали на землю, у них обожжены крылья. Темные силы наступают, и от их шагов земля покрывается пеплом. — Повисшие вдоль тела руки ожили, пальцы скрючились, стали похожи на когти диковинной птицы, голос сестры Миррим звучал, точно монотонное заклинание. — Тот, что умер и был забыт, снова обрел могущество. Он покорил сердце огня и... нет! Этого не может быть! Он держит в руке пламенеющий меч и собирается разорвать небесный покров, чтобы добраться до звезд, и тогда весь мир утонет в крови!

Тревис не сводил глаз с сестры Миррим, его захлестнул холодный влажный ужас. Алые слезы потекли из-под повязки, залили щеки.

— Ты должен идти, — сказала малышка Саманта.

Тревис оторвал взгляд от сестры Миррим и посмотрел на девочку. Бумажный ворон исчез — на маленькой ладошке осталась лишь горстка пепла, ветер подхватил его и развеял.

— Куда? — с трудом разлепив губы, прошептал Тревис. — Куда я должен идти?

В исполненных вековой мудрости фиалковых глазах вспыхнули искорки, но голос звучал еле слышно, словно малышка уже была далеко.

— Ты должен умереть, чтобы стать другим.

Тревис протянул к девочке руку:

— Нет, подожди....

Яркая вспышка света ослепила Тревиса, и он отвернулся от обжигающих лучей солнца. Прошло всего несколько мгновений, но когда он снова посмотрел на обожженную землю, где только что стояли малышка Саманта и сестра Миррим, оказалось, что они исчезли.

Тревис отчаянно сражался с диким смехом, который рвался из его груди, понимая, что хохот, который разорвет

тишину утра, окончательно лишит его присутствия духа. Хорошо им рассуждать, тем, кто ушел. А что делать ему? Как быть тем, кто остался? Как поступить? Но тут он вспомнил глаза сестры Мирим и понял, что несправедлив. Им — кому? — тоже нелегко.

Тревис отошел от разрушенной стены и замер на месте. Он не знал, куда идти. Наверное, малышка Саманта ответила на его вопрос, только он ничего не понял. Несколько мгновений он раздумывал, не вернуться ли в салун, но там его наверняка поджидает «Дюратек». И Дейдра с ее Ищущими. Он повернулся спиной к Касл-Сити и зашагал по пустому, сожженному безжалостным солнцем полю. Скорее всего не важно, в какую сторону он пойдет, главное, чтобы его не нашли.

Тревис добрался до шоссе из города и продолжал идти вперед. Иногда достаточно просто двигаться, и тогда становится легче. Неожиданно его взгляд наткнулся на газетный автомат, торчащий возле дороги рядом с дюжиной простых почтовых ящиков. Тревис присел на корточки и сквозь поцарапанную пластмассовую дверцу прочитал:

НЕСКОЛЬКО ДЮЖИН ЛЮДЕЙ ПОДВЕРГЛОСЬ
ДОБРОВОЛЬНОМУ САМОСОЖЖЕНИЮ
ПРИЧИНА НЕИЗВЕСТНА
Врач дал название необычной эпидемии —
«Новая Черная смерть»

Под заголовком была помещена фотография: черное, истерзанное огнем тело. Как две капли воды похожее на тела на снимках, которые показал Тревису Адриан Фарр.

Тревис шумно выдохнул и принялся читать статью.

Ученым еще предстоит выяснить причину, заставляющую людей подвергаться добровольному самосожжению. За последние шесть недель на Среднем западе произошло несколько таких случаев. Кое-кто утверждает, будто у нас разразилась новая эпидемия самоубийств, жертвы которых выбрали для себя единый — неизвестный нам — пример для подражания. Однако ни в одном из случаев не использовано горючее вещество. Свидетели утверждают, что пострадавшие вели себя весьма необычно и демонстрировали все признаки лихорадки перед тем, как...

Продолжение статьи было напечатано на одной из внутренних страниц, а здесь Тревису удалось прочитать лишь

небольшую заметку о том, что употребление среди молодежи наркотика под названием «электрия» достигло пугающих масштабов. Тревис порылся в кармане джинсов, но обнаружил там лишь горстку мелких монет. Впрочем, он не особенно огорчился, понимая, что ничего нового газета ему не расскажет. Он знал, куда должен отправиться, причем как можно быстрее. Возможно, это действительно что-то вроде «Черной смерти». Может быть, болезнь, которая передается через прикосновение.

Он засунул монеты обратно в карман и вскочил на ноги, вглядываясь в горизонт.

— Держись, Макс, — прошептал он. — Ты должен выстоять.

Тревис подумал было забрать свой пикап, но тот по-прежнему стоял возле салуна. Он решил, что быстрее дойдет до квартиры Макса пешком. Перебравшись через старое проволочное ограждение, Тревис быстро зашагал по пустому полю на юг от дороги. Через несколько минут он взобрался на вершину холма и увидел впереди железнодорожные пути, ведущие в Касл-Сити. По другую сторону от них шла дорога к дому Макса.

Он сбежал по усыпанному мелкими камешками склону к железнодорожному полотну. Около ста лет назад поезда проезжали через Касл-Сити три раза в неделю, они везли пассажиров, самые разные товары, оборудование и уголь. Но последний поезд побывал здесь лет двадцать назад, и с тех пор железная дорога превратилась в безмолвное, безжизненное место: кладбище, где похоронены мечты о богатстве, и повсюду валяются старые вагоны, словно трупы, которые никто не дал себе труда предать земле.

Тревис осторожно прошел по проржавевшим рельсам, миновал полуразрушенное здание депо и перебрался на другую сторону железнодорожного полотна. Отсюда до дома Макса оставалось около мили.

Неожиданно он наткнулся на высокую железную сетку.

Тревис смотрел на ограждение и ничего не понимал. Впрочем, он почти сразу же вспомнил, что сетку поставили пару лет назад, когда мальчишка забрался в один из вагонов поиграть и закрыл за собой дверь на замок. Его тело нашли лишь спустя несколько недель.

Тревис отошел на шаг назад и окинул взглядом ограждение, которое заканчивалось острой, точно бритва, колючей проволокой. Ее края покрывала ржавчина, издалека похожая на кровь, но Тревис не сомневался, что перелезть не удастся — проволока по-прежнему оставалась острой и очень опасной. Значит, придется вернуться назад и снова обойти депо. Но тогда получается, что выгоднее идти в город и забрать пикап.

Тревис потрогал рукой сетку, просто так, он не собирался на нее лезть. Он уже понял, что повернет назад. Оста-

валось надеяться, что он успеет к Максу вовремя. Впрочем, вполне возможно, что он ошибся, и его приятель просто получил сильный ожог, когда прикоснулся к человеку в черном. А вдруг Макс сидит у себя дома, лечится и набирается сил, а когда Тревис постучит к нему в дверь, лишь посмеется над его страхами?

Или Тревис снова заглянет к нему в окно, только на сей раз увидит картину, похожую на снимок в газете? Тревис покачал головой, заставил себя не думать о таких страшных вещах и зашагал прочь от ограды.

— Привет, Тревис.

Тревис резко развернулся и с изумлением уставился на сетчатое ограждение. За ним, там, где только что красовались сухие уродливые сорняки, стоял мужчина. В следующее мгновение Тревис заметил за одним из вагонов черный бок фургона. Как *они* поняли, что его следует искать именно здесь?

— Посмотрите, что у вас в кармане, — сказал мужчина.

Он был по-прежнему одет в безупречный черный костюм, аккуратная бородка и гладко зачесанные светлые волосы поражали воображение — прямо хоть сейчас отправляй на открытие какой-нибудь художественной выставки в Нью-Йорке. Только вот под глазами залегли тени, а щеки портила неопрятная щетина. По-видимому, ночь и для него не прошла бесследно.

— Карман, Тревис. Я знаю, вы хотите задать мне вопрос. Посмотрите в кармане, там вы найдете ответ.

Тревис несколько секунд поколебался, затем засунул руку в карман джинсов и вытащил все ту же горсть монет, что рассматривал у газетного автомата.

— Не понимаю.

Мужчина улыбнулся — очень ласково. Тревис всегда завидовал таким людям: невысокий, прекрасно сложен, очень красивый. Иногда высокий рост доставлял ему массу неудобств.

— Вон та, — сказал незнакомец. — Выпущена в Денвере в 1966 году. Посмотрите внимательно — не тяните.

Тревис поднес монету к глазам. Сначала он не заметил ничего необычного. Затем понял, что она немного толще остальных, а по краю идет едва заметный шов. Он подцепил его ногтем, и монетка развалилась на две половинки. Внутри тонкой медной оболочки прятался силиконовый чип, засверкавший точно бриллиант в лучах утреннего солнца.

— Но вы же не подходили ко мне близко, — удивленно пробормотал Тревис.

— И не мог его вам подбросить? Верно, я к вам не подходил. Но ведь в салуне бывает много посетителей, раз-

ве не так? Вы вполне могли, сами того не заметив, положить монету в карман, когда относили заказ.

Тревис, ничего не понимая, молча качал головой. Бессмыслица какая-то! Вчера в садуне были только местные.

— Я же говорил, Тревис, — заявил незнакомец и развел руки в стороны. — Чужая душа потемки.

Вот и ответ. Его снова подставил кто-то из знакомых. Тревис повернулся и забросил монетку с передатчиком как можно дальше в заросли сорняков. Раздался мелодичный звон, и наступила тишина.

— И что же вас так задержало? — насмешливо поинтересовался он.

— Горы оказывают неожиданное воздействие на радиосигналы, особенно после наступления темноты. Мы не смогли вас отыскать до восхода солнца, а потом уже старались не терять время попусту.

Тревис мрачно ухмыльнулся и показал на ограждение.

— Похоже, на вашем пути возникло препятствие.

Мужчина пожал плечами и спокойно заявил:

— Мы пытаемся предусмотреть самые разные повороты событий. Данная операция планировалась несколько месяцев. Но даже мы не в силах предвидеть все осложнения. Боюсь, наша карта Касл-Сити несколько устарела.

— Когда вы объедете ограждение, меня здесь уже не будет, — перестав улыбаться, сказал Тревис.

— А вдруг у меня в машине найдутся кусачки?

— Если бы они у вас были, вы бы ими воспользовались.

— Отлично, Тревис, — рассмеявшись, похвалил незнакомец. — Вы неплохо соображаете. Поразительный человек. — Он вцепился руками в сетку, и его глаза сверкнули за стеклами очков. — Мне необходимо поговорить с вами. Как же я хочу вас выслушать, узнать о том, чем вы занимались, где побывали, что видели!

— Зачем? — спросил Тревис. — Чтобы решить, какой горный хребет начать разрабатывать первым?

— Значит, вот что вам сказали Ищущие?

— А разве это не так?

Костяшки пальцев незнакомца побелели, так сильно он вцепился в ограждение.

— Ищущие слепы и надменны. Они считают, что у них благородные цели. Какая чушь! — Он опустил руки и сделал глубокий вдох. — Послушайте, Тревис. Ищущие называют себя учеными, и тут они говорят правду, но они худший вид этого отряда людей. Думаете, они хотят узнать что-то новое и понять?

Ничего подобного. Ищущие убеждены, что они уже во всем разобрались. Им нужны лишь доказательства собственной правоты.

— А вы-то откуда столько про них знаете?

— Потому что когда-то я был одним из них, — глядя Тревису в глаза, ответил незнакомец.

Тревис открыл рот, но понял, что не может найти подходящих слов.

— Сейчас я вам все объясню, — продолжал мужчина. — Ищущие думают, что имеют единоличное право владеть каждым новым миром, который им удается обнаружить — только избранным дано его увидеть, изучать, систематизировать. «Дюратек» отличается от них. Вот почему я расстался с Ищущими. Мы считаем, что новые миры должны принадлежать всем, а не горстке ученых, засевших в своих высоких, недоступных простым смертным башнях. Мы хотим подарить их людям.

— Иными словами, вы намерены их эксплуатировать. Продавать.

— Слова, Тревис. Это всего лишь слова. Так говорят Ищущие.

Тревис сделал шаг назад.

— Послушайте, — проговорил незнакомец взволнованно, срывающимся голосом. — Я знаю, у меня мало времени. Позвольте сказать вам вот что: два мира стремительно сближаются. Наш и другой, чужой. Вам это известно лучше многих. Они все равно встретятся — вы не в силах помешать. Но вы в состоянии помочь нам ускорить процесс, установить контроль и проделать все так, чтобы потери были минимальными.

— Я не понимаю, — пробормотал Тревис.

Его собеседник покачал головой.

— Что вас интересует? Станем ли мы разрабатывать ресурсы нового мира, добывать полезные ископаемые, строить фермы на земле? Вы об этом меня спрашиваете? Ответ — да. Я уже сказал, что не собираюсь вас обманывать. Мы же говорим не о заповеднике. В наши намерения не входит окружить его надежной изгородью, вроде той, что сейчас разделяет нас. Вовсе нет. — Он провел рукой по сетке. — Мы за взаимовыгодный обмен. Подумайте о том, что мы сможем им предложить. Работу. Технологии. Достижения медицины. Нам уже удалось обнаружить несколько других миров. Сейчас впервые мы можем избежать ошибок. Но нам нужна ваша помощь. — Он отошел от решетки на шаг. — Выбирать вам.

Тревис не шевелился. Ветер жалобно завывал, пролетая над давно брошенными старыми вагонами. Разве когда-то отсюда не начинался путь в новый мир благополучия и процветания? Незваные гости прогнали индейцев, убили бизонов и разворотили внутренности гор в поисках сокровищ, которые они отправляли в свой мир, на восток. Серебра и золота больше нет, а страш-

ные незаживающие раны по-прежнему уродуют склоны гор. Да, выбирать ему. У него всегда остается такое право.

— Нет, — холодно проговорил Тревис. — Нет, я не стану вам помогать. То, что вы собираетесь сделать, неправильно. Даже если вы постараетесь вести себя разумно, вам не удастся совершить равноценный обмен. Вы не сможете дать столько, сколько возьмете.

В глазах незнакомца появилось сожаление.

— Мне печально слышать ваши слова, Тревис. Знаете, я надеялся, что мы станем друзьями. Впрочем, сейчас это не имеет значения. С вашей помощью или без нее мы получим то, что хотим. Мы всегда добиваемся своего. Потому что мы шагаем рука об руку с историей, мы на стороне справедливости. — Он поднял руку, словно салютуя Тревису. — Удачи вам, Тревис. Только помните, вам нас не остановить.

— Если вам действительно нужен новый мир, отправляйтесь в преисподнюю, — прошипел сквозь стиснутые зубы Тревис.

Быстро развернувшись, прежде чем незнакомец успел ему ответить, он зашагал между старыми вагонами и вскоре оставил сетчатое ограждение за спиной. Тогда Тревис побежал.

ГЛАВА 15

Тревис прятался в пышущих жаром тенях восточной окраины Лосиной улицы и потешался над самим собой. Неужели так чувствуют себя разбойники? Или преступники, скрывающиеся от правосудия? Наверное, только ведь у него нет в мыслях ничего дурного.

Там, где начиналась долина, воздух вздрагивал и мерцал, извиваясь в дикой пляске над потрескавшимся старым асфальтом. День окутал долину душным золотым покрывалом, спрятав в легкой дымке солнце, неподвижно висящее на небе. Казалось, вечер никогда не наступит. Впрочем, Тревис знал совершенно точно, что сумерки рано или поздно напомнят о своих правах и прогонят жару.

Из кармана рубашки он вытащил смятый листок бумаги. Тревис долго плутал по городу, прячась в тени и стараясь оставаться незамеченным, и в конце концов около полудня добрался до квартиры Макса. Страх встретить кого-нибудь из знакомых пересилил осторожность, и Тревис сделал то, о чем даже не думал с тех пор, как вернулся на Землю. Он произнес имя руны.

Альт — руна теней. Тревис тут же почувствовал покалывание в правой ладони, в ушах загудело, но звук доносился словно издалека и скоро смолк. Ему показалось, что вокруг сгусти-

лись тени — и все. Однако даже столь незначительный результат отнял у него много сил, и Тревис понял, что едва держится на ногах. Значит, его возможности здесь значительно ограничены по сравнению с тем, на что он был способен на Зее.

Ему бы следовало испытать облегчение — Тревис с самого начала не стремился стать рунным мастером, считая, что со столь могущественной силой следует обращаться почтительно. Она ведь может и навредить. Но приходилось признать, что в данных обстоятельствах дополнительные возможности пришлись бы весьма кстати.

Помогла ли ему руна и видел ли его кто-нибудь, Тревис не знал, но до дома, где жил Макс, ему удалось добраться без происшествий. Впрочем, когда он шел к двери, чутье подсказало ему, что его партнера нет дома. Собрав всю свою волю в кулак, Тревис заглянул в окно, представляя себе самые невозможные картины, но на сей раз шторы были задвинуты, и он ничего не увидел. Он вздохнул с облегчением и тут же выругал себя. Наверняка Макс в полном порядке — иначе и быть не может.

Тревис повернулся, собираясь уйти, и только тут заметил рядом с дверной ручкой желтый листок бумаги, вырванный из блокнота.

Шагая по долине, он уже в десятый раз перечитал записку, написанную аккуратным, немного квадратным почерком Макса:

> Тревис.
>
> Поскольку ты держишь в руках мою записку, значит, я не ошибся, и ты действительно решил ко мне зайти. Извини, что нам с тобой никак не удается встретиться. Меня снова не будет целый день — доктора и все такое, — но давай встретимся в салуне вечером, когда сядет солнце. Я помогу тебе открыть наше заведение.
>
> Макс.

Тревис ухмыльнулся — точно так же, наверное, улыбается труп, когда раскаленный воздух и безжалостный ветер пожирают его тело. *Давай встретимся в салуне вечером, когда сядет солнце.* Ужасно похоже на слова героя вестерна, что-то вроде апокалипсической демонстрации силы в загоне для скота. Но это же всего лишь записка, Макс не мог знать, что произошло с Тревисом за последние полдня. Его партнер болел, сейчас ему стало лучше, и он собирается снова приступить к работе.

Впрочем, вполне возможно, что это и будет самой настоящей демонстрацией силы. Тревис не сомневался, что *они* следят за салуном, поджидая его где-нибудь неподалеку от «Шахт-

ного ствола». «Дюратек» и Ищущие. Тревис сложил записку и убрал ее обратно в карман.

Услышав гул мотора, он резко вскинул голову. На Лосиной улице появилась темная машина. Тревис напрягся, готовый в любую минуту сорваться с места и броситься прочь, хотя, куда бежать, он не знал.

Автомобиль промчался мимо: голубой пикап. Тревис вздохнул с облегчением и тут же прижал руку к животу. «Интересно, где кончается ужас и начинается голод?» Он не ел целый день. И устал прятаться.

И тогда Тревис принял решение. Возможно, не самое умное. Но до заката оставалось еще три часа, а он не мог торчать на одном месте до бесконечности. Если его поймают, он не сможет ничем помочь Максу, но зато ничего не скажет врагам про Грейс и Зею.

Неужели ты думаешь, что у них нет способов заставить тебя разговориться, Тревис? Они же всегда получают то, что им нужно. Он так и сказал, и ты знаешь, что это правда.

Нет, Тревис не мог поверить. Если бы он поддался своим сомнениям на Зее, Бледный Властелин заморозил бы все доминионы. Но ведь там у него не было хитроумной телевизионной рекламы, персональных сетей, микропередатчиков.

Тревис огляделся по сторонам. На Лосиной улице никого. Жара разогнала жителей городка по домам, где они могли хотя бы спрятаться от ослепительного сияния солнца. Тревис быстро шагал по тротуару, изо всех сил делая вид, что не спешит. До кафе «Москито» оставался всего один квартал. Он засунул руки в карманы и ссутулился, ожидая в любой момент услышать визг тормозов, звук открываемой дверцы и сердитый голос, окликающий его по имени. Сосчитав последние шаги до кафе, Тревис с облегчением нырнул внутрь.

Его приветствовал такой успокаивающий, привычный гул голосов и звон посуды, что страх немного отступил, и Тревис подумал, что здесь он до определенной степени в большей безопасности, чем когда прячется в тени домов. По крайней мере тут все знакомые.

Увидев его, посетители улыбались, молча кивали, кто-то махнул рукой. Тревис поднял руку, собираясь помахать в ответ, но передумал. Его соседи, завсегдатаи салуна... А может ли он с уверенностью сказать, что действительно знает этих людей? Вчера вечером кто-то из них подсунул ему передатчик «Дюратека». А если он тоже здесь?

— Ты один, дорогой?

Тревис вздрогнул. Чуть склонив голову набок, на него смотрела Долорес Микер; она держала в руке меню и жевала неизменную резинку. Тревис нервно кивнул и пошел к ней в

дальний угол кафе. Неожиданно он заметил помощницу шерифа Джейс Уиндом, устроившуюся около стойки. Поколебавшись несколько мгновений, Тревис тронул ее за плечо.

Джейс резко развернулась на табурете и потянулась к пистолету на бедре. Ее глаза смотрели холодно и жестко. Тревис отшатнулся, но Джейс уже узнала его, и ее взгляд потеплел.

— Тревис... я тебя не заметила.

— Извини, Джейс... Я не нарочно тебя испугал.

Джейс встала, и Тревис увидел, что ее шляпа с изображением медвежонка Смоки лежит рядом с нетронутой голубой тарелкой фирменного блюда кафе. Что-то в ней было не так. Как правило, во всех движениях и словах Джейс сквозила уверенность и четкость. Сегодня она казалась какой-то заторможенной и тусклой.

— Тревис, милый, тебе нужно поговорить с помощницей шерифа? — спросила Долорес, ловко надув из резинки огромный шар.

— Всего минутку, — ответил Тревис.

— Я положу меню вон в той кабинке, — кивнув, сказала Долорес. — И подойду, когда ты будешь готов сделать заказ.

Тревис выдавил из себя улыбку, и Долорес ушла. Улыбка тут же погасла, когда он заглянул в лицо Джейс.

— Что такое, Тревис? Случилось что-нибудь?

Он с трудом сглотнул, а затем постарался задать свой вопрос так, будто ответ не слишком его беспокоил.

— Просто я... ты не видела сегодня Макса?

Джейс изо всех сил пыталась скрыть свою реакцию, но Тревис все-таки заметил, что она напряглась, а ее взгляд переместился куда-то ему за спину.

— В последние семьдесят два часа я не разговаривала с мистером Бейфилдом. Ты его партнер, Тревис. Уверена, тебе лучше, чем мне, известно, в каком состоянии он находится. Кроме того, я являюсь представительницей закона, а не врачом. Я ничего не могу для него сделать.

Тревиса поразил ее резкий тон, впрочем, он почти сразу понял, что они с Максом тут ни при чем. На стойке рядом с тарелкой лежала газета, в которой Джейс красным карандашом обвела снимок очередной жертвы эпидемии — полуобгоревший труп какого-то человека.

— Бессмыслица какая-то, верно, Джейс?

— В последнее время со смыслом вообще стало туговато, — пробормотала она.

Тревис не знал, что ответить. Он многое хотел бы ей рассказать, только не мог найти подходящих слов.

— Если я увижу Макса, то передам, что ты о нем беспокоишься, Джейс.

Она кивнула, избегая его взгляда, а затем вернулась к тарелке с остывшей едой. Тревис же быстро направился к столу в кабинке, опустился на скользкий виниловый стул и уткнулся в меню, оставленное Долорес, — скорее, чтобы спрятаться от посетителей, а не решить, что же он будет есть.

Тревису казалось, что после всех потрясений он не сможет проглотить ни крошки, однако вышло как раз наоборот. Привычные действия успокаивали. Не важно, что с человеком происходит и где он находится, ему необходимо есть. Долорес принесла ему пирог с мясом, пюре, овощи, рогалики и яблочный пирог. Тревис съел все.

Неожиданно кто-то остановился около его стола.

— Тревис?

Он отодвинул тарелку.

— Все, Долорес. Правда. Давай счет и...

Она села напротив и сложила руки перед собой.

Внутри у Тревиса все сжалось от страха, и он пожалел, что съел так много. Быстро окинув взглядом зал, он увидел, что на них никто не обращает внимания. Да и с какой стати? В Касл-Сити всем известно, что они с Дейдрой Атакующий Ястреб друзья.

— Хорошо, что я тебя нашла, Тревис.

— Наверняка получишь несколько дополнительных очков за то, что сумела отловить человека, побывавшего в другом мире. Уверен, старина Фарр поставит тебе высший балл.

Дейдра покраснела, но Тревис видел, что она не обиделась.

— Наверное, я это заслужила. Ты прав, Тревис, иногда ученые становятся жертвой своих изысканий и забывают, что имеют дело с живыми людьми. Но я имела в виду совсем другое. Я рада, что они... что ты в порядке, Тревис. — Она протянула к нему руку. — Я за тебя боялась.

Тревис отдернул руку.

— Я отлично могу о себе позаботиться, — сказал он, но его голос прозвучал не слишком уверенно.

Сейчас Тревис чувствовал себя таким же одиноким, как в те, первые дни на Зее, когда шагал через Зимнюю Пущу, оставив позади мир, который так хорошо знал.

— Мне хочется в это верить, Тревис, — покачав головой, проговорила Дейдра. — Ты очень умен, и у тебя сильный характер. Но ты не знаешь, с чем столкнулся. Просто не можешь знать.

Тревис опустил глаза и провел пальцем по ладони правой руки.

— А если знаю, Дейдра? — Он поднял голову. — Может быть, мне известно гораздо больше, чем всем вам?

Девушка посмотрела на него своими изумрудными глазами, словно затянутыми легкой дымкой.

— Тревис, пожалуйста, выслушай меня, — попросила она едва слышно, дрогнувшим голосом.

Может быть, она и вправду за него боится? Тревис встретился с ней взглядом.

Дейдра наклонилась вперед и прошептала:

— Мы все испортили, Тревис. Точнее, виновата я одна. Теперь я понимаю, что мне следовало довериться тебе и рассказать правду. Но я хочу, чтобы ты понял — «Дюратек» будет вести с тобой переговоры до тех пор, пока у них будет оставаться надежда получить то, что им нужно, не прибегая к силе. Однако они готовы пойти на самые крайние меры, чтобы завладеть необходимой им информацией. Они считают, что одна человеческая жизнь — небольшая цена за целый новый мир.

Дейдра засунула руку в нейлоновый мешок, который висел у нее на плече, достала оттуда билет на самолет и подтолкнула его к Тревису.

— До Лондона. Перед кафе стоит белый седан. Когда выйдешь, сразу же садись в машину, тебя отвезут в международный аэропорт Денвера. Водитель проследит, чтобы ты сел в самолет. В Лондоне тебя встретит Адриан Фарр и доставит в Лондонский штаб. Там мы снова сможем поговорить.

— Зачем? — не сводя глаз с билета, спросил Тревис.

— Здесь тебе угрожает опасность. В Лондоне Ищущие защитят тебя. Ты сможешь оставаться в Штабе столько, сколько захочешь — и уехать, когда пожелаешь. Я тебе клянусь. Мы не станем тебя задерживать — в отличие от «Дюратека». — Дейдра покачала головой. — Я знаю, тебе трудно осознать происходящее. Поезжай в Лондон, беги от них, чтобы получить возможность подумать.

Тревис протянул руку и коснулся края билета. Как легко. Он уедет отсюда, от жарких, пыльных улиц Касл-Сити, отправится в Лондон — прохладный, сырой, древний город. В конце концов, ведь именно Ищущие помогли Грейс спастись от людей с железными сердцами. Тревис вздохнул и потянул к себе билет.

Дейдра облизнула губы.

— Есть кое-что еще, Тревис. Мы не все тебе рассказали. Про Джека Грейстоуна и про самосожжения. Если ты поедешь в Лондон, мы покажем, что нам удалось найти. «Дюратек» никогда не станет делиться с тобой сведениями, которые им известны.

Тревис поднял на нее глаза и прищурился. Значит, Дейдра все-таки доверяет ему не до конца. Он выпустил билет из пальцев. Что еще утаили от него Ищущие? Какую информацию они будут выдавать ему строго рассчитанными дозами, чтобы заставить вести себя так, как им нужно? Прежний Тревис позволил бы им использовать себя в собственных целях. Но тот Тревис остался на Зее, на замерзших пустошах ущелья Теней.

Он язвительно ухмыльнулся.

— Значит, вот какова твоя вторая натура, Дейдра. Та, что умеет лгать.

Дейдра широко раскрыла глаза, собралась ответить, но не смогла найти подходящих слов.

— Тревис, мне пришлось...

— Нет, — тихо, но твердо проговорил он. — Мы сами выбираем, чем нам стать. Не ты ли мне это сказала? Почему я должен верить вам, а не «Дюратеку»? Они мне не лгали, Дейдра, — в отличие от тебя.

— Тревис, ты не можешь пойти к ним, — побледнев, проговорила она.

— Почему? — глядя ей в глаза, спросил Тревис.

Девушка сделала глубокий вдох, затем кивнула и заговорила со спокойной уверенностью в собственной правоте:

— Прежде чем уйти, ответь мне вот на какой вопрос: если бы ты, гуляя в горах, случайно нашел сказочное сокровище времен испанских завоевателей — сундук, полный чудесных вещей, утерянных многие века назад, — кого бы ты позвал? Представителей музея, мечтающих изучить и сохранить исторические ценности? Или компанию, которая заберет золото и расплавит его, чтобы использовать для собственных нужд? Скажи, что бы ты сделал?

Тревис спокойно посмотрел ей в глаза и ответил:

— Я бы взял лопату и закопал сундук.

Дейдра открыла рот, но не смогла найти подходящего ответа.

— Прощай, Дейдра, — сказал он и пошел прочь.

Тревис почти добрался до задней двери, когда увидел, что Дейдра двинулась вслед за ним. Но в этот момент к ней бросилась Долорес Микер, размахивая счетом за обед Тревиса. Дейдра не остановилась, но дорогу ей преградила Джейс Уиндом, и Долорес удалось ее догнать. Последнее, что увидел Тревис — Дейдра роется в карманах, достает деньги... Она бросила в его сторону взгляд, в котором отчаяние мешалось с мольбой.

Тревис отвернулся и вышел на пышущую жаром улицу.

ГЛАВА 16

Солнце еще висело над могучими плечами Касл-Пика, но Тревис больше не мог ждать.

Он целый час прятался среди куч мусора, скопившегося позади здания, где когда-то помещалась пробирная лаборатория Касл-Сити. Стоя на коленях в пыли, Тревис возился со

старыми медными весами, которые извлек из-под груды старого хлама. В прежние времена сюда приходили старатели, чтобы взвесить свои мечты в мешочках с золотым песком. Но как Тревис ни старался, ему никак не удавалось заставить стрелки сдвинуться с места. Камни, стекла, кусочки железа — весы больше не желали работать. Все, что он раньше считал реальным, стало эфемерным, словно лишилось своей сущности и плоти.

Тревис зашвырнул весы обратно в кучу мусора, поднялся на ноги и отряхнул руки. Ну что же, пора посмотреть судьбе в глаза.

До «Шахтного ствола» было совсем недалеко, и он зашагал по аллее, параллельной Лосиной улице, прячась среди контейнеров для мусора, пустых ящиков и коробок, останков старых машин, сошедших с конвейера во времена, когда Гитлер еще сидел в своей Германии и ничего такого не замышлял. Пару раз в просветы между зданиями Тревис видел улицу и катившие по ней машины, однако ни белых, ни черных среди них не заметил. И вот наконец он пришел.

Тревис поднялся по ступенькам, ведущим к задней двери салуна, но, взявшись за дверную ручку, заколебался. Еще рано, Макс наверняка не пришел, и дверь должна быть закрыта.

Он повернул ручку, дверь распахнулась. Внутри Тревиса приветствовал благословенный мрак, словно он оказался перед входом в древнюю пещеру. Тревис шагнул внутрь, оставив за спиной последние клочья дня.

Несколько мгновений он стоял, не шевелясь, чтобы привыкли глаза, и вскоре начал различать знакомые очертания: картонные коробки, пустые бочонки, поломанные стулья, огромный силуэт старого железного бойлера. Тревис осторожно миновал все препятствия, проскользнул в дверь и вошел в зал.

Здесь оказалось немного светлее — дневной свет сумел протиснуться внутрь сквозь маленькие оконца, — и Тревис сразу его увидел. Макс сидел за столом, склонившись над чем-то, спиной к Тревису, длинные спутанные волосы рассыпались по плечам. Он тихонько что-то бормотал, словно молился или произносил заклинание.

Неслышно ступая по полу ногами, обутыми в сапоги из оленьей кожи, Тревис прошел мимо пустых стульев и остановился около стола, за которым сидел Макс, но тот не обращал на него никакого внимания — партнер Тревиса что-то считал или сортировал, склонившись над старым деревянным столом.

— Что это, Макс?

Тревис произнес свой вопрос почти шепотом, но его слова разорвали тишину салуна, словно пожарный колокол. Макс поднял испуганные глаза, в которых плясал дикий огонь;

спутанные волосы торчали во все стороны, закрывая лицо. Тревис приготовился к самому страшному, но все равно вид Макса поразил его настолько, что он невольно сделал шаг назад.

— О Макс...

Глаза Макса метались, будто вырвались из-под контроля и больше ему не подчинялись. Наконец он собрался с силами и взглянул на своего партнера.

— Тревис?

Его голос напоминал голос путника, много дней блуждавшего по пустыне без единой капли воды, да и выглядел Макс не лучше. Кожа потемнела и обтягивала скулы, потрескавшиеся губы кровоточили. Тревис с удивлением заметил, что одежда Макса — всегда отличавшегося исключительной аккуратностью — в беспорядке, а грязный старый бинт на правой руке покрывает желтая корка. Однако он не почувствовал никакого неприятного запаха — если не считать аромата сухой, прокаленной на солнце земли, который окутывал Макса. На столе стояла пластмассовая бутылочка для лекарств, рядом лежали две кучки блестящих красных пилюлек, помеченных белой молнией.

Тревис посмотрел на таблетки.

— Макс, что ты делаешь?

Макс ухмыльнулся, и Тревис с тоской вспомнил прежнюю веселую улыбку человека, всегда радующегося жизни.

— Ты же меня знаешь, Тревис... я просто обожаю считать.

Макс собрал все таблетки и высыпал их в бутылочку. Одна из них соскользнула со стола и покатилась по полу. И тут, к неописуемому ужасу Тревиса, Макс резво вскочил со стула и, упав на четвереньки, бросился за ней в погоню. Схватив пилюльку дрожащей рукой, он быстро запихнул ее в рот, проглотил, не запивая, и закрыл глаза. Через несколько мгновений он перестал дрожать и с облегчением выдохнул.

Потом открыл глаза, и Тревис заметил, что они прояснились; Макс немного пришел в себя.

— Вот так-то лучше, — проговорил он и, ухватившись за стол, начал подниматься с пола.

Тревис протянул руку, чтобы ему помочь.

— Нет! Не прикасайся ко мне!

Его вопль походил на рык раненого зверя. Тревис отшатнулся и прижал руку к груди. Макс с трудом поднялся на ноги, но глаза его горели лихорадочным огнем.

— Что с тобой происходит, Макс? — с тихим стоном спросил Тревис.

На лице Макса промелькнуло удивление, потом страх. Впрочем, наверное, между ними не такая уж и большая разница.

— Я не знаю, Тревис. Мне кажется, будто я становлюсь прозрачным. И легким. Все, что прежде представлялось мне реальным или важным, словно окутано туманом. Город, салун, люди. Я их почти не различаю. Зато другие вещи... стали такими яркими, такими отчетливыми, что я удивляюсь, почему не замечал их раньше.

— Какие вещи, Макс? О чем ты говоришь?

Но Макс только улыбнулся и покачал головой.

Тревис перевел взгляд на бутылочку с таблетками.

— Что ты принимаешь, Макс? Их тебе прописал доктор? — Но на бутылочке не было этикетки, и, прежде чем Макс успел ему ответить, Тревис все понял. Он никогда не видел таких пилюлек раньше, но что еще может означать белая маленькая молния? — «Электрия», верно?

Макс взял бутылочку, устроил ее на сгибе локтя левой руки, немного повозился с пробкой, но все-таки сумел ее закрыть.

— Я не имею понятия, откуда они узнали, Тревис. Я и сам почти сумел забыть. Да, конечно, я попробовал «электрию» в Нью-Йорке. Но ведь я тогда занимал пост главного бухгалтера в одном из процветающих рекламных агентств города. У нас происходило столько разных событий, что без таблеток невозможно было обходиться — а руководство компании это даже приветствовало. — Он рассмеялся, на мгновение превратившись в прежнего Макса. — Если ты не принимал наркотик, тебя отправляли к нашему доктору, чтобы он выписал рецепт. С тех пор прошло много времени. Я оставил свое прошлое, когда... когда приехал сюда.

— Кто, Макс? — спросил Тревис и подошел к другу. — Кто дал их тебе?

— Они меня знают, Тревис, — не поднимая головы, проговорил Макс. — Они все про меня знают, а я не имею ни малейшего понятия, кто они такие. Конечно, я видел рекламные ролики. Но так и не понял, что они предлагают. Не думаю... нет, вряд ли наркотики.

Тревис вздрогнул, словно в него ударила молния, и слово вылетело еще прежде, чем он успел что-нибудь осознать.

— «Дюратек».

Макс убрал бутылочку в карман джинсов.

— Я не хотел. Не хотел принимать таблетки. Но рука... ничего не помогало. Доктор прописывал самые разные лекарства — и все бесполезно. А они... снимают боль. По крайней мере на некоторое время. — Он опустил голову и прошептал: — Прости меня, Тревис.

Тревис попытался сморгнуть слезы, навернувшиеся на глаза. Поднял руку, но тут же вспомнил и убрал ее за спину.

— Все в порядке, Макс. Все будет хорошо. Боль кого угодно лишит сил. Это же всего лишь таблетки. Мы тебя вылечим.

Макс поднял голову.

— Нет, Тревис. Речь не об «электрии». Я не за это прошу у тебя прощения.

— Тогда за что, Макс?

— За то, что собираюсь сделать.

Пронзительный вой разорвал тишину салуна, и Тревис замер на месте. Он уже слышал этот звук в тот раз, когда разговаривал с Максом по телефону.

Макс отстегнул небольшой предмет со своего ремня. Пейджер. Посмотрев на загоревшийся экран, он кивнул, положил пейджер на стол и встретился глазами с Тревисом.

— Они едут.

Из полумрака салуна возникли невидимые руки и сжали горло Тревиса, он начал задыхаться. Сделав шаг назад, он наткнулся на стулья, которые разлетелись в разные стороны. Макс не шевелился, на его лице застыло выражение спокойной покорности. Тревис изо всех сил старался сделать вдох и не мог. Как же тяжело дышать! Какая невыносимая жара, она его убьет. Ловушка. Он угодил в хитроумно подстроенную ловушку.

— Сколько? — едва слышно спросил он. — Сколько у меня осталось?

Макс прижал к груди больную руку. Спутанные волосы скрывали его лицо.

— Три минуты. Самое большее — четыре. Они должны были приехать до тебя и ждать здесь, но ты пришел слишком рано. Они просчитались. Думаю, они решили, что ты будешь прятаться до наступления темноты.

Тревис сердито ухмыльнулся, вспомнив про сетчатое ограждение у старого железнодорожного полотна.

— Даже они совершают ошибки.

— Но не часто, — кивнув, подтвердил Макс.

Тревис перестал улыбаться и сжал кулаки, но не от ярости — на лице у него застыла маска ужаса. Сначала Джек. Потом Дейдра. Теперь Макс его предал — добродушный, мягкий весельчак Макс. Что происходит? Неужели все на свете скрывают правду, которая, словно отравленный меч, покинувший ножны, причиняет боль?

Но ведь и у тебя есть тайны, Тревис Уайлдер, разве не так?

Он заставил себя расслабиться и взглянуть Максу в глаза.

— Прости меня, Тревис. — Потрескавшиеся губы Макса едва шевелились. — Мне ужасно жаль, что так все вышло. Я тебе не говорил, как... какой ужас я пережил. Мне казалось, что я не выдержу. Когда они пришли, когда дали мне таблетки, я решил, что это подарок судьбы. «Электрия»... знаешь... — Он потряс головой. — Тебе не понять. Я словно ожил и вновь обрел надежду. А потом они сказали, что больше не собираются бесплатно

снабжать меня наркотиком, что я должен кое-что для них сделать. — Макса отчаянно трясло. — Они приказали мне написать ту записку.

Тревис знал, что должен бежать, что нужно как можно скорее выбираться из салуна, и не мог сдвинуться с места. Макс с мольбой протянул к нему тонкие, дрожащие руки. Затем быстро убрал их и обхватил свое сгорбившееся тело, словно они представляли собой невероятную ценность или страшную опасность.

Неожиданно Тревис понял, что гнев ушел, его сменило — что? Не страх, не жалость. И не просто печаль. Значит, понимание. Макс снова вздрогнул, и Тревис почувствовал, как от его тела исходят волны жара.

Макс облизнул потрескавшиеся губы распухшим языком.

— Меня пожирает огонь, правда, Тревис? Совсем как тех людей, что я видел на фотографиях в утренних газетах. Как человека в черном плаще. Того, что сгорел в нашем салуне.

Тревис собрался запротестовать и не смог.

— Мы что-нибудь придумаем, Макс. Мы обязательно тебя вылечим. Снаружи стоит мой пикап. Я отвезу тебя в Денвер. Мы пойдем в больницу, там о тебе позаботятся. Хорошо? Пошли отсюда, и...

В окно ворвались кровавые лучи закатного солнца и визг тормозов. На короткое мгновение в глазах Макса зажегся огонек надежды — ему так хотелось верить Тревису, но потом он покачал головой, поник и прошептал:

— Ты опоздал, Тревис.

— Нет, не верю.

Еще одна машина остановилась около салуна. Значит, тот человек не один. Тревис быстро огляделся по сторонам в поисках пути к спасению.

— Макс, откуда они придут?

Его верный друг и партнер молчал, словно окаменел.

— Откуда, Макс?

Тот вздрогнул, очнулся, прошептал:

— С улицы. Они приказали мне закрыть заднюю дверь.

— Но ты ее не закрыл. Хорошо. Значит, у нас есть шанс спастись. Идем.

Он направился к кладовой и с радостью потащил бы Макса за собой, но не решился. Кто знает, как передается неведомая болезнь. Впрочем, через несколько секунд Макс бросился вслед за ним.

С улицы послышался топот ног. Тревис влетел в темную кладовку, пошарил вслепую, нашел лопату и, закрепив ее концы за трубы по обе стороны, заблокировал дверь.

— Бесполезно, Тревис, — сказал Макс. — Тебе их не остановить.

— Я и не собираюсь, — ответил Тревис, поворачиваясь, — нам только нужно... — Он не договорил, тихонько вскрикнув.

— Что такое, Тревис?

— Я... тебя вижу, Макс.

Макс поднял руку и принялся ее разглядывать. В темном помещении стало видно, что тело Макса окружено алым сиянием. Он светился.

Макс удивленно покачал головой.

— Что со мной происходит?

Тревис собрался ему ответить, но понял, что и сам не знает. В этот момент с другой стороны двери раздался грохот. Затем наступила тишина, послышались приглушенные голоса. Три человека. Тревис снова посмотрел на Макса. Страх наконец победил все остальные эмоции.

— Они здесь.

Макс опустил руку и едва заметно кивнул.

— Да, конечно... я все понял. Теперь я знаю, что происходит. И что должен сделать.

— Ты это о чем?

Макс сдвинулся с места, но в темноте Тревис не видел, что он делает, лишь различал очертания его тела. Макс наклонился, поискал что-то в углу, затем снова выпрямился, в руке он держал какой-то предмет. Блеснул заблудившийся луч света, и Тревис понял, что это топор.

— Нет!

Он опоздал. Макс поднял топор и замахнулся. Тревис отскочил в сторону, но лезвие прошло в нескольких футах от его головы. Раздался звон металла, затем послышалось шипение, словно последний вдох умирающей змеи. Топор упал на пол, а Макс без сил прислонился к стене. Тревис почувствовал сладковатый запах.

Макс разбил трубу старого бойлера. Комната быстро заполнялась газом.

Около двери в кладовку послышались шаги. Люди за дверью услышали грохот, попытались открыть дверь. Она чуть поддалась, но лопата держала достаточно надежно.

— Макс?

— Уходи, Тревис.

— Макс, что ты задумал?

В дверь принялись колотить, лопата немного сдвинулась с места, но еще держалась.

— Уходи, ты должен. — Голос Макса звучал спокойно и уверенно, словно ему наконец удалось обрести мир. — Спасибо тебе за все, что ты для меня сделал, Тревис.

— Макс!

Тревис был в отчаянии. Все повторялось. Однажды друг уже приказал ему бежать. Он не мог бросить Макса. Не мог — и все.

Новый удар сотряс дверь в кладовку. Ручка лопаты сломалась.

— Давай, Тревис. У тебя еще есть время. Открой дверь и уходи.

Запах газа стал сильнее, Тревис задыхался. Пройдет совсем немного времени, и они умрут от удушья. Они должны отсюда выбраться — оба. Он сделал шаг вперед, нащупал ручку двери. По другую сторону, всего в нескольких дюймах его ждал свежий воздух. Но Макс не сдвинулся с места, и Тревис оглянулся через плечо.

Еще один удар. Лопата разлетелась на кусочки, и дверь распахнулась. На пороге стоял невысокий человек со светлой бородкой, в очках, как у Тревиса. Он отряхнул руки и улыбнулся. У него за спиной маячили две тени.

— Давай, Тревис!

Макс вытянул левую руку ладонью вверх в сторону разбитой трубы. Агент «Дюратека» отвел от Тревиса глаза, чтобы посмотреть, что делает Макс, и нахмурился. Макс закрыл глаза, затем открыл их, и на лице у него появилось выражение, схожее с экстазом. И тут Тревис увидел, что у него на ладони расцвел пурпурный цветок.

Человек на пороге побледнел. Тревис быстро повернулся, распахнул дверь и выскочил на улицу. У него за спиной хохотал Макс.

А в следующее мгновение мир взорвался огненным каскадом.

ГЛАВА 17

Небо затянули темно-красные тучи, когда Тревис выбрался на последний участок дороги, вьющейся по склону холма, к югу от города. Он знал, что это невозможно. Чтобы попасть сюда от дымящихся развалин «Шахтного ствола», нужен по меньшей мере час, а ему казалось, что прошло всего несколько минут — солнце так и не скрылось за горизонтом. Впрочем, может быть, теперь всегда будет закат, и день будет вечно умирать в огненных сполохах.

Он шагал, засунув руки под мышки. Так они меньше саднили, да и кровь почти остановилась. Когда Тревис вывалился из задней двери салуна, он пролетел по ступенькам и свалился на землю, выставив вперед руки. Мелкий гравий и осколки стекла располосовали ладони, несколько штук даже засели под кожей. Было больно, но вполне терпимо, а безумный полет спас его.

Он несколько секунд лежал, а на него сыпался дождь из горящих обломков и раскаленного металла. И хотя Тревис не помнил взрыва — казалось, будто все произошло в гробо-

вой тишине, — у него до сих пор в ушах стоял легкий звон. Потом жар стал невыносимым, и Тревис вскочил на ноги, сделал несколько шагов и повернулся, чтобы взглянуть на пылающую преисподнюю, которая всего минуту назад была его жизнью, его существованием, его домом.

Прошло несколько секунд, прежде чем он сумел осознать, что же произошло. Большая часть задней половины салуна превратилась в руины. Сохранились лишь цементные ступени, ведущие к двери, именно они и прикрыли Тревиса от взрывной волны.

И тут раздался второй взрыв. Посыпались стекла, расцвели языки пламени, отчаянно стремящиеся воссоединиться с пылающим небом. Огонь принялся лизать дома, стоящие рядом с «Шахтным стволом», и Тревис понял, что они тоже обречены. Однако каким-то непостижимым образом сила второго взрыва победила огонь — по крайней мере частично.

И тут Тревис услышал вой сирен.

Он знал, что должен остаться, рассказать, что Макс Бейфилд погиб, а с ним еще три человека, чьих имен он не знает.

Но разве теперь это имело значение? Все равно уже ничего не изменишь. Максу он помочь не сможет. А «Дюратек» сам позаботится о своих служащих.

Вой сирен нарастал, и Тревис похолодел от страха. А что, если сюда мчатся новые представители «Дюратека»? Он останется поговорить с командиром бригады пожарных и с шерифом, а они возьмут и объявятся? Макс пожертвовал собой, спасая другу жизнь, а он преспокойненько отдастся им в руки?

Спасибо за все, что ты для меня сделал, Тревис.

Все, что Тревис для него сделал. Ведь именно из-за него погиб этот милый, добрый человек. А тот страшный незнакомец в черном явился к нему, и ни к кому другому. И еще «Дюратек». Что ж, по крайней мере Макс больше не страдает от боли.

С печальным предсмертным стоном обрушилась крыша «Шахтного ствола», и в воздух, словно прощальный фейерверк, поднялся ослепительный столб искр. Глаза у Тревиса болели от дыма и непролитых слез, но плакать он не мог.

— Прости меня, Макс, — прошептал он.

Затем во второй — и последний — раз в жизни Тревис повернулся и побежал прочь с места, где погиб его друг.

Алый полог продолжал укутывать небо, когда Тревис взобрался на вершину холма и посмотрел назад, туда, откуда пришел. Внизу, будто причудливая карта, раскинулась долина. В самом ее центре поднимался черный столб дыма: «Шахтный ствол», точнее, то, что от него осталось. Тревис перевел взгляд чуть южнее,

на горстку коричневых домов: там жил Макс. Потом на северо-запад, где тонкой карандашной линией пролегла старая железная дорога, посмотрел на разбросанные прямоугольники никому не нужных вагонов. И, наконец, мимо черной ленты шоссе, на окраину городка. Останки «Обители Мага». Дом Джека Грейстоуна. Именно там все началось.

Только неправда все это. Тревис взглянул на восток, но картина, которую он надеялся увидеть — поля, раскинувшиеся до укутанного дымкой горизонта, старая ферма, обесцвеченная годами печали и дождем, — скрывалась от его взора. Но они там были, где-то далеко, за рыжими склонами Сигнального хребта и долиной. Вот где началось его путешествие.

Его взгляд снова вернулся назад: лавка древностей, железная дорога, дом Макса, «Шахтный ствол». На мгновение Тревис пытался сообразить, что он делает, а потом понял — прощается.

И куда же мне идти?

Этот же вопрос он задал малышке Саманте, когда разговаривал с ней и сестрой Миррим. И вот сейчас он вспомнил ее ответ.

Ты должен умереть, чтобы стать другим.

И тогда он понял, куда должен идти.

Тревис открыл старые ржавые ворота, вошел внутрь и аккуратно прикрыл их за собой. И зашагал по усыпанной гравием дорожке в глубь кладбища Касл-Хайтс. Ветер напевал жалобную песнь, обнимая старые, побитые непогодой надгробия, а Тревис осторожно пробирался между древними безымянными могилами. Он довольно быстро нашел то, что искал.

В самом центре кладбища на небольшом возвышении из земли и сухой травы стоял мужчина. Казалось, он взобрался туда, чтобы лучше видеть окрестности. Высокий, с прямой спиной, будто телеграфный столб, в черном костюме. Тонкой рукой мужчина придерживал широкополую шляпу, которую упорно пытался сорвать ветер, и смотрел вдаль — не на залитый огненным сиянием горизонт на западе, а на восток, откуда наступала ночь.

Тревис шел, не останавливаясь, мужчина не шевелился, словно не замечал его или ему было все равно. А может быть, он знал о его приближении и терпеливо ждал.

— Кто вы? — спросил Тревис.

Брат Сай продолжал изучать небо на востоке, однако на бледном, изрезанном морщинами лице появилось подобие улыбки.

— Я тоже рад снова тебя видеть, сынок.

Тревис сжался. Поразительно, как тихий, ласковый голос может так больно жалить. Он обошел холмик и оказался перед проповедником.

— Скажите мне.

Молчание. А потом:

— Мы те, кого забыли, сынок. Но мы-то себя помним. Разве этого недостаточно?

Тревис задумался. Ему хотелось сказать: нет, недостаточно, но он промолчал. Может быть, старик прав. Он знал про Джека, про Дейдру, про «Дюратек». Однако знание ничего ему не дало. Возможно, пришло время тайн, которым следует остаться тайнами.

— Зачем вы здесь? — спросил он, потому что ничего другого придумать не смог.

Полы широкого черного плаща брата Сая трепал ветер. День умирал, и с неба сыпались мерцающие искры сумерек.

— Два мира сближаются. Когда горит один, горит и другой.

— Я не понимаю, — сказал Тревис с сомнением.

«Новая Черная смерть» — так, кажется, написано в газете. Но ведь в наше время не бывает новых болезней. Они всегда приходят откуда-то.

— Зея нуждается в тебе, сынок. Они даже сейчас призывают тебя. Неужели ты не слышишь?

Тревис сжал окровавленные руки в кулаки, но у него уже не осталось сил на гнев, так страшно он устал.

— Мне все равно. Сейчас я мечтаю только об одном: позаботиться о самом себе — для разнообразия. Не хочу я спасать мир.

Брат Сай впервые за все время пошевелился: откинул голову назад, расставил худые руки в стороны и расхохотался. Его лицо превратилось в добродушную комическую маску, а адамово яблоко так натянуло кожу на шее, что, казалось, вот-вот выскочит наружу. Тревис уставился на него, не в силах оторвать глаз от завораживающего зрелища. Наконец проповедник успокоился, плечи старика печально поникли, словно смех отнял у него слишком много сил.

— Я сказал что-то смешное? — прищурившись, поинтересовался Тревис.

Брат Сай вытер слезы.

— Ты здорово пошутил, сынок.

Тревис только покачал головой.

— Неужели не понимаешь? — Брат Сай хлопнул в ладоши. — Спасешь мир, спасешь и себя. Никакой разницы, сынок, никакой.

Но Тревис все равно ничего не понял. Он жалел, что не может рассмеяться, как проповедник, ему казалось, будто его сердце сгорело, превратилось в серый пепел.

— Здесь у меня больше ничего не осталось, — сказал он.

Брат Сай кивнул, снова став серьезным, он понял, что хотел сказать ему Тревис.

— Тогда тебе пора.

Он показал на две могилы неподалеку от холмика, на котором стоял. Первая казалась совсем свежей. На ней было установлено гранитное надгробие с одним-единственным словом:

МАЙНДРОТ

Интересно, это имя? — подумал Тревис и посмотрел на другую могилу.

Пустой прямоугольник шести футов глубиной, рядом в землю воткнута лопата, словно ждет своего часа. Сначала Тревис не заметил никакого надгробия, но в следующее мгновение удивленно зажмурился, когда понял, что ошибся. На камне были вырезаны следующие слова:

ТРЕВИС РАЛЬФ УАЙЛДЕР
«В смерти наше начало»

Тревис хотел было расхохотаться, но смех застрял в горле и не желал выбираться наружу. Да, разумеется. Умереть, чтобы стать другим. Каким? Он посмотрел на проповедника и кивнул. Скоро он узнает.

— Сними сапоги, сынок.

Тревис колебался. Разве гангстеры не мечтают умереть в сапогах?

— Давай, сынок. У нас мало времени.

Тревис поднял голову. Пурпурное, быстро темнеющее небо лишь в нескольких местах прорезали алые нити. Тревис наклонился и снял сапоги.

— И остальное, сынок. Все. Нагими мы появляемся на свет и нагими должны его покинуть.

Тревис расстегнул рубашку, скинул ее прямо на землю. Затем стянул футболку, грязные, в пятнах сажи, джинсы, носки, трусы — все, кроме талисмана из кости, висевшего на шее.

И вот он стоит, совершенно обнаженный, перед проповедником, а горячий ветер швыряет в него пригоршни пыли, словно совершает варварский ритуал крещения.

Брат Сай наклонился, взял сапоги и швырнул их в вырытую могилу. В следующее мгновение, будто по мановению волшебной палочки, в руках у него появилась одежда Тревиса, которую он отправил вслед за сапогами. Лишь в последний момент проповедник засунул руку в карман Тревисовых джинсов и вложил Тревису в ладонь маленький, жесткий предмет: половинку серебряной монеты.

— Она тебе пригодится, — сказал проповедник.

Несмотря на жару, Тревиса трясло.

— Я боюсь.

Брат Сай понимающе кивнул:

— Как и все мы, сынок. Как и все мы.

Спустилась ночь, и черную вуаль неба украсили крошечные алмазы звезд.

— Ну, сынок, давай, пока у нас еще есть время.

Тревис повернулся и посмотрел на разверстую пасть могилы, с нетерпением ждущую, чтобы сожрать его. Он осторожно опустился на край и начал сползать вниз. Яма оказалась глубже, чем ему показалось вначале. Здесь было страшно темно и душно. Тревис лег на дно и свернулся в клубочек, точно маленький ребенок. Пора спать.

Где-то у него над головой, над краем могилы, прошелестел тихий голос:

— Прах к праху, пыль к пыли...

И тут Тревис почувствовал, как на него падают комья земли. Нет, не земли...

Дождь. Долгожданный, прохладный, такой восхитительный.

Часть вторая
АЛАЯ ЗВЕЗДА

ГЛАВА 18

Грейс изо всех сил старалась удержаться в седле своей лошади, в то время как замок у нее за спиной постепенно исчезал в дымке.

Утренний воздух был напоен влагой и ароматом юной жизни, теплое солнце тонкими ласковыми пальцами гладило лицо. Повсюду, куда ни бросишь взгляд, тянулись изумрудные поля, расцвеченные золотистыми искорками, и так до самого сердца Кейлавана. Великолепный день для прогулки верхом — наконец-то лето пришло в эти края, и представить себе, что оно когда-нибудь кончится, было невозможно.

Грейс еще не забыла злющего, безжалостного холода, который на правах полноправного хозяина разгуливал по Кейлаверу всего несколько месяцев назад. И отлично помнила, как стучали ее зубы по утрам и вечерами, когда она забиралась в холодную постель. Но однажды, в самом начале месяца эрендат — по ее подсчетам получалось, что он соответствует земному марту — она выглянула в окно и увидела темные проплешины на уже ставшем таким привычным белом покрывале, укутавшем землю. К концу следующего дня снег растаял, и весь мир превратился в одну громадную лужу.

К Празднику Начала так сильно потеплело, что торжества перенесли в верхний двор, куда легкий теплый ветерок доносил сладковатый аромат распускающихся в саду цветов. Однако весна быстро закончилась, уступив место венценосному золотому лету, уверенно воцарившемуся в доминионах.

Впрочем, король Бореас не собирался никому уступать своей власти.

Грейс наклонилась в своем отделанном серебром седле и едва заметно отпустила поводья. Ее лошадке — стройной, длинноногой, цвета юного меда — этой весной исполнилось два года, и уговаривать ее не пришлось. Лошадь сорвалась с места и помчалась вперед, в каскаде брызг перелетела через мелкий ручей и начала резво взбираться по склону холма. Грейс закрыла глаза и отпустила свое сознание на свободу. Если хорошенько

настроиться, можно почувствовать, как мимо проносится земля, яркие цветы, мелкие животные разбегаются кто куда — совсем как в разноцветном калейдоскопе, где одна картинка мгновенно сменяет другую.

Она вздохнула, затем открыла глаза и натянула поводья. Лошадь замедлила свой бег, а потом остановилась и повернула голову. Грейс рассмеялась — теперь она много смеялась, словно так было всегда, впрочем, наверное, так и есть, подумала она. Лорд Харфен, королевский обер-церемониймейстер, предупредил ее, что молодая кобылка любит побегать.

— Ладно, Шандис, пока хватит, — прошептала Грейс и погладила лошадь по выгнутой шее.

Король Бореас подарил ее Грейс по случаю наступления весны, и она сама выбрала имя — «Солнечная Ягода».

Шандис тихонько фыркнула, словно хотела сказать, что совсем не устала, но если ее хозяйке нужен повод, чтобы отдохнуть, что же, она не возражает. По крайней мере так показалось Грейс. Впрочем, будучи человеком образованным, она понимала, что глупо, а иногда даже опасно персонифицировать существа, которым природа не дала души. Двухлетняя кобыла наделена таким же чувством юмора, как и способностью играть в бейсбол.

Впрочем, наука и образование не имели никакого отношения к тому, как отчаянно забилось сердце Грейс, когда лорд Харфен вывел к ней подарок короля, а Шандис робко подошла к ней и ткнулась носом в протянутую руку.

Раздались раскаты грома, но не с безоблачного неба, а из-за спины Грейс, со стороны холма. Обернувшись, она увидела четверых всадников — двух женщин и двух мужчин. Они галопом промчались по заросшему травой склону и резко остановили своих лошадей рядом с ней.

Эйрин отбросила волосы с раскрасневшегося лица, голубое платье неровными складками окутывало седло.

— Грейс, ради всех святых, с чего это ты устроила такую гонку? — спросила юная баронесса. — Ты же знаешь, пастушьи узелки трудно рассмотреть, пока они не расцветут. А уж если мчишься, точно ветер, то вообще ничего не увидишь.

Вторая женщина подъехала почти вплотную к Грейс. Ее длинные, угольно-черные волосы тугими локонами обрамляли лицо, кожа цвета мэддока поражала восхитительным мягким сиянием. На красивых чувственных губах играла загадочная улыбка — впрочем, леди Лирит всегда выглядела загадочной и таинственной.

— Может быть, леди Грейс искала вовсе не пастушьи узелки.

Грейс улыбнулась стройной кареглазой колдунье.

— Может быть, — ответила она, стараясь напустить на себя немного таинственности.

— Вы слишком легкомысленно относитесь к опасности, сэр Гарфетель. А что, если наша госпожа окажется слишком далеко от нас, и на нее нападут разбойники?

— Леди Грейс их околдует, — ответил Гарф. — А догнав ее, мы увидим, как она грозит им пальчиком, а разбойники с веночками на головах водят вокруг нее хороводы.

Лирит прижала обе руки к лицу, и даже Эйрин — которая так редко теперь смеялась — улыбнулась словам Гарфа. Однако Дарж казался еще мрачнее обычного. Грейс понимала, что должна что-нибудь сказать. Она знала, что главной обязанностью благородной дамы является предотвращение ссор и конфликтов.

— Я благодарю вас за веру в мои силы, сэр Гарфетель, — проговорила она, — но сэр Дарж, разумеется, совершенно прав. Я проявила легкомыслие, когда позволила себе забыться и оставить вас далеко позади.

— А я бы с удовольствием полюбовалась на танцующих в веночках разбойников, — заметила Лирит.

Грейс бросила на нее удивленный взгляд. Иногда она не понимала, когда Лирит шутит, а когда говорит серьезно. Может быть, для нее это одно и то же?

Лирит прибыла в Кейлавер почти сразу после отъезда королевы Иволейны. Заканчивался месяц дурдат и, хотя зима еще не собиралась отступать и вовсю буйствовала в доминионах, многие правители, приехавшие в Кейлавер на Совет Королей и оставшиеся после того, как его переименовали в Военный Совет, решили вернуться в свои доминионы. Иволейна покинула замок короля Бореаса последней, и Грейс с Эйрин, закутавшись в теплые плащи, отороченные мехом, вышли в нижний двор, чтобы попрощаться с ней.

Королева сидела на своем белом скакуне такая же царственная и ослепительная, как и в день, когда Грейс впервые увидела ее у ворот Кейлавера — как же это было давно! Сначала они попрощались с советницей королевы Трессой. Дородная рыжеволосая колдунья на удивление легко спрыгнула со своей лошади, чтобы заключить обеих в теплые материнские объятия. Грейс почувствовала, что сейчас расплачется, и быстро повернулась к королеве, чтобы пожелать ей счастливого пути. После всего, что с ними произошло, она так и не сумела поближе узнать Иволейну, холодную и неприступную, словно звезды на небосклоне.

— Мы будем продолжать занятия, ваше величество, — пообещала Эйрин.

Глаза цвета льда засияли, и Иволейна ответила:

— Да, сестры. Конечно, будете.

Через неделю, в первый день эрендата, к воротам замка подъехала Лирит в сопровождении двух толорийских рыца-

рей. Она сказала, что ей необходимо переговорить с леди Грейс и леди Эйрин, прежде чем испросить гостеприимства короля Бореаса.

— Здравствуйте, сестры, — поздоровалась с ними Лирит, не успев войти в замок. — Королева Иволейна приказала мне, не теряя времени, отправиться сюда, чтобы помочь вам с вашими занятиями. Я прибыла из Ар-Толора.

Грейс думала, что слова колдуньи приведут ее в ужас. Король Бореас ничего не знал о том, чем они с Эйрин занимаются; до сих пор им удавалось скрывать от него свои вновь приобретенные умения. Однако услышав слова Лирит, она почувствовала облегчение.

Ты же хочешь побольше узнать, Грейс, верно? И не важно, что это знание может оказаться опасным, не важно, что Бореас прикажет отрубить вам головы, как только ему станет известно, что вы затеяли. Ты готова на все, чтобы ваши занятия продолжались, ведь так?

Ответа на все эти вопросы не требовалось — ни тогда, ни сейчас.

Гарф направил своего скакуна на вершину холма и, прикрыв глаза рукой, принялся внимательно разглядывать раскинувшийся внизу пейзаж.

— Что вы ищете, сэр Гарфетель? — поинтересовался Дарж. — Дым от костра, вокруг которого собрались головорезы? Следы дикого кабана? Или болото, гибельное для наших коней?

— Место, где можно остановиться, чтобы перекусить, — ответил юный рыцарь.

Грейс улыбнулась. В отличие от Даржа, Гарф отличался поразительной практичностью.

Всадники сидели на своих конях и оглядывали окрестности в поисках подходящей лощины или укрытия, которое, с одной стороны, защитит их от ветра, а с другой — даст возможность напоить лошадей.

Неожиданно Эйрин вскрикнула.

Грейс повернулась к баронессе, думая, что та увидела подходящее место, но обнаружила, что Эйрин смотрит не на золотисто-зеленые поля, а на нее.

— Что такое? — удивленно спросила Грейс.

— Земля, — пробормотала Эйрин. — Она такого же цвета, что и твои глаза, Грейс.

— Верно, — кивнув, подтвердила Лирит.

Грейс собралась ответить, но поняла, что не может найти подходящих слов.

— Ну, если у миледи Грейс глаза такого же цвета, значит, она королева этих прекрасных мест, — рассмеявшись, заметил Гарф и, изобразив сидя в седле изящный поклон, провозгласил: — Да здравствует Королева лета!

Выглядело это глупо, и Грейс покачала головой, собираясь запротестовать. Однако она не успела произнести ни слова, потому что неожиданно на небе загорелось второе солнце. Оно промчалось у них над головами, разбрасывая во все стороны причудливые тени, а в следующее мгновение возникла ослепительно белая вспышка и тут же исчезла на севере.

Первым в себя пришел Дарж.

— Огнедышащий дракон, — прошептал он.

Только сейчас Грейс сообразила, что видела падающую звезду. Впрочем, она никогда не слышала, чтобы они падали средь бела дня.

— Какая яркая! — прошептала Эйрин.

Лирит посмотрела на небо и проговорила:

— Красиво.

— Будем считать, что это хороший знак, — улыбаясь, заявил Гарф. — Теперь я не сомневаюсь, что мы найдем отличное место для пикника.

Дарж мрачно посмотрел на юного рыцаря.

— Как пожелаете, сэр Гарфетель.

Впервые за многие месяцы Грейс стало не по себе.

— Пошли, — сказала она, выругав себя за глупые страхи. — Должна сказать, что я страшно голодна.

Они вместе спустились вниз по склону и помчались вперед, навстречу лету.

ГЛАВА 19

Никого не удивило, что идеальное место для отдыха и завтрака нашел именно Гарф.

Они остановили своих лошадей у основания холма настолько идеально конической формы, что он вряд ли был естественного происхождения. Среди зеленых полей Кейлавана таких удивительных насыпей встречалось великое множество, их построили варвары, которые жили здесь до возникновения доминионов и до того, как императоры Тарраса пришли сюда под своими золотыми знаменами. Впрочем, возможно, холмы являлись творением рук неизвестного народа, населявшего эти края еще раньше, — того самого, что возвел Круг Камней к северу от замка.

Грейс окинула взглядом место, выбранное Гарфом для стоянки. Склоны холма полого сбегали к ручейку, заросшему по берегам ивами и зеленым тростником. В воздухе звенела мелодичная его песнь, и Грейс вдруг поняла, что ужасно хочет пить.

Она знала, что вода в ручейке почти наверняка грязная и вонючая, но у него был такой чистый прохладный голос.

Грейс подождала, пока Дарж спрыгнет с лошади, чтобы помочь ей. И не в том дело, что она считала это его обязанностью, просто грациозно соскользнуть с лошади, не запутавшись в подоле длинного платья и не уткнувшись носом в землю, оказалось абсолютно непосильной для нее задачей. Сколько Грейс ни старалась, ничего у нее не получалось. По правде говоря, она предпочла бы эластичные брюки для езды на велосипеде, но приходилось мириться с тем, что есть. Впрочем, Грейс оказалась способной ученицей и ловко сидела в седле, хотя у нее и не было особого опыта.

Жаль, что ты не можешь так же управляться с людьми, как с лошадьми, Грейс.

Она поморщилась, эта мысль ей не понравилась. Впрочем, голос, прозвучавший у нее в голове, был слабым, а слова хоть и горькими, но пустыми. Грейс по-прежнему не хватало легкости в общении с другими людьми, но она знала, что так будет всегда. Зато теперь она понимала, что не нужно быть идеальным, чтобы иметь друзей. Когда кто-то к тебе хорошо относится, он перестает видеть твои недостатки или готов принимать тебя такой, какая ты есть.

Грейс перекинула одну ногу через седло, изо всех сил стараясь не запутаться в море фиолетовой ткани, потом Дарж подхватил ее своими сильными, надежными руками и бережно поставил на землю. Она благодарно улыбнулась ему. Кайрен права в одном: от мужчин все-таки есть некоторая польза.

При мысли о Кайрен улыбка погасла. Порой, шагая по какому-нибудь коридору в замке, Грейс казалось, что она вот-вот наткнется на зеленоглазую красавицу в откровенном платье и с коварной улыбкой на коралловых губах. Однако если прошлое ушло в тень, его прикосновение мимолетно, словно облако, на минуту закрывшее солнце.

Дарж подошел к Лирит, чтобы помочь ей, и Грейс оглянулась на Эйрин. Если руки Гарфа и дольше, чем того требуют приличия, задержались на ее осиной талии, Эйрин, казалось, ничего не заметила. Он сделал шаг назад и поклонился, но юная баронесса уже от него отвернулась.

— Прекрасно, сэр Гарфетель, — заявила Лирит и развела руки в стороны, словно хотела обнять живописную поляну и насладиться теплом ее жизни.

Грейс посмотрела на толорийскую колдунью, и Лирит улыбнулась ей. Улыбка таила в себе загадку, но в ней не было и подобия легкомыслия Кайрен.

Лирит направилась к берегу ручья, изящная и стремительная; казалось, она прекрасно себя чувствует в коричне-

вом платье для верховой езды, которое ее нисколько не стесняло. Оба рыцаря, захватив седельные сумки, последовали за ней.

Грейс задержалась, пропуская их вперед, и Эйрин осталась с ней, будто поняла, что та хочет поговорить.

— Мы можем ей доверять? — спросила Эйрин, прежде чем Грейс успела раскрыть рот.

— Понятия не имею, Эйрин. А мы вообще можем доверять колдуньям? — Они уже не в первый раз обсуждали эту тему. — Иногда мне кажется, что мы и себе не должны слишком доверять.

— Я себе доверяю, — заявила Эйрин.

Грейс остановилась и взглянула на подругу. Ее слова, произнесенные очень тихо, звучали жестко и уверенно. Она искала на лице Эйрин следы гордости, гнева или печали — проявления чувств, которые помогли бы ей найти правильный ответ, но, как и всегда, прекрасное бледное лицо юной баронессы оставалось для Грейс закрытой книгой.

— Она гордится и старается показать, что у нее есть свои тайны, — продолжала Эйрин, обхватив себя левой рукой — правая, тонкая и высохшая, как всегда, пряталась под искусно накинутой на плечи шалью. — Я говорю о Лирит. Иногда мне кажется, что ей доставляет удовольствие дразнить нас. Знаешь, ее улыбочки... она специально так себя ведет.

Грейс задумалась.

— Нет, не думаю. Лирит совсем не похожа на Кайрен. Разумеется, у нее полно своих тайн, которые она старательно от всех скрывает. Но мне кажется, мы можем найти к ним ключ. Именно это она и пытается нам сказать.

— Может быть. — Эйрин нахмурилась, но спорить не стала.

Грейс внимательно посмотрела на подругу, не в силах понять, что с ней происходит. С Эйрин что-то случилось, тогда, во время страшных и имевших решающее значение для судьбы доминионов событий в канун Дня Среднезимья, но что именно, Грейс не знала, а баронесса за все прошедшие месяцы ни разу не заговорила об этом.

Впрочем, загадки и тайны есть не только у Лирит.

Все мы что-то скрываем, не правда ли, Грейс?

Она вздохнула и зашагала вперед, Эйрин рядом с ней.

Несмотря на скрытность Лирит, уроки с ней проходили успешно — хотя и довольно медленно. К их удивлению и радости, Лирит, в отличие от Иволейны, начала не со скучного собирания трав и не усадила их за прялки. Первый урок состоялся на следующий день после ее появления в замке — Лирит учила их плести паутину вокруг Духа Природы. Ничего подобного Грейс испытывать не доводилось, и она с наслаждением погрузилась в новые для себя ощущения, слушала будто окутанный туманом голос Лирит,

которая произносила заклинание, и представляла себе, как серебристо-зеленые нити Духа Природы соскальзывают с ее пальцев и превращаются в мерцающее покрывало таинственной силы. Затем Лирит рассмеялась, и очарование исчезло. Грейс открыла глаза и увидела, что Эйрин потрясена не меньше ее.

На следующий день они повторили упражнение. А потом снова и снова. И так много дней подряд до тех пор, пока прикосновение к Духу Природы не перестало приносить щемящую радость, а превратилось в тоскливую обязанность, которую Грейс с трудом заставляла себя исполнять. Она по нескольку часов кряду плела паутину — плотно закрыв глаза, сжав зубы, страдая от гула в голове, — и тогда Лирит легко прикасалась к ее плечу, и нити магии рассыпались, соскальзывая с ее пальцев.

— Попытайся еще раз, — говорила Лирит, и Грейс начинала все сначала.

Впрочем, какими бы скучными, однообразными и утомительными ни представлялись им уроки, Грейс и Эйрин ни разу не опоздали ни на один из них. Иногда Грейс казалось, будто король Бореас знает, чем они занимаются. Причина появления Лирит в замке звучала по меньшей мере не слишком убедительно. Она доставила устное послание от королевы и попросила у Бореаса позволения остаться в Кейлавере, чтобы погостить у кузена. Однако никто не знал имени загадочного кузена и ни разу не видел Лирит в его обществе.

Что-то относительно появления Лирит в замке беспокоило Грейс; она пыталась и не могла понять, что же это такое. И вдруг, словно вспышка молнии, на нее снизошло озарение.

Она схватила Эйрин за руку.

— Что такое, Грейс?

— Помнишь, Лирит прибыла в Кейлавер через неделю после отъезда королевы Иволейны?

На лице баронессы появилось озадаченное выражение.

— От Ар-Толора до нас всего неделя пути.

— Да. Получается, что Лирит покинула Ар-Толор тогда же, когда Иволейна уехала из Кейлавера.

Эйрин протестующе подняла руку.

— Бессмыслица какая-то. Лирит сказала, что говорила с королевой Иволейной, и та приказала ей отправиться сюда.

— Именно, — посмотрев ей в глаза, подтвердила Грейс.

В васильковых глазах Эйрин вспыхнуло понимание.

— Совсем как мы, Грейс, — прошептала юная баронесса. — Когда мы разговаривали на... ну, тогда.

Грейс кивнула. Только сейчас они с Эйрин больше не могли переговариваться друг с другом, минуя Дух Приро-

ды, как тогда, в канун Дня Среднезимья. Максимум, что им удавалось, это услышать едва различимый шепот, который вполне мог быть игрой воображения. Каким-то непостижимым образом происходящие тогда события, имевшие жизненное значение для судьбы доминионов, наделили их возможностями, которые впоследствии исчезли. Но из страха Грейс с Эйрин не рассказали о случившемся Лирит. Королева Иволейна запретила им предпринимать самостоятельные попытки использовать свою силу.

— Пойдем, — позвала Грейс. — По крайней мере на одну загадку ответ мы получили.

У обеих одновременно возник один и тот же вопрос. Научит ли Лирит этому их?

ГЛАВА 20

День клонился к вечеру. Даже летом рано или поздно наступает ночь. Вскоре их небольшому отряду придется вернуться в замок, где ждет стража, которая закроет за ними ворота.

Грейс закрыла глаза. Она устроилась на одеяле и, слушая бесконечную песнь насекомых, радовалась ласковому теплу уходящего дня. Летний воздух пьянил точно искрящееся вино, и Грейс наслаждалась лепетом воды в ручье и ощущением прогретой солнцем травы. Она почувствовала такое счастье, что не смогла сдержать блаженного стона. Вряд ли Грейс смогла бы найти подходящие слова, чтобы описать это мгновение, напитанное покоем или силой — она не знала, — но ей ужасно хотелось, чтобы оно еще немного продлилось, жаль было расставаться с чувством чистого восторга, омывшим душу.

— Близится ночь, миледи, — прозвучал рядом рокочущий бас. — Полагаю, скоро на охоту выйдут хищники — как четвероногие, так и двуногие.

— Тише, Дарж, — не открывая глаз, попросила Грейс.

Послышался тихий стон, затем наступило молчание.

Грейс не шевелилась, пытаясь вернуть пережитые несколько секунд назад ощущения. Но момент прошел и унес с собой волшебство. Солнце нырнуло за линию деревьев, и сразу же стало заметно прохладнее. День скинул свое золотистое покрывало и набросил серо-зеленый плащ сумерек. Насекомые постепенно угомонились, и наступила тишина. Грейс вздохнула и подняла голову. Дарж внимательно вглядывался в горизонт своими глубоко посаженными карими глазами.

— Видишь кого-нибудь? — спросила Грейс.

— Нет, — ответил рыцарь. — Боюсь, они свалились в...

В яму? Сорвались в пропасть? Или, что и вовсе маловероятно, угодили в гадючье гнездо. Впрочем, Грейс не суждено было узнать, чего опасался Дарж, поскольку в этот момент они увидели на вершине невысокого холма, довольно далеко, трех человек. Один из них, широкоплечий, но не слишком высокий — Гарф — помахал им рукой. Значит, день и правда подошел к концу. И вдруг сердце Грейс наполнилось такой невыносимой печалью, что она чудом сдержала слезы. И тут же выругала себя за глупость — Дарж и так постоянно из-за всего беспокоится, не хватало еще взвалить на его плечи свои идиотские страхи. Грейс поднялась на ноги, когда троица начала спускаться вниз по склону.

Когда Гарф и его спутницы подошли достаточно близко, Грейс заметила на плече юного рыцаря корзинку, наполненную букетиками пурпурных цветов. Значит, Лирит все-таки оказалась права — пастушьи узелки действительно начинают цвести. Гарф ухмыльнулся и высоко поднял корзинку, гордясь добычей. Грейс рассмеялась и помахала ему рукой. Стоявший у нее за спиной Дарж что-то пробормотал, но она не расслышала его слов.

Грейс забавляло его отношение к их занятиям, которое заметно отличалось от чувств Гарфа. Спокойный, уверенный в себе эмбарец никогда не задавал никаких вопросов ни ей, ни Эйрин — ни даже Лирит — *и всем своим видом показывал, что не очень понимает*, но не особенно заботится о том, как они проводят свободное время. Однако когда приходило время уроков с Лирит, Дарж, как правило, уходил, стараясь не попадаться им на глаза. Неужели все мужчины с опаской относятся к колдовству?

Но ведь Дарж ведет себя совсем не так, как король Бореас, верно, Грейс? Ты же видела, как отреагировал король всего лишь на слово «колдунья» — впал в бешенство.

Грейс прекрасно понимала, что Бореас просто боится. Она знала, что отношения между колдуньями и представителями культа Ватриса напоминают дружбу кошек и собак, без присущей им сердечности. Однако Дарж не придерживался установлений культа воинов — да и вообще никакого культа. Его гораздо больше занимали вопросы логики, а не религии, и он часто допоздна засиживался над своими химическими опытами. Грейс полагала, что он считает колдуний безмозглыми дурочками, которые тратят время на составление бессмысленных стишков и любовных зелий, не имеющих никакой связи с чистой наукой.

Разумеется, Грейс и сама занималась наукой, но Даржу этого не понять. Здесь, на Зее, целительство — привилегия женщин, и многие считают, что без колдовства и ворожбы тут не обходится.

А вот юный Гарф воспринимал занятия Грейс и Эйрин с легким налетом любопытства. «Как пожелает миледи», любил он говорить, когда она его о чем-нибудь просила — не важно, о чем. Грейс подозревала, что если бы она велела Гарфу собрать траву, необходимую для того, чтобы облететь башни замка, он бы усмехнулся и спросил, сколько травы нужно. А если бы они вместе с Лирит и в самом деле поднялись в воздух, он бы захлопал в ладоши от восторга. Казалось, Гарф совершенно искренне считает, что Грейс способна сотворить любое заклинание.

Грейс надеялась, что ей такая уверенность не грозит.

— Он хороший человек, — сказал Дарж.

Грейс посмотрела на рыцаря, но тот упорно избегал ее взгляда.

— Я слышал, нынешней осенью Бореас намерен выбрать для леди Эйрин мужа, — продолжал Дарж мрачно. — Надеюсь, это будет человек, похожий на сэра Гарфетеля.

Значит, заметила не только она. Их спутники уже пробирались по камням через ручей, хотя Грейс еще не слышала голосов. Даже находясь от Лирит и Эйрин на расстоянии, обозначенном приличиями, Гарф шагал, слегка повернувшись к Эйрин и склонив в ее сторону голову. Мечтательная улыбка озаряла его лицо, глаза сияли.

— Интуиция подсказывает мне, что я больше не самая благородная и прекрасная дама в доминионах, — печально улыбнувшись, сказала Грейс.

— Я не понял, миледи?

— Все в порядке, Дарж. — Грейс покачала головой. — А скажи мне, король знает?

Дарж пожал своими немного сутулыми плечами.

— Понятия не имею, миледи. Мысли короля Бореаса мне неизвестны.

— В таком случае, может быть, мне следует просветить его на сей счет.

Эйрин весело рассмеялась и прижала руку к груди. Ее звонкий голосок, чистый, точно пение ручья, разорвал тишину сумерек. Грейс не слышала, что ее так развеселило, впрочем, это не имело никакого значения. Грейс дала себе слово поговорить с Бореасом завтра. Человек, способный подарить баронессе радость и наполнить ее жизнь счастьем, — настоящий дар судьбы, и Бореас непременно с ней согласится.

Неожиданно в голову ей пришла новая мысль, и Грейс спросила:

— А ты, Дарж? Когда ты начнешь подыскивать себе жену?

— Старики не женятся, — ответил он.

Грейс попыталась придумать ответ, но, как всегда, слова, исцеляющие раны, оказалось найти труднее, чем те, что

ранят. А потом момент прошел, к ним присоединились их спутники, и Гарф с жалобным стоном сбросил на землю корзинку с травами.

Инстинкт врача тут же взял верх над всеми остальными заботами, и Грейс быстро спросила:

— Что случилось, сэр Гарфетель?

— Полагаю, лучше называть меня сэр Вол, миледи, — с изысканным поклоном заявил Гарф. — Сегодня милым дамам требовалось вьючное животное, а не рыцарь.

Только сейчас он весело ухмыльнулся, и Грейс поняла, что Гарф ее разыграл. Она сделала глубокий вдох, а потом медленно выдохнула. Поразительно, как самые разные мелочи до сих пор выводят ее из равновесия.

— Надеюсь, когда-нибудь, сэр Гарфетель, — совершенно серьезно проговорила Лирит, — вы объясните нам разницу между волами и рыцарями.

Гарф громогласно расхохотался, а в глазах Лирит засверкали искорки, словно на ночное небо высыпали звезды.

— Становится поздно, — сказал Дарж. — Нам пора возвращаться.

Гарф тут же успокоился.

— Пойду приведу лошадей.

Грейс нежно улыбнулась обоим рыцарям. Да, конечно, герцогиня она не настоящая, но зато ей здорово повезло, что ее оберегают такие замечательные мужчины.

Дарж помог Грейс взобраться в седло, затем повернулся к Лирит, однако толорийка уже сидела на своем скакуне и даже успела аккуратно расправить складки платья. Возможно, колдовство тут ни при чем, но Грейс дала себе слово освоить это невозможное искусство. Она несколько минут сражалась со своим платьем, но оно не желало слушаться и упрямо складывалось в отвратительный узел прямо у нее под мягким местом. В такие минуты Грейс люто ненавидела Лирит и ничего не могла с собой поделать.

Гарф помог Эйрин сесть на ее белую кобылу.

— Спасибо, — пробормотала баронесса.

— Рад служить миледи.

Баронесса склонила голову, но Грейс успела заметить, что ее губ коснулась довольная улыбка.

Они скакали по долине, а справа от них стелились длинные черные тени. Затем путники взобрались на вершину холма, и Грейс увидела Кейлавер. По ее представлениям, до замка осталось около лиги, впрочем, она так и не научилась измерять расстояния в новой для себя системе мер. Для нее все, что было больше мили и меньше десяти, равнялось *примерно лиге.*

Они спустились в узкое ущелье и потеряли замок из виду. Над головами нависли гранитные уступы, стало холодно, вокруг металась фиолетовые тени. Грейс поразил зеленый ковер, устилавший дно долины, и она подумала, что какой-нибудь ботаник из Денвера пришел бы в неописуемый восторг от разнообразия кустарников и деревьев, но лично ей казалось, будто все они похожи на сосны и невысокие дубы. Вскоре путники начали подниматься вверх по склону, собираясь выбраться из ущелья.

Грейс услышала его в тот момент, когда Дарж поднял руку, безмолвно приказывая отряду остановиться. Они застыли на своих лошадях, прислушиваясь. И вот он раздался снова — незнакомый Грейс низкий, ритмичный звук. Дарж взглянул на Гарфа, и юный рыцарь тут же положил руку на рукоять меча. Грейс с трудом сглотнула, так поразило ее жесткое выражение, появившееся на лице юноши. Несмотря на веселый нрав и добродушие, в свои двадцать два года он уже был настоящим воином.

Звук плыл, распластавшись на влажных крыльях ночного воздуха, но где он рождался, понять было невозможно. Эйрин искоса посмотрела на Грейс, и в ее голубых глазах вспыхнула тревога. Лирит сидела, прикрыв веки, словно прислушивалась к чему-то. Грейс собралась задать вопрос, но ей хватило одного взгляда Даржа, чтобы повременить с расспросами. Может быть, эмбарец не зря боялся разбойников.

Дарж неслышно соскользнул со спины Черногривого и сделал три шага вперед по тропинке. И тут кусты слева от него затрещали, и оттуда выкатился разъяренный меховой шар.

Зверь набросился на Даржа, прежде чем Грейс сообразила, что происходит. Лошади испуганно заржали и попятились. Медведь развел свои огромные лапы в стороны, словно намереваясь заключить Даржа в объятия, но рыцарь сжался в комок и повалился на землю. Эйрин приглушенно вскрикнула от ужаса.

— Нет! — завопила Грейс.

Она протянула руку, но Дарж был слишком далеко. Краем глаза Грейс заметила, что Гарф спрыгнул с лошади и вытащил меч. Но тут мимо нее пронеслась черная тень, и на одно короткое мгновение Грейс подумала, что это еще один медведь.

Но она почти сразу поняла, что ошиблась — верный скакун Даржа, Черногривый, в глазах которого полыхал дикий огонь, промчался мимо нее и с боевым кличем обрушил передние копыта на спину медведю. Зверь зарычал и обернулся, но Черногривый уже ускакал прочь. Грейс слышала, что боевых коней специально тренируют для участия в сражениях, но только сейчас она осознала, что это значит. Шандис отчаянно дрожала и давно покинула бы поле боя, если бы Грейс не вцепилась в поводья же-

лезной хваткой. Эйрин из последних сил удерживала свою лошадь, а вот конь Лирит спокойно стоял, подчиняясь руке колдуньи, прижатой к его шее.

Дарж с трудом поднялся на ноги, потянулся за спину и выхватил свой огромный эмбарский меч. Лицо его заливала кровь, но он стоял совершенно прямо, а движения его отличались быстротой и уверенностью. Грейс поняла: он упал вовсе не потому, что получил серьезную рану, сработал механизм защиты. Медведи никогда не нападают на тех, кого считают мертвыми — кажется, так?

Только вот с этим зверем что-то было не так. Считается, что дикие медведи боятся людей, а их враг открыл пасть и, продемонстрировав огромные острые зубы, громко зарычал. Он метнулся было в погоню за Черногривым, но передумал и снова повернулся к Даржу. И тут Грейс заметила у него на шкуре проплешины, тут и там густой мех сгорел, а голые участки тела кровоточили. Значит, зверь ранен, попал в лесной пожар, а как поведет себя раненое животное, предсказать невозможно.

Медведь сделал шаг в сторону Даржа, эмбарец отступил. Гарф с мрачным выражением на лице, высоко подняв меч, осторожно подбирался к зверю сзади.

Неизвестно, услышал его медведь или уловил запах юного рыцаря, но он быстро развернулся, шерсть на загривке встала дыбом, и он угрожающе зарычал. Грейс уже видела, как он вонзает свои клыки в горло юноше. Гарф поднял меч.

— Нет, сэр Гарфетель! — крикнул Дарж. — Не двигайся!

Дарж опоздал, и Гарф сделал выпад мечом, который глубоко вошел в грудь зверю — казалось, он должен был бы замертво повалиться на землю, — но медведь не упал. Издав душераздирающий вопль, он бросился вперед и вырвал меч из руки Гарфа. Юный рыцарь изумленно наблюдал за тем, как челюсти зверя сомкнулись на его плече.

Гарф закричал.

Мир замер, двигались только медведь и Гарф. Медведь потряс массивной головой, и Гарф безвольно повис, словно тряпичная кукла, какие Грейс частенько видела в руках деревенских ребятишек. Потом зверь швырнул юношу на землю, положил лапу ему на живот и совершенно спокойно принялся рвать его тело. Гарф перестал кричать.

В тот момент, когда Грейс поняла, что не может больше этого выносить, Дарж метнулся вперед и обеими руками вонзил свой меч в спину зверя. Та часть Грейс, что была еще в состоянии анализировать происходящее, оценила четкость и точность нанесенного удара. Да, все правильно — между двумя ребрами, чуть под углом, мимо легкого. Казалось, она видела, как острие

вошло в сердце медведя. Зверь тут же обмяк и повалился на землю, издав последний предсмертный хрип. Алая пена пузырилась вокруг двух мечей, торчащих из его тела.

— Миледи... — негромко позвал ее Дарж.

С трудом оторвав взгляд от громадного зверя, она увидела, что Дарж стоит на коленях возле помятого, окровавленного тела.

— Миледи, мне кажется, вам следует подойти сюда, — сказал Дарж, подняв голову.

ГЛАВА 21

Все вокруг переменилось; идиллическая летняя прогулка закончилась трагедией. Дарж потянулся к Гарфу, но тут же убрал руку, и Грейс поняла — ни рыцарь, ни его меч больше ничего не могут сделать для юноши. Пришло ее время вступить в сражение.

Она соскочила со спины Шандис — легко, словно всегда умела это делать — и направилась к двум рыцарям. Грейс знала, что Лирит последовала за ней, а Эйрин осталась сидеть на своей кобыле: бледная, словно сама смерть, окаменевшая от боли и ужаса, девушка смотрела прямо перед собой, но Грейс сомневалась, что она хоть что-нибудь видит.

Наконец Грейс добралась до лежащего на земле Гарфа, и страх холодными железными пальцами сжал ей сердце, но только на короткое мгновение. Если она хочет спасти Гарфа, нужно забыть, что он для нее что-то значит. Еще одна безымянная жертва, которую удалось вытащить из разбитой машины или перевернувшегося автобуса и которую привезли на каталке в отделение неотложной помощи Денверского мемориального госпиталя. Она соберет его по частям, спасет, а потом пойдет в больничный кафетерий, где выпьет чашку отвратительного кофе и будет смотреть какой-нибудь фильм по старенькому телевизору.

Грейс присела рядом с пациентом, и запах крови вызвал в ее мозгу инстинктивную реакцию.

— Мне нужно пять единиц первой отрицательной. Быстро.

— Миледи? — переспросил Дарж, в глазах которого появилось удивление.

Грейс тряхнула головой. Да, конечно. Это же не отделение неотложной помощи на Земле. Она в заросшей деревьями долине в трех милях от средневекового замка, в другом мире. Не имеет значения. Важно, что делают врачи, интерны и сестры, все остальное ерунда.

— Миледи, мне кажется, он не дышит.

Грейс наклонилась над пациентом. Она знала, что юноша потерял много крови, видела рану на правом плече, груди и животе. Однако сейчас ее интересовало другое.

Состояние дыхательных путей, дыхание, кровообращение.

Она столько раз повторяла эти слова во время интернатуры, что они врезались ей в память навсегда. Первые действия врача имеют решающее значение в сражении за пациента. Выживет он или умрет. Поправится или до конца дней будет прикован к постели. Останется самим собой, или его мозг пострадает настолько, что он превратится в бессмысленное, пускающее слюни существо.

Грейс приступила к привычной процедуре — только в условиях, приближенных к боевым. Она зажала голову пациента коленями и открыла ему рот. Затем засунула туда палец, миновала глотку и попала в трахею. Пальцы наткнулись на мягкую влажную массу. Дыхательные пути блокированы сгустком крови и слизи. Плохо — значит, повреждено легкое, — но этой проблемой она займется чуть позже. Она сдвинула в сторону сгусток и услышала, как Гарф сделал вдох.

Следующий шаг. Грейс прижала ухо к груди пациента и прислушалась. Справа тихо — она не ошиблась, правое легкое пробито и опало. Ей требовались инструменты, но их не было. Возможно, в замке она смогла бы что-нибудь придумать, но не здесь и не сейчас. К счастью, левое легкое работало нормально, и пациент дышал относительно ровно. Может быть, они успеют доставить его в замок.

Теперь Грейс занялась кровообращением. Третий шаг: способность дышать не поможет пациенту, если в артериях нет крови, которая разносит кислород. Необходимо остановить кровотечение. Немедленно.

Она раздвинула изорванную куртку и осмотрела грудь. Пациент сделал мучительный вдох, и на краях раны выступили алые пузыри. Воздух выходит между двумя ребрами: легкое пробито здесь. Остальные раны на груди и животе показались Грейс поверхностными.

— Дай мне руку. — Она посмотрела на Даржа, когда тот никак не отреагировал. — Руку!

Рыцарь удивленно заморгал, но руку протянул. Грейс схватила ее, взяла указательный палец и засунула в отверстие. Маленький мальчик против прорвавшейся плотины. Получилось не слишком эстетично, зато пузыри исчезли.

— Не убирай палец.

Грейс знала, что ее голос звучит чересчур резко, но сделала это сознательно. Они должны выполнять ее приказы, не задавая ненужных вопросов. Дарж кивнул и напряг руку, чтобы держать рану закрытой.

Грейс занялась правой рукой пациента. Прошла всего минута с того момента, как она подбежала к нему, но интуиция подсказывала, что следует спешить, что здесь он получил самое тяжелое ранение.

Может быть, дело вовсе не в интуиции, Грейс? А если все гораздо сложнее? Вспомни, что сказала Иволейна. То, что ты делала в отделении неотложной помощи, не слишком отличается от действий колдуний...

Обдумывать эту новую мысль было некогда, и Грейс сосредоточилась на пациенте.

Очень плохо. Рука полностью выбита из плечевого сустава, мышцы разорваны в клочья. Держится только за счет тонкой полоски кожи и сухожилий. Из артерии фонтаном била кровь, которая тут же впитывалась в землю, усыпанную сосновыми иголками.

— Сестра, у него посинели губы, — тихо проговорила Лирит. — И ногти. Я видела такое у утопленников. Но он еще дышит.

Грейс хотелось сказать, что он и в самом деле тонет. В собственной крови, а кислород, который ему удается вдохнуть, уходит через рану в плече в землю. Но на уроки анатомии и объяснение колдунье, живущей в средневековом обществе, к каким последствиям приводит разрыв легкого, у нее не было времени. Сейчас Лирит ни к чему знать, что такое «цианоз» или «гипотония». Грейс схватила сразу несколько артерий и зажала их в руке.

— Нам нужно остановить кровотечение, — сказала она. — Он посинел от потери крови.

— Что я должна делать, сестра? — посмотрев ей в глаза, спросила Лирит.

— Держи вот так.

Она взяла Лирит за руку и показала, как нужно зажать порванную артерию. Затем Грейс выпрямилась и задумалась, что делать дальше. Сохранить руку нет никаких шансов. Даже если бы у нее в распоряжении имелся ящик льда, чтобы заморозить оторванную конечность, и вертолет, готовый по первому сигналу подняться в воздух, операция почти наверняка не принесла бы желаемого результата. В этих же условиях пациент потеряет руку. С точки зрения Грейс, ничего смертельного в этом не было. Главное, чтобы он остался жить — так ее учил Леон Арлингтон. Значит, ампутация. Остановить кровотечение и доставить пациента в замок.

— Эйрин! — позвала она. — Принеси мою седельную сумку.

Никакого ответа. Грейс подняла голову. Эйрин по-прежнему сидела на лошади, глядя прямо перед собой, левая рука побелела от напряжения — с такой силой она вцепилась в поводья. Нет! — никто не имеет права проявлять слабость. Сейчас Грейс нуждается в помощи *всех* своих друзей.

Эйрин! Быстрее!

Грейс хотела крикнуть, но слова сформировались у нее в сознании. Баронесса моргнула и посмотрела на Грейс. Затем неловко сползла с лошади, схватила сумку Грейс и подбежала к ним.

Грейс повернулась и увидела, что Лирит за ней наблюдает с напряженным выражением на лице. Колдунья кивнула, но ничего не сказала. Она заметила, что произошло. Грейс не знала, хорошо это или плохо. Не важно. Сейчас у нее другие заботы.

Эйрин опустилась на колени, а Грейс тем временем схватила левое запястье пациента и принялась считать пульс. Учащенный и едва различимый. Сердце бьется слишком быстро, стараясь восполнить недостаток кислорода и крови. Она чувствовала, как с каждой секундой уходит из тела жизнь.

— Эйрин, дай нож.

Баронесса вытащила из седельной сумки маленький кинжал — тот самый, что она подарила Грейс, казалось, целую жизнь назад. Не скальпель, конечно, но достаточно острый. Грейс взяла кинжал и уверенными, точными движениями завершила ампутацию руки. Она знала, что ее спутники в ужасе — Эйрин вцепилась в свою больную правую руку, — но сосредоточила все свое внимание на ране.

— Иголку и нитку.

Эйрин порылась в сумке и вытащила рукоделие, которое прихватила с собой Грейс. Она прекрасно понимала, что ей придется призвать на помощь все свое умение, чтобы справиться с поставленной задачей столь примитивными инструментами. Она зашила те раны, что кровоточили сильнее всего, а затем прикрыла обрубок. После чего занялась отверстием в груди пациента. Существовала высокая вероятность заражения, но этой проблемой она займется позже.

Эйрин и Лирит разорвали одеяло на полосы, и Лирит смочила часть из них сосновым отваром. Хорошо — это обеспечит некоторую стерильность. Грейс занялась импровизированными бинтами. Подняв голову, она увидела, что Дарж срубил два деревца, чтобы соорудить подобие носилок. Привязав между ними другое одеяло, он прикрепил его к седлу Черногривого.

Грейс посмотрела на пациента. Дыхание, хоть и давалось ему с трудом, стало ровнее, а лицо приобрело относительно нормальный цвет. Однако он находился в шоке, и его следовало как можно скорее доставить в замок.

Гарф. Теперь она думала о нем не как о чужом, незнакомом человеке, а как о друге. Может, это хороший знак. Возможно, он все-таки выкарабкается и будет жить.

Дарж подвел Черногривого так, чтобы носилки оказались рядом с Гарфом. По команде Грейс они уложили его и привязали оставшимися полосами одеяла, чтобы раненый не упал.

— Скачи как можно быстрее, но постарайся не очень его трясти, — посмотрев на Даржа, попросила Грейс.

Эмбарец кивнул:

— Я сделаю все...

— Грейс! Он не дышит! — крикнула Эйрин.

Грейс мгновенно обернулась и увидела, что баронесса стоит на коленях рядом с Гарфом и смотрит на него широко раскрытыми глазами.

Грейс присела около юного рыцаря. Эйрин не ошиблась. Тело Гарфа напряглось, он не шевелился. Она попыталась нащупать пульс и не смогла.

— Что происходит? — спросила Лирит.

Грейс покачала головой. Она не знала. Проклятие, монитор сердечных ритмов ей сейчас очень даже пригодился бы.

А может быть, существует другой способ понять, что произошло?

Не теряя ни минуты, Грейс закрыла глаза и потянулась к Духу Природы. На короткое мгновение яркое переплетение нитей жизни чуть не поглотило ее, и она вскрикнула от неожиданности. Но тут же заставила себя сосредоточиться, пытаясь отыскать нить Гарфа, отделить ее от других, принадлежавших людям, лошадям, деревьям. И вот она ее нащупала: такую тоненькую и прозрачную, словно она была соткана из призрачного тумана. Грейс последовала за нитью, которая тянулась к телу Гарфа.

— Да, сестра, — прошептала Лирит. — Воспользуйся своим Даром. Иволейна права. Это твой талант.

Грейс колебалась. Разве она не проделывала то же самое сотни раз, когда работала в отделении неотложной помощи? Возможно, не отдавая себе отчета в том, что делает, она пользовалась силой — *своей* силой — чтобы понять, что происходит с пациентом, и ставила диагноз точнее любого прибора. Она собрала всю свою волю в кулак, затем заставила себя заглянуть в грудь Гарфа.

Его сердце билось под ее воображаемой рукой, точно раненая птица, угодившая в клетку.

— Фибрилляция! — открыв глаза, сказала Грейс. — Мне нужно полмиллиграмма эпинефрина, массаж сердца!

Лирит посмотрела на нее совершенно спокойно и заявила:

— Я не понимаю ни одного слова, сестра.

Грейс тряхнула головой. Она выяснила, в чем проблема, — и что дальше? Здесь нет адреналина, нет реанимационной бригады. Сердце Гарфа бьется в последней отчаянной попытке вернуть в тело жизнь, но через несколько секунд оно остановится.

— Миледи, вы не можете... что-нибудь сделать? — Дарж помахал в воздухе руками.

Грейс взглянула на него и неожиданно поняла, о чем он ее просит. От удивления она раскрыла рот, но ничего не сказала.

Лирит встретилась с ней глазами и попросила:

— Ты должна соткать вокруг него паутину жизни, сестра. У тебя есть сила, какой не обладаем мы с Эйрин.

— Прошу тебя, Грейс, — прошептала Эйрин. — Попытайся, пожалуйста.

Нет, она же врач и образованный человек. Да, она воспользовалась своей силой, чтобы поставить диагноз. И все. Остальное за медициной. Иначе и быть не может.

— Я не могу, — едва слышно ответила она.

— Тогда он умрет, сестра, — тихо сказала Лирит.

Грейс облизнула губы и положила дрожащие руки на грудь Гарфа. Она боялась, что не сможет повторить то, что сделала несколько мгновений назад, но стоило ей закрыть глаза, и она увидела мерцающую паутину. Только сейчас Гарфа соединяла с ней тончайшая нить, а когда Грейс к ней прикоснулась, она начала распадаться. Грейс изо всех сил старалась ее удержать, но она оказалась слишком хрупкой. Нить выскальзывала у нее из пальцев. Времени не осталось...

Неожиданно Грейс чуть не рассмеялась. Разумеется, все очень просто — если ты в силах увидеть решение. Нужно соединить нить Гарфа с ее собственной. Ее жизнь станет связующим звеном между ним и великой паутиной до тех пор, пока они не доберутся до замка. Грейс мысленно протянула руку и прикоснулась к серебристо-золотой нити своей жизни.

— Да! — Ликующий шепот Лирит, казалось, доносится со всех сторон одновременно. — Все верно, сестра!

Грейс подтянула свою нить к нити Гарфа...

...и замерла на месте.

Ее наполнил холодный ужас. Внутри паутины Духа Природы она увидела страшное черное пятно и, только отшатнувшись от него, поняла, что ее собственная нить тянется прямо к нему.

Пятно скрывалось, но Грейс потянула за свою нить, и оно появилось на поверхности. Потом начало распухать, подалось к ней и приобрело очертания: длинное, полуразрушенное здание с окнами, похожими на пустые глазницы. Из темноты вдруг возникли бледные, бесплотные руки, которые пытались ее схватить, и Грейс попятилась. Ухали совы. Слова, прозвучавшие в ушах Грейс, принадлежали другому колдуну и иному времени.

Большая часть тебя лежит за этой дверью, а я не в силах заглянуть по другую ее сторону. Однако тебе следует знать, что ты не можешь спрятать и закрыть на ключ часть себя, не

отказавшись от своей магии. Если ты хочешь обнаружить эту силу, тебе придется распахнуть дверь...

Нет, она не может. Не может дать тени свободу. Потому что тень поглотит ее.

Грейс выпустила свою нить. Дверь захлопнулась. Пятно исчезло.

— Грейс!

Голос звучал едва слышно, словно доносился издалека. Она потянулась к Гарфу, но остатки его нити распались, и сияющая паутина превратилась в серый саван, который Грейс держала в руках.

ГЛАВА 22

Они добрались до ворот Кейлавера, когда окончательно стемнело.

Грейс и Эйрин ехали впереди отряда, Лирит за ними. Рядом со смуглой колдуньей на сером боевом коне скакал сэр Меридар, один из рыцарей короля — примерно ровесник Грейс, с добрыми мягкими глазами, глубоко посаженными на лице, испещренном оспинами. Меридар привязал поводья серого в яблоках коня к своему седлу, и тот покорно следовал за ним. Замыкал отряд Дарж на Черногривом, с завернутым в одеяло телом Гарфа.

Никто не произнес ни слова с тех пор, как они покинули долину. До замка добирались больше получаса, но всем казалось, будто прошла целая вечность. Эйрин не скрывала слез, и даже Лирит потрясло происшедшее. Лицо Даржа избороздили жесткие суровые линии. В каком-то смысле Грейс им всем завидовала. Может, было бы лучше, если бы она что-нибудь чувствовала — и смогла избавиться от пустоты, заполнившей сердце. Впрочем, в оцепенении тоже есть свои плюсы. Разве не с этой целью делают пациентам анестезию? Чтобы они не страдали от боли.

Они все еще торчали бы в долине, если бы их не нашел сэр Меридар. Грейс пыталась реанимировать Гарфа, показала Лирит, как нужно отвести назад его голову и прижать свой рот к его губам, чтобы наполнить легкие воздухом. Затем принялась массировать его грудь — долго, сильно, даже после того, как затрещали ребра, после того, как стало ясно, что все бесполезно. Она пыталась вернуть Гарфа к жизни, даже когда Эйрин, рыдая, попросила ее остановиться, когда Дарж, схватив за плечи сильными руками, попробовал оттащить от тела юного рыцаря.

Только когда от гранитных стен долины отразился стук копыт, она замерла на месте. Через несколько мгновений в долине появился сэр Меридар. Сидя верхом на своей лошади, он

бросил взгляд на медвежью тушу, потом на тело Гарфа на земле и стоящую рядом с ним на коленях Грейс. Неужели о случившемся уже известно в замке? Но тут сэр Меридар заговорил, и Грейс поняла, что он ничего не знает.

— Леди Грейс, возникли обстоятельства исключительной важности, которые имеют к вам непосредственное отношение. Насколько я понимаю, ваш отряд стал жертвой страшного и печального несчастного случая. Однако вас призывает к себе король Бореас, и даже ввиду происшедшей трагедии вы должны, не теряя времени, выполнить его приказ.

В глазах Меридара застыло сострадание, но слова прозвучали резко, словно могучий меч рассек воздух. Меридар не хотел причинить боль, просто напоминал Грейс, что у нее есть обязанности, о которых не следует забывать — даже в столь печальных обстоятельствах. Грейс выпрямилась, убрала руки с груди Гарфа и посмотрела на истерзанное тело, которое совсем недавно принадлежало сильному молодому человеку. Порой удается обойтись и без волшебной силы. Но не сейчас.

Да, Грейс, а ведь сила у тебя была. Ты ее видела и испугалась...

Одни и те же слова звучали у нее в голове, когда отряд миновал сторожевые башни замка и проскакал по подъемному мосту. Она снова увидела — и почувствовала — черное пятно в паутине Духа Природы; но тут же закрыла глаза и заставила себя о нем не думать. Путники проехали под аркой и оказались в верхнем дворе, окутанном ночной тенью.

Меридар слез с коня перед конюшней, затем протянул Грейс руку.

— Вас ждет король, ваша светлость.

Она открыла рот, а потом взглянула на Даржа.

— Я о нем позабочусь, миледи, — тихо проговорил он.

Грейс кивнула, затем взяла предложенную Меридаром руку и соскочила на вымощенный булыжником двор. Рыцарь повел ее к двери, но она остановилась и оглянулась на Эйрин. Дарж помог девушке спуститься на землю, а Лирит обняла за плечи. Грейс решила, что ей, пожалуй, стоит позаботиться о себе, постаралась выпрямить спину и зашагала за сэром Меридаром в полумрак замка.

Когда они подошли к апартаментам Бореаса, стражник, стоящий у двери, выпучил глаза, словно не ожидал никого увидеть. Разве его не предупредили об их приходе? Впрочем, он быстро пришел в себя, поклонился Грейс и открыл перед ней дверь. Грейс шагнула через порог, дверь у нее за спиной захлопнулась, и только сейчас она поняла, что сэр Меридар не последовал за ней.

Бореас встал со стоящего около камина кресла, покоящегося на ножках, вырезанных в форме лап дракона. Ог-

ромный мастифф, лежавший у его ног, сел и угрожающе зарычал. Король сердито посмотрел на него, и пес с недовольным видом отправился в угол, откуда продолжал буравить Грейс злобным взглядом.

— Что произошло, миледи? — спросил король своим роскошным баритоном.

Грейс удивленно заморгала. Откуда ему известно, что с ними случилось несчастье? Сэр Меридар сюда не входил. Но тут она проследила за его взглядом и посмотрела на свое платье — ей сразу же стало ясно, почему удивился стражник, почему рычал пес и почему король задал ей свой вопрос.

Ее платье для верховой езды цвета лаванды тут и там покрывали темные пятна крови Гарфа, которые уже начали засыхать. Грейс вытянула перед собой грязные руки. Представить себе выражение, застывшее у нее на лице, было нетрудно. Она посмотрела в суровые глаза Бореаса.

— Гарф, ваше величество. Сэр Гарфетель. Я сделала все, что могла. Но у него остановилось сердце, и он умер.

Слова легко срывались с губ, ведь она произносила их сотни раз, когда сообщала о смерти пациента женам, мужьям, родителям или детям в комнате ожидания больницы. В прошлом в них звучала убежденность правды. А сейчас? Действительно ли она сделала все, что могла?

Ты должна соткать вокруг него паутину, сестра...

Грейс постаралась вспомнить все, что произошло — до малейших деталей, — вновь превратившись в хирурга отделения неотложной помощи. Однако она ничего не сказала ни про Дух Природы, ни про магическую паутину, которую попыталась и не смогла соткать.

Неожиданно Грейс с удивлением обнаружила, что рассказ подошел к концу. Бореас прислонился к массивному столу. Его черные волосы блестели в свете масляной лампы — наверное, во время ее рассказа в комнату вошла служанка и зажгла свет. Грейс ее не заметила.

— Я тоже видел падающую звезду, которую называют огнедышащим драконом, миледи. Все в замке видели. И я посчитал ее предвестником несчастья. Около часа назад мне сообщили новость. Говорят, это знак того, что умер король. Впрочем, возможно, легенды ошибаются, и звезда предрекала другую смерть. — Он тяжело вздохнул. — Тем не менее вы рассказали мне очень странную историю, миледи. Медведи редко осмеливаются покидать Сумеречную страну. И никогда не нападают на людей.

Король не предложил ей сесть, но Грейс все равно устало опустилась в набитое конским волосом кресло, сто-

ящее около двери. Бореас посмотрел на нее, но никак не отреагировал на столь недопустимое поведение.

— Медведь был ранен, — сказала Грейс. — Обгорел. Мне кажется, он обезумел от боли.

— Хорошо, что с вами и леди Эйрин все в порядке, — кивнув, проговорил Бореас. — И с остальными.

Грейс поморщилась. Все в порядке? О ней этого не скажешь. Впрочем, не важно. Работая в больнице, она научилась без лишних раздумий забывать о мертвых, чтобы заняться живыми. Дописать одну карту и начать другую. У нее новый пациент.

— Зачем вы меня позвали, ваше величество?

Однако она уже знала ответ на свой вопрос. *Говорят, это знак того, что умер король.*

— Перридон в опасности, — глядя ей в глаза, сказал Бореас.

— Что?

— Около двух недель назад король Персард умер во сне.

Грейс расхохоталась бы — если бы смогла. *И сколько же цветущих девушек было с ним в постели в тот момент?* Уж одна точно! Хороший конец для старого короля, отличавшегося жизнерадостным нравом. Грейс вцепилась в ручки кресла, и в мозгу у нее словно заработали колесики часового механизма. Как здорово, что можно подумать о вещах, не имеющих лично к тебе никакого отношения.

Казалось, далеко позади остались засыпанные белым снегом дни, когда Грейс исполняла роль шпионки Борсаса на Совете Королей и вместе со своим другом Тревисом Уайлдером, тоже прибывшим с Земли, смогла раскрыть смертельно опасный заговор представителей культа Ворона. Давным-давно, целую жизнь назад, Тревис запечатал Рунные Врата и остановил Бледного Властелина, намеревавшегося превратить доминионы в царство льда.

Целый месяц после принятия решения об объединении усилий правители доминионов провели за столом совета, составляя новые договоры на случай, если благополучию их владений снова будет угрожать Бледный Властелин — или какая-нибудь другая опасность. Кейлавану, Толории, Голту, Брелегонду, Перридону и Эмбару. Все поклялись оказывать помощь любому из доминионов, ставшему жертвой внешних сил, а также выступать в роли третейских судей, если между какими-нибудь доминионами возникнут конфликты.

Вне всякого сомнения, данные шаги явились огромным достижением, однако переоценить важность создания Ордена Малакора было невозможно.

Как ни странно, именно Грейс принадлежала идея создания Ордена. Впрочем, ей — бывшей до недавнего време-

ни гражданкой Соединенных Штатов — мысль о многонациональной организации, целью которой является борьба с глобальной угрозой, не представлялась чем-то из ряда вон выходящим. Только увидев удивление на лицах потрясенных монархов, она сообразила, насколько революционной для феодального общества явилась ее идея.

Разумеется, без горячих споров не обошлось. Должен ли каждый доминион предоставить одинаковое количество рыцарей, или в расчет будут приниматься его размеры? На каких принципах будет основан Орден? Кто будет отдавать приказы? Но в конце концов им удалось договориться и принять единодушное решение.

— Необычные времена требуют принятия необычных решений, — заявил король Сорин, худой, жилистый правитель Эмбара.

Самым трудным оказалось подобрать Ордену название, но, к счастью, Фолкен Черная Рука подал идею, которая понравилась всем. Он появился у стола Совета, когда правители доминионов дошли до полного изнеможения, потратив целый час на препирательства и возмущенные крики. Бард молча указал рукой в черной перчатке на пустое место: кресло Малакора.

И тут монархи замолчали, а потом по очереди принялись согласно кивать. Существовала легенда, гласившая, что, если когда-нибудь вернется король Малакора, он станет правителем доминионов. Все решили, что будет правильным назвать в его честь новый Орден.

Через несколько дней Совет прекратил свою работу, и в последние морозные дни месяца дурдата правители покинули Кейлавер и разъехались по домам. Несмотря на то что Голт был самым маленьким доминионом, его король Кайлар подарил Ордену Малакора скромный замок, стоящий на южных землях его владений. Однако решить, кто возглавит Орден, оказалось значительно труднее, чем выбрать для него место.

Сначала Совет предложил встать во главе Ордена Малакора Бельтану, племяннику короля Бореаса и другу Грейс. Светловолосый рыцарь с каждым днем набирал силу, выздоравливая после жестокой раны, которую он получил в канун Дня Среднезимья, когда защищал Тревиса от орд фейдримов у Рунных Врат. Сердце Грейс наполнилось радостью, когда она услышала об этом решении, — но рыцарь отказался, несказанно ее огорчив.

— Я готов верно служить Ордену, — сказал Бельтан, обращаясь к Совету. Он стоял, гордо выпрямившись, но Грейс видела, что боль в боку еще причиняет ему страдание. — Однако я недостоин такой чести.

В глазах Бореаса полыхала ярость, но он лишь молча кивнул, и Совет назначил главой Ордена Малакора сэра Ве-

дара, седеющего, но все еще могучего эмбарца, чье лицо избороздили морщины даже более глубокие, чем у Даржа. Грейс знала, что он опытный воин и прекрасно справится с отведенной ему ролью. Однако при упоминании его имени лица людей не озарял мягкий свет, какой всегда появлялся, если речь заходила о Бельтане. Она жалела, что Бельтан не видит, как к нему относятся окружающие, и не понимает, что может завоевать их сердца одним лишь кивком или взглядом. Впрочем, в последнее время он не слишком обращал внимание на то, что происходило вокруг него, словно пытался разобраться в собственной душе.

Все знали, что Бельтан, хотя и был бастардом, мог стать королем Кейлавана после того, как неизвестный убийца расправился с его отцом, Бельдреасом. Но он отказался от трона и дал клятву найти человека, лишившего жизни его отца, — и не выполнил ее. Вместо него в Кейлаване правил Бореас, младший брат Бельдреаса и дядя Бельтана.

Зимой облако печали, окружавшее рыцаря, на какое-то время, казалось, немного рассеялось, но когда Тревис Уайлдер вернулся на Землю, Бельтан снова погрузился в пучину меланхолии. Грейс понимала, что он, как и все остальные, скучает по Тревису. Она тяжело вздохнула, когда Бельтан смущенно покинул Зал Совета. Некоторые раны заживают совсем не так быстро, как хотелось бы.

Через две недели Бельтан покинул Кейлавер, чтобы помочь Ведару с организационными вопросами. Ведар предложил ему должность капитана, и Бельтан согласился. Прежде всего решили, что Орден постарается уничтожить остатки культа Ворона. Этот культ являлся прикрытием, за которым действовал Бледный Властелин, и большинство его вождей погибло, когда Бераш потерпел поражение, — люди с железными сердцами не справились с задачей, а потом и вовсе исчезли со сцены, когда их господин вернулся в свою темницу в Имбрифейле. Однако оставались еще места, где культ пользовался огромным влиянием, и кровавые ритуалы продолжались.

Грейс очень беспокоилась за Бельтана, когда он готовился отправиться в путь вместе с Ведаром и отрядом из двух дюжин рыцарей. Она стояла в верхнем дворе и с волнением наблюдала за тем, как Бельтан седлает свою чалую лошадь. Рана, которая по всем законам должна была его убить, зажила. Рыцаря спасли эльфы, сумевшие с помощью волшебства сохранить в целости нить его жизни. Но прошло еще слишком мало времени, и Бельтан по-настоящему не оправился.

Леди Мелия заметила состояние Грейс и, оставив на время свои собственные приготовления, подошла к ней.

— Не волнуйтесь, милая, — сказала она. — Я за ним присмотрю.

Грейс улыбнулась. Считалось, что Бельтан — рыцарь-хранитель Мелии, однако порой бывает трудно отличить, кто кого охраняет.

Но тут Мелию окликнул Фолкен, и, крепко обняв Грейс — что явилось для той полной неожиданностью, — она вернулась к своей лошади. Фолкен и Мелия тоже покидали Кейлавер и планировали часть пути проделать вместе с Бельтаном и его отрядом. Куда они намеревались отправиться дальше, Грейс не знала. Мелия сказала, что они хотят навестить старого друга.

В общем, после трагических событий зимы в замке установились мир и покой. Впрочем, и здесь далеко не все было безоблачно. После празднования кануна Дня Среднезимья еще одно место за столом Совета оставалось пустым: кресло правителя Эридана. Королева Эминда умерла от руки лорда Логрена, своего первого советника и человека с железным сердцем. В Эридан отправили гонцов с печальной вестью, но никто из них так и не вернулся. Поговаривали, что на границе всех путников встречают мрачные, угрожающего вида рыцари и требуют, чтобы они повернули назад. То, что в Эридане происходят какие-то странные события, явившиеся следствием гибели королевы, стало очевидно всем. Однако ничего определенного никто не знал.

И вот сейчас, сидя в кабинете короля Бореаса в своем заляпанном кровью платье, Грейс подумала о еще одном пустом кресле за столом Совета: правителя Перридона. Грейс удивило, что Бореас призвал ее, дабы обсудить возникшую проблему. Впрочем, лорд Олрейн, сенешаль и главный советник короля, умер — оказавшись предателем и обладателем железного сердца. Может быть, кроме нее, у него никого не осталось.

Нет, все гораздо сложнее, Грейс. И тебе это прекрасно известно. Когда он впервые попросил тебя о помощи, ты стала полезной пешкой в затеянной им игре. Но тебе удалось завоевать его уважение.

Грейс внимательно разглядывала Бореаса. Он расхаживал по кабинету, как делал всегда, когда размышлял, словно бушующая внутри него могучая энергия рвалась наружу. Месяц назад одна из придворных дам спросила Грейс, когда та намерена выйти за короля замуж, несказанно удивив ее своим вопросом. Ей чудом удалось не расхохотаться. Уж скорее Бореас прикажет отрубить ей голову, чем пожелает взять в жены. Хотя как посмотреть — с точки зрения здравого смысла они стали бы прекрасной парой. Природа наградила Бореаса медвежьей силой, но Грейс знала, что может с ним посоревноваться. А в некоторых вопросах наверняка окажется сильнее.

Впрочем, Грейс знала совершенно точно, что ей не суждено стать королевой Кейлавера. Она хорошо относилась к Бореасу, но скорее как к отцу, которого у нее никогда не было.

А кроме того, она сомневалась, что он нуждается в ее привязанности. Более того, Грейс дала себе слово, что никогда не позволит ни одному мужчине прикоснуться к себе. Она почти поверила, что может полюбить Логрена, который оказался чудовищем. Эта ошибка чуть не стоила ей жизни и души. Больше ничего подобного с ней не произойдет.

Бореас подошел к буфету и наполнил вином два бокала. Грейс сжалась в кресле, слишком поздно сообразив, что ей следовало предложить королю свои услуги. Здесь за такой промах можно легко угодить в темницу. Но Бореас молча подал ей бокал, и Грейс с благодарностью его приняла. Может быть, именно потому, что рядом с ней ему не обязательно быть королем, Бореас и ищет ее совета и общества. Сейчас он самый обычный мужчина: честный, темпераментный, со своими недостатками.

— Вы видели Персарда во время Совета, миледи. — Бореас изучал вино в своем бокале, но не сделал ни глотка. — И много с ним разговаривали — даже больше, чем я. Кроме того, мне известно, что вами восхищен его советник лорд Сул.

Грейс прикусила губу. Бедняга Сул. Она еще не забыла тот день, когда они с Даржем заставили маленького человечка, отчаянно похожего на испуганную мышь, ответить на интересующие их вопросы, сделав вид, будто Дарж твердо намерен его прикончить, и только Грейс в состоянии его спасти.

— Скажите, миледи, как вы думаете, для нас эти новости будут иметь какие-нибудь последствия?

Грейс заставила себя забыть о событиях прошедшего дня, о своем грязном платье и задумалась.

— Новости плохие, ваше величество. Решение Совета действовать сообща имеет огромное значение. Однако договор подписан совсем недавно. У Персарда есть наследник, но он еще слишком мал, чтобы занять трон. А его жена и сама почти девочка. Мне говорили, что когда Персард женился на ней два года назад, ей едва исполнилось четырнадцать.

— На семьдесят зим моложе супруга, — фыркнув, прокомментировал Бореас, и в его голосе Грейс услышала отвращение, смешанное с восхищением. Она вряд ли смогла бы сказать, чего там было больше.

— Итак, у нас имеется юная жена, — кивнув, продолжала Грейс, — и наследник, который еще не вышел из младенческого возраста. В данной ситуации трудно рассчитывать, что не слишком надежный — поскольку он еще только заключен — союз продержится. Если кто-нибудь из герцогов или баронов Персарда когда-либо мечтал захватить власть в доминио-

не, сейчас самое подходящее время. Впрочем, я слышала, что интриги и козни так же редки в Перридоне, как и туманные дни.

— Миледи, — прорычал Бореас, — в Перридоне всегда туман, другой погоды там не бывает.

— Вот вы и получили ответ на свой вопрос.

— Ну и что мы будем делать? — поинтересовался Бореас.

Грейс вздохнула. Иногда поставить диагноз гораздо легче, чем найти правильное лекарство.

— Не знаю. Но лорд Сул очень высоко оценил способности герцога Фальдерана, который управлял доминионом во время отсутствия короля. Если он станет регентом сына Персарда до тех пор, пока мальчик не достигнет возраста, когда сможет взойти на престол, существует высокая вероятность того, что положение в доминионе останется стабильным. По крайней мере, насколько такое возможно в Перридоне.

Грейс сама поразилась четкости своего анализа ситуации. Впрочем, она всегда была способной ученицей, а за последние месяцы неплохо поднаторела в вопросах политики феодальных государств.

Бореас немного помолчал, потом кивнул:

— Спасибо, миледи. Вы можете идти.

Грейс удивленно заморгала, затем поднялась на ноги. Ей было страшно любопытно, что станет делать Бореас, но она понимала, что не имеет никакого права задавать королю подобные вопросы. Она шагнула к двери.

— И еще, леди Грейс...

Она замерла на месте, поразившись мрачным ноткам, появившимся в голосе короля.

— Помните, миледи... для рыцаря большая честь отдать свою жизнь, защищая своего лорда или леди.

Грейс сжала дверную ручку так, что побелели костяшки пальцев.

Ей ужасно хотелось сказать, что ей плевать на такую честь, но Грейс прикусила губу и вышла в коридор.

ГЛАВА 23

После беседы с королем Грейс отправилась к себе в комнату и обнаружила там Лирит и служанку в сером платье. Рядом с камином стояла бадья с горячей водой, окутанная клубами пара. Когда Грейс спросила, где Эйрин, темноглазая колдунья сообщила, что баронесса отдыхает в своей комнате и что Грейс необходимо последовать ее примеру.

Неожиданно она поняла, что у нее не осталось сил, чтобы возражать. Ее поглотила волна усталости, и снова вернулись воспоминания о событиях прошедшего дня. Грейс покорно позволила служанке расшнуровать покрытое кровавыми пятнами платье, которое грязной кучей соскользнуло к ее ногам на пол.

Лирит сняла кожаный мешочек, который Грейс всегда носила на поясе, и положила на каминную полку. Грейс слишком поздно сообразила, что половинка серебряной монетки брата Сая осталась внутри. Без нее она беспомощна. Впрочем, не совсем так. Благодаря упорным занятиям Грейс практически освоила музыкальный язык, на котором говорили жители Зеи, — по крайней мере почти все понимала, хотя и сомневалась, что сама сможет произнести что-нибудь членораздельное. Впрочем, сейчас разговаривать нужды не было, а разобрать произнесенные шепотом простые инструкции, вроде: *сними нижнее белье, заберись в воду, закрой глаза* она могла и так.

После купания она снова оделась, и служанка принесла поднос с едой. Лирит спокойно наблюдала за тем, как Грейс съела все до последней крошки. Потом Грейс забралась в постель, и Лирит накрыла ее одеялом, словно маленькую девочку. Грейс закрыла глаза, и поцелуй колдуньи принес утешение и покой и нисколько не удивил. Лирит задула свечу, и в комнате стало темно, Грейс осталась одна.

Несмотря на страшную усталость, сон не шел. Наконец Грейс встала с постели и подошла к окну. Полночь давно миновала, но луны не было видно.

Неожиданно внимание Грейс привлекла алая вспышка. Юная звезда, появившаяся на южном небосклоне с наступлением лета, поднялась над бастионами замка. Месяц назад, когда Грейс показала ее Даржу, он нахмурился и пробормотал что-то насчет «небесных светил, которые появляются там, где их быть не должно». Потом, разговаривая с другими обитателями замка, Грейс выяснила, что никто никогда прежде не видел алой звезды.

Грейс еще несколько минут смотрела на звезду, затем с удивлением обнаружила, что зевает. Она снова забралась в постель и закрыла глаза, сомневаясь, что сможет заснуть после всего случившегося, но усталость взяла свое.

И ей приснился сон...

Грейс стояла на вершине горы, а вокруг клубился густой влажный туман. Затем дымка слегка расступилась, и на соседней вершине она увидела Тревиса Уайлдера, которого отделяло от нее волнующееся, словно живое, серое море. Грейс страшно обрадовалась, увидев его. Она думала, что Тревис вернулся на Землю, а оказалось, что он совсем рядом. Он замер на

месте, повернувшись к Грейс спиной, и она его позвала, но туман заглушал все звуки, и ее голос тоже, и неожиданно ей показалось, что горло и легкие у нее забиты толстыми сырыми клочьями ваты.

Неожиданно у Грейс над головой возникла вспышка, и она увидела огнедышащего дракона, которого заметила раньше, когда он проносился сквозь туман. Только оказалось, что это та самая алая звезда. Ее сияние окрасило пелену вокруг в пурпурный цвет, и Грейс вдруг испугалась, хотя и сама не понимала почему. Она знала только одно — ей необходимо поговорить с Тревисом. Грейс снова попыталась его позвать, но он ее не слышал и не поворачивался. А потом алая дымка взмыла вверх и скрыла Тревиса. И Грейс поняла, что это никакой не туман, потому что вокруг нее бесновались языки пламени.

ГЛАВА 24

Грейс прошла сквозь увитую плющом арку в сад замка.

— Эй!

Ее голос заблудился между деревьями, и никто ей не ответил. Тогда она пошла по выложенной мелкими камешками дорожке, углубляясь в самую гущу зеленых зарослей, прославляющих живительную силу солнечных лучей.

Приближалась середина лета, и сад поражал буйством изумрудно-золотистых красок. Грейс с удовольствием вдыхала теплый воздух, приправленный привкусом меда, и впервые за прошедшую неделю почувствовала, как медленно уходит напряжение, давившее на плечи и заставлявшее ее сгибаться под своей тяжестью. Этот сад переполняла древняя, напитанная покоем красота, и Грейс подумала о Сумеречном лесе и Маленьком народце. По правде говоря, он чем-то походил на сказочную, залитую солнцем чащу, которую им с Тревисом довелось увидеть в комнате замка, где поселились Трифкин Клюковка и его труппа.

Может быть, Лирит права, и ей давно следовало сюда прийти? Впрочем, той, о ком колдунья заговорила с ней сегодня утром, поблизости не было видно.

Мне кажется, тебе следует кое с кем встретиться, сестра. Думаю, ты найдешь ее в саду.

С тех пор как они отправились на прогулку, задуманную Грейс тем ясным летним утром, прошло семь дней. Семь дней назад она держала в руке тонкую нить жизни Гарфа, которая выскользнула из ее пальцев и рассыпалась в прах.

Они устроили небольшую поминальную службу в Круге Камней в нескольких лигах от замка. Последний раз Грейс была здесь, когда они провожали Тревиса, решившего вернуться на Землю. Сейчас они тоже прощались с другом — только на сей раз навсегда. Она знала, что Гарф поклонялся Ватрису Быкоубийце и что по приказу короля Бореаса состоится ритуал, в котором примут участие только посвященные, они и проводят рыцаря в последний путь. Так что нынешняя церемония предназначалась только для нее, Лирит, Эйрин и Даржа. Они не устраивали ничего особенного, лишь взялись за руки и с любовью вспоминали чувство юмора, искренность и доброту Гарфа. А потом положили на землю венок из цветов.

Пожалуй, самое страшное в смерти то, что жизнь продолжается, даже если умирают самые лучшие и любимые друзья. Солнце встает каждое утро, и замок пробуждается — начинается новый день. Грейс ела и спала. Все казалось мелким и незначительным по сравнению с событиями, участниками которых они стали несколько дней назад, но тем не менее привычные действия дарили определенное утешение.

Как ни печально было Грейс это осознавать, но она понимала, что рано или поздно придет в себя, и все снова будет хорошо. Порой она думала, что поддаться отчаянию намного проще, чем сражаться, пытаясь вырваться из его тисков. Однако Грейс не сомневалась, что справится с болью и пойдет дальше.

Лирит тоже со временем оправится. И не потому, что толорийка не переживала смерть Гарфа. Как раз наоборот — в отличие от остальных, она на интуитивном уровне почувствовала, что означает потеря одной нити жизни, вырванной из паутины, связывающей их все воедино. Что-то подсказывало Грейс, что Лирит черпает силы из глубинного источника, о котором они ничего не знают.

Гораздо серьезнее дело обстояло с Даржем и Эйрин. Да, конечно, за многолетнюю военную службу Дарж видел много смертей, но Грейс чувствовала, что каждую он переживал очень тяжело. Вот, например, вчера вечером она видела, как он стоит у окна, сгорбившись и опираясь о подоконник. Впервые за время знакомства с ним Грейс подумала о нем, как о не очень молодом человеке. Однако когда она его позвала, Дарж сразу же выпрямился и совершенно спокойно поинтересовался, чем может ей служить.

Плакать не стыдно, Дарж. Ты живой человек и не можешь постоянно быть твердым, точно скала. Я доктор и приказываю тебе дать волю своему горю.

Но, как уже не раз случалось в ее жизни, Грейс не смогла произнести тех слов, что рвались из глубины сердца.

— Сходи к леди Эйрин, спроси, не нужно ли ей что-нибудь, — сказала она, и Дарж, коротко кивнув, молча удалился выполнять поручение.

В отличие от Даржа, Эйрин все время плакала. Грейс или Лирит — а иногда обе — обнимали баронессу, прижимая к себе, когда рыдания, с которыми та не могла справиться, начинали сотрясать ее тело. Знала ли она о том, что Гарф любил ее? Впрочем, горе Эйрин было таким глубоким и нестерпимым, что Грейс подозревала — возможно, дело не только в погибшем рыцаре. В детстве, в Странноприимном доме Беккетта она слышала, как ночью, в тишине спящих комнат на крыльях мрака разносятся жалобные, исполненные неизбывной тоски звуки. Отчаяние, разрывающее сердце на части.

Грейс вздохнула. Конечно, она будет присматривать за Эйрин, но что еще можно для нее сделать, Грейс не знала. В данном случае без помощи самого пациента она не в состоянии определить, что с ним происходит.

Садовая дорожка, извиваясь, уводила Грейс в глубь сада, и она медленно шла вперед, погрузившись в свои мысли. В последнее время она все чаще думала о Тревисе. Она и сама не знала почему, но беспокойство за него порой заставляло забывать о смерти Гарфа. Впрочем, учитывая ее сны, в этом, возможно, не было ничего удивительного.

Теперь почти каждую ночь ее посещал диковинный, пугающий кошмар, в котором Тревис стоял на вершине, окутанной туманом горы. И всегда одно и то же: она его зовет, но он не слышит, потом появляется алая звезда, и завихрения тумана превращаются в языки пламени.

Всю жизнь Грейс снились тусклые, бессмысленные сны: бесконечные серии грубо адаптированных фильмов, созданных пропившимися до потери сознания режиссерами. Этот отличался от всех остальных своей яркостью и реальностью. Закрывая глаза, она видела клубящийся туман и сияющую звезду. И никак не могла понять, что это означает.

Разумеется, ничего. Сны — это всего лишь следы дневных впечатлений. Пытаться найти в них смысл — все равно что искать хокку в супе с макаронами в форме букв. И тем не менее Грейс не могла отделаться от ощущения, что Тревис в опасности. Она убеждала себя, что беспокоиться о нем бессмысленно — ведь он живет в другом мире, и она не в силах ему помочь. Да и своих забот у нее немало.

За последние несколько дней Бореас еще два раза вызывал Грейс к себе, чтобы поговорить о Перридоне — хотя у нее сложилось впечатление, что король еще не решил, требуется ли

его немедленное вмешательство и, если требуется, что ему следует сделать. Впрочем, она радовалась тому, что может занять свои мысли проблемами доминионов, и с радостью делилась с Бореасом своими знаниями и идеями.

Кроме того, занятия с Лирит продолжались. Сначала Грейс решила, что ввиду случившегося колдунья отменит свои уроки. В случае с Эйрин так и было. Но на следующий вечер после смерти Гарфа, когда луна заняла свое место на небе, Лирит постучала в дверь Грейс.

— Работа дарит нам утешение, сестра, — сказала она, увидев удивление на лице Грейс. — А тебе предстоит еще многое узнать.

Грейс чуть не рассмеялась ей в лицо. *Это еще мягко сказано, сестра.* Но она впустила Лирит и закрыла за ней дверь. Однако несмотря на все усилия, Грейс так и не смогла ни разу прикоснуться к Духу Природы.

— Ты должна сосредоточиться, сестра, — шептала Лирит, которую, как и всегда, обволакивал тонкий аромат клевера и лимонного дерева. — Освободи свое сознание от оков страха. Отпусти себя, почувствуй кипящую вокруг жизнь, позволь ей приблизиться.

Грейс честно пыталась, но всякий раз, стоило ей увидеть сверкающие нити волшебства, окружавшие ее, точно ласковое облако, она замечала тень, которая пряталась в самом сердце паутины, и знала, что стоит ей последовать за нитью своей жизни, как она тут же окажется внутри черной кляксы. Грейс слышала грохот, словно кто-то захлопнул дверь прямо у нее перед носом... и Дух Природы исчезал.

— Не могу, — сказала она вчера вечером, когда, дрожа от пережитого ужаса, опустилась прямо на пол в своей комнате. — У меня больше не получается.

Лирит смотрела на нее несколько мгновений, а потом молча вышла из комнаты. Грейс решила, что колдунья наконец потеряла надежду. Однако сегодня утром она вернулась и сказала Грейс, чтобы та отправлялась в сад и кое-кого там нашла.

— Эй? — снова позвала Грейс.

Ее голос заблудился в ярком, наполненном жизнью гобелене из сплетающихся ветвей и ползущих растений. Она миновала еще одни ворота и оказалась в окружении высоких кустов, расцвеченных ослепительными красками.

— Убирайся отсюда, дрянь ты такая! — раздался пронзительный голос, и Грейс подпрыгнула от неожиданности.

Откуда доносится голос? Грейс быстро повернулась и замерла на месте от удивления. Куст в дальнем конце поляны шевелился, сердито размахивая ветками и осыпая землю листьями.

— Я сказала, убирайся!

Грейс не знала, что делать. Трудно решить, как себя вести, когда на тебя орет куст. Однажды во время пира она заметила, как на короткое мгновение ожила куча еловых веток, сложенная в углу зала. А затем разглядела внутри маленького зеленого человечка. Это было прошлой зимой, когда Маленький народец разгуливал по коридорам Кейлавера. Но с тех пор в замке их никто ни разу не видел. Может быть, зеленый человечек вернулся?

— А ну-ка, проваливай!

И тут куст словно взорвался, во все стороны полетели листья, и из него выбралась пожилая женщина, а никакой не зеленый человечек. Грейс умела отлично определять возраст людей — сказывался богатый опыт — и сразу поняла, что незнакомке лет восемьдесят, может быть, даже девяносто. Тощая, точно сухая ветка старого дерева, но с прямой спиной и быстрыми, уверенными движениями. Простое серое платье заляпано землей, ветки и куски коры запутались в седых, вьющихся волосах, лицо измазано грязью.

— Я знала, что тебе от меня не уйти, — заявила женщина, ее голубые глаза сияли мстительным огнем.

Наконец Грейс поняла, что женщина обращается вовсе не к ней, а к колючему сорняку, который она победоносно зажала в руке в перчатке.

Грейс шагнула вперед и сказала:

— Здравствуйте.

Женщина уронила на землю сорняк, и Грейс отругала себя за глупость. Ее неожиданное появление могло испугать незнакомку. Женщина прищурилась и начала оглядываться по сторонам — пожилые люди нередко именно так пытаются отыскать источник звука или голоса. Затем ее взгляд наконец наткнулся на Грейс, и она улыбнулась.

— Ну вот, сестрички. Смотрите, какой чудесный цветочек.

Грейс нахмурилась, поскольку никогда не считала себя цветком. Да и с кем разговаривает странная женщина? Грейс точно знала, что в саду никого нет.

— Что с тобой, дорогуша? Проглотила язык?

Грейс тряхнула головой, не в силах понять, что происходит. Никто, *никогда* не называл ее дорогушей, но, может быть, это все-таки лучше, чем «ваше высочество».

— Я должна здесь кое с кем встретиться. В саду. Только я не знаю, с кем. А вы...

— Не видела ли я здесь кого-нибудь? — Женщина покачала головой. — Нет, дорогуша. Кроме меня, тут никого нет. Ну и еще, конечно, мои сестры.

Грейс нахмурилась еще сильнее. Вот снова — *сестры*. О ком она говорит? Или старушка просто не в своем уме?

Грейс решила предпринять еще одну попытку.

— Если вы услышите, что меня кто-то ищет, не могли бы вы сказать ему, что я здесь?

Пожилая женщина кивнула с самым серьезным видом.

— Конечно, дорогуша. Но, если хочешь, можешь тут немного задержаться. Если ты не знаешь, с кем у тебя назначена встреча и где его искать, значит, он вполне может появиться здесь — верно?

Грейс собралась ей возразить, но потом поняла, что в словах старухи есть определенная доля здравого смысла. Она немного отдохнет, а затем вернется в замок и скажет Лирит, что никого не нашла в саду.

— Посиди, дорогуша. — Женщина указала на мраморную скамью, окруженную зарослями маков. — Ты не возражаешь, если я немного поработаю? Нельзя терять бдительности ни на минуту, иначе сюда тут же проберется мерзкий чертополох и задушит все остальные растения.

Она наклонилась, подняла вырванный сорняк и швырнула его в небольшую кучку неподалеку.

Грейс опустилась на скамью. Ей было не по себе оттого, что она отдыхает, в то время как пожилая женщина работает, но она понимала, что проку от нее будет немного. Ей казалось, что она опаснее любого, даже самого мерзкого чертополоха, поскольку никогда не имела дела с растениями. Грейс взглянула на свои руки.

Может быть, и с людьми у тебя получается не лучше, Грейс Беккетт?

Впрочем, она знала совершенно точно, что это не так. Иволейна права — природа наградила Грейс талантом целительницы. В таком случае, почему она не смогла спасти Гарфа? Почему не сумела удержать в руках нить его жизни?

— Что-нибудь не так, дорогуша?

Грейс подняла голову. На сморщенном, изборожденном морщинами лице пожилой незнакомки появилось выражение, удивившее Грейс.

— Нет, все в порядке. Правда. — Она пыталась придумать, что бы еще сказать. — Я Грейс. А как зовут вас?

— Меня зовут Наида, но люди называют меня Зеленая Мать. Сама решай, что тебе больше нравится.

— Пожалуй, Наида, — немного подумав, ответила Грейс.

— Как хочешь, дорогуша. — Наида склонилась над тряпичным мешочком, поискала что-то внутри и достала глиняную бутылку. — Хочешь пить?

Солнце жарило вовсю, и Грейс с благодарностью взяла из рук Наиды бутылку. Она думала, что в ней вода, но, сделав глоток, почувствовала вкус холодного, ароматного вина. Наи-

да тоже сделала глоток из бутылки и убрала ее назад, в мешок. Внутри у Грейс разлилось приятное тепло — то ли от солнца, то ли от вина. Она закрыла глаза. Как же здесь хорошо и спокойно!

— Бедная сестричка, — грустно прошептала Наида. — Ты еще такая красивая, но внутри у тебя притаилась смерть.

Грейс открыла глаза и попыталась понять, что имеет в виду Наида. Неужели она знает, что с ней происходит? Как ей удалось понять? Грейс поискала ее глазами и увидела, что старуха стоит около дерева, похожего на осину, только листья у нее были золотистые, а не серебряные.

Грейс подошла к ней и спросила:

— Что вы сказали?

Наида положила руку на ствол дерева.

— Ты ничего не увидишь, дорогуша. Но я чувствую, что она гниет изнутри, там словно разрастается большое черное пятно.

Дерево. Она имела в виду дерево.

Наида вздохнула, затем отвернулась от дерева и вытянула перед собой руки.

— Мы должны попрощаться с нашей милой подругой, сестрички. Это ее последнее лето.

— Извините, — снова хмурясь, заговорила Грейс. — Но вы все время повторяете слово «сестрички». Вы к кому обращаетесь?

На морщинистом лице расцвела улыбка.

— К ним, разумеется. Они же мои сестры.

Наконец Грейс поняла. Наида разговаривает с растениями в саду. Может, она все-таки не в своем уме? Нет, в ней было что-то такое — спокойствие и внутренняя сила, — что убеждало как раз в обратном. Грейс подошла к дереву, положила руку на ствол и закрыла глаза. Сначала ее охватил страх, потом она заставила себя успокоиться и заглянуть в душу дерева.

И она увидела: черное пятно в сверкающей паутине из переплетенных нитей, которые опутывали сердцевину дерева. Грейс в ужасе прижала руку к груди. Значит, вот что с ней происходит? Неужели она тоже гниет изнутри?

Наида наблюдала за ней несколько мгновений, а потом кивнула.

— Да, у тебя сильный Дар.

— Откуда вы? — смущенно спросила Грейс.

— Как же, я приехала в Кейлавер вместе со своей королевой. — Наида провела рукой по цветку, и ее взгляд устремился вдаль. — Я еще помню, как в последний раз смотрела на родной Кейлаван, хотя тогда мне едва исполнилось двенадцать. Однажды в поместье моего отца приехал знатный мужчина. До тех пор я его никогда не видела. Он сидел верхом на белом коне, а позади него шла кобыла без всадника. Я никак не могла понять, что ему у нас

нужно. Вечером он остался обедать. Мне он казался стариком, хотя ему тогда было двадцать четыре года. Двадцать четыре! Посмотри на меня, посмотри, во что я превратилась!

Она вытянула вперед руки, и Грейс показалось, что сквозь них просвечивает солнце, такими они были хрупкими и тонкими.

— На следующее утро меня посадили на кобылу и отправили с мужчиной, имени которого я не успела запомнить. Я долго махала рукой своим родным — больше я их никогда не видела. Мы прибыли в его владения в герцогстве Артаннон, где я и прожила с ним много лет. Потом он умер, а я поступила на службу к своей госпоже, которая тогда еще не стала королевой.

Она окинула взглядом сад.

— Я всегда хотела сюда вернуться. А когда моя королева решила направиться в Ар-Толор, я упросила ее оставить меня здесь. Король милостиво пригласил меня погостить в его замке. Боюсь, путешествия для меня остались в прошлом — если не считать одного, самого последнего.

Вряд ли Грейс смогла бы сказать, в какой момент она все поняла, увидела то, что скрывали от нее тени, окутывающие ее собственную душу.

— Лирит хотела, чтобы я встретилась с вами.

— Сестру Лирит порой посещают очень необычные идеи, — пожав плечами, заявила Наида. — Но она такая милая. Ей следует выйти замуж за сильного, красивого мужчину. И тебе тоже, дорогуша. — Она с хитрым видом подмигнула Грейс. — Сад становится еще красивее, если за ним старательно ухаживать.

Краска залила щеки Грейс, и она смущенно пролепетала:

— Не думаю... вряд ли я буду *настолько* близка с кем-нибудь.

— А чего ты боишься? — удивленно поинтересовалась Наида. — Что, приглядевшись к тебе повнимательнее, мужчина заметит все твои бородавки и морщины и отвернется от тебя? Так, дорогуша?

Грейс сделала шаг назад. Нет, она не хочет это обсуждать. Наида никогда не поймет, почему Грейс не позволит ни одному мужчине к себе прикоснуться — вообще никому не позволит.

— Ты загрустила! Тебе не о чем беспокоиться. Ведь ты такая красивая.

Наида протянула к ней руку, но Грейс быстро повернулась к умирающему дереву и сложила на груди руки, словно хотела скрыть черное пятно, которое разъедало ее душу.

— Неужели ее нельзя спасти?

Наида смотрела некоторое время, а потом покачала головой:

— Боюсь, нельзя, дорогуша. Если бы мы раньше узнали о том, что ее пожирает мрак, мы могли бы что-нибудь для нее сделать. Но сейчас уже поздно.

Грейс кивнула. Жестокий прогноз, но она и сама много раз произносила страшные слова, лишавшие надежды родных пациента.

— Ну, — сказала она, снова повернувшись к Наиде. — Полагаю, Лирит отправила меня сюда, чтобы я вам помогла. Что мне делать?

Наида поджала губы, посмотрела на Грейс, а потом показала на клумбу с цветами.

— Поганый чертополох пробрался сюда и прячется среди фонариков.

— Я им займусь, — пообещала Грейс и занялась делом.

ГЛАВА 25

Целую неделю Грейс приходила в сад, чтобы встретиться там с Зеленой Матерью.

Растения не люди. Однако оказалось, что общаться с ними не так трудно, как думала Грейс. Травы и кусты это тоже жизнь — только другая, отличная от той, с которой она привыкла иметь дело. В прошлом она несколько раз заводила дома цветы, но они всегда умирали, потому что Грейс вела себя с ними, как с пациентами в отделении неотложной помощи, считая, что главное — обеспечить их надлежащим уходом. Но выяснилось, что все немного сложнее.

— Ты должна захотеть, чтобы они росли, — сказала ей как-то раз Наида.

Грейс замерла на месте, так поразили ее слова старой колдуньи.

— Как вы сказали?

Наида убрала выбившуюся прядь с лица.

— Ну, если просто засунуть что-то в землю, вылить ведро воды и ждать чуда — ничего не получится. Подумай хорошенько, дорогуша, и поймешь, что я права.

Грейс посмотрела на несколько фонариков, которые она только что пересадила. Они печально клонились к земле и, казалось, уже готовились к смерти.

— А что такого? Они же всего лишь растения.

Наида покачала головой:

— Простите ее, сестрички. Она не понимает, что говорит.

Грейс оглянулась и вдруг страшно обрадовалась, что растения не умеют ходить. Ей почему-то вдруг показалось, что они с радостью обвили бы свои тонкие зеленые щупальца вокруг ее шеи и без сожалений задушили нахалку.

— Смотри, — сказала Наида и подошла к фонарикам, с которыми возилась Грейс. — Видишь, как они склонились

набок? А им бы хотелось подставить свои головки к солнцу, разве нет? О, этот цветочек едва держится на ножках. По-моему, он бы гораздо лучше себя чувствовал, если бы его корни надежно сидели в земле, а он мог выпрямить спинку и вытянуться во весь рост. И еще: почему бы не сделать вокруг него небольшую ямку, чтобы задерживалась дождевая вода, и он не страдал от жажды? Вот, так-то будет лучше, верно?

У Грейс возникло ощущение, будто Наида обращается вовсе не к ней, но она все равно кивнула. Затем провела рукой по головке фонарика.

— А что он умеет?

— Чай помогает против расстройства желудка и является отличным снотворным. Настойка из корня снимает сыпь. В этом волшебство фонариков.

Грейс посмотрела на нежный белый цветок и заявила:

— При чем здесь волшебство? Необходимое действие оказывают химические вещества — танины, алкалоиды и другие составляющие растения.

— Если ты так думаешь, леди Грейс, — вздохнув, сказала Наида, — ничего другого ты в них и не увидишь.

Грейс подняла голову и собралась возразить, но Зеленая Мать уже отвернулась и занялась другим цветком.

Вечером Грейс нашла Лирит в ее комнате в западном крыле замка и спросила, зачем та отправила ее к Наиде.

— Твои занятия с Духом Природы продвигались не так хорошо, как мне хотелось бы, — ответила Лирит, не поднимая головы от вышивки.

За открытым окном весело стрекотали насекомые.

— Наида ни словом не обмолвилась о Духе Природы, — сложив на груди руки, заметила Грейс.

— У Зеленой Матери очень слабый Дар.

— В таком случае, зачем ты меня к ней отправила? — не сдержав стона, поинтересовалась Грейс.

Лирит подняла голову и спросила:

— А ты сама как думаешь, сестра?

Неожиданно Грейс поняла, что задыхается, ей показалось, будто в комнате стало нестерпимо душно, и она прикоснулась к груди. Неужели Лирит увидела в ее душе черную тень — как Наида в самом сердце больного дерева.

Лирит снова склонилась над вышиванием.

— Иволейна и я, мы обе провели некоторое время с Зеленой Матерью, когда нам было особенно трудно, как, впрочем, и многие другие наши сестры. Не думаю, что занятия с ней тебе повредят.

Значит, вот что получается. Наида не может ее ничему научить. Это всего лишь небольшая передышка. Возможность отложить на время решение более трудных задач. Грейс пожелала Лирит спокойной ночи и вышла из комнаты.

Она решила навестить Эйрин, но служанка, сто раз извинившись, сообщила, что баронесса наконец уснула, а король Бореас строжайшим образом приказал ее не беспокоить. Грейс считала, что он совершенно прав. Из собственного опыта она знала, что сон самое сильное и надежное лекарство. И несмотря на то что ей ужасно хотелось повидать Эйрин, она отправилась к себе.

На следующий день Грейс погрузилась в работу в саду с рвением, которое множество раз демонстрировала в отделении неотложной помощи. Если Лирит считает, что она должна учиться у Наиды, значит, она приложит все силы, чтобы узнать как можно больше.

Наида делала вид, что ничего не замечает — или и в самом деле не обратила внимания на старания Грейс. Она показывала своей ученице, как следует подрезать ветку, чтобы следующей весной их стало больше, как собирать семена дымчатой мальвы, которые предохраняют от беременности, рассказывала о лечебных свойствах дюжин других растений.

Когда солнце спряталось за стену замка, они уселись на скамью, чтобы выпить немного вина из фляги, которая никогда не пустела.

— Как ты смогла, Наида?

Грейс задала свой вопрос еще прежде, чем сообразила, что делает. Пожилая женщина вопросительно приподняла бровь, и Грейс поняла, что отступать некуда.

— Как ты могла уехать с человеком, которого совсем не знала?

Наида сложила морщинистые, перепачканные землей руки на коленях.

— Мне пришлось. От этого зависело благополучие моей семьи. Он заплатил достаточно денег, чтобы мои родные смогли продержаться много лет.

— Неужели ты не боялась?

— Еще как боялась! — рассмеявшись, ответила Наида. — Всю дорогу до Толории меня выворачивало от страха, так что нам приходилось часто останавливаться. А уж нашу первую брачную ночь я не забуду никогда. Бедняга Эдерел. Ему долго пришлось выманивать свою женушку из-под кровати. Но он был хорошим человеком и очень добрым. За все годы, что мы прожили вместе, он ни разу не повысил на меня голос. — Неожиданно Наида закрыла глаза. — Но как же мне было больно!

Грейс посмотрела на бледный цветок, который держала в руке. Дымчатая мальва. Резкий, с металлическим привку-

сом запах вдруг напомнил Грейс о приюте. И снова ее поразила яркость воспоминаний — несмотря на прошедшие годы. Ей девять лет. Она входит в пыльный, пронизанный косыми лучами солнца сарай за главным зданием. И слышит тихий, животный стон, видит Эллен Найкель, которая, скорчившись, замерла в углу.

— *Эллен?*

— *Уходи, Грейс.*

— *Эллен, что ты делаешь?*

— *Я должна его убрать.*

— *Что убрать?*

— *Тебе не... не понять.*

— *Я понимаю, в тебя что-то засунули.*

— *Грейс, мне больно...*

Только подойдя к Эллен, Грейс увидела проволоку. И кровь. Грейс нашла какие-то тряпки, чтобы остановить ее. Тогда в первый раз она попыталась спасти чужую жизнь. И в первый раз потерпела поражение. К сожалению, не в последний.

— Дорогуша?

Грейс выбралась из мрака воспоминаний. Наида была на год младше Эллен. В Колорадо Эдерела посадили бы в тюрьму за то, что он сделал. Здесь же он помог выжить целой семье.

— Мне кажется, я бы не смогла, — сказала она.

Наида взяла ее руку в свою, ее прикосновение было теплым и сухим, точно прогретая на солнце земля.

— Смогла бы, дорогуша. Нужно только решиться отдать себя другому человеку — всю целиком, пожертвовать тем, что у тебя есть.

— Но ведь так можно себя потерять.

— Нет, дорогуша, — улыбнувшись, возразила Наида. — Именно так ты сумеешь себя найти.

Вечером Грейс бродила по коридорам замка и размышляла над словами Наиды, в которых была красота и, наверное, правда. Но через час холодная логика помогла ей отыскать в рассуждениях Зеленой Матери серьезную ошибку: а если внутри ничего не останется, и ты не сможешь *ничего* найти?

Неожиданно она сообразила, что стоит перед дверью Даржа. Она не видела рыцаря уже несколько дней. Разумеется, если бы она его позвала, он мгновенно явился бы на ее зов. Но порой человеку нужен друг, а не слуга. Грейс подняла руку, собираясь постучать. Но в этот момент из-за двери раздался грохот — словно что-то разлетелось вдребезги. Забыв о правилах приличия, Грейс распахнула дверь и влетела внутрь.

Дарж стоял на коленях на полу и собирал щеткой осколки зеленого стекла. У Грейс тут же начали слезиться глаза от дыма и вони серы, заполнивших комнату.

— Дарж, ты в порядке?

— Миледи? — подняв голову, удивился Дарж.

— Извини. Мне следовало постучать, но я услышала грохот и...

Дарж отложил щетку и встал.

— Вам не следует передо мной извиняться, миледи.

Грейс не знала, что она такого сделала, чтобы заслужить столь безграничную преданность, но была благодарна Даржу за его верность и благородство. Когда дым немного рассеялся, она увидела, что черты лица Даржа заострились, и морщины вокруг губ стали еще заметнее. Рана на лбу, которую он получил, сражаясь с медведем, затянулась и превратилась в широкий шрам. Грейс прошла в глубь комнаты.

— Дарж, что-нибудь не так?

— Да, миледи. Нет, миледи, все в порядке. — Он показал рукой на свой рабочий стол, где стояла целая батарея флаконов самого разного размера и плавильный тигель. — Мне никак не удается наладить процесс, который меня интересует, вот и все.

Он подошел к буфету и провел рукой по пожелтевшему свитку. Грейс заглянула ему через плечо, пытаясь рассмотреть манускрипт. Несмотря на магию серебряной монетки, она не смогла ничего понять в выцветших от времени чертежах и записях. Впрочем, в самом центре рисунка она заметила изображение мужчины и женщины.

Смотри внимательнее, Грейс. У них на головах короны.

Значит, это король и королева. Оба были обнажены. Держась за руки, они стояли в центре овала, охваченного пламенем. Их окружали еще какие-то рисунки и слова, но Грейс их не понимала, хотя огонь напомнил сны, которые приходили к ней в последнее время.

— Что это такое? — спросила она.

— Великое Свершение, миледи. — Дарж показал на две фигурки. — Видите? Мужское начало, исполненное огня, соединяется с женским, властвующим над водой. Их венчает пламя, а дитя их союза обладает совершенством формы.

Грейс принялась разглядывать кольцо, нарисованное между двумя фигурами, и вдруг все поняла.

— Золото. Ты пытаешься получить золото, верно?

— Нет, миледи, — покачав головой, ответил Дарж. — Мне нужно еще многому научиться, прежде чем я смогу мечтать о Великом Свершении. Сейчас я лишь пытаюсь отбелить серу — это один из главных шагов на дороге, по которой я иду.

— Отбелить серу?

— Да, миледи. Видите, какой она начинает свое существование? — Он показал на грубый, желтый кусок серы. —

Но если ее правильно нагреть, она становится вот такой. — Дарж нашел флакон с молочно-белым порошком. — Благодаря огню выявляются тайные качества серы.

Грейс и сама не смогла бы объяснить причину своего беспокойства, но слова рыцаря вызвали у нее тревогу. Она показала на флакон.

— Это ты сделал, Дарж?

Рыцарь повертел флакон в руках и поставил на место.

— Нет. При первом нагревании сера чернеет — как ей и полагается, — но мне никак не удается сделать следующий шаг. Она не становится белой. — Он вздохнул. — Наверное, я что-то делаю неправильно. Придется попробовать еще раз, хотя сомневаюсь, что у меня получится.

Рыцарь взял тигель, но неудачно, и тот упал на стол. Дарж собрался его поднять, но покачнулся и, опустив голову, прислонился к стене.

Грейс мгновенно распознала симптомы недосыпания. Сколько же времени он занимается своими экспериментами, не давая себе отдыха? День? Два? Она тихонько прикоснулась к плечу Даржа.

— Тебе нужно поспать. Продолжишь завтра.

— Завтра? Да, у меня будет завтра, — не поднимая головы, пробормотал он.

— Ты о чем? — отдернув руку, спросила Грейс.

— Я стар, миледи. — Голос Даржа звучал едва слышно. — В этом году мне исполнилось сорок шесть. Мне следовало... На его месте должен был оказаться я.

Грейс смотрела на него, не в силах произнести ни слова. О чем он говорит?

Дарж взглянул на нее, и на лице у него появилось мрачное выражение.

— Сэр Гарфетель был молод и полон сил, миледи. Ему следовало жить.

Всю свою жизнь Грейс считала, что у нее отняли сердце и способность по-настоящему сопереживать еще там, в приюте. Но она вдруг поняла, что это неправда, потому что сейчас ей казалось, что ее сердце готово разорваться на части.

— И тебе тоже, Дарж.

— Как пожелаете, миледи, — кивнув, сказал он и отвернулся к буфету.

Грейс смотрела на его широкую, ссутулившуюся спину и пыталась понять, о чем он думает. Смерть Гарфа подействовала на Даржа гораздо сильнее, чем можно было предполагать. Почему?

Она сложила руки на груди и некоторое время молча смотрела, как он работает.

— А у тебя получится? Я имею в виду золото?

Дарж положил кусок серы на весы.

— Только тому, у кого чистое сердце, откроется тайна Великого Свершения, миледи. Чистое, как само золото, которое он пытается добыть.

Грейс задумалась, а потом сказала:

— Дарж, посмотри на меня.

Рыцарь без промедления выполнил ее приказ, и Грейс внутренне сжалась. Облизнув губы, она заставила себя произнести следующие слова.

— Я не... не знаю, есть ли на свете люди с чистым сердцем. — Она печально улыбнулась. — Мне множество раз приходилось убеждаться в том, что плоть человека намного мягче металла. И мне неизвестно, удастся ли тебе когда-нибудь превратить свинец в золото. Но в одном я убеждена. — Она положила руку ему на плечо. — Ты достойный человек, Дарж из Стоунбрейка.

Дарж устало взглянул на нее.

— Думаю, вы правы, миледи, — сказал он наконец. — Мне необходимо поспать.

Он положил щипцы, которые держал в руках, на стол. А Грейс сжала губы и кивнула. Затем она повернулась и вышла за дверь, оставив рыцаря наедине с его мечтами.

ГЛАВА 26

Ночью ей снова приснился Тревис.

Грейс опять стояла на вершине горы. Сквозь сумеречное сияние проступали горные пики, острова в туманном океане. Грейс осторожно повернулась, принялась вглядываться в дымку и наконец увидела его.

Как и прежде, Тревис замер на тонкой, точно игла, вершине соседней скалы, спиной к ней. Над головой у него полыхали пурпурные вспышки. Огнедышащий дракон? Нет — у нее на глазах яркая точка остановилась и повисла в сером небе прямо над ней: алая звезда. Если метеор предвещает смерть кого-то из королей, что означает появление звезды?

Грейс стало страшно. Что-то подсказывало ей, что у нее мало времени. Она протянула к Тревису руку и позвала, хотя и знала, что все бесполезно, что туман поглотит ее голос, и он ее не услышит.

— Тревис!

 И он обернулся.

Такой, каким она его помнила, в той же мешковатой зеленой тунике, песочного цвета волосы и борода растрепаны. Грейс обрадовалась. Он ее услышал! Она собралась крикнуть, предупредить его о страшной опасности.

Но слова так и не сорвались с губ, а радость мгновенно испарилась.

Глаза за очками в металлической оправе были угольно-черными. Ничего — только пустые зрачки, лишенные жизни. К Тревису жадно тянулись щупальца серого тумана, грозившего вот-вот его поглотить. Нет, теперь Грейс видела, что это не туман. Одежда Тревиса дымилась.

Он улыбнулся ей. И Грейс закричала, увидев, что туман неожиданно превратился в пламя, вырвавшееся на волю и собравшееся пожрать их обоих.

ГЛАВА 27

Грейс села в кровати и откинула с лица прядь спутанных волос, затем принялась на ощупь искать лесенку, чтобы спуститься на пол. В очаге еще не погасли красные глаза углей, освещая комнату неровным светом. Она взяла щепку из корзины для дров и прижала ее кончик к угольку. Вспыхнул огонек, который она, прикрыв рукой, отнесла к свече, стоявшей на столе.

Ночь отступила, уютно устроившись в углах спальни. Грейс опустилась в кресло, сложила на коленях руки и стала смотреть на пламя свечи, стараясь успокоиться. На лбу у нее выступил пот — страх, навеянный сном, не уходил, — но в комнате было холодно, и Грейс мгновенно замерзла. Ей никак не удавалось прогнать образ Тревиса и его черных глаз.

Это же всего лишь сон, Грейс. Обрывочные образы твоего подсознания. Кроме того, если Тревису и угрожает опасность, ты не можешь ему помочь. Он далеко.

Доводы разума немного притупили страх. Тревис сейчас на Земле. Конечно, там масса опасностей — пьяные водители, падающие самолеты, мутирующие вирусы, против которых еще не найдена вакцина, — но они по крайней мере известны. Наверное, хорошо, что Тревис находится в другом мире. Потому что на Зее он может оказаться в гораздо более сложной и незнакомой ситуации.

Впрочем, Грейс продолжали мучить сомнения. Получить внятный ответ у Иволейны или Трессы, пока они гостили в замке, ей так и не удалось. А Лирит категорически отказывалась обсуждать данную тему. Однако фактов больше чем достаточ-

но. Тресса была потрясена и одновременно взволнована, когда ему удалось разбить руну мира на столе Совета. Разбиватель рун, прошептала она тогда. А Кайрен, лишившись благосклонности Иволейны, попыталась переманить его на свою сторону. Она наверняка надеялась, что, подчинив его себе, сумеет снова заручиться поддержкой колдуний. Но Грейс не знала, почему они интересуются Тревисом Уайлдером.

Иволейна, тщательно скрывавшая свои тайны, однажды все-таки позволила себе спросить Грейс о том, что ее связывает с Тревисом.

Почему вы спрашиваете, ваше величество? Вы думаете, что он разбиватель рун?

Холодные, точно льдинки, голубые глаза королевы широко раскрылись.

Где ты слышала это слово, сестра?

Тресса произнесла его во время Совета.

Королева долго молчала, а потом заговорила:

Тот, кого называют разбиватель рун, несет в себе страшное зло. И, как и всякое зло, может надевать разные маски — иногда уродливые, порой прекрасные. Но если нам повезет, предсказание не сбудется, и его зло не вырвется наружу. Больше тебе знать не нужно.

Немного, но достаточно, чтобы подтвердились подозрения Грейс. Кем бы ни был разбиватель рун, он вселяет в колдуний беспокойство, а следовательно, они интересуются всеми, кто наделен способностью разбивать руны. Если вспомнить слова Фолкена, этот список состоит из одного имени: Тревис Уайлдер.

Но Тревис совсем не похож на человека, порабощенного злом. Что бы ни говорила королева про маски, именно он спас Зею в канун Дня Среднезимья.

Грейс встала из-за стола, чтобы налить себе бокал вина. Может быть, ей удастся немного успокоиться и снова уснуть?

Занялась самолечением, да, доктор?

Она прогнала назойливую мысль, плеснула немного вина в бокал, поколебалась несколько мгновений и наполнила его до краев. Пусть колдуньи строят свои козни, Тревиса им не достать. Он далеко. Грейс поднесла бокал к губам и замерла.

За окном, под тонким серпом юной луны, сияла алая звезда. Она уставилась на Грейс, словно сердитый красный глаз. Вот бы посмотреть на Тревиса, хотя бы издалека, чтобы убедиться, что с ним все в порядке.

Грейс отлично знала, что такой способ есть.

Не будь дурой, Грейс. В прошлый раз тебе чудом удалось сохранить рассудок. Сейчас здесь нет королевы Иволейны, и спасти тебя будет некому.

Она поставила бокал на стол, подошла к каминной полке и взяла в руки половинку серебряной монетки, которую дал ей брат Сай на Земле. Вторая половинка осталась у Тревиса.

Грейс снова уселась в кресло. Она уже однажды попыталась использовать свой Дар, чтобы отыскать неодушевленный предмет — нож. При помощи волшебства сумела добраться до Круга Камней, расположенного к югу от замка. Там Грейс стала свидетельницей того, как Логрен и Олрейн задумали убийство одного из правителей на Совете Королей. Она пережила потрясающие ощущения — ведь тело Грейс оставалось в ее комнате в Кейлавере — и не справилась бы с их могучей силой, если бы Иволейна не призвала ее назад.

Грейс сжала в руке половинку монеты и заглянула в самую душу пламени свечи.

Ты ведешь себя глупо. С Тревисом все в порядке. Скорее всего ты увидишь, как он спит в своей постели или завтракает, а может быть, сидит на унитазе. Впрочем, вероятнее всего, ты ничего не увидишь. С тех пор как умер Гарф, тебе ни разу не удалось прикоснуться к Духу Природы. С чего ты решила, что отыщешь Тревиса?

И все же Грейс знала, что справится. Да, она действительно не может прикоснуться к Духу Природы — блистающей паутине, объединяющей все живые существа. Но Грейс задумала совсем другое. Предмет из лишенного души холодного металла обязательно подчинится ей.

Следует по крайней мере сказать Лирит, что ты намерена сделать.

Она даже не пошевелилась в своем кресле. Закрыв глаза, Грейс позволила мраку заполнить все ее существо до краев и мысленно потянулась к половинке монеты. И вдруг у нее возникло ощущение, будто кто-то тащит ее за собой.

И она полетела.

К тому времени как Грейс сумела взять себя в руки и посмотрела вниз, земля осталась далеко: мягкий ковер, раскрашенный синими тенями. Грейс оглянулась — лишь краешком сознания отметив, что для этого требуется только подумать о том, что она хочет, — и в свете звезд увидела вдалеке Кейлавер. Тут и там темноту ночи расцвечивали вспышки факелов. Город, раскинувшийся у основания холма, на котором стоял замок, окутала ночная мгла, а деревушки, окружавшие город, и вовсе тонули в черном сумраке. Неожиданно Грейс подумала о том, что ощущения у нее совсем не такие, как если бы она летела на самолете над Северной Америкой ночью, когда, выглянув из окна, можно различить яркие огоньки городов, словно драгоценные камни, нанизанные на нити шоссейных дорог.

Впрочем, она ведь летела не на самолете. Ее тело осталось в кресле в комнате в Кейлавере, а сознание мчалось в неизвестном направлении.

Внизу под ней разворачивала свои кольца широкая, черная змея, от которой отражался тусклый свет луны: река Темноструйная. Грейс вспомнила уроки географии с Эйрин. Кажется, река Димдуорн течет на восток от Кейлавера, в сторону болот Толории. Да, она прекрасно помнила карту, нарисованную Эйрин углем. В Толории Димдуорн поворачивает на юг, и в нее вливается другая, менее полноводная река. Неподалеку от места их слияния находится Ар-Толор, замок королевы Иволейны.

Ар-Толор? Неужели она направляется именно туда?

Грейс заставила себя снова посмотреть вниз и заметила, что могучая река резко свернула направо. Вот уже видна другая речка, несущая в нее свои воды. Семь стройных башен тянули изящные пальцы к небу и, в отличие от Кейлавера, на всех весело плясали огни. Королева-колдунья не побоялась бросить вызов ночи.

Грейс думала, что сейчас начнет снижаться, но вместо этого ее сознание устремилось вперед, дальше, на головокружительной скорости. Ар-Толор остался далеко позади, внизу, точно полноводная быстрая река, проносилась земля. Впереди на фоне темного неба появились неровные изрезанные силуэты. Горы.

Воздух стал заметно теплее, и вскоре Грейс показалось, что она стала хрупкой и беспомощной, точно сухой листок, охваченный разъяренным пламенем. Ночь рассыпалась в прах, в море малиновых облаков на горизонте купалось солнце. Рассвет.

Нет. Солнце осталось у нее за спиной, на западе. Над горами медленно вставала полная луна, розовая, словно изысканная морская раковина. Получается, что сейчас не рассвет, а наоборот — закат.

Горные пики были уже совсем близко, и Грейс начала снижаться. У основания гор, на широком каменистом уступе высилась башня. Интересно, что это такое?

Башня быстро приближалась, и Грейс поняла, что ошиблась. В первый момент ей показалось, будто она венчает горный пик — на самом же деле ее трехгогая вершина была вырублена из скалы, а основание покоилось на уступе. В следующее мгновение Грейс увидела, что башня серого цвета.

Серая Башня. Кажется, она что-то про нее слышала.

Времени на размышления не оставалось, потому что навстречу с головокружительной скоростью неслась земля. Грейс остановилась на вершине горной гряды, расположенной рядом с башней, и впервые за все время услышала новый звук, отличный от рева ветра, сопровождавшего ее в пути.

— Он осквернил рунный камень, — произнес низкий голос, исполненный гнева. — Тот самый, что является сердцем нашей башни и источником, который дает нам силу. Решение о наказании, которое его ждет, принято.

Наступила тишина, а потом другой голос — грустный, совсем тихий — ответил:

— Да свершится правосудие.

Башня притягивала к себе Грейс, но ей удалось от нее отвернуться, и тогда она увидела их. Около сотни мужчин в одеяниях серых, как сама башня, стояли полукругом неподалеку от нее — двое замерли чуть впереди остальных. У одного волосы черные, точно ночь, а лицо изуродовано многочисленными шрамами. Другой — седовласый, чуть сгорбленный, опирался на посох, украшенный искусной резьбой.

Перед ними, рядом с Грейс, высился камень, испещренный символами, которых она не знала. У его основания была сложена куча хвороста. Прошло несколько секунд, прежде чем Грейс разглядела, что к камню веревками привязан мужчина. Он стоял, опустив голову, но она прекрасно видела песочного цвета волосы и бороду. Два человека в серых одеяниях вышли вперед, в руках они держали зажженные факелы. Не раздумывая, они направились прямо к камню. Кто пленник? И что он совершил, чтобы заслужить такое страшное наказание?

— Ты хочешь что-нибудь сказать перед смертью? — спросил седовласый мужчина у пленника.

— Хватит с нас его лжи, — заявил человек с лицом, похожим на злобную маску, но взгляд седовласого заставил его замолчать.

Все молчали. Пленник поднял голову, и Грейс его узнала.

Тревис!

Она отчаянно пыталась понять, как он здесь оказался и что с ним происходит.

— Я сказал правду, Орагиен, — тихо проговорил Тревис.

Услышав его, старик закрыл глаза. Другой, тот, чье лицо было изуродовано шрамами, резко взмахнул рукой. Двое с факелами поколебались одно короткое мгновение, а затем шагнули вперед и поднесли их к куче хвороста. В воздух поднялись клубы дыма.

Тревис отвернулся, и Грейс увидела его лицо. Она боялась, что у него будут черные глаза, как в ее сне, но они были серыми, точно его одеяние, и испуганными. И вдруг в них зажглось удивление.

— Грейс! — хрипло прошептал он.

Внутри у Грейс все похолодело, она попыталась позвать его, но ведь ее тело осталось в Кейлавере — здесь находилось лишь сознание. Неужели он ее увидел? Невозможно — строго

говоря, ее тут нет. Может быть, просто перед смертью, охваченный ужасом и отчаянием, он произнес ее имя?

Дым стал почти непроницаемым, и пламя начало подбираться к серому одеянию Тревиса. Он снова отвернулся, и Грейс решила, что он ее не видел. Сжав руки в кулаки, Тревис крикнул, обращаясь к небесам:

— Олриг меня спасет!

Он ошибся. Рука бога не возникла из туч и не вырвала его из объятий жадного пламени, с ревом устремившегося ввысь.

Этого просто не может быть. Грейс попыталась дотянуться до Тревиса, хотя прекрасно понимала, что у нее ничего не выйдет, что ей его не спасти. Тело Тревиса напряглось, он откинул голову назад и пронзительно закричал.

А потом, совсем как во сне, его поглотил огонь. Грейс стояла очень близко, и его жар начал ее притягивать, но ей удалось отвернуться. И она увидела едва различимую мерцающую нить, которая связывала ее дух с телом, оставшимся в Кейлавере.

Из последних сил она постаралась ухватиться за эту нить, а потом крик Тревиса слился с ревом пламени, и все окутал алый туман.

ГЛАВА 28

Ее разбудил страшный грохот. Сначала Грейс решила, что это стучит ее сердце, потому что на него отзывалась каждая клеточка ее тела. Затем она услышала приглушенный голос:

— Леди Грейс! Где вы?

Она медленно, с трудом раскрыла глаза, и в мозгу возникла малиновая вспышка. Пожар? Нет — в окно лился мягкий свет зари. Значит, наступило утро, и она еще жива.

— Миледи, откройте дверь!

Грейс подняла голову и вскрикнула от пронзительной, нестерпимой боли, сковавшей все мышцы. Что случилось? Казалось, ее сознание превратилось в кучку пепла, но Грейс заставила себя напрячься и вспомнить: башня из серого камня, Тревис, языки пламени. Новая боль сжала сердце. Нет, ей ничего не приснилось. Она и сейчас чувствовала раскаленную монетку, которую сжимала в правой руке.

В дверь перестали колотить, и Грейс услышала тихий шепот. *Придется ломать.* Она с трудом поднялась из кресла и поплелась к двери.

Откинув засов, распахнула дверь и чуть не налетела на жесткое плечо эмбарца. Если бы Дарж не среагировал во-

время, она расквасила бы себе нос и заработала роскошный синяк под глазом. За спиной Даржа стояла Лирит, на лице которой застыло изумление. Грейс решила, что на конкурсе пугал она наверняка заняла бы первое место.

Дарж, в глазах которого застыло беспокойство, первым пришел в себя.

— Что случилось, миледи? — спросил он.

Грейс собралась ему ответить, но неожиданно поняла, что вместо горла у нее раскаленная иссушенная солнцем пустыня.

Лирит проскользнула в комнату, миновав Даржа, и совершенно спокойно заявила:

— Разве не понятно, сэр рыцарь? Ей срочно нужно чего-нибудь выпить.

Колдунья взяла Грейс за руку и подвела к креслу. Дарж с грустным видом налил вина в бокал из графина, стоявшего на буфете, и протянул Грейс.

Что-то я слишком часто стала прибегать к помощи вина в качестве успокоительного.

Грейс сделала глоток, и вино обожгло горло, но она с жадностью осушила бокал и вернула его Даржу. Теперь она дрожала не так сильно, а колдунья и Дарж рассматривали ее с одинаковым удивлением на лицах.

— Тревис Уайлдер, — сказала Грейс, прежде чем они успели задать ей хоть какой-нибудь вопрос. — Он на Зее. И ему угрожает опасность.

Она собралась им все рассказать, но Лирит окинула ее осуждающим взглядом и демонстративно посмотрела на Даржа. Только сейчас Грейс сообразила, что так и осталась в нижнем белье. Рыцарь покраснел и отвернулся, а Лирит помогла Грейс надеть платье, висевшее на спинке кресла.

Интуиция не подвела Лирит и на сей раз. Одеваясь, Грейс успела собраться с мыслями. Когда она снова устроилась в кресле с кружкой дымящегося мэддока, который принесла служанка, то смогла рассказать о своем приключении четко, спокойно и внятно. Грейс прекрасно понимала, что нужно спешить, но, если она не ошиблась, немного времени у них еще осталось.

Закончив свое повествование, она заметила, что Дарж смотрит на нее с изумлением, а Лирит с интересом.

Затем Лирит сложила руки на груди и заявила:

— Ты повела себя очень глупо, сестра. И нарушила запрет. Если бы Иволейна узнала о том, что ты сделала, она изгнала бы тебя из ордена колдуний. И была бы совершенно права. Ты подвергла себя опасности. Более того, мы с Эйрин могли бы пострадать, если бы попытались вытащить тебя оттуда.

Грейс прикусила губу, слушая выговор Лирит. Но страх начал отступать. *Если бы Иволейна узнала...* Грейс не сомневалась, что Лирит совершенно сознательно произнесла эти слова. Она не собиралась докладывать Иволейне о случившемся.

— Ты права, Лирит, — смущенно проговорила Грейс и сжала в руках чашку.

Дарж поглаживал свои длинные усы.

— Вы уверены насчет луны, миледи? Она была полной в вашем... видении?

— Да. Я видела все очень четко. Совсем как тогда, в Круге Камней. Событие, свидетельницей которого я стала, еще не произошло.

— А оно произойдет?

Дарж и Грейс одновременно посмотрели на Лирит.

Колдунья расхаживала по комнате, прижав одну руку к подбородку.

— Мы нередко используем предметы, чтобы вызвать то или иное видение. Но очень немногие из сестер обладают этой способностью. Кроме того, они, как правило, в состоянии разглядеть лишь фрагменты событий и только тех, что имели место в прошлом. Я слышала о видениях вроде того, о котором нам рассказала Грейс, когда колдунье удается заглянуть в будущее. Однако такой дар встречается редко. — Она посмотрела на Грейс и добавила: — Очень редко.

Дарж смущенно переступал с ноги на ногу, а Грейс вцепилась в ручки кресла.

— Скажи, Лирит, то, что я видела, произойдет? — спросила она. — Мне нужно знать. Можно ли предотвратить события будущего?

— А ты уверена, что это следует делать?

Слова ударили в Грейс, словно пощечина, и она отшатнулась.

Лирит развела руки в стороны и пояснила:

— Он умеет разбивать руны, сестра. А если он и есть тот самый?..

Кто? О ком она говорит?

Но Грейс уже знала ответ — разбиватель рун. Тот, кого колдуньи боятся сильнее, чем представителей культа Ватриса.

— Башня, которую ты видела, не может быть ничем иным, как Серой Башней толкователей рун, — продолжала Лирит. — Почему они приговорили к смерти одного из своих собратьев? Ответ напрашивается сам собой — они поняли, что он несет в себе зло.

— Он мой друг, Лирит, — покачав головой, сказала Грейс. — И он спас Зею от Бледного Властелина в Фаленгарте. Так ты ответишь на мой вопрос или нет?

— Да, сестра. Правда состоит в том, что я не знаю ответа на твой вопрос. Возможно, Иволейне он известен. Однако мне кажется, что если ты видела какое-то событие, оно должно произойти. Иначе почему оно тебе открылось?

Нет. Грейс такой ответ не устраивал. Если то, что она видела, еще не случилось, значит, есть шанс все изменить. Сколько раз в отделении неотложной помощи врачи объявляли о смерти пациента, а он в конце концов оказывался у нее на операционном столе?

Грейс прикрыла глаза и задумалась. В отличие от Земли, луна здесь проходила свой цикл за месяц. Сегодня второй день новолуния, получается, что у них в запасе еще пятнадцать дней. Чуть больше двух недель. Грейс принялась считать в уме. До Ар-Толора неделя пути. А сколько от него до Серой Башни толкователей рун? Она попыталась вспомнить карты, которые рисовала ей Эйрин. Еще четыре дня? Или пять?

Грейс открыла глаза и увидела, что на нее смотрит Дарж. На лице у него появилось необычное выражение — мрачное и одновременно взволнованное.

— О чем вы думаете, миледи?

Разумеется. Он же рыцарь и человек действия. Сколько можно сидеть в замке, исполнять ее желания и время от времени отправляться на верховые прогулки по окрестностям? Дарж, наверное, умирает от тоски.

— Я не знаю, — ответила она. — Пока не знаю.

Но идея у нее появилась, и с каждой минутой вырисовывалась все яснее.

— Боюсь, за переполохом мы забыли о короле, — взглянув на Даржа, сказала Лирит.

— А при чем тут король?

— Мы пришли сюда по его приказу, миледи, — ответил Дарж. — Бореас велел доставить вас к нему.

Грейс поднялась и постаралась привести в порядок платье.

— В таком случае не будем терять времени.

— А ты хорошо себя чувствуешь, сестра? — с беспокойством спросила Лирит.

Грейс напряженно улыбнулась. Встречаться с Бореасом ей сейчас совсем не хотелось. Но она собиралась ему кое-что сообщить, так что получилось очень даже неплохо.

— Я справлюсь, — заявила она.

Через десять минут Грейс вошла в спальню короля. Видимо, она потребовалась ему срочно, раз он вызвал ее сюда. Грейс ждала, что король примется отчитывать ее за то, что она не примчалась на его зов сразу, но Бореас только сердито фыркнул и жестом указал на кресло.

Сам он уселся за стол и, хмурясь, начал рыться в ворохе бумаг. Черные волосы торчали в разные стороны — король даже не потрудился причесаться или надеть что-нибудь поверх обтягивающих панталон и свободной белой рубахи, открывавшей треугольник могучей груди. Он был страшно похож на босого воина, только что выбравшегося из постели. Впрочем, подумала Грейс, так оно и есть.

Король схватил перо, опустил его в чернильницу и что-то написал на листе пергамента. Затем несколько мгновений разглядывал свое произведение, положил перо и посмотрел на Грейс.

— Ну, в чем дело, миледи?

Грейс даже не пыталась скрыть изумление.

— Вы же сами за мной послали, ваше величество.

Бореас прищелкнул пальцами.

— Верно. — Его голубые глаза сияли. — Что вас задержало?

Грейс внутренне застонала. Нужно было воспользоваться его замешательством и уйти. Теперь пути к отступлению не осталось, и ей пришлось продолжить разговор.

— Что это такое, ваше величество? — Она жестом показала на пергамент на столе.

— Перед вами, — сказал он, сложив пергамент и скрепляя его печатью, — письмо, подтверждающее полномочия.

— Письмо, подтверждающее полномочия?

— Мне кажется, я именно так и сказал.

Грейс тяжело вздохнула. Опять разговор про политику. Она решила повторить свой вопрос, старательно, точно хирургические инструменты, подбирая слова.

— Какие полномочия подтверждает письмо, ваше величество?

— Полномочия моего нового посла в Перридоне, естественно.

— Посла? — Грейс прикусила язык, но опоздала — вопрос успел сорваться с губ.

— Миледи, вы с позором провалите вашу миссию в Перридоне, — мрачно заявил Бореас, — если будете все время повторять то, что и так всем понятно. Слова, которые витают в замке Спардис, представляют собой чудовищную смесь полуправды, подернутой дымкой тонкого обмана. Даже в тех случаях, когда вы просто заказываете служанке завтрак. Я начинаю сомневаться, следует ли мне вас туда отправлять.

Грейс вцепилась в ручки кресла так, что побелели костяшки пальцев.

— *Куда* вы собираетесь меня отправить?

Бореас сложил на груди руки, и Грейс сжалась в своем кресле.

— В Перридон? — пролепетала она.

— А вы, оказывается, неплохо соображаете, миледи.

Неожиданно Грейс поняла, что задыхается. Король собирается отправить ее в качестве посла в другое государство? Но она ведь даже не может попросить служанку принести ей еще чашку мэддока, а Бореас хочет, чтобы она выдвигала требования и заключала договоры.

— Но...

— Почему вы? — Бореас встал и подошел к окну. — Потому что вы лучший шпион из всех, имеющихся в моем распоряжении.

Грейс шумно вздохнула — ужас уступил место возмущению. В конце концов, не настолько же она плоха. Ведь с ее помощью им удалось раскрыть заговор представителей культа Ворона, которые собирались убить одного из правителей на Совете Королей.

— И за кем мне придется шпионить, ваше величество?

— Я хочу, чтобы вы познакомились и внимательно следили за всеми, кто нацелился на трон Перридона — причем имейте в виду, что в этот список могут входить абсолютно все, включая кухарку и конюха. Мне требуется, чтобы вы выяснили, кому из них можно доверять — если, конечно, в туманном королевстве вообще есть такой человек — и кто будет честно играть роль регента, пока принц не подрастет и не попытается захватить власть в доминионе. Именно его мы и будем поддерживать в борьбе за корону.

Невозможно. За время, проведенное в Кейлавере, Грейс добилась определенных успехов в общении с людьми — здоровыми людьми, — иными словами, научилась ходить, а Бореас хочет, чтобы она взбежала на вершину горы. Ей такое не под силу. Грейс раскрыла было рот, чтобы сказать ему, что она не сможет...

...и тут в голове у нее возникла картинка — карта, которую нарисовала для нее углем Эйрин. Кейлаван находится в центре Фаленгарта. Перридон — на востоке от него. А между ними...

Толория. И Серая Башня толкователей рун.

Отлично. Ей не придется просить у Бореаса разрешения покинуть Кейлавер. Кроме того, он наверняка отправит вместе с ней рыцарей. Это хорошо. Грейс не питала никаких иллюзий по поводу того, какая судьба ожидает женщину, путешествующую в одиночестве в мире, где правят законы средневековья.

У нее родился план — превосходный. Или почти превосходный. Неужели она каким-то образом повлияла на решение короля? А вдруг это она, сама того не зная, заставила его назначить ее послом в Перридон?

Ну вот, теперь она рассуждает, как Кайрен. Но ведь она же не пользуется заклинаниями, чтобы добиться исполнения своих желаний. Кроме того, ей необходимо добраться до Тревиса до полнолуния. Грейс подняла голову и посмотрела в голубые глаза Бореаса.

— Для меня честь служить вам, ваше величество.

ГЛАВА 29

Вечер скользил по замку на мягких серых крыльях. За высокими стрельчатыми окнами горлицы затянули свою печальную песнь, прощаясь с уходящим днем. Ее последним днем в Кейлавере.

Грейс шагала по коридору, хотя не имела ни малейшего понятия, где искать Эйрин. Она зашла к ней в комнату, чтобы рассказать о случившемся и о том, что на время уезжает из замка. Однако юной баронессы там не оказалось. Грейс не удалось найти ее ни в больших залах замка, ни на кухне, ни во дворе. За последние два часа Грейс побывала во всех уголках замка, где, по ее представлениям, могла бы отыскаться Эйрин.

Наконец она подошла к небольшой часовне в северном крыле, посвященной Ирсайе-Охотнице. Эйрин думала, что ее подруга ничего не знает о молитвах, с которыми она время от времени обращается к богине, но Грейс множество раз слышала ее торопливый шепот и удивлялась тому, что Эйрин скрывает свою веру в могущество Ирсайи.

Она боится, что, если ты узнаешь правду, то переменишься к ней.

Грейс все понимала. В конце концов, у нее ведь тоже имелись секреты.

Она остановилась, вздохнула и собралась отправиться к Бореасу, чтобы сказать ему, что волнуется за Эйрин. Может быть, король пошлет стражников на поиски. Грейс повернулась...

И вдруг через открытую дверь до нее донесся едва различимый ритмичный звук. Грейс замерла на месте. Где она его слышала? Она несколько мгновений помедлила, а потом шагнула в открытую дверь и сразу же увидела винтовую лестницу с каменными ступенями. Начала подниматься и через несколько витков сообразила, что оказалась в одной из маленьких башенок, со всех сторон окружавших замок. Равномерный стук стих, но спустя несколько секунд повторился снова, уже громче.

Грейс ступила на небольшую площадку, в конце которой увидела чуть приоткрытую деревянную дверь. Звук доносился оттуда. Клик-клик. Тук. Клик-клик. Тук. Она остановилась перед дверью.

Значит, вот где она прячется.

В центре круглой пустой комнаты стояла деревянная прялка и стул. Некоторое время Грейс наблюдала за Эйрин, ловко управляющейся, чтобы поймать челнок, когда он проходил между нитями. Через каждые семь шагов Эйрин останавливалась, опускала челнок и старательно расправляла свою работу. А потом все начиналось снова. Грейс поняла, почему звук стихал, а потом возникал опять.

— Эйрин?

Челнок упал на пол.

Грейс вбежала в комнату и подняла его, прежде чем Эйрин успела наклониться. Она выпрямилась и вложила челнок в здоровую руку юной баронессы.

— Я тебя не заметила, Грейс.

Слова прозвучали тихо, безжизненно, почти равнодушно, Эйрин так и не подняла на подругу глаз. Грейс множество раз присутствовала при осмотрах пациентов психиатрами, чтобы понять, что повторяющиеся, однообразные движения и упорный отказ смотреть доктору в глаза — очень тревожные симптомы.

— Эйрин, с тобой все нормально? — спросила Грейс и поморщилась — иногда слова звучат так бессмысленно.

Юная баронесса вернулась к своему занятию.

— Я ткала, Грейс. Мне предстоит еще многому научиться. Только у меня ничего не получается. Нитки почему-то никак не хотят складываться в рисунок. Но я не сдаюсь.

Она улыбнулась, но на лице у нее застыла печаль.

Да, дела обстоят еще хуже, чем думала Грейс. Она выругала себя за то, что не распознала симптомов раньше. Впрочем, она умеет возвращать к жизни исковерканные тела, а не сознание.

Эйрин, тихонько напевая себе под нос какую-то не слишком мелодичную песню, сжала в руке челнок. Грейс удалось уловить несколько слов:

Ко мне придет весной любимый,
И я сплету златой венок —
А осенью, когда его схоронят,
Укрою саваном, чтоб не замерз.

Грейс опустилась на колени рядом со стулом Эйрин.

Все равно что оперировать тупым скальпелем.

У Грейс не было ни специальной подготовки, ни представлений о том, что следует делать и как, но она считала, что должна попробовать. Да, конечно, она врачует тела, но ее знаний хватило, чтобы понять — вовсе не рисунок на ткани пытается исправить Эйрин.

— Эйрин, — позвала она тихо, но настойчиво. — Эйрин, послушай меня. Нет смысла переделывать рисунок на гобелене. Он все равно не станет лучше. Я знаю, с тобой что-то случилось. Тогда, зимой, в канун Дня Среднезимья.

Эйрин замерла на месте, потом ее тело напряглось, глаза уставились в какую-то невидимую Грейс точку.

Оставь ее в покое, Грейс. Ты можешь ей навредить. А что, если она лишится рассудка? Но ведь завтра ты поки-

нешь Кейлавер. У тебя есть только один шанс понять, что с ней происходит.

— Что с тобой случилось, Эйрин? Что ты пытаешься изменить?

Молчание. Грейс несколько секунд поколебалась, а потом положила руку Эйрин на плечо.

Неожиданно комнату наполнил животный крик боли, и Грейс от неожиданности вскочила на ноги. Эйрин откинула голову назад, выгнула спину и завыла. Ее голос гулким эхом отражался от каменных стен башни. Наконец Грейс смогла разобрать слова:

— Я его убила!

Сначала Грейс решила, что Эйрин имеет в виду Гарфа, но баронесса упала грудью на станок и сквозь рыдания, задыхаясь, выговорила:

— Леотан. Я его убила, Грейс. При помощи колдовства. В канун Дня Среднезимья.

Грейс тряхнула головой, пытаясь понять. За прошедшие месяцы она ни разу не вспомнила о Леотане — молодом лорде, который однажды довольно грубо отклонил приглашение Эйрин потанцевать. Однако она знала, что он погиб в канун Дня Среднезимья. Грейс тогда решила, что он стал одной из жертв фейдримов.

Эйрин прижала к груди больную руку, которая отчаянно напомнила Грейс сломанную шею прекрасного лебедя. Она заставила себя успокоиться. Да, излечить юную баронессу от *такой* боли ей вряд ли удастся, но попробовать необходимо.

— Расскажи мне, Эйрин, пожалуйста.

Девушка кивнула и, время от времени смущенно замолкая, поведала Грейс о том, как Леотан заманил ее в гостиную, как признался, что у него железное сердце, и попытался изнасиловать, и о том, как слепая ярость, охватившая юную баронессу, превратила мозг Леотана в кусок желе.

Эйрин говорила и раскачивалась на стуле, не в силах сдержать волнение. Грейс неловко обняла ее и прижала дрожащее хрупкое тело девушки к себе.

— Все в порядке, Эйрин, — прошептала она. — Ты не могла поступить иначе. Все прошло, забудь.

— Нет, Грейс. — Эйрин не могла справиться с рыданиями, которые рвались наружу, не давали ей говорить. — Ты не понимаешь. Я его убила.

— Тебе пришлось защищаться.

— Разве не было другого способа?

— Я не понимаю, — покачав головой, проговорила Грейс.

— Ты наделена Даром лечить людей. Так сказала Иволейна. — Девушка сжала свою высохшую руку. — А если все, на что я способна, — это причинять зло? Вдруг таков *мой* Дар?

Нет. Эйрин достаточно страдала из-за других людей и вещей, которые от нее не зависят. Грейс твердо решила, что не допустит, чтобы она мучила себя. Дар, которым она обладает, несет в себе не больше зла, чем ее бесполезная, больная рука.

— Ты пользуешься той силой, что тебе дана. Ты меня понимаешь, Эйрин? Ты делаешь то, что должна, чтобы выжить. И для этого используешь все доступные тебе способы. — Она сжала плечи Эйрин. — Ты меня поняла?

Эйрин подняла на нее заплаканное лицо. Потом неожиданно расслабилась, и в голубых глазах зажегся свет.

— Да, Грейс, — прошептала она. — Да, я понимаю. Я должна использовать свою силу...

Грейс задержала дыхание. Как-то уж очень странно Эйрин произнесла эти слова. Может быть, она все-таки не поняла того, что сказала ей Грейс?

Однако Эйрин перестала дрожать, смогла самостоятельно подняться на ноги, взять себя в руки и дойти вместе с Грейс до своей комнаты. Там они разговаривали далеко за полночь, вспоминая обо всем, что произошло за последние месяцы, и к концу Эйрин уже смеялась искренне, хотя и не слишком уверенно. Грейс надеялась, что ей удалось пробить стену, которой девушка отгородилась от остального мира.

Грейс немного беспокоилась за Эйрин, ведь завтра она покинет Кейлавер, а когда вернется — неизвестно.

Когда Грейс начала прощаться, обе расплакались, но на сей раз оттого, что им придется надолго расстаться. Потом Грейс вернулась к себе, легла в постель на несколько сумеречных часов и встала еще до рассвета, чтобы подготовиться к долгому пути.

ГЛАВА 30

Они покинули замок на рассвете следующего дня.

Дарж помог Грейс взобраться в седло Шандис, которая нетерпеливо гарцевала, готовая в любой момент сорваться с места, словно знала, что они собираются в дальний путь. Грейс снова выругала себя за то, что слишком переоценивает умственные способности своей лошадки.

А откуда ты знаешь, может быть, она в состоянии вычислить число «пи» с точностью до двадцатого знака?

Грейс решила, что пора перестать волноваться по поводу мозгов Шандис.

Дарж под мелодичный звон кольчуги вскочил в седло Черногривого.

— Вы готовы? — спросил эмбарец двух других рыцарей, которые, как и он, уже сидели верхом на своих могучих боевых конях.

— Полагаю, я готов, — ответил сэр Меридар, еще раз проверив седельные сумки.

Грейс его помнила — это он нашел их в долине, когда на них напал медведь. Она еще тогда обратила внимание на испещренное оспинами лицо и добрые глаза Меридара.

Другой рыцарь, сэр Каллет, коротко кивнул:

— Нам уже давно следовало отправиться в путь. Мы теряем время.

Грейс и Дарж одновременно нахмурились. Каллет ей не понравился, хотя она вряд ли смогла бы объяснить почему. Не красавец и не урод, крепкий на вид, с посеребренными сединой волосами, неприметельными чертами лица, если не считать сломанного и неправильно сросшегося носа. Может быть, дело в его ничего не выражающих глазах? В общем, Грейс пожалела, что Бореас отправил с ними Каллета.

Меридар и Каллет дали клятву верности новому Ордену Малакора. После того как они доставят Грейс в Перридон, Бореас отпустит их в Голт, где находится крепость, теперь принадлежащая Ордену. Грейс решила, что нужно будет обязательно передать через Меридара привет Бельтану. Она скучала по могучему светловолосому рыцарю и надеялась, что у него все в порядке.

— Король позволил нам покинуть замок, — сказал Дарж. — Нас больше ничто здесь не держит.

Грейс огляделась по сторонам, но ни Эйрин, ни Лирит не пришли проводить ее. Впрочем, что им тут делать? Вчера Грейс долго разговаривала с Эйрин, а сегодня за завтраком попрощалась с Лирит.

Ты же знаешь, что лучше не затягивать прощание, Грейс.

Только Грейс все равно было немного обидно, что они не пришли.

— Вы готовы, миледи? — взглянув на нее, спросил Дарж.

Грейс заколебалась. Она хотела бы еще кое с кем попрощаться. Вчера вечером, когда воздух наполнило мягкое золотистое сияние, она отправилась в сад — но не нашла там Наиды. Маленький грот, где Зеленая Мать любила возиться с цветами, встретил ее безмолвием и ощущением печального одиночества. Уже собравшись уйти, Грейс заметила, что дерево, о котором говорила Наида, все-таки умерло и теперь стояло, приникнув к земле ветвями, словно пытаясь в последний раз обнять своих сестер. Грейс прижала руку к груди и быстро выбежала из сада.

Она подняла голову и посмотрела на голубое летнее небо. День будет жарким. Грейс принялась разглядывать голубой купол, отлично понимая, что ей не суждено увидеть, как юная луна медленно сползает к горизонту.

Она опустила голову и, встретившись глазами с Даржем, сказала:

— В путь.

Они миновали арку и выехали в нижний двор. Грейс окинула взглядом каменные стены, в которых провела почти восемь месяцев. Когда она снова сюда вернется? Но вот уже ворота замка остались позади, а впереди расстилался новый, неизведанный мир.

Добравшись до подножия скал, они чуть придержали лошадей и перешли на быстрый шаг. Грейс приходилось постоянно себя одергивать — ей казалось, что они продвигаются вперед слишком медленно. До полнолуния оставалось около двух недель; они должны успеть добраться до Серой Башни. Но у Грейс перед глазами стояла страшная картина казни Тревиса, и она боялась, что, несмотря на все старания, опоздает. Она заставила себя думать о дороге, и вскоре Кейлавер остался далеко позади.

Путники направились к северу от замка в сторону старого Тарасского моста через реку Димдуорн, затем, не перебираясь на другую сторону, свернули на восток, спустились по заросшему травой горному склону, шедшему параллельно южному берегу реки.

— А почему нельзя пересечь Димдуорн здесь, в Кейлаване? — спросила Грейс у Даржа, когда они накануне вместе изучали карту доминионов. — Похоже, нам придется проехать пять лишних лиг, чтобы перебраться на другую сторону по мосту на границе Толории.

— Нет, миледи, — ответил Дарж. — Мы должны держаться южного берега Темноструйной. На северном слишком много притоков, в которых в это время года собирается вода с гор.

Грейс кивнула, хотя ей и казалось, что пять лиг это очень много.

Они ехали, не разговаривая, около часа, когда Дарж остановил Черногривого рядом с Шандис и сказал:

— Мы еще не обсудили Ар-Толор, миледи. Мы попросим у королевы гостеприимства на несколько дней?

Грейс собралась ответить, но не успела.

— Мы едем прямо в Перридон, — прозвучал резкий ответ.

Она обернулась и увидела у себя за спиной сэра Каллета — Грейс даже не заметила, когда он умудрился к ней подобраться.

Усы Даржа сердито топорщились.

— Леди Грейс является близкой подругой королевы. А что, если королева Иволейна предложит нам погостить?

— Леди Грейс вежливо отклонит ее приглашение, — заявил Каллет и хищно обнажил желтые зубы. — Мы зае-

дем в Ар-Толор, чтобы попросить у королевы разрешения проехать через ее владения — как того требует протокол. И, не задерживаясь, продолжим наш путь. Мы получили приказ от короля Бореаса, отдых в Ар-Толоре там не упоминается.

Каллет хлестнул коня, да так сильно, что бедное животное закатило глаза и взвыло от боли, и умчался назад, чтобы прикрыть тылы маленького отряда.

Грейс посмотрела на Даржа. Рыцарь мрачно кивнул, но ничего не сказал. Похоже, будет непросто убедить двух других рыцарей свернуть с дороги и заехать в Серую Башню. Грейс подозревала, что Меридара уговорить удастся — хоть и с большим трудом. Но Каллет представлялся ей таким же уступчивым, как кусок гранитной скалы. Но Грейс не собиралась сдаваться.

А что ты станешь делать, когда доберешься до Серой Башни? Как поможешь Тревису?

Впрочем, есть еще пятьдесят лиг, чтобы решить. Грейс устроилась поудобнее в седле и принялась изучать горизонт.

За последние месяцы Грейс часто отправлялась на прогулки верхом и многому научилась, но ей еще ни разу не приходилось скакать без остановки целый день, и к тому моменту, когда солнце собралось на покой, все тело у нее отчаянно ныло. Когда Грейс начало казаться, что конца ее мучениям не будет, она увидела впереди тонкие струйки дыма, поднимающегося к небу.

— Вон за теми холмами расположена деревня Фоксфэр, — сказал Дарж. — Мы попросим лорда Гаддимера, которому принадлежат эти земли, приютить нас на ночь.

Грейс кивнула, радуясь близости человеческого жилья и отдыха. Впрочем, она сомневалась, что, когда они остановятся, ей удастся выпустить поводья из онемевших пальцев.

Когда они добрались до основания холмов, отделявших их от деревушки, тропинка свернула в заросли деревьев. Неожиданно Каллет едва слышно прошипел:

— Нас кто-то преследует.

Дарж сразу же остановился и, склонив голову набок, прислушался. Затем поднял руку и сделал два резких движения. Меридар и Каллет быстро развернули лошадей и скрылись в кустах, растущих вдоль дороги.

— Сюда, миледи, — прошептал Дарж.

Он направил Черногривого в сторону, противоположную той, где исчезли рыцари. Грейс не отставала. Спрятавшись за пологом из листьев, она, затаив дыхание, наблюдала за дорогой, ждала. И услышала топот копыт.

Вскоре появились и сами всадники. Двое. Оба, несмотря на жаркий вечер, в тяжелых черных плащах с капюшона-

ми, скрывающими лица. Внутри у Грейс все похолодело. Неужели представители культа Ворона? Нет, последователи культа носят балахоны, а не плащи. Значит, разбойники. Тоже не слишком хорошо, хотя и не так страшно.

Всадники остановили лошадей и принялись оглядываться по сторонам, словно искали свою добычу. Грейс с трудом боролась с паникой. А вдруг разбойникам известно, что путники спрятались за деревьями? Незнакомцы в черном о чем-то коротко посовещались и, пришпорив коней, поскакали по дороге вперед, а Грейс с облегчением вздохнула.

Но в этот момент кусты затрещали, во все стороны посыпались листья, и на дорогу вылетела лошадь. Всадники в плащах резко вскинули головы и попытались успокоить своих испуганных скакунов. На них мчался ухмыляющийся Каллет с обнаженным мечом в руке. Незнакомцы попытались достать свое оружие, но явно не успевали.

— Стой, Каллет! — раздался громоподобный голос рядом с Грейс.

Черногривый молнией вылетел из-за деревьев и уже в следующую секунду выскочил на дорогу.

— Я сказал, остановись!

Лицо Даржа превратилось в застывшую маску ярости. В самый последний момент Каллет успел изменить направление движения своего меча, который просвистел в нескольких дюймах от одного из всадников.

— В чем дело? — возмутился он, наградив Даржа злобным взглядом.

Дарж молча подъехал к ближайшему из всадников и сорвал капюшон, заставив Грейс вскрикнуть от неожиданности.

Конечно, тебе следовало узнать лошадей.

Грейс выбралась на дорогу одновременно с Меридаром.

Эйрин щурилась в лучах клонящегося к западу солнца. Она страшно побледнела и поднесла руку к горлу, которого лишь чудом не коснулось острие меча Каллета. Другой всадник поднял смуглые руки и сбросил капюшон. Грейс снова вскрикнула от неожиданности, увидев Лирит. Что они здесь делают?

Каллет убрал меч в ножны.

— Вы затеяли неразумную игру, миледи, которая едва не стоила вам жизни.

— Благодаря вашей несдержанности, сэр Каллет, — сердито заявил Дарж.

Каллет наградил его хмурым взглядом, но эмбарец не смотрел на него.

Грейс покачала головой, пытаясь найти нужные слова.

— Эйрин, Лирит... что вы здесь делаете?

Эйрин уже успокоилась и ответила ей ослепительной улыбкой.

— Мы решили вас догнать, Грейс.

Еще вчера Эйрин беспрерывно плакала и не могла забыть событий Дня Среднезимья. Сейчас же, казалось, ее будто подменили. Такой веселой и жизнерадостной Грейс не видела Эйрин вот уже несколько месяцев. Лирит посмотрела на Грейс, и та ответила ей удивленным взглядом. То, что Эйрин поступила столь неразумно, объяснимо, учитывая ее юный возраст. Но Лирит... как она могла согласиться на столь безрассудное предприятие?

— Простите нас, — проговорила темноглазая колдунья и посмотрела на Грейс, — но мы не могли оставить тебя без сестринской поддержки в твоем... путешествии.

Меридар взглянул на Даржа, и в глазах у него заиграли искорки веселья.

— Ну и как же мы поступим с этими двумя очаровательными разбойницами?

— Сегодня предпринимать что-либо уже поздно, — ответил Дарж. — Поедем в Фоксфэр и будем надеяться, что лорд Гаддимер сможет разместить нас всех. Вне всякого сомнения, король Бореас, обнаружив отсутствие леди Эйрин и леди Лирит, отправил вслед за ними рыцарей. Они подождут их в доме лорда Гаддимера.

— Никаких рыцарей, — с сияющими глазами объявила Эйрин. — Когда Бореас узнает, что мы покинули замок, мы будем далеко, и даже самые быстрые лошади нас не догонят.

Рыцари и Лирит в изумлении уставились на улыбающуюся Эйрин. А Грейс стало страшно. Она все поняла. Лирит согласилась поехать с Эйрин, чтобы присмотреть за ней, считая, что люди Бореаса их догонят прежде, чем они слишком сильно удалятся от замка. Но Эйрин что-то сделала — воспользовалась каким-то заклинанием, чтобы скрыть их отсутствие. Только вот каким? Судя по выражению, появившемуся на лице Лирит, даже она не знала.

Дарж смущенно поерзал в седле.

— Если Бореас никого не отправит вслед за леди, значит, кому-то из нас придется завтра вернуться с ними в Кейлавер.

Каллет сердито сплюнул на землю.

— И на кого же падет выбор, сэр Дарж?

Эмбарец что-то проворчал, но Грейс и без слов поняла, о чем он подумал. Ничего у него не выйдет. Рыцари получили приказ сопровождать нового посла в Перридон. Ни один из них не согласится вернуться.

Решение нашел Меридар.

— В таком случае леди поедут с нами. Пока мы находимся в Кейлаване, нам ничто не угрожает. Оставлять их в

какой-нибудь маленькой деревушке нельзя. Мы доставим их в Ар-Толор, к королеве Иволейне, а там пусть король Бореас решает, когда послать за ними своих людей.

Грейс его план понравился, и она не сомневалась, что Дарж с ним согласится. Неожиданно она увидела, что тот смотрит на нее. Да, конечно. *Такое* решение не пристало принимать рыцарю.

В конце концов, ты ведь тут герцогиня, Грейс.

Она с трудом сдержала безумный смех, рвущийся наружу, и заявила:

— Мы поступим так, как предлагает сэр Меридар.

Дарж кивнул. Меридар явно остался доволен ее решением. И Каллету пришлось неохотно с ними согласиться. Эйрин радостно засмеялась, и Грейс встретилась взглядом с черными глазами Лирит. Колдунья тоже кивнула. Они поговорят о баронессе чуть позже.

— Приближается ночь, — сказал Дарж. — Нужно поспешить, если хотим добраться до Фоксфэра засветло.

Он поскакал вперед, за ним дамы, замыкали маленький отряд Меридар и Каллет. Грейс искоса посмотрела на Эйрин и Лирит. Несмотря на явное безрассудство их поступка, она радовалась их присутствию. Дарж верный и надежный спутник, но он мужчина. Хорошо, что рядом будут женщины. Да еще колдуньи.

Интересно, как же Эйрин удалось сделать так, что никто не заметил их исчезновения из замка?

Грейс подъехала к юной баронессе.

— Как ты это проделала? — прошептала она.

— Я последовала твоему совету, — пожав плечами, ответила Эйрин.

— Какому совету?

— Если у тебя есть сила, используй ее.

Прежде чем Грейс успела что-нибудь ответить, Эйрин пришпорила коня и поскакала вперед.

ГЛАВА 31

Путники ехали на восток через доминион Кейлаван, ни разу не отклонившись больше чем на лигу от южного берега Димдуорна.

Грейс с восторгом оглядывалась по сторонам, восхищаясь чудесным пейзажем. За время, проведенное на Зее, она редко выбиралась за городские стены, да и то на короткие прогулки по ухоженным полям, неподалеку от Кейлавера. Там она постоянно встречала толпы грязных, вонючих людей и считала Фаленгарт густонаселенными землями, где полно замков и ма-

леньких городков. Оказалось, что она ошибалась. Сидя верхом на Шандис и оглядывая окрестности, Грейс поражалась тому, насколько здесь безлюдно.

Сначала это не очень бросалось в глаза. В первый день пути им часто попадались деревушки — примерно через каждые две мили. Фоксфэр, где они остановились на ночь, ничем не отличался от многих других: каменный особняк, небольшой по земным стандартам, хотя и построенный явно на века; конюшни, маленький луг, где паслось несколько довольно жалкого вида коров; колодец, часовня, где лорд исполнял мистерии, посвященные своему божеству, и около двух дюжин крытых соломенными крышами деревянных домишек, разбросанных среди огороженных изгородями полей, часть из которых давно никто не обрабатывал.

Грейс не могла поверить, что это основа экономической системы, обеспечивающей существование доминиона. Впрочем, довольно скоро она увидела, что доминион не настолько велик, чтобы беспокоиться о его благополучии.

Они выехали из Фоксфэра на рассвете, попрощавшись с лордом Гаддимером и его женой — миниатюрной парой с добрыми, изборожденными морщинами лицами и тремя могучими красавцами сыновьями. Старший, которому исполнилось девятнадцать, помогал отцу управлять имением, а остальные двое через пару лет должны будут отправиться в Кейлавер или замок какого-нибудь барона, чтобы поступить к ним на службу и — если повезет — стать рыцарями.

На второй день поселения стали встречаться все реже, да и казались они совсем крошечными и жалкими. Вечером путники остановились в первой деревне, попавшейся им за несколько последних часов, и снова попросили приютить их на ночь местного землевладельца, молодого, неженатого человека по имени Анрет, который держался гостеприимно, но гораздо более сдержанно, чем Гаддимер. Древняя служанка Анрета принесла в сырую комнату, где остановились дамы, дополнительные одеяла и принялась расспрашивать про новости из Кейлавера.

— Вы знаете Элтринду из Орселя? — надтреснутым голосом спросила старушка у Грейс. — Она моя кузина. Элтринда ушла в Кейлавер, чтобы служить на королевской кухне.

Эйрин и Лирит покачали головами. Грейс задумалась, а затем вспомнила, что слышала это имя. Она вздохнула и взяла старушку за руку. Ну почему же ей гораздо легче сообщать людям плохие новости, чем хорошие?

— Я знала Элтринду, — сказала она. — Хотя, боюсь, не слишком хорошо. Несколько месяцев назад ее внучка попросила меня ее посмотреть. Понимаете... я целительница. Я сделала все, что могла. Но Элтринда была очень слаба, она умерла.

Старушка задумалась над словами Грейс, а потом кивнула.

— Она была такая же красивая? Когда Элтринда ушла от нас в замок короля, она была такой красавицей.

Грейс вспомнила измученную тяжелой жизнью, беззубую женщину со скрюченными пальцами и больными руками, которая задыхалась на грязной, кишащей вшами постели в покосившемся домике на окраине городка.

— Да, она была очень красива. А когда вы видели ее в последний раз?

В водянистых глазах служанки появилось удивление.

— Ну, когда она ушла из Орселя, ясное дело. Я очень хорошо помню тот день. Нам обеим тогда исполнилось по шестнадцать.

После того как женщина ушла, Грейс еще долго продолжала смотреть на сложенное одеяло. Из разговора со старушкой она узнала, что та ни разу не бывала в Кейлавере, хотя до него всего два дня верхом и четыре — пешком. Впрочем, ей бы и самой следовало догадаться, какие здесь царят нравы.

Вспомни уроки всемирной истории, Грейс. На Земле в средние века люди редко решались отойти на десять миль от того места, где они родились.

Почему на Зее должно быть иначе? Только люди благородного происхождения могут позволить себе путешествия на большие расстояния. Трудно смириться с таким положением вещей человеку, привыкшему к автомобилям и самолетам, которые, в случае необходимости, доставят тебя в любую часть света. На Земле мили перестали быть препятствием для тех, кто решил отправиться в путь. Здесь же, на Зее, лиги казались бесконечными.

Они снова выехали на рассвете, и после того, как Орсель скрылся из виду, целый день не видели ни одной деревни, а попадавшиеся им фермы казались давно брошенными.

Грейс надеялась, что ей удастся поговорить с Лирит об Эйрин и о том, что с ними произошло, когда они покинули Кейлавер, но на третий день поняла, что это будет непросто. Эйрин постоянно держалась рядом с ними, а когда они останавливались на ночь, возможности уединиться, чтобы Эйрин не услышала их разговор, так и не представилось. Значит, вопросы подождут.

К третьему дню пути Грейс решила, что ей смертельно надоело трястись в седле. Платье оказалось жарким и неудобным, она постоянно в нем путалась, а кроме того, оно обладало поразительной способностью впитывать пыль, и Грейс постоянно приходилось с ней сражаться. Она уже забыла, когда у нее не болели все до единой мышцы, а челюсти ныли так, словно последние три дня она жевала кусок жесткой резины.

В отличие от нее, Эйрин, казалось, все устраивало. Она получала настоящее удовольствие от всего, что с ними происходило. Юная баронесса постоянно улыбалась, а когда они останавливались, чтобы передохнуть, и Грейс с протяжным стоном плюхалась на ближайший камень и старалась не шевелиться, Эйрин весело бегала вокруг, собирая цветы, травы и даже просто красивые листья. Ночью она раскладывала их на большом платке и спрашивала у Лирит про их названия и целебные качества. Теперь она часто смеялась, и ее голосок звенел, точно серебряный колокольчик.

Довольно скоро стало ясно, что Эйрин покорила сердце сэра Меридара, который и не пытался скрывать своих чувств. Он не сводил с нее восторженных глаз, а баронесса постоянно давала ему самые разные поручения; когда же тот с радостью их исполнял, Эйрин дарила его улыбками. Грейс считала, что Эйрин ведет себя по отношению к несчастному рыцарю по меньшей мере жестоко. Ведь даже если на время забыть о его простом, испещренном оспинами лице, он занимал положение несравнимо более низкое, чем положение Эйрин.

Впрочем, Грейс решила, что беспокоиться за юную баронессу не стоит. Она прекрасно себя чувствовала — а остальное не важно. Не имеет значения, какое лекарство подействовало на пациента — главное, что ему стало лучше. Кроме того, у Грейс хватало и своих забот, которые теперь не оставляли ее ни на минуту. Сумеют ли они с Даржем убедить Меридара и Каллета свернуть к Серой Башне? Поспеют ли туда до полнолуния? И что она станет делать, чтобы помочь Тревису?

Солнце медленно клонилось к горизонту на третий день пути, когда Грейс заметила невдалеке тонкую струйку дыма, которая поднималась в небо.

— За этой долиной должна быть деревня, — крикнул Каллет.

Дарж натянул поводья и чуть приотстал.

— Наверное, Тарафель, — сказал эмбарец. — Я рассчитывал, что мы попадем туда к вечеру. На много лиг вокруг больше нет ни одного поселения.

Грейс вздохнула с облегчением. Она знала, что Дарж редко ошибается.

— А я не вижу никакого дыма, — прикрыв глаза рукой, сказала Эйрин. — Где?

Меридар подъехал поближе и, наклонившись к ней, показал рукой.

— Вон там, миледи.

Баронесса кивнула и наградила рыцаря очередной ослепительной улыбкой.

Грейс сжала зубы, чтобы ничего не сказать. Она знала, что Лирит внимательно наблюдает за ней.

— Вперед, — сказала она.

Всадники начали подниматься по пологому склону холма, заросшего густым кустарником, и через некоторое время выбрались на его вершину. К этому моменту огромный солнечный диск уже висел у них за спиной, проливая на землю жутковатый красный свет. Путники с трудом миновали последнюю зеленую стену и резко остановились.

Сначала Грейс решила, что закатные тени сыграли с ней злую шутку. Все вокруг было черным-черно. Но в следующее мгновение она поняла — дым, который они увидели издалека, рвался на свободу вовсе не из печных труб. А кроме того, его было слишком много.

Эйрин прижала руку к губам, а Лирит вздохнула, и ее глаза наполнились печалью.

— Клянусь Ватрисом, — пробормотал Меридар. — Что тут произошло?

Дарж молча покачал головой. Деревня исчезла.

По крайней мере большая ее часть. Грейс видела квадраты фундаментов, потрескавшихся и почерневших от огня, тут и там торчали трубы, куски стен, какие-то обломки. И все. Деревня Тарафель сгорела дотла.

— Варвары, — с яростью вскричал Каллет. — Наверное, явились с гор и сотворили это чудовищное злодеяние.

— Не думаю, — заметил Дарж. — На много лиг вокруг нет ни одной переправы через Димдуорн.

Каллет окинул эмбарца хмурым взглядом, но промолчал.

— Я не понимаю, — проговорила Грейс. — Огонь почти погас. Должно быть, прошло некоторое время с тех пор, как начались пожары. Почему мы не слышали о случившемся в Орселе?

Впрочем, она знала ответ. Путники забредают сюда нечасто, и скорее всего за прошедшую неделю, кроме них, здесь просто никто не побывал. Но если поселение уничтожили не варвары, тогда кто же? Грейс не верила в то, что пожар сам распространился по деревне — сгорели даже те дома, что стояли на приличном расстоянии от других.

Впервые за последние несколько дней Эйрин перестала улыбаться, а ее голос прозвучал жалобно, как у маленькой девочки.

— И где же мы будем ночевать?

Грейс чуть не рассмеялась. Кажется, приключение перестало быть для Эйрин таким волнующим, как вначале.

Дарж, прищурившись, вглядывался в горизонт.

— Возле тех деревьев ферма. Кажется, она не пострадала.

Поскольку особого выбора не было, никто не стал с ним спорить. Шестеро всадников спустились вниз по склону и молча объехали погибшую деревню. Один раз прямо на тропинке им попались останки человека, обгоревшего почти до неузнаваемости. Видимо, в самые последние мгновения своей жизни он поднял руки, словно умоляя небеса спасти его. Эйрин вскрикнула и опустила голову, а Грейс заставила себя смотреть вперед.

Когда они добрались до фермы, спустились сумерки. В первый момент Грейс решила, что дом пустует. Тяжелые деревянные ставни закрывали окна, из-под двери не пробивался свет. Но уже в следующее мгновение она заметила тонкую струйку дыма, поднимающуюся из трубы. Она взглянула на Даржа, и тот, молча кивнув, подъехал на Черногривом к дому, в то время как его спутники остались ждать.

Грейс видела, как Дарж спрыгнул с коня и постучал в дверь. Потом еще раз, и еще. Когда он поднял руку, чтобы стукнуть снова, дверь чуть-чуть приоткрылась. Грейс не смогла разглядеть, кто стоит на пороге, но рыцарь сделал шаг назад. Почему? Неужели он испугался? Она наблюдала, как Дарж о чем-то говорил с хозяином дома, затем дверь захлопнулась. Дарж взобрался в седло и направился к своим спутникам.

Грейс хотела спросить, что происходит, когда он остановился рядом с ними, но Дарж опередил ее.

— Чума, — с мрачным выражением на лице сообщил он.

Все остальные удивленно на него уставились, а Грейс задумалась. *Чума*. Не она ли стала причиной гибели деревни? Грейс знала, что, когда Черная смерть властвовала в Европе, целые деревни предавались огню, чтобы предотвратить распространение бубонной чумы.

Грейс подъехала к Даржу.

— Сколько больных в доме?

— Я понял, что один, — ответил Дарж. — Дверь мне открыла старуха. Болен ее муж.

— А симптомы?

— Не знаю. Она сказала только, что он весь горит.

Маловато. Лихорадка является симптомом множества болезней, а чума слишком общее название, чтобы определить точно, что случилось с крестьянином. Этот мир может страдать от дюжины самых разных эпидемических заболеваний — таких же серьезных, как бубонная чума, или даже хуже. Выяснить, с чем они столкнулись, можно только одним способом.

Прежде чем Дарж успел дотянуться до поводьев Шандис, Грейс пришпорила ее и помчалась к дому.

— Грейс! — услышала она крик, но не поняла, кому принадлежал голос — Эйрин или Лирит.

Краем глаза она заметила движение и поняла, что Дарж последовал за ней. Он не успеет. Грейс остановилась перед домом, соскочила на землю и бросилась к двери.

Дарж оказался быстрее, чем она думала. Осыпав ее комьями сухой земли, Черногривый остановился в нескольких шагах, и Дарж под звон кольчуги выскочил из седла.

— Миледи, это безумие, — схватив ее за плечо, сказал он. — Вам туда нельзя.

Глядя на руку рыцаря на своем плече, Грейс почувствовала, как в груди у нее возникло неожиданное и незнакомое до нынешнего момента чувство. Нет, не гнев. Чувство было слишком холодным и каким-то отстраненным. Грейс смогла понять свои ощущения, только когда облекла их в слова.

Как ты смеешь прикасаться к нашей персоне?

Она не произнесла их вслух, но, видимо, Дарж увидел что-то необычное у нее в глазах и резко отдернул руку. Грейс повернулась и толкнула дверь. Внутри царил полумрак, пахло дымом и болезнью.

— Миледи, — услышала она тихий голос, — не нужно сюда входить.

Грейс огляделась по сторонам и в тусклом свете очага увидела босую женщину в лохмотьях, которая склонилась над грубой кроватью. Человек, лежавший на ней, извивался и жалобно стонал.

Впервые за все время Грейс почувствовала, как сомнения вступили в борьбу с уверенностью опытного врача. Она прогнала их прочь. Сейчас речь шла не просто о долге. Ей *необходимо* понять, что здесь происходит. Краем глаза Грейс видела, что Дарж остановился на пороге и прижал к носу и рту полу своего плаща.

— Не волнуйтесь, — дрогнувшим голосом сказала она. Затем откашлялась и добавила: — Я целительница.

Женщина попыталась пригладить рукой растрепавшиеся волосы: Дарж ошибся, назвав ее старухой, она была примерно ровесницей Грейс. Просто ее раньше времени состарила тяжелая жизнь в этом мире.

— Вы ему ничем не поможете, — проговорила женщина. — Теперь вы уже никому не поможете. Слишком поздно.

— Дайте я посмотрю, — сказала Грейс и подошла к кровати.

Стоны стали громче, а запах дыма почти невыносимым. Мужчина метался под грязным одеялом, не в силах найти положение, в котором не испытывал бы боли. Глядя на него, Грейс почему-то подумала о насекомом, которое вот так же, наверное, извивается и страдает в своем коконе, проходя разные стадии превращения. Она протянула руку к одеялу.

— Нет, миледи! — прошипела женщина. — Не прикасайтесь к нему!

Грейс заколебалась, а потом посмотрела на женщину.

— Почему его нельзя трогать? Я могу заразиться?

Глупый вопрос. Женщина, конечно же, не понимает принципов передачи инфекционных заболеваний.

— Это огненная чума, миледи. Скоро он станет, как остальные. Он к ним присоединится, когда они снова придут.

— Они? Сколько еще человек больно чумой?

Женщина вяло махнула рукой в сторону двери.

— Все. Чума забрала всех. И вас тоже не пощадит, если вы тут задержитесь. Осталась только я. И еще Ярен. О, мой Ярен!

Женщина опустилась на грязный пол, всхлипывая, обхватила тощие колени руками и принялась раскачиваться. Грейс смотрела на нее и ничего не понимала. Что-то здесь не так. Бессмыслица какая-то. Если чума забрала всех жителей деревни, то как же они могут вернуться? Собрав всю свою волю в кулак, Грейс взялась за одеяло и потянула на себя.

Она тут же прижала руку к губам, но не смогла удержать удивленного восклицания. Мужчина, лежавший на кровати, лишь отдаленно напоминал человеческое существо. Все его тело покрывали страшные раны от ожогов, из которых сочилась желтая жидкость. Его окутывала такая вонь разложения, что у Грейс закружилась голова. Кое-где обгоревшая кожа облезла, приоткрыв большие куски голых мышц. И кое-что еще: нечто твердое, гладкое и черное, точно отполированный до блеска обсидиан.

— Что с ним происходит? — прошептала Грейс, ничего не понимая.

Мужчина открыл глаза. Один — красивый, голубой, казавшийся чужим на изуродованном лице. А другой — абсолютно черный, без белка и зрачка.

Неожиданно воздух разорвал пронзительный крик, и женщина в ужасе вскочила на ноги.

— Крондрим! — взвизгнула она. — Огневики!

Она бросилась прочь от кровати мужа и чуть не сбила Даржа с ног, когда выскочила мимо него в дверь, и вскоре скрылась в серых сумерках. Рыцарь смотрел на Грейс широко раскрытыми глазами. Она попыталась сглотнуть, но во рту у нее пересохло. Тогда она заставила себя снова повернуться к мужчине на кровати.

Он больше не метался, а лежал неподвижно, глядя на нее своим единственным голубым глазом. Затем потрескавшиеся губы шевельнулись, и на подбородок вытекла струйка темной жидкости. Несмотря на почти невыносимое отвращение, Грейс

наклонилась, пытаясь услышать его слова, и почувствовала, как от тела мужчины исходят волны жара.

— Убейте меня, — прошептал он.

Грейс вздрогнула. Голубой глаз повернулся в сторону очага, Грейс последовала за ним взглядом и увидела острую железную кочергу, стоявшую неподалеку. Она снова посмотрела на мужчину, собралась ему возразить, но не смогла произнести ни слова.

— Пожалуйста. — Его голос напоминал шуршание пепла на ветру. — Пока еще можно. Убейте меня.

Грейс покачала головой. Нет, она не сможет. Это против всего, во что она верит, против законов, которым поклялась следовать. Она же врач.

Грейс собралась отойти от кровати, но в этот момент увидела, как от одеяла поднимается тоненькая струйка дыма. Оно тлело.

Скоро он станет, как остальные...

Голубой глаз, в котором полыхал ужас, уставился на Грейс. Другой был пустым и холодным, точно черное космическое пространство.

— *Пожалуйста...*

Грейс сжала зубы и взяла кочергу.

ГЛАВА 32

По мере того как маленький отряд продвигался на восток, становилось теплее.

Сразу после восхода солнца жара начинала выползать из сырой, согретой солнцем земли, и вскоре раскаленное марево окутывало все вокруг, точно золотистое покрывало, вздрагивающее время от времени под нескончаемый гомон насекомых. Учитывая высокую влажность, от потовых желез не было никакого проку, но они продолжали упорно производить потоки соленой воды, от которой болели глаза, а платье превращалось в тяжелую мокрую тряпку.

Здесь, в восточном Кейлаване, высокие хвойные деревья тянули свои стройные пушистые ветки к небу, а заросли ползущих растений обнимали их, тянули назад к земле. Грейс подумала, что со времен учебы в медицинском колледже в Северной Каролине ей не приходилось бывать в местах, где так буйно ликовала жизнь. Там все предметы имели обыкновение мгновенно покрываться плесенью, и Грейс постоянно проверяла свое платье, пытаясь разглядеть крошечные темные пятнышки.

Прошлой ночью путники молча покинули ферму за разрушенным Тарафелем. Грейс никому не сказала, что она

сделала, а Дарж ничего не видел в темноте. Однако она знала, что никогда не забудет, как держала в руке кочергу, как прижала ее острый конец к жесткому обсидиановому телу несчастного, как ей пришлось изо всех сил надавить, но оно не поддавалось. И тут она увидела сапфировую вспышку и поняла, что в теле мужчины осталось только одно живое место.

Его страшный крик быстро оборвался. Дарж бросился к Грейс, но тут вспыхнуло одеяло, и огонь принялся жадно облизывать деревянные стены хижины. Дарж и Грейс выскочили наружу, а дом мгновенно превратился в ослепительно пылающий костер. Что стало с женой Ярена, никто не знал. Она выбежала из дома перед Даржем и Грейс и скрылась в сумраке среди деревьев.

Путники провели ужасную ночь, забравшись в единственное относительно целое строение — старый, покосившийся сарай, который в своей прошлой жизни служил птичником. Никто так и не смог уснуть, и при первых лучах солнца они снова пустились в путь, стараясь оказаться как можно дальше от страшного места.

Чуть позже они узнали, что случилось с женой Ярена. Дарж нашел ее тело в высохшем ручье на дне пропасти. Видимо, она оступилась в темноте и свалилась вниз. Или сделала это сознательно? Грейс вспомнила, как женщина закричала от ужаса, и содрогнулась. Каллет и Меридар спешились и спустились на дно. Рыцари вытащили тело женщины на берег и засыпали его камнями. А затем отряд продолжил свой путь.

Стараясь не думать о страшной жаре, Грейс все время пыталась понять, что же произошло в той деревне. Что это за болезнь такая: «огненная чума»? Как она передается — по воздуху или капельным путем? И кто ее переносчик? Впрочем, Грейс прекрасно понимала, что искать ответы бессмысленно — она не встречала ничего похожего в Денверском мемориальном госпитале. Несмотря на ужасный вид, Ярен явно не умирал. Грейс была хорошим врачом и отлично разбиралась в симптомах. Но если медицина не в силах дать объяснение происходящему, может быть, пригодится биология. Бабочка проходит ряд метаморфоз внутри кокона — чем человек хуже?

Но в таком случае, кем же он становится?

Однако Грейс уже знала ответ.

Крондрим. Огневик.

Пронзительный крик женщины все еще звучал у нее в ушах. Грейс спросила у своих спутников, но никто из них никогда не слышал этих слов. Как же объяснить случившееся? Неизвестно, кто они такие — крондримы, — но жена Ярена так их боялась, что выскочила из дома и в кромешной темноте бросилась в лес, а потом свалилась — нечаянно или сознательно — с уступа

в пропасть. Грейс старалась не думать о том, что еще сказала женщина.

...когда они снова придут...

У нее была своя собственная цель — Тревис, — о которой не следовало забывать.

Заночевали они в низине среди зарослей деревьев, поскольку за целый день не встретили на пути ни одной деревни, а Дарж сказал, что им повезет, если удастся добраться до ближайшей к вечеру следующего дня. Кое-как поужинали — не потому, что кончились припасы, просто никому не хотелось разводить костер и возиться с приготовлением еды, а потом женщины устроили себе постели на земле, а рыцари по очереди охраняли лагерь.

Грейс лежала на одеяле и смотрела в неподвижную жаркую ночь, расцвеченную следами звезд, проносящихся по небу. Она еще никогда не видела *столько* падающих звезд. Некоторое время Грейс развлекалась, считая удары своего сердца между яркими вспышками. Но ей так и не удалось добраться до десяти — всякий раз острая ослепительная стрела раньше разрывала мягкий бархат ночи. Последнее, что помнила Грейс — над истрепанными вершинами деревьев зажглась новая, алая звезда и пролила на мир свой жуткий свет.

Она проснулась, когда наступил серый рассвет, ее трясло от озноба, тело покрывала липкая испарина. Грейс решила, что заболела, но довольно быстро сообразила, что температура у нее нормальная, просто она вчера перегрелась на солнце, а утро еще очень холодное. Она выбралась из своего импровизированного спального мешка, стараясь не обращать внимания на отчаянно протестующие мышцы. Лирит и рыцари уже встали, и Грейс отправилась будить Эйрин, которая крепко спала. Юная баронесса довольно быстро оправилась после ужасов, увиденных в деревне, и вчера целый день была снова весела и жизнерадостна. Даже необходимость заночевать в лесу ее не огорчила.

Во время завтрака Грейс решила спросить о метеорах.

— В Лирдате всегда столько падающих звезд? — спросила она Даржа.

Однако ответил ей Каллет.

— Нет, не всегда, — сказал он коротко.

Кусок хлеба, который в этот момент жевала Грейс, застрял у нее в горле. Она подняла голову к небу и увидела, как на горизонте все еще сияет тусклым светом алая звезда. Имеет ли она отношение к метеорам?

А огненная чума? Звезда виновата и в ее возникновении тоже?

Грейс отмахнулась от нового предположения. Совпадение еще не есть доказательство, а в настоящий момент у

нее не было ни одного факта, указывающего на то, что огненная чума вообще с чем-то связана. Судя по имеющимся данным, она поразила всего одну деревню, и говорить о серьезной эпидемии рано.

Грейс собрала посуду и остатки завтрака, в то время как остальные готовились в путь и затаптывали огонь, и вскоре отряд отправился дальше под нестройное пение насекомых.

В полдень они наткнулись на обгоревшие руины небольшого поселения. Грейс их даже сначала не заметила. Она немного отстала от своих спутников, задумавшись о человеке, сгоревшем в Тарафеле. Чуть впереди о чем-то тихонько разговаривали Эйрин и Лирит, затем баронесса рассмеялась, словно зазвенели колокольчики.

Неожиданно смех Эйрин оборвался, и Грейс резко вскинула голову, решив, что на них кто-то напал, как в тот день, когда из кустов неожиданно выскочил раненый медведь. Затем она выехала на вершину холма, по которому они поднимались, и заглянула в долину, раскинувшуюся внизу. Дарж уже спустился и изучал руины домов, от которых остались лишь почерневшие фундаменты.

Это крошечное поселение даже деревней назвать было нельзя — скорее, несколько ферм объединились вместе, чтобы вести хозяйство. В остальном все здесь выглядело точно как в Тарафеле. Не осталось ничего — ни целых домов, ни живых людей.

— Не похоже, что пожар перекинулся от одного дома к другому, — сказал Меридар. — Земля между ними не обожжена. Боюсь, их подожгли специально.

Дарж поскреб заросший щетиной подбородок.

— Зачем, сэр Меридар?

Чума. Страх. Очищение. Так хотелось сказать Грейс, но она не могла произнести ни слова. Только смотрела на скорчившиеся тела на земле, угольно-черные, с вывернутыми конечностями — и молчала. Значит, случившееся в Тарафеле не единичный случай.

— Давайте уедем отсюда, — едва слышно прошептала Эйрин. — Скорее! Здесь нельзя оставаться!

Лирит положила руку на левое плечо баронессы и, взглянув на нее своими черными глазами, проговорила:

— Успокойся, сестра.

Эйрин сглотнула, потом неуверенно кивнула.

Каллет сплюнул на землю и заявил:

— Ее высочество права. Нам здесь делать нечего.

Нет, мы должны посмотреть, — хотела сказать Грейс. — *А вдруг среди пепла мы найдем что-нибудь полезное, сумеем понять происхождение чумы — и узнать, в каком направлении она движется. Где она побывала вначале — здесь или в Тарафеле? Ведь необходимо выяснить, что ждет нас впереди.*

Но страх сковал все ее существо, и она молчала, а Шандис покорно следовала за остальными лошадьми. Грейс из последних сил цеплялась за поводья, и в конце концов обожженные руины поселения остались позади.

Они не остановились, чтобы перекусить днем, и никто не произнес ни слова, пока отряд ехал по тропинке, бегущей по зеленым полям и среди опутанных вьюнками деревьев. Грейс хотелось пустить Шандис галопом, но она понимала, что впереди у них длинный путь и нужно беречь лошадей.

Через некоторое время небо на западе затянули черные тучи, и прогремел гром. Грейс надеялась, что польет прохладный дождь, и зря. Вместо этого тучи начали сгущаться, и в воздухе все словно замерло в ожидании страшного катаклизма. Грейс сжала зубы, уверенная в том, что если давление еще немного поднимется, она закричит. Эйрин снова помрачнела и поджала губы. Грейс видела, что даже Лирит не по себе, а рыцари и вовсе с трудом сдерживали раздражение. Пот заливал их сердитые лица, кольчуги источали кислый металлический запах.

Все вздохнули с облегчением, когда в разрыве между тучами появились лучи заходящего солнца, а Дарж вернулся, чтобы сообщить, что он заметил впереди деревню.

— Она... с ней все в порядке? — спросила Эйрин, наматывая локон на палец левой руки.

— Никаких признаков пожара я не видел, миледи. Только дым из печных труб. Если я не ошибаюсь, деревня называется Фаланор.

— Это действительно Фаланор, — вмешался Каллет. — Я служил у лорда Дартуса вместе с нынешним лордом и бывал здесь раньше. Эддок очень гостеприимный человек.

— Немного гостеприимства мне не повредит, — заметил Меридар и, поморщившись, попытался поудобнее устроиться в седле. — Особенно той части, которая...

Лирит чуть приподняла одну бровь, и Меридар, отчаянно покраснев, тут же замолчал.

— Сэр рыцарь, — проговорила колдунья, — если вы намерены просить у местного лорда гостеприимства для нижней части вашего тела, надеюсь, она не намерена поместиться в отдельной комнате, иначе, боюсь, вам придется испытать еще более значительные неудобства.

Меридар собрался ей что-то ответить, но его слова утонули в раскатах грома, небо разорвала ослепительная вспышка молнии.

— Не нравится мне эта гроза, — заметил Дарж. — Слишком жарко. Давайте поторопимся в Фаланор.

ГЛАВА 33

Уже почти совсем стемнело, когда путники миновали два высоких дерева, окутанных тенями, и выехали на тропинку, ведущую к деревне Фаланор. Впереди не было видно ни фонарей, ни затянутых овечьей кожей окон, светящихся изнутри мягким сиянием зажженных свеч. И никого вокруг. Грейс вцепилась в поводья Шандис, опасаясь, что деревню постигла та же судьба, что и Тарафель. Но в следующее мгновение небо прорезала вспышка молнии, и она успела разглядеть очертания нескольких домов — целых и невредимых.

Грейс с облегчением вздохнула. Даже в Кейлавере большинство обитателей отправлялось на покой после наступления темноты. А здесь, в деревне на окраине доминиона, вряд ли жители настолько богаты, что могут просто так тратить жир для ламп или свечи. Наверняка они мирно спят в своих постелях.

— Сюда, — показал Каллет, стараясь перекричать рев ветра. — Замок чуть впереди.

Новая вспышка молнии высветила жесткие, словно высеченные из камня, черты лица рыцаря. Прогремел гром, и путники пришпорили своих коней.

— Ты чувствуешь, сестра?

От неожиданности Грейс подскочила в седле. Почему-то тихий шепот Лирит, ехавшей совсем рядом, испугал ее больше, чем буйство стихии.

Вокруг глаза. Они за нами наблюдают.

Губы Лирит не шевелились, но Грейс отчетливо слышала ее голос. Это должно было ее удивить, но слова колдуньи оказались гораздо более пугающими, чем то, каким способом она их произнесла. Грейс огляделась по сторонам, но ничего не смогла рассмотреть в темноте, которую разрывали вспышки молний. Она сжала зубы, затем закрыла глаза и потянулась к Духу Природы.

Было трудно, и как только она прикоснулась к паутине жизни, та в следующее мгновение ускользнула из-под ее контроля. Однако Грейс успела почувствовать, что в каждом доме, сжавшись от страха, замерли люди.

Она открыла глаза.

— Не понимаю. Чего они боятся?

Лирит встретилась с ней глазами.

Нас.

Грейс нахмурилась, снова услышав ее безмолвный голос у себя в сознании. Неужели Лирит нарочно использовала Дух Природы, чтобы в очередной раз напомнить Грейс, что она не в состоянии долго удерживать с ним связь?

Перестань, Грейс. Это твоя проблема. Лирит тут совершенно ни при чем. Если ты больше не можешь долго общаться с Духом Природы, другим колдуньям иметь с ним дело не запрещено.

Перед ними выросла каменная стена, и лошади остановились. Наконец-то они добрались до владений лорда Эддока. К своему огромному облегчению, Грейс увидела в тусклых окнах свет. Значит, внутри кто-то есть.

Всадники спешились во дворе замка, и Дарж с Каллетом подошли к двери. Каллет постучал три раза, однако третий удар заглушили раскаты грома. Он снова поднял руку, но тут дверь распахнулась, и на ступеньки пролился золотистый свет.

Понять, кто стоит на пороге, было трудно. Грейс решила, что это мужчина, хотя определить, молодой он или старый, слуга или сам хозяин, не могла. Но вся его поза, то, как он замер на пороге, говорило о том, что этот человек страшно напуган. Неужели их не впустят? Невозможно. Никакой страх не заставит владельца дома отказать в гостеприимстве рыцарям короля, сопровождающим баронессу, герцогиню и графиню Толории.

Дарж взмахнул рукой, и мужчина, повернув голову, удивленно посмотрел на дам. Грейс с трудом сдержала улыбку.

Вряд ли они ждали к ужину высокопоставленных гостей.

Мужчина поспешно отступил в сторону, Каллет вошел внутрь, а Дарж вернулся к своим спутникам.

— Похоже, лорда Эддока нет дома, — сообщил эмбарец. — Это управляющий Фаланора. Он присматривает за замком в отсутствие хозяина и согласился впустить нас переночевать. — Он посмотрел на Грейс. — Сэр Каллет пошел взглянуть на комнаты, чтобы удостовериться в том, что вам в них будет удобно.

— Не сомневаюсь, что они нам подойдут, — проговорила Грейс, радуясь тому, что не придется ночевать под открытым небом во время грозы.

— А когда Эддок вернется? — спросила Эйрин.

— Джастар — так зовут управляющего — не сказал, — ответил Дарж.

— Ладно, не важно. Главное, что он согласился нас впустить, — повеселевшись, заявила Эйрин. — Эта гроза какая-то необычная. У меня такое ощущение... почему-то хочется кричать от ужаса.

Дарж с беспокойством взглянул на Эйрин, которая опустила голову, смутившись собственных слов.

Не огорчайся, — хотелось сказать Грейс. — *Нам всем не по себе.*

Но Лирит ее опередила.

— Я всегда жду, когда прогремит гром, — обняв девушку за плечи, призналась она. А потом, усмехнувшись, добавила: — Чтобы меня никто не услышал.

Эйрин кивнула и благодарно ей улыбнулась.

— Проводите дам внутрь, — попросил Дарж Меридара. — Я займусь лошадьми.

Грейс с облегчением вздохнула, когда за ними захлопнулась тяжелая дверь, заглушив рев ветра и непогоду. Они оказались в узком вестибюле, освещенном свечами. Вдоль стен стояли скамьи, чтобы путники могли присесть и положить свои вещи. Никто из обитателей замка не вышел встретить гостей.

Правда? А кто же тогда закрыл дверь?

Грейс быстро повернулась и увидела около двери мальчишку лет одиннадцати. Сын какого-нибудь землевладельца? Вряд ли. Босые, грязные ноги, потрепанные бриджи, залатанная рубашка. Значит, слуга.

— А где управляющий? — спросил Меридар.

Мальчик повернулся к рыцарю. Несмотря на грязь, Грейс сумела разглядеть здоровую кожу и ярко-зеленые глаза, обрамленные спутанными темными волосами. Мальчишка улыбнулся, продемонстрировав гнилые зубы.

— Управляющий Джастар ушел вместе с вашим братом, милорд. Они смотрят комнаты в замке, чтобы выбрать те, что получше.

Грейс закашлялась. В замке витал удушливый с металлическим привкусом запах.

— Миледи, вам принести воды? — спросил мальчик.

Грейс поднесла руку к горлу и кивнула.

— Принести, миледи?

Грейс нахмурилась.

— Да, — с трудом выговорила она. — Спасибо тебе за заботу.

Продолжая улыбаться, мальчик подошел к буфету и взял в руки графин. Только когда он поднес его к глиняной чашке, Грейс все поняла: вода перелилась через край на руку мальчишке, и он убрал графин. Затем мальчик повернулся и протянул чашку Грейс, он ошибся всего на несколько дюймов.

Он неплохо справляется. Впрочем, дети быстро приспосабливаются к новым условиям. Однако тебе следовало заметить раньше. Он не смотрит в глаза. И не видел, как ты кивнула. Ты теряешь квалификацию, доктор.

Грейс взяла чашку из протянутой руки мальчика.

— Как тебя зовут?

— Дейнен, миледи.

— Ты сын Эддока?

— Нет, миледи, — рассмеявшись, ответил мальчик. — Моему отцу принадлежит ферма у холма, к северу от деревни. Когда я ослеп, он упросил милорда взять меня к себе. Пользы

на ферме от такого, как я, никакой, а кормить меня просто так он не мог.

Грейс от удивления раскрыла рот. Неужели отец может взять и выгнать из дома ребенка только потому, что он потерял зрение? Впрочем, что же тут необычного? Она уже успела изучить суровые нравы, царящие на Зее. Здесь любовь это роскошь, которую далеко не все в состоянии себе позволить.

Она собралась что-то сказать, но в вестибюле появился Каллет в сопровождении управляющего Джастара.

— Сюда, — коротко сказал Каллет.

Как раз в этот момент вошел Дарж, и вся компания последовала за Джастаром. Только сейчас Грейс получила возможность хорошенько рассмотреть управляющего. Ее глазам предстал ничем не примечательный человек, невысокий, крепкий, с изуродованным оспой лицом. Он был одет в зеленые обтягивающие штаны и тунику с коричневым капюшоном, откинутым на спину. Судя по кислой вони, удушающим облаком окутывающей его тело, здесь мылись не чаще, чем в Кейлавере. Впрочем, на приятном лице светилась добродушная улыбка, да и держался управляющий вежливо и предупредительно, хотя Грейс показалось, что она заметила, как у него дрожат руки.

Бедняга. Наверное, ему приходится принимать герцогиню первый раз в жизни. А хозяин, как назло, уехал.

Путники поднялись вслед за управляющим по лестнице на второй этаж и остановились в длинном коридоре, по обе стороны которого шли двери.

— Вот ваша комната, милорды, — сказал Джастар, обращаясь к Даржу и Меридару и показывая на ближайшую дверь. Затем прошел немного вперед и замер у другой двери. — Надеюсь, эта комната понравится леди. Она самая большая в замке.

Шагая за управляющим по коридору, Грейс увидела муху, которая промчалась мимо ее лица, обдав сладковатым запахом разложения. Она поморщилась и отмахнулась от нее рукой.

— Здесь неприятно пахнет, — сказал Дарж Джастару.

Управляющий развел руки в стороны, извиняясь.

— Кухарка не проследила, и большой кусок мяса протух. Мне никак не удается проветрить помещения.

— Надеюсь, кухарке он сумел проветрить мозги, — пробормотала Лирит.

Эйрин подошла к двери в противоположном конце коридора.

— А что в этой комнате?

Управляющий поморщился.

— Боюсь, миледи, что в силу непонятных мне архитектурных особенностей замка запах здесь, в комнате лорда Эддока, еще сильнее.

Эйрин поспешно отошла от закрытой двери, затем наклонилась к Грейс и прошептала:

— Надеюсь, управляющему удастся проветрить замок до того, как вернется лорд Эддок.

Грейс только кивнула, все ее силы уходили на то, чтобы дышать ртом.

Рыцари ушли в свою комнату, женщины в ту, что управляющий предложил им. Она действительно оказалась большой и на удивление чистой. Да и отвратительный запах сюда не проникал. Лирит показала на большую кровать с соломенным матрасом и заявила, что они лягут вместе с Эйрин. Грейс досталась другая — поменьше. Затянутое промасленной кожей окно было плотно закрыто, но по другую его сторону все чаще возникали яркие вспышки молний. Деревянные балки скрипели под порывами ветра, но дождь еще не начался. Гроза бушевала, не находя себе выхода. Грейс надеялась, что она быстро пройдет.

Через некоторое время к двери их комнаты подошел Дарж, чтобы выяснить, все ли в порядке. Прежде чем Грейс успела ему ответить, за спиной рыцаря возник Дейнен.

— Прошу меня простить, — сказал он, — управляющий послал меня сообщить вам, что ужин готов.

Когда дамы и Дарж вошли в главный зал замка, их уже ждали Джастар, Каллет и Меридар. Путники уселись на скамьи за старый, обшарпанный стол, и управляющий предложил им хлеб, холодную оленину, сыр и сушеные фрукты со сливками. Простой ужин, но Грейс приходилось довольствоваться и более скромной едой. Видимо, кухарка постаралась не опозориться перед высокими гостями.

Джастар оказался приятным, но скучным собеседником. Он спросил о том, как проходит их путешествие, однако подробности его не интересовали. Грейс знала, что в доминионах простые люди очень хорошо знают свое место и не задают лишних вопросов представителям знати. Она заметила, что управляющий отчаянно потеет, и вскоре его туника насквозь промокла. Очевидно, ему не часто приходилось иметь дело с рыцарями и высокорожденными леди. Но он неплохо справлялся со своими обязанностями, и Грейс надеялась, что у них будет возможность сообщить об этом Эддоку. Ее смущало, что они вынудили Джастара принять их в замке.

Когда ужин подошел к концу, Дейнен начал убирать со стола. Грейс с восхищением наблюдала за мальчиком, поражаясь тому, как мало он делает ошибок.

И тут она неожиданно заметила девочку лет семи в простой длинной рубашке без рукавов, которая тихонько скользнула в обеденный зал. Каскад огненно-рыжих волос скрывал

большую часть лица и ниспадал на плечи. Она начала помогать Дейнену убирать со стола, а Грейс не могла отвести от нее глаз, хотя вряд ли сумела бы объяснить почему. Что-то в хрупкой фигурке приковывало ее внимание.

— Как тебя зовут? — спросила она, когда девочка взяла кружку, стоявшую перед ней на столе.

Девочка опустила голову и покачала головой, сжимая в руке кружку. Грейс посмотрела на Дейнена, но тут же сообразила, что он не видит ее вопросительного взгляда, однако мальчик, видимо, уловил паузу в разговоре и ответил:

— Ее зовут Тира. Она немая.

Грейс задумалась, а потом наклонилась к девочке и сказала:

— Привет. Меня зовут Грейс.

Тира не шевелилась. Грейс взяла девчушку за подбородок и мягко повернула ее к себе. Да, так она и думала. Левая часть лица Тиры отличалась поразительной красотой: бледная гладкая кожа, правильные черты. Однако правую покрывали жесткие уродливые шрамы, которые затронули уголок рта и глаз. Правого уха не было вовсе. Грейс мгновенно поставила диагноз: зарубцевавшиеся ожоги лица и головы III степени. Она взяла девочку за правую руку и увидела на внутренней поверхности новую розовую кожу. Наверняка на теле девочки под тонкой тканью рубашки тоже имеется несколько ожогов. Поразительно, что она не умерла от заражения крови. На Земле можно сделать пересадку кожи и косметическую операцию. Здесь же ей суждено до конца жизни стыдиться своей внешности.

— Ты очень красивая, Тира, — мягко проговорила Грейс и не покривила душой.

Девочка вырвала руку, еще ниже опустила голову, схватила грязную посуду и поспешила уйти из комнаты. Дейнен не отставал от нее, и Грейс некоторое время смотрела им вслед.

— У Эддока есть свои дети? — спросила она.

— Его жена умерла, когда носила их ребенка несколько лет назад, — ответил Каллет. — Мне кажется, он больше не женился.

Он посмотрел на управляющего, который молча кивнул.

Лирит положила подбородок на сложенные руки.

— Лорд Эддок, наверное, очень добрый человек. Не всякий согласится взять в дом чужих детей.

— Иногда он даже слишком добрый, — пробормотал Джастар.

Грейс подняла голову. Интересно, что он имеет в виду? Может быть, управляющий считает, что лорд Эддок взвалил на себя непосильную ношу, взяв в замок больных детей? Но прежде чем она успела задать новый вопрос, Каллет поднялся из-за стола.

— Мы отправимся в путь завтра на рассвете.

— Я вас провожу, милорд, — ответил управляющий.

Однако Грейс поняла, что слова рыцаря предназначались скорее дамам — он намекал им, что пора спать.

Грейс и Эйрин встали вслед за Лирит, попрощались с мужчинами и начали подниматься по лестнице. В их комнате Тира и Дейнен перестилали постели. Услышав, что гости пришли, Дейнен собрал в охапку грязное белье и поспешил к двери. Тира шла за ним, потом остановилась около Грейс.

— Идем, Тира, — позвал ее Дейнен.

— Нет, — вмешалась Грейс. — Все в порядке.

Она опустилась на колени и положила руки на острые худые плечики девочки.

— Тебе не нужно прятаться, — сказала она и убрала роскошные волосы с лица малышки. — У тебя очень красивое лицо.

Тира напряглась, но Грейс не шевелилась. И тогда девочка расслабилась, подняла голову и улыбнулась. У нее были великолепные белые зубы. Грейс улыбнулась ей в ответ.

— А ты, оказывается, умеешь обращаться с детьми, сестра, — заметила Лирит.

На сей раз напряглась Грейс. В отделении неотложной помощи она упорно избегала детей-пациентов. Дети слишком искренни. И честны. Однако с Тирой она не испытывала никакого смущения. Интересно, в чем тут дело?

Разве не понятно, Грейс? Немые дети не задают вопросов, на которые взрослым трудно ответить.

— Когда Тира перестала разговаривать? — спросила она у Дейнена.

— Когда лорд Эддок ее нашел, она уже была такой.

— Лорд Эддок ее нашел?

— Когда весной отправился в Перридон, чтобы навестить своего кузена. На обратном пути он наткнулся на Тиру, она бродила совсем одна среди пустошей южного Перридона. Мы не знаем, что с ней произошло — она молчит. Лорд Эддок ее пожалел и взял с собой.

— А как вы узнали ее имя? — спросила Лирит.

— Никак. Мне кажется, так звали жену милорда.

Грейс мягко исследовала шею девочки, но не обнаружила никаких отклонений. Скорее всего физически Тира способна говорить. Но она пережила страшное потрясение, которое сказалось на ее психике. Дети часто реагируют на тяжелые травмы таким образом. А как она получила ожоги?

Разве ты не догадываешься, Грейс? Ты же ведь уже достаточно видела.

Перед ее мысленным взором возникли почерневшие руины деревни и человек, мечущийся на грязной кровати, и

страшные изменения, которые с ним происходили. Но здесь ведь все иначе, разве не так? Раны Тиры зарубцевались — значит ее ожоги иного характера.

— Нам с Тирой нужно идти, миледи, — сказал Дейнен.

Грейс кивнула.

— Ты слышала Дейнена, — сказала она девочке. — Иди, увидимся завтра.

Дейнен вышел в коридор, и Тира повернулась и поспешила вслед за ним. Но через несколько шагов она остановилась и повернулась к Грейс, показав пальцем на открытую дверь. Потом напрягла руку, подняла ее вверх и быстро опустила.

— Что Тира делает? — нахмурившись, спросил Дейнен.

Грейс посмотрела на Лирит и Эйрин, затем снова на девочку. Тира повторила свое движение, при этом лицо ее оставалось совершенно неподвижным.

— Не знаю, — ответила Грейс. — Думаю... пытается мне что-то сказать.

— Тира иногда бывает странной, — пожав плечами, заметил Дейнен. Вытянув руку, он схватил девочку за плечо и мягко потянул за собой. — Идем, Тира. Леди пора спать, да и нам тоже.

Они вышли из комнаты и закрыли за собой дверь. Грейс посмотрела на своих подруг, но не успела ничего сказать — ее слова заглушили раскаты грома — такие сильные, что содрогнулся весь замок.

ГЛАВА 34

Грейс открыла глаза и увидела, что комнату заливает пепельный свет.

Она села на кровати и убрала с лица спутавшиеся волосы. Что-то было не так — казалось, будто в голове у нее монотонно стучат маленькие молоточки, а духота давит так сильно, что невозможно дышать. Но в следующее мгновение стало ясно, что ее поразило.

Тишина.

Грейс не знала, когда наконец заснула. Гроза бушевала всю ночь. Даже сквозь закрытые веки она видела яркие вспышки молний, а подушка, которую она положила на голову, не спасала от оглушительных раскатов грома. Но ей все-таки удалось крепко уснуть. А потом...

Грейс склонила голову набок и прислушалась, но не услышала ничего, кроме ровного дыхания Эйрин и Лирит, спящих на второй кровати. Гроза прошла.

Грейс встала и оделась, стараясь не шуметь. Она решила, что нет смысла будить Эйрин и Лирит. Судя по всему, до рассвета еще несколько часов, а учитывая, как все устали, вряд ли они отправятся в путь очень рано.

Если только сюда не заявится сэр Каллет и, звеня шпорами, не вытолкает нас пинками на улицу.

Грейс не сомневалась, что суровый рыцарь на такое способен.

Она тихонько выскользнула в дверь и осторожно ее прикрыла. Шагая по коридору, она невольно поморщилась. Отвратительный запах стал еще сильнее. Интересно, что кухарка сотворила с тем мясом? Припрятала в надежном месте? Грейс пошла быстрее и вскоре оказалась около лестницы.

Войдя в обеденный зал, она обнаружила, что не спится не только ей. За столом сидели Меридар и Дарж. В камине весело горел огонь. В доминионах всегда топили камины, даже когда стояла жара. Что-то вроде болезненной мании, которой страдали жители этой средневековой земли.

Дейнен выгружал с подноса на стол хлеб, сыр и сушеные фрукты. Тира осторожно несла глиняный кувшин с каким-то напитком и поставила его на стол, не пролив ни капли.

— Привет, — поздоровалась Грейс, стоя на пороге.

Рыцари тут же вскочили на ноги, а Дейнен улыбнулся.

— Доброе утро, миледи, — сказал он. — Вы хорошо спали?

Грейс поднесла руку к затылку, где поселилась боль, радуясь тому, что мальчик не видит выражения ее лица.

— Неплохо, — ответила она.

— Управляющий Джастар уехал, чтобы заняться делами деревни, и приказал мне о вас позаботиться.

— Как леди Эйрин? — спросил Меридар, прежде чем Грейс успела поблагодарить Дейнена. — И леди Лирит, — добавил он и покраснел, сообразив, что совершил оплошность.

Грейс в очередной раз пожалела рыцаря, которому выпала печальная судьба полюбить баронессу. Впрочем, тут же напомнила она себе, Меридар совсем не глуп и наверняка мечтает избавиться от наваждения.

— Они еще спят, — ответила Грейс.

Она почувствовала, что кто-то дергает ее за юбку, и опустила глаза. Тира показала на стол: *Ешьте*. Грейс присела и, глядя девочке в глаза, сказала:

— Спасибо.

Тира смущенно кивнула, а затем быстро опустила голову, и роскошные огненные волосы прикрыли изуродованную половину лица. В следующее мгновение девочка убежала в темный угол, а Грейс грустно вздохнула. Она понимала, что

улыбка, которую она видела на лице Тиры вчера вечером, редкий дар маленького, пережившего кошмар ребенка женщине, ее пожалевшей.

Она села за стол. Густая жидкость в графине оказалась пивом. Впрочем, если бы кому-нибудь пришло в голову смешать в миксере заплесневелый хлеб с водой, результат получился бы точно таким же. Грейс с удовольствием выпила бы обжигающе горячую кружку мэддока с ложкой сливок. Она уже давно пришла к выводу, что печальные времена средневековья на Земле закончились бы через три недели, а не тянулись несколько веков, если бы у людей, живших тогда, имелись запасы кофе, чтобы стимулировать мозги.

Она сделала несколько глотков пива, а потом взглянула на Даржа.

— Где Каллет?

Выражение на лице Даржа было таким же мрачным, как и его серый костюм.

— Не знаю. Ночью я ходил посмотреть на лошадей, боялся, что они испугаются грозы и что-нибудь себе повредят. Когда я вернулся, он куда-то ушел.

Меридар отломил кусок грубого хлеба от большой буханки.

— Каллет поднялся очень рано, как раз когда стихла гроза. Сказал, что ему нужно кое-что проверить, и с тех пор не вернулся.

Грейс нахмурилась. Странные новости. Каллет совсем не из тех, кто любит бродить по ночам. Значит, случилось что-то важное, и он решил посмотреть.

— Что будем делать? — спросила она.

— Подождем, — ответил Дарж. — Немного.

Кусок хлеба застрял в горле Грейс.

Некоторое время они молча ели, а когда завтрак подошел к концу, рыцари отправились в конюшню, чтобы подготовить лошадей к дороге. Дейнен начал убирать грязные тарелки, и Грейс осталась с Тирой. Она попыталась с ней разговаривать, но девочка неподвижно замерла на лавке и смотрела в огонь. Вчерашний контакт, который Грейс удалось установить с малышкой, исчез так же, как и ее способность прикасаться к Духу Природы. И потому она обрадовалась, когда вернулся Дейнен.

— Я могу задать тебе вопрос, Дейнен? — осторожно спросила она.

Он кивнул и уселся на скамью.

— Конечно, миледи.

— Я целительница, — сказала она. — Расскажи, как ты потерял зрение.

Мальчик поднял голову и откинул спутанные волосы с лица.

— Я посмотрел на солнце. Я смотрел и не отворачивался.

Грейс онемела от удивления. Она предполагала, что он болел или получил сильный удар по голове, но не это. Если долго смотреть на солнце, пострадает сетчатка, а оптический нерв просто сгорит. Грейс ничего не могла сделать для мальчика.

— Зачем? — удивленно спросила она.

— Они приходят в огне. Так сказал мой отец. Поэтому однажды я проснулся и понял, что должен посмотреть на солнце, ведь сильнее огня, чем у него, не бывает. Я знал, что если буду смотреть очень долго, то мне откроется секрет — как мы сможем их победить.

Грейс тряхнула головой, пытаясь понять, о чем говорит мальчик.

— Кого ты имеешь в виду? Кто приходит в огне?

— Огневики.

Грейс, сама того не замечая, вцепилась в край стола.

— Ты видел огневиков? — напряженно прошептала она. — Расскажи мне, Дейнен. Ты их встречал?

Мальчик покачал головой.

— Нет, мне отец рассказал. А он про них слышал от человека, который пришел с востока. Он говорил, что люди заболевают лихорадкой, и кое-кто из них умирает, а другие выживают и становятся черными как ночь — огневиками — и возвращаются, чтобы сжечь остальных. Он еще какое-то слово назвал. *Крен... крем...*

— Кронд рим, — прошептала Грейс.

Дейнен кивнул:

— Да, правильно. Он сказал, что кронд римы обязательно придут за нами, что они сожгли его родную деревню.

Грейс положила руки мальчику на плечи и заговорила, старательно подбирая слова. Ей нужно было знать наверняка.

— Это очень важно, Дейнен. Кто-нибудь прикасался к человеку, что пришел с востока?

Дейнен нахмурился.

— Не думаю, что отец его трогал. Отец сказал, что он был какой-то не такой, и от него плохо пахло. Потом тот человек встречался с Джастаром, а больше я его не видел. Наверное, он ушел на запад.

Внутри у Грейс все сжалось, и она пожалела, что решилась отведать местного пива.

— Знаете, миледи, мне удалось кое-что рассмотреть на солнце. Перед тем, как мир стал черным. Я видел все очень ясно.

Грейс придвинулась к нему.

— Что ты видел, Дейнен? Что?

Мимолетная улыбка коснулась губ мальчика, и на лице появилось диковинное выражение отстраненной светлой радости. Как на лице святого, пронзенного стрелами язычников.

— Я видел себя, миледи. Я шел по залитому солнцем полю и нес на руках девочку. Очень красиво.

Грейс искала и не находила подходящих слов. Она не могла сказать ребенку, что он стал жертвой галлюцинации, что зрительные центры его мозга предприняли последнюю отчаянную попытку придать смысл обжигающему потоку фотонов, прежде чем система отказала. Он искал на солнце ответ, но нашел лишь мрак.

Дейнен вздохнул и поднялся на ноги.

— Я пойду наверх, миледи. Вчера я проветрил комнату лорда Эддока, но мне кажется, нужно еще раз открыть там окна.

Грейс кивнула, хотя и понимала, что он ничего не видит.

— Мальчик обладает даром предвидения, — сказала Лирит, которая стояла на пороге зала.

— Ты так думаешь? А может быть, он всего лишь глупый ребенок, который слишком долго смотрел на солнце?

— Кто знает? — пожав плечами, ответила колдунья. — Но не стоит забывать, что самое простое объяснение не всегда является единственно правильным, сестра.

Грейс задумалась над ее словами, а потом встала и проговорила:

— Не нравится мне это, Лирит. Мы не видели здесь никаких признаков огненной чумы, но все равно, что-то тут не так. Давай разбудим Эйрин. Найдем Каллета, и в путь.

Когда они подошли к своей комнате, Грейс заметила, что дверь в покои лорда Эддока слегка приоткрыта. Наверное, Дейнен вошел, чтобы проветрить комнату.

В следующую секунду Грейс сообразила, что из двери наружу вырывается такая сильная вонь разложения, что, казалось, ее можно потрогать руками. В воздухе с громким жужжанием носились мухи. Без лишних раздумий она подошла и заглянула внутрь. Дейнен, наморщив нос и размахивая рукой перед лицом, стоял около окна, и Грейс посмотрела мимо него на постель.

Смерть наступила три или даже четыре дня назад, и тело успело значительно разложиться. Когда лорд Эддок умер, Грейс не знала наверняка, но поняла, что его поразила огненная чума. Сквозь обожженную кожу проглядывали черные участки. Причина смерти тоже не вызывала сомнений — ему перерезали горло, так что не вся плоть успела затвердеть.

Грейс всего несколько мгновений разглядывала останки лорда Эддока, и уже в следующую секунду ее взгляд остановился на другом теле, лежащем в луже крови, — сэр Каллет. Широкие плечи и короткие тронутые сединой волосы говорили сами за себя. В спине торчал нож, и опытным взглядом хирурга Грейс сразу определила, что он прошел между ребрами и пронзил сердце. Рыцарь не успел даже среагировать на удар.

Грейс услышала, как тихонько вскрикнула у нее за спиной Лирит.

Дейнен поднял голову.

— Леди Грейс? Это вы? Или леди Лирит?

Грейс покачала головой. Дейнен заходил сюда вчера. Но он слеп и не видел тела на кровати.

Мальчик нахмурился.

— Что случилось, миледи?

Грейс молчала. Краем глаза она заметила какое-то движение и, оглянувшись, увидела Тиру. Девочка смотрела прямо перед собой. И повторила вчерашнее движение рукой.

— Позови Даржа, — сказала Грейс Лирит.

ГЛАВА 35

Пятеро путников собрались около открытой двери в покои лорда Эддока, потрясенные, не в силах произнести ни слова. Тишину нарушало лишь настойчивое жужжание мух. Эйрин вышла из своей комнаты в тот момент, когда, стуча сапогами по каменным ступеням лестницы, прибежали Дарж и Меридар, и ее душераздирающий крик разорвал тишину замка.

Призвав на помощь всю свою волю, Эйрин оторвала глаза от страшного зрелища и прижалась лицом к плечу сэра Меридара, и Грейс подумала, что впервые за все время она ведет себя естественно и не пытается играть чувствами влюбленного рыцаря. Гнев на лице добродушного Меридара сменился удивлением. Он напрягся, затем обнял дрожащую Эйрин и притянул ее к себе.

Первой пришла в себя Лирит.

— Значит, вот что пыталась сказать тебе Тира вчера вечером.

Дарж посмотрел на Грейс, и его лицо показалось ей словно высеченным из камня.

— О чем говорит леди Лирит?

— Тира. — Грейс сложила руки на груди. — Я думаю... наверное, девочка видела, как Джастар убил Эддока.

Дейнен вышел в коридор и стоял, широко раскрыв голубые, невидящие глаза и прижимая к себе Тиру. Девочка наматывала на пальчик локон своих огненных волос и смотрела в комнату.

— Каллет, похоже, что-то заподозрил, — сказал Дарж и взглянул на Меридара. — И решил проверить, что тут происходит.

Меридар осторожно отодвинул от себя Эйрин, и Лирит тут же обняла ее за плечи.

— Джастар, наверное, ждал его в комнате Эддока, — сказал он, сжав руки в кулаки. — С ножом. Он боялся, что кто-нибудь узнает о его преступлении. И тут появился Каллет. Проклятый управляющий. Он мне за все ответит!

Грейс вздрогнула. Добрый мягкий рыцарь исчез, в глазах Меридара сверкал дикий огонь.

— Подожди, — сказала она и шагнула вперед. — Я не... думаю, что ты все правильно понимаешь.

— А что я должен понимать, миледи? — удивленно на нее уставившись, поинтересовался Меридар. — Управляющий убил своего лорда и нашего спутника. Пусть прощается с жизнью.

— Эддок заразился огненной чумой, — облизнув губы, сказала Грейс. — Посмотри... ты же видишь изменения... они только начались. Я думаю, Джастар убил его именно поэтому. Чтобы чума не распространилась на всю деревню.

Меридар прищурился и холодно спросил:

— А сэр Каллет? У него тоже была чума, миледи?

Грейс отшатнулась, словно он влепил ей увесистую пощечину.

Меридар посмотрел на Даржа и спросил:

— Ты со мной?

Дарж молча смотрел в пространство, неподвижный, точно каменное изваяние. Затем тяжело вздохнул и встретился с Меридаром глазами.

— Возьмите свой меч, сэр Меридар.

Грейс схватила его за руку.

— Дарж, прошу тебя...

Он покачал головой.

— Мы должны, миледи. — В его твердом голосе появились извиняющиеся нотки.

Очень осторожно, но не колеблясь, он высвободил руку, и они с Меридаром прошли мимо нее.

Ухватившись за дверь, чтобы не упасть, Грейс смотрела, как они уходят. Нет, она не позволит ярости взять верх. Не позволит, чтобы они погибли. Меридар намерен отомстить, и она знала, что Дарж не сможет его удержать. Трудно представить, что сделает кейлаванец, если кто-нибудь попытается ему помешать. Это всего лишь маленькая деревушка, населенная простыми крестьянами. Меридар устроит настоящую бойню.

Она закрыла дверь в покои лорда Эддока, затем повернулась и встретилась глазами с Лирит. На сей раз они поняли друг друга без помощи магии.

Лирит отодвинулась от плачущей Эйрин.

— Сестра, ты побудешь в нашей комнате?

Эйрин вытерла мокрые щеки и попыталась расправить плечи.

— Нет, я не смогу там оставаться. Когда здесь...

Ее взгляд метнулся к закрытой двери.

— Тогда пошли все вместе, — сказала Грейс.

Она начала спускаться по лестнице, остальные последовали за ней.

— Что ты намерена сделать, сестра? — спросила Лирит, которая шла сразу за ней.

— Не знаю, — честно ответила Грейс.

Три женщины вышли из дома в предрассветную дымку. Вокруг, точно призраки, маячили неясные очертания: дома и деревья. С трудом продвигаясь вперед в утреннем полумраке, Грейс вела их за собой через деревню.

Только подойдя к краю деревенского выпаса, она заметила две маленькие фигурки позади Лирит и Эйрин.

Какая же ты дура, Грейс. Тебе следовало приказать Дейнену и Тире оставаться в замке, там они будут в безопасности.

Но уже слишком поздно мучиться раскаянием. И вести детей назад некогда.

— Не отставайте от нас, — сказала она им.

Дейнен кивнул и крепче ухватился за плечо Тиры. Девочка вглядывалась в серую мглу, словно видела все, что прячется внутри ее сумеречного покрывала. Грейс вздрогнула.

— Сестра, — проговорила Лирит, прикоснувшись к ее руке. — Твой Дар.

Грейс остановилась. Она начала вглядываться в дымку, но различала лишь движущиеся тени. Закрыв глаза, она попыталась вызвать Дух Природы. И увидела сверкающие нити жизни, которые беспорядочно метались по лугу... а потом связь разорвалась. Она быстро открыла глаза. Они здесь не одни.

— Будь ты проклят, управляющий! Где ты?

Грейс подпрыгнула от неожиданности — сердитый голос Меридара прозвучал примерно в двадцати шагах от нее, хотя она и не видела рыцаря.

— Выходи, Джастар. — Этот голос звучал глуше. Дарж. — Ты не можешь прятаться вечно. Взойдет солнце и разгонит туман.

Тишина, потом резкий смех.

— Солнце разгонит туман, и вы сгорите!

Раздался звон кольчуги. Грейс представила себе, как озираются рыцари в поисках Джастара. Но туман необычным образом влиял на звуки — заглушал одни и усиливал другие.

— Я ничего не вижу, — прошептала она.

— Но все же так просто, Грейс. Используй свое сознание, сейчас глаза тебе не помогут.

Грейс напряглась. Затем почувствовала легкое прикосновение и, быстро обернувшись, увидела испуганные и одновременно исполненные решимости голубые глаза Эйрин.

— Не волнуйся, Грейс, — сказала юная баронесса. — Мы тебе поможем.

Грейс с трудом сглотнула, а потом заставила себя кивнуть. Лирит взяла ее за другую руку, и Грейс оказалась между двумя колдуньями. Она закрыла глаза и почувствовала, как от них исходит тепло, которое заключило ее в свои ласковые объятия. Она выдохнула и вдруг поняла, что страх отступает. Раньше, когда Грейс пыталась воспользоваться своим Даром, Дух Природы ускользал от нее, и она не могла его удержать. Теперь Грейс поняла почему. Она боялась снова увидеть отвратительное черное пятно на нити своей жизни. Она расслабилась, и сила двух колдуний наполнила все ее существо. Тогда Грейс потянулась к гобелену жизни, раскинутому над деревенским лугом.

И вскрикнула. Дарж и Меридар стояли в самом его центре, их окружало холодное голубое сияние. Жители деревни казались более тусклыми, но она их различала. А на противоположном краю деревенского выпаса замер человек, окруженный огненно-черным сиянием, словно кусок тлеющего угля, выпавший из печки.

— Джастар, — прошептала Грейс, быстро открыв глаза. — У него тоже...

Объяснять было некогда, хотя Грейс видела, что они ее не поняли.

— Уходите. — Пронзительный голос управляющего разорвал туман. — Уходите, пока еще можете.

— Сначала должна восторжествовать справедливость, — ответил Меридар. — Лорд Эддок и сэр Каллет пали от твоей руки, управляющий Джастар. Ты должен заплатить за свое преступление.

Грейс снова закрыла глаза. Меридар и Дарж стояли рядом, обнажив мечи, рыцари не знали, что жители деревни медленно подбираются к ним со всех сторон, их шаги заглушала сырая трава. Страх и ненависть висели в воздухе, словно толстое душное одеяло.

— Дарж! — крикнула она. — Берегитесь, на вас наступают с разных сторон.

Грейс услышала звон кольчуг, рыцари быстро обернулись, приготовившись отразить атаку. Кто-то тихонько выругался. Жители деревни замерли на мгновение, а потом снова двинулись к центру луга. Их было слишком много.

— Мы должны что-нибудь сделать, — прошептала она.

— Что, Грейс? — испуганно дрожа, спросила Эйрин.

Грейс охватило отчаяние. Откуда ей знать? Что они могут против огромной толпы разъяренных крестьян? Вот если бы туман рассеялся...

Правильно, Грейс.

Нельзя было терять ни мгновения.

— Помогите мне, — попросила она.

Грейс почувствовала спокойное присутствие Лирит в своем сознании.

Что ты задумала, сестра?

Я и сама не очень понимаю. Если получится, ты увидишь.

Грейс с такой силой вцепилась в руки своих подруг, что те тихонько вскрикнули от неожиданности и боли. Но уже в следующее мгновение ее тело наполнила могучая, живительная сила. Она отчетливо видела сверкающие нити жизни, разбегающиеся в разные стороны, — Дух Природы был с ней.

И тут она его увидела: темное, мерзкое пятно, которое пульсировало, оставаясь достаточно далеко и одновременно близко. Грейс знала, что, стоит ей последовать за своей собственной нитью жизни, она неминуемо окажется в плену непроглядного мрака. Грейс заставила себя успокоиться. Сейчас у нее другая задача. Бесплотными пальцами она ухватилась за серебристые нити, сверкающие вокруг, и последовала за ними в огромную паутину Духа Природы.

На мгновение у Грейс закружилась голова — бесконечная мерцающая паутина охватывала все живые существа. Поддаться ее волшебному очарованию было так легко.

Плети, Грейс. Не отвлекайся.

Сначала она воспользовалась воображаемыми руками и принялась соединять нити, переплетая их между собой. Однако получалось слишком медленно. Тогда Грейс представила себе множество рук, которые собирали нити жизни и связывали их вместе. И вот в воздухе над лугом засверкала сеть, словно сотканная из звездного света. Грейс почувствовала изумление своих подруг, но объяснять было некогда. До рыцарей оставалось десять шагов. Пять. Три. Сейчас крестьяне на них набросятся.

Тяните! — без слов выкрикнула Грейс.

Наступило секундное замешательство, потом ее подруги все поняли. Втроем они потянулись к мерцающей сети и отбросили ее в сторону.

Грейс почувствовала движение воздуха — туман заклубился и распался на части, словно неожиданно наступил рассвет, в разрыв ворвались лучи солнца и залили ярким сиянием луг, прогнав остатки тумана на границы выпаса, где выросла высокая серая стена.

Эйрин вскрикнула, а в глазах Лирит Грейс прочитала даже не восхищение, а глубокий интерес. Грейс тряхнула головой. Сейчас не время объяснять, потом — если она, конечно, сумеет облечь в слова то, что с ней сейчас произошло. Грейс чувствовала себя опустошенной и одновременно счастливой — будто

после суток дежурства в отделении неотложной помощи, когда ей удавалось не потерять ни одного пациента.

Когда туман рассеялся, со всех сторон начали раздаваться возмущенные и испуганные крики. Крестьяне остановились, зажав в руках деревянные дубинки и мотыги. Одно дело подкрасться незаметно к человеку, который тебя не видит. И совсем другое — иметь дело с двумя разъяренными рыцарями, готовыми в любую минуту броситься в бой. Дарж взмахнул своим громадным мечом, и крестьяне попятились.

— Нет! — раздался визгливый голос. — Нас гораздо больше. Мы должны прикончить их, прежде чем они убьют нас.

Крестьяне заколебались, на грязных, усталых, покрытых шрамами лицах застыл страх. Интересно, что сказал им Джастар?

Грейс начала вглядываться в дальний конец луга. Теперь, когда она знала, на что следует обращать внимание, она удивилась, что не заметила признаков болезни раньше. Впрочем, она начиналась внезапно. Туника Джастара промокла насквозь, волосы прилипли к влажному лбу. На шее и тыльной стороне ладоней виднелись небольшие ожоги. Глаза уже начали темнеть.

— Отойдите, — рявкнул Меридар, обращаясь к крестьянам. — И мы вас не тронем. Нам нужен только он.

— Джастар, — крикнул Дарж. — Неужели ты хочешь, чтобы невинные люди пострадали за твою глупость. Прикажи им отойти и прими справедливое наказание.

— Наказание должны понести вы, сэр рыцарь. — Джастар хищно оскалился. — Вы и ваша компания принесли в нашу деревню смерть. Ваш сэр Каллет убил лорда Эддока. Я видел это собственными глазами и прикончил его, прежде чем он успел нанести новый удар.

По толпе пробежал тихий ропот. Несколько самых смелых крестьян выступило вперед, поудобнее перехватив мотыги и вилы. Грейс похолодела от ужаса. Она должна им помешать. Но как? Развеять туман удалось — а как избавиться от лжи, злобы, ненависти? Она открыла рот, но не смогла произнести ни звука.

— Мы можем легко доказать, что ты лжешь, — заявил Меридар. — Тело Эддока уже начало разлагаться. Мы приехали только вчера вечером, а он умер несколько дней назад.

И снова в глазах жителей деревни появилось сомнение. Они переводили взгляды с Джастара на рыцарей и обратно. Эти люди привыкли всю жизнь подчиняться тому, кто занимает высокое положение. И теперь единственное, чего они хотели, это понять — кого же им слушать и что делать.

Страх пульсировал в воздухе, казалось, он стал осязаемым, и его можно потрогать руками. Несколько мгновений

никто не шевелился, и вдруг Грейс почувствовала, что к ней подошла Тира и взяла ее за руку.

Лицо Джастара исказила гримаса злобного ликования.

— Смотрите! Вы видите дитя, отмеченное огнем? Они заодно!

Женщина в поношенном платье цвета земли показала на Тиру.

— Она принесет нам чуму. Так сказал Джастар.

Дарж удивленно нахмурился.

— Ты говоришь глупости, женщина.

Женщина стиснула в кулаки узловатые пальцы. Беззубая, вся в морщинах, сгорбленная. Грейс решила, что ей лет тридцать.

— Вы слышали про огненную чуму? — Страх полыхал в опухших, красных глазах. — Тот, кто заболеет, сгорит, но не умрет. Он станет черным как ночь, а потом вернется, чтобы сжечь нас. Всех! И она это сделает. Она напустит на нас огонь. Вот увидите!

— Ты ошибаешься! — крикнул Дейнен, который неожиданно оказался рядом с Тирой. — Она никому не причинит вреда.

Грейс схватила его за плечи и оттолкнула в сторону. Рядом с ней раздался спокойный уверенный голос. Лирит.

— Девочка обгорела до того, как ее привез сюда лорд Эддок, до того, как начались все ваши несчастья. Разве не так?

Но Грейс знала, что ее никто не слышит, а доводы разума сейчас ни на кого не подействуют.

Джастар потряс в воздухе кулаком.

— Может быть, все из-за нее и началось. Ей следовало умереть. Вы что, не понимаете, именно она навлекла на нас беду? Убейте ее, и вместе с ней рыцарей.

Крестьяне заволновались, словно деревья под порывами ветра. Рыцари встали перед своими спутницами и двумя детьми — мечи подняты, лица исполнены решимости.

А потом Грейс вдруг все поняла, словно ветер развеял остатки серого тумана.

— Ты ошибаешься, Джастар, — произнес голос такой холодный, такой чистый и звонкий, исполненный такой уверенности, что все замерли на своих местах и прислушались.

Вдруг Грейс с удивлением сообразила, что он принадлежит ей.

Держа Тиру за руку, она шагнула вперед, оставив за спиной Дейнена, колдуний и потрясенных рыцарей. Крестьяне в страхе попятились, некоторые начали кланяться, сами не понимая, почему они это делают. Грейс ощутила спокойствие и внутреннюю силу, которая окутала ее, точно золотой плащ, но не имела ничего общего с ее Даром. Люди вокруг нее *хотят* подчиняться чужой воле — и она их себе подчинит.

Джастар снова потряс кулаком и визгливо закричал:

— У тебя чума! И у этого маленького чудовища!

Грейс сделала еще шаг вперед.

— Нет, чумой болен ты, Джастар. Все симптомы налицо. Ты что, ничего не чувствуешь? Ты же весь горишь!

Крестьяне быстро повернулись, стали разглядывать Джастара. Он собрался ответить ей, но сумел лишь что-то приглушенно пробормотать. Грейс медленно шла к нему, и он отступил.

Ее голос звучал тихо, но твердо.

— Ты становишься одним из них, Джастар. И тебе это известно. Ты убил сэра Каллета потому, что он узнал правду. По той же самой причине ты хочешь смерти Тиры. Она единственная видела, как ты прикоснулся к лорду Эддоку, когда нанес ему смертельный удар. Но тогда ты еще не понял, как передается болезнь, верно, Джастар? Пытаясь остановить чуму, ты навлек ее на себя.

Грейс видела, как задрожал Джастар, и от его туники начали подниматься тонкие струйки дыма. Значит, стресс ускоряет развитие болезни — поставила она диагноз, ни на секунду не прекращая быть врачом.

— Нет, вы ошибаетесь! — в ярости взвизгнул Джастар. — Убейте их!

Дарж и Меридар бросились вперед, чтобы защитить Грейс, но опоздали. Джастар вытащил из-за пояса нож и резко метнулся вперед, в одно короткое мгновение оказавшись в нескольких дюймах от Грейс. Его тело источало волны тошнотворного жара, в ноздри Грейс ударил запах горящей плоти. Карие глаза стали черными.

— Умри! — прошипел Джастар.

Нож взметнулся в воздух...

...и скользнул в нескольких дюймах от горла Грейс. На лице Джастара застыло удивление, Грейс не раз видела такое же выражение на лицах умирающих пациентов. Люди редко бывают готовы к смерти.

Она сделала шаг назад, не выпуская руки Тиры, и смотрела, как Джастар падает на землю лицом вниз. Из спины у него торчали вилы, деревянная ручка которых почернела и обуглилась у нее на глазах. Она подняла голову и увидела широкоскулое, простое лицо крестьянина, который смущенно кивнул ей. Жители деревни уставились на мертвого управляющего, затем медленно, один за другим, отвернулись и начали расходиться. Мужчина, нанесший Джастару смертельный удар, собрался последовать за ними.

Грейс протянула к нему руку и спросила:

— Куда вы?

Выдубленное ветром лицо крестьянина ничего не выражало.

— Я буду ждать у себя в доме, — ответил он тихо.

— Чего? — не понимая, спросила Грейс.

— Буду ждать, когда они придут, миледи. И когда сгорит весь мир.

Затем он отвернулся и исчез в стене тумана на границе выпаса. Он был последним; на лугу никого не осталось. Грейс чувствовала, что рядом с ней стоят Эйрин и Лирит, между ними — Дейнен. Дарж и Меридар с мрачными лицами все еще сжимали в руках мечи. Но Грейс ни на кого не смотрела.

Она проследила за спокойным взглядом Тиры, которая подняла глаза к алой звезде, сияющей на утреннем небе и расцветившей туман в бледно-розовые тона.

Часть третья
РАЗБИТЫЙ ЧЕЛОВЕК

ГЛАВА 36

С серого неба лили потоки дождя, смывая все, чем он когда-то был.

— Кровь и кости! — проговорил мужской голос, приглушенный рокотом грозы. — Что такое?

— Ты о чем? — поинтересовался другой голос, более грубый и низкий, последнее слово слилось с очередным раскатом грома.

Тревис сморгнул капли дождя с глаз. Он не мог понять, где оказался. Со всех сторон подступали черные стены. Было страшно холодно. Как он здесь оказался?

Прах к праху, пыль к пыли...

В памяти всплыли слова, произнесенные хриплым голосом. Он закрыл глаза и снова увидел старое кладбище на холме, проповедника в черном одеянии, похожего на ворону, прямоугольную яму в земле. И слова, написанные на могильном камне.

В смерти наше начало...

Тревис открыл глаза и посмотрел на стены из сырой земли. Между голыми пальцами ног забилась мягкая, липкая грязь. Наконец-то он все понял. Вот почему он так замерз. Он ведь умер. Иначе зачем ему лежать обнаженным в могиле?

Гроза медленно отступала, и гром гремел уже вдалеке.

— ...давай, копай. Скоро совсем стемнеет. Да еще гроза какая-то странная.

Грубый голос сопровождался мерным скрежетом.

— Я не могу копать, когда на нас смотрят. Я же тебе сказал, что видел...

— Что ты видел?

— Ну... не знаю.

Скрежет прекратился, раздался тихий звон — видимо, лопата ударила о камень.

— Знаешь что, Дарл, кончай озираться по сторонам. Займись-ка лучше делом.

— Клянусь Сулатом! Я же не слепой, Кадек. Там что-то есть. Похоже на свет. И молния тут ни при чем, понял? Какое-то серебристое сияние, около земли.

Раздался тихий стон, а потом Тревис услышал:

— Ну, ладно. Если иначе не заставить тебя копать, тогда давай...

Последние слова утонули в раскатах грома, и молния высветила ровные ряды могил. А еще узел с одеждой, лежащий у его ног. Тревис потянулся к нему и только сейчас понял, что в правой руке у него зажат какой-то маленький предмет.

Тревис разжал пальцы и увидел на ладони половинку серебряной монеты. Все правильно. Он смутно помнил рассказы о том, что тот, кто умер, должен заплатить паромщику, чтобы он перевез его на другой берег широкой безмолвной реки. Но, кажется, монета должна лежать под языком? Тревис засунул кусочек холодного металла в рот. И почувствовал вкус крови.

Снова послышался скрежет, тяжелые шаги по гравию, которые быстро приближались, и Тревис скорчился, прижавшись к земляной стене могилы и стараясь не шевелиться. Откуда-то он знал, что его не должны найти — не здесь, не сейчас и не эти люди.

Тени замерли — неужели его увидели? Затем незнакомцы двинулись дальше, и Тревис с облегчением выдохнул. Через некоторое время он снова услышал неподалеку удары лопаты о землю. Быстро темнело. Почему-то это его беспокоило. Разве мертвым не все равно — есть свет или нет?

Ты что, совсем рехнулся, Тревис? Ты не умер. Давай, поскорее выбирайся отсюда!

Тревис сразу узнал этот сердитый голос и ответил ему мысленным вопросом.

Джек?

Но голос уже смолк. Однако, наверное, он был прав. Тревис почувствовал, что у него страшно затекли ноги, а зубы стучат так сильно, что казалось, будто стук этот слышен на много миль вокруг. Похоже, умереть — значит оказаться в холодной, сырой яме нагишом.

А если он не умер, тогда что делать? Думать не хотелось. Тем не менее Тревис отчетливо понимал, что оставаться тут не стоит. Люди, которым принадлежали голоса, не показались ему особенно дружелюбными. Нужно выбраться наружу и найти какое-нибудь теплое и сухое место, чтобы собраться с мыслями.

Морщась от боли, он поднялся на ноги. Могила была совсем неглубокой, и голова Тревиса показалась над ее краем, еще прежде чем он выпрямился в полный рост. Он прислушался, но кроме дождя и ритмичных ударов лопат о землю, до него не

доносилось никаких других звуков. Тревис положил узел с одеждой на землю и подтянулся на руках, чтобы выбраться наружу.

Земля оказалась скользкой, ухватиться как следует Тревис не смог и с тихим стоном плюхнулся назад, в яму. Копать перестали.

— Вот! Слышал, Кадек?

Тишина. А потом:

— Слышал.

— Я же тебе говорил.

— Помолчи! Замри, придурок.

На Тревиса волной накатила паника. Он поднялся, повернул голову и сквозь серую стену дождя увидел вспышку малинового света. Быстро спрятав голову, ухватился за край могилы. Посыпались комья сырой земли, окатили его с ног до головы. Но Тревиса толкал вперед страх, и он, цепляясь ногами и пальцами за податливую сырую землю, вылез наружу и повалился лицом в грязь. Он чудом не проглотил монетку, сжал зубы и медленно поднялся на ноги, успев прихватить узел с вещами.

Огненный кинжал разорвал черное небо, на мгновение осветив кладбище, и глазам Тревиса предстала диковинная картина. Старые надгробия, отбрасывая безумные тени, клонились к земле под самыми разными углами, а истрепанные ветром памятники оглядывали свои владения заросшими мхом глазами. Примерно в десяти шагах от него около одной из могил замерли двое мужчин — один, костлявый, с маленьким подбородком и носом, похожим на клюв хищной птицы, зажал в руке лопату. Другой — приземистый коротышка с круглым поросячьим лицом — пытался дотянуться до кирки сильной мускулистой рукой. Могила, возле которой они скорчились, была раскопана самым бесцеремонным образом. Оттуда выглядывал полусгнивший труп с открытым безгубым ртом, словно его владелец измучен жаждой и подставил лицо дождю, тонкие руки разбросаны в стороны в последней отчаянной попытке вырваться на свободу. На золотых браслетах, кольцах с драгоценными камнями и ожерелье с жемчугами играли яркие отблески света.

В следующее мгновение ночной мрак окутал сцену черным бархатным покрывалом, и Тревис больше не видел гробокопателей.

— Я же тебе говорил!

— Ну и дела!

Грабители переговаривались хриплым шепотом, но Тревис их отчетливо слышал — наверное, дело в сыром воздухе, подумал он. Или тут что-то другое? Какой-то трюк, который позволяет ему понимать этих людей? Он никак не мог вспомнить.

— Нужно валить отсюда. Это слуга Темного. Встал из могилы, чтобы нас прикончить.

— Что ты мелешь, придурок! Это самый обычный человек, только очень грязный. Он видел, чем мы тут занимаемся, и все расскажет графу, а тот прикажет нас сжечь. И уж можешь не сомневаться, мы из могилы уже не встанем.

Дождь заливал Тревису глаза, и он плохо видел, что происходит вокруг. Он попятился, споткнулся о камень, с трудом удержался на ногах и поднял голову. И снова разглядел красный огонек, который приближался, покачиваясь на ветру. Наконец Тревис понял — это фонарь.

— Эй!

Грабители обращались к нему.

— Эй, выходи, приятель! Погодка сегодня неподходящая, чтобы торчать в таком месте. Мы собираемся развести костер, иди к нам, согреешься.

Голос звучал громко и весело и почти искренне. Но тут Тревис разглядел металлический предмет, кроваво-красный в свете фонаря.

— Не бойся, дружище! Знаешь что — мы готовы поделиться с тобой нашей добычей. Драгоценности старой графине уже без надобности. А у нее их целая куча — на всех хватит. Иди сюда, и получишь столько золота, сколько за всю жизнь не видел.

И удар киркой по голове, — добавил про себя Тревис.

Если он еще не умер, то эти ребятишки быстро исправят положение. Он сделал еще несколько шагов назад.

Грабители снова принялись перешептываться, однако Тревис слышал их, словно они кричали, не пытаясь от него скрываться.

— Давай сматываться, Кадек. Не нравится мне здесь.

— Заткнись, червяк. И иди за мной. Как только увидишь его, бей по голове лопатой.

Красный глаз фонаря стал ближе. Затем моргнул и погас. Тревис повернулся и побежал. Небо продолжали расцвечивать молнии, и на мгновение все вокруг замерло.

— Вон он!

— Догоняй!

Ночь окружала Тревиса со всех сторон, он мчался вперед, скользя босыми ногами по мокрой траве. Неожиданно его пронзила ослепительная вспышка боли — он налетел на острый угол могильного камня и невольно вскрикнул, споткнулся, чуть не выронил узел с вещами, но тут же прижал его к груди.

— Я его слышал. Сюда!

Голос прозвучал совсем близко, но Тревис не решился оглянуться. Струи дождя безжалостно впивались в его обнаженное тело, он задыхался. Еще немного, и он упадет, не в силах бежать дальше.

Острый край лопаты вот-вот вопьется в его череп.

Ты ошибся, Джек. Я умер.

Новая вспышка молнии разорвала мрак, и Тревис увидел перед собой свежую могилу, дожидающуюся нового жильца. Сворачивать было некогда. Тревис вскрикнул и бросился вперед. Земля раскрыла ему свои объятия...

...но он сумел перелететь на другую сторону, упал на живот, заскользил по сырой липкой грязи и наткнулся на кусок мраморного надгробия. Тревис поднял голову к небу, расцвеченному осколками серебристого огня, и увидел своих преследователей. Выражение их лиц не предвещало ничего хорошего. Однако они слишком поздно увидели вырытую яму и, размахивая руками, попытались удержаться, но их сапоги скользили по сырой земле, и они свалились вниз, отчаянно ругаясь и вопя от боли.

Тревис не стал проверять, сумеют ли они выбраться наружу. Схватившись за камень необычной формы, он поднялся на ноги и только тогда понял, что перед ним развалившаяся на две части статуя, ставшая жертвой непогоды и вандалов.

Несколько коротких мгновений Тревис смотрел в глаза каменного мужчины в длинном одеянии, печальные и серьезные, несмотря на то что чья-то безжалостная рука разбила их тяжелым молотком. Затем повернулся и помчался прочь с кладбища.

ГЛАВА 37

Острые камни впивались в босые ноги, трава царапала икры. Непроницаемый мрак лишь время от времени разрывали мгновения яркого сияния, когда молнии своими когтистыми лапами терзали черное небо. Каждый раз Тревис вскидывал голову, пытаясь разглядеть кривое дерево или полуразрушенную стену — хоть какой-нибудь ориентир, чтобы не заблудиться. Когда его снова окутывала ночь, он, спотыкаясь, мчался вперед и надеялся, что удаляется от своих преследователей, а не несется прямо к ним в руки. Тревис не слышал ни криков, ни топота ног, впрочем, даже рев ветра и раскаты грома заглушало его тяжелое дыхание.

Когда ему уже казалось, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди, а ноги больше не желали слушаться, Тревис вдруг разглядел очертания приземистого строения, вырванного из мрака зеленоватой вспышкой молнии. В следующее мгновение все снова окутала ночь, но Тревис не сомневался, что видел его.

Тревис знал, что останавливаться нельзя, что грабители наверняка где-то поблизости, однако ему нужно было передохнуть хотя бы парочку минут. Легкие горели огнем, его

отчаянно трясло, а ноги отказывались подчиняться. Он помчался к строению.

Молния высветила стену слишком поздно, и Тревис, больно ударившись, налетел на нее на полном ходу. Он сделал шаг назад и успел разглядеть приземистое каменное сооружение. Часть стены обвалилась, превратившись в кучу мусора. Куда он попал? Тревис решил, что находится рядом с кладбищем Касл-Хайтс. И тут же выругал себя за глупость.

Он выплюнул в руку серебряную монетку.

Это не Касл-Сити.

Зея в тебе нуждается, сынок. Они даже сейчас призывают тебя. Неужели ты не слышишь?

Нет, он далеко от Колорадо. Неожиданно Тревис понял, что дрожит. Нужно поскорее согреться. Перебравшись через кучу камней, он вошел в диковинное строение.

И оказался в маленькой хибарке, пол был усыпан комьями земли и какими-то колючими сорняками. Крыша почти целиком обвалилась, но Тревис сумел разглядеть один угол, относительно сухой и закрытый от ветра. Он скорчился там, прижавшись спиной к стене, чтобы немного отдышаться. Казалось, будто он вдыхает обжигающую воду. Но через некоторое время неприятное ощущение прошло, и ему стало легче.

И тут Тревис вспомнил про узел с вещами, который держал под мышкой. Он попытался понять, что там такое, но было слишком темно.

Тебе нужно посмотреть, Тревис. Зажги свет.

Голос, прозвучавший у него в голове, должен был его испугать. Но он так походил на голос его друга Джека, что Тревис ему обрадовался, словно тот стоял рядом. Не успев хорошенько сообразить, что делает, он пробормотал:

— *Лир.*

Словно из ниоткуда возникло жемчужно-белое сияние и повисло у него над головой.

Тревис удивленно моргнул и принялся разглядывать стены, полуразрушенную хижину и монетку у себя в руке. Ему стало страшно. Откуда взялся свет? Он знал, что должен подумать, понять, как очутился так далеко от дома, но ему казалось, будто кто-то напихал ему в голову ваты, которая мешает сосредоточиться. Тогда он занялся *узлом с вещами.*

Узел был весь в грязи, но под ней Тревис обнаружил концы веревки. Развязав ее непослушными пальцами, он положил узел перед собой и начал разворачивать.

Верхний слой оказался из какой-то промасленной ткани, которая защитила вещи от грязи и воды. Тревис вытащил аккуратно сложенный серый балахон, поднял его и развернул.

Балахон показался ему смутно знакомым, но он никак не мог вспомнить, где его видел. Он был сухим и, похоже, теплым. Тревис натянул его через голову — дождь смыл всю грязь с его тела — разгладил серую ткань и удовлетворенно вздохнул.

Однако в узле лежало еще что-то. Тревис наклонился и вытащил серый плащ, потрепанный, но из плотной ткани и теплый. Впрочем, когда Тревис приподнял его, в бледном свете стало видно, что он сильно поношен и местами даже просвечивает насквозь. Тревис накинул плащ на плечи.

Быстро исследовав узел, он обнаружил там еще несколько предметов. Маленький мешочек из мягкой кожи, завязанный шнурком, пустой. Тревис сразу сообразил, что это кошелек, и осторожно положил туда половинку серебряной монетки. Потом поколебался несколько мгновений, снял с шеи талисман — руну надежды — и убрал вслед за монетой. Затем затянул шнурок и надел кошелек на шею.

Кроме кошелька, Тревис нашел широкий кожаный ремень, которым подпоясал рясу, свои любимые сапоги из оленьей кожи — он тут же их натянул — и тонкий стилет, рукоять которого украшал алый, точно кровь, камень. Тревис потрогал кончик, поморщился, почувствовав, какой он острый, и засунул за ремень, сдвинув чуть вбок, чтобы его прикрывал плащ.

Пора в путь. Больше здесь оставаться нельзя. Грабители наверняка сообразят, что он будет искать какое-нибудь укрытие. Они привыкли иметь дело с трупами. Прикончить человека им раз плюнуть. Тревис шагнул к дыре в стене. В тот момент, когда он подумал, что надо бы погасить свет, тот сам исчез без следа, и ночь снова вступила в свои права.

Ливень, похоже, растратил все свои силы и превратился в легкую сырую дымку, гром едва слышно гремел где-то вдалеке. Тревис понял, что гроза вот-вот закончится, но ночь казалась еще чернее, чем прежде. Малиновые искорки плясали в воздухе перед ним, исчезая всякий раз, когда он моргал, но тут же возвращались вновь.

Он продвигался вперед в кромешной темноте и уже через несколько шагов вышел на дорогу, которая убегала вдаль, и страшно обрадовался. Он по-прежнему не знал, где находится — по крайней мере точно не знал, — но если есть дорога, значит, где-то должны быть люди, которые смогут помочь.

Тревис зашагал по дороге. Впрочем, ее вряд ли следовало называть столь солидным словом. Узкая тропинка вилась между деревьями и небольшими валунами, но идти по ней было легко даже в темноте. Плащ защищал от моросящего дождя, но пот заливал глаза и стекал по спине под серым балахоном. Яр-

кие искорки продолжали плясать перед глазами, и Тревис вдруг решил, что, наверное, заболел, и потому ему так трудно сосредоточиться, заставить себя думать и вспомнить, что с ним произошло.

Да, все правильно. Была какая-то лихорадка и болезнь. И еще человек. Нет, не просто человек — друг. Он весь горел от высокой температуры. Потом Тревис увидел пламя... нет, ничего не выходит. А тот человек, его друг — Тревис никак не мог вспомнить имя — к нему прикасался? Тревис не знал почему, но это казалось ему очень важным.

В темноте перед ним возникли ослепительные искры — теперь золотистые, а не красные. Тревис заморгал, пытаясь избавиться от них, но они не желали исчезать и постепенно превратились в яркие прямоугольники. Окна.

Он поднял голову и увидел вдалеке еще огни. Город? Вполне возможно. Но только далеко. Ноги у Тревиса нестерпимо болели, горло саднило, будто он проглотил пригоршню раскрошенного стекла. Там, где свет, должны быть люди.

Тревис остановился перед каким-то домом. Если бы не свет за тусклыми окнами, он решил бы, что дом заброшен. Каменный фундамент зарос чертополохом, соломенная крыша просела. Над облезлой дверью висела доска, но, если на ней и было что-то написано, слова поглотил мрак. Изнутри доносились грубые голоса и смех.

Сгорбившись и вжав голову в плечи, Тревис подошел к двери и толкнул ее внутрь. Она жалобно заскрипела и открылась.

Смех тут же смолк, словно его обрезали тупым ножом.

Тревис увидел помещение с низким потолком и почерневшими от копоти балками и грязной соломой на полу. В открытом очаге горел огонь, тут и там стояли вонючие свечи, но света они практически не давали. Большую часть свободного пространства занимали три стола, за которыми устроились около полудюжины мужчин в грубых коричневых туниках, заляпанных землей штанах и маленьких кожаных шапочках. Все до единого были невысокого роста, кривоногими и очень сильными на вид. Все до единого молча пялились на Тревиса злыми, черными глазками.

Вилланы. Да, они свободные люди, но всего лишь крестьяне. Будь осторожен, Тревис.

Тревис шагнул внутрь. От порыва ветра дверь за ним с грохотом захлопнулась.

Опустив голову, чтобы не видеть хмурых лиц, он уселся у края стола, где, как ему показалось, было меньше всего народу. Похоже, эти люди не слишком рады его видеть, подумал Тревис. Наверное, опасаются чужаков. Но он же не доставит им никаких неприятностей. Просто немного отдохнет, а потом решит,

что делать дальше. Он уже понял, что находится не на Земле, но ему необходимо точно знать, куда он попал. Тогда он сообразит, куда идти. Ведь у него здесь есть друзья, пусть он и не может пока вспомнить их имена. Он должен их найти.

Тишину нарушило тихое ворчание, но Тревис ничего не понял — монетка не помогла. Он еще ниже склонился над столом. Даже тусклый свет его пугал. Ему казалось, будто он пульсирует в спертом воздухе странного помещения.

Перед ним возникла тень, он поднял голову, и от этого простого движения у него все поплыло перед глазами. Рядом со столом стояла женщина. Определить, молодая она или старая, Тревис не смог, потому что ее лицо покрывала толстая короста. Коричневое платье перепачкано какой-то едой, потом и кровью, бесформенный тряпочный чепец прикрывал волосы. Тревису удалось рассмотреть только глаза, ясные и исполненные страха. Дрожащей рукой она поставила на стол маленькую глиняную кружку, а затем поспешно скрылась за занавеской.

Тревис некоторое время разглядывал кружку с отбитым краем, а потом потянулся к ней, но рука не желала слушаться. Тогда он ухватился за нее обеими руками и поднес к губам. В нос ударил сильный запах с металлическим привкусом, и его чудом не вытошнило. Он быстро поставил кружку, и несколько капель густой, коричневой, похожей на блевотину, жидкости пролилось на стол.

Наконец он все понял: рядом город, столы, крестьяне, женщина, которая принесла ему пиво. Значит, это что-то вроде постоялого двора. Таверна.

Нет, салун...

И тут словно острый нож располосовал туманную пелену, которая окутывала его мозг. Он вспомнил. И содрогнулся. Как же он мог забыть? Воспоминания вернулись пульсирующими вспышками, ослепительными, словно молнии, разрывающие ночное небо. «Шахтный ствол», Макс, пожар.

О Макс...

Сердце сжалось от такой невыносимой боли, точно трагические события произошли мгновение назад, будто он только что видел, как его друга охватило жаркое пламя. Тревис закрыл глаза, сосредоточился и понял, что все помнит. Дейдра, Ищущие, «Дюратек». Малышка Саманта и слепая сестра Миррим. Но его воспоминания не объясняли случившегося. Зачем брат Сай отправил его сюда?

В памяти всплыли слова:

Ключ... Я должен отдать ключ тебе.

И вот он увидел, как пламя поглотило другого человека — черный балахон раздувается, а потом опадает, будто крылья бабочки, сгоревшей в пламени свечи.

Берегись — он пожрет тебя...

Тревис вздрогнул, сообразив, что это самое главное из его воспоминаний. Он попытался понять почему, но ему никак не удавалось сосредоточиться. Тревис уже не мог справиться с дрожью, его отчаянно трясло, руки метались по столу, оставляя влажные следы, точно умирающие рыбины, выброшенные на берег. Язык во рту распух. А еще казалось, будто кто-то засунул ему под мышки раскаленные камни.

И тут в его мысли ворвался новый звук — кто-то отодвинул стул, послышались тяжелые шаги. Тревис заставил себя поднять голову. На него уставились маленькие глазки, в которых застыло подозрение.

— Убирайся отсюда, — сказал мужчина.

Даже с монеткой Тревис с трудом разбирал его слова. Он попытался ответить, но не смог выдавить из себя ни звука. Тогда он провел сухим языком по губам и попробовал еще раз.

— Мне только... я посижу немного и уйду.

Толстые пальцы потянулись к ножу, засунутому за пояс штанов. От мужчины омерзительно воняло, круглое бородатое лицо исказила ненависть. Тревис уловил движение теней и посмотрел на занавеску, за которой скрылась женщина. Он едва успел увидеть испуганные зеленые глаза, но они тут же исчезли.

— Такие, как ты, нам тут не нужны, — сказал виллан.

Тревис посмотрел на него, понимая, что должен испытывать страх, но не чувствовал ничего, кроме всепоглощающего жара, в жадную пасть которого постепенно погружался. Сколько еще пройдет времени, прежде чем огонь поглотит его, как того несчастного в черном? И как Макса?

— Какие? — с трудом выговорил он.

— Те, что носят серые балахоны.

Виллан сплюнул на пол.

Тревис взглянул на свой серый балахон и вспомнил разбитую статую, что валялась на кладбище. Кажется, он все понял.

Произнеси руну, Тревис.

В поле его зрения возникло еще два виллана, которые не сводили с него ненавидящих глаз.

— Убирайся отсюда, серый человек, — проревел один из них.

Атмосфера накалялась, Тревису казалось, что все краски потеряли свой цвет и подернулись дымом. Он вцепился в край стола, чтобы не упасть.

Быстрее, Тревис! Произнеси руну. Они тебя убьют.

У Тревиса возникло ощущение, будто он пробивается сквозь расплавленный камень, но он заставил себя подчиниться. Открыл рот, вытянул в сторону мужчины руку и собрался произнести одно слово.

Кронд.

Но прежде чем выговорить слово вслух, убрал руку. Что-то здесь не так, что-то мешало ему, какая-то причина мешала ему это сделать.

Тревис!

Поздно. Тревис уже не мог бы подчиниться голосу, звучавшему у него в голове, даже если бы захотел. Сильные руки схватили его за плечи, стащили со скамьи, толкнули к стене. Раздался треск, и его пронзила вспышка боли, хотя Тревис почти не заметил ее — таким ослепительным и почти невыносимым был жар, окутавший его тело. Еще несколько мгновений. Он открыл глаза и увидел кулак, направленный прямо ему в лицо.

Неожиданно раздался грохот.

Сквозь туман, застилавший глаза, он увидел, как распахнулась дверь таверны, и во все стороны полетели щепки.

— Остановитесь! — приказал суровый голос.

Крестьяне замерли на своих местах, страх на их лицах сменился ужасом. Перед Тревисом стояли испуганные жалкие дворняжки, а не разъяренные боевые псы.

— Отпустите его! Немедленно!

Чистый, точно рожок, голос явно принадлежал человеку благородного происхождения, и сердце Тревиса наполнилось ликованием. Он попытался разглядеть своего спасителя, но сквозь пелену, застилавшую глаза, видел лишь высокого мужчину, окруженного волшебным сиянием. Он подошел, и крестьяне испуганно отступили. Прохладная рука коснулась плеча Тревиса.

— Не бойтесь, — мелодичным голосом проговорил сияющий незнакомец. — Я с вами.

Тревис улыбнулся и хотел сказать прекрасному видению, что с ним все в порядке, что скоро его заберет огонь, но прежде, чем он сумел произнести хотя бы слово, ноги у него подкосились, и Тревис повалился на грязный пол.

Я иду к тебе, Макс.

Мир вокруг него перестал существовать. Но его поглотил мрак, а не огонь.

ГЛАВА 38

Было очень поздно. Или рано.

Лежа на своей жалкой постели на земле, Грейс смотрела в темный купол неба, наблюдая за тем, как луна медленно движется к горизонту. Наверное, спутник Земли теперь покажется ей чужим — ведь он такой маленький, холодный и ужасно да-

лекий. Она уже успела привыкнуть к огромной, золотистой луне Зеи.

Грейс занялась мысленными подсчетами — и луна подтвердила ее догадку. Она медленно, неуклонно увеличивалась, и уже была в своей четверти.

Значит, сегодня седьмой день с тех пор, как мы покинули Кейлавер, Грейс. Получается, что до полнолуния осталось всего восемь. А потом...

Неожиданно серебристое покрывало облаков рассеялось, и на небе появилась пульсирующая алая искра, залив луну кроваво-красным сиянием. Грейс вскрикнула.

— Что случилось, миледи?

— Дарж, — произнесла Грейс, словно слово молитвы.

Рыцарь присел рядом с ней на корточки. В темноте его лицо казалось таким же изборожденным морщинами, как и лик самой луны, но в глубоко посаженных глазах читалась тревога. Уже в который раз Грейс подивилась его надежности и силе. Несмотря на невысокий рост, у Даржа были широкие плечи и могучие руки и ноги. В свои сорок шесть лет рыцарь считал себя стариком, но Грейс он представлялся скалой, истерзанной ветром, но не склонившейся под ударами стихий.

Дарж наклонился к Грейс.

— Миледи?

— Я смотрела на луну.

Дарж кивнул. Ему не нужно было ничего объяснять.

— Вам следует поспать, миледи. До рассвета еще несколько часов.

— Да, — сказала Грейс, но не сдвинулась с места.

Дарж тоже не шевелился.

— Мы доберемся сегодня до Ар-Толора? — спросила она через некоторое время.

— Я на это рассчитывал, миледи. Однако мы... задержались в Фаланоре. Теперь хорошо, если до наступления ночи нам удастся перебраться через Темноструйную. И въехать в Толорию. Оттуда до замка королевы всего пять лиг.

Глядя вдаль, Грейс задумалась над его словами. В тусклом свете догорающего костра она видела своих спящих спутников. Двое из них заснули, тесно прижавшись друг к другу: Дейнен и Тира. Лирит и Эйрин устроились рядом с ними. Пятый же лег чуть в стороне. Грейс посмотрела на Даржа.

— Как Меридар?

— Он... отдыхает, миледи. Вино, которое вы ему дали, кажется, немного его успокоило.

Грейс ухмыльнулась в темноте. После обеда она дала Меридару не просто вино, и Дарж это знал. Ей было не по себе от того, что она незаметно положила в кружку рыцаря кое-какие травы. Такие методы, как правило, используют колдуньи вроде Кайрен.

Однако вчера целый день по дороге из Фаланора Меридар казался необычно подавленным. Ни с кем не разговаривал, ехал поодаль от остальных, что-то бормотал, время от времени качал головой. Сначала Грейс решила, что он переживает из-за смерти Каллета. Может быть, Меридар винил себя за то, что не смог защитить своего товарища. Но по мере того как день клонился к вечеру, и тени деревьев становились все длиннее, она начала сомневаться в правильности своего диагноза. Тогда она решилась спросить рыцаря, как он себя чувствует. К ее несказанному удивлению, он расхохотался в ответ.

— Ярость может стать отличной кольчугой, миледи, — сердито заявил он. — А ненависть в силах выковать острый меч трусости.

Грейс не нашлась, что ему ответить, и не стала догонять Меридара, когда тот пришпорил коня и поскакал вперед.

Во время ужина, прошедшего в мрачном молчании, Меридар ничего не ел, а Дарж отвел Грейс в сторону и прошептал:

— Сон станет для него хорошим лекарством, миледи, если он сможет уснуть.

Его слова поразили Грейс. До сих пор Дарж старательно избегал всего, что имело хоть какое-то отношение к колдовству. Она кивнула и отправилась к своей седельной сумке достать мешок с травами.

Грейс почувствовала, что замерзает, и обхватила себя руками. Поразительно, дни стоят такие жаркие, а ночью холодно.

— Вы еще поспите, миледи?

Она кивнула, решив не говорить Даржу, что вряд ли сумеет заснуть.

— А ты?

— Я посторожу. Не беспокойтесь, миледи, я отдохну.

Грейс посмотрела на него и снова восхитилась этому поразительному человеку. Она жалела, что не может найти подходящих слов, чтобы рассказать ему, какой он замечательный. Впрочем, ничто, даже рентгеновский аппарат, будь он у нее здесь, не сумел бы запечатлеть на пленке силу, доброту и глубину его души. Не успев подумать, что делает, Грейс потянулась к Даржу и поцеловала его в щеку, чем привела рыцаря в страшное замешательство.

Она зевнула, вдруг почувствовав, как все тело налилось усталостью, и подумала, что, наверное, все-таки уснет. Она попыталась поудобнее устроиться на своем одеяле и спросила:

— Ты будешь рядом, Дарж?

Она услышала скрип кожи, когда он поднялся.

— Я всегда рядом, миледи.

Грейс тяжело вздохнула. Может быть, ей не суждено полюбить другого человека. Может быть, близость подобного рода ей недоступна. Но возможно, так даже лучше. Разве любовь в силах подарить столь восхитительное ощущение защищенности?

По небу пронеслась звезда, но Грейс не стала загадывать желание. Закрыв глаза, она тут же провалилась в сон.

Когда она проснулась, горизонт на востоке полыхал яркими красками нового дня, и все остальные уже встали. Грейс поднялась и села завтракать — черствый хлеб, коринка и вода: никому не хотелось разводить костер. Они тронулись в путь, когда алый солнечный шар начал свой медленный путь на небо.

Похоже, сон и правда оказал благотворное действие на сэра Меридара. Во время завтрака он, хоть и сдержанно, но все-таки разговаривал со своими спутниками, а как только они выехали на дорогу, признал главенство Даржа и без возражений выполнял его приказы.

Может быть, худшее осталось позади, подумала Грейс. Но в какой-то момент она случайно встретилась с ним взглядом и увидела такую тоску в прежде добрых глазах, что быстро отвернулась. Грейс поняла, что боль, от которой страдает Меридар, не вылечишь несколькими сушеными листьями и парой часов сна.

Дарж и Меридар часто выезжали вперед или, наоборот, отставали, а потом быстро возвращались. Грейс прекрасно понимала, почему они так себя ведут и чего опасаются.

Я буду ждать у себя в доме.

Чего?

Буду ждать, когда они придут, миледи. И когда сгорит весь мир.

Грейс вцепилась в поводья Шандис. Она еще не готова сдаться и прятаться. Она должна помочь Тревису. А кроме того, есть еще надежда найти лекарство от страшной болезни.

Вскоре дорога свернула на юг, в сторону от Димдуорна. Грейс уже знала, что таким образом они срежут угол и выедут к мосту, по которому попадут в Толорию.

Эйрин ехала рядом с Грейс, глядя прямо перед собой своими поразительными васильковыми глазами. Грейс не имела ни малейшего представления о том, какие мысли бродят в голове юной баронессы. После того как они покинули Фаланор, Эйрин вела себя очень сдержанно, но не пыталась уйти в себя, как после смерти Гарфа. Однако почему-то ее невозмутимость беспокоила Грейс сильнее, чем слезы.

Лирит не отставала от них. Она усадила перед собой Дейнена, мальчишка весело болтал тощими ногами в потрепанных штанах и, подставив солнцу лицо, задавал колдунье вопросы про места, по которым они проезжали. Всякий раз, прежде чем ответить, Лирит наклонялась к нему, словно ее слова предназначались только для его ушей, а мальчик улыбался.

Лирит во многих отношениях продолжала оставаться для Грейс загадкой. Она ни разу не сказала, что думает о происходящем — об их путешествии, огненной чуме, смерти сэра Каллета. Однако Грейс радовалась тому, что Лирит рядом. Что бы ни происходило, черноглазая колдунья обладала поразительной способностью вовремя вспомнить о главном. Ведь именно она высказала вслух то, что показалось всем очевидным: они не могут оставить Дейнена и Тиру в Фаланоре.

Грейс посмотрела на худенькую девочку, сидящую в седле перед ней. Какая она легкая и какая тихая — Грейс иногда даже забывала о ее существовании. Обняв ее, Грейс чувствовала хрупкое тельце под старым поношенным платьем. Только волосы девочки казались наполненными силой и жизнью: густые, вьющиеся, яркие, точно пламя.

Словно почувствовав взгляд Грейс, Тира подняла голову, и мимолетная улыбка коснулась ее губ, но уже в следующее мгновение девочка словно поникла, стараясь прикрыть волосами изуродованное лицо. А потом вдруг осторожно подвинулась в седле и прижалась к животу Грейс. Грейс напряглась, но тут же заставила себя расслабиться и принять эту близость, убеждая себя в том, что ей нечего бояться больного ребенка.

Накануне вечером она осмотрела девочку — ее прежние опасения подтвердились: огромные участки тела Тиры покрывали шрамы от заживших ожогов. Перед тем как покинуть Фаланор, Грейс еще раз попыталась разговорить Тиру. Ее вопросы, казалось, девочку не особенно беспокоили, но в ответ она не произнесла ни звука. Малышка спокойно играла с каким-то предметом, который держала на коленях и который Грейс не могла разглядеть.

Наконец, отчаявшись чего-нибудь от нее добиться, Грейс решила прибегнуть к другой тактике — она спросила, во что Тира играет. Девочка протянула ей маленькую простую куклу, вырезанную из дерева и завернутую в тряпку. Грейс принялась вертеть ее в руках и неожиданно задохнулась от удивления. Половина головы куклы обуглилась, словно ее специально засунули в огонь. Тира мягко взяла у нее из рук игрушку и принялась ласково гладить спутанные волосы из пакли.

А Грейс поняла, что больше не в силах придумать ни одного вопроса. Зато она с самого начала знала, что Лирит

права — ни Дейнена, ни Тиру нельзя оставлять в Фаланоре. Жители деревни в страхе попрятались по своим жалким домам, и никто не стал бы заботиться о детях.

Она думала, что Меридар будет возражать, но рыцарь, казалось, вообще их не замечал.

— И что мы будем с ними делать? — спросил Дарж.

— Оставим в Ар-Толоре, — ответила Лирит. — Иволейна о них позаботится.

— Я слышал, что королева очень красивая, — улыбнувшись, сказал Дейнен.

Грейс нахмурилась, глядя в безжизненные глаза мальчика.

Сейчас, радуясь лучам ласкового утреннего солнышка, Грейс чувствовала, как к ней прижимается хрупкое теплое тело, и думала о том, что никогда до сих пор не испытывала ничего подобного. Она подняла руку, собираясь погладить девочку по голове, — и замерла. Тира снова играла со своей деревянной куклой, заставив ее танцевать на шее Шандис и время от времени поглаживая тонкими пальчиками обгоревшее лицо.

Грейс сглотнула и опустила руку.

К вечеру они добрались до границы леса, и дорога побежала между высокими деревьями с серебристыми стволами и сплетенными высоко над головами путников ветвями.

Грейс ужасно захотелось прикоснуться к Духу Природы, чтобы почувствовать кипящую вокруг жизнь, но она не решилась. По правде говоря, она до сих пор не могла понять, как ей удалось сотворить волшебное заклинание на лугу в Фаланоре. Эйрин была восхищена тем, что она сумела притянуть к себе их с Лирит нити жизни, а толорийка долго и настойчиво расспрашивала Грейс о том, что конкретно она делала.

— Я уже видела похожее плетение нитей, — сказала Лирит, и в ее глазах Грейс увидела напряжение. — Но ничего подобного не встречала. Кроме того, ты подчинила себе ветер. Как тебе это удалось, Грейс?

Грейс задумалась над ее вопросом, но потом покачала головой.

— Не знаю. Просто я сплела нити, призвав на помощь Дух Природы, — и все. Я не могла... не смогла прикоснуться к своей нити жизни. Сила шла от вас с Эйрин.

Обе посмотрели на баронессу, но та отвернулась и принялась вглядываться вдаль, словно увидела там что-то очень интересное.

— Поговорим о случившемся в Ар-Толоре, — посмотрев на нее своими черными, словно ночь, глазами, сказала Лирит.

Грейс смущенно кивнула.

Конечно, поговорим.

Дорога превратилась в узкую тропинку, петляющую между деревьями, и путникам пришлось продвигаться вперед гуськом. Дарж на Черногривом возглавлял маленький отряд, сразу за ним оказались Грейс с Тирой. Меридар охранял их с тыла.

Грейс вздохнула. В лесу стало заметно прохладнее, деревья окутывали сумеречные тени, и ее охватило беспокойство. Казалось, что здесь слишком тихо. Почему не поют птицы и не видно мелких животных? Кроме стука копыт по мягкой земле и звона кольчуг рыцарей, она сумела различить лишь тихий скрип деревьев, который чем больше она прислушивалась, тем сильнее напоминал ей шепот далеких и безжизненных, словно сухие листья, голосов.

Когда Грейс уже решила, что больше не в силах выносить этой тишины, дорога вдруг стала шире и вывела их на небольшую поляну. Грейс остановилась рядом с Даржем, почувствовав, как в ноздри ударил едкий запах. Ветер метался по открытому пространству, бросая пригоршни пыли путникам в глаза.

Поляна представляла собой идеальный круг, примерно в сто шагов в диаметре, в котором все — деревья, трава, кусты — было предано огню и превратилось в серый пепел. Земля почернела и потрескалась, точно глиняный горшок, забытый в печи. Эйрин вскрикнула, прижав руку к губам, а Дарж тихонько выругался.

— Что случилось? — спросил Дейнен. Затем, наклонив голову набок, принюхался.

— Пахнет так, будто здесь что-то сгорело.

Грейс молча кивнула.

— Там что-то есть, — сказала Лирит, показав на противоположную сторону поляны. — На краю круга. Не могу... разглядеть что.

Грейс искоса посмотрела на колдунью. Она не сомневалась, что Лирит воспользовалась своим внутренним зрением. Ей тоже удалось увидеть какую-то бесформенную темную кучу на обожженной земле.

— Я проверю, — вызвался Меридар.

— Будь осторожен, Меридар, — сказал Дарж.

Но рыцарь уже пришпорил коня и помчался вперед, в воздух взвились клубы серого пепла. Остальные путники наблюдали за тем, как Меридар остановился, соскочил на землю и присел, рассматривая что-то. Затем выпрямился и помахал им рукой.

Когда они подъехали, Меридар уже снова сидел в седле. Шандис тихонько заржала и прижала уши, и Грейс взглянула на тело, лежащее на земле. Только почувствовав страшное облегчение, она сообразила, чего опасалась.

— Думаю, это волк, — проговорил Меридар.

Дарж потер подбородок рукой в перчатке.

— Точно. Только я никогда не слышал, чтобы волк терпеливо ждал, когда его поглотит лесной пожар. Почему он не убежал?

— Потому что лесной пожар тут ни при чем, — тихо сказала Эйрин, и все дружно на нее посмотрели.

Неужели она почувствовала что-то, ускользнувшее от Лирит? Впрочем, не нужно обладать даром колдуньи, чтобы понять, кто — точнее, что — стало причиной пожара. Грейс снова посмотрела на обгоревшее тело волка и вспомнила медведя, который выскочил на них из кустов и убил Гарфа. Она снова услышала его безумный рык. И увидела ожоги на шкуре.

Неожиданно она все поняла и уже собралась поделиться своим новым знанием с остальными, но не успела.

Ее слова заглушило пение рожка. Его чистый, звонкий голос проплыл между деревьями, зазвенел на поляне. Прежде чем кто-нибудь из них успел отреагировать, из теней выступил высокий мужчина в длинном коричневом плаще и зеленом капюшоне, который скрывал лицо.

Дарж тихонько выругался, и Грейс, повернув голову, увидела, как по краям поляны, словно из-под земли, возникли люди — человек десять. Все в плащах с капюшонами под цвет деревьев, все вооружены.

Маленькая ручка вцепилась в руку Грейс, и она, увидев испуганные глаза Тиры, крепко обняла и прижала к себе девочку. Лирит и Эйрин обменялись с Грейс изумленными взглядами, а Дейнен молча, напряженно смотрел прямо перед собой. Он тоже почувствовал опасность.

— Мы не желаем вам ничего плохого, — сказал Дарж. — Дайте нам проехать, и никто не пострадает.

Эмбарец сидел, гордо выпрямившись на своем скакуне. Меридар положил руку на рукоять меча, но Грейс знала, что им ничего не поможет. Два, пусть и очень умелых, рыцаря не справятся с дюжиной вооруженных людей, которые их окружили.

Дарж посмотрел на Грейс, и она поняла его без слов.

Когда начнется бой, скачите отсюда изо всех сил.

Затем Дарж кивнул Меридару и потянулся к огромному мечу, висевшему у него за спиной.

Неожиданно напряженную тишину, повисшую над поляной, разорвал новый звук — смех.

— Остановись, сэр Дарж. У нас и без того был трудный день. Что-то не хочется с тобой сражаться.

Дарж замер на месте, когда человек, стоявший ближе всех, поднял руки и откинул на спину капюшон. Грейс несколько мгновений недоверчиво его разглядывала, а потом одним движением отодвинула Тиру и, соскочив на землю, бросилась

к высокому крепкому мужчине с редеющими светлыми волосами и улыбкой, которая могла разогнать любой, даже самый непроглядный мрак.

— Как я рад снова вас видеть, леди Грейс, — весело сказал Бельтан и обхватил Грейс своими сильными руками.

ГЛАВА 39

— Осталось уже совсем немного, ваша светлость, — сказал высокий рыжеволосый мужчина, который вел под уздцы Шандис.

Грейс посмотрела на него и вздохнула. Она думала, что оставила *свой* титул далеко позади, но, очевидно, ошиблась. Этот человек — нет, рыцарь, поправила она себя, поскольку, несмотря на простую одежду, отряд состоял из служителей Ордена Малакора — склонился перед ней в низком поклоне, когда Бельтан произнес ее имя.

Впрочем, она вдруг поняла, что ее беспокоит не титул и благоговение, которое она вызывает у рыцарей. Тогда что же, Грейс?

Тебе кажется, что так и должно быть. Ты считаешь нормальным, что они тебе кланяются. Какая глупость! Ты никто. И не имеешь никакого отношения к тем, в чьих жилах течет кровь королей.

Грейс вцепилась одной рукой в гриву Шандис, а другой прижала к себе Тиру, позволив рыцарю вести лошадь по безмолвному лесу.

Она надеялась, что они скоро доберутся до лагеря рыцарей. Грейс не терпелось рассказать Бельтану об истинной цели своего путешествия, но он, прихватив с собой большинство остальных воинов, ускакал вперед, чтобы встретить их в лагере, как полагается.

— Нам нужно о многом поговорить, Грейс, — сказал ей Бельтан и помрачнел. — Но лучше не делать этого здесь. Мы обсудим наши дела в более безопасном месте после того, как вы отдохнете и подкрепитесь.

И исчез вместе со своими людьми среди деревьев так же быстро и тихо, как они появились.

— Прошу вас, ваша светлость, — сказал рыжеволосый рыцарь, взяв за поводья Шандис. — Нам придется добираться до лагеря более длинной дорогой. По другой лошади не пройдут.

Еще два рыцаря подошли к Эйрин и Лирит. Все трое казались на удивление юными — Грейс не дала бы им больше двадцати пяти лет, — но она вспомнила, что в Орден, как правило, вступают молодые рыцари, не имеющие земельных наделов. Она подумала о Гарфе, но заставила себя прогнать грустные мысли прочь.

В лесу и без того было слишком тихо и мрачно.

— Сэр Тарус, — обратился к рыцарю Дарж, который вместе с Меридаром замыкал отряд. — Вам что-нибудь известно о выжженной поляне в лесу?

— Лучше спросите сэра Бельтана, когда мы доберемся до лагеря, милорд, — ответил, оглянувшись, рыжеволосый рыцарь. — Он ее нашел.

— А что тут спрашивать? — едва слышно проговорила Эйрин. — Там все умерло.

Баронесса обхватила себя левой рукой, и Грейс закусила губу. Неужели Эйрин попыталась прикоснуться к Духу Природы на выжженной поляне?

Дарж посмотрел на нее, затем тяжело вздохнул.

— Нам не повезло, что мы столь неожиданно наткнулись на это место.

— Зато мы встретились с лордом Бельтаном, — своим мелодичным голосом напомнила ему Лирит. — И тут нам повезло, верно?

Дарж собрался ей что-то сказать, но не сумел найти подходящих слов. На губах Лирит появилась улыбка, и Грейс поняла, что тоже улыбается. Только Лирит может шутить в таком месте. И снова Грейс порадовалась, что колдунья рядом.

Им повезло, что рыцари указывали дорогу, потому что, даже если бы Грейс проехала совсем рядом с лагерем, она бы его не заметила. Тарус остановился около густых зарослей деревьев с серебристыми стволами, которые показались Грейс ничем не примечательными, затем засунул пальцы в рот и тихонько свистнул.

Из теней выступили два рыцаря и замерли в золотых лучах солнца. Грейс не смогла сдержать изумленного восклицания. Они прятались всего в пяти шагах от тропинки, но она их не видела. Зелено-коричневые плащи сливались с окружающим пейзажем, хотя Грейс все-таки сумела заметить отблески солнечных лучей на оружии. Рыцари отсалютовали Тарусу, прижав сжатую в кулак руку к груди, и тот ответил на их приветствие.

— Вас ждут, — сказал один из рыцарей.

Тарус посмотрел на Грейс.

— Ваша светлость, наше путешествие подошло к концу.

Они проехали под сплетенными ветвями деревьев, образующими естественную зеленую арку, и только тогда Грейс заметила достаточно широкую дорогу, ведущую через лес, и услышала плеск воды, бьющей о камень. Неожиданно тишину разорвало звонкое пение рожка, и Грейс вздрогнула, а Тарус весело заулыбался, продемонстрировав кривые, но безупречно белые зубы.

— Добро пожаловать в нашу скромную крепость, миледи.

Грейс передала ему Тиру, затем, спрыгнув на землю, принялась оглядываться по сторонам. Они оказались в не-

большой долине, где деревья росли не так густо, а маленький ручей пенистым потоком облизывал плоские камни. На земле стояло несколько палаток, но внимание Грейс привлекли кроны деревьев. Тира высвободилась из сильных рук Таруса, который ее не удерживал, и сделала несколько шагов вперед.

Примерно в двадцати футах над землей между деревьями протянулись построенные из веревок и деревянных досок переходы. К стволам были приколочены лестницы, которые вели к небольшим сооружениям на толстых ветках. Грейс собралась спросить, что это такое, но заметила, что к ним направляется Бельтан.

— Вот вы где, леди Грейс.

Бельтан улыбался, и Грейс в очередной раз поразилась тому, как меняется его лицо, когда он улыбается. В отличие от дяди, короля Бореаса, природа не наградила Бельтана привлекательной внешностью. Он был высоким, но тощим, с длинными, почти белыми волосами, редеющими на макушке. На широком простом лице красовались не слишком густые желтоватые усы и маленькие зеленые глаза. Однако когда Бельтан улыбался, казалось, будто его озаряет внутренний свет, открывая миру его красоту и благородство.

Хорошо, что он улыбается. В Кейлавере было время, когда он постоянно ходил мрачным, и никто не мог вывести его из состояния тоскливой задумчивости.

— Я уже подумал, что сэр Тарус вас потерял.

Бельтан подмигнул рыжеволосому рыцарю.

Тарус развел руки в стороны в деланном извинении.

— Я решил выбрать более живописный маршрут.

Бельтан поднял руку и громко прошептал:

— Сэр Тарус особым умом не блещет и еще не понял, что все деревья на одно лицо. Но он такой симпатичный, что я не в силах с ним расстаться.

Тарус лишь улыбнулся в ответ, словно не слышал ни слова. Грейс с трудом сдержалась, чтобы не расхохотаться.

К ним подошла Лирит, приподняв подол платья, чтобы не мешали листья.

— А ты уверен, что вы тут полезным делом занимаетесь? — Она кивком указала на деревья и заявила: — Лично мне представляется, что вы тут неплохо проводите время.

Тарус почесал рыжую бородку и, глуповато улыбаясь, пояснил:

— Это все сэр Бельтан придумал.

— А кто сказал, что работа не должна быть развлечением? — пожав плечами, поинтересовался Бельтан. — Что-то я не припомню такого закона.

Лирит рассмеялся, но Бельтан неожиданно стал серьезным.

— Кроме того, у нас есть причины не оставаться ночью на земле.

Они шли вслед за ним к пенькам, расставленным вокруг костра. По дороге Грейс успела насчитать пятнадцать рыцарей, а судя по количеству площадок на деревьях, решила, что еще столько же патрулирует окрестности.

Дейнен, не смолкая, что-то говорил, пока Лирит, поддерживая под локоть, вела его за собой — спрашивал, как выглядят рыцари, сколько укреплений на деревьях, задавал множество вопросов, на которые колдунья не могла ответить. К счастью, рядом оказался Тарус и принялся объяснять мальчику, как рыцари построили свою крепость. Когда они подошли к костру, Дейнен отправился со своими вопросами к другому рыцарю, лицо его светилось возбуждением и радостью. Лирит с благодарностью посмотрела на Таруса. Тот молча поклонился в ответ.

— Тебе следует хорошенько подумать, прежде чем в следующий раз решишь продемонстрировать мне свое уважение, воин из Кейлавана, — заявила Лирит.

— И почему же, миледи? — спросил Тарус, выпрямляясь.

Лирит провела пальцем по своей покрытой дорожной пылью щеке, словно пыталась подобрать слова.

— Королева Иволейна... моя госпожа.

Тарус чуть приподнял одну бровь, и на лице у него появилось изумление, но всего лишь на мгновение.

— Понятно, — ухмыльнувшись, сказал он. — Значит, вы собираетесь взмахнуть ручкой и превратить меня в симпатичный кустик, миледи?

— А ты этого не боишься, воин?

— Трепещу от ужаса.

Лирит расхохоталась, но потом вздохнула, а когда заговорила снова, ее голос звучал уже совершенно серьезно.

— Надеюсь, этого не случится, служитель Ватриса. Только многие среди твоих собратьев считают, что наступили тяжелые времена, и все средства хороши.

— Среди ваших сестер такие тоже найдутся, миледи.

Лирит кивнула.

Грейс с интересом прислушивалась к их разговору, зная, что последователи культа Ватриса склонны не доверять колдуньям. Но что имела в виду Лирит? Какие времена наступили?

Прежде чем она успела спросить, прищел Бельтан и, предложив ей сесть на один из пеньков, протянул глиняную кружку. Только сейчас Грейс поняла, что уже давно хочет пить, и с удовольствием сделала глоток холодного вина со специями.

Вскоре подошли ее спутники, и Тира молча забралась к ней на колени. Грейс колебалась всего одно мгновение, а потом быстро прижала девочку к себе.

Ты ей нужна, Грейс.

Или наоборот?

— Как тебя зовут? — ласково спросил Бельтан, присев на корточки рядом с Грейс и девочкой.

Тира смущенно подняла голову, но тут же склонилась над своей куклой — так, что роскошные огненные волосы прикрыли ее изуродованное лицо. Бельтан вопросительно посмотрел на Грейс.

— Что с ней произошло?

Грейс облизнула внезапно пересохшие губы.

— Огонь.

Бельтан поднялся на ноги и махнул рукой Тарусу. Юный рыцарь кивнул и отошел. Грейс поняла, что они могут говорить спокойно — им никто не помешает.

— Вы ведь здесь именно по этой причине, Бельтан? Из-за пожаров?

Все одновременно посмотрели на Эйрин. К удивлению Грейс, ожидавшей увидеть на ее лице страх, юная баронесса была совершенно спокойна, словно тихая заводь на закате.

Бельтан принялся расхаживать около костра.

— Мы впервые услышали про пожары в нашей крепости в Голте. Два месяца назад. Я как раз собирался возглавить отряд рыцарей, отправлявшихся на разведку — чтобы немного подучить новичков. Затем мы узнали, что сгорело несколько деревень, две в северо-восточном районе Кейлавана, еще несколько в Толории, за Ар-Толором. Сначала мы решили, что варвары, живущие в Фол Эренне, сбились в небольшие группы, сумели перебраться через Димдуорн и занялись разбоем. Я взял тридцать рыцарей, и мы прибыли сюда, чтобы посмотреть, что здесь происходит.

— Но не обнаружили никаких дикарей, верно? — подал голос Меридар, впервые с того момента, как они вошли в лагерь.

Бельтан сжал зубы и неохотно кивнул.

— Ты их видел? — спросила Грейс, удивившись тому, как дрожит ее собственный голос. — Крондримов.

Бельтан потер подбородок.

— Крондрим. Да, я слышал, как один старик произнес это слово, когда рассказывал о них. Но чаще их называют огневиками. — Он покачал головой. — Нет, я их не видел. Только деяния их рук.

— Как давно это началось? — спросил Дарж.

— Когда они впервые покинули Фол Эренн? — пожав плечами, переспросил Бельтан. — Трудно сказать. Два ме-

сяца назад. Или три. Может быть, больше. Но мы узнали об их существовании всего несколько недель назад. Когда они...

— Когда они сожгли часть леса всего в лиге отсюда, — договорил за него Дарж.

Бельтан повернулся к эмбарцу, и у него на лице появилось жесткое выражение.

— Это не просто лес, Дарж. Там была деревня Карнок.

Все онемели от изумления. Они уже видели развалины сожженных деревень. Однако на лесной поляне остался только пепел и обгоревший труп животного — наверное, собаки, подумала Грейс.

— Мы встретились с медведем, который был весь обожжен, — выпалила она, зная, что может передумать и промолчать о том, что с ними произошло в лесу неподалеку от Кейлавера.

Сидевшая рядом с ней Эйрин напряглась, но Лирит тут же крепко сжала ее левую руку. Бельтан слушал рассказ Грейс, чуть склонив голову набок.

— Он напал на нас примерно в лиге от Кейлавера. Он... — Она поняла, что ей все еще трудно говорить о случившемся тогда. — Он убил нашего друга. У медведя были страшные ожоги на шкуре. Наверное, боль свела его с ума. Я думала, что он стал жертвой лесного пожара, но...

Бельтан покачал головой.

— Плохие новости. Судя по тому, что мне довелось видеть, огневики стараются держаться поближе к Рассветным горам. Выясняется, что по крайней мере некоторым из них удалось пройти через холмистые районы Голта и пробраться в Фол Синфат. — Он провел рукой по редеющим волосам. — Думаю, в этом есть определенный смысл.

— Какой? — нахмурившись, спросила Лирит.

Рыцарь взял палочку и провел на земле вертикальную линию.

— Вот Фол Эренн, — сказал он и нарисовал под линией пару значков. — А вот территории Кейлавана и Толории. В последние месяцы мы слышали рассказы об огневиках — совсем немного, — которые действовали только в этих областях. — Он показал на участки чуть ниже гор. — Здесь и вот здесь.

— А теперь? — спросил Дарж.

— Теперь мы слышим о них почти каждый день, и они идут со стороны... — Бельтан поколебался, а потом очертил кругом свою карту. — Со всех сторон.

— Разумеется, — пробормотала Грейс, которая начала быстро связывать в уме известные ей факты. — Так развиваются все серьезные эпидемии. Первые случаи редки и регистрируются в отдаленных друг от друга районах — цикл инфицирования короткий, и болезнь убивает быстрее, чем успевает поразить большое количество людей. Но в нашем случае вирус адаптировался, а

это значит, что охваченная чумой территория растет. Только тот факт, что здесь не слишком принято путешествовать, задержал ее распространение.

Она подняла голову и увидела, что все остальные, ничего не понимая, уставились на нее.

— Что вы имеете в виду, миледи? — тряхнув головой, спросил Дарж.

— Миледи Грейс имеет в виду, — сказал Бельтан и встал, — что огневики — крондримы — двинулись на нас в наступление.

— Зачем? — удивленно спросила Лирит. — Чего они хотят?

Никто не знал ответа на ее вопрос, и вокруг костра повисла напряженная тишина. Грейс сделала глубокий вдох — пришла пора рассказать все.

— Бельтан, — едва слышно проговорила она. — Я должна еще кое-что тебе сообщить.

Даже много времени спустя она не смогла бы сказать, как он понял. Может быть, его насторожил ее тон или выражение лица. Или что-то еще — он сумел прочитать ее мысли. Впрочем, какое это имеет значение? Светловолосый рыцарь встретился с ней глазами и спросил:

— Тревис Уайлдер? Верно?

Грейс смогла только кивнуть. Бельтан опустился перед ней на колени и, минуя Тиру, положил руки Грейс на плечи. Его глаза стали жесткими и холодными, как сталь.

— Что с ним случилось, миледи? Вы должны мне рассказать.

Неожиданно Грейс поняла, что может говорить, она сделала вдох и сухими, бесцветными словами поведала Бельтану о своем сне и видении и цели своего путешествия. Она подумала, что ничего этого не рассказала Меридару, однако если тот и рассердился на нее, виду он не показал. Он сидел и смотрел на карту, которую Бельтан нарисовал на земле.

Когда Грейс закончила, Бельтан поднялся на ноги.

— Отсюда до моста через Темноструйную недалеко, — сказал рыцарь. — Мы можем войти в Толорию сегодня к вечеру, а завтра будем в Ар-Толоре.

— Я тебя не понимаю, — проговорила Грейс.

— Я иду с вами, — сказал Бельтан.

ГЛАВА 40

Тревис пылал в огне.

Мир должен полыхать яркими красками, но почему-то оставался каким-то душным и темным. Его ноги и руки, все тело было опутано куском жаркой черной тряпки. Тревису

казалось, будто он лежит в склепе с каменными стенами, где темно и совсем нет места. Как он сюда попал?

Руки. Да, конечно. Из темноты протянулись руки и сорвали с него одежду. Его протащили по какой-то жиже, безжалостно трясли и пихали, потом все тело пронзили тысячи огненных иголок, которые медленно и неуклонно проникали в суставы, кости, в самую глубь его существа. Но вот они перестали двигаться, и он оказался здесь, в кромешном мраке крошечного склепа. Руки завернули его в саван, сотканный из теней, и пламя тут же набросилось на его тело.

Неужели они решили, что он умер, и положили его на погребальный костер? Нужно закричать, чтобы они поняли, что совершают страшную ошибку, но от невыносимого жара склеились губы. Вот сейчас начнут плавиться кости, разорвутся сухожилия. Его сожгут заживо.

— Мастер Уайлдер?

Из пламени вырвался громоподобный голос, произнес понятные слова.

— Мастер Уайлдер, вы меня слышите? Попытайтесь кивнуть, если вы понимаете, что я говорю.

Голос звучал сурово, но в нем слышалось сочувствие. Тревис ужасно хотел сделать то, о чем его просили, но огненные руки обхватили его тело, не давая пошевелиться.

— Вы знаете, чем он болен?

Теперь звучал другой голос. Какой-то гладенький, с легким пришепетыванием, но одновременно и более резкий.

— Я не до конца уверен. Но его тело страдает от жестокой лихорадки. Мастер Эрион произнес много рун охлаждения, но, боюсь, они не слишком помогли.

— Может быть, огненная болезнь?

— Клянусь Олригом! Не смей произносить этого вслух. Он прибыл к нам издалека — при чем здесь огненная болезнь?

— Простите меня, Гроссмейстер. Просто я слышал, что она начинается именно так. Однако вы правы. Болезнь не могла добраться до того места, откуда он к нам прибыл.

Мягкий голос звучал смиренно, но сомнение в нем все равно слышалось. Тот, кого назвали Гроссмейстером, ответил лишь тяжелым вздохом.

Тревис хотел сказать им, что они ошибаются, что болезнь, о которой они говорят, уже добралась до его мира. Он попытался открыть глаза, но не знал, удалось ли ему это. А в следующее мгновение ему показалось, будто алый огонь пронзил его мозг. Тревис отшатнулся и снова погрузился в темноту. Однако прежде чем свет исчез, он различил тень. Нет, не тень. Человека с

умными голубыми глазами и белой бородкой. Джек? Может быть, Джек пришел, чтобы спасти его из огня?

Голоса начали постепенно стихать.

— Мастер Уайлдер?

— Ничего не получится, Гроссмейстер. Он вас не слышит.

— Вы ошибаетесь, мастер Ларад. Разве вы не видели? Он открыл глаза — на одно короткое мгновение, но я видел.

— Если вы так говорите, значит...

Голоса стихли, точно дым, развеянный порывом ветра, и Тревиса снова окружил оглушительный рев.

Прошло довольно много времени, прежде чем он пришел в себя. Он лежал неподвижно, прислушиваясь, но до него не доносилось ни единого звука, однако тишина успокаивала исстрадавшуюся душу. Может быть, огонь все-таки его пожрал? Если так чувствует себя человек, когда умрет, — хорошо. Это значительно лучше, чем переход от жизни к смерти. В склепе стало прохладнее, со всех сторон струился мягкий серебристый свет.

Тревис услышал шорох и повернул голову. То, что он наделен способностью видеть, на мгновение поразило его, поскольку он не помнил, как открыл глаза.

Впрочем, видел Тревис совсем немного. Даже от такого приглушенного света казалось, будто в глаза впиваются острые осколки стекла. Сам склеп представлялся ему серым пятном, хотя Тревис разглядел стены, наверное, каменные, и понял, что лежит на чем-то вроде кровати или носилок. Он моргнул и сумел увидеть еще один предмет.

Сначала Тревис решил, что в склепе один из двух мужчин, которые пытались с ним разговаривать, но чутье подсказало ему, что это не так. Сидевший на стуле юноша с широкоскулым, простым лицом без бороды показался Тревису невысоким, но его сильные плечи и руки производили впечатление. Он был одет в темно-коричневый балахон, и Тревис удивился. Почему не серый?

Незнакомец улыбнулся — смущенно и одновременно успокаивающе. Видимо, он видел, что Тревис пошевелился, поскольку встал и исчез из поля зрения. Тревиса охватила паника, но уже через несколько секунд юноша появился с чашкой в руке, и Тревис уловил запах холодной воды.

Сколько времени прошло с тех пор, как он пил в последний раз? Тревис попытался пошевелить языком, но тот не желал слушаться. Незнакомец опустился на колени около кровати, просунул сильную руку ему под шею и приподнял голову. Тревис попытался сделать глоток, но вода пролилась на подбородок и грудь. Впрочем, немного все-таки попало в рот, и он почувствовал металлический привкус. Юноша снова опустил его на кровать.

Жемчужный свет покидал комнату, не в силах устоять перед натиском мрака. Тревис понял, что у него почти не осталось времени.

Где я?

Но вопрос прозвучал лишь в его сознании. Нет, так не годится. Тревис заставил непослушные сухие губы шевелиться.

— Где?..

На сей раз он не сомневался, что сумел произнести одно слово. Однако незнакомец лишь покачал головой, снова улыбнулся и приложил палец к губам. Затем поставил чашку и погладил Тревиса по руке.

Тревис попытался снова заговорить, но у него не осталось сил, и он начал медленно падать в черную пропасть. Его лба коснулось что-то влажное и холодное, а потом свет превратился в малюсенькую точку, размером с булавочную головку, и исчез.

После этого его мир то погружался во мрак, то вновь выплывал на поверхность, залитую ярким светом, совсем как в черно-белом кино. Временами он видел образы: снова человек в коричневом балахоне, пустой стул, каменная стена, какие-то люди в более светлых одеяниях стоят и о чем-то спорят. Как-то раз над ним склонились две фигуры, окруженные сиянием, похожие на эльфов: один зеленовато-серебристый, а другой — лазурно-золотой. Тревису показалось, что холодная рука прикоснулась к его лбу.

Держись за жизнь, дорогой. Нам нужно уходить, но мы скоро вернемся.

Так сказал золотой эльф.

Потом перед глазами у него заклубился туман, и все исчезло. Довольно долго он не видел никакого света и решил, что наступил конец, и больше ничего не будет. Но огонь запылал снова, и Тревис понял, что его ждут новые страдания.

Но на этот раз огонь нервничал, словно отчаянно хотел его сжечь, превратить в горстку пепла. Когда пламя набрало силу, пришли галлюцинации: тени, потом руки, которые тянулись к нему, пытались схватить, мужское лицо, искривленное в злобной усмешке, и произнесенное шепотом слово — *кронд*.

— Убирайтесь отсюда! — крикнул кто-то.

Тревис сразу понял, что кричит он сам, но он не имел никакой власти над своим собственным голосом.

— Олриг помоги нам, он весь горит. Сделайте же что-нибудь, мастер Эрион!

— Я не в силах ему помочь, Гроссмейстер.

— Никто из нас не в силах ему помочь. Теперь многое стало нам не под силу. Даже Олриг ничего не может для нас сделать.

Значит, конец близок. В последний раз обжигающий мрак накрыл Тревиса, окутав его складками черного, тлеющего савана. И он все понял. Начались превращения.

Пламя превратило его тело в жесткий раскаленный прут. Он выгнул спину, откинул голову и выкрикнул чужие слова:

— Он пожрет вас!

А потом со всех сторон подступил огонь и превратил мир в пепел.

Темно.

Тихо.

Время уходит.

И вдруг — свет.

Тонкий серый луч прорезал мрак. Стал шире, когда Тревис открыл глаза.

Он заморгал, и свет начал пульсировать в такт сильной, но вполне терпимой боли, которая поселилась у него в голове. Тело ныло, словно его били камнями много дней подряд, но зато он чувствовал его под грубым одеялом и мог пошевелить пальцами рук и ног. Значит, они не сгорели.

Не успев сообразить, что делает, Тревис сел. У него тут же закружилась голова, но он сжал зубы и прогнал неприятные ощущения прочь. Когда он смог снова открыть глаза, то медленно оглядел маленькое, тускло освещенное помещение.

Нет, это не склеп. Но и на обычную комнату не слишком похоже. Скорее, келья. Здесь едва хватало места для узкой кровати, на которой он лежал. Каменные стены были совершенно голыми. Под потолком виднелось маленькое окошко, сквозь которое внутрь лился свет. Еще в комнате стояли простой деревянный стул и стол.

Раздался скрежет, и Тревис увидел, как открылась низкая деревянная дверь. В нее вошел невысокий крепыш в коричневом балахоне, который держал в руках чашку и графин. Заметив, что Тревис на него смотрит, он резко остановился, и на пухлом лице появилось удивление. Затем он криво ухмыльнулся и быстро выскочил в дверь.

Подождите, — хотелось крикнуть Тревису, но ему удалось выдавить из себя лишь невразумительный хриплый стон. Дверь захлопнулась, мужчина исчез.

Может быть, встать с кровати и попытаться его догнать? Тревис сомневался, что ему это удастся, но, прежде чем он пришел к какому-нибудь определенному решению, дверь снова открылась. В маленькую камеру вошли двое мужчин в серых одеяниях, крепыш в коричневом, прихрамывая, маячил у них за спинами. У одного из гостей, судя по всему, ровесника Тревиса, были черные волосы и карие глаза и лицо, изуродованное мно-

гочисленными шрамами. Другой оказался совсем пожилым, с седыми волосами и бородой, а его глаза походили на две холодные синие льдинки. Он опирался на деревянный посох, украшенный искусной резьбой, но, несмотря на возраст, производил впечатление человека сильного и властного.

— Ну, — язвительно заявил черноволосый. — По-моему, он не слишком похож на повелителя рун.

Старик нахмурился.

— Думай, прежде чем что-нибудь произнести вслух, мастер Ларад. Он тебя слышит.

Молодой человек с покаянным видом кивнул, но глаза его с любопытством уставились на Тревиса. Старик подошел к кровати и спросил:

— Тебе известно, что произошло?

Тревис задумался, но у него тут же возникло ощущение, будто он пытается вырезать фигурки из тумана, да еще тупым ножом.

— Я был болен, — сказал он, чувствуя, как слова царапают горло.

Старик кивнул:

— А ты знаешь, кто я такой?

Тревис принялся вглядываться в морщинистое лицо. Сейчас оно было исполнено понимания и мудрости и мира — но он знал, что оно может пылать гневом.

— Я видел вас в таверне. Вы сияющий человек.

Черноволосый рассмеялся.

— Он придумал для вас новый титул, Орагиен. Должен сказать, мне нравится. Звучит гораздо лучше, чем «Гроссмейстер».

Старик наградил своего спутника суровым взглядом, а потом снова повернулся к Тревису.

— Да, я пришел к тебе на помощь в таверне недалеко от города. Но сейчас важно не это.

Тревис перевел глаза на серые, точно дымка, балахоны своих посетителей и все понял.

— Я в Серой Башне, верно?

Старик — Орагиен — серьезно кивнул.

— Верно.

— А вы толкователи рун.

— Да.

Тревис попытался облизнуть губы, но язык превратился в кусок деревяшки.

— Как... я сюда попал?

— Мы тебя призвали, — ответил Орагиен, перехватив свой посох.

Тревис задумался, вспомнил слова, произнесенные на старом кладбище на холме за городом. *Они даже сейчас призывают тебя. Неужели ты не слышишь?*

Значит, вот что имел в виду брат Сай. Однако это все равно не объясняет, что он делает на Зее. Тревис хотел спросить, но сил у него хватило только на одно слово:

— Почему?

Орагиен собрался ему ответить, но его перебил черноволосый молодой человек.

— Все очень просто, мастер Уайлдер. Гроссмейстер утверждает, будто ты спасешь толкователей рун. — Его слова жалили, точно острые осколки стекла.

ГЛАВА 41

Дверь захлопнулась, и Тревис остался один в маленькой келье.

Он тяжело опустился на жесткую койку, тело била мучительная дрожь. И хотя лихорадка прекратилась, а болезнь отступила, Тревис чувствовал себя беззащитным и слабым, как насекомое, лишившееся панциря. Он говорил с Гроссмейстером Орагиеном и другим толкователем рун, острым на язык Ларадом, всего несколько минут. Тем не менее смертельно устал, словно пробежал марафон после недели без сна.

— Нужно время, чтобы ты окончательно поправился, — сказал ему Орагиен. — Мне неизвестно, чем вызвана твоя болезнь. Сначала я думал, что это обычная болотная лихорадка — ты слишком долго находился под дождем, — но твой недуг оказался более серьезным, и ты три дня был в очень тяжелом состоянии. Оставайся в постели до тех пор, пока не окрепнешь.

Ларад бросил быстрый взгляд на старшего толкователя рун.

— А как же вечерний хор? Все хотят видеть героя, которого вы вызвали. Они устали ждать, Гроссмейстер.

Орагиен нахмурил седые косматые брови.

— Замолчи, мастер Ларад. Человек перенес серьезную болезнь, и...

— Нет, со мной все в порядке. Я приду на ваш... хор.

Наверное, на лице у самого Тревиса появилось такое же удивление, как и у обоих толкователей рун. Впрочем, он чувствовал, что между ними существуют некие разногласия относительно его скромной персоны. И ему это показалось даже важнее причины, по которой его призвали с Земли.

И еще, Тревис, обрати внимание на способ, которым они воспользовались. Считается, что толкователи рун не обладают подобными возможностями. Во всяком случае, теперь.

Чем раньше он примет участие в хоре, тем скорее поймет, что происходит на самом деле. Несмотря на слабость, Тревис рассчитывал, что у него хватит сил послушать, как люди в серых балахонах споют несколько песен.

Так он предполагал, когда обещал Орагиену и Ларади, что примет участие в хоре. Но когда они ушли, его вдруг охватили сомнения. Пот струйками бежал по лбу, одеяло стало влажным. Возможно, ему еще рано вставать с постели.

Только после того, как дверь с легким скрипом отворилась, он понял, что задремал. Тревис открыл глаза и увидел, что в келью вошел невысокий человек в коричневой рясе.

— Привет, — сказал Тревис.

Молодой человек подскочил от испуга, но потом его толстые губы расплылись в широкой улыбке. Несмотря на ломоту во всем теле, Тревис не смог удержаться от ответной улыбки. Его гость торопливо пересек келью и поставил на маленький столик возле койки поднос с глиняным горшком, от которого исходил аппетитный запах.

— Что это такое? — спросил Тревис, приподнимаясь на локтях.

В желудке у него заурчал голодный зверь. Хороший знак.

Молодой человек сложил ладонь ковшиком и поднес ко рту. Жест был предельно понятен: суп — еда. Затем повернулся и направился к двери.

— Подожди, — позвал его Тревис, который вряд ли смог бы объяснить, почему так поступил. Может быть, после тяжелой лихорадки ему стало одиноко. Он немного помедлил, пытаясь придумать, что сказать. — Ты не хочешь немного посидеть со мной и поболтать?

Человек покачал головой. Тревис нахмурился. Почему он ничего не говорит?

А если он его просто не понимает? Тревис нашел под одеялом мешочек, в котором лежала половинка серебряной монеты, — он так и остался висеть у него на шее. Конечно, он же говорил с Орагиеном и Ларадом. Так почему же этот человек не хочет с ним поболтать?

Тот показал на свой рот и вновь покачал головой — и Тревис понял.

Все устроено разумно, Тревис. Лучшего слуги, чем немой, толкователям рун не найти. Он уж точно не попытается произнести руну, которую случайно услышит.

— Прошу меня простить, — сказал Тревис.

Мужчина пожал плечами и улыбнулся. Очевидно, он уже давно привык к своей немоте.

— Меня зовут Тревис Уайлдер. А как твое имя?

Как только Тревис задал вопрос, он тут же пожалел о своей глупости. Как несчастный ему ответит? Однако молодой человек не растерялся и показал на себя, а потом на узкую отдушину в верхней части стены.

Тревис нахмурился.

— Окно? Карниз? — Он щелкнул пальцами. — Небо?

Немой слуга кивнул, а потом мотнул головой. Тревис задумался, а потом, ухмыльнувшись, предположил:

— Эмпирей?

Молодой человек энергично закивал, и довольный Тревис открыл рот, собираясь сказать что-нибудь еще. Однако у него получился зевок. Молодой человек — Эмпирей — сложил руки у щеки. Тревис без слов понял его жест.

— Да, поспать не помешает. После супа.

Эмпирей кивнул и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь. Тревис вновь остался один.

Желудок напомнил о себе, и Тревис склонился над столиком. Суп оказался жидким, но пряным и восхитительно вкусным. Сначала Тревис попытался воспользоваться деревянной ложкой, которую принес слуга, но рука дрожала, и он пролил часть супа на одеяло. Тогда он взял весь горшок в руки и стал пить.

Даже такие минимальные усилия утомили Тревиса. Он трясущимися руками поставил горшок на столик и вновь улегся. Хотелось хорошенько обдумать все, что с ним произошло, но почти сразу же на него навалился сон.

Когда Тревис проснулся во второй раз, идущий от окна свет совсем потускнел. До него донеслось негромкое воркование голубей. Вечер.

Тревис заморгал, понял, что после супа и долгого сна ему стало значительно лучше, и решительно сел.

— Значит, наш повелитель рун наконец проснулся.

Тревис далеко не сразу нашелся, что сказать.

— Мастер Ларад. Я... не знал, что ты здесь.

— Откуда тебе знать, — ответил темноволосый толкователь рун. — Ты спал, когда я вошел.

Тревис поморщился, Ларад говорил слишком жестко. «Интересно, сколько времени он наблюдал за мной», — подумал Тревис.

Толкователь рун показал на окно.

— Солнце уже зашло за горизонт. Сейчас соберется хор.

— А где Орагиен? — поинтересовался Тревис.

— Разве тебе недостаточно в качестве сопровождающего простого мастера?

Тревис сжался. «Я имел в виду совсем другое», хотел сказать он, но сообразил, что лучше помолчать. Черные глаза Ларада внимательно смотрели на него, шрамы на лице в тусклом свете выделялись еще заметнее.

— Здесь сложена твоя одежда.

Ларад кивнул в сторону стула.

Тревис хотел сбросить одеяло, но вспомнил, что обнажен. Однако Ларад не собирался отворачиваться. Похоже, он отлично знал, что одетый человек имеет моральное преимущество перед голым. Тревис сжал зубы и опустил ноги на холодный каменный пол.

Ему пришлось тут же забыть о скромности, так сильно закружилась голова. Но вскоре келья перестала раскачиваться у него перед глазами, и Тревис, опираясь рукой о стол, встал. Мастер Ларад и не подумал ему помочь. Тревис несколько мгновений постоял на месте, в горле пересохло, плечи ссутулились, и он вдруг подумал, что так, наверное, чувствуют себя очень старые люди.

Подойдя к стулу, Тревис увидел, что все его вещи аккуратно сложены. Он взял серый балахон и неловко надел его через голову. Балахон был чистым и приятно пах, следы грязи и крови исчезли. Сапоги из оленьей кожи также привели в порядок. Тревис натянул их и почувствовал, как на него навалилась усталость, даже такие простые действия давались с трудом. Стилет остался лежать на стуле, внутри сложенного плаща. С некоторым опозданием Тревис вспомнил об очках, но тут же усмехнулся, сообразив, что заснул, забыв их снять. Вероятно, толкователи рун не знали, как к ним отнестись, и оставили их у него на носу.

— Спустились сумерки, мастер Уайлдер, — сказал Ларад. — Хор ждет.

Судя по всему, толкователи рун серьезно относились к пению. Тревис кивнул, сделал глубокий вдох и двинулся к выходу из кельи. Ларад протянул руку, чтобы открыть дверь.

— Тебя не радует мое присутствие, Ларад? — спросил Тревис у толкователя рун.

Ларад замер, а потом приподнял бровь, отчего шрамы на лице пришли в движение.

— Гроссмейстер Орагиен считает, что ты можешь оказать помощь толкователям рун в эти трудные времена.

Тревис постарался не рассмеяться в ответ на столь абсурдное заявление. Сейчас он даже стоять ровно не мог.

— Но ты так не думаешь, верно?

Ларад пожал плечами, его темные глаза оставались непроницаемыми, как дымчатое стекло.

— То, что думаю я, значения не имеет.

Но должно, — мысленно договорил Тревис. По спине пробежал холодок. Инстинкты говорили ему, что этот человек очень умен. И опасен.

Тревис облизнул губы.

— Это... не мой мир, Ларад.

Мастер посмотрел на него и кивнул.

— Нам известно о тебе все, мастер Уайлдер.

— Тогда скажите, как вам удалось меня вызвать? На Зею?

Ларад наморщил лоб, и шрамы вновь пришли в движение.

— Орагиен получил помощь.

— От кого?

В первый раз за все время на лице Ларада появились какие-то эмоции — гнев.

— Из источника, который я не намерен обсуждать. И если бы он не был Гроссмейстером, кое-кто из нас мог бы обвинить его в ереси.

Как это только что сделал ты, — захотелось сказать Тревису. Однако лицо Ларада вновь обрело спокойствие, алебастровая погребальная маска из древнего склепа: потрескавшаяся и безмятежная. Он распахнул дверь кельи.

— Пойдем, мастер Уайлдер, нам пора.

ГЛАВА 42

Серая Башня толкователей рун была построена семь столетий назад — Тревису поведал о ней Фолкен Черная Рука. Стоило ему закрыть глаза, и он слышал голос барда, рассказывающего легенды о трех башнях, воздвигнутых после падения Малакора: последние бастионы, сохраняющие знания повелителей рун.

Тревис шагал за мастером Ларадом и очень скоро убедился, что и без рассказов Фолкена понял бы, насколько эта башня древняя. Сами камни свидетельствовали о чуждом и необычном отношении строителей к своему ремеслу. Треугольные арки, изогнутые колонны, диковинные извивы которых радовали глаза людей, давно обратившихся в прах. На гладком сером камне не заметно ни швов, ни трещин. Ему еще не приходилось видеть ничего подобного на Зее — грубым крепостям и замкам далеко до столь изощренной архитектуры.

Тревис видел такие же отшлифованные стены, диковинные углы и изгибы внутри Белой Башни вязателей рун. Только цвет стен был иным — кость вместо тумана. Однако Белая Баш-

ня рухнула столетия назад из-за глупости строителей при возведении фундамента; такая же судьба постигла Черную Башню. Эта последняя из трех.

Несмотря на недавнюю болезнь Тревиса, мастер Ларад шагал вниз довольно быстро; ничего не оставалось, как следовать за ним по широким ступеням, спиралью уходящим в самое сердце башни. Перил не было, а в центре лестницы находился колодец в дюжину футов шириной. Тревис поднял голову и заметил пробивающийся сквозь щели в далеком куполе тусклый свет, придававший серым стенам фиолетовый оттенок.

Через каждые несколько шагов они проходили мимо деревянной двери во внешней стене. Тревис догадался, что каждая из них ведет в небольшую келью, вроде той, в которой он проснулся.

Тревис нечаянно наступил на край своего серого одеяния и едва не свалился в лестничный колодец. Сильная рука схватила его за плечо и оттащила назад.

— Поосторожнее, повелитель рун. Правда, возможно, ты владеешь руной полета. В противном случае костей ты не соберешь.

Тревис сглотнул, испуганно посмотрел на Ларада и молча кивнул. Ларад усмехнулся и несколько секунд холодно разглядывал Тревиса. Затем отвернулся и начал спускаться дальше; Тревису ничего не оставалось, как последовать за ним. Ларад уже по меньшей мере в третий раз назвал его *повелителем рун.* Но почему?

Тревис плохо себе представлял, кто такие повелители рун и откуда они взялись. Ему рассказывали, что они были величайшими волшебниками в истории Зеи и охраняли Имсари после того, как более тысячи лет назад три Великих Камня достались им в качестве добычи после победы над Бледным Властелином. Затем, через несколько сотен лет, сразу после падения древнего королевства Малакор, повелители рун исчезли вместе с тремя камнями Имсари.

Так почему же Ларад упорно называет его *повелителем рун?* Тревис не был волшебником, да и прожил он вовсе не семьсот лет. Возможно, Ларад просто издевается над ним. И чем больше Тревис размышлял о жестком выражении изборожденного шрамами лица Ларада, тем более логичным ему казалось такое объяснение.

Наконец лестница закончилась, и они оказались в небольшом овальном помещении, хотя лестничный колодец, как и прежде, уходил вниз. Тревис не успел туда заглянуть — Ларад взял его за руку.

— Сюда, мастер Уайлдер.

Три коридора выходили из сердца башни. Тревис последовал за Ларадом к ближайшему; затем они миновали одну из диковинных треугольных арок и остановились на мгновение перед небольшой винтовой лестницей. Камень стен казался здесь

особенно тяжелым и толстым, и, хотя Тревис почти потерял ориентацию после долгого спуска, у него возникло ощущение, что лестница находится внутри внешней стены башни. Они спустились еще на пятьдесят ступенек и оказались на маленькой площадке. Бледный свет пробивался через вторую арку вместе с шипящим шепотом камней.

Ларад слегка подтолкнул Тревиса вперед. Он прошел под аркой и невольно ахнул. Так вот что он видел, когда заглядывал в лестничный проем.

Помещение для хора толкователей рун занимало все основание Серой Башни. Впрочем, «занимало» — не совсем правильное слово, поскольку оно не было высечено из камня, а скорее соткано из воздуха и жемчужно-серого света. Идея оказалась довольно простой, но поражающей воображение, так что Тревису оставалось лишь восхищаться, как всего несколькими удачными штрихами строителям удалось создать такое огромное пространство.

Помещение хора имело очень необычную форму — нечто среднее между круглой и треугольной. Вдоль стен стояли семь рядов каменных скамеек, окружавших центральный помост. Тут и там виднелись вертикальные щели в стенах, и, хотя сквозь них трудно было разглядеть что-нибудь определенное, Тревису удалось увидеть — точно сквозь глазок детского калейдоскопа — размытые образы далеких гор на фоне угольно-черного неба. И хотя здесь хватило бы места для нескольких сотен толкователей рун, Тревис не насчитал и сотни мужчин в серых балахонах, сидевших на нижних рядах. Но ведь Фолкен говорил, что толкователи рун уже не пользуются прежней популярностью.

Воздух наполнил легкий шепот голосов, похожий на шум океанского прибоя внутри морской раковины. Потом Тревис начал различать отдельные слова.

— Добрый вечер, мастер Уайлдер.

Приветствие было произнесено обычным голосом, но Тревис отчетливо его услышал, и тут до него дошел смысл конструкции этого помещения: все здесь подчинялось единственной цели — усиливать даже самый слабый звук.

Чему ты удивляешься, Тревис? Чтобы произнести руну, не приведя ее в действие, необходимо, чтобы она прозвучала спокойно, без усилий и эмоций. Здесь мастер в состоянии произнести руну так, что его услышат все ученики.

Слова приветствия стали стихать, но не исчезли, а смешались с общим шепотом, наполнявшим помещение хора. Стоило Тревису напрячься, и он мог выделить их среди моря голосов.

Послышался новый шепот — на сей раз он прозвучал резко и четко — прямо Тревису в ухо.

— Ты считаешь себя выше того, чтобы ответить Гроссмейстеру на приветствие, повелитель рун?

Тревис поморщился, замигал и увидел, что Орагиен стоит на центральном помосте и смотрит в его сторону. Тревис поклонился Гроссмейстеру.

— Привет, — сказал он и вновь поморщился, так неожиданно громко прозвучали его слова.

Ларад бросил на него свирепый взгляд, и даже Орагиен поджал губы. Тревис прикусил язык.

Ларад повел Тревиса к передним рядам скамеек, и он шел, чувствуя, как его рассматривают сотни глаз. Тогда Тревис решил сосредоточиться на том, чтобы не наступить на полы своей рясы, и вскоре со вздохом облегчения опустился на скамью, когда Ларад указал его место.

— Сегодня ты выглядишь значительно лучше, — послышался рядом с ним пронзительный голос. — В прошлый раз, мастер Уайлдер, ты был больше похож на кусок мяса, который Эмпирей забыл перевернуть на жаровне.

Тревис настолько смутился из-за строгих взглядов Ларада, что даже не заметил толкователя рун, сидевшего рядом с ним. Повернувшись, он посмотрел на невысокого толстенького человечка средних лет, на серой рясе которого виднелись следы еды и вина. Несмотря на морщины вокруг рта и глаз и редеющие волосы, в его лице было что-то мальчишеское. К тому же, толкователь рун показался Тревису смутно знакомым. Может быть, они уже встречались?

— Это мастер Эрион, — сказал Ларад, понизив голос исключительно для того, чтобы показать Тревису, как следует себя вести. — Он ухаживал за тобой, пока ты болел.

Конечно. Вот почему его лицо показалось знакомым; должно быть, Тревис видел его во время болезни.

— Спасибо за помощь, — сказал Тревис.

Мастер Эрион улыбнулся, и на щеках появились ямочки.

— Не стоит. Рад, что ты поправился. У тебя была сильная лихорадка. Я даже боялся, что горячки не избежать.

От его слов Тревису стало не по себе. Он вспомнил газетный заголовок: «НЕКОТОРЫЕ ДОКТОРА НАЗЫВАЮТ ЭТУ БОЛЕЗНЬ "НОВОЙ ЧЕРНОЙ СМЕРТЬЮ"». Тревис собрался расспросить Эриона поподробнее, но тут послышался голос Гроссмейстера.

— Наш хор начинается. Пусть слова и мысли наши сложатся в единое целое.

Тревис поднял голову и увидел, что Орагиен взошел на возвышение. Гроссмейстер опирался на свой посох, однако он больше не казался хрупким стариком. Его глаза стали прон-

зительными, как у ястреба, а седые волосы и борода сияли в льющемся сверху рассеянном свете. Вот только Тревис нигде не заметил ни факелов, ни свечей. Интересно, как освещается зал?

Повинуясь инстинкту, Тревис слегка наклонил голову и прислушался... и уловил одно слово, плещущееся среди бесконечных набегающих волн. *Лир.*

Он удивленно вздохнул. Сколько же времени руна будет парить в воздухе, наполняя зал мягким сиянием? Наверное, до тех пор, пока кто-нибудь не произнесет руну *бри,* и тогда занавес тьмы вновь опустится на зал.

Тревис наклонился к мастеру Эриону.

— И теперь вы все начнете петь?

— Петь? — На пухлом лице толкователя рун появилось недоумение. — Нет, пения не будет, мастер Уайлдер.

Теперь пришел черед Тревиса удивляться.

— Но ведь это называется хор.

— Точно — наступает время, когда каждый из нас может говорить, и все голоса сливаются в хор.

Прежде чем Тревис успел задать очередной вопрос, Орагиен заговорил снова, и каждое его слово эхом разнеслось по всему залу.

— Вы видите, что мастер Уайлдер пришел в себя после болезни, которая мучила его с того момента, как он оказался среди нас. Теперь пришло время рассказать ему, зачем мы призвали его сюда.

Орагиен замолчал, и все закивали, послышались слова одобрения. Гроссмейстер повернулся в сторону Тревиса, теперь он обращался исключительно к нему.

— Мастер Уайлдер, я знаю, что ты некоторое время занимался с мастером Джемисом в Кейлавере, но нам неизвестно, чему он успел тебя научить. Мне не удалось поговорить с мастером Джемисом до того... как он покинул наш мир.

Тревис стиснул зубы.

Ты хотел сказать — до того, как Джемиса задушил его ученик Рин, который получил железное сердце и стал слугой Бледного Властелина.

Однако он не стал прерывать Гроссмейстера.

— История толкователей рун насчитывает много столетий, — продолжал Орагиен. — И нам есть, чем гордиться. Однако многие об этом успели забыть. Не знаю, рассказывал ли тебе Джемис, что теперь толкователи рун... не пользуются прежним уважением.

Послышался громкий смех. Мастер Ларад.

— Мы уже совсем не такие, как прежде.

Орагиен бросил в сторону Ларада неодобрительный взгляд. Черноволосый толкователь рун никак не отреагировал на Гроссмейстера, но больше ничего не сказал.

— В последнее время, — заговорил Орагиен, — кое-кто даже стал нас ненавидеть. Боюсь, ты уже успел столкнуться с враждебным отношением в городе, что расположен неподалеку.

Тревис покачал головой.

— Но почему? Почему люди так не любят толкователей рун?

Орагиен пожал плечами.

— Мы множество раз задавали себе этот вопрос. Когда-то все благородные лорды отправляли к нам своих младших сыновей, чтобы они поступили учениками к толкователям рун. К нам приезжали многие, но мы принимали только самых способных. Теперь сюда приходят лишь случайные люди, и мы рады всем, кого судьба нам посылает. Как видишь, молодых толкователей рун среди нас совсем немного.

Тревис окинул взглядом зал. Он заметил небольшую группу юношей — всего около полудюжины — и нескольких молодых мужчин, которым еще не исполнилось тридцати, все остальные были старше самого Тревиса.

— Теперь у простых людей появился еще один повод ненавидеть нас, — сказал Орагиен, — хотя их страхи ни на чем не основаны.

— Огненная болезнь. — Слова слетели с губ Тревиса прежде, чем он успел подумать.

Орагиен мрачно кивнул:

— Да, она пришла весной нынешнего года вслед за ужасной жарой, которая высушила наши земли. Огневики. Никто не знает, откуда они взялись и каковы их цели. Но нам хорошо известно, что прикосновение к ним вызывает болезнь, от которой человек сгорает изнутри.

— Или становится таким же, как они, — добавил сидящий напротив толкователь рун, один из самых молодых.

Орагиен посмотрел на него.

— Нам это неизвестно, Темрис. Во всяком случае, наверняка. До нас доходили слухи, которые повторяют крестьяне.

Нет, — захотелось вмешаться Тревису, — *он прав. Я сам видел фотографии. Это не совсем болезнь. Они действительно становятся другими, превращаются.*

Однако он не смог произнести ни слова. Такого просто не может быть. И все же... В противном случае не появился бы брат Сай. И человек, сгоревший у него в салуне, и жуткие тела на фотографиях, которые показал ему Адриан Фарр, даже жара. Все это связано с тем, что происходит на Зее.

— Именно мы дали имя огневикам, — продолжал Орагиен. — *Крондримы,* так мы их называем. Люди Огня. Однако мы совершили ошибку. С тех пор кое-кто начал думать, будто крондримы созданы нами.

Смехотворно, но вполне понятно, люди склонны во всем винить того, кто приносит дурную весть. Теперь Тревис сообразил, почему его серая ряса так не понравилась посетителям таверны; они считали, что вслед за ним появится страшная болезнь. Но он до сих пор не понимал, зачем его вызвали сюда, на Зею, в Серую Башню. Он сделал глубокий вдох. Конечно, вопрос прозвучит слишком эгоистично, но он должен его задать.

— А какое это имеет отношение ко мне?

Тревис не сводил глаз с Орагиена, но почувствовал, как остальные толкователи рун зашевелились и начали перешептываться.

Руки Орагиена еще крепче сжали посох.

— Толкователей рун несправедливо обвинили в том, что они сотворили ужасное зло. Есть только один способ вернуть уважение нашему Ордену. Нам необходимо изгнать крондримов из нашей страны. И мы вызвали на помощь тебя.

Идея показалась Тревису такой бессмысленной, что он даже не нашел слов для ответа. К тому же, он не разделял уверенности Гроссмейстера в том, что изгнание огневиков изменит отношение простых людей к толкователям рун. Если толкователи рун покажут, что им по силам избавить Зею от крондримов, появится еще больше оснований считать, что именно они создали это зло. Судя по усилившемуся шепоту, многие разделяли его тревогу. Однако в рассуждениях Гроссмейстера имелся и более серьезный просчет. Голос Тревиса прозвучал, как хрип умирающего.

— Но как я могу вам помочь в борьбе с крондримами?

— А кто еще может оказать нам помощь, если не ты, мастер Уайлдер? — ответил Орагиен. — Разве ты не являешься наследником повелителя рун Джакабара?

Шепот собравшихся в зале стал заметно громче, наполнив шумом голову Тревиса.

— Джек? Вы имеете в виду Джека Грейстоуна?

— Да, мастер Уайлдер. Джакабар из Грейстоуна был повелителем рун. — Орагиен поднял свой посох и направил его в грудь Тревиса. — Как и ты.

ГЛАВА 43

— Что ты хочешь мне рассказать, Грейс? — спросил Бельтан, в голосе которого слышалась грусть.

Грейс обернулась. Они с Даржем отвели Бельтана в сторону, оставив своих спутников возле пылающего костра. Дейнен задавал вопросы, которых Грейс не слышала и на которые

пыталась ответить Лирит, а Тира сидела на корточках и под наблюдением Эйрин играла на земле со своей обгоревшей куклой. Меридар стоял неподалеку, положив руку на рукоять меча, на его простом лице застыло жесткое выражение — а взгляд смягчался лишь в те мгновения, когда останавливался на юной баронессе. Грейс вздохнула и повернулась к Бельтану и Даржу.

— Бельтан, я бы очень хотела, чтобы ты отправился с нами. Думаю — нет, я не сомневаюсь, что нам пригодилась бы твоя помощь. Но, — она обвела рукой деревянные форты, — ты уверен, что можешь уехать с нами?

Соломенные усы рыцаря опустились.

— Что вы имеете в виду?

Дарж откашлялся.

— Сэр Бельтан, мне кажется, леди Грейс имеет в виду, что полученный приказ не позволит тебе оставить твой отряд.

Бельтан посмотрел на него и ухмыльнулся.

— Ну, тут не о чем беспокоиться. Я сам отдаю приказы. Мы договорились об этом с сэром Ведаром, когда я вступил в Орден Малакора.

— Звучит разумно, — заметила Грейс.

— Конечно. — Бельтан встретил ее взгляд, и улыбка погасла. — Но я не забыл о своем долге, леди Грейс. Мне необходимо найти причину пожаров. И теперь мы знаем, что речь идет об огневиках. Так что я поступлю правильно, если отправлюсь вместе с вами.

Глубокие морщины появились на лбу Даржа.

— Как так?

Грейс посмотрела на Бельтана — как и Дарж, она не увидела в словах Бельтана логики.

Светловолосый рыцарь поскреб подбородок.

— Значит, вы не думаете, что существует связь между появлением Тревиса и этих существ? Я говорю о крондримах.

Грейс разинула рот, но так и не нашла, что сказать. Как она сама не сообразила? Все ее сны о Тревисе исполнились: огнедышащий дракон, алая звезда, пламя пожаров. И его черные глаза, которые однажды заглянули к ней в душу. Но после того как она видела Тревиса в Серой Башне, сны прекратились. Теперь же Грейс вспомнила их, и ее начало отчаянно трясти.

Две сильные мозолистые руки легли ей на плечи.

Грейс слабо улыбнулась.

— Плохо мое дело, если требуется два рыцаря в сияющих доспехах, чтобы меня поддержать.

Дарж приподнял бровь.

— Миледи?

Она покачала головой и жестом показала, что с ней все в порядке.

Однако в глазах Бельтана застыла тревога.

— Вы здоровы, леди Грейс?

Как странно, когда такой вопрос задают врачу. Она глотнула воздуха и кивнула.

— Ты просто застал меня врасплох, Бельтан, вот и все. Мне и в голову не приходило связать... Тревиса и огневиков. Думаю, Даржу тоже.

Дарж лишь покачал головой.

Бельтан пожал могучими плечами.

— Извините. Мне казалось, что это очевидно. Обычно вы с Даржем соображаете быстрее меня.

На губах Грейс промелькнула быстрая улыбка.

— На твоем месте я бы на это не особенно рассчитывала.

Они присоединились к остальным и сообщили, что Бельтан будет сопровождать Грейс и Даржа во время путешествия к Серой Башне. Лицо Эйрин осветилось улыбкой.

— О Бельтан! — воскликнула она и стала гораздо больше похожа на юную девушку, чем на молодую женщину, экспериментирующую с недавно обретенной силой.

Она подбежала к огромному рыцарю и обняла его.

Улыбка Бельтана превратилась в гримасу боли. На лице Эйрин появилась тревога, и она испуганно отступила на шаг. Рыцарь побледнел и прижал руку к левому боку.

Лирит подошла к Бельтану и положила смуглую руку на рукав его зеленой куртки.

— Вам нехорошо, сэр рыцарь?

Грейс опередила Бельтана.

— Тебя беспокоит старая рана. Та, что ты получил в канун Дня Среднезимья, не так ли?

Он выпрямился, гримаса боли исчезла, но Грейс видела, как он стиснул зубы, и чего стоило Бельтану это усилие.

— Немного, — признался он. — Иногда она напоминает о себе. Но она заживает. Так что беспокоиться не о чем.

Очень даже есть о чем, хотелось сказать Грейс.

Рана в боку, которую Бельтан получил во время сражения с фейдримами, должна была его убить. Так бы и произошло, если бы не вмешательство светлых эльфов. Грейс поджала губы и промолчала.

Бельтан рассмеялся.

— К тому же, какой рыцарь без боевых шрамов?

Грейс понимала, что он сказал это для Дейнена и Тиры, внимательно прислушивавшихся к разговору. Мальчик ух-

мыльнулся, и даже на лице Тиры промелькнула улыбка, которая, впрочем, тут же погасла, и девочка вновь склонилась над куклой.

— Мне нужно переговорить с сэром Тарусом, — сказал Бельтан Грейс и Даржу. — Соберите свои вещи, а потом найдите меня.

Через пятнадцать минут они разыскали Бельтана на другой стороне лагеря, возле самого большого из четырех фортов, где он разговаривал с рыжеволосым сэром Тарусом. Рыцари стояли рядом, касаясь плечами и склонив друг к другу головы. Они замолчали, увидев, что к ним подходят Грейс и ее спутники.

Тарус улыбнулся Лирит.

— Неужели я вас так сильно обидел, миледи, что вы решили немедленно покинуть наш лагерь?

— Нет, мой добрый сэр Тарус, — ответила Лирит. — Но объясните мне, неужели необходимость носить доспехи мешает рыцарям мыться?

Молодой рыцарь не отступил перед ее натиском.

— Вовсе нет, миледи. Мы просто считаем, что такое поведение пристало настоящему мужчине.

На маленьком носике Лирит появились складочки.

— Понятно.

Тарус рассмеялся, а лицо Лирит озарилось одной из ее таинственных улыбок.

— Сэр Тарус, — позвал Бельтан, и рыжеволосый рыцарь тут же повернулся к нему.

— Да, милорд?

Бельтан протянул свернутый пергамент, запечатанный воском.

— Здесь мое послание для сэра Ведара. В нем объясняется, почему я решил сопровождать герцогиню Беккеттскую в Ар-Толор и далее. Постарайтесь, чтобы он его получил.

— Не беспокойтесь, милорд.

Тарус отвечал бодро, но в его глазах появилась печаль. Он взял послание, но продолжал смотреть на Бельтана.

Бельтан повернулся, послышался легкий звон — под зеленым плащом он теперь носил кольчугу.

— Сэр Меридар, — сказал он, — разве вы не собирались присоединиться к Ордену Малакора после того, как проводите леди Грейс до Перридона?

Меридар вздрогнул — казалось, он удивился, но потом кивнул.

— Да, именно так я и намеревался поступить.

— Трудно сказать, сколько пройдет времени, прежде чем мы сумеем выполнить приказ короля и доставить леди Грейс в замок Спардис. Если хотите, можете вступить в Орден сейчас и остаться с сэром Тарусом. Я отправлю послание Бореасу, где сообщу, что освободил вас от обязательств перед ним.

Грейс уже была готова согласиться — предложение Бельтана показалось ей разумным, — однако Меридар ее опередил.

— Я не отрекусь от своего долга, сэр рыцарь, — холодно сказал Меридар.

Бельтан отступил на шаг, а Грейс удивленно посмотрела на Меридара. На его простом лице не отражалось никаких эмоций, но ей показалось, что левая щека молодого рыцаря слегка подергивается. Затем Меридар резко развернулся и решительно зашагал к своей лошади.

Бельтан бросил быстрый взгляд на Грейс.

— С ним все в порядке?

К удивлению Грейс, в разговор вмешалась Эйрин.

— Я поговорю с ним, — сказала она.

Баронесса последовала за рыцарем. Грейс задумчиво покачала головой. Похоже, она недооценила подругу. Или Эйрин ведет себя, как самая обычная девушка девятнадцати лет: ребенок, который пытается побыстрее стать взрослым, но не потерять при этом самого себя.

Дарж посмотрел на небо сквозь плотную листву деревьев.

— Скоро стемнеет, — сказал он.

— Тогда нам пора, — сказал Бельтан. Он посмотрел на рыжеволосого рыцаря. — Удачи тебе, Тарус. Я уверен, что ты будешь прекрасным командиром. Лучше меня.

Молодой рыцарь покраснел и отсалютовал сжатым кулаком.

— Да хранит вас Ватрис.

Бельтан кивнул.

— И еще одно, сэр Бельтан, — Тарус набрал в легкие побольше воздуха, — я бы хотел... нам будет вас не хватать, милорд.

Грейс изучающе взглянула на сэра Таруса, а потом кивнула — она поставила диагноз. Все признаки налицо: долгие взгляды, касания рук, тихие разговоры. Кто знает, делили ли они постель, но молодой рыцарь явно боготворил Бельтана. И у нее сложилось впечатление, что тот принимает обожание Таруса, ведь юный рыцарь был не только умным и добрым, но и красивым.

Однако улыбка быстро исчезла с лица Бельтана, он отвернулся, и в глазах у него появилось озабоченное выражение, словно они уже подъезжали к Серой Башне. Бельтан не заметил, как поникли плечи Таруса, но от внимания Грейс это не ускользнуло. Объект любви всегда легче переносит расставание, чем тот, кто любит, верно? Грейс поклялась себе никогда не забывать об этом, словно ей требовалась еще одна причина избегать сильных чувств.

Когда подошли к лошадям, Грейс услышала тихий разговор. Эйрин беседовала с Меридаром, не спуская с него внимательного взгляда васильковых глаз, а тот застыл в неловкой

позе и смотрел в землю. Однако Грейс не удалось понять, о чем речь, а когда подошли остальные, Эйрин и Меридар замолчали.

Меридар вскочил в седло.

— Я поеду последним, — сказал он и развернул коня, бро последний взгляд на Эйрин.

Все сели на лошадей и последовали за чалым жеребцом Бел тана. Вскоре деревья сомкнулись за ними, и лагерь скрылся из виду.

Весь день они ехали по лесу. Как и прежде, Тира сидела н Шандис перед Грейс, а Дейнен вместе с Лирит. Женщины старались держаться рядом, а Дарж и Бельтан скакали немного впереди. Меридар замыкал отряд, но Грейс изредка слышала стук копыт его боевого жеребца.

Царившее в лесу безмолвие должно было бы успокоить Грейс — она любила тишину. Однако сейчас она действовала ей на нервы, и ее пальцы все сильнее сжимали поводья Шандис. Через час Грейс решила подъехать к Эйрин и спросить у баронессы, что сказал Меридар. Однако ей не хотелось нарушать тишину. Даже Дейнен, обычно болтавший, как бельчонок, больше молчал, а когда его тонкий голос разносился по мрачному лесу, Лирит резко его обрывала.

Когда цвет деревьев стал меняться с зеленого на серый, лес неожиданно закончился. Они остановились перед узкой, покатой равниной, идущей параллельно лесу, и Грейс тихонько вздохнула. Примерно в двух фарлонгах* впереди, в меркнущем свете заходящего солнца, поблескивала серебристая лента. А еще дальше она заметила пять симметричных арок моста, под которым несла свои быстрые воды река.

— Воздух переменился, — проговорил Дейнен, — я чувствую воду.

— У тебя чуткий нос, — ответила Лирит. — Перед нами Димдуорн, река Темноструйная.

— Может быть, подождать до завтра? — спросил Дарж. — Уже почти стемнело.

Бельтан покачал головой.

— Нет, лучше перейти мост сейчас. Противоположный берег повыше, там удобнее разбить лагерь. — Его улыбка озарила сумрак. — Если только вы не предпочтете провести ночь среди болот.

Такая перспектива ни у кого не вызвала энтузиазма, и путешественники поскакали к мосту.

Грейс и сама не понимала, почему почувствовала облегчение, когда копыта Шандис застучали по камням. Пока они двигались на восток, Димдуорн отделяла ее от Тревиса. Пусть уж лучше река

* мера длины, 201,17 м.

останется за спиной. Плотной группой всадники въехали на Тарасский мост.

На середине моста Дейнен склонил голову к плечу и принюхался.

— Теперь я чувствую запах дыма.

Эйрин нахмурилась.

— И я тоже.

Грейс сделала глубокий вдох. Да, в воздухе появился едкий привкус дыма. Бельтан поднял руку, дробный стук копыт прекратился, и маленький отряд замер посреди моста. Грейс нервно огляделась. *Почему мы остановились?* — хотела спросить она, но слова так и не сорвались с ее языка.

На противоположном берегу реки к мосту приближались какие-то существа. Сумрачные тени, похожие на тщедушных людей, но темные, точно приближающаяся ночь. Неожиданно поднялся знойный ветер, пронесся над мостом, словно подхваченный сквозняком раскаленный воздух жаровни. Рядом кто-то сдавленно вскрикнул, и один из рыцарей выругался.

Маленькая рука коснулась щеки Грейс. На нее смотрели испуганные глаза Тиры.

— Огневики приближаются, — прошептала Грейс.

Тира кивнула, опустила глаза и принялась укачивать свою куклу.

ГЛАВА 44

Серебристый сумрак струился над землей по обе стороны реки Димдуорн: тающая граница между днем и ночью.

— Скольких ты видишь? — спросил Дарж; спокойная улыбка на лице рыцаря призрачным сиянием выделялась в темноте.

Бельтан заставил своего скакуна сделать несколько шагов вперед, пытаясь разглядеть противоположный берег и подходы к мосту.

— Трудно сказать. — Он покачал головой. — Трое или четверо.

Грейс попыталась сосчитать кронdrимов, но ей никак не удавалось удерживать их в поле зрения. Они растворялись во тьме и тут же вновь возникали, но уже немного ближе к мосту. Возле земли Грейс заметила красные сполохи, словно у них под ногами распускались алые цветы. Трава вспыхивала и быстро сгорала, превращаясь в пепел. По этим предательским огням ей и удалось понять, сколько врагов поджидает их на другом берегу.

— Их пятеро, — сказала она, и горячий ветер превратил ее голос в хриплое карканье.

Огневики уже почти подошли к реке и растянулись полукругом, не давая путникам возможности проскочить мимо. Через две минуты кронджимы будут на мосту.

Раздался стук копыт, Меридар выехал вперед.

— Сэр Бельтан, разве ваши люди не отслеживали перемещения этих чудовищ? Неужели вы не знали, что они будут здесь?

Бельтан закинул плащ за плечи, и его кольчуга блеснула в бледном вечернем свете.

— Да, мы получали сообщения, что их видели около реки. Однако я не знал, что им удалось продвинуться так далеко на юг и оказаться рядом с Ар-Толором.

— Что будем делать? — спокойно спросила Лирит, и ее голос благотворно подействовал на воспаленные нервы Грейс.

Бельтан взглянул на колдунью.

— Известно, что они перемещаются довольно медленно. И сжигают лишь то, что попадается им на пути. Если мы вернемся назад, то сможем легко ускользнуть от них.

Холодная игла впрыснула инъекцию паники в грудь Грейс.

— И тогда мы не сможем перейти мост. А в другом месте есть переправа?

Он посмотрел ей в глаза и покачал головой.

— Мне очень жаль, леди Грейс.

Она кивнула. У них нет выбора. Как теперь пересечь реку и добраться до Тревиса до наступления полнолуния, Грейс не знала. Но Тревису не станет легче, если они превратятся в пепел. Нужно поворачивать обратно.

Дарж тронул поводья, и Черногривый подошел к Шандис. Рыцарь протянул руку и после коротких колебаний положил затянутую в перчатку ладонь на плечо Грейс.

— Поехали, миледи.

Она быстро сжала его запястье. Путешественники развернули лошадей и поскакали по мосту обратно. Тира прижалась к Грейс, и она обняла девочку.

Когда они приблизились к западному краю моста, Лирит негромко спросила:

— Лорд Бельтан, ваши люди могут оказаться близко от реки?

Он нахмурился и вопросительно посмотрел на Лирит.

— Иногда они здесь бывают. А почему вы спрашиваете?

— Я заметила факелы среди деревьев.

Грейс прикусила губу. Теперь она тоже видела возникающие на фоне темных деревьев и тут же исчезающие красные искры, в четырехстах ярдах впереди. Затем огни переместились на открытый участок земли между лесом и рекой.

— Это не факелы, — громко сказала Грейс.

Бельтан тихонько выругался.

— Их там не меньше десятка, — сказал Меридар. — Наверное, двадцать.

— И даже больше, — выдохнул Дарж.

Тщедушные, но многочисленные существа приближались со всех сторон к западному концу моста, оставляя за собой извивающиеся хвосты огня.

Сдавленный стон сорвался с губ Эйрин.

— Я не понимаю, что им от нас нужно?

— Возможно, ничего, — ответил Бельтан. — Мы не знаем, чего они хотят. Просто нам не повезло, и мы оказались у них на пути.

— Нам следует вернуться к восточному концу моста, — заметил Дарж. — Там их значительно меньше.

Бельтан кивнул:

— И если удастся проскочить мимо них, мы легко уйдем от тех, что остались на западном берегу.

Но как мы пройдем мимо тех пятерых? — хотела сказать Грейс, но в горле у нее так пересохло, что она промолчала.

Они вновь развернули своих скакунов и устремились к противоположному концу моста. Лошади фыркали и закатывали глаза, чуя огонь.

— Мне страшно, — дрожащим голосом сказал Дейнен.

Лирит обняла мальчика и прижала его к себе.

Пять кронdримов на восточном берегу приближались к мосту. Им оставалось пройти тридцать ярдов, стебли травы вспыхивали после каждого их шага.

Бельтан тяжело соскочил со своего жеребца, послышался глухой звон кольчуги.

— Всем спешиться, — приказал он. — Нам будет трудно удерживать лошадей, когда огневики подойдут слишком близко.

Дарж вытащил из-за спины меч. Тусклый свет, отражающийся от поверхности воды, блеснул на стали клинка, и по нему побежали алые сполохи.

— Миледи, — сказал он, обращаясь к своим спутницам. — Вам следует встать за нами. Присмотрите за детьми.

Грейс кивнула.

Они поставили лошадей справа от моста. Грейс, Эйрин и Лирит расположились рядом, там, где камень встречался с зеленой травой, Дейнен и Тира жались к их ногам. Трое рыцарей с обнаженными мечами встали перед ними. Грейс наблюдала за тем, как приближаются огненные следы, и пожалела, что рядом нет Мелии. В канун Дня Среднезимья леди с янтарными глазами сумела удержать полдюжины свирепых фейдримов в огромном зале Кейлавера.

Но разве у тебя нет силы, Грейс? Может быть, она не такая, как у Мелии. Однако в Фаланоре тебе удалось вызвать ветер, который рассеял туман.

Но сейчас она не знала, какую пользу можно извлечь из ветра. Таким способом крондримов не остановить. Огневики были уже в десяти шагах. В пяти. Но Грейс все еще не удавалось разглядеть их лица, лишь очертания тел, таких черных, что они казались дырами в сумраке ночи.

— Приготовьтесь, — сказал Бельтан остальным рыцарям. — Главное, помните, они не должны коснуться вашего тела.

Дарж и Меридар покрепче сжали мечи. Крондримы преодолели последние ярды и выставили вперед свои закопченные руки. Жар исходил от них тяжелыми удушающими волнами.

Меч Даржа был самым длинным, и он нанес удар первым — могучий выпад в центр туловища ближайшего чудовища. Раздался скрежет, точно металл натолкнулся на камень. Дарж и крондрим отступили на шаг. Рыцарь восстановил равновесие и вновь поднял меч. Кончик его клинка покраснел, словно он только что вытащил его из кузнечного горна. Огневики вновь двинулись вперед, казалось, удар Даржа не причинил жуткому существу ни малейшего вреда.

Два других крондрима шагнули вперед, но — как за несколько мгновений до этого Дарж — Бельтан и Меридар заставили их отступить. Однако удары закаленной стали были не страшны огневикам. Их кожа стала твердой, как скала, по которой пронеслась река раскаленной лавы. Огневики вновь и вновь устремлялись в атаку, теперь по очереди.

Они по одному или парами пытались выйти на мост, но всякий раз им приходилось отступать под ударами рыцарских мечей. По лицам мужчин градом катился пот, им постоянно приходилось перехватывать рукояти раскалившихся мечей. Как долго они смогут выдерживать столь нестерпимый жар? И до каких пор крондримы будут атаковать парами?

В лицо Грейс ударил порыв смешанного с песком раскаленного воздуха, и на глаза навернулись слезы. Она сморгнула их...

...и увидела, как Тира уходит от нее.

— Тира! — зашипела Грейс, пытаясь перехватить девочку.

Однако она опоздала. Тира решительно двинулась вперед, по направлению к сражающимся рыцарям. Грейс вскрикнула. Девочка нырнула под ноги храпящих от ужаса лошадей, проползла под ними и припала к земле, возле берега реки, справа от моста. Слабые волны плескались возле ее босых ног. Тира вытащила почерневшую куклу, окунула ее в воду и посмотрела в сторону Грейс.

Грейс застыла на месте. Что делает девочка? Тира еще раз погрузила куклу в воду, и Грейс поняла.

— Вода! — крикнула она рыцарям. — Нужно заманить их в воду. Только вода может причинить им вред.

Никто из рыцарей не повернулся в ее сторону, но ворчание Даржа сказало, что он услышал ее слова. Рыцарь начал медленно отходить к воде, левее моста, уводя крондримов в противоположную сторону от Тиры и лошадей. Бельтан и Меридар последовали его примеру. Огневики потянулись за ними. Через несколько мгновений Тира вернулась. Грейс крепко прижала девочку к себе, а потом отвела на мост, за спины Эйрин и Лирит. Как малышка догадалась, что следует делать, оставалось для нее тайной. Что ж, если они выживут, Грейс обязательно попытается ее раскрыть.

— Оставайся здесь, — сказала она Тире. — И ты, Дейнен.

Она отвела мальчика и девочку на дюжину шагов по мосту.

Лицо Дейнена превратилось в маску страха, он нащупал плечи Тиры и прижался к ней. Грейс вернулась к Лирит и Эйрин.

— Ну, идите ко мне! — прошипел Меридар. В его глазах плясали отблески пламени. — Посмотрим, успеете ли вы расплавить мой клинок прежде, чем он рассечет вас на две половинки!

Он угрожающе потряс мечом, лицо его покрывали пузыри от ожогов. Доспехи светились в пламени горящей травы, и Грейс понимала, какие чудовищные страдания переносит рыцарь.

— Главное, чтобы они продолжали двигаться в сторону воды! — воскликнул Бельтан.

Дарж только утвердительно крякнул в ответ. Рыцари продолжали отступать назад и влево, крондримы следовали за ними. До реки оставалось пять футов, потом три, наконец один. Волны лизали каблуки сапог Бельтана.

Огневики остановились.

Рыцари отступили еще на шаг, и вода поднялась им до колен. Крондримы топтались на одном месте, протягивая темные руки к рыцарям. Однако ни один из них не подходил к воде.

Грейс поняла, что их план не сработает. Вода опасна для огневиков. Значит, они не последуют за рыцарями в реку. В глазах у нее все расплывалось от набежавших горячих слез.

— Грейс.

Голос Лирит прозвучал совсем тихо, но каким-то образом он проник сквозь дым и отчаяние, от которого затуманилось сознание Грейс.

— Грейс, посмотри.

Рядом послышался сдавленный крик Эйрин. Грейс протерла глаза. Не желая входить в воду, крондримы отверну-

лись от берега и двигались к мосту — благодаря замечательному плану Грейс, рыцари уже не преграждали им дорогу.

— Грейс! — хрипло прошептала Эйрин. — Что нам делать?

После коротких колебаний Грейс протянула руки Лирит и Эйрин. Они мгновенно ее поняли. Три женщины молча смотрели на бредущих к ним огневиков.

ГЛАВА 45

Рыцари с шумом выбрались на берег. Однако вода замедляла движение, и крондримы успели заметно их опередить — до моста оставалось всего несколько футов.

Грейс оглянулась через плечо на детей, стоявших в дюжине шагов у нее за спиной.

— Дейнен, оставайся на месте. И не отпускай Тиру. Ты меня понял?

Он кивнул, его невидящие глаза были широко открыты, руки сжимали плечи Тиры. Грейс повернулась обратно, и в лицо ей ударила волна жара. Она заставила себя остаться на месте. Если им удастся хотя бы на несколько секунд задержать огневиков, рыцари успеют спасти детей.

И как ты собираешься это сделать, Грейс?

Но она уже знала ответ. Наша плоть хрупка, но огонь не в силах поглотить ее мгновенно. Даже жаркое пламя крематория в госпитале не сразу превращало тела в пепел.

Громкая команда перекрыла треск горящей травы.

— Адагар! Вперед!

И тут же один из скакунов встал на дыбы — жеребец Мерида-ра. Боевой конь заржал и встряхнул удилами, разбрасывая пену, его глаза закатились. Однако даже в таком полубезумном состоянии боевой конь подчинился приказу хозяина. Он рванулся вперед и поскакал навстречу приближающимся крондримам. Копыта обрушились на огневиков, высекая яркие искры. Несколько чудовищ рухнуло на землю — но они тут же стали медленно подниматься на ноги. Темные руки потянулись к гладким бокам скакуна.

Жеребец пронзительно заржал от ужаса и упал на землю, продолжая бить копытами, но уже через мгновение все его тело было охвачено огнем. Грейс услышала восклицания рыцарей, но несчастное животное заржало еще раз, перекрывая все другие звуки. Затем его стоны оборвались, и ноги жеребца застыли на месте. Огневики обошли дымящиеся останки благородного животного и продолжили свое движение к мосту.

Наконец жуткие существа оказались настолько близко, что Грейс смогла разглядеть их лица. В некотором смысле они все еще напоминали людей. Кое у кого ей даже удалось разглядеть носы, подбородки или рты. Кожа стала гладкой, точно вулканическое стекло, покрытое, однако, трещинами, сквозь которые просвечивало тусклое алое свечение — кровь или огонь?

Дарж и Бельтан спешили за огневиками, Меридар слегка отстал. Однако Грейс видела, что рыцари не успеют прийти им на помощь. Грейс посмотрела в глаза кронdримов — черные, лишенные жизни камни.

Рядом с ней Эйрин зашептала молитву богине Ирсайе. Лирит тоже что-то бормотала себе под нос: Грейс даже несколько раз расслышала слово *Сайя*. Она открыла рот, но что тут скажешь? Кому ей молиться? Если бы Грейс верила в Бога, то попросила бы его взметнуть воды в небо, а потом обрушить их на огневиков. Но она не верила.

Тогда сделай это сама, Грейс. Стань Богом. Разве врачи не пытаются каждый день занять Его место?

Времени на размышление больше не оставалось. Обсидиановые руки уже тянулись к ней. Эйрин закричала. Послышался диковинный шипящий звук, и Грейс сообразила, что горят ее собственные волосы. Она закрыла глаза, а потом потянулась к Дару.

На сей раз ее не испугало черное пятно. Ей не нужно было следовать за нитью своей жизни, которая к нему вела. Без колебаний она схватила серебристые нити, которые принадлежали Лирит и Эйрин. Что теперь?

У тебя получилось с туманом, Грейс. Вода состоит из того же материала, она лишь немногим плотнее. Тебе потребуется более плотная сеть, вот и все.

Времени сплетать нити Духа Природы уже не осталось. Грейс представила себе готовую сеть и в следующее мгновение почувствовала в руках мерцающее переплетение нитей. Она забросила его в воды реки — и ахнула, когда поток силы хлынул к ней и сквозь нее. В реке была жизнь, которую туман не сумел бы удержать. Грейс чуть не заблудилась среди мириадов частиц энергии, влекомых водой. Она заставила себя отодвинуться в сторону, ухватила сеть и потянула к себе.

Сеть оказалась тяжелой, ужасно тяжелой. Нет, ничего не получится, сила реки слишком велика, она тянет Грейс к себе. А потом две пары прохладных сияющих рук взялись за сеть.

Мы здесь, Грейс.

Они вместе тянули сеть, но вода не подчинялась. И вдруг Грейс поняла, что они сражаются с могучим потоком Духа

Природы реки — против такой силы им не выстоять. А что, если она перестанет с ней бороться и поступит по-другому?

В мгновение ока Грейс превратила сеть в сияющую чашу и позволила реке войти в нее.

Сейчас!

Три пары рук, лишенных тел, ухватились за чашу и — одним плавным движением — перевернули ее. Серебряный поток обрушился вниз, обретя новое направление.

Раздался оглушительный грохот, сопровождающийся жутким шипением. Грейс открыла глаза и увидела, как крондримы отшатнулись, увидев волну, выплеснувшуюся на берег. Она отскочила назад, Лирит и Эйрин поспешили за ней.

Волна оказалась не такой уж большой. И поднялась только до колен крондримов. Тем не менее огневики бессильно вскинули вверх руки, черные ямы ртов открылись, но они не издали ни единого звука.

За них кричала холодная вода, вскипающая вокруг их ног, клубы пара поднялись к небу, крондримы быстро застывали, будто расплавленная сталь в потоках холодного воздуха. Потом вода откатилась обратно в реку, оставив на берегу неподвижные останки огневиков.

Грейс без сил замерла у самого края моста, продолжая сжимать руки Эйрин и Лирит. Первым к ним подбежал Бельтан, за ним Дарж. Меридар задержался, глядя на сгоревший труп своего жеребца, и его глаза вдруг стали такими же черными и неподвижными, как у огневиков.

Бельтан сжал плечи Грейс сильными руками. В его зеленых глазах мелькало множество вопросов, но он задал лишь один:

— Миледи, с вами все в порядке?

Она молча кивнула — на большее у нее просто не хватило сил.

К ним подошел Дарж.

— Леди Эйрин? Леди Лирит? Вы не пострадали?

Женщины обнялись. Лирит собралась ответить, но в этот момент послышалось шипение. Клубы пара скрыли чудовище, но они рассеялись, и Грейс увидела медленно приближающегося к ним огневика; всякий раз, когда его ноги касались влажной земли, раздавалось громкое шипение. Застыв на месте, Грейс молча смотрела на него. Все-таки она допустила ошибку. Должно быть, крондрим двигался вдоль каменистого берега, где горящая трава не выдавала его присутствие.

Прежде чем кто-нибудь из них успел среагировать, огневик сделал еще шаг вперед. Грейс и Бельтан стояли к нему ближе всех.

Она думала о том, как быстро ее поглотит огонь, а крондрим посмотрел на нее равнодушными глазами смерти...

...и, пошатываясь, шагнул мимо нее на мост.

Пронзительный вопль прозвенел в тишине. Грейс обернулась. Посреди моста, в двадцати футах от них, Тира вцепилась в куртку Дейнена, глядя на приближающегося огневика. Левая половина ее лица исказилась от ужаса, а правая, изуродованная шрамами, оставалась неподвижной.

— Дейнен! — крикнула Лирит. — Не двигайся.

— Что происходит? — воскликнул мальчик, из его незрячих глаз градом катились слезы. Он крепко сжимал дрожащие плечи Тиры.

Дарж прыгнул на мост, выругался и отскочил обратно. Он принялся топать по земле сапогами, и Грейс заметила, что от них идет дым.

Она перевела взгляд на мост и ахнула. Там, где ступала нога огневика, оставались вмятины. Тусклое красное свечение быстро распространялось по поверхности моста, но до детей жар еще не добрался.

— Горячо, — сквозь зубы проговорил Дарж, продолжая топать сапогами.

Кронд рим приближался к детям. Тира вновь закричала. Грейс прижалась к Бельтану, понимая, что это конец, но огневик остановился. Казалось, он смотрит на детей — точнее, на Тиру. Медленно, неловко огневик наклонился вперед. Что он делает? Лед пришел на смену огню — Грейс поняла.

Кронд рим кланялся — выражая свое почтение.

Тира замолчала, страх исчез, она была совершенно спокойна. Девочка посмотрела на огневика, а потом протянула к нему маленькую руку.

— Он их обожжет! — закричала Эйрин. — Сделайте что-нибудь!

Прыгайте, — хотела приказать им Грейс, но тут мимо нее к мосту промчалась темная тень. Новый вопль разорвал тишину — так кричат мужчины от невыносимой боли. Меридар.

Дым поднимался от его сапог, лицо заливал пот. Стиснув зубы, он бежал по раскаленному камню моста, его кольчуга светилась кровавым светом. Кронд рим повернулся, но он двигался слишком медленно. Меридар протянул руки и прижал огневика к себе.

Шипение горящей плоти нарушило тишину, а потом воздух разорвал крик.

— *Эйрин!*

Меридар по инерции сделал несколько шагов вместе с огневиком. Объятые пламенем, они рухнули в быстрые воды реки. Послышалось шипение, но оно быстро стихло, и наступила тишина, а в следующее мгновение два сплетенных тела всплыли на поверхность и тут же исчезли и больше не появлялись.

Эйрин сделала нетвердый шаг вперед.

— Сэр Меридар...

Лирит схватила девушку за плечи и не дала ей взойти на мост.

— Да хранит его Ватрис, — хрипло прошептал Бельтан.

Грейс высвободилась из объятий светловолосого рыцаря и посмотрела на огненные следы, змеящиеся на противоположном берегу реки. Они были уже совсем близко от западного конца моста. Облизнув пересохшие губы, она сказала так, чтобы дети на мосту ее не услышали:

— Другие скоро будут здесь.

Бельтан проследил за ее взглядом.

— Нужно забрать детей.

Дарж приблизился к раскаленному камню, но жар заставил его отступить. Часть моста между восточным берегом и детьми продолжала испускать угрожающее красноватое свечение.

— Придется подождать, пока мост остынет, — со вздохом сказал рыцарь.

Бельтан покачал головой:

— Мы не можем ждать. Через две минуты остальные огневики доберутся до западного конца моста. Если Меридар сумел пройти этот путь, значит, сумею и я.

Сильной рукой Дарж сжал плечо Бельтана и остановил рыцаря.

— Никто и никогда не говорил, что Бельтан Кейлаванский имеет право бесцельно рисковать жизнью. Да, сэр Меридар сумел преодолеть раскаленный камень, но он уже был мертв, когда добрался до детей. Вы хотите присоединиться к нему и погибнуть вместе с Тирой и Дейненом?

Рыцари посмотрели друг другу в глаза, и Бельтан отвел взгляд. Дарж отпустил его.

— И что же нам делать? — спросил Бельтан.

Алые отсветы играли на бледных щеках Эйрин.

— Река. Они могут спрыгнуть с моста в воду.

— Нет, — покачал головой Дарж. — Димдуорн слишком глубок, к тому же, здесь очень сильное течение. Они утонут.

Бельтан начал снимать кольчугу.

— Ты прав, Дарж. Но других шансов у них нет. После того как они спрыгнут, мы с тобой...

— *Дейнен! Нет!*

Грейс ни разу не слышала, чтобы Лирит кричала, даже в тот момент, когда на Гарфа напал медведь. Она посмотрела на мост, и ее сердце обратилось в пепел. Дейнен посадил Тиру себе на плечи и сделал сначала один шаг, а потом другой, переставляя босые ноги по раскаленному камню.

Горло у Грейс перехватило. Им ничего не оставалось, как смотреть. Боль исказила лицо Дейнена, но он продолжал идти вперед. Несколько раз он спотыкался, но ни разу не остановился. Тира молча сидела у него на плечах, прижав ладошки к его щекам.

Казалось, прошла вечность, но на самом деле уже через несколько секунд длинные руки Бельтана сняли детей с моста. Тира обхватила рыцаря за шею и посмотрела на Лирит, которая опустилась на колени рядом с мальчиком. Грейс присела рядом, но она прекрасно понимала, каким будет исход.

Они положили мальчика на мягкую траву. Бледное, спокойное лицо Дейнена было покрыто потом и сажей. У таких сильных ожогов имелось одно преимущество — в обугленных ногах не осталось нервных окончаний, которые могли бы нести боль.

Дейнен раскрыл свои невидящие глаза, словно кого-то искал.

— Леди Лирит?

— Я здесь.

В глазах колдуньи блеснули слезы, но голос оставался тихим и успокаивающим.

— Как Тира?

— Она не пострадала. Не бойся.

— Я не... боюсь.

Голос слабел, тело перестало дрожать. Ему осталось совсем немного.

— Мне показалось... что я вижу, леди Лирит. Только теперь я узнал, кто это был... кого я нес.

Колдунья убрала его влажные волосы со лба.

— О чем ты, Дейнен?

— Тира. Вот кого я видел. Я нес ее через... блистающие поля... солнца. — На губах Дейнена появилась улыбка. — Это было... так...

Грейс видела, как жизнь вытекает из него, капля за каплей, и вот уже маленькое тело застыло в неподвижности. Тира выскользнула из рук Бельтана, подошла к Дейнену и провела рукой по его губам, носу и открытым глазам. Потом уселась на колени к Грейс.

Огневики приближались.

— Нам нужно идти, — сказал Дарж и принялся собирать напуганных лошадей.

Бельтан опустился на колени и поднял на руки Дейнена. Лирит осталась стоять на коленях, Эйрин положила руки ей на плечи, а Бельтан подошел к реке и опустил маленькое тело в темную бегущую воду. Потом вернулся к Лирит и помог ей подняться на ноги.

— Вы сможете скакать на лошади? — спросил он.

— Смогу.

Они сели на лошадей. Животные били копытами и фыркали, им не терпелось оказаться подальше от огня и дыма. Эйрин обернулась и тихо сказала:

— В лесу, перед тем как мы покинули лагерь, Меридар сказал мне, что он стыдится своего поступка в Фаланоре. Он говорил, что в нем не было чести, что ради мести он собирался покарать невинных и слабых. И еще он добавил, что хочет искупить свою вину, доказать... — она сглотнула, — мне, что он не лишен чести.

Грейс посмотрела на нее и произнесла единственные слова, которые сумела найти:

— И он доказал?

Эйрин покачала головой, и в глазах у нее заблестели слезы.

— Что тут было доказывать?

Баронесса резко развернула лошадь и первой выехала на дорогу. Остальные последовали за ней. Лошади охотно перешли на галоп, и Грейс посмотрела на рыжеволосую девочку, сидящую перед ней. И вспомнила, как крондрим склонился перед ней. Что это значит?

Может быть, крондрим приветствовал ее, Грейс? Один огневик другую...

Несмотря на множество мелких ожогов, Грейс вдруг стало холодно, и она направила Шандис вслед за остальными лошадьми, на восток, в ночь, оставляя огни пожаров за спиной.

ГЛАВА 46

Быть может, Орагиен прав, и он действительно повелитель рун. И все же Тревиса не оставляло чувство, что ему очень далеко до одного из величайших волшебников Зеи.

Мастер Ларад мрачно посмотрел на вощеную дощечку Тревиса.

— Ты поменял местами *камень* и *небо*. И перечеркнул *железо* не с той стороны. Опять. А *воду* начертил так, словно ребенок без всякого толка водил прутиком по земле. — Он бросил дощечку на стол. — Твоя работа позорна даже для новичка.

Мастер Эрион пересек небольшое помещение, шурша серой рясой, и взял дощечку.

— Но, мастер Ларад, тут не так уж... не все... — Он вздохнул. — Мне кажется, у него есть определенные успехи.

Тревис устало опустился на стул. Он предупреждал Орагиена, что знает совсем немного рун. Тем не менее Гроссмейстер попросил Ларада и Эриона оценить его возможности.

Ларад скрестил руки на груди, сурово взирая на него своими черными глазами.

— Как он может помочь нам расшифровать рунный камень, если не умеет ни читать, ни писать даже простейшие руны?

— Он повелитель рун, Ларад.

— Да, нам так сказали. Но где доказательства?

— Он умеет произносить руны, вязать их и разбивать. Человека, обладающего тремя такими умениями сразу, не было в Фалангарте с тех пор, как исчезли повелители рун. — Эрион развел пухлыми руками. — Чего еще ты хочешь, Ларад?

Ларад проворчал в ответ нечто неразборчивое и обратил свирепый взгляд на Тревиса.

— Через час начинается вечерний хор. Отдохни. После хора мы возобновим работу.

Ларад повернулся и решительным шагом вышел из комнаты без окон.

Эрион с сочувствием посмотрел на Тревиса.

— Не обижайся на мастера Ларада. Он... то есть, я хочу сказать...

Однако Эрион так и не объяснил, по какой причине Тревису не следует обижаться на Ларада.

Он смущенно улыбнулся и оставил Тревиса одного.

Тревис откинулся на спинку стула и прижал пальцы к пульсирующим от боли вискам. Вот уже три дня Ларад поносил его, требовал ответов, пытался выудить из измученного Тревиса новую информацию.

— Как только мы убедимся в твоей готовности, ты поможешь нам прочитать рунный камень, — сказал Орагиен утром второго дня пребывания Тревиса в башне. — Тебе наверняка удастся увидеть в нем то, что скрыто от наших глаз, и тогда мы сумеем победить крондримов.

Тревис едва не рассмеялся — он сомневался, что когда-нибудь будет готов к решению такой невероятной задачи, — но серьезность голубых глаз Орагиена заставила его сдержаться.

Он закрыл слезящиеся от усталости глаза и вспомнил истории о рунных камнях, которые рассказывал ему Фолкен. Когда-то таких камней было девять. Их создали повелители рун, в них содержались ключи ко всем добытым ими знаниям. Большая часть рунных камней исчезла во время падения Малакора семь столетий назад. Тревис знал о судьбе еще одного, который остался лежать под развалинами Белой Башни вязателей рун. Однако он знал, что существует по меньшей мере еще один рунный камень — здесь, в Серой Башне.

— Многие сведения утеряны за долгие столетия, — сказал ему Орагиен. — И сейчас нам понятно лишь немногое из начертанного на рунном камне. Ты, мастер Уайлдер, должен помочь нам узнать больше.

Тревис вздохнул и открыл глаза. Как жаль, что здесь нет Фолкена и Мелии. Он не сомневался, что они гораздо лучше него разобрались бы в происходящем.

Вот только их здесь нет, Тревис. Так что разбираться будешь сам.

Тревис посмотрел на свою правую руку, он уже привык к постоянному покалыванию в правой ладони — Джеку удалось оставить на ней знак в ту жуткую ночь в «Обители Мага».

Джакабар из Грейстоуна был повелителем рун. Как и ты.

Он никак не мог забыть слов Орагиена. Даже сейчас они ошеломили Тревиса. Но разве он не слышал их раньше?

Именно ты призвал меня сюда. Ты наследник Джакабара!

Да, последний кусочек головоломки лег на свое место. Тот человек, что сгорел у него в салуне, был связан с Зеей — может быть, даже пришел с Зеи. То же самое справедливо относительно Джека Грейстоуна. Именно Джек перед первым путешествием Тревиса на Зею вручил ему Великий Камень Синфатизар, Сумеречный Камень.

Фолкен рассказывал Тревису, как Имсари, три Великих Камня, были утеряны после падения Малакора семьсот лет назад, однако затем ими завладели три последних повелителя рун. Дейдра и Адриан говорили, что Джек прожил по меньшей мере несколько столетий. Так что существовал только один ответ, который не противоречил всем условиям. Джек являлся одним из трех повелителей рун, сбежавших с камнями Имсари. Каким-то образом он сумел попасть на Землю. А потом, в ту ночь, когда на него напали посланцы Бледного Властелина, Джек нашел способ передать свою силу повелителя рун Тревису.

Эрион прав — Тревис умеет произносить, вязать и разбивать руны. Однако он до сих пор не понимает, как ему это удается. Все получалось само собой — особенно в те моменты, когда его охватывала паника.

Итак, Орагиен сказал правду. Тревис действительно повелитель рун — или по крайней мере наследник повелителя рун. Учитывая все обстоятельства, у него нет выбора, он должен принять на свои плечи нелегкую ношу. Однако Гроссмейстер ошибается, полагая, что Тревис в состоянии помочь толкователям рун. Ему лишь по силам запереть свои способности в себе, чтобы они не причинили другим людям вред, как уже не раз случалось в прошлом.

Возможно, Джек передал тебе свою силу. Но из этого вовсе не следует, что тебе нужно ее использовать. Пора сказать Орагиену, что ты не можешь ему помочь. Сегодня же вечером.

Он решительно встал. Однако в дверь тут же постучали, и на пороге появился плотный молодой человек в коричневой рясе, который молча поклонился Тревису. Несмотря на все свои неприятности, Тревис улыбнулся.

— Привет, Эмпирей.

На широком лице юноши появилась довольная усмешка. Он кивнул и протянул руку, словно хотел сказать: *Привет, мастер Уайлдер.*

— В чем дело? — спросил Тревис.

Эмпирей сделал круговое движение руками. Тревис улыбнулся.

— Толкователи рун собираются внизу. Пришло время хора.

Улыбка юноши стала еще шире, и он кивнул.

Тревис понимал, что во время хора ему не удастся поговорить с Орагиеном. А потом он вновь попадет в лапы мастера Ларада и мастера Эриона. Наверное, придется подождать до завтра. Тревис тяжело вздохнул, слабо улыбнулся слуге, а потом показал на дверь.

— Веди меня, друг мой.

Следующие дни прошли быстрее, чем мог представить себе Тревис. Большую часть времени он проводил в помещении без окон, высоко в башне. Здесь продолжались мучительные уроки под руководством мастера Ларада — лишь изредка на помощь Тревису приходил добрый мастер Эрион.

— С ума можно сойти! — вскричал однажды Ларад после того, как Тревис неправильно произнес *сирит,* руну тишины — у него получилась *силит,* руна зловония. — Легче научить глиняный горшок произносить руны!

— Не шумите, мастер Ларад. — В голосе мастера Эриона появилась некоторая гнусавость, из-за отвратительного запаха, наполнившего комнату. — Сделайте глубокий вдох и... ну, возможно, получилось не слишком удачно. Но вспомните Олрига, который пожертвовал свою правую руку дракону Асгарату, чтобы украсть секрет рун. Знания всегда требуют огромных жертв.

— Я бы предпочел лишиться обеих рук, только бы не учить этого идиота! — И Ларад вылетел из комнаты.

Эрион выдавил слабую улыбку.

— Я уверен, что он так не думает.

А вот Тревис не сомневался, что Ларад думает *именно* так. Однако он кивнул и вновь склонился над дощечкой.

Несмотря на утомительную и однообразную работу, учителя вызывали у Тревиса естественное любопытство. Он жил в Серой Башне — и у него на глазах легенды Фолкена обретали жизнь. Едва ли на всей Зее найдется место, где имя Олрига — как и имена Исени, Дарнака и других Старых Богов — до сих произносилось с почтением.

Очень скоро Тревис начал с нетерпением ждать вечернего хора. Обычно толкователи рун обсуждали земные дела башни, но хор всегда заканчивался негромким скандированием рун. И хотя он понимал далеко не все, Тревис слушал голоса толкователей, погружаясь в замысловатое плетение звукового ковра в дрожащем воздухе.

Большую часть времени Тревис проводил с мастером Эрионом и мастером Ларадом, но вскоре у него появилась

возможность изучить башню. Однажды утром он поднялся до самого верха лестницы, насчитав 251 ступеньку — ударов сердца получилось гораздо больше. Наверху он нашел треугольную платформу, шагов на пять, не больше. Платформа стояла на трех минаретах, венчавших башню.

В течение многих лет Тревису приходилось ездить по крутым и узким дорогам в Скалистых горах, поэтому он не боялся высоты, однако сейчас у него закружилась голова — слишком далеко лететь отсюда до земли. Вертикальные стены стремительно уходили вниз, до скалы, на которой стояла башня, и еще тысячу футов пришлось бы преодолеть, чтобы добраться до рыжевато-коричневой долины, которая тянулась до самого горизонта на юг.

Тревис перешел на другую сторону платформы. Отсюда открывался более привлекательный вид: сменяя друг друга, на север убегали стройные пики гор. Фол Эренн — Рассветные горы. Узкий перевал соединял скалу, на которой стояла башня, с ближайшей горой. По перевалу шла утоптанная тропа.

Потом его взгляд вернулся по тропе обратно к башне. Перед входом он увидел плоский участок в форме полукруга, в центре которого стоял вертикальный камень.

С такого расстояния определить его размеры было сложно, но Тревис не сомневался, что камень должен быть довольно высоким. Зачем он здесь? Камень казался таким заброшенным и одиноким в центре площадки.

Так Тревис простоял еще несколько минут, но больше ему не удалось увидеть ничего интересного, только глаза начали слезиться от горячего сухого ветра. Он решил, что пора спускаться вниз.

Тревис уже подходил к своей келье — она находилась в центральной части башни, — когда наткнулся на мастера Эриона. В буквальном смысле. Более того, если бы Тревис не успел ухватиться за рясу Эриона, мастер сделал бы последнее открытие в своей жизни — измерил бы глубину лестничного колодца.

— Какое волнительное происшествие, — пробормотал толкователь рун, поправляя смятую рясу. — Похоже, никто не сообщил тебе о правилах пользования лестницей.

Тревис поправил сползшие на нос очки.

— О каких правилах?

— Вверх по внутренней части, вниз — по внешней.

— Ага. В следующий раз буду помнить.

— Не сомневаюсь. — Близорукие глаза Эриона повеселели. — Рука Олрига не случайно свела нас! Я как раз искал тебя.

Они стали спускаться по лестнице — по внешней стороне спирали.

— Что ты хотел, мастер Эрион?

— Да так, ничего серьезного. У каждого из нас есть любимый предмет. То, что интересует нас больше всего. В течение многих лет я изучал Имсари.

Тревис удивленно взглянул на Эриона.

— Великие Камни?

— Совершенно верно. Точнее, я искал руны и порядок, в котором их надо произнести, чтобы использовать один из Камней, не причиняя вреда себе и окружающему миру. Конечно, особого смысла в моих исследованиях не было. Так, самое обычное любопытство. Я хотел поговорить с тобой, потому что... я слышал... у тебя были контакты...

— Да, я держал в руках один из Великих Камней, — негромко проговорил Тревис. — Сумеречный Камень.

Эрион остановился, и у него в глазах появилось отсутствующее выражение. Он произнес одно слово:

— Синфатизар.

— Но я не произносил никаких рун перед тем, как его коснуться, — сказал Тревис. — Извини.

Взгляд мастера вернулся к Тревису.

— Нет? Значит, ты и в самом деле повелитель рун. Чего еще можно ожидать? Помоги нам Олриг, мне следовало подумать об этом раньше. Тебе не нужны руны! — Эрион коснулся его руки. — Но если ты все-таки вспомнишь, что произносил руны перед тем, как коснуться Великого Камня, обязательно расскажи мне о них, ладно?

Тревис не сразу нашелся, что ему ответить.

— Хорошо, обещаю.

Мастер засиял и двинулся дальше вниз по лестнице, оставив Тревиса у дверей его кельи.

— Спасибо, мастер Уайлдер, — донесся снизу голос Эриона. — Встретимся на хоре.

Тревис пожал плечами и распахнул дверь в свою келью.

И только после того, как он закрыл за собой дверь, в голову ему пришла неожиданная мысль. Эрион сказал, что хотел с ним встретиться. Но они столкнулись на лестнице выше уровня его кельи.

Почему Эрион искал его в верхней части башни?

ГЛАВА 47

На следующее утро Тревис проснулся с надеждой прогуляться по свежему воздуху, ему надоело сидеть в четырех каменных стенах. Но работа с толкователями рун продолжалась с рассвета до вечернего хора, не оставляя времени для отдыха. А назавтра

разразилась яростная буря — как в ту ночь, когда Орагиен его нашел, — и весь мир оказался у нее в плену. Странная буря: злобная, страшная, озаряемая жуткими вспышками желтых молний.

Однако утро следующего дня выдалось жарким, тучи исчезли, и во время завтрака Тревис узнал от Эмпирея — после серии сложных гримас и жестов, — что мастер Ларад и мастер Эрион будут заняты до полудня. Лучшего шанса не придумаешь. Подходя к высокой тройной двери Серой Башни, Тревис ожидал, что кто-нибудь его остановит. Но он ошибся.

Почему бы и нет? Ведь ты не пленник. Впрочем, Ларад терзает тебя по полной программе.

Огромная дверь, украшенная резными рунами, легко распахнулась, когда Тревис толкнул ее и выскользнул на свежий воздух.

Узкая тропа, уходящая от Серой Башни, была утоптана множеством ног. Тревис пересек полукруглую площадку, наслаждаясь свободой и свежим ветерком, и дошел до середины перевала, но потом повернул назад, чтобы не вызывать тревоги у обитателей башни — вдруг кто-нибудь из них выглянет в окно и увидит, как их последняя надежда покидает Серую Башню.

Когда Тревис возвращался назад, его взгляд остановился на камне, стоящем посреди полукруга. Камень оказался достаточно большим, но не таким высоким, как представлял себе Тревис, глядя на него сверху. Он едва доходил ему до груди, но чтобы обхватить его, потребовалось бы двое крупных мужчин. Камень оказался почти черным, совсем не похожим на серый камень Фол Эренна.

Тревис сошел с утоптанной тропы. Он подходил к камню, а весь мир куда-то отступал, даже биение его сердца замедлилось. Потом Тревис разглядел единственную руну, вырезанную на темной поверхности. *Сирит.* Руна тишины.

Из простого любопытства Тревис решил провести эксперимент. Тихо, не напрягаясь — на случай, если он совершит ошибку, — Тревис произнес руну. *Шарн.*

Казалось, рот у него забит ватой. Тревис почувствовал, как руна воды сорвалась с губ, но ее тут же поглотило волшебство, окружающее камень.

Тогда Тревис попытался провести другой эксперимент.

— Привет, — сказал он.

На сей раз слово прозвучало, хотя и не очень четко. Значит, камень глушит только руны. Тревис отошел от артефакта, и мир вернулся к нему вместе со всеми своими звуками.

Он продолжал смотреть на камень. Почему предмет, связанный руной тишины, стоит возле Серой Башни? В конце концов, здесь находится цитадель толкователей рун. Разве они могут практиковать свое ремесло в тишине?

Тревис пожал плечами. Камень едва ли захочет ответить на его вопрос. Между тем солнце уже приближалось к зениту. Мастер Ларад будет его ждать. Тревис вздохнул и зашагал обратно к башне.

Только через неделю после того, как Тревис решил поговорить с Орагиеном, у него появилась возможность остаться с Гроссмейстером наедине.

— Сегодня я разговаривал с мастером Эрионом, — сказал Орагиен прежде, чем Тревис успел открыть рот. — Он считает, что близится время, когда ты сможешь начать изучение рунного камня.

Слова Орагиена оказались для Тревиса сюрпризом. Он случайно столкнулся с Гроссмейстером в трапезной. В огромном зале стояло столько столов и скамеек, что здесь легко могло бы разместиться три сотни толкователей рун. Однако сейчас собиралось не более сотни. Тревис проголодался и пришел пораньше, рассчитывая встретить здесь слугу и получить немного сыра или яблоко. Он не ожидал увидеть Орагиена, который одиноко сидел за столом и подкреплялся фигами и хлебом.

Наконец Тревис сумел ответить:

— Для чего мне изучать рунный камень?

— Нам нужен ключ, естественно. — Глаза Орагиена были пронзительными и синими, как зимнее небо. — Ключ для победы над крондримами.

Тревис уставился на Гроссмейстера. Человек, сгоревший в салуне, тоже говорил о ключе. Но о чем тогда шла речь?

Берегись — он пожрет тебя.

Может быть, человек в черном плаще, явившийся к нему в салун, чтобы там умереть, имел в виду именно ключ. Или речь о *них?* О крондримах?

Тревис глотнул воздуха и задал вопрос, который мучил его с тех самых пор, как он пришел в себя в Серой Башне.

— Гроссмейстер, мастер Ларад сказал, что толкователи рун получили помощь, когда вызвали меня на Зею.

— Мастер Ларад слишком много говорит, — ответил Орагиен.

В его словах не было гнева, он лишь констатировал факт.

— Но вы ведь получили помощь, не так ли?

Орагиен кивнул.

— Разве это что-то меняет?

— Конечно, нет. — Тревис облизнул губы. — Просто... мне бы хотелось знать, кто вам помогал.

К ужасу Тревиса, Орагиен рассмеялся, стукнув по столу шишковатыми пальцами.

— Очень хороший вопрос, мастер Уайлдер. И, если тебе повезет, наступит день, когда я отвечу на него. Впрочем, я и сам не уверен, знаю ли я ответ.

Тревис нахмурился. Он ожидал услышать совсем другое и решил изменить тактику.

— Если толкователи рун призвали меня, то почему я появился в городе, а не возле башни?

Орагиен вздохнул, и его морщинистое лицо стало серьезным.

— Я не знаю, мастер Уайлдер. Мы многого и сами не понимаем. Скандирование рун, при помощи которого мы призвали тебя на Зею, не использовалось много столетий. Более того, нам удалось узнать о нем совсем недавно.

— Но если вы не могли предсказать, где я окажусь, как вы отыскали меня в таверне?

Теперь в глазах Орагиена вновь замелькали искорки веселья.

— Сын мой, я Гроссмейстер. Мы многое забыли, но у меня еще остались кое-какие умения.

Тревис понял, что больше ему ничего узнать не удастся. Он собрался с духом и произнес слова, которые репетировал в течение последних семи дней.

— Гроссмейстер, я вас очень уважаю, но я не думаю, что мне по силам помочь вам победить кронdримов.

Орагиен небрежно отмахнулся от слов Тревиса.

— Скромность тебе идет, мастер Уайлдер. Приятно видеть, что есть еще люди, которым гордость не затмила разум. Однако не следует забывать, что ты повелитель рун. Тебе по силам найти ключ. — Тут голос Орагиена зазвучал совсем тихо. — Если, конечно, ты захочешь нам помочь.

Тревис открыл рот, но так и не произнес ни слова. Только сейчас он понял, что произошло: Орагиен, Гроссмейстер Серой Башни, обратился к нему за помощью.

Орагиен взял посох и встал.

— Пойдем, мастер Уайлдер. Настало время хора.

Вечером, в зале хора, Тревиса попросили подробно рассказать о его первом путешествии на Зею. Когда он поднимался на возвышение в центре зала, у него дрожали колени; Тревис не привык быть в центре всеобщего внимания. Воздух вокруг него был пронизан шепотами прошлого, здесь, в фокусе зала, слова не стихали дольше всего. Сколько времени прошло с тех пор, как они произнесены? Дни? Недели? Столетия?

Однако мысли о множестве других людей, стоявших на этом помосте, успокоили Тревиса. Он заговорил, и его рассказ потек без особых затруднений. Слова эхом прокатывались по залу, каждое из них затухало, но так и не исчезало окончательно, создавая переплетение звуков, пока Тревису не стало казаться, что он видит всех, о ком вспоминает: Мелию и Фолкена, Грейс и Бельтана, Эйрин и Даржа.

Когда он дошел до той части своей истории, в которой говорилось о Белой Башне и вязателях рун, мастера, постигающие путь и ученики наклонились вперед, так им хотелось услышать о своих древних собратьях. Потом он заговорил о безрассудстве вязателей рун и о крови, которая пролилась после второго разбивания Камня Основания. К шелестящим шепотам добавились стоны отчаяния.

— Мастер Уайлдер, неужели ты рассчитываешь, что мы поверим тебе? — раздался резкий голос.

К помосту решительно шагал мастер Ларад. Многие кивали ему, в рассказ Тревиса не поверил не только темноглазый толкователь рун.

— Как могли вязатели рун пролить кровь некроманта во время основания своей башни? Все Темные уничтожены во время Войны Камней. И даже если один из них выжил, как могли вязатели рун — такие же смертные, как и мы — пленить подобное существо?

Тревис собрался ответить, хотя и не знал, что сказать, как вдруг послышался спокойный голос Гроссмейстера.

— Я ему верю.

Все повернулись к Орагиену, который стоял возле своего места, сжимая посох.

— Вязатели рун всегда были самым гордым орденом, — продолжал Гроссмейстер. — Они вели свое происхождение от повелителей рун, которые связали Рунные Врата в ущелье Теней. Микелос, последний Гроссмейстер вязателей рун, однажды сказал, что его орден, если бы пожелал, мог бы связать солнце на небе, чтобы никогда не наступала ночь. Год спустя пала Белая Башня, и вязатели рун исчезли с Зеи. — Он повернулся к Тревису. — Теперь мы знаем почему.

Многие закивали, а некоторые даже утирали глаза, сочувствуя трагедии, которая произошла триста лет назад с вязателями рун. Ларад нахмурился, однако сел и больше ничего не говорил. И все же, когда Тревис продолжил свой рассказ, он чувствовал, что темные глаза Ларада продолжают наблюдать за ним.

Вечером следующего дня, когда солнце клонилось к закату, дверь кельи Тревиса распахнулась. На пороге стоял Орагиен.

— Гроссмейстер! — Тревис вскочил с койки, где сидел, скрестив ноги, старательно вычерчивая на вощаной дощечке очередную руну, и разгладил серую рясу.

— Время пришло, — сказал Орагиен.

— Для хора. Да, конечно. Разрешите мне только...

— Нет, мастер Уайлдер. Сегодня хора не будет.

Тревис замер. В голосе Орагиена ощущалась спокойная сила. Он показал своим посохом на дверь.

— Сюда.

Тревис кивнул и молча вышел из кельи. Когда они начали спускаться по лестнице, к ним присоединилось еще двое толкователей рун. Один низенький и плотный, другой высокий и худой, оба в серых рясах. Эрион и Ларад. Они ничего не сказали Тревису, и он не осмелился нарушить молчание.

Когда они оказались на самом нижнем этаже башни, Тревис ожидал, что процессия остановится. Однако Орагиен решительно направился к проходу, которого Тревис до сих пор ни разу не замечал. Более того, арку прохода удавалось разглядеть только в том случае, если ты подходил к ней вплотную.

За аркой оказалась новая, узкая лестница, залитая тусклым сиянием невидимого светильника. Они продолжали спускаться вниз, и вскоре Тревис потерял счет поворотам. Стало труднее дышать, и Тревис сообразил, что они спускаются в глубь скалы, из которой высечена башня.

Когда тяжесть стала невыносимой, лестница кончилась, и Тревис последовал за Орагиеном в огромную пещеру. Строители башни не стали шлифовать стены. Их украшали естественные кристаллы, от которых отражался свет, и повсюду змеились бледные полосы.

— Что это за место? — пробормотал Тревис.

В отличие от зала хора, воздух здесь приглушал его слова, но все же они прозвучали.

Орагиен показал концом посоха на центр пещеры. Тревис неуверенно шагнул вперед.

Тут только он заметил высеченный из оникса трехгранный камень вполовину человеческого роста. Сначала ему показалось, что камень покоится на основании того цвета, что и стены пещеры. Но когда Тревис подошел ближе, он с трудом поверил своим глазам: камень парил в четырех футах над полом пещеры.

Краем глаза он заметил возле дальних стен людей в серых рясах — около двадцати рунных мастеров. Однако Тревис не смотрел на них; его взгляд был прикован к камню.

Нет, не просто к камню. Рунному камню. Других объяснений попросту не могло быть.

Каждый дюйм черного камня покрывали маленькие угловатые рисунки. Руны. Некоторые из них Тревис узнал. Большинство были ему незнакомы.

Он остановился перед рунным камнем и вдохнул резкий металлический аромат, напоминающий запах молнии. Правая ладонь зачесалась, и он протянул ее к черной полированной поверхности.

— Убери руку! — раздался резкий голос, но пещера тут же поглотила эхо.

— Нет, мастер Ларад, — возразил другой, более спокойный голос. — Пусть попробует. — Эрион.

Низкий голос Орагиена вновь нарушил жутковатую тишину.

— Рунный камень обязательно узнает своего.

Тревис затаил дыхание и осторожно коснулся пальцем одной из рун.

Фар.

Голос в его сознании мог бы принадлежать Джеку. Но каким-то образом Тревис понимал, что это слово произнес вовсе не Джек. В нем говорила сила повелителя рун, которую ему передал его погибший друг.

Он закрыл глаза и увидел, как сияет во мраке руна. *Фар. Река.* Да, конечно.

За спиной у Тревиса послышалось восклицание. Тревис открыл глаза и увидел, что руна сияет не только в его сознании. Желобки, из которых складывалась руна *фар,* казалось, наполнились расплавленным серебром, оставаясь при этом холодными. Тревис коснулся другой руны.

Мелег, — прошептал голос в его сознании. — *Дерево.*

Стоило Тревису прикоснуться к руне, как она начала светиться, а его тело ощутило мощный прилив энергии, восхитительной, но тут же растаявшей. Быстрыми легкими движениями Тревис коснулся еще трех рун. И каждая из них оживала серебристым сиянием, а в его сознании звучали слова.

Тиста. Каэль. Пер.

— Достаточно, мастер Уайлдер, — проговорил голос, показавшийся Тревису тусклым и далеким.

Свет рун наполнил Тревиса, пел в его венах. Он двумя руками коснулся рунного камня.

Индар. Сэфел. Рис.

Ослепительный свет заструился от камня, а названия рун звучали в его мозгу, каждое следующее громче предыдущего.

Утен. Хэлес. Лор.

Он отступил назад, но руны продолжали звучать, теперь их произносил уже не только голос Джека, а целый хор, превратившийся в оглушительную какофонию. Рунный камень начал вращаться в воздухе все быстрее и быстрее, посылая во все стороны серебристые сполохи. Тревис прижал руки к ушам, но голоса стали настойчивее, еще немного и у него лопнет голова, точно воздушный шарик, который проткнули иголкой.

ЛаветКриндорАрешДжевуВиста...

— Дэл!

Эта руна прозвучала не в его сознании, ее произнес мощный голос, громом прокатившийся по пещере. Казалось, кто-то захлопнул дверь, и чудовищная симфония в голове Тревиса стихла. Сияние потухло, черный камень прекратил враще-

ние и замер. Тревис сделал несколько неуверенных шагов назад, чувствуя, что его тело стало хрупким, точно стекло. Он обернулся и обнаружил, что на него смотрят сверкающие разгневанные глаза.

— Почему ты не послушался, когда я попросил тебя остановиться, мастер Уайлдер? — негромко, но очень жестко спросил Орагиен.

Тревис мучительно искал слова.

— Мне очень жаль. Так получилось... просто... — Но он так и не сумел объяснить, какие чувства его охватили, когда он оказался под воздействием полного жизни света.

Казалось, еще немного, и все его мечты исполнятся.

— Больше никогда не нарушай моих указаний, мастер Уайлдер.

Тревис с трудом заставил себя кивнуть.

— Теперь вы видите, Гроссмейстер? — сказал Ларад. Его иссеченное шрамами лицо оставалось неподвижным, но в черных глазах светился огонек самодовольства. — Именно об этой опасности я вас и предупреждал. Вот что может произойти, когда вмешиваешься в процессы, которых не понимаешь.

Орагиен резко повернулся и шагнул к Ларад, сжимая посох побелевшими пальцами.

— А разве есть вещи, которые мы понимаем, мастер Ларад? Хоть какие-нибудь?

Гроссмейстер не стал дожидаться ответа. Повернувшись на каблуках, он стремительно вышел.

Мастер Эрион с беспокойством посмотрел ему вслед и вздохнул, сложив вместе ладони.

— Да поможет нам Олриг.

— А он поможет? — поинтересовался Ларад и решительно направился к выходу из пещеры.

Тошнота подступила к горлу Тревиса. Он сжал правое запястье и посмотрел на ладонь — на коже тускло светилась руна рун.

Зачем, Джек? Зачем ты так со мной поступил?

Но голос в его сознании молчал.

ГЛАВА 48

На следующий день хор не состоялся. Мастер Эрион сказал, что прежде чем начинать обсуждение ряда вопросов, необходимо провести исследования. Однако Тревис понимал истинную причину отмены хора. После эпизода с рунным камнем многие поддержали мастера Ларада, который считал, что Тревису не следовало разрешать его касаться. Слишком непредсказуемыми могли

оказаться последствия. Если бы хор собрался, голоса этих мастеров прозвучали бы особенно настойчиво. Отменив его, Орагиен решил еще одну проблему: избежал споров или даже мятежа.

Близился закат, когда Эмпирей принес в келью поднос с легким ужином для Тревиса.

— Спасибо, — сказал Тревис.

На подносе лежали хлеб и мягкий сыр и стоял глиняный горшок с овощным супом.

Эмпирей улыбнулся и слегка поклонился. *Всегда рад помочь.*

Симпатичный юноша повернулся, чтобы уйти, но Тревис спросил:

— Как ты считаешь, Эмпирей, если ты можешь что-то сделать, обязан ли ты довести дело до конца?

Тревис поморщился, он и сам не понимал, что заставило его задать свой вопрос Эмпирею. Может быть, причина заключалась в спокойствии немого юноши. Тревис ему завидовал.

— Я вот о чем хотел спросить... если у тебя есть сила что-то сделать, правильно ли этого *не* делать?

Эмпирей не пошевелился, и Тревис даже испугался, что обидел его. Или юноша не понял его слов. Затем он шагнул вперед, поднял одну руку к горлу, а другую поднес к губам, его глаза широко раскрылись, словно он только что совершил неожиданное открытие. Слегка приоткрыв рот, юноша замахал руками. Потом он опустил руки и серьезно посмотрел на Тревиса. Мысль была очевидна: *будь у меня голос, я бы пел.*

На щеках Тревиса проступила краска стыда. *Все совсем не так просто,* хотелось ему сказать Эмпирею. Пение не может причинить людям вред. Однако Эмпирей уже выскользнул из кельи.

К тому моменту, когда Тревис закончил ужин, в окошко просочились сумерки, и келью залил серебристый свет, похожий на сияние рунного камня. Тревис выглянул в окно. До полнолуния оставалось совсем немного.

Неожиданно его охватило беспокойство. Хора сегодня не будет, но это вовсе не значит, что он должен сидеть в своей келье. Он вышел в коридор и вскоре оказался на большой спиральной лестнице. Ноги сами понесли его наверх.

Сначала он проходил мимо келий, где жили толкователи рун. Некоторые двери оставались приоткрытыми, и из них доносились обрывки разговоров. Однажды он услышал чей-то громкий голос:

— ...невозможно. За долгие столетия мы многое забыли. Слишком многое. Нам не следует...

Тревис ускорил шаг, и сердитый голос остался далеко за спиной.

Постепенно в башне становилось все тише. Тревис поднялся выше уровня келий, где жили толкователи рун. Он

проходил мимо дверей, перед которыми собрались холмики пыли. Сколько лет прошло с тех пор, как их в последний раз открывали? Годы? Десятилетия? Наверное, много больше.

Тревис остановился перед одной из таких дверей. Она ничем не отличалась от других — обычное серое дерево, без единой надписи или руны. Он взялся за бронзовую ручку, дверь была не заперта. Тревисом овладело любопытство, смешанное со стыдом. Он бросил смущенный взгляд на лестницу — пусто.

Любопытство победило.

Тогда Тревис толкнул дверь и вошел в келью. И сразу же задохнулся, нос и легкие мгновенно наполнила вековая пыль. Он заморгал, дожидаясь, когда глаза привыкнут к темноте, но ничего не произошло. Даже если в комнате и имелось окно — а Тревис ничего не мог утверждать с определенностью, — ночь уже вступила в свои права, и снаружи свет не проникал в любом случае. Он собрался повернуться и уйти, но в последний момент передумал и тихо произнес одно слово:

— *Лир.*

Возникло мягкое свечение, источник которого находился над головой у Тревиса, и тени сразу отступили к углам клинообразной комнаты. Какая-то часть его сознания содрогнулась от такого проявления могущества. Однако из всех рун, которые ему когда-либо приходилось произносить, руна света считалась самой слабой и страшно ему нравилась. К тому же, в келье никого не было — значит никто не мог пострадать.

Теперь, когда в келье стало светло, он принялся ее разглядывать, однако не нашел ничего заслуживающего внимания — пустая койка и трехногий стул. Со вздохом он шагнул в коридор.

Тревис знал, что ему пора возвращаться в свою келью. Но скука, как это часто бывает, победила здравый смысл. Он поднялся еще на несколько ступенек вверх по лестнице и распахнул другую дверь. На сей раз он оказался в абсолютно пустом помещении, где мебели вообще не было — как и в трех следующих кельях.

Тревис прикрыл очередную дверь и оперся о нее спиной. Его охватило неожиданное разочарование. Что он надеялся найти в пустых заброшенных комнатах? Пожав плечами, Тревис стал спускаться к своей келье.

И вдруг остановился. Если бы не бледный свет, парящий у него над головой — который он забыл погасить, — Тревис ничего бы не заметил. Слабая тень, трещина в стене.

Но в этих стенах не бывает трещин, Тревис.

Он провел ладонью по гладкому камню. Пальцы приближались к тени — но коснулись лишь пустоты. Тревис стоял возле прохода в стене, вроде той арки, которая вела в зал с

рунным камнем. Ему захотелось осмотреть арку, понять, как оптическая иллюзия скрывает ее, но в следующее мгновение он вошел внутрь и оказался в новом помещении.

Здесь нужды в свете не было, и Тревис погасил бледный мерцающий шар у себя над головой. Призрачное сияние озаряло комнату размером с три кельи. Как и во многих других помещениях башни, здесь царило запустение — пол покрывал густой слой пыли, со стен свисала паутина.

Тревис опустился на колени, чтобы осмотреть устилающие пол обломки камней. Сначала он решил, что осколки падали сверху, но, подняв голову, увидел такой же безупречный потолок, как и во всех остальных кельях башни. Так откуда же появился весь этот мусор?

Он поднял один из обломков и внимательно его оглядел. На его ладони лежала каменная рука, отбитая у кисти, больше его собственной, но хороших пропорций. Он перевернул каменную руку и почувствовал, как его охватывает трепет. На ладони кто-то вырезал символ. Нет, не символ. Руну, состоящую из трех пересекающихся линий:

Тревис хорошо знал эту руну. Зеркальное отображение той, что временами мерцала на его правой ладони. Руна рун. Символ повелителя рун.

Быстрый осмотр комнаты подтвердил его подозрения. Камни оказались осколками скульптуры. Когда-то здесь стояла статуя мужчины в развевающихся одеяниях. Черты его лица были четкими и суровыми, но в уголках рта таилась знающая улыбка, смягчившая жесткое выражение. Больше ничего особенного Тревис не заметил, если не считать, что он обнаружил все детали статуи — два глаза, два уха и две ноги. Однако чуть позже он сообразил, что нет второй руки. Возможно, исчезли и другие осколки.

Чепуха, Тревис. Конечно, все здесь. И тебе прекрасно известно, кто перед тобой.

Тревис поморщился, когда в его сознании вновь прозвучал голос Джека.

Кто скормил свою руку дракону, чтобы похитить тайну рун?

Тревис не уставал поражаться той легкости, с которой Джек продолжал поносить его, хотя сам он давно исчез. Но Джек не ошибся — Тревис знал, кого изображала статуя. В некотором смысле этого человека можно было назвать первым повелителем рун. Олриг, Старый Бог, получивший прозвище Похити-

тель Знаний и укравший тайну рунного волшебства у драконов, а потом передавший его людям.

Но только не женщинам. Во всяком случае, Тревису не доводилось видеть женщин среди толкователей рун. А вот колдуний он знал. Почему? Быть может, у женщин больше здравого смысла.

Он вздохнул и посмотрел на свою руку.

— Возможно, тебе следовало сохранить свое знание в секрете, — пробормотал Тревис.

— Скажи мне, мастер Уайлдер, ты часто разговариваешь с разбитыми статуями?

Тревис резко обернулся, продолжая сжимать каменную руку. Горло перехватило, ноги налились свинцом.

— Мастер Ларад, я тебя не заметил. Извини. Наверное, мне не следовало сюда приходить, но...

Ларад вошел в комнату, и бледный свет упал на сеть шрамов, покрывавших его лицо.

— Значит, ты можешь восстановить статую?

Тревис вытаращил глаза. О чем Ларад говорит?

Темноволосый толкователь рун показал на каменную руку и остальные осколки.

— Я имею в виду кусочки статуи нашего повелителя Олрига. Ты можешь восстановить разбитую статую?

В голосе Ларада слышалась горечь, которая, как показалось Тревису, к нему не относилась. Тем не менее интуиция подсказывала ему, что этот человек очень опасен. Тревис заговорил, тщательно подбирая слова.

— Пожалуй, я мог бы попытаться. Только нужны инструменты.

Ларад насмешливо фыркнул.

— Уверяю тебя, мастер Уайлдер, от них я бы такого не услышал. За все прошедшие годы никому из них ничего подобного даже в голову не пришло. — Ларад сделал несколько осторожных шагов, стараясь не наступать на осколки, а потом бросил на Тревиса пронзительный взгляд. — Скажи мне, мастер Уайлдер, ты знаешь, что человека может мучить скупость — когда речь идет о знаниях?

— В каком смысле? — поспешно спросил Тревис, но слова толкователя рун его заинтриговали и удивили.

— Ты, наверное, не поверишь, но так бывает. — Ларад наклонился, провел ладонью по каменной руке, а потом выпрямился и отряхнул пыль. — Многие Гроссмейстеры прошлого слишком любили накопленные ими знания. Они тщательно скрывали свои тайны, а потом умирали, не успев передать их ученикам и продолжая цепляться за свои открытия даже перед лицом смерти.

Он указал на осколки.

— На статую наложено заклятие, которое мне очень хотелось бы разгадать. Пять веков назад даже начинающий толкователь рун мог в одиночку решить столь простую задачу. Теперь она не под силу ни одному из мастеров башни. Впрочем, никто из них даже не пытался. — Он посмотрел в глаза Тревису. — Ты понимаешь, что я хочу сказать, мастер Уайлдер?

Как ни странно, Тревису показалось, что он понял.

— Толкователи рун сдались, они считают, что у них ничего не выйдет. Вообще.

— Да! Они похожи на человека, который умирает от жажды, пытаясь удержать в ладонях капли убегающей воды, когда рядом полный колодец — нужно только его выкопать.

— Так вот почему меня сюда призвали, не так ли? — осмелился спросить Тревис. — Чтобы я сделал то, на что они сами не осмеливаются?

Молчание Ларада послужило вполне убедительным ответом. Тревис посмотрел на руку Олрига. Ларад только что сообщил ему важную информацию, только Тревис не знал, как ею воспользоваться. Он провел пальцем левой руки по руне рун, начертанной на ладони статуи.

— Зачем ты пришел в Серую Башню, мастер Ларад? — неожиданно спросил Тревис.

Лицо толкователя рун замкнулось. Сначала Тревису показалось, что на нем промелькнул гнев, но потом он понял, что за этим стоит нечто большее.

— Мне исполнилось двенадцать зим, когда толкователи рун пришли в мою деревню. — По губам Ларада скользнула невеселая улыбка. — В те дни к нашим собратьям относились с должным почтением, и никто не пытался забрасывать их камнями. Но и встречали без особой радости. И все же нескольких мальчиков подвергли испытанию, чтобы выяснить, нет ли у них таланта толкователя рун. Моя мать послала меня, поскольку продолжала чтить прежние обычаи — впрочем, отцу она ничего не сказала.

— И толкователи рун тебя выбрали, — негромко проговорил Тревис.

Ларад кивнул.

— Из всей деревни талант обнаружился только у меня. Моя мать была довольна, когда я показал ей знак, который толкователь рун написал чернилами у меня на руке. Но когда его увидел отец, им овладела ярость. Схватив нож, он закричал, что вырежет мне язык, чтобы я не мог произносить руны. Но мне не хотелось потерять язык, и тогда я получил это. — Ларад показал на многочисленные шрамы, покрывающие его лицо. — Ночью, после того как мать перевязала мои раны, я сбежал из дому. Кровь

заливала глаза, я едва видел, куда иду, однако мне удалось отыскать лагерь, который толкователи рун разбили на окраине деревни. Один из них произнес руну исцеления и отвел меня в башню. С тех пор я здесь.

Пока Ларад вел свой рассказ, Тревис все крепче сжимал каменную руку. Он с трудом заставил себя разжать пальцы и наклонился, чтобы положить ее на пол, рядом с другими фрагментами статуи.

— А если бы ты скрыл свои способности? — спросил Тревис. — Если бы никто не узнал о них, и ты никогда бы их не использовал?

Ларад приподнял бровь.

— Разве это не привело бы меня к гибели? И разве подобная опасность не страшнее отцовского ножа?

Толкователь рун не стал дожидаться ответа. Он подошел к арке, которая была отчетливо видна из комнаты.

Тревис шагнул вслед за Ларадом.

— Подожди, — попросил он, сам удивленный своим порывом. — Как ты узнал, что я здесь?

Ларад остановился и посмотрел на Тревиса непроницаемыми глазами.

— А я этого не знал, мастер Уайлдер.

А потом толкователь рун стремительно зашагал по ступенькам лестницы, и Тревис остался один, рядом с обломками каменной статуи почти забытого бога.

Несколько минут Тревис стоял неподвижно, а потом частицы головоломки сложились: теперь он знал, что ему следует делать, хотя даже мысль об этом ужасала. Орагиен вызвал его для того, чтобы он помог толкователям рун. Существовал только один путь. Он быстро покинул тайную комнату и начал спускаться по лестнице.

Тревис даже обрадовался бы, если бы кто-нибудь из толкователей рун столкнулся с ним на ступеньках, схватил за руку и спросил, что он тут делает, приказал бы вернуться, — но все мастера сидели в своих кельях. Тревис спустился до самого низа и довольно быстро нашел скрытую арку. Через несколько секунд он уже шагал по другой лестнице.

Ступеньки кончились. Тревис вошел в пещеру с шершавыми стенами, которая находилась под Серой Башней. Тусклый свет струился с потолка, озаряя парящий над полом камень.

Тревис решительно направился к рунному камню. Во рту пересохло, его трясло, но страх не остановил Тревиса. Воздух дрожал, казалось, сердце гулко колотилось в груди. Он остановился возле камня, и его взгляд пробежал по бесчисленным рунам, начертанным на поверхности. Какие знания, какое могущество они могли бы ему передать, если бы заговорили с ним?

Нет, Тревис. Эти знания тебе не нужны. Они необходимы толкователям рун. Они должны узнать их сами. Другого пути нет.

Он поднял обе руки, и после коротких колебаний опустил их на камень. Совсем нетрудно. Потом Тревис открыл свое сознание и, как по водоводу, позволил силе хлынуть в него, когда он произнес одно слово:

— *Рет.*

Противоестественная тишина, повисшая в воздухе, поглотила его голос. Гудение стихло, Тревис сделал вдох и почувствовал... ничего. Значит, у него нет никакой силы. Он повернулся, собираясь отойти от камня.

Послышался оглушительный треск.

Тревису показалось, что в его сознании прогремел удар грома. Он прижал руки к ушам, но его плоть была подобна папиросной бумаге. Вся поверхность рунного камня озарилась сине-серебристым сиянием, свет зазмеился по бороздам рун.

— Мастер Уайлдер! Нет!

Голос потонул в реве. Тревис отскочил назад, рунный камень вспыхнул, а затем потемнел. Через мгновение на пол посыпались осколки. Прошло несколько секунд, и все стихло. Тревис ощутил, как серые тени метнулись вперед. Перед ним возникла белая рука и сверкающие голубые глаза.

— Что ты сделал? Клянусь Олригом, что ты *сделал?*

Я только что всех спас, хотел сказать Тревис. Однако он даже не успел открыть рот, когда грубые руки схватили его и потащили прочь из пещеры, подальше от осколков рунного камня.

ГЛАВА 49

Грейс стояла на небольшом холме, под которым они разбили лагерь прошлой ночью, и наблюдала, как рассветные лучи солнца озаряют бескрайние равнины северной Толории. Горячие пальцы восточного ветра перебирали ее пепельные волосы. За спиной Грейс, у западного горизонта, на самом краю неба, сияла почти полная луна. Один день. У них остался всего один день.

Она услышала, как шуршит под сапогами сухая трава, и обернулась.

— Леди Грейс, что вы здесь делаете? Мне наконец удалось уговорить Даржа прилечь — он бодрствовал всю ночь. Если сейчас он проснется и увидит, что вас нет, то больше не заснет.

Грейс улыбнулась высокому светловолосому рыцарю, а потом ее взгляд вновь обратился на север.

— Я знаю, Бельтан. Мне нужно вернуться. Но мне хотелось проверить, видно ли отсюда Серую Башню.

Грейс услышала, как Бельтан подошел и остановился у нее за спиной.

— И вам удалось ее увидеть?

— Нет, пока нет, — со вздохом ответила она.

Сильная рука легла ей на плечо.

— Мы его спасем, леди Грейс.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что мы должны.

Не поворачиваясь, Грейс кивнула, продолжая смотреть на угрюмые серые тени, парящие у северной линии горизонта точно грозовые тучи.

Когда они спустились с холма, оказалось, что Лирит, Эйрин и Тира уже встали. Женщины тихонько разговаривали, Лирит готовила завтрак, а Эйрин помогала Тире одевать куклу. Из-под одеяла раздавался храп. Грейс приложила палец к губам, и остальные улыбнулись в ответ. Потом она на цыпочках подошла к спящему Даржу и опустилась рядом с ним на колени.

— Сэр рыцарь, — тихонько позвала она, — пора вставать.

Грейс едва успела отпрянуть в сторону, когда Дарж резко сел, глядя на мир широко раскрытыми карими глазами. Он спал в доспехах, а его рука искала рукоять лежащего рядом меча.

— Что случилось, миледи? Разбойники? Дикий кабан? Драконы?

— Завтрак, — с усмешкой ответила Грейс.

Дарж заморгал и вздохнул.

— Ах вот оно что, — пробормотал он.

— Пойдем, сэр рыцарь. Сюда.

Грейс взяла его за руку и помогла рыцарю встать — для этого ей пришлось приложить немало усилий. Дарж был *плотным*.

— Можешь не брать с собой меч. Им не слишком удобно намазывать масло на хлеб. Пусть уж лучше этим займется Лирит.

— Наверное, я стал совсем старым рыцарем, если мне необходима благородная леди, чтобы намазать маслом мой хлеб.

Теперь заморгала Грейс. Ворчание Даржа можно было принять за шутку. Однако резкие черты его лица оставались совершенно серьезными. Грейс прикрыла ладошкой рот, но не смогла удержаться от смеха. Остальные присоединились к ней, и даже на губах Тиры промелькнула короткая улыбка. Дарж лишь тяжело вздохнул.

Они даже рискнули разжечь небольшой костер, чтобы приготовить мэддок. Грейс с удовольствием потягивала горячую сладкую жидкость и чувствовала, как в нее вливается энергия. Теперь у нее хватит сил прожить этот долгий, последний перед полнолунием день.

Они не стали останавливаться в Ар-Толоре. На следующее утро после того, как отряд перешел Димдуорн, впереди возникли семь высоких башен, украшенных яркими знаменами: желтое на зеленом. Дарж и Бельтан направили своих коней к замку, но Грейс остановила их.

Ей пришлось приложить немало усилий, чтобы объяснить, почему им не следует заезжать в замок. Во-первых, нельзя терять времени. Дни проходили быстро, до полнолуния осталось совсем немного. Однако имелись и другие причины.

— Лучше королеве Иволейне не знать, куда мы направляемся, — в конце концов заявила Грейс. — Да и наши мотивы я бы предпочла сохранить в тайне.

Грейс чувствовала, что темные глаза Лирит внимательно наблюдают за ней. Она еще не забыла, что именно Лирит подтвердила подозрения Грейс — колдуньи боятся Тревиса, которого они называли разбивателем рун.

Грейс облизнула губы.

— Уверена, что если кто-нибудь из вас захочет остановиться в Ар-Толоре, королева вас с удовольствием примет.

— Совершенно верно, — кивнула Лирит, усаживаясь в седло.

Грейс облегченно вздохнула. Она была рада, что колдунья остается с ними. И постаралась не думать о том, что ей, возможно, придется приглядывать за Лирит.

В лиге от замка они наткнулись на одного из рыцарей Иволейны, и Грейс попросила его передать своей госпоже просьбу разрешить им проехать через ее владения. После этого Грейс ожидала, что их в любой момент остановят и препроводят в Ар-Толор. Однако им встречались лишь крестьяне, а вскоре после того, как замок исчез из виду, дорога и вовсе опустела.

Отряд без задержек продвигался по Толории, хотя и не так быстро, как хотелось бы Грейс. Лошади не машины — на них невозможно ехать день и ночь без отдыха и кормежки. Кроме того, Дарж и Бельтан тщательно выбирали маршрут, стараясь не попадать в такие места, где их могли окружить враги, как на Таррасском мосту.

Они не говорили о том, что произошло на мосту. Может быть, просто не возникало необходимости. Все видели ужасную смерть Меридара в опаляющих объятиях кронdрима. А потом беспомощно наблюдали, как Дейнен принес свою жизнь в жертву ради спасения Тиры, с улыбкой на лице шагая по раскаленному камню.

Грейс часто прижимала к себе хрупкое тело девочки, когда они скакали по узким дорогам.

Вам удалось спасти Тиру. Ты знаешь, что предпочла бы такой исход общей гибели. В госпитале ты назвала бы подобный исход ничейным, и продолжала бы жить дальше.

По ночам Грейс лежала на спине и смотрела на низкую алую звезду, пульсирующую в небе у нее над головой, и мечтала оплакать Дейнена. Но слез не было, и она успела забыть, как выглядел мальчик.

Хотя они не теряли бдительности, им больше ни разу не довелось увидеть кондримов. Отряд углублялся на территорию Толории, а разведка доносила, что огневики стараются держаться поближе к переправам и горам.

— Или к границам, — сказал однажды вечером Бельтан, когда они разбили лагерь на берегу ручья.

— В каком смысле? — проворчал Дарж.

— Я и сам не очень понимаю. У меня возникло предположение, что кондримы что-то ищут. Или кого-то. И то, что они ищут, постоянно перемещается.

— Конечно, — сказала Эйрин, оторвавшись от починки своего платья. — Они выбрали самую простую тактику. Если ты хочешь найти то, что может оказаться где угодно и скорее всего перемещается, то лучше всего наблюдать за границами между владениями.

Разинув рот, Грейс уставилась на баронессу.

— Откуда ты знаешь, Эйрин?

Молодая женщина пожала плечами.

— Я воспитанница короля, Грейс. И я всегда обращала внимание на то, что происходило вокруг меня.

— Возможно, нам открылась тайна их перемещений, — задумчиво проговорила Лирит, глядя в пламя костра. — Однако мы не знаем, что они ищут.

Наступило молчание. Ни у кого не нашлось теории, которая объясняла бы происходящее.

Когда они вновь отправились в путь, Грейс стала наблюдать за Эйрин. Молодой женщине пришлось многое пережить за те месяцы, что прошли после Дня Среднезимья. Сначала она призвала на помощь Дух Природы, чтобы убить Леотана. Потом у нее на глазах погиб влюбленный в нее Гарф. Наконец, смерть настигла Мерида-ра — и последним словом, слетевшим с его губ, было ее имя. В госпитале Грейс не раз видела, как впадали в ступор люди, пережившие гораздо меньше.

Но чем внимательнее присматривалась Грейс к баронессе, тем очевиднее становилось, что Эйрин сумела справиться со своими проблемами. Временами она казалась печальной и задумчивой, а иногда даже счастливой. В ней появилось спокойствие и достоинство, без самолюбования и заносчивости. Застенчивая и скрытная девушка, которая отправилась в трудное путешествие, осталась на восточном берегу Димдуорна. С моста сошла сильная и благородная молодая женщина.

Однажды вечером Грейс набралась смелости и спросила у Эйрин, что она думает о Меридаре.

Эйрин склонила голову, но потом подняла взгляд, и в ее сапфировых глазах отразился свет уходящего дня.

— Он умер за меня, Грейс. Я ни о чем его не просила и не хотела, чтобы он пожертвовал собой. Однако он погиб, и я уже не в силах что-либо изменить. Поэтому я должна быть сильной. Ради него. А если я не сумею, то какой смысл в его жертве?

Грейс попыталась что-то сказать, но поняла, что Эйрин совершенно права. Девушка повзрослела. Однако ей еще предстояло пройти долгий и трудный путь. Грейс вздохнула и обняла подругу. Да, лучшую подругу — в этом мире или на Земле. Эйрин обняла ее в ответ.

— Я люблю тебя, Грейс, я так тебя люблю.

Я тоже тебя люблю, хотелось сказать Грейс. Но у нее не хватило сил, поэтому она еще сильнее прижала к себе Эйрин.

Только на четвертый день после того, как пересекли Димдуорн, Лирит заговорила о том, что Грейс сделала на мосту.

Женщина из Толории заявила без всяких предисловий:

— Еще никто и никогда не использовал Дух Природы для плетений, подобных тому, что создала ты, сестра.

От неожиданности Грейс уронила нож, которым нарезала хлеб, и посмотрела на Лирит. Колдунья внимательно наблюдала за ней. Эйрин собирала цветы вместе с Тирой и, казалось, ничего не слышала.

— Ты о чем? — спокойно спросила Грейс.

Дарж и Бельтан отошли за хворостом для костра, и ветер мог донести до них лишь обрывки разговора.

Лицо Лирит оставалось невозмутимым, однако в ней чувствовалось напряжение.

— Лучшие из нас — и таких совсем немного — умеют взять несколько нитей Духа Природы и свить из них нечто новое. Это огромный талант, однако наши возможности ограничены. Мы можем заставить человека увидеть тень, которой не существует, или услышать голос, неуловимый для других. Все это полезные вещи, иногда они дают нужный результат, но речь идет лишь об иллюзиях.

Эйрин перестала рвать цветы — она внимательно слушала Лирит. Грейс застыла на месте, не в силах пошевелиться, словно высеченная из камня статуя. Тира беззвучно кружилась среди высокой травы.

— Я не понимаю, — наконец пробормотала Грейс.

Губ Лирит коснулась быстрая улыбка.

— И я тоже. То, что ты сделала у реки, не было иллюзией, Грейс. Все получилось по-настоящему. Ты не пыталась пле-

сти нити, более того, едва их касалась. Тебе удалось создать нечто вроде сосуда, потом ты пропустила могущество реки через себя и направила воду на огневиков.

Грейс сжала рукоять ножа. Может быть, для Лирит такой способ кажется странным, но у нее не было другого выхода. Она не могла плести нити, поскольку нить ее собственной жизни, связанная с Духом Природы, уходила в тень. Чтобы добраться до Духа Природы, ей пришлось бы сначала пройти через тень.

В ее сознании пульсировало черное пятно, постоянно меняющее форму: мерцающие в темном пламени стены, зазубренные купола, пустые глаза окон, глядящие на нее с горных вершин. Нет — она не пойдет туда, куда тянется ее нить. Однажды ей удалось уцелеть; второй раз она не спасется.

— Вы мне помогли. — Грейс поняла, что произнесла эти слова только после того, как увидела удивленное выражение на лице Лирит. — Ты и Эйрин. Без вас... у меня бы ничего не получилось.

Лирит закрыла глаза, и выражение удивления исчезло.

— Да, источник силы находился не только в реке.

Грейс перевела взгляд на Эйрин, которая смотрела на них, забыв о цветах.

— У тебя кровь, Грейс. Ты порезалась, — сказала Эйрин.

Грейс подняла руку. Лезвие задело палец, кровь текла тоненькой алой струйкой.

— Я принесу чистую тряпицу, — сказала Лирит.

Больше о том, что произошло на берегу Димдуорна, они не разговаривали.

Три дня спустя — шесть после событий у моста — они завтракали у подножия холма. Светало, и маленький отряд приготовился продолжить путешествие.

Сложив остатки продуктов в седельные сумки Шандис, Грейс взяла пару фляжек и направилась к ручью. Над прозрачной водой склонились ветви ивы.

В тот момент, когда Грейс поняла, что у воды кто-то есть, было уже поздно. Человек мгновенно вскочил на ноги, в руке его сверкнул меч.

— Грейс!

Бельтан опустил клинок. Вода стекала с его светлых волос на обнаженные плечи.

Грейс поднесла руку к груди. Будь она грабителем, ее уже настигла бы смерть. Полезное напоминание. Бельтан добрый и благородный человек, и она успела забыть, что перед ней приверженец Ватриса, воин. Многочисленные шрамы на бледной коже напоминали о жестоких сражениях, в которых он принимал участие. Самым заметным из них был багровый рубец на боку — эту

рану он получил во время Дня Среднезимья. Рана плохо зарубцевалась.

Грейс сообразила, что молчание затянулось.

— Извини, Бельтан. Я не хотела тебя напугать.

— Все в порядке. Вы были в тени, и я вас не заметил.

Он отвел влажные волосы со лба и наклонился, чтобы убрать меч в ножны.

Грейс нахмурилась. Испуг прошел, но ее продолжало что-то беспокоить. Бельтан вопросительно взглянул на нее.

— Что-то случилось?

Некоторое время она молча смотрела на него, а потом поняла. Ее имя. Дело в том, как он его произнес.

Грейс!

В видении, когда перед ее мысленным взором возник привязанный к камню возле Серой Башни Тревис, он повернулся и с тем же удивлением произнес ее имя. Грейс полагала, что Тревис не мог ее видеть и просто отчаянно звал на помощь. А что, если она ошиблась? И он *действительно* ее разглядел?

Вы были в тени, и я вас не заметил...

Больше Грейс не сомневалась. Да, все правильно — Тревис произнес ее имя, потому что увидел ее. Значит, остается только один вариант.

— Ты была там, Грейс, — пробормотала она. — Точнее, ты там *будешь*. Вот как он тебя увидел.

Бельтан с опаской посмотрел на нее.

— Леди Грейс, с вами все в порядке?

Она улыбнулась рыцарю.

— Мы успеем, Бельтан. Теперь я уверена. Я была там, возле камня. То есть, я там *буду*. И сумею помочь Тревису.

Бельтан улыбнулся в ответ.

— Я не понимаю, о чем вы говорите. Но если вы так считаете, значит, так тому и быть.

Впервые после событий возле моста у Грейс появилась надежда — настоящая надежда. Она со смехом обхватила широкие, мокрые плечи Бельтана, еще сильнее удивив рыцаря.

ГЛАВА 50

На сей раз хор толкователей рун собрался на рассвете. Сквозь узкие окна внутрь башни проникал сердитый красный свет. Тревис понимал, что это всего лишь солнце. Однако его цвет напоминал кровь, и хотя мастера в серых рясах говорили

шепотом, он знал, что ему грозит опасность. Возможно, самая серьезная с тех пор, как он впервые появился на Зее.

Тревиса страшил предстоящий день, но все же он радовался, что утро наступило. Ночь, которую он провел в своей келье, тянулась бесконечно. Он сразу понял, что дверь заперта при помощи руны *бану*. Долгие ночные часы он просидел на своей постели, рассчитывая услышать Джека, умоляя его дать совет. Но в его сознании звучал лишь голос Орагиена.

Клянусь Олригом, что ты сделал?

Несмотря на слова Орагиена, уничтожение рунного камня не имело никакого отношения к Олригу. Тревис сделал это для толкователей рун — и для себя. Другого утешения он не находил — но даже если бы ему дали возможность снова прожить вчерашний день, Тревис поступил бы так же. Однако у него возникло предчувствие, что будет трудно убедить толкователей рун в правильности своего поступка.

За ним пришли в серые предутренние часы.

Тревис услышал и почувствовал шепот волшебства, когда была произнесена *урат,* руна открывания. Когда дверь распахнулась, Тревис надеялся увидеть Эмпирея. Однако на пороге стояли два толкователя рун. Тревис видел их во время хора, но не знал имен.

Старший из двух мастеров посмотрел на младшего.

— Наложим на него руну молчания.

Вам не следует этого делать, — хотелось сказать Тревису. — *Я не буду произносить руны, чтобы спастись.*

Однако он не успел открыть рот, как толкователи рун вместе произнесли:

— *Сирит.*

Тишина окутала Тревиса, задушив непроизнесенные слова. В нем вспыхнула искра гнева, захотелось произнести руну *рет,* которая обратила бы руну молчания против них самих. Нетрудная задача, хотя толкователей рун было двое. Они обладали очень слабым волшебством, его едва хватало, чтобы удерживать действие заклинания.

Однако Тревис лишь стиснул зубы, позволяя тишине сомкнуться вокруг него. Он прекрасно все слышал, но до тех пор, пока действие руны продолжалось, не мог произнести ни звука.

— Пойдешь с нами, — сказал младший мастер.

Они никого не встретили, когда спускались вниз по лестнице. Оказавшись в зале хора, Тревис понял почему. Воздух куполообразного зала шуршал от шепота: одна за другой накатывали океанские волны звука. В зале собрались все толкователи рун, заняв почти треть каменных рядов.

На помосте в центре зала замер Орагиен. Тревис знал, что Гроссмейстер пережил восемьдесят зим, но впервые за

все время он выглядел на свой возраст. Лицо Гроссмейстера посерело, он стоял, тяжело опираясь на рунный посох, казалось, отними у него эту опору, и ему не удержаться на ногах.

Возможно, так и было. Он призвал сюда Тревиса, чтобы тот помог толкователям рун изучить рунный камень, открыть его тайны. А Тревис уничтожил уникальный артефакт. Не исключено, подумал Тревис, что вместе с рунным камнем он нанес непоправимый урон авторитету Гроссмейстера.

Когда чувство вины стало невыносимым, Тревис заставил себя не думать о Гроссмейстере.

Помни, Тревис, ты ни о чем не просил. Не ты пел песню о радуге и не ты мечтал о том, чтобы тебя забрали из Колорадо и притащили сюда. Если толкователи рун полагают, что могут призвать тебя в любой момент, чтобы ты исполнял их желания, то они жестоко ошибаются.

Теперь в груди у него кипело негодование, как в тот день, когда он разговаривал с агентом «Дюратека» в Касл-Сити, а потом с Дейдрой и Адрианом Фарром. Казалось, все хотели его как-то использовать: «Дюратек», Ищущие, толкователи рун. Даже Джек Грейстоун. Так нечестно. Однако Тревис понимал, что честность не имеет к происходящему ни малейшего отношения. Он вздохнул, однако ему не удалось произвести ни малейшего шума.

— Сюда, — сказал младший толкователь рун, дернув Тревиса за руку, и его подвели к ближайшей к помосту скамье. — Садись.

Тревис не знал, как поступить. Впрочем, даже если он сумеет отсюда сбежать, куда ему деваться? Вне стен башни он найдет не больше любви, чем под их защитой.

Тревис сел на пустую скамью, и двое толкователей рун отошли от него. Он чувствовал, как сердитые глаза сверлят его затылок, но не стал оборачиваться. Тревис опустил голову и сжал правое запястье. И понял, что думает о Грейс Беккетт. Эх, если бы она оказалась рядом. Сейчас очень пригодилась бы ее холодная логика, без которой ему не разобраться в проблемах рунных мастеров. Но Грейс далеко отсюда, за толстыми каменными стенами замка, где ей не грозит опасность.

— Хор начинается!

Голос Орагиена эхом прокатился по залу. Он говорил не слишком громко — здесь в этом не было необходимости — но слова получились холодными и жесткими. Теперь Гроссмейстер стоял, гордо расправив плечи, а его голубые глаза метали молнии. В Орагиене осталось еще много сил.

Шепот стих, теперь лишь древние голоса продолжали свой тихий неумолчный разговор. Орагиен не смотрел на Тревиса, его взгляд был устремлен выше его головы.

— Я собрал сегодняшний хор, как того требует закон, хотя сейчас еще у нас мало фактов. Однако нам хорошо известно, какое совершено преступление, и мы знаем, кто виновник. — Здесь взгляд Орагиена полоснул Тревиса. — И что наш орден будет делать теперь, когда рунного камня больше нет, должен решить не хор, а сотня хоров. Поэтому сегодня перед нами всего один простой вопрос. — Орагиен направил свой рунный посох прямо в сердце Тревиса. — Необходимо решить судьбу еретика.

Тревис стиснул зубы. Во всяком случае, не будет дурацкого суда.

Орагиен опустил посох.

— Готов ли кто-нибудь сказать слово в защиту *разбивателя рун?*

Смех сорвался с губ Тревиса — неужели найдется безумец, который решится *его* защищать? — но, к счастью, руна молчания помешала собравшимся услышать смех Тревиса. Однако он заметил какое-то движение.

Не он один, разинув рот, смотрел на невысокого толстенького толкователя рун, решительно направившегося к помосту. Кустистые брови Орагиена сошлись на переносице.

— Мастер Эрион, ты будешь говорить в защиту этого человека?

— Да, Гроссмейстер. — Близорукие глаза широко открылись, когда по залу пробежал шум удивления. — Точнее, я хотел сказать, *нет.*

Орагиен нахмурился еще сильнее.

— Я тебя не понимаю, мастер Эрион.

Эрион нервно потер руки.

— Я просто хочу высказаться, Гроссмейстер. Можно?

Орагиен явно колебался.

— Ладно, мастер Эрион. Но постарайся быть кратким.

Эрион откашлялся, а потом его голос воспарил до самого купола.

— Я задаю себе вопрос: понимаем ли мы, что делаем? У меня создается впечатление, что в последнее время мы вообще мало что понимаем. Мы не могли разобраться в рунном камне. — Он прикусил губу. — Во всяком случае, раньше не могли. Мне неизвестно, как нам удалось вызвать сюда мастера Уайлдера, даже с посторонней помощью. Мне неясна природа его силы. Почему повелитель и разбиватель рун с трудом способен прочитать простейшие руны? — Эрион оглядел притихших толкователей рун. — Я вовсе не хотел вас обидеть, мастер Уайлдер!

Тревис невольно ухмыльнулся. *А я и не собирался обижаться.*

Эрион открыл рот, нахмурился и развел руками.

— Вот и все, что я хотел сказать. Мне кажется, что мы слишком торопимся в ситуации, когда плохо понимаем происходящее, и можем наделать ошибок.

Эрион спокойно вернулся на свое место. Смелый поступок. Однако Тревис понимал, что теперь его положение только ухудшится.

— Мастер Эрион прав. — Жесткий голос разрезал полный шепотов воздух. — Мы действительно многого не понимаем. Пришло время разобраться.

Мастер Ларад спускался по ступенькам к помосту. Он не смотрел ни на Орагиена, ни на Тревиса, а сразу обратился к толкователям рун.

— Пришло время разобраться, почему он оказался среди нас. И почему считалось, что он может нам помочь. Более того, пора решить, кто должен возглавить наш орден, когда рунный камень разбит. — Мрачный взгляд Ларада метнулся к Орагиену. — Впрочем, возможно, для этого еще не пришло время... пока.

Глаза Орагиена сердито сверкнули, но он лишь вцепился в свой посох и промолчал. Ларад продолжал, вышагивая перед помостом, словно серый кот. В косых лучах восходящего солнца казалось, что шрамы у него на лице налились кровью.

— Мастер Эрион сказал правду, мы многого не понимаем. В течение пяти столетий в Фаленгарте не было ни одного разбивателя рун. Черные рясы, как и Черная Башня, запрещены много лет назад. С тех пор их умения прикрывала завеса тайны. — Ларад показал на Тревиса. — Тем не менее, когда он появился в нашем мире, мы сразу же пригласили его в нашу башню. Мы называли его повелителем рун. Возможно, так и есть. Но это не меняет главного: он *разбиватель* рун!

По рядам вновь разнесся шум, только теперь он стал значительно громче. Тревис ухватился за острый край скамьи.

Голос Ларада разносился до самых дальних уголков зала.

— Неужели вы забыли? Разве не разбиватели рун вызвали ненависть и страх, который быстро распространился на все рунические ордена? Черные рясы запрещены правильно — теперь мы на собственной шкуре понимаем это. Так что я призываю вас закончить обсуждение и начать скандирование. Для еретика и разбивателя рун есть только одно наказание.

Не глядя на Орагиена, Ларад вернулся на свое место. Гроссмейстер заметно побледнел, однако не стал спорить с Ларадом и кивнул.

— Мастер Ларад призвал нас к скандированию. Что ж, так тому и быть.

Тревис не понимал, что происходит. Каждый мастер закрыл глаза и сел совершенно неподвижно. В зале наступила тишина. А потом одна-единственная нота взметнулась в воздух. Затем к ней стали присоединяться новые и новые, пока не начали резонировать стены. Каждый толкователь рун повторял одну ноту, которая сливалась с другими.

Сначала в воздухе царил диссонанс, но временами возникали гармонические сочетания, эхом отражавшиеся от полированных стен. Скандирование становилось все более сильным. Руки Тревиса потянулись к ушам. Руна тишины не ослабляла звук, и скандирование наполнило его мозг. Тревис понял, что еще мгновение, и его череп разнесет на куски, как совсем недавно это произошло с рунным камнем.

— *Прекратите!*

Хриплый крик пронзил воздух, разрушив наметившуюся гармонию. Скандирование прекратилось, но его эхо продолжало отражаться от стен, превращаясь в оглушительный рев, однако постепенно звук затухал, хотя его отголоски проносились по залу, словно осколки разбитого стекла. Все прижали руки к ушам, чтобы сохранить разум.

Наконец шум стих, превратившись в негромкое шипение. Тревис с трудом оторвал руки от ушей. Только теперь он заметил, что взоры всех присутствующих обращены на него, и сообразил, что кричал он, разрушив наложенную на него руну тишины.

— Я хотел помочь вам, — сказал Тревис. Его хриплый шепот слышали все, хотя он и мешался с отголосками скандирования. — Вы должны понять, мастер Орагиен. Я поступил так для того, чтобы вы учились сами. Без меня, без посторонней помощи.

Его слова стихли. Потом негромко заговорил Орагиен.

— Скандирование обрело гармонию, мастер Уайлдер. Все голоса едины. Хор принял решение.

Тревис заглянул в голубые глаза Орагиена. Теперь в них сиял новый свет: печаль. Тревис хотел еще что-то сказать, но Гроссмейстер остановил его жестом, который произвел на него более сильное впечатление, чем любая руна.

— Завтра на закате, когда наступит полнолуние, мастер Уайлдер будет привязан к стоящему перед нашей башней нулевому камню, рядом с которым не может быть произнесена ни одна руна.

Несколько мгновений Орагиен колебался, но Тревис уже знал, какие слова будут произнесены.

— И он умрет.

ГЛАВА 51

Они упорно скакали весь день — Грейс и Тира, Эйрин и Лирит, Дарж и Бельтан, — и лиги исчезали под копытами лошадей одна за другой, а крутые склоны Фол Эренна стремительно приближались, все выше поднимаясь в небо, которое из нефритового превращалось в яшмовое.

По мере того как они приближались к горам, воздух становился все суше, и зеленые луга уступили место пастбищам с узкими ущельями и горными кряжами. Если бы у нее было время для сравнений, то ландшафт напомнил бы Грейс о ее детстве в Колорадо, в горах возле Касл-Сити, рядом со Странноприимным домом Бекетта. Однако сейчас ее занимала только одна мысль.

Ты была здесь, Грейс. Ты здесь будешь. Ты видела это место в твоем видении.

Если бы Грейс позволила себе задуматься, то она удивилась бы: почему ее охватило такое нестерпимое желание прийти на помощь Тревису Уайлдеру? Да, конечно, он ее друг — уже одно это достаточная причина. Более того, он помог спасти Зею во время празднования кануна Дня Среднезимья. Разве он заслужил смерть на костре?

Все так, но не только поэтому она сейчас подгоняла Шандис. Точно такая же сила заставляла ее переходить от одного пациента к другому в Денверском госпитале, оказывая помощь, забывая о себе, до тех пор, пока у них оставались хоть какие-то шансы на жизнь. Ей не удалось спасти Гарфа. Смерть Меридара и Дейнена была неизбежна. Потерять Тревиса она не могла.

— Миледи!

С некоторым опозданием Грейс натянула поводья, остановив Шандис, копыта которой заскользили по сланцевой глине. Остальные еще раньше придержали своих лошадей — Грейс едва не ускакала вперед. Она развернула Шандис, чтобы присоединиться к друзьям, и только сейчас поняла причину остановки.

Впереди вздымались к небу горы, один из утесов стоял чуть в стороне, его связывал с остальными горами лишь узкий перевал. А на вершине утеса высилась одинокая башня из серого камня.

Грейс опустила взгляд и увидела узкую тропу, уходящую вверх по крутому склону. Она так торопилась, что промчалась мимо. Лучи клонящегося к западу солнца окрасили стены башни алыми сполохами — казалось, она горит. У Грейс закружилась голова, и она схватилась за гриву Шандис. И хотя она находилась под башней, а не парила над ней, башня выглядела такой же, как в ее видении.

Нет, Грейс, ты ошибаешься — ведь полнолуние наступит только завтра. У тебя есть еще один день. Ты успела.

Маленькая ладошка коснулась ее щеки, и Грейс посмотрела в безмятежные глаза Тиры. Девочка улыбнулась левой стороной лица, правая так и осталась неподвижной маской. Грейс прижала к себе малышку, словно могла передать ей любовь, а не только тепло своего тела. Потом взглянула на остальных.

— Ну, мы на месте.

Бельтан посмотрел на три минарета, венчающие башню.

— Не могу сказать, что башня выглядит гостеприимно.

— А на что ты рассчитывал, воин Ватриса? — задумчиво спросила Лирит. — Думал, здесь таверна, где рослые молодые парни подносят бесплатные кружки эля светловолосым рыцарям?

В зеленых глазах Бельтана вспыхнул огонь.

— Нечто вроде того.

Дарж соскочил на землю.

— Лошадям здесь не пройти. Да и нам будет трудно. Не удивлюсь, если кто-нибудь подвернет ногу и свалится вниз.

— Ну, Дарж, — сказала Эйрин, когда Бельтан помог ей соскочить на землю, — теперь мы точно доберемся до самого верха.

Дарж нахмурился.

Эйрин одарила Даржа лучезарной улыбкой.

— Ты знаешь, Дарж, если сказать вслух о каких-то неприятностях, они никогда не случаются.

Бельтан поскреб светлую щетину на подбородке.

— Пожалуй, леди Эйрин права. В те дни, когда ты просыпаешься с мыслью: «Еще до ужина кто-нибудь воткнет в мой живот меч», ничего похожего не случается. А вот в тех случаях, когда отправляешься на прогулку, напевая веселенький мотив и размышляя о рослых парнях, разносящих дармовой эль, кто-нибудь выскакивает из кустов и втыкает в тебя кинжал.

Лирит рассмеялась, и ее смех эхом отразился от мрачного камня.

— Иными словами, ты хочешь сказать, что всякий раз, когда Дарж рассуждал о каких-то конкретных опасностях, он, тем самым, отводил от нас неприятности?

— Совершенно верно, — заявила Эйрин.

Подобрав подол платья, Лирит присела в глубоком реверансе перед Даржем.

— Благодарю за защиту, сэр рыцарь.

Глаза Даржа едва не вылезли из орбит, и он открыл рот для ответа, но ничего подходящего ему в голову не пришло, он закрыл рот, промычал что-то невнятное и отвернулся к своему жеребцу.

У Грейс вдруг стало так тепло на душе, что она не сдержала улыбки. Она до сих пор не понимала, как ей удалось заполучить таких замечательных друзей. Впрочем, за последние несколько месяцев Грейс научилась не удивляться тому, что в ее жизни случалось что-нибудь хорошее — без всякой на то причины.

Тени заметно удлинились, улыбка исчезла с лица Грейс, и она вздохнула.

— Наверное, нам пора двигаться дальше. Я заметила, что в вашем мире люди предпочитают принимать нежданных посетителей до наступления темноты.

Дарж и Бельтан кивнули. Эйрин посмотрела на Лирит.

— Нас примут в башне, сестра?

Лирит разгладила подол своего красновато-коричневого платья.

— Толкователи рун никогда не имели дел с колдуньями — как и мы с ними.

Бельтан с недоумением посмотрел на Лирит, но Грейс все поняла.

Она продолжает думать, что Тревис — разбиватель рун, Грейс, и что его не стоит спасать. Ты уверена, что Лирит следует брать с собой в башню?

Подозрение вызвало у Грейс тошноту, и она заставила себя отбросить его в сторону.

— Мне кажется, здесь конюшня, — сказал Бельтан, показывая на низкое каменное строение, которого Грейс раньше не замечала, поскольку оно сливалось со скалой.

Светловолосый рыцарь отправился на разведку, а потом поманил остальных. Они приблизились к каменному строению, ведя лошадей на поводу.

— Да, и в самом деле конюшня, — сказал Бельтан. — Хотя ею уже много лет не пользовались.

Эйрин погладила шею своей кобылы.

— С нашими лошадьми ничего не случится? Вдруг их кто-нибудь украдет?

В глазах Даржа загорелся мрачный огонь.

— Тогда его череп познакомится с копытами Черногривого.

Вороной жеребец Даржа фыркнул в ответ, и Грейс решила, что тот ответил своему хозяину.

Мужчины привязали лошадей внутри конюшни, после чего шестеро путешественников вернулись к началу тропы. Краем глаза Грейс заметила серебристо-голубую вспышку. Она посмотрела вверх и увидела, что на вершине башни зажегся свет. Потом он погас.

— Они нас заметили, — сказал Дарж.

Грейс кивнула и, сжимая маленькую ладошку Тиры в руке, решительно зашагала по тропе.

Как и предполагал Дарж, подъем оказался тяжелым, но не слишком опасным. Тропа была вырублена в скале, и после того, как здесь прошли тысячи ног, на ней не осталось мелких камней. Самыми трудными оказались места, где ступеньки были высечены почти в вертикальных участках. Перила отсутствовали, и путешественники с трудом удерживались на скользких камнях — Грейс казалось, что земля тянет ее назад. Лишь Тира с легкостью взбиралась по ступенькам с такой быстротой, что сразу опередила остальных, не раз заставляя сердце Грейс замирать.

К тому моменту, когда они выбрались на небольшое плато перед башней, солнце успело скрыться за высокими

пиками, и сумерки быстро спустились с гор. Приближаясь к вратам, они миновали высокий камень. Грейс содрогнулась, вспомнив, как смотрела на него в своем видении — ведь именно к нему привязали Тревиса. Да, здесь его привяжут завтра.

Но ты будешь рядом, Грейс. Я не знаю как, но ты найдешь способ его спасти.

Они остановились перед тройными вратами башни. Створка тут же открылась внутрь. На пороге стоял пожилой бородатый человек в серой рясе. Его фигуру озарял слабый рассеянный свет, идущий из башни. С сурового лица на незваных гостей взирали орлиные глаза, руки сжимали изукрашенный резьбой посох. За пожилым человеком столпились другие мужчины в серых рясах, лицо одного из них покрывали тонкие белые шрамы. Человек с посохом заговорил:

— Один рыцарь из Кейлавана, другой из Эмбара, три дочери Сайи и обожженный ребенок. — Пожилой человек покачал головой. — Необычный отряд пожаловал в нашу башню.

Грейс открыла рот. И произнесла всего лишь одно слово:

— Руны?..

Слабая улыбка появилась на тонких губах старика — возможно, то была лишь тень.

— Нет, ваша милость, я обошелся без волшебства. Мы все слышали историю о Тревисе Уайлдере и его спутниках. Так что вас совсем нетрудно узнать. За исключением ребенка. И вас, миледи. — Он кивнул в сторону Лирит. — Графиня из южной Толории, не так ли?

Лирит кивнула. Грейс почувствовала, как ее охватывает волнение.

— Тревис здесь, верно?

Старик вновь кивнул, и улыбка исчезла.

Бельтан выступил вперед и встал рядом с Грейс.

— Нам необходимо поговорить с Тревисом. *Сейчас.*

— Вы увидите его, — обещал старик. — Позже.

Он сделал едва заметный жест в сторону мужчины со шрамами. Слишком поздно Грейс поняла его смысл. Рука Бельтана метнулась к мечу, но он опоздал.

— *Синфат!*

Дюжина голосов одновременно произнесла имя руны, и глубокие тени опустились на путешественников. Мрак навалился на Грейс со всех сторон, она услышала сдавленные крики своих спутников и поняла, что их постигла та же участь. Потом тьма сгустилась, наполняя ее разум, точно туман, окутавший все вокруг.

ГЛАВА 52

Сквозь узкую прорезь окна Тревис наблюдал за тем, как первые лучи чертят медные полосы по лазурному небу. Время почти пришло.

Он взглянул на свои руки — они дрожали. Может быть, это страх. Или голод. Его не кормили весь день — вскоре после рассвета мрачный ученик принес ему лишь кувшин воды с металлическим привкусом. После этого к нему никто не приходил, и Тревис сидел на кровати, наблюдая за тем, как узкая полоска солнечного света движется по стене.

Конечно, он пробовал открыть дверь. Тревис не рассчитывал, что она окажется незапертой, но так полагалось. Однако дверь не поддавалась, и хотя Тревис ощущал присутствие руны закрытия, на сей раз рунные мастера использовали более земные средства, чтобы удержать его в келье. Некоторое время он смотрел на дверь, желая, чтобы она открылась, и на пороге возник улыбающийся Эмпирей, пришедший, чтобы его освободить. Потом Тревис отказался от этого бесполезного занятия.

Ты один, Тревис. Они не пустят к тебе Эмпирея. И на этот раз Бельтан не придет, чтобы спасти тебя, как у Рунных Врат. Так уж получилось.

Он вздохнул, размышляя о своем добром друге. Хотелось увидеть его еще раз. Вот было бы здорово поговорить с ним, узнать, как он живет. Но на встречу рассчитывать не приходилось.

Тревис старался не думать об этом, но мысли постоянно возвращались к одному и тому же. Сколько времени он будет умирать? Однажды, в Эридане, он видел, как приверженцы культа Ворона привязали толкователя рун к шесту. Он висел на нем, точно пугало. На груди у несчастного красовалась табличка с надписью: «ЕРЕТИК».

Еретик. Именно так сказал Орагиен. Но разве по-другому называли людей, говоривших правду, которую никто не хотел слушать? Разве инакомыслящих не распинали на крестах, заборах... или камнях?

Медные полосы за окном запылали и расползлись по всему небу. Послышался звук приближающихся шагов.

— Ни одно доброе дело не остается безнаказанным, — пробормотал Тревис.

Кто знает, возможно, это не худший вариант конца? Может быть, толкователи рун сразу не поймут, но он им *помог.* Они все равно узнают — другого не дано. Наверное, многие люди умирали, добившись меньшего. Он сложил руки на коленях. Ждать осталось недолго.

Клянусь огнем кузницы Дарнака! Неужели ты собираешься позволить им это сделать с тобой, Тревис?

Он поморщился, услышав голос в своем сознании.

— Джек.

Тревис даже не знал, стоит ли радоваться, когда голос наконец вновь заговорил с ним. Да, он не раз помогал ему в минуты опасности. Но чаще вызывал печаль — напоминая, что с ним сделал Джек, и как он изменился.

Это абсурд, Тревис. Тебя хотят казнить болваны, которые превратились в бледные тени прежних толкователей рун. А ты повелитель рун. Им следует подчиняться твоим приказам, а не ставить под сомнения поступки.

— Я уничтожил рунный камень, Джек. — Тревис говорил вслух — так диалог казался ему менее безумным.

Да, клянусь Олригом, ты им показал, Тревис. Я не ожидал, что ты окажешься таким отважным. Не уверен, что многие из нас осмелились бы на такой поступок. Но теперь остался только ты. Ты все, что у нас есть.

На мгновение Тревису показалось, что в его голове звучат и другие голоса — огромный хор, достигший единения. Потом он снова услышал только голос старого друга.

В этом нет никакой необходимости. Как только они откроют дверь, ты можешь уложить всех одной рукой и спокойно уйти. У тебя есть сила.

Тревис сжал правую руку в кулак.

— Нет. Джек. Не стану я причинять им вред. Я больше никому не причиню вреда. Я дал клятву, и намерен ее исполнить. Я не просил у тебя силы.

Какая полнейшая чушь! Никто не просит силы — за исключением идиотов и безумцев. Но она у тебя есть, Тревис, и твой долг ее использовать.

Тревис покачал головой:

— Нет, если из-за моей силы пострадают другие люди. Если бы я мог уйти от нулевого камня после того, как они меня там оставят, я бы воспользовался своей силой. Но там я не могу произнести руну — знаю, я уже пытался. Так что мне уже ничего не поможет.

Пауза получилась долгой, и Тревис решил, что в этот последний час голос его покинул. Потом в его сознании вновь послышался знакомый шепот.

Ты ошибаешься, Тревис. Нулевой камень очень древний артефакт, но есть силы еще более древние. Тебе поможет рука Олрига.

Жестокая шутка. Тревис ударил кулаком по колену.

— Но Олрига здесь нет. Разве ты забыл? Старые боги ушли.

Ты уверен?

Тревис открыл рот, но так ничего и не сказал. Какой смысл отвечать? Казалось, в его сознании захлопнулась дверца, и голос исчез. Одновременно другая дверь — в его келью — распахнулась. Вошли трое постигающих путь. Тревис встал.

— Вам это не потребуется, — сказал он, когда один из них достал кусок кожи.

Однако тот не обратил на слова Тревиса внимания и завязал ему рот. Очевидно, они не хотели рисковать — ведь один раз он уже сумел разбить руну молчания. Они взяли его за руки и вытолкнули в дверь.

Несколько раз Тревис спотыкался и едва не свернул себе шею на ступеньках. Однако всякий раз они ловили его в самый последний момент. Наконец они вышли из ворот башни.

Свет умирающего дня растекался, точно кровь, по площадке перед башней. Здесь собрались все толкователи рун, они выстроились полукругом, лицом к западу. Тревис не видел нулевой камень, но знал, что тот ждет его, оставаясь темной точкой в сознании. Жесткие руки подтолкнули его вперед.

Струйки пота потекли по спине Тревиса, он шел вперед, с трудом переставляя ноги. Трудно было не думать о побеге. Если бы хоть на мгновение избавиться от кляпа, он мог бы обездвижить своих мучителей при помощи *гельта* или сжечь их посредством *кронда*. И убежать. Куда? Возможно, в Кейлавер, чтобы повидать Грейс и Бельтана, и...

Толкователи рун расступились, пропуская его вперед, и все мысли вылетели у Тревиса из головы. Он смотрел на черный нулевой камень и кучу сложенного рядом хвороста. Страх превратился в панику. Он начал вырываться, и тогда новые руки вцепились ему в плечи, потащили к камню. Тревис попытался закричать, но кожаный кляп не давал произнести ни звука. Он ошибся. Как же страшно, как глупо ошибся! Он думал, что они привяжут его к камню и разойдутся по своим делам.

А они хотят сжечь его заживо.

ГЛАВА 53

Нет, она рассчитывала, что все будет не так.

— Должен существовать выход отсюда. Должен.

Грейс в очередной раз провела рукой по неровной поверхности деревянной двери, цепляясь ногтями за каждую щелочку, надеясь отыскать слабое место.

— Грейс. — Голос Эйрин был тихим, но настойчивым. — Грейс, это бесполезно. Прекрати.

Грейс поколебалась, а потом взглянула на свои пальцы: по ним текла кровь. Она молча кивнула и отошла от двери. Эйрин вздохнула и бросила тревожный взгляд на Лирит. Губы колдуньи были плотно сжаты, она молча сжимала худенькие плечи Тиры.

Грейс принялась ходить по клинообразной келье. Они пришли в себя через некоторое время после захода солнца — после того, как действие руны закончилось. Первое, что увидела Грейс, когда открыла глаза, было безмятежное лицо Тиры, склонившееся над ней. Теперь приближался новый закат. И Грейс знала, что когда над западными горами взойдет луна, она будет полной.

Может быть, попробовать кричать, но горло у нее болело так же сильно, как пальцы. Да и толку от этого никакого. Они больше не придут. Во всяком случае, до заката солнца. Орагиен высказался предельно ясно.

Старик, который встретил их у входа в башню, явился после рассвета и заговорил с ними сквозь щель в двери. Он назвался Гроссмейстером Серой Башни.

— Почему вы держите нас взаперти? — резко спросила Эйрин, прежде чем Грейс и Лирит успели заговорить.

Васильковые глаза баронессы метали молнии. Если Грейс успела забыть о благородном происхождении Эйрин, то юная баронесса о нем ей напомнила.

— Для всех будет лучше, если вы останетесь здесь, — устало, но решительно ответил Орагиен.

— И за какое преступление нас сюда посадили?

— Вы не совершали преступлений, добрая сестра. Завтра, после рассвета, мы вас отпустим, и вы сможете покинуть башню.

Грейс стиснула зубы. После рассвета... и после того, как они убьют Тревиса. Разве не это имел в виду старик?

Голос Эйрин напоминал холодную сталь.

— Я баронесса Кейлаванская, со мной герцогиня, а также графиня из Толории. Все мы подруги королевы Иволейны. Неужели вы надеетесь, что вам не придется ответить за свое деяние?

Орагиен провел морщинистой рукой по лицу.

— В конце концов нам всем приходится держать ответ за свои деяния, добрая сестра.

Кровь отхлынула от лица Эйрин, и она не нашлась, что ответить. Лирит обняла ее за плечи и отвела в сторону. Орагиен тоже отступил от двери.

Подождите! — попыталась закричать Грейс. — *Вы так и не сказали, почему собираетесь убить Тревиса!*

Однако дверь плотно закрылась, и с тех пор никто не подходил к келье.

Теперь Грейс сидела на одной из двух кроватей, стоящих в тесной келье. Она закрыла глаза и поднесла руку ко лбу. Они все проснулись с головной болью. Возможно, это результат рунного волшебства.

— Вот, выпей.

Грейс открыла глаза и увидела, что Лирит протягивает ей деревянную чашку. Им оставили кувшин с водой, немного хлеба и изюма. Грейс отпила воды, головная боль немного утихла.

— Может быть, нам следует попробовать еще раз, — сказала она, возвращая чашку и заглядывая в черные глаза Лирит, — использовать Дар.

Лирит положила тонкую руку на плечо Грейс.

— Стены сделаны из камня, сестра. А дверь — из дерева и железа. Здесь нет тумана или воды. Ты пыталась сегодня утром, когда у тебя было больше сил, но ничего не смогла сделать. Неужели ты рассчитываешь на успех сейчас, после стольких бесплодных попыток?

Грейс вздрогнула.

Может быть, ты не хочешь, чтобы я открыла дверь, сестра. Ведь ты считаешь, что он разбиватель рун. Возможно, ты не хочешь, чтобы я его спасла.

Нет, подобные мысли настоящее безумие, она слишком устала. Лирит ее друг.

— Ты права, — со вздохом сказала Грейс. — И даже если бы мы не так устали, Дар здесь значительно слабее. Не думаю, что во всей башне достаточно энергии, чтобы наполнить наперсток!

Эйрин провела рукой по удивительно гладкой стене.

— Нет, ты ошибаешься. Тебе мои слова покажутся странными, но в этих камнях есть жизнь. Она напоминает Дух Природы, но иная. Холоднее. И более отстраненная. Я не могу... — Она покачала головой. — Мне никак не удается ее постичь.

Грейс бросила на Эйрин благодарный взгляд. Она хотя бы пыталась.

— Миледи... — послышался слабый низкий голос.

Грейс тут же вскочила, подошла к дальней стене кельи и опустилась на колени у щели возле основания стены — такой маленькой, что даже Тира не сумела бы просунуть в нее руку. Щель служила водостоком для соседних келий. Но что еще важнее, она дала возможность Грейс заглянуть к соседям. Она увидела кусочек каменного пола и две пары сапог.

— Мы здесь, миледи, — послышался унылый голос эмбарца.

— И никуда не денемся, пока на нас надеты эти штуки, — послышался тенор Бельтана.

Раздался звон цепей — они показались Грейс тяжелыми.

— Значит, вам не удалось освободиться? — спросила Грейс, в голосе которой уже не осталось надежды.

— Мне очень жаль, — глухо прозвучал голос Бельтана. — Боюсь, даже тролль не сумел бы разорвать цепи.

— Миледи, — сказал Дарж, — я обратился к вам потому, что хотел узнать, какое сейчас время дня. Здесь нет окна.

Грейс посмотрела на неровный свет, падающий из узкого оконца.

— Близится закат.

Некоторое время в соседней келье царила тишина, а потом цепи зазвенели вновь, на сей раз громче, потом послышался крик ярости и боли.

— Они не могут так с ним поступить! Клянусь кровавым клинком Ватриса, не могут! О боги...

Грейс закрыла глаза, когда голос Бельтана оборвался.

— Простите нас, миледи, — послышался не такой громкий, но полный тоски голос Даржа. — Мы потерпели поражение. Нам не удалось спасти Тревиса.

Нет, — хотела ответить Грейс. — *Нет, это я потерпела поражение — я не смогла оказаться там, где мне следовало быть.*

Однако она не сумела произнести эти слова вслух.

Грейс по-прежнему не понимала, как все произошло. Ее видения должны исполниться, но ее не будет возле высокого камня, как она надеялась. Получалась какая-то бессмыслица. Ведь Тревис ее видел. А она заперта в келье!

Грейс открыла рот, чтобы утешить рыцарей...

...и тут в дверь постучали.

Она подняла голову. Лирит и Эйрин неотрывно смотрели на дверь, лишь Тира продолжала играть со своей куклой. В дверь снова постучали — теперь уже громче. А затем она распахнулась.

Грейс так удивилась, что замерла, даже не сделала попытки вырваться на свободу. В келью вошел человек в коричневой рясе. Он был молод, не больше двадцати, на уродливом лице сияла добрая улыбка.

— Кто ты? — спросила Грейс.

Молодой человек вытащил что-то из-под рясы и протянул Грейс. Грейс увидела руку, высеченную из серого камня. Она бросила удивленный взгляд на Эйрин и Лирит, а потом посмотрела в глаза молодому человеку.

— Что это? — прошептала она, зная, что сейчас произойдет нечто очень важное.

Юноша открыл рот. И Грейс увидела, что у него нет языка. Он судорожно сглотнул, его челюсть мучительно двигалась, лицо исказилось от напряжения. Наконец из горла вырвались невнятные звуки:

— О... лиг.

Грейс не сводила с него глаз. Интуиция подсказывала ей, что этот человек заговорил впервые за много лет, возможно, он молчал с тех пор, как ребенком потерял язык. Он снова протянул Грейс каменную руку — и она заметила, что юноша дрожит.

— О-лиг, — повторил он.

Грейс перевела взгляд на каменную руку. Она была отбита у кисти, как если бы являлась частью статуи. Олиг. Может быть, это слово означает «рука»?

Нет, Грейс, не так. Думай — у него нет языка. Значит, он не в состоянии произносить некоторые звуки.

Она взяла руку и посмотрела в глаза юноше.

— Олриг. Это рука Старого Бога Олрига.

Он кивнул и улыбнулся, его глаза блестели. К ним подошла Эйрин.

— Грейс, что происходит?

Она покачала головой:

— Я не...

Молодой человек протянул ей другой предмет. Пальцы Грейс сомкнулись на мягкой материи. Она развернула ее и вскрикнула. В руках она держала рясу цвета тумана.

Молодой человек сделал несколько выразительных жестов, смысл которых не вызывал сомнений: *Наденьте ее, миледи.*

Грейс бросила недоуменный взгляд на Эйрин и Лирит. Глаза Лирит сверкали.

— Ты должна пойти вместе с ним, Грейс. Я только что выглядывала в окно. Толкователи рун уже собираются возле башни.

Грейс прижала к груди одеяние.

— Но...

— Он принес только одну рясу. — Эйрин положила руку ей на плечо. — Мы постараемся освободить Бельтана и Даржа. Иди, Грейс. Ты последняя надежда Трсвиса.

Грейс посмотрела на подруг. Неожиданно между ними оказалась Тира. Она погладила руку Грейс, а потом одарила юношу своей странной улыбкой. Он улыбнулся в ответ. Грейс быстро надела рясу.

— Теперь меня никто не заметит, — пробормотала она.

ГЛАВА 54

Тревис пытался вырваться, но все было бесполезно. Его сапоги скребли по твердому сланцу, когда толкователи рун тащили его к куче хвороста, собранной возле нулевого камня.

Когда тебя в следующий раз приговорят к смертной казни, Тревис, не забудь спросить, как тебя собираются прикончить. По крайней мере сможешь избежать неприятных сюрпризов.

Среди толпы людей в серых рясах промелькнули карие близорукие глаза. Эрион. Толстенький мастер ломал руки, когда мимо протащили Тревиса. Потом полукруг толкователей рун сомкнулся, и Тревис больше его не видел.

Его подвели к нулевому камню, и все звуки отступили, теперь они долетали до него приглушенно, словно во сне. Правая рука мучительно чесалась, и он знал, что если попытается произнести руну, язык прилипнет к гортани.

Тревис наступил на небольшое полено и едва не потерял равновесие, но сильные руки удержали его, и в следующее мгновение он почувствовал спиной жесткую поверхность камня. Его ловко и быстро привязали толстой веревкой. Потом один из рунных мастеров вытащил у него изо рта кляп. Пусть попробует произнести руну!

Покончив со своими обязанностями, палачи отошли назад и смешались с толпой. Странное умиротворение снизошло на Тревиса. Наконец наступил момент, когда ему больше ничего не нужно решать.

Осталось совсем немного, Макс. А потом я сгорю, как и ты.

— Закат наступил. Пора.

Сильный голос сумел преодолеть даже поле нулевого камня, но в нем чувствовалась усталость. Тревис поднял голову и увидел двух толкователей рун, стоящих впереди остальных. Орагиен, седые волосы и бороду которого шевелил легкий ветерок. Рядом замер мастер Ларад. Его застывшее, изуродованное шрамами лицо напоминало маску.

Тревис попытался найти симпатичное лицо Эмпирея, но его нигде не было. Однако Тревис заметил человека, который стоял чуть в стороне от остальных, словно не хотел находиться рядом с теми, кто замыслил ужасную казнь. Тревису не удалось разглядеть его лица — человек надел на голову капюшон серой рясы — возможно, не все толкователи рун согласны с мастером Ларадом.

Орагиен оперся на свой посох.

— Ты понимаешь, за какое преступление будешь наказан, мастер Уайлдер?

Прежде чем Тревис успел открыть рот, послышался жесткий голос мастера Ларада.

— Он осквернил рунный камень. — В его голосе слышался гнев. — Тот самый, что является сердцем нашей башни и источником, дающим нам силу. Решение о наказании, которое его ждет, принято.

Орагиен не спускал взгляда с Тревиса.

— Ты хочешь что-нибудь сказать перед смертью?

И вновь Ларад опередил Тревиса.

— Хватит с нас его лжи.

На сей раз Гроссмейстер бросил на него сердитый взгляд. Ларад замолчал, но продолжал смотреть на Тревиса. Наконец Тревису удалось набрать в легкие побольше воздуха. Он постарался, чтобы его голос прозвучал громко и четко.

— Я сказал правду, Орагиен.

Тревис видел, как побелели тонкие пальцы Гроссмейстера, сжимавшие посох. Орагиен закрыл глаза, но ничего не ответил. Ларад сделал резкий жест. Двое толкователей рун вышли вперед, каждый из них держал в руке факел. Они подожгли сложенный у ног Тревиса хворост.

Инстинкт заставил Тревиса рвануться в сторону, но веревки оказались слишком прочными, и он не сумел их разорвать. В его сознании возникла руна *шарн*. Вода. Однако губы не слушались, нулевой камень тянул вниз своей непомерной тяжестью. Завиток дыма пронесся возле его лица, попал в нос и рот. Он отвернулся...

...и увидел возле нулевого камня Грейс Беккетт.

Удивление пришло на место страху. Как Грейс оказалась здесь? Она выглядела совсем такой, как он ее запомнил — фиолетовое платье, изумрудные с золотом глаза, блестящие, словно летние самоцветы. Вот только волосы стали длиннее, теперь они обрамляли королевские черты ее лица. Однако она показалась Тревису смертельно бледной, а на лице застыло выражение безмерного удивления. Почему она с ним не разговаривает?

— Грейс! — прошептал он, с трудом шевеля губами.

Она молчала. Сначала Тревис подумал, что он умирает, и перед ним возникла последняя галлюцинация, вызванная болью и дымом. Но огонь еще не успел разгореться, а Грейс никуда не исчезла, продолжая стоять в нескольких футах от него.

Нет, она не стояла. Она парила над землей, более того, не отбрасывала тень! Только теперь Тревис заметил, что видит далекие горы сквозь полупрозрачную Грейс.

Жар усиливался, Тревис уже чувствовал его наступление. Ветерок подтолкнул к его лицу новые клубы дыма. Еще несколько секунд, и он умрет. Может быть, Грейс тоже мертва? И ее призрак пришел его встретить?

Не призрак, Тревис. Душа.

И в эту секунду он все понял. Именно так все и происходило на окраине Кейлавера, возле Круга Камней, когда Грейс наложила заклинание на нож заговорщика и покинула свое тело, чтобы подслушать беседу двух будущих убийц. Тревис не знал, почему он видит образ Грейс. Но однажды, в маленьком королевстве Кельсиор, очки помогли ему разглядеть ауру света над головами Мелии, Фолкена и Бельтана. Возможно, душа подобна ауре?

Однако сейчас не время для подобных рассуждений. Грейс знает, что он здесь. И если данная ситуация напоминает историю с убийцами, Грейс могла видеть его несколько дней назад. Или даже недель. Это ее будущее. Из чего следует...

А вдруг ты здесь, Грейс? Если ты видела, что меня ждет, если тебе не все равно, ты можешь быть здесь.

Он переступил грань отчаяния: фантазии умирающего. Но если у него остался хотя бы призрачный шанс на спасение, необходимо его использовать. Разве не об этом говорил брат Сай?

Но что ты можешь сделать, Тревис? Даже если она тебя видела, даже если она здесь, как ты можешь ей помочь тебя спасти?

В голове не осталось ни единой мысли. Жар костра перешел болевой порог — и двинулся дальше. Дым ел глаза, по щекам Тревиса потекли слезы, призрачное лицо Грейс стало расплываться. А потом в его сознании вновь прозвучал шепот.

Тебе поможет рука Олрига...

Так вот что имел в виду Джек. Он должен сказать Грейс — немедленно. Рев наполнил череп Тревиса. Времени больше не осталось.

Огонь взметнулся вверх, и Тревис закинул голову, чтобы закричать.

ГЛАВА 55

Грейс старалась не отставать от молодого человека в коричневой рясе, они быстро спускались по спиральной лестнице, и она так торопилась, что дважды чуть не прикусила себе язык. Грейс была достаточно высокой женщиной, но ряса оказалась слишком большой, и она несколько раз едва не наступила на нее.

В голове у нее вертелось множество вопросов. Как зовут юношу? Почему он пришел к ним? И чего хочет? Но он с трудом произнес одно слово. К тому же, у них не было времени на разговоры. Юноша помогает ей спасти Тревиса — больше ей ничего не нужно знать.

Лестница закончилась, они оказались возле ворот. Алые солнечные лучи превращали воздух в плазму. Грейс шагнула вперед и поняла, что осталась одна. Она оглянулась через плечо. Юноша стоял на границе между светом и тенью.

— Разве ты не пойдешь со мной?

Он показал на потолок, а потом сложил запястья вместе и резко развел их. *Я должен помочь рыцарям, миледи.*

Грейс застыла на месте. Одна. Разве она справится? Толкователи рун хотят убить Тревиса.

Возьми себя в руки, доктор. Стоит сменить серую рясу на белый халат, и вокруг тебя окажется куча врачей, не умеющих ставить правильный диагноз. Нужно лишь сказать, что они ошибаются. Тебе сотни раз приходилось это делать.

Грейс глубоко вдохнула, как женщина, у которой выключили прибор для искусственного дыхания: пока еще жива. Она кивнула юноше, и он улыбнулся. Потом поднял руки от ворота рясы к голове. *Наденьте капюшон, миледи.*

Грейс последовала его совету, а когда вновь обернулась, юноша исчез. Она вздохнула и решительно вышла на свет.

Прошло несколько секунд, прежде чем ее глаза приспособились к пылающему закату. Острые пики Фол Эренна вонзались в небо, точно клинки кинжалов, алый свет струился по склонам. Когда зрение вернулось к Грейс, она увидела, как последние толкователи рун занимают свои места. До них оставалось тридцать ярдов.

Грейс приподняла полы рясы и поспешила за ними. Она встала на свободное место одновременно с последним толкователем рун, но увидела, что все рассчитано заранее, поэтому отошла на шаг назад и в сторону. Сердце мучительно колотилось о ребра, и она ждала, что сейчас кто-то из толкователей рун обернется, укажет на нее пальцем и закричит: *самозванец!*

Однако все продолжали смотреть вперед, когда раздался усталый голос:

— Закат наступил. Пора.

Грейс слегка отодвинула капюшон — чтобы не мешал наблюдать за происходящим. Двое толкователей рун стояли рядом с камнем. Орагиен и тот, кого она видела у ворот прошлым вечером, с лицом, изуродованным многочисленными белыми шрамами.

Голос Орагиена разнесся над площадкой.

— Ты понимаешь, за какое преступление будешь наказан, мастер Уайлдер?

Однако ответил на этот вопрос человек со шрамами, и его голос прозвучал, как удар бича.

— Он осквернил рунный камень. — В его голос слышался гнев. — Тот самый, что является сердцем нашей башни

и источником, который дает нам силу. Решение о наказании, которое его ждет, принято.

Грейс облизнула губы. Она должна что-то сделать. Но что? В рукаве рясы она прятала руку Олрига. Должно быть, рука играла важную роль — в противном случае зачем юноша принес ее? Однако Грейс не понимала, что с ней делать, а время истекало. С противоположной стороны двое толкователей рун стояли наготове с зажженными факелами.

Ты должна что-нибудь сказать, Грейс. Что угодно, не имеет значения — необходимо заставить их остановиться.

Грейс открыла рот, но Орагиен ее опередил:

— Ты хочешь что-нибудь сказать перед смертью?

И вновь ответил человек со шрамами:

— Хватит с нас его лжи.

На сей раз Гроссмейстер бросил на человека со шрамами сердитый взгляд, заставив его замолчать.

— Я сказал правду, Орагиен.

Тревис посмотрел на Гроссмейстера. Его лицо стало пепельно-бледным, светлые волосы потемнели от пота, но серые глаза за стеклами очков оставались спокойными. Горячий ветер сорвал шепот с губ Грейс:

— О Тревис...

Орагиен опустил голову, а человек со шрамами решительно взмахнул рукой. Мужчины с факелами подошли к камню. В этот момент человек со шрамами отступил назад, и Грейс потеряла его из виду. Она перевела взгляд на Тревиса. Факелы опустились, и через несколько мгновений в воздух поднялся густой дым.

Давай, Грейс. Кричи. Твой крик заставит их остановиться.

Нет, она не в операционной госпиталя. И не в замке Кейлавера. Она не врач и не герцогиня. Здесь никто не станет подчиняться ее приказам.

Тревис отвернулся от дыма и застыл на месте. Что он делает? Потом его губы шевельнулись, и она поняла, какое слово он произнес.

Грейс!

Ее охватил ужас. Значит, он ее видел — но не саму Грейс, а лишь ее образ.

Из чего следует, что ты не должна была здесь оказаться, Грейс.

У нее неожиданно появилась надежда. Возможно, она еще не потерпела поражения, судьба Тревиса в ее руках. Однако у нее оставались лишь секунды. Тело Тревиса напряглось от боли. Он откинул голову назад, как в ее видении, и из его груди вырвался крик:

— Рука Олрига спасет меня!

Грейс сделала шаг вперед, собралась броситься на костер и сбить пламя — если потребуется, своим телом. Сильная рука вцепилась ей в плечо и остановила.

— Рука! — прошипел острый, точно клинок, голос.

Она обернулась и увидела темные глаза на изборожденном шрамами лице.

— Чего ты ждешь? — прошипел человек со шрамами. — Брось ему руку Олрига. Руна рун, начертанная на ней, компенсирует воздействие нулевого камня.

На мгновение все смешалось в голове Грейс. Но потом словно игла пронзила ее затуманенное сознание. *Рука Олрига меня спасет!* Он не молил бога о спасении. Тревис давал ей указание. Она сделала еще один шаг вперед, вытащила из рукава каменную руку и швырнула ее в огонь, ревущий у ног Тревиса.

Грейс никогда не увлекалась спортом, но на сей раз ее бросок оказался очень удачным. Толкователи рун с изумлением на лицах уставились на искры, взметнувшиеся в воздух в том месте, куда упала рука. Тревис посмотрел вниз, яростная усмешка появилась на его лице, и он произнес одно слово — в тот момент, когда солнце спряталось за западными горами.

— *Рет.*

Огонь тут же погас, и раздался оглушительный гром. Затем площадку перед башней озарила восходящая полная луна, и в ее холодном свете Грейс увидела сцену, которая заставила ее ахнуть вместе с толкователями рун.

Тревис переступил через погасший хворост и двинулся вперед, волоча за собой веревки. Его лицо почернело от сажи. Нулевой камень, оставшийся у него за спиной, покосился. Глубокая трещина шла через его центр.

— Да! — прошептал голос за спиной у Грейс. — Клянусь Олригом, да!

Грейс бросила ошеломленный взгляд на человека со шрамами. Теперь на его странном лице появилось предвкушение триумфа. Грейс даже не пыталась понять, что произошло, она бросилась навстречу Тревису. В его серых глазах она увидела смущение и удивление, рассмеялась и отбросила на спину капюшон. Серые глаза за стеклами очков округлились.

— Грейс?

— Я здесь, Тревис. Я действительно здесь.

Слезы потекли по его измазанным сажей щекам.

— Грейс, — повторил Тревис, и они обнялись. — Ты пришла.

Она напряглась, понимая, что ей следует оттолкнуть Тревиса и осмотреть его ноги, чтобы определить, как сильно

он пострадал, а потом заняться его лечением. Однако Грейс лишь сильнее прижалась к его груди. Так тоже можно исцелить.

Толкователи рун зашумели. Грейс и Тревис повернулись к ним одновременно.

Орагиен смотрел на расколотый камень.

— Невозможно...

— Нет, Гроссмейстер, ты ошибаешься.

К ним подошел другой толкователь рун, в тусклом лунном свете виднелись белые шрамы у него на лице.

— Мастер Ларад, — сказал Тревис.

Ларад мрачно ухмыльнулся, а потом повернулся к Орагиену.

— Мы слишком часто говорим «невозможно», когда просто боимся попробовать.

К ним подошел еще один толкователь рун: толстенький, невысокий человек с маленькими близорукими глазами. Его руки непрестанно сплетались и расплетались.

— А как же наказание мастера Уайлдера?

Мастер Ларад рассмеялся.

— Не бойся, мастер Эрион. — Потом он заговорил громче, чтобы его услышали все. — Нулевой камень расколот. Старый закон гласит: приговор вынесен неправильно, мастер Уайлдер свободен. Возвращайтесь в башню и подумайте о том, что произошло, встретимся на хоре!

Толкователи рун медленно потянулись к башне, некоторые из них тихонько переговаривались между собой. Вскоре площадка перед башней опустела.

— Ты поняла мое послание, Грейс. — Тревис поднял каменную руку, которую успел вытащить из потухшего костра. — Ты догадалась, что рука Олрига поможет мне расколоть нулевой камень.

— Честно говоря, это не я.

Она посмотрела на мастера Ларада.

Тревис нахмурился.

— Ничего не понимаю.

Орагиен оперся на свой посох.

— И я тоже.

— Я знал, что статую Олрига и нулевой камень, — сказал Ларад, — создали повелители рун из Малакора. И я подозревал, что руна рун, начертанная на ладони статуи, может компенсировать действие нулевого камня. Руна рун самая старшая руна. Вот почему я дал Эмпирею руку, чтобы ты передала ее своему другу.

— Зачем? — спросил Тревис и мягко отстранился от Грейс. — Я думал, ты хочешь моей смерти. Почему ты мне помог?

— По той же причине, по которой убедил тебя разбить рунный камень — чтобы разбудить моих собратьев, показать

им, что нет ничего невозможного. Я хотел, чтобы они перестали оглядываться на тени прошлого и начали жить своей жизнью. Только так толкователи рун вернут себе уважение в Фаленгарте — не благодаря одной руке повелителя рун, а при помощи всех наших рук.

— Ты мог бы поговорить со мной, мастер Ларад, — мрачно заявил Орагиен.

— Да? И что бы ты мне сказал, Гроссмейстер? — резко отозвался Ларад.

Орагиен сжал руками посох.

— Ты упомянул о старых законах, мастер Ларад. В них говорится о случаях вроде сегодняшнего. Не знаю, чем закончится для нас то, что ты сейчас заварил. Но в любом случае ты понесешь наказание за свои деяния.

— Я знаю, — спокойно ответил Ларад.

Грейс хотела подойти к Лараду, чтобы задать ему еще несколько вопросов — спросить, почему он передал каменную руку ей, а не воспользовался ею сам, но тут увидела в воротах башни своих друзей, которые бежали к ним.

— Тревис! — послышался радостный крик.

Тревис повернул голову и рассмеялся от радости.

— Бельтан!

Светловолосый рыцарь примчался первым, за ним появились Дарж, Эйрин и Лирит, которая вела за руку Тиру. Последним подошел молодой человек в коричневой рясе.

— Я знал, что ты к нам вернешься, — сказал Бельтан, обнимая Тревиса. — Я знал.

Они обнялись, а остальные радостно похлопывали Тревиса по плечам. Наконец Тревис отступил на шаг и с улыбкой повернулся к немому юноше.

— Эмпирей — я мог бы догадаться, что ты в этом участвовал.

Юноша низко поклонился. *Всегда готов служить, мастер Уайлдер.*

Дарж посмотрел на дымящийся костер и треснувший нулевой камень.

— Что здесь произошло?

— Я бы тоже хотела знать, — послышался уверенный голос.

Все повернулись и увидели, как из тени вышли два человека и встали так, что на них упал свет луны. Сердце Грейс затрепетало в груди, но от удивления, а не страха.

Орагиен сдержанно поклонился царственной леди с янтарными глазами, одетой в голубое, и мужчине с короткими седыми волосами, в одной черной перчатке.

— Леди Мелия, мастер Фолкен. Как хорошо, что вы вернулись.

Грейс искала и не находила слов, которые могли бы выразить ее чувства. Но взгляды — и молчание — остальных говорили о том, что они тоже в замешательстве.

Под шелест юбок Мелия поплыла вперед.

— Ну, я вижу, ты опять устроил всем неприятности, Тревис.

Грейс заметила, как поморщился Тревис. Послышался негромкий музыкальный смех Фолкена.

— Клянусь богами, — сказал бард, — я рад снова вас видеть.

Теперь улыбка появилась и на лице Мелии, а ее янтарные глаза заискрились.

— О Тревис.

Она прижалась щекой к его щеке. Тревис заморгал, вздохнул и обнял Мелию. Наконец она высвободилась из его объятий и подошла к Грейс.

— Моя дорогая, ты стала еще прекрасней.

Грейс не нашлась, что ответить, и просто крепко обняла Мелию.

— Достаточно, дорогая. Ты мне все косточки переломаешь.

— Извините, — пробормотала Грейс, отпуская маленькую женщину.

Получалось, что Грейс знает только два способа демонстрировать свою любовь — никак или изо всех сил.

— Конечно, дорогая. — Мелия разгладила свои юбки и посмотрела на Лирит и Тиру. Потом она присела рядом с девочкой. — А это кто?

— Ее зовут Тира, — ответила Грейс, но прежде чем она успела что-нибудь добавить, девочка обхватила Мелию за шею и прижалась губами к ее щеке.

— Да, дорогая, я тебя люблю, — пробормотала Мелия.

Очевидно, удовлетворенная этими словами, Тира опустила руки и вернулась к Лирит.

Грейс удивило странное поведение Тиры, но она решила разобраться в этом позднее.

— Мелия, Фолкен, что вы здесь делаете? — спросила она.

Мелия обвела рукой всех.

— Как что? Ждем вас, естественно.

— Совершенно верно, — кивнул Фолкен. — Самое время вам всем собраться. Пора отправляться на поиски Крондизара.

Часть четвертая
ШАГИ

ГЛАВА 56

На рассвете, через два дня после полнолуния, спутники собрались возле Серой Башни толкователей рун, чтобы отправиться дальше на восток. Тревиса поразило то, с какой быстротой они вернулись к привычному порядку.

— Я подготовлю лошадей, — сказал Бельтан.

— Конечно, дорогой.

Загорелая кожа Мелии золотилась в лучах теплого утреннего солнца.

Фолкен взглянул на Мелию выцветшими голубыми глазами.

— Ты уверена, что знаешь, как найти это место?

— Ты мне не веришь?

— Не могу сказать, что до конца.

Леди с янтарными глазами сложила руки на корсаже голубого платья.

— Я уверена, что справлюсь.

Тревис поправил очки.

— И куда вы собираетесь направиться?

Бард и леди недовольно посмотрели на него.

— Тревис, пожалуйста, не перебивай, мы разговариваем.

Он вздохнул, а Мелия и Фолкен принялись приглушенными голосами о чем-то спорить.

— Ну вот, опять, — вздохнул Тревис.

Однако вздох перешел в смех, когда он перехватил взгляд блестящих изумрудно-золотых глаз Грейс. Она тоже рассмеялась, а Фолкен с Мелией замолчали и повернулись к ним.

— Что это вы веселитесь? — нахмурившись, спросил Фолкен.

— О, вам не понять, — ответил Тревис, взял под руку Грейс, и они зашагали за Бельтаном в конюшню.

— Похоже, кое-кто становится слишком нахальным, — заявила им вслед Мелия.

Фолкен лишь фыркнул в ответ. Тревис наклонил голову к Грейс, а она еще сильнее сжала его локоть.

— Я скучал по тебе, Грейс.

— Я знаю.

Прежде, когда Тревис путешествовал с Мелией, Фолкеном и Бельтаном, ему было не до смеха.

Дарж помогал Бельтану готовить лошадей. Кольчуга эмбарского рыцаря поглощала солнечные лучи, а доспехи Бельтана их отражали. Эйрин стояла неподалеку от Фолкена и Мелии, и хотя баронесса со времени их последней встречи заметно побледнела и стала меньше говорить, ее сапфировые глаза сияли ярче драгоценных камней.

Компанию Грейс и Эйрин составила пара, которую Тревис видел в первый раз. Лирит немного напоминала Мелию. У обеих были темные волосы и таинственные улыбки. Но если волосы Лирит, заплетенные в косы, разметались по спине, то черные, словно ночь, волосы Мелии гладкой волной сбегали на плечи. Если загорелая кожа Мелии напоминала Тревису бронзу, то смуглая кожа Лирит казалась похожей на полированное темное дерево. В то время как тайны Мелии были далекими, точно звезды в ночном небе, секреты Лирит казались близкими и привлекательными, будто вход в темную прохладную пещеру на границе изнывающих от зноя песков.

И еще девочка, которую Тревис раньше не видел. Он поискал ее глазами и увидел, что она сидит на камне, в стороне от остальных. На коленях у нее лежал какой-то маленький предмет. Вчера Грейс рассказала ему страшную историю их путешествия к Серой Башне, в том числе и о событиях в Фаланоре. Несколько раз Тревис пытался познакомиться с Тирой, но девочка отворачивалась от него, прижималась к Грейс или Лирит и прятала личико у них на груди или под каскадом рыжих волос.

Тира посмотрела в его сторону, и Тревис разглядел ее глаза — один красивый, идеальной формы, другой с приспущенным веком, на изуродованной шрамами половине лица. Он замер. На мгновение, как когда-то среди развалин Кельсиора, над каждым из его спутников появилась аура света.

Над Грейс струился изумрудно-золотой свет, в тон ее глазам, только более приглушенный. Сапфировая аура Эйрин оказалась такой яркой, что становилось больно глазам. Лирит излучала сияние цвета меда, согретого лучами теплого солнца. Когда из конюшни вышел Дарж, который вел на поводу трех лошадей, Тревис ожидал, что его будет окружать серый туман, но ошибся — тело эмбарца окутывал ореол цвета голубой стали. Потом его глаза вернулись к Тире. И на мгновение ему показалось, что он видит мерцающие всполохи жаркого огня, облизывающего ее хрупкую фигурку.

— Тревис?

Он поправил очки, и все исчезло. Тревис повернулся к Грейс и улыбнулся — почти искренне.

— Давай поможем с лошадьми.

Грейс кивнула и последовала за ним.

Тревис узнал трех лошадей, которых Дарж вывел из конюшни. Первой вышагивала серая, как утренний туман, кобыла с точеными ногами, которая принадлежала Мелии, вторым — гордый вороной жеребец Фолкена. Тревис рассмеялся, когда увидел третью лошадь: того самого косматого каурого мерина, на котором он проехал весь путь от Кельсиора до Кейлавера.

— Мы долго не виделись, старый друг, — сказал Тревис, когда мерин ткнулся носом в его ладонь. Не найдя морковки, он недовольно фыркнул, и Тревис рассмеялся. — Пожалуй, пора придумать тебе имя. — Он протянул руку и погладил коня по светлому пятнышку на голове. — Как насчет Пятныша?

Мерин закатил глаза, но не сумел предложить ничего получше, и Тревис принял окончательное решение.

— Что ж, пусть будет Пятныш.

Дарж и Бельтан уже успели сложить вещи Тревиса в седельные сумки — постельные принадлежности, пакет с едой и серую рясу. Тревис сменил ее на зеленую куртку и коричневые штаны — их привез для него Фолкен, и они почти ничем не отличались от тех, которыми бард снабдил его в первый раз. Возможно, Фолкен украл их на какой-то ферме. Одежда оказалась поношенной, но чистой, и вполне подходила для верховой езды.

Тревис проверил седельные сумки и убедился, что туманный плащ и малакорский кинжал надежно спрятаны. Потом его пальцы задели еще один предмет, привязанный к седлу, — длинный и узкий, завернутый в фетр. И в сознании Тревиса вновь прозвучали слова, которые произнес накануне вечером Орагиен.

Рунный посох изготовлен повелителями рун много лет назад. Поскольку ты их наследник, он по праву принадлежит тебе.

Тревис иначе представлял себе расставание с толкователями рун. Вчера на рассвете они собрались на хор и не выходили из зала до самого заката. Тревис не знал, о чем они говорили. Однако Фолкен и Мелия приняли в разговоре участие, а до Тревиса доносился неумолчный шепот, накатывавшийся, словно волны прибоя.

Когда наступил вечер, Фолкен и Мелия покинули хор, предоставив толкователям рун самостоятельно принять решение. Увидев их, Тревис нервно сглотнул. Щеки леди Мелии раскраснелись, а рука Фолкена в черной перчатке сжалась в кулак.

— Я же говорил тебе, что нельзя уходить, пока он не оправился от лихорадки, — сердито сказал Фолкен.

Глаза Мелии сверкнули.

— Ну, сам подумай, как я могла предвидеть, что он наделает столько шума за такое короткое время?

— А тебе не кажется, что пора бы уже привыкнуть?

Тут только Тревис все понял.

— Так это вы! Именно вы помогли вызвать меня в Серую Башню?

Мелия вздохнула.

— Какие еще откровения тебя посетили, дорогой?

— Но я не понимаю, как вы меня сюда вызвали?

Мелия пожала плечами.

— У меня есть связи.

— И много удачи, — добавил Фолкен.

Мелия бросила на барда уничтожающий взгляд.

Тревис постарался осмыслить полученные сведения. Он знал, что в Мелии было нечто... *особое*. Но ему и в голову не приходило, что ее искусства хватит на то, чтобы перенести его из одного мира в другой. Потом он вспомнил о брате Сае — быть может, Мелии действительно повезло, если ее призыв услышал кто-то другой.

— Я видел вас, леди Мелия, — негромко проговорил он. — Во время болезни. Вы склонились надо мной, и от вас исходило сияние. Но тогда я решил, что во всем повинна лихорадка, вот я и увидел то, что больше всего хотел.

Взгляд Мелии смягчился.

— Сожалею, что нам пришлось тебя оставить, Тревис. Но мы получили важное сообщение, и нам пришлось нанести визит моему старому другу.

Прежде чем Тревис успел спросить про старого друга, барда и Мелию позвали обратно в зал хора.

Вскоре толкователи рун начали расходиться. Некоторые бросали на него взгляды, но Тревис ничего не смог прочитать на их бесстрастных лицах. Наконец появились Мелия и Фолкен.

— Он хочет поговорить с тобой, дорогой, — сказала Мелия, коснувшись руки Тревиса.

Тревис нахмурился.

— Кто? — Впрочем, он и сам знал ответ.

— Иди, он тебя ждет, — сказал Фолкен.

После коротких колебаний, Тревис вошел в зал хора. Шум споров уже стих, в воздухе лишь шелестел шепот древних голосов. Одинокая сгорбленная фигура стояла перед помостом.

— Надеюсь, ты нас простишь, мастер Уайлдер, — сказал Орагиен, когда Тревис подошел к нему.

Тревис едва не задохнулся. Почему толкователи рун простили *его?* Он расколол рунный камень, уничтожив последнее звено, связывающее их с прошлым. Действительно ли он спас

толкователей рун? Или лишь ускорил их неизбежный закат? Он остановился перед Орагиеном. К удивлению Тревиса, Гроссмейстер улыбался.

— Знаешь, тебе повезло, что Фолкен Черная Рука и леди Мелия твои друзья. Кое-кто из наших мастеров считает, что тебе следует остаться и помочь нам восстановить рунный камень. Но эта парочка сумела их разубедить — они заявили, что ты нужен в другом месте.

— Вы хотите сказать, что я могу уйти?

— Да, мастер Уайлдер, ты правильно меня понял. Нулевой камень разбит, и все обвинения против тебя сняты. — Гроссмейстер провел узловатыми пальцами по гладкому дереву рунного посоха. — Но разве кто-то из нас может считать себя совершенно свободным?

Тревис не знал, что ответить, поэтому промолчал.

Затем, несмотря на решительные протесты Тревиса, Орагиен вручил ему рунный посох, и Тревис ощутил заключенную в нем энергию.

— Используй его достойно и только в тех случаях, когда это необходимо, повелитель рун, — сказал Орагиен. — А когда сможешь, возвращайся к нам.

Потом старик повернулся и, прихрамывая, вышел из зала, оставив Тревиса одного.

Некоторое время Тревис стоял посреди зала хора, прислушиваясь к эху далеких голосов. Впрочем, если они и хотели ему что-то сообщить, то не сумели облечь свои мысли в слова. Он вышел из зала и в течение следующего часа безуспешно искал единственного человека, с которым ему хотелось попрощаться. Утром Тревис возобновил поиски. Однако Эмпирея нигде не было.

— Возможно, он потребовался в другом месте, — сказала Мелия прошлым вечером, когда Тревис спросил, не видела ли она юношу.

Мелия сидела, не поднимая глаз от плаща Бельтана, и иголка быстро мелькала в ее ловких пальцах. Тревису ее ответ показался странным, но, возможно, леди Мелия права. Обычно она не ошибалась. Тревис прекратил поиски, но надеялся, что однажды еще встретится с Эмпиреем и поблагодарит его за доброту.

Как ни странно, оказалось, что пропал не только Эмпирей. Ко всеобщему удивлению выяснилось, что исчез мастер Эрион. Последний раз маленького толстенького толкователя рун видели после того, как Тревис расколол нулевой камень. Тревис надеялся, что близорукий мастер не свалился в темноте в лестничный колодец. Толкователи рун не оставляли поисков, надеясь, что с Эрионом не произошло ничего страшного.

— День будет жарким,

Слова Даржа вернули Тревиса к действительности. Он убрал руку с обернутого фетром посоха.

— Пора привыкать к жаре, — заметил Фолкен. — Там, куда мы направляемся, будет еще жарче.

Тревис хотел спросить у барда, куда они направляются, но передумал. Фолкен сам скажет, когда посчитает нужным — и ни минутой раньше. Пока что он лишь упомянул, что их путешествие имеет отношение к одному из Имсари, трех Великих Камней — того, что носит имя Крондизар.

Тревис посмотрел на солнце. Теперь он достаточно знал о рунах, чтобы перевести это слово. Огненный камень.

— Тревис, ты мне не поможешь?

Мелия стояла возле своей кобылы. Тревис поспешил к ней, сложив руки так, чтобы Мелия могла встать на них своим узким сапожком. Оказавшись в седле, она тут же поправила юбки, чтобы они спадали вниз элегантным каскадом, а Тревис собрался застегнуть седельную сумку... и она зашипела.

Он отдернул руку, но опоздал — острые, как иголки, когти оставили на коже красные полосы. Тревис поднес руку ко рту — было больно, и только сейчас заметил пушистый черный шар, выглядывающий из седельной сумки желтыми лунными глазами.

— Ты!

Котенок замурлыкал и принялся облизывать крошечную лапку маленьким розовым язычком.

Нет, это не тот же котенок, который жил у Мелии в Кейлавере. Та кошка должна была давно вырасти.

Тем не менее Тревис с опаской посматривал на котенка. Что-то подсказывало — ему следует быть осторожным, если он намерен сохранить в целости и сохранности кожу на своих щиколотках.

Члены маленького отряда начали садиться в седла, и Тревис собрался последовать их примеру, но замер на месте, когда к ним подошел человек в серой рясе. Тревис заметил, что за спиной у него дорожный мешок. Похоже, не только они собираются в далекое путешествие.

— Мастер Ларад, — сказал Тревис.

Человек со шрамами кивнул в ответ:

— Мастер Уайлдер.

— Куда вы направляетесь?

— Куда пожелаю — если не останусь здесь.

Ларад насмешливо улыбнулся.

— Значит, они изгнали тебя, — сказал Фолкен, успевший вскочить в седло.

 — Да, создается такое впечатление, Фолкен Черная Рука.

Тревис внимательно посмотрел в лицо Ларада. Вчера вечером, после того как хор закончился, Тревис и Грейс уединились с Ларадом.

— Значит, ты все устроил, — сказал Тревис. — Убедил меня расколоть рунный камень, а потом подсказал, что существует способ преодолеть запрет нулевого камня.

— Да, — ответил Ларад. — Толкователи рун должны забыть это слово.

— Какое слово?

— Невозможно.

Тут заговорила Грейс.

— Но, мастер Ларад, есть вещи, которых я до сих пор не понимаю. Почему ты сам не воспользовался рукой Олрига? Зачем попросил Эмпирея передать ее мне?

— Потому что я стоял рядом с нулевым камнем как один из обвинителей мастера Уайлдера. Если бы рука Олрига была у меня, ее сила могла бы проявиться слишком рано, и Тревису не удалось бы спастись.

Теперь пришел черед удивляться Тревису.

— Но если ты хотел, чтобы я спасся, зачем было так яростно настаивать на моем наказании?

— Я хотел, чтобы ты разбил рунный камень, мастер Уайлдер. Теперь, чтобы воссоздать его, толкователям рун придется его познать. Но такое деяние требует наказания. И, хотя пришла пора думать о будущем, нельзя нарушать древние законы. Без них не построить фундамента, на котором можно возвести новое здание.

Тревис думал о последних словах Ларада всю ночь. Утром он подошел к толкователю рун и сказал:

— Мне кажется, я понял, мастер Ларад, почему ты поступил именно так.

Ларад кивнул:

— Ты должен был меня ненавидеть — причем так, чтобы ни у кого не возникло сомнений.

— Ну, у тебя получилось. — Улыбка исчезла с лица Тревиса. — А почему ты прямо не сказал мне, что я должен делать? Разве так не было бы проще?

— Если бы я сказал тебе правду, и ты бы заранее знал о наказании за такое преступление, разве ты согласился бы на него пойти?

Тревис обдумал вопрос Ларада, а потом честно ответил:

— Не уверен.

— И я тоже.

После некоторых колебаний Тревис протянул руку:

— Все в порядке, мастер Ларад. Я на тебя не в обиде.

— А я и не просил у тебя прощения, мастер Уайлдер.

Так и не пожав протянутой руки, Ларад зашагал прочь. Потом он остановился и бросил взгляд через плечо, на его неподвижном, иссеченном шрамами лице напряженным огнем горели глаза.

— Желаю тебе удачного путешествия, повелитель рун.

— И тебе того же, — прошептал Тревис, но Ларад уже скрылся за поворотом.

Тревис тяжело вздохнул и повернулся к остальным. Все уже сидели на лошадях. Пора. Он подошел к Пятнышу, схватился за гриву и вскочил в седло. Подняв голову, Тревис увидел, что на него смотрят янтарные глаза.

— С тобой все в порядке, дорогой? — спросила Мелия.

Тревис взялся за поводья.

— Давайте уедем подальше от этого места.

ГЛАВА 57

Они старались держаться поближе к Фол Эренну, и с каждой лигой, которую они оставляли за спиной, настроение Грейс улучшалось. Может быть, причина крылась в Тревисе, которому они помогли спастись, но Грейс вдруг почувствовала себя свободной. Путешествие к башне прошло под знаком огня и смерти. Теперь же ей казалось, что все горести остались позади. Несмотря на предупреждение Фолкена, воздух становился все более прохладным и влажным по мере того, как они продвигались на восток и — если Грейс правильно запомнила карты — приближались к океану.

В первый день Грейс почти не разговаривала, постоянно придерживая Шандис и наблюдая за своими спутниками. Ее взгляд останавливался на каждом из них по очереди.

Тревис смеялся над каждой непристойной шуткой Бельтана. Мелия кивала Фолкену, который ей что-то негромко рассказывал. Эйрин смотрела на мир васильковыми глазами, сияющими на бледном, утонченном лице, рядом ехала Лирит, в ее глазах светилось умиротворение, сравнимое лишь с безмятежным покоем тихого лесного озера. А еще был Дарж — надежный, добрый, верный Дарж. Эмбарец часто пришпоривал своего жеребца, чтобы проверить, не поджидает ли их впереди опасность.

Маленькая рука коснулась щеки Грейс. Она посмотрела на изуродованное лицо Тиры. Девочка кивнула, словно просто хотела напомнить Грейс о своем существовании, а потом вновь обратила безмятежный взгляд вперед. Сердце Грейс сжалось от сладкой боли.

Ты никогда не остаешься одна, Грейс. Даже в те мгновения, когда чувствуешь себя одинокой. Тебе следует об этом помнить.

Когда до полудня оставалось не так уж долго, Мелия и Фолкен подъехали к Тревису, чтобы задать очередной вопрос — казалось, им не будет конца. В тот вечер, когда Тревису удалось спастись, он рассказал свою историю. Все слушали его с неусыпным вниманием и пришли в ужас, когда узнали, что огненное зло проникло и в его мир. Сейчас до Грейс доносились лишь обрывки их разговора, но бард и Мелия интересовались подробностями его приключений, особенно их интересовал мужчина в черном плаще, который пришел в салун. Грейс вздрогнула, когда вспомнила описание Тревиса.

Берегись — он пожрет тебя.

Может быть, тот человек имел в виду огненную чуму? Другого разумного объяснения придумать не удавалось. Грейс вдруг захотелось вернуться в Денвер, где она могла бы осмотреть одну из жертв чумы в госпитале — сделать анализ крови и биопсию, рентгеновский снимок и ультразвуковое исследование. Воспользоваться современными инструментами и попробовать понять природу болезни.

Потом она вспомнила о человеке на ферме, которого убила железной кочергой, и поняла, что никакие тесты, даже самые передовые, не смогут объяснить причины недуга. Кроме того, даже если бы перед ней открылась дверь в Денвер, Грейс сомневалась, что она вернется. Интересно, что она почувствует, когда вместо великолепных платьев наденет белый накрахмаленный халат?

Она вновь посмотрела на Лирит. Толорийка восседала на своей кобыле — возможно, не так царственно, как Мелия, но спокойно и уверенно. Нет, Лирит не станет приказывать тебе, как Мелия, она каким-то непостижимым образом делает так, что ты *хочешь* исполнить ее желание.

Грейс получала удовольствие, наблюдая за ними. В Серой Башне Мелия и Лирит смотрели друг на друга, как две женщины, явившиеся на вечеринку в роскошных, но одинаковых платьях. Теперь, когда они отправились в путь, Лирит часто бросала незаметные взгляды на леди с янтарными глазами, и хотя Мелия делала вид, что ничего не замечает, по развороту ее плеч Грейс чувствовала: Мелия знает о взглядах Лирит.

Удовлетворив свое любопытство, Грейс догнала колдунью из Толории.

— В чем дело, Лирит? — без всяких предисловий спросила Грейс.

— О чем ты, сестра? — И глаза Лирит вновь устремились к леди на белой лошади.

— Именно об этом — ты глаз с нее не сводишь. С леди Мелии.

— Ах, ерунда, — быстро ответила Лирит.

На губах Грейс заиграла насмешливая улыбка.

— Конечно. Я всегда сверлю взглядами людей без всякой на то причины.

Лирит приподняла тонкую бровь.

— Я вижу, ты многому научилась у леди Кайрен.

— Ничего у тебя не выйдет, — усмехнулась Грейс. — Такими уловками от меня не отделаешься. Тебе что-то известно о Мелии — но ты предпочитаешь оставить свое знание при себе.

Наконец Лирит неохотно оторвала взгляд от Мелии и посмотрела на Грейс.

— Я знаю лишь то, — негромко ответила она, — что она посчитала нужным нам сообщить.

И прежде чем Грейс успела задать следующий вопрос, Лирит легко коснулась шеи своей кобылы, и та сразу перешла на галоп, оставив Грейс позади.

Они разбили лагерь, когда длинные тени высоких гор легли на землю. Бельтан умудрился поймать в силки небольшого оленя, и, хотя сердце Грейс протестовало, желудок радовался, что животное погибло не напрасно.

Вечером у костра царило праздничное настроение. Бельтан рассказывал забористые анекдоты о пьяных солдатах, Фолкен пел песни, а Лирит изрядно всех удивила, продемонстрировав фокусы с монетой. И хотя Грейс понимала, что дело тут в ловкости рук, а не в обращении к Духу Природы, она всякий раз удивленно вскрикивала, когда монета исчезала в руке Лирит, а потом появлялась в ухе у недоумевающего Даржа. Тира хлопала в ладоши и смеялась, и Грейс обнимала девочку.

Это опасно, Грейс. Ты и сама прекрасно понимаешь. Еще немного, и ты привыкнешь к тому; что Тира рядом. Она стала слишком тебе дорога.

Неожиданно Грейс обнаружила, что уже не помнит причин, по которым следует держать людей на дистанции. Она еще крепче обняла девочку, и Тира не противилась.

Мелия приготовила свежую оленину, добавив зелень, собранную Лирит и Эйрин, — получился ароматный суп, и когда над чашками поднимался восхитительный запах, Лирит опустила взгляд и благоговейно проговорила:

— Радость от боли, жизнь от смерти. В концах рождается начало. Да благословит Ирсайя плоды этой охоты.

Когда Грейс подняла голову, взгляд Лирит был устремлен на Мелию.

— Какая чудесная молитва, дорогая, — царственно произнесла леди Мелия и принялась за еду.

После ужина Бельтан принялся рассказывать очередной анекдот, в котором шла речь о злополучном рыцаре, не сумевшем снять доспехи, когда спасенная им девушка пожелала выразить ему свою благодарность. Потом заговорил Фолкен, и, хотя его голос звучал совсем тихо, все сразу замолчали.

— Их каким-то образом создал Огненный камень.

— Огневиков, — не думая, выпалила Грейс.

Пламя костра отразилось в очках Тревиса.

— Конечно, звучит вполне убедительно. *Крондрим.* Крондизар. Мог бы и сам догадаться.

— Что тебе удалось узнать, Фолкен? — спросил Дарж. — Для некоторых из нас твои слова не столь очевидны, как для других.

— Нам рассказал друг Мелии, — ответил бард.

Мелия разгладила юбки.

— Великий Камень Крондизар попал в руки к тем, кто готов его использовать во зло. И они уже начали его творить.

— Кто? — спросила Грейс.

Фолкен посмотрел ей в глаза.

— Это нам и предстоит выяснить.

— Понятно, но куда мы направляемся?

Бельтан задал вопрос, который интересовал всех.

Отблески костра играли на спокойном лице Мелии.

— Туда, откуда украден Крондизар.

Теперь все смотрели на леди с янтарными глазами — все, кроме Тиры, которая протянула маленькие ладоши к огню и рассмеялась.

Путники проснулись на рассвете следующего дня, чтобы продолжить путешествие. Теперь, когда они узнали его цель, вчерашнее праздничное настроение исчезло. Однако расстилавшийся перед ними ландшафт поражал такой неземной красотой, что Грейс не могла долго грустить.

Только после того, как Бельтан упомянул о том, что они приближаются к южной границе Перридона, Грейс вспомнила про короля Бореаса. Она была настолько поглощена мыслями о спасении Тревиса из Серой Башни, что совершенно забыла о задании короля. Однако в этом мире никто не имеет права игнорировать желания короля. Если, конечно, не хочет умереть раньше времени.

Грейс направила Шандис к вороному жеребцу Фолкена.

— Мы приближаемся к Перридону, не так ли, Фолкен?

Бард нахмурился.

— Что-то не так, Грейс?

Да, если Бореас узнает, что я нахожусь в самовольной отлучке.

— Интересно, мы заедем в замок Спардис? Король Бореас дал мне поручение, и я хотела бы его выполнить.

Фолкен обратил выцветшие голубые глаза к северу.

— В последнее время до меня доходили плохие вести из Спардиса, особенно после смерти короля Персарда. Королеве Инаре всего шестнадцать, а ее сын Персет — наследник Персарда — еще грудной младенец. Они попали в трудное положение. В этом доминионе даже у пятилетнего крестьянского мальчишки есть кинжал и план его использования. — Он бросил на Грейс внимательный взгляд. — Похоже, ты согласилась стать шпионкой Бореаса?

Грейс кивнула и невольно поднесла руку к шее.

— Не беспокойся. — Теперь бард улыбался. — Тебе удастся сохранить голову на плечах. После следующего привала мы отправимся в Спардис. Там у нас назначена встреча с другом Мелии. Нам необходимо обменяться с ним информацией.

В тот вечер они разбили лагерь внутри разбитого Круга Камней, короной охватившего вершину холма. Пока доедали суп, Фолкен объяснил, что они находятся среди развалин сторожевой башни, построенной передовыми отрядами из Торингарта более тысячи лет назад.

Дарж пригладил усы.

— Я не знал, что люди из Торингарта заплывали так далеко на юг.

— И даже дальше, — заверил его бард. — То были лучшие моряки из всех, что бороздили четыре моря. Они воздвигли множество башен на побережьях.

Грейс подумала о своих уроках политики. Она вспомнила, что видела Торингарт на карте Эйрин — зазубренный мыс к северу от Фаленгарта, напротив Зимнего моря, — но больше ей нигде не встречались упоминания об этом королевстве, если не считать историй Фолкена о том, как много лет назад король Ультер из Торингарта вместе с Эльзарой, императрицей Тарраса, помог разбить Бледного Властелина.

Она взглянула на Фолкена.

— Почему Торингарт не представлен в Совете Королей Кейлавера?

— В течение многих столетий из королевства Торингарт не приходило никаких известий, и ни один корабль, построенный в Фаленгарте, не способен плавать по Зимнему морю, где полно льдов. Лишь могучим кораблям Торингарта, защищенным рунами, под силу его пересечь.

Грейс прикусила губу. Ответ барда ее совершенно не устроил. Целое королевство не может просто взять и исчезнуть. Что произошло с Торингартом после того, как Ультер поверг Бледного Властелина и помог найти Малакор?

Возможно, когда-нибудь ты отправишься туда сама, чтобы найти ответы на все вопросы, Грейс.

Спустилась ночь, один за другим путешественники укладывались среди развалин сторожевой башни, но Грейс

никак не удавалось заснуть. Она наблюдала за метеорами, проносящимися по усыпанному звездами темному небу.

Должно быть, Грейс задремала, поскольку звезды неожиданно изменили свое расположение, и среди них появился новый сгусток света — алая звезда. Что-то больно ткнулось в живот Грейс. Она села. Черный мех сливался с темнотой, но янтарные глаза сияли во мраке.

— Что ты здесь делаешь? — прошептала Грейс.

Котенок замурлыкал, продолжая толкать маленькими лапами живот Грейс.

Грейс подняла котенка и после коротких размышлений положила его рядом с Тирой. Котенок немного повозился, устраиваясь поудобнее, а потом затих, положив мордочку на руку девочки. Тира вздохнула во сне.

Грейс улеглась обратно, закрыла глаза, но через мгновение открыла их вновь. Острые коготки котенка сделали свое дело, и она поняла, что пора нанести визит кусту, который находился чуть в стороне от лагеря.

Стараясь не шуметь, она встала и прошла мимо своих спящих товарищей, а потом вылезла из башни в пролом в стене. Грейс обошла почти всю башню, чтобы найти подходящий куст. Закончив свои дела, она продолжала идти в том же направлении, поскольку так было ближе.

— Мне не следовало вас оставлять.

Грейс замерла, услышав тихий тенор.

— Со мной все в порядке, — зашептал в ответ другой голос. — К тому же, мы вместе пришли к выводу, что так будет лучше.

Грейс тихонько подошла к высокой поросшей мхом скале. За ней, освещенные тусклым светом звезд, сидели на камнях двое. Одна маленькая и стройная, чьи черные волосы сливались с ночью, другой высокий и мощный — светлые волосы и доспехи сияли в свете взошедшей луны.

— Так или иначе, но теперь мы вместе, — продолжал Бельтан. — И я по-прежнему ваш рыцарь-хранитель.

Мелия коснулась его руки.

— Мне совсем не хочется отказываться от твоих услуг, дорогой. Не знаю, что бы я без тебя делала все прошедшие годы. Когда мы встретились, Фолкен находился в темной яме, куда мне было не добраться. Без тебя у меня ничего не получилось бы. Ты всегда будешь моим защитником. — Она отвела руку. — Но со временем ты поймешь, что у тебя могут возникнуть другие желания.

— Мой долг охранять вас, Мелиндора Сребролунная.

— Твой долг слушаться своего сердца, Бельтан Кейлаванский. И тебе не следует об этом забывать.

Бельтан грустно улыбнулся.

— В таком случае, сейчас мое сердце никому не нужно.

— Откуда ты знаешь? Ты его спрашивал?

Бельтан ничего не ответил, но Грейс поняла, что она и так слышала слишком много, и отступила на шаг.

Рука Бельтана потянулась к рукояти меча.

— Я что-то слышал.

Мелия остановила его легким прикосновением руки.

— Ничего страшного, Бельтан. Испуганное животное, не более того.

— Вы уверены?

Янтарные глаза взглянули в сторону Грейс.

— Да, совершенно.

Подхватив юбки, Грейс повернулась и торопливо пошла обратно. Вернувшись в башню, она нашла свое место и улеглась. Она уже собралась закрыть глаза, когда заметила два янтарных огонька; котенок все еще сидел рядом с Тирой и смотрел на Грейс.

— Она меня видела, — прошептала Грейс. — Как ты сейчас.

Котенок лизнул лапу. Грейс вздрогнула и поплотнее завернулась в одеяло. И всю ночь ей снились янтарные луны, наблюдавшие за ней с неба цвета оникса.

ГЛАВА 58

На третий день после того, как они покинули Серую Башню, гряда Рассветных гор резко повернула на север, и путешественники последовали за ней.

Тревис вздохнул, глядя по сторонам с мерно раскачивающейся спины своего скакуна. Земли вокруг были красивыми и пустынными. Раньше ему на глаза попадались одинокие мазанки или развалины старой стены, но сейчас все следы цивилизации исчезли.

— Прошло больше тысячи лет с тех пор, как отсюда ушли люди, — сказал Фолкен, стараясь перекрыть стук копыт, когда Тревис подъехал к барду и спросил его об истории этих земель. — Мы миновали Толорийские болота и находимся рядом с Рассветным морем и южными областями Дикого побережья. Когда-то их называли Дан-Дордурун, что на языке местных жителей означало Срединная Земля.

Тревис взглянул на покрытые туманом вершины гор и холмистые равнины под ними. Одинокий ястреб парил в бескрайнем синем небе, влекомый потоками ветра, несущего с собой слабый, но острый запах соли и океана.

— Кем были люди, населявшие Срединные Земли, Фолкен?

Бард посмотрел на далекую и такую идеально ровную горную гряду, что она просто не могла быть естественной. Лирит и Бельтан подъехали поближе, чтобы услышать рассказ барда.

Ветер играл короткими седыми волосами Фолкена.

— Те, кто их помнит, дали им имя «могримы», что означает *дикие*. Но они называли себя гал-хин-гал, что, насколько я знаю, переводится как *истинный народ*. Боюсь, о могримах мало известно.

Бельтан рассмеялся.

— Готов поставить свой меч, Фолкен, что *все* сведения об этих людях прячутся внутри твоего черепа.

— И ты бы выиграл, — с улыбкой сказала Мелия, направляя к ним свою белую кобылу.

Теперь рядом с бардом оказались почти все: Грейс с Тирой и Эйрин. Лишь Дарж ускакал вперед на разведку.

— И что с ними сталось? — спросил Тревис. — С могримами?

Фолкен улыбнулся, глядя на нетерпеливые лица.

— К сожалению, должен вас разочаровать, я не знаю. К тому времени когда народ Тарраса начал путешествовать на север от Фаленгарта, могримы уже стали древней историей. Кое-кто считает, что они скрылись в Сумеречных Царствах вместе с Маленьким народцем. Но я боюсь, все гораздо прозаичнее: они постепенно выродились и вымерли, как и многие другие народы.

Тревис нахмурился.

— И все?

— Далеко не каждая легенда оказывается красивой. — Бард вновь посмотрел на идеально ровную горную гряду. — Конечно, многие пересказывают друг другу истории о том, как в сумерки кто-то видел тени в лесах или горах. Таррасцы называют их гоблинами. Но я встречал людей, которые считают эти тени и духи могримами, обитающими в самых дремучих лесах и на вершинах далеких гор, полых, как говорят, внутри — лишь дикие знают, как отыскать входы и их открыть.

В небе у них над головами одинокий ястреб издал протяжный крик.

Сразу после полудня Тревис заметил великана. В животе у него урчало, и он уже собрался пожаловаться Мелии и Фолкену, несмотря на строгие взгляды, которыми его, несомненно, наградили бы в ответ, когда всадники выехали на вершину холма, и перед ними открылась неглубокая лощина. Земля сбегала вниз, к узкому ручью, а потом вновь начинался подъем. Именно там, на зеленой траве, отдыхал великан. Тревис разинул рот от изумления и тут же услышал удивленные восклицания своих спутников.

Великан занимал всю противоположную сторону лощины, но Тревис почти сразу же понял, что его фигура нарисована на светлом камне. Грубые, но четкие линии провела чья-то сильная и искусная рука. Тревис вдруг вспомнил, что подобные картинки люди находили на стенах пещер эпохи палеолита.

Хотя великан походил на человека, его кривые ноги с когтями больше подошли бы птице. Лицо не имело ярко выраженных особенностей, если не считать жесткой линии рта и единственного громадного глаза. Ниже по склону Тревис разглядел заостренный фаллос с парой здоровенных яичек. Несмотря на поражающие воображение размеры этого органа, великан не показался Тревису древним символом плодородия. Возможно, из-за нескольких треугольных зубов, торчащих из улыбающегося рта. Или фигурок, подозрительно напоминающих обычных людей и бессильно застывших на его ладонях.

Слева послышалось шипение. Тревис повернулся и увидел застывшую в седле Мелию. Она крепко держала черного котенка, мех которого встал дыбом. Кто из них шипел, Тревис не понял.

— Что это, леди Мелия? — спросил он.

— Вот не думала, что когда-нибудь увижу подобного тебе, — сказала леди, но обращалась она не к Тревису. — Мы уничтожили все изображения. Похоже, я ошибалась.

Фолкен подъехал к Мелии и положил руку ей на плечо.

— Успокойся, Мелия. Это всего лишь рисунок. Линии, начертанные на камне, вот и все.

Ее глаза сверкали.

— А разве линии не обладают силой, Фолкен? Разве ты сам не говорил так о своих драгоценных рунах?

Бард покачал головой и ничего не ответил.

— Кто это? — спросил Тревис, хотя ему не хотелось услышать ответ.

— Моуг, Повелитель Сумерск. Один из Старых Богов.

— Вроде Олрига?

Бард бросил на него такой свирепый взгляд, что Тревис прикусил язык.

— Нет. Совсем не вроде Олрига. Даже в самом начале Моуг отличался от остальных Зеари, а в конце стал их врагом.

— Не только врагом Старых Богов, — добавила Мелия, чьи янтарные глаза превратились в щелки. — Но и нашим.

К ним присоединилась Грейс.

— Я слышу, вы сказали о Старых Богах, Фолкен. О них постоянно говорят толкователи рун. Но я никогда не слышала про них от других жителей Зеи. Они им когда-нибудь поклонялись?

— Зеари мало интересовались людьми. В отличие от Ниндари, Новых Богов, которые отважились войти в Фаленгарт из Аль-Амуна и Тарраса, навсегда связав свою жизнь с теми, кто им следовал. Старые Боги были существами камня, леса и неба. Они плохо понимали обычаи людей. Впрочем, некоторые из них искали встречи с людьми, сближались с ними и получали удивительные дары. Такие, как руны. В течение многих столетий могримы знали о Старых Богах и их детях, Зеримах — Маленьком народце.

Пока бард вел свой рассказ, взгляд Тревиса вернулся к изображению на белой скале. Что-то в нем показалось ему... знакомым. В единственном глазе, смотревшем на него с середины лица. А потом Тревис увидел то, чего сразу не заметил: на левом плече старого бога примостилось существо со сложенными крыльями и изогнутым клювом. Подозрительно похожее на...

На ворона, Тревис.

Нет, не может быть. Все Вороны исчезли — их сожгли. Разве сестра Миррим не видела это своими слепыми проклятыми глазами?

— А кто сделал рисунок, Фолкен? — громко спросил Дарж. — Может быть, могрим?

Бард покачал головой:

— Нет, могримы не умели рисовать. Они не знали, что такое музыка, и не украшали свои тела, если не считать естественных красящих веществ, которые они получали из почвы или растений. Полагаю, рисунок сделан позже, кем-то из первых людей, которые пришли в Фаленгарт с юга и встретили здесь Старых Богов.

Бельтан фыркнул, показывая в сторону фигурок на ладони Бога, тщетно пытающихся спастись.

— Считайте, что на меня снизошло откровение, но мне почему-то кажется, что их не слишком порадовала встреча с Богом.

Лирит продолжала внимательно смотреть на рисунок.

— Он завораживает, — сказала она.

— Нет, это просто чудовищно, — резко возразила Мелия. Она обратила свой пылающий взор на Фолкена. — И ты еще продолжаешь удивляться, почему люди забыли Старых Богов.

Бард в ответ лишь покачал головой.

— А что с ними случилось? — спросила Эйрин. — Куда они исчезли?

Фолкен вздохнул.

— Их время прошло. Когда с юга появились Новые Боги и подружились с людьми, началось их шествие по Фаленгарту, а Старые Боги и Маленький народец поняли, что их век закончился, поэтому они скрылись в Сумеречном Царстве.

— Ну, вряд ли все было так просто, — заметила Мелия.

Бард еще раз посмотрел на огромный рисунок.

— Да, наверное.

Грейс убрала пряди светлых волос с лица.

— И все же кое-что остается для меня загадкой. Прошлой зимой Маленький народец из Сумеречного леса бродил по залам Кейлавера. Ты первым оповестил об их возвращении, Фолкен. Но если Маленький народец пришел к нам из Сумеречного Царства, почему бы вслед за ним не вернуться и Старым Богам?

Прежде чем Фолкен успел ответить, Мелия сделала быстрый жест рукой.

— Давайте уедем отсюда. Здесь нам нечего искать. — И она направила своего белого скакуна вниз по склону.

Тревис нахмурился и посмотрел на Фолкена.

— Что она имела в виду?

Однако бард отвел глаза.

— Поехали, — сказал он, и все последовали за Мелией.

ГЛАВА 59

На следующий день они проехали между двумя каменными сторожевыми башнями, установленными на одинаковых насыпных курганах, и оказались на территории Перридона. Похоже, туманы, которыми славился этот доминион, любили бродить вдоль его границ, поскольку стоило путешественникам подъехать к башням, как густой туман поднялся из лощин, и уже вскоре клубящиеся белые облачка стали доходить всадникам до колен.

Дарж посмотрел на безмолвные сторожевые башни и не заметил в узких окнах света.

— Разве здесь не должно быть сторожевых отрядов, Фолкен?

— Да, Перридон обычно ревностно охраняет свои границы, — помрачнев, ответил бард.

Бельтан фыркнул.

— Не думаю, что даже мышь незаметно проскочит в Перридон, не заплатив налог в три усика. В Перридоне гарнизоны стоят на каждой дороге, реке или тропе, ведущей в их доминион. Всякий раз, когда я сюда попадал, мне приходилось без конца останавливаться и объяснять, кто я такой, что меня привело в Перридон и что я ел на завтрак две недели назад.

Тревис направил своего мерина мимо Лирит и Эйрин, к Грейс.

— Веселенькое местечко, как ты считаешь? — негромко спросил он.

Грейс улыбнулась:

— Честно говоря, я люблю туман.

— Ты серьезно?

Она пожала плечами.

— Мне нравится, как туман все прячет. Здорово перемещаться по миру так, словно, кроме тебя, здесь никого нет. Все кажется таким... безопасным.

Тревис содрогнулся. Ему совсем не понравились слова Грейс, наоборот, он почувствовал себя одиноким — обитать в сером мире, не видеть людей вокруг тебя. Он собрался ответить Грейс, но в этот момент на него посмотрела Тира и протянула ему свою полусгоревшую куклу.

— Она хочет, чтобы ты ее подержал, — пояснила Грейс. — Это большая честь — она не предлагает куклу всем подряд.

Тревис посмотрел на девочку, ему не хотелось брать в руки обугленную куклу, прикасаться к почерневшему дереву. Но Тира продолжала протягивать куклу, не спуская глаз с Тревиса, и он потянулся к ней.

— Возвращайтесь!

Всадники остановили своих лошадей, услышав хриплый голос. Из тумана вынырнул мужчина в сером плаще. Влажные волосы облепили голову, он явно несколько дней не брился.

— Возвращайтесь! — снова крикнул мужчина, его голос напоминал карканье ворона. — Вы глупцы, если хотите войти в Перридон. Возвращайтесь туда, откуда пришли.

Фолкен направил свою лошадь вперед.

— Мы не причиним тебе вреда. — Он протянул к мужчине руку без перчатки.

— Нет! Не трогай его!

Грейс пришпорила свою кобылу и оказалась рядом с Фолкеном. Бард отдернул руку и с удивлением посмотрел на нее, как, впрочем, и человек в сером плаще.

И только тут Тревис увидел глаза мужчины: черные, без белков и зрачков. К горлу подступила тошнота. Рядом с ним Эйрин поднесла руку к лицу, а Лирит тихонько вздохнула.

— Да, — сказал мужчина, глядя на Грейс своими невозможными глазами. — Я вижу, вы понимаете.

— Как далеко? — спросила Грейс. Тревис никогда не слышал, чтобы ее голос становился таким холодным. — Как далеко огненная чума распространилась по Перридону?

Мужчина провел рукой по лицу и пошатнулся. Тревису показалось, что он сейчас упадет. Когда он снова заговорил, его голос звучал спокойнее.

— Я не знаю. В каких-то деревнях люди заболели — другие она обошла стороной. Нет никакой видимой причины или системы. Они приходят, наносят удар и уходят.

Грейс не стала спрашивать, о ком он говорит. Все знали: речь идет об огневиках.

Бельтан подъехал к ним, но не стал приближаться к мужчине вплотную.

— Как давно они побывали здесь?

Человек скрестил руки на впалой груди.

— Не знаю. Когда я пришел, повсюду был пепел. — Он показал в сторону сторожевых башен.

— Ты знаешь, чего они хотят? — спросил светловолосый рыцарь.

Человек рассмеялся — безумные звуки, от которых стыла кровь в жилах.

— Наверное, сжечь всех. Впрочем, я видел одного очень необычного огневика в герцогстве Варсарт. Ему оставалось совсем немного, но он еще мог говорить. Ключ, сказал он. Он хотел получить ключ от огня. Но что это значит? — Мужчина протянул вперед худые, трясущиеся руки. — Что ж, очень скоро я узнаю.

— Еще не поздно, — сказала Грейс, и ее голос оставался абсолютно холодным, — с этим покончить.

Он улыбнулся, обнажив сгнившие зубы.

— Вы правы, миледи. Я пришел сюда, чтобы стоять на страже и предупредить тех, кто приедет — пока у меня оставались силы. Но мое время подходит к концу. Я сумею еще раз добраться до ступеней западной сторожевой башни. Обратно я спущусь самым быстрым из всех возможных способов. — Его черный взгляд переместился на Фолкена. — Так вы уйдете отсюда из страха перед чумой?

— Именно страх перед чумой заставил нас приехать сюда.

Человек обдумал слова барда, а потом кивнул:

— Так я и подумал. Я слышал, что беда идет впереди тебя, Фолкен Черная Рука. Похоже, правду рассказывают о Суровом Барде. Но пусть окажутся справедливыми и другие легенды. — Он облизнул запекшиеся губы. — Положи чуме конец, Черная Рука. Ради всех нас.

Фолкен хотел что-то сказать, но человек уже скрылся в клубах тумана.

— Найти его? — спросил Бельтан, сжимая поводья своего жеребца.

Фолкен поднял затянутую в перчатку руку.

— Ты его не найдешь. Разве ты не видел, что на нем надето?

— Туманный плащ, — вмешался Дарж. — Значит, он Паук?

Бард кивнул:

— Один из личных шпионов короля Перридона. Говорят, что Паук может в полдень пройти через весь город, и никто его не заметит.

Тревис почесал подбородок — медно-золотистая щетина превратилась в густую бороду — и посмотрел на барда.

— Если этот человек один из шпионов короля, что он здесь делал?

— Король Персард мертв, — негромко напомнила Грейс.

Глаза Лирит сверкнули.

— А у нового короля есть новые шпионы.

— Но мы ничего не слышали о новом короле Перридона, — заметила Эйрин.

Бельтан погладил рукоять своего меча.

— Кажется, сейчас мы кое-что узнали.

— Что теперь, Фолкен? — спросила Мелия, сложив руки на груди.

— Поедем дальше, — ответил бард. — Встреча с этим человеком ничего не меняет. Разве что делает наше поручение еще более неотложным. Поехали. — И он тронул шпорами бока своего жеребца.

Тревис бросил прощальный взгляд на сторожевые башни. Туман поднимался все выше, и башни дрейфовали в серой пелене, словно острова в бесцветном море. Он прищурился сквозь линзы очков. Ему показалось, что он видит какую-то тень на шпиле западной башни? Но серая стена тумана качнулась и поднялась еще выше, закрывая обзор. Тревис повернулся и последовал за своими спутниками.

ГЛАВА 60

Утро четвертого дня после встречи возле сторожевых башен еще не успело закончиться, когда Фолкен, ехавший во главе небольшого отряда, поднял руку в черной перчатке и заставил всех остановиться.

Во всяком случае, Грейс считала, что до полудня еще далеко, впрочем, она могла лишь предполагать, поскольку вокруг ничего не было видно — не считать же свидетельством урчание в животе. Воздух настолько пропитался туманом, что Грейс едва не проехала мимо, когда их маленький отряд остановился. Если бы Шандис не фыркнула, определив положение других лошадей по запаху, Грейс продолжала бы скакать дальше до тех пор, пока не рухнула бы вместе с кобылой и Тирой в пропасть или овраг. Дорога по Перридону оказалась долгой и полной препятствий, им без конца приходилось преодолевать болота и лощины, двигаясь вдоль подножий Фол Эренна.

Одной рукой Грейс придержала Тиру, а другой натянула поводья, развернув Шандис. Прищурившись, она разглядела несколько более темных пятен на сером фоне. Либо она обнаружила своих друзей, либо смотрела на группу пней, удивительно напоминающих всадников. Грейс подъехала поближе, туман слегка расступился, и она увидела скалы, заросли кустарника и своих спутников — причем все вокруг было покрыто тонкой влажной пленкой.

Несмотря на слова Паука, сказанные им возле сторожевых башен, путешествие по Перридону проходило на удивление спокойно. Они проезжали мимо отдельных деревушек или ферм, но все в них было в порядке. Если, конечно, считать нормальной жизнь средневековых поселений, где почти все дети больны рахитом, золотухой и другими недугами, которые являются следствием недоедания. Так или иначе, но им ни разу не встретились следы другой, куда более страшной болезни — огненной чумы.

Изредка удавалось пополнить скудный запас продовольствия — еда, взятая в Серой Башне, подходила к концу. Они все еще путешествовали по окраинным землям Перридона, далеко от крупных замков и городов, и люди здесь были очень бедны и побаивались незнакомцев. В одной деревеньке им, однако, посчастливилось купить сушеных фруктов, пресного хлеба и кислого вина.

— В следующем поселении нам повезет больше, — заявил Бельтан, но голос рыцаря предательски дрогнул. — Как ты думаешь, Грейс?

Однако они перестали встречать деревни. Путники ехали по голой степи, изредка переходящей в болота и овраги, и повсюду их преследовал туман. Копыта лошадей постоянно скользили на глинистом сланце, ставя под угрозу жизнь скакуна и всадника.

Несмотря на туман и влажность, прохлада диких земель между Толорией и Перридоном уступила место жаркому влажному воздуху, словно они попали в старую баню, где все заросло плесенью. Влага проникала повсюду — под доспехи, куртки и платья, — тело потело, и от пота одежда становилась еще более сырой.

Понемногу Фолкен рассказал им о цели их путешествия — речь шла о месте, где, по его предположениям, некоторое время находился Огненный Камень. И хотя Грейс уже слышала легенды об Имсари — трех Великих Камнях, она так и не поняла, откуда они взялись. Она знала лишь, что Бледный Властелин готов отдать все, чтобы заполучить Синфатизар, Сумеречный Камень, но Тревис передал его на хранение Маленькому народцу. И еще Грейс понимала, что Кронднзар может принести людям огромное зло.

В том числе и огненную чуму. Похоже, тебе наконец удалось обнаружить переносчика инфекции, Грейс.

Вот сможет ли она найти вакцину или какой-нибудь еще способ борьбы с эпидемией — уже совсем другой вопрос. Но разве они не для этого отправились в путешествие?

Фолкен выругался, показывая рукой на клубящийся туман.

— Ты ничего не можешь с ним сделать, Мелия?

— А что ты предлагаешь мне сделать, Фолкен?

— Не знаю. — Бард неопределенно взмахнул рукой. — Не можешь ли... ну, ты знаешь... использовать свой... вроде как?..

Туман не ослабил воздействия свирепого взгляда Мелии, и слова Фолкена остались без ответа.

Бельтан отвел влажные волосы со лба.

— А еще говорят, что *я* не слишком умен. Даже мне известно, что такие вопросы лучше не задавать.

На губах Лирит появилась задумчивая улыбка.

— Молчание — это приправа, которую чаще всего забывают положить в рагу мудрости.

Бельтан застонал и схватился за живот.

— Только не нужно про рагу. Я безумно хочу есть.

Мелия взглянула на светловолосого рыцаря.

— А мне казалось, ты постишься, чтобы получить благословение Ватриса.

— На самом деле я так сказал, чтобы не расстраиваться из-за того, что нам нечего есть.

— Мне кажется, что твои слова звучат не слишком логично, — с некоторым недоумением заметила Эйрин.

Бельтан пожал плечами.

— А для меня очень даже логично.

Мелия бросила на рыцаря презрительный взгляд.

— Тебе не следовало бы шутить именем Бога, Бельтан.

Фолкен ухмыльнулся, явно довольный, что гнев Мелии обрушился на кого-то другого.

— А тебе не следовало бы морить голодом больших рыцарей во время столь длительного путешествия. Уж лучше взять с собой пару вьючных лошадей с хорошим запасом пищи.

— И эля, — добавил Бельтан.

Дарж подъехал поближе к остальным. Вороного жеребца эмбарского рыцаря почти полностью скрывал стелющийся по земле туман, отчего казалось, что Дарж плывет в воздухе.

— Почему мы остановились, Фолкен?

Фолкен повернулся в седле и показал рукой:

— Вот почему.

Порыв теплого влажного ветра разорвал пелену тумана над болотом, и Грейс проследила за взглядом барда. Перед путешественниками высилась стена из черного камня.

— Вот мы и прибыли, — сказала Мелия.

Тревис посмотрел поверх очков, стекла которых совсем запотели.

— Что это за место, Фолкен?

— Место смерти.

Несмотря на жару, Грейс содрогнулась.

Они спешились, привязали лошадей и подошли к стене. Теперь Грейс смогла разглядеть, что это не стена, а крутой утес — часть восточного склона Фол Эренна. Вся поверхность утеса была идеально гладкой, точно стекло. Грейс подняла руку и провела пальцами по влажному камню, а потом взглянула вверх, но стена, насколько хватало глаз, оставалась идеально ровной.

— Я кое-что нашла, — послышался слева голос Эйрин.

Грейс первой подошла к баронессе и инстинктивно взяла ее левую руку и сжала.

— Дверь, — пробормотала Грейс, и Эйрин кивнула.

Арка находилась на фут или два выше головы Грейс и слегка выдавалась вперед. На камне был начертан сложный геометрический рисунок. Грейс еще никогда не приходилось видеть ничего подобного. Тени таились внутри арки, казалось, под ней проход, но когда Грейс протянула вперед руку, ее пальцы вновь наткнулись на гладкий камень. Да, перед ними дверь — вот только она заперта, и никто не собирается ее открывать.

Подошли остальные и сгрудились вокруг Грейс и Эйрин. Бельтан двумя руками приложился к двери, но створка даже не дрогнула.

Мелия посмотрела на Фолкена.

— Если ты случайно не заметил, скажу, что дверь закрыта.

— А ты рассчитывала на дружескую встречу?

Руки Мелии еще теснее сомкнулись вокруг урчащего черного мехового шара.

— Нет, пожалуй, не рассчитывала. Во всяком случае, не здесь.

— Куда мы пришли, Мелия? — спросила Грейс.

Если та и слышала ее вопрос, то виду не подала.

Лирит провела тонкими пальцами по рисунку на арке, и на смуглом лбу появились морщины.

— Эти рисунки явно таррасского происхождения, но они не похожи на те, что мне приходилось видеть. Я бы предположила, что они очень древние.

— Вы правы, — заметил Фолкен. — Эту дверь создали более тысячи лет назад, задолго до того, как появились доминионы. И до того, как был построен Малакор. — Он вздохнул. — Нам необходимо открыть дверь.

— Хорошо, — сказал Бельтан, положив руки на узкие бедра. — И как мы ее откроем?

Фолкен собрался ответить, но его опередил Дарж, заглянув в глубь арки.

— Здесь изображены какие-то знаки, — заявил эмбарский рыцарь. — Я не уверен, но они похожи на руны.

— Свет, — сказал Фолкен. — Нам нужен свет.

Бельтан хотел вернуться к лошадям — чтобы принести факел, решила Грейс, — но прежде, чем он успел сделать два шага, Тревис произнес одно короткое слово:

— *Лир.*

И тут же бледное сияние разогнало тени под аркой, и стали видны четкие серебристые линии. Фолкен бросил на Тревиса внимательный взгляд, но тот отвел глаза. Бард наклонился, чтобы получше рассмотреть символы, начертанные чей-то искусной рукой.

— Ты почти прав, Дарж. Знаки действительно напоминают руны. Однако это лишь ряд линий и точек.

— Но я не понимаю, — заговорила Лирит. — Если дверь сделали таррасцы, зачем они начертали на ней странные символы, похожие на руны? В Таррасе не практиковалась руническая магия.

— Дверь поставили здесь те, кто пришел с юга, — заявил Фолкен. — А нас интересуют другие — появившиеся позднее.

— Ты можешь прочитать символы? — задыхаясь от волнения, спросила Эйрин.

Фолкен покачал головой:

— Боюсь, что нет. Если это руны, то они слишком истерлись. Возможно, тут какой-то шифр. Не мог же он оставить дверь открытой, чтобы в нее вошел любой.

Мелия посмотрела на барда.

— О чем ты говоришь, Фолкен?

— Мне кажется, это послание может расшифровать только повелитель рун.

— Среди нас нет повелителя рун, — заметила Лирит.

Тревис развел руки в стороны и отступил на шаг.

— И не нужно на меня смотреть. Я не понимаю, что там написано.

Все взоры вновь обратились к барду.

Он вздохнул.

— Мне нужно немного подумать.

Худенькая девчушка проскользнула между юбками Грейс и Эйрин. Тира. Она протянула руку и похлопала Фолкена по черной перчатке. На мгновение мрачное выражение исчезло с его лица, и он улыбнулся ей. Девочка кивнула и бегом вернулась к Грейс.

— Да поможет мне Олриг, — пробормотал бард и вновь склонился над древней дверью.

ГЛАВА 61

Около полудня, когда окончательно стало ясно, что Фолкен не сможет быстро открыть дверь, они разбили лагерь. Тревис держался от барда на почтительном расстоянии, наблюдая за его работой, но если судить по периодическим ругательствам, которые оглашали окрестности, у Фолкена ничего не получалось. Иногда бард располагался вплотную к двери, потом принимался расхаживать возле арки, потирая лоб рукой в черной перчатке.

— Не обращайте на него внимания, — предложила Мелия после того, как бард выругался особенно витиевато.

— Неужели ругань помогает ему сосредоточиться? — спросила Эйрин.

Мелия улыбнулась:

— Не могу сказать ничего определенного, но мне становится легче.

Они разделили между собой скудную трапезу, но даже у Бельтана пропал аппетит. Вскоре туман вновь сгустился, серое небо казалось особенно низким и давящим, и даже самые добрые слова, точно свинец, грустно падали на землю. Бельтан и Лирит попытались развести костер, чтобы высушить намокшую одежду, но хвороста удалось собрать совсем немного, к тому же, дерево настолько пропиталось влагой, что у них ничего не вышло.

Тревис знал, что сможет развести огонь, и руна *лир* слетела с его языка без малейших усилий. Слишком легко, если уж быть честным до конца, — ведь он произнес ее, даже не успев подумать.

Вот так ты можешь причинить вред людям, Тревис. Из-за лени, или позабыв, какую опасность ты несешь в себе.

Он хорошо знал, что *кронд* гораздо опаснее, чем *лир*. И Тревис был благодарен своим спутникам, когда никто из них не попросил его применить магию для разжигания костра.

Через некоторое время все перестали даже пытаться поддерживать разговор. Грейс улеглась под одеяло рядом с Тирой, Лирит и Эйрин последовали ее примеру. Дарж и Бельтан попытались стереть влагу, которая собиралась на начавших ржаветь доспехах. А вот Мелия умудрялась оставаться сухой, хотя ее защищала лишь тонкая кисея.

Тревис съежился под своим туманным плащом, очень похожим на тот, что был надет на страже, которого они встретили на границе Перридона. Паук, так Фолкен его назвал. Может быть, Фолкен раздобыл его у шпионов короля Персарда? Тревис решил, что обязательно спросит про плащ у барда. Но лучше позднее, поскольку Фолкен вновь разразился проклятиями.

Дарж вздохнул.

— Похоже, Фолкен никогда не откроет дверь. — Голос Даржа был грустным и тяжелым, как туман. — А мы все умрем, дожидаясь здесь.

Грейс села.

— Он откроет дверь, Дарж. Вот увидишь.

Плечи рыцаря ссутулились еще сильнее.

— Тогда мы войдем, и нам придет конец от отвратительной вони на той стороне. Либо нас покусают ядовитые змеи, а потом мы заблудимся в темноте и больше никогда не увидим света.

Рыцарь склонил голову, и Грейс удивленно посмотрела на Тревиса. Он кивнул. Уж слишком мрачно — даже для Даржа. Тревис собрался ему возразить, но его опередил Бельтан.

— Тебе бы это понравилось, не так ли, Дарж?

Все повернулись к Бельтану. Светловолосый рыцарь вскочил на ноги, его лицо покраснело, глаза сверкали от гнева.

— Мне кажется, ты мечтаешь о том, чтобы случилось нечто ужасное, и мы все погибли. Ты так часто это повторяешь, что я начал верить, что ты и в самом деле хочешь нашей смерти.

Эмбарский рыцарь не поднимал головы.

Рука Бельтана скользнула к рукояти меча.

— Вот что я скажу — сейчас у тебя будет повод для тревог...

— Бельтан!

Голос Мелии прозвучал негромко, но легко разорвал туманное покрывало. Бельтан вздрогнул, поспешно убрал руку подальше от меча и уселся на свое прежнее место, однако продолжал посматривать на Даржа.

— Неужели ничего другого не приходит в голову рыцарям, когда они сталкиваются с трудной проблемой? — Голос Лирит был полон презрения. Темноглазая женщина села, быстрыми движениями собрала волосы в пучок, а потом вновь распустила их. — Вы считаете, что меч это ответ на все вопросы? — Она вновь перевязала волосы; на сей раз они запутались.

Бельтан сердито фыркнул.

— А что станешь делать ты, колдунья? Сотворишь заклинание, чтобы мы плясали под твою дудку?

К горлу Тревиса подступила тошнота. Неужели он все это слышит? Ему вдруг захотелось пронзительно закричать, хотя он не понимал почему. Он снова посмотрел на Грейс. Однако она крепко прижимала к себе Тиру и что-то тихонько ей шептала.

Фолкен разразился новыми проклятиями, потом отвернулся от древней двери и подошел к остальным.

— Получается? — спросила Мелия.

— А ты сама как думаешь? — ядовито спросил он.

Янтарные глаза Мелии широко раскрылись, а затем превратились в узкие сверкающие щелки.

— Может быть, если бы ты заранее все предусмотрел, нам бы не пришлось сейчас решать головоломки.

— Может быть, если бы твой друг нас предупредил, нам бы не пришлось здесь торчать.

— Ты утверждаешь, что Том не рассказал нам все, что знал?

— А разве ваше племя когда-нибудь рассказывает все, что вам известно, Мелиндора Сребролунная?

Слова Фолкена были полны яда. Лицо Мелии побелело, и все уставились на нее. Прежде чем бард успел что-нибудь добавить, Эйрин — лежавшая до этого момента под одеялом — вскочила на ноги.

— Замолчите! — Голос молодой женщины едва не сорвался на крик. — Замолчите все! Вы точно вороны! Каркаете и говорите мерзости. Клянусь, вы сведете меня с ума!

Баронесса опустилась на колени и расплакалась. Грейс протянула к ней руки, но потом передумала и оглядела своих спутников.

— Что происходит? — спросила она. — С нами что-то случилось. Мы никогда так не ругались.

Мелия заморгала и вопросительно посмотрела на Фолкена, тот кивнул.

— Это как болезнь, — хрипло прошептала Лирит. — Здесь другой воздух, и все какое-то извращенное.

Колдунья содрогнулась, но тут подошла Тира, уселась к ней на колени и прижалась к ее груди. Казалось, лишь на девочку местный воздух не действует.

Эйрин закрыла глаза и вдруг издала такой пронзительный крик, что он раскаленной иглой вошел в сердце Тревиса. Грейс бросилась к подруге.

— Что случилось? — Она прикоснулась ко лбу и щекам Эйрин.

Баронесса подняла дрожащий палец и показала куда-то в сторону.

— Я видела. Вон там. Похоже... на разрыв в Духе Природы, заполненный... пустотой. — Она закрыла лицо руками и разрыдалась.

На лице Фолкена появилось жесткое выражение.

— Бельтан и Тревис, со мной. Остальные оставайтесь здесь.

Тревис вскочил на ноги, и они с рыцарем последовали за бардом к высоким высохшим кустам, обвитым лозой, на которые показала Эйрин.

— Мне бы следовало сообразить, — пробормотал Фолкен, — что в таком месте должно быть нечто подобное.

Тревис собрался спросить, о чем говорит бард, но они уже подошли к кустам. Рукой в перчатке Фолкен отвел ветки в сторону.

— Помогите.

Тревис и Бельтан принялись выдирать кусты и лозу. Шипы больно жалили, но Тревис продолжал тянуть. Теперь он тоже ощущал нечто — не так ярко, как Эйрин, но темная тяжелая масса давила на него, перед глазами возникла темная вуаль. Наконец трое мужчин вырвали высохший куст и отбросили его в сторону. Тревис не мог отвести взгляда от высеченного из скалы черного камня с четырьмя гранями, сходящимися в вершине. На изношенной поверхности Тревис увидел несколько символов. Не руны.

Волны отвратительной, удушающей злобы исходили от камня, искаженный воздух мерцал, как над раскаленным песком пустыни. Бельтан протянул руку к камню. Тревис последовал его примеру.

Резкий голос вывел их из оцепенения.

— Вам не следует прикасаться к камню.

Мелия. Но голос был таким слабым и далеким.

— Отойдите от пилона, дорогие. Немедленно.

Тревис застыл на месте, камень звал его к себе, голос Мелии тащил в противоположную сторону. Наконец он застонал и рванулся назад. Тусклая вуаль спала с глаз, воздух со свистом ворвался в легкие — Тревис понял, что перестал дышать. Бельтан, пошатываясь, стоял рядом.

Фолкен посмотрел на Мелию.

— С ними все в порядке?

Мелия коснулась лба Бельтана, а потом ее прохладная ладонь легла на лоб Тревиса.

— Они не пострадали. Но нам необходимо уйти подальше от камня. Его зло отравляет каждого из нас.

Через полчаса они устроились внутри круга камней. Они были расположены настолько симметрично, что Тревис не сомневался: к ним приложили руки люди. Он сделал несколько глотков ароматного чая из аласая и вздохнул. Мелия приготовила целебный напиток, и все постепенно приходили в себя, перед глазами прояснялось, на лицах появился румянец. Только Тира отвернулась от чая, забралась на один из камней и принялась играть с куклой.

— Что произошло, Фолкен? — Грейс поставила чашку и взглянула на барда своими сияющими изумрудно-золотыми глазами. — Что это за камень такой?

Но ей ответил Тревис. Он уже не в первый раз столкнулся с такой штукой.

— Это пилон. Артефакт Бледного Властелина.

— Нет, не совсем, — возразила Мелия.

Бард кивнул:

— Пилоны создали некроманты, волшебники Бледного Властелина, во время Войны Камней. Никто не знает, для

чего предназначались пилоны, но мне кажется, они помогали некромантам поддерживать связь между собой и другими слугами Бледного Властелина.

Лирит держала чашку двумя руками, грея ладони.

— Фолкен, разве не все некроманты убиты во время Войны Камней?

— Так говорят.

— Однако ты много о них знаешь.

Бард коснулся серебряной броши на плаще.

— Можно сказать, что у меня... был некоторый опыт общения с ними.

Тревис нахмурился. Как мог Фолкен иметь что-то общее с некромантами, если они исчезли из этого мира вечность назад?

— Фолкен, ты должен ответить на один вопрос, — неожиданно заговорил Дарж. — Как пилон оказался здесь?

— Некроманты построили его до начала Войны Камней.

Все посмотрели на барда, но никто не нашелся, что сказать.

Фолкен встал.

— Мне нужно вернуться к двери. Необходимо ее открыть.

— Только не ходи один, — сказала Мелия. — Пилон расположен слишком близко.

Тревис вскочил на ноги:

— Я пойду с Фолкеном.

— И я, — сказала Лирит, поднимаясь на ноги.

Фолкен кивнул и решительно зашагал обратно, Лирит и Тревис последовали за ним.

— Они не все рассказали нам, — прошептала колдунья.

Тревис тихонько рассмеялся.

— У меня такое чувство, что они еще ни разу нам всего не рассказали.

Они подошли к двери в скале. Тревис ощущал силу пилона, тенью нависающего над его сознанием. Но теперь, когда он знал о его существовании, бороться с его воздействием стало значительно легче.

— Ладно, давайте с самого начала, — со вздохом предложил Фолкен. — Может быть, втроем мы сумеем сообразить, что значат линии и точки. Кто первым хочет их осмотреть?

— Почему бы не попытаться сделать это одновременно? — предложила Лирит.

Фолкен покачал головой:

— Там слишком мало места для троих.

— В таком случае нужно приблизить надпись к нам, — заявила Лирит.

Фолкен нахмурил брови.

— В каком смысле?

Вместо ответа Лирит отошла к ближайшему кусту, отломила несколько голых сучков, собрала пригоршню красных ягод и вернулась к остальным. Потом протянула им палочки и ягоды.

— Линии и точки, — сказала она.

Тревис и Фолкен с уважением посмотрели на колдунью и рассмеялись — они поняли.

Они стали по очереди подходить к двери, запоминать по нескольку символов, после чего возвращались к большому плоскому камню, на котором воссоздавали символы при помощи палочек и ягод. Вскоре на камне получилась копия рисунка.

Они встали вокруг камня и принялись изучать изображение. Тревису показалось, будто он видит в рисунке что-то знакомое, и не только потому, что символы походили на руны. Ему всегда представлялось, что именно так выглядят написанные слова — хаотичное сочетание линий и точек — до того, как ему удавалось сосредоточиться и прочитать текст. Но сколько он ни старался, значки никак не превращались в осмысленные сочетания.

Фолкен застонал и отошел от камня.

— Бесполезно. Мы никогда не поймем, что здесь написано. — Он поднял голову. — И дело тут не в пилоне.

Лирит поднесла руку ко лбу.

— Нужно продолжать попытки. Возможно, мы совершили ошибку, когда копировали надпись. Я пойду, проверю еще раз.

— Я помогу, — вздохнул Фолкен.

Бард и колдунья вернулись к двери. Тревис вновь посмотрел на камень. Казалось, палочки и ягоды отплясывают какой-то безумный танец, и он перестал пытаться их остановить. Все равно понять невозможно. Он расслабился, точки и линии поплыли у него перед глазами.

Две палочки и одна ягода столкнулись, образовав новое сочетание. Тревис с шумом вздохнул. Получилась *урат*, руна открывания.

Он заморгал, палочки и ягоды остановились. Руна *урат* исчезла.

Нет, он ошибся. Руна где-то здесь, не так ли? Он взял самую правую палочку и перенес ее к самой левой палочке и ягоде. Вместе они образовали руну открывания.

Дрожа от нетерпения, Тревис перенес две палочки, которые стали самыми правыми, к тем двум, что образовали руну *урат*. Он вздрогнул. Получилась руна *пил*. Дверь.

Теперь он работал быстро, передвигая палочки и ягоды справа налево, пока у него не получилось семь рун. Прежде чем Тревис понял, что делает, он произнес:

— *Урат пел сар бри, фейл кронд вэл.*

— Что ты делаешь, Тревис?

Он поднял голову. К нему направлялся Фолкен, который хмуро смотрел на палочки. Тревис собрался ему ответить, но раньше заговорила Лирит, оставшаяся возле арки.

— Посмотрите на дверь, — прошептала она.

Тревис и Фолкен повернулись к ней. Символы на двери начали светиться. Раздался негромкий щелчок, словно ключ повернулся в замке, и между рунами появилась вертикальная линия, идущая сверху вниз.

— Что происходит? — спросил Тревис.

И тут же получил ответ на свой вопрос — послышался шелест сухого, древнего воздуха — дверь распахнулась.

ГЛАВА 62

— Клянусь Олригом, это *действительно* руны. — Фолкен заглянул в дверь и провел рукой по седым волосам. — Я их просто не мог увидеть.

— У каждого из нас бывают неудачные дни, дорогой, — сказала Мелия, но в ее голосе явно не хватало сочувствия.

Бард бросил на нее сумрачный взгляд.

Грейс смотрела в темное пространство за открытой дверью. Коридор. Пыльный, с металлическим привкусом воздух, которым не дышали столетия.

Она повернулась к Тревису.

— Как ты догадался преобразовать символы в руны?

Тот смущенно пожал плечами.

— А я не догадался.

Грейс изучающе посмотрела на него. *Конечно, дело в его неспособности к чтению. Он и не собирался преобразовывать символы — просто все произошло в его сознании, когда он устал и не мог сосредоточиться.*

Бельтан улыбнулся Тревису.

— Иногда полезно уметь читать в зеркале.

— В самом деле, — согласилась Лирит.

Эйрин показала на палочки и ягоды.

— Так что же говорят руны?

Фолкен открыл рот, но перевод пробормотал Тревис:

— Открой дверь в темном камне и ищи короля огненной долины.

Все удивленно посмотрели на Фолкена.

— Теперь, когда твоя волшебная дверь открыта, Фолкен, кто войдет в нее? — наконец спросила Лирит.

— Мы все.

— Ты уверен, что это правильное решение, дорогой? — осведомилась Мелия.

Фолкен пожал плечами.

— А кто хочет остаться?

Таковых не оказалось.

— Нам придется оставить лошадей, — сказал Бельтан. — Они не смогут войти в туннель.

— А с ними здесь ничего не случится? — спросила Эйрин у светловолосого рыцаря.

Однако ей ответил Дарж:

— Я уверен, что с ними все будет в порядке, миледи.

Все удивленно уставились на эмбарца. Они впервые слышали столь оптимистические слова от Даржа.

Рыцарь пригладил рукой усы.

— Я просто хотел сказать... Черногривый и жеребец сэра Бельтана будут охранять остальных лошадей от волков, горных львов и других опасностей в наше отсутствие.

Грейс облегченно вздохнула. Потом вновь заглянула в темный проход.

Мелия провела рукой по символам, вырезанным на арке.

— Но почему здесь, Фолкен? Конечно, я доверяю Тому — насколько мне известно, он никогда не ошибается. Но почему Камень оказался именно здесь?

Фолкен положил руку в перчатке на плечо Мелии.

— Поиски ответа на этот вопрос и привели нас сюда.

Мелия сжала его запястье. Фолкен посмотрел на остальных.

— Брать с собой много вещей не нужно — лишь фляжку с водой и немного еды. Если все пройдет удачно, мы здесь надолго не задержимся.

Это *если* не прошло мимо внимания Грейс. Тем не менее она взяла с собой лишь небольшую фляжку с водой и сушеных фруктов для себя и Тиры. Грейс пожалела, что у них нет сапожек для девочки — что не имело особого значения, пока они ехали верхом, — но сейчас сокрушаться было поздно.

Я понесу ее, если Тире станет трудно идти. Она вряд ли весит больше двадцати пяти килограммов.

Но когда они вошли в туннель, пол оказался гладким, как и вертикальная поверхность скалы. Коридор плавно поднимался вверх, и через минуту дверь осталась ярким маленьким окошком, парящим в темноте у них за спиной. Потом туннель свернул налево, стало совсем темно.

— Тревис, — сказал бард, и его тихий голос отразился от каменных стен, — ты не мог бы осветить нам дорогу?

Грейс почувствовала, что Тревис колеблется, но потом он прошептал одно слово. *Лир.* Как и в прошлый раз, у него над головой возникло тусклое сияние. Однако свет мерцал и сжимался под давлением мрака. На лице Тревиса появилось напряжение, на лбу выступили бисеринки пота — но вскоре свет стабилизировался, превратившись в небольшую сферу.

Лирит коснулась его руки.

— Что-то не так, Тревис?

— Не знаю. Такое ощущение... словно тени пытаются погасить мой свет.

Фолкен кивнул.

— Здесь царит другая магия, южная, а не северная. Она новее и достаточно сильная. — Он посмотрел на Мелию. — Знаешь, ты могла бы...

Янтарноглазая леди подняла руку.

— Нет. Я не стану здесь применять силу, если не возникнет серьезной опасности. Последствия могут оказаться непредсказуемыми.

Больше Мелия ничего не стала объяснять и решительно зашагала вперед. Грейс двинулась вслед за ней, держа Тиру за руку, и поморщилась, когда что-то ткнулось ей в щиколотку.

Только не говори, что это ядовитая змея, о которой упоминал Дарж.

Грейс взглянула вниз. На нее смотрели два маленьких желтолунных глаза. Она вздохнула.

— Ах, это ты. Мне следовало догадаться — Тревис меня предупреждал. — Она наклонилась и подняла черный комочек меха. — Почему ты убежал от леди Мелии?

Котенок лизнул лапу розовым язычком, он явно не собирался отвечать на вопросы жалкого человечишки.

Грейс почувствовала, как ее дернули за рукав. Тира показала — остальные уходили вперед.

— Хорошо, — сказала Грейс девочке и котенку. — Пошли, а то отстанем.

Она наклонилась и положила котенка в протянутые руки Тиры. Тот сразу же замурлыкал и прижался к плечу девочки. Грейс и Тира поспешили за остальными.

Следить за течением времени было трудно. Туннель все дальше и дальше уходил в темноту, иногда плавно сворачивая направо или налево, но неизменно следовал на запад. Местами он становился горизонтальным, а кое-где так круто уходил вверх, что ноги путников начинали скользить на гладком полу. Грейс даже подумала, что босой Тире идти удобнее, поскольку девочка спокойно шагала вперед.

Свет Тревиса не мог разогнать мрак, лишь заставлял его отступить на несколько шагов, как фонарь из слишком тонкого стекла, опущенный ныряльщиками ночью в воду. Только Тревис, Фолкен и Мелия шли в круге света. Остальным приходилось следовать за ними парами: Лирит и Эйрин, Грейс и Тира, Дарж и Бельтан замыкали шествие.

Через некоторое время Грейс почувствовала, что начинает погружаться в транс. Ей казалось, что она не идет, а плывет по темной воде, безуспешно преследуя светящуюся сферу.

Только наткнувшись на Эйрин, Грейс сообразила, что отряд остановился. Инстинкт врача сразу подсказал ей — что-то случилось. Затем она быстро посчитала людей и поняла. Одного человека не хватало.

Через несколько мгновений Грейс сообразила, что нет Мелии. Но не успела она спросить у Эйрин, почему они остановились и куда девалась леди Мелия, впереди, за границей света Тревиса, высветились два янтарных огонька.

Огоньки парили близко от земли, слегка поднимаясь и опускаясь, по мере того как они приближались. Грейс предположила, что это черный котенок — искорки напоминали по цвету глаза маленького существа, — но, быстро повернув голову, она увидела, что котенок спокойно спит на руках у Тиры.

Грейс вновь перевела взгляд на приближающиеся огоньки, которые почти добрались до границы светового круга. Ей показалось, что она уже различает гладкую черную фигуру за двумя яркими точками. Затем огоньки погасли; должно быть, тьма сыграла шутку со зрением Грейс, поскольку в следующее мгновение Мелия вошла в круг света.

— Там лестница, — сказала леди Мелия.

— Отлично, — кивнул Фолкен. — Значит, мы почти пришли.

Через несколько минут они оказались у основания лестницы. Ступеньки, как и все остальное, были высечены из оникса, причем их края оказались острыми как ножи.

— Нужно очень осторожно подниматься по этой лестнице, — заметил Дарж, и никто не стал с ним спорить.

Лестница была еще уже, чем туннель, и им пришлось подниматься по одному. В некоторых местах потолок нависал так низко, что Бельтан и Тревис наклоняли головы — еще пара дюймов, и Грейс тоже не смогла бы идти, выпрямившись во весь рост.

Грейс всегда полагала, что не страдает клаустрофобией, но с каждым новым шагом у нее возникало ощущение, будто стены вокруг смыкаются. Грейс насчитала триста ступенек, а потом сбилась со счета, но лестница продолжала уводить их вверх в полнейшем мраке.

— А что, если наверху нет двери? — услышала она шепот идущей впереди Эйрин. — Если там тупик?

От ее слов внутри у Грейс все похолодело. Она не подумала о такой возможности. Однако тут лестница резко свернула направо, и ступеньки озарил свет — не магическая сфера Тревиса, а настоящий теплый дневной свет.

Грейс прищурилась, защищая привыкшие к темноте глаза, хотя прекрасно понимала, что сюда пробивается лишь слабый и отраженный свет дня. Потом лестница сделала новый поворот, и Грейс ахнула, когда золотое сияние солнца ударило ей в лицо. Еще несколько шагов, и они с Тирой вышли на свежий воздух. У нее за спиной осталась арка, точно такая же, как внизу.

— Ну, вот мы и пришли, — заявил Фолкен.

Черные зазубренные пики гор со всех сторон окружали долину, точно тонкие пальцы, пронзая голубую мембрану неба. Туман низин исчез, у них над головами сияло солнце.

Грейс оглядела долину. Голый сланец, нигде ни травинки, ни кустика. Над голыми камнями разгуливает ветер.

Сапоги Бельтана с хрустом давили сухую глину.

— Что мы ищем, Фолкен?

Голос рыцаря прозвучал слишком громко в тишине долины.

— Храм, — ответил бард. — Темный храм.

Грейс охватил озноб. Воздух здесь был разряженным и холодным.

— Тут еще кое-что есть, — заметила Мелия, оглядывая окружающие скалы.

— О чем ты? — Фолкен нахмурил брови.

— За нами кто-то наблюдает, — заявила Лирит, открывая глаза.

Она посмотрела на Мелию, и та коротко кивнула.

Фолкен вздохнул.

— Мы пробудем здесь недолго. Доберемся до храма и сразу уйдем.

Рука Бельтана потянулась к рукояти меча.

— А ты уверен, что мы оказались в нужном месте? Хочу обратить твое внимание на то, что здесь не видно страшных старых храмов. Только скалы.

— Храм должен быть здесь, — не сдавалась Мелия. — Так сказал Том.

— Мне бы не хотелось вас огорчать, леди Мелия, но разве ваш друг не мог ошибиться? — мрачно спросил Бельтан.

— Нет, — ответил тихий голос. — Все правильно. Кронднзар был здесь.

Тревис отошел в сторону и показал на землю. Какие-то ямы.

Нет, не ямы, Грейс.

Время успело поработать над краями, но сомнений относительно происхождения углублений в твердой скале — двух параллельных линий — быть не могло. Тревис вставил сапог в одно из них, и он вошел в него почти идеально.

— Следы, — сказала Эйрин, и ветер подхватил ее голос. — Следы на камне.

Фолкен открыл рот, но Тира вырвала руку из ладони Грейс, бросилась вперед и — как Тревис — вставила свою маленькую ногу в другой след. На ее изуродованном лице расцвела улыбка.

— Майндрот, — сказала девочка.

И рассмеялась высоким чистым смехом. Грейс и ее спутники молча смотрели на нее, а солнце неожиданно скрылось за одним из высоких пиков, и вся долина погрузилась в тень.

ГЛАВА 63

Идти по следам оказалось совсем не трудно.

Тревис поплотнее завернулся в свой туманный плащ, когда они шли по твердому сланцу долины. Однако холодный ветер цеплялся за края плаща, запуская ледяные пальцы под куртку, нежно касался тела. Взгляд Тревиса упал на неровные углубления в камне. Он уже видел похожие следы.

В тот день, когда человек в черном плаще вошел в «Шахтный ствол». Сначала следы увидела Дейдра — на расплавленном асфальте Лосиной улицы. Но что это значило?

Он посмотрел на Тиру, которую, завернув в плащ, нес на спине Бельтан; осколки устилающих долину камней были слишком острыми для ее маленьких босых ног. Грейс утверждала, что девочка не говорит. Тревис и в самом деле ни разу не слышал ее голоса. Однако всего несколько минут назад она четко произнесла слово *Майндрот*.

По спине у Тревиса пробежал холодок. Кажется, он знает, что все это значит.

Дарж опустился на колени, чтобы осмотреть место, где следы скрылись под слоем осыпи, обрушившейся вниз столетия назад. Меланхоличный рыцарь встал, отряхивая пыль с колен.

— Они ведут в том направлении, — сказал он, показывая поперек долины. — Мимо скального выступа.

Тревис посмотрел в ту сторону, куда махнул рукой Дарж, и ему не сразу удалось разглядеть выдающийся участок скалы у края долины. Он был такого же цвета, что и окружающие его камни.

— Пойдем, — сказал Фолкен. — До заката около трех часов. Не знаю, как вы, но я бы не хотел провести здесь ночь.

Хотя день еще не подошел к концу, солнце уже зашло за скалы, окружающие долину, и небо над головами приобрело цвет светлого пепла. Тревису приходилось много раз видеть подобный эффект в горах Колорадо, когда он спускался в глубокие каньоны в вечерние часы. Ему вдруг показалось, что долина перестала быть частью большого мира, а одиноко дрейфует в пустоте, где нет ни дня, ни ночи, ни света, ни тени.

Все остановились, стало тихо. Когда Тревис посмотрел в небо, рядом с ним оказалась Грейс.

Оказалось, что долина не была идеальным кругом. Ее форма напоминала цифру восемь, причем горный кряж разделял восьмерку на две части. Теперь, когда они огибали его, Тревис понял, что их цель близка.

— Что это за место? — побледнев, спросила Эйрин, сжав руку Лирит.

— Место, где правит смерть, — ответила Мелия, прижимаясь щекой к сидевшему у нее на руках котенку.

Хотя Тревис и сопротивлялся, он не мог оторвать глаз от горделиво возвышающегося перед ним храма. Он пытался охватить взглядом колонны из оникса, перемычки и карнизы, но перед глазами все поплыло, заболела голова. Строение было абсолютно чуждым, линии сходились под невозможными углами, отчего Тревису показалось, что весь мир — и он сам — перекошены. Фризы свивались над колоннадой, казалось, их мучительные очертания не есть результат работы резца скульптора, а расплавленные и застывшие в мучительной боли мученики.

Наконец Тревису удалось оторвать взгляд от храма. Он встретился глазами с Грейс и увидел на ее побледневшем лице страх.

— Клянусь кровавым быком Ватриса, — хрипло пробормотал Бельтан, — кто это построил, Фолкен?

Бард отвернулся от храма.

— Ты упомянул Ватриса, по всей видимости, случайно, но храм построил один из его соплеменников.

— Нет!

Все удивленно повернулись к Мелии. Лицо маленькой женщины раскраснелось, она уронила котенка на землю и сжала руки в кулаки.

— Дакаррет не был соплеменником Ниндари. — Мелия почти кричала. — Никто из его рода не был!

— Ты ошибаешься, Мелия, — мягко возразил Фолкен. — Сначала некроманты были Новыми Богами, как и остальные Ниндари. Впрочем, по сравнению с Ватрисом, Ирсайей или другими

богами тайных культов они обладали весьма ограниченными возможностями. Но потом, когда они овладели телами, позволяющими им разгуливать по Зее, они приобрели... другие способности.

Мелия побледнела, но промолчала.

Тревис шагнул к барду.

— Значит, храм построил некромант?

Фолкен кивнул.

— Около тысячи лет назад Бледный Властелин обманом убедил тринадцать Ниндари, Новых Богов, войти в тела умерших, и они превратились в его рабов. И стали некромантами — магами смерти. Еще до начала Войны Камней он отправил их в Фаленгарт, чтобы они сделали определенные места средоточием его силы — для подготовки к предстоящим сражениям.

— Так вот почему там стоит пилон, — сказала Грейс, прижавшая руки к корсажу платья. — Ты говорил, что Бледный Властелин и некроманты использовали пилоны для связи со своими рабами во время войны.

— Да. Именно здесь — и в похожих местах — появились на свет рабы Бледного Властелина. Сюда в железных цепях приводили Зеримов, Маленький народец. И здесь, при помощи магии некромантов, их тела приобретали новые, ужасающие формы.

Голова у Тревиса закружилась. Он подумал о фейдримах, с которыми они с Грейс однажды столкнулись в Кейлавере, об их страшных клыках и когтях, — а еще вспомнил, какое необычное выражение появлялось в желтых глазах, когда чудищ удавалось убить, — боли и освобождения.

— Ты поведал мрачную историю, Фолкен, — проговорил Дарж своим низким голосом, — но так и не рассказал нам, зачем мы пришли сюда в поисках одного из Имсари. Разве не все некроманты уничтожены во время Войны Камней?

Фолкен сжал пальцы в черной перчатке.

— Так утверждают легенды.

— В таком случае, как Огненный Камень мог попасть сюда?

Прежде чем бард успел ответить, Тревис показал на следы на черных ступенях храма.

— Его сюда принесли.

Голос Фолкена слился со скорбными завываниями ветра.

— После окончания Войны Камней повелители рун хранили три камня Имсари в Малакоре. Но не прошло и двух столетий, как Малакор пал, а повелители рун были уничтожены — все, за исключением трех, каждый из которых бежал с одним из Великих Камней, и больше о них никто ничего не слышал. Джакабар, Келефон и...

— И Майндрот, — закончил за него Тревис. Перед его мысленным взором возникли вырезанные на могильном кам-

не слова, которые ему показал брат Сай на кладбище Касл-Хайтс. — Это был он, верно? Тот человек, что сгорел в моем салуне. Его звали Майндрот.

— Думаю, да, — кивнул Фолкен.

Тревис едва не рассмеялся. В некотором смысле, все получалось весьма логично. В конце концов, следы вели в долину, но из нее никто не вышел. Должно быть, Майндрот покинул ее через дверь иного рода.

— Я должна действовать быстро, — заявила Мелия, и ее голос был таким же жестким, как камень у них под ногами. — Я уверена, что мы здесь не одни. Однако я ничего не могу сказать о природе этих существ.

Она посмотрела на Лирит, но колдунья покачала головой.

— Мои чувства не так остры, как ваши, леди Мелия. Я не знаю, кто здесь. Но я их ощущаю — тени, крадущиеся в темноте.

— Продолжайте наблюдать, — сказала Мелия. — Все. Я постараюсь не задерживаться.

Бельтан выступил вперед.

— Я пойду с вами.

Янтарные глаза сверкнули так ярко, что Бельтан невольно отступил на полшага.

— Послушай меня внимательно, Бельтан. Любого из вас ждет немедленная смерть, если вы осмелитесь войти в храм. Только у меня есть шанс выйти оттуда невредимой. Если сомневаешься, спроси у Фолкена.

Бард кивнул. В его глазах промелькнула тень, очевидно, он уже спорил по этому поводу с Мелией — и проиграл, как Бельтан.

Светловолосый рыцарь коснулся плеча Мелии, в его зеленых глазах стыла обида.

— Ради всех богов, будьте осторожны, леди Мелия.

Она погладила его по руке и мягко сказала:

— Я войду в храм, только заручившись поддержкой всех богов.

Леди Мелия быстро повернулась, взошла по черным ступеням в храм и исчезла между двумя деформированными колоннами.

Эйрин прижала левую руку к груди, ее васильковые глаза потемнели, как небо у них над головами.

— Что теперь?

Фолкен присел на камень.

— Будем ждать.

Они молчали. Ветер усилился и стал еще холоднее; завывая, он метался между скалами, словно их острые грани терзали его. Бельтан и Дарж расхаживали взад и вперед, вглядываясь вдаль, а Лирит сидела, склонив голову и закрыв глаза — она несла дозор так, как умела. Грейс пряталась под плащом вместе с Ти-

рой, а когда Тревис заметил, что Эйрин все время дрожит, он подошел к ней и накрыл баронессу полой своего туманного плаща.

Казалось, время остановилось. Однако Мелия сказала правду. Через четверть часа она появилась на верхних ступеньках храма. Женщина едва держалась на ногах, и ей пришлось ухватиться за одну из колонн. Бельтан бросился ей навстречу, но строгий взгляд Мелии заставил его остановиться. Она медленно спустилась вниз и только тогда позволила рыцарю взять себя под руку.

— С вами все хорошо? — спросил он, не сводя с Мелии глаз.

— Не бойся. Я сумела защитить себя от сил, обитающих в храме.

Однако Тревис заметил, что она крепко держится за руку рыцаря. Бельтан подвел Мелию к остальным и помог присесть на камень. Котенок, цепляясь за ткань платья, тут же забрался к ней на колени и удобно свернулся, прикрыв нос хвостом.

Фолкен опустился рядом с Мелией на колени.

— Что тебе удалось узнать, Мелия?

— Мы оказались правы, — устало ответила она. — Кронднзара там больше нет. В некотором смысле Майндрот нашел надежное потайное место. Теперь я понимаю, почему он решил прийти сюда, когда бежал из Малакора вместе с Камнем. Если все некроманты действительно уничтожены, лучшего места для Камня не найти.

— Как давно Камень забрали? — спросил Фолкен, сжимая руки Мелии.

— Я не уверена. Но мне кажется, что не слишком давно. Насколько я поняла, Майндрот горел здесь несколько столетий, порабощенный могуществом Кронднзара.

— Но как такое может быть? — удивилась Грейс. — Если Огненный Камень превращает людей в кронднмов, то и Майндрот должен был стать одним из них?

Фолкен покачал головой:

— В течение двухсот лет повелители рун были хранителями Имсари, они знали, какой силой обладают Великие Камни, лучше любого живущего существа — за исключением, быть может, темного эльфа Олсендифара, поскольку упавшие с неба Имсари нашел гном, который связал их с сущностями льда, огня и сумерек.

Грейс посмотрела на Тревиса.

— Так вот почему только Тревис мог коснуться Синфатизара.

Фолкен кивнул:

— Только повелитель рун в состоянии долго выдерживать воздействие Великого Камня.

— Но не вечно, — пробормотал Тревис. Он сжал правую руку. — В конце концов даже Майндрот сгорел.

На это у барда ответа не нашлось.

— Фолкен, я узнала кое-что еще. — Мелия, в свою очередь, сжала ладони Фолкена. — Внутри остались следы

сражения. Ужасного сражения. Все защитные ресурсы храма проснулись, чтобы отнять Камень у Майндрота. Это по силам только тому, кто построил храм.

Она глубоко вздохнула.

Фолкен высвободил руки и резко поднялся на ноги.

— Дакаррет. — Он словно выплюнул ядовитую ягоду.

— Подожди минутку, Фолкен, — вмешался Бельтан. — Ты говорил нам, что все некроманты уничтожены во время Войны Камней.

Горькая улыбка появилась на губах Фолкена.

— Так утверждают легенды. Но сам я этого никогда не говорил. Дакаррет жив. Во всяком случае, настолько, насколько бывает живым его род. И он овладел Огненным Камнем.

Бельтан начал протестовать, но Мелия встала, держа на руках котенка.

— Нам нужно уходить. Майндрота здесь нет. — Она посмотрела на Тревиса. — Создается впечатление, что он нашел свой конец в другом мире, где пытался разыскать другого повелителя рун. Нужно возвращаться в Спардис. Мне необходимо поговорить с Томом, он должен услышать о том, что мы обнаружили в храме, и выяснить, что удалось разузнать ему.

Тревис встал вместе с остальными, и маленький отряд зашагал обратно, мимо горной гряды, к лестнице.

Они отошли не больше чем на двадцать ярдов от храма, когда темный участок скалы слева от них сдвинулся в сторону.

Тревис заморгал. Вместо того чтобы скатиться вниз по склону, кусок скалы взмыл в небо, сделал круг высоко в воздухе, а потом с ужасающей скоростью устремился вниз. Кто-то закричал — наверное, Эйрин, — и Тревис ощутил боль, когда пальцы Грейс сжали его руку. Однако у них не было времени повернуть и броситься в укрытие, даже если бы рядом такое нашлось. Неожиданно широко распростерлись похожие на серые паруса крылья, вытянулись вниз когтистые лапы, и огромное существо плавно приземлилось. Тревис застыл на месте, глядя в глаза, подобные бесцветным драгоценным камням, на гигантской голове ящера.

— Двинетесь, — заявил дракон, из пасти которого с шипением повалил дым, — и я вас спалю.

ГЛАВА 64

Отвратительная мощь исходила от гигантского крылатого существа, будто от забытого могильника ядовитых отходов, отравляющего воздух. Грейс так крепко прижимала Тиру к груди, что девочке, наверное, было больно, но она молчала. Ря-

дом, словно каменные изваяния, застыли ее спутники, никто не мог отвести глаз от громадной туши дракона, остановившегося от них всего в дюжине шагов.

Дракон... и откуда ты только знаешь, что это страшилище принято так называть, Грейс?

А как иначе? Какое другое существо способно вызвать примитивный ужас, поднимающийся из глубин подсознания? Существо походило на сотни драконов из сказок, которые она читала в детстве, летающих над акварельными замками, — убивали их картонные рыцари. И в то же время оно нисколько не походило на книжных чудовищ.

На дракона было невозможно смотреть долго — воздух струился вокруг него, искажая все вокруг, точно деформированная линза. Сначала Грейс решила, что у него дымчатая шкура, но как только дракон пошевелился, поверхность его тела запереливалась всеми цветами радуги.

Оценить его размеры оказалось так же трудно, как определить цвет. Грейс оставалось перейти к сравнениям. Больше слона? Да. Скелет тираннозавра в фойе Денверского музея естественной истории? Нет, пожалуй, нет. За исключением зубов.

Грейс всегда считала, что драконы — если допустить, что они реальны — являются большими ящерицами. Однако это существо во многих отношениях напоминало гигантского закопченного лебедя. Длинная, изогнутая, постоянно качающаяся шея, две кривые ноги и разведенные для равновесия крылья. Однако и лебедь оказался не самым удачным сравнением. Ни перьев, ни клюва нет, а похожая на мембрану кожа крыльев растянута между удлиненными пальцами, как у летучей мыши. Млекопитающее, птица, рептилия — ни одна из знакомых категорий не годилась. В невероятном существе смешалось все.

— Туман и мрак, — сказал дракон, и Грейс снова стало страшно. — Какая необычная компания пожаловала ко мне в гости!

Горячая струя ударила Грейс в лицо. Она ожидала, что дыхание дракона окажется зловонным и тухлым. Однако воздух был сухим и лишенным запаха, если не считать слабого аромата пыли — точно в старой университетской библиотеке.

— И что же мне делать с таким любопытным набором экземпляров?

Когда дракон разговаривал, он не шевелил лишенной губ пастью — шипящий, неожиданно чувственный голос исходил из его горла.

Похоже на попугая, Грейс. Он говорит не так, как мы. У него должна быть невероятно сложная гортань, при помощи которой он имитирует человеческую речь.

Безумный смех рвался наружу.

И если тебе придет в голову, что перед тобой большая, глупая птица, можешь с тем же успехом повесить на себя табличку с надписью: «Я щипцы для орехов».

Краем глаза Грейс уловила какое-то движение. Медленными, но уверенными шагами Фолкен преодолел половину расстояния, отделявшего их от дракона. Бард низко поклонился и заговорил звенящим голосом:

— Ответь на мой вопрос и получишь ответ на свой. Один секрет в обмен на другой. Каким именем нам следует тебя называть, Древний?

Дракон выпустил струю дыма, и в его бесцветных глазах отразилось бледное небо.

— Значит, ты помнишь древние обычаи. Хорошо. Только не думай, что я подобрею, поскольку попросту не способен на это. — Дракон расправил шею и принял гордый вид. — Ты можешь называть меня Сфитризир. Тот, Кого Видят и Не Видят. Острэза была моей матерью, из стаи Агамар Первой, Королевы Моря до Света и Тьмы, чьи воды плещутся у начала и конца вселенной.

Грейс содрогнулась, услышав его слова. Она показалась себе маленькой и хрупкой. Тира зашевелилась в ее объятиях, но Грейс крепко держала худые плечи девочки.

— Я слышу твой ответ, — сказал Фолкен, — а теперь услышь мой. Имя, которым я себя называю...

Сначала Грейс показалось, что ударил гром. Но быстрый взгляд на небо подтвердил, что его тусклая чаша осталась чистой и незапятнанной тучами. Потом она поняла. Дракон смеялся.

Густой дым повалил из его пасти.

— Я уже знаю имена, которыми тебя называют. Черная Рука. Суровый Бард. Приносящий Тучи. Предатель, Беглец и Убийца Королей. Разве это не твои имена, Фолкен из Малакора?

Кровь отхлынула с потрясенного лица барда, а рука в черной перчатке конвульсивно сжалась в кулак.

— Я знаю про вас все, — продолжал дракон, оглядев каждого из них непроницаемым взглядом. — Мне положено все знать. Так что, Фолкен Черная Рука, ты должен мне один секрет. И не думай, что тебе удастся победить меня в моей любимой игре.

Фолкен застыл на месте. Грейс еще не приходилось видеть, чтобы бард неправильно оценил ситуацию. Но она вдруг отчетливо поняла, что победить дракона в интеллектуальной игре невозможно. Им повезет, если удастся уйти отсюда живыми. Сейчас даже это показалось ей несбыточной мечтой.

— Как... странно видеть тебя здесь, Сфитризир, — вступила в разговор Мелия.

Лицо леди Мелии стало пепельно-бледным.

— А разве можно найти лучшее место, чтобы узнать ответы на вопросы, которые остаются для меня тайной? — Дракон повернул клинообразную голову к Мелии. — Но ты очень изящно выразилась, леди Луны. Тебе не просто странно видеть меня. Ты испытываешь мучительную боль, не так ли? Разве ты не чувствуешь, что твое существо начинает рассеиваться? Я наблюдаю за процессом, подобным распутыванию клубка.

Мелия пошатнулась и едва не упала, но Лирит и Эйрин успели обнять ее за плечи. Сидевший у нее на руках котенок зашипел, но под взглядом дракона попытался юркнуть за корсаж Мелии.

Голова дракона резко метнулась в сторону, словно шея превратилась в гибкий хлыст.

— Только не думайте, что ваши клинки причинят мне вред, сэры рыцари. — Тут только Грейс заметила, что Дарж и Бельтан воспользовались паузой и шагнули вперед, потянувшись к своему оружию. Они застыли на месте — казалось, взгляд дракона околдовал их, лишив возможности двигаться. — Если вы жаждете смерти, я с радостью осуществлю ваше желание. Тысячи рыцарей искали меня, надеясь убить. Ваш прах присоединится к их праху.

Дракон сделал глубокий вдох, и его грудь заметно увеличилась.

Бегите! — попыталась закричать Грейс. — *Вам нужно бежать!*

Но слова застряли у нее в горле, точно репейник. Жилы надулись на шее Бельтана, на челюстях Даржа заходили желваки, но рыцари остались стоять на своих местах. Дракон отвел голову назад и открыл пасть, из которой вырвались первые клубы дыма. Потом его голова устремилась навстречу рыцарям.

Пронзительный крик ярости прорезал воздух.

Прежде чем Грейс успела понять, что происходит, Тира вырвалась из ее онемевших рук и босиком побежала по острым осколкам камней. Ее худенькое тело моментально оказалось между драконом и рыцарями, затем Тира подняла голову, потрясла маленькими кулачками и снова закричала. Грейс с ужасом ждала, когда дракон вновь откроет пасть и перекусит девочку огромными челюстями.

Однако дракон отвел голову назад, и впервые в его глазах появились эмоции — ненависть и отвращение.

— Какое маленькое мерзкое существо! — Голос дракона сорвался на крик. — Ему следовало тебя сжечь. Не понимаю, почему он этого не сделал. Но я закончу то, что он начал.

Тира не шевелилась, продолжая спокойно смотреть на дракона.

— Нет!

Грейс повернула голову и увидела, как вперед выступил Тревис, глаза которого за стеклами очков приобрели стран-

ное выражение. Он поднял правую руку и повернул ладонь в сторону дракона.

— Ты не причинишь ей вреда.

Невозможно, но на глазах Грейс дракон отступил на шаг назад.

— Ты! — Голос дракона превратился в шепот, напоминающий гаснущее пламя. — Ты здесь! Но как? Я... не понимаю.

Тревис опустил руку.

— А почему ты должен понимать?

— Почему я должен понимать? — Голос дракона напоминал возмущенный зов трубы. — Никто не владеет таким количеством знаний, как я. Даже Эрегану, первому сын Агамар, в дни, предшествующие его падению, было далеко до меня. Я долго ждал, прошло много столетий. У меня в голове больше секретов, чем звезд на небе.

Ветер трепал светлые волосы Тревиса.

— А какой от них прок? — спросил Тревис, чей голос прозвучал едва слышно. — Что толку от твоих секретов, если ты не хочешь поделиться ими с другими?

Голос дракона стал резким и насмешливым.

— Неужели ты до сих пор не понял? Секреты дарят могущество. Во всем свете никто не знает больше тайн, чем я.

Тревис пожал плечами.

— Я из другого мира.

Веки опустились на глаза дракона, словно капюшоны, превратив их в узкие щели.

— Да, я вижу. Вот почему я о тебе ничего не знал. Но теперь и твой секрет принадлежит мне, и я знаю, что конец этого жалкого творения — *мира*, как ты его называешь — уже не за горами. В особенности теперь, когда пришел ты, разбиватель рун.

Холодная бритва полоснула сердце Грейс. Она посмотрела на Эйрин и Лирит. Голубые глаза баронессы были широко раскрыты, но взгляд колдуньи оставался таким же непроницаемым, как взгляд дракона. А потом у Грейс больше не осталось времени на размышления — Тира повернулась и помчалась обратно в ее объятия. Опустившись на колени, она прижала девочку к груди, разглаживая ее огненные волосы.

Дарж и Бельтан отступили, наваждение исчезло. Мелия подошла к Бельтану, и он обнял ее за хрупкие плечи.

— Ну и что теперь будет, Сфитризир? — спросила она тихим, но чистым голосом. — Что ты с нами сделаешь?

Дымок курился над пастью дракона. Затем он ухмыльнулся.

— Вы рассказали мне о том, чего я не знал. Я получил новый секрет. Такого не случалось уже много столетий. И я решил проявить щедрость.

Глаза Мелии сузились.

— Щедрость? А ты уверен, что принадлежишь к роду Гордрим, Сфитризир?

— О, совершенно уверен, — зашипел дракон. — И за твой острый язычок, я начну с тебя, Мелиндора Сребролунная. Вот твой секрет: тебе никогда не получить того, что ты так страстно желаешь. Всякий человек, которого ты полюбишь, обречен на смерть, и так будет всегда.

Грейс видела Мелию разгневанной, усталой и обиженной — она даже пару раз чего-то испугалась. Но еще никогда на ее лице не появлялось такого ужаса и отчаяния. Она прижала руку ко рту, чтобы подавить крик, а потом повернулась и прижалась лицом к широкой груди Бельтана.

Светловолосый рыцарь мрачно посмотрел на дракона.

— Что ты с ней сделал?

Дракон слегка согнул крылья.

— Поведал ей правду, сэр рыцарь, а теперь твоя очередь. Человек, которого ты любишь, отвернется от тебя в тот момент, когда твои чувства перестанут быть для него тайной.

Бельтан открыл рот, но ничего не ответил, продолжая обнимать Мелию.

— Ты лжешь, — с горечью проговорил Фолкен.

— Вовсе нет, — возразил дракон.

Фолкен стиснул зубы и промолчал.

Дракон приподнял голову.

— Ну, кто следующий? Как насчет тебя, Фолкен? Ты ведь забыл о своей руке, когда погибло королевство. А вот стойкий эмбарский рыцарь. — Дракон повернул голову к Даржу. — Ты кажешься крепким, как камень, сэр рыцарь, но твое нежное сердце страдает от любви, разве не так? Будь ты молод и красив — тогда бы ты ее заслужил.

Дарж стоял неподвижно, молча глядя за горизонт.

— А две дочери Сайи, — проникновенно проговорил дракон, взглянув на Лирит и Эйрин, — обречены на то, чтобы предать своих сестер и госпожу.

Женщины всплеснули руками, но ничего не ответили, и тогда дракон бочком подобрался к Грейс, и камни заскрипели под его когтями. Грейс хотелось бежать, но она не могла сдвинуться с места.

— А какие секреты раскрыть тебе? — осведомился дракон. — Рассказать о девочке? Разве тебе не интересно узнать, откуда ей известно имя повелителя рун?

— Оставь... ее... в покое, — сквозь зубы прошипела Грейс.

И вновь дракон оглушительно расхохотался.

— Нет, я обещаю, что девочка покинет тебя. Тебе следовало бы отдать ее мне сейчас. Вам всем было бы намного легче.

Грейс продолжала прижимать к себе Тиру. Девочка безмятежно смотрела на дракона.

— Ладно, — проворчал дракон, отступая назад. — Я открою вам последний секрет. Тебе, Целительница Мечей. — Его взгляд переместился с Грейс на Тревиса. — И тебе, разбиватель рун. Вы оба ищете Цитадель Огня, где находится плененный Кронди-зар. Вы его найдете. И вас обоих там ждет смерть.

Бельтан отстранил Мелию и потянулся к мечу.

— Нет, они не погибнут — если я буду рядом.

Глаза дракона засверкали.

— О, ты там будешь, сэр рыцарь. Ты будешь.

Губы Бельтана шевелились, но он не смог произнести ни единого слова. Холодный ветер завывал, цепляясь за скалы, небо потемнело. Дракон расправил крылья, и тут же сгустился туман.

— А теперь уходи, разбиватель рун. Скоро этому отвратительному миру придет конец — жуткому, огромному камню, к которому ты прикован, — и вы вернетесь в прекрасные сумерки прошлого. Именно тебе суждено принести ему конец.

Тревис опустил голову, а когда он поднял взгляд, Грейс вскрикнула. На его лице появилось выражение скорби и решимости. Тревис сжал рукой маленький кусочек кости, висевший у него на шее: руну надежды.

— Я думаю, ты ошибаешься, Сфитризир, — спокойно сказал Тревис. — Секреты не есть власть. Мне кажется, они подобны огню. И если ты будешь хранить их слишком долго, они сожгут тебя.

Дракон заговорил вновь, но на сей раз его голос был полон ненависти.

— Уходите, пока я не уничтожил вас всех. — Он взмахнул крыльями и взлетел в воздух, устремившись в темное небо. А потом до них донеслись его последние слова: — Иди, разбиватель рун! Иди и уничтожь мир, чтобы спасти его!

Некоторое время они стояли, слушая безутешные стенания ветра. Наконец Грейс оглядела своих ошеломленных спутников. Они переглянулись с Тревисом, и он кивнул. И они покинули долину.

Надвигалась ночь.

Часть пятая
КАМЕНЬ И ТЕНИ

ГЛАВА 65

Девять путешественников не разговаривали между собой, когда ехали сквозь горячий туман, оставив позади дверь, долину и темный храм.

Грейс понимала, почему все молчат. Каждому было о чем подумать — Сфитризир об этом позаботился. Когда высокие пики Фол Эренна исчезли в тумане, она посмотрела на Тревиса, который покачивался в седле своего косматого мерина. За стеклами очков серые глаза отражали подернутый дымкой горизонт.

Вы оба ищете Цитадель Огня... вас обоих там ждет смерть...

Несмотря на жару, Грейс содрогнулась. Ее взгляд переместился к маленькой девочке в рваном платье, сидящей перед ней в седле Шандис.

Я обещаю, что девочка покинет тебя...

Казалось, Тира почувствовала, что Грейс смотрит на нее, и подняла голову, а потом, улыбнувшись, снова занялась своей куклой.

Рассказать о девочке? Разве тебе не интересно узнать, откуда ей известно имя повелителя рун?..

И в сознании Грейс вновь прозвучало слово, которое так ясно произнесла Тира. *Майндрот.* Но откуда девочка могла его знать — имя, которое раньше слышали только Тревис, Фолкен и Мелия? И почему Тира молчит, несмотря на все попытки Грейс ее разговорить?

Грейс погладила рукой блестящие, спутанные волосы. Ей хотелось убедить себя, что дракон лгал, однако с ужасающей ясностью она понимала, что он сказал правду.

Время близилось к полудню, когда Грейс решилась нарушить молчание, подъехав к вороному жеребцу Фолкена, чтобы спросить у барда о драконе.

— Мне почти ничего не известно о Гордримах, — ответил он, натягивая поводья рукой в черной перчатке. — Сфитризир сказал правду — драконы собирают секреты, но очень редко расстаются с ними.

Грейс наморщила лоб.

— Они. Ты хочешь сказать, что есть и другие драконы?

— Да, раньше были. Агамар, первый дракон, обитала в Синфатмале, Море Сумрака, которое существовало до тех пор, пока Мировой Кузнец не произнес Первую руну, разделив серое на свет и тень, а потом создал мир Зеи, вращающийся между ними. Когда Агамар увидела, что сделал Мировой Кузнец, — Фолкен широким жестом обвел окружающий их мир, — она пришла в ярость, которая придала ей сил, и на свет появилось ее стадо, которое она отправила на Зею, чтобы воевать с детьми Мирового Кузнеца, Старыми Богами и Маленьким народцем. В основном детьми Агамар являлись маленькие существа, змеи тени. Однако среди них имелась дюжина почти таких же могущественных, как она сама. Острэза, которую Сфитризир называет своей матерью, считалась одной из самых свирепых.

Грейс вспомнила, как шипел дракон.

— Как ты думаешь, он сказал нам правду?

Фолкен пожал плечами.

— Говорят, что драконы не лгут, поскольку правда помогает им быстрее добиться своей цели. Но одно не вызывает сомнений: нет существ более древних и мудрых, чем Гордримы.

— И более жестоких, — добавила Мелия, которая подъехала на своей белой кобыле к Грейс и Фолкену. — Драконы говорят правду. Но не всю правду, причем так, чтобы их слова мучили и отравляли людям жизнь. Больше всего драконы хотят, чтобы мир был уничтожен, и тогда лишенный формы туман Довремени снова обретет могущество. Не забывай об этом, когда будешь размышлять о том, что рассказал тебе Сфитризир.

Фолкен вздохнул.

— И ты тоже.

Леди Мелия поджала губы и отвернулась. Больше она ничего не сказала.

Близился вечер следующего дня, когда путники столкнулись с первыми следами огненной чумы. Бельтан заметил небольшую деревушку, расположившуюся у подножия холма, но, когда они выехали на тропу, ведущую в деревню, им пришлось остановиться.

На обочине стояло пугало, обряженное в рваные тряпки. Грубую фигуру кто-то поджег, но потом огонь потушили. Путники сразу поняли смысл безмолвного послания: *Осторожно, здесь огненная чума.*

Горячий ветер нес пепел в лицо, и им пришлось закутаться в плащи и повернуть лошадей обратно.

Рассвет следующего дня оказался еще более жарким, чем предыдущий. Лучи солнца просачивались сквозь тяже-

лый туман, который, однако, не исчезал, превратившись в отвратительные миазмы.

От жары Грейс постоянно чувствовала слабость, ее все время мучила жажда, хотя они часто останавливались, чтобы напиться солоноватой воды из ручьев или прудов. Особенно досаждали мухи, которые кружили темными тучами, остервенело атакуя каждый открытый участок кожи. Грейс приходилось постоянно наклоняться вперед, чтобы отогнать мух от слезящихся глаз Шандис. Проходило несколько минут, и все начиналось сначала.

Дважды в тот день путники натыкались на полусожженные пугала, предупреждающие об огненной чуме, — однажды на перекрестке двух дорог, в другой раз перед одинокой сгоревшей фермой. Изредка, когда туман на короткое время расступался, они видели поднимающиеся в свинцовое небо столбы дыма. Когда спустились сумерки, на севере возникли огни пожаров, и они ехали всю ночь, чтобы оказаться от них подальше.

На следующее утро отряд въехал в деревню, перед которой не оказалось предупреждающего знака — видимо, здесь никого не осталось в живых, чтобы его поставить.

Деревню решили объехать стороной, но Грейс, несмотря на протесты Фолкена, заявила, что хочет осмотреть тела жертв, чтобы понять, как распространяется эпидемия. Она должна была знать, что им противостоит.

— Я с вами, миледи, — вызвался Дарж, и Грейс благодарно сжала его руку.

Впрочем, когда въехали в деревню, ее охватили сомнения. Возможно, лучше было последовать примеру остальных.

Смерть стремительно пронеслась по селению. Грейс и Дарж шли мимо покосившихся хижин, прижав к лицу платки, смоченные вином. Повсюду валялись тела. Казалось, они погибли мгновенно — кто-то доставал ведро из колодца, мужчина нес приятеля, женщина закапывала трупик ребенка, замотанный в лохмотья.

— Миледи, — задыхаясь, проговорил Дарж, — нам не следует здесь находиться.

Грейс с трудом подавила подступающую к горлу тошноту.

— Мне потребуется всего несколько минут, Дарж. Ты можешь подождать меня на окраине.

Однако рыцарь лишь покачал головой и оставался рядом с Грейс, когда она наклонялась, чтобы осмотреть тела.

Да, причиной смерти всех этих людей стала огненная чума, тут не могло быть никаких сомнений: пузыри от ожогов, потемневшие глаза, затвердение плоти. Однако ни в одном из тел Грейс не обнаружила окончательной метаморфозы, характерной

для огневиков. Все жители деревни умерли на переходной стадии превращения.

— Мы подходим все ближе, — пробормотала она.

Дарж шагнул к ней.

— Миледи?

— Болезнь убивает все быстрее, — сказала Грейс, вытирая руки о подол платья. — Так и должно быть. Вирулентность и вероятность летального исхода всегда выше в центре района, охваченного эпидемией, чем на его окраине.

— Что это значит, миледи?

Грейс посмотрела в его серьезные карие глаза.

— Мы приближаемся к центру инфекции.

Они присоединились к остальным, и Грейс рассказала о том, что обнаружили они с Даржем. Когда все вновь сели в седла, Лирит посмотрела на Грейс.

— Ты помнишь, что сказал Дейнен в Фаланоре? — Колдунья отбросила с лица черные волосы. — О том, как Эддок нашел Тиру, когда возвращался из Перридона?

— О чем вы? — спросил Бельтан. — Неужели вы рассчитываете, что мы найдем дом Тиры?

Грейс бросила взгляд на колдунью и рыцаря. Что они говорят? Ее охватил ужас, и она прижала к себе Тиру.

Эйрин оглянулась и с тоской посмотрела на жалкие лачуги.

— А что, если *это* ее родная деревня?

Лирит и Бельтан ничего не ответили.

— Я уверена, — сказала Мелия, и ее янтарные глаза засверкали, — что Тира хочет остаться с леди Грейс.

Услышав эти слова, девочка развела руки в стороны, откинула голову назад и расхохоталась. Грейс удивленно взглянула на Мелию, но белая кобыла леди уже неторопливо зашагала вперед. Остальные последовали за Мелией. Больше никто не заговаривал о доме Тиры.

День уже клонился к вечеру, когда леди Мелия подняла руку и остановила маленький отряд.

— Давайте разобьем здесь лагерь, — сказала она.

Лирит посмотрела в сторону горизонта.

— До заката еще около часа, леди Мелия.

— Верно, — кивнул Фолкен и направил своего жеребца вперед. — Но я думаю, что нам не помешает хороший отдых.

Тут только Грейс заметила кольцо высоких деревьев с удивительно густой листвой, ветви которых сплелись, образуя шатер. Грейс сделала глубокий вдох, и хотя в воздухе чувствовался легкий привкус дыма, здесь господствовал новый аромат — острый, свежий, придающий силы, точно гамамелис.

— Что это за место? — спросила Грейс.

Тревис подъехал к Грейс.

— Талатрин.

Эйрин посмотрела на него.

— Талатрин. А что это такое?

— Придорожный Круг, дорогая, — ответила Мелия. — Таррасцы построили много таких Кругов, чтобы в них могли отдохнуть те, кто путешествует среди диких земель.

— Давайте разобьем здесь лагерь, — предложил Фолкен.

Путешественники спешились. Мелия уже собралась соскочить со своей лошади, когда Бельтан быстро подбежал к ней, опустился на колено и подставил плечо. Мелия нахмурилась, но ей ничего не оставалось, как встать на его плечо и спрыгнуть на землю.

Она бросила сердитый взгляд на рыцаря.

— Ты мой рыцарь-хранитель, сэр Бельтан, а не скамеечка для ног. Мне кажется, я уже говорила, чтобы ты так больше не делал.

Бельтан кивнул:

— Верно, леди Мелия.

— И разве ты не сказал тогда, что сожалеешь?

И вновь рыцарь кивнул.

— Так чего же я не поняла?

Лицо Бельтана осветила широкая улыбка.

— Из моих слов вовсе не следует, что я обещал больше так не поступать.

Наступил один из тех редких моментов, когда леди Мелия не нашла, что сказать. Грейс рассмеялась, и остальные присоединились к ней.

— Не вижу ничего смешного, — проворчала Мелия, складывая руки на груди.

Маленькая фигурка проскользнула мимо Грейс и подбежала к Мелии. Тира. Девочка коснулась руки Мелии. На лице царственной леди появилось удивление, но ему на смену пришла мягкая и чуть смущенная улыбка, которая, впрочем, тут же исчезла.

Тира бегом вернулась к Грейс. Грейс со вздохом обняла девочку. Смех лечит не меньше, чем аромат талатрина. Они вместе подошли к входу в Придорожный Круг.

Послышался цокот копыт, и все остановились. Грейс обернулась и увидела, что к ним скачет Дарж. Он остановил жеребца, и во все стороны полетела пыль. Грейс взглянула в резкие черты лица и поняла — что-то случилось.

— Что произошло? — спросила она.

— Дым на севере, — ответил рыцарь. — До него две лиги или даже меньше. И он движется в нашу сторону.

Все переглянулись, а потом поспешили к лошадям. Через несколько минут отряд был готов вновь пуститься в дорогу. Теперь Грейс тоже увидела толстые черные колонны дыма, поднимающиеся в небеса.

— Они идут, — пробормотал Тревис.

Фолкен взглянул на Мелию и вздохнул.

— Вперед, — отрывисто бросил бард.

И всадники последовали за своими тенями на восток, оставив позади талатрин и свежий запах воды.

ГЛАВА 66

И вновь они долго скакали вперед даже после наступления ночи, стараясь оказаться как можно дальше от дыма и пожаров. Наконец над горизонтом появились алые огоньки, которые, словно фонарики, озаряли их путь.

Но мы вовсе не путешествующие маги, Тревис. И под звездой нас не ждет рождение. Во всяком случае, если Сфитризир сказал правду.

Тревис пытался забыть слова дракона, но они вновь и вновь звучали в его сознании. Возможно, было бы лучше, если бы дракон решил не проявлять щедрость, а просто спалил их всех на месте. Но голос Джека заставил Тревиса выйти вперед и показать дракону правую ладонь.

Разбиватель рун.

А что именно это значит? Дракон заявил, что он принесет гибель Зее. Чепуха, конечно. Разве может один человек уничтожить целый мир? Но Фолкен сказал, что драконы никогда не лгут. Может быть, Тревис не обычный человек?

Тихие голоса звучали рядом с ним в темноте.

— Как ты думаешь, где он был спрятан, Фолкен?

— Не знаю, Мелия. Возможно, в Пустоши. Но это лишь предчувствие. Будем надеяться, что Том сможет нам что-нибудь подсказать, когда доберемся до Спардиса.

— Да. — Последовала долгая пауза. — Надеюсь, Том нам многое расскажет.

Голоса стали удаляться, и Тревис попытался последовать за ними. Он вытер вспотевшие ладони о штаны, а его скакун продолжал мерно шагать сквозь ночь.

Следующее утро встретило их туманом и жарой. Тревис сложил седельные сумки и понес к Пятнышу, привязанному вместе с остальными лошадьми. Он собрался пожелать доброго утра Лирит и Эйрин, но они отвернулись и поспешили прочь.

Наверное, хотят побыстрее собрать вещи, вот и все.

Однако Тревис понимал, что это не совсем так. С тех пор как они покинули долину храма, он практически не разговаривал с юной баронессой и толорийской колдуньей. Все происходило достаточно тонко — у него не было никаких оснований утверждать, что они его избегают. Тем не менее у них всякий раз возникали неотложные дела, когда он оказывался рядом. Не раз Тревис ощущал на себе внимательные взгляды блестящих голубых или дымчатых карих глаз, которые тут же находили другой объект для изучения, стоило ему обернуться.

— Разреши мне помочь, — послышался бодрый тенор, когда Тревис собрался положить седельные сумки на спину Пятныша.

Тревис обернулся.

— Все в порядке, я справлюсь.

— Знаю.

Мозолистые руки Бельтана легко подняли седельные сумки и положили на спину мерина. Быстрыми уверенными движениями он пристегнул их, и Тревис посмотрел на светловолосого рыцаря.

— Спасибо, Бельтан.

Спасибо за то, что не избегаешь меня, хотя тебе известно все.

Однако произнести эти слова вслух Тревис не решился.

— Я все еще рыцарь-хранитель, Тревис, — улыбнулся Бельтан. — *И мне совсем не хочется, чтобы меня обвинили в том, что я плохо* **выполняю свои обязанности.**

Тревис хотел лишь похлопать Бельтана по плечу, но его руки сами обняли рыцаря, и он прижал его к груди. Может быть, Тревису требовалось ощутить близость другого человеческого существа, чтобы убедиться в том, что он сам человек, а не монстр. От рыцаря пахло сталью, потом и кожей. И его запах подействовал на Тревиса успокаивающе.

Наконец Тревис отступил назад и увидел, что улыбка исчезла с лица Бельтана. Может быть, он оскорбил рыцаря своей фамильярностью? Он открыл рот, чтобы извиниться, но голос Фолкена прорезал туманный воздух.

— Пора выступать.

Прошло несколько часов, и Тревис ненадолго задремал в седле. Когда он очнулся и открыл глаза, то сразу заметил, как Лирит отвела глаза в сторону. Она смотрела на него — Тревис в этом не сомневался. Потом Лирит наклонилась к Эйрин и что-то ей прошептала. Грейс находилась с противоположной стороны. Тревис решительно направил своего мерина к стройной кобыле Грейс, боясь, что потом у него не хватит духу. Тира, сидевшая перед Грейс, посмотрела на него, а затем снова занялась своей куклой.

— Что происходит, Грейс? — негромко спросил Тревис.

В изумрудно-золотых глазах появилось удивление.

— О чем ты?

— Ты прекрасно понимаешь. Об этой парочке. — Его взгляд метнулся к баронессе и колдунье. — Почему Эйрин и Лирит меня избегают?

Грейс вцепилась в поводья.

— Я не понимаю, о чем ты...

— Нет, понимаешь. — Он сделал глубокий вдох. — Грейс, после всего того, что мы вместе пережили, ты могла бы ответить на мой вопрос.

Грейс смертельно побледнела и посмотрела мимо Тревиса, на Эйрин и Лирит, а потом вновь взглянула на него.

— Не знаю, как тебе объяснить, Тревис. Может быть, именно поэтому я не стала ничего говорить раньше, хотя, наверное, мне следовало. Но я думаю, что колдуньи...

— Эй, послушайте! — Громкий голос Фолкена перекрыл стук копыт. — Мы остановимся на несколько минут.

Тревис и Грейс остановили своих скакунов. Фолкен и Мелия соскочили с коней и склонились над чем-то в траве.

Грейс взглянула на Тревиса.

— Посмотрим, что они нашли?

Тревиса уже начали пугать вещи, которые находили бард и леди. Однако он спрыгнул на землю, взял Тиру из протянутых рук Грейс и поставил на землю. Грейс тут же оказалась рядом с ним. Они последовали за Фолкеном вместе с Эйрин, Лирит и Бельтаном. Дарж остался в седле, внимательно поглядывая по сторонам.

— Что это такое? — спросила Лирит, разглядывая молочный камень, торчащий из травы.

Тревис подошел поближе. Камень явно имел искусственное происхождение. Кто-то придал ему форму пирамиды, высота которой доходила Тревису до пояса. Хотя время сгладило поверхность камня, он разглядел на ней какие-то узоры.

— Это талмарен, — сказал бард, внимательно разглядывая камень. — Путевая веха — реликвия времен войны против Бледного Властелина, которая бушевала тысячу лет назад.

Голубые глаза Эйрин широко распахнулись, и она отступила на шаг назад.

— Реликвия? Нечто вроде пилона?

— Нет, — ответила Мелия. — Талмарены не имеют ничего общего с Бледным Властелином. Их поставили здесь таррасцы, которые воевали с Берашем. Каждый такой камень отмечал место, где проходило сражение, и служил указателем для тех, кто приходил сюда позднее.

Бельтан показал на путевую веху.

— И что тут написано? Боюсь, я не могу положиться на свое знание древнего таррасского языка.

Мелия опустилась на колени и провела тонкими пальцами по поверхности талмарена.

— Здесь пали Галарус из Золотого Горна и Тайлерос Молчаливый. Двадцать малтеру были сражены их стрелами, пока не появились силтери.

Тревис покачал головой.

— Кто они такие, Мелия? Малтеру и силтери?

Мелия встала.

— Малтеру на таррасском значит фейдрим. — Она обратила к Тревису свои янтарные глаза. — А силтери — бледные призраки.

Тревис поправил очки, и перед его мысленным взором вдруг возникли прозрачные призраки на склоне ближайшего холма, два блистательных воина, пускающих одну стрелу за другой в месиво серого меха и желтых клыков, но вот новые враги показались на вершине холма: бледные и смертоносные, как иней на стали клинка.

Голос Грейс заставил исчезнуть поразительное видение.

— Фолкен, один из символов на камне напоминает тот, что изображен на твоей броши.

Тревис взглянул на символ, высеченный на талмарене, о котором говорила Грейс: стилизованный узел с четырьмя петлями. Она не ошиблась — на серебряной броши, украшавшей плащ Фолкена, был точно такой же узел.

Бард прикоснулся к броши.

— Да, это символ Малакора.

Грейс нахмурилась.

— Но мне показалось, что ты назвал путевую веху реликвией Тарраса.

Теперь рассмеялся Фолкен, но его глаза оставались печальными.

— Совершенно верно. Малакор основала императрица Эльзара из Тарраса вместе с королем Ультером из Торингарта. Вот посмотрите. — Он провел пальцем по поверхности броши. — Этот символ немного отличается от того, который вырезан на камне. В центре узла расположена звезда Торингарта, а не солнце Тарраса.

Мелия вздохнула.

— Как же много храбрых воинов погибло в Войне Камней. Все это произошло так давно — и я забыла. А мне не следовало.

Фолкен положил руку ей на плечо, и в его выцветших голубых глазах появилась тревога. Мелия коснулась его пальцев, продолжая смотреть на талмарен.

Тревис поскреб рыжую бороду. С этим камнем связано нечто важное. Вот только что?

— Вы родились на юге, леди Мелия, не так ли?

Она обратила к Тревису свои блестящие глаза.

— Да, так, — ответила она.

Тревис перевел взгляд на Фолкена.

— А ты, Фолкен? Где родился ты?

— В Ашероне, — едва слышно проговорил бард.

Бельтан фыркнул.

— Ашерон? Никогда о нем не слышал.

Фолкен мрачно посмотрел на рыцаря.

— Потому что его больше нет.

Он отвернулся и молча зашагал к лошадям.

Бельтан грустно взглянул на Мелию.

— Мне следовало промолчать?

Мелия потрепала его по плечу.

— Дорогой, ты тут ни при чем. Боюсь, причина в его собственной боли. — И она посмотрела в спину уходящего Фолкена.

Бельтан пожал плечами.

— Барды.

Лирит рассмеялась.

— Хорошо сказано, сэр рыцарь.

ГЛАВА 67

По мере того как близился вечер, туман выползал из лощин, смыкаясь вокруг всадников.

Оставив талмарен, они по широкой дуге объехали дымящиеся руины нескольких каменных домов. Вскоре Тревис потерял счет сожженным деревням, фермам и хижинам, мимо которых они проезжали; с каждым днем их становилось все больше. Теперь он понимал, что Грейс права, когда утверждала, что они приближаются к эпицентру эпидемии.

Лагерь разбили рядом с цепочкой высоких деревьев — Тревис еще ни разу таких не видел; тонкие ветви заканчивались плоскими, темно-зелеными кисточками, воздетыми к небу, точно руки, ладонями вверх. Деревья шли вдоль ручья, раньше быстрого и полноводного, а теперь превратившегося в слабую струйку, сочащуюся вдоль покрытых илом камней. Им пришлось пить солоноватую воду с горьким привкусом.

— Сколько еще до Спардиса? — спросила Мелия, когда Тревис вернулся к своим спутникам, наполовину наполнив водой фляжку.

Мелия стояла на коленях возле костра рядом с Эйрин — они вместе готовили ужин из скудных остатков провизии, которую им удалось найти в седельных сумках.

— В последнее время мы продвигаемся довольно быстро. — Бард заканчивал бриться остро наточенным кинжалом — подвиг, который регулярно совершали Бельтан и Дарж и на который Тревис не осмелился бы даже под страхом смерти. — Если выступим до рассвета, то завтра, перед закатом, будем в замке.

Бельтан фыркнул и оторвался от кольчуги, которую старательно чистил от ржавчины.

— Если туман будет и дальше сгущаться, мы никуда не доберемся, разве что свалимся в пропасть.

Дарж одобрительно кивнул:

— Хорошо сказано, сэр рыцарь.

Бельтан заморгал, покачал головой и вновь занялся своими доспехами.

Тревис поставил фляжку рядом с Мелией.

— Больше там ничего нет.

— Спасибо, дорогой. Я приготовлю из этой воды похлебку.

— Она уже и так похожа на похлебку.

— Вижу.

Мелия поставила фляжку подальше от котелка.

Отворачиваясь, Тревис почувствовал, что на него смотрит Эйрин. Рядом сидели Грейс, Лирит и Тира. Грейс улыбнулась ему, но Лирит старательно расчесывала рыжие волосы Тиры и демонстративно не обращала на Тревиса внимания.

Утром Тревису наконец удалось поговорить с Грейс наедине. И теперь он знал, почему Эйрин и Лирит старались держаться от него подальше после их встречи с драконом.

Они колдуньи, Тревис. Одна из наших задач состоит в наблюдении за теми, кого называют разбивателями рун.

То есть, наблюдать за мной, ты это хочешь сказать, Грейс?

Взяв другую фляжку, он вновь направился к линии деревьев, решив попытать счастья в другой части ручья.

— Тебе помочь, Тревис?

Он посмотрел на светловолосого рыцаря и улыбнулся.

— Спасибо, Бельтан, я справлюсь.

Тревис зашагал к ручью. Во всяком случае, Бельтан от него не отвернулся. И Грейс. И Дарж.

Возможно, им бы следовало, Тревис.

Улыбка исчезла, и сердце сжалось у него в груди. Может быть, Эйрин и Лирит поступают разумно — и понимают, как избежать контактов с монстром.

Подойдя к ручью, Тревис поставил фляжку на камень, а затем перепрыгнул на другой берег. Весь день они провели в седлах, и он до сих пор не успел облегчиться. Тревис про-

скользнул через линию деревьев, и щупальца тумана сомкнулись у него за спиной.

Он сбежал вниз по склону — влажные камни скользили под ногами — поэтому Тревису с трудом удалось остановиться. Несколько камней пронеслись мимо и скрылись в тумане. А еще через пару минут он услышал, как они ударились о землю где-то далеко внизу.

— Похоже, Бельтан не шутил, когда говорил о пропастях в тумане.

Он решил обязательно предупредить своих спутников насчет обрыва, если они поедут в эту сторону, и принялся снимать штаны. Брюки на молнии можно было уверенно добавить к списку вещей, которых ему здесь не хватало. Закончив свои дела, он подтянул спадающую одежду и полез обратно вверх по склону.

Он сделал всего несколько шагов, когда из тумана вынырнул пень. Тревис не помнил, чтобы ему встречались деревья, когда он спускался вниз. Пожав плечами, он решил обойти пень. Затем налетел порыв ветра, и туман сгустился. Тревису пришлось остановиться.

— Привет, мастер Уайлдер, — заявил пень веселым булькающим голосом. — Рад снова тебя видеть.

Сердце чуть не выпрыгнуло у Тревиса из груди, прежде чем он сообразил, что с ним заговорил мужчина, а не пень.

— Мастер Эрион!

Низенький толкователь рун шагнул навстречу к Тревису.

— Как приятно, что ты меня помнишь.

Тревис сглотнул, но металлический привкус во рту не исчез. Что-то здесь не так. Мастер Эрион исчез из башни после того, как закончилась неудачей попытка казнить Тревиса. Почему он появился здесь и сейчас?

— Как же так, мастер Уайлдер? Разве ты не рад встрече со старым другом?

Тревис не знал, что сказать. Несомненно, перед ним стоял мастер Эрион, но он больше не походил на толстенького, доброго толкователя рун, которого помнил Тревис. Эрион стал стройнее, щеки уже не казались такими округлыми, словно серьезная болезнь поглотила часть его плоти. Серая ряса была покрыта грязью, нижний край волочился по земле, глаза сверкали необъяснимым огнем.

Эрион сделал еще шаг вперед, и Тревис невольно отступил навстречу скрывающейся в тумане пропасти. Эрион нахмурился.

— Ну, в самом деле, мастер Уайлдер. Тебе бы следовало выказать побольше благодарности. Разве ты не помнишь, кто произносил руны, когда ты болел? — Он ухмыльнулся, и

жутковатая гримаса исказила его лицо. — Впрочем, не беспокойся. Сейчас я тебе напомню. — И он протянул вперед грязные руки.

Тревис застыл на месте. Он вновь видел руки, которые тянулись к нему из сумрачного бреда, и услышал голос, произносящий одно слово. Да, мастер Эрион произносил руны, сидя рядом с ним. Но не руны исцеления. *Кронд*...

— Так я из-за тебя заболел лихорадкой в Серой Башне.

Эрион оскалился.

— Да! Я вновь и вновь произносил над тобой руну огня.

Тревис пытался понять.

— Зачем?

— Зачем? — прошипел Эрион. — Чтобы ты не мог помочь толкователям рун найти способ разделаться с крондримами. Вот почему мой господин отправил меня в Серую Башню, заставив сначала на коленях принести ему клятву верности. Чтобы наблюдать за тобой. И убить, когда ты появишься.

Губы Тревиса шевелились, но он не мог произнести ни слова.

— Вот только ты не горел. Более того, ты сопротивлялся руне огня, как никто другой. Но я следовал за тобой, и я тебя нашел. — Руки Эриона сжались в кулаки, и он поднял их над головой. — И теперь ты сгоришь!

Сначала Тревис услышал шипение. Затем, одна за другой, из тумана появились три стройные, покрытые сажей фигуры в алом ореоле. Несмотря на волну жара, окатившую Тревиса, на лбу у него выступил холодный пот. Он сделал еще один шаг назад. Камни из-под его сапог с шумом покатились вниз. Медленно, но неотвратимо огневики приближались.

На лице Эриона расцвела довольная улыбка.

— Мой господин заинтересовался тобой, мастер Уайлдер. Он думает, твое умение обращаться с Великими Камнями ему поможет. Но я знаю, что он ошибается. Ты опасен. — Он вытянул руку. — И ты должен...

— Тревис?

Высокая фигура, едва различимая в тумане, появилась на кромке склона, и чистый тенор вновь позвал его:

— Тревис, ты здесь?

Эрион резко взмахнул рукой, и крондримы остановились, а потом полезли обратно вверх по склону. Страх наполнил легкие Тревиса, словно туман.

— Бельтан! Уходи отсюда!

Слишком поздно. Огневики устремились к рыцарю, оставляя на земле оплавленные следы. Бельтан успел выхватить меч, когда первый из них оказался рядом. Металл зазвенел, уда-

рив в обсидиановую плоть. Огневик упал и покатился вниз по склону. Однако довольно скоро он поднялся и вновь полез вверх.

Остальные двое крондримов приблизились к рыцарю, он не успел восстановить равновесие после первого удара. Поэтому Бельтан, держа меч двумя руками, с оглушительным криком нанес удар плоской стороной клинка, отбросив огневиков назад. Они упали и заскользили вниз, оставляя за собой полосы обожженной земли и расплавленного камня. Затем, как и первый, поднялись на ноги и снова полезли вверх.

Сердце Тревиса остановилось. Бельтан склонился над своим мечом, конец которого вонзил в землю. Боль исказила его лицо, и он прижал руку к левому боку.

Эрион вкрадчиво рассмеялся.

— У тебя доблестный друг, мастер Тревис, но одного благородства недостаточно. Огневики превратят его в пепел, а я сделаю то же самое с тобой. — Эрион широко развел пальцы. — *Кронд!*

В тот же миг воздух вокруг Тревиса превратился в раскаленную печь. У него почти не осталось времени на ответ. Он поднял руку и выплюнул одно-единственное слово:

— *Рет!*

Тревис почувствовал, как магия руны Эриона отступила. Затем, словно натолкнувшись на стену, заклинание замерло на мгновение — и двинулось обратно к Тревису. Пот заливал ему лицо, тело застыло. На сей раз жар перемещался медленнее, но он не мог его остановить.

Эрион довольно оскалился.

— Вот видишь, мастер Уайлдер? Мой господин сделал меня сильным. Теперь мои руны совсем непросто разбить.

Тревис сжал зубы, пытаясь победить магию Эриона, но у него ничего не получалось. Воздух начал потрескивать вокруг него, жар становился невыносимым.

— Уходи!

Тревис не мог пошевелиться, но крик позволил ему переместить взгляд. Наверху Бельтан сражался, держа меч одной рукой, другую он прижимал к боку. На сей раз крондримам удалось увернуться от его неловкого удара. Бельтан покачнулся. И тогда огневики протянули к нему свои темные руки.

Тревиса охватила ярость. Нет, он не станет смотреть, как горит его друг, больше не станет! Он открыл рот, и на этот раз вместе с ним заговорил Джек Грейстоун и тысячи других голосов, слившихся в едином хоре.

— *РЕТ!*

Сила, более могучая, чем просто пламя, наполнила Тревиса.

Стена огня Эриона рассыпалась, будто хрупкое стекло, и толкователь рун от удивления широко раскрыл глаза.

— Но мой господин...

Больше Эрион ничего не успел сказать — он вспыхнул, как факел, и с пронзительным воплем, размахивая горящими руками, бросился на Тревиса. Тревис быстро сделал шаг в сторону. Эрион продолжал лететь вперед, к пропасти, и как пылающая комета скрылся в сумрачном тумане. А потом его крик стих, а пламя исчезло.

Тревис повернулся и побежал вверх по склону к Бельтану, но остановился на полпути. Огневики больше не протягивали руки к рыцарю. Все как один они превратились в сверкающие шары и покатились вниз, в сторону пропасти. Прошло несколько секунд, и кронdrимы присоединились к своему хозяину.

— Тревис...

Он увидел, что Бельтан, покачиваясь, идет к нему. Сейчас ему не следовало двигаться. Тревис бросился к нему и протянул руки, чтобы помочь другу...

...и тут же отдернул их назад. В вечернем сумраке Тревис увидел, что его тело окутано ореолом жара. В нем смешались пламень руны Эриона и магия его собственной руны.

— Тревис, ты в порядке?

Он и сам не знал ответа, но кивнул.

— Все хорошо, Бельтан.

Даже в темноте Тревис видел, как сияют зеленые глаза Бельтана, и, хотя лицо рыцаря исказила боль, он прочитал на нем не просто радость от того, что им удалось спастись.

— Ты слишком долго не возвращался. Знай я, что происходит, я не стал бы ждать. Клянусь Ватрисом, я... я должен был...

Бельтан покачал головой, Тревис попытался что-то сказать, но жар сплавил все его мышцы с костями.

— Я больше никогда не покину тебя, Тревис. Клянусь своей кровью. — Гримаса боли исчезла с лица Бельтана, ей на смену пришло спокойствие. — Вот уж не думал, что смогу тебе это сказать, ведь ты паришь высоко надо мной, словно солнце. Но Мелия права, мне придется... Потому что с тех пор, как я впервые увидел тебя среди развалин Кельсиора...

Оглушительный рев пламени вспыхнул в голове Тревиса, заглушив слова Бельтана. Что он сказал? Тревис ничего не понял. Потом Бельтан протянул к нему руки, и ужас наполнил сердце Тревиса. Если Бельтан коснется его сейчас, до того, как жар спадет, он сгорит.

— Отойди от меня!

Тревис не хотел кричать, но иначе голос его не слушался.

Бельтан замер, побледнел, сияние в глазах померкло, но он не отступил.

Тревиса трясло.

— Я же сказал, отойди от меня!

Бельтан отдернул руки, и свет у него в глазах окончательно погас. Рев пламени начал ослабевать. Теперь Тревису удалось расслышать слова рыцаря.

— Да, я понимаю. Мне не следовало отягощать тебя, Тревис. Я сожалею. Ты должен забыть все, что я сейчас сказал.

Тревис не понимал, о чем говорил Бельтан, — но сообразил, что произошло нечто ужасное. Обычно неунывающее лицо Бельтана превратилось в камень. Он открыл рот, но Бельтан уже отвернулся, и издалека послышался другой голос:

— Тревис! Бельтан! Что случилось?

Из тумана вынырнул Фолкен. За ним появились другие тени.

Бельтан прижал руку к левому боку и устало прошептал:

— Спросите у Тревиса.

Грейс и Лирит бросились к светловолосому рыцарю, и он упал им на руки. Тревис покачал головой, пытаясь понять, что же все-таки произошло. Однако он постепенно остывал — во всяком случае, пот перестал катить по лицу градом. С Бельтаном он поговорит позднее. Облизнув запекшиеся губы, Тревис поднялся по склону, чтобы рассказать об Эрионе.

ГЛАВА 68

Грейс не слишком внимательно слушала рассказ Тревиса, когда осматривала его, чтобы выяснить, не получил ли он серьезных повреждений во время схватки с Эрионом и крондримами. В нескольких местах его куртка была прожжена, но она почти сразу поняла, что Тревис не пострадал. Она кивнула ему и перешла к высокому рыцарю, сидевшему на берегу ручья.

— Бельтан?

Он замер на месте, опустив плечи, но, услышав голос Грейс, поднял голову и улыбнулся.

— Леди Грейс.

И хотя его улыбка была прежней, Грейс сразу почувствовала, как страдает рыцарь.

Ему очень плохо. Вот почему он сидит здесь, в стороне от остальных. Он не может стоять и не хочет, чтобы мы это заметили.

Она опустилась на колени рядом с ним.

— Давай, я посмотрю.

Сначала он сопротивлялся, но она сурово посмотрела на него, и он молча убрал руку. Грейс уверенными движе-

ниями расстегнула куртку и коснулась его бока прохладными пальцами. Бельтан задохнулся от боли. Грейс наклонилась, чтобы осмотреть рану — швы не разошлись, но Грейс многое бы отдала за возможность сделать рентген, чтобы выяснить, нет ли внутренних разрывов.

Ты же можешь использовать свои собственные возможности, Грейс.

И она решительно обратилась к Дару. Как в зеленых полях Фаланора и на мосту через Димдуорн, она не стала использовать собственную нить, а ухватилась за сияющую золотую нить Бельтана. Грейс быстро проверила брюшную полость. Да, здесь было небольшое внутреннее кровотечение, но оно прекратилось. Опасность ему не грозила. Она приготовилась выпустить его нить...

...и боковым зрением заметила тень. Страх сжал ее сердце. Неужели она случайно воспользовалась собственной нитью? Нет, эта тень меньше и слабее, чем ее собственная, и не связана с ее нитью. Она на нити Бельтана. Грейс всмотрелась внимательнее. Что-то двигалось в самом сердце тени: две окровавленные руки соскользнули с рукояти кинжала.

— Леди Грейс?

Нить выскользнула из ее пальцев. Она заморгала, земное зрение вернулось.

— Что произошло? — Бельтан вопросительно приподнял бровь.

Она отпустила куртку.

— Твои мышцы все еще слабы в том месте, где к ним прикоснулись клыки фейдримов. Из чего следует, что ты можешь легко повредить их снова. Сейчас все обошлось, но в следующий раз последствия могут быть серьезными. Я понимаю, что даю глупый совет, но постарайся соблюдать осторожность.

— Я сожалею, леди Грейс.

— Извинения принимаются. — Она отвела светлые волосы Бельтана с высокого лба. — Ты должен заботиться о себе, Бельтан Кейлаванский. Ты мне нужен. И всем остальным тоже.

Необычный свет загорелся в его глазах. И Бельтан посмотрел в сторону Тревиса.

— Вы так действительно думаете, миледи? — Он говорил совсем тихо. — Вы уверены?

Грейс внимательно всмотрелась в лицо Бельтана, она поняла, что рыцарю причиняла боль не только старая рана в боку.

— Бельтан, — сказала она, повинуясь интуиции. — Когда я осматривала твою рану, то заметила кое-что еще. Две руки, покрытые кровью, которые выпустили кинжал.

Бельтан нахмурился.

— Как странно. Как вы смогли такое увидеть?

— А что это было?

Он пожал плечами.

— Иногда ко мне приходит один и тот же сон. Но если он что-то значит, мне об этом ничего не известно. Кроме того, он мне уже довольно давно не снился.

Грейс хотела задать еще несколько вопросов, но Бельтан ее опередил.

— Нам нужно идти, леди Грейс.

Она встала и протянула руку, чтобы помочь Бельтану подняться. После недолгих колебаний он взял ее руку, и боль исказила его лицо, но с помощью Грейс рыцарь встал на ноги. *Наверное, он весит не меньше ста килограммов,* — подумала она.

Когда Грейс и Бельтан вернулись в лагерь, они увидели своих спутников, стоявших полукругом с удивленно разинутыми ртами. Как только Грейс поняла причину их изумления, она и сама не смогла отвести взгляда от пожилого человека в снежно-белом одеянии, который сидел возле их костра. Он наливал себе чашку мэддока.

Дарж вытащил из-за спины свой огромный меч. Услышав скрежет стали, старик поднял голову и из-под косматых седых бровей взглянул на них золотистыми глазами.

— Ну, едва ли в этом есть необходимость, молодой человек, — проговорил он тихо. — Здесь хватит всем.

Дарж застыл на месте, и на его лице появилось выражение крайнего удивления, впрочем, Грейс так и не смогла решить, что поразило рыцаря — дерзость незнакомца или то, что он назвал Даржа *молодым человеком.* В следующий момент Мелия бросилась вперед.

— Том!

Старик проворно поднялся на ноги — и успел раскрыть ей объятия.

— Дитя мое, как я рад тебя видеть.

Теперь пришел черед удивляться Грейс. Ей и в голову не приходило, что кто-то может назвать Мелию *дитя!* Но в этот момент на лице Мелии появилось выражение искренней детской радости, да и сама она, такая маленькая и хрупкая, застыла в объятиях старика, который ростом и сложением не уступал Бельтану.

— Идите сюда, все, — со смехом сказал Фолкен. — Это наш старый друг — мы вам о нем говорили. Точнее, он *очень старый* друг.

Незнакомец — очевидно, его звали Том — посмотрел на барда сияющими золотыми глазами.

— Вот уж кому не стоит говорить о возрасте, так тебе, Фолкен из Малакора!

Грейс и сама не поняла, как это получилось, но уже через несколько минут они расселись вокруг костра и весело пили мэддок из деревянных чашек, которые им роздал Том. Вот только она сомневалась, что там был только мэддок. Впрочем, с каждой минутой ей становилось очевидно, что Том совсем не так прост, как могло показаться с первого взгляда. Безусловно, он был стар. Глубокие морщины избороздили лицо, борода — такая же снежно-белая, как одеяние — спускалась на грудь, а лысая макушка оказалась идеально гладкой. Уши Тома украшали блестящие золотые кольца.

Однако Грейс пришла к выводу, что морщины Тома — следствие веселого нрава и мудрости. Когда он протянул чашку Эйрин, юная баронесса всплеснула руками и захихикала — редкий случай в последнее время, — а Тира немедленно устроилась у него на коленях.

Лишь на Бельтана веселые манеры Тома не произвели никакого впечатления. Рыцарь устроился у самого края света и тени и молча пил горячий напиток из своей чашки. Один раз Грейс показалось, что глаза Бельтана остановились на Тревисе. Неужели между ними что-то произошло во время схватки с кронdримами? Однако в этот момент в руках Грейс оказалась чашка.

— Выпейте, — предложил Том, сверкая глазами. Он наполнил чашку Лирит и Эйрин, которые сидели рядом с Грейс. — И вы тоже, дочери Сайи.

Грейс сделала глоток.

— Кто такая Сайя? — неожиданно сорвался с ее губ вопрос.

Она уже несколько раз слышала, как Лирит, Мелия и даже дракон произносили это слово.

Том усмехнулся, продемонстрировав идеальные зубы.

— Вы спрашиваете, кто такая Сайя? Что ж, мое дорогое дитя, вы задали хороший вопрос. Я и сам часто над этим размышляю. Может быть, леди Мелия захочет на него ответить?

Мелия скрестила на груди руки.

— Не собираюсь!

Щеки царственной леди раскраснелись, и она слегка раскачивалась на своем месте. Если бы Грейс не знала ее, она подумала бы, что Мелия слишком много выпила.

Фолкен посмотрел на Лирит.

— Может быть, тогда ответит наставница леди Грейс и леди Эйрин? Честно говоря, я удивлен, что она этого до сих пор не сделала.

Грейс и Эйрин посмотрели на Лирит. Колдунья кивнула и опустила свою чашку. Смех прекратился, и все придвинулись поближе к ней, чтобы услышать ее рассказ.

— В разных местах Сайю называли разными именами, но все они означали одно и то же — Богиня. От Сайи произошел Дух Природы, паутина, которая связывает воедино все жизни. — Лирит пальцем нарисовала на земле круг. — Именно Сайя создала мир. Да и сама она является этим миром, поскольку Зея есть ее тело.

Тревис поскреб заросший подбородок.

— Я думал, что Мировой Кузнец создал мир, когда произнес Первую руну. — Он посмотрел на Фолкена. — Во всяком случае, я слышал такую легенду.

— В нее верят толкователи рун, — спокойно ответила Лирит. — Но существуют и другие легенды о сотворении мира, не совпадающие с теми, которые рассказывают в Серой Башне.

Эйрин провела пальцем по кругу.

— Если Дух Природы произошел от Сайи, почему ты никогда не говорила о ней раньше?

Казалось, Лирит тщательно подбирает слова.

— Сейчас многие колдуньи предпочитают не произносить имя Сайи.

— Почему? — удивилась Грейс.

Лирит пожала плечами.

— Кое-кто связывает Сайю с прежними временами и ведьмами.

Теперь Грейс поняла.

— Значит, Сайя вызывает у колдуний незабываемый образ — вот что ты хочешь сказать?

Молчание Лирит уже само по себе послужило ответом. Грейс собралась задать новый вопрос, но раньше заговорила Мелия, все следы опьянения исчезли.

— Не хочется прерывать вашу исключительно интересную теологическую дискуссию, но нам необходимо обсудить ряд важных вопросов. Например, как ты здесь оказался, Том. — Ее янтарные глаза обратились к нежданному гостю. — Кажется, мы договаривались, что ты встретишь нас в Спардисе.

Веселое настроение тут же исчезло. Грейс поставила чашку, и взоры всех путешественников обратились на Тома.

— Верно. Но когда я добрался до Спардиса и обнаружил, что вас там нет, то решил отправиться вам навстречу. Дело в том, что мне удалось кое-что узнать о том, кто украл Крондизар.

Фолкен кивнул:

— Как и нам. Мы вошли в храм в Фол Эренне. Ты был прав — камня там нет. Его украл Дакаррет.

На лице Тома появилась печаль, но потом она исчезла, и на ее место пришел гнев.

— Значит, вот кто за этим стоит. Что ж, я удивлен, если учесть, что удалось узнать мне.

— Что ты узнал, Том? — Мелия накрыла ладонью его руку. — Расскажи нам.

— Я знаю, почему он украл Крондизар, — со вздохом ответил Том. — Он хочет с его помощью пройти превращение.

По спине Грейс пробежал холодок.

— Превращение, — пробормотала она. — Какое превращение?

Том обратил к ней золотые глаза.

— Он хочет превратиться в бога, — ответил он.

ГЛАВА 69

— Много лет назад тринадцать Ниндари воспользовались телами умерших, чтобы попасть на Зею в качестве некромантов Бераша, Бледного Властелина.

Тревис внимательно наблюдал за Мелией. Он почувствовал, как рука Грейс сжала его ладонь, и пожал ее в ответ. Все, затаив дыхание, слушали барда, леди и златоглазого незнакомца.

Фолкен сквозь пальцы руки в черной перчатке смотрел на огонь.

— Похоже, Дакаррету надоело быть человеком, и он хочет снова стать одним из Ниндари.

— Нет, ему недостаточно стать одним из Новых Богов, — возразил Том. — Прежде чем он превратился в некроманта, Дакаррет не был величайшим среди Ниндари. Но сейчас он хочет вернуться в сиянии славы и править Новыми Богами.

Руки Мелии сжались в кулаки.

— Но он не может...

— Боюсь, что может, дорогая.

Морщинистые руки Тома осторожно разжали ее пальцы.

— Но я не понимаю, — сказала Грейс, — почему Новые Боги не пытаются остановить... тех, кто стал некромантами?

— Потому что все делалось втайне, дитя, — грустно ответил Том. — А когда Ниндари узнали об их ужасном деянии, было уже слишком поздно.

— Однако кое-что они *сделали,* — вмешался Фолкен. — Когда тринадцать взяли мертвые тела и стали рабами Бледного Властелина, девять других покинули свой небесный дом и приняли форму людей, чтобы иметь возможность попасть на Зею и противостоять некромантам.

Слова Фолкена зажгли искру в груди Тревиса.

— Значит, у нас еще остается надежда. Может быть, нам удастся найти кого-нибудь из девяти Ниндари — и они сумеют остановить Дакаррета.

Мелия посмотрела в усыпанное звездами небо.

— Нет, Тревис, больше не стоит ждать помощи от Девяти. Многих из них больше нет. — Она вздохнула. — Слишком многих...

Тревис покачал головой.

— А куда они ушли?

Однако ответил ему Том.

— Некоторые погрузились глубоко под землю, других унес ветер, а кое-кто превратился в морскую пену. Ты даже не можешь себе представить, Тревис, как тяжело богу жить в теле человека, оставаясь бессмертным. После Войны Камней, когда все решили, что некроманты исчезли с лица Зеи, большая часть Девятки отказалась нести свою ношу, они покинули мир.

— Иными словами, вновь превратились в богов? — спросила Эйрин.

— Нет, дитя. Никто из Тринадцати, или Девяти, не мог проделать обратный путь. Они исчезли навсегда.

Тревис содрогнулся. Том сказал, что человек не в силах представить себе, какую тяжкую ношу взвалили на себя боги, возможно, он прав. Однако Тревис прекрасно понимал, что значит отказаться от всего, что ты когда-либо любил. Ведь именно так поступила Девятка, когда сошла на Зею, не так ли?

— Тогда почему он этого не сделал? — спросил Дарж.

— Чего не сделал, молодой человек? — Том посмотрел на рыцаря через костер.

— Если Дакаррет похитил Огненный Камень, — поморщившись, сказал Дарж, — при помощи которого он может стать богом, почему он до сих пор этого не сделал?

Том щелкнул пальцами.

— Хороший вопрос, молодой человек. Именно по этой причине мы до сих пор сидим здесь и ведем разговоры, вместо того чтобы под бичами надсмотрщиков возводить храм великому богу Дакаррету. Огненный Камень способен превратить своего владельца в кого угодно. Но только в том случае, если он знает ключ.

Мелия открыла глаза.

— Конечно, — сказала она, и теперь ее голос звучал спокойно. — У него нет ключа от Крондизара, без которого он не сможет осуществить свое желание.

Том кивнул:

— Вот почему крондримы получаются такими ущербными, и многие погибают, когда идет превращение, которое выбрал для них Дакаррет. Без ключа у Дакаррета нет полного доступа к могуществу Крондизара.

Лирит посмотрела на Фолкена.

— Мне кажется, человек, которого мы встретили на границе Перридона, Паук, говорил о ключе?

— Да, — кивнул бард. — Он говорил о встрече с огневиком, который сказал, что он ищет огненный ключ. У тебя хорошая память.

Лирит кивнула и молча разгладила подол платья.

— Возможно, именно для этого и нужны крондримы, — предположил Бельтан. Светловолосый рыцарь молча сидел немного в стороне от остальных, но сейчас подошел к костру. — У нас сложилось впечатление, будто они что-то ищут, — теперь мы знаем точно.

— Ты прав, сэр рыцарь, — сказал Том. — Дакаррет устроил эпидемию огненной чумы, чтобы создать себе армию рабов, которые найдут для него ключ к Кронди зару.

— Я знаю еще одного человека, который упоминал про ключ, — облизнув губы, сказал Тревис.

Все посмотрели на него. Тревис сделал глубокий вдох и повторил слова человека в черном — повелителя рун Майндрота, которые тот произнес в «Шахтном стволе».

Да, именно тебе я должен передать ключ...

Он закончил свой рассказ, и все долго молчали, слышалось лишь потрескивание горящего дерева.

— И он отдал его тебе? — наконец спросил Том.

— Что?

— Ключ. Майндрот передал тебе ключ?

Тревис опустил плечи.

— Нет. Он лишь сказал: «Берегись — он пожрет тебя». А потом... он сгорел.

Из мрака ночи налетел ветер, взметнулось вверх пламя костра, в небо полетели кармазинные искры, которые тут же гасли, подобно звездам.

Фолкен слегка отодвинулся от огня.

— Ну, нам необходимо помешать Дакаррету завладеть ключом к Кронди зару.

— А мы успеем его опередить? — спросила Мелия.

— Вы найдете его в Цитадели Огня, — негромко проговорил Том.

— В Цитадели Огня? — встрепенулся Бельтан.

Том нахмурился.

— Да. Дакаррет спрятал там Кронди зар. Мне удалось узнать, что Цитадель находится в Пустоши, к северо-востоку от Спардиса. Но в твоем вопросе содержится еще что-то, не так ли, сэр рыцарь?

Бельтан ничего не ответил.

— Нам говорил о Цитадели дракон Сфитризир, — пояснил Фолкен.

Тревис повернулся и увидел, что Грейс смотрит на него. Она сжала его руку.

Том нахмурил густые брови.

— Надеюсь, ты знаешь, что драконам нужно верить с большой осторожностью, Фолкен?

— Но они говорят правду, не так ли? — прошептал Бельтан, скорее для себя, чем для Тома.

— Нет, — возразил Том, — драконы говорят *собственную* правду.

Бельтан покачал головой, но больше ничего не сказал.

— Благодарю тебя, Том, — сказала Мелия. Тира забралась к ней на колени, и леди гладила ее волосы, в то время как девочка смотрела в огонь. — Это знание поможет нам. Впрочем, мне следовало бы догадаться самой. Дакаррет всегда был жестоким и мелким, даже до того, как Бледный Властелин использовал Имсари, чтобы привязать к себе некромантов.

Дарж нахмурился.

— Вы говорите так, словно знали его лично, леди Мелия.

Янтарные глаза сверкнули в свете костра.

— Я действительно его знаю.

Тревис вряд ли смог бы объяснить, как ему удалось связать факты. Может быть, виной тому сотни мелких подсказок — поступки Мелии и ее слова, — но перед ним вдруг возникла ошеломляющая картина: совершенно неожиданная, но все объясняющая.

— Вы, — сказал он, глядя на Мелию через танцующее пламя костра. — Вы одна из них. Верно?

— Одна из кого? — не выдержал Дарж.

— Одна из Девяти. — И прежде чем кто-то успел возразить, Тревис повернулся к старику в белых одеяниях. —И вы тоже. Леди Мелия сказала, что вы старые друзья. — Безумный смех зародился в его груди. — Она только не сказала, *насколько* старые.

Эйрин покачала головой.

— О чем ты говоришь, Тревис?

— Они боги, Эйрин. Или когда-то ими были. Пока не пришли на Зею, чтобы воевать с некромантами.

Голубые глаза баронессы широко раскрылись. Она посмотрела на Фолкена. После долгой паузы он кивнул — а за ним Бельтан и Лирит.

— Но почему, леди Мелия? — Слова душили Тревиса, но он собрался с духом и продолжал: — Почему вы никогда не говорияи нам правду?

— А разве ты рассказал мне, кто ты на самом деле, дорогой?

Тревис ударил кулаком по колену. Нет, такой ответ его не устраивает.

 — Фолкен, почему ты молчишь?

На губах у Мелии появилась улыбка, но глаза оставались печальными.

— У Фолкена полно своих секретов, дорогой. В конце концов, не я одна знакома с Дакарретом.

Тревис в изумлении уставился на барда.

— О чем она говорит? Как ты мог знать Дакаррета?

Фолкен молчал так долго, что Тревис уже решил: ответа не будет. Потом бард поднял руку в черной перчатке.

— Это сделал со мной Дакаррет.

Все смотрели на барда, не в силах заговорить. Голос Фолкена стал горьким, точно яд.

— Он взял мою руку в качестве награды. И напоминания. За роль, которую я сыграл, сам того не зная, когда приложил руку к гибели королевства.

— О каком королевстве ты говоришь, Фолкен? — тихо спросил Дарж.

Бард сжал в кулак руку в черной перчатке и произнес одно слово:

— Малакор.

Мелия накрыла ладонью его кулак, в ее глазах сияла печаль.

— Ты не должен себя винить, дорогой.

Фолкен опустил руку.

— Да, это сделают другие.

Эйрин сжала левой рукой подол своего платья.

— Но этого не может быть. Малакор пал семь столетий назад.

— Да, — кивнул Том, — совершенно верно.

Тревис уже ничему не удивлялся.

— Конечно, Фолкен из Малакора. Именно так он представился мне в Зимнем лесу. Из чего следует, что...

— Семьсот сорок два года, — закончил за него бард с невеселым смехом. — Тебе стало легче, когда ты узнал истину?

— Но как? — просто спросила Грейс.

Фолкен пожал плечами.

— Дар Дакаррета. Я буду жить вечно, чтобы помнить, какие деяния совершила рука, которую я потерял.

Мелия обняла барда, и они склонили головы, а Том смотрел на них, и в его золотых глазах стояли слезы.

Игла скорби пронзила сердце Тревиса... потом он решительно тряхнул головой. Кто такие эти люди — нет, эти *существа,* — чтобы использовать их всех? Они даже хуже, чем Сфитризир. Как и «Дюратек», дракон ничего от них не скрыл. Мелия и Фолкен больше походили на Ищущих — открывали только то, что им было удобно в данный момент.

Грейс удивленно смотрела на него.

— Тревис, что случилось?

Он вскочил на ноги, с гневом глядя на барда и янтарноглазую леди.

— Ну и какие еще секреты вы скрыли от нас? — с ядовитой усмешкой спросил он.

Губы Мелии вытянулись в тонкую ниточку. Потом она вновь склонила голову, оперлась на плечо Фолкена и заговорила, но теперь в ее голосе не слышалось ни гнева, ни печали, а лишь бесконечная усталость.

— Оставь нас в покое, Тревис. Пожалуйста. Оставь нас в покое.

Гнев ушел, так вода выливается из пробитой пулей фляги, и он ощутил пустоту. Опустившись на землю, Тревис посмотрел на побледневшие лица остальных. Потом его руки коснулись легкие пальцы.

— Все в порядке, Тревис, — тихо проговорила Грейс. — Они все еще Мелия и Фолкен.

Я знаю, — хотелось ему ответить. — *Но остался ли прежним я сам?*

Но он лишь опустил голову ей на колени и заплакал.

ГЛАВА 70

Со спины Шандис Грейс разглядывала замок, вздымающийся в небо над туманными водами озера.

Ну, похоже, я сумела сюда добраться, Бореас.

Грейс засунула руку под плащ и нащупала свернутый пергамент. Казалось, прошла вечность с тех пор, как Бореас дал ей рекомендательное письмо. За время их долгого путешествия Грейс стала участницей событий, о которых и подумать не могла. И практически забыла о поручении, которое дал ей король Бореас тем летним утром в Кейлавере — выступить в роли шпиона в замке Спардис. Но в конце концов путешествие привело ее к замку, где она и должна была оказаться.

Вот только с вами нет двух рыцарей и мальчика, Грейс.

Ее сердце сбилось с ритма. Стоило ли жертвовать их жизнями? Может быть, Каллет и Меридар погибли зря? А Дейнен?

Но Грейс знала, что все жертвы — и их путешествие, спасение Тревиса, поручение, которое ей дал Бореас — окажутся бессмысленными, если они не найдут способ помешать Дакаррету добраться до ключа к Огненному Камню. И это при том, что Грейс не слишком верила в богов. Да и не под силу ей с ними сражаться.

А тебе и не придется сражаться с ним, Грейс. Ни тебе, ни Тревису. Фолкен и Мелия отправятся в Цитадель Огня и встретятся с Дакарретом. Одни.

Пока Фолкен и Мелия оставались непреклонными относительно тех вопросов, которые обсуждались утром, Бельтан говорил с поразительной горячностью — Грейс еще не приходилось слышать, чтобы его голос сохранял жесткость и неподатливость стального клинка.

— Вы не пойдете в Пустошь, леди Грейс. Тревис тоже. Вы меня понимаете?

Грейс и Тревис с удивлением посмотрели на светловолосого рыцаря, слишком ошеломленные, чтобы спорить. Бельтан скрестил руки на широкой груди.

— Дракон сказал, что вы оба погибнете, если отправитесь в Цитадель Огня. Значит, вы туда не пойдете. Вы останетесь в Спардисе, где я буду за вами присматривать.

Грейс знала, что ей не следует этого говорить, но слова уже сорвались с ее языка.

— А как же леди Мелия?

Зеленые глаза Бельтана стали холодными и отрешенными, но Мелия подошла к нему и положила руку на плечо.

— Я освобождаю сэра Бельтана от обязанностей рыцаря-хранителя.

Бельтан удивленно уставился на леди Мелию.

— На данное время, — быстро добавила она, встретив его взгляд. Потом повернулась к Грейс. — Будет лучше, если мы с Фолкеном проделаем это путешествие вдвоем, дорогая. Нам придется побывать в таких местах, где... не могут существовать смертные. Вы все останетесь в Спардисе и подождете нашего возвращения.

Если вы возвратитесь, — добавила про себя Грейс, но произнести эти слова вслух не осмелилась. Она прекрасно понимала, что если Мелия и Фолкен потерпят поражение, то все остальное потеряет всякий смысл. Огонь найдет каждого из них.

Сейчас, сидя в седле своего вороного жеребца, Фолкен показал в сторону Спардиса.

— Так мы въезжаем в замок?

Эйрин зябко куталась в плащ.

— Да, и поскорее. Будет просто замечательно хотя бы на время избавиться от холода и сырости.

Грейс поплотнее запахнула полы своего плаща. Много раз, когда они скакали по жарким равнинам Перридона, ей хотелось сбросить плащ на землю. Однако сегодня, когда они подъезжали к замку, температура резко упала, и влага в виде мелких жемчужин появилась всюду, куда только могла попасть. Именно таким Грейс и представляла себе Перридон: окруженным холодным туманом и тайной.

Дарж первым направил своего коня вниз по склону, остальные последовали за ним. Даже и без колеблющегося

полога тумана сосчитать башенки Спардиса было бы совсем непросто. Большие и маленькие, толстые и вытянутые вверх, уходящие к небесам и приземистые — они венчали остров, находящийся посреди серебристого озера.

Грейс направила Шандис к белой кобыле Мелии. Ей хотелось кое-что узнать.

— А куда пойдет он, Мелия? Я имею в виду Тома.

Мелия не сводила глаз с замка.

— У него есть другие дела, дорогая. К тому же, подобные задачи не для Тома. Он всегда был самым кротким из нас.

Грейс вздрогнула — и не только от холода. *Из нас. Одного из Девяти,* — хотела сказать Мелия. Грейс посмотрела на царственную леди, а потом ее взгляд устремился к ехавшему рядом барду. В голове у нее все перепуталось после того, как они узнали правду о Мелии и Фолкене. Они бессмертны — и забыть об этом невозможно. А с другой стороны, все осталось, как прежде — ведь Мелия и Фолкен не перестали быть Мелией и Фолкеном только потому, что Грейс узнала их тайну. Наверное, дело в том, что изменилась сама Грейс.

Они выехали на мощеную дорогу, которая шла по насыпи к острову в озере, копыта лошадей зацокали по камням. Туман сомкнулся над ними, скрыв воду, и у Грейс появилось ощущение, будто они едут по мосту через море облаков. Потом туман расступился, и перед ними возникли деревянные ворота, окованные железом.

Лирит взглянула на Фолкена.

— Неужели ворота в замок закрыты даже днем?

— Да, в Спардисе так принято, — со смехом ответил бард. — Подозрительность здесь правило, а не исключение.

Дарж мрачно посмотрел на закрытые ворота.

— Ну и как мы войдем?

— Постучим, — заявила Мелия.

Она легко соскочила с лошади и решительно зашагала к воротам.

Фолкен, Грейс и Эйрин последовали за Мелией, а их спутники остались с лошадьми. Однако стучать не потребовалось, поскольку в воротах открылось маленькое решетчатое оконце.

— Убирайтесь! — прогремел голос. — Вас здесь не ждут!

Волчья усмешка появилась на лице Фолкена.

— Мне здесь нравится. Они такие дружелюбные.

— Да, я заметила, — кивнула Мелия.

Они остановились перед воротами. Сквозь решетчатое окно Грейс видела стальной шлем и пару злых глаз.

— Меня зовут Фолкен Черная Рука, — заявил бард. — Со мной леди Мелия, ее высочество Эйрин, баронесса

Эльзарская, и ее сиятельство Грейс, герцогиня Беккеттская. Мы просим королевского гостеприимства.

Глаза воина округлились, но потом в них вновь появилась подозрительность.

— Я не могу вас впустить, лорд Фолкен. В Перридоне нет короля, а регент приказал закрыть ворота замка, чтобы защитить его от чумы. Вам придется уйти.

Грейс не могла не признать, что регент отдал вполне разумный приказ — надеясь избежать нежелательных контактов и не впускать в замок чуму. И все же им было необходимо попасть в Спардис. Она вытащила из-под плаща свернутый пергамент.

— У меня рекомендательное письмо от короля Бореаса. Он просит, чтобы вы...

— Я не служу королю Бореасу, — послышался разгневанный голос из-за ворот. — Я уже сказал — до своего возвращения регент никого не разрешил впускать в Спардис. Уходите.

Грейс открыла рот, но Мелия проплыла мимо нее. Из-под прикрытых ресниц полыхали янтарные глаза.

— Регент ждет нас, — успокаивающе сказала она.

Наступила пауза, а затем послышался все тот же голос, но теперь он звучал уже не так уверенно.

— Регент ждет вас?..

— Мы его гости, — сказала Мелия.

— Да, вы его гости...

— Хорошо, — кивнула Мелия. — А теперь пора открыть ворота — в противном случае регент будет тобой недоволен.

Ужас появился в глазах воина.

— Нет! Этого нельзя допустить!

Оконце захлопнулось, послышался скрежет, и створка ворот медленно отошла в сторону. Бард жестом подозвал остальных, и они приблизились к воротам, ведя на поводу лошадей.

Фолкен наклонился к Мелии, когда они проходили сквозь ворота, и прошептал:

— Я знал, что ты не сможешь удержаться от искушения надавить на него.

— Ничего подобного, — с достоинством возразила Мелия. — Я на него не давила, а лишь подтолкнула к нужному решению.

— Подтолкнуть. Надавить. Не вижу разницы.

— Разница состоит в том, что я бы смогла войти, а ты нет.

Фолкен ничего не успел ответить, а Мелия, вздернув подбородок, прошествовала вперед.

Стражник — в доспехах из какого-то темного полированного металла — вышел им навстречу и вежливо поклонился.

— Вы можете оставить лошадей здесь — уверяю вас, они будут в полном порядке. А теперь следуйте за мной, я отведу вас в главный зал к гофмейстеру.

— Конечно, ты так и поступишь, дорогой, — сказала Мелия.

Грейс решила, что стражник выбрал не самый короткий путь в замок, поскольку они попали в бесконечный лабиринт, окутанный туманом. Они петляли среди башенок, узких переходов и хрупких мостиков, и она довольно быстро поняла, что никогда не нашла бы дорогу назад.

— Жители Перридона любят все усложнять, — проворчала Мелия.

Фолкен пожал плечами.

— Наверное, дело в местной воде.

Наконец стражник открыл двойные двери, и они вошли в помещение, которое напомнило Грейс главный зал Кейлавера. Высокие, украшенные гобеленами стены тянулись к потемневшим от дыма потолочным балкам. В дальнем конце находилось возвышение, на котором стояло большое резное кресло. В данный момент оно пустовало. Однако на нижних ступенях помоста имелось другое кресло, на котором сидел человек с впалой грудью, чьи глазки — маленькие и бегающие — напомнили Грейс хорька, которого однажды принес в госпиталь студент.

Стражник представил гостей, и гофмейстер — лорд Сайферд — пришел в ярость из-за того, что их впустили в замок. Впрочем, после короткого разговора с Мелией Сайферд сменил гнев на милость.

— Вы должны меня простить, — сказал он, с трепетом глядя на Мелию. — Я и представить себе не мог, что к нам пожаловали такие высокие гости. Можете не сомневаться, виновные будут жестоко наказаны. — И Сайферд бросил свирепый взгляд на стражника, чьи глаза чуть не вылезли орбит.

— Ну, только не слишком жестоко, — попросила Мелия, положив руку на плечо гофмейстера.

Он тут же принялся кивать:

— Конечно, миледи.

Мелия самодовольно улыбнулась.

Грейс подошла к гофмейстеру и проговорила:

— Лорд Сайферд, нам сказали, что регент в отъезде.

— Да, миледи, совершенно верно. До нас дошли слухи, что на дальних окраинах доминиона началась чума. Регент уехал, чтобы узнать, чем он может помочь людям. — Сайферд прижал руку к впалой груди. — Он такой добрый и отважный человек.

— Не сомневаюсь, — сказала Грейс. — Но сейчас я хотела бы повидать королеву Инару.

Сайферд вздохнул.

— Увы, это невозможно. Королева пребывает в уединении, оплакивая смерть своего супруга, короля Персарда.

Грейс прикусила губу. Плохая новость. Она хотела поговорить с Инарой. Хотя королева была очень молода, беседа с ней помогла бы Грейс понять политическую ситуацию в Перридоне.

— А герцог Фальдеран или лорд Сул? — поинтересовалась она. — Могу ли я поговорить с кем-нибудь из них?

— И вновь я должен вас разочаровать, миледи. После смерти короля лорд Сул отбыл в свои владения на севере Перридона. Герцог Фальдеран находится в Спардисе, но он серьезно болен и не принимает посетителей.

Грейс нахмурилась. Почему все, с кем она хочет встретиться, недоступны? Да, конечно, Инара должна соблюдать траур. Прошло менее двух месяцев после смерти ее супруга. Нет ничего удивительного в том, что лорд Сул возвратился в свои владения; регент наверняка выбрал новых советников. Что касается болезни Фальдерана — Грейс лучше других понимала, как легко подхватить какую-нибудь инфекцию в этом мире. Не говоря уже об огненной чуме.

Однако она не сомневалась — и слова стража ворот подтвердили ее уверенность: огненная чума еще не добралась до Спардиса. Очень странно, поскольку по всем признакам выходило, что Спардис является эпицентром эпидемии.

Грейс вздохнула. Король Борсас предупреждал ее о том, что Спардис окружен покровом тайн, и оказался прав. Во всяком случае, ей будет чем заняться после отъезда Фолкена и Мелии.

Сайферд хлопнул в ладоши и обратился к остальным:

— Ну, если у вас больше нет вопросов, я распоряжусь, чтобы для вас приготовили комнаты — лучшие в замке Спардис.

Он несколько раз поклонился Мелии и торопливо вышел из зала.

Фолкен посмотрел на янтароглазую леди.

— Знаешь, тебе следует научить меня этому фокусу.

— Никогда, — усмехнулась Мелия.

ГЛАВА 71

— Следует признать, — сказала Грейс Тревису, глядя на барда и янтароглазую леди, — что от бывших богинь и бессмертных бардов иногда бывает польза. Мне показалось, что ноги несчастного гофмейстера едва касались земли, когда он умчался, чтобы приготовить для нас комнаты.

Тревис улыбнулся Грейс, оценив ее попытку разрядить обстановку, но еще не был готов шутить по этому поводу. Во всяком случае, пока. Его улыбка исчезла.

После некоторых колебаний Грейс коснулась его плеча.

— Ты же знаешь, это мы отличаемся от них. А они не изменились из-за того, что рассказали нам правду о себе.

— Я знаю, Грейс. — Он посмотрел на свои руки. — Поверь мне, я знаю. Просто нужно время, чтобы привыкнуть, вот и все.

Она скрестила руки на груди и отвернулась.

— Наверное, мне намного легче. В некотором смысле, для меня все люди чужие. Может быть, именно поэтому я редко чему-нибудь удивляюсь.

В сердце Тревиса вонзилась игла. Он шагнул к ней.

— А я тоже для тебя чужой, Грейс?

Грейс, не поворачиваясь, кивнула:

— Но я люблю тебя, Тревис.

Он открыл рот, но не успел произнести слова, которые ему ужасно хотелось сказать...

Я тоже тебя люблю, Грейс.

Она пересекла зал и остановилась рядом с Лирит и Эйрин, которые уселись на скамье вместе с Тирой.

Тревис вздохнул и пошел к сложенным в углу седельным сумкам. Дарж и Бельтан отправились на конюшни, чтобы проверить лошадей. Пожалуй, ему стоит заняться вещами — так и от него будет какая-то польза. Опустившись на колени, он принялся разбирать остатки продуктов — и отдернул руку, однако ему не удалось избежать острых когтей.

— Не понимаю, что ты против меня имеешь, — обиженно сказал Тревис, сжимая поцарапанную руку.

Черный котенок облизнул усы и поудобнее устроился на седельной сумке, чтобы еще немного вздремнуть, а Тревис отодвинулся от него подальше. И увидел длинный сверток. Он поднялся на ноги, сжимая в руке посох, который ему подарил Гроссмейстер Орагиен.

Посох был по-прежнему плотно завернут в фетр — Тревис так ни разу и не развернул его за все путешествие. У него практически не оставалось свободного времени, однако он прекрасно понимал, что не брал его в руки совсем по другой причине. Даже сейчас — через плотный материал — он ощущал, как пульсирует внутри него сила.

Как раз то, что тебе больше всего нужно, Тревис. Еще один способ причинить людям вред.

Он собрался положить посох на прежнее место.

— Ты не собираешься его развернуть? — послышался голос у него за спиной.

Он обернулся, сжимая посох.

— Леди Мелия, я не слышал, как вы подошли.

— Конечно, не слышал, дорогой. — Леди подплыла поближе. — Знаешь, ты не можешь прятать его вечно. Придет день, когда тебе придется достать его и посмотреть, на что он способен.

Он еще крепче сжал посох.

— Я не просил его у Орагиена, леди Мелия. И не хочу иметь с ним ничего общего.

— А какое это имеет значение?

Конечно, она права. Тревис провел ладонью по фетру — интересно, какие тайны ему откроются, когда он развернет посох.

— Я сожалею, что мы не рассказали тебе раньше, дорогой.

Он поднял взгляд, и сердце едва не выскочило у него из груди. Он и представить себе не мог, что Мелия может плакать из-за него, но у нее на глазах блестели слезы. Прежний гнев и обиды вдруг показались Тревису мелкими и глупыми.

— Но вы же открыли мне правду — все остальное значения не имеет.

— Нет, нам следовало сделать это раньше. Я вижу, как ты расстроен. — На ее губах появилась печальная улыбка. — Нам казалось, что мы тебя защищаем.

Тревис едва не рассмеялся. А у него самого другие мотивы? Ведь именно по этой причине он не хочет снять покровы с рунного посоха. Чтобы защитить людей? Да, Мелия и Фолкен лгали. И Дейдра с Ищущими. Но никто из них не пытался использовать правду во вред. В отличие от дракона и «Дюратека». И на кого больше похож сам Тревис? Мелия сказала, что он не может вечно прятать посох. Но если он явит свету его могущество и начнет им пользоваться — зная, что может причинить вред людям, — разве он не окажется таким же монстром, как Сфитризир?

Ледяной клинок пронзил туман и коснулся его разума, и к Тревису пришло понимание. Да, есть и другой путь...

Мелия помрачнела.

— Тревис, что с тобой?

Однако Тревису повезло — в этот момент, позвякивая доспехами, появились Бельтан и Дарж, и ему не пришлось лгать. Фолкен шагнул к ним навстречу.

— Неужели что-то случилось с лошадьми?

Бельтан фыркнул.

— Нет, несмотря на предсказания Даржа, о них хорошо позаботились. Все дело в королеве.

Грейс встала.

— Королева? Ты имеешь в виду Ипару?

— Мы только что ее видели, — сказал Дарж. — Она вместе со своими фрейлинами шла через внутренний двор замка.

Тремя длинными шагами Бельтан преодолел расстояние до закрытого ставнями окна.

— Если я окончательно не потерял чувство направления после беготни в этой мышеловке, то мы сможем увидеть ее отсюда, если кому-нибудь из вас захочется на нее взглянуть.

Все тут же столпились у окна. Через головы остальных Тревис выглянул в узкий внутренний дворик замка. Сначала он заметил лишь одинокого крестьянина, который катил перед собой тележку с торфом. Затем появилась женщина в черной вуали со склоненной головой. За ней следовали три фрейлины, одна из них несла в руках белый сверток.

— Должно быть, это ее сын, Персет, — сказал Фолкен.

Эйрин вздохнула.

— Она кажется такой печальной. Как вы думаете, она любила короля Персарда?

Дарж тяжело вздохнул.

— Невозможно представить, чтобы женщина, едва пережившая первую весну своей жизни, могла любить человека, для которого уже давно наступила зима.

— А я могу в это поверить, — возразила Лирит. — Сердце человека полно тайн.

Дарж не удостоил колдунью взглядом, продолжая смотреть в окно. Грейс покачала головой.

— Я бы хотела с ней поговорить. Мне нужно о многом ее расспросить... *Тира!*

Босоногая девочка ловко вскочила на низкий подоконник, увернулась от протянутых рук Грейс и спрыгнула на карниз. Грейс отчаянно закричала, и ее голос эхом отразился от каменных стен. Королева остановилась и подняла вверх закрытое вуалью лицо.

Тира улыбнулась и помахала ей рукой.

Фрейлины разинули рты. Королева Инара после коротких колебаний подняла руку и несмело помахала в ответ. Грейс наконец удалось ухватить Тиру за талию и втащить ее обратно, а королева и фрейлины скрылись из виду.

Бельтан закрыл ставни, и они отошли от окна. Грейс прижала Тиру к груди.

— Никогда так больше не делай, — сказала она. — Ты меня поняла?

Тира не сопротивлялась. Она лишь закрыла глаза и прижалась обезображенным лицом к груди Грейс.

— Что-то не так, милорды и миледи?

В зал вернулся лорд Сайферд. За ним семенил слуга с подносом, на котором стояли оловянные кубки.

— Нет, милорд, — поспешила успокоить его Мелия. — Все в порядке.

Гофмейстер радостно улыбнулся и низко поклонился.

— Ваши комнаты уже почти готовы, прекрасная леди. Прошу простить за то, что вам пришлось так долго ждать. А пока не выпьете ли вина?

Гофмейстер вновь выбежал из зала, а к ним подошел слуга. Каждый из гостей взял кубок со светлым вином. Тревис даже вздохнул от удовольствия. Его одолела жажда, а напиток оказался бодрящим, прохладным и не слишком сладким.

Бельтан крякнул, поставив пустой кубок на поднос.

— Конечно, не эль, но со временем я привыкну.

Он взял с подноса еще два кубка, и слуга посмотрел на него широко раскрытыми глазами.

Тревис уселся на скамью, глядя в кубок с вином. Сможет ли он осуществить свои намерения? Существовал только один способ сделать задуманное так, чтобы не пострадали те, кого он любит.

— Что находится за этой дверью, Тревис?

Он поднял голову. Мелия подошла к двери, которая находилась рядом со скамьей, где устроился Тревис.

Он пожал плечами.

— Не знаю, я не заглядывал.

Мелия нажала на ручку, и дверь распахнулась. Ее глаза засверкали.

— Ну, должна признаться, я всегда считала: если дверь не закрыта, значит, в нее можно заглянуть.

Тревис улыбнулся. С этим было трудно спорить. Мелия быстро шагнула в соседнее помещение. Тревис вздохнул и склонился над вином.

Из-за распахнутой двери послышалось восклицание, а потом раздался тихий, но ясный голос:

— О дорогой!

Через мгновение послышался негромкий звук удара, а потом что-то металлическое упало на пол.

Тревис вскочил на ноги, заглянул в дверь и бросился внутрь, однако Бельтан его опередил. Они оказались в маленькой комнатке. Свет, льющийся из высокого окна, озарял скудную обстановку: стул, стол, мраморный бюст на пьедестале, изображающий красивого мужчину. Однако внимание Тревиса привлекло совсем другое — он опустил глаза, и внутри у него все похолодело.

Маленькая фигурка в голубом лежала на полу. В лужице пролитого вина валялся кубок, выпавший из разжавшихся пальцев, глаза на пепельно-бледном лице Мелии были закрыты.

— Нет! — воскликнул Бельтан, и его крик отразился от каменных стен.

Он упал на колени возле маленькой неподвижной фигурки, когда в дверях появились остальные.

— Что случилось? — с порога спросил Фолкен.

Тревис повернулся — он чувствовал себя хрупким, как стекло — и посмотрел барду в глаза.

— Мелия, — только и сказал он.

ГЛАВА 72

Два дня спустя, на рассвете, путники собрались во внутреннем дворике замка. Грейс куталась в плащ. После изнуряющей жары, которая преследовала их во время путешествия на восток, она не могла привыкнуть к холоду, исходящему от камней Спардиса.

В голубых глазах Фолкена стыла тоска. Он держал поводья своего вороного жеребца.

— Ты позаботишься о ней, Грейс?

Долгие годы врачебной практики научили ее говорить спокойно.

— Я сделаю все, что в моих силах, Фолкен.

Он вскочил в седло.

— Вы готовы, миледи? — спросил уже сидевший в седле Дарж.

Лирит поправила подол платья, чтобы он ниспадал на бока лошади ровными волнами, и кивнула.

Грейс попыталась отбросить мрачные мысли, но у нее ничего не получилось. Лишь она одна спустилась во внутренний дворик, чтобы проводить Фолкена, Даржа и Лирит. Бельтан не отходил от постели Мелии. Тревис остался рядом с ним, а Эйрин присматривала за Тирой. Грейс понимала, что ей не следует оставлять Мелию, но она не могла не проводить друзей в трудное путешествие. Кто знает, вернутся ли они?

Кроме того, она попросила Тревиса разыскать ее, если в состоянии Мелии произойдут какие-то изменения. Впрочем, Грейс не слишком на это рассчитывала. Она до сих пор не знала, что с ней произошло — никто не видел, как упала Мелия, и на ее теле не оказалось никаких повреждений, — однако она погрузилась в глубокую кому.

Конечно, Фолкен заявил, что отправится в путешествие один. До вчерашнего вечера он настаивал, что только ему можно войти в Пустошь, где находится Цитадель Огня, чтобы отнять Кронднзар у некроманта, пока не будет слишком поздно.

— Только я знаю Дакаррета и что он может предпринять, — говорил он, расхаживая, как волк в клетке, по комна-

те, соседней со спальней, где они поместили так и не пришедшую в сознание Мелию. — Все слышали, что сказал Сфитризир. Если Тревис или Грейс отправятся в Цитадель Огня, они погибнут.

Тогда вперед выступила Лирит, пристально глядя на Фолкена своими черными глазами.

— Дракон ничего не сказал о том, что ждет *меня* в Цитадели Огня.

— И меня, — мрачно добавил Дарж.

Фолкен не нашел, что возразить. Он лишь кивнул и отвернулся.

Налетевший порыв ветра всколыхнул туман и подхватил полы серо-черного плаща Даржа.

— Пора, — сказал рыцарь. — Гофмейстер может нам помешать.

Похоже, Мелия немного перестаралась с гофмейстером. Лорд Сайферд был совершенно убежден, что они являются важными гостями и друзьями регента, и наверняка стал бы протестовать, если бы узнал, что часть из них собирается покинуть замок до его возвращения.

— А страж у ворот нас выпустит? — спросила Лирит, посмотрев на барда.

На лица Фолкена появилась прежняя волчья усмешка.

— Мы справимся.

— Прощайте, миледи, — сказал Дарж Грейс, низко склонив голову. — Я всегда считал за большую честь служить вам.

Лирит улыбнулась Грейс своей таинственной улыбкой.

— Я буду скучать по тебе, сестра.

Грейс кивнула. Грудь обожгла боль, ей так многое хотелось сказать — что она любит их всех, что им нужно быть осторожными и что она ужасно боится их потерять. Однако она сумела выдавить из себя лишь слова прощания.

Трое всадников пересекли двор. Вскоре туман сомкнулся у них за спинами, и они исчезли. Грейс немного постояла, глядя им вслед, потом вздохнула и вернулась в замок.

Прошло довольно много времени, прежде чем она добралась до своих покоев. Впрочем, в замке Спардис — она успела неоднократно в этом убедиться за последние два дня — кратчайшее расстояние между двумя точками даже отдаленно не напоминало прямую. Она шагала по извилистым коридорам, поднималась по винтовым лесенкам, попадала в тупики.

В некотором смысле Грейс радовалась возможности побродить по замку в одиночестве, наконец она могла спокойно подумать — с тех пор как они покинули Кейлавер, было не до этого. Фолкен, Дарж и Лирит отправились с важной миссией, но и Грейс получила задание от короля Бореаса. И речь шла не только о политической ситуации в Спардисе.

Грейс еще раз попыталась проанализировать состояние Мелии. Дыхание и пульс замедлились, она не чувствовала боли. Однако зрачки реагировали на свет, и Грейс не заметила конвульсивного сокращения конечностей. Хороший знак — значит мозг в полном порядке. Впрочем, Грейс не имела ни малейшего представления о том, может ли вообще пострадать мозг Мелии.

В этом и заключалась часть проблемы. Ведь Мелия бессмертна, и Грейс не знала, какое влияние данный фактор оказывает на ее физиологию — если можно говорить о физиологии богини. Однако у Грейс не было выбора, и она относилась к Мелии как к самой обычной пациентке... и не могла поставить диагноз.

Грейс тщательно осмотрела комнату, где упала Мелия, но не нашла там ничего особенного — мебель, гобелен, мраморный мужской бюст. Бельтан предположил, что причина болезни Мелии заключена в вине, но его пили все; едва ли лорд Сайферд попытался бы отравить Мелию. Кроме того, Лирит исследовала остатки вина при помощи Дара и не обнаружила в нем яда.

Свою комнату Грейс удалось найти раньше, чем ответы на мучившие ее вопросы. Со вздохом она открыла дверь, вошла и наткнулась на вопросительный взгляд Тревиса.

— Они уехали, — сказала она.

Он кивнул, и его серые глаза за стеклами очков затуманились. Грейс посмотрела на дверь, ведущую в спальню Мелии.

— Как она?

— Без изменений. С ней Бельтан. Он отказывается пойти поспать. Мне кажется, он хочет свалиться рядом с ней. Эйрин и Тира спят.

— Тебе тоже нужно отдохнуть — ты ужасно выглядишь.

Он усмехнулся.

— Благодарю за комплимент.

— Не стоит.

Тревис лег на кровать. Грейс сняла с него очки, положила их на стол и накрыла Тревиса одеялом. Когда она повернулась, чтобы уйти, ее остановил голос Тревиса.

— Как ты думаешь, у них получится? — спросил он совсем тихо. — Отобрать Огненный Камень у Дакаррета?

Грейс повернулась к нему и увидела, что у него закрыты глаза.

— Не знаю, — ответила она, — но я в них верю. Иначе нельзя.

Не открывая глаз, Тревис кивнул. Грейс подождала, пока его дыхание не стало глубоким и ровным — прошло около минуты, — и бесшумно выскользнула в коридор.

Что теперь?

Грейс вздохнула. Она больше ничем не могла помочь Мелии. Пожалуй, пора заняться поручением Бореаса, хотя

сейчас оно не казалось ей таким уж важным. Если Фолкен потерпит неудачу, то кто бы ни стал править доминионом, это не окажет ни малейшего влияния на дальнейший ход событий. Дакаррет подчинит своей воле всех. Но пока этого не произошло, ей необходимо выяснить, кто стал новым регентом и намерен ли он блюсти интересы королевы Инары и принца Персета.

Решение придало Грейс сил, и она быстро зашагала по коридору.

Через тридцать минут, после дюжины вопросов, заданных слугам, она остановилась возле позолоченной двери в северном крыле дворца. Грейс вряд ли смогла бы с уверенностью сказать, в каком именно крыле оказалась, поскольку у нее сложилось впечатление, что в Спардисе их три. Когда Грейс подошла к двери, двое стражников в блестящих доспехах преградили ей дорогу, скрестив копья.

— Никому не дозволено тревожить покой королевы Инары, — прорычал один из них.

Грейс пришлось быстро отступить назад, чтобы сохранить в целости свой нос.

— Могу я передать ей сообщение?

— В период траура королева не принимает никаких сообщений.

Грейс поднесла руку к груди.

— По чьему приказу?

— По приказу регента. Если вы хотите передать сообщение королеве, вам следует подать прошение регенту, когда он вернется.

Грейс склонила голову, развернулась и пошла обратно — ей совсем не хотелось, чтобы ее проткнули копьем. Она не рассчитывала, что ей позволят встретиться с королевой, но неудачная попытка дала полезную информацию. Если Инара действительно соблюдает траур, то должна была сама отдать приказ.

Если только это не насильственный траур. Удобный способ убрать Инару с игрового поля. Если королева прервет траур, то будет выглядеть бессердечной. В результате ей приходится оставаться в своих покоях и наблюдать за регентом, который спокойно решает все вопросы.

Конечно, еще слишком рано делать выводы. Вполне возможно, Инара полностью поддерживает регента. Вот если бы удалось с кем-нибудь поговорить. Возможно, такой шанс существует...

Солнце уже стояло в зените, когда Грейс нашла то, что искала. Она заговаривала со многими слугами, но стоило им узнать, что ей нужно, они сразу отворачивались и торопливо уходили. Наконец ей навстречу попался мальчик, который нес ведро с мусором. В обмен на серебряную монетку он согласился ответить на вопросы Грейс.

— За ним присматривает моя бабушка, — сказал мальчик. — Вы найдете его комнату в восточном крыле.

— *В каком* восточном крыле? — со вздохом спросила Грейс.

На грязном лице мальчишки появилась улыбка.

— Во дворце только одно восточное крыло, миледи. — И он умчался по коридору.

Как ни странно, мальчик сказал правду. После некоторых колебаний Грейс постучала.

— Входите, — послышался надтреснутый голос.

Грейс открыла дверь и вошла и едва не выскочила обратно — так отвратительно воняло в комнате. Однако она поднесла руку к лицу, набралась мужества и сделала несколько шагов вперед. В комнате царил полумрак.

Вот какая судьба ждет заболевшего герцога в Спардисе.

В пустой комнате стояли лишь кровать и стул. На кровати, на изодранных подушках лежал мужчина средних лет в грязной ночной рубашке. Свалявшиеся волосы падали ему на лицо, он давно не брился. По подбородку сбегала струйка слюны, глаза бессмысленно уставились в стену. На стуле сидела старая женщина, которая казалась почти такой же грязной, как и ее пациент. Увидев Грейс, она вскочила на ноги.

— Миледи! — пролепетала она и сделала неуклюжий реверанс.

Грейс подошла к постели. Запах фекалий стал еще сильнее. Когда в последний раз меняли простыни? Она посмотрела в невидящие глаза мужчины и повернулась к старухе.

— Это герцог Фальдеран?

— Да, миледи. — Старуха пригладила волосы, тщетно пытаясь навести порядок в своей прическе. — Мне поручено за ним ухаживать.

Грейс стиснула зубы. Какой смысл ругать старуху? Она понятия не имеет, как следует ухаживать за больными. Нет, виноват тот, кто дал ей это поручение.

Она опустилась на колени рядом с постелью больного и щелкнула пальцами у него перед глазами. Никакой реакции. И тут Грейс заметила у герцога на голове старую повязку, пропитанную засохшей кровью.

— Сколько времени он так лежит? — спросила она у старухи.

Та пожала плечами.

— С тех пор, как я начала за ним ходить. Наверное, луна успела смениться.

— Ты знаешь, чем он болен?

Старуха захихикала.

— Несогласие с регентом, вот название его болезни, миледи. Он споткнулся на лестнице, но думаю, ему помогли.

Грейс выпрямилась, она ничего не могла сделать для Фальдерана.

— Ты думаешь, это дело рук регента? — спросила она.

Старуха широко раскрыла глаза и отступила к стене.

— О да благословят меня боги! Значит, вы шпионка, миледи? Я всего лишь пошутила. Да, пошутила. Я люблю регента, правда, люблю. Да пребудут с ним боги.

Слезы побежали по грязному лицу.

— Все в порядке, — заверила ее Грейс. — Тебе нечего бояться.

Она протянула руку, но старуха взвыла, словно ее ударили ножом, и забилась в угол, размазывая по лицу слезы и сопли.

Грейс вышла из комнаты, плотно закрыла за собой дверь и сделала несколько глубоких вздохов. Однако запах смерти еще долго преследовал ее.

ГЛАВА 73

Тревис шел по коридору, с опаской озираясь по сторонам.

Ну, на что ты рассчитываешь, Тревис? Это Спардис. Наверняка тебя видели две дюжины людей.

Но его совсем не тревожили местные шпионы. Он старался избежать встречи с друзьями. Тревис не хотел отвечать на их вопросы. Зачем лгать? А правда была бы для них слишком горькой.

Ты должен уйти от них подальше, пока не причинил им вреда — и это твой последний и самый лучший шанс. Бельтан не покинет Мелию, пока она больна. Грейс занята своими проблемами. После того, что она вчера узнала о герцоге Фальдеране, у нее много работы.

Тревис не особенно беспокоился из-за Эйрин и Тиры — они будут оставаться рядом с Грейс. Он быстро шагал по коридору, в одной руке сжимая все еще обернутый в фетр рунный посох, а другой придерживая закинутую через плечо сумку.

Утром он едва все не испортил. Тревис завтракал вместе с Грейс, Эйрин и Тирой. И когда он всмотрелся в их лица — возможно, в последний раз, — на глаза навернулись горькие слезы.

— Что случилось, Тревис? — спросила Эйрин, коснувшись его плеча левой рукой.

— Мне что-то попало в глаз, — ответил он — ложь на сей раз далась ему легко, и отвернулся.

Потом заглянул к Бельтану — нет, конечно, не затем, чтобы попрощаться — он хотел в последний раз посмотреть на друга. После того как Тревис принял решение уйти, он больше всего думал о Бельтане. Он и сам не понимал почему; возможно, по той же причине, по которой Бельтан решил стать его рыцарем-хранителем. Тем не менее Тревис понимал, что больше никог-

да не будет чувствовать себя в такой же безопасности, как в те моменты, когда его охранял Бельтан. Но теперь пришел его черед стать защитником. В конце концов, пока он рядом со своими друзьями, им всем угрожает опасность.

Утром рыцарь отошел от постели Мелии — чтобы размять ноги, так он сказал Эйрин, но баронесса считала, что он отправился на поиски храма Ватриса, чтобы помолиться. Только через час Тревису удалось издали увидеть его спину — Бельтан быстро шагал куда-то по коридору.

— Бельтан! — позвал Тревис.

Рыцарь на мгновение остановился — и Тревис понял, что он его услышал, — но потом ускорил шаг и вскоре скрылся за поворотом.

Тревис опустил голову. Бельтан явно избегал его после схватки с Эрионом и кронд римами. Неужели он чем-то его обидел?

Тревис искал и не находил ответа на этот вопрос. Возможно, Бельтан считает его монстром, а не человеком. В любом случае все к лучшему, так ему будет легче сбежать. И все же Тревис многое бы отдал, чтобы еще раз увидеть радостную улыбку Бельтана.

Вместо этого он достал свои вещи из алькова, куда заранее их спрятал, и поспешно направился дальше. Он должен оказаться за стенами замка прежде, чем друзья заметят его отсутствие.

Вскоре Тревис уже шагал по мощеной мостовой. Кругом было полно людей. Он смешался с толпой и двинулся в сторону двух высоких башен, стоящих по краям замковых ворот. Что его ждет за ними?

Тревис вздохнул. Что ж, придется подождать, пока он окажется за воротами замка. Впрочем, он знал. Даже сейчас он чувствовал, как могущество, словно тень, следует за ним.

Иди, разбиватель рун! Иди и уничтожь мир, чтобы его спасти!

Нет — именно поэтому он и уходит, стараясь оказаться как можно дальше от своих друзей. Тревис еще крепче сжал посох и ускорил шаг.

Толпа стала двигаться медленнее. Тревис заметил, что кто-то перевернул тележку, и по мостовой рассыпалась репа. Стадо коз бестолково бродило вокруг, пока босоногий мальчишка безуспешно пытался собрать репу. Тревис простонал. Задержка ему сейчас ни к чему. Он огляделся и заметил узкий проход на соседнюю улицу и принялся к нему проталкиваться сквозь толпу сердитых крестьян.

Наконец Тревис оказался в тихом переулке, таком узком, что стены почти смыкались у него над головой, закрывая небо. Он побежал.

Через несколько минут он начал сомневаться в правильности своего выбора. Сначала он еще видел верхушки ба-

шен, отмечавших замковые ворота, потом улица резко свернула в сторону, и башни исчезли. Затем переулок стал петлять, и очень скоро Тревис окончательно перестал понимать, в каком направлении движется. Периодически у него над головой возникали мосты, но выхода из переулка не было.

— Ты заблудился, друг?

Тревис остановился и принялся вертеть головой в разные стороны, но видел лишь гладкие каменные стены.

— Нет, друг. Посмотри сюда.

Он резко повернулся и увидел, как от стены, где только что никого не было, отделился мужчина. Как он мог его не заметить раньше? Тут только Тревис обратил внимание на плащ незнакомца — серый, как стены Спардиса.

Мужчина был моложе Тревиса, которому исполнился тридцать один год. Тревис сразу обратил внимание на его хрупкое телосложение и лицо скорее смазливое, чем красивое. Клинообразная светлая бородка украшала подбородок, серо-голубые глаза были такими бледными, что казались серебряными. Он поднял руку в жемчужно-серой перчатке.

— Да здравствует королева. Пусть никто не раскроет ее секретов.

Тревис заморгал.

— Прошу меня простить?

Мужчина нахмурился. После некоторых колебаний он сделал сложное движение пальцами левой руки. Тревис покачал головой. Что делает незнакомец?

Все произошло так быстро, что Тревис не успел отреагировать. Мужчина шагнул вперед, и в следующее мгновение кончик маленького, но острого кинжала уперся Тревису в горло.

— Кто ты такой?

— Я Тревис Уайлдер, — ответил он правду.

События развивались так быстро, что он просто не успел придумать ничего другого.

Незнакомец прищурился.

— Где ты взял плащ?

— Что?

— Плащ!

Незнакомец коснулся туманного плаща Тревиса.

— Мне его дал Фолкен.

В бледных глазах впервые появилось сомнение.

— Фолкен? Ты имеешь в виду Фолкена Черную Руку?

Тревис собрался кивнуть, но вовремя опомнился, когда острие кинжала коснулось его кожи.

— Да.

Незнакомец еще раз оглядел его, быстрым движением убрал кинжал и отступил на шаг.

— В твоих глазах я прочитал правду. Ты должен меня простить. Слишком многие из моего ордена мертвы. Я подумал, что ты украл плащ у одного из моих погибших товарищей.

Тревис потер горло.

— Твоего ордена?

Незнакомец ничего не ответил. Тревис вспомнил человека, зараженного огненной чумой, которого они встретили на границе Перридона. У него был такой же туманный плащ.

— Ты Паук! — воскликнул он.

Мужчина приподнял тонкую бровь.

— Монарх Перридона дал мне право убивать тех, кто откроет эту тайну.

Неожиданно для самого себя Тревис дерзко спросил:

— Чего же ты ждешь?

Незнакомец наклонился и спрятал кинжал в сапог.

— В замке в последнее время было слишком много смертей.

— Что ты имеешь в виду? Неужели чума добралась до замка?

— Нет. Во всяком случае, пока еще нет. Мы знали, что она приближается. Но не более того. Некоторые Пауки отважились покинуть Спардис, чтобы провести расследование. Никто из них не вернулся. — Незнакомец взглянул своими серебряными глазами на Тревиса. — И они не вернутся?

Тревис покачал головой.

— Я так и думал.

— Я видел одного из них, — сказал Тревис. — На границе.

— Он заразился чумой?

После некоторых колебаний Тревис коротко кивнул. Паук отвернулся и довольно долго молчал.

— Значит, ты пришел вместе с отрядом Фолкена Черной Руки? — наконец спросил он.

— Верно.

Паук грустно улыбнулся.

— Совсем недавно мне бы не пришлось задавать таких вопросов, но, боюсь, нас... распустили. Так что работать стало труднее. — Он протянул руку. — Ты можешь организовать мне встречу с Фолкеном? Мне нужно с ним поговорить.

— К сожалению, он несколько дней назад покинул замок.

Паук поморщился.

— Я и этого не знал. Впрочем, не имеет значения. Знаешь, тебе тоже следует покинуть замок.

— Я как раз ухожу из Спардиса.

Паук рассмеялся.

— Нет, таким путем у тебя не получится.

— Наверное, я заблудился, — вздохнул Тревис.

— Не стану с тобой спорить. Пойдем, я отведу тебя к воротам. Во всяком случае, покажу большую часть пути, меня никто не должен видеть. Считай, что это ответная услуга Фолкену Черной Руке за помощь, которую он нам неоднократно оказывал.

И Паук молча зашагал по переулку. Тревису пришлось приложить немало усилий, чтобы не отставать от него. Он следовал за Пауком, повторяя за ним бесконечные повороты. К тому моменту, когда Тревис окончательно утвердился в мысли, что оба безнадежно заблудились, они сделали очередной поворот — в дюжине шагов впереди виднелись высокие ворота.

Паук коснулся его руки.

— Отдай стражнику с повязкой на глазу золотую монету, и он тебя пропустит. У тебя есть золотая монета?

Тревис кивнул. Бельтан поделился с ним местными деньгами.

— Благодарю, — сказал он.

Паук улыбнулся, показав почерневшие зубы.

— Тут не о чем говорить.

Тревису не хотелось с ним расставаться. Он так и не узнал имя Паука, но ему понравился этот ловкий, уверенный в себе человек.

— Надеюсь, ты найдешь способ помочь своей королеве.

Паук помрачнел и кивнул. Тревис повернулся и решительно двинулся вперед.

Послышался высокий, чистый зов труб.

На плечо Тревиса легла сильная рука и оттащила его назад. Он обернулся и увидел непроницаемое лицо Паука.

— Что происходит?

Паук покачал головой:

— Ты опоздал, друг.

— Что случилось?

— Регент вернулся.

Паук показал в сторону ворот замка. На глазах у Тревиса ворота медленно отворились внутрь, и в замок въехал человек на гарцующей белой лошади, за ним следовала дюжина рыцарей на вороных жеребцах. С такого расстояния разглядеть как следует человека на белой лошади Тревис не мог, но он сидел в седле, гордо выпрямив плечи. Золотые волосы и блестящий плащ такого же цвета развевались у него за спиной.

Тревис вновь повернулся к пауку.

— Кто это?

— А это, друг мой, регент Даррек. Сегодня утром я слышал, что после его возвращения в Спардис ворота будут

запечатаны, и никто не сможет ни покинуть город, ни войти в него. Он боится огненной чумы. Думаю, у тебя ничего не выйдет.

Холодный страх пронзил сердце Тревиса.

— Нет!

— Тут ничего не поделаешь, друг. Если попытаешься пройти мимо стражников, тебя тут же упекут в тюрьму.

Тревис собрался возмутиться, но потом передумал. Он понимал, что Паук не лжет, и молча смотрел вслед проезжающему человеку в золотом плаще.

— А вот и он, — ядовито проговорил Паук. — Как раз то, что хотят люди. Сильный правитель для трудных времен.

Тревис содрогнулся.

— Ты говоришь так, словно ненавидишь его.

— Совершенно верно, Тревис Уайлдер. У меня есть на то причины. Он не допускает нас к королеве. Более того, он приказал казнить всех членов моего ордена.

Страх в душе Тревиса пришел на смену удивлению. Паук горько улыбнулся.

— Удачи тебе, друг. И воспользуйся моим советом — не надевай свой плащ в присутствии регента.

Паук поднял руку, и серая ткань плаща взметнулась в воздух. Тревис заморгал, а когда снова открыл глаза, оказалось, что его собеседник исчез.

Тревис прекрасно понимал, что ему не найти шпиона. Он быстро снял плащ, сложил его и сделал несколько шагов в сторону ворот. Потом вздохнул и направился обратно в свою комнату — его тень бежала перед ним.

ГЛАВА 74

Лирит всем телом прижалась к шероховатой стене из песчаника, когда еще одна раскаленная желтая игла пронзила небо.

Возьми себя в руки, сестра. Это всего лишь молнии. Когда ты была девчонкой, тебе случалось бегать под дождем и в гораздо более страшные бури.

Однако они находились не в южной Толории, где теплые дожди омывали склоны пологих зеленых холмов, а в воздухе царили пьянящие ароматы цветов. И вовсе не грохот бури причинял ей невыносимую головную боль, от которой хотелось кричать. Гром доставил бы ей удовольствие. Однако молнии, словно змеи, с шипением проносились по небу, а ветер с шелестом гнал песок по каменистой земле.

Она зажмурилась, и вновь ее разум устремился на поиски, но тщетно. Если здесь и были признаки Духа Природы — следы *жизни,* — она не могла их обнаружить. Не зря это место назвали Пустошью.

Вчера, перед самым закатом, после трех дней скачки по степи они выехали на бесплодную равнину. Вдали мерцали молнии, озаряя горы застывшей лавы, громоздившиеся на земле или рядом с глубокими расселинами. Лирит словно налетела на стену: ощущение смерти.

— Что это за место, Фолкен? — с тоской спросила она.

Однако ответил ей Дарж:

— Пустошь, миледи.

Фолкен окинул взглядом мрачные равнины.

— Именно здесь, еще до того, как в нашем мире появились люди, Гордримы и Зеари — Драконы и Старые Боги — воевали между собой. Драконы рвали мир на части, а Старые Боги вновь придавали ему целостность.

— И кто победил? — спросил Дарж.

Вздох слетел с губ Лирит.

— Похоже, никто.

Фолкен пристально посмотрел на нее, а потом направил своего жеребца вниз по склону, навстречу Пустоши. Лирит и Дарж последовали за ним.

Казалось, прошли долгие часы, а они все скакали по бесплодной земле, много столетий назад забывшей, что такое дождь и жизнь. Для Лирит — привыкшей к постоянному присутствию Духа Природы, который мягко обнимал ее за плечи, точно теплый, золотой плащ — пребывание в Пустоши было подобно заточению в каменном саркофаге.

Наконец очередная вспышка молнии высветила массивные колонны, вырезанные в скале, за которыми царил мрак. Лирит и Дарж сразу поняли — перед ними Цитадель Огня.

— Почему здесь так темно? — наконец спросил Дарж. — Я не вижу стражников на ступенях лестницы. Разве никто не охраняет Цитадель?

Фолкен покачал головой:

— Дакаррет не нуждается в стражниках. У него... свои способы защиты.

Они поехали по сухой, потрескавшейся земле к крепости.

Лирит вздрогнула, когда новая вспышка молнии прочертила небо. Перед колдуньей возникла фигура — они с Даржем остались в неглубокой лощине, где Фолкен приказал им дожидаться его возвращения. Лирит посмотрела в грустные карие глаза рыцаря.

— Ты его не видишь?

Дарж покачал головой, и с его волос посыпался песок. Усы рыцаря побелели от пыли.

Лирит заставила себя успокоиться, и паника покинула ее, как уходящая в землю вода.

— Его нет всего час, верно?

В Пустоши время словно остановилось. После вчерашнего заката они больше не видели солнца. И так и не дождались рассвета. Ночь и день слились здесь в единое целое.

— Нет, миледи, — ответил Дарж, присаживаясь на корточки за скалой, чтобы спрятаться от жестоких порывов ветра. — По моим подсчетам, прошло не менее четырех часов.

Лирит с трудом заставила себя расслабиться.

— Тогда, — сказала она почти спокойно, — он скоро вернется.

— Как пожелаете, миледи.

И хотя Дарж говорил мягко, его слова ударили Лирит, точно порыв холодного ветра. Она отвернулась. Фолкен в одиночку пошел в крепость некроманта, и они не осмелились с ним спорить.

— Вы здесь только по одной причине, — заявил Фолкен. — Чтобы было кому вернуться в Спардис и рассказать, что я потерпел неудачу. Если Мелия очнется, может быть, она сможет справиться с Дакарретом. Если через сутки я не появлюсь, уходите. И ни в коем случае не пытайтесь войти в крепость. *Вы меня поняли?*

Лирит ни разу не видела барда таким — его лицо затвердело, точно окружающие их скалы. Колдунью было совсем непросто испугать, но в тот момент ей стало страшно. Они с Даржем кивнули. Затем, не сказав больше ни слова, бард решительно зашагал вперед, поднялся по тринадцати каменным ступеням и исчез во мраке между двумя гигантскими колоннами.

Дарж уселся на пыльную землю.

— Чуть позже я послежу за входом в крепость, миледи. Но сейчас мне нужно... немного отдохнуть.

Лирит посмотрела на рыцаря. Лицо Даржа покрылось пылью, плечи поникли под тяжестью доспехов. Сколько он не спал?

А сколько не спала ты, сестра?

Впрочем, здесь спать нельзя. Во время путешествия Дарж отдыхал меньше других, он постоянно стоял на страже, готовый выступить навстречу любой опасности.

Лирит спустилась поглубже в лощину, где били копытами и фыркали лошади. Вытащила фляжку из своей сумки и вернулась к Даржу. Они выпили по маленькому глотку — во фляжке осталось меньше половины — и продолжали молча сидеть рядом, надеясь услышать звук приближающихся шагов.

— Как вы думаете, он сказал правду, миледи?

Она подняла голову.

— Дракон, — продолжал Дарж. — Неужели драконы действительно никогда не лгут?

Лирит подумала о древнем существе и его тихих ядовитых словах.

А вот две дочери Сайи, обреченные на то, чтобы предать своих сестер и госпожу.

А что дракон сказал Даржу?

Ты кажешься крепким как камень, сэр рыцарь, но твое нежное сердце страдает от любви, разве не так? Если бы ты был молод и красив — тогда бы ты ее заслужил.

Горькие слова. Может быть, именно из-за них поникли плечи рыцаря? Лирит собралась с мыслями.

— Я думаю, что дракон сказал правду. Ту правду, которая ему по нраву и которой он придал соответствующую форму. Но существуют разные правды, Дарж. В конце концов Сфитризир заявил, что Тревис и Грейс погибнут, если отправятся в Цитадель Огня. Однако их здесь нет, не так ли?

Дарж вздохнул, и в его глазах появилось отсутствующее выражение. Лирит хотелось как-то облегчить страдания доброго рыцаря. Если бы она могла прикоснуться к Дару Природы, то передала бы частичку его тепла Даржу.

Но ведь здесь *есть* жизнь! Она сама, например — и она может поделиться с ним частичкой Дара Природы, который наполняет ее существо. К сожалению, она не в силах дать ему много — она и сама ослабела, — но достаточно, чтобы помочь рыцарю преодолеть бурю, бушующую у него в душе.

Лирит молча протянула руку и положила ладонь поверх пальцев Даржа. Закрыв глаза, она увидела себя и рыцаря — их образы сияли в черной пустоте. Она мысленно выделила тонкую нить от клубка собственной жизни и протянула ее к рыцарю.

Когда нити соединились, в ее сознании возникла ослепительная вспышка, настолько яркая, что Лирит напряглась и попыталась отстраниться — она не хотела, чтобы Дар связал их настолько стремительно. Но сила жизни начала пульсировать в ней с неожиданной мощью. Ей следовало предвидеть такой поворот событий — ведь рядом не было других нитей Духа Природы, вот почему связь между ними возникла так быстро и оказалась такой глубокой. Но она устала...

Она ощутила удивление Даржа, когда их окутало сияние жизни. Лирит попыталась ослабить поток, но не успевала. Образы и мысли стремительно входили в ее сознание через нить Духа Природы: на нее накатили чужие воспоминания.

Она увидела девятнадцатилетнего юношу Даржа, купающегося в серебристом озере, знакомый ястребиный нос,

длинные влажные волосы. На груди и руках вздуваются мускулы — юный рыцарь, готовый к сражениям.

Воспоминания растворились, и им на смену пришли новые. Дарж в самой гуще сражения, его длинный меч наносит разящие удары, лицо сияет упоением боя.

И вновь картина изменилась. Дарж стал немного старше — ему около двадцати пяти лет. Он сжимает в объятиях хорошенькую девушку с большими карими глазами. Потом подхватывает ее на руки, они кружатся, весело хохочут. Она казалась такой маленькой и хрупкой рядом с ним. Вот у нее на руках ребенок. Дарж наклоняется, чтобы его поцеловать.

Над видением возник туман, а когда он рассеялся, Дарж остался один. Склонив голову, он стоит на коленях возле двух свежих могил — маленькой и большой.

Образы стали сменять друг друга все быстрее, Лирит видела бесконечные сражения, но на лице рыцаря, которое стало старше и жестче, больше не расцветала улыбка. Мир вокруг него окутала серо-красная пелена. А потом, когда Лирит наконец удалось отвернуться, она краем глаза успела заметить цветную картинку: хорошенькая молодая девушка. Только глаза у нее были не карими, а васильковыми.

Лирит раскрыла глаза и отпрянула от Даржа. Рыцарь провел рукой по лбу, его искаженный ужасом взгляд не отрывался от ее лица.

— Что... что вы со мной сделали, миледи?

Она покачала головой.

Мне очень жаль, — хотелось сказать Лирит. — *Извини, Дарж, я не хотела.* Но она открыла рот и произнесла совсем другие слова:

— Дракон говорил об Эйрин? Ты любишь ее, Дарж, ведь так?

Страх исчез с лица Даржа, которое казалось высеченным из камня. Он резко схватил Лирит за плечи.

— Вы ничего не должны ей говорить, миледи. — Его слова жалили, как песок, брошенный сильным порывом ветра. — Поклянитесь мне! Немедленно и всем святым, что у вас есть. — Он сжал ее плечи еще сильнее. — Вы никогда ничего ей не скажете!

Воля Лирит была парализована. Она лишь смотрела в застывшее лицо Даржа и молчала.

— Ну, я жду!

Стон боли сорвался с губ Лирит.

— Клянусь Сайей!

Дарж отпустил Лирит и покраснел, затем отвернулся и закрыл лицо руками.

— Простите меня, миледи. Пожалуйста, простите меня. Я не хотел причинить вам боль.

Я тоже, — хотела ответить Лирит, но не смогла сдержаться и разрыдалась. Ворвалась во внутренний мир рыцаря и похитила его тайну. Дрожащей рукой она потянулась к его сгорбленной спине.

И замерла, услышав шум шагов. Они подняли головы и увидели перед собой темную фигуру.

— Фолкен! — Дарж вскочил на ноги.

Бард пошатнулся, и рыцарь помог ему сесть на землю. Лирит опустилась на колени рядом с Фолкеном и поднесла к его губам фляжку с водой. Бард сделал несколько глотков, закашлялся, отмахнулся от фляжки, но потом вновь поднес ее к губам и напился вволю.

— Спасибо, Лирит. Я... со мной все будет хорошо.

Она с сомнением посмотрела в его бледное от усталости лицо. В глазах темнели тени.

— Что произошло, Фолкен? — спросил Дарж. — Ты нашел Дакаррета?

Фолкен покачал головой:

— Его там нет.

Лирит лишь молча смотрела на барда.

— Я не понимаю, — признался Дарж.

Фолкен сжал ладони, но руки продолжали дрожать.

— Дакаррета нет в крепости. Я искал повсюду, но никого не нашел. Такое впечатление, что он покинул цитадель несколько месяцев назад. И взял Крондизар с собой.

— Но если Дакаррета здесь нет, тогда где же он?

Фолкен усталыми голубыми глазами посмотрел назад — туда, откуда они пришли. Дарж повернулся к Лирит. Она собралась ответить, но ее слова заглушил вой поднявшегося ветра.

ГЛАВА 75

— Я очень рад, что сегодня вы все можете разделить со мной трапезу.

Грейс посмотрела на высокого, широкоплечего мужчину, стоявшего во главе длинного стола большого зала Спардиса.

А если бы мы не смогли, нас всех казнили бы, милорд?

Она вцепилась в свой бокал с вином. Так нечестно. Даже если Паук вчера сказал Тревису правду — и лорд Даррек, регент принца Персета, приказал убить всех личных шпионов Персарда, — это лишь одна сторона проблемы. А Грейс уже успела понять, что в политике их по меньшей мере две. А то и три или четыре.

Регент поднял свой бокал.

— Мы счастливы, что столь высокие гости почтили своим присутствием наш замок. Именем принца, приветствую вас всех.

Грейс подняла бокал, продолжая внимательно рассматривать регента. Во всяком случае, на словах он поддерживает принца Персета. Но как долго это будет продолжаться? Как долго регент будет отдавать приказы именем принца, прежде чем ему захочется полностью захватить власть в свои руки?

Даррек выпил, но Грейс по-прежнему не сводила с него глаз. Под загорелой кожей угадывались сильные мышцы. Ей еще никогда не доводилось видеть таких красивых мужчин. Удивительно пропорциональное тело, длинные пальцы идеальной формы, точеные черты тщательно выбритого лица, практически идеально симметричные. Глаза и развевающиеся волосы темно-желтого цвета львиной гривы. Лишь губы выглядели немного странно — мягкие, пухлые и чувственные. Но именно эта странность делала регента еще привлекательнее.

Взгляд Грейс переместился к Эйрин и Бельтану. Они также смотрели на регента. Похоже, лордом Дарреком заинтересовалась не только Грейс. И как ему удалось прийти к власти во время смуты, которая началась после смерти Персарда? Впрочем, возможно, она уже получила ответ на свой вопрос. Кто — мужчина или женщина — в силах противостоять могуществу физической красоты регента?

Нет, тут нечто большее, Грейс. Как правило, просто красавчики оказываются совершенно бесполезными в жизни. Нужно быть хитрым, сильным и быстрым, чтобы опередить двадцать других претендентов. И безжалостным.

Получалось, что ей уже многое известно о лорде Дарреке. Вот только насколько искренне он желает править именем принца Персета с благословения королевы Инары, пока мальчик не сможет занять трон?

Регент сидел и улыбался, демонстрируя безупречные зубы.

— Я с нетерпением жду рассказа о ваших приключениях. И еще мне хотелось бы узнать, что привело вас в Спардис.

Грейс снова посмотрела на Бельтана и Эйрин, рассчитывая, что никто не заметил охватившей ее паники. Бельтан поймал ее взгляд и сделал едва заметное движение рукой в обе стороны от себя. Грейс заставила себя дышать ровно. Рыцарь прав. На ужин с регентом пригласили и других гостей. Рядом сидели графы, графини и даже несколько богатых купцов — в том числе и один из тех, кто приехал из Свободных Городов, расположенных к югу от Толории.

Все гости регента — кроме Бельтана, Эйрин и Грейс — разговаривали, смеялись и пили. Возможно, никто из них

не видел, какой след оставляла за собой огненная чума на дорогах, ведущих к замку Спардис. Или они привыкли к трупам крестьян и равнодушно проезжали мимо, не обращая на них внимания. В Спардисе Грейс не заметила следов чумы. К тому же, Даррек запечатал ворота замка.

Грейс замерла — ей в голову пришла неожиданная мысль. Когда Фолкен, Дарж и Лирит вернутся, как они войдут в замок?

Если они вообще вернутся, Грейс.

Она подняла свой бокал и осушила его, рассчитывая, что вино восстановит румянец на ее щеках. Эйрин с беспокойством посмотрела на нее. Грейс покачала головой. Они поговорят позднее, когда останутся наедине. Тогда она расскажет друзьям о своих опасениях.

— Я вижу пустой бокал. — Регент щелкнул пальцами проходящей мимо служанке. — Еще вина для прекрасной леди с изумрудными глазами. — Он улыбнулся Грейс, и ее сердце сжалось. — У вас удивительные глаза, миледи. Я никогда не видел ничего подобного. Они не просто зеленые, но и золотые, не так ли?

Грейс сжала полный бокал, изо всех сил стараясь не расплескать вино. Нужно что-то ответить...

— А королева присоединится к нашему ужину? — спросила она и тут же поморщилась. Ну о чем она думает?

Лицо Даррека приобрело скорбное выражение — однако он ответил ей совершенно спокойно.

— Сегодня королева ужинает в своих покоях, миледи. Она в трауре.

Со всех сторон послышались сочувственные восклицания.

Грейс облизнула губы. Она вошла в воду и не ошпарилась — пока. Что ж, пора сделать следующий шаг.

— А лорд Сайферд?

Улыбка вновь появилась на лице Даррека.

— Посмотрите — подают запеченного лебедя.

Грейс вздохнула, довольная тем, что гости перестали обращать на нее внимание. Однако лорд Даррек не ответил на ее вопрос. Что произошло с лордом Сайфердом? После возвращения регента она ни разу не видела гофмейстера.

Тошнота подступила к горлу Грейс, когда она ощутила запах гари. Слуги поставили на стол несколько блюд, на каждом из которых лежал лебедь, запеченный в перьях. Она постаралась не думать о запахе сгоревших деревень, которые уничтожили кронджримы.

— Хотите отведать лебедя? — спросил стоявший у нее за спиной слуга.

Она сжала зубы и попыталась сдержать тошноту, когда увидела несколько кусочков недожаренного мяса. Слуги продолжали приносить новые блюда с пудингами, свежим хлебом, огром-

ные куски жареного мяса, а также засахаренные фрукты со сливками. Грейс сумела с трудом прожевать маленький кусочек хлеба — к счастью, никто не заметил, что у нее совсем нет аппетита.

Ужин был в разгаре, когда двое слуг принесли еще один поднос, накрытый куском белой ткани. Поднос был таким тяжелым, что они сгибались под ним.

Глаза Даррека засверкали.

— Я этого ждал.

Слуги держали поднос в руках, а Даррек встал и быстрым движением сорвал ткань. Оказалось, что на подносе вовсе не очередное блюдо, а мужская голова.

Прошло несколько ужасных мгновений, прежде чем Грейс сообразила, что голова не принадлежит ни одному из врагов регента — судя по реакции других гостей, не только ее посетила эта мысль. Голова была высечена из белого мрамора. Она взглянула на Даррека, а потом вновь посмотрела на мраморный бюст. Если не считать белизны мрамора, они ничем не отличались.

Регент развел руками.

— Ну, что скажете, дорогие гости?

Все одобрительно закивали.

— Очень красиво, — сказала Грейс, хотя не собиралась ничего говорить, к тому же, ее слова не являлись в полной мере комплиментом.

У нее появилось ощущение, что она уже видела этот бюст — вот только где?

Даррек поклонился ей:

— Благодарю вас, миледи.

Щеки регента раскраснелись, что показалось Грейс странным. Потом его взгляд вернулся к бюсту, и она поняла.

Это тщеславие, Грейс. Подобные проблемы часто возникают у красивых людей — они нуждаются в том, чтобы им постоянно говорили об их удивительной красоте, в противном случае они начинают сомневаться во всем.

— Ваше высочество, мне кажется, не все люди из вашего отряда присутствуют на ужине? — спросил Даррек, усаживаясь на место, — свой вопрос он обратил к Эйрин.

— Одна из наших спутниц очень устала после долгого путешествия, лорд регент, — ответила Эйрин. — Она отдыхает в наших комнатах, с ней остался рыцарь. — Да, аристократическое происхождение сказывалось — Грейс сомневалась, что она когда-нибудь сможет говорить так уверенно и любезно.

Несколькими часами раньше, когда они получили неожиданное приглашение на ужин, Бельтан заявил, что он

останется с Мелией. Однако Тревис вызвался его заменить и посидеть с Мелией и Тирой.

— Насколько мне известно, среди нас есть только один человек, не имеющий дворянского титула, — заявил Тревис. — Это я.

В результате Тревис вышел победителем в споре, и Бельтан составил компанию Эйрин и Грейс.

Даррек вновь обратился к Эйрин.

— Я не имел чести быть представленным рыцарю, сидящему рядом с вами, миледи. Он ваш муж?

— Нет, милорд. Он мой кузен, лорд Бельтан Кейлаванский.

— Понятно. — Даррек перевел взгляд на Бельтана. — Мне кажется, вы воин, сэр? И поклоняетесь Ватрису?

Грейс заметила, как напряглось лицо Бельтана.

— Вы правы в обоих случаях, милорд.

Даррек вертел в руках бокал с вином.

— Знаете, мне бы очень пригодился такой отважный воин, как вы, лорд Бельтан.

Он оглядел рыцаря с ног до головы, и на щеках Бельтана запылал румянец.

Грейс с трудом сдержала смех, ей даже пришлось ухватиться за край стола.

Оказывается, Даррек знает толк в мужчинах.

— Ну, так что же привело вас в Перридон?

Грейс поразилась, увидев, что Даррек вновь повернулся к ней. Она мучительно искала нужные слова. Здравый смысл подсказывал, что лучше не упоминать о том, что она приехала сюда в качестве шпиона.

— Король Бореас слышал о несчастьях, которые обрушились на Перридон, милорд, — сказала она, с удивлением и радостью обнаружив, что слова сами слетают с ее губ. — Он послал меня, чтобы узнать, не нужна ли Спардису помощь.

Регент кивнул:

— Очень благородно со стороны вашего короля, миледи. Но я только что вернулся из поездки по доминиону, и все теперь под контролем. Вы можете передать королю Бореасу мою благодарность, но помощь нам не нужна. — Он провел пальцами по своему камзолу. — А теперь скажите мне, миледи, приходилось ли вам видеть такую замечательную золотую ткань?

Грейс понимала, что нужно что-то сказать, но в этот момент к ней бросилась фигурка в красном. Грейс едва успела раскрыть объятия, и худенькая девочка прижалась к ней.

— Тира! Что ты здесь делаешь?

Девочка смотрела на нее своими безмятежными глазами.

— Что это... за существо? — Регент, смертельно побледнев, поднялся на ноги. Остальные гости, разинув рты, смотрели на девочку. — Немедленно уведите ее отсюда!

Слуги бросились выполнять его приказ. Грейс встала, защищая девочку своим телом. Конечно, детей не допускают за пиршественный стол. Да и лицо Тиры могло напугать любого.

— Прошу нас простить, милорд, — сказала Грейс. — Ума не приложу, как она сюда попала. Если пожелаете, мы немедленно покинем вас.

Она посмотрела на Эйрин и Бельтана, которые тоже поднялись на ноги.

Однако регент успокоился и сел на место.

— Нет, это вы должны меня простить, миледи. Просто я не ожидал появления здесь такого ребенка. Во время моего путешествия мне приходилось встречать похожих детей. Пожалуйста, если желаете, вы можете уйти.

— Благодарю вас, милорд.

Продолжая держать Тиру за руку, Грейс поспешно вышла из зала, Бельтан и Эйрин последовали за ней.

— Что все это значит? — спросил Бельтан, когда у них за спиной закрылись двери.

Эйрин прижимала левую руку к груди.

— Не знаю, но я рада, что мы оттуда ушли. У Даррека фальшивое лицо. На него приятно смотреть, но чем дольше ты не сводишь с него глаз, тем очевиднее становится, что за прекрасным фасадом ничего нет.

Услышав слова Эйрин, Грейс поняла, что совершенно с ней согласна. Она вновь прижала к себе Тиру.

— Давайте вернемся в наши комнаты.

Они подходили к своим покоям, когда им навстречу выскочил Тревис.

Он остановился, придерживая очки.

— Тира! Вот ты где! — воскликнул он.

— Тревис, как ей удалось от тебя сбежать?

— Я не знаю. Она все время была рядом, а потом... — Он покачал головой. — Идите за мной. Скорее.

Бельтан шагнул вперед.

— Что произошло?

— Мелия... очнулась, — ответил Тревис.

Через несколько мгновений они уже входили в свои покои.

— Но как? — нетерпеливо спросила Грейс.

— Точно не знаю, — пожал плечами Тревис. — Однако я нашел немного листьев аласая в одной из седельных су-

мок и подумал, что их запах напомнит Мелии о доме. Поэтому я растер их в чашке с водой и поставил рядом с кроватью.

Грейс кивнула — в действиях Тревиса имелась логика. Обоняние сильнее других чувств способствует возникновению ассоциаций. Иногда запах, связанный с какими-то старыми и важными воспоминаниями, может привести в сознание человека, долго находившегося в коме.

— Леди Мелия! — воззвал Бельтан, врываясь в спальню.

— Я прекрасно тебя слышу, Бельтан, — послышался энергичный голос Мелии. — Тебе вовсе не обязательно реветь, словно взбесившийся бык.

Все столпились возле постели Мелии. Маленькая женщина сидела, опираясь спиной о подушки, и, хотя ее кожа заметно побледнела, глаза оставались ясными и блестящими.

Рыцарь опустился перед ней на колени и взял за руку.

— Леди Мелия, с вами все в порядке?

Ее взгляд смягчился.

— Да, Бельтан. Сейчас да. Я завершила собственное исцеление, но никак не могла проснуться. Запах зеленого скипетра помог. — Она взглянула на Тревиса. — Благодарю, дорогой.

Он только кивнул.

Тира высвободилась из рук Грейс, взобралась на постель Мелии и прижалась головой к ее груди.

— Тира, — сказала Грейс, — тебе не следует тревожить Мелию.

— Нет, все в порядке, — возразила Мелия, поглаживая рыжие волосы девочки. — Нам нужно многое с вами обсудить. Скажите, как долго я болела?

— Немногим больше недели, — ответила Эйрин.

Мелия замерла.

— Недели? — Она вздохнула. — Но вы все еще здесь — значит надежда остается.

Бельтан нахмурился.

— О чем вы говорите, леди Мелия? Что вызвало вашу болезнь?

— Вы помните мужской бюст в комнате, соседней с главным залом?

Грейс хлопнула себя ладонью по лбу.

— Конечно — вот где я его видела раньше. Он так похож на нового регента. Мы только что ужинали с ним.

Мелия села на постели.

— Вы с ним ужинали? — Ее глаза сузились. — Да, он всегда был силен в искусстве лицемерия.

Бельтан мрачно посмотрел на Мелию.

— Я не понимаю. О чем вы говорите?

Черный, пушистый комок запрыгнул на постель, и Мелия погладила мягкий мех котенка.

— Мою болезнь вызвал бюст регента. Я имела глупость его коснуться, но как я могла знать, что у него внутри находится частица Крондизара? Волшебство Имсари всегда оказывало на меня дурное влияние. Если бы я только могла сказать вам об этом тогда.

Грейс показалось, что она тонет.

— О чем вы говорите, Мелия?

— Регент — это Дакаррет. — Глаза Мелии сверкнули. — Вы только что отужинали с некромантом, дорогая.

ГЛАВА 76

— Паук! — Тревис вглядывался в тени и туман, заполняющие узкий переулок. — Паук, где ты?

Тревис дрожал под своим туманным плащом. Теперь он не сомневался, что помочь им может только Паук. И они действительно нуждались в помощи. Но как найти человека, который в совершенстве овладел искусством маскировки?

Тревис продолжал изучать сумрачный туман. Кажется, он встретил Паука именно здесь? Однако чем больше размышлял, тем сильнее сомневался. Туман был таким густым, что каменные стены домов на противоположной стороне переулка приобретали диковинные, необычные очертания.

Тревис вздохнул. Пришло время возвращаться — если он найдет обратную дорогу. Если верить Мелии, у них осталось несколько часов, прежде чем Дакаррет почувствует присутствие ее бодрствующего разума в замке, и тогда им придет конец. Завернувшись в туманный плащ, Тревис повернулся в том направлении, откуда пришел...

...и уткнулся носом в каменную стену.

— Должно быть, тебе больно, — послышался свистящий шепот у него за спиной.

Тревис резко развернулся. Из тумана выступил стройный человек в сером плаще.

— Паук!

Серебряные глаза блестели в слабом лунном свете, просачивающемся сквозь туман.

— Что случилось, Тревис Уайлдер? Ты покинул комнату, которую тебе отвели? Зачем ты рискуешь? «Паук» сейчас не самое популярное слово в Спардисе.

— Я рад, что нашел тебя, — сказал Тревис, делая шаг ему навстречу.

Послышался негромкий смех.

— Ты ошибаешься, Тревис Уайлдер. Это я тебя нашел. Судя по всему, очень вовремя. Похоже, тебе нравится ходить сквозь каменные стены?

Тревис не мог тратить время на разговоры — не важно, кто кого нашел.

— Ты должен пойти со мной.

— Зачем, Тревис Уайлдер?

Теперь пришел черед смеяться Тревису.

— Нам нужна твоя помощь, чтобы спасти мир.

Паук поднял золотую бровь.

Через несколько минут — гораздо быстрее, чем рассчитывал Тревис, они уже входили в покои Мелии. Их друзья с удивлением посмотрели на незнакомца, и Бельтан потянулся к рукояти меча.

Паук усмехнулся, глядя на Тревиса.

— Твои друзья не слишком рады моему появлению.

Сердце отчаянно колотилось в груди Тревиса, но он усмехнулся в ответ.

— Они просто не знают тебя так, как я.

Мелия сидела на краю своей постели, одетая в свое обычное голубое платье, иссиня-черные волосы она собрала в аккуратный пучок на затылке.

— Это твой маленький друг, который может нам помочь, дорогой? — спросила она.

Тревис кивнул.

— Хочу представить вам... — Но он не нашел в себе силы назвать человека *Пауком.*

Стройный мужчина в сером плаще поклонился.

— Меня зовут Олдет, миледи. Я к вашим услугам.

Глаза Мелии сверкнули, когда она позволила Пауку поцеловать ей руку.

— Ты вежлив для шпиона и убийцы.

— Я стремлюсь добиться совершенства во всем, миледи. Такова моя философия.

— Ты прав, Тревис, — заявила Мелия. — Он производит впечатление.

— И что же будем делать? — спросила Грейс.

Она сидела в кресле, а у нее на коленях, с черным котенком на руках, устроилась Тира.

Олдет пригладил заостренную светлую бородку.

— Могу ли я предложить вам для начала выслушать сообщение, которое у меня для вас имеется?

На лицо Мелии легла тень.

— Сообщение? От кого?

— От Фолкена Черной Руки.

Все с напряженным вниманием слушали слова Паука.

— Всего за несколько часов до того, как мы столкнулись с Тревисом Уайлдером, я встретил Фолкена за стенами замка. Он и двое его спутников не смогли войти в Спардис из-за приказа регента.

— Подожди минутку, — перебил Бельтан, бросив на шпиона мрачный взгляд. — Если ворота замка запечатаны, то как ты сумел выйти наружу, чтобы поговорить с Фолкеном?

— А потом вернуться обратно? — добавила Эйрин.

— Для того чтобы покинуть Спардис и войти в него, есть и другие способы.

— Сообщение, Олдет, — вмешалась Мелия. — Пожалуйста.

Олдет повернулся к ней.

— Фолкен и его спутники вернулись из долгого путешествия. Полагаю, они были в Пустоши, хотя я понятия не имею, зачем они туда ездили. — Он склонил голову набок. — Но вам это известно. Так или иначе, Фолкен просил вам передать: *Цитадель Огня пуста. Камень переместился на запад. В Спардисе вам грозит опасность.*

Руки Мелии сжали подол платья.

— Сообщение Фолкена немного опоздало. Боюсь, мы уже знаем то, что он хотел нам сказать. Он здесь, в Спардисе.

Олдет нахмурился.

— О чем вы говорите?

Тревис собрался ответить, но в этот момент часть стены в комнате отошла в сторону, открывая проход, из которого потянуло пылью. Два незнакомца в черном вышли из тени на свет.

Тревис ошалело на них пялился, но Бельтан, не теряя времени на раздумья, прыгнул вперед. В руке рыцаря сверкнул обнаженный меч.

— Если вы сделаете еще шаг, — сказал Бельтан сквозь сжатые зубы, — вам придется познакомиться со сталью моего клинка.

Один из незваных гостей замер на месте, а затем изящные руки отбросили с лица черную кружевную вуаль.

Бельтан опустил меч. Тревис, раскрыв от изумления рот, смотрел на молодую женщину — нет, скорее девушку, — которая стояла перед ними.

Олдет бросился вперед, опустился на одно колено и склонил голову перед молодой женщиной в черном.

— Моя королева! Вы ужасно рискуете!

Она обратила взгляд своих больших карих глаз на Бельтана.

— Да, пожалуй.

Бельтан густо покраснел.

— Прошу меня простить, ваше величество.

— Ничего страшного, добрый рыцарь. Ты действовал с поразительной быстротой. Хотя иногда тайные ходы оказываются очень полезными, у них есть один недостаток — невозможно ими воспользоваться, не напугав тех, кто находится в комнате.

Королева говорила высоким чистым голосом ребенка, но уверенные манеры и царственная осанка не оставляли сомнений в том, что она достойна своего титула. У Тревиса появилось ощущение, что Инаре пришлось быстро повзрослеть, чтобы выжить в Спардисе.

С некоторым опозданием он вслед за остальными склонился перед королевой. Инара жестом показала, что они могут подняться. Из потайного хода вышла фрейлина королевы, с круглым испуганным личиком, которая оказалась лишь немногим старше своей госпожи.

— Моя королева, что вы здесь делаете? — спросил Олдет.

— Я могу задать тебе точно такой же вопрос.

Паук отступил на шаг.

— Я готов объяснить.

Королева улыбнулась обаятельной улыбкой очень сильного человека.

— Так ты и сделаешь, мой Олдет.

Мелия подошла к молодой королеве.

— Мы слышали, вы соблюдаете траур, ваше величество.

— Обо мне многое говорят, леди Мелия. Но редко удается услышать слово правды. Я действительно скорблю о кончине супруга. Но мое уединение ничем не отличается от уединения узника в темнице.

Грейс указала на потайной ход.

— Но это не совсем так, ваше величество.

Инара вновь улыбнулась.

— Королева — даже если ей не дано царствовать от имени своего сына — имеет кое-какие возможности. Не только мне угрожает опасность. Вот почему я пришла к вам.

— Что вы хотите нам сказать, ваше величество? — спросила Мелия.

— Вскоре после ужина к лорду Дарреку прибыл гонец. Я не сумела его разглядеть как следует, но он был одет в рясу — и довольно грязную. Я не слышала, о чем они говорили. Однако их беседа разгневала регента, и он отдал приказ страже: немедленно разыскать женщину с золотыми глазами и черными волосами и привести ее к нему.

Бельтан сжал рукоять меча.

— Сколько времени у нас осталось, ваше величество?

Инара покачала головой.

— Трудно сказать. Замок велик, и они начали с другого крыла. Однако в поисках участвует множество стражников, и они двигаются довольно быстро. У вас есть четверть часа. В лучшем случае, вдвое больше.

Глаза Мелии засверкали.

— А почему вы решили меня предупредить, ваше величество? Что, если регент разыскивает меня из-за того, что я представляю опасность?

— Не сомневаюсь, что вы очень опасны, леди Мелия. Я кое-что о вас слышала. Но мне точно известно, что регент Даррек гораздо опаснее для меня и моего сына. — Инара вздрогнула и стала больше похожа на девочку, чем на королеву. — У этого человека нет души.

Тревис едва не рассмеялся.

— Вы знаете гораздо больше, чем вам кажется, ваше величество.

Инара и Олдет вопросительно посмотрели на него.

— Пришло время кое-что вам рассказать, — заявила Мелия.

Когда через несколько минут Мелия закончила свой рассказ, Олдет и Инара сидели на постели, а фрейлина скорчилась в углу, прижав руки к ушам. Серебристые глаза Олдета были широко раскрыты, но Инара лишь сжала маленькие кулачки.

— Я сразу заметила в Дарреке — или Дакаррете, как вы его называете — нечто странное. Он обладает удивительной властью — иногда достаточно одного его взгляда, чтобы люди бросались исполнять приказ. Никому не известный лорд, неожиданно появившийся в Спардисе, должен был закончить свои дни в канаве с кинжалом в спине. Однако прошло всего несколько недель, и он стал регентом. — Королева посмотрела на Мелию. — Спасибо вам, миледи. Теперь я знаю, что разум мне не изменил.

Тревис видел, что эта женщина, несмотря на свою молодость, должна править Перридоном, пока не будет коронован Персет. А может быть, и потом. Он посмотрел на Грейс, и она кивнула — ей в голову пришла такая же мысль.

— Что будем делать? — спросил Бельтан. — У нас всего несколько минут до появления стражи.

Мелия сложила руки.

— Мы должны найти место, где спрятан Огненный Камень.

— Он чем-то замечателен? — спросила Инара.

Тревис сжал правую руку.

— Можно сказать и так, ваше величество.

Инара подошла к окну и отворила ставни.

— Туман рассеивается. Видите узкую башню, вершину которой украшают два рога? Дакаррет запретил всем туда входить, а сам часто наведывается по ночам.

— Наверное, камень там, — сказала Грейс.

Они быстро составили план — судя по всему, совершенно безнадежный. Эйрин будет сопровождать королеву в ее покои — вдруг Дакаррет захочет взглянуть на Инару. В таком случае Эйрин и Инара постараются его задержать.

Бельтан воспользуется картой, нарисованной Олдетом, чтобы добраться до скрытого портала в южной стене замка, на уровне озера. Он должен будет открыть проход и дожидаться Фолкена, Лирит и Даржа, которые подплывут туда на лодке — Олдет чуть раньше договорился встретиться там с бардом и его спутниками после захода луны. Сейчас перед Олдетом стояла другая задача. Он проведет Мелию к башне Дакаррета. Вместе с ними пойдет Тревис.

— Только тебе под силу коснуться камня, дорогой, — сказала Мелия. — Ты видел, как на меня подействовала его частица.

Бельтан шагнул к двери, но в последний момент спросил:

— А что будет делать Грейс?

— Я пойду с Мелией и Тревисом.

Мелия приподняла бровь.

— А как же Тира, дорогая?

Грейс сжала хрупкие плечи девочки.

— Она не может оставаться здесь одна, — заметил Тревис.

Мелия кивнула, а Грейс лишь вздохнула.

— Не будем терять времени, — сказал Бельтан и решительно направился к тайному ходу.

Левой рукой Тревис сжимал рунный посох Орагиена. Он понятия не имел, как им пользоваться — и вообще, будет ли им от него польза, — но не хотел с ним расставаться. Он взглянул на Бельтана, чтобы пожелать ему удачи, но рыцарь уже исчез в сумраке потайного хода. Эйрин и королева последовали за ним, поддерживая рыдающую фрейлину.

Олдет посмотрел на Мелию.

— Вы готовы, миледи?

— Веди нас, Олдет, — сказала она.

Тревису показалось, что он слышит топот сапог по коридорам замка. В следующий момент Олдет открыл потайную дверцу, и они оказались в темноте.

Вспыхнул свет. Олдет зажег свечу жестяного фонаря.

— Сюда, — сказал он.

Мелия, Грейс и Тира последовали за Пауком, последним шел Тревис. Вскоре они остановились. Перед ними возникла толстая деревянная дверь, окованная проржавевшим железом.

Олдет погасил свечу, стало темно.

— Эта дверь ведет в башню регента. — Он нажал на ручку, но она не поддалась. — Дверь закрыта. Мне потребу-

ется несколько минут, чтобы подобрать к ней ключ. — Он вытащил из кармана тонкую проволоку.

Тревис выступил вперед.

— Нет, давай я попробую.

И прежде чем Олдет успел возразить, Тревис положил руку на дверь и прошептал:

— *Урат.*

Послышался негромкий щелчок, и дверь распахнулась в темноту. Олдет с уважением посмотрел на него.

— Оказывается, ты не так-то прост, Тревис Уайлдер.

Мелия потрепала Тревиса по небритой щеке.

— Да, мы это знаем.

— Пойдем, — сказала Грейс и решительно зашагала вперед, не выпуская руки Тиры.

Они начали подниматься по винтовой лестнице.

— Он здесь, Мелия? — через несколько шагов прошептал Тревис.

— Я не ощущаю его присутствия. Но здесь есть нечто... неправильное.

Тут и говорить нечего, едва не пробормотал в ответ Тревис, но в последний момент прикусил язык, и они продолжали молча подниматься вверх.

— Кажется, мы добрались до самого верха, — прошептал Олдет, когда они остановились перед следующей дверью.

Тревис стиснул зубы. С каждым шагом волна ужаса все сильнее сковывала его душу, и теперь он лишь колоссальным усилием воли сдерживал крик.

Нас давно должны были остановить. Если он действительно хранит здесь камень, то где же защита?

— Ждать бессмысленно, — сказала Мелия.

Тревис протянул руку к двери, но когда Олдет толкнул ее, она открылась. Они вошли в круглое помещение.

Олдет не ошибся. Они находились в самой верхней части башни. Сквозь узкие окна был виден весь замок. В железных канделябрах горели факелы, и Олдет погасил фонарь. Тревис неуверенно двинулся вперед. Волна ужаса обрушилась на него, наполнив душу страхом.

— Здесь ничего нет, — пробормотал он.

Остальные недоуменно оглядывали пустое помещение. Они напрасно сюда пришли.

— Нет, — возразила Грейс. — Смотрите.

Только сейчас Тревис заметил на стене большой грязный сверток. Они сделали несколько шагов и оказались на середине комнаты. К горлу Тревиса подкатила тошнота, и он покрепче вцепился в рунный посох. К каменной стене железными

штырями был прибит человек, лицо которого навеки застыло в маске смертельного ужаса.

Грейс обхватила Тиру за плечи, чтобы девочка не видела жуткой картины.

Олдет выругался.

— Лорд Сайферд!

Как только Паук произнес это имя вслух, Тревис понял, что перед ними и в самом деле гофмейстер.

В глазах Мелии появилась скорбь.

— Похоже, такой конец ждет всякого, кто нарушит приказ Дакаррета.

— Вот именно, миледи, — послышался неприятный, словно дым, голос.

Они обернулись и увидели человека в грязной рясе цвета пепла, который вошел в круглое помещение башни. Воздух наполнился запахом разложения. Олдет вытащил из сапога кинжал, но Мелия остановила его и выступила вперед.

— Кто ты такой? Открой лицо.

Послышалось отвратительное хихиканье.

— Как пожелаете, миледи.

Человек поднял раздувшиеся руки и откинул капюшон. Два слова слетели с губ Тревиса, как крик боли:

— Мастер Эрион!

Толкователь рун ухмыльнулся, и его белые зубы сверкнули на почерневшем лице.

— Рад снова видеть тебя, мастер Уайлдер.

ГЛАВА 77

Бельтан все дальше углублялся в пропитанное испарениями подземелье, беззвучно ступая босыми ногами по скользким камням.

Клянусь Ватрисом, тебе следовало бы знать, что ты делаешь, Бельтан Кейлаванский. Следовало бы знать.

Впрочем, он понимал, что решение принято и сомневаться в его правильности поздно. Бельтан прошел мимо бассейнов с горячей водой, куда она поступала по керамическим трубам. Вода капала с вздымающихся над головой арок. Бани Спардиса были построены столетия назад в старотаррасском стиле. Голубые мозаичные дельфины плыли по изукрашенному цветными плитками дну, а зеленые волны накатывали по выложенным изразцами стенам.

Он легко разыскал регента — слишком легко, и это Бельтану совсем не понравилось. Задал всего несколько вопро-

сов, и слуга отвел его к входу в бани. Бельтан боялся, что его остановят стражники. Однако он обнаружил здесь лишь двух обнаженных мальчиков, чьи волосы были умащены пахучими маслами, а запястья, щиколотки и шеи украшали золотые кольца.

Мальчики молча забрали меч Бельтана и ловко раздели его. Взамен ему вручили льняную набедренную повязку. Они все так же молча наблюдали за тем, как Бельтан вытащил кинжал из сложенной куртки и засунул его под набедренную повязку. И равнодушно смотрели ему вслед, когда он направился в бани.

Он чувствовал, как клинок кинжала касается кожи, и сдвинул пониже, чтобы не так бросалось в глаза. На лице выступил пот, и он убрал волосы со лба.

— Где ты, Дакаррет? — Шепот Бельтана смешался с шипением пара. — Где ты?

Глаза Бельтана скользили по стенам бань, где загорелые мужчины на лодках охотились с копьями на тюленей в лазурных водах моря — здесь поработали замечательные мастера мозаики. Успела ли зайти луна? Добрались ли Фолкен, Дарж и Лирит до потайной двери? Наверное, но точно определить время он не мог.

Ранее он нашел дверь, которую описал Олдет. Бельтан открыл ее и увидел, как внизу плещутся туманные воды озера. Некоторое время он вглядывался в сумрак, дожидаясь появления барда и его спутников. Но Бельтан никогда не любил ждать. Взяв кусочек угля от догоревшего факела, на обороте карты, которую нарисовал для него Олдет, он написал короткую записку:

Мелия, Тревис и Грейс в башне с двумя рогами. Ищут Огненный Камень. Присоединяйтесь к ним.

Бельтан.

Он прикрепил записку к двери, а сам отправился за регентом. Мелии и Тревису необходимо время на поиски Огненного Камня, и он намеревался им его предоставить. Возможно, это будет его последним служением — Бельтан понимал, что он не соперник некроманту, — но о лучшей смерти рыцарь-хранитель не может и мечтать.

Кроме того, Мелия не особенно в нем нуждалась. Бельтан всегда это знал — бывшая богиня была далека от него, как луна на небе. Но ради него самого, по своей доброте или из жалости, она приняла его обет. И хотя Бельтан прекрасно понимал, что обманывает себя, он надеялся, что сможет ее защитить.

Конечно, он дал слово защищать не только Мелию.

Тревис нуждается в твоей защите еще меньше Мелии, Бельтан. Ты полнейший идиот, поскольку попросил то, чего

не можешь получить. Тебе следовало удовлетвориться его дружбой, а ты умудрился все испортить.

Он все еще видел ужас в глазах Тревиса, когда они стояли возле пропасти, после того как победили в схватке с Эрионом и кронд-римами, когда Бельтан протянул к нему руки и открыл ему свое сердце.

Отойди от меня!

О чем он думал? Очевидно, Тревис не слышал зова быка, в отличие от Бельтана и многих из тех, кто нашел свой путь во внутренних кругах Ватриса — уже в юном возрасте знавших, что их судьба отлична от судьбы большинства мужчин.

Послышался плеск воды. Бельтан остановился, рука метнулась к кинжалу, спрятанному под набедренной повязкой. Он всматривался в непроницаемую белую стену пара и ничего не видел.

— Здесь кто-нибудь есть? — спросил он, и его голос эхом отразился от стен.

Тишина, плеск воды, а потом послышался золотой голос:

— Подойди поближе.

Несмотря на жару, Бельтан вздрогнул, сделал несколько шагов вперед и оказался между двумя колоннами. Клубящийся туман расступился. Он стоял возле входа в грот, на краю последнего бассейна с самой горячей водой, от поверхности которой поднимался пар, как над чашкой свежего мэддока.

В бассейне стоял человек, погрузившийся в воду по шею, но его лицо было повернуто в сторону. Бельтан видел лишь темно-желтые волосы, булькающая вода скрывала все остальное. Рыцарь хотел поприветствовать регента, но тот его опередил.

— Я знал, что ты ко мне придешь, сэр Бельтан. С того самого момента, когда увидел, как ты смотришь на меня за ужином, хотя ты и пытался отвести глаза. Но от судьбы не уйдешь. Теперь ты понимаешь, что нам суждено быть вместе.

Бельтан хотел ответить, но язык перестал ему повиноваться. Для него слова регента оказались полнейшей неожиданностью. Шагнув на край бассейна, он посмотрел вниз. Ему не нужно было пробовать воду — он сразу понял, что она для него слишком горячая.

Человек в бассейне повернулся и поднялся по ступенькам. Бельтан застыл на месте, не в силах пошевелиться.

За ужином он показался Бельтану красивым, но сейчас рыцарь понял, что за всю свою жизнь не видел существа прекраснее. Золотистая кожа сияла, разогретая кипящей водой, в глазах полыхало расплавленное золото. Капельки воды покрывали пропитанное благовонными маслами тело, гладкая кожа, идеальные пропорции. Он был подобен древнему герою легенд, высеченному из мрамора: широкие плечи, узкая талия, мощный фаллос.

Колени Бельтана задрожали, и он с трудом справился с желанием пасть перед ним ниц. Дакаррет был подобен богу.

Клянусь Ватрисом, он и есть бог, Бельтан. Или был им. И хочет снова стать богом.

Почему бы и нет? Теперь, когда Бельтан увидел обнаженного Дакаррета во всем его великолепии, ему показалось необъяснимым, что все остальные, в том числе и он сам, ему не поклоняются.

Нет, Бельтан, ты пришел сюда совсем с другой целью.

Он стиснул зубы и поднял голову. Нет, он не станет преклонять колени.

Дакаррет сделал последний шаг и вышел из воды. На скамье лежало полотенце, но он его не взял. Вода быстро испарилась с его кожи тоненькими струйками пара.

— Твои спутники хотят меня уничтожить, сэр Бельтан. — И хотя Дакаррет произносил ужасные слова, его голос не потерял своей медоточивости. — Разумеется, ты понимаешь, что им необходимо помешать. Впрочем, тебе нечего беспокоиться, поскольку я послал слугу, чтобы он с ними разобрался.

Значит, сам ты не можешь делать грязную работу? — попытался сказать Бельтан, но вновь не сумел произнести ни слова.

— Я сказал тебе правду, — продолжал Дакаррет, сверкая расплавленным золотом глаз. — Мне необходим воин, который сумел бы встать рядом со мной и разить моих врагов, чтобы моя слава засияла еще ярче. И я выбираю тебя. Конечно, у тебя грубое тело, да и лицо не отличается правильностью черт, хотя ты не лишен привлекательности. Но все это не имеет особого значения. Я умею лепить плоть, как глину, придавая ей любую форму. В тебе горит огонь, который нелегко найти или создать. Именно он мне и требуется. — Регент протянул руку. — Пойдем со мной, сэр Бельтан. Я создам новое тело, которое примет твой неукротимый дух, и ты станешь прекрасным и бессмертным.

Тошнота подступила к горлу Бельтана.

Иными словами, ты можешь меня сжечь.

Ему хотелось бежать отсюда, но он дал себе клятву и не сдвинулся с места. Любое мгновение, которое ему удастся отвоевать, стоит цены, которую ему придется заплатить. Наконец он сумел разлепить губы:

— Покажи мне.

Улыбка Дакаррета стала шире, и на лице появилось таинственное выражение. Он подошел еще на шаг. Возможно, тело некроманта не было живым, но вместе с волнами тепла от него исходил чистый острый запах.

Пальцы Дакаррета легко скользнули по груди и верхней части живота Бельтана, а потом он обнял рыцаря могучими

руками. Сквозь набедренную повязку Бельтан ощутил эрекцию Дакаррета и понял, что у него возникает ответная реакция. Губы Дакаррета коснулись губ Бельтана, горячие и соленые, и стон вырвался из груди рыцаря. Он этого не хотел.

Нет, не так. Он *хотел*. Прошло так много времени — столько холодных, кровавых лет — с тех пор, как он отдавал себя другому. Быть может, он нуждается именно в этом. Не в смерти, а в освобождении. Он с яростной силой ответил на объятие Дакаррета.

Дакаррет отодвинулся от него.

— Да, сэр Бельтан! Прошло слишком много времени с тех пор, как я познал наслаждение плотью смертного, отданной мне добровольно.

Бельтан был сильным мужчиной, но Дакаррет легко заставил его лечь на мраморную скамью: жертвенный телец на алтаре храма.

Дакаррет склонился над ним, прижимая пальцы к груди Бельтана, стараясь приблизиться к сердцу. Его тело пронзила почти невыносимая боль.

— А теперь, сэр Бельтан, — сказал Дакаррет, на безупречном лице которого застыло выражение экстаза, — изменись!

Бельтан крепко вцепился в боль, позволив ей очистить свой разум от жара и апатии. Да, Дакаррет бог с прекрасным ликом. Но в нем живет зло, и Бельтан никогда не станет ему служить. Одним движением он вытащил кинжал из-под набедренной повязки и **вонзил его в плечо Дакаррета.**

Глаза Дакаррета изумленно открылись. С криком боли он отступил на шаг. Бельтан сел, и на его лице появилась улыбка. Значит, и богам можно причинить страдание.

Но он не бог, Бельтан. Пока еще не бог. Вот почему у вас остается шанс.

Улыбка сползла с его лица, когда расплавленные глаза Дакаррета обратились к нему, превращая душу Бельтана в ничто.

— Ты меня предал! — Правой рукой Дакаррет вытащил кинжал из плеча.

Хлынула кровь. Он отбросил кинжал в сторону и провел пальцами по ране. Поток крови замедлился, потом поменял направление — и устремился обратно в рану. Когда Дакаррет опустил руку, его кожа вновь приобрела золотистый оттенок и стала идеально здоровой и сияющей.

Бельтан вцепился в мраморную скамью, понимая, что конец близок. Что ж, он погибнет сражаясь.

Голос Дакаррета превратился в ядовитое шипение:

— Мне следовало заранее знать, что ты обратишься против меня. Ты ведь искусен в предательстве, Бельтан, сын Бельдреаса?

Волна ужаса окатила Бельтана.

— О чем ты говоришь?

Дакаррет подошел поближе. Его лицо оставалось прекрасным, но глаза метали молнии — разгневанный бог.

— Ты продолжаешь разыскивать убийцу отца, не так ли, сэр Бельтан? Ты мечтаешь найти того, кто сразил твоего отца, старого, могучего короля Бельдреаса — того, кто вонзил кинжал ему в спину, как трус, и сбежал. Разве не так? — Дакаррет опустился на колени перед скамьей. — Считай, что твои поиски закончились.

— Ты! — выдохнул он. — Ты убил моего отца!

Некромант рассмеялся. Его пальцы приблизились к груди Бельтана — казалось, он хочет его погладить.

— Нет, мой добрый рыцарь. Не я убил Бельдреаса. Это сделал ты.

Безумие. Бельтан не хотел больше ничего слышать. Он отвернулся, но голос Дакаррета продолжал звучать. Пальцы некроманта коснулись зазубренного шрама на левом боку Бельтана — плохо зажившей раны, оставшейся после схватки с фейдримами у Рунных Врат.

— Когда пробудился Бледный Властелин, — негромко проговорил некромант, — он приказал мне посеять вражду между доминионами, и я с радостью согласился. Задача оказалась совсем несложной. Несколько ночей, когда ты спал, я нашептывал тебе, что ты должен сделать, — больше ничего и не потребовалось. Разум смертного слаб.

Бельтан попытался пошевелиться, но его тело обратилось в камень.

— Нет, — хрипло прошептал он.

— Но ты же и сам знаешь, что я говорю правду, сэр Бельтан. Разве ты не видел во сне, как это происходило? Кто еще мог так близко подобраться к Бельдреасу, не возбудив подозрений стражников, кроме его собственного ублюдка сына?

Пальцы Дакаррета нажали на шрам, и тело Бельтана пронзила страшная боль. Одновременно перед глазами у него возникло видение, преследовавшее его в сотне снов: рука, соскальзывающая с окровавленной рукояти кинжала. Его собственная рука.

— *Нет!*

Смех Дакаррета разил, словно острый нож.

— Да, сэр Бельтан. Взгляни на плоды своего предательства, посмотри, как ты убил собственного отца.

Бельтан закричал. Точно стальные ножи, пальцы некроманта вонзались в его шрам, разрывая рану, и кровь вместе с воспоминаниями брызнула наружу.

ГЛАВА 78

Застыв на месте, Грейс смотрела, как мастер Эрион нетвердой походкой вошел в верхнее помещение башни. Руки толкователя рун почернели, пальцы напоминали когти, куски плоти отваливались от превратившегося в маску лица.

Что случилось с Эрионом? Огненная чума? Нет, его глаза не почернели, они оставались карими, и в них сверкало безумие. Это был огонь — огонь руны, которую Тревис обратил против него. Однако ему следовало умереть. И от него *пахло* смертью. Почему же он еще жив?

— Мой хозяин не ошибся, — заявил Эрион приятным голосом, отчего впечатление от его слов получилось совсем жутким. — Он подозревал, что вы затеваете какую-то глупость, леди Мелия. И вот вы здесь — очень вовремя.

Янтарные глаза леди Мелии засверкали.

— Твой хозяин глупец. Даже когда Дакаррет был богом, он больше походил на жалкого сопливого щенка. Вижу, что за две тысячи лет мало что изменилось.

Грейс вздрогнула. Может быть, она получила ответ на свой вопрос относительно состояния Эриона. Разве его хозяин не некромант — маг смерти? Она сжала плечи Тиры. Как можно убить того, в ком нет жизни?

Эрион шевельнул пальцем, и дверь за ним захлопнулась. Щелкнул замок.

— Вот так, — сказал толкователь рун, не слишком внятно выговаривая слова, — теперь нам никто не помешает.

Тревис обошел Мелию и Олдета и выступил вперед, продолжая сжимать рунный посох. Никогда прежде Грейс не видела, чтобы его лицо принимало такое жесткое выражение, серые глаза внимательно смотрели на Эриона сквозь стекла очков. Он выглядел сильным. Нет, не так.

Он выглядит благородно, Грейс.

— Один раз я тебя уже остановил, Эрион. *Мы* остановили тебя. И мы справимся с тобой снова.

— В самом деле, повелитель рун? Ты уверен? — Эрион, пошатываясь, подошел поближе. — Огонь сделал меня сильнее. Видишь ли, такова его природа, он поглощает мягкое и хрупкое, изменяя и очищая все остальное. Не думаю, что тебе удастся расправиться со мной с такой же легкостью, как в прошлый раз.

Краем глаза Грейс заметила движение и тут же отвернулась, чтобы не выдать Паука. Пока Эрион говорил, пристально глядя на Тревиса, Олдет отступил назад и по дуге обошел толкователя рун, бесшумно ступая по гладкому полу. Из складок се-

рого плаща он вытащил тонкий стилет. Его следующее движение оказалось настолько быстрым, что Грейс увидела лишь его окончание — стилет вонзился в основание шеи Эриона. Послышался влажный звук клинка, входящего в плоть.

Глаза Эриона широко раскрылись, и он застыл на месте. Неужели даже у *этого* существа позвоночник соединен с мозгом?

Нет. Из раскрытого рта Эриона вырвался пронзительный, нечеловеческий крик. Его иссохшие руки двигались с невероятной быстротой — он вытащил стилет, из раны хлынула черная кровь, и вонзил его в грудь Олдета. Паук удивленно посмотрел на свою грудь, сделал несколько шагов назад и начал сползать на пол вдоль стены.

Через несколько мгновений он уже неподвижно лежал на полу.

Грейс отодвинула Тиру в сторону и шагнула к Олдету — она должна помочь Пауку, если он еще жив, — но ее остановил взгляд Эриона.

— Только не нужно больше никаких фокусов, мои дорогие, — прошипел он. — Если вы сейчас покоритесь мне, кто знает, я, возможно, и проявлю милосердие.

Мелия подняла руки.

— Мы никогда не покоримся таким, как ты, мертвец.

Вокруг нее возник голубой ореол, окружая со всех сторон стройное тело.

— О, вы ошибаетесь, миледи.

Из кармана немыслимо грязной рясы Эрион вытащил какой-то предмет, и между его сжатыми пальцами заструился малиновый свет. Мелия ахнула, и голубой ореол начал мерцать. Грейс и Тревис повернулись к ней, и она отступила назад.

Распухшие губы Эриона растянулись в глумливой ухмылке.

— Что случилось, миледи? Вам не понравилось?

Свечение потускнело и исчезло. Мелия поднесла руку к горлу.

— Что... что это такое?

— Вас интересует эта вещица?

Эрион разжал пальцы — на ладони у него лежал прозрачный кристалл, в центре которого сияла жаркая искра света, настолько яркая, что Грейс пришлось отвести глаза. Мелия тихонько вскрикнула и сделала еще один шаг назад.

— Вам не по себе, миледи? — Эрион расхохотался. — Впрочем, Великие Камни всегда оказывали на вас отрицательное воздействие, не так ли? Какие вы все слабые.

— Это... Крондизар? — спросила Грейс, преодолев страх.

И вновь послышался хриплый смех Эриона.

— Нет, моя милая. Вы видите лишь малую частицу Великого Камня, которую отсек мой хозяин, а потом заточил

в кристальную сферу. Я получил ее в дар — чтобы утешаться в тяжелые времена.

Он высоко поднял кристалл над головой. Мелия пошатнулась и упала на колени, сжав руками голову. Грейс замерла на месте.

Сделай что-нибудь, Грейс. Прикоснись к Духу Природы и сделай что-нибудь.

Но как? Тень, которая пряталась среди плетения Духа Природы, пугала ее сильнее, чем Эрион. Она прижала к себе Тиру и застыла на месте. Эрион направился к Мелии, выставив перед собой кристалл. Леди застонала.

Тревис встал между Эрионом и Мелией.

— Оставь ее в покое!

— Уйди с дороги!

Толкователь рун оскалился. Он выбросил вперед руку с кристаллом, но Тревис не шелохнулся.

— Отойди, повелитель рун, или я сожгу тебя вместе с твоими рунами! — заверещал Эрион, протягивая вперед другую обугленную руку.

Тревис склонил голову над посохом, и паника наполнила сердце Грейс. Неужели он позволит Эриону убить себя? Потом странная улыбка коснулась его губ, и Тревис кивнул, словно согласился со своим собеседником.

— Нет, мастер Эрион, — сказал он, поднимая голову. — Пришло время закончить то, что ты начал.

Прежде чем толкователь рун успел как-то отреагировать, Тревис поднял рунный посох и его концом коснулся кристалла, лежавшего на ладони Эриона. Посох вспыхнул синим пламенем, Тревис отбросил его в сторону, и рунный посох разлетелся на мелкие кусочки.

Эрион так и остался стоять на месте — он ничуть не пострадал.

— Бедный повелитель рун, — со смехом сказал он. — Твоему жалкому посоху не под...

Он замолчал. С хрустальным звоном кристалл распался на две половинки. Освобожденная от плена искорка заплясала на его ладони.

— Как красиво! — прошептал Эрион.

И вдруг пронзительно закричал — искорка превратилась в маленькое солнце. Толкователь рун напрягся, а в следующее мгновение его тело превратилось в столб огня. Грейс отвернулась, защищая Тиру своим телом. Жар обжег ей спину...

...и исчез.

Стихло эхо вопля Эриона. Грейс медленно повернулась. Тревис помогал подняться на ноги Мелии, которая страшно побледнела и прижимала ладонь ко лбу, но ей стало замет-

но лучше. От Эриона и кристалла остался лишь обожженный след на каменном полу. Грейс покачала головой.

— Что случилось с частицей Кондизара?

— Она исчезла, — ответила Мелия. — Вместе с Эрионом.

И тут Грейс увидела Олдета, который неподвижно лежал у стены. Она оставила Тиру, опустилась рядом с ним на колени и нащупала пульс — он был слабым, но ровным. Четкими уверенными движениями осмотрела рану, оказавшуюся неглубокой. Большую часть удара приняла на себя грудина, и, хотя Паук потерял некоторое количество крови, кровотечение почти прекратилось.

Снаружи начали громко стучать в дверь.

— Отойдите в сторону, — сказал Тревис. — Я закрою ее как следует.

Грейс на несколько мгновений закрыла глаза — и увидела три сияющих очертания в плетении Духа Природы.

— Нет, — возразила она, поднимаясь на ноги. — Открой дверь.

Тревис посмотрел на нее, кивнул и подошел к двери.

— *Урат,* — проговорил он, и дверь открылась внутрь.

Увидев Фолкена и его спутников, Грейс вздохнула с облегчением.

Мелия бросилась вперед:

— Фолкен!

Бард побежал к ней навстречу. Грейс охнула, когда Лирит заключила ее в объятия. И еще ей показалось, что по сумрачному лицу Даржа промелькнула улыбка, когда он пожимал руку Тревису. Потом они собрались в круг, в центре которого оказалась Тира.

— Где Бельтан? — спросил Тревис.

Фолкен покачал головой.

— Я не знаю. Он оставил нам записку, благодаря которой мы вас нашли. Я рассчитывал встретить его здесь.

Грейс нахмурилась. Плохая новость — очень плохая. Но прежде нужно рассказать, что с ними произошло после того, как Фолкен, Дарж и Лирит отправились в Пустошь.

Гнев и печаль появились в глазах Фолкена, и он еще крепче прижал к себе Мелию.

— Я едва не потерял тебя.

Она склонила голову к нему на грудь.

— Никогда, мой дорогой. Я вернулась только из-за тебя.

Лирит провела несколько минут с Олдетом и вернулась к остальным. Паук мирно спал, укрытый своим плащом.

— Мне кажется, он поправится, — сказала колдунья.

Грейс посмотрела в таинственные карие глаза Лирит. *Спасибо тебе.* Она не знала, произнесла ли эти слова вслух, но колдунья кивнула.

— Что будем делать дальше? — спросил Дарж своим рокочущим голосом. — Мы все еще не нашли Камень.

— Его здесь нет, — сказала Грейс.

— Мне кажется, я знаю, где он.

Все повернулись к Тревису. Он распахнул узкую боковую дверцу, которую никто раньше не замечал. За ней виднелась лестница.

Через несколько минут они стояли на вершине башни, на круглой платформе, окруженной невысокой каменной оградой. Туман рассеялся, и на небе появились звезды, особенно яркие из-за отсутствия луны. Над южным горизонтом пульсировала алая звезда. На востоке розовело небо — приближался рассвет.

Мелия повернулась к Тревису.

— Здесь его тоже нет? Я говорю о Камне.

Он вздохнул и покачал головой. Фолкен сжал кулак и выругался.

Грейс посмотрела на остальных. Они проделали такой долгий путь — сдаваться нельзя.

— Мы что-нибудь придумаем. Камень должен находиться в замке.

— Неужели вы в этом уверены?

Они повернулись и увидели, что к ним присоединился еще один человек — высокий, ослепительно красивый, в золотом плаще, который, словно крылья, развевался у него за спиной. Светлые волосы ниспадали на широкие плечи. Он улыбнулся, и в его золотых глазах вспыхнул огонь.

Мелия вздрогнула и произнесла единственное слово:

— Дакаррет!

Он насмешливо поклонился леди.

— Дорогая Мелия. Сколько мы не виделись? Кажется, целую вечность.

— Мне наша разлука не показалась долгой, Дакаррет, — поморщившись, ответила Мелия.

Он прижал руку к груди и сделал вид, что ужасно расстроен.

— Дорогая сестра, разве так следует приветствовать брата?

— Ты мне не брат, Дакаррет.

Фолкен схватил Мелию за плечи. Дарж потянулся к мечу, но Дакаррет бросил на рыцаря такой взгляд, что тот застыл на месте.

— Нет, сэр рыцарь. Даже не думай о том, чтобы причинить мне вред. И ты — дочь Сайи.

Он обратил золотые глаза на Лирит, которая приготовилась произнести заклинание.

Грейс посмотрела на своих друзей. Рыцарь и колдунья превратились в статуи. Может быть, они мертвы? Послышался звучный смех. Она повернулась и увидела, что Дакаррет смотрит на нее.

— Нет, миледи. Они живы. Никому из вас не потребуется умирать — если вы преклоните передо мной колени и примете меня в качестве истинного бога.

Мелия сжала маленькие кулачки.

— Никогда!

Дакаррет покачал головой:

— Никогда — это очень долгое время, дорогая. В особенности для таких, как ты.

Тира вышла из-за спины Грейс, и та не успела ее остановить. Дакаррет быстро развернулся, словно его ударили. Прекрасное лицо исказила ненависть.

— Что такое? Вы привели с собой этого... чудовищного уродца? — Он показал на Тиру. — Прочь от меня!

Глаза Фолкена стали непроницаемыми.

— В чем дело, Дакаррет? Она всего лишь ребенок.

— Всего лишь ребенок? — И вновь некромант расхохотался. — О нет, мой жалкий бард, она больше, чем просто ребенок. Она избрана Майндротом, который отметил ее Огненным Камнем. Ее присутствие осквернило храм — *мой* храм. Однако я успел вышвырнуть их обоих прежде, чем Майндрот успел закончить свою гнусную работу над ней. — Он резко повернулся к Грейс. — А теперь уведи ее отсюда, иначе твои друзья умрут, как ваш большой глупый рыцарь.

Дакаррет сжал кулак, и глаза Лирит и Даржа закатились от боли. Грейс схватила Тиру и отвела девочку назад, подальше от Дакаррета.

Тревис шагнул вперед, и его лицо превратилось в маску.

— Бельтан? Ты что-то сказал про Бельтана?

Дакаррет небрежно взмахнул рукой.

— Да, кажется, его звали именно так. Впрочем, разве важно, как звали того, кто стал мертвецом? Он был твоим другом? Тогда тебе будет интересно узнать, что он любил покричать.

Тревис сделал неуверенный шаг вперед. Фолкен потянулся к нему, чтобы остановить, но наткнулся на жесткий взгляд Дакаррета.

— Нет, не трогайте его. — Некромант подошел к Тревису, не сводя с него пристального взгляда золотых глаз. — Это ведь ты, не так ли? Тот, о ком говорил Эрион, — человек, способный прикасаться к Великим Камням. Именно ты разговаривал с Майндротом перед тем, как он сгорел.

Грейс видела, что на лбу у Тревиса выступил пот.

— Да, это ты, — прошептал Дакаррет. — Ты владеешь ключом к Кронлизару. Майндрот сбежал прежде, чем я успел вырвать из него тайну, но ты откроешь ее сейчас — ты не осмелишься противиться мне.

Тревис стиснул зубы.

— Где ты его спрятал, Дакаррет? — спросила Мелия, ее голос звучал совсем тихо, но в нем слышался гнев. — Где Огненный Камень?

— Разве ты не знаешь? Все это время он находился прямо над тобой, дражайшая Мелия.

Дакаррет широко развел руки и поднял лицо вверх. Грейс проследила за его взглядом — и увидела пульсирующую алую искорку в южном небе. Потом звезда начала расти, ее огненный свет наполнил небо, и пурпурные отблески легли на обращенные к ней лица.

Нет, Грейс, ты ошиблась. Звезда не растет, она приближается.

Она мчалась к ним, такая яркая, что Грейс не сомневалась: сейчас они сгорят. Но в самый последний момент звезда замедлила свой бег, а сполохи огня спрятались под поверхностью небольшой сияющей сферы, которая проплыла мимо них и опустилась на протянутую ладонь Дакаррета. Это был Великий Камень.

Крондизар.

Мелия застонала и опустилась на колени. Ее друзья смотрели на Огненный Камень, лежащий на ладони Дакаррета, и его кровавый свет озарял прекрасные и жуткие черты его лица.

Краем глаза Грейс заметила, что горизонт окрасил рассвет. Но до восхода солнца еще оставалось время. Мерцающий свет лился со всех сторон. Земля горела. А потом они увидели темные хрупкие тени, мечущиеся на фоне вздымающегося пламени. Сотни. Тысячи. Свет пролился на замок. Огонь объял весь мир.

Дакаррет посмотрел на Тревиса, и его зубы обнажились в ужасной улыбке.

— Отдай мне ключ, повелитель рун, или твои друзья погибнут у тебя на глазах.

ГЛАВА 79

Воздух шипел вокруг Тревиса. Его спутники застыли в неподвижности у него за спиной, а стена огня окружила замок. Где-то кричали люди. Но все это доходило до Тревиса откуда-то издалека. Сокрушительная красота Камня овладела всем его существом. Он мог думать только о том, как было бы здорово взять Камень, подержать в руке, ощутить его тепло. Повинуясь его зову, он протянул к нему руку.

Дакаррет отдернул руку и сжал камень. Алый свет сочился сквозь его пальцы, словно кровь.

— Даже не думай о том, чтобы взять Огненный Камень, повелитель рун. Никому из вас не под силу отнять

его у меня — ни Фолкену, ни Мелии, я уже не говорю о тебе. Он отдал мне большую часть своей силы. Мне осталось лишь получить ключ Майндрота, чтобы стать обладателем последней тайны. Отдай ее мне!

Тревис безуспешно попытался смочить губы языком, казалось, будто ему в рот насыпали раскаленный песок. Каждое слово причиняло мучительную боль.

— Я не знаю... где ключ.

— Ты лжешь! — Нечеловеческая ярость исказила прекрасные черты Дакаррета. — Майндрот отдал ключ тебе. Разве могло быть иначе? В конце концов, вы оба повелители рун. Если ты мне солгал, то сейчас увидишь, как я уничтожу одного из твоих драгоценных друзей. С кого начать... с хитрой колдуньи? Или с доблестного рыцаря?

Некромант посмотрел на Даржа. Рыцарю удалось подняться на цыпочки, руки ему не повиновались.

Тревис поднял руку.

— Нет, не надо! Пожалуйста!

— Так ты отдашь мне ключ?

Лицо Даржа потемнело, он отчаянно заморгал.

Тревис кивнул:

— Да, я отдам ключ.

Некромант улыбнулся:

— Хорошо, повелитель рун. Очень хорошо. Я знал, что в тебе сохранился разум.

Он шевельнул пальцем, и Лирит с Даржем повалились на пол. Фолкен хотел наклониться над ними, но взгляд Дакаррета заставил барда замереть на месте рядом со стоящей на коленях Мелией. Однако Тревис видел, что рыцарь и колдунья шевелятся — они были живы.

Но сколько они проживут после того, как Дакаррет поймет, что у Тревиса нет ключа? Ему удалось выиграть несколько секунд, не более того.

— А теперь отдай мне ключ, повелитель рун.

Тревис нахмурился, мучительно подбирая слова.

— *Тревис!*

Он вздрогнул — голос в его сознании не принадлежал Джеку Грейстоуну.

— *Тревис, ты меня слышишь?*

— *Грейс? Это ты?*

— *Да.*

— *Я думал, ты не можешь воспользоваться Даром.*

— *Я не могу. Во всяком случае, долго. Здесь... здесь...*

Но ей ничего не нужно было говорить. Рядом с изумрудно-золотым сиянием самой Грейс он увидел чудовищ-

ную неповоротливую тень. Она смеялась огромным ртом, обнажив зубы из битого стекла и с нетерпением дожидаясь момента, когда можно будет поглотить свет Грейс. Тревис начал понимать.

— *О Грейс...*

— *Нет, Тревис. Сейчас нет времени. Ты должен выслушать меня — мне кажется, я поняла.*

— *Что поняла?*

— *Почему Дакаррет до сих пор не стал богом. В нем практически нет жизни, но мне удалось заглянуть в его разум. Том говорил, что именно по этой причине крондримы получаются такими неудачными. Он сам противится превращению. Он боится.*

— *Боится? Чего он боится?*

— *Сгореть.*

Тревис мучительно пытался понять.

— *Тревис. Я...*

Изумрудно-золотой свет исчез из его сознания.

Грейс!

Но она ушла. Боковым зрением он заметил, как Грейс покачнулась и стала медленно оседать на пол. Прошло не более нескольких секунд, но время нельзя тянуть бесконечно. Дакаррет ждет ответа. Что ему сказать?

Берегись — он пожрет тебя, — снова прозвучал в его сознании скрипучий голос. И Тревис наконец понял. Грейс была права — превращение необходимо завершить. Слова Майндрота не предупреждение; он оставил Тревису инструкцию. Наконец он обрел ключ.

Тревис знал, что следует сделать. Он посмотрел в невыносимо золотые глаза Дакаррета и, протянув руку, прикоснулся ладонью к сжатому кулаку некроманта. Сквозь мертвую плоть Дакаррета он почувствовал жар Кронднзара.

— Что ты делаешь, повелитель рун?

Тревис сжал кулак Дакаррета, и острая боль пронзила его пальцы.

— Я даю тебе то, что ты ищешь, Дакаррет, — сказал Тревис сквозь сжатые зубы. — Ключ к превращению.

Глаза Дакаррета вспыхнули.

— Прочь от меня!

Некромант попытался отнять руку, но Тревис уже прошептал одно короткое слово:

— *Кронд.*

И Камень услышал зов. Ослепительное пламя взметнулось ввысь, окружив стеной огня Тревиса и Дакаррета. Тревис услышал крики — его друзья! — но в следующее мгновение все звуки перекрыл рев пламени.

— Что ты сделал? — взвизгнул некромант.

Он попытался избавиться от Камня, переложить его в ладонь Тревиса.

— Остановись, Дакаррет! — прокричал в ответ Тревис. — Не отпускай его — если хочешь стать богом. Это ключ. Ты должен позволить ему сжечь себя.

Гнев вновь вспыхнул в расплавленных глазах Дакаррета. Он крепче сжал Кронднзар.

— Я не боюсь, повелитель рун. Это ты отпустишь его из страха!

Оба продолжали держать Кронднзар, и огонь терзал их тела. Золотое одеяние Дакаррета исчезло в следующей вспышке пламени. Тревис чувствовал, как пылает его одежда. Потом сгорела львиная грива Дакаррета, и Тревис понял: волосы у него на теле, которое стало таким же гладким, как у некроманта, превратились в пепел.

Боль становилась невыносимой, но теперь она окружала Тревиса, а не шла изнутри. Он видел, как мучительно извивается Дакаррет.

— Не противься огню, Дакаррет! — крикнул Тревис. — Именно поэтому тебе так больно. Ты должен отдать себя пламени — пусть все сгорит!

Дакаррет закинул голову, и его крик перекрыл рев огня:

— Я *стану* богом!

Камень разгорался все ярче, его свет был подобен горящей крови. Тревис видел, как чернеет и обугливается его рука, но он не отпускал Камень. А рядом Дакаррет светился все ярче и ярче.

Некромант посмотрел на Тревиса и улыбнулся.

— Да...

Тревис почувствовал, как плоть отделяется от костей. Что же происходит? Неужели некромант станет богом и уничтожит всех? Смеющийся Дакаррет сжал Камень еще сильнее...

...и его пальцы сморщились от жара. Затем сильная рука превратилась в черную палку, гладкая кожа на груди почернела и потрескалась.

Лицо некроманта исказилось.

— Нет!

Огонь пожрал ноги Дакаррета, а в следующее мгновение его прекрасное лицо начало плавиться. Тревис чувствовал, как с его телом происходит то же самое — оно сгорало, — но он не отпускал Камень.

— Давай, Дакаррет, — промолвил Тревис, когда огонь коснулся его губ. — Стань богом!

Они посмотрели друг другу в глаза, продолжая сжимать Камень. Огонь превратил ярость в глазах некроманта в ужас. Из его рта, вместе с языком пламени, вырвался крик:

— Какая боль!

 И Дакаррет отпустил Камень.

Почерневшая оболочка некроманта упала на пол и оказалась за стеной пламени. А внутри продолжало бушевать пламя, и отпускать Камень было уже поздно. Рука Тревиса обуглилась, он чувствовал, что ревущий огонь пожирает его плоть и даже кости.

Том сказал, что Кронднзар обладает способностью превращать того, кто владеет ключом. В таком случае кем станет он, Тревис? Может быть, всего лишь горсткой пепла? Но потом, в самый последний момент, он понял. Слова Дейдры, которые она произнесла целую вечность назад в «Шахтном стволе», вновь прозвучали в его сознании.

А в конце каждый из нас должен выбрать, кем ему быть.

Тревис представил Дакаррета, мечтавшего стать богом, и подумал о драконе, который был монстром. И последним перед его мысленным взором возник высокий человек со светлыми волосами и улыбкой, подобной первому рассветному лучу солнца.

Тревис сделал выбор. Он не был богом или монстром, он был обычным человеком. Последние частицы его существа догорели, и остался только...

...свет.

Тревис заморгал. Свет приблизился — мягкий, голубой и прохладный. Потом послышался голос:

— А он?..

— Да, — последовал ответ, и нежные пальцы коснулись его щеки. — Он будет жить.

— Он весь дрожит, — раздался третий голос, низкий и мелодичный.

И тогда Тревис понял, что ему ужасно холодно. Кто-то накрыл его плащом. В тех местах, где грубая материя касалась мягкой, обнаженной кожи, он испытывал неприятные ощущения, но попытался поплотнее закутаться в плащ.

— Тревис?

Чьи-то руки помогли ему сесть.

— Тревис, ты меня слышишь?

Перед глазами наконец прояснилось, и он улыбнулся.

— Грейс.

Она улыбнулась в ответ и обняла его.

— Я думала, что мы тебя потеряли.

— Может быть, так и было, — пробормотал он, а потом ответил на ее объятие своими новыми, сильными руками.

Фолкен и Дарж помогли ему подняться на ноги. Бард улыбнулся.

— Тебе давно следовало побриться, но ты понял наши намеки слишком буквально.

Тревис провел ладонью по совершенно лысой голове и гладкой челюсти. Всё — волосы, борода, брови — исчезло. Только очки вместе с руной надежды и кошельком с половинкой серебряной монеты каким-то образом уцелели в пламени. Кожа Тревиса стала новой и нежной, как у новорожденного ребенка. Впрочем, в некотором смысле он действительно заново родился. Он сделал неуверенный шаг — Тревис не сомневался, что еще никогда не пользовался *этими* ногами.

Он опустил глаза и увидел обугленную оболочку — то, что еще совсем недавно было Дакарретом.

— Ты не ошиблась, Грейс. Дакаррет боялся стать богом — он страшился превращения. И в последний момент ушел от огня.

— А ты не испугался, Тревис.

Нет, Грейс. Мне было ужасно страшно. Просто я не отпускал Камень.

Однако в ответ он лишь улыбнулся.

Фолкен помог Мелии подойти к останкам некроманта. По ее щекам катились слезы, но она ничего не сказала.

— А что будет с крондримами? — спросила Лирит, подходя к стене башни.

Дарж некоторое время всматривался в темноту.

— Огонь догорел. Полагаю, им пришел конец — ведь хозяин мертв.

Фолкен кивнул:

— Да. Огненную чуму принес в мир Дакаррет. Теперь, когда он исчез, не будет больше и крондримов.

Тревис вздохнул и посмотрел на восток. Золотой свет окрасил горизонт. Приближался настоящий рассвет.

Шлепая по камням босыми ногами, к Тревису подбежала Тира. Ветер взметнул ее огненные волосы, и Тревис улыбнулся, глядя в безмятежные глаза — один красивый, а другой поникший, скрытый под нависающим веком.

Тира протянула к нему маленькие руки.

— Крондизар, — сказала она.

Удивленный Тревис посмотрел на Грейс, однако она была поражена не меньше, чем он сам. Мелия и Фолкен также не сводили глаз с девочки. Опустившись на колени, он посмотрел в спокойное лицо Тиры, поднял руку и только теперь понял, что все еще держит в кулаке Крондизар. Один за другим он разжал пальцы. Огненный Камень тускло блестел на его ладони.

Грейс бросилась вперед.

— Тира — нет!

Девочка рассмеялась, протянула руку и взяла Камень.

Крондизар ее не обжег, а засиял рубиновым светом. Один раз Тревис заметил, как мерцающий красный ореол окружил Тиру. Сейчас это видели все.

Дарж схватил Грейс за руку, удерживая ее.

— Нет, миледи. Вы не должны к ней прикасаться.

Грейс кивнула, и когда Дарж отпустил ее, осталась на месте, изумленно глядя на Тиру.

Девочка улыбнулась Тревису, а потом повернулась к Грейс.

— Крондизар, — повторила она.

Свет переместился в центр ее груди, пульсируя вместе с Камнем. Через несколько мгновений все тело Тиры сияло.

— Что с ней происходит? — воскликнула Лирит.

— Я не уверен, — ответил Фолкен.

— А я уверена, — вмешалась Мелия и опустилась на колени рядом с малышкой. Теперь, когда сила Камня больше не была направлена против нее, она обрела прежнюю уверенность. — Добро пожаловать, сестра.

Тира приложила маленькую руку к щеке Мелии. Потом ноги девочки оторвались от земли, и она поднялась в воздух.

— Нет! — воскликнула Грейс, рванувшись к Тире.

Однако она опоздала. Тело девочки засияло так ярко, что превратилось в пятно света, которое начало стремительно удаляться, потом превратилось в крошечную искру — все быстрее и быстрее оно уносилось ввысь, пока не заняло свое место на предутреннем небосклоне. Новая звезда мягким рубиновым светом зажглась на востоке.

— Узрите, родилась богиня, — негромко проговорила Мелия.

ГЛАВА 80

Грейс молча смотрела, как солнце величественно поднимается над горизонтом. На Зее начинался новый день. Свежий утренний ветерок дул с озера, унося прочь темный ночной дым.

— Кем она была? — спросила Лирит, глядя на рубиновую звезду, зависшую над восточной линией горизонта.

Фолкен стоял рядом с колдуньей.

— Не уверен, что мы когда-нибудь узнаем. Мне кажется, что она была обычной девочкой, которая родилась в одной из деревень восточного Перридона. А потом случайно забрела в храм и нашла Майндрота.

— Нет, — уверенно возразила Мелия. — Ее нашел Майндрот и привел в храм. Это мне удалось увидеть. Он намере-

вался вырастить ее, чтобы она превратилась в богиню и могла защитить Крондизар. Однако появился Дакаррет и помешал ему.

Фолкен положил руку ей на плечо.

— Теперь превращение завершилось, Мелия.

Леди вздохнула, но теперь в ее взгляде не было печали — осталась лишь тайна. Она обратила свои янтарные глаза к небесам.

— Надеюсь, мы скоро встретимся, маленькая сестра.

— А огненная чума не может вернуться после того, как Крондизар вновь стал звездой? — откашлявшись, спросил Дарж.

Мелия покачала головой:

— Нет, дорогой. Чумы больше не будет. Во всяком случае, в нашем мире. И в другом.

Она посмотрела на Тревиса, и он задумчиво кивнул.

Ветер высушил слезы на лице Грейс, но горечь в сердце осталась.

— Я буду скучать по ней, — прошептала она.

Золотой свет нового дня окрасил в яркие цвета небо — рубиновая звезда потускнела и исчезла. Но она вновь появится, как только наступит ночь. Грейс будет смотреть на нее и вспоминать Тиру.

Лирит обняла ее за плечи, и к ним подошел Дарж.

— Мы всегда будем рядом, миледи, — обещал рыцарь.

Грейс не удержалась от улыбки:

— Надеюсь, сэр рыцарь.

Грейс потянулась, чтобы пожать руку Даржа. Однако Лирит остановила ее. Дарж пристально посмотрел на колдунью. Что случилось? Неужели между ними что-то произошло во время путешествия в Пустошь?

Высокий, чистый голос заставил Грейс выбросить эти мысли из головы.

— Я вижу, что Дакаррета больше нет.

Они обернулись и увидели хрупкую фигурку в черном, которая приближалась к ним. Фолкен низко поклонился, а Мелия сделала реверанс, после чего остальные опомнились и последовали их примеру.

— Поднимитесь, — сказала королева Инара. — Спасителям доминиона не нужно склоняться передо мной.

Грейс выпрямилась и посмотрела на королеву Перридона. Инара сняла черную вуаль, и ее светлые волосы свободно спадали на плечи, обрамляя детское личико.

Заметив ее взгляд, Инара кивнула:

— Да, я сняла вуаль. Траур закончился. Пришло время именем моего сына исцелить Перридон.

Несмотря на обманчивую детскость королевы Инары, в ее глазах Грейс увидела удивительную для такой молодой

женщины мудрость. Королеве придется преодолеть немало трудностей и распутать интриг, прежде чем ее сын сможет занять трон Перридона. Тем не менее Грейс знала, что Инара добьется своего.

Королева посмотрела на останки Дакаррета.

— Я вижу, здесь многое произошло. — Она перевела взгляд на Мелию и Фолкена. — Возможно, даже больше, чем доступно моему пониманию. Но об этом позже. Сейчас вы должны последовать за мной.

— О чем вы, ваше величество?

Но Грейс догадалась, что сейчас скажет Инара, и по лицу Тревиса поняла, что он тоже уже знает.

— Мы нашли вашего спутника, сэра Бельтана, — сказала королева. — Ему... плохо. Леди Эйрин осталась возле него. Если вы хотите с ним поговорить, вам следует поторопиться.

Грейс хорошо знала, что значат слова королевы. Бельтан умирал. Она посмотрела в глаза Инары.

— Ведите нас, ваше величество.

Через несколько минут они спустились в наполненные паром бани Спардиса, и Грейс вдохнула влажный успокаивающий воздух. Но уже в следующее мгновение она задохнулась от ужаса.

Бельтан лежал на мраморной скамье, повернув голову в сторону и закрыв глаза. Если не считать узкой набедренной повязки, он был совершенно обнажен. Одна рука свисала на пол, а другая покоилась на груди. Казалось, он спит. Но тут Грейс заметила алую струйку, которая стекала по его боку, струилась по скамейке и капала на мозаичный пол.

Мелия ахнула, и Фолкен поддержал ее под руку.

Эйрин стояла на коленях возле рыцаря. Когда они приблизились, Эйрин подняла влажное от слез лицо.

— Я пыталась, Грейс. Изо всех сил. Но у меня не получается связать его нить с Духом Природы. Не получается, как...

Баронесса прижала руку к губам, но Грейс знала, что хотела сказать молодая женщина.

Не получается, как у тебя, Грейс.

Эйрин разрыдалась и склонилась над скамьей. Лирит взглянула на Даржа, но рыцарь смотрел прямо перед собой. Колдунья покачала головой, подошла к Эйрин, помогла ей подняться на ноги и отвела в сторону.

Грейс знала, что Тревис смотрит на нее, но не могла заставить себя встретить его взгляд. Он не знал — он *не мог* знать, о чем собирается попросить. Или он все понимает? В те краткие мгновения, когда она смогла обратиться к нему при помощи Духа Природы, чтобы рассказать о Дакаррете, он оказался совсем рядом... как и тень.

— Пожалуйста, Грейс, — просто сказал он. — Исцели его.

Но я не могу! — Ей хотелось закричать. — *Разве ты не понимаешь? Я убила Гарфа и убью Бельтана. Будь ты проклят, я не могу этого сделать!*

Однако она собралась с духом, посмотрела ему в глаза и кивнула:

— Я попытаюсь.

Грейс чувствовала на себе взгляды своих друзей, когда шла к скамье, но заставила себя забыть о них. Она осталась наедине с Бельтаном.

Грейс быстро оценила его состояние. Бельтан дышал, легкие у него не пострадали. Однако пульс был слабым и частым. Тахикардия. Старая рана на боку открылась: разрез в восемь дюймов длиной в районе брюшины. Она могла зашить рану, но Бельтан находился в состоянии шока, сказывалась большая потеря крови. Жизненно важные органы начали отказывать. Требовался аппарат для искусственного дыхания, только с его помощью она могла бы стабилизировать его состояние и подготовить к операции...

И что потом? Она далеко от Денверского госпиталя, а ближайшая больница с отделением интенсивной терапии находится в другом мире. Здесь нет специальных тележек для перевозки тяжелых больных и никакой техники.

Вот только это не вся правда.

Свяжи его с собственной нитью, Грейс. Больше ничего делать не потребуется — и тогда у тебя появится время изыскать способ перенести Бельтана туда, где можно сделать операцию.

Но она прекрасно понимала, что не может этого сделать. Чтобы соединиться с Духом Природы, ей придется пройти через тень. И, тем самым, сдаться ей.

— Я не могу, — прошептала она.

Тревис посмотрел ей в глаза.

— Я знаю, Грейс. — Голос Тревиса звучал совсем тихо, чтобы его слышала только она. — Я видел тень, когда ты говорила со мной. Тень приюта. Я глубоко сожалею о том, что там произошло. Но как ты не понимаешь, Грейс? Если ты отступишь, получится, что они победили.

Сердце Грейс мучительно сжалось.

— Они действительно победили, Тревис.

Он взял ее руки в свои.

— Нет, Грейс, я не верю. Ведь я знаю, какой жизненной силой ты обладаешь — я видел это собственными глазами. Ты можешь их победить.

Грейс ужасно хотелось заплакать, закрыть лицо руками или обнять Тревиса. Однако она продолжала стоять на коленях и смотреть на него.

— Как-то раз Мелия сказала мне, что нельзя вечно прятать свою силу, — твердо сказал Тревис. — Она права. Тебе не удастся сделать вид, будто ты не обладаешь могуществом. Оно подобно Камню. Нужно позволить себя сжечь — и тогда ты сможешь идти дальше.

Тошнота подступила к горлу Грейс.

— Но тогда я потеряю себя.

Неожиданно Тревис улыбнулся.

— Нет, Грейс. Наоборот, ты себя найдешь.

Грейс закрыла глаза, и перед ее мысленным взором на мгновение возник залитый солнцем сад.

Мне кажется, я бы не смогла, — сказала она.

Пожилая женщина, чья кожа была столь же тонкой и нежной, как лепестки цветка, улыбнулась.

Смогла бы, дорогуша. Нужно только решиться отдать себя другому человеку — всю целиком, пожертвовать тем, что у тебя есть.

Грейс открыла глаза.

— Помоги мне.

Тревис ответил ей улыбкой.

Она взяла его руку и приложила к ране Бельтана, а потом прижала ее сверху ладонью. Потом сделала глубокий вдох, закрыла глаза и в следующее мгновение увидела знакомую картину: мерцающие нити, связывающие их всех вместе. Она быстро нашла нить Бельтана — тусклую и неожиданно тонкую. И вновь Грейс увидела страшную тень на своей нити; казалось, пятно стало больше и ближе, но она знала, что ей нельзя терять время.

Грейс нашла нить Тревиса, сильную и яркую, и попыталась соединить ее с нитью Бельтана. Но они выскользнули из ее сияющих пальцев. Ничего не получалось — она не могла связать их напрямую. Значит, придется обратиться к общей паутине. Не успела она подумать об этом, как увидела блистающую изумрудно-золотую нить собственной жизни. После коротких колебаний, Грейс схватила ее.

Тень была рядом — огромная, пугающе стремительная. Сгоревшие двери хлопали, подобно крыльям черных птиц, разбитые окна смотрели, словно слепые, обвиняющие глаза. Нить Грейс вела в самое сердце мрака.

Но Грейс не отступила. Она последовала за своей нитью в самое сердце мрака. Навстречу ей, из темноты, точно бледные совы, полетели воспоминания. Тянулись руки, пытались ее схватить. Что-то прижалось к лицу, мягкое, но безжалостное, и стало душить. Она содрогнулась, когда холодный воздух прикоснулся к обнаженной коже. Сначала давление, затем — словно вспышка молнии — боль; ослепительная, сокрушающая все на своем пути. Где-то открылась дверь, и Грейс вспомнила. Вспомнила все.

Поток воспоминаний едва ее не утопил. Теперь, когда она позволила им вернуться, она больше не могла с ними сражаться — как и не обращать внимания на собственные раны. Но Грейс решила, что разберется с этим позже, и отвернулась от тени.

Пятно проплыло у нее за спиной — оно никуда не исчезло и будет всегда сопровождать Грейс — и вышло на свет. И вновь она увидела нить Бельтана; тончайший завиток паутины. Поймала ее одной рукой, а другой нащупала нить Тревиса. Затем подтянула их поближе, и с улыбкой...

Как все просто, доктор.

...соединила со своей нитью.

И в тот же миг Грейс, Тревис и Бельтан открыли глаза.

Бельтан сделал глубокий вдох и попытался сесть. Тревис подхватил друга за плечи, но Грейс заставила его лечь.

— Я... жив? — хрипло спросил рыцарь.

Грейс улыбнулась сквозь слезы и кивнула.

— Ты ужасный болван. Разве ты не обещал, что будешь лучше о себе заботиться?

Несмотря на боль, Бельтан усмехнулся.

— Обещал, но из этого вовсе не следует, что в следующий раз я поступлю иначе.

К ним подошла Мелия, сверкая янтарными глазами.

— Он исцелен?

Грейс вздохнула, посмотрела на нее и покачала головой:

— Я выиграла немного времени, леди Мелия, вот и все. Нам необходимо доставить Бельтана туда, где я могла бы сделать ему операцию.

Но где в средневековом замке можно сделать такую операцию?

— Тревис?..

Глаза Бельтана вновь подернулись дымкой. Тревис наклонился к рыцарю.

— Что ты хочешь сказать, Бельтан?

Голос рыцаря звучал едва слышно.

— Не думаю, что у меня осталось много времени. Поэтому я хочу тебе сказать, что сожалею.

Тревис покачал головой:

— Я не понимаю, Бельтан. О чем ты сожалеешь?

— Об этом.

Рыцарь приподнял голову и прикоснулся залитыми кровью губами к губам Тревиса. Потом его голова опустилась, и он закрыл глаза. В серых глазах Тревиса застыло удивление, на губах алели капли крови.

Мелия прижала руку к груди.

— Он?..

— Нет, — покачала головой Грейс. — Он жив. Но если мы ничего не предпримем, он умрет. Вот только у меня нет инструментов. — Она покачала головой. — Сейчас мне нужна медицина, а не волшебство.

Тревис посмотрел на потерявшего сознание рыцаря.

— Теперь я понимаю, Грейс, почему он так расстроился, когда я прогнал его после нашей первой схватки с Эрионом. Я весь пылал — ему было опасно ко мне прикасаться. А из-за рева огня я не слышал, что он говорил...

Грейс вспомнила разговор между Бельтаном и Мелией, который она однажды подслушала.

— Он любит тебя, Тревис. Вот что Бельтан пытался сказать. Он любит тебя больше жизни.

Тревис посмотрел на Мелию, и леди кивнула.

— А ты любишь его, дорогой? — тихо спросила она. — Ты *можешь* его любить?

Тревис взглянул на лежащего рыцаря.

— Не знаю. Мне кажется, да. Может быть — я не уверен. Но сначала его нужно спасти, Грейс.

Она вздохнула.

— Если бы удалось доставить его в Денверский госпиталь, все было бы в порядке.

Мелия приблизилась к ним.

— Вспомни, дорогой. Такая возможность существует.

Грейс и Тревис посмотрели на царственную женщину, а потом переглянулись и кивнули.

Уже через несколько минут Грейс и Тревис были готовы и встали рядом с Бельтаном. Они накрыли рыцаря плащом Фолкена, а Тревис надел одежду Бельтана, которую Эйрин нашла при входе в бани.

— Вы помните, что нужно делать? — спросил Фолкен, печально глядя на них своими выцветшими голубыми глазами.

Грейс посмотрела на Тревиса, и он кивнул.

— Мы оба должны представить себе госпиталь, — сказала она.

— Будьте осторожны, мои дорогие, — сказала Мелия.

Грейс сжала половинку серебряной монетки, которую когда-то вручил ей брат Сай. Тревис держал в руке свою. Грейс надеялась, что монета доставит их в Денверский госпиталь. Она сомневалась, что ее волшебство сможет долго поддерживать в Бельтане жизнь, когда они окажутся на Земле. Пока они готовились к путешествию, Тревис успел рассказать ей, что руны там работают, но их могущество гораздо слабее, чем на Зее. Интересно, а как обстоит дело с Духом Природы?

— Да хранит вас Сайя, — сказала Лирит.

Колдунья стояла рядом с Эйрин, держа ее за левую руку.

— Нам будет вас недоставать, — сказала баронесса, и в ее васильковых глазах заблестели слезы.

Дарж стоял чуть в стороне. Он молчал, пока они готовились к возвращению в свой мир, но только теперь Грейс поняла почему. Одинокая слеза скатилась по иссеченной шрамами щеке.

Она протянула к нему руку.

— О Дарж...

— Возвращайтесь к нам, миледи, — сказал он, и его голос дрогнул. — Мы будем вас ждать.

— Нам пора, Грейс.

Она посмотрела Тревису в глаза.

— Давай.

— Знаешь, — негромко проговорил он, — дракон ошибся. Оказалось, что Спардис и есть Цитадель Огня. Но мы остались живы.

Грейс ощутила затаившуюся за спиной тень, которую теперь никогда не удастся спрятать, и накрыла ладонью руку Тревиса, коснувшись его новой, гладкой кожи.

— Нет, дракон оказался прав, — пробормотала она. — Мы умерли.

Тревис ничего не ответил. Он лишь посмотрел на нее и на лежащего между ними Бельтана. Каждый из них положил руку на грудь рыцаря, а потом они совместили половинки монет.

— Давай вернемся домой, Грейс.

И тени исчезли, а мир наполнился серебряным светом.

Здесь кончается «Цитадель Огня», вторая книга «Последней руны». Описание приключений Тревиса, Грейс и их спутников будет продолжено в книге третьей: «Мрак остается».

Мрак остается

Часть первая
ВЕРХОВНЫЙ ШАБАШ

1

Стояли последние летние дни, когда утренняя прохлада незаметно сменяется истомой дня, а небеса затянуты легкой дымкой, когда в полях уже налилась пшеница, ветви деревьев ломятся под тяжестью плодов, а безмолвная земля словно упивается умиротворяющим теплом и благосклонностью природы. Именно в такой день в замок Ар-Толор приехал народ морнишей.

Стоя возле окна спальни, Эйрин наблюдала за тем, как по дороге к замку медленно движется пестрая вереница повозок. Издали они казались размером не больше игрушки, но зрение у девушки было острое, и она рассмотрела причудливые рисунки на их боках.

Там были и лебеди с длинными изогнутыми шеями и снежно-белыми крыльями, и выкрашенные в розовый цвет улитки с маленькими круглыми окошками в спирально закрученных раковинах, и лев, низко припавший к земле, словно приготовился броситься на оленя, голову которого венчали ветвистые рога. За ними прыгала изумрудного цвета лягушка.

Показались еще несколько повозок. Чего только там не было! Черепахи, рыба, плавниками рассекающая голубые гребни волн, ящерки, рыжевато-коричневые зайцы и другие диковинные звери, которых Эйрин никогда раньше не видела, разве что на страницах старинных книг.

Повозки одна за другой исчезли за зеленым поворотом холма, и дорога вновь опустела. Но Эйрин представила себе, как они останавливаются в поле за деревней, как, пахнув пряным ароматом благовоний, открываются расписные двери, как *позвякивает* серебро и звучит мелодичная музыка.

Девушка отвернулась от окна. Ее сапфировые глаза азартно блеснули:

— Пойдем посмотрим на морнишей!

В противоположном конце маленькой гостиной сидела Лирит.

— А за любопытство нас бросят в темницу, где мы познакомимся с несколькими дюжинами крыс... Покорнейше благодарю! Ты ведь знаешь не хуже меня, сестра: королева Иволейна недвусмысленно дала нам понять, что не желает, чтобы кто-либо из придворных общался с бродячим людом. Их представления хороши лишь для крестьян и простолюдинов, — не отрываясь от вышивания, спокойно ответила она.

Эти слова раздосадовали, но ничуть не удивили Эйрин. Она не отказала себе в удовольствии состроить гримасу, которая не ускользнула от внимания ее собеседницы.

— Из тебя получится превосходная баронесса, если эта гримаса на лице застынет, сестрица, — ехидно заметила Лирит, не сводя глаз с лежащих на коленях пялец. — Перед тобой не устоит ни храбрый герцог, ни благородный рыцарь!

— Тем лучше будет для них, — промолвила Эйрин, и черты ее лица немного смягчились.

Девушка искоса глянула в настенное зеркало, словно желая убедиться, что красоты в ней нисколько не убавилось.

— С тобою все ясно, — вздохнула Лирит.

Не удостоив сестру ответом, Эйрин снова посмотрела в окно. На этот раз ее взгляду предстало лишь стадо овец, подобно цветам усеявших склон отдаленного холма. Девушка задумалась, пытаясь представить, как срывает с земли крохотных овечек, как сплетает их в блеющую гирлянду и набрасывает себе на шею. Однако затем представила себе запах этих «цветов», и видение исчезло.

— Мне скучно, — заявила она, не пытаясь скрыть раздражения.

— Вот и займись рукоделием!

Эйрин ответила ей сердитым взглядом:

— Я же знаю, что ты ненавидишь вышивание, Лирит!

— Совершенно верно. Но ненависть спасает меня от скуки. А теперь принимайся за шитье! Сестра Тресса надеется увидеть готовую работу.

Эйрин отвернулась от окна. Придвинув ближе деревянную подставку, которая поддерживала пяльцы для вышивания, она притворилась, что вышивать единорогов ей гораздо интереснее, чем покупать пакетики засахаренных орешков, смеяться над выступлением дрессированных обезьянок и наблюдать за жонглерами и шпагоглотателями.

Ирсайя знает, тебе следует быть благодарной за эту скуку, Эйрин из Элсандрии, выбранила она себя. *Где же теперь леди Грейс, где мастер Тревис и лорд Бельтан? Скорее всего восседают в удобных креслах за высокими стенами замка, потягивая из кубков сладкое ароматное вино.*

Девушка вздохнула, и Лирит тут же подняла на нее глаза:

— У них все хорошо, сестра. Ведь они отправились к себе на родину. К тому же никто на свете не обладает такой силой исцеления, как леди Грейс. Представляю себе, как сэр Бельтан, пока мы тут с тобой разговариваем, отпускает непристойные шуточки и преспокойно попивает себе эль!

Эйрин пожалела, что не обладает столь богатым воображением.

С тех пор, как они попросили у королевы Инары позволения покинуть замок Спардис, прошел месяц. Они оставили Перридон в полном порядке. Молодая королева отменила все указы узурпатора Дакаррета. С помощью Спайдера Алдета, здоровье которого теперь пошло на поправку, она значительно укрепила общественное положение своего несовершеннолетнего сына, принца Персета, недавно сделавшегося регентом. И хотя заговоры против королевы неизбежны — в конце концов это же Перридон, — Эйрин надеялась, что Инара будет править долго, мудро и справедливо.

С начала путешествия не прошло еще и дня, а они уже распрощались с Мелией и Фолкеном, которые намеревались отправиться на север, чтобы отыскать своего друга Тума. Эйрин с удовольствием снова увиделась бы со стариком; он обладал удивительной способностью поднимать настроение и прогонять хандру. Тем не менее Инара уже отправила к Иволейне посланника. В Ар-Толоре ожидали прибытия Эйрин и Лирит, и Дарж согласился сопровождать их до места.

Хотя Лирит была ей подругой и наставницей, а Дарж, если не напивался, интересным собеседником, поездка через Перридон и Толорию показалась девушке унылой. Грейс и Тревис вместе с Бельтаном вернулись в собственный мир в надежде исцелить рану славного рыцаря. Мелия и Фолкен отправились своей дорогой. Пришлось расстаться также и с Тирой.

Иногда, проснувшись на рассвете, на сером южном небе Эйрин замечала красную, как раскаленный уголь, звезду. Она до сих пор так и не поняла, что же все-таки случилось в Спардисе, когда Тревис передал Тире Огненный Камень. Но Мелия сказала, что рыжеволосая девушка теперь стала богиней. С этим не поспоришь — кто может знать это лучше Мелии. После долгих раздумий Эйрин поняла, что Тиру она скорее всего больше никогда не увидит.

До Ар-Толора добрались без приключений, и Эйрин обрадовалась, увидев семь шпилей над нефритового цвета полями. Королева Иволейна приветствовала гостей очаровательной улыбкой и незамедлительно отправила человека в Кейлавер, чтобы тот предупредил короля Бореаса о том, что Эйрин какое-то время погостит при дворе Ар-Толора.

— Ты немедленно должна возобновить занятия с сестрой Лирит, — в первый же день сказала ей Иволейна, и Эйрин не могла не согласиться.

С тех пор недели проходили за приятными занятиями. Она прогуливалась в садах замка, вышивала под наблюдением Трессы, обращалась к Дару, чтобы постичь магию Паутины жизни, в то время как Лирит спокойно нашептывала ей на ухо свои наставления. И если временами все это казалось скучным по сравнению с безрассудным путешествием на восток к Цитадели Огня, Эйрин понимала, что должна быть благодарна за эту скуку.

Когда утратило силу огненное проклятие колдуна Дакаррета, земля возродилась намного быстрее, чем ожидали. Люди поспешно засеяли поля, и теперь урожай буйно разрастался под нежными лучами солнца и каплями благодатного дождя. К концу подходил месяц келдат, и в этом году можно было рассчитывать на богатую жатву. Все это казалась настоящим чудом, но, возможно, содержало в себе хороший урок: не стоит недооценивать силу жизни.

Тогда тебе не следует недооценивать жизненные силы Бельтана. Или Грейс, или Тревиса. С ними все будет в порядке. Так что ты давно могла бы успокоиться.

Тем не менее Эйрин скорее смогла бы погасить в ночном небе звезды. Она знала, что Лирит и Дарж встревожены не меньше ее. Они испытывали серьезные опасения за тех, кто теперь находился вне пределов их досягаемости и тем самым — защиты.

В дверь постучали. Эйрин закусила губу. За все утро она не успела вышить и трех стежков. Что она скажет Трессе? Советнице королевы вышивание представлялось делом чрезвычайной важности.

Дверь открылась. Но в комнату ступила не Тресса, а широкоплечий кареглазый мужчина с висячими усами.

Лирит поднялась с места.

— Доброе утро, лорд Дарж.

— Рад приветствовать вас, миледи, — кивнул он в ответ.

Эйрин какое-то недолгое мгновение что-то обдумывала, после чего проворно вскочила на ноги.

— Дарж, мы собираемся к морнишам!

Лирит пристально поглядела на сестру, однако та совершенно не обратила внимания на ее взгляд. Это была невежливая проделка, но она немного научилась тактическому искусству еще в те времена, когда ее опекуном являлся король Бореас из Кейлавана. Когда тебе преграждают одну дорогу, переходи на другую.

И без того хмурое лицо Даржа стало еще суровей.

— Это весьма рискованная затея, миледи. Морниши — очень странный народ. У них нет домов, если не считать тех кибиток, в каких они странствуют по всему миру. Говорят, звуки их флейт способны довести человека до безумия.

Эйрин тяжело вздохнула. Вряд ли она ожидала от него подобного ответа

Скрестив руки на груди, Лирит посмотрела на Даржа.

— Она вбила себе в голову, что хочет повидать этих бродяг, несмотря на то что Ее величество Иволейна запретила нам делать это.

— Ничего она не запрещала! — возразила Эйрин. — Ну, во всяком случае, не совсем запрещала. Королева всего лишь посоветовала нам не выходить без особой необходимости за пределы замка. Кроме того, мне до смерти надоело слоняться здесь без дела. Думаю, вам тоже. Нам всем не повредит глоток свежего воздуха.

Девушка затаила дыхание, переводя взгляд с рыцаря на колдунью.

Дарж погладил рукой усы и посмотрел на Лирит.

— Полагаю, она отправится туда независимо от того, что мы ей скажем, миледи.

Лирит вздохнула:

— Разве оковы могут удержать кого-нибудь?

— Соблазнительно, конечно, но я не боюсь. Будет лучше, если мы оба отправимся вместе с ней и проследим за тем, чтобы она не влипла в неприятности.

Если бы у нее были две здоровые руки вместо одной, Эйрин захлопала бы в ладоши.

— Я рада, что снова слышу речи прежнего здравомыслящего Даржа!

Девушка шагнула вперед и поцеловала рыцаря в щеку.

Дарж заморгал, всем своим видом показывая крайнее смущение, а Лирит недовольно нахмурила брови. Эйрин мало заботило то, что она позволила себе подобную фамильярность. Впервые за последние дни девушка почувствовала, что у нее поднимается настроение. Они поймут, что она права — это как раз то, что им нужно.

2

Свет солнца, подобно ласковому летнему дождю, нежно согревал землю, когда баронесса, графиня и рыцарь, пройдя между двойным рядом деревьев, ступили на зеленую лужайку деревушки.

Ускользнуть из замка оказалось задачей несложной. На взгляд Лирит, даже слишком простой. Было ли чистой случайностью то, что на пути по оживленным коридорам Ар-Толора они не натолкнулись на леди Трессу или других придворных дам королевы? Или во всем этом присутствовала какая-то доля везения?

Лирит бросила взгляд на Эйрин. Она до сих пор не знала, что сделала ее сестра более двух месяцев назад, когда

они тайно отправились вслед за покинувшими Кейлавер Грейс и Даржем. План, заключавшийся в том, чтобы следовать за ними по пятам, был, конечно же, совершенно нелеп, и Лирит согласилась на него лишь по причине своей уверенности, что рыцари короля Бореаса поскачут вперед и вернут их до того, как те удалятся хотя бы на лье от замка. Однако Эйрин каким-то образом удалось сбить с пути короля и его свиту. Лирит не знала, как именно это произошло, но была уверена в одном: Эйрин использовала какое-то заклинание, чтобы уйти от погони.

Однако, несмотря на опрометчивость поступка Эйрин, Лирит чувствовала благодарность, если не радость за то, что они последовали за остальными. Их путь был исполнен опасностей, огня и смерти, но их вела общая цель. Если бы в тот день они не ускользнули из Кейлавера, Лирит никогда не увидела бы всего этого: мужества Грейс в борьбе против огненного проклятия, мудрости Тревиса, проявленной в схватке с колдуном, загадочного и чудесного превращения девочки Тиры. И еще много другого она никогда не смогла бы узнать...

Мне так не хватает всех твоих вопросов, Дейнен.

Вздох сорвался с ее губ. Так происходило каждый раз, когда она думала о слепом мальчике, отдавшем жизнь ради спасения Тиры на мосту, соединявшем берега реки Темноструйной. Сколько лет она молилась Сайе, чтобы та подарила ей ребенка, сколько различных настоев и отваров ей пришлось выпить, чтобы оживить материнскую утробу!.. Но ни молитвы, ни травы никогда не смогли бы помочь семени прорасти в засоленной почве. Теперь она знала это. Хотя, возможно, Сайя в конце концов услышала ее мольбы, поскольку Дейнен, каким бы кратким ни было их знакомство, показался ей сыном. Она никогда не сможет его забыть.

— Ну давай же, Лирит, — сказала Эйрин и дернула спутницу за руку.

Женщины ускорили шаг. Дарж, облаченный, несмотря на теплую погоду, в плотную серую тунику, поспешил вслед за ними. На поляну уже нерешительно, словно к этому их принуждал фантастический вид кибиток, подбредали горожане. Когда наши трое проходили мимо них, люди бросали на Эйрин изумленные взгляды, разглядывали ее прелестное бледное лицо и лазурно-голубое платье. Они, несомненно, были удивлены видеть здесь кого-то из придворных королевы. Лирит надеялась, что, кроме крестьян, их больше никто не заметил.

Группа из трех человек подошла к краю кольца повозок. Теперь, приблизившись, Лирит смогла разглядеть, что фургоны изрядно потрепаны дорогой: деревянные опоры потрескались, облупилась позолота, а выцветшую под солнцем краску ис-

пещряли крапинки пыли. Тем не менее это лишь придавало им еще большую таинственность.

Было известно, что морниши странствуют с незапамятных времен. В народе говорили, что они пришли откуда-то с юга. И в самом деле, их повозки походили на те, что довольно часто встречаются в южной Толории, где Лирит провела свое детство. Но она не видела морнишей уже очень давно. До нее донесся аромат пряностей, восковых свечей и жареного мяса. На девушку тут же нахлынули воспоминания.

— Слушайте! — сказала Эйрин и остановилась. По воздуху разносилась ритмичная музыка. Девушка прикрыла глаза и стала покачиваться, словно тонкое деревце. — Как великолепно!

Лирит глубоко вдохнула, и прохладный воздух освободил ее разум от нахлынувших воспоминаний.

— Ну, сэр Дарж, вы уже почувствовали, что вас охватывает безумие?

Казалось, он задумался над ее словами, затем торжественно кивнул.

— Раз уж вы спросили... возможно, совсем немного.

Лирит в изумлении поглядела на каменное лицо рыцаря. Неужели эмбарец позволил себе пошутить? А может, это всего лишь удачное совпадение? Так или иначе, она рассмеялась. Похоже, порывы Эйрин снова оказались благотворными, и посещение морнишей в конце концов не такая уж плохая мысль.

— Хорошо, — вымолвила она и схватила Эйрин за здоровую левую руку, а Даржа — за крепкую, как железо, правую. — Полагаю, здесь наверняка найдутся пряные пирожки с нашими именами.

Чтобы отыскать пироги, много времени не потребовалось. Заплатив беззубой женщине в оранжево-желтом одеянии по медяку за штуку, они присели в тени листвы. Затем впились зубами в воздушную корочку ароматных пирогов. Расправившись с едой, Эйрин и Лирит громко смеялись, глядя, как Дарж усердно облизывает каждый палец.

После этого все трое принялись блуждать от кибитки к кибитке, и у каждой их манили соблазнительные ароматы. Там были и блюда с засахаренными орешками, и нанизанные на палочки шипящие жиром куски мяса, и небольшие искусно выделанные из листьев чаши, наполненные золотистым, как солнце, но прохладным, как утренняя роса, медовым вином.

Однако не все повозки предлагали съестные припасы. Содержимое многих из них привлекало взоры штуками черной материи с наваленными на них серебряными кольцами, яркими платками, ножами из вороненой стали, отшлифованными камешками, коврами с затейливыми узорами, оловянными свистуль-

ками и деревянными шкатулками, украшенными крошечными фигурками птиц и зверей.

У кибитки, имевшей форму крадущейся крысы, какой-то старик поманил их костлявым пальцем. Женщины всмотрелись в полумрак фургона и, когда глаза привыкли к темноте, разглядели стеклянные сосуды на деревянных полках. В них находилась желтоватая жидкость, внутри которой плавали какие-то предметы. Сначала Лирит не могла понять, что именно находится внутри, а затем ее охватил ужас. Один сосуд содержал глазные яблоки, другой переполняли змеи, в третьем плавал не полностью сформировавшийся зародыш свиньи, чей едва различимый позвоночник оканчивался не одной, а двумя головами.

Старик улыбнулся, обнажив пеньки гнилых зубов. Затем потянулся вперед и чем-то темным, сухим и сморщенным слегка коснулся левой руки Эйрин. Это оказалась сморщенная обезьянья лапка. Баронесса вскрикнула и, бросившись прочь от повозки, налетела на шаткую деревянную платформу, где обезьянка, на этот раз вполне живая, энергично пританцовывала в такт ударам барабана. Платформа неожиданно опрокинулась, и проворное существо тут же прыгнуло на руки Эйрин. Девушка снова ойкнула и отшвырнула обезьянку хозяину, который что-то сердито крикнул на своем языке.

Лирит и Дарж подхватили баронессу под локти и оттащили в сторону. Задыхаясь от смеха, Эйрин повисла у них на руках. Из глаз ее катились слезы. Лирит не выдержала и тоже рассмеялась. Даже грубые черты лица рыцаря смягчились, и он заулыбался. Наконец все трое остановились под деревом вдали от повозок. Воздух был полон каким-то особенным тяжелым светом. Высоко над головой листья нежным шепотом делились друг с другом своими заветными тайнами. День медленно угасал. Утих и смех Эйрин. Переведя дыхание, девушка прислонилась к гладкой коре дерева.

— Мне душно, — проговорила она.

Лирит согласно кивнула. Дарж не произнес ни слова, но его усы странным образом зашевелились:

— Скоро станет совсем темно, — произнесла Лирит. — Пора возвращаться в замок. Королева непременно заметит, если нас не окажется за ужином.

Дарж положил руку на живот и слегка поморщился:

— Миледи, могу я просить вас не произносить сегодня больше слово «ужин»?

Лирит насмешливо улыбнулась:

— Я говорила вам, не стоит отправляться за второй порцией пирога.

— Вы правы, я уже расплачиваюсь за свою глупость. Зачем же наказывать меня еще и вашими насмешками?

Лирит улыбнулась.

Эйрин отступила от дерева.

— Пожалуйста, давайте пойдем назад медленно. У нас был такой прекрасный день.

Взявшись за руки, женщины зашагали по зеленой лужайке. Вслед за ними тяжелыми шагами побрел Дарж.

— Вот это картина, — подобно удару бронзового колокола пророкотал чей-то голос. — Под руку шагают Солнце и Луна. А за ними, посмотрите-ка, следует мрачное облако.

Все трое остановились, пытаясь отыскать глазами незнакомого насмешника. Через мгновение Лирит увидела массивную фигуру, притаившуюся в тени между двумя деревьями. Затем различила хребет, гибкую шею и пару крыльев летучей мыши. Из горла Эйрин вырвался хриплый стон. Лирит краем глаза заметила, как Дарж тщетно пытается вытащить из ножен меч.

На какую-то долю секунды Лирит мысленно перенеслась к продуваемой суровыми ветрами ложбине, где состоялась их встреча с драконом Сфитризиром.

И вот они, дочери Сайи, обреченные на предательство собственных сестер и собственной же повелительницы...

Но как могла оказаться здесь, в прекрасно ухоженной роще под стенами королевского замка Ар-Толора, эта ужасная древняя тварь?

В гуще деревьев зашевелилась чья-то тень. Показалась фигура человека.

— Что случилось, добрые сестры? Что-то неладно, добрый брат?

Это был все тот же монотонный голос. Но на этот раз не шипение дракона, а обычная человеческая речь. К Лирит вернулись привычные чувства, и она прекратила дрожать. Разве можно быть такой глупой? Перед ними стоял никакой не дракон, а всего лишь фургон, вырезанный в виде этого жуткого существа. Теперь, подойдя к нему ближе, она разглядела колеса повозки, круглые окошки, а также чешуйки на шее дракона, с которых почти полностью облезла краска. Однако они точно не видели этой кибитки раньше. Почему же она тогда стояла отдельно от всех остальных?

Все еще ожидая ответа, человек приблизился к ним.

Лирит взволнованно сглотнула.

— Ничего страшного. Тень прошлого, вот и все. Сейчас пройдет.

— Странствуя по свету, я понял, что обычно лучше не отмахиваться от того, что порой мелькает в тени, — спокойно произнес незнакомец.

Прежде чем к Лирит вернулся дар речи, из окна кибитки раздался чей-то скрипучий голос:

— Кто там, Сарет? Я не вижу! Черт побери мои слабеющие глаза! Нужно отдать их Миргету для его склянок за все то хорошее, что он для меня сделал.

— Две прекрасные дамы и отважный рыцарь, аль-Мама.

— Ну тогда приведи их ко мне. Я загляну в их судьбы.

— Прошу сюда, — сказал Сарет, указывая в сторону повозки. — Аль-Мама не любит, когда ее заставляют ждать. Она говорит, в ее возрасте уже нет времени на ожидание.

Затем он развернулся и направился к фургону. Лирит взглянула на Эйрин и Даржа, но те лишь пожали плечами. Казалось, им не оставалось ничего другого, как воспользоваться неожиданным приглашением.

3

Морниш передвигался быстрыми шагами, словно пританцовывая, и спустя мгновение Эйрин, Лирит и Дарж очутились возле повозки. В воздухе струился дым, и был явственно различим запах лимонов. С крыши свисали тонкие медные пластинки. Ударяясь друг.о друга, они наполняли рощу монотонным перезвоном.

Незнакомец повернулся к ним лицом.

— Что вы имели в виду, — первой заговорила Лирит, — когда сказали: «Вон шагают Солнце и Луна»?

Человек улыбнулся, и его зубы ярко сверкнули в раннем сумраке под тенью деревьев.

— Несложно догадаться, *бешала*. Вы так же ослепительно красивы, как Солнце, а ваша сестра сияет словно Луна.

Дарж откашлялся:

— А что там говорилось об облаках?

Мужчина похлопал рыцаря по плечу.

— Я нисколько не хотел оскорбить тебя, добрый брат. Ибо облако дарует Солнцу и Луне возможность отдохнуть, пока само оно скрывает их в небесной выси.

Даже при тусклом свете можно было легко различить краску смущения, прилившую к лицу Даржа.

— Я не... то есть я не скрываю их... Я хочу сказать...

Мужчина-морниш рассмеялся. Его смех, такой же приятный и мелодичный, как и звон колокольчиков, вызвал у Лирит прилив симпатии. По причине, неизвестной ей самой, женщина принялась внимательно рассматривать этого человека.

Кожа морниша имела оттенок жженого сахара, а глаза блестели темным, как старинные потертые монеты. Корот-

кие черные волосы были густы, а заостренная бородка лоснилась от благовонного масла. Его одеяние состояло из синих пышных штанов, которые обычно носят морниши, и красного расстегнутого камзола, в вырезе которого виднелась обнаженная гладкая грудь. Многочисленные шрамы покрывали обе его руки от запястий до плеч. Шрамы располагались параллельно друг другу, и Лирит предположила, что они имеют некое ритуальное значение. От морниша пахло потом и какими-то пряностями. Впрочем, запах не показался девушке неприятным.

Мужчина перестал смеяться. Его глаза сузились, словно он заметил, что Лирит не сводит с него пристального взгляда.

— Ну, где же они, Сарет? — донесся скрипучий голос из кибитки. — Мне пора пить чай.

Сарет снова улыбнулся:

— Сейчас вы встретитесь с моей аль-Мамой.

Он потянул за ручку, которая располагалась возле хвоста дракона, и дверь фургона отворилась. Внутри было дымно, наружу вырвался тусклый золотистый свет. Сарет откинул деревянные ступеньки и забрался в повозку. И только когда он сделал это, Лирит обратила внимание на его ногу.

Просторные штаны доходили морнишу чуть ниже колен. Правая икра и ступня имели идеально правильную форму. Однако левая нога ниже колена отсутствовала, а вместо нее крепилось витиевато вырезанное древко с бронзовым наконечником. Поднимаясь по ступенькам, мужчина громко топал деревянной ногой.

— Идите сюда, — бросил он стоящей внизу троице.

Приподняв подол платья, Лирит зашагала вверх по ступенькам. За ней последовали Эйрин и Дарж. Они и представить не могли, что внутри кибитки хватит места для всей компании. Однако места оказалось достаточно. Свет исходил от единственной масляной лампы, но Лирит не могла увидеть ни стен, ни потолка, поскольку повсюду висели стеклянные сосуды, горшки, всевозможные свертки и пучки сушеных трав. Сарет жестом предложил гостям присесть на три маленькие табуретки, а сам тем временем встал у двери, загораживая свет умирающего дня.

— Каждому из вас это обойдется по серебряной монете, — раздался все тот же скрипучий голос, который теперь прозвучал громче.

Только сейчас Лирит поняла: то, что она приняла за свернутый ковер у дальней стены, на самом деле — женщина.

Она была очень стара. Тело ее было плохо различимо среди беспорядочной кучи ковров и одеял, покрывавших лавку. Протянутая вперед рука своей тонкостью и сухостью походила на палку. Голова покачивалась на длинной искривленной шее.

На макушке торчал лишь жалкий клок седых волос. Однако среди бесчисленных морщин, испещрявших лицо старухи, глаза сияли, словно две полные луны. На запястьях бренчали браслеты, а в ушах висели огромные кольца.

Прежде чем Лирит смогла ответить, Дарж протянул старухе три серебряные монеты. Аль-Мама выхватила деньги из его руки и надкусила каждую единственным зубом. Бормоча что-то невнятное, упрятала монеты среди кучи наваленных ковров и обратила на нежданных гостей огромные глаза.

— Ты отмечена большой силой, — проскрипела она, показывая на Эйрин длинным пальцем.

Эйрин вздрогнула:

— Что... что вы хотите сказать?

— Твоя рука, — ответила женщина.

Эйрин подняла левую руку и взялась ею за слабую правую, которая покоилась на льняной повязке, искусно спрятанной среди складок платья.

— Так всегда. Когда получаешь великий дар, приходится отдать что-то взамен, чтобы уравновесить чаши весов, — сказала старуха резким голосом. — Когда-то я тоже была красива, пока не открыла свой *шестар*.

Дарж нахмурил брови и поглядел на Сарета.

— Что такое *шестар*?

— Она имеет в виду магию.

Дарж мрачно взглянул на Эйрин, но ничего не сказал о том, что подумал.

— Мои карты, Сарет, — рявкнула женщина.

— Они около тебя, — последовал спокойный ответ.

— Ну конечно же, они здесь.

Старуха схватила с маленькой полки колоду карт. Затем откуда-то из-под ковров появилась вторая, похожая на птичью, рука, и гадалка искусными движениями перетасовала карты.

— Каждый должен вытянуть по одной карте из колоды *Тхот*.

Она веером разложила перед собой карты. От долгого употребления они сильно потерлись и выцвели, но серебряные символы на картах все еще ярко блестели. Лирит переглянулась с Эйрин и Даржем и протянула руку. Слегка коснувшись одной из карт кончиками пальцев, она ощутила легкое покалывание и вытянула ее. Эйрин и Дарж последовали ее примеру.

— Ты. — Старуха кивнула в сторону Даржа. — Покажи мне, что ты вытащил.

Рыцарь перевернул карту. На ней был изображен человек с темными волосами и такими же темными глазами,

стоявший возле небольшого водоема. В небе над его головой висела луна, отражаясь в глади воды.

Нет, это не просто человек, Лирит. Посмотри на меч у него в руке, посмотри на доспехи. Это — рыцарь. Его щит украшен гербом луны.

Старуха взяла в руки карту и провела по ее поверхности пожелтевшим от времени ногтем.

— Рыцарь Лун. Ты — воин, надежный и сильный. Увы, тебя обуревают страсти. И переполняет грусть! Ты думаешь, что сражаешься в одиночку, хотя это не так. Видишь? Она всегда улыбается тебе, хотя ты об этом и не догадываешься.

Старуха указала на изображение луны. В ее окружность было вписано лицо женщины, чьи губы изогнулись в нежной улыбке.

— Но кто она? — пробормотала старая женщина. — Та, что покинула тебя, или та, что еще встретится тебе на пути? Этого моя магия сказать не в силах.

— Я не верю в магию, сударыня, — проворчал Дарж.

Старая гадалка подняла глаза.

— И все же магия сведет тебя в могилу, — решительно ответила она и засунула карту обратно в колоду.

— Аль-Мама! — упрекнул ее Сарет.

Старуха пожала плечами.

— Я не решаю ничьи судьбы, Сарет. Я лишь предсказываю их. А теперь ты, — сказала она, указывая на Эйрин.

С легкой дрожью девушка протянула ей свою карту.

— Ага! — воскликнула старуха, словно подтвердилось то, о чем она догадывалась и раньше. — Восьмерка пик!

На карте была изображена красивая женщина в синем платье. Она ехала верхом на коне по залитому солнцем полю. Лицо ее было серьезно. В левой руке женщина держала меч. За ее спиной был виден замок с семью башнями, каждую из которых венчал меч.

От изумления Эйрин едва не задохнулась:

— Но я уже видела это раньше!

Лирит бросила на нее любопытный взгляд. Что она хочет этим сказать?

Взяв карту, старуха одобрительно кивнула:

— Как я уже говорила, ты наделена великой силой. Видишь, как гордо женщина восседает в седле? Все любят ее за красоту, но боятся ее меча. Однако за обладание великой силой нужно платить. Ты понимаешь? Она не замечает бедняка, затоптанного копытами коня.

Лирит оцепенела. Там, в высокой траве под конем, она увидела лицо. Глаза человека были прикрыты, словно он спал.

Эйрин недоуменно покачала головой.

— Ничего не понимаю.

— Ты забыла о том, кто ради тебя терпел великую боль!

— Но кто же он?

Старуха засунула карту в колоду.

— Это уж ты сама должна знать, дитя.

Еще до того, как старуха посмотрела на нее, Лирит поняла, что наступила ее очередь. После предсказания, сделанного Даржу и Эйрин, она не очень-то хотела увидеть карту, которую вытянула, но другого выбора не оставалось. И Лирит решительно перевернула карту.

В то же мгновение черное небо над бесплодной, серой, как пепел, равниной распорола яркая молния. По земле рассыпались какие-то белые фигуры, испещренные красными пятнами. На поваленном дереве Лирит разглядела темный силуэт.

— Ворон! — произнесла старуха.

— А что он предвещает? — спросила Лирит, удивленная неожиданным спокойствием собственного голоса.

— Ворон питается падалью на полях сражений, — ответила старуха. Затем она взяла новую карту, и рука ее задрожала. — На полях, отравленных пролитой кровью, где уже никогда ничто не сможет прорасти.

Вокруг девушки неожиданно сгустилась тьма, а душный воздух сдавил ее грудь так, что стало трудно дышать. Лирит моргнула, и ей показалось, что картинки на картах *Тхот* ожили. Извилистая молния снова перечеркнула черное небо. Птица зловеще раскрыла кривой клюв, словно смеясь над ней.

Лирит покачнулась, едва не упав с табуретки, но сильная рука ее спутника вовремя подхватила ее. Она моргнула, и картинки на карте снова стали неподвижными. Лирит подняла глаза, чтобы поблагодарить Даржа за поддержку... и застыла. Над ней стоял не Дарж, а Сарет.

— Вам нехорошо, *бешала?*

Девушка нервно облизнула губы:

— Ничего. Со мной все в порядке. Мне просто нужно на воздух.

— Я помогу вам выйти.

Эйрин и Дарж удивленно посмотрели на Лирит, когда мужчина-морниш помог ей встать.

— Можно спрятаться от судьбы, — донесся голос старухи. — Но тебе никогда не удастся убежать от нее, ибо она заключена внутри тебя.

Лирит на мгновение замерла, затем решительно шагнула из кибитки на воздух и повернулась к Сарету. Глаза его излучали такую нежность, что с ее губ невольно сорвался гром-

кий горестный вздох. Зачем ему вести себя так с ней, совершенно незнакомым ему человеком?

— Я должен извиниться перед вами за аль-Маму, — хрипло произнес морниш.

Лирит подняла голову и посмотрела ему в глаза.

— Почему? Разве ее предсказания не являются правдой?

Сарет не ответил.

— Ваша нога, — не удержалась и пробормотала Лирит. — Эту цену вы заплатили за свой *шестар?*

На лицо морниша вернулась улыбка, хотя теперь выражение его лица показалось девушке каким-то жестоким.

— Нет, *бешала.* Такую цену я заплатил за свою гордыню.

Лирит раскрыла рот, но не успела ничего ответить. Из кибитки вышли Эйрин и Дарж. Эйрин была бледна, и Лирит не могла не заметить, что Дарж не сводит с нее обеспокоенного взгляда.

— Пора возвращаться в замок, — сказал он.

Эйрин положила руку себе на грудь.

— Мне нехорошо.

Лирит взяла ее за руку.

— Не бойся, сестра. Просто ты съела слишком много сладостей, вот и все. Скоро пройдет.

Она повела Эйрин прочь из рощи, Дарж следовал в трех шагах позади них. Лишь спустя мгновение Лирит вспомнила, что не попрощалась с Саретом, и обернулась. Роща опустела, если не считать запертого фургона и нежного перезвона колокольчиков.

В угасающем свете дня они направлялись обратно в замок. Впереди торопливо бежали их собственные тени.

4

Они вернулись в замок как раз в тот момент, когда закрывались ворота. На Ар-Толор уже начали опускаться сумерки. Замок казался волшебным золотым островком посреди бескрайнего пурпурного моря заката.

— Ваше высочество! — Облаченный в черно-зеленую форму караульный, поклонившись Эйрин, шагнул к ним из боковых ворот. Затем повернулся и отвесил поклон Лирит. — Миледи, как хорошо, что вы наконец вернулись! Мы обыскали весь замок.

Тревога охватила Эйрин, и она поглядела на Лирит.

— Что случилось?

— Королева Иволейна желает срочно видеть вас обеих у себя. Мы искали вас весь день, миледи.

Вперед выступил Дарж.

— Если отсутствие дам причинило какие-то неприятности, то это исключительно моя вина. Именно я сопровождал их на пути из замка.

Эйрин сделала недовольное лицо. Они отправились к морнишам вовсе не из-за Даржа; это была ее идея.

— Почему королева хочет видеть нас? — поинтересовалась она.

Караульный собрался было сделать левой рукой грубый, неприличный жест. Затем, словно вспомнив, в каком обществе находится, поспешно изменил движение руки и подтянул висящую на плече желтую ленту.

— В мои обязанности не входит толковать намерения Ее величества. — Его голос прозвучал так громко, словно он полагал, что его могут подслушать.

— Конечно, — кивнула Лирит. — Благодарим за услугу, караульный. Мы немедленно отправимся к королеве.

Эйрин едва не упала, когда Лирит рывком потащила ее за собой.

— Что случилось? — сердито прошептала Эйрин. — Как ты думаешь, она знает, что мы ходили к морнишам?

— Не говори ерунды, сестра. У Иволейны нет никакого волшебного зеркала. Как она может знать, куда мы ходили? Если она и недовольна нами, то лишь за то, что мы поздно откликнулись на требование явиться. Поэтому нужно поторопиться.

Эйрин промолчала, мысленно пожелав себе когда-нибудь стать такой же уверенной, как сестра, и поспешила вслед за ней. В отличие от темных задымленных коридоров Кейлавера, сводчатые залы Ар-Толора хорошо проветривались и имели множество высоких окон, через которые лился серебристо-серый сумеречный свет.

— Миледи! — прогремел позади громкий голос.

Женщины резко остановились, повернулись и поглядели в угрюмые темные глаза. Эйрин вздрогнула. Они совершенно забыли о Дарже.

— Если моя помощь больше не нужна, я с вашего позволения удалюсь.

— Разумеется, Дарж, ступайте! — произнесла Эйрин.

Дарж неловко кивнул и развернулся, собираясь уйти.

— Милорд, — Лирит коснулась его руки, — благодарим за то, что сегодня вы сопровождали нас.

Рыцарь кивнул и, освободив руку, зашагал по коридору. Вскоре его темно-коричневая фигура полностью растворилась в темноте.

В душе Эйрин сильно переживала. Почему она раньше не додумалась поблагодарить Даржа? В конце концов именно она вытянула всю компанию в деревню морнишей вопреки предостережениям рыцаря. И теперь, если они попадут в

беду, вина скорее всего падет на его голову. Как она могла быть такой жестокой и небрежной?

Но, возможно, в этом все же нет ничего необычного.

Ты забыла о том, кто ради тебя терпел боль...

Это правда, многие пострадали ради нее, но ведь Эйрин всегда помнила о них. Она никогда не забудет отважного Гарфа, который погиб, пытаясь защитить ее от когтей разъяренного медведя. Или славного сэра Меридара, который пожертвовал своей жизнью во имя спасения Тиры и Дейнена и ради того, чтобы не уронить своего рыцарского достоинства в глазах Эйрин. И, конечно же, она никогда не забудет Леотана!

По спине девушке пробежал холодок, как случалось каждый раз, когда она думала о том давнем вечере. Это было в середине прошлой зимы. Тогда прекрасный аристократ, которого она любила, затянул ее в боковые покои замка и поцеловал. На мгновение ей показалось, что все ее мечты сбылись. Пока он не совершил над ней насилие, показав себя настоящим животным. Затем девушку охватила ярость, а вместе с ней возникла сила, о которой она и не подозревала. Эта сила буквально выплеснулась из нее, превратив мозг Леотана в кашу. Девушка всегда верила, что зло — это нечто такое, что обитает исключительно в сердцах других. Ни разу до того момента она и подумать не могла, что зло нашло пристанище и в ее собственной душе.

Нет, ей никогда не забыть той ночи! Старуха-гадалка скорее всего просто выжившая из ума старуха.

Ну а как же карта, Эйрин? Она в точности такая же, как видение, которое предстало перед твоим взглядом, когда в Кейлавере Лирит попросила тебя посмотреть в воду. Откуда старуха могла об этом узнать?

Не успела она подумать об ответе, как почувствовала прикосновение Лирит.

— Пойдем, сестра, — сказала Лирит. — Королева ожидает нас.

Как только слуги зажгли факелы, наполнившие коридоры теплым, умиротворяющим светом, женщины поспешно зашагали дальше по коридорам замка.

Неожиданно они услышали чей-то смех.

Эйрин и Лирит резко остановились. Из алькова выскочила одетая в желто-зеленую одежду фигура, совершила кувырок в воздухе и приземлилась перед ними, звеня серебряными бубенчиками.

— Таркис! — воскликнула Эйрин.

Тощий человечек обнажил в улыбке гнилые зубы, вытянул вперед руки и поклонился так низко, что его остроконечный подбородок почти коснулся пола.

— Две вечерние птицы, серая и синяя, летят в гнездо своей госпожи. — Шут выпрямился, и в его косых глазах

вспыхнул лукавый огонек. — Но взмахнут ли они крылами и запоют ли они, когда она подвергнет их испытанию?

Лирит быстро взяла себя в руки и высокомерно выпрямилась.

— У нас нет времени для твоих забав, шут. Королева ждет нас.

Человек расхохотался и начал дурашливо приплясывать. Колокольчики на его пестром колпаке громко зазвенели.

Ждет нас, предопределяет наши судьбы.
Бранит нас, ибо опоздали мы.

Кровь прилила к смуглым щекам Лирит, и она открыла рот, чтобы ответить. Но Эйрин заговорила первой, напустив на себя подчеркнуто неодобрительный вид:

— Это что, самая лучшая рифма, которую ты способен выдумать, Таркис? Боюсь, не очень-то похоже на настоящее стихотворение.

Шут резко отпрянул назад. Выглядел он не лучшим образом. Из-под выцветших зеленых чулок торчали костлявые колени, а остроносые башмаки были заляпаны грязью. Он сцепил худые пальцы, его блуждающие глаза загорелись ярким светом.

— Моя милая колдунья, в скором времени старая дева, полагает, что сможет подобрать более удачную рифму?

Эйрин выпрямилась.

— Думаю, да. На самом деле я готова держать пари, что смогу придумать лучший стих из букв твоего имени. Тебе же вряд ли удастся сделать то же самое с моим именем!

Лирит бросила на сестру сердитый взгляд, но Эйрин не обратила на это никакого внимания.

Таркис хлопнул в ладоши и снова засмеялся:

— Игра! Игра! — Он снова кувыркнулся в воздухе. — Шут обожает играть! Умоляю, миледи, сложите поскорее стих из моего имени!

Эйрин сделала решительный вдох. Придворный шут Ар-Толора имел обыкновение оказываться на пути в самый неподходящий момент. Лучшим способом поскорее отделаться от него было сыграть в его же игру. Правда, сейчас Эйрин сомневалась в том, что это удачная мысль. Девушка нахмурилась, пытаясь сосредоточиться. Затем, словно по мановению волшебной палочки, ей в голову пришли стихотворные строки, и она, смеясь, тут же произнесла их вслух:

Где бродит Таркис-острослов,
Я не могу сказать.
Как хорошо, что бубенцов
Ему нельзя снимать.

Эйрин не смогла удержаться и довольно улыбнулась, увидев, что Лирит изумленно смотрит на нее. Что ж, стихотворение действительно вышло неплохим.

Таркис, очевидно, был того же мнения, поскольку отчаянно зашипел и схватился за свой колпак так, что из-под него высвободилась прядь волос.

— Ну давай, шут, — сказала Эйрин. — Теперь твоя очередь.

— Должен ли я умолять вас, стоя на коленях? Мгновение, дева... Одно лишь мгновение!

Таркис отвернулся к алькову, сгорбился и что-то невнятно забормотал себе под нос. Эйрин поспешила воспользоваться представившейся возможностью. Поскольку путь был свободен, она схватила Лирит за руку и бросилась вперед по коридору.

Они уже завернули за угол, когда позади раздался пронзительный встревоженный вопль. Этот звук заставил их ускорить бег. Наконец они остановились и, тяжело дыша и смеясь, обессиленно прислонились к стене.

Эйрин смахнула слезы с глаз.

— Он на самом деле когда-то был королем? Или все выдумки? Так трудно поверить в это, когда видишь его.

Лирит пригладила тугие черные локоны.

— Он действительно был королем, сестра. Многие годы Таркис правил доминионом Толории. Но однажды во время охоты он упал с лошади и сильно ударился головой о камень. Когда Таркис снова пришел в себя, то был уже таким, как сейчас. Думаю, его разум помутился настолько, что вернуть его в прежнее состояние невозможно.

Эйрин слышала эту историю еще раньше. Король Таркис не имел ни жены, ни наследника. Толория разрывалась от междоусобных войн, так как многие бароны яростно боролись друг с другом за право обладания троном. И если бы не Иволейна, дальняя родственница Таркиса, которая по достижении восемнадцати лет умудрилась объединить враждующие стороны, доминион, возможно, навсегда прекратил бы свое существование как единое государство.

— Тогда Таркис действительно безумен, — заключила Эйрин. — Но мне кажется, что жестоко так относиться к нему. Человек, однажды бывший королем, не должен быть придворным шутом.

— А разве лучше запереть его в высокой башне, где его никто бы не увидел? Теперь он такой. Думаю, что до известной степени это доставляет ему удовольствие.

Лирит, конечно, была права. И все равно ей не нравился Таркис. Чем реже она встречалась с ним, тем лучше.

— Пошли, — промолвила Лирит, — нас ждет королева.

— Для того чтобы *выбранить* нас, — ухмыльнулась Эйрин.

У дверей королевских покоев им поклонился караульный.

— Миледи, можете войти, — сказал он.

Эйрин и Лирит переглянулись. Веселье их мгновенно улетучилось, стоило им переступить порог.

— Подобное неповиновение переходит все границы дозволенного, — произнес голос ясный и решительный.

Эйрин замерла. Неужели королева даже не поприветствует их, а сразу подвергнет наказанию?.. Она приготовилась поспешно принести извинения, но не успела открыть рот, как в голове резко прозвучал знакомый голос:

Спокойно, сестра. Не признавайся в преступлении, пока тебя не попросили об этом. Королева разговаривает не с нами.

Эйрин прикусила язык. Она никак не могла привыкнуть к способности Лирит говорить без слов. Этим мастерством сама Эйрин так и не смогла овладеть. А между тем Лирит была права.

Передняя королевы представляла собой просторное помещение, по стенам которого тянулся ряд высоких окон. Сотни маленьких стекол отражали восходящую луну. В центре зала, возвышаясь над каким-то худощавым юношей, стояла королева Иволейна. Молодой человек стыдливо опустил голову, так что длинные черные волосы скрывали его лицо. Возле него стояла леди Тресса, приятная полная рыжеволосая женщина, советница королевы. Ее лицо выражало нежное материнское чувство. Именно на молодого человека были направлены слова разгневанной королевы.

— Тебе запретили входить в конюшни, — продолжала королева сыпать острыми, как стрелы, словами, — однако сегодня ты снова сделал это. Твоя выходка вызвала такое волнение среди лошадей, что одна из них порвала поводья и убежала. Пытаясь догнать ее, помощник конюха упал и сломал руку.

— Так вы обвиняете меня в неповоротливости помощников конюха? — произнес юноша, не поднимая головы. От туники и до башмаков он был облачен во все черное.

Королева оставалась непреклонной:

— Не порицание имеет значение для благородного человека, лорд Теравиан, а ответственность. Твои действия причинили несомненный вред. Разве ты не собираешься взять на себя вину?

Молодой человек не ответил.

— Тогда у меня нет иного выбора, как принять вину на себя, — молвила Иволейна, — ибо я несу ответственность за тебя. Это и означает быть правителем. Леди Тресса, проследите, чтобы помощнику конюха и его семье должным образом выплатили компенсацию из моей казны.

Тресса кивнула и склонилась над столиком, чтобы сделать заметку на пергаменте.

Иволейна покачала головой:

— Что же я скажу твоему отцу?

В следующее мгновение юноша поднял глаза, и с его бледного лица упали волосы. Юный лорд обладал тонкими, почти идеально красивыми чертами. Его глаза, словно два изумруда, сверкали из-под черных как смоль бровей.

— А зачем что-либо рассказывать королю Бореасу? — спросил он, и тонкая линия губ изогнулась в презрительной усмешке. — Я знаю, он отослал меня сюда, чтобы навсегда забыть о моем существовании.

— Ты ничего не знаешь! — возразила королева.

Ее лицо приняло настолько строгое выражение, что юноша невольно сделал шаг назад, словно заново обдумывая свою дерзость.

— Теперь мне можно идти? — наконец спросил он.

— Ступай!

Молодой человек холодно откланялся, развернулся и с гибкостью опытного танцора направился к двери. Проходя мимо Эйрин и Лирит, он даже не взглянул на них.

Эйрин посмотрела ему вслед. Она хорошо помнила Теравиана с первых лет, проведенных ею в Кейлавере. Тогда единственный сын короля Бореаса являл собой замкнутого и несдержанного мальчика на четыре года моложе ее. Они почти не общались, за исключением тех случаев, когда тот время от времени донимал ее своими проказами. Например, он как-то раз наполнил одну из подушек мышами.

Затем, два года назад, Бореас отослал его в Ар-Толор. Таков обычай: королевских детей воспитывали при дворе другого королевства. Таким образом создавались, сохранялись и укреплялись союзы между доминионами. Эйрин вспомнила, что в тот день, когда Теравиан узнал, что его собираются отослать, с ним случилась истерика. С тех пор она больше ничего о нем не слышала.

Спустя несколько дней после их прибытия в Ар-Толор она разыскивала Теравиана, чтобы поприветствовать его на правах родственницы. Но когда они повстречались в саду замка, он даже не соизволил спуститься со стены, где сидел, и не сказал Эйрин ни слова, а лишь злобно расхохотался, когда она поскользнулась на гнилом яблоке. Казалось, Теравиан почти не изменился за годы, проведенные в Ар-Толоре, разве что стал выше ростом и еще бессердечнее. Порой Эйрин удивлялась, как он на самом деле мог быть сыном такого доброго и смелого человека, каким почитался король Бореас.

Королева подняла изящную руку:

— Что я упустила, Тресса?

Рыжеволосая женщина улыбнулась, но лицо ее все равно выражало печаль:

— Этот мальчик изо всех сил старается поскорее стать мужчиной. Не нужно искать других причин.

— Тем не менее другая причина существует, ведь так?

Тресса не ответила, и Эйрин очень хотелось понять, что имеет в виду королева. Но Иволейна заговорила прежде, чем та смогла открыть рот:

— Подойдите ближе, сестры. Не думайте, что я не заметила вас.

Женщины поспешно приблизились и присели в реверансе.

В королевстве считали, что Иволейна — самая прекрасная из всех Фаленгартов. Однако Эйрин знала, что существует одна женщина, чья красота способна затмить красоту самой королевы, женщина, которая сейчас находится очень-очень далеко.

Мне так не хватает тебя, Грейс!

Она все-таки надеялась, что Грейс и остальные сейчас в полном порядке.

— Очень мило с вашей стороны, что вы пришли, сестры.

— Мы поспешили сюда, как только получили от вас послание, Ваше величество, — ответила Лирит.

Глаза Иволейны недобро сверкнули:

— Так вы и сделали.

В покоях воцарилась тишина, и в душе Эйрин возник безрассудный порыв выболтать все о похождениях того дня. К счастью, Тресса заговорила прежде, чем девушка успела выразить это побуждение словами.

— Не желаешь ли выпить вина, дитя мое?

Эйрин кивнула, приложив все силы, чтобы не выхватить кубок из рук колдуньи и не осушить его одним глотком. Вино было холодным и приятно освежало. Эйрин отпивала его маленькими глотками, и постепенно ее нервы успокоились.

— Уже поздно, — промолвила королева, — а мне еще многое нужно сделать, прежде чем отойти ко сну. Поэтому перейду непосредственно к главному. Я созвала Верховный Шабаш. Колдуньи соберутся здесь, в Ар-Толоре, в следующую темную луну.

Эйрин нахмурилась. Никогда прежде она не слышала о Верховном Шабаше. Однако, судя по внезапному блеску в глазах, Лирит имела об этом представление. Темноволосая колдунья сжала кубок обеими руками.

— Могу я спросить, сестра? Мы все будем принимать в нем участие?

Иволейна кивнула.

— Я искренне надеюсь, что и ты, и твоя сестра Эйрин сможете уделить нам внимание.

— Это первый Верховный Шабаш, который созывается за последние семь лет, — сказала Тресса. — Приедут все наши сестры.

Губы Лирит растянулись в свойственной только ей таинственной улыбке.

Неподдающееся описанию волнение охватило Эйрин, и она больше не могла сдерживаться:

— Но *что* такое Верховный Шабаш?

Тресса нежно засмеялась:

— О, это нечто невероятное, дитя мое. В Ар-Толор сейчас направляются колдуньи из семи доминионов, а также из земель, расположенных за их пределами. Мы все соберемся под звездами, чтобы сплести общую паутину.

— А что будет обсуждаться на шабаше? — поинтересовалась Лирит.

Иволейна придвинула стоящую на пьедестале серебряную чашу, и ее платье зашелестело, словно крылья птицы.

— Дела огромной важности.

— Но какие? — спросила Эйрин.

Королева не обернулась.

— Думаю, на сегодня достаточно. Остальное — на шабаше.

Лирит взглянула на Эйрин. Они обе знали, когда заканчивается встреча с королевой. Вопросы раздирали душу Эйрин, но им придется подождать. Они поставили на стол кубки, кивнули Трессе и направились к выходу.

— Да, сестры, — у двери остановила их Иволейна, — вы еще не рассказали мне, понравилось ли вам посещение кибитки морнишей.

Эйрин напряглась от беспокойства, а Лирит сделала резкий вдох. Иволейна все еще глядела в чашу с водой, когда внезапное озарение пронзило Эйрин. Королева не имела магического зеркала, но обладала иными средствами следить за другими людьми. Эйрин вспомнился тот день, когда Иволейна остановила ее и Грейс в коридорах Кейлавера и попросила заглянуть в чашу подобным же образом. Именно там, в воде, Эйрин увидела себя верхом на белом коне. В руках она держала меч, а за ее спиной был виден замок с семью башнями.

Наконец королева оторвалась от чаши и строго посмотрела на девушек:

— Говорят, что магия морнишей подобна порочному семени, из которого вырастают лишь колючие цветы. Постарайтесь запомнить это, сестры.

Эйрин и Лирит оставалось только кивнуть. Вместе они переступили через порог и оказались в коридоре, оставив королеву наедине с ее делами.

5

— Вы уходите сегодня так рано, милорд, — сонным голосом произнесла женщина, укутываясь в покрывало.

Дарж присел на постели и что-то невнятно проворчал. Затем свесил ноги с кровати. Каменный пол холодил босые ступни. Рыцарь тяжко вздохнул. До рассвета еще час. Через окно проникал холодный воздух, а вместе с ним доносилось приглушенное голубиное воркование.

Дарж прикрыл глаза и предался воспоминаниям. Она всегда обожала голубей. Он обычно с улыбкой наблюдал за тем, как по утрам она из окна бросала им зерна. А когда наступала ночь, она отворяла все окна в поместье, чтобы музыка голубиного воркования наполнила дом. В ту пору он ее не понимал — считал, что это самый жалкий звук, какой ему когда-либо приходилось слышать. Почему ему потребовалось столько лет, чтобы понять, насколько великолепна эта музыка?

— Смею ли я надеяться, что вы придете сегодня вечером, милорд?

Дарж открыл глаза:

— Тебе вообще больше не следует меня ждать.

Он встал, взял со стула штаны и неторопливо натянул их. Услышал, как за его спиной Леса вздохнула и повернулась в постели.

Он нашел ее вскоре после прибытия в Ар-Толор. Леса была горожанкой и иногда служила горничной у придворных дам королевы. Год назад умер ее муж. Но после трудных вторых родов Леса осталась бесплодной, и ни один мужчина в городе не пожелал взять ее в жены. Леса была простовата и не слишком умна, однако добросердечна и ласкова со своими детьми в те редкие минуты, когда он видел их вместе. Даржу это нравилось. Кроме того, она нуждалась в деньгах на пропитание, а он — в хозяйке. И все сложилось достаточно хорошо.

Дарж затянул пояс потуже и выпрямился. Сделав это, он увидел свое отражение в мрачной глубине бронзового зеркала. В небольшом зеркале голова не уместилась, и на какое-то мгновение рыцарю почудилось, что он видит призрака.

Он выглядел примерно таким же, каким помнил себя в молодые годы. Кисти рук все еще сильны, густые волосы на груди не успели поседеть, а живот не превратился в дряблое брюхо, как случается со многими мужчинами его возраста. Однако его истинный возраст выдавали руки. Они загрубели, отчетливо обозначились суставы на похудевших пальцах, а на коже стали видны многочисленные морщины и шрамы. То были руки старика.

Дарж натянул через голову серую тунику, подпоясался и повернул голову. Леса теперь сидела на постели — спутанные каштановые волосы рассыпались по плечам — и наблюдала за ним своими маленькими глазками. Лицо ее испещряли морщины, заработанные годами нелегкой жизни, но небольшая грудь имела хорошую форму.

Она крепко обняла руками колени под одеялом.

— Когда ты сделаешь меня своей госпожой, милорд?

— Я никогда не сделаю тебя своей госпожой, — ответил Дарж и натянул сапоги.

Она рассмеялась и захлопала по кровати.

— Здесь я — твоя госпожа, это так. Но ты достаточно дерзок, когда прижимаешься к моему телу.

Дарж положил на столик три серебряные монеты.

— Купи своим детям какие-нибудь башмаки. Я видел их в толпе — они бегали босиком, — сказал он и направился к двери.

— Хорошо, милорд, — ответила Леса. — Куплю им обувку. Благослови тебя Джорус.

Дарж ничего не ответил, вышел из палаты и закрыл за собой дверь.

В замке царила тишина. Почти все обитатели Ар-Толора находились в постели. Он не спеша зашагал по коридорам к своим покоям. Это были те редкие минуты, когда Дарж был предоставлен самому себе и поэтому старался как подобает насладиться ими. За последние два десятилетия Дарж привык бывать один. Он не считал одиночество обузой. На свете существует много такого, что можно услышать, увидеть и ощутить, лишь находясь в одиночестве.

Он не сожалел о времени, которое провел с Эйрин и Лирит. Кроме всего прочего, рыцарь обязан иметь цель в жизни.

Рыцарю нужно кому-то служить, но какая у них нужда в твоих услугах здесь, Дарж из Стоунбрейка?

Он твердо понимал, что ему пора покинуть это место и вернуться в Эмбар. Вчера вечером по возвращении в замок Эйрин и Лирит бросились прочь, даже не окинув его прощальным взором. Какая польза от угрюмого рыцаря, когда требуют внимания ослепительные королевы?

Предоставленный самому себе, Дарж мог бы продолжить свои алхимические опыты, но не сумел добыть здесь соответствующих принадлежностей и оборудования. Насколько он мог судить, инженеры и люди с логическим складом ума были настолько редки в Толории, насколько распространены колдуньи и столь любимые ими травы. И вот вместо того, чтобы заниматься опытами, он попал к Лесе.

Дарж остановился у окна, наблюдая за миром по ту сторону оконного стекла. С земли поднимался туман, и все

вокруг — холмы, небеса и деревья — окунулось в серую дымку. Иногда Даржу это даже нравилось: мир, лишенный цвета, наполненный одними тенями. Или это лишь потому, что он не знал иного мира?

Нет, однажды его мир *был* цветным. Рыцарь мысленно нарисовал себе прекрасную девушку, с глазами такими же теплыми и золотистыми, как мед. Только цвет ее глаз стал другим. Они были теперь не карими, а ярко-синими, как сапфир.

А ты ведь — старик, Дарж из Стоунбрейка.

Но это также не являлось абсолютной истиной. Потому что не всегда он чувствовал себя стариком. Временами, когда поблизости находилась леди Эйрин, он как будто снова молодел, его переполняли надежды, захлестывала энергия. Однако то были лишь глупые мечты, и Дарж прекрасно понимал это.

Ты хочешь казаться сильным, как скала, сэр рыцарь, — прошипел в памяти голос, — *но в сердце твоем поселилась любовь, и теперь ты уязвим чувствами к другой... если бы ты только был молод и достаточно красив, чтобы стать достойным ее...*

Пусть это и жестоко, драконы все-таки говорили правду. Разве не так сказал ему Фолкен? Древнее существо по имени Сфитризир понимало его душу лучше его самого.

И кое-кто еще...

Каким-то образом в Пустоши, когда они с Лирит, пытаясь защититься от беззвучного неистовства бури, прижимались друг к другу, в то время как Фолкен, рискуя жизнью, отправился к руинам бывшей Цитадели Огня, колдунья коснулась его руки и сделалась очень близка к нему. Опасно близка. Пока она смотрела на него, Дарж увидел, как перед глазами пробегает прошлое, словно его на сцене исполняют актеры. И все сокровенные тайны души обнажились перед ней.

Они никогда не обсуждали это. Но каждый раз, когда она и Эйрин оказывались поблизости, он видел знание в ее глазах. Тем больше оснований у него возникало для того, чтобы вернуться в Эмбар. Эйрин никогда не сможет узнать о его чувствах. Никогда *не узнает*. Она и без того несет достаточно тяжелое бремя. И нет смысла обременять ее любовью, ответа на которую у него не будет никогда.

Если бы только Дарж смог найти способ проститься с баронессой, не причиняя ей вреда! Казалось, этой невинной душе пришлись по нраву его забота и покровительство. Такую любовь нельзя принимать за глубокое чувство, Дарж это прекрасно понимал. И все равно, оставив ее, он причинит ей боль...

Не найдя ответа на терзающий его вопрос, рыцарь вздохнул и отвернулся от окна.

В следующее мгновение Дарж увидел трех молодых женщин. Он не был знаком с ними лично, но узнал в них придворных дам королевы. Что заставило их подняться в такую рань? Затем он заметил спутанные ветром волосы, грязь на руках и щеках, клочки сухой травы и прутьев, прилипших к подолу платьев. Ему стало ясно: эти женщины не только что проснулись, а, наоборот, только сейчас собираются отправиться в постель.

Он приветливо кивнул им, и девушки рассмеялись в ответ. Они склонили головы и, перешептываясь, поглядели на рыцаря. Он невольно почувствовал, как краснеют его щеки. Это вызвало еще больший приступ веселья. Затем, схватившись за руки, юные дамы побежали по коридору.

Дарж сурово посмотрел им вслед. Он с симпатией относился к сильным женщинам. Его благородная госпожа, леди Грейс, обладала великой силой. Но подобного — праздных игр с заклинаниями и мелкими проказами — он не одобрял. Как бы он хотел, чтобы Эйрин не стала такой!.. Ее наставница, леди Лирит, никогда не предавалась легкомысленным поступкам, и за это Дарж уважал ее.

Все равно Дарж хотел бы выяснить, знает ли о чем-то сэр Бельтан. В этом замке слишком много женщин, каждая имела свои секреты, каждая наблюдала и ждала. Все походило на карту, что он вытянул из колоды старой гадалки: прекрасная женщина взирала на него с луны, словно наблюдала за ним.

Он был прав в отношении морнишей — странный народ. Зря они все-таки пошли к ним в деревню. Слова старухи расстроили и Эйрин, и Лирит.

А что для тебя значат ее слова, Дарж из Стоунбрейка?

Обман, и ничего больше. За последние месяцы Дарж увидел многие чудеса, это так, но чудеса, произведенные руками богов, а не людей. Он не верил в человеческую магию.

Тем не менее магия сведет тебя в могилу...

Ледяной воздух окутал Даржа, он задрожал, и мурашки побежали по спине. Наверное, распахнулось окно? Если так, то ветер прилетел из глубин зимы, а не из ласковых дней конца лета. Он повернулся к окну, чтобы закрыть его, и во второй раз за утро увидел приведение.

Хотя Дарж и был человеком логического, трезвого склада ума, однако сразу понял, что эти тени — не просто игра света и мрака в отражающей поверхности зеркала. Они стояли у плотно закрытого окна — такие же бесцветные и прозрачные, как и туман за окном. Одна — дева лет двадцати, миленькая, но далеко не идеальная, с очень большим подбородком и широкими глазами. Перед ней — крохотный ребенок, губки бантиком, а волосы настолько же светлые, насколько ее — мрачные и темные.

Сердце Даржа на какой-то миг остановилось. Наступила тишина, похожая на смерть. Те двое казались ни печальными, ни радостными. Они просто глядели перед собой ничего не выражающими глазами. Видели ли они его?.. Затем ее глаза встретились с его, и в них показалась тень признания. Она открыла рот, но никакого звука не последовало.

Дарж отшатнулся. Казалось, кто-то холодным ножом выпустил кровь из его тела.

— Убирайтесь, — прохрипел он. — Я уже стар. Разве вы не можете освободить меня?

По щекам потекли слезы, испаряясь на холодном воздухе. Теперь выражение лица женщины казалось грустным. Она протянула к нему руку, но в этот момент сквозь туман прорвались лучи восходящего солнца. Свет пронзил тела призраков, и в одно мгновение они бесследно исчезли.

6

Лирит проснулась, тяжело дыша.

Затем приподнялась, не вставая, на постели. Ночная рубашка была влажной и липкой от пота. Что-то разбудило ее. Но что именно? Рядом с собой она увидела лишь привычные предметы, освещенные бледным светом, проникающим через узкое окно: стул, стол, платяной шкаф. Лирит быстро закрыла глаза и оглядела помещение другим видом зрения.

Она сразу же заметила мерцающую паутину магии над всеми предметами, сверкающими теперь великолепными цветами, которые раньше казались тусклыми и безжизненными. Лирит захлестнуло тепло Паутины жизни, наполнившее ее сладостным умиротворением. Все так, как и должно быть.

Возможно, ее просто потревожил сон. Почему он пришел к ней, Лирит не знала. Минуло довольно много времени с тех пор, как она думала о том далеком месте и времени. Лирит как наяву ощущала тяжелый дым фимиама, слышала позвякивание бисера и неприятный резкий смех, плывущий по раскаленному воздуху.

Танцуй, чернявая мо!.. Танцуй, если вообще надеешься освободиться. До чего же ты красива, прекрасна, как сама ночь! Да, теперь ты понимаешь: это — единственный путь...

Несмотря на утешающие завитки Паутины жизни, окутывающие со всех сторон, по телу Лирит пробежала дрожь. Что заставило ее вернуться к вещам и событиям, столь далеким и давно минувшим?.. Впрочем, это не такая уж неразрешимая загадка.

Можно спрятаться от судьбы. Но тебе никогда не удастся убежать от нее, ибо она заключена внутри тебя.

Лирит все еще видела изображенное на карте поле битвы и черную фигуру ворона. Нет, все-таки старуха ошибалась. Лирит *удалось* убежать от судьбы. Она убежала от нее в день, когда семь лет назад покинула дом Гултаса. Может быть, Дарж и королева все же правы. Может быть, действительно магия мэрнишей — не что иное, как обман и иллюзия, отравляющие существование и души людей?

А как же этот человек, сестра? Разве то, как он закрадывается в твои мысли, тоже обман?

Вопреки собственному желанию Лирит сосредоточилась, и из нитей Паутины жизни образовала перед собой ярко светящуюся фигуру: черноволосый человек с загадочными глазами и одной ногой. Она легко смогла бы направить нити Паутины жизни так, чтобы добавить ему недостающую ногу, чтобы в ее глазах он выглядел самым совершенным образом. Однако Лирит не стала делать этого.

Прошлой ночью, когда она лежала в постели после встречи с королевой Иволейной, она вызвала подобное видение, но тогда на нем не было никакой одежды — ни камзола, ни пышных синих штанов. Такой дурацкий поступок скорее можно ожидать от молодой колдуньи, только что научившейся создавать из Паутины жизни различные формы, а не от взрослой дамы, достигшей двадцати семи лет. Тем не менее Лирит притянула видение ближе и, прикасаясь к собственному телу, представляла себе, как он входит в нее.

Как и следовало ожидать, это в большей степени походило на прикосновение к холодному речному илу, чем к живой человеческой плоти.

С ее губ сорвался вздох, и она позволила видению растворить-ся. Нет смысла думать о нем. Через несколько дней Сарет покинет Ар-Толор и вместе со своим народом отправится странствовать по миру. Такова его судьба. Старуха права в одном: ничто и никто не сможет оживить землю, так долго пребывающую в запустении.

Настало время вставать. Лирит почувствовала, как сквозь туман пробиваются лучи солнца, наполняя землю и всех, кто обитает на ней, новой жизнью. Затем отпустила Паутину жизни.

И тогда она увидела это. Образ Сарета ослепил ее, но теперь, когда зрение прояснилось, у нее не оставалось никаких сомнений. Переплетение нитей Паутины жизни шевелилось подобно клубку серых змей.

Теплое успокоение переросло в бледный ужас. Каждый раз, когда Лирит использовала Дар, чтобы взглянуть на них мельком, нити Паутины жизни плавно переплетались между со-

бой, образуя узор настолько безупречный, как и паутина паука. Теперь же она видела, как прядь за прядью нити запутывались в клубок, а их цвета тускнели, приобретая пепельный оттенок. Как это могло произойти? Как могла образоваться путаница в самой Паутине жизни?

Она открыла рот и приготовилась закричать. Резкий звук пронзил воздух.

Лирит стиснула губы. Мгновение спустя Паутина жизни исчезла, на ее месте возник прежний вид. Сквозь окно спальни пробивался золотистый солнечный свет: занималась утренняя заря.

И снова раздался звук. Кто-то стучал в дверь. Лирит сбросила одеяло и кубарем скатилась с кровати. Потом она подумает о том, свидетелем чего стала. Возможно, она даже обсудит это с Иволейной и Трессой. Но не сейчас, когда ей так холодно и одиноко.

Лирит подошла к двери и резко распахнула ее. Только увидев расширившиеся от удивления глаза стража, она поняла, что до сих пор стоит в одной ночной сорочке. Она никогда не любила искусство иллюзии, однако бывают случаи, когда оно просто необходимо. Лирит быстро сплела вокруг себя тонкую и изящную паутинку. Страж покачал головой, затем выражение его лица смягчилось. Лирит знала, что теперь он видит ее одетой в красивое голубое платье, вышитое желто-коричневыми цветами, и верит в то, что именно так она и выглядела с самого начала. Не так уж сложно заставить людей видеть то, чего они ожидают увидеть.

— Миледи, — сказал страж. — О вас тут спрашивают. Вы спуститесь вниз?

Лирит прижалась к дверному проему, словно утратив равновесие от сильного неожиданного удара. Слова, сказанные очень-очень давно, вновь прозвучали в ее памяти.

О тебе спрашивают, Лисенни, тебя зовут! Именно тебя хотят видеть больше всех остальных. Прислушайся к их голосам! Разве ты не потанцуешь для них?

— Миледи?

— Кто спрашивает обо мне? — с трудом выдавила из себя Лирит.

— Разве вы не видели, как они подъезжали к воротам?.. Лорд Фолкен Черная Рука и Леди Мелиндора Сребролунная. Они здесь, в Ар-Толоре. — Молодой стражник улыбнулся. — Бабушка когда-то рассказывала мне сказки о них, когда я сидел у нее на коленях. Но они были лишь героями сказочного предания, по крайней мере я верил в них, как в сказочных героев. Я и не думал, что когда-нибудь увижу их своими собственными глазами. Говорят, будто вы знакомы с ними, миледи.

Стражник весь залился краской, очевидно, смущенный своим порывом.

Лирит задумалась над его словами. Значит, Мелия и Фолкен в замке? Конечно же, было бы неплохо увидеть их обоих. Она успела сильно привязаться к ним. Но зачем они приехали? Они ведь вроде отправились на поиски своего друга и родственника Мелии — Тума.

— Прямо сейчас они движутся в большую залу, собираясь просить приюта у королевы. Так вы идете, миледи?

— Сейчас спущусь.

Лирит отнюдь не хотела встречаться с леди Мелией в воображаемом платье.

Лирит закрыла дверь и обернулась. Ее разум прояснился, как туман в утреннем свете. Обманы и иллюзии, ничего больше. Тем не менее, приблизившись к шкафу за платьем, она не смогла удержаться и бросила взгляд в угол комнаты. На этот раз она увидела лишь привычную пустоту.

Через несколько минут Лирит вошла в просторную залу Ар-Толора. Небольшая группа людей стояла перед возвышением, на котором располагался трон королевы. Самой Иволейны видно не было.

— Ах, вот ты где! — воскликнула Эйрин и, придерживая подол желтого платья, бросилась навстречу Лирит. — Мы ждали тебя. Где ты была все это время?

Лирит криво улыбнулась:

— Одевалась.

Не обращая внимания на озадаченный взгляд Эйрин, она направилась прямо к Фолкену и Мелии, которые стояли рядом с Даржем. Оба, казалось, немного изменились с последней их встречи, хотя этого вполне следовало ожидать. Поскольку Фолкен происходил из королевства Малакор, которое пало несколько веков назад, то сейчас ему уже свыше семисот лет. А Мелия даже старше его. Богиня Тарраса покинула небесную обитель, чтобы странствовать по миру в человеческом обличье.

Фолкен был облачен в свой обычный, изношенный от бесконечных переездов костюм: бежевую тунику и мантию цвета морской волны. Тронутые сединой волосы были по-прежнему взлохмачены, а морщинистое лицо, как и раньше, очень походило на волчье. Мелия сменила длинное синее платье на простой балахон оттенка лунного света. В остальном миниатюрная женщина с царственной осанкой выглядела, как и всегда: медно-красная кожа была безупречно гладкой, волосы иссиня-черной волной ниспадали на спину.

Фолкен радостно улыбнулся, когда Лирит приблизилась к нему.

— Надеюсь, ты доставишь удовольствие старому барду, — сказал он, заключая ее в объятия. — Не каждый век удается обнимать прекрасную графиню.

Лирит рассмеялась и с равной силой обняла его в ответ. Темная щетина бороды оцарапала ей щеку, но это не имело

никакого значения. От Фолкена исходил запах леса. Бессмертный бард был странным созданием, но в то же время очень милым. Лирит и не сомневалась в этом, несмотря на то что о нем говорили в народе. Она никогда бы не поверила в то, что целое королевство было обречено им на гибель.

— Ты хорошо выглядишь, милая, — промолвила Мелия, бесшумно приблизившись к ним.

Лирит и не рассчитывала, что Мелия обнимет ее, как Фолкен. Дело не в том, что Мелия не любила ее; просто в мире всегда существует некое расстояние до бывшей богини, и именно оно делает ее такой холодной, лучезарной и недостижимой, как ее тезка. Лишь Фолкен, казалось, был способен преодолеть эту бездонную пропасть. Еще, пожалуй, сэр Бельтан и мастер Тревис, хотя и в меньшей степени. Лирит сдержанно поклонилась.

Мелия отступила ни шаг и кивнула в ответ. Янтарные глаза отразили выражение, которое можно было принять за печаль. Приступ раскаяния пронзил грудь Лирит.

Чтобы скрыть неловкость, она задала вопрос:

— Где же королева?

— Боюсь, вы опоздали, миледи, — ответил Дарж.

Эйрин бросила на рыцаря сердитый взгляд:

— Иволейна не покинула нас, Дарж. Она всего лишь отправилась завтракать.

— Мы уже сами собирались чего-нибудь перекусить, — вступил Фолкен, перекидывая через плечо потертый деревянный футляр, в котором находилась лютня. — Присоединишься к нам, Лирит?

Девушка кивнула и взяла его за галантно предложенную руку.

— Фолкен, — окликнула Эйрин, когда они направились к двери, — вы все еще не рассказали нам, зачем приехали в Ар-Толор. Я полагала, вы некоторое время собирались путешествовать вместе с Тумом.

Бард пожал плечами:

— Тум решил, что лучше отдохнуть. Ему уже больше двух тысяч лет, поэтому мы не стали с ним спорить. Кроме того, когда мы услышали, что созывается Верховный Шабаш, то решили приехать сюда.

Лирит замерла:

— Но королева Иволейна созвала Верховный Шабаш совсем недавно.

— Да, милая, — ответила Мелия. — Мы знаем.

Лирит снова внимательно посмотрела на нее. Даже не являясь больше богиней в истинном смысле слова, Мелия до сих пор сохраняла таинственные и огромные силы. Колдуньи всегда относились к ней с глубоким почтением, но при этом и

остерегались ее. Мелия относилась к новой религии Тарраса, а не к древнему культу Сайи.

Кроме того, кажется, в наши дни быстрее всех среди колдуний продвигаются те, кто держится в стороне от имени Сайя, не так ли, сестра Лирит?

Глубокие морщины на лбу Даржа сделались еще выразительнее.

— Я ничего не слышал о Верховном Шабаше. Что это такое?

Лирит открыла рот, раздумывая, что сказать рыцарю, но не успела произнести и слова, как ее перебил другой, пронзительный и надтреснутый голос:

Мой добрый, мрачный рыцарь, разве ты не знаешь
То место, где швеи прядут, а пряхи шьют,
Вплетая тайны в Паутину жизни?
Итак, пойдем же на Верховный Шабаш.

Когда Лирит заметила желто-зеленую вспышку света, шут уже карабкался вниз по гобелену, подобно огромному пауку. Должно быть, скрывался среди колонн залы, слушая все, что там говорилось.

— Убирайся прочь! — рявкнул Дарж, и его рука потянулась к кинжалу, висевшему на бедре.

Шут испуганно отшатнулся.

Фолкен положил ладонь на руку Даржа.

— Не нужно. Когда-то в этой зале он восседал на королевском троне. Позволь ему остаться.

Таркис развел в стороны костлявые руки и дурашливо отвесил поклон. Колокольчики на его колпаке нестройно зазвенели.

— Нет желания беспокоить, нет желания вредить. Сложу-ка я стишок, гостей развеселить.

Дарж явно не был настроен на стихи.

— Ладно, выскажись, плут. А потом ступай прочь.

Таркис так низко поклонился, что коснулся лбом острых мысов башмаков. Однако в тот миг, когда Дарж отвернулся, шут стал дурачиться, мимически изображая с жуткой правдоподобностью выхватывание меча и готовность рыцаря напасть на него. Лирит еле сдержала смех, а Эйрин зажала рот рукой.

Дарж резко обернулся.

— Каким бы ни было твое прошлое, шут, ужимки твои здесь неуместны.

— Ну, не знаю, — возразила Мелия, приблизившись к взбешенному эмбарцу. — Думаю, он мне нравится. Расскажи нам свой стих, Таркис. Пожалуйста, прошу тебя.

Шут вскочил на ноги и принялся пронзительным голосом выкрикивать слова, сложенные кое-как, сшитые вместе суровой ниткой небрежной, ломаной рифмы:

Однажды волк сказал луне:
«На этой тропке не остаться мне.
Ее конец началом
Всегда казался мне».

Однажды ночью луна сказала волку:
«Пойдем-ка полетаем, зачем сидеть без толку?
Будем есть с солнца и со звезд пить —
Все, о чем мы мечтали, нашим может быть».

Только вот одна беда,
Волк так высоко не прыгнет никогда.
И луне не спуститься к нему —
Такого горя не пожелаешь никому.

С каждым произнесенным словом улыбка на лице Мелии постепенно угасала. Когда Таркис умолк, она отвела глаза. Фолкен посмотрел на нее и вздохнул. Лирит не могла понять, почему стихотворение так расстроило их обоих.

— Твоя поэзия, шут, не сулит хорошего приема, — сказала она.

— Разве я говорил о приеме? — В глазах Таркиса вспыхнул лукавый огонек. — Наверное, я имел в виду прощание. Одно так сильно похоже на другое, что иногда их трудно отличить друг от друга.

— Скорее всего ты просто плохой поэт, — вмешалась Эйрин. — В конце концов однажды я в стихах даже превзошла тебя.

Таркис торопливо устремился к баронессе.

— Но мы ведь так и не закончили игру, милая. Я прочитаю тебе твой стих, когда мы встретимся в следующий раз.

Не успела Эйрин ответить, как шут, совершив несколько прыжков, оказался у двери. Звеня колокольчиками, он юркнул в дверной проем и был таков.

Воцарилась долгая тишина, которую, откашлявшись, нарушил Дарж.

— Я тут подумал, — произнес он, по-видимому, не адресуясь ни к кому из присутствующих, — лорд Фолкен и леди Мелия могут предложить вам и лучшую компанию, и лучшую защиту, чем я. Возможно, раз уж они оказались здесь, пришло время мне вернуться в Стоунбрейк. Пора посмотреть, как идут дела в моем поместье.

Голубые глаза Эйрин расширились от удивления.

— Послушайте, Дарж, вы даже в шутку не должны говорить о своем отъезде! — Она бросилась к нему и решительно схватила его за левую руку. — Я уверена, что ваш управляющий

прекрасно позаботится о поместье. Пожалуйста, обещайте, что останетесь с нами.

Эмбарец заколебался, затем кивнул и на мгновение крепко сжал своими грубыми пальцами ее гладкую, нежную руку.

— Как пожелаете, миледи.

Эйрин вся зарделась от удовольствия, а измученное заботами лицо Даржа сделалось еще более морщинистым, чем обычно.

Лирит и не нужно было проникать в его мысли, как она сделала в пустынях, чтобы узнать, чего стоил ему этот жест. Как бы ей хотелось так никогда и не узнавать о чувствах рыцаря к Эйрин. А иногда она жалела, что не может рассказать о них сестре. Однако вдруг когда-нибудь и представится подходящий случай...

Впрочем, нет. Это глупо. Дарж почти вдвое старше Эйрин. И хотя подобные браки далеко не редкость, их заключают ради земель, денег или ради союзов государств, но не ради любви. Дарж никогда не осмелится рассказать Эйрин о своих истинных чувствах. И Лирит поклялась никогда не делать этого.

Но кое-что еще тяготило его. Сегодня Дарж выглядел даже мрачнее обычного. Возможно ли, что с ним что-нибудь приключилось? Или после путаницы, которую Лирит увидела утром, ей все казалось не совсем нормальным?

— Пойдемте, — сказал Фолкен. — Королева одарила нас гостеприимством, и я готов воспользоваться им. Давайте позавтракаем.

7

На следующий день в Ар-Толор начали прибывать колдуньи.

Эйрин заподозрила, что происходит нечто странное, еще утром, когда сидела у себя в опочивальне и завтракала. По спине пробежала дрожь; под влиянием какой-то неведомой силы она положила ложку, поднялась и подошла к окну. Внизу, во дворе замка, на вороном коне сидел наездник, облаченный в зеленую мантию с капюшоном. Стражник протянул руки, чтобы помочь ему спешиться. Путешественник поднял голову, и капюшон соскользнул с головы, открыв взгляду каскад роскошных золотых волос. Наездником оказалась женщина уже не юная, средних лет, но все еще обладающая притягательной красотой.

Очевидно, стражник тоже удивился, как и сама Эйрин, поскольку отступил на несколько шагов. Женщина на коне повернула голову, словно кого-то искала взглядом. Затем взгляд незнакомки остановился на окне, из которого наблюдала Эйрин, и на губах у нее появилась едва заметная улыбка. Эйрин на мгно-

вение вгляделась в глаза цвета морской волны. Затем, задохнувшись, отпрянула от окна. Ей почудилось, будто женщина во дворе замка видела, как она рассматривала ее. Но это ведь невозможно.

После завтрака Эйрин отправилась на поиски леди Трессы. Им предстояло еще немало сделать до наступления темной луны и до начала шабаша, который, насколько Эйрин стало известно, будет продолжаться целых четыре дня. Она находилась у входа в галерею замка, когда уловила запах, напоминающий аромат ночного цветка. Это казалось странным не потому, что сейчас был почти полдень, а из-за того, что, несмотря на все свое великолепие, подобно другим замкам, где доводилось раньше бывать Эйрин, Ар-Толор благоухал скорее как уборная во дворе, нежели как цветущий сад.

Она обернулась и сразу же увидела, как среди двух колонн скрылась высокая стройная фигура в черном. Эйрин поспешила вслед за ней, однако ничего не обнаружила, кроме кучки белоснежных благоухающих лепестков на каменном полу.

Только после полудня Эйрин закончила подсчет всех свечей, хранившихся в погребе замка. Задание показалось ей странным, но Тресса попросила ее именно об этом, и она добросовестно выполнила поручение. Эйрин шагала по коридору, отряхивая с платья пыль и паутину. Работать в погребе оказалось еще неприятнее, чем она могла себе представить.

— Не возражаешь, если я возьму несколько паутинок, милая?

Эйрин подняла голову и увидела убеленную сединами старуху, одетую в бесформенное коричневое платье. На ее бугристой голове осталось совсем мало волос, а синие глаза все еще молодо сверкали на испещренном морщинами лице.

Эйрин пожала плечами:

— Нет, вовсе нет. Вот, возьмите, — и она протянула ей серый комок.

Старуха почмокала, так как была совершенно беззуба, и сунула паутину в карман.

— Спасибо, голубушка, — сказала она и пошла дальше.

Пройдя несколько шагов, Эйрин остановилась. Затем оглянулась через плечо, но старуха уже исчезла из виду. Эйрин отвернулась и поспешила к себе в спальню. Там она обнаружила Лирит, которая пестиком что-то молола в ступке. В комнате стоял свежий горький запах.

— В замке происходит нечто необычайное, — промолвила Эйрин, закрывая за собой дверь.

Лирит, не отрываясь от работы, таинственно улыбнулась.

— После рассвета прибыло пять колдуний, когда я последний раз разговаривала с Трессой.

— Я так и знала! — сказала Эйрин, опускаясь в кресло. — Я *знала*, что это колдуньи. Каждая из них по-своему была странной. — Ей в голову неожиданно пришла мысль. — Но как же они могут приезжать в замок, когда Иволейна только вчера вечером объявила о предстоящем Верховном Шабаше?

— Ты хочешь сказать, что только вчера вечером она сообщила *нам* о Верховном Шабаше. Не исключено, что она отправила послания несколько недель назад.

По телу Эйрин пробежала нервная дрожь, и она выпрямила спину.

— Да, но какие послания?

Лирит молча высыпала в ступку несколько сухих листьев. Эйрин этого ответа было достаточно. Иволейна действительно *отправила* послания о шабаше, однако не те, что пишут чернилами на бумаге. И, быть может, поэтому и приехали Мелия и Фолкен. Возможно, леди Мелия случайно услышала об этом.

Почему же ты не услышала, Эйрин? Или Лирит?

Скорее всего послания не предназначались для их ушей. А Эйрин обладала лишь ограниченной способностью общаться при помощи Паутины жизни, хотя, конечно же, хотела достичь в этом деле большего совершенства. И Лирит собиралась помочь ей вне зависимости от того, желает она того или нет.

Вздох сестры привлек внимание Эйрин. Пестик замер в руках Лирит. Ведьма рассеянно глядела перед собой.

— С тобой все в порядке, сестра? — заботливо поинтересовалась Эйрин.

Лирит в ответ лишь улыбнулась.

— Леди Тресса разыскивает тебя. Полагаю, хочет дать тебе еще одно поручение.

Последующие дни пролетели очень быстро. Как оказалось, до начала шабаша леди Тресса приготовила еще много заданий для них обеих. Они помогали проветривать дюжины свободных комнат замка, а также провели долгие часы в рискованных вылазках в прилегающие к Ар-Толору рощи в поисках золотолиста, лунного колокольчика и других трав, которые приказала им найти Тресса. Каждую из этих трав можно было растереть, превратив в дурманящее благовоние, полезное для очистки воздуха и более острого зрения.

Однако были и такие поручения, смысла которых Эйрин просто не понимала. Девушкам приказали сжечь три свечи: одну до основания, вторую наполовину, а третью было велено зажечь лишь на одну минуту — затем ее погасили и завернули в лоскут красного полотна. В самый темный час ночи они наносили воды из колодца, расположенного во дворе замка, хотя Эйрин с трудом понимала, чем та может отличаться от воды, принесенной

при свете дня. Влага есть влага. Она обнаружила это, когда, сонная, опрокинула на себя ведро со студеной водой.

— По крайней мере это разбудило и взбодрило тебя, — смеясь, бросила Лирит и опустила ведро в колодец.

Самое необъяснимое случилось тогда, когда Тресса приказала с помощью придворных дам Иволейны сшить три женских платья. Первое соткали из шерсти белого ягненка. Второе было сверкающее, зеленое, украшенное тростником. Третье — черное, как дым, выкрашенное древесной золой. Для чего понадобились три разных платья?

Когда Эйрин спросила об этом, Тресса лишь улыбнулась:

— У нее три лица, и потому она надевает три платья: одно для пробуждения, другое для полноты, третье для убавления.

— Кто надевает? Для кого эти наряды? — спросила Эйрин, сбитая с толку более обычного.

Тресса улыбнулась еще шире.

— Послушай, Лирит, — потребовала Эйрин за ужином в большой зале, пытаясь говорить как можно тише, поскольку королева сидела всего в нескольких метрах от нее. — Что же на самом деле такое этот самый Верховный Шабаш?

— Увидишь, — ответила Лирит и сделала глоток вина.

Эйрин едва не застонала вслух. Снова двусмысленность! Затем глаза ее прищурились.

— Ты ведь сама этого не знаешь, верно?

Лирит отвела взгляд.

— У меня есть... одна мысль.

Эйрин была не вполне уверена в природе этой мысли: являлось ли это случайностью, инстинктом или невысказанным словесно посланием, переданным по Паутине жизни. Тем не менее она без труда угадала слово, вертевшееся в мыслях Лирит.

— Разбиватель Рун, — прошептала она.

На этот раз Лирит все-таки пристально поглядела на нее.

— Больше не произноси это слово вслух, сестра. Не раньше, чем его другие произнесут при тебе. Ты поняла меня?

Эйрин никогда не слышала, чтобы Лирит разговаривала с ней так грубо. Она резко кивнула и до конца ужина не промолвила ни слова.

Когда стемнело, в Ар-Толор стали прибывать все новые и новые колдуньи. Некоторые появились в замке еще раньше, причем открыто, при ярком свете дня, остальные — с наступлением сумерек. Временами Эйрин просыпалась среди глубокой ночи, подходила к окну и видела, как во дворе замка появляются едва различимые фигуры и, склоняя головы, безмолвно общаются друг с другом. Вскоре казалось, будто каждый камень

крепости эхом повторяет каждый шепот, а слуги и стражи замка стали перемещаться быстрыми шагами с боязливостью мышей, хорошо знакомых с проказами кота.

Эйрин принялась считать дни. Ее никак не оставляла мысль о том, что, если Верховного Шабаша придется ждать еще долго, она просто лопнет от любопытства. Немного скрасить время помогало общество Мелии и Фолкена. Они рассказывали ей истории о былом величии королевства Малакор и о Таррасе, когда он все еще был процветающим городом великой империи. Но хотя истории казались ей интересными, они всего лишь отвлекали от главного. Не прошлое интересовало Эйрин, а то, что произойдет в ближайшие дни.

Это случилось утром того дня, когда должен был начаться Верховный Шабаш. Эйрин обнаружила, что морниши окончательно покинули Ар-Толор. В одну из ночей они свернули свои яркие навесы, уложили их в причудливые кибитки и двинулись в путь.

После завтрака, который Эйрин едва могла проглотить из-за охватившего ее волнения, вместе с Лирит она спустилась к толпе, собравшейся у стен замка. Из слов Трессы явствовало, что теперь все готово к шабашу.

В траве легко различались пожелтевшие места, где еще не так давно располагались повозки морнишей. У одного из таких мест Лирит опустилась на колени и что-то выдернула из высохшей травы. Ее находка ярко блеснула. Это был один из дешевых бронзовых амулетов, которые морниши продавали для отпугивания болезней, облегчения болей и любовного приворота. Амулет имел форму паука. Эйрин стало интересно, для чего он предназначался.

— Жаль, что мы больше не увидим морнишей!

— Тем лучше для нас, — без всякого выражения произнесла Лирит.

Эйрин удивленно поглядела на нее.

— Что с тобой? — спросила она, касаясь руки сестры.

Лирит глубоко вздохнула и улыбнулась:

— Ничего. Правда.

Эйрин кивнула. Слова старой гадалки взволновали их обеих. Она снова вспомнила картину, что увидела в кувшине Иволейны, и карту, которую дала ей старуха. Но что это означает? Из всех знакомых ей замков только Ар-Толор имел семь башен. А Иволейна являлась его повелительницей.

— Нам следует вернуться в замок, — вымолвила Лирит. — Сегодня вечером нужно будет думать о многих других вещах. Морнишам в наших мыслях не место.

Эйрин кивнула, и они зашагали тем же путем, каким и добрались в замок. Но от нее не ускользнуло то, как бережно Лирит свернула ожерелье с пауком и сунула его в карман платья.

8

Казалось, день никогда не кончится. Эйрин пыталась заняться вышиванием, но нитки постоянно так и норовили запутаться и сплестись в узелок. Лирит рассказала, что первое собрание шабаша будет представлять собой приветственное заклинание, которым все колдуньи поздороваются друг с другом. Настоящая работа Верховного Шабаша начнется в последующие дни. Эйрин не совсем понимала, когда все должно начаться, однако инстинкты подсказывали ей, что это произойдет не раньше, чем солнце скользнет за горизонт, оставив мир на попечение других, более могущественных сил.

Мысли Эйрин нарушил стук в дверь. На пороге стояла женщина, которую Эйрин раньше никогда не видела. Она была невероятно высока и худа, каштановые волосы коротко пострижены на мужской манер. Простое светло-зеленое платье. Точно такое же платье было перекинуто у нее через руку.

— Пора идти, — сказала она и, прежде чем Эйрин успела открыть рот, протянула ей платье. — Я — Нейла, твоя проводница. Накинь это и следуй за мной.

Вскоре Эйрин шагала по плохо освещенным коридорам Ар-Толора, следуя за Нейлой вместе с еще несколькими молодыми девушками. Одна за другой они заходили в комнаты колдуний, ждали, пока те оденутся в зеленые платья, которые постоянно откуда-то извлекала Нейла, и следовали дальше.

Шагая по коридору, Эйрин разглядывала девушек, шедших с обеих сторон от нее. Все они довольно мило смотрелись даже в этих скромных зеленых одеяниях с короткими рукавами, оставлявших наполовину открытыми стройные обнаженные руки. Эйрин старалась не обращать внимания на собственную сухую правую руку. Она еще в детстве крепко запомнила, что нужно всегда скрывать уродливую конечность. Теперь же, когда ее рука оказалась на виду, Эйрин ощущала себя едва ли не полностью обнаженной.

Почувствовав, как мурашки пробежали по коже, она обернулась и увидела, что какая-то молодая женщина беззастенчиво разглядывает ее. Даже не ее саму, а ее руку. Незнакомка быстро отвела глаза, но Эйрин успела заметить выражение ужаса, застывшее на ее лице.

Они достигли перекрестка и наткнулись на другую группу женщин в зеленых одеяниях. Все были еще моложе тех колдуний, вместе с которыми пришла Эйрин. Самой старшей из них едва исполнилось пятнадцать, а младшая определенно еще не миновала свою двенадцатую зиму. Разве можно быть настоящей колдуньей в столь юном возрасте?

Словно почувствовав на себе посторонний взгляд, девчушка подняла глаза. Эйрин увидела многозначительное выражение ее лица и изогнутые в улыбке губы и поспешно отвела глаза.

Только когда Нейла кивнула женщине, возглавлявшей вторую группу, Эйрин поняла, что та, другая, была не кто иная, как Лирит, которая очень элегантно выглядела в зеленом платье. Черные волосы лежали на ее плечах изящными крупными завитками.

Эйрин открыла было рот, чтобы что-то сказать, но, заметив, как Лирит едва заметно покачала головой, не осмелилась обратиться к ней.

Только не сейчас, прозвучал ее голос в голове Эйрин. *Иди вместе со всеми, все вопросы потом.*

Лирит кивнула высокой колдунье, после чего, не говоря ни слова, обе отправились вперед по коридору. Остальные колдуньи последовали за ними, слившись в одну группу.

Только выйдя за двери на прохладный воздух и вдохнув аромат вечерних цветов, Эйрин поняла, куда все направляются. Они оставили позади каменные стены замка и зашагали по извилистой тропинке в глубь садов Ар-Толора.

Здешние сады занимали большую площадь и разрослись еще гуще, чем сады в Кейлавере, где повсюду были проложены аккуратные дорожки, а хорошо ухоженные живые изгороди образовывали настоящий лабиринт. Еще в детстве Эйрин подолгу играла в саду и могла найти дорогу в любую его часть даже с закрытыми глазами. Здесь же аллеи самым невероятным образом переплетались между собой, и каждый поворот мог совершенно неожиданно привести то к пещере, то к тенистому фонтану, то к непролазным зарослям кустарника.

Они прошли под поросшей мхом каменной аркой, которую Эйрин ни разу не видела за все то время, что бродила по этому огромному саду, и вышли на площадку за ней.

Она была похожа на настоящий храм из зелени. Вековые деревья образовывали двойные колоннады. Стволы смыкались высоко над головой, образуя изящные перекрытия. Цветущие лианы переплетались среди ветвей, образуя настоящие стены и купол. Сверху пробивался серебристый лунный свет. На земле поблескивали опавшие лепестки цветов. На легком ночном ветерке, словно шепот тысяч голосов, неумолчно шелестели листья. Эйрин испытала настоящий трепет, она-то знала, что это не просто шепот листьев.

Сад был полон колдуний.

На всех были одинаковые светло-зеленые платья, и во мраке их одеяния сливались с листвой деревьев, поэтому представлялось совершенно невозможным определить их истинное количество. Однако Эйрин абсолютно точно знала: там около

двух сотен колдуний. От этой мысли девушку снова охватила легкая дрожь.

О Грейс! Как жаль, что тебя нет рядом со мной и ты не видишь того, что вижу сейчас я. Это так великолепно! Я и представить себе не могла, что нас так много. Ты увидела бы, что не одинока, и поняла, что никогда не была одинока.

Мраморная лестница в дальнем конце рощи вела наверх, к помосту круглой формы. На нем располагались семь пьедесталов, вершину каждого венчала светящаяся сфера. Эйрин предположила, что это стеклянные шары, наполненные светлячками. Но ведь это нелепо! Как они могли оставаться живыми? Кроме того, для светлячков уже поздно, они не водятся в конце года, да и отбрасываемый сферами свет имел не желтый, а зеленоватый оттенок, подобный свету луны, просачивающемуся сквозь листья деревьев.

— Что же это может быть? — пробормотала Эйрин.

Она почувствовала на себе взгляд сестры и заглянула в глаза Лирит.

Это называется «ведьмин огонь», сестра. Он ярок, когда смотришь на него, но холоден, когда касаешься.

Ведьмин огонь? Раньше Лирит никогда не упоминала о подобных вещах. Эйрин открыла было рот, чтобы задать вопрос, но в этот момент заговорила высокая колдунья, возглавлявшая ее группу:

— Подойдите сюда!

Нейла проводила девушку и ее спутниц к середине рощи, а Лирит отвела свою группу в сторону. Они прошли мимо других колдуний и, когда снова остановились, Эйрин заметила, что все женщины стоят в строго определенном порядке. Самые молодые расположились справа, и все как одна были обращены лицом в сторону возвышения. Группа Эйрин находилась слева от них, а в самой середине рощи стояли колдуньи возраста Лирит и Грейс. За ними устроились женщины более зрелого возраста. Многие из них все еще сохранили следы былой красоты, хотя их волосы уже тронула седина, а лиц коснулись лучики морщин. В самом дальнем конце, слева, почти затерявшись среди теней, стояли самые старые: колдуньи со сгорбленными спинами, скрюченными конечностями и беззубыми ртами.

Обернувшись, Эйрин увидела что-то вроде вспышки белого света. Она посмотрела внимательнее и тяжело вздохнула. На мгновение показалось, что она видит молодую женщину, одетую в белоснежные лепестки, которые, медленно кружась, падают вниз. Эйрин моргнула и поняла: на незнакомой девушке то самое белое платье, которое они с Лирит помогали плести всего несколько дней назад.

— Разве оно не прекрасно? — прошептал ей кто-то на ухо.

Оглянувшись, Эйрин увидела ту самую колдунью, которая совсем недавно беззастенчиво разглядывала ее изуродованную руку.

Эйрин кивнула. В детстве она часами смотрелась в зеркало, пытаясь представить себе, как будет выглядеть, когда повзрослеет. Она представляла себя темноволосой стройной красавицей. Тем не менее, став старше, Эйрин так и не увидела в себе той прекрасной молодой женщины, глядевшей на нее когда-то из зазеркалья. До настоящего момента.

Молодая колдунья в белом скорее всего приходилась Эйрин сестрой. Ее волосы были темны, словно ночные тени, глаза подобны голубым жемчужинам, а кожа гладкая, как слоновая кость. Однако между ними существовали и некоторые различия, так как одна их них несла себя прямо и гордо, уверенно глядя на окружающий мир, а из-под белого платья виднелись две безупречной формы руки.

— Кто она?

Теперь молодая девушка с карими глазами рассмеялась. Ее смех прозвучал словно насмешка.

— Как, разве ты не знаешь? Сайрин будет сегодня Девой этого шабаша.

Дева?

Эйрин уже открыла рот, чтобы задать вопрос, но в этот момент над садом прозвучал необычный звук.

Три юные колдуньи стояли на ступеньках возвышения. Каждая из них держала в руке серебряный колокольчик и, покачивая им, издавала волшебный звон.

Когда звуки утихли, девушки покинули возвышение. По всей вероятности, сейчас начнется первое собрание шабаша, потому что остальные колдуньи поспешно стали пробираться на свои места.

— Извини, милочка, — проскрипел чей-то голос. — Эти старые кости слишком остры. Я бы не хотела проткнуть тебя ими.

Эйрин, вздрогнув, обернулась и увидела сгорбленную фигуру. Девушка облегченно вздохнула, узнав гадалку, которой на днях дала клубок паутины. Старуха выглядела точно так же: лысеющая шишковатая голова, скрюченные, как корни деревьев, руки, и красные воспаленные глаза. Правда, теперь на ней было платье пепельно-серого цвета. И снова Эйрин узнала результат работы своих собственных рук — серое платье, которое она вместе с Лирит помогала шить.

— Что с тобой, голубушка? У тебя такой вид, словно ты проглотила птицу и она пытается вырваться на свободу.

Эйрин опомнилась:

— Прошу прощения. Проходите, пожалуйста.

Старуха ухмыльнулась, обнажив беззубые десны, проковыляла мимо девушки и скрылась в тени у подножия ка-

федры. Стоявшая рядом с Эйрин молодая кареглазая колдунья содрогнулась.

— Она отвратительна. — Девушка бросила взгляд на левую сторону рощи. — Они все отвратительны.

Эйрин пожала плечами.

— Они просто стары. Когда-нибудь мы все состаримся, если нам повезет прожить так же долго.

Ее собеседница нарочито поморщилась.

— Я бы не хотела жить так долго, если это предполагает, что я буду похожа на них. Не знаю, зачем мы позволили им прийти. Они только и делают, что брюзжат о Сайе и старых временах, до которых никому нет дела.

— Но всем должно быть до этого дело, — возразила Эйрин. — Может быть, они теперь не молоды, зато *мудры*. А красота — не главное.

Кареглазая молодая женщина сощурила глаза так, что они превратились в щелочки.

— Полагаю, это может сказать только кто-то вроде тебя.

Лицо Эйрин вспыхнуло. Она открыла рот, но не успела произнести ни слова, как кареглазая бросилась бежать к группе девушек, столпившихся вокруг Сайрин. Она что-то прошептала ей на ухо, и Эйрин почувствовала на себе взгляд ее голубых глаз. Сайрин усмехнулась, затем вывернула руку в неестественное положение, подтянув ее наполовину вверх под рукавом белого платья, и завернула пальцы внутрь. Те, кто собрался вокруг нее, совершенно давясь от смеха, зажимали руками рты.

Эйрин презрительно посмотрела на них. Свет в роще потускнел, и смех молоденьких девушек совершенно изменился, становясь выше тоном и повторяясь эхом у нее в голове, пока наконец не перешел в кое-что другое — ритмичный детский стишок.

Маленькая леди,
Что на ней надето
Под голубым платьишком?
Мертвое птичье крылышко,
Будь их два,
Она смогла бы взлететь... едва!

Замолчите, захотелось Эйрин закричать на них. *Замолкните вы все!* Но голос ее был слишком слаб, словно голос маленькой девчонки. Она не могла произнести ни слова и не имела крыльев, чтобы улететь из этого места. Она могла лишь броситься бежать — убежать отсюда и спрятаться там, где ее никогда не смогут отыскать.

— С тобой все в порядке, сестра?

Эйрин отшатнулась, и холодная ладонь Лирит коснулась ее здоровой руки. Это подействовало на нее успокаивающе. Погасли картины прошлого, и перед ней возникла чья-то незнакомая фигура.

Женщина, очевидно, ранее находилась в числе колдуний, стоявших посередине рощи. Должно быть, туда она и направлялась, когда на нее натолкнулась Эйрин. Она была прекрасна, хотя и не той идеальной красотой, как Сайрин. Наоборот, ее красота будто светилась изнутри.

Красоту не портила даже тонкая седая прядка в черных, как вороново крыло, волосах. Несколько лет назад Эйрин встречалась с графиней, обладающей точно такой же экзотической внешностью. Родом она была из восточных областей Эридана. Может быть, это колдунья тоже?

— Что с тобой, сестра?

— Все хорошо. Правда. Спасибо, — ответила Эйрин, то и дело поглядывая на группу девушек вокруг Сайрин.

Ее взгляд не остался незамеченным. Лирит кивнула, и в глазах ее появилось понимание.

— Не обращай на них внимания, сестра. Они сомневаются в собственной красоте, поэтому должны умалять красоту остальных. Когда они подрастут, то обязательно поймут, что красота просто так никому не дается, ее нужно обрести. То же касается и тебя, — сказала Лирит и сделала паузу. — Но ведь ты не по годам взросла, верно?

Она подняла руку и прикоснулась к щеке Эйрин. Та закрыла глаза и почувствовала странное спокойствие.

— Сайя благословляет тебя, — прошептал ей на ухо нежный голос.

Тепло возле щеки куда-то исчезло. Эйрин открыла глаза и увидела, что сестра уже удаляется от нее.

— Но как твое имя? — произнесла она скорее себе, чем остальным, поскольку кричать не посмела. Однако ответ все равно донесся до нее, прозвучав в голове:

Можешь называть меня сестра Мирда.

Затем она затерялась среди толпы.

Взгляд Эйрин привлекли происходящие события. Из тени на возвышение шагнули три фигуры: одна была облачена в белое, вторая — в нефритово-зеленое и третья — в пепельно-серое.

— Я — Ее рассвет, — промолвила молодая девушка в белом.

Это была Сайрин. Только теперь она казалась не заносчивой, а более уравновешенной и степенной. Быть может, Эйрин составила о ней неверное мнение.

— Я — Ее день, — сказала женщина в зеленом, и Эйрин едва не задохнулась, потому что, как только колдунья заговорила, девушка поняла, что перед ней — королева Иволейна.

— А я, — прохрипел грубый голос, — Ее сумерки.

Старая колдунья в сером, с которой Эйрин недавно разговаривала, проковыляла ближе к Иволейне и Сайрин. Эйрин подумала, что было бы интересно узнать ее имя.

Ее зовут Сенраэль, прозвучало в голове Эйрин. *Она будет Старухой на Верховном Шабаше, так же как Иволейна — Матроной, а Сайрин — Девой.*

Эйрин огляделась по сторонам и увидела, что неподалеку, слева от нее, стоит Лирит. Она собралась было мысленно ответить ей, но не имела представления, как это делается. Однако Лирит, казалось, предвидела ее вопрос.

У Нее три лица, и поэтому Ее олицетворяют три женщины. Именно так было всегда.

Эйрин хотелось узнать еще очень многое, но Иволейна снова заговорила, высоко вскинув изящные руки:

— Именем Ее, да замкнется круг, да будет созван шабаш!

При этих словах по спине Эйрин пробежали мурашки. Услышав вокруг себя вздохи, она поняла, что все вокруг почувствовали то же самое. В воздухе присутствовала какая-то неведомая сила.

— Чье имя ты имеешь в виду, Матрона? — раздался из толпы голос.

Все повернули головы в поисках того, кто произнес эти слова. Затем Эйрин увидела ее. Она стояла рядом с возвышением. Эйрин не могла рассмотреть ее, потому что женщина стояла к ней спиной. Она была высокой и гордо, уверенно держалась. Льняные волосы собраны в тугой пучок высоко на затылке, на руках и вокруг шеи можно было разглядеть тонкие золотые нити. Той ночью Эйрин не видела украшений ни на ком из колдуний.

— Что ты хочешь сказать, сестра Лиэндра? — спросила Иволейна, словно это вмешательство являлось частью церемонии.

Колдунья по имени Лиэндра выступила вперед:

— Ты говоришь, что созываешь ведьм на шабаш Ее именем. Ты имеешь в виду Ирсайю? — При последних словах в ее голосе прозвучала презрительная усмешка.

Стоявшая на помосте Сенраэль нахмурилась так, что ее лицо сморщилось еще сильнее. Сайрин переступила с ноги на ногу и закусила нижнюю губу. По толпе прокатился ропот.

— Разве имя имеет какое-то значение? — невозмутимо промолвила Иволейна.

— Думаю, имеет. И очень большое. По крайней мере для многих из нас. Мы обязаны знать, во что верит наша Матрона, до того, как круг шабаша замкнется.

По толпе колдуний вновь прокатился ропот, и многие закивали. Иволейна неподвижно возвышалась над ними. Лишь когда установилась тишина, она заговорила:

— Тогда вот вам ответ, — холодно и отчетливо произнесла она. — Точно так же, как все женщины являются одной, так и все богини.

По толпе пронесся приглушенный шепот одобрения. Эйрин выдохнула воздух и только тогда поняла, что все это время задерживала дыхание. Именно так однажды и сказала Лирит. Кажется, некоторым колдуньям больше не нравится имя Сайя, и они полагают, что ее почитают лишь старухи и бродячие колдуньи. Но так думают не все, верно? У Эйрин в ушах все еще звучали нежные слова Мирды.

Сайя благословляет тебя.

А уж Мирду никак нельзя назвать старухой.

И вновь раздался звон серебряных колокольчиков. Эйрин задрожала и обратила лицо вперед. Лирит говорила, что первое собрание будет всего лишь приветствием, а настоящая работа шабаша не начнется раньше завтрашнего дня. Но все равно интуиция подсказывала ей: нечто должно произойти в ближайшие минуты. Нечто совершенно необычайное.

— Луна находится в тени, — проскрипела старушечьим голосом Сенраэль.

— Из тени возродится Ее свет, — слегка волнуясь, подхватила Сайрин.

Иволейна взяла левой рукой руку Сенраэль, а правой — Сайрин. Затем Сайрин и Сенраэль соединили свободные руки, одну гладкую, другую высохшую, и замкнули круг: от Девы — к Матроне, от Матроны — к Старухе, от Старухи — к Деве — и так по кругу.

— А теперь давайте сплетемся воедино, — промолвила Иволейна, и ее слова прозвучали как песня, — так, чтобы никто никогда не смог бы разорвать наш круг.

В следующее мгновение, когда Эйрин окутали сотни мерцающих нитей, она позабыла обо всем.

9

Лирит снова видела сон, но теперь это нисколько не тревожило ее. Сон был настолько прекрасен, что она не могла противиться ему и позволила себе утонуть в трепещущем водовороте цвета, позволила ему увлечь себя.

Она снова оказалась на зеленой лужайке среди кибиток морнишей и стала разглядывать их причудливые формы. Затем она увидела Сарета. Тот стоял у позолоченного фургона, имевшего форму льва. Сарет показался ей еще красивее, чем в

первый раз. Одетый в рубашку и широкие штаны, увидев девушку, Сарет поманил ее взглядом.

Когда она приблизилась, морниш протянул к ней руку. На его ладони лежал амулет в виде паука, похожий на тот, что она нашла в траве. Правда, этот был сделан не из бронзы, а из золота. Она потянулась, чтобы взять его, но не успела. Амулет зашевелился и пополз по ладони Сарета, как живой. Затем паук впился крошечными золотыми клешнями в ладонь мужчины. На коже тут же выступила рубиновая капелька крови.

Сарет вскрикнул. На руке, прямо на месте укуса, появилась дыра. Лирит в ужасе смотрела, как с каждым мгновением она становится все шире. Его ладонь вскоре полностью исчезла. Та же участь постигла запястье, локоть и плечо. Крик разом прекратился, когда в мгновение ока остальное тело Сарета исчезло с поверхности земли. Осталась только деревянная нога, которая с грохотом упала на землю.

Лирит развернулась и бросилась бежать, но откуда-то из тени деревьев в нее полетели серые нити и скрутили по рукам и ногам, заглушив ее крики. Она попалась в паутину, огромную крепкую паутину, и чем больше пыталась выпутаться, тем туже нити стягивали ее тело.

Окружающий мир потемнел, повозки куда-то исчезли. Единственное, что она слышала, было едва уловимое потрескивание, которое с каждым мгновением становилось все громче. Лирит напрягла все силы и, повернув голову, увидела их — жутких золотых пауков. Их было много, сотни... нет, тысячи. Они стремительно направлялись к центру паутины, в которой беспомощно барахталась Лирит.

Но поблизости оказалось и еще кое-что, нечто, таящееся во мраке за золотыми спинами пауков. Оно имело исполинские размеры. Его отвратительное тело оттягивало паутину, поддерживающую их всех. Оно взирало на нее из тени глазами, подобными черным пустотам, а из раскрытой пасти стекала слюна. Существо было голодно, ужасно голодно, и Лирит знала: что бы оно ни проглотило, оно никогда не насытится. Девушка попыталась кричать, однако на этот раз липкие комки паутины набились ей в рот, перехватив дыхание.

Затем Лирит ощутила боль, словно в нее вонзились сотни игл.

10

Лирит резко приподнялась на постели, схватившись за горло рукой.

Дыши спокойно, сестра. Это был всего лишь сон, сон и ничего больше.

Усилием воли она снова заставила работать легкие, которые принялись наполняться воздухом. Лирит сунула руку под ночную сорочку и вытянула бронзового паука, висящего на шнурке вокруг шеи.

Затем соскользнула с кровати. Пот, покрывавший ее тело во время жуткого, беспокойного сна, начал высыхать. Почувствовав холод, девушка задрожала. Окно спальни мерцало бледным, чуть тревожным светом. Еще не рассвело, но Лирит знала, что больше не сможет уснуть. И это несмотря на то что в некотором смысле сегодняшнее сновидение все же было лучше многих предыдущих. Лучше снов прошлого. Снов, в которых она танцевала.

Но что все они означают? Раньше ей никогда не снились кошмары. Почему же тогда их так много в последнее время?

Ясно одно, сестра. Избегай пить мэддок перед сном.

Или к ночным кошмарам имело отношение что-то другое? Она больше не заметила никакой путаницы в Паутине жизни после посещения морнишей. Возможно, всего лишь разыгралось ее воображение.

Однако *это* никак не объяснялось воображением. Она до сих пор помнила отвращение, переполнившее все ее существо при виде этой гнусности. Никакое количество мэддока не способно вызвать подобного чувства. Как бы ей хотелось, чтобы рядом оказалась Грейс Беккет! Лирит почему-то знала, что Грейс поняла бы ее. Но она находилась сейчас очень далеко. Быть может, если бы она снова взглянула на клубок в Паутине жизни, то знала бы лучше, как найти его. Или смогла бы показать кому-нибудь еще. Возможно, Трессе или Иволейне.

Лирит некоторое время раздумывала. Затем, чтобы не потерять самообладания, закрыла глаза и мысленно обратилась к Дару.

Глухой удар расколол предрассветное небо.

Лирит тяжело вздохнула. Сияющие нити соскользнули с воображаемых пальцев, когда глаза ее широко открылись. На этот раз она не забыла накинуть поверх сорочки платье, прежде чем открыть дверь. Однако на пороге стоял не стражник, а молоденькая колдунья.

— Сестра Лирит, — произнесла девочка самым серьезным тоном. — Госпожа Тресса желает видеть вас.

Девочке, должно быть, еще не исполнилось даже двенадцати зим. Значит, она послушница; она не сможет увидеть Паутину жизни до первой крови. Иногда Лирит завидовала молодым, таким, как эта девчушка, кто научится использовать Дар при первой же соответствующей возможности. Когда Лирит исполнилось двенадцать зим, она еще даже не слышала о колдуньях.

Разрази тебя Сулат, маленькая негодница. Разве ты не могла подождать еще год? Теперь от тебя не будет толку ни сегодня, ни завтра. За это ручаюсь.

Мне очень жаль, Гултас.

Жаль! Птенчику жаль!.. Но это не восполнит мою казну! А теперь послушай меня, негодница. Отныне ты начинаешь следить за собой. Никаких незаконнорожденных детей не должно появиться в моем доме. Именно это я обещаю всем своим повелителям. Минья покажет тебе, как привести в порядок все это безобразие и как уберечься от того, что может пустить корни внутри тебя. Она слишком стара и больше ни на что не годится.

— Сестра Лирит?

Тени куда-то пропали, и снова перед ее глазами возникла та же комната. Лирит непроизвольно прижала руку к животу, словно до сих пор ощущала тепло жизни, когда-то зародившейся там, пусть даже ненадолго.

— Сейчас иду, — сказала она.

Через несколько минут она уже шагала по коридорам Ар-Толора. Что же нужно от нее сестре Трессе? Может быть, она хочет обсудить случившееся на открытии Верховного Шабаша прошлой ночью?

Все оказалось вовсе не так, как предполагала Лирит.

Она знала, что среди колдуний зреет недовольство. Прошло много лет с тех пор, как деревенских колдуний, проповедовавших имя Сайи, сжигали на кострах или забрасывали камнями. Но не настолько много, чтобы забыть о подобных вещах. Некоторые колдуньи желали отдалиться от мрачного прошлого, и Лирит не могла винить их за это. Старуха олицетворяла собой то, чем на самом деле являлись колдуньи. Она была немощна и уродлива, но также и мудра, и коварна. Если они откажутся от Нее, то многое утратят.

Конечно, не все думают так, как Лирит. Однако она никак не ожидала, что кто-нибудь отважится заговорить об этом в первую же ночь Верховного Шабаша. А кто эта златовласая колдунья по имени Лиэндра? Лирит никогда раньше не слышала о ней. Хотя прошлой ночью до нее и донеслись кое-какие обрывки слухов о том, как она приехала из Борелга в Брелегонд, где всего несколько лет назад вступила в сообщество колдуний, будучи дочерью незначительного знатного дома, и стремительно возвысилась в колдовской иерархии.

Все же, несмотря на разногласия среди колдуний, когда Иволейна призвала их сплестись воедино, Лирит почувствовала, как все женщины соединились, вплетая свои нити в одну огромную сияющую паутину. Вероятно, их расхождения возможно без особых усилий преодолеть. Но Лирит не могла искренне погрузиться в плетение. Она лишь слегка коснулась Паутины жизни после того, как узрела путаницу в нитях. Ей хотелось надеяться, что Иволейна не заметила, что в паутине не хватает ее нити.

Она приблизилась к покоям Трессы и обнаружила возле двери придворную даму. Молодая женщина быстро провела ее внутрь и удалилась. Опочивальня Трессы соответствовала характеру ее владелицы: такая же уютная, по-матерински успокаивающая. Пол устилали толстые малиновые ковры, и казалось, что мягкие подушки занимают всю свободную поверхность.

Советница королевы стояла у сводчатого окна. Рядом с ней находилась другая женщина. И тут Лирит осенило. Она поняла, что вторая — Эйрин. Голубое платье сидело на баронессе слегка неровно.

— Спасибо, что пришла, сестра, — промолвила Тресса.

На ней было простое зеленое платье, а ее рыжие волосы собраны в тугой узел.

— Разумеется, сестра, — ответила та, то и дело поглядывая на Эйрин.

Девушка слегка пожала плечами. Очевидно, она также не имела представления, о чем пойдет речь.

— Я видела этот взгляд, сестры, — мелодично произнесла Тресса.

И Лирит, и Эйрин вздрогнули. Но Тресса улыбнулась, чтобы показать, что она не сердится.

— Не думайте, что я могу обвинить вас. Любопытство едва ли является преступлением в нашем кругу, ведь так? И я убеждена, вам обеим ужасно интересно, зачем я вызвала вас сюда в этот час.

— В чем же дело, сестра? — спросила Лирит.

С лица Трессы исчезла улыбка:

— Кое-что произошло.

Лирит слушала с возрастающим интересом, как Тресса описывала произошедшие события.

Оказалось, рано утром послушницу послали разбудить сестру Сайрин, поскольку обычай велел, чтобы девушка, избранная Девой, встречала каждый рассвет в течение Верховного Шабаша. Тем не менее Сайрин в постели не оказалось. Быстро обыскали замок, естественно, не без помощи Дара, и обнаружили местонахождение девушки — казарменное помещение стражников королевы. Когда Тресса увидела Сайрин, та крепко спала. На ее лице сияла счастливая улыбка. Как и на лицах стражников.

Тресса глубоко вздохнула:

— Похоже, наша Дева перестала быть девственницей, а может быть, уже давно таковой не являлась. Следовательно, мы незамедлительно должны отыскать ей замену.

Лирит почувствовала, как у нее сжимается грудь.

— Но сестра Тресса, я...

Рыжеволосая колдунья подняла руку.

— Конечно, милая. Ты была бы Матроной. Но я подумывала о другой.

Лирит понимающе кивнула:

— Я согласна, сестра Тресса.

— А готова ли она? Ты ее наставница, сестра Лирит. Поэтому-то я и вызвала тебя сюда.

Лирит все тщательно обдумала. Подобное решение нельзя принимать сразу. Она снова кивнула.

— Ей еще многое предстоит узнать, и ее власть не так глубока, как способности. Но она действительно готова. Вам не выбрать никого лучше сестры Эйрин.

Лирит не могла не улыбнуться, увидев впечатление, которое произвели эти слова. Эйрин стояла, широко раскрыв от удивления рот.

— Ну что ты, дитя, — молвила Тресса, взяв ее за руку. — Не нужно так волноваться. Роль достаточно простая, вот увидишь. Из тебя выйдет очаровательная Дева. Ведь ты же все еще девственница, не правда ли?

Лицо Эйрин вспыхнуло. Она что-то невнятно пробормотала себе под нос.

— Хорошо, этого ответа достаточно, — сказала Тресса, похлопывая ее по пылающей щеке.

Лирит подошла к сестре и крепко обняла ее.

— Да пребудет с тобой Сайя! Я так рада.

Эйрин слабо вздохнула и в ответ обняла ее левой рукой, не в силах произнести ни слова.

— Ну хорошо, — прервала их Тресса. — Нам нужно идти, сестра Эйрин. Тебя необходимо еще многому научить.

— Удачи тебе, — бросила Лирит, выпуская сестру из объятий.

Эйрин напоследок крепко сжала ее руку.

— Спасибо, — наконец проговорила она. Ее голубые глаза сияли от счастья. — За все.

Лирит лишь кивнула, когда Тресса поторопила девушку на выход. Дверь закрылась, и, вновь оказавшись в одиночестве, Лирит вздохнула.

Что теперь? Ей, в общем-то, нечего делать до самого вечера, когда все колдуньи замка снова соберутся на шабаш. Только через три дня Верховный Шабаш достигнет своей высшей точки, когда колдуньи все вместе будут намечать будущую линию судьбы. А до этого все прибывшие в замок будут встречаться в узком кругу и обмениваться заклинаниями, рецептами... и сплетнями.

В тот вечер Лирит предстояло встретиться с группой колдуний своего возраста. Она с нетерпением ожидала этого момента, поскольку их будет семеро, по одной из каждого из семи доминионов. Но чем же ей заняться до этого? Ей в голову не

приходило ничего... кроме того, чтобы еще раз попытаться воспользоваться Даром.

Она начала закрывать глаза.

— Я знал, что она забудет меня, — послышался печальный голос.

Глаза Лирит расширились от удивления. Значит, она все-таки не одна.

В углу, утонув в куче подушек, сидел какой-то человек. Кроваво-красная туника сливалась с малиновой материей. Длинные черные волосы полускрывали его бледный овал лица.

— Лорд Теравиан! — воскликнула Лирит.

— Ты хотела наложить заклинание, да? Такие, как ты, всегда накладывают заклинания. Значит, я расстроил его?

Лирит сделала глубокий вдох. Самообладание быстро возвращалось к ней. Она шагнула навстречу Теравиану.

— Не беспокойтесь, милорд. Вам не нужно извиняться.

Его лица коснулась самодовольная ухмылка.

— А я и не извинялся. Думаю, будет очень забавно, если ты ошибешься. Это все равно что увидеть паука, запутавшегося в собственной паутине.

Лирит с трудом удавалось сохранять спокойствие. Эйрин права: Теравиан — негодный мальчишка. Просто не верится, что он имеет отношение к хотя и хвастливому, но добродушному королю Кейлавана. И все же он — наследник короля Борсаса и подопечный королевы Иволейны. Лирит знала, что обязана относиться к нему с почтением.

— Мы ведь так и не были представлены друг другу должным образом, — сказала Лирит. — Я — графиня...

— Я знаю, кто ты! Ты — Лирит из Арафеля, — перебил ее Теравиан. — Я всех знаю в этом отвратительном замке. Здесь совершенно нечем заниматься!

Лирит вздохнула.

Что ж, с любезностями покончено.

Теравиан встал и подошел к окну. В отличие от многих юношей шестнадцати зим сын Борсаса вовсе не был неуклюж. Он передвигался с грацией красавца кота и теперь стоял, изящно опираясь на каменный подоконник и разглядывая что-то через стекло. Лирит подумала, что ей остается лишь попросить позволения уйти.

Она сделала шаг вперед и сильно удивилась самой себе, когда с ее губ сорвался совершенно другой вопрос:

— Почему вы здесь, в спальне леди Трессы, милорд?

Он продолжал стоять к ней спиной.

— Ты что, слабоумная? Меня, разумеется, наказали. Со мной ведь не станут разговаривать по какой-то иной причине.

Лирит не обиделась.

— За что же вас наказали?

Он повернулся, и взгляд его зеленых глаз из-под черных бровей пронзил ее насквозь.

— Не слишком ли много вопросов, *сестра?* С чего это тебе так интересно?

Лирит ничего не ответила. Она знала, что он заговорит сам, если выждать какое-то время. И действительно, долго ждать не пришлось.

— Меня наказали за то, что я украл хлеб у уличного торговца во дворе замка, — дерзко заявил юноша, хотя и вжал голову в плечи.

— Зачем же вы украли хлеб? Разве королева Иволейна не кормит вас всем, что вы только пожелаете?

Пальцы Теравиана немедленно сжались в кулаки.

— Ты такая же, как и все! Вы скорее поверите гадкому крестьянину, чем мне! Но мне все равно, что вы думаете. Не крал я его вонючий хлеб.

— Я верю вам.

Теравиан открыл было рот, но тут же снова закрыл его, словно до него только что донеслись ее слова. Он недобро сощурил глаза.

— Почему ты веришь мне?

— А разве вы говорите неправду?

— Нет. Я же сказал, я не делал этого.

— Значит, поэтому я вам и верю.

Вместо ответа Теравиан снова опустился на кучу подушек. Подняв одну, он начал нервно перебирать бахрому, стараясь не смотреть на Лирит.

— Я думаю, что вам уже можно идти, — сказала она.

— Нет, нельзя. Тресса не отпускала меня. Она только начинала вычитывать меня за торговца, когда узнала о какой-то негодной девственнице, которая кувыркалась в казарме с несколькими стражниками. Мне кажется, что девушка просто хотела немного поразвлечься. Но, видимо, здесь подобное считается страшным преступлением. Эта новость так взволновала Трессу, что она совершенно позабыла обо мне. Люди всегда забывают обо мне.

Брови Лирит удивленно изогнулись:

— Как по-вашему, почему это происходит?

Теравиан на какой-то миг задумался, затем поднял на нее глаза.

— Разве люди не забывают о вещах, которые не любят?

Лирит недовольно сжала губы. Разве можно отрицать истину? Она не знала почему — ведь он, несомненно, капризный, себялюбивый и своевольный юноша, — но у нее вдруг возникло желание утешить его. Возможно, потому, что он чем-то напомнил ей Дейнена.

— Ты ошибаешься, — заговорил он раньше, чем Лирит успела открыть рот. — Разговор с Иволейной ничего не исправит. Она тоже не поверит мне.

Лирит оцепенела.

— Как вы узнали, что я собиралась сейчас вам сказать?

Казалось, впервые ее слова действительно произвели на него впечатление. Юноша заморгал, безвольно распустив губы.

— Не знаю... Я просто иногда догадываюсь о некоторых вещах.

Лирит внимательно посмотрела на него. Будь он женщиной, она бы испытала его. Но он мужчина. Этого просто не может быть. Однако она слышала, что существуют мужчины, обладающие незначительными проявлениями таланта читать чужие мысли.

Лицо его нахмурилось:

— Перестань так на меня смотреть.

— Как?

— Пристально и недоуменно. Она всегда так на меня смотрит, словно я какая-то диковина, помещенная в стеклянный сосуд.

— Кого вы имеете в виду?

Теравиан поднялся.

— Могу я теперь идти? С твоего позволения, я свалю все на тебя, если Тресса рассердится.

Лирит сделала шаг назад и кивнула:

— Ступайте!

Он прошмыгнул мимо, даже не взглянув на нее напоследок. Лирит повернулась, чтобы по крайней мере попрощаться с юношей, как вдруг что-то приковало ее взгляд.

Это была подушка, с которой праздно играл Теравиан. Должно быть, он каким-то образом разорвал один из швов, поскольку из подушки вывалился моток пряжи. Ей показалось, что этот спутанный узелок из нитей увеличивается в размерах прямо у нее на глазах. Лирит сделалось нехорошо. Но это ведь случайность. Он ведь не мог сделать этого нарочно. Или все-таки мог?

Я просто иногда догадываюсь о некоторых вещах...

Лирит зажала рукой рот и выбежала из комнаты.

11

— У тебя есть хоть какие-нибудь соображения насчет того, что они задумали, Мелия? — спросил Фолкен, меряя шагами залитое солнцем помещение замковой библиотеки.

— Минуточку, Фолкен, — пробормотала Мелия, не отрываясь от книги в деревянной обложке, лежащей перед ней на столе. — Я как раз добралась до самого интересного места.

Дарж вытянул шею, пытаясь тайком заглянуть ей через плечо. Ему было любопытно узнать, что интересного такая мудрая женщина, как Мелия, может найти в книгах.

— Не утруждай себя, Дарж, — ехидно заметил Фолкен. — Не думаю, что она читает что-то интересное. Боюсь, это один из новомодных любовных романов, которые сочиняют барды в Ар-Толоре.

Дарж нахмурился:

— Любовные романы? Разве можно сочинить целую книгу о любви?

— Не скажу наверняка, но, насколько мне известно, все они повествуют о длинноволосых рыцарях в белых доспехах. Эти славные мужи слагают песни о цветах и сражаются с драконами, чтобы завоевать любовь бледных дев — а те, похоже, занимаются только тем, что чахнут от любовных страданий, потому что их заставляют выходить замуж за богатых королей.

Дарж погладил рукой усы.

— Получается так, будто упомянутые вами рыцари и девы — какие-то умалишенные.

— О, так оно и есть, — продолжал Фолкен, хищно оскалившись. — Они постоянно сочиняют поэмы о том, что золото и драгоценности не имеют значения, что любовь сильнее тысяч мечей, и прочих подобных глупостях. Меня же интересует в книгах только счастливый конец. Когда дракон съедает поклонника, дева благополучно забывает его, выходит замуж за состоятельного барона и рожает ему кучу детишек.

Дарж одобрительно кивнул.

— Мне тоже нравятся такие истории.

— Разумеется. Но эти романы?.. — Фолкен взмахнул рукой в сторону полки, полностью уставленной книгами с витиеватыми золотыми надписями на корешках. — Насколько я могу судить, в них не содержится ничего полезного и познавательного.

— А ты много знаешь о том, что важно и что не важно для женщины, дорогой? — не отрываясь от книги, приятным голосом произнесла Мелия. — В последний раз я подсчитала: прошел уже целый век с тех пор, как тебе везло с женщиной. Или все-таки два века?

Фолкен сжал руки в кулаки, что-то неразборчиво прошипел, затем повернулся и отошел обратно к окну.

Мелия вздохнула, закрыла книгу и прижала ее к груди.

— Вот так, — вымолвила она, — и должен вести себя мужчина.

— Миледи, — начал Дарж. Пришло время оставить разговоры о современной литературе и разузнать, для чего его вызвали сюда Фолкен и Мелия.

— Да, конечно, дорогой, — проговорила Мелия, протягивая ему книгу. — Можешь взять ее. Только не запачкай кровью или едой. И удели особое внимание семьдесят четвертой странице. Да, и возьми побольше цветочных лепестков.

Дарж принял книгу неловкими руками. Он пролистал плотные пергаментные страницы, но некоторые мельком увиденные слова и иллюстрации показались ему еще более странными и загадочными, чем любые другие, когда-либо прочитанные им в одном из томов по искусству алхимии. Рыцарь поспешно поставил книгу на стеллаж, как только Мелия повернулась к нему спиной.

— Ну перестань сердиться, Фолкен, — сказала она.

Тот ничего не ответил, продолжая смотреть в окно.

— Совсем не *так* много времени прошло с тех пор, как мне везло в любви.

— Разумеется, дорогой. Я забыла посчитать ту одноглазую торговку рыбой в Джендарре.

Фолкен повернулся, расправил плечи и подтянул тунику.

— Огромное тебе спасибо, дорогая.

Дарж удивленно посмотрел на него, но попросить дальнейших разъяснений не осмелился.

— А теперь отвечу на твой вопрос, Фолкен. — Мелия скрестила руки на груди. — Полагаю, я имею ровно такое же представление о том, что они задумали, как и ты сам. Многие годы они перешептывались о его пришествии.

Фолкен потер подбородок рукой в черной перчатке.

— Кто мог бы подумать, что они в конце концов окажутся правы?

— Нет, Фолкен, — твердо произнесла она. — Не отвергай могущество колдуний только потому, что не можешь постичь ее. Их магия отличается от твоих рун, но она столь же древняя. Имя Сайи почитали в землях Фаленгарта, так же как и имя Олрига — Похитителя знаний.

— Их обеих почитали дольше любого из новых богов Тарраса, если ты не забыла.

Глаза Мелии сердито сверкнули. Дарж отступил назад, несмотря на то что не он стал причиной ее гнева.

— Едва ли я могла забыть, Фолкен. Магия Сайи стара и чужда мне, хотя в некоторой степени она причиняет меньше беспокойства, чем магические руны. Все же, я слышала, среди колдуний есть такие, кто больше не почитает имя Сайи, а поклоняется моей сестре, Ирсайе-Охотнице. А она, если ты случайно забыл, одна из новых богов.

Фолкен рассмеялся.

— Только то, что я не отвергаю старых богов ради каждого нового мистического культа, еще не означает, что я язычник.

— Пожалуй. — Мелия пробежала пальчиками по корешкам стоящих на полке книг. — Просто порой кажется, что тебе трудно принимать все новое, Фолкен. Однако мир обновляется с каждым днем.

Бард нахмурился:

— Я не собираюсь спорить с тобой по этому поводу. Но ты должна признать одно: любая сила, которой обладают колдуньи, исходит не от Ирсайи, чье бы имя они ни почитали.

Мелия раздумывала несколько минут, затем кивнула:

— Это правда. Моя сестра говорит, что ни разу не слышала молитв ни от одной из колдуний.

— Потому что это доступная взгляду сторона истины. Что заставляет людей думать о беззубых ведьмах, посылающих проклятия? Поэтому они принимают новую миленькую богиню за талисман. А в глубине души они все те же старые ведьмы. Некоторые вещи совершенно *не меняются*, Мелия.

Воцарилась тишина, и Дарж робко кашлянул:

— Не скажу, что понял, о чем вы тут говорили, но разве леди Эйрин и леди Лирит не колдуньи? И мою госпожу, леди Грейс, также должно называть колдуньей. Вы хотите обвинить их в неправильных действиях? Если так, то при всем уважении к вам мне следует на вас обидеться.

Фолкен рассмеялся:

— Не торопись доставать из ножен меч, сэр рыцарь. Не думаю, что долг требует отрубить нам головы. Разумеется, наши добрые дамы не сотворили ничего дурного. Но именно потому, что ты так хорошо знаешь их, мы этим утром и пригласили тебя сюда.

— Мы, безусловно, не хотим сказать, что колдуньи — зло, дорогой мой, — подхватила Мелия. — Хотя они и странные, многие из них хорошие знахарки и творят добро. Но есть... кое-что еще.

— Могу я просить вас излагать понятно, леди Мелия? — спросил Дарж.

Миниатюрная женщина вздохнула и посмотрела на Фолкена. Лицо барда приняло мрачное выражение.

— Многие годы колдуньи предсказывали пришествие человека, — молвил он. — Того, которого они продолжают ждать и по сей день.

Дарж пожал плечами:

— Почему нас должен волновать тот, кого разыскивают колдуньи?

Мелия приковала к нему взгляд.

— Потому что тот, кого ищут колдуньи, — Тревис Уайлдер.

Некоторое время спустя Дарж уже шагал по безлюдному коридору замка. В то утро рыцарь облачился лишь в серую тунику из легкой материи, чтобы не мучиться от летней жары, однако теперь он чувствовал такой холод и тяжесть, словно в самый разгар зимы надел кольчугу.

Четверть часа он слушал, как Мелия и Фолкен, понизив голоса, рассказывали ему о том, кого называют Разбивателем Рун. Однако не только колдуньи разыскивали его. Даржу уже приходилось слышать имя Разбивателя Рун раньше. Древний дракон Сфитризир, с которым он повстречался на высокой бесплодной равнине Фал Эренна, также называл мастера Тревиса Разбивателем Рун. Когда Дарж обратил на это внимание, и Мелия, и Фолкен кивком выразили молчаливое согласие.

Тем не менее во всем этом Дарж не мог найти никакой логики. Зачем колдуньям и драконам понадобилось проявлять интерес к мастеру Тревису? Дарж знал, что Тревис обладает определенными, скажем так, возможностями. Однако правдой являлось и то, что эти возможности в значительной степени были связаны с тремя Великими Камнями — Имсари, но ни один из них больше не принадлежал Тревису. Более того, его больше не было и в Зее.

Это правда, сказала Мелия, когда Дарж упомянул об этом. *Но если Тревису когда-либо придется вернуться на Зею, ему будет угрожать смертельная опасность.*

Но почему? — спрашивал Дарж. *Для чего они разыскивают его?*

Мелия и Фолкен лишь обменялись многозначительными взглядами. Если они и имели какое-то представление о причине, по которой колдуньи искали Разбивателя Рун, то высказывать его не собирались.

Очень важно, чтобы ты оповестил нас, если что-нибудь услышишь, Дарж, попросил Фолкен. *Это сможет помочь нам защитить Тревиса.*

Я не стану следить за своими госпожами.

Мы и не просим тебя следить, Дарж, возразила Мелия. Затем эта крохотная дама совершила поступок, который ошеломил рыцаря. Она схватила его за руку и заглянула прямо в глаза с выражением, которое можно описать лишь как мольбу. *Но ты будешь слушать, не так ли? Обещай мне, Дарж.*

Кто он такой, чтобы в чем-либо отказывать этой женщине? И он согласно кивнул.

Я буду внимательно слушать, миледи. Клянусь мечом.

Но, проходя по коридорам замка на пути к себе в спальню, Дарж знал, что не услышит ничего, что могло бы пригодиться Мелии и Фолкену. Он обещал леди Эйрин, что останется в Ар-Толоре. И обязательно останется. Однако он ничего не гово-

рил о том, что будет находиться поблизости. Наоборот, постарается держаться на расстоянии. На безопасном расстоянии.

Так будет лучше: присутствовать, но оставаться незаметным. Прямо как те два призрака, увиденных им туманным утром. Они — печальное напоминание, это так, но не имеют реальной силы, чтобы как-то воздействовать на него или причинять вред. Они — всего лишь тени того, что произошло в далеком прошлом.

Но ведь ты тоже должен быть тенью, Дарж из Стоунбрейка!

Рыцарь выгнул пальцы и почувствовал, как захрустели суставы. Может быть, пройдет время, и он станет таким же. Затем он зашагал дальше сквозь пыль и мрак замковых переходов. Этот коридор редко использовался, именно потому он и выбрал его.

До Даржа донесся слабый звук. Кто-то невидимый тихо скребся совсем рядом. Рыцарь остановился. Он всмотрелся в темноту, но, хотя обладал все еще острым зрением, так и не смог ничего различить. Однако внутреннее чутье подсказывало ему, что он не один. Рука скользнула к висевшему на поясе кинжалу.

— А ну, покажись, тень!

Что это? Неужели снова вернулись призраки, чтобы напомнить ему о том, чего уже нельзя изменить? Он шагнул назад. Как только он сделал это, нечто сорвалось с потолка и с грохотом приземлилось прямо перед ним. Это нечто имело сильное сходство с огромным пауком — пауком, облаченным в зеленые одежды, с колокольцами на колпаке и на башмаках с заостренными носами.

Дарж перевел дыхание и выпустил кинжал. Он оказался прав; в некотором смысле этот человек тоже являлся призраком, преследующим его. Только относился он к еще не умершему виду.

— Прочь с дороги, шут, — проворчал он.

Таркис перепрыгивал с ноги на ногу, щелкая тщедушными пальцами.

Куда ты направляешься, милый старый рыцарь?
Разве нет дракона, с которым можно сражаться?
Может, зверь услышал, как ты крадешься,
По скрипу твоих костей и суставов
И, расправив крылья, улетел?

Или есть другая причина, почему ты здесь?
Большая, чем зверь — то, чего ты боишься.
Может ли быть, что голубые глаза и черные, как ночь, волосы
Перенести труднее, чем укус дракона?
Да, ты сбежал от того, что тебе дорого.

Дарж почувствовал, как гнев распаляет огонь в крови, но, стиснув зубы, заставил себя сдержаться. Замысел Тар-

киса заключался в том, чтобы вывести его из себя, и Дарж не собирался давать шуту повод для злорадного удовольствия. Возможно, он когда-то и был королем, но теперь все изменилось, и этот человек изменился. Утратив свое былое величие, Таркис стал обычным занудой.

— Я же сказал, убирайся прочь, шут! Не думай, что я не уберу тебя с дороги, если понадобится.

Таркис задрожал в поддельном страхе, и на его шутовском костюме задрожали колокольчики.

— О грозный рыцарь, пощади меня, пожалуйста, ибо я принес весть от твоей жертвы.

Дарж нахмурился. Он знал, что опасно даже слушать слова шута, так как они искусно придумывались, чтобы сбивать с толку и одурманивать, но вопрос все равно сорвался с его уст.

— О какой жертве ты говоришь?

Таркис мерзко усмехнулся, обнажая гнилые зубы.

— Разумеется, о пауках, ткачах паутины. Разве Лунная дама не послала тебя следовать за их нитями?

— Что тебе известно? Ты был в библиотеке? Ты подслушивал нас? — Дарж приблизился к нему и сжал кулаки. — Говори, шут, или я выбью из тебя душу!

Таркис отпрянул на шаг.

— Нет-нет, грозный рыцарь, я не услышал ни слова. Не нужно сворачивать шею бедному шуту. Но я знаю кое-что, правда. Не понимаю, как, но иногда они сами мне являются. Они являются мне и сейчас.

Дарж опустил кулаки. Что-то изменилось в шуте у него на глазах. С губ Таркиса куда-то слетела улыбка сумасшедшего, а блуждающие глаза стали какими-то отстраненными.

— Что ты хочешь сказать, шут? Как ты обо всем узнаешь?

Таркис всем своим костлявым телом прижался к каменной стене.

— Думаю... думаю, это часть того, что со мной сделали. — Он облизнул губы и перешел на шепот. — Так много всего... Все в порядке. Я все вижу. Глаза... глаза в листве деревьев, и тени... Они тянутся ко мне. Я падаю, а моя лошадь бежит, и я бегу... Но тени быстрее мня. Они хватают меня.

Дарж изумленно уставился на шута. До него смутно стало доходить, что Таркис перестал говорить стихами.

Шут обхватил голову костлявыми руками.

— Слишком много, слишком много... Я вижу все, что произошло, но все разбито на куски, подобно тысячам зеркальных осколков, которые я не могу сложить вместе. Только стихи... только стихи имеют смысл. Только они важны. Тени в моей голове...

Таркис цепенел, его рот открывался и закрывался, как у рыбы, выброшенной на берег. Дарж немного помешкал, затем протянул к нему руки.

Костлявая ладонь оттолкнула его. Шут, кувыркнувшись, отпрыгнул назад. Косые глаза вновь засияли, на лицо вернулась прежняя ухмылка.

— Не поймаешь, мой дрожащий от старости рыцарь, ибо я намного легче и проворнее тебя.

Выражение лица шута изменилось лишь на одно короткое мгновение. Он стал больше похож на маленького испуганного ребенка, чем на взрослого безумного проказника. Но что бы там ни произошло, этот момент уже в прошлом, и Дарж достаточно натерпелся.

— Я раздавлю тебя, шут, если ты не уберешься немедленно прочь!

Дарж бросился вперед, и Таркису пришлось подпрыгнуть, чтобы действительно не быть вдавленным в каменный пол. Когда шут приземлился за его спиной, раздалось нестройное бренчание, но рыцарь не останавливался. Таркис позвал его пронзительным голосом:

Паук прядет сияющую паутину
И ждет, когда мы запутаемся в ее нитях.
Но планам его не суждено исполниться,
Если он попадется в собственные сети.

Кто паук? Кто муха?
На эту загадку ответишь, когда будешь следить за ними:
Если паука можно поймать,
Кто тогда сплетет паутину, чтобы поймать муху?

Слова безумца растаяли в пыльном воздухе, но Дарж не повернулся, не стал отвечать и побрел дальше по коридору.

12

События трех дней между первым собранием Верховного Шабаша и Первым колдовством, когда колдуньи плетут новый узор до следующего собрания, позволили Лирит позабыть о своих снах. А также о путанице, которую она мельком узрела в Паутине жизни.

Это был второй в ее жизни Верховный Шабаш. Первый состоялся семь лет назад в замке барона Дартуса в южной

Толории. В тамошних местах поговаривали, будто старому барону было прекрасно известно, что его молодая жена — колдунья. Его даже радовало это обстоятельство, поскольку приготовленный ею отвар заново подарил его чреслам былую мужскую силу. Это произошло весной того года, когда Лирит исполнилось двадцать зим. Минул лишь месяц с тех пор, как она бежала из вольного города Коранта и босиком, стирая в кровь ноги, отправилась в Толорию, так ни разу и не обернувшись назад.

На Верховном Шабаше она была скорее бессловесной мышкой, чем послушницей, маленькой серой мышкой с широко открытыми глазами. Зажатая в угол, она наблюдала за всеми этими женщинами, наделенными могучей силой, за тем, как они коварно следят друг за дружкой. Но Лирит старалась на все обращать внимание, все запоминала, всему училась.

Прошел год, и вскоре она привлекла внимание лорда Беренда Арафельского, одного из графов барона Дартуса. Через шесть месяцев они обвенчались.

Когда спустя немногим больше года Беренд умер, появились слухи — большей частью их распускала его сестра, — что причиной этой трагедии явилось снадобье, приготовленное Лирит. Тем не менее, хотя она действительно привлекла к себе внимание Беренда, используя кое-какие заклинания — что правда, то правда, — но полюбил он ее не из-за магии и не из-за магии умер. Хотя Лирит и не могла сказать, что искренне отвечала на любовь графа, она чувствовала привязанность к нему и никогда не смогла бы причинить ему вред.

После смерти Беренда его сестра подала прошение королеве Иволейне о присуждении ей права владения поместьем, но королева ей отказала, и Лирит осталась графиней. После того как сестра графа последовала за братом в могилу следующей зимой — все предки графа отличались слабым, больным сердцем, — никто, кажется, и не вспоминал, что происхождение Лирит не соответствовало этому положению. Она правила несколько лет, и подданные обожали ее.

Затем, два года назад, когда королева Иволейна вызвала ее в Ар-Толор, Лирит охотно приняла приглашение. Она оставила заботу о поместье племяннику Беренда, и сестра графа наконец получила то, о чем мечтала. Только теперь она не могла насладиться этим, поскольку ее больше не было в живых, как всегда и случается с теми, кого поглощает желание.

С тех самых пор Лирит почти и не вспоминала о графе Беренде и их поместье в южной Толории. Ее место было здесь, в Ар-Толоре, на службе у Королевы Колдуний.

И на этот раз Лирит вовсе не пряталась по углам. Наоборот, она искала колдуний, представлявших для нее наи-

больший интерес, с кем можно было поговорить о практических знаниях трав, искусстве заклинания и способах прикосновений к Паутине жизни и плетении из нее новых узоров.

Все те, к кому она подходила, были старейшими из колдуний. Именно они хранили тайные знания и древние секреты. Однако Лирит сразу заметила, что она — одна из немногих молодых колдуний, разыскивающих старших сестер и вступавших в разговоры с ними.

— Я не *хочу* знать то, что знают они, — фыркнула Нонна, колдунья из доминиона Брелегонд. — Они такие *мерзкие*.

Это случилось в первый вечер после начала Верховного Шабаша, на собрании узкого круга, к которому была приписана Лирит. В него входило семь колдуний, по одной из каждого доминиона.

Лурса, темноглазая ведьма из Эмбара, глубоко вздохнула:

— Боюсь, мне никто не говорил, что необходимым условием мудрости должна быть красота. Думаю, придется подкрасить губы и расчесать волосы, прежде чем выучить новое заклинание.

С губ Лирит сорвался смешок. Она подмигнула Лурсе, и некрасивая колдунья застенчиво улыбнулась в ответ. Однако несколько женщин встревоженно заерзали.

— Именно старых колдуний они и схватили первыми, — тихим голосом произнесла одна из женщин.

Остальные шесть тут же повернулись к ней. Это была Адилин, она приехала из доминиона Эридан. Еще раньше, тем же вечером, колдуньи выслушали ее душераздирающую историю о том, как она сбежала из Эридана в середине прошлой зимы. В те дни в их землях появились черные рыцари, прислуживающие безымянному барону, они убивали на своем пути всех колдуний, толкователей рун, проповедников и других, кого подозревали в причастности к магии.

— Думаю, их было легче всего заметить и поймать, — продолжала Адалин, — древних старух, колдуний. Вскоре казалось, что огню предавали любую старую женщину, что-то невнятно бормочущую себе под нос или имеющую кота. Сначала мы молчали, ведь сжигали не нас. Но потом они стали приходить за каждой, о ком ходила молва, будто она — ведьма. Многим из моих сестер не удалось сбежать, как мне. Быть может, если бы мы восстали против черных рыцарей раньше, когда они хватали старух, то смогли бы остановить все это.

После этого разговоров о старухах больше не возникало. Но Лирит видела холодный свет в глазах Нонны и некоторых других колдуний и знала, что рассказ Адалин лишь усилил их неприязнь к старшим сестрам.

Следующие два дня принесли новые встречи и новых колдуний. Лирит приветствовала всех с большой радостью.

Хотя большая часть времени отводилась обмену тайными знаниями, достаточное внимание уделялось и обсуждению того, как создавать узор на Первом колдовстве. Многие упоминали имя Ирсайи и о том, как вплести ее имя рядом с именем Сайи или, может быть, над ним. Другие полагали, что наступает время, когда колдуньи перестанут просто следить за воинами Ватриса, а приступят к активным действиям против них.

Эти слухи озадачили Лирит, но не в такой степени, как несколько произнесенных шепотом обрывков разговора, которые ей удалось уловить.

...что он уже среди нас...

...мы должны восстать против него...

...говорю вам, конец еще ближе, чем мы....

И каждый раз, когда Лирит приближалась, шепот стихал. Она прекрасно знала, что, как только она снова удалится за пределы слышимости, разговоры снова возобновятся и что в одном из них снова прозвучит:

Говорят, она путешествовала с ним...

На второй день Шабаша, как раз когда на землю опустились серебристые сумерки, Лирит прогуливалась вдоль одной из высоких зубчатых стен замка, улучив удобный момент, чтобы обдумать все, о чем узнала.

Она уже собралась вернуться в замок, когда ее внимание привлекло какое-то движение внизу. Небольшая дверь в стене вдруг открылась, и из нее, спотыкаясь, вышла фигура в коричневой накидке. Судя по изящным формам, это была женщина. Она обернулась и посмотрела через плечо, словно на того, кто толкнул ее, но дверь за ее спиной с грохотом захлопнулась. Женщина направилась вперед. Затем, будто почувствовав на себе чужой взгляд, подняла глаза, и с головы ее упал капюшон. Даже в тусклом свете Лирит разглядела бледный овал лица, обрамленный темными локонами. Сайрин!

Сайрин пыталась кого-то отыскать глазами, но Лирит отступила в тень. В конце концов девушка, еще недавно исполнявшая роль Девы, опустила глаза. Затем, спотыкаясь, побрела по тропинке, ведущей в сторону от замка, покачиваясь из стороны в сторону, словно сама не знала, куда идет.

Лирит каким-то образом точно знала, куда направляется Сайрин, хотя сама девушка об этом и не догадывалась. Лирит вздохнула. Уж ей-то было известно, каким омерзительно жестоким местом может быть бордель.

Храни тебя Сайя, про себя помолилась она, развернулась и зашагала обратно в замок.

На следующее утро, прямо после рассвета, Лирит отправилась на поиски Эйрин, которую за последние два дня видела лишь мельком. Баронессу она нашла как раз тогда, когда та выходила из покоев Трессы.

— Наша новая Дева делает успехи. У нее чудесно получается, — по-матерински улыбаясь, сказала рыжеволосая колдунья. — Завтра вечером она будет вполне готова к своей роли.

— Рада слышать, — ответила Лирит.

Когда за ними закрылась дверь и две женщины остались в коридоре одни, Лирит улыбнулась и пожала Эйрин руку.

— Ты чудо.

Эйрин нервно усмехнулась:

— Не уверена. Хотя мне *действительно* удалось уберечь голову, чтобы она не лопнула о переизбытка сведений, которые в нее запихнула сестра Тресса. Я и представить себе не могла, что нужно следовать такому множеству правил, чтобы просто стать Девой.

Лирит кивнула:

— Я слышала, что намного легче быть Старухой. Но к тому времени, когда ты доживешь до такого возраста, тебе вряд ли захочется, чтобы молодые колдуньи учили тебя, как себя вести.

— Пожалуй, ты права, — согласилась Эйрин.

Они прошли мимо залитых солнцем окон. Лирит говорила о том, что сделала на шабаше, а Эйрин описала ей все то, чему научилась во время занятий. Наконец они попрощались в передней зале замка. Но не успели они разойтись, как в главную дверь замка вошла какая-то женщина.

Это определенно была колдунья, хотя Лирит и не помнила, чтобы видела ее на шабаше. Женщина имела довольно примечательную внешность. Ее темные волосы украшал перламутрового оттенка локон. Когда она проходила мимо, разноцветное платье развевалось, словно крылья прекрасной бабочки.

— Доброе утро, сестра, — проговорила колдунья, кивнув Эйрин. Затем прошла в арку и скрылась из виду.

Лирит поглядела на баронессу:

— Кто это?

— Ее зовут Мирда.

Лирит раньше не слышала этого имени.

— Она из группы Лиэндры?

— Нет, не думаю. На первом собрании шабаша она пожелала, чтобы Сайя благословила меня.

Лирит обдумала сказанное. Естественно, никто из сторонниц Лиэндры не станет давать такое благословение. Лирит если не в лицо, то по имени знала подавляющее большинство

колдуний, прибывших из всех доминионов. Однако ей ни разу не приходилось слышать имя Мирды.

— Может быть, она подруга Иволейны, — пожала плечами Эйрин.

Лирит вздохнула:

— Иногда у меня возникает сомнение в том, что у Иволейны есть настоящие подруги среди колдуний. Конечно же, многие уважают ее. Но так уж повелось, что она на целый шаг отстоит от всех остальных и является источником единения в периоды разногласий.

— Думаешь, у нее получится оставаться в таком же положении? Она пытается сохранять равновесие между взглядами, но Лиэндра не единственная, кто хочет знать, во что верит Иволейна.

Лирит не могла не согласиться. Что же касается истинных воззрений Иволейны, то с разгадкой этой тайны придется повременить.

Торопливо поцеловав Лирит в щеку, Эйрин повернулась и бросилась бегом по коридору. Она выглядела совсем как юная девчушка, хотя будущая зима станет ее двадцатой. Лирит улыбнулась, затем, повернувшись, направилась своей дорогой.

На этот раз все произошло совершенно без предупреждения. Она даже не использовала Дар, и все равно в углу передней залы возник беспорядочно спутанный клубок нитей. Лирит открыла было рот, чтобы закричать, однако почувствовала, что у нее резко перехватило дыхание. Ей показалось, будто клубок прямо на глазах молниеносно увеличивается в размерах, затягивая в себя все больше и больше нитей. Сливаясь с ним, нити становились из разноцветных тускло-серыми.

Сущность девушки разрывалась на части. Воспоминания переполнили сердце. Однажды ее таким же образом тянуло к месту, которое терзает ей душу.

Танцуй, маленькая негодница! Ты ведь уже не такая и маленькая и больше не в силах скрывать свою красоту. Ну давай же, танцуй! И они осыплют тебя золотом. Танцуй!

С губ Лирит сорвался стон, она закачалась из стороны в сторону. Движение клубка ускорилось, словно возбуждаемое ее видением. От него отделилась серая нить и потянулась к ней.

— Миледи?

Дальний угол залы разом опустел, шевелящийся клубок куда-то исчез. Перед Лирит стояла горничная, на лице которой застыло выражение ужаса.

— Извините, миледи, вы, случаем, не больны? Послать за лекарем Ее величества королевы?

Лирит вновь обрела голос:

— Нет, со мной все в порядке. Спасибо.

Горничная подобострастно опустила голову и поспешно покинула залу.

Лирит еще раз посмотрела в угол, зная, что даже если станет использовать свой Дар, то не увидит больше ничего.

Оно все еще там. Я это чувствую. И оно постоянно растет.

Но что это означает?

Лирит неожиданно осенило. Существует тот, кто должен об этом знать. Тот, кто старше и мудрее любой колдуньи в замке.

Лирит приподняла подол платья и выбежала из залы.

13

Мелии в спальне не оказалось.

— Извини, Лирит, — сказал Фолкен, опустив флейту. — Сегодня Мелия опять не в духе. Я даже не осмелился спросить у нее, куда она направляется.

За час Мелия не могла далеко уйти. По крайней мере так полагала Лирит. Однако Мелия обладала удивительными способностями, понять которые Лирит и не надеялась. И именно по этой причине ей необходимо срочно найти эту женщину.

— Благодарю вас, Фолкен, — задыхаясь, произнесла она.

Едва бард успел раскрыть рот для ответа, как Лирит развернулась и устремилась по коридору.

Она проверила большую залу, зашла в купальни, заглянула в библиотеку, даже уборную — все безуспешно. После этого Лирит решилась выйти за пределы замка. Тем не менее следов Мелии не удалось обнаружить ни во дворе, ни в садах, ни в конюшнях. В конце концов Лирит была вынуждена остановиться, дойдя до каменной стены у северной башни Ар-Толора. Замок закончился, вместе с ним и дыхание, а женщины с янтарными глазами так нигде и не было видно. Что ж, придется поговорить с Мелией позже.

А насколько оно разрастется за это время?

Она раздумывала о том, чтобы пойти к Иволейне и рассказать обо всем, но что-то сдерживало ее. Несомненно, если бы клубок увидела хотя бы еще одна колдунья, до Лирит дошел бы подобный слух. Выходит, она — единственная, кто видел это. Иволейна могла объявить ее сумасшедшей или больной и отстранить от участия в шабаше. Этого Лирит допустить не могла.

Придется просто подождать встречи с Мелией. В том случае, если и она не сможет помочь ей, Лирит пойдет к Иволейне.

Сделав решительный вдох, Лирит направилась к главной

крепости замка. Однако, услышав еле уловимое пение, поняла, что есть еще место, в котором она не искала Мелию.

Храм оказался маленьким и тенистым. Он немногим превосходил по размерам деревянную лачужку, притулившуюся к внешней стене замка. Таинства Вечноугасающего Манду никогда не пользовались особой популярностью в доминионах, а тем более в Толории. Многие культы предлагали своим последователям вечное блаженство и обещали всевозможные удовольствия после смерти. Однако культ Вечноугасающего бога ничего не обещал тем, кто следовал его таинствам: ни бесконечного покоя, ни сладостной земли обетованной. Вместо этого он предлагал историю божества Манду, который рождался, рос, а затем снова и снова погибал от вероломства так же неумолимо, как неумолимо день похищается ночью.

Но хотя культ Манду и не был популярен в Толории, Лирит знала, что для *нее* это не имеет никакого значения. Они — ее братья и сестры, верно? Лирит шагнула вперед. Она явственно слышала голос Мелии. Он был богат и мелодичен и чем-то напомнил Лирит удивительную, неповторимую музыку морнишей.

Мелия, напевая, медленно двигалась по кругу, изящно изгибая руки. Закрыв глаза, она откинула голову назад так, что волосы цвета оникса рассыпались по белому платью. На каменном алтаре стояла статуэтка Манду, вырезанная из слоновой кости. Руками он упирался в бока, а одну ногу слегка выдвинул вперед. Взгляд безмятежных невидящих глаз был устремлен в пространство, вперед. На губах застыла многозначительная улыбка.

— Мелия! — задыхаясь от бега, позвала Лирит.

Миниатюрная женщина неожиданно пошатнулась. Лирит бросилась к ней и подхватила Мелию раньше, чем та упала на землю. Она весила не больше птицы.

— Сестра? — прошептала она едва слышным и печальным голосом. — Это ты, сестра? Думаю, я не смогу вынести этого. Теперь я знаю, это он виновен в том, что реки стали красными от крови нашего народа. Лучше умереть, чем стать женой такого чудовища.

На какое-то страшное мгновение лицо Мелии приняло выражение крайнего смущения, янтарные глаза широко раскрылись от страха. Она буквально оцепенела. Затем осторожно высвободилась из объятий Лирит.

— Лирит... Что все это значит?

Лирит изо всех сил старалась устоять на ногах и не упасть в обморок.

— Ты танцевала, Мелия. Ты едва не упала. Я... я подхватила тебя.

Мелия нахмурилась:

— Танцевала? Я не танцевала уже больше двух тысяч лет. С тех пор, как...

Голос ее стих, когда она заметила, что Лирит смотрит на ее босые ноги и золотые кольца на пальцах.

Гнев Мелии растаял. Она оглянулась на алтарь.

— Я пришла поговорить с братом. Манду всегда был самым чутким из ниндари. А я последнее время слышу такие странные новости с юга. Мне хотелось узнать, что он думает по этому поводу. Только я на какое-то время потерялась в прошлом. — Ее взгляд снова стал колючим. — Теперь все в порядке, леди Лирит. Ты что-то хотела от меня?

Лирит вздрогнула. Ее слегка покоробил суховатый, формальный тон Мелии. Впрочем, виновата она сама — приветствовала Мелию так же бесстрастно и холодно, когда та прибыла в Ар-Толор. Теперь же она раскаивалась в своем поведении. Какая причина заставила ее тогда с таким недоверием отнестись к Мелии?

Ты прекрасно знаешь причину, Лирит. Мелия и Фолкен — доверенные лица Разбивателя Рун, верно?

Лирит прогнала эту мысль из головы. Сейчас ей предстоит ответить на более важный вопрос. Овладев собой, она вкратце обрисовала путаницу, дважды замеченную ею в Паутине жизни.

Когда Лирит закончила, Мелия скрестила на груди руки и шагнула к алтарю.

— Возможно ли, что это имеет отношение к тем слухам, что мы слышали? — пробормотала Мелия, но у Лирит сложилось ощущение, будто она разговаривает не с ней, а со статуей Манду.

Тем не менее она ответила:

— О каких слухах ты говоришь?

Мелия подняла глаза, словно совершенно забыла о присутствии Лирит.

— Я не совсем уверена в том, что смогу выразить их словами. Это не совсем слухи в том смысле, что ты думаешь. — Она бросила любящий взгляд на алтарь. — Слова ограничивают вещи. Но большая часть того, что я услышала в глубине души, имеет то же значение. Последнее время некоторые из Новых Богов Тарраса почувствовали перемену.

— Перемену?

Мелия вздохнула.

— Как же мне объяснить? Это подобно тому, словно ты в полдень сидишь в прекрасном саду и дремлешь, окутанная теплом, а на солнце неожиданно наплывает облако. В самом саду все остается таким же, как мгновение назад, но общая картина места оказывается изменена. Понимаешь?

Лирит подумала, и решила, что понимает.

— И ты хочешь сказать, что город Таррас подобен саду?

Мелия кивнула:

— Многие Новые Боги испытывают тревогу, хотя сами не могут понять, почему.

Услышанное потрясло Лирит. Она никогда не представляла себе, что боги могут чего-то бояться. Но разве боги — не простое отражение людей, поклоняющихся им? Более могущественные и красивые и куда более величественные, но все же отражения? А люди, естественно, испытывают страх перед вещами, которые не могут понять и правильно назвать.

Лирит кивком указала на фигуру на алтаре.

— Что же он думает? Эта тень в саду — то же самое, что узел, который я вижу в Паутине жизни?

Мелия вздохнула.

— Манду теперь говорит совсем мало. С каждым завершенным кругом он становится все совершеннее, и в то же время все больше удаляется от меня. К тому же, боюсь, моих знаний о колдуньях и Паутине жизни недостаточно, чтобы сказать, что это за путаница. Мне кажется, должна существовать какая-то связь. Почему же ты видишь перемену в вашей паутине как раз тогда, когда мы видим ее в своей?

Лирит почувствовала, как на душе у нее стало немного легче. Слова Мелии нельзя назвать ответом, но она с облегчением узнала, что не единственная в замке ощутила нечто необычное.

— Не волнуйся, Лирит, — успокаивала Мелия. — Я с радостью буду рассказывать тебе обо всем, что узнаю.

Лирит вздрогнула. Не от того, что Мелия прочитала ее мысли, а скорее от ее сурового, холодного тона. И Лирит снова пожалела о своей недавней глупости.

Прежде чем мужество окончательно покинуло ее, Лирит подняла подол платья и сделала шаг вперед.

— Ты должна простить меня, Мелия. Я не хотела вести себя так холодно с тобой. Я знаю, что и ты, и Фолкен творите в мире великое добро. Просто...

Черты лица Мелии смягчились:

— Разумеется, милая. А я забыла, как трудно тебе приходится сейчас. Сомневаюсь, что в ваших кругах с любовью произносят имена Фолкена и Мелии.

Лирит выразительно покачала головой:

— Но они не...

Мелия торопливо подняла изящную руку:

— Не нужно, милая.

Сердечное тепло переполнило Лирит. Она знала, что следует удержаться, но не смогла и заключила маленькую

женщину в объятия. Однако Мелия не оттолкнула ее, а, наоборот, обняла с равной силой.

— Мы, женщины — хранительницы тайн, должны держаться друг друга.

Затем женщины разомкнули объятия. Мелия подняла голову.

— Где ты взяла это ожерелье, милая?

Лирит в замешательстве поглядела вниз. Амулет в виде паука красовался на корсаже ее платья. Должно быть, он выскользнул, когда она бросилась вперед.

— Это всего лишь безделушка, сделанная морнишами. Бессмыслица, пустяк. — Лирит почувствовала, как загорелись щеки, поскольку слова ее отражали не всю правду. Он напоминал ей о *нем*, ведь так?

Мелия ласково потрепала девушку по подбородку.

— Думаю, ты ошибаешься, милая. Судя по моему личному опыту, морниши никогда не делают безделушек. Каждое их изделие, каким бы простым ни казалось, имеет особую цель и силу. А из всех символов паук считается самым могущественным... и наиболее таинственным.

— Похоже, ты хорошо знаешь этих морнишей.

— Я знаю *о* них. За все века, что я бродила по Зее, мне доводилось бывать среди них бессчетное количество раз. Однако не могу сказать, что по-настоящему узнала морнишей. Да и любой другой человек, не принадлежащий к их кланам, вряд ли смог бы по-настоящему узнать их. А они никогда не пускали в свою жизнь чужаков.

Лирит отвернулась к двери храма, сжимая в руках амулет.

— Так это правда?

— Что такое, милая? Что-то не так?

Лирит открыла рот. Она знала, что не сможет удержаться и все расскажет Мелии: о карте, о снах, о Сарете. Но в этот момент в дверях храма возникли два силуэта.

— Мелия, вот ты где! — сказал Фолкен и посмотрел на стоявшего рядом с ним Даржа. — Ты прав. Не понимаю, почему я не догадался сразу поискать ее в храме.

Эмбарец кивнул:

— Этот выбор показался мне вполне логичным.

Фолкен направился прямо к Мелии.

— С тобой все в порядке? Сегодня утром ты вела себя немного необычно, а потом я просто не смог нигде найти тебя.

— Очень любезно с твоей стороны побеспокоиться обо мне, — промолвила Мелия. — Теперь у меня все хорошо.

Она улыбнулась Лирит, и та улыбнулась в ответ.

Фолкен застонал:

— Только не говори мне, что она преподавала тебе урок.

— Урок? — произнесла Лирит очень таинственным голосом. — Какой такой урок?

— Ну хватит! — воскликнул бард. — Вполне достаточно одной прекрасной женщины, говорящей мудреными загадками.

— Ладно, Фолкен. — Мелия взяла барда за руку. — Давай вернемся в покои. Там ты сможешь высказать все, что у тебя наболело.

Бард фыркнул и направился к выходу, уводя за собой Мелию.

— Они глубоко привязаны друг к другу, — спустя мгновение раздался серьезный голос.

Лирит едва не забыла о Дарже. Серая туника рыцаря сливалась с темнотой. Но больше всего ее поразили его слова, так как для сурового рыцаря они прозвучали слишком нежно. Хотя Лирит знала правду, скрывавшуюся за его суровым внешним видом.

— Думаю, нам никогда не понять того, что выпало на их долю.

Дарж согласно кивнул. Во мраке его резкие черты лица казались мрачнее обычного. Но не только из-за серого света. За последние несколько дней суровый вид, который напускал на себя рыцарь, стал больше походить на маску, за которой прячется неизбывная тоска. Лирит впервые заметила это в то утро, когда в Ар-Толор приехали Мелия и Фолкен. С тех пор она почти не видела Даржа, но каждый раз, когда все-таки встречалась с ним, он казался ей чем-то сильно опечаленным.

— Что с тобой, Дарж? — спросила она. — Что-то произошло?

Лирит протянула руку.

Рыцарь широко открыл глаза и уклонился от ее прикосновения. Она поджала пальцы и отвела руку. Затем Дарж шагнул ей навстречу, словно осознавая, что наделал.

— Миледи...

— Не нужно, Дарж. Я не виню тебя. Только не после того, что я сделала с тобой в пустынях. Ты мудр и всегда оказываешься рядом, когда нужно.

На какое-то время воцарилась тишина.

— Ты сказала ей? — задал вопрос Дарж.

— Нет, — ответила Лирит. — Я дала тебе слово. Я никогда ей не расскажу.

Дарж кивнул.

— Это хорошо, миледи.

Не говоря больше ни слова, рыцарь развернулся и покинул храм. Лирит вздохнула и посмотрела в пустые глаза Манду, пытаясь отыскать в них хотя бы подобие утешения. Но бог лишь безмолвно улыбался, ожидая неминуемой смерти.

14

За окном уже сгущались сумерки, когда Эйрин, бормоча под нос слова заклинания, беспокойно мерила шагами комнату. Ее белоснежное платье тихо шелестело.

— Задуй свечу, позвони в колокольчик и произнеси заклинание. Задуй свечу, позвони в колокольчик и произнеси...

Она замерла и, широко раскрыв глаза, подняла голову вверх.

— Или позвони в колокольчик, произнеси заклинание и задуй свечу?

Голова гудела, словно в ней поселилась стая мотыльков. Мысли разбегались в разные стороны, и ей никак не удавалось сосредоточиться.

Эйрин охватил ужас. Что будет, если она неправильно проведет ритуал? Распустится весь узор? Этого она не знала. Но кое на что можно с уверенностью рассчитывать: если она не справится с ролью, Тресса превратит ее в комара.

Эйрин сделала глубокий вдох.

Сосредоточься, сестра. Ты сможешь. Тебе это по силам. Помни, все будут смотреть на тебя.

В душе ее нарастала паника.

Хорошо, об этом забудь. Подумай о своем последнем занятии с Трессой. Все прошло идеально.

Капля спокойствия пробралась в разум Лирит, и волнение утихло. Ну разумеется, вот оно. Как она могла быть такой дурочкой? Сначала колокольчик, свеча и *затем*...

Раздался стук в дверь, и мысли рассеялись. Второй стук подтолкнул ее к действию. Она поспешила к двери.

— Ну что ж, пора, голубушка. Эти старые кости не станут моложе, если будут просто стоять здесь.

Эйрин жадно вдохнула воздух. Шабаш еще даже не начался, а она уже допускает ошибки.

— Прости, сестра Сенраэль. Я не хотела расстроить тебя.

Старуха рассмеялась:

— Ну конечно, нет, голубушка. Только не такое замечательное существо, как ты. В тебе нет ни капельки жестокости. Не бойся. Если будет угодно Сайе, когда-нибудь ты тоже станешь такой же старой и сварливой, как я.

Ты ошибаешься, хотела сказать Эйрин. *Однажды я убила человека своей магией. Разве это не жестоко?*

— Пойдем, голубка. Скоро взойдет луна. Мы должны быть готовы.

Пепельно-серое платье колдуньи тихо зашелестело, когда она развернулась и по-старчески заковыляла по коридору. Эйрин поспешила за ней. Сердце бешено стучало в ее груди.

— Мне придется принимать решение о том, что вплести в узор? — спросила она Трессу этим утром.

— Ровно столько, сколько и любая другая колдунья, — ответила рыжеволосая женщина. — В узор вплетаются все нити. Задача всех колдуний — просто помочь, подобно тому, как челнок помогает нити пройти сквозь основу ткани. Узор определяется самими нитями.

После встречи с Трессой Эйрин отправилась на поиски Лирит, чтобы проверить, найдутся ли у подруги мудрые слова наставления. Но ей так и не удалось найти Лирит. Ее не было нигде в замке.

Ты увидишься с ней на Верховном Шабаше, сказала она себе. Однако по какой-то причине отсутствие Лирит волновало ее.

— Будь все проклято! — воскликнула Сенраэль и так резко остановилась, что Эйрин едва не врезалась в нее.

— Что случилось? — спросила баронесса, надеясь, что ее не включили в довольно широкий круг ведьминого проклятия.

— Я знала, что мне не следует пить ту последнюю чашку мэддока, — проворчала Сенраэль. — Теперь придется сделать остановку в уборной. А ты лучше беги в сад и найди королеву. Я скоро приду.

Старуха скрылась за дверью. Эйрин предпочла бы дождаться ее, но не посмела ослушаться старшей сестры. К тому же ей хорошо известна дорога в сад. Вздохнув, она двинулась по коридору.

— О, никак наша новая Дева!.. — послышался чей-то воркующий голос.

— Дева? — отозвался другой, высокий и ясный. — Я бы сказала, *Полу*дева.

Ужас коснулся Эйрин ледяными ладонями. Она повернулась, пытаясь отыскать местонахождение голосов.

— Как? Разве ты не видишь нас?

Тень, падавшая со стороны ближней арки, исчезла, словно распускающаяся материя. Под ней стояла группа из шести девушек в зеленых одеяниях. Они шагнули вперед, и Эйрин узнала в нескольких из них колдуний, которые находились вместе с Сайрин во время первого собрания Верховного Шабаша.

— Вы только поглядите на ее удивленный взгляд! — засмеялась золотоволосая девушка. — Можно подумать, она ни разу не видела заговора теней!

Эйрин удалось обрести голос:

— Я знаю заклинания!

От собственных слов она содрогнулась. Ее голос дрожал, как у маленькой девочки.

— Ну разумеется, *голубушка.*

При этих словах, сказанных кареглазой колдуньей, остальные разразились громким смехом.

Эйрин узнала ее. Именно она покинула группу Эйрин, чтобы присоединиться к Сайрин. С той ночи Эйрин стало известно ее имя. Ее звали Белира.

— Это платье совсем не идет тебе, — сказала она, выдвигаясь вперед. Остальные колдуньи с улыбкой наблюдали за происходящим. — Ведь его шили для другой, верно?

Эйрин почувствовала, как тело под платьем съеживается, подобно тому, как черепаха прячется внутрь своего панциря. Белое одеяние было больше размером, чем зеленое платье, которое она надевала раньше, но все равно не скрывало ее сухой руки.

Она попыталась пройти по коридору, однако Белира встала на ее пути.

— Зачем ты это делаешь? — не в силах идти дальше, спросила Эйрин.

Глаза Белиры сузились и превратились в узенькие щелки:

— Я объясню тебе. Нам нравилась Сайрин и не нравишься ты. Понятно?

Эйрин покачала головой; она не могла говорить.

Златовласая ведьма выступила вперед:

— Какая же она простофиля! Одна здоровая рука и ума ровно наполовину. И как, черт возьми, ей удалось стать Девой? Почему ею не стала одна из нас?

— Меня выбрала Иволейна, — наконец смогла выдавить из себя Эйрин.

Белира скривилась, и это выражение исказило ее и без того некрасивое лицо.

— Ну как же, Иволейна!.. Тогда возникает вопрос: почему *она* Матрона, а не Лиэндра? Всем известно, что сестра Лиэндра выступает от имени всех колдуний.

Эйрин почувствовала, как ее страх перерастает в гнев. Да кто они такие, эти девушки, чтобы говорить ей все это?

— Ты ошибаешься, сестра Белира. Лиэндра выступает вовсе не от имени всех колдуний. Она не выступает, например, от моего имени. А теперь дай мне дорогу.

Она попыталась сделать шаг вперед, но остальные колдуньи обступили ее плотным кольцом. Эйрин почувствовала, как у нее сдавливаются легкие. Ей казалось, что она сжимается и снова становится беззащитным ребенком. Злобно усмехающиеся лица вокруг сливаются в одно безобразное лицо, и в памяти возникают голоса, которые то вспыхивают, то затухают, подобно резким, пронзительным крикам птиц:

Маленькая леди Эйрин,
Что на ней надето...

Нет, никогда больше она не ощутит ничего подобного. Никогда. Она поклялась в этом тем давним вечером в середине зимы, когда своей магией умертвила Леотана. Так долго после той ночи она раскаивалась в своем поступке и верила, что он обратил ее во зло! Но девушка ошибалась. Она — не зло. Это остальные, те, кто сейчас глумится над нею, кто обращается с людьми, как с бездушными предметами, всячески издеваясь над ними. Всю жизнь они смотрели на Эйрин так, словно она чудовище лишь потому, что у нее изуродована рука. Но теперь она знала, что вовсе не чудовище.

Они — да, отвратительные мерзкие чудовища.

Леотан оказался жестоким, бессердечным существом, не принадлежащим к роду человеческому. И хотя эти молодые женщины совершенно не похожи на него, они ничем не уступали ему в бессердечности. Эйрин больше не желает мириться с подобной жестокостью. Она еще покажет им всем, что значит настоящее заклятие!

Эйрин почувствовала, что не испытывает ни страха, ни гнева. Ею овладело спокойствие, подобное затишью перед бурей. Она выпрямилась и посмотрела на Белиру.

— Мне нужно идти, сестры. — Слова были холодными, как мрамор. — Вот-вот начнется Верховный Шабаш. Прошу вас уступить мне дорогу.

Белира бросила взгляд на спутниц, и те одобрительно закивали. Тогда она с презрительной ухмылкой на лице повернулась к Эйрин.

— А ты заставь нас!

— Хорошо, если вы этого желаете.

Белира нахмурилась. Скорее всего она никак не ожидала подобного ответа. За ее спиной зашевелились и остальные. Белира открыла было рот, но не успела произнести ни слова. Эйрин подняла руку — не левую руку, а правую, маленькую, бледную и жалкую, как перебитое крыло голубки.

Это оказалось так просто, что ей даже не пришлось закрывать глаза. Эйрин протянула воображаемую руку к Дару и захватила шесть мерцающих нитей. Затем подтянула их к себе и крепко сжала в ладони.

Шесть стоявших вокруг нее девушек как одна тяжело задышали и, сжимая дрожащими руками горло, отпрянули назад. Глаза их вылезли из орбит, а рты беззвучно открывались и закрывались, словно у рыб, выброшенных на берег.

Спустя несколько мгновений их губы приобрели синий оттенок. Оказалось, что налагать заклятие так легко... Можно без всяких усилий сжать эти нити, пока они не оборвутся, тем самым навеки прервав их дыхание...

Остановись, Эйрин. Если ты причинишь им вред, то скоро станешь такой же, как и они.

Эйрин посмотрела на свою изуродованную руку. Нет, она не позволит им превратить себя в чудовище!

Она опустила руку, освобождая нити. Девушки зашатались и часто, прерывисто задышали. Некоторые упали на колени, жадно хватая ртом воздух, другие отчаянно разрыдались и принялись беспомощно цепляться друг за друга. Из них лишь одна Белира стояла спокойно. Она с ненавистью смотрела на Эйрин, держась за горло. Ее глаза были полны ужаса. И еле сдерживаемого гнева.

Но для Эйрин это не имело никакого значения. Ей не нужна привязанность или любовь этих девушек. В отличие от ее собственного тела их тела были совершенными и гармонично сложенными, а вот души — истинно уродливыми.

Белое платье тихо зашуршало, когда она прошагала мимо них.

— Увидимся на Верховном Шабаше!

15

Лирит торопливо расправила складки зеленого платья, пальцами расчесала спутанные узелки черных вьющихся волос. Мимолетный взгляд в бронзовое зеркало убедил ее в том, что теперь она выглядит неплохо.

Сквозь окно просачивался серый свет сумерек. Время Верховного Шабаша настанет совсем скоро.

Как она не проспала все на свете, Лирит не знала. Голова весь день разрывалась от беспокойных мыслей, и девушка прилегла лишь для того, чтобы дать отдых глазам. Однако каким-то образом она погрузилась в дрему, и ей приснился еще один сон о Сарете. Этот сон оказался еще более мрачным, нежели предыдущий. Обнаженные, они занимались любовью. Только при этом Лирит почему-то ощущала жуткий холод и, когда открыла глаза, увидела, что Сарет из живого человека превратился в безжизненную статую из камня. Холод все сильнее охватывал Лирит, она попыталась закричать, но уже и язык ее превратился в камень.

Слава богу, что она наконец проснулась. Этот сон во многом был даже хуже, чем тот, о пауках. При мысли о том, что так придется провести целую вечность — живой, здоровой, все понимающей, но совершенно окоченевшей и застывшей, — по спине девушки побежали мурашки.

Лирит поспешно вышла из спальни и побежала по коридорам замка. Прислуга и обедневшие аристократы смот-

рели на нее широко раскрытыми глазами и уступали дорогу. Она не могла за это их винить, так как чувствовала, что выглядит как обезумевшая старая ведьма. Иволейна пожелала, чтобы колдуньи передвигались по Ар-Толору осторожно, дабы не тревожить прочих обитателей замка. Однако Лирит очень спешила, ей было нужно отыскать самую короткую дорогу к садам. Еще повезло, что сегодня ночью никто не приказал ей сопровождать на шабаш какую-нибудь группу послушниц.

Она подняла подол платья и ускорила шаг.

— Бежать бесполезно, — прозвучал где-то рядом чей-то свистящий голос. — Ты все равно опоздаешь.

Лирит резко остановилась.

— Теравиан, — сказала она. — Я не заметила, что вы здесь.

— А почему ты должна замечать меня? Меня никто никогда не замечает.

Лирит задумалась. Ей уже давно следовало бы явиться на Верховный Шабаш. Но в Теравиане было нечто такое, что заставило ее заговорить с ним.

— Возможно, вам нужно реже носить черное, — предложила она.

Юноша прищурился:

— Не знал, что колдуньи могут быть такими забавными.

— О, я особенная ведьма. Тебе, вероятно, даже не следует разговаривать со мной. Это, несомненно, причинит какой-нибудь непоправимый вред.

Губы растянулись в усмешке:

— Хорошо.

Взгляд Лирит переместился на окно. Первые звезды только начинали появляться.

— Все в порядке. Я знаю, что тебе нужно бежать на какое-то сборище, поэтому ступай. *Она* всегда покидает меня.

Тень улыбки исчезла с его лица. Теперь во мраке был различим лишь бледный суровый овал. Лирит минуту раздумывала, затем приблизилась к нему и положила руки ему на плечи. Для юноши, прожившего на свете шестнадцать зим, он имел хрупкое телосложение, однако их рост был одинаков, так что она смогла заглянуть в его зеленые глаза.

— Послушайте меня, лорд Теравиан. Вы должны поверить мне, я знаю, что такое, когда тебя бросают. Я уже кое-чему успела научиться в жизни. Очень жаль, что я не понимала этого раньше. Я хочу поделиться своим опытом с вами. Хотя другие могут отказаться от вас, но вы сами никогда не должны отказываться от себя. Понимаете?

Он не ответил, но его взгляд приобрел странную задумчивость. Лирит убрала руки с плеч юноши.

— Теперь я должна идти... на сборище, как вы назвали его. Но я еще вернусь и поговорю с вами. Обещаю.

Он покачал головой, глядя не на нее, а на тень.

— Нет, ты ошибаешься. Ты скоро уйдешь.

Холодное дуновение воздуха коснулось кожи Лирит.

— О чем вы говорите?

Теравиан лишь пожал плечами, после чего развернулся и побрел по коридору.

Спустя несколько минут Лирит, задыхаясь, пробежала под сплетенной из ветвей аркой и оказалась в храме в самой глубине садов Ар-Толора. Сферы с ведьминым огнем свисали с высоких ветвей, наполняя долину зеленым свечением.

Две сотни колдуний (молодые — справа, старшие — слева) стояли, повернувшись лицом к мраморным возвышениям в дальнем конце храма. Похоже, Лирит прибыла самой последней. На возвышении она разглядела три фигуры: одну — в белом, вторую — в зеленом и третью — в пепельно-сером. Женщина в зеленом что-то говорила.

— ...и появится на свет новый узор. Узор, в который сплетутся все нити. Узор, который будет служить нам проводником все следующие луны. Итак, именем *всех* богинь, да сплетутся же этой ночью воедино все наши нити!

Лирит облегченно вздохнула. Она пропустила заклинание, открывающее шабаш, но само плетение еще не началось, хвала Сайе. Разумеется, Иволейна не смогла бы упустить из виду тот факт, что в узоре отсутствует нить Лирит. Более того, узор представлял собой то, что связывало между собой всех колдуний, что возвышало их над простолюдинками — торговками и деревенскими знахарками. Лирит не хотелось оказаться за пределами этого узкого круга посвященных.

Иволейна кивнула Эйрин и Сенраэль, и те шагнули вперед. Эйрин несла в руках маленький сверток, обернутый черной материей, а Сенраэль сжимала в руках серебряную чашу. Все вместе — Дева, Матрона и Старуха — они произнесут Верховное Заклинание еще до того, как начнется плетение узора. Стараясь изо всех сил остаться незамеченной, Лирит начала торопливо пробираться сквозь толпу.

— Не думай, что мы не видим того, что ты творишь, — раздался чей-то резкий голос.

Лирит замерла. Неужели кто-то заметил ее опоздание? Однако ни одна из колдуний в этот миг не смотрела в ее сторону. Наоборот, все смотрели прямо перед собой, и на лицах у всех женщин одновременно выражались потрясение и интерес.

Высокая стройная ведьма в зеленом платье приблизилась к возвышению. Лирит удалось разглядеть лишь горде-

ливые очертания ее скул. В огненно-рыжие волосы были искусно вплетены зеленые самоцветы.

Это была Иволейна. В ее прозрачных, как лед, глазах отражался свет ведьминого огня, придавая им цвет холодных морских волн.

— Не понимаю тебя, сестра Лиэндра. То, что я делаю, делалось всегда. Я призываю к плетению узора.

— Ну да. Узор. — Лиэндра подняла тонкую изящную руку. — Ты, кажется, торопишься. Неужели ты так боишься дать нам слово, прежде чем начнется плетение?

По толпе, подобно ветру в роще, пронесся ропот.

Иволейна недоуменно развела руками.

— О чем же можно разговаривать перед плетением, сестра Лиэндра? Разве не все нити и не все голоса переплетутся в материи узора?

— Все так, верно, — проговорила Лиэндра. Теперь ей уже не нужно было искать предлог, чтобы заговорить с Иволейной, и она повернулась лицом к присутствующим. — Но все же есть вопросы, которые необходимо высказать перед плетением... Вопросы, произнесение которых придаст красивую окраску нитям, прежде чем их вплетут в узор. — Лиэндра снова повернулась к кафедре. — Разве не этого ты пыталась избежать своей спешкой, Матрона?

— Прошу тебя, выскажись, сестра, — холодно промолвила Иволейна. — Я не побоюсь твоих вопросов.

Ее голос звучал, как всегда, ровно, но Лирит заметила, что королева сохраняет спокойствие из последних сил.

— Я бы не стала утверждать это с непоколебимой уверенностью, — сказала Лиэндра. — Но уступлю твоему желанию и не стану понапрасну тянуть время. Я бы и сама хотела поскорее увидеть узор. Поэтому задам только один вопрос. Почему *им* было позволено находиться в замке, в то время как продолжается наш Верховный Шабаш?

— О ком ты говоришь, сестра?

Шиканье и шепот вновь прокатились по роще, и стало ясно, что всем прекрасно известно, о ком говорит Лиэндра. Тем не менее колдунья все-таки произнесла их имена, и ее губы скривились в презрительной ухмылке.

— Я говорю о Мелиндоре Сребролунной и Фолкене Черной Руке. Всем хорошо известна их репутация. Они вечно вмешиваются в чужие дела. Ответь, зачем они приехали сюда? Разве не для того, чтобы следить за нами? Было бы разумнее поскорее выставить их вон.

— Извини, сестра, — произнесла Иволейна резким тоном. — Я не подозревала, что тебе неведомы законы гостеприимства, все еще бытующие в этих доминионах. Я объясню их тебе.

Когда люди, не сделавшие ничего дурного, просят приюта, его должно предоставить.

Лиэндра дрогнула под силой слов Иволейны. Если кто-то и забыл, что Иволейна — не только Матрона, но и королева, то сейчас об этом вспомнили все. Колдунья может подвергнуть сомнению решение Иволейны в роли Матроны, но ни в коем случае не посмеет оспорить ее решение в качестве правительницы Ар-Толора.

Тем не менее Лиэндра расправила платье и снова продолжила:

— Ты говоришь, что должна предоставлять приют тем, кто не сотворил ничего дурного? — Даже на расстоянии Лирит разглядела предвещающую опасность улыбку на лице Лиэндры. — Но разве бард Фолкен своей собственной рукой не вызвал падение Малакора? Все легенды гласят, что это было именно так. Да и сам он никогда этого не отрицал. Я бы сказала, что разрушение целого королевства можно считать *сотворением дурного.*

Иволейна открыла рот, чтобы ответить, но Лиэндра опередила ее:

— Нет, Матрона, твоя готовность укорить меня за мои слова вполне справедлива и оправданна. Я действительно на слишком долгое время задержала плетение узора. Пожалуйста, прости меня.

Поклонившись королеве, Лиэндра вернулась на место.

Глаза Иволейны вспыхнули гневом. Хотя слова Лиэндры прозвучали как раскаяние, они оставили след куда более глубокий, чем оставляет иное обвинение.

Иглы холода стали покалывать тело Лирит. В следующее мгновение она почувствовала перемену в настроении колдуний. Она была едва уловимой, но казалась вполне реальной — так ветер меняет свое направление. Что-то явно произошло.

Не успела Лирит обдумать случившееся, как вперед выдвинулись Эйрин и Сенраэль и тут же присоединились к Иволейне. Сейчас они произнесут Верховное Заклинание. Лирит воспользовалась ситуацией и поспешила занять свое место.

К тому времени, как она оказалась среди колдуний одного с нею возраста, церемония Верховного Заклинания уже началась. Сенраэль разбрызгала воду из серебряной чаши. Эйрин развернула сверток, извлекла из него три свечи и поставила их на алтарь. Одна свеча была длинной, вторая — наполовину сожжена, третья являла собой крохотный огарок. Неизвестно откуда появившейся горящей веткой Иволейна подожгла свечи.

Глядя на обряд Верховного Заклинания, Лирит затаила дыхание. Обычно молодой колдунье требовались долгие недели, чтобы приготовиться к роли Девы. Эйрин располагала для подготовки лишь несколькими днями. Тем не менее Тресса, похоже, проделала свою работу хорошо. Осуществляя предписанные заклинанием шаги, Эйрин пока еще не допустила никаких ошибок.

Но есть кое-что еще, сестра.

Лирит никогда не видела Эйрин такой уверенной. Обычно она прибегала к помощи складок материи, чтобы скрыть от посторонних глаз свою изуродованную правую руку. Сегодня ночью она решила не делать этого. Несколько молоденьких колдуний обменялись насмешливыми замечаниями, но их тут же одернули.

Верховное Заклинание подходило к концу. Эйрин позвонила в маленький серебряный колокольчик. Затем задула самую высокую свечу, в то время как Иволейна погасила среднюю, а Сенраэль — самую короткую. После этого все три, не сговариваясь, произнесли в унисон:

— Да будет сплетен узор.

Процедура плетения началась. Все жаждали увидеть, какую форму приобретет узор. Воздух вокруг Лирит затрепетал. Она закрыла глаза и увидела их: две сотни мерцающих нитей, которые скручивались во всех направлениях. На мгновение Лирит задумалась. А вдруг она снова увидит скрывающиеся по углам клубки?.. Но их не было, и она позволила сверкающим нитям затянуть себя внутрь.

В следующее мгновение раздались голоса. Сначала они представляли собой едва различимые обрывки фраз, произнесенных шепотом.

...можешь ли ты... да, я... позволь приблизиться... так много, и они так прекрасны... я здесь...

Лирит знала, что голоса принадлежат молоденьким колдуньям, по-детски завороженным таинством происходящего. Постепенно, когда утихло первоначальное изумление, послышались более взрослые и сильные голоса, каждый из которых вплетался в блестящую нить.

Говорят... Я видела знаки... а Сайя всегда являлась нашей... может ли быть, что наступает время... и Молот ударит по Наковальне, пока все попадутся... именно Охотница... кто мы такие, чтобы...

До сих пор движение нитей происходило совершенно хаотично, но неожиданно, словно по собственной воле, несколько прядей соединились и переплелись друг с другом. В то же мгновение, подобно звучанию горна, раздался голос:

Он пришел!

По телу Лирит пробежала дрожь. Не успела она сложить в уме слово, как его прошептали сотни других голосов:

Разбиватель Рун.

Голоса становились громче и доносились теперь быстрее и со всех направлений. Часто вещал лишь один голос, однако с каждым уходящим моментом все больше и больше нитей перевязывались между собой, а отдельные голоса сливались в один.

Я видела... мы видели его. Руна мира сокрушена под его рукой. Говорят... сами серые люди обернулись против него. Он может лишь... опустошение. Но я... и я... и мы верим, так и должно быть. Наши пророки предсказывали это... да, мы снова увидели это. Его рукой весь мир...

Сразу же между собой переплелись тысячи нитей, и теперь звук походил на хор труб.

Разбиватель Рун уничтожит Зею!

К воодушевлению Лирит примешался страх. Она выдернула обратно свою нить, стараясь отделить ее от остальных, и принялась искать нить Эйрин. Интересно, следует ли ей поговорить с девушкой? Однако она так и не нашла ее в струящемся и кричащем водовороте узора.

А какая разница? Ведьмы уже решили, что Тревис Уайлдер — их враг. Это прояснилось из узора.

Лирит отпустила нить. Большая часть нитей до сих пор казалась беспорядочной, но не везде. Местами пряди вставали на свои места и сплетались между собой, как только ведьмы начинали высказывать подобные мнения.

Вопросы разлетались во всех направлениях, и ответы тоже.

Что вы скажете о людях тельца?

Приверженцы Ватриса всегда жаждали крови.

Но будут ли они стремиться к уничтожению целого мира?

Разумеется, он их Молот, тот, кому они поклоняются, послужит причиной Последней Битвы.

Да, мы слышали. Они верят, что когда будут сражаться в этой Последней Битве, то проиграют, но погибнут славной смертью и затем на веки вечные соединятся со своим богом. Безумие, это безумие.

Но что можно сказать о Наковальне?

О Наковальню ударяет Молот, а все остальные попадаются между ними. Что еще это может означать? Они стремятся сокрушить все живое.

Но кто она?

Этого мы не знаем. Нам известен только он. А Наковальня всегда там же, где и Молот.

Мы должны остановить их!

Большие участки нитей уже выстроились в ряд. Голоса, выступавшие против Разбивателя Рун, и те, что называли Молот и Наковальню, практически стихли. Однако внезапно с затененного края плетения донеслись другие голоса, хриплые и грубые, но полные мудрости.

Сайя никому не причиняет зла, даже тем, кто вредит нам.

Да, тот, кто творит дурное, сам роет себе яму. Нить зла обязательно вернется к своему прядильщику.

Мы не должны поддаваться безумию. Если Воины жаждут крови, то это будет их собственная кровь. И если Разбиватель Рун желает погубить мир, то найдет свою собственную погибель. Так поступает Сайя.

Эти слова словно пролили бальзам на душу Лирит, бальзам такой же прохладный и подкрепляющий, как глоток воды из глубокого колодца. Но даже когда говорили эти голоса, возникали другие, подавляющие их.

Сайя осталась в прошлом. А мы должны подумать о том, что вот-вот наступит. Тех, кто не может двигаться вперед, нужно оставить позади.

Теперь нас представляет Ирсайя. И если Сайя еще не умерла, то умирает.

С этими словами в плетении поднялась огромная волна. Несколько прядей, самых тусклых и старых, отлетели к бахроме узора. Они не пропали, но их сослали на окраину, откуда спустя время их можно с легкостью выдернуть, не повредив остального рисунка. Поднялись слабые голоса протеста, однако их быстро заглушили.

Грусть наполнила сердце Лирит. Они сделали ошибку. Не следует забывать старух. Однако узор начал принимать форму, и этому нельзя было сопротивляться. Нить за нитью занимала свое место.

Мы должны разыскать Разбивателя Рун.

Да, ему не скрыться от нас, куда бы он ни сбежал.

Мы остановим его прежде, чем он причинит еще больший вред.

Ему никогда не уничтожить мир, ибо мы первыми уничтожим его и его Воинов.

Разбиватель Рун ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ!

Последние слова прогремели с силой грома. Все больше и больше нитей стекались к центру. В самом сердце узора светилась яркая зеленая прядь, вокруг которой сплетались почти все остальные. Прядь принадлежала Лиэндре, Лирит знала это наверняка. Но где же нить Иволейны?

Осталось лишь несколько отдельных прядей. Одна из них принадлежала Лирит, рядом находилась ярко-голубая прядь Эйрин, а недалеко — еще одна жемчужного цвета, которую спустя мгновение Лирит определила как нить Иволейны. Итак, надежда еще оставалась. Не все испытывали жгучую жажду смерти, как Лиэндра. Затем у нее на глазах нить Иволейны содрогнулась и двинулась к центру. И нить королевы быстро затерялась в общем узоре.

Отчаяние переполнило Лирит. Бессмысленно противостоять такому большинству голосов. У Иволейны не было выбора, если она хотела остаться Матроной, и у всех остальных тоже. Хотя ей не нравится то, что получалось, узор все равно соткут, и либо Лирит станет его частью, либо будет ничем.

И она начала вплетать свою прядь в направлении центра.

Осторожно, сестры. Опасность таится и в добрых деяниях.

Лирит остановилась. Голос звучал низко и спокойно, но в то же время был наполнен бесшумной силой, которая каким-то образом противоречила пронзительности.

Если мы начнем войну, то разве тогда мы не воины? Если мы будем разрушать, то разве тогда мы не разрушители? Если нам предназначено быть целителями и хранителями мира, тогда давайте целить и хранить. Да, давайте же искать Разбивателя Рун. Давайте не спускать с него глаз, чтобы найти способ помешать ему и не дать возможности осуществить свое предназначение. Но давайте не будем творить зло собственными руками.

Чей это голос? Слова наполнили ее крупицами новой веры. Она ощутила гнев и сопротивление в центре узора, однако несколько оставшихся нитей объединились с новым голосом. Лирит поспешила сделать то же самое, и когда ее нить сплелась с остальными, она почувствовала присутствие Эйрин.

Их было не много. Они едва образовывали лишь лоскуток материи, по сравнению с гобеленом, каким представлялся весь узор. Но теперь, когда они сплелись воедино, их нити невозможно было не признать. Сопротивление в центре угасло, и в узор вплелась новая прядь.

Разбиватель Рун не погибнет от наших рук. Мы найдем его, схватим и будем удерживать. Мы не позволим ему причинить зло ни себе, ни всему миру.

Раздался звук, подобный звону колокольчика. Лирит открыла глаза. Она снова стояла в садах, окруженная двумя сотнями колдуний. У каждой в глазах застыло выражение ужаса. Лирит знала, что оно отражало ее собственное состояние.

Стоявшая на возвышении Иволейна опустила серебряный колокольчик. На мгновение всем показалось, что королева пошатнулась. Чего ей стоило присоединиться к узору и пряди Лиэндры? Однако Лирит не успела поразмыслить над этим. Лицо Иволейны стало суровым. Она выпрямилась во весь рост и заговорила кристально звонким голосом:

— Узор готов!

И тотчас же колдуньи начали покидать сад. Их зеленые одеяния сливались с тенями деревьев, оставляя после себя лишь лунные лучи. Многие из них уедут уже ночью, и почти все разъедутся завтра до заката, отправившись по домам. Сколько времени пройдет до того момента, когда они снова встретятся и переплетутся между собой? В этом и заключалась цель узора — связывать их вместе, даже когда они находятся далеко друг от друга.

— Лирит! Вот ты где!

Она подняла глаза и увидела вспышку белого света.

— Эйрин!

Лирит обняла девушку и крепко прижала к себе. Эйрин прильнула к ней с не меньшей силой и обхватила ее одной рукой. Наконец они выпустили друг друга из объятий.

— Ты сегодня была великолепна, — промолвила Лирит. — Нет, блистательна. Должна сказать, что последний раз, когда я тебя видела, в тебе не было столько уверенности. Что произошло?

Эйрин пожала плечам и улыбнулась.

— Я решила быть собой. Как ты мне и говорила.

Лирит сжала левую руку баронессы. Она хотела сказать много больше, но остановилась — неподалеку проходила высокая фигура с огненно-рыжими волосами.

Лирит почувствовала холод. Эйрин тоже оцепенела. Мимо них из сада высокомерно шагала Лиэндра, окруженная группой колдуний. Она смотрела прямо перед собой, словно не замечая внимания окружающих, но ее выдавала самодовольная улыбка.

Внезапно, словно почувствовав на себе чужой взгляд, Лиэндра повернула голову. Зеленые глаза сверкнули в направлении Лирит и Эйрин, и улыбка на ее лице стала еще шире. Лиэндра вышла из сада.

Эйрин сделала вдох, будто собиралась что-то сказать. Но слова ее прозвучали не в ушах Лирит, а в голове.

Она отвратительна. Посмотри на ее самодовольную улыбку. Можно подумать, что королева — это она.

Способ, каким эти слова достигли ее понимания, изумил Лирит больше, чем их содержание. Когда и как Эйрин освоила искусство общения через Паутину жизни? Лирит еще только предстояло работать с ней над этим умением.

Лирит быстро сплела нить, посылая девушке ответ.

Она — не королева. Однако помни, именно нить Лиэндры оказалась в самой середине узора. Я не знаю, ни кто она, ни откуда она пришла, но, кажется, все колдуньи готовы следовать ее примеру.

Не все ведьмы, сказал теплый голос.

Голос принадлежал не Эйрин, хотя, судя по широко открытым глазам баронессы, она тоже слышала его так же отчетливо, как Лирит.

Не забывайте, продолжал голос, *что были и такие нити, которые не соединились с сердцем узора. Не все думают то же, что сестра Лиэндра.*

На мгновение Лирит предположила, что это говорит Иволейна, но королевы нигде не было видно. Кроме того, голос мягче и бархатистее, и в то же время отличался неповторимой силой. Затем разбрелась редеющая толпа, и Лирит увидела кол-

дунью, в чьих блестящих черных волосах сверкал перламутровый локон.

— Сестра Мирда, — прошептала Эйрин.

Лирит кивнула. Она поняла, почему невозмутимый голос женщины показался ей таким знакомым.

— Это ты, — пробормотала она. — Ты та, кто напомнил нам, что сестры не должны творить зло. И именно твоя нить изменила узор.

По губам Мирды скользнула тень улыбки.

— Пусть в дороге вас обеих ведет Сайя.

Затем она повернулась и двинулась по саду. Зеленое платье развевалось на ветру.

Эйрин нахмурилась. На ее лице появилось удивленное выражение.

— И что это должно означать? О какой дороге она говорила?

Лирит подумала о молодом принце Теравиане.

Скоро ты уйдешь...

— Пойдем, — сказала она и взяла за руку Эйрин. — Думаю, нам не помешает сейчас чашка крепкого мэддока.

16

— Что-нибудь еще, миледи?

Эйрин даже не повернулась, не оторвала взгляда от искусно отполированного серебряного зеркала. Она подгоняла платье.

— Нет, Элтра, спасибо. Ступай.

В зеркальном отражении она увидела, как Элтра поклонилась, после чего поспешно выскользнула из спальни. Милая девочка и, по всей вероятности, застенчивая.

Эйрин сосредоточилась и привычными отработанными движениями левой рукой застегнула пряжки и подвязала бретельки платья.

Только что рассвело. Ее тело все еще ощущало легкость и трепет от магии узора. Она проговорила с Лирит до глубокой ночи, а в голове роились сотни вопросов.

Воображение Эйрин снова рисовало картину плетения узора и того, как последние оставшиеся нити, среди которых находились нити ее и Лирит, переплелись с нитью, произносившей спокойные слова. Не оставалось никаких сомнений в том, что эта нить принадлежала сестре Мирде. Но кто же она, эта мудрая и невозмутимая колдунья? Откуда она родом? Никто, кого бы ни спрашивала Эйрин, не знал этого. Не знала и Ли-

рит. Но именно Мирда помешала всем остальным колдуньям примкнуть к нити Лиэндры.

Если не считать того, что большинство все-таки так и сделали, Эйрин. Даже Иволейна в конце концов присоединилась к сердцу узора.

Вероятно, у Иволейны не оставалось иного выбора — разумеется, если она хотела остаться Матроной. Таким способом Иволейна могла приобрести какое-то влияние в группе Лиэндры. По крайней мере именно на это надеялась Эйрин. Тем не менее со времени шабаша она не видела ни Трессу, ни королеву.

Не видела она и Сенраэль. Старших сестер несправедливо отвергли. Хотя их голоса звучали просто ужасно, но ведь в них заключалась великая мудрость. Красота не имеет ничего общего с истинной силой. Увы, старух отшвырнули к самой бахроме узора, и если бы не вступилась Мирда, колдуньи поклялись бы в чем угодно, даже в кровопролитии, чтобы уничтожить Разбивателя Рун. Поэтому Эйрин обрадовалась, что Тревис Уайлдер далеко отсюда. И несмотря на свое желание встретиться с ним, она все же надеялась, что он не покинет свой дом. Ради него же самого. И, может быть, ради Зеи.

Эйрин решила воздержаться от завтрака и направиться прямо в покои Лирит. Наверное, та уже пробудилась. Как можно спать в такую ночь?

Если принести ей в комнату чашечку мэддока, Лирит не сможет устоять и обязательно поднимется. Она любит этот напиток, как пчела — мед.

Эйрин закончила застегивать платье и стала прятать правую руку в складках платья. Это движение она инстинктивно выполняла каждый день, сколько себя помнила.

Но неожиданно замешкалась и медленно закинула складку обратно на плечо, обнажая висящую в льняной повязке правую руку.

Она внимательно вгляделась в свое отражение. В собственном воображении девушка никогда раньше не изображала себя с сухой рукой. Она всегда представляла себе, что ее скрывает одежда. Теперь, глядя на бледную скрюченную руку, Эйрин не могла и вообразить ее по-другому. Рука выглядела странно, это так, но ведь это *ее собственная рука.*

Тепло разлилось по телу Эйрин, подобно легкому головокружению. Раньше она постоянно испытывала страх при мысли о том, что люди увидят ее руку; теперь она ждала этого практически с нетерпением. Пусть смотрят, пусть насмехаются над ней, как Белира. Это лишь придаст ей силы.

Улыбаясь, она уложила руку в повязку и двинулась к двери.

Сестра, ты слышишь меня? Эйрин, если слышишь, то немедленно явись в покои леди Мелии.

Это Лирит. Эйрин собрала всю волю и попыталась ответить. Вчера ночью, перед шабашом, она наконец обнаружила, что способна по собственному желанию общаться через Паутину жизни. Подобно многим другим вещам, это оказалось легче, чем она думала. Умение просто скрывалось внутри нее. Однако ей еще так многому предстоит научиться, опыта не хватало. Она не видела нить Лирит. Та находилась слишком далеко.

Я уже иду!

Она откликнулась, хотя знала, что Лирит не слышит ее.

Эйрин выскочила из комнаты. Что могло сделать обычно спокойный голос Лирит таким пронзительным? Быть может, снова заболела Мелия? Лирит упоминала о том, что последнее время Мелия как-то странно себя ведет.

Эйрин уже почти добралась до комнаты Мелии и Фолкена, как вдруг из алькова выпрыгнула худощавая фигура. Из горла Эйрин вырвался приглушенный вскрик. Существо выпрямилось, принимая человеческий образ. Раздался звон колокольцев.

— Таркис, — вздохнула Эйрин с некоторой долей облегчения, хотя задержка не входила в ее планы. — Что тебе нужно?

— Что? — возмутился шут. — Разве ты забыла, милая? Мы еще не завершили стихотворное состязание.

Она подтянула руку к груди.

— О чем ты?

С шутовского костюма свисали клочья паутины и хлопья пыли. Где он прятался, если так сильно выпачкался?

— Ты из имени моего сложила стихотворение. И теперь я проделаю то же с твоим.

В его голосе слышалось что-то странное. Он звучал тише обычного и более шепеляво. В косых глазах вспыхнул лукавый огонек. Эйрин ничего не оставалось делать, как задержаться.

Шут взмахнул руками и заговорил низким монотонным голосом:

Милая леди Эйрин
Должна обручиться с бароном,
Но никто не возьмет ее в жены,
Благословленную одной рукой.

Надменные красавицы сестры
Ее в одиночестве бросили.
Но однажды они раскаются,
Когда к ним она снова явится.

Пусть трепещут!
С мечом в руке, на гордом коне,
Проедет она по всей их стране.

Кровь застыла в жилах Эйрин и превратилась в лед. Неужели шут видел, что она проделала с Белирой и остальными колдуньями? Но заключительная часть стиха была еще более тревожной, напомнив о карте, которую она вытащила из колоды старухи-гадалки. А об этом шут никак не мог узнать. Это просто невозможно... или возможно?

Таркис улыбнулся, обнажая острые желтые зубы:

— По твоим глазам видно, что я победил. Теперь, моя дорогая, ты должна наградить меня.

Шут подошел ближе, и в нос ударил отвратительный кислый запах. Улыбка шута сделалась шире, растягивая лицо в нелепую бугристую и морщинистую маску. Зазвенели бубенчики, но он приглушил их звон голубой материей ее платья, прижавшись к девушке всем телом.

Эйрин охватило бешенство.

— Убери от меня руки, пес! — выкрикнула она не своим голосом. Словно по собственной воле правая рука поднялась из повязки.

Таркис отпрянул. Улыбка исчезла с лица шута, и на нем появилось выражение страха. Глаза перестали косить и, казалось, смотрели сквозь нее.

— Не говори так, дорогая, — прохрипел он. — Он суров и холоден, твой голос. Как у нее. Очень похож. И глаза твои... так пронзительны. Они буравят меня, прямо как ее глаза.

Эйрин позабыла о гневе. Таркис съежился, обхватил себя руками и захныкал.

— О ком ты говоришь?

— Тень среди деревьев! У нее много глаз. Она все видит. Я не могу спрятаться... даже когда сплю, она находит меня. Но она — не единственная, кто видит. — Таркис рассмеялся, и эти звуки слетели с его губ, как осколки стекла. — Я тоже кое-что видел.

Эйрин, поколебавшись, протянула к нему левую руку.

— Все хорошо, всего лишь...

Она умолкла, когда он уставился на нее безумными глазами.

— Она придет и за тобой. Тебе не убежать. Она прядет паутину для прях... и поймает всех.

По спине Эйрин пробежал холодок.

— О ком ты говоришь? Кого она пытается поймать?

— Она поймает... Она все видит, но ее нет среди живых. Следи за ней, пряха. Паутина надвигается на нас уже сейчас. Скоро она проглотит всех, кто попадется в нее! — Шут обхва-

тил голову трясущимися руками. — Она думает, я... забыл. Но иногда я почти вспоминаю. Я почти... она среди деревьев... Я должен скакать. Она приближается. Повинуйся мне, ибо я — король. О, клянусь всеми богами, она приближается...

Таркиса трясло, по его лицу текли слезы. В глазах застыл бессмысленный страх. Однако слова шута казались удивительно ясными и понятными.

— Эйрин! — позвал голос из конца коридора. — Эйрин, это ты?

Как марионетка, которую резко дернули за ниточки, Таркис вскочил на ноги.

— Бойся того, кто и жив, и мертв, — прошипел он, — ибо не миновать тебе его паутины.

Затем шут со сверхъестественной скоростью вскарабкался по стене и исчез наверху в тени двух стропил. Эйрин вытянула шею, пытаясь отыскать его на потолке, но она прекрасно знала, что это бесполезно.

— Эйрин, вот ты где! Мне показалось, что я почувствовала твою нить.

Силуэт приблизился и превратился в Лирит. Ее лицо выглядело бледнее обычного.

— Ты слышала мой зов, сестра?

— Да.

— Я так и думала, но не была до конца уверена. Ты немедленно должна следовать за мной.

— Что случилось?

— Трудно объяснить. — Лирит взяла Эйрин за левую руку. — Пойдем, увидишь сама.

Мысли о Таркисе улетучились, пока Лирит тащила ее по коридору. Они достигли двери покоев Мелии и Фолкена и проскользнули внутрь. Эйрин не знала, что ей предстоит увидеть.

Дарж прижался к дальней стене так плотно, словно хотел проникнуть в нее. Его глаза были широко раскрыты от изумления. Фолкен стоял на коленях недалеко от двери, устремив взгляд вверх, и на его лице отражалась печаль. В самом центре комнаты рыдала Мелия. Она рвала на себе иссиня-черные волосы, а из янтарного цвета глаз катились слезы. Тем не менее не от этого глаза Эйрин едва не выскочили из орбит, а дыхание застряло в легких. Ее поразило то, что Мелия медленно плыла по воздуху.

Свернувшись калачиком, женщина парила в центре комнаты в нескольких футах над полом, покачиваясь вверх-вниз, словно ее бросало на волнах в объятом штормом море.

Воздух наконец ворвался в легкие Эйрин. Она, должно быть, споткнулась, потому что Лирит поймала ее за руку.

Тут же рядом очутился Фолкен и поставил девушку на ноги. Дарж по краю обошел спальню и присоединился к ним.

— Она скорбит, — объяснил Фолкен тихим голосом в ответ на немой вопрос Эйрин. — Не знаю, как долго это будет продолжаться.

Эйрин покачала головой:

— Скорбит? Но по кому?

— По одному из братьев.

Ужас пронзил Эйрин, и она крепко сжала руку барда.

— Тум?..

Хотя она встречалась с ним лишь однажды, этого ей хватило, чтобы привязаться к доброму старичку с золотистыми глазами. Как и Мелия, Тум был одним из Девяти, кто отрекся от божественности и отправился бродить по Зее, бороться против некромантов Бледного Властелина. С тех пор многие из Девяти утратили былое могущество и постепенно исчезли из этого мира.

— Нет, — ответил Фолкен. — Она оплакивает бога Тарраса.

Эйрин, пытаясь понять, напрягла все силы.

— Но ведь Манду — Вечноугасающий. Разве он не воскреснет вновь?

— Это и не Манду, — вяло сказала Лирит.

Эйрин поглядела на ведьму, затем на Фолкена. Наконец бард угрюмо произнес:

— Бог умер.

Рассказ барда, уже поведанный Лирит и Даржу, все больше и больше ошеломлял Эйрин. Этим утром, прямо перед рассветом, Мелия проснулась с криком на губах, и Фолкен бросился к ней.

Его больше нет! — кричала она. *Я чувствую. Это подобно душевной ране, наполненной пустотой!*

До того, как ее поглотила скорбь, Фолкену удалось-таки вытянуть из нее несколько слов. Бога звали Ондо. Он был младшим божеством Тарраса и не входил в число Семи Богов, почитаемых в доминионах. Главным образом Ондо почитала гильдия ювелиров.

— Я все равно не понимаю, — вступил в разговор Дарж, не переставая поглаживать рукой усы. — Разумеется, мои знания о путях господних скудны, а то, что мне известно, не поддается логике. Однако я слышал, что боги бессмертны. Так как же мог бог умереть?

Фолкен приготовился что-то сказать, но вместо него ответил другой голос:

— Потому что его убили.

Все как один обернулись. Мелия вытянула ноги вниз, и вскоре ее маленькие босые ступни коснулись ковра. По медно-красным щекам все еще катились слезы, а волосы были взлохмачены, но в глазах горел яростный огонь.

— Я разговаривала с братьями и сестрами на юге. Все они говорят, что Ондо убили. Причем не просто убили. От него не осталось и следа. Его уничтожили. — Выражение скорби вновь появилось на ее лице. — Бедный Ондо. Ему было далеко до совершенства, но он никому не причинил зла. Он лишь хотел играть со своим золотом.

Эйрин изо всех сил старалась понять.

— У кого же хватит силы убить бога?

Мелия сжала руки в кулачки.

— Именно это я и намереваюсь выяснить. Среди богов Тарраса всегда существовало соперничество и процветали интриги. Некоторые завоевывали высокое положение, другие теряли его. Но никогда еще боги не причиняли вреда друг другу так откровенно. И это касается не только богов. Также убили и приверженцев Ондо, и не только их одних. Храмы Тарраса утонули в крови. — Задумчивый взор Мелии устремился вдаль. — Если здесь и есть какая-то интрига, никто ее не понимает. Все мои братья и сестры испуганы.

Эйрин никогда не могла вообразить, что бог может чего-то бояться. Впрочем, она никогда и не представляла, что бога можно убить.

Лирит прижала руку к груди.

— Все это выглядит бессмысленным...

Эйрин взглянула на нее. Возможно ли, что Лирит знает кое-что еще?

Мелия расправила волосы и перекинула их через плечо.

— Ясно одно: в Таррасе что-то переменилось. И я намерена выяснить, что именно.

— Что ты хочешь сказать? — Фолкен удивленно приподнял бровь.

Мелия смерила барда суровым взглядом.

— Я немедленно отправляюсь в Таррас. Буду рада, если ты поедешь со мной.

Бард открыл рот, чтобы ей ответить, но тут из-за двери раздался сдавленный крик.

Все пятеро испуганно переглянулись и бросились к выходу. Дарж распахнул дверь и направился по коридору. Раздался второй крик. Остальные побежали, напрягая все силы, чтобы успевать за быстрыми ногами эмбарца. Коридор расширялся и переходил в обширное помещение — малую залу замка, где устраивались менее пышные пиршества и церемонии.

Все сразу поняли, кто кричал. Горничная Элтра сидела в центре залы, держась за щеки. На полу перед ней валялся поднос с разбитой вдребезги глиняной посудой. Она смотрела вверх, широко раскрыв от ужаса глаза. С губ Лирит слетел вздох, а Дарж пробормотал какое-то ругательство.

С одного из высоких портиков залы свисала знакомая фигура шута в зеленых одеждах. Колокольчики нестройно позвякивали, когда он раскачивался из стороны в сторону.

Эйрин зажала рот рукой, чтобы не закричать, как Элтра. Вокруг шеи Таркиса был намотан длинный отрезок материи, один из дюжины желто-зеленых флагов Толории, свисавших с портиков залы. На нем он и висел. Костлявые конечности изогнулись под необычным углом, а зубы обнажились в безумной улыбке. Из пустых глазниц шута струились ручейки крови.

Мелия вздохнула:

— Бедный Таркис. Он не заслужил такого конца. Но как это могло произойти?

— Все предельно ясно, — громко заметил Дарж. — Шут больше не мог выносить свое сумасшествие. Он выколол себе глаза и повесился.

Эйрин содрогнулась. Она припомнила, что Таркис говорил ей лишь несколько минут назад о глазах, которые видят все.

Я тоже кое-что видел...

Таркис казался таким напуганным. Тогда она не поняла его. Возможно, теперь его слова приобретали смысл. Она начала говорить, сознавая, что обязана рассказать об их встрече, но ее опередил Фолкен.

— Ты уверен в своем выводе, Дарж?

Рыцарь нахмурился.

— Что ты хочешь этим сказать?

Фолкен рукой в черной перчатке указал наверх.

— Если Таркис сам выколол себе глаза, почему же тогда на его руках нет крови?

17

Луна плыла по реке из серебряных облаков. Сад наполняли глубокие зеленые тени, и меж ветвей скользил прохладный ветер, словно голос, нашептывающий давно забытые тайны.

Ветер стих, некоторое время сад был безмолвен. Затем тени расступились, и вышла женская фигура. Бледный свет луны смывал позолоту с ее огненно-рыжих волос, и они поблескивали стальным светом, когда она из стороны в сторону поворачивала голову, словно что-то искала. Незнакомка потеплее укуталась в плотную накидку. Хотя дни все еще согревали теплом, ночи уже стали холодными и промозглыми. Впрочем, не только ночь заставляла ее дрожать, но и тот, кого она ждала.

— Покажись, черт тебя побери, — проворчала женщина. — Не можешь не играть в эти игры даже сейчас?

Из тени дерева выделилось темное пятно и поплыло вперед. Женщина прижала руку к груди.

— Что с тобой, сестра? — произнес голос. — Я напугала тебя?

На место страха пришел гнев, к женщине вернулось дыхание.

— Конечно, ты напугала меня, Шемаль. Не сомневаюсь, что этого ты и хотела.

Тень приблизилась, превратившись в изящную женскую фигуру. Иногда в свете луны были видны крошечные пятнышки мертвенно-бледной кожи, но большую ее часть скрывала ночь. Уголок рта приподнялся в улыбке.

— Не будь строга со мной, дорогуша. Разве все идет не так, как я обещала?

Женщина сжала пальцами накидку.

— Я все равно не понимаю, почему она должна оставаться Матроной?

— Ах ты, ах ты! — фыркнула другая. — Не все сразу, сестра. Не будь такой жадной. Большие перемены требуют долгого времени. Теперь скажи мне, как там остальные? Как там этот еле передвигающий ноги бард и та стерва с юга?

Несмотря на свою злость, женщина улыбнулась.

— Они покидают Ар-Толор. Насколько я понимаю, она получила недобрую весть из Тарраса. Она отправляется поутру, он будет сопровождать ее.

— Отлично, — промолвила тень. — Как же я ненавижу, когда она где-нибудь рядом со мной. Тогда приходится заботиться о том, чтобы она не почувствовала мое присутствие. Может, она и ограниченная, но обладает возможностями, которые никак нельзя недооценивать. Хорошо, что они уезжают. Хотя за ними все равно нужно присматривать.

— Как?

— Разве две ваши сестры не поддерживают с ними хорошие отношения?

Губы златовласой колдуньи искривились в улыбке.

— Им вряд ли можно доверять. Они оказались среди тех, кто вступил в узор в последнюю очередь.

— И все-таки они вплели свои нити в узор, как и ты. Именно они и должны поехать, потому что близки к Мелиндоре и Фолкену. И к *нему* тоже.

Колдунья, не успев подумать, выдохнула слово:

— Разбиватель Рун.

В темноте сверкнули суровые бесцветные глаза.

Женщина снова содрогнулась. Как же она ненавидит сырой воздух!..

— Не понимаю... Если они так близки ему, разве они в конце концов не предадут нас?

В ответ прозвучал резкий, неприятный смех.

— Мне кажется, тебе еще многому нужно научиться, сестра. Нельзя предать того, кого презираешь. Можно лишь предать того, кого любишь.

Женщина кивнула, далеко не убежденная. Однако другого пути она все равно не видела.

— Как же мне устроить, чтобы они сопровождали Сребролунную и Черную Руку?

— Попроси свою дражайшую Матрону послать их с ними. Она не сможет отказаться от твоего совета. Только не теперь.

Женщина улыбнулась. Иволейне придется прислушаться к ней. Этого требовал узор. Оставалось решить еще один маленький вопрос.

— А что с мальчиком?

Она не видела, но каким-то образом ощутила улыбку под покровами тени.

— Занимайся чем угодно, только не мальчиком. Я сама присмотрю за ним. И когда наступит подходящий момент, я познакомлюсь с ним.

— А потом?

— А потом он поведет нас в битву против воинов Ватриса, и с ним во главе мы разгромим их всех. — Изящная ладонь сжалась в кулак. — Такова его судьба — ведьмак-мужчина, первый за целое столетие, чистокровный, могучий, как любая из твоих сестер. Даже сильнее их, кроме одной. Я не тебя имею в виду, сестра.

Вздрогнув, женщина пропустила мимо ушей это неуважительное замечание. Да, своего положения она достигла не за счет способности обращаться с Даром. Холод внутри нее сменился теплотой. Наконец-то это происходит. После стольких лет намеков и обещаний, ожиданий на краю, в то время как остальные стояли в центре, это действительно происходит.

— Теперь я оставлю тебя. — Женщина хотела поскорее покончить с этим разговором. Она знала, что нуждается в Шемаль, но не любила ее. Хотя бы потому, что та всегда появлялась из тени.

— Подожди, — остановила ее собеседница. — Есть и другое. Последние дни я ощущаю что-то... что-то странное. Ослабление материи, что связывает все воедино. Ты почувствовала?

Женщина нахмурилась и покачала головой.

— Зря я спросила тебя, — молвила тень. — Разумеется, твоя сила слишком слаба... Если что-нибудь узнаешь, немедленно сообщи мне.

— Конечно, — ответила златовласая колдунья, и снова в ее груди возникло раздражение. Зачем Шемаль постоянно насмехается над ее способностью обращаться с Даром? Говорят, однорукая коротышка — самая сильная из них, а что хорошего она от этого получила, несчастная уродина? Существуют и иные, более мощные виды силы.

Воздух бледнел, приобретая серебристый оттенок. Тьма рассеивалась. Светало.

— Мне нужно идти, — промолвила та, что была окутана тенью.

— Когда мы снова поговорим?

— Скоро.

Послышалось шуршание, и женщина поняла, что осталась одна. К тому времени, как она достигла входа в центральную башню, солнце уже вставало над горизонтом.

Стражник у ворот учтиво поклонился ей.

— Доброе утро, миледи. Совершали раннюю прогулку? Сегодня прекрасное утро. Хороший будет денек.

Улыбка коснулась ее губ.

— Да, — ответила Лиэндра и шагнула в двери замка. — Хороший.

Часть вторая
ВОЗВРАЩЕНИЕ

18

Доктор Грейс Беккет словно привидение проплывала по стерильным, вымытым до блеска коридорам Денверского мемориального госпиталя и молилась богам иного мира, чтобы никто не узнал ее. Если ее кто-нибудь увидит — любой, кто помнит лицо Грейс или события прошлого октября, — все будет кончено в мгновение ока.

Она натянула белый халат, который стащила из раздевалки отделения неотложной помощи — в надежде, что он скроет потертые джинсы и свитер, купленные на распродаже поношенных вещей. Возможно, высокий рост и костлявость хороши для супермоделей и актрис, но в этот момент Грейс меньше всего хотела выделяться. Она нашла сломанный стетоскоп, закинутый кем-то на полку, и повесила его на шею. На какое-то время сработает, пока кто-нибудь не попросит ее прослушать шумы в легких.

Грейс нажала красную кнопку и, когда со свистом раскрылись двери из нержавеющей стали, быстро проскользнула в переднюю с пастельно-персиковыми стенами. В воздухе разносился свист аппаратов искусственного дыхания, словно гриф-стервятник махал своими крыльями.

Держись, Бельтан. Я уже иду.

Но слова не достигли цели. Даже если бы Грейс и смогла послать их по длинным тонким запачканным лохмотьям Паутины жизни, что существовали в этом городе, Бельтан все равно не услышал бы их.

Из-за угла показались два гладковыбритых молодых человека в униформе и коротких белых халатах. Грейс замерла, но потом успокоилась. Интерны. Их с головой выдают слишком туго завязанные галстуки. Оба, несомненно, только весной окончили медицинский факультет. Это означает, что они еще не достаточно обжились, чтобы знать всех ординаторов больницы.

Интерны невнятно пробормотали приветствия. Грейс вяло кивнула в ответ. Ни один интерн не поверит дружеской улыбке незнакомого ординатора.

Грейс продолжила свой путь и, только повернув за угол, позволила себе перевести дыхание.

Это глупо, доктор. Ты ведь знаешь, его состояние не изменилось. Тревис придет сюда только утром. Бельтан все еще в коме. И этим трюком ты добьешься лишь того, что тебя поймают. Что ты скажешь Тревису, когда для разговора с ним придется воспользоваться правом на один телефонный звонок из полицейского управления Денвера?

К тому же ее ищет не только полиция.

Грейс продолжала движение. Прошел уже почти год с тех пор, как она последний раз переступала порог этого здания, с тех пор, как бежала во тьму, в другой мир. Но вернуться к старому ритму жизни оказалось намного легче, чем она предполагала. Грейс шла по коридорам с определенной целью, устремив хладнокровный взгляд ввысь и вдаль, словно это — доминион, а она — правительница. Мимо проходили люди — медсестры, лаборанты, уборщицы и студенты-медики, — но ни один из них не обратил на нее внимания.

Да и почему ее должны узнать? Цитадель Огня изменила Грейс так же, как видоизменилась девочка Тира, когда сомкнула свои маленькие ручонки вокруг Великого Камня Кродизара. Разумеется, Грейс — уже не та женщина, что бродила по этим стерильным коридорам и излечивала раны других, не обращая внимания на свою собственную.

Словно эта мысль была приглашением, тень, обитавшая на задворках сознания, устремилась на первый план. Ее темные складки, удушая, окутали Грейс. Она споткнулась и ухватилась за стену. Грейс вновь почувствовала пыльный воздух сарая и резкий запах крови. Ей опять было десять лет.

— Господь Всемогущий, что ты с ней сделала, Грейс Беккет?

— Я пыталась ей помочь. Эллен бичевала себя электрическим проводом, миссис Мурто. Она сказала, что ей нужно изгнать его. Она сказала, что мистер Холидей что-то вселил в нее.

— Ты бессовестная обманщица, Грейс Беккет. Ты убийца. Гореть тебе в аду за то, что ты сотворила с Эллен Никель.

— Нет, вы не...

— Молись, молись на коленях здесь, в ее крови. Умоляй Господа дать тебе прощение.

— Но я пыталась помочь ей, миссис Мурто! Нужно отвезти ее в больницу. Может быть, ей станет лучше. Пожалуйста, выслушайте...

— Нет, не пытайся наложить на меня одно из твоих заклятий, бесстыдница. Я знаю, что ты продала душу Дьяволу. Я слышала, как ты ночью воздаешь ему хвалу на языке, неподобающем добропорядочной христианке. Теперь возьми этот провод и бичуй

себя им, как ты сделала это с Эллен Никель. И молись, чтобы тебе хватило крови, дабы заслужить спасение...

Вспыхнул малиновый свет, боль насквозь пронзила Грейс, боль яркая, острая и...

Тень улетучилась. Грейс сощурилась от яркого дневного света и с облегчением вздохнула, увидев, что коридор пуст.

В замке Спардис Бельтан умирал, некромант открыл его старую рану. Чтобы использовать Дар для поддержания рыцаря во время их перемещения на Землю, у Грейс не оставалось иного выбора, кроме как принять тень, прикрепленную к ее жизненной нити, тень, которую так много лет она старалась не замечать. И теперь, когда наконец приоткрылась эта дверь, ей никогда не закрыть ее вновь.

В визитах тени не наблюдалось никакой последовательности. Казалось, любая вещь могла подстегнуть возвращение воспоминаний. Некоторые были кратковременными, как это. Другие... нет. Но после каждого Грейс покрывалась потом и дрожала, ощущая себя словно вырезанной ножницами из листа твердой белой бумаги. До сих пор ей удавалось скрывать это обстоятельство от Тревиса. У него и без того хватало забот о состоянии Бельтана. Тем не менее она не знала, как долго это еще могло продлиться.

Грейс принудила свой разум сосредоточиться на расшифровке непостижимой больничной схемы номеров палат. И вот перед ее глазами появилась выгравированная пластмассовая табличка: СА-423. Этот номер дал ей Тревис.

Грейс толкнула дверь и вошла в помещение.

Аппараты шипели и пищали, наполняя холодное белое пространство своим жужжанием, словно хор электронных монахов. У кровати стояла толстая медсестра, волосы с проседью аккуратно собраны в пучок. Она проверяла показатели на мониторе.

Сестра подняла глаза хоть и с любопытством, но без интереса.

Грейс поколебалась, затем небрежно вошла в палату. В свое время в доминионах она сделала открытие: если вести себя, словно ты в этом месте свой человек, люди неизбежно решат, что так и есть.

— Могу я вам чем-либо помочь, доктор?

— Сомневаюсь, — бросила Грейс и быстро взглянула на висящую у кровати медицинскую карту. — Доктор... Чандра упоминал, что здесь стойкий вегетативный случай. Я провожу исследование.

Сестра нахмурилась.

— Исследование? Какое отделение финансирует его?

В груди Грейс вспыхнуло возмущение. Кто такая эта женщина, чтобы ставить под вопрос ее компетентность? Она хотела было отбрить нахалку.

Остановись, Грейс. Здесь никто не знает, что ты герцогиня. Ты не можешь просто так, взмахом руки, заставить человека молчать.

Верно, здесь она — не аристократка. Но ведь она *врач*, а тут это значит больше, чем украшенная драгоценностями корона.

Грейс сухо и безлично улыбнулась медсестре.

— Почему бы вам не оставить нас на минутку?

Сестра несколько секунд тупо смотрела на нее, затем быстрым движением подняла алюминиевый поднос и выплыла из палаты. Она, несомненно, отправится в вестибюль, где предупредит остальных сестер, что прислали еще одну тощую ведьму следить за ними. И ее слова будут недалеки от истины. Забыв о медсестре, Грейс приблизилась к кровати.

Она не видела Бельтана с того дня, когда в Спардисе они с Тревисом соединили две половинки монеты и Зея осталась позади. Мгновение спустя в глаза им ударил серебряный свет, потускневший, когда они оказались у мусорных баков менее чем в двадцати футах от входа в отделение неотложной помощи. Тревис вбежал внутрь за помощью, после чего прошло несколько секунд, каждая из которых показалась мукой. На Земле присутствовала Паутина жизни. Грейс почувствовала это сразу, потому что теперь знала, как искать ее. Но она была запутанной, шумной и очень грязной. И тонкой, ужасно тонкой, как шелковая материя, заношенная до состояния ветхой тряпки. Нить жизни Бельтана ускользала из пальцев Грейс. Она не могла удержать ее.

И тут, слава Богу, в шумной спешке выбежали санитары и врачи отделения. В этой суматохе Тревис ускользнул из толпы и потянул за собой Грейс. Она хотела убедиться, что врачи смогут стабилизировать состояние Бельтана, предупредить их, что ему никогда в жизни не делали ни укола, ни прививки от столбняка. Но оставаться там было слишком опасно. Грейс бросила последний взгляд на бледного, как привидение, Бельтана, лежащего на голом асфальте, после чего они с Тревисом скрылись в сухой ночи Денвера.

Последовавшие за этими событиями дни едва казались реальными, словно не Зея, а Земля являлась чужим миром. Грейс снова и снова пыталась обратиться к Паутине жизни, но чувствовала себя инвалидом, которому только что ампутировали конечность, а он все пытается нащупать ее. Потому как вместо мерцающих прядей Паутины, связующих воедино все живое, она находила лишь слабые отзвуки магии.

Если бы не Тревис, неизвестно, что могло бы случиться. Он вновь приспособился к жизни на Земле намного быстрее, чем Грейс. Именно Тревис придумал продать три золотые монеты с Зеи одной из антикварных лавок Восточного Колфакса. На эти деньги они купили еду, затем сели на проходящий автобус

и мимо обшарпанных витрин магазинов и безумных неоновых вывесок отправились на запад. В мотеле «Голубые небеса» они сняли комнату, которая имела такой вид, будто ее не обновляли со времен беспечных, лохматых, пропахших жженой умброй деньков 1965 года. Телевизор выглядел дико древним; Грейс ожидала, что, стоит только включить его, он станет показывать сериал «Я люблю Люси». Вместо этого поднялась слабая струйка дыма, когда из вентиляционных отверстий на задней панели телевизора выползло несколько тараканов. В некотором смысле это показалось не менее забавным.

На следующее утро, пока Грейс все еще лежала в кровати, рассматривала провисающий потолок и тщетно пыталась коснуться Паутины жизни, Тревис ушел. Он вернулся в полдень с пакетами и фальшивой карточкой социального обеспечения.

— Поздоровайся с Гектором Торкенблатом, — сказал он, протягивая новую карточку.

Грейс сморщила нос.

— Это так же похоже на имя, как название средства для мытья окон.

Несколько дней спустя, как только они уверились, что в ночь прибытия никто не запомнил их лиц, Тревис отправился с новой карточкой в Денверский мемориальный госпиталь и нашел Гектору работу ночного уборщика. Именно так они и узнали, что Бельтан жив, но пребывает в коме.

С тех пор Тревис каждые несколько дней проверял состояние Бельтана. Грейс знала, что Бельтан получает прекрасный уход, однако все равно хотела его увидеть, коснуться. Даже здесь существовали вещи, которые она могла почувствовать лучше любого электронного монитора.

Грейс сжала металлические перила кровати. Прошло уже больше двух месяцев, и она знала, что происходит в случаях долговременной комы. С ее губ сорвался вздох:

— О Бельтан...

В памяти он виделся ей высоким и сильным, облаченным в кольчугу, в руках меч, а на лице бодрая улыбка. Мужчина, лежавший перед ней на кровати, имел с ее воспоминаниями весьма отдаленное сходство.

Он выглядел стариком. Торчащие из больничной одежды руки и ноги были бледными и худыми, словно кости кто-то вытянул до невероятных размеров. Из-под пижамы проглядывали атрофированные мускулы, а руки, уложенные по бокам тела, казались пучками хвороста.

Грейс обвела взглядом капельницы и мониторы, подключенные к телу. По крайней мере его отключили от аппарата искусственного дыхания. У Бельтана отросла нечесаная борода, и Грейс

потребовалось несколько секунд, чтобы увидеть лицо, которое знала. Она отдала бы все что угодно, только бы увидеть его знаменитую лучезарную улыбку. Но Бельтан оставался неподвижен, если не считать ровно поднимающейся и опускающейся грудной клетки.

Грейс откинула больничную пижаму и пальцами пробежала по сетке розовых шрамов, украшающих левый бок Бельтана. Она закрыла глаза и сосредоточилась. Это походило на нечеткий рентгеновский снимок, который не освещается задним светом и не обработан компьютером до трехмерного изображения. Все расплывалось и мерцало, но королева Иволейна оказалась права. Даже на Земле Грейс обладала Даром.

Его старую рану хорошо залечили, намного лучше, чем на Зее. Хирургическая операция на брюшной полости и антибиотики все же брали верх над магией. Однако Бельтан потерял катастрофически много крови, и именно это вызвало кому. Врачи могли исцелить его тело, залить в вены новую кровь, но никакие операции не имели силы пробудить его.

Быть может, ему необходима магия, Грейс.

Она отодвинула пижаму и положила руку на широкий лоб. На нем появилось еще больше морщинок, чем она помнила. По какой-то причине Грейс вдруг захотелось спеть Бельтану, что совершенно не подобает врачу. В конце концов, разве исследования не предполагают, что знакомые голоса способны помочь пациентам пробудиться из бессознательного состояния?

С ее губ сорвались слова такие старые, что Грейс сама почти забыла их.

Нам в этой жизни суждено
Всю жизнь по кругу мчать.
Лишь одного нам не дано —
На месте постоять.

Она коснулась металлической подвески с острыми углами, висевшей под рубашкой. Песня, как и ожерелье, являлась частью детства Грейс. Но откуда она знала ее? Разумеется, никто в сиротском приюте не мог спеть ей ее. И Грейс нисколько не сомневалась, что слова были неверными. Она, наверное, слышала ее, будучи маленькой девочкой, и, как обычно и делают дети, преобразовала странные звуки в знакомые слова. Все равно песня утешала. Если и не Бельтана, то по крайней мере ее.

Ресницы Бельтана вздрогнули.

Грейс со свистом втянула воздух.

Всего лишь бессознательный рефлекс, доктор. Не вкладывай в это больший смысл, чем есть на самом деле.

Но все равно она приложила руку к его лбу и закрыла глаза.

Бельтан?

Ей приходилось трудно. Нити Паутины жизни были слишком нечеткими. Они распадались, как только Грейс пыталась ухватиться за них.

Бельтан, ты меня слышишь? Это я — Грейс. И Тревис приходит к тебе каждую ночь.

Она задержала дыхание и напрягла все силы, пытаясь уловить хоть какой-нибудь звук. Однако в палате царила серая тишина.

Затем, когда Грейс уже начала сдаваться, она вдруг услышала. Нельзя назвать это словом — лишь обрывок мысли, но она услышала его.

Грейс резко открыла глаза. Бельтан. Она уверена, это он произнес тот звук. Его лицо все еще было неподвижно, но не оставалось никаких сомнений в том, что она *услышала.* Грейс схватила его за руку. Сжала ее.

Ну давай, Бельтан. Ты должен вернуться к нам. Пожалуйста, старайся. Ради меня... Ради Тревиса.

Грейс знала, что, если в скором времени Бельтан не очнется, его переведут в другое место. Это общественная больница, здесь принимают всех. С другой стороны, они не позволят какому-то безликому человеку бесконечно занимать койку. Однако не только это беспокоило ее.

«Дюратек» пока не нашел их, но это лишь вопрос времени.

В некоторой степени Грейс даже удивлялась, что их троих еще не задержали. Почти ежедневно она или Тревис видели, как один из глянцевых черных автомобилей медленно проезжал по улице города, словно искал кого-то. «Дюратек», несомненно, верил, что, если Грейс или Тревис когда-нибудь вернутся, они обязательно приедут сюда, в Денвер. И оказался прав.

Грейс не имела ни малейшего представления, что они должны делать, но им с Тревисом каким-то образом было необходимо вернуться на Зею. И забрать с собой Бельтана. Она не сомневалась, что «Дюратек» более чем заинтересован в том, чтобы заполучить жителя того мира, который он жаждет захватить и покорить.

Теперь Бельтан близок к пробуждению. Если удастся переместить его куда-нибудь в безопасное место на время выздоровления, они могли бы начать поиски пути обратно. Тем не менее Грейс не могла попросить о помощи полицию. Для полиции доктор Беккет являлась женщиной, которая заковала в наручники одного из детективов и угрожала ему пистолетом. И не важно, что он того заслуживал. Итак, куда они могли обратиться за защитой?

Но ты ведь знала об этом с самого начала, Грейс.

Она залезла в карман джинсов и вытащила визитную карточку. Теперь визитка была скорее серая, нежели белая, заляпанная и потрепанная, но на ней все еще читалось: «Ищущие. 1-800-555-8294».

Грейс долго хранила эту визитку, с той ночи в конце октября, когда Адриан Фарр сам передал ее ей. К кому же еще, как не к ним, обратиться за помощью?

Нужно спросить Тревиса.

Подумав об этом, Грейс направилась к двери и ближайшему таксофону.

19

Дейдра Атакующий Ястреб сидела в углу плохо освещенного паба в Сохо, глазея на стоящий перед ней стакан с прозрачной зеленой жидкостью. На блюдце рядом со стаканом лежали кубик сахара и серебряная ложка. На поверхности ложки были выгравированы слова *«Выпей и забудь»,* едва различимые в тусклом свете паба.

Если бы это было так легко... Но разве не затем она здесь? Висевшая снаружи облупившейся двери паба вывеска гласила: «Буфет Крумба». Случайный турист или бизнесмен, забредавший сюда, находил лишь липкие столики, теплое пиво, а также холодную рыбу и жареный картофель. Но из своих визитов в Лондон Дейдра знала, что местным жителям это место известно как «Знак Зеленой Феи». И они приходили сюда за кое-чем другим.

Быстро, словно боясь передумать, она положила кусочек сахара на ложку и опустила в напиток. Затем подняла стакан и сделала большой глоток зеленой жидкости. Та оказалась одновременно сладкой и чрезвычайно горькой. Похожий на лакрицу вкус аниса обволок язык, в голове поднялся жгучий эфир полыни, и разум окутал изумрудный туман.

Дейдра опустила стакан. Ее внимание привлекла старомодная литография, висевшая на противоположной стене. На ней изображался молодой человек в викторианском костюме и широком галстуке. Он сидел за столом и как сумасшедший что-то торопливо писал пером на лежащем перед ним листе бумаги. За его спиной, запустив тонкие пальцы в волосы писателя, стояла женщина, одетая в падающее свободными складками платье. Нет, не просто женщина. На спине ее росли прозрачные крылышки, а платье тянулось позади, как хвост кометы, состоящий из листьев и звезд. Похоже, это фея. Ее глаза были прикрыты, а улыбка на ее по-человечески прекрасном лице казалась и беззаботной, и жестокой.

Дейдра не знала, кто тот человек на картине. Уайльд или, быть может, Теннисон. Не важно. Они ведь все пили абсент, не так ли? Половина художников того времени пристрастилась к горькому зеленому напитку: Его пили ради вдохновения, ради того, чтобы обрести творческое видение. А затем, после того как видение пропадало, они продолжали пить, пытаясь забыть коммерческие неудачи, своих должников, гонения. И своих демонов.

Девушка стиснула челюсти, затем осушила остатки абсента.

Дейдра откинулась на спинку стула, ударившись головой о стену. И зачем она приехала в Лондон? Она ненавидела Лондон. Последние три месяца Дейдра старалась забыть прошлое. Но прошлое повсюду в этом городе, оно постоянно бросается в глаза.

Вряд ли кто-нибудь еще видел это. Туристы с вялыми взорами шаркали по лондонскому Тауэру в своих сандалиях из розового пластика и футболках с изображением Анны Болейн, словно по этим камням никогда не текли реки крови. Двухколесные экипажи с ветреными невестами и женихами грохотали по мощенным булыжником улицам, где когда-то тысячами валялись покрытые мухами тела умерших от чумы людей. За каждым углом, на каждой тропинке от серой Темзы до Гайд-парка и медленно тающего обелиска «Игла Клеопатры» история была жива. Она осела там словно дым. Разве больше никто не видит ее?

Или дело в другом? Прошлое так сильно нависало над этим местом, что раздавило бы людей, допусти они это. Возможно, в Лондоне действительно мыслимы лишь две вещи. Возможно, именно по этой причине Дейдра и приехала сюда. Выпить. И забыть.

Только чуть более двух месяцев назад улеглись, так же внезапно, как и вспыхнули, катаклизмы, обрушившиеся на два континента. И вскоре после этого то же случилось и с желанием Дейдры стать Ищущей.

Как она могла не заметить их самонадеянности? Ищущие полагают, что знают многое, что их глаза открыты для таких секретов, о существовании которых простые смертные даже и мечтать не могут. Но что раскрыли им заплесневелые документы, секретные сети наблюдения и огромные компьютеризированные помещения? Ничего такого, что те же простые смертные не могли прочитать в утренних газетах: люди сгорали, и никто, черт возьми, не имел ни малейшего ключа к разгадке.

Временами вспыхивала паника. Люди начинали перешептываться о том, что смена тысячелетия явилась лишь только испытательным пробегом, а это — настоящее начало конца. По правде говоря, многие из них оказались сектантами, неистово уверовавшими в какой-нибудь низкопробный культ. Кроме того, некоторые были жителями пригорода, алчущими религиозными фанатиками,

телефонными адептами. В Соединенных Штатах, где число жертв оказалось наибольшим, правительство втайне мобилизовало Национальную Гвардию.

Затем, когда отдельные вспышки уже были готовы слиться в мощную волну открытого страха, как раз, когда графики, составляемые Центрами контроля за заболеваниями, предсказали, что число сгоревших вот-вот подскочит с сотен до тысяч, количество жертв заметно уменьшилось.

На мгновение мир застыл, словно балансирующий на краю пропасти мяч. Затем мяч откатился назад, и человечество облегченно вздохнуло. Через неделю новости вернулись к обычному освещению войн, политических скандалов и событий из жизни знаменитостей. Разумеется, время от времени какой-нибудь бывший бизнесмен, а ныне сектант с измазанным пеплом лицом, разгуливал по улицам с плакатом. А иногда в каком-нибудь из разделов газеты появлялась статейка о том, как в далеком от цивилизации тропическом лесу Бразилии обнаружили сгоревшее дотла поселение и как тесты показали, что ДНК одной из американских жертв огня соответствует ДНК жителей Средиземноморья, что совершенно абсурдно, принимая во внимание азиатское происхождение жертвы. Тем не менее в итоге мир, кажется, был только счастлив забыть о том, что произошло.

Так почему же ты не можешь, Дейдра Атакующий Ястреб?

Иногда ей это удавалось. Работа над «Черной Смертью» третьего тысячелетия не оставляла времени на еду, сон и раздумья. Теории, проносившиеся по Интернету, возлагали вину за загадочные смерти на разработанное правительством химическое оружие, или на чужеродный вирус, или на гнев Божий. Но Ищущие провели исследования и подтвердили свои подозрения. Сложные радикалы, найденные у некоторых сожженных жертв, имели химические признаки, идентичные полученным на местах подтвердившегося Контакта Первого Рода. Не оставалось сомнений — бедствие имеет сверхъестественное происхождение. И абсолютно ясно, из какого именно мира оно пришло. Из AU-3. Из мира Грейс Беккет и Тревиса Уайлдера.

Хотя коронер графства Касл предположил, что Тревис погиб во время пожара в салуне «Шахтный ствол», анализ, проведенный Ищущими, показал иную картину. Под обломками «Шахтного ствола» обнаружили останки четырех разных людей. Но ни один из образцов ДНК не соответствовал ДНК Тревиса, который имелся в досье Ищущих благодаря маленькому образцу кожи, незаметно полученному Дейдрой. Тревис так никогда об этом и не догадался.

Это всего лишь один из многочисленных способов, какими она использовала Тревиса. И хотя раньше Дейдру за-

нимало безумие новой «Черной Смерти», теперь ничто не могло сдержать ее воспоминания. Они полностью охватили ее, воспоминания о том, что она сотворила со своим другом.

Так это твое теневое «я», Дейдра? То, что способно лгать?

Она никогда не забудет звук голоса Тревиса в тот момент, когда он произносил эти слова. Он звучал так нежно, однако осуждал решительнее, чем звенящая буря гнева. Тревис считал Дейдру другом, а она обманывала его, манипулировала им в своих интересах. И не важно, что тогда она не сомневалась, будто совершает благое дело. Дейдра никогда не верила в то, что цель оправдывает средства. По крайней мере она так всегда думала. Но для того чтобы служить Ищущим, Дейдра предала друга. И за это она никогда не простит их.

Вскоре после того, как прекратились жертвы, она просто перестала появляться на складе в Манхэттене, откуда руководил исследованием Адриан Фарр. Она не отвечала на телефонные звонки, электронную почту и вызовы пейджера. Черт подери этих Ищущих! Разве они ничего не могут сделать сами? Затем, даже не обдумав как следует этот шаг, Дейдра села на самолет и пересекла океан. Сначала она думала, что летит в Ирландию. Годы детства, что она прожила с бабушкой в пригороде Корка, слушая старинные песни и обучаясь музыке, до сих пор казались Дейдре лучшими в ее жизни. Но самолет приземлился в Хитроу, и приглушенные серые цвета Лондона обволокли Дейдру мягкой монотонностью, которую, если не думать о ней слишком много, можно спутать с покоем.

Дейдра стиснула пустой стакан из-под абсента, желая снова наполнить его, чтобы напиток помог ей если не простить, то хотя бы забыть.

Приветствую тебя, наша Зеленая Дама Забвения.

Но стакан так и остался пустым.

— Привет, милочка, — произнесла женщина с копной оранжевых волос и уселась на лавку рядом с Дейдрой.

Она была высокая и худая, изогнутая, как плакучая ива. Ноги обтягивали лоснящиеся штаны из черного винила. Лицо, повернутое к Дейдре, было совершенно белым, а глаза терялись в темных кругах краски для век. Трудно сказать — очень мешал прокуренный, пахнущий гвоздикой воздух паба, — но под кричащим макияжем черты лица незнакомки могли бы оказаться даже привлекательными.

Женщина обвила тонкую руку вокруг шеи Дейдры.

— Ты выглядишь угрожающе, но все же аппетитно.

Дейдра не улыбнулась:

— Скорее первое.

Женщина прищурилась. В ее глазах читалось безразличие, какая-то тупость, и в то же время сильное желание. Она закусила багровую от кровоподтека губу:

— Мне подойдет.

Незнакомка пододвинулась поближе, и виниловые штаны захрустели. Дейдра сквозь пластик ощутила ее тепло. В некоторой степени она испытывала искушение. Возможно, не так уж и плохо увлечься кем бы то ни было. Еще один способ забыться. Работа с Ищущими не позволяла ей завести любовника. Прошло уже много времени с тех пор, как она последний раз была с мужчиной... или с женщиной. Однако что-то в туманном взгляде незнакомки, в томности движений вызывало у Дейдры отвращение.

— Я не в настроении, — промолвила она.

— Тогда я помогу тебе обрести его, милочка.

Женщина что-то бросила на стол, затем подняла невероятно длинную руку и показала пару лиловых пилюль, на каждой из которых красовалась молния. Так вот откуда эта туманность во взгляде.

Женщина большим и указательным пальцами взяла одну из таблеток и медленно, словно что-то драгоценное, положила в рот.

— Теперь ты, милочка.

— Я не принимаю наркотики.

Женщина нахмурила брови и поглядела на пустой стакан Дейдры.

— Как? Ты пьешь это тошнотворное устаревшее дерьмо, но не употребляешь что-то новое и чистое? Да что с тобой?

С чего начать?

Сидящий неподалеку огромный лысый мужчина в черных кожаных штанах сердито дернулся в сторону женщины.

— Вернись сюда, Глинда.

Женщина с оранжевыми волосами заморгала и посмотрела на него. Мужчина не носил рубашки, и из-под расстегнутого кожаного пиджака виднелась чисто выбритая мощная грудь. Тонкий злобный рот обрамляла козлиная бородка.

— Я сказал, вернись сюда.

— Но я *хочу* ее, Лео, — возразила женщина.

Мужчина обнажил серебряные зубы:

— Я скажу тебе, чего ты хочешь. — Он потряс маленькой пластмассовой бутылочкой. — Ну, давай иди.

Она поколебалась и, поднимаясь с лавки, вдруг, будто невзначай, наклонилась к Дейдре и лизнула ей ухо теплым влажным языком.

— Спаси меня, — шепнула женщина.

Не успела Дейдра ответить, как та сжала ей руку, затем выскользнула из кабинки и неторопливо направилась к лысому мужчине. Она положила голову ему на грудь, однако все это время не сводила глаз с Дейдры. На лице мужчины появилась гримаса; поддернув штаны, он увел Глинду в темноту паба.

Дейдра подумала, не пойти ли вслед за ними. «Спаси меня», — сказала Глинда. От чего? От человека-медведя? От ЛСД?

Поднимаясь, Дейдра поняла, что в ее руке, которую сжала Глинда, что-то есть. Сначала она подумала, что это просто монета в один британский фунт. Но она была серебряная и слишком большая, размером примерно в три двадцатипятицентовые монеты, слепленные в одну. Изображение на ней в плохо освещенном помещении едва удавалось различить.

— Они оказались правы, — произнес приятный мужской голос. — Ты *действительно* здесь. Я, естественно, считал, что они ошибаются.

Дейдра зажала монету в ладони и подняла глаза.

— Как? Ты на самом деле допускаешь, что Ищущие могут ошибиться?

Адриан Фарр сел напротив нее и положил руки на стол.

— Боюсь, что постоянно, — сказал он, обнажая в улыбке зубы.

Дейдра вздрогнула. Улыбка Фарра была так чертовски обаятельна; и она ненавидела ее. Именно эта улыбка заманила ее к нему в постель в ту ночь, когда три года назад они повстречались в Глазго. Именно эта улыбка обворожила ее на следующее утро за чаем, когда Фарр рассказывал о загадках, которые жаждут понять Ищущие. Выражение лица было таким таинственным и манящим, словно он собирался поведать величайшие чудеса мироздания. Только вот он никогда этого не делал.

— Чего тебе надо? — бросила она.

— Думаю, ты знаешь.

Дейдра не ответила. Фарр склонился над столом. Он, как всегда, был загадочно красив: чисто выбритая квадратная челюсть, полные губы, глубоко, но правильно посаженные глаза. Потертые джинсы и черная футболка подчеркивали стройное мускулистое телосложение. Интересно, как это он нашел время, чтобы вычислить ее?

— Ты не приходила больше месяца, Дейдра. Не отвечала на наши послания, игнорировала вызовы. Ты что, забыла обет?

Дейдра повертела в руках пустой стакан.

— Нет, но давай подождем еще несколько минут и увидим.

Фарр нахмурился:

— Я был о тебе лучшего мнения, Дейдра. Ты ведь знаешь, в абсенте нет никакого волшебства. Это всего лишь дешевый трюк. И до недавних пор он считался довольно-таки незаконным.

Дейдра рассмеялась, и звук ее смеха был так же горек, как и абсент.

— Тайное прослушивание людей тоже.

Она засунула диковинную монету в карман джинсов, вытащила какую-то вещицу и подтолкнула ее к Фарру. Это

оказался небольшой разбитый вдребезги транзистор, поблескивающий в рассеянных лучах света.

Фарр сморщился.

А он все еще способен к искренней реакции.

— Это не я придумал. Полагаю, ты достаточно хорошо меня знаешь, чтобы узреть в моих словах правду.

Дейдра устремила взгляд в темноту.

— Я больше не уверена, что вообще что-то знаю.

Фарр потянулся и взял ее за руку. Дейдра внезапно почувствовала себя слишком слабой и не могла сопротивляться. Разумеется, это абсент.

— Выслушай меня, Дейдра. Ты нужна нам. Ты *мне* нужна.

Она все еще не смотрела на него.

— Вряд ли я смогу помочь. Если ты вдруг забыл, он больше не любит меня, и Ищущих тоже. В этом твоя заслуга.

— Черт возьми, Дейдра, я говорю не о Тревисе Уайлдере. Я говорю о тебе. Ты, разрази тебя гром, самый лучший Ищущий, когда-нибудь входивший в группу. Сейчас ты нужна нам больше, чем когда-либо.

Наконец Дейдра обратила на него взгляд:

— Когда мы впервые встретились, Адриан, я полагала, что сделаю все что угодно, лишь бы понять тайны, о которых ты говорил. Я думала, что заплачу любую цену. Но цена оказалась слишком высока. Я потеряла друга.

— Неужели?

— Что ты хочешь сказать? Что я не предала Тревиса?

— Нет, я хочу сказать, что он, возможно, никогда и не приходился тебе другом. Друзья не отворачиваются просто так и не убегают. Они прощают нам наши ошибки.

Дейдра покачала головой. Ты ошибаешься, хотела сказать она. Но губы не двигались, она не могла произнести ни слова.

— Пожалуйста, Дейдра. Нет необходимости принимать решение прямо сейчас. Просто вернись со мной. Всего лишь час, это все, о чем я прошу тебя. Потом, если захочешь, сможешь уехать. Мы оставим тебя в покое. Клянусь Книгой.

Коротенькие волосы на шее Дейдры встали дыбом. Почему Фарр делает ей предложение в такой манере? Это на него не похоже. И вдруг яркая вспышка озарила ее затуманенный зеленой жидкостью разум. Дейдра поняла.

— Что-то случилось, — пробормотала она и выпрямилась. — Что? Рассказывай.

Фарр втянул побольше воздуха и кивнул:

— Она позвонила.

20

Даже в покрытом цементом сердце города Тревис Уайлдер всегда мог сказать, когда подует ветер.

Он повернулся спиной как раз в тот момент, когда песчаный порыв ветра со свистом пронесся по Шестнадцатой улице. Сила ветра увеличилась, когда он помчался между стеклянными и каменными стенами каньона центральной части Денвера. Двух женщин в ярких юбках и теннисных туфлях швырнуло в вышедший из границ уличный фонтан, и они пронзительно закричали, когда вокруг них вспенилась вода. Несколько подростков прильнули друг к другу, тщетно стараясь прикрыть от пыли только что сделанный пирсинг. Безногий мужчина воздел трясущиеся руки и разразился беззубым смехом, когда вокруг его инвалидной коляски, словно яркие бумажные эльфы, закружились и затанцевали клочки мусора.

Ветер стих так же внезапно, как начался. Фонтан вернулся в пределы своего резервуара, освобождая из плена двух женщин. Бумага улеглась обратно на тротуар, снова превратившись в безжизненный мусор.

Тревис возобновил движение. Он десятки раз бывал на этой улице, и каждый раз не видел никаких признаков *их* присутствия. Но все равно знал, что нельзя прекращать поиски. Что еще ему оставалось делать?

Краем глаза Тревис уловил какое-то движение: высокая бледная фигура в черном широкими шагами передвигалась по улице на длинных и тощих ногах. В груди вспыхнул внезапный огонек надежды, и Тревис обернулся. Он все понял и смог наконец перевести дыхание.

Тревис приблизился к окну из зеркального стекла. Даже спустя два месяца он все еще не узнавал человека, отражающегося в поверхности окна. Высокий и почти тощий, а плечи намного шире, чем представлял себе Тревис. Тот, другой, несмотря на яркий день конца сентября, одевался во все черное: в джинсы, футболку и теплую полушинель. Кожа на лице и на руках гладкая и белая, словно припудренная, глаза скрываются за темными очками. Голова начисто выбрита, серьезную линию губ обрамляет короткая рыжеватая эспаньолка.

Ты так долго ищешь его, что уже и сам становишься на него похож, Тревис. На брата Сая.

Вряд ли Тревис мог выбирать, как он будет выглядеть. Новая кожа, спаленная и возрожденная в горячем пламени Кондизара, все еще была мягкой и чрезвычайно чувствительной. Приходилось постоянно защищать ее; даже в такие ясные дни Тревис не снимал пальто, приобретенное на распродаже ношеных вещей.

С глазами случилась та же история. В тот первый день, когда они с Грейс вернулись на Землю, Тревис обнаружил, что больше не нуждается в коррекции зрения. Он по-прежнему мог носить очки старого стрелка, но они все искажали и придавали вещам причудливый вид. Последнее время Тревис носил их в кармане как память о Джеке Грейстоуне, как будто ему требовалось еще какое-нибудь напоминание, кроме тайной руны, что украшала ладонь его правой руки.

Как и кожа, глаза Тревиса обладали высокой чувствительностью. Яркий свет причинял им боль, хотя он обнаружил, что может превосходно видеть ночью. Тревис купил за три доллара у уличного торговца пару изогнутых солнечных очков и никогда не снимал их с рассвета до заката, а порой носил и в темное время суток.

Что касается лысой головы, этот выбор он сделал сам. Вскоре после возвращения волосы стали снова отрастать и распространились почти по всему телу, как и раньше, за исключением лишь того, что теперь они были немного рыжее. Однако жутко огненные завитушки не имели ничего общего с его старыми рыжевато-коричневыми волосами.

Для Тревиса это оказалось слишком сильным напоминанием о том, что с ним случилось. Поэтому он взял бритву и наголо обрил голову. По крайней мере у его черепа не было лунной поверхности из кряжей и кратеров. Это отличало Тревиса от брата Сая.

Несколькими неделями позже появилась эспаньолка. Тревис никогда в жизни не носил бороды; с другой стороны, раньше он никогда не носил и это тело, так что перемена казалась к месту. А относительно висящих в каждом ухе серебряных колец, что ж, Тревису трудно пришлось, когда он объяснял их происхождение Грейс.

В некоторых кварталах, где я провожу поиски, люди не примут тебя за своего, если у тебя нет пирсинга, Грейс.

Она приняла это объяснение, но Тревис не был уверен, что вел себя с ней до конца откровенно. Вряд ли он действительно понимал причину, по которой в салоне тату позволил мускулистому парню с серьгой в носу уговорить себя.

— Не важно, хочешь ты их или нет, — сказал он, проводя рукой по гладкой голове Тревиса. — Они тебе нужны.

Быть может, парень прав. Огненный Камень уничтожил Тревиса, затем выковал его заново. И хотя он все еще оставался человеком, а не богом и не чудовищем, он не был до конца уверен, что является все тем же человеком, что и прежде. Он все еще носил имя Тревиса Уайлдера. Все еще обладал его мыслями, воспоминаниями, его страхами. И ладонь его правой руки все еще украшал выжженный магический символ. И все равно внутреннее чутье подсказывало Тревису, что каждая молекула его тела

совершенно новая. Так или иначе, новая внешность помогала легче перенести таинство перевоплощения.

Как только Тревис почувствовал, что приближается ветер, он снял шапку. Теперь он извлек шапку из кармана полушинели, того самого кармана, в котором и нашел шапку после того, как купил френч на распродаже ношеной одежды на южном Бродвее всего за четыре доллара. Шапка отдаленно напоминала черный бесформенный берет. Грейс сказала, что она похожа на плохой парик или дохлую кошку, в зависимости от того, под каким углом посмотреть. Тревису шапка нравилась.

Натянув шапку на голову, за своим отражением в оконном стекле он мельком увидел горы. Они нависали над пропастью между двумя зданиями, подобно серым призракам на горизонте. На какое-то мгновение ему стало жаль, что он не сможет вернуться туда, в горы, в Касл-Сити. Разве не там они всегда помогали ему решить, что нужно предпринимать, — брат Сай, сестра Миррим и темное дитя Саманта?

Но в тех местах больше нет этого удивительного трио. Рискованно и, быть может, глупо извещать кого бы то ни было о том, что он жив и находится на Земле, однако несколько ночей назад Тревис снял телефонную трубку и набрал номер службы информации.

— Назовите город, пожалуйста, — прогудел записанный голос.

Он помедлил, затем произнес нужные слова:

— Касл-Сити.

— Назовите абонента.

Это труднее. Тревис подумал о Джейс Уиндом, но она служит помощником шерифа. Разве ей не придется доложить о любом разговоре с Тревисом шерифу Домингесу? В конце концов Тревис уже дважды исчезал с места пожара, в котором все остальные погибали.

— Дэвис или Митчелл Бэрк-Фейвер, — не успев как следует подумать, выговорил он.

— Минуточку.

Дэвис и Митчелл приходили в салун «Шахтный ствол» каждую пятницу, чтобы потанцевать под музыку кантри, заложенную в музыкальном аппарате. Они приходились Тревису достаточно близкими друзьями, чтобы помочь, однако не такими близкими, чтобы кидаться на его поиски. Кроме того, их ранчо было на юге города, недалеко от кладбища Касл-Хайтс. Если кто и мог увидеть там брата Сая, так это они.

На этот раз заговорил настоящий оператор. Она сообщила ему номер. Тревис набрал его. Раздалось два гудка, затем ответил глубокий гнусавый голос:

— Привет, Митчелл у телефона.

У Тревиса пересохло в горле. Наконец он все-таки выдавил из себя слова:

— Митчелл, это я.

Воцарилась тишина, наполненная лишь шипением из-за расстояния. Затем:

— Тревис? Тревис Уайлдер?

Разговор длился недолго, но, на удивление, не напряг никого из собеседников. Хотя Митчелл имел на это полное право, он ни разу не спросил, куда пропал Тревис, что с ним случилось или откуда он звонит. Вместо этого он выслушивал вопросы Тревиса и отвечал на них глубоким мелодичным голосом, который напомнил ему одного ковбоя-поэта, однажды услышанного по радио. К несчастью, Митчелл мог сообщить ему немногое. Он не видел в городе высокого человека в черном.

— Там есть твоя могила, Тревис. На холме в Касл-Хайтс.

— Знаю, — коротко ответил он. *Ну все, достаточно.*

— Будь здоров, Тревис. Мы будем по тебе скучать.

Тревис не знал, что еще сказать. Он ограничился приветом Дэвису. Митчелл повесил трубку первым, оставив Тревиса наедине с треском помех.

Звонок лишь подтвердил то, что подсказывало внутреннее чутье. Брата Сая там, в горах, больше нет. Но где-нибудь же он должен находиться. Поэтому-то Тревис и провел последние недели, разыскивая его здесь, в этом городе.

Кроме того, если брат Сай все еще в Касл-Сити, ты не можешь вернуться туда, Тревис. Это слишком опасно. Там они будут искать в первую очередь.

Словно мысль эта послужила сигналом, Тревис поглядел на отражение в окне как раз тогда, когда к перекрестку приблизился глянцевый черный автомобиль. Загорелся красный свет, и машина остановилась, пропуская пешеходов. Тревис разглядел номерной знак: «ДЮРАТЕК — 33».

— Не будь идиотом, Тревис, — пробормотал он себе под нос. — Они управляют многонациональной корпорацией. Не все их машины разыскивают тебя и Грейс.

Двигаясь, как он надеялся, очень небрежно, Тревис отвернулся от окна и вместе с группой пешеходов перешел дорогу. Лишь миновав полквартала, он позволил себе обернуться и поглядеть в сторону перекрестка. Горел зеленый свет, и автомобиля нигде не было видно.

Тревис сунул руки в карманы. Он знал, что должен продолжать движение. До ночной смены в больнице оставались часы. Но он устал от ходьбы, устал от поисков. Тревис купил у уличного торговца чашку кофе, затем вскочил в свободную маршрут-

ку до конца Шестнадцатой улицы. Потом пересек пешеходный мост над железнодорожными путями и спустился в зеленый парк у реки Платт. Уселся на бетонные ступеньки, ведущие к берегу, и уставился на протекающие мимо коричневые, как кофе в его бумажном стаканчике, воды Платта. Сделал глоток. Это, конечно, не мэддок, но Тревис почувствовал легкое покалывание энергии, побежавшей по венам.

Он поставил чашку на ступеньку, затем вытянул из-под черной футболки маленький кусочек кости на шнурке. Кажется, все было так давно и так далеко... тот день, когда он вытащил эту кость из мешка ведьмы у полуразрушенной крепости Кельсиор. В ушах Тревиса до сих пор звучал скрипучий голос старой карги.

Я и подумать не могла, что ты вытащишь именно ее. Одна линия — для Рождения, одна линия — для Дыхания, и еще одна — для Смерти, которая придет к каждому из нас.

В то время он не понял, что означала эта руна, к большому недовольству Грислы. Только потом, стоя в замерзших глубинах Ущелья Теней, когда Бельтан, умирая, лежал в пропитанном кровью снегу, а Рунные Врата отворились и освободили армии Бледного Короля, только тогда Тревис понял значение руны. Это надежда. Пока теплится жизнь, всегда будет существовать надежда.

Тревис крепко сжал руну в руке. Бельтан едва не расстался с жизнью, чтобы Тревис смог усвоить этот урок. И теперь Тревис не собирался бросать его в беде.

Очнись, Бельтан. Пожалуйста. Ты должен очнуться, чтобы мы отсюда убрались.

Тревис и Грейс больше не говорили на эту тему. Им и не требовалось. Оба знали, что обязаны вытащить Бельтана из города, прежде чем их обнаружит «Дюратек».

Тревис снова взялся за кофе, затем остановился, поскольку его внимание привлекла афиша на противоположном берегу реки. Ему следовало бы удивиться, но этого не произошло. Они повсюду.

На афише глупо улыбались мужчина, женщина и маленькая девочка — радовались оттого, что девочка выпускала голубя в безобразно синее небо. В небе висел острый, как серп, полумесяц луны, плавно переливавшийся в заглавную букву «Д».

«Дюратек. Миры возможностей».

Тревис вздрогнул. Он слишком хорошо знал, что в действительности означает эта афиша. Как-то один из агентов сказал ему, что встреча Земли и Зеи неотвратима и миссия «Дюратека» заключается только в том, чтобы осуществить это слияние и убедиться, что все пройдет так, как полагается. Тревис знал, что агент лжет. Их настоящая миссия заключается в том, чтобы добраться до Зеи быстрее остальных, завоевать ее народ, загрязнить

реки и лишить земли деревьев и минералов. И Тревис намеревался сделать все, что в его силах, чтобы помешать им осуществить задуманное.

Но даже если... даже *когда* проснется Бельтан, как они смогут вернуться на Зею? Серебряные половинки монеты, кажется, действуют лишь в одном направлении — с Зеи на Землю. Несмотря на все его опыты и эксперименты, выяснилось, что монеты на Земле не имеют никакой силы. Именно по этой причине Тревис проводил дни в поисках брата Сая.

— Где ты, Сай? — пробормотал он. — *Кто* ты?

Но порыв ветра унес его слова прочь.

Взгляд Тревиса лениво скользил по местности. На противоположном берегу реки вздымалась в небо громадная скелетообразная форма, выкованная из металлических балок. Затем ветер развернул флаг, свисавший сбоку сооружения:

СКОРО В ДЕНВЕРЕ
СТАЛЬНОЙ ХРАМ
Все, что вы ищете, находится прямо за углом...

Одна из тех гигантских новомодных мегацерквей. Чем больше, тем лучше, разве нынче не такая философия, вне зависимости от того, что продается? Если бы только слова на флаге оказались правдой, если бы только то, что он ищет, действительно находилось прямо за углом. Но, найдет он брата Сая или нет, они с Грейс все равно не смогут никуда отправиться, пока не проснется Бельтан. И хотя Тревис отказывался оставлять надежду, невозможно было сказать, когда это произойдет.

Почти каждую ночь, обычно часа в два, когда умолкали последние шорохи, он откладывал швабру и направлялся к палате Бельтана. Всякий раз Тревиса поражало, каким хилым и болезненным выглядел рыцарь в переплетении трубок и проводов. Бельтан всегда говорил, что он — защитник Тревиса, но Тревис знал, что сейчас все переменилось.

Каждую ночь какое-то время, несколько минут, а возможно, дольше, он смотрел на светловолосого мужчину, пытаясь разглядеть хоть малейший признак движения. Он знал, что Бельтан любит его. Именно это как-то в Перридоне и пытался сказать ему рыцарь, хотя Тревис не мог услышать его, потому как в тот момент направил руну Огня на мастера Эриона, и в его ушах гремел звук пламени. Только когда умирающий в стенах замка Спардис Бельтан поцеловал его окровавленными губами, Тревис наконец понял.

Что это означало — другой вопрос. Ночь за ночью Тревис стоял над постелью Бельтана, пытаясь представить, как

кто-либо вообще способен любить его. Он хотел понять, сможет ли полюбить кого-нибудь. Затем, в конце концов, наверное, в отчаянии, Тревис склонился над рыцарем и прижал свои губы к губам Бельтана.

Это оказалось так легко, что он едва не рассмеялся. Его не поразила молния, не случилось никакого великого откровения, никакого сопротивления или внезапного пробуждения. Просто плоть коснулась плоти. И почему он, собственно, ожидал чего-то еще? Во всех своих полуночных грезах Тревис был так занят размышлениями о том, *сможет* ли он полюбить Бельтана, что забыл задать себе простой вопрос, *любит* ли он его. И что касается ответа, ну что ж...

Тревис краем глаза уловил, как что-то колыхнулось, словно темная птица. Он поднял глаза.

Не более чем в тридцати футах от него, на противоположной стороне парка, в центре голой площадки, залитой бетоном, стояла женщина. Она была высокая и гибкая, тело обтягивала черная кожа, ноги широко расставлены, и ботинки на высоком каблуке твердо стояли на земле. Короткие темные волосы гладко прилизаны, а на бронзовом овале лица запечатлелось мрачное выражение. Она стояла неподвижно, устремив взгляд золотых глаз прямо на Тревиса.

Тревис потянул в легкие воздух. *Кто ты?* — хотел спросить он. Но не успел звук сорваться с его губ, как воздух вокруг женщины покрылся рябью и складками и она исчезла.

21

Митчелл Шеридан Бэрк-Фейвер сел на постели и уставился на светло-серый свет между ночью и утром, ожидая, когда зазвонит будильник.

Осталось недолго. Жизнь на ранчо начиналась задолго до рассвета, вне зависимости от времени года. Скоро объявятся наемные работники. Они с грохотом пройдут на кухню и потребуют завтрак. Кроме того, нужно еще накормить и оседлать лошадей, выгнать на пастбище и напоить скот и починить мили забора. Чем раньше они начнут, тем скорее закончат.

Вряд ли Митчелл стал бы возражать против еще нескольких минут сна. Один Бог знает, как он устал. Хотя годы, казалось, становились короче, рабочие дни почему-то все растягивались. Но, несмотря на усталость, он больше не мог спать целую ночь. Черта с два. Митчелл постоянно думал о ценах на скот, о том, сколько нужно наторговать, чтобы протянуть зиму, и о

стоимости сена. Разве не говорят, что чем старше становишься, тем короче сон?

Мы уже не молоды, Митчелл. Вокруг нас не бегают дети, поэтому можно просто забыть об этом. Нам далеко не тридцать, мы давным-давно устарели.

Он почувствовал в кровати рядом с собой движение. Митчелл повернулся и пробежал глазами по вытянувшимся под простыней очертаниям тела Дэвиса, крутым, словно высокогорные равнины. Сон разгладил морщины, вырезанные за эти годы ветром и солнцем, но Митчелл знал, они снова вернутся, как только Дэвис пробудится и улыбнется.

Все равно Дэвис с густыми волосами цвета пшеницы не сильно изменился с момента их первой встречи, произошедшей двадцать пять лет назад. Дэвис тогда работал в любительской ассоциации родео, а Митчелл был диктором ярмарочных площадей в Биллингсе, штат Монтана. Дэвис продержался на быке всего четыре секунды. Уже до того, как он ударился о землю, Митчелл знал, что их совместная жизнь продлится намного дольше.

Если Дэвис похудел еще больше, Митчелл со временем стал еще объемнее. Несколько лет назад его 32-й размер джинсов «Рэнглер» потихоньку уступил место 34-му. Затем, в прошлом месяце, после серьезных недовольств со стороны талии он не выдержал и купил в универсальном магазине Маккея свою первую пару 36-го размера. Тем не менее Митчелл был по-прежнему силен, об этом позаботилось ранчо, а его густые, черные, длинные, подкрученные вверх усы хорошо скрывали складки у губ. Что касается лысеющей головы... что ж, никто, кроме Господа Бога и Дэвиса, никогда не видел его без шляпы.

Кроме того, существовал еще один способ продления молодости. Именно поэтому он и Дэвис занялись танцами лет десять назад. Они достаточно хорошо натренировались и выиграли несколько призов на национальном конкурсе в Сан-Франциско. Когда танцуешь, невозможно чувствовать себя старым.

Вот только теперь в городе не осталось ни одного места, где можно потанцевать.

Митчелл вздохнул. Он понимал, что его пробудили отнюдь не мысли о лошадях, скоте и заборе. Откуда, черт возьми, звонил Тревис Уайлдер?

Митчелл не спросил, когда две ночи назад зазвонил телефон. Никогда не спрашивай человека, откуда он и куда направляется — таков кодекс ковбоя. Если он расскажет тебе по доброй воле, просто кивни и все. Но Тревис не сказал, где он сейчас и где пропадал все это время. Вопросы прямо-таки крутились в

Митчелле, разрывали его на части. И все, что ему оставалось делать, это попытаться их утихомирить.

Никто не знал, кто вырыл Тревису могилу на кладбище Касл-Хайтс. В городе поговаривали, что это, должно быть, новый могильщик, который появился с той необычной летней жарой и также внезапно уехал. Митчелл ничего не мог сказать по этому поводу. Он никогда его не видел. Летом практически не оставалось времени на деятельность за пределами ранчо. Жара угрожала ужасным падежом скота, и если бы она постояла подольше, так бы и случилось.

Хотя никто и не знал наверняка, кто вырыл Тревису могилу, все предположили, что его останки захоронены в ней. «Шахтный ствол» разрушился практически до основания. Взрыв природного газа — заявил начальник пожарной охраны округа Касл. Он обошел все старинные здания на Лосиной улице и обнаружил дюжины других утечек в устаревших трубопроводах и котлах. В некотором смысле взрыва чудом не случилось раньше. Но почему это произошло именно в «Шахтном стволе»? Все до сих пор помнили пожар в магазинчике «Обитель мага», разыгравшийся несколько лет назад. Тогда погиб Джек Грейстоун и впервые исчез Тревис Уайлдер. Теперь сгорел «Шахтный ствол» и вместе с ним сгорел Макс Бейфилд и еще несколько человек, личность которых так и не установили.

Но как Митчелл узнал две ночи назад — не Тревис Уайлдер.

Из окна, приоткрытого, несмотря на прохладную ночь в горах, донесся звук шин по гравию. Митчелл сел на кровати. Неужели уже приехал кто-то из наемных работников?

На улице хлопнула дверца автомобиля: тяжелая и хорошо смазанная. Послышался шум еще одного автомобиля, и по груди Митчелла пробежал холодок. Звуки не походили на то, как хлопают проржавевшие двери грузовичков. Митчелл был твердо уверен, что ни один из работников не мог позволить себе совершенно новый автомобиль. Того, что он им платит, явно не хватило бы. Это уж он знал как никто другой.

Митчелл поднялся с кровати. Холодный воздух ударил по ягодицам. Он тихонько натянул джинсы, висевшие на спинке стула, на ощупь нашел на тумбочке очки в серебряной оправе. Дэвис говорит, что в них он выглядит привлекательным и умным. Но Митчелл знал, что в очках похож на старика. К сожалению, без очков он не смог бы попасть в цель и с десяти шагов.

Звук шагов раздавался все ближе. Митчелл, считая, поднял голову. Всего двое. Неплохие шансы. Он придвинулся к окну, слегка раздвинул пестрые шторы и вгляделся в стальную предрассветную мглу. Они как раз виднелись за передним углом дома: глянцевые черные силуэты двух автомобилей, припаркованных

на пыльной подъездной аллее. Два человека в темных костюмах остановились, всматриваясь в горизонт глазами, скрытыми под непроницаемыми солнечными очками, словно бледное сияние первых лучей света казалось им чересчур ярким. Затем повернулись и продолжили путь к дому.

Рядом на кровати послышался скрип, потом сонный голос:

— Что случилось, Митчелл?

Митчелл отвернулся от окна и заговорил сквозь сжатые зубы:

— Возьми свой револьвер, Дэвис.

Спустя две минуты они шагнули за дверь на широкое переднее крыльцо. Стихли последние ветры ночи, словно испугавшись приближающегося солнца. С другой стороны перил стояли двое мужчин в черном. Казалось, ветер не мог совладать с их жесткими волосами и плотными костюмами. Митчелл вздрогнул, и один из мужчин, с угольно-черными волосами и спокойными, по всей видимости, азиатскими чертами, улыбнулся. Его лицо выглядело безжизненным, глаза скрывались под толстыми стеклами солнечных очков.

— Мы бы подождали, — произнес он, — пока вы оденетесь.

По пути к двери Митчелл остановился и нахлобучил ковбойскую шляпу, но, кроме голубых джинсов, на нем больше ничего не было. Дэвис натянул белую безрукавку и армейские штаны. Оба стояли босиком.

— Нет-нет. Ведь они ковбои, — ответил другой, улыбнувшись такой же пустой улыбкой. Он был высок и имел скандинавскую наружность: светлые волосы, грубое лицо. — Я видел в кино. Они обнажены лишь тогда, когда у них нет при себе оружия. Разве не так, ребята?

Митчелл рефлекторно крепче сжал ружье, но Дэвис усмехнулся и покрутил на пальце свой револьвер, словно стрелок в какомнибудь дешевом журнале. Он всегда знал, как привлечь внимание публики.

— Почему бы вам, щенки, не убраться домой? — нарочно растягивая слова, на западный манер протянул он.

Воздух чуточку посветлел, и нарисованные на дверях машин полумесяцы засверкали, словно их подсвечивали изнутри. Азиат шагнул ближе.

— Разумеется. Мы будем только рады... *оказать вам услугу.* Кажется, вы, на западе, говорите именно так? Но прежде чем уйти, пожалуйста, окажите услугу нам и позвольте задать вам пару вопросов.

Дэвис сунул револьвер за пояс штанов и рассмеялся, облокотившись о перила.

— Валяйте. Надеюсь, вы не ждете, что мы предложим вам чашку кофе, пока будем вести этот разговор.

Дэвис был способен смеяться над чем угодно. Однажды во время отдыха на природе в их палатку засунул голову голодный медведь, вынюхивая что-нибудь съестное. Дэвис грубо захохотал, затем хлопнул медведя по носу. Ошеломленный медведь умчался прочь, а вот Митчеллу тогда было не до смеха, как и сейчас. Что-то в этих людях придавало им голодный вид, несмотря на то что глаз не было видно. Но, быть может, это оттого, что он знал толк в хищниках.

Митчелл поднял ружье:

— Я уже предупреждал ваших людей, чтобы прекратили свои фокусы и никогда больше не возвращались сюда. Я говорил серьезно.

Несмотря на направленное ему в грудь ружье, темноволосый мужчина шагнул ближе:

— Вы неправильно поняли представителей нашей компании, мистер Фейвер. Фермерское хозяйство — дело нелегкое, а в наши дни даже тяжелее обычного. Насколько мне известно, вы сознаете это. Разве вам не пришлось недавно во второй раз заложить свою собственность из-за низких цен на скот?

Митчелл оцепенел. Откуда, черт подери, они узнали?

Мужчина развел руки в стороны:

— Понимаете, мы всего лишь хотим помочь.

Дэвис фыркнул, и улыбка исчезла с его лица:

— Вы имеете в виду такую же помощь, какую оказали Онике Маккей?

Когда Митчелл отправился в универсальный магазин Маккея, чтобы купить джинсы, Оника казалась необычайно тихой, когда отпускала товар. Только несколько дней спустя в разговоре с кем-то из наемных работников они узнали, что Оника не смогла оплатить предусмотренные договором платежи, и «Дюратек» присвоил себе право владения ее магазином. Теперь Оника работала за минимальную заработную плату в бизнесе, который основал ее прадед. Вот такую помощь предлагал «Дюратек».

Мужчина тяжело вздохнул:

— Мы сами расстраиваемся, когда не складывается какое-нибудь из наших соглашений. Но договор есть договор. Я уверен, что как бизнесмен вы понимаете.

С Митчелла было достаточно.

— Я же сказал, что никогда не подпишу ни один из ваших договоров. А теперь...

Светловолосый парень поднял руку:

— Нет-нет, мистер Фейвер. Мы предлагаем вам не договор. Наше предыдущее предложение было сделано ошибочно, и мы отменили его. Мы заинтересованы в другом договоре.

— Пожалуйста, скажите, — подхватил азиат, — вы знаете мистера Тревиса Уайлдера? До недавнего времени он являлся хозяином салуна «Шахтный ствол» в Касл-Сити.

— Что вы хотите от Тревиса? — спросил Митчелл и вздрогнул.

Взгляд Дэвиса выразил то, о чем он уже догадался и сам. Он только что признался этим господам, что на самом деле знаком с Тревисом.

— Видите ли, — объяснил темноволосый, — как и мисс Маккей, мистер Уайлдер подписал с нами договор. Однако несколько месяцев назад он уклонился от выполнения обязательств, предусмотренных договором. Затем «Шахтный ствол» благополучно сгорел, а мистер Уайлдер пропал.

— Вы хотите сказать, умер, — поправил Дэвис.

В руках у него снова появился револьвер.

Скандинав пожал плечами:

— Это лишь одно объяснение. Сомневаюсь, что оно истинное.

— Видите ли, — продолжал другой, — у нас есть основания полагать, что мистер Уайлдер не умер и что он организовал взрыв «Шахтного ствола», чтобы уклониться от выполнения своих финансовых обязательств перед нашей корпорацией.

— Ложь! — выпалил Митчелл.

Но сказанное все равно потрясло его. А что, если это правда? В конце концов, Тревис *действительно* жив. Что, если Тревис подписал договор с «Дюратеком»? По этой ли причине он не сказал, откуда звонит?

Все остальные, должно быть, заметили его реакцию.

— Вам что-то известно, мистер Фейвер? — спросил черноволосый. — Если так, то лучше расскажите нам. Понимаете, мы ведь можем вызвать вас для дачи показаний под присягой. Уверен, вы знаете, что лгать под присягой — преступление. А вы кажетесь законопослушным гражданином, мистер Фейвер.

Голос этого человека звучал так спокойно и благоразумно. И дела на ранчо идут не слишком гладко. Они просто не смогут позволить себе адвоката. А поведение Тревиса *действительно* нельзя назвать нормальным.

Митчелл уже начал открывать рот.

Его остановил щелчок ствола револьвера. Дэвис поднял оружие и направил его на тех двоих; курок был взведен.

— Вот вам небольшой урок закона, — молвил Дэвис. — Вы нарушаете границу нашего владения.

Митчелл кивнул. Он чуть было не попался в пасть этих хищников, но какую бы власть ни заимели над ним их сладкие речи, она испарилась. Он вскинул ружье и прицелился.

— На счет три, Дэвис.

— Один, — начал Дэвис.

Темноволосый парень протянул руку:

— Дэвис, Митчелл, вы должны выслушать меня.

Митчелл покрепче взялся за ружье.

— Для вас мы — господа Бэрк-Фейвер.

— Два, — продолжал Дэвис.

— Не очень мудро...

— Три.

Они в полном согласии надавили на курки, и прогремело два раската грома. Люди в темных костюмах пригнулись, когда пули пролетели всего в нескольких дюймах над их головами.

— Если вам интересно, — бросил Дэвис, улыбка вернулась на его лицо, — мы даже и не старались подстрелить вас. На этот раз. А, Митчелл?

Они опустили оружие.

Люди в черном попятились. Тот, что посветлее, сжал кулаки.

— Вы оба пожалеете об этом.

Несмотря на то что у него свело живот, Митчелл неожиданно для себя заулыбался так же безумно, как и Дэвис.

— Черта с два, — выкрикнул он.

На этот раз выстрелы погнали двоих парней к машинам. Они распахнули дверцы и поспешно забрались внутрь. Заревели двигатели, и автомобили запрыгали по изрытой колеями дороге, поднимая за собой в небо клубы пыли.

Митчелл опустил ружье. Дэвис глядел на него ясными, горящими, словно ранее утреннее небо, глазами.

— Пойду займусь завтраком, — промолвил Дэвис и направился в дом.

К этому времени, как встало солнце, явились наемные работники. Они собрались в разбросанной кухне фермерского домика. Сегодня их было всего трое, хотя во время отела или клеймения и стрижки скота число работников доходило до нескольких десятков. Дэвис подал яичницу с ветчиной, а Митчелл сварил несколько чашечек горячего крепкого кофе. Время от времени кто-нибудь из работников шутил, что настоящий ковбойский кофе делается из грязи и воды, а не из французских поджаренных зерен. Но все равно каждый наполнял стаканы минимум три раза.

Пока все ели, Дэвис то и дело переключал каналы небольшого телевизора на стойке, чтобы поймать прогноз погоды в утренних новостях Денвера. Митчелл предпочел бы радио графства Касл. Он добровольно работал там одну ночь в неделю, читал новости и местные рекламные объявления просто для того, чтобы держать голос в форме. Однако у работников сформировался культ поклонения Анне Феррaро, новой ведущей утренних новостей 4-го канала. Поэтому пришлось смотреть телевизор. Глядя на Анну, парни едва не пускали в яичницу слюни.

— Сегодня моя очередь наводить порядок, — сказал Дэвис, когда Митчелл начал мыть сковороду.

Митчелл был не так глуп, чтобы возражать.

— Я уговорю ребят отправиться к северной линии ограждения.

Наемные работники уже неторопливо вышли на улицу, допивая кофе. Митчелл помог им загрузить в грузовичок ремонтное оборудование, пояснил, с какой части забора следует начать, и сказал, что присоединится к ним позже. В грузовике хватало места и для него, но Митчеллу очень хотелось проехать к линии ограждения верхом. Иногда приятно забыть о машинах, инструментах, закладных и об отчетах о состоянии запасов. Когда Митчелл скакал по ранчо, оставляя за собой линии электропередачи, он представлял, как выглядел штат Колорадо сто лет тому назад. Ветер и полынь нисколько не изменились.

Зато мир изменился. Хотя сто лет назад на все смотрели гораздо проще, но также и намного суровее. Какое место отвел бы тогдашний мир ему и Дэвису? И все равно верховая езда умиротворяла. Митчелл отправил ребят вперед, а сам развернулся и направился обратно в дом за кремом от загара. Последнее время Дэвис не выпускал его из дома без крема. Еще одна уступка современности; впрочем, рак никогда не являлся приятной вещью.

Митчелл переступил порог холла. Через открытую дверь кухни доносился звон посуды и низкий гул телевизора. Крем от загара лежал на полке над гигантским камином из песчаника. Сейчас камин зиял темной пустой дырой, но зима не за горами. Митчелл с нетерпением ждал тех дней, когда на ранчо останется мало работы. И он усядется перед камином, починяя седло, а Дэвис установит на кофейный столик свой компьютер и начнет работать над новой книгой. Он опубликовал уже два романтических ковбойских романа и теперь работал над третьим. Они не представляли собой великих произведений литературы, но имели, как любил говорить Дэвис, горячую, лихо закрученную сюжетную линию. Все, что знал Митчелл, когда читал неподшитые страницы, сидя на полу, это то, что в пот его бросало не только от ревущего пламени.

Звон тарелок, доносившийся из-за кухонной двери, утих. Секунду спустя послышался голос Дэвиса, негромкий, резкий и суровый:

— Митчелл, иди скорее сюда.

Неужели в дом снова забралась гремучая змея из прерии? Это уже не в первый раз. Митчелл уронил крем и большими шагами стремительно преодолел расстояние до кухни.

Дэвис стоял у стойки с полотенцем в руках.

— Смотри, — произнес он.

Митчелл проследил за его взглядом. За кадром, изображавшим наполовину построенное здание, вещал голос Анны Феррaро. Если принять во внимание реку и здания на заднем пла-

не, должно быть, это центральная часть Денвера. Митчелл подошел ближе.

— ...что работы над Стальным Храмом продвигаются с опережением плана. Когда Храм откроется в следующем году, мили укрепленных балок и закаленного стекла сделают его одним из крупнейших зарытых пространств штата Колорадо. Как вы видите из отснятого вчера материала, здание, которое по проекту должно отражать Скалистые горы, начинает принимать форму. Его проектировщики надеются, что Стальной Храм, как и гора, поможет людям приблизиться к...

— Вон там, — проговорил Дэвис. — Вон он.

Камера задержалась, обозревая прилегающий к строительной площадке парк. Парк был почти безлюден: женщина толкала перед собой детскую коляску, мимо проезжала пара роллеров на коньках, оборачивался какой-то человек.

Нет, там находилась еще одна фигура. Мужчина был высок и одет в черное. На голове бесформенная шапка. В нем не было ничего примечательного, разве что слишком теплая для такого ясного дня одежда. Затем, словно почувствовав на себе камеру, мужчина обернулся.

Митчелл резко вдохнул.

Не может быть. Это не он. Черт возьми, он выглядит совершенно по-другому.

Но, несмотря на все перемены, не оставалось никаких сомнений. Человек в черном — Тревис Уайлдер.

Изображение пропало, и на экране снова возникло безучастно улыбающееся лицо Анны Ферраро. Митчелл выключил телевизор и поднял глаза. Выражение лица Дэвиса было мрачнее обычного.

— Если мы видели и узнали его, то, бьюсь об заклад, все остальные в городе тоже.

Митчелл вздохнул. Дэвису не обязательно продолжать. Если «Дюратек» приезжал к ним на ранчо и расспрашивал о Тревисе, значит, они также будут расспрашивать и остальных. Тревис в опасности, а они не в силах помочь ему. Нужна помощь, и Митчелл знал, что получить ее они смогут лишь в одном месте.

— Звони шерифу, — промолвил он, и Дэвис потянулся за телефоном.

22

— Доброе утро, Митчелл, — произнесла в короткую черную трубку помощник шерифа графства Касл Джейсин Фиделия Уиндом.

Она, как всегда, говорила с решительной интонацией. Джейс все в жизни делала тщательно. Ее медово-коричне-

вые волосы до плеч были ровно пострижены, а форма цвета хаки была аккуратной и отглаженной, как только что развернутая карта дорог. Даже в чертах лица прослеживалась некая тщательность: мелкие, но не изящные, они были совершенно правильными.

В полицейском участке царила тишина. Джейс пришла рано, чтобы заняться документами. В бумажной работе она находила некое удовлетворение. Там, где есть порядок, есть и смысл, и удобство, и надежность. Без этого мир превратился бы в бесконечный пенящийся океан хаоса.

Когда Джейс вошла, то застала помощника Морриса Коултера за чашкой кофе. Джейс отпустила его, затем налила себе чашечку сваренного Моррисом кофе и принялась работать. Она рассчитывала, что у нее есть еще час для того, чтобы заняться своими делами, до прихода шерифа Домингеса. Спустя пятнадцать минут зазвонил телефон.

— Чем я могу тебе помочь, Митчелл? — спросила она, поднимая на всякий случай ручку. Каждому надлежит на шаг опережать жизнь.

Она внимательно слушала глубокий, мелодичный, слегка гнусавый голос на другом конце трубки. Ей не часто приходилось общаться с Дэвисом и Митчеллом Бэрк-Фейверами, поскольку оба большую часть времени проводили на ранчо к югу от города. Однако Джейс любила слушать радиошоу Митчелла, если ей случалось оказаться на станции шерифа в среду вечером. Сколько она их знала, Бэрк-Фейверы хорошо управляли хозяйством. Они вежливо вели себя с соседями и не обижали наемных работников. Графство Касл могло похвастаться немногими подобными гражданами.

Джейс приспособила трубку между ухом и плечом и крупными буквами начертала на листке блокнота:

— Итак, сегодня рано утром к вам на ранчо приезжали двое мужчин?

С другого конца линии донеслось подтверждение.

— Вы раньше, до их приезда, знали этих людей?

Молчание, затем отрицательный ответ.

— А ты можешь описать мне их, Митчелл?

Джейс принялась что-то бегло записывать в блокнот, внимая голосу на другом конце провода. Затем аккуратно положила ручку и оттолкнула от себя блокнот.

— Понятно. Люди из «Дюратека» сказали тебе, что им было нужно?

Джейс услышала лишь два слова, прежде чем рев, прорвавшийся, казалось, прямо ей в уши, заглушил голос Митчелла.

— *Тревис Уайлдер.*

Джейс знала этот звук. Это был рев океана, что снился ей по ночам, огромного бурлящего моря, ни твердого, ни

жидкого, ни темного, ни светлого. Впервые сон явился ей, когда Джейс училась в шестом классе, ровно через год после того дня, когда она закатила в гараж свой розовый велосипед и заметила странным образом раскачивающуюся фигуру, когда взглянула в опухшее лиловое лицо своего отца.

Она все еще стояла там, сжав руль велосипеда и уставившись на сильного, красивого отца, который в возрасте тридцати шести лет повесился на стропиле в том месте, где, как он прекрасно знал, первой найдет его дочь... Она стояла там, когда дверь гаража распахнулась и раздался крик матери.

Большую часть жизни Джейс редко видела сны, только после очень тревожного дня. А таких насчитывалось немного, поскольку ее взрослая жизнь, начиная с двухгодичного колледжа и заканчивая службой в правоохранительных органах, представляла собой серии упорядоченных шагов, с которыми она справлялась так же легко, как с папками на своем столе.

Затем все изменилось, и вся ее логика, вся подготовка оказались ничем в сравнении с тем, что ей предстояло. В течение последних двух месяцев сон приходил к Джейс почти каждую ночь. С тех пор как в пожаре, поглотившем салун «Шахтный ствол», погиб Максимиллиан Бейфилд. С тех пор как исчез Тревис Уайлдер.

Она до сих пор хранила вырезку из газеты июня прошлого года, первой напечатавшей заголовок о новой «Черной Смерти». В том, что Макс подхватил эту болезнь, сомнений не оставалось; все симптомы были налицо. Однако газеты ошибались в одном. Это не чума какого-то неизвестного происхождения. Джейс точно знала, откуда она взялась.

Интересно, видела ли ты сегодня Макса, спросил ее Тревис в тот день в кафе «Москито». Это был последний раз, когда она видела его. Последний день жизни Максимиллиана.

Следующими в списке жизни Джейс стояли замужество и дети, а Максимиллиан был здоров, привлекателен, если не сказать красив, несомненно, умен и, что, возможно, важнее всего, от природы нежен. Любовь относилась к вещам, которые были вычеркнуты из ее списка в тот день в гараже, Джейс твердо знала это. Но она испытывала привязанность к Максимиллиану. И ничего не смогла для него сделать.

Это трудно понять. Верно, Джейс? — сказал ей тогда Тревис.

Он показался искренне обеспокоенным. На мгновение сердце Джейс смягчилось. Затем она взяла себя в руки. Что бы Тревис ни чувствовал, это его вина. Какой-то безликий человек, погибший в салуне, являлся переносчиком, который и занес чуму в Касл-Сити. Из-за прикосновения этого человека заболел Максимиллиан. А безумец в черных одеждах пришел сюда в поисках

Тревиса. Хотя Джейс не ведала истинной причины заболевания, она знала, что оно пришло вместе с Тревисом Уайлдером.

— В наши дни все трудно понять, — ответила она Тревису в тот день в кафе.

Она больше не видела ни Тревиса Уайлдера, ни Максимиллиана Бейфилда.

Рев в ушах вновь преобразовался в слова.

— Помощник Уиндом? — Из телефонной трубки раздавался металлический голос Митчелла. — Помощник Уиндом, вы меня слышите?

Судорога пронзила тело Джейс. Она выпрямилась на стуле.

— Да, — ответила она. — Да, я слышу, Митчелл.

Даже когда она говорила, ее разум метался, складывая воедино обрывки того, что сообщил Митчелл Бэрк-Фейвер. Затем, словно бумаги на ее столе, все стало на свои места. Куда бы ни сгинул Тревис Уайлдер, он вернулся. И она знает, где он находится.

На линии воцарилась тишина, и послышался треск помех. Митчелл ждал ее ответа.

Джейс облизнула губы:

— Я доложу о твоем звонке шерифу, Митчелл. — Лгать не так уж и сложно, если ложь основана на правде. — Не волнуйся. Мы проследим за этими людьми и убедимся, чтобы они больше никого не потревожили. Разумеется. Пожалуйста. Передавай от меня привет Дэвису.

Джейс повесила трубку. Подождала минуту или две, возможно, чтобы улетучились последние отзвуки рева, затем подняла глаза на двоих мужчин, стоявших в дверном проеме.

Джейс не знала точно, на каком этапе разговора осознала их присутствие. Но была уверена в одном: это произошло до того, как она повесила трубку. Они умели медленно проникать в сознание. Как будто так привыкли незаметно наблюдать из тени, что для того, чтобы ощутить их присутствие, требовались особые усилия.

— Я же сказала, что они не станут помогать вам, — произнесла она.

Один мужчина, темноволосый, с миндалевидными глазами, пожал плечами и сунул солнечные очки в карман пиджака.

— А мы и не ожидали этого от них, помощник Уиндом, поскольку доверяем вашему мнению. Ваше описание местного населения весьма точно.

Взгляд Джейс скользнул мимо них. Почему-то казалось легче не смотреть на них, когда они говорили.

— Тогда зачем вы поехали на ранчо Дэвиса и Митчелла?

На этот раз рассмеялся другой. Это был грубый прерывистый звук:

— Иногда, когда человек не желает помогать тебе, он не сможет этого не сделать. Занимательная вещь, что мистер Бэрк-Фейвер позвонил вам. Интересно, что же поведал старый ковбой?

Джейс не нравился этот блондин. Он был высок и широкоплеч. Но, несмотря на внушительные габариты, имел какой-то бледный и болезненный вид, словно провел слишком много лет под арктическим солнцем и навсегда остался изуродованным, подобно кривому, белому, как воск, побегу фасоли, который она однажды вырастила в темном шкафу в качестве школьного научного эксперимента.

Джейс крепко сжала края стола. Эти люди постоянно говорили намеками и иносказаниями. Эту их черту она терпеть не могла. И теперь из-за них сама начала недоговаривать, лгать и увиливать.

— Мне это не нравится, — бросила она сквозь зубы. — Сообщение, переданное офицеру правоохранительных органов, является конфиденциальным, пока не будет объявлено официально.

Темноволосый приблизился.

— У нас есть более серьезные проблемы, помощник Уиндом, чем бюрократические инструкции. Думаю, вы это понимаете.

Бледный хотел что-то сказать, но второй поднял руку, заставив его замолчать. Джейс правильно оценила ситуацию. Несмотря на громкий голос широкоплечего, именно маленький, изящный мужчина был начальником.

Темноволосый присел на краешек стола:

— Ваш долг — защищать население, не так ли, помощник Уиндом? И появляется человек, который, как вам известно, представляет опасность для всех, с кем входит в контакт. Человек, который нас интересует по сугубо личным причинам — из-за информации, которую он незаконно скрыл от нас, из-за смерти трех наших агентов. Все это в дополнение к смертям по крайней мере двух жителей города. Если вы решили не помогать нам, я не пойму ваше решение, но хотя бы буду ждать, что вы поставите нас в известность.

В груди Джейс вспыхнула ярость, затем так же быстро улеглась. Она почувствовала, как под ней разверзается мир. Она знала, что если закроет глаза, то увидит его: туманный, маслянистый, кружащийся в водовороте океан.

Джейсин не нравились эти люди, но она нуждалась в них. В те дни, после смерти Максимиллиана, для нее ничто не имело смысла. Она плыла, как потерпевший кораблекрушение в сером море, и едва не утонула. Затем непрошено явились они, и их слова стали для нее спасательным кругом. Безумие окружало Тревиса Уайлдера. Но люди из «Дюратека» предложили ей причину, объяснение и логику. И поскольку не осталось ничего, что смогло

бы спасти ее от погружения, Джейс ухватилась за свою драгоценную жизнь.

Ей показалось, что стул слегка колеблется под ней. Нет, она не может отступиться. Только не сейчас. Если Тревис Уайлдер и не убийца, он точно несет с собой смерть и безумие, в этом не могло быть никаких сомнений.

Она закрыла глаза, и на секунду они оказались рядом: свинцовые бурлящие волны под небом, что являлось зеркалом, так что представлялось невозможным разобрать, где путь наверх, а где — вниз.

Не следовало тебе делать это, папа, беззвучно прошептала она. *Не следовало.*

Джейс открыла глаза:

— Я знаю, где он.

Мужчина, сидящий напротив нее, улыбнулся:

— Хорошо, помощник Уиндом. Очень хорошо.

23

Спустя шесть часов после разговора с Адрианом Фарром Дейдра Атакующий Ястреб уложила свой потрепанный вещмешок, выписалась из мрачной однокомнатной квартирки, которую почти неделю снимала в Ист-Энде, и зарегистрировалась в гостинице «Савой».

Портье с вежливым презрением оглядел ее футболку и потертый кожаный пиджак. Однако получив кредитную карточку, которую передал ей Фарр, и взглянув на блестящую поверхность с золотыми буквами, он остолбенел, глаза вылезли из орбит и с губ сорвался слабый писк. После этого молодой человек едва не запутался в собственных руках, пытаясь услужить Дейдре. Он громким хлопком в ладоши подозвал двух коридорных, чтобы те донесли до номера ее багаж, затем спросил, не желает ли она, чтобы ей в номер доставили цветы или шампанское.

— И то, и другое, — с улыбкой бросила Дейдра.

Несмотря на все их недостатки, Ищущие имели одно преимущество: они обладали совершенно волшебной кредитоспособностью. Дейдра не знала, где организация берет деньги. Поговаривали о хранилищах, набитых сокровищами эпохи Возрождения, и сундуках, полных монетами времен Римской империи. Тем не менее Дейдра подозревала, что более вероятная история заключалась в том, что на протяжении веков Ищущие вкладывали средства в международные финансовые концерны. Ничто не может сравниться с

пятью столетиями сложных процентов для обогащения банковского счета.

Каким бы ни был источник их состояния, ясно одно: Ищущие баснословно богаты. И Фарр сказал ей снять комнату там, где она пожелает, при условии, что это рядом с базой. Утром они совершат беспосадочный перелет в Денвер, чтобы встретиться с доктором Грейс Беккет и Тревисом Уайлдером, и они не хотели опаздывать.

Зачем ты это делаешь, Дейдра? Ты же клялась, что никогда не будешь иметь ничего общего с Ищущими.

Существовал только один ответ, и он заключался не в том, что появилась возможность попросить прощения у Тревиса. Какими бы ни были их недостатки, какими бы махинациями они ни занимались, Ищущие имели доступ к таким вещам и обладали такими сведениями, какие никто другой не смог бы ей показать. Зная то, что знает она — о том, что существуют иные миры, помимо Земли, — как она может закрыть на них глаза?

Дейдра не принесла Фарру извинений за свое поведение, но все же взяла у него кредитную карточку и согласилась встретиться в восемь утра. Теперь ее наполнили легкость и необузданная энергия, как бывало, когда она мчалась на мотоцикле по извивающимся каньонам. По другую сторону океана Дейдру ожидали ответы, ответы на тайны, о которых она мечтала с самого детства. И хотя не это являлось причиной ее поездки, она все равно извинится перед Тревисом Уайлдером. Не важно, что он подумает о ней, она всегда будет считать его своим другом.

Двое коридорных проводили ее до номера, и Дейдра одарила их щедрыми чаевыми из пачки фунтов, которую дал ей Фарр. Они закрыли дверь, и Дейдра осталась одна. В номере стояли огромная кровать, изысканно украшенные диван и стулья и мраморный камин, в котором горел газовый огонь. Шампанское и цветы прибыли вперед нее и теперь красовались на столике перед окном, выходившим на Вестминстерское Аббатство, Биг-Бен и Темзу.

Неплохо.

Дейдра скинула ботинки, расстегнула молнию вещмешка и вытащила оттуда папку с документами, переданную ей ранее Фарром. Она направилась к кровати, выхватив по пути из ведерка со льдом бутылку шампанского и плюхнулась на матрас невероятных размеров.

В течение следующего часа Дейдра попивала шампанское и бегло просматривала документы. Она недолго разговаривала с Фарром в «Знаке Зеленой Феи». Он сказал, что ему нужно уладить некоторые дела до отлета и что сообщит ей дальнейшие подробности в самолете до Денвера.

В папке заключалось немногое, большую часть ее содержимого она видела и раньше. Там были фотографии

Тревиса Уайлдера и доктора Беккет, а также различные виды Касл-Сити. Там находилось изображение меча, вырезанное из полусгоревшего журнала, найденного в Лондоне на развалинах книжного магазина Джеймса Сарсина в 1874 году, и фотография ожерелья доктора Беккет, которое, без сомнений, являлось не чем иным, как фрагментом того самого меча, изображенного в журнале Сарсина. Разумеется, Сарсин и Джек Грейстоун — один и тот же человек, друг-антиквар Тревиса, столько веков проживавший в Лондоне, затем переехавший в Колорадо. Каким образом его дело, одно из самых прославленных в истории Ищущих, связано с Грейс Беккет, до сих пор остается загадкой. Но, возможно, на это очень скоро найдется ответ.

Остальную часть содержимого папки Дейдра пролистала быстро. Там были планы салуна «Шахтный ствол», химический анализ образцов, взятых у сгоревших элементов, а также образцов почвы, взятых у приюта «Беккет и Стрейндж». Только в самом конце документа она обнаружила нечто новое для себя: расшифровку телефонного разговора Фарра и доктора Беккет, записанного вчера.

Закинув ногу на ногу и зажав между ними бутылку шампанского, Дейдра просматривала расшифровку. В ней выделялись некоторые слова: *«Мы вернулись»*, затем *«Мы все в Денвере»*.

Она постоянно повторяет *«мы»*. На кого ссылается Беккет? Разумеется, на Тревиса Уайлдера. Но ее слова, кажется, подразумевают присутствие третьего. Никто обычно не говорит *«Мы все»*, имея в виду только двух человек. Затем, уже ближе к концу, Дейдра наткнулась на слова, от которых внутри нее вскипело нервное возбуждение, подобно пузырькам в бутылке шампанского.

«Мы не одни, с нами друг. Он в больнице, в коме».

Затем вопрос Фарра. И ответ:

«Да, он с Зеи».

Сердце Дейдры бешено колотилось. Если это правда, то это имеет огромное значение для ее исследований альтернативных миров. Она и представить себе не могла, *что* можно узнать о культуре и биологии потустороннего мира, непосредственно изучая его коренного жителя.

Дейдра прочитала остальной разговор. Последнее предложение потрясло ее.

«Пожалуйста, помогите нам».

Беккет позвонила Ищущим, чтобы попросить о помощи. Но чем они должны ей помочь?

Она закрыла папку и отложила ее в сторону. Шампанское вдруг приобрело кислый вкус. Она поставила бутылку на тумбочку, засунула руку в карман джинсов и вытянула нечто круглое, серебряное и тяжелое.

Спаси меня.

Эти слова сказала ей сегодня, но раньше, та женщина, Глинда, когда сунула монету в руку Дейдры в баре в Сохо. Однако ее мольба оказалась настолько же таинственной, как и просьба доктора Беккет. Спасти от чего?

Дейдра повертела монету в руках. При свете она смогла разобрать символы. На одной стороне изображалась пара башмаков с небольшими, завязанными бантиком шнурками. На другой стороне просматривались буквы *«СД»*. Она не знала, что они означают.

Но, возможно, знает кто-нибудь другой.

Темнело. Дейдра понимала, что нужно ложиться спать. Впрочем, для сна у нее будет девять часов полета в Денвер. И что-то подсказывало ей, что время Глинды иссякает.

Дейдра встала и пожалела, что выпила так много шампанского — у нее закружилась голова. Она несколько раз моргнула, чтобы прояснилось зрение, затем натянула ботинки и схватила куртку. Задержалась в дверях и бросила последний взгляд на свой дорогущий номер-люкс.

Дейдра опросила портье и консьержа, но ни один, ни второй никогда раньше не видели ничего похожего. Лучше всего вернуться в «Знак Зеленой Феи». Она устремилась через боковой вход на узкую улицу. Снаружи стоял один из подсобных рабочих и курил сигарету. Он был молод, худ, как щепка, бледен и сутул, но, несмотря на все это, по-своему красив. Волосы обесцвечены до совершенно белого цвета, а на руках, исчезая под закатанными рукавами белой рубашки, красовались вытатуированные драконы.

— Эй, американка, — крикнул парень. — Отличный пиджачок.

— Спасибо.

Дейдра уже почти прошла мимо, как вдруг интуитивно обернулась. Он чем-то напоминал ей Глинду, крепкую и в то же время слишком хрупкую для этого мира. Она показала парню монету.

Его губы изогнулись в ухмылке:

— Нет уж, спасибочки, малышка. Туда я ни ногой. — Но в последний момент он, кажется, передумал: — Ну-ка, погоди. Думаю, если это тебя заводит, тогда... ну, тогда давай.

— О чем это ты? — спросила Дейдра, прямо поглядев в его затуманенные глаза.

— Так ты не знаешь? Вот черт. Я думал, ты делаешь мне предложение. — Он затянулся сигаретным дымом. — Это символ. Ты сможешь получить бесплатную выпивку в «СД».

— «СД»?

— «Сдавайся, Дороти». Ну, знаешь, в Брикстоне. Я хотел сказать, что ты не похожа на посетителей этого местечка. На тебе нет этих роскошных безделушек. — Он бросил сигаре-

ту в сточную канаву и вздохнул: — Проклятие, курево кончилось. Хочешь, пошли со мной, купим пачку? Я знаю комнатку в гостинице, где мы сможем позаниматься *этим*. У меня кое-где серьга, если ты от этого балдеешь.

Дейдра усмехнулась. Она вытащила из кармана пиджака пачку сигарет и бросила ему.

— Извини. Придется тебе довольствоваться этим.

До Брикстона она добралась на такси. Дейдра заплатила шоферу и вышла из машины. Она вовремя успела убрать руку, когда автомобиль рванул с места, едва не оторвав ее.

Улица была пустынна, но от запачканных фасадов отражались отдаленные крики, и то там, то тут в нишах дверных проемов теснились тени, а перед ними, словно светлячки, зависали темно-красные огоньки сигарет. Дейдра пробежала глазами по темным витринам магазинов и на первый взгляд ничего не заметила. Только оглядев местность три или четыре раза, она увидела маленькую изумрудного цвета неоновую вывеску, которой еще минуту назад, она не сомневалась, там не было. Вывеска образовывала две буквы: «СД». Под ней, тоже в неоновом свете, виднелись очертания пары красных башмачков.

Дейдра направилась к вывеске. Там оказалась узкая, ничем не отмеченная дверь. Она открыла ее и проскользнула внутрь.

Привратник, жилистый карлик, одетый в черную кожу, взгромоздился на высокий табурет за стойкой. Голова выбрита наголо, а на подбородке торчит заостренная белая борода. Глаза карлика сверкали красивым голубым светом. Должно быть, ему не больше двадцати двух или двадцати трех лет. Оглядев Дейдру с головы до ног, он обнажил в улыбке большие белые зубы.

— Нет мест.

Дейдра осмотрела пустой коридор, весь выкрашенный черным цветом, за исключением пола, который отличался обшарпанной желтизной. В глубине пульсировали мерцающие звуки электронной танцевальной музыки.

Дейдра скопировала улыбку привратника:

— Я так не думаю.

— Зря, сегодня мы больше никого не принимаем. Придется вам прийти завтра.

— Сколько? — вздохнула Дейдра. — Пять фунтов? Десять?

Привратник лишь покачал головой.

Дейдра склонилась над стойкой:

— Послушайте, это чрезвычайно важно. Я ищу того, кого встретила сегодня, но немного раньше. Ее зовут Глинда. Мне необходимо знать, здесь она или нет. Она дала мне вот это.

Дейдра положила на стойку монету. Глаза привратника расширились от удивления:

— Черт подери! Что же вы не сказали, что ищете Глинду? — Он выхватил монетку, сунул ее в карман и соскочил с табурета. — Сюда. — Привратник схватил Дейдру за полу пиджака и потянул за собой. — Пойдемте сюда..

Коридор оказался длиннее, чем Дейдра могла представить. Выкрашенные черные стены сбивали с толку, отступая в темноту так, что ярко светящийся желтый пол казался тропинкой, ведущей через неосвещенную долину. Монотонная пульсация переросла в ритмичный музыкальный шторм. Преломленные осколки радуги сели ей на кожу, затем промелькнули мимо, как светлячки, кружащиеся в тяжелом от дыма воздухе.

— Вон она.

Привратник указал на темный угол недалеко от светящейся танцевальной площадки, где из стороны в сторону покачивалось около дюжины фигур, одетых в блестки, перья и яркий пластик. Дейдра заметила вспышку оранжевых волос и блеск безумных лиловых глаз.

Привратник повернулся и исчез в проходе коридора. Дейдра направилась через помещение клуба. С невидимого потолка свисали блестящие нити, под странным углом нависали телевизионные экраны, мелькая образами драгоценных цветов. В затуманенных нишах и темных углах отдыхали люди: одни — маленькие и полные, как привратник, другие — длинные и стройные, устало распластались в ветхих шезлонгах. Дейдра почувствовала на себе любопытные взгляды и поспешила вперед.

Глинда свернулась калачиком на крошечном диване в форме полумесяца. Ее похожие на ивовые прутья руки лежали на спинке дивана, а копна оранжевых волос покоилась на них. Лиловые глаза, такие же пустые, как маленькая пластиковая бутылка, лежащая на диванной подушке, тупо пялились на мерцающие огоньки.

Дейдра тихо выругалась. Она подняла бутылку и присела на диван.

— Сколько, Глинда? Сколько ты уже приняла?

Дейдра прижала руку ко лбу женщины, затем схватила ее за плечи и затрясла. Под скрипящим черным винилом тело Глинды было холодным и оцепеневшим, как глина. В небольших объемах «Электрия» стимулирует повышенно-радостное настроение и ощущение благополучия. В больших дозах угнетает сердцебиение, понижает температуру тела, пока не наступает кома и смерть.

— Глинда, ты должна сказать, сколько...

Она умолкла. На нее глядели глаза женщины, подернутые туманом, похожим на тот, что плыл над полом, но по-

чему-то взгляд казался пронзительным. Темно-лиловые губы раскрылись в улыбке.

— Ты пришла, — тихо прохрипела Глинда. — Не верю своим глазам, ты пришла. Но ты опоздала, милая. Уже слишком поздно.

Дейдра убрала с ее лица спутанные оранжевые волосы.

— Совсем не поздно, Глинда. Только скажи мне, сколько таблеток ты приняла. Я отвезу тебя в больницу.

Глинда выпрямилась.

— Нет, — захрипела она. — Метатели иголок. Кровососы. Нет, не отвози меня туда. Они все одинаковые. Колют и пронзают, выворачивают тебя наизнанку. Что поддерживает в тебе жизнь, милочка? Что течет по твоим венам? Вылезай из кожи, дай нам еще раз заглянуть внутрь тебя, будь умницей. — По ее чрезвычайно тонкому телу пробежала дрожь. — Лео как-то возил меня в больницу. Больше я туда не поеду.

Дейдра взяла женщину за руки, сложила их вместе и сжала между своими ладонями. Руки Глинды были холодны как лед.

— Хорошо, я не стану отвозить тебя в больницу. Обещаю. И не позволю Лео.

Глинда расхохоталась, и этот звук походил на звон разбитого серебряного колокольчика.

— Он не сможет отвезти меня туда, милая.

— О чем ты говоришь?

— Лео мертв. Он думал, что может торговаться с ними, что получит за меня лучшую цену. Глупый Лео. Я говорила ему, они возьмут все, что захотят, только он не захотел слушать. Он иногда бил меня и использовал. Но *этого* он не заслужил. Никто *этого* не заслуживает.

Дейдра крепче сжала руки Глинды, но почему-то почувствовала, что они ускользают от нее.

— С кем, Глинда? С кем пытался торговаться Лео? Зачем ты была им нужна? У меня есть... друзья, которые смогут помочь нам.

Медленно, словно в ужасной печали, Глинда покачала головой:

— Нет, милочка. Я же сказала, слишком поздно. Я больше не нужна им. *Мы* им больше не нужны.

Она осторожно высвободила пальцы из ладоней Дейдры, затем прижала их к животу. Только тогда Дейдра заметила едва заметную опухоль на ее тонкой талии.

Глинда вздохнула:

— Арион сказал мне сегодня вечером.

— Арион?

— Привратник. Все перешептываются об этом. Никто не знает, как, но они нашли себе чистокровку. Никто из нас им больше не нужен.

Дейдра пыталась осмыслить ее слова.

— Я не понимаю тебя, Глинда. Пожалуйста, помоги мне.

Глинда больше не смотрела на нее. Вместо этого она взирала на что-то поверх головы Дейдры. Тень задумчивости опустилась на ее лицо, словно умиротворение перед сном.

— Она так прекрасна, — пробормотала Глинда. — Так прекрасна и так чиста. Если бы только я могла быть похожа на нее.

Дейдра повернулась и вытянула шею, и наконец поняла.

Ну конечно же, «Сдавайся, Дороти». Откуда же еще они могли взять это имя?

На ближайшем телевизионном экране воспроизводилась сцена в живых насыщенных тонах: красные, зеленые, желтые и голубые — все такие буйные и сочные, какими они были большую часть века тому назад, когда впервые разоблачили скучный черно-белый мир. Дороти Гейл стояла перед разрушенным фермерским домом, окруженная маленькими детками, а навстречу ей двигался пузырек света. Он переливался и увеличивался в размерах, пока наконец не превратился в женщину, одетую в просвечивающиеся мерцающие белые одежды.

Дейдра повернулась к Глинде:

— Еще не поздно. Ты можешь пойти со мной... с нами. Кем бы ни были те, кто хотел забрать тебя, если ты им больше не нужна, они отпустят тебя.

— Ты ошибаешься, милая. Они никого не отпускают.

Глаза Глинды наполнились спокойствием, и это взбесило Дейдру. Нельзя сдаваться без боя. Она открыла было рот, но Глинда покачала головой, и Дейдра внезапно почувствовала, что слова покинули ее. Она двигала языком, однако не могла произнести ни звука.

— Тише, милая. Все в порядке. — Голос Глинды лился, как прохладная вода. — Ты пришла за мной, и только это имеет значение. Иногда просто желая помочь кому-то, ты помогаешь.

Дейдра покачала головой и ощутила на щеках теплую влагу слез.

— Послушай, дорогая. — Глинда стянула с тонкого пальца серебряное кольцо, затем вложила его в руку Дейдры. — Это досталось мне от матери. Я не... не смогу передать это своей дочери. Сохрани его, чтобы мы жили вечно. По крайней мере еще немного.

Нет, пыталась крикнуть Дейдра. *Мне оно не нужно.* Но сомкнула ладонь, и кольцо осталось у нее. Глинда наклонилась вперед и в глубоком, томительном поцелуе прижала свои лиловые губы к губам Дейдры.

Дейдра от изумления широко раскрыла глаза, поскольку в тот момент мрачный ночной клуб вокруг нее исчез.

Вместо этого они с Глиндой сидели на плоском, покрытом мхом камне посреди туманной лесной поляны, куда сквозь серебряные деревья пробивались, словно призраки, лучи лунного света. Единственной музыкой был звук падающей на отполированные камни воды. Повсюду, словно паутинки, по воздуху проплывали крохотные существа с безобразными лицами, взмахивая крыльями, как у бабочек.

Дейдра отстранилась от поцелуя Глинды:

— Где?..

Но в тот момент лес исчез, на его месте снова оказался ночной клуб и пульсирующий ритм электронной музыки.

Глинда свернулась на кушетке, втянув длинные конечности, пока не превратилась в совсем маленькую девочку. Дейдра хотела потянуться к ней, но ее остановила чья-то короткая рука.

— Они идут, — проговорил Арион. — Вам нужно уходить.

Дейдра, не в силах ничего ответить, покачала головой.

Привратник потянул ее за руку.

— Елки-палки, пошли же! Если они найдут тебя здесь, то прольют твою кровь. В их сердцах нет любви к людям вроде тебя... если у них вообще есть сердца.

Дейдра, спотыкаясь, поднялась на ноги. Привратник потянул ее за собой в глубину ночного клуба. Дейдра оглянулась, но диван был уже пуст, если не считать лежащего на диванной подушке одинокого ивового прута, на котором дрожали два серебряно-зеленых листа.

Арион дернул ее за руку, и Дейдра, снова споткнувшись, прошла сквозь отверстие в стене. Вместе со звуком закрывающейся двери стихла пульсирующая музыка. Один за другим ей в уши хлынули звуки ночного Лондона: смех, какие-то шаги, отдаленный рев сирены. Она стояла на краю опустевшей дорожки под мерцающим оранжевым туманом одинокого фонаря. Наконец она повернулась и лишь слегка удивилась, увидев за собой пустую кирпичную стену.

24

Доктор Рохан Чандра, ординатор, четыре года проработавший в Денверском мемориальном госпитале, специалист по краниальной неврологии и автор пяти научных трудов, касающихся причин, последствий и возвращения из долговременных коматозных состояний, о чем-то забыл.

Он стоял перед шкафчиком в ординаторской довольно замерзший, поскольку успел лишь наполовину натянуть

пальто на свое стройное, хорошо сложенное тело. Коллеги по работе в больнице нередко обнаруживали его в подобных позах: то он забывал в руке ручку и карту больного, то вилка со столовской едой застывала между ртом и тарелкой. В такие минуты глаза Чандры отчужденно глядели вдаль, рот был в задумчивости открыт, а тело неподвижно, как многорукая статуя Кришны.

Дома жена Дэви привыкла к этой его привычке. Их брак был договорным, искусно, заботливо и внимательно создан их родителями, живущими в Индии, хотя оба — и Рохан, и Дэви — приехали в Соединенные Штаты для обучения. Поскольку их союз организовали, молодым людям пришлось трудиться, чтобы обнаружить любовь. И когда они действительно нашли ее, словно цветок, который они никогда не замечали, расцвел между ними, это чувство оказалось намного таинственнее, могущественнее и намного слаще.

Дэви работала инженером-электриком в фирме, производящей компьютерные микросхемы, и хотя последние месяцы оставалась дома, чтобы заботиться об их новорожденном сыне Махеше, привыкла выражаться на языке схем и транзисторов.

— Ты упреждающе многоцелевой, — однажды сказала она Рохану.

Это произошло после того, как она застала его в ванной в одних трусах, с торчащей изо рта зубной щеткой. Рохан глазел в пустоту, зубная паста пузырилась и пеной стекала по подбородку. После того как он очнулся от забытья — а она знала, что мужа ни в коем случае нельзя беспокоить, пока он не придет в себя сам, — сразу же принялся неистово записывать свои идеи на бумагу. Это и привело к тому, что его труд опубликовали в «Журнале Американской медицинской ассоциации».

Она кивнула:

— Это имеет смысл. Ты затрачиваешь меньше циклов работы процессора на незначительные задачи вроде чистки зубов, чтобы направить больше мощности на выполнение более весомых и глубоких с точки зрения вычислительных процессов подсчетов.

— Я тоже люблю тебя, дорогая, — ответил он.

Затем с чувством поцеловал Дэви пенными губами и оживился, когда ее простой домашний халат соскользнул на пол. Ровно через сорок недель — а Дэви гордилась своей способностью к точным расчетам — родился Махеш, коричневый, кричащий и просто совершенный ребенок.

Глаза Чандры нервно закрылись, затем снова открылись, и он понял, о чем забыл. Он сбросил пальто и повесил его обратно в шкафчик. Дэви ждала его дома, и он очень хотел поиграть с маленьким Махешем, покачать этот компактный живой сверток на животе, подбросить его в воздух, поймать и поцеловать, словно

живое сокровище. Но представилась хорошая возможность, что неопознанный пациент из палаты СА-423 станет кандидатом для его нового исследования, и Чандра сегодня хотел осмотреть коматозного больного еще раз, только вот до этого момента был очень занят.

Он закрыл шкафчик. Дэви простит ему опоздание. При условии, что по дороге домой он заедет за манговым мороженым.

Тихими быстрыми шагами Чандра проследовал по коридорам больницы. В детстве все сверстники превосходили его ростом, и он приобрел привычку передвигаться, не привлекая ничьего внимания. Теперь, будучи взрослым мужчиной, он все еще уступал многим в росте и неосознанно следовал давнишней привычке. Иногда Дэви искала его по всему дому, а обнаруживала погруженным в чтение какой-нибудь медицинской книги в той самой комнате, с которой начинала поиски.

Повернув за угол в коридоре крыла «С», он уловил впереди какое-то движение. Дверь открылась, и в коридор шагнул одетый в черный плащ человек. Незнакомец закрыл за собой дверь. Даже на таком расстоянии казалось, что действие осуществляют тайком. Быстрым взглядом Чандра сосчитал двери с того места, где стоял он, до незнакомца и сложил эту цифру с номером палаты, выгравированном на дверной табличке слева от него. В итоге получилось СА-423.

Мужчина зашагал от двери по коридору очень быстро и тихо.

— Эй! — окликнул Чандра.

Человек в нерешительности остановился, но оборачиваться не стал. Чандра направился к нему. Со дня поступления личность пациента палаты СА-423 оставалась неизвестной. Знал ли его тот, другой? Или это просто уборщик по пути домой припомнил, что кое-что оставил в палате, когда мыл ее?

— Эй, вы там, — снова позвал Чандра. — Пожалуйста, остановитесь на минутку.

Мужчина помедлил, затем продолжил удаляться по коридору. Чандра бросился было за ним и... остановился.

В промежутке между этими двумя мгновениями тот, другой, исчез из виду. Словно завернул за угол. Только что это не представлялось возможным: коридор был длинный и никуда не поворачивал. Скорее выглядело так, словно белый воздух задрожал и свернулся, скрыв человека из виду.

В течение нескольких долгих секунд Чандра неподвижно пялился в пустоту, позабыв обо всем. Его разум искал объяснений. Затем Чандра увидел в прихожей темное место. Перегорел один из сегментов лампы дневного света, погрузив в тень участок коридора длиной футов в десять. За ним находился проход, который вел в прилегающий коридор. Одетый во все черное

мужчина легко мог раствориться в относительной темноте, чтобы пройти через проход прежде, чем глаза Чандры привыкнут к разнице в освещении.

Доктор снова двинулся с места и шагнул через порог палаты СА-423.

Безукоризненно чистый воздух наполняло тихое жужжание аппаратов. Прошло уже несколько дней с тех пор, как Чандра в последний раз заглядывал сюда, чтобы осмотреть пациента.

Уровень самопроизвольных мышечных сокращений определенно повысился на целый порядок. Вот пациент слабо сжал пальцы правой руки, почти сразу за этим немножко, но ощутимо дернулась щека. Большим пальцем Чандра поднял веко. Зрачки сузились, проявляя высокую чувствительность к свету потолочной лампы.

Чандра отпустил веко и удовлетворенно кивнул. Его ранние убеждения оказались правильными. После нескольких недель глубокой комы пациент приблизился к возвращению в сознание. Перешагнет он черту смерти или нет? Время покажет. Ведь иногда подобные пациенты выплывали на короткое время, лишь чтобы погрузиться еще глубже и умереть. Новейшие исследования Чандры сосредоточивались на использовании медикаментозного лечения для ускорения процесса выздоровления. Этот человек, несомненно, весьма подходит для исследований. Завтра нужно поговорить с администрацией больницы.

Чандра перегнулся через перила кровати.

— Скоро, мой друг, ты сможешь сообщить нам свое имя.

Человек остался неподвижен. Чандре снова стало интересно, кто он такой. Высокий мужчина. Если ему суждено встать на ноги, то он окажется на целый фут выше Чандры. До того, как атрофировались мышцы, пациент был человеком могучим. Очевидно, всл суровый образ жизни. Составляя историю болезни, медицинская сестра зарегистрировала десятки шрамов по всему телу. Среди них была и рана, которая едва не стоила ему жизни, глубокий разрез в боку. Теперь рану хорошо подлечили, вены вновь наполнились кровью. Оставалось лишь посмотреть, простит ли мозг его тело за такую травму.

— Ведь ты — борец, мой друг, — пробормотал Чандра.

Об этом говорили не только шрамы. В лежащем без сознания человеке читалась какое-то неистовство, свирепость в резких чертах лица, свобода в длинных, откинутых со лба волосах. Он казался павшим воином, лежащим в погребальной лодке, которую от берега уносят волны. Только он не умер. Еще не умер.

— И не умрешь. Если ты — борец, тогда борись, мой друг. Завтра я помогу тебе в этой битве.

Часы на стене отсчитывали секунды. Чандра вздохнул. Пора заезжать за манговым мороженым, поцеловать милую Дэви в липкие губы сразу после того, как она, даже не вынимая из коробки, съест мороженое, и поднять на руках воркующего Махеша.

Отворачиваясь от кровати, он заметил *это*. Нечто свисало со стойки капельницы, стоявшей у кровати. Сначала он принял это за кусок марли. Только когда пальцы проткнули материю насквозь, он все понял. Чандра отдернул руку и уставился на обрывки паутины. Это была именно паутина, плотная и мерцающая. Он замер в раздумье, но не успел прийти ни к какому выводу, как раздался слабый хлопок, нечто маленькое упало с потолка и приземлилось прямо ему на руку.

Вещица имела размеры не больше монеты в двадцать пять центов. Поверхность представляла собой матовое и вычищенное золото, в центре располагался темно-красный бриллиант. Затем прямо у него на глазах штуковина вытянула восемь тонких золотых лапок и поспешно побежала вдоль руки. Она двигалась с бездумной точностью, которая казалась скорее механической, нежели органической, и быстро пробегала по рубчикам и впадинам его больничного халата.

Чандра зачарованно следил за «монетой». Два крохотных глаза сверкали, как рубины. Затем золотой паук заполз за манжету рукава на тыльную сторону руки. Чандра даже увидел, как его золотые клешни вытягиваются вперед, навстречу движущейся крови.

Боль была мгновенной и мучительной, как огонь. Вскрикнув, Чандра откинул руку в сторону. Сверкнула золотая вспышка, и послышался звук, словно что-то несколько раз отскочило от пола. Чандра повернулся и направился к двери, но мускулы уже холодели и затвердевали, превращаясь в холодную глину, потому что по его телу распространялся яд. Его быстро разносил увеличенный кровоток и учащенное сердцебиение, сопровождающее страх и прилив адреналина.

Чандра попытался позвать на помощь, однако голосовые связки уже парализовало, и звук превратился в резкий хрип. Это нейротоксин, похожий на яд змей, обитавших на окраинах индийской деревни, где он провел детство. Однажды Чандра видел, как змея укусила его друга всего в двадцати футах от того места, где стоял он сам. К тому времени, как Чандра добежал до него, мальчик уже умер.

Пол подскочил вверх и наткнулся на его щеку, ударившись об нее с необычайно тупым и приглушенным звуком. Спазм повернул лицо вверх. Боль стихала. Последнее, что увидел Чандра, это циферблат часов на стене, искривленных, как на картине Дали.

Даже тогда его разум смог достичь ясности отдельно от телесной оболочки, смог кристаллизироваться в мысль.

Время смерти: 19.09.

Причина смерти: остановка сердца из-за быстродействующего нейротоксина неизвестного происхождения.

Слабый мышечный спазм пронзил тело. Затем явились последние слова:

Поцелуй за меня Махеша, дорогая.

И впервые со дня его рождения мысли доктора Рохана Чандры умолкли.

25

Грейс почему-то ожидала, что Тревис рассердится, когда он, бледный и уставший от ночной работы в больнице, переступил порог затхлой комнаты мотеля, и она сообщила ему, что позвонила Ищущим. Но вместо этого усталая улыбка появилась на его лице.

— И почему на это у тебя ушло столько времени?

Она скрестила руки под нелепо мешковатым свитером, приобретенным на распродаже ношеной одежды.

— Ты хочешь сказать, что все время, пока я терзалась вопросом, стоит ли звонить Ищущим или нет и как быстро ты порвешь меня на куски, если я все-таки сделаю это, ты ждал, что я позвоню им?

Он сел на край стоявшей напротив кровати, и пружины матраса издали жалобное мяуканье.

— В общем, да.

Грейс простонала. Ничто не может сравниться с днями беспрерывного самоистязания без какой-либо на то причины. Она смерила взглядом картонную коробку и два стаканчика из пенополистирола, расставленных на тумбочке.

— Если бы я знала, что ты так легко к этому отнесешься, то не стала бы утруждаться и не добывала бы кофе и королевские пончики, чтобы смягчить тебя.

— Наоборот, Грейс, ты сделала мудрый выбор. — Он откинул крышку, схватил обсыпанный сахарной пудрой рулетик и откусил большой кусок. — Если Ищущие приезжают в город, нам потребуется вся сила, какую мы можем получить.

Грейс надломила крышку стаканчика и глотнула кофе. Ее лицо исказила гримаса.

Он поднял голову:

— Ты что?

Грейс рассмеялась, уставившись на маслянистую поверхность коричневой жидкости в стакане.

— Так, ничего, правда. Просто на Зее я всегда ловила себя на мысли, что очень хочу настоящего кофе. Теперь же, когда я здесь...

— Тебе жаль, что это не мэддок.

Улыбка исчезла с ее лица, но Грейс скрыла это, подняв стаканчик и отхлебнув еще немного кофе. Он имел горьковатый вкус и обжигал язык.

— Ты скучаешь по Зее, да, Грейс?

Его голос звучал нежно, а глаза выражали беспокойство. Временами эта новая его серьезность пугала ее. С их первой встречи Тревис был забавным, ворчливым и каким-то неуклюже очаровательным. А когда оба мира требовали того, невероятно отважным. Но с того дня в замке Спардис, когда он столкнулся с Дакарретом в пламени Великого Камня Крондизара, Тревис изменился.

Перемена едва улавливалась. Если бы они не пережили столько невзгод вместе, Грейс могла бы и не заметить этого. Однако теперь в Тревисе было то, чего не наблюдалось раньше. Она могла назвать это глубиной. Или силой характера. Или даже мудростью.

— Очень скучаю, — произнесла Грейс. — Это трудно объяснить. Я столько лет пыталась устроиться здесь, в Денвере, найти место, где я могу выжить. И нашла. Но на Зее я не просто выживаю. Там я чувствую себя...

— Как дома, — тихо закончил Тревис.

Она кивнула.

— Мы вернемся, Грейс. Не знаю как, но мы найдем способ. Мы должны. — Он согрел руки о стаканчик кофе. — Я больше не уверен, где мой дом, если он вообще где-то есть. Но тебе необходимо быть там, и Бельтану тоже.

Грейс втянула воздух. Да, вот она — какая-то особая аура окружала Тревиса последние дни. Он пожертвовал всем, что у него есть и когда-либо было, чтобы спасти Зею. Теперь он — человек, у которого не осталось ничего, что он боялся бы потерять. В такой свободе было какое-то умиротворение и чистота, но также и ужасная печаль.

Грейс переполнило жгучее желание коснуться его руки, сказать что-то утешительное, но она сдерживала этот порыв, пока он не прошел сам. За невероятный последний год она узнала, что все еще способна любить кого-то, что сердце, которое, как она думала, уже давно перестало существовать, до сих пор бьется в ее груди. Но все же сердце — очень хрупкий орган, и Грейс не верила, что когда-нибудь оно снова станет целым.

— Так ты выяснил состояние Бельтана вчера ночью? — спросила она, отдав предпочтение оживлению разговора вместо выражения сочувствия.

Он набил рот остатками пончика с повидлом.

— Я не смог пробраться в его палату. Прежде чем я вошел, что-то случилось на пятом этаже больницы, не знаю, что именно. Повсюду у дверей выставили караулы охранников, и они никому не давали пройти.

Грейс почувствовала кислый вкус и жжение в горле. Кофе оказался порядочной дрянью. Нужно было раскошелиться на «Старбакс»; у них еще оставалось несколько золотых монет, которые можно продать за деньги в Восточном Колфаксе. Она заставила себя затолкнуть желчь обратно в пищевод. Странная новость, но глупо полагать, что все в Денвере вращается вокруг них. Что до вчерашнего утра, когда она осмелилась совершить вылазку в Денверский мемориальный госпиталь, Бельтан все еще не пришел в себя.

Ничего не изменилось. Тревис может заглянуть к нему сегодня вечером.

— На-ка, съешь, — промолвил Тревис. На его лицо снова вернулась улыбка, серебряные серьги в ушах блестели. — Тебе нужно подкреплять силы, если собираешься разговаривать с Ищущими. Все, что они говорят, сплошная загадка, похожая на кроссворд из «Нью-Йорк таймс», к тому же переведенный на древнегреческий язык. Так что ешь.

Он подбросил пончик в воздух. Легким движением Грейс поймала его и откусила большой, ужасно сладкий кусок.

Спустя пятнадцать минут они шагали по Восточному Колфаксу, за их спинами проплывали горы и дул легкий осенний ветерок. Перед ними поднималась группа небоскребов из стекла и стали. Эти сооружения казались необычайно чужими. Разве они не должны быть построены из серого камня, а башни с бойницами разве не должны быть увенчаны яркими хлопающими знаменами? Но Кейлавер очень далеко. А здесь строят другие замки.

Они могли бы поехать на автобусе №16 до городского Центрального парка. Встреча с Адрианом Фарром и Дейдрой Атакующий Ястреб назначена у Музея искусств Денвера на южной стороне парка. Но до назначенного времени встречи оставался целый час. Денек был чудный, а до музея — всего пара миль, и они решили прогуляться.

Или, быть может, ни один их них так и не смог вновь свыкнуться с машинами и автобусами. Тяжелые сверкающие транспортные средства с ревом пролетали мимо них по Колфаксу. Им казалось, что автомобили проносились мимо с чрезмерной скоростью, по предположению Грейс, составлявшей не менее тридцати пяти миль в час. Она получала удовольствие от ощущения твердой поверхности тротуара под башмаками из зейской кожи.

Грейс точно не знала, когда именно заметила автомобиль. Он медленно крался в ее сознание, словно собира-

ющаяся тень, когда вдруг она повернула голову. Патрульная машина проезжала футах в тридцати позади них. Грейс поспешно отвернулась и вцепилась в стаканчик.

— Белые или черные? — процедил Тревис сквозь зубы.

Ему больше ничего не нужно было говорить. *Белые* означало «полицейская машина». Тревожный знак, однако непосредственной опасности не представляет. Грейс все еще разыскивали в этом городе за нападение на офицера полиции, но не обязательно, что каждая патрульная машина ищет именно ее. Что касается черных, это означало *«они»*. А из того, что рассказал ей Тревис, она предпочла бы иметь долгий разговор с полицией, нежели беседу с одним из дружественных представителей «Дюратека».

— Белые, — ответила Грейс.

Они продолжали идти. Грейс сознавала, что рядом бледным пятном едет патрульная машина, но она не смотрела в ее направлении. Когда автомобиль прокатился по улице и обогнал их, она с облегчением вздохнула... Но дыхание перехватило вновь, когда машина снизила скорость и остановилась. Сквозь мутный прямоугольник заднего окна она увидела, как водитель обернулся и поглядел через плечо. Она уловила слабый блеск в его глазах. Замигали огни заднего хода автомобиля, и ее сердце замерло.

Грейс сжала руку Тревиса.

— Что нам делать?

— Не знаю. Но если бросимся бежать, то с таким же успехом можно повесить на грудь табличку, гласящую «Разыскивается полицией».

Грейс неподвижно наблюдала, как машина сдала задним ходом и направилась к ним. Что она скажет, когда они начнут задавать свои вопросы? *Вы не можете задержать меня, офицер. Я — гражданка другого мира.* Что-то подсказывало ей, что в Денвере нет кейлаванского посольства.

Звук автомобильного сигнала волной прокатился по ее телу. Она как раз вовремя вытянула шею, чтобы увидеть, как по Колфаксу в восточном направлении со свистом пронесся автофургон. Заскрипели и завизжали тормоза, грузовичок снизил скорость и остановился всего в нескольких дюймах до столкновения с полицейской машиной. Дверь автофургона резко распахнулась, и наружу выбрался мясистый водитель. Размахивая руками, он двинулся к патрульной машине.

— Вперед, — вымолвил Тревис. — Пока его отвлекли.

Вдоль квартала располагались витрины магазинов из кирпича и стекла. Маленький магазинчик, несомненно, элегантный и современный в 1964 году, теперь казался приземистым и грязновато-желтым. Он, видимо, был когда-то частью архитектурного

эксперимента, окончившегося не только провалом, но также и безобразием. Тревис затащил Грейс в ближайшую дверь.

Когда дверь закрылась за ними, в воздухе послышался звон колокольчиков, а вместе с ним звук журчащей по камням воды. По воздуху распространялась дымка, оседавшая на языке насыщенным мшистым вкусом. Над головой в форме арки нависала ветка дерева, ее золотые листочки поблескивали в тусклом свете.

С губ Грейс сорвался вздох. Однажды она уже заходила в комнату, чтобы обнаружить за дверью вместо интерьера лес. Это случилось в замке Кейлавер, когда они с Тревисом ходили разговаривать с Трифкином Клюковкой и его труппой актеров. По какому-то волшебству маленького народца их комната одновременно казалась и палатой замка, и зеленой лесной поляной. Быть может, и здесь действовала подобная магия?

— Привет, — послышался сиплый голос. — Могу ли я помочь вам что-нибудь найти?

Дым закружился в водовороте, и перед ними предстала высокая худая темнокожая женщина. Из-под облегающего красного платья мини прорастали изящные, прекрасно сложенные руки и невероятно длинные ноги, за обладание которыми продали бы все, что осталось от их мелких душ, толпы парижских фотомоделей. Белые танкетки делали женщину почти такой же высокой, как Тревис, а фантастически сотворенная из черных волос прическа, венчавшая голову, могла быть только париком. Словом, незнакомка была великолепна.

— Благовония? Травы? Свечи? — Она подняла чудесно украшенную неестественными накладными ногтями руку и указала на заставленные всякой всячиной полки. — Если вам нужно немного волшебства, вы пришли по адресу. Только скажите Марджи, что желаете.

Как насчет того, чтобы вытащить нас из этого мира?

Грейс оглянулась на дверь, но стекло загораживали выцветшие на солнце плакаты, и она не смогла увидеть полицейскую машину, которая, как ей известно, стояла на другой стороне улицы. Был ли полицейский все еще занят водителем грузовика?

Она повернулась:

— Нам нужно... Мы хотели...

Грейс почувствовала, что глаза вылезают из орбит. Неужели она всегда так ужасно лгала?

Тревис пришел ей на помощь:

— Свечи, — сказал он. — Нам нужны свечи, — и указал на ближайшую полку. — Те, красные, неплохо выглядят.

Женщина, Марджи, приподняла аккуратно выщипанную бровь и неторопливо направилась к полке. Она взяла одну из красных тонких восковых свечей.

— Эти? Вы уверены?

— Да, именно они мне и нужны.

Пахнущие дымом губы Марджи изогнулись в улыбке, когда ее пальцы скользнули по свече вверх и вниз.

— Милый, эти свечи зажигают, чтобы заставить человека исполнять твою волю, если ты понимаешь, что я имею в виду.

Тревис улыбнулся в ответ:

— Знаю. Я возьму пять штук.

Марджи засмеялась приятным гортанным смехом и обмахнулась ладонью.

— Ну что ж, очень мило видеть такого скромного человека. Но ты уверен, что не хочешь взять десять? Так тебе удастся заполучить сразу целую команду.

Тревис протер рукой выбритую голову.

— Остановимся на пяти. В конце концов я всего лишь человек.

Хоть и мельком, но Грейс заметила, как скривилось его лицо при этих словах. Но не только у него, хмурая тень пробежала и по лицу Марджи.

— Разумеется, милый. Разве не все мы люди? — Она взяла пять свечей, положила их на пластиковый прилавок и обернула пурпурной материей. Закончив, повернулась к Грейс: — А что пожелает принцесса?

Грейс отступила:

— Почему вы меня так назвали?

Марджи пожала плечами и элегантно взмахнула руками, словно лентами.

— Ты хороша, как принцесса, только и всего. Может, захочешь волшебный браслет Валькирии. — Она запустила руку в коробку под прилавком и вытащила оттуда тонкую серебряную цепочку. С нее свисали крошечные амулетики, производя на свет слабую, но слышимую музыку, подобную звуку падающего снега. — Вижу, тебе такое нравится.

— Нравится что?

— Руны. — Марджи слегка дотронулась до амулетов пальцем. — Как те, что висят у тебя на шее, милая. Хотя, как я люблю говорить, я — та девушка, что знает *футарк*, старший рунический алфавит, а то, что ты носишь, к рунам викингов не относится. Ты не знаешь, откуда происходят эти надписи? Это ведь не минойская письменность, не так ли?

Грейс стиснула рукой свое колье. Должно быть, оно выскользнуло, когда они забегали в магазинчик.

— В них нет ничего особенного, — пробормотала она, засовывая подвеску под свитер. — Я возьму браслет. Он превосходен.

Марджи завернула его. Затем подсчитала общую сумму, и Тревис расплатился наличными. Она протянула им бумажный пакет.

— Спасибо, мисс.

— Пожалуйста, милый.

Тревис начал отходить от прилавка, затем поглядел на Грейс. Никто из них не знал, безопасно ли уже выходить на улицу. Индусские гобелены и египетские ковры из верблюжьей шерсти завешивали окно магазина. Она не могла видеть того, что происходит на улице.

Марджи скрестила руки и облокотилась на прилавок.

— Ладно, вы, двое. А теперь признавайтесь, почему это вы не хотите говорить, зачем на самом деле пришли сюда? Я ни за что не поверю, что вы вбежали ко мне, как скрывающиеся от полиции Бонни и Клайд, потому что захотели купить несколько свечей и милую новую безделушку. — Она положила руки на бедра. — И называйте меня Марджи. Я перестала быть *мисс* с тех пор, как Бобби Фаррел поймал меня между сиденьями последнего ряда.

Тревис открыл рот, но Грейс опередила его и неожиданно для себя заговорила. Ее попытки солгать оказались жалкими, но, как оказалось, у нее хорошо получалось говорить правду.

— Там, напротив магазинчика, стоит полицейская машина. Мы забежали сюда, чтобы скрыться от нее.

Марджи поглядела на Грейс добрыми карими глазами, густо накрашенными тушью. Затем обошла прилавок и опустила длинную прекрасную руку на руки Грейс.

— Я знаю, каково это, милая. Не желать быть замеченной.

Грейс внимательно оглядела женщину и кивнула. Конечно.

— Полагаю, знаете, — сказала она.

Марджи подняла руку Грейс и нежно перевернула ее. Красным ногтем она наметила линии на ее ладони.

— Что вы делаете?

— Успокойся, милая. Я — профессионал. К тому же вы же еще не хотите выходить на улицу, ведь так? А теперь вздохни и позволь сестре Марджорам сделать ее работу.

Сестра.

Это слово прозвучало для Грейс как утешение. И прикосновение Марджи было таким теплым и легким, словно кожи коснулась колибри.

Марджи благодарно забормотала:

— Что ж, я ни разу не видела такой сильной линии жизни, милая. Вот она оборвалась прямо у основания, затем снова вскоре после этого, но каждый раз она снова продолжалась. Тебя ожидает еще одно событие, которое попытается отнять у тебя жизнь, но она слишком сильна, чтобы ее остановить.

Грейс закусила губу. Может быть, Марджи — непрофессионал? Она всегда чувствовала, что ее жизненная хватка в лучшем случае очень слаба.

— Теперь линия ума. Она отчетливая и глубокая, так что ты абсолютный мыслитель. А вот линия сердца...

С губ Марджи сорвался тихий вздох.

— Что с ней? — настаивала Грейс.

Марджи нежно закрыла ее ладонь.

— Она сломана.

Грейс отдернула руку, прижала ее к груди и кивнула. Возможно, Марджи в конце концов знала, о чем говорит.

— Совершенно не обязательно все должно остаться именно в таком положении, — успокаивала Марджи, слова ее звучали тихо и сипло. — Линии на руке не лгут, но они могут измениться, как и мы сами.

Грейс горько улыбнулась. Разве не говорят, что судьбу не проведешь?

— А как насчет Тревиса? — Она перевела разговор. Но не потому, что слова Марджи раскрыли то, чего она не знала. — О чем гласит его рука?

Марджи потянулась и взяла руку Тревиса. Сделав это, она от удивления широко раскрыла глаза и заворковала:

— Милый, я никогда не трогала такую мягкую руку. Как у младенца. Ты должен рассказать мне, как ты этого добиваешься.

Тревис тихо рассмеялся:

— Это секрет.

Грейс кивнула: так оно и есть.

Марджи подняла голову и, внимательно поглядев на него, перевернула руку ладонью вверх. Она оторвалась от ладони, в ее больших карих глаза выражалось потрясение.

— На твоей ладони нет никаких линий. Ни одной. Я никогда не видела ничего подобного.

Тревис убрал руку.

— Это огонь.

Марджи подняла руку к подбородку, но по лицу было видно, что она не убеждена.

Грейс откашлялась.

— Думаю... Думаю, нам нужно идти. Мы не хотим, чтобы у вас были неприятности, если сюда за нами вдруг нагрянет полиция.

Теперь, взмахнув руками, засмеялась Марджи:

— Пожалуйста, милая. Я знаю, как вести дела с полицейскими. Я развлекаю мальчиков, дружу с девочками. — Она широко расправила руки и обхватила себя. — Знать Марджи — значит любить ее, разве нет?

Грейс только рассмеялась, выразив согласие.

Марджи поманила их длинным пальцем:

— Сюда, вы оба. Идите за Марджи. Можете воспользоваться задней дверью, чтобы убедиться, что ничьи любопытные глаза не увидят, как вы уходите.

Она отодвинула расшитые бисером шторы, и они последовали за ней. За завесой располагалось помещение, заставленное еще больше, чем торговый зал. Провисшие полки заполняли запыленные пучки полыни, латунные подсвечники, отполированные кусочки гематита, лакированные ларчики, упаковки фимиама и сосуды, набитые сотнями различных трав. Грейс не отказалась бы остановиться и изучить некоторые из трав, понюхать их, попробовать на вкус, испытать Паутиной жизни, чтобы посмотреть, как они соотносятся с образцами, с которыми она работала на Зее. Однако Тревис схватил ее за руку и потянул вперед.

Марджи чуть приоткрыла дверь и заглянула в щелку, после чего распахнула пошире. За ней расположилась аллея, замусоренная пустыми коробками и поломанными ящиками.

— Что ж, я знаю, что вам обоим предстоят важные дела, — произнесла Марджи. — Нет, не нужно объяснять. Я вижу это по вашим глазам. Но возвращайтесь к Марджи, если сможете. Ты — особенная женщина, принцесса. У тебя такие колдовские зеленые глаза.

Она пожала руку Грейс. Грейс вернула рукопожатие.

— А ты... — Марджи провела рукой по голове Тревиса. — Ты очень привлекателен для лысого белого парня.

Тревис лишь улыбнулся.

— Берегите себя, вы оба.

Грейс и Тревис кивнули. Иногда слов не хватает. Затем они шагнули на аллею. За ними со щелчком закрылась дверь.

Тревис вздохнул:

— Я так привык бежать от людей, которые хотят использовать нас в своих интересах, что иногда забываю, что есть люди, готовые помочь, ничего не требуя взамен. — Он сунул руки в карманы. — Мы обязаны ей.

— Ты хочешь сказать, ему.

Тревис нахмурился, и Грейс рассмеялась. Возможно, новый Тревис все еще остался немного невежественным.

— Марджи — мужчина, по крайней мере генетически. Думаю, во всем остальном она — женщина. Разве что ни одна известная мне женщина не смогла бы сдвинуть этот гарнитур.

Тревис уставился перед собой. Грейс хотела бы узнать, о чем он думает. Не успела она заговорить, как он пожал плечами и улыбнулся:

— Что ж, какой смысл жить, если не можешь выбирать, кем тебе быть?

Из его уст это прозвучало хорошо. Но временами Грейс понимала, что выбирать не приходится, жизнь сама решает за тебя. Она заметила ее — тень, которая всегда следовала на шаг позади нее.

— Пошли быстрее. Невежливо заставлять ждать членов таинственной международной организации.

26

На краю городского Центрального парка, прямо к югу от центра города, неясно вырисовывался Музей искусств города Денвера. Тревис знал, что музей считается шедевром неоготической архитектуры, но, на его взгляд, он скорее выглядел как отраженный в кривом зеркале комнаты смеха замок: большой и массивный, но не содержащий ни одного элемента первоначального великолепия. Только спустя минуту Тревис осознал, что оба они, и Грейс, и сам он, неподвижно стоят перед стеклянными дверями музея.

Тревис мог понять свою нерешительность. В конце концов его последний разговор с Ищущими проходил далеко не радушно. Он обозлился на Дейдру, обвинил ее и Ищущих в том, что они манипулируют им. И только когда вернулся на Зею и столкнулся с древним, мудрым и крайне жестоким драконом Сфитризиром, понял, каким оружием может быть правда. Иногда ложь — единственное, что помогает вынести тяготы реальной жизни, а Ищущие хорошо знали об этом.

Но почему колеблется Грейс? Ищущие помогли ей спастись от полиции. И, разумеется, аналитический ум Грейс хорошо подходит Ищущим.

— Что-то не так, — вымолвила она.

Он оглянулся, однако увидел лишь кучки туристов, подростков на скейтбордах, бездомных и группу школьников во главе с измученным учителем.

— Что, Грейс?

Ее глаза были закрыты.

— Не знаю. Я не могу использовать здесь Паутину жизни. Но я кое-что чувствую: какую-то тень, чье-то присутствие. Словно кто-то следит за нами. — Она вздохнула и открыла глаза. — Наверняка я ошибаюсь.

Тревис не был так уверен. Он на самом деле не понимал способности Грейс, но она — ученый, и ему редко прихо-

дилось слышать, что она выдвигала теорию, не имея в ее поддержку никаких доказательств.

— Пойдем, — сказала она. — Нет смысла здесь околачиваться. Если там что-то есть, оно появится.

Внутреннее убранство музея оказалось более приятным. Лабиринт высоких стен вздымался ввысь к беспорядочным узеньким окошкам. Вдвоем они брели мимо абстрактных полотен и скульптур из стали и стекла. Фарр просто сказал, что встретит их на втором этаже музея. Тревис не беспокоился. Дейдра и Адриан первыми найдут их.

— Что это? — воскликнула Грейс, остановившись перед входом в плохо освещенную нишу.

Внутри с потолка свисали прозрачные трубы, в каждой из которых помещалась раздетая пластиковая кукла. На полу валялись разбросанные книги, видеоигры и киноафиши. Над ними переплетались красные ленты, походящие на огонь. Или кровь. Табличка на стене гласила:

Защитим наших детей
А. Бекер

— Это инсталляция, — объяснил Тревис.

Грейс фыркнула:

— Я думала, что инсталлируют компьютерные игры, но никак не искусство.

Тревис не мог не согласиться с этим. Но что-то в инсталляции привлекло его, поманило к себе, пока Грейс продолжала идти вперед. Конструкция словно говорила, что, пытаясь защитить других от зла, мы просто изолируем их. Но какова альтернатива? Позволить упасть в кровь и огонь?

Тревис не мог найти ответа и двинулся дальше. Одна картина остановила его внимание. Ее реализм выгодно выделялся среди окружающего абстракционизма.

Картина была написана в темно-красных и зеленых тонах. На ней изображался фермерский дом, стоящий на глухой равнине. Компанию ему составляло единственное дерево, чьи кривые ветви прогибались в направлении дома. Пустая тропинка вела к передней двери. Из окна верхней комнаты выглядывала на улицу пара встревоженных глаз, и две маленькие белые ручки прижимались к стеклу. Табличка под картиной гласила: *«Возвращение домой»*.

Тревис закрыл глаза. Он снова увидел его — почти потерявшийся в глубоких туманных сумерках, какие опускаются лишь на влажные поля Среднего Запада, фермерский дом, где прошло его детство. Будет ли он выглядеть так же, как прежде, если Тревису суждено вернуться домой? Ждет ли она его возвращения?

Элис...

Это его вина. В детстве Тревису особенно трудно давалось чтение, и он перепутал номера этикеток на флакончике с лекарством. Он дал ей слишком много таблеток. Чересчур много. Но, даже приняв их, она простила его.

Я люблю тебя, Тревис.

Затем она закрыла глаза и больше никогда их не открывала. В этом заключалась странная правда жизни: иногда прощение вынести тяжелее, чем самое горькое обвинение. Он поднял руку к картине.

— Тревис?

Он обернулся на звук пьянящего, как вино, голоса и в тот же момент осознал, что в прощении заключаются чистота и красота, которые перевешивают любую обиду, боль и раскаяние. Он шагнул вперед, поднял руки к ее щекам и глубоко и томительно поцеловал в губы. Наконец он отступил и обрадовался, увидев, что на этот раз именно в ее дымчато-зеленых глазах отражалось полное изумление.

— Рад видеть тебя, Дейдра Атакующий Ястреб, — произнес он, и слова исходили от самого сердца.

Медленно и осторожно слабая улыбка заиграла на ее губах:

— Что случилось с твоими волосами?

Тревис провел рукой по лысой голове и рассмеялся.

Они застали Грейс и Адриана Фарра за тихим разговором. Те сидели на скамье под массивной железной скульптурой, которая напомнила Тревису дракона Сфитризира, расправившего широкие крылья. Его очертания затуманивали воздух; глядя на них, можно было сойти с ума.

Когда приблизились Тревис и Дейдра, Грейс подняла глаза. Ее лицо помрачнело и побледнело, и Тревис замер. Он бросил взгляд на Дейдру, чье лицо стало суровым, затем снова перевел взгляд на Грейс и Фарра.

— Он исчез, — выдавила Грейс, прежде чем Тревис успел раскрыть рот.

То ли в этом месте оказалось достаточно Паутины жизни, то ли дело было во внутреннем чутье. В любом случае, когда Тревис произнес имя, от горькой правды он оцепенел.

— Бельтан.

27

Несколько минут спустя они сидели в роскошном салоне черного лимузина, а улицы Денвера мрачными силуэтами проплывали за затемненными окнами. По другую сторону шоферской перегородки чья-то тень искусно, с безликой уверенностью управляла автомобилем.

Тревис сидел рядом с Дейдрой, на сиденье напротив устроились Грейс и Адриан Фарр. Ищущий остался таким же статным и элегантно растрепанным, каким запомнил его Тревис: сильную линию подбородка затеняла отросшая за день щетина, рукава белой рубашки закатаны, модные хлопчатобумажные брюки смяты, но хорошо скроены. Рядом с яркой, как день, Грейс он казался сумерками, темными и сладострастными там, где она проявлялась сдержанной и царственной.

Фарр и Дейдра объяснили все, что знали сами. По прибытии утром они сразу же направились в Денверский мемориальный госпиталь, чтобы убедиться в его надежности.

— И чтобы просто увидеть Бельтана. — Глаза Дейдры засияли. — Чтобы поглядеть на человека, рожденного в ином мире, а не на Земле.

У Тревиса все сжалось внутри, но, несмотря на это, он рассмеялся.

— Знаете, они ведь, как и мы, иногда суют обе ноги в одну штанину.

Однако вместо Бельтана Ищущие обнаружили место преступления. Тревис и Грейс молчаливо слушали, как двое Ищущих описывали то, что произошло прошлой ночью и что в то утро скрыли от персонала больницы незадолго до того, как закончилась смена Тревиса.

Сразу после 19.00 ординатор и медицинская сестра по сигналу тревоги сердечного аппарата бросились в палату СА-423. Однако, вбежав внутрь, они не увидели того, что ожидали: коматозный пациент не перевернулся и не умер. Вместо этого больничная кровать оказалась пуста. Кто-то вырвал трубки капельницы и провода монитора. Только обойдя кровать, они заметили, что в палате находится другой человек: действительная причина тревоги.

— Ординатор, три года проработавший в больнице, — комментировал Фарр, пролистывая папку с документами. — Его звали... его звали доктор Рохан Чандра.

Грейс кивнула:

— Я знала его. Конечно, не очень хорошо. — С ее губ сорвался вздох. — Думаю, я никого из больницы не знала хорошо. Но Чандра был человеком особым. Его больше интересовали исследования, чем забота о пациентах, однако он всегда оставался добрым.

Тревис затряс головой:

— Не понимаю. Какая связь между доктором и Бельтаном?

— На самом деле никакой. — Дейдра повернулась лицом к Тревису, и ее кожаный пиджак заскрипел. — Насколько мы можем судить, доктор Чандра имел несчастье оказаться не в том месте и не в то время.

— Вы хотите сказать, он оказался на пути, — начал догадываться Тревис, и его охватила тошнота. — Он оказался на пути людей, которые забрали Бельтана, и они избавились от него.

— Какова причина смерти? — спросила Грейс, и ее встревоженные глаза опровергли беспристрастный тон вопроса.

Фарр достал из папки фотографию. На ней изображалась припухлость на предплечье доктора с двумя крохотными дырочками.

Грейс нахмурилась и заложила за ухо прядь пепельно-русых волос.

— Не понимаю. Похоже на укус какого-то насекомого. Возможно, паука.

Фарр взял фотографию и вернул ее в папку.

— Ваш диагноз верен, доктор Беккет. На первичном вскрытии, проведенном сегодня утром, предположили, что через укус паука в кровь Чандры проник чрезвычайно сильный нейротоксический яд. Он умер в течение десяти секунд после укуса.

— Нет. — Грейс скрестила на груди руки, хотя внутри лимузина было тепло. — Исключено. Я помню, что читала об этом во время занятий по токсикологии в медицинской школе. Яд некоторых пауков смертелен, но ни один из них не может убить человека так быстро. Даже такого маленького, как Чандра.

Фарр сунул папку обратно в портфель.

— Вашему старому профессору, возможно, следует пересмотреть программу курса, доктор Беккет. — Он открыл маленький шкафчик, вделанный в боковую стенку лимузина. — Кто-нибудь желает выпить джина?

Тревис ненавидел джин. И кивнул. Фарр протянул ему стакан и налил еще один для Грейс; она держала его в руках, похоже, не замечая ни тяжести, ни прохлады.

Тревис поднял стакан, задержал дыхание и выпил.

— Так кто же это сделал? — спросила Грейс. — Кто забрал его?

Фарр поймал ее взгляд.

— Существует только одна известная мне организация, которая прибегла бы к убийству, чтобы заполучить образец из иного мира.

Грейс повернулась к нему и заговорила с такой горячностью, что поразила всех:

— Он — не образец, мистер Фарр. Он человек. Его зовут Бельтан из Кейлавана. Он рыцарь королевского дома. Он любит пить пиво и рассказывать скверные анекдоты. Он добр, силен и отважен. Он не заслужил к себе подобного обращения.

И более того, я люблю его, едва не добавил Тревис. Но он никогда не произносил эти слова вслух. И если их кто и услышит, то только Бельтан.

Фарр несколько минут молча созерцал Грейс, затем решительно кивнул.

— Конечно. Прошу простить меня, доктор Беккет. Иногда я выгляжу безразличным по отношению к людям, которых не знаю. Ум ученого. Думаю, вы можете понять.

Грейс ничего не ответила.

— Значит, «Дюратек», — произнес Тревис; эти слова скорее предназначались ему самому, чем его спутникам. — Но откуда они узнали, что Бельтан в больнице? Насколько нам известно, они даже не знают, что мы в Денвере.

— Теперь знают, Тревис, — сказала Дейдра. Ее глаза над высокими скулами выражали серьезность. — По крайней мере мы должны так предположить. Нельзя недооценивать их.

— Полиция, — пробормотала Грейс. Она отвернулась от окна и наткнулась на вопрошающие взгляды Ищущих. — Думаю, меня разыскивает полиция. Сегодня утром на пути в музей нас едва не остановила патрульная машина.

Фарр потер подбородок:

— Это бы все объяснило. «Дюратек» часто сотрудничает с правоохранительными органами. По крайней мере внешне они — законопослушная организация.

Горькая улыбка изогнула губы Грейс:

— А с другой стороны, я — опасная преступница.

— Вам, возможно, трудно в это поверить, доктор Беккет, — сказал Фарр, — но на самом деле даже хорошо, что вас разыскивает полиция. Следовательно, «Дюратек» знает, что вы в городе, но не знает точно, где именно. Больница — единственное место, где они могли ожидать вашего появления. Тогда понятно, почему они обнаружили вашего друга.

Грейс прижала руку ко лбу:

— Разумеется! Какая же я идиотка, что ходила туда. Вчера утром я сама навещала Бельтана, и той же ночью его похитили. Я не думала, что меня узнают... Должно быть, кто-то все-таки видел, как я входила в его палату.

— «Дюратек» умеет заставить людей припоминать многое, — заметил Фарр и помрачнел.

Грейс протянула руку к Тревису, затем остановилась.

— Прости, Тревис. Я...

Он поймал ее руку прежде, чем она отдернула ее.

— Ты не виновата, Грейс. Ты ни в чем не виновата. Кроме того, вполне возможно, что в больнице могли узнать и меня.

— Вряд ли. — На этот раз заговорила Дейдра, ее голос звучал низко и задумчиво. — Ты другой, Тревис. Не думаю,

что кто-нибудь узнает тебя, если не знаком с тобой достаточно близко. Это почти как...

— Как будто я — совершенно новый человек. — У него не было других слов.

Наконец Грейс вздохнула:

— Я все равно не понимаю, как «Дюратек» мог использовать паука, чтобы убить доктора Чандру. Ужасно рискованное предприятие. В конце концов, нельзя приказать насекомому, кого ему кусать. Они раньше использовали пауков?

Фарр откинулся назад:

— Насколько нам известно, нет.

Тревис ощутил легкое давление, когда за окном замедлил скорость призрачный мир. Он вгляделся сквозь дымчатое стекло. Всего два квартала от мотеля «Голубое небо», где остановились они с Грейс.

— Что теперь?

Фарр выпрямил спину:

— Теперь вы с Грейс должны продолжать скрываться, пока мы с Дейдрой попытаемся определить, куда «Дюратек» упрятал вашего друга.

Тревис хотел было возразить, но его опередила Дейдра:

— Так будет лучше, Тревис. Сейчас для вас с Грейс слишком опасно передвигаться по городу. Вполне возможно, что «Дюратек» использует Бельтана в качестве приманки, чтобы добраться до вас.

Грейс поглядела на него:

— Она права, Тревис.

Фарр опустил стекло на несколько дюймов и осмотрел замусоренную улицу.

— Не заметили, кто-нибудь следил за вами до мотеля?

Тревис пожал плечами:

— Сомневаюсь, что мы бы сидели сейчас здесь с вами, окажись это правдой.

— Разумно, — признал Фарр. — Тогда полагаю, лучшего места для вас не найти. Мы приставим к вам пару агентов для наблюдения. Сообщим вам приметы, чтобы при их появлении вы не встревожились. Мы также позаботимся о том, чтобы вам в номер доставляли еду, так что вам не придется выходить.

— Начинает подозрительно походить на тюрьму.

— Напротив, мистер Уайлдер, — возразил Фарр ровным, монотонным голосом, — вы сможете выйти, когда только пожелаете. Но не забывайте, что вас при этом ждет.

Тревис сжал руки в кулаки. Какой толк в свободе при такой альтернативе?

— Вам лучше отсюда отправиться до мотеля пешком, — посоветовала Дейдра. — У меня ощущение, что не всех кли-

ентов «Голубых небес» подвозят на лимузинах. Мы проследим за вами и убедимся, что вы добрались до места.

— Спасибо вам, — промолвила Грейс. — Вам обоим.

Глаза ее загорелись золотисто-зеленым светом, когда она поглядела на Ищущих. Могло показаться, что она веселится. Но на Зее она преуспела в шпионаже и плетении интриг. Все, что хотел сделать Тревис, это отыскать Бельтана и вернуться на Зею. Он открыл дверцу лимузина.

Дейдра коснулась его руки:

— Попутного ветра, Тревис.

Он кивнул и вышел из автомобиля. Грейс последовала за ним, и дверь захлопнулась. Длинный и глянцевый, как змея, лимузин отъехал и скрылся за углом.

— Они найдут его, — уверенно произнесла Грейс.

Тревис ничего не ответил, чтобы она не услышала сомнения в его голосе. Они развернулись и направились обратно в мотель.

Тревис краешком глаза заметил какое-то движение. Показалось, что обрывок тени отделился от пространства между двумя зданиями и скользнул в их сторону. Он уже подумал, что видит две золотые вспышки. Затем воздух покрылся рябью, и тень пропала.

Грейс дотронулась до его плеча:

— Что случилось, Тревис?

Он еще несколько мгновений глазел в пустоту, затем отвернулся:

— Ничего.

28

Три дня спустя Дейдра оторвалась от монитора своего серебристого компьютера, когда дверь в ее номере в гостинице «Браун Палас» открылась и вошел Адриан Фарр. Он выглядел изможденным и похудевшим, одежда была той же, что и сутки назад.

— Ну и видок у тебя, — заметила Дейдра и вернулась к изучению экрана монитора.

Она как раз подключилась к главному компьютеру Ищущих в Лондоне и изучала ответ на свой запрос. Все было готово; по экрану побежали темно-красные буквы:

Отчет для Д. Атакующий Ястреб/SA-9774U

Запрошенный анализ Частичная последовательность митохондрий — сравнение филогенетического древа.

— Я смотался в Лондон и обратно за день, и это все, что ты можешь мне сказать?

Фарр бросил на софу кожаный портфель и направился к бару. Извлек оттуда крошечную бутылочку виски и отвинтил крышку.

— Знаешь, эти малютки очень недешевы, — заметила Дейдра, не отрываясь от экрана.

Она нажала кнопку, и на экране появилась надпись:

Загрузка.

Фарр хмыкнул:

— Все за счет Ищущих.

Он одним глотком осушил бутылочку, взял другую и удобно устроился в кресле.

— Так ты даже и не спросишь, как все прошло?

Дейдра наблюдала за загрузкой.

32% завершено.

— Я и так знаю.

— Что ты имеешь в виду? Я только сошел с самолета...

— Ну да, девять часов в воздухе. Я тут воспользовалась чудным изобретением под названием «телефон». Слыхал о таком?

74% завершено.

— Собственно, Саша мне все рассказала. Поздравляю, похоже, мы по-прежнему в деле.

Фарр проворчал что-то, затем начал возиться со второй бутылочкой.

— Как же я ненавижу гостиницы!

— Ну, сейчас твоя ненависть обходится Ищущим в четыреста баксов за ночь. Постарайся по крайней мере получить удовольствие.

По экрану бежали и бежали столбцы цифр.

— Кстати, — заметила Дейдра, — а что это ты такой мрачный? Ведь тебя даже в ранге повысили, разве нет?

Фарр вылетел из Денвера в Лондон прошлой ночью. Он хотел побывать там лично, хотя Дейдра не видела в этом смысла — Философы никогда не общались ни с кем напрямую. Так было на протяжении всей пятивековой истории Ищущих.

Однако Фарр неплохо поработал.

Дейдра не считала, что Фарру не стоило возвращаться в Денвер — в конце концов их позвала Грейс Беккет. Правила запрещали Ищущим вмешиваться во что бы то ни было напрямую, но здесь и не шло речи о прямом вмешательстве.

Четыре сотни лет назад один из Ищущих — Марий Луций Альбрехт — прибегнул для самозащиты к Девятому

правилу Ищущих: «Превыше всего Ищущий не может допустить, чтобы какому-либо живому существу был причинен вред».

В конце концов Ищущий тоже живое существо...

Многие среди Ищущих полагали, что Адриан Фарр есть инкарнация Мария Луция Альбрехта. А сейчас сомнений в том, что Грейс Беккет и Тревис Уайлдер, равно как их внеземной друг Бельтан, в опасности, не было.

Дейдра встала и посмотрела на Фарра:

— Почему ты так грустен, Адриан? Ведь Философы согласились с тобой.

— Так-то оно так. Да я сам не слишком уверен, что им стоило соглашаться. Таковы Философы, Дейдра. Страшные, всесильные, несгибаемые, загадочные Философы. Черт побери, им бы стоило устроить заварушку, как думаешь? А они едва обратили на меня внимание. Полагают, что с «Дюратеком» может справиться один-единственный Ищущий. Им плевать на то, как все это важно.

— Может, они просто верят в нас?

— Да, вот только я не слишком верю.

Наконец Фарру удалось справиться с крышечкой второй бутылочки, и он опрокинул в себя половину ее содержимого.

Дейдра нахмурилась:

— Значит, нарушения Третьего правила недостаточно. Придется перейти к Шестому: «Ищущий в своих суждениях не допускает компромисса».

— Да ты мастерица цитировать Книгу. Зачем было накачиваться в Сохо абсентом?

— На тот момент я рассталась с Ищущими.

Адриан расхохотался, но было в этом смехе нечто, что совершенно поразило Дейдру. Фарра всегда отличало невероятное самообладание вне зависимости от обстоятельств. Теперь же в его смехе слышалось неподдельное отчаяние.

— Нет, Дейдра, разве ты не понимаешь? С Ищущими нельзя расстаться. Это не клуб, а священный брак без надежды на развод. «Пока смерть не разлучит нас».

Адриан поднял бутылочку и допил оставшееся виски.

Дейдра смотрела, как он пьет. Слова Фарра встревожили ее. Почему Философы так верят в двух человек, когда столько поставлено на карту? Непонятно. Но Философы делают много такого, что ей непонятно. Их цели и их знания недоступны другим Ищущим.

Компьютер позади Дейдры разразился трелью. На экране монитора появился отчет. Дейдра принялась просматривать информацию, чувствуя, как растет беспокойство.

— В этом нет никакого смысла, — пробормотала она.

— Что там у тебя, Дейдра?

Голос Адриана вновь стал таким, каким привыкла слышать его Дейдра.

— Не знаю. Действительно не знаю.

Она не рассказывала Фарру о своей встрече с Глиндой в Лондоне. Дейдра и сама толком не знала, что заставило ее искать эту женщину. Дейдра уже с дюжину раз прокрутила в голове их разговор в «Сдавайся, Дороти», но так и не могла понять его смысл. В одном она не сомневалась — в глубокой скорби Глинды.

Серебряное колечко, подаренное ей Глиндой при расставании, представляло собой загадочный артефакт. Дейдра несколько раз запрашивала базы данных Ищущих, но так и не смогла найти объяснения непонятных символов, выгравированных на внутренней поверхности кольца. Она даже пыталась сравнить их с рунами на ожерелье Грейс Беккет, но безуспешно. Витиеватые надписи на кольце ничем не напоминали угловатые руны ожерелья.

Однако загадочными в кольце были не только надписи. Дейдра отправила кольцо в лабораторию на предмет исследования ДНК — на кольце должно было остаться достаточно клеток кожи. Но, видимо, образцы были каким-то образом повреждены, поскольку отчет из лаборатории просто не мог быть верным.

Она снова вернулась к заинтриговавшим ее строкам.

Анализ прерван: Ошибка — митохондрическая цепочка не завершена — испорченные или утраченные данные в образце. Человеческая ДНК прерывается случайными базовыми парами генов.

Заключение: Невозможно завершить филогенетический анализ — образец не относится ни к одной из известных человеческих популяций.

Фарр внимательно читал надпись на экране.

— Что это, Дейдра?

— Цепочка ДНК.

— Вижу. Откуда она у тебя?

Дейдра покачала головой:

— Не важно. Образец испорчен, анализа не получилось.

— Да нет, мне не кажется, что это так. Дай-ка взглянуть.

Дейдру удивила настойчивость в его голосе, но прежде, чем она успела ответить, Фарр уже пододвинул компьютер к себе.

— Ты подключена к главной системе в Лондоне?

Фарр открыл новое окошко и ввел свой пароль. Появилось меню, не похожее ни на что, виденное Дейдрой ранее. Шифрованные надписи ничего не говорили ей. Фарр кликнул мышью, и экран заполнили столбцы символов. Еще одна цепочка ДНК.

— Вот, смотри.

Он указал на один из отрезков цепочки. Дейдра пододвинула компьютер и расположила оба окошка рядом. Последовательности ДНК были совершенно идентичными!

— Не понимаю. — От ее дыхания экран затуманился. — Откуда это у тебя?

— В подвале лондонской штаб-квартиры Ищущих в 1817 году обнаружили хрустальный фиал с кровью святой Жанны.

— Святой Жанны?

— Да, Жанны д'Арк, девушки, которая повела французов в бой и затем была сожжена как еретичка. По словам старого монаха-франциканца, который и рассказал о реликвии, один из братьев взял кровь из ран Жанны, когда она была в заключении, и поместил ее в фиал. Несколько лет назад я получил от Философов разрешение открыть фиал и взять образец крови для анализа ДНК на предмет изучения генетических аномалий людей, имевших контакты с внеземным.

— Ты хочешь сказать, у Жанны д'Арк были контакты с внеземным?

— Она же разговаривала с Богом, разве нет?

Дейдра не знала, что ответить. Если Фарр прав, у Глинды были такие же отличия от других людей, как и у святой Жанны. И у ее нерожденного ребенка тоже! Дейдра закрыла глаза, вспоминая красивое тонкое лицо Глинды.

Никто не знает как, но они нашли себе чистокровку. Никто из нас им больше не нужен...

Что она имела в виду? О ком говорила Глинда?

Дейдра открыла глаза и потянулась к компьютеру, но тут взгляд ее наткнулся на помятый номер «Таймс», который Фарр, войдя в комнату, бросил на стол. В ушах зашумело.

— Где ты взяла этот образец, Дейдра? — Фарр говорил тихо, но было видно, что он возбужден. — Я думал, мои изыскания давно закончены, а тут ты вновь открываешь передо мной двери. Надо, чтобы Ищущие не спускали глаз с этой Глинды. Где нам найти ее?

Дейдра облизнула губы:

— Вам не найти ее.

— Что ты имеешь в виду?

Дейдра едва слышала его. Поразительно, какую глубокую скорбь можно испытывать по совсем незнакомому человеку. Она вновь прочла заголовок:

ПОЖАР В БРИКСТОНЕ ОСТАЕТСЯ ЗАГАДКОЙ
Количество погибших достигло 13 человек

Она провела рукой по фотографии, изображающей обугленные руины. Типографская краска размазалась под пальцами словно дым.

Рядом послышался грустный вздох:

— Мне жаль, Дейдра. Видимо, кто-то попал туда раньше нас.

Да, кто-то. Но кто? Перед глазами Дейдры замелькали образы: таблетки, вспышка белого света, пустая бутылка. Следуя урокам самодисциплины, полученным от дедушки-шамана, Дейдра осознала свое горе, а затем отодвинула его прочь, чтобы пережить в полной мере позже, когда будет время. Сейчас она чувствовала ярость — пришла пора действовать.

Она закрыла крышку компьютера и повернулась к Фарру, который с любопытством наблюдал за ней. Несмотря на выпитое, он казался совершенно трезвым.

— Ну? — просто спросил он.

— Как насчет того, чтобы посмотреть, чем занимаются наши друзья из «Дюратека»?

Фарр приподнял бровь:

— Ты знаешь, где они хранят предмет с UA-3?

Дейдра уже натягивала свою черную кожаную куртку.

— Скажем, у меня есть мысли по этому поводу. Сегодня утром я проследила за одним из их автомобилей. И, если только они не собираются открыть новый штаб в промышленном здании рядом с фабрикой по производству корма для собак, мне кажется, у нас есть шанс что-то обнаружить.

— А почему ты не сказала мне об этом раньше?

Она застегнула молнию на куртке и невесело усмехнулась.

— Так ты же был в самолете, Фарр. Разве не помнишь?

29

Бельтан Кейлаванский, внебрачный сын короля Бельдреаса, неправедный рыцарь, капитан Ордена Малакора и в то же время рыцарь-защитник леди Мелиндоры Сребролунной, мчался со всех ног.

Он бежал по пустынному доминиону, по плоским серым равнинам под таким же плоским серым небом. Непонятно, день это был или ночь — сам воздух был серым, ничто не отбрасывало теней. Слышалось лишь его прерывистое дыхание, даже звук шагов поглощала мягкая бесцветная трава. Рыцарь был обнажен.

Бельтан не знал, откуда он бежит и куда. Знал только, что останавливаться нельзя, иначе серое безмолвие поглотит его навсегда.

Иногда на бегу он вспоминал истории, которые слышал в детстве от седых воинов, гревшихся у огня в большом зале Кейлавера; времена их битв давно прошли, и теперь они ожидали только последней схватки со смертью, победить в которой не дано никому. У кого-то недоставало глаза, у других пальцев, рук или ног. Они смеялись и говорили, что утерянные члены отправляются вперед и ждут своих хозяев в Ватранане — большом зале замка Ватриса Быкоубийцы, там, за краем света, где мертвецы будут сражаться в Последней Битве бок о бок с живыми. Но иногда, понизив голос, они рассказывали о Синданане — Серой Стране, куда после смерти отправляются трусы и предатели, и руки стариков тряслись при упоминании о ней так, что они проливали пиво на горячие камни очага.

Может, это и есть та самая Серая Страна? Может, именно туда попадают бастарды, убившие своих отцов?

На бегу Бельтан инстинктивно прижал левую руку к боку. Разве здесь не должно болеть?

Он опустил взгляд, но не увидел на боку никакой раны. Напротив, кожа оказалась гладкой и чистой. Но там же была рана — Бельтан помнил ее разверзшуюся пасть. Как давно он видел ее? Впрочем, как и всего остального, времени здесь тоже не существовало.

Когда впереди и чуть в стороне мелькнула тень, рыцарь не смог понять, что это. Не глядя в ту сторону, он продолжал бежать. В этой стране нет теней, здесь НИЧЕГО нет.

Тень двинулась с места, к рыцарю протянулись тонкие руки.

Впервые за все время Бельтан замедлил бег и наконец остановился. Серая трава тихонько нашептывала, лаская босые ступни:

Приляг. Я прорасту в тебя и вырасту над тобой, и я стану тобой, а ты станешь мной. Приляг...

Колени Бельтана ослабли, он чувствовал, как они дрожат.

Тень снова взмахнула руками, более настойчиво. И тут неожиданная мысль посетила Бельтана, и он почувствовал, что снова твердо стоит на ногах. А что, если с ним играет его собственная тень? Но ведь здесь ничто не отбрасывает тени.

Тень была какая-то скрюченная, а руки ее слишком длинными, да и голова маловата. Бельтан посмотрел на себя — нет, он совсем другой, высокий и стройный. Он снова поднял глаза.

Тень исчезла.

Бельтана охватил ужас. До этого он все время бежал в одном направлении, а теперь повернулся и бросился туда, где только что была тень. Нельзя было судить, туда ли он бежит. Может, слишком забрал влево? Да, нужно взять правее!

Смени он курс тремя шагами раньше, Бельтан никогда бы не обнаружил дверь. Он махнул рукой и наткнулся на

что-то твердое. Бельтан остановился, пошарил рукой в сером воздухе и — да, вот она, дверь!

Дверь была точь-в-точь такого же цвета, что и воздух. Ее почти невозможно было разглядеть, поэтому Бельтан только на ощупь понял, что это действительно дверь — рама, филенка, петли. Дверь просто стояла посреди голой серой равнины.

Бельтан взялся за ручку и чуть помедлил. Что лежит за этой дверью? Такая же бесцветная пустыня? Но ведь тень исчезла! Она наверняка прошла через дверь.

И все же он медлил. Разве не здесь его место? Бельтан каким-то образом знал это. Он ведь убил собственного отца. Обманом, в спину! Что может находиться за дверью для такого, как он?

Но что-то же там было! Бельтан не знал, что. Ему мерещились то голос, то лицо, то имя. Мужчина! Да, за дверью мужчина! У него глаза серые, как здешний воздух, но они не пусты... и они не холодные. Этот человек ищет... он ищет его, Бельтана!

Рыцарь закричал. Он кричал все громче, его крик словно ветер пронесся над Серой Страной. Трава поникла, воздух задрожал.

Бельтан распахнул дверь и бросился вперед.

30

Поначалу Бельтан решил, что по-прежнему находится в Серой Стране. Но нет! Сквозь закрытые веки пробивался алый свет, не серый, а еще здесь были звуки: какое-то ритмичное шипение, подобное взмахам крыльев огромной птицы. Затем свет заслонил кто-то, и Бельтан понял — он больше не в Синданане.

Он не сразу понял, что слышит голоса:

— ...так вот, доктор, уровни «альфа» и «тета» сегодня показывают трехсотпроцентное увеличение. К тому же наблюдается движение глазных яблок. Он вступил в стадию сна.

Мужской голос был странно резким, и слова звучали как-то чудно. Бельтан чувствовал, что не должен понимать язык, однако каким-то образом понимал все.

Тени сместились, и ответил женский голос; слова казались такими же резкими и неприятными:

— Я не слишком удивлена. Тесты показали действенность альтернативной сыворотки крови на нервную систему и ткани тела. Человек физиологически не слишком отличается от шимпанзе. Пациент перешел в более легкую стадию комы. Полагаю, в процессе лечения он в конце концов выйдет из комы.

— Тогда, может, стоит поговорить с ним, доктор? Что, если он слышит нас?

Смех. Приятный звук, особенно если сравнивать с речью.

— О, он вполне способен слышать нас. Вот только не понимает ни слова. Это досадно, так как хотелось бы кое о чем спросить у него.

— Ну, с ним поработают лингвисты. Я слышал, они уже составили словарь из трехсот слов.

— Думаю, скоро слов будет больше.

Голоса отдалились, и тени исчезли. Бельтан начал было снова засыпать, но усилием воли заставил себя очнуться.

Нет, ты не имеешь права возвращаться в Серую Страну. Клянусь Ватрисом, не будь таким слабаком, Бельтан из Кейлавана. Она сказала, что ты близок. Близок к чему? К тому, чтобы проснуться? Но ведь ты и так не спишь. Поэтому открывай свои чертовы глаза...

Усилия, которые пришлось приложить, оказались мучительными, такого напряжения Бельтан не испытывал ни в одном бою. Наконец его веки поднялись. Красный свет сменился белым.

Сначала Бельтан не увидел ничего и подумал, уж не ослеп ли он. Затем понял, что смотрит на какую-то лампу. Она была ужасно яркой — не сравнить с факелом или масляным светильником. Скорее лампа напоминала магические огни, которые когда-то показала ему Мелия.

Бельтан слегка повернул голову — еще одна битва, которую ему удалось выиграть, — и свет перестал бить в глаза. Вскоре он уже смог видеть.

Белая комната. Стены, потолок, пол — белые. Все казалось странным: угловатым, блестящим и слишком ярким. Он попробовал скосить глаза, и на него тут же накатила тошнота. Бельтан почувствовал себя в ловушке.

Он и *был* в ловушке. Бельтан безуспешно попробовал сесть. Это не просто слабость. Что-то удерживало его на странной угловатой кровати. Бельтан выгнул шею, на секунду прикрыл глаза, борясь с головокружением, и снова открыл их.

Он был обнажен, лежал на стальной кровати, привязанный к ней чем-то вроде блестящей ткани. Либо он слишком слаб, либо ткань очень крепка. А может, и то и другое. Тело его исхудало, явственно виднелись ребра, кости выпирали из-под кожи. Бельтан был похож на старика.

Из обеих рук его торчали какие-то трубки, блестевшие, как стекло, однако явно гибкие. Трубки обвивали Бельтана и уходили вверх, к странным сосудам, наполненным различными жидкостями, в большинстве своем прозрачными за исключением одной, бледно-зеленой, словно изумруды в воде.

Он посмотрел на сосуды и понял: жидкости поступали в его вены по трубкам. В член была вставлена другая трубка, видимо, для сбора мочи.

Бельтан был не из тех, кто во всем непонятном видит магию, но сейчас у рыцаря появилось ощущение, что он попал в лапы какого-то колдуна.

То, как Бельтан был привязан к стальной кровати, напомнило ему о временах, когда он помогал выносить с поля боя погибших рыцарей, привязанных к щитам. Но ведь он не мертв — хотя и должен был бы умереть. А рана? По-прежнему ли она на месте?

На Бельтана нахлынули горькие воспоминания. Он был в Спардисе, в банях, он хотел убить Дакаррета. Некромант оказался сильнее, он прикоснулся к старой ране Бельтана, и она открылась, кровь хлынула из нее...

Но сейчас раны не было, остался только бледный шрам.

Бельтан постепенно вспоминал, что, когда очнулся в банях Спардиса, некроманта там не было. Над ним склонился кто-то другой, вот только вспомнить бы — кто. Бельтан вспомнил, как поднял голову и прижал свои губы к другим губам...

Я хотел только сказать, что я сожалею.

Сожалеешь о чем?

Об этом.

Тревис. Тревис Уайлдер был там вместе с леди Грейс и остальными. Но где они сейчас? Нужно найти их, сказать, что с ним все в порядке.

И что ты скажешь Тревису, когда встретишь его, а, Бельтан? Тревис не слышал зова быка, он сам сказал тебе об этом. Ты поцеловал его, потому что считал, что умираешь и тебе не придется что-либо объяснять Тревису. А теперь ты жив. Даже когда ты мертв, ты тупоголовый болван, Бельтан Кейлаванский.

Ладно, позже он найдет способ попросить у Тревиса прощения. А сейчас надо понять, где он и что с ним происходит. Рано помирать.

Раздался странный звук, и Бельтан повернул голову. Он не сразу понял, на что смотрит. В нескольких футах над полом висело странное сооружение из перекрещивающихся металлических прутьев. Внутри что-то двигалось. Клетка!

Существо в клетке пыталось просунуть сквозь прутья темные кривые пальцы. Существо было большим, почти с человека. Оно и напоминало человека, только какого-то карикатурного. Короткие ноги, мощная грудь, маленькая головка, сморщенное лицо. Тело покрывала тонкая черная шерсть.

В животе Бельтана похолодело. А что, если это фейдрим? Чем-то существо напоминало тех, с кем сражался Бель-

тан у Рунных Врат. Но фейдримы были дикими и когтистыми — монстры, вызванные к жизни Бледным Королем. А это существо смотрело на Бельтана живыми, темными и даже какими-то грустными глазами.

Существо в клетке развело руки в стороны. Бельтан узнал этот жест. Именно так его приглашала следовать за собой тень в Серой Стране.

Животное выжидающе смотрело на Бельтана. Что оно хочет?

Бельтан попытался кивнуть существу.

— Привет, — произнес он, сам удивляясь, как это у него получилось.

Животное замерло в клетке. Потом просунуло обе руки в отверстия для подачи пищи и воды и развело их в стороны. Внутренняя поверхность рук оказалась выбрита, на ней виднелось множество белых шрамов.

Казалось, существо хочет что-то сказать Бельтану, как тогда, во сне. Но что? Он посмотрел на свои руки, покрытые шрамами былых сражений, потом снова в грустные глаза. Так похоже на человека это существо, и все-таки не человек. Но и не монстр. Он вспомнил, что говорили голоса.

Тесты показали действенность... не слишком отличается от шимпанзе...

Бельтан рассматривал шрамы на руках существа. Некоторые были совсем свежими, сшитые какой-то черной нитью. Точно, они ставили над ним какие-то опыты. *Шин-паси,* так они называли существо. Бельтан попробовал освободиться от пут, но безуспешно. Может, и на нем собираются ставить опыты?

Шин-паси втянул руки обратно и уселся в своей клетке. Он больше не смотрел на Бельтана, вместо этого уставившись на одну из стен. Бельтан проследил за взглядом существа.

Вся стена была покрыта изображениями костей.

Рыцарь нахмурился, изучая рисунки. Кости словно светились на темном фоне, и Бельтан вдруг понял, что они подсвечены сзади лампами, укрепленными внутри стены.

Бельтан немало костей видел в своей жизни, поэтому многие легко узнал. Посреди стены красовалась бедренная кость, рядом тазовая, ребра, конечности, череп. Похоже, кости принадлежали высокому человеку.

Дрожь пробежала по обнаженной коже Бельтана. Он взглянул на свою левую руку. Последняя фаланга мизинца была сломана и плохо срослась, когда ему было всего двенадцать зим. Мизинец в этом месте навсегда остался скрюченным. Рыцарь взглянул на детали скелета на стене. Мизинец на картинке был скрючен точно так же.

Значит, кости на картинках — его собственные. Но как можно нарисовать человеческие кости, не упуская мельчайшей детали, когда они не извлечены из тела? Кроме как магией это ничем не объяснить. Будь здесь Мелия, она бы поняла, в чем дело.

Или леди Грейс.

Он осмотрел стену внимательнее. Там были и еще изображения костей, но эти отличались от костей Бельтана. Один из черепов был приплюснутый, руки на изображении рядом кривые и длинные. Эти кости наверняка принадлежали шин-паси, сидящему в клетке. Интересно, существо понимает, что это его кости?

Бельтан посмотрел на третий, последний комплект костей. И снова мороз побежал по коже рыцаря. Он увидел длинный, вытянутый вверх яйцеобразный череп. Может, череп ребенка? Нет, слишком велик. Кости пальцев длинные, прямые и невероятно тонкие, словно ивовые прутики. Бельтан не знал, кому принадлежат кости. Ясно одно — это кости и не человека, и не шин-паси.

В холодном воздухе раздался странный металлический звук. Бельтан повернул голову и увидел, что дверь открылась. На пороге возникла невысокая стройная фигура. Женщина. На ней были мужские штаны и белая куртка. На носу красовались очки, как у Тревиса, только оправа не проволочная, а из какого-то черного материала.

— Ага, проснулись, — с улыбкой сказала женщина.

Бельтан узнал голос — он принадлежал тому, кого называли доктором. Кажется, Грейс когда-то так называла себя...

Бельтан замер. Доктор подошла к кровати и положила руку на лоб рыцаря. Рука была прохладной.

— Не волнуйтесь. Бояться нечего. Мы не причиним вам зла, просто хотим узнать о вас побольше. — Она вздохнула. — Впрочем, зачем я говорю все это? Все равно вы меня не понимаете.

Но он *понимал* ее. Если ему не желают зла, зачем тогда привязали к кровати?

Бельтан сглотнул. С трудом он выдавил:

— От... пустите... меня.

Бельтан чувствовал, как странно звучат слова, как будто и не он произносил их.

Женщина в испуге отшатнулась от кровати — рот открыт, в глазах изумление. Она едва успела поймать очки, которые чуть не свалились с вмиг вспотевшего носа.

Бельтан не отступал:

— Я... сказал... отпустите меня.

Женщина вытащила из-за пояса какой-то предмет и крикнула в него:

— Срочно охрану в четвертую лабораторию! Повторяю — охрану в четвертую! Немедленно!

Бельтан понял, что это значит. Скоро здесь будет стража.

Он вновь попробовал освободиться от пут, но безуспешно. Шин-паси в своей клетке бился, кричал и дергал прутья.

Женщина схватила с полки что-то вроде трубки с иглой на конце. Едва справляясь с дрожью, она воткнула иглу в одну из трубочек, подведенных к рукам рыцаря.

И сразу же мир потускнел, подернулся дымкой. Опять женщина победила Бельтана.

— Что ты... сделала со мной... ведьма?

Он смог только лишь прошептать эти слова. Крики шин-паси словно отдалялись.

Спаси меня, Тревис.

Бельтан понимал, что произнес последние слова мысленно. Потом все вокруг стало черным, и больше он ничего не помнил.

31

После разговора с Дейдрой и Фарром в музее Грейс и Тревис отправились в свой номер в мотеле «Голубые небеса», чтобы там ждать, когда Ищущие свяжутся с ними. Но на третий день Грейс готова была уже вышибить дверь, и плевать, пусть хоть целая армия агентов «Дюратека» ждет там их с наручниками наготове.

— По телевидению ничего нового.

Голос Тревиса опасно дрожал.

Грейс не подняла головы от кроссворда — эта фраза звучала уже не в первый раз.

— Переключи на другой канал.

— Ты прекрасно знаешь, что этот ящик принимает только один канал.

— Ну тогда возьми зеркало и посмотри отраженную картинку.

Тревис хмыкнул:

— Может, и стоит. Знаешь, тут этот парень — Сейдж Карсон, какой-то телеевангелист. Но мне кажется, что на самом деле он робот. У него волосы напоминают виниловый макет штата Кентукки.

— А при чем здесь штат Кентукки?

— Он как раз сейчас у тебя на голове.

Грейс поняла, что могла бы убить его.

Тревис выключил телевизор и плюхнулся на кровать.

— Мне казалось, ты терпеть не можешь кроссворды.

— Неправда, они прекрасно помогают скоротать время.

Тревис подтянул к себе банку с орешками.

— Вообще-то мы здесь не пленники. Можем в любой момент убраться прочь.

— Ага, и сказать нашим приятелям снаружи, что мы вышли купить им по галстуку — я их ни на одном из молодчиков не видела.

Как и обещал, Фарр поставил двоих агентов наблюдать за мотелем. Парочка эта напоминала бывших футболистов или борцов. Дорогие костюмы едва не расползались на них по швам. Казалось, ребята эти способны скомкать голыми руками малолитражный автомобиль, а улыбаться они не были приспособлены анатомически.

Каждые несколько часов один из охранников — Стюарт или Эрикс, которых можно было отличить друг от друга только по тому, что Стюарт был гигантом, а Эрикс просто здоровяком — стучал в дверь номера, чтобы проверить, все ли в порядке. Грейс несколько раз пыталась поговорить с охранниками, но безуспешно. Стюарт и Эрикс приносили в номер еду. Тревис опрометчиво сказал, что любит орешки «Кинг Донат», и теперь банки с орешками появлялись в номере несколько раз в день.

Тревис разжевал очередной орешек и посмотрел в окно:

— Они ребята здоровые, но наверняка медлительные. Мы могли бы удрать.

— И что потом?

— Не знаю. Ты разве не устала ждать? Нужно самим попробовать найти Бельтана.

Грейс посмотрела на него, и Тревис моргнул.

— Знаешь, ты и вправду можешь сглазить любого.

— Не забывай, я колдунья.

Тревис ударил кулаком в стену:

— Бог ты мой, Грейс, да понимаю я, что ничего мы сделать не можем. Но как подумаю, что Бельтан... что они вытворяют с ним...

Грейс отложила кроссворды.

— Я тоже волнуюсь за него, Тревис. Нет, не волнуюсь — я в ужасе. Но возможности Ищущих куда больше наших. И пока «Дюратек» ищет нас, а полиция ищет меня, выходить отсюда небезопасно.

— Может, и небезопасно, Грейс. Но что, если мы оба и вправду обладаем способностями, которых нет у Ищущих?

Грейс обхватила руками колени. Тревис прав. Они оба так много узнали за последнее время. Но здесь Земля, где сохранились лишь жалкие остатки магии. Знания, полученные на Зее, мало что дают на Земле.

— Пойду поищу лед, — сказала она. — Неплохо бы выпить.

— Я принесу бутылку.

День шел на убыль.

С ведерком в руке Грейс шла по дорожке. Она чувствовала на себе взгляд агентов Ищущих, которые расположи-

лись неподалеку в автомобиле с затемненными стеклами. Грейс знала, что не должна покидать их с Тревисом номер. Но ведь ей всего лишь нужен лед. Пусть парни понервничают.

Сразу за углом она обнаружила автомат со льдом, который после долгого пыхтения выдал ей шесть кубиков замороженной воды.

Звуки вокруг мотеля затихали, луна в небе напоминала полуприкрытый глаз.

Грейс направилась обратно и, когда вышла из-за угла, по спине ее пробежал холодок. Она взглянула на парковочную площадку и нахмурилась. Дверца седана была распахнута. Где же Стюарт? Грейс почувствовала раздражение: они что, забыли, зачем их сюда поставили?

Усилием воли она заставила себя успокоиться.

Почему бы тебе не облегчить их работу и не вернуться в номер, Грейс?

Она уже почти вошла в мотель, когда услышала странные чавкающие звуки. Как будто собака возится с костью. Звук доносился из темного коридора. Грейс чуть помедлила, затем вошла внутрь.

Сначала она увидела ботинки. Тщательно начищенные, они блестели в тусклом свете коридора. Ботинки были большие и явно дорогие. Затем одна из ламп дневного света на потолке вдруг вспыхнула, и Грейс увидела все.

Один из агентов Ищущих — Стюарт — лежал на спине, раскинув руки, в луже крови, а какое-то веретенообразное волосатое существо с чавканьем пожирало то, что когда-то было его лицом.

До Грейс донесся запах — какой-то металлический и в то же время сладковатый. Ведерко выскользнуло из ее рук и упало на пол. Кубики льда разлетелись в разные стороны. Существо подняло голову, и Грейс на мгновение встретилась с ним взглядом. Блеклые глаза показались ей слишком большими для маленького приплюснутого черепа.

Существо моргнуло и вернулось к прерванной трапезе.

32

Грейс бежала со всех ног, мимо нее мелькали двери. Третья, четвертая, пятая... Еще мгновение, и она уже была внутри их номера. Грейс захлопнула дверь, заперла замок и обессиленная рухнула на кровать.

Тревис появился из ванной с двумя наполовину наполненными стаканами в руках.

— Ты нашла лед?

Грейс посмотрела на наго и облизнула губы.

— У нас неприятности, — выдохнула она.

— Что случилось?

— Не знаю. — Она нервно мяла простыню. — Там что-то есть... какая-то тварь. Она... она жрет Стюарта.

Кровь бросилась в лицо Тревису:

— Ты сказала, жрет его?

Грейс кивнула.

— Черт, паршиво. Что это, Грейс?

Адреналин шумел в ее ушах, и Грейс едва удалось взять себя в руки.

— Я не знаю. Ростом почти с меня. Длинные и тонкие конечности и шерсть. Нет, не шерсть — волосы. Все его тело покрыто длинными черными волосами.

— Фейдрим?

Нет, хоть существо и напоминало чем-то фейдрима, это не фейдрим. Особенно глаза. У фейдримов не бывает умных глаз.

— Нет, это не фейдрим. Может, какая-то человекообразная обезьяна. Что будем делать?

— Рация. Возьми рацию.

Грейс схватила рацию, лежавшую на ночном столике. Нажала кнопку и поднесла аппарат к уху:

— Эрикс, Эрикс, ты слышишь меня?

Рация молчала, и Грейс швырнула ее на кровать.

— Черт, да где же он?

— Там, — спокойно произнес Тревис, глядя в щель между занавесками.

Грейс подошла к нему.

— Смотри, — сказал Тревис. — На стоянке.

Грейс выглянула в щель и увидела Эрикса, озирающегося по сторонам. Он явно искал своего напарника. Грейс хотелось закричать ему, она раздвинула занавески, обуреваемая желанием помахать, привлечь его внимание.

И тут Грейс увидела тени. Теперь их было две. Они приближались на четвереньках, припадая к земле. Эрикс увидел их, сунул руку в карман, извлек оттуда пистолет...

Слишком медленно. Одно из существ ударило его, и пистолет выпал. Эрикс был мощным и феноменально сильным мужчиной, однако существо швырнуло его в автомобиль словно ребенка, затем само юркнуло внутрь. За ним последовало второе. Машина бешено затряслась.

Грейс почувствовала, как к горлу подступает кислая тошнота.

Машина перестала трястись. Все было кончено. Ужасные существа приступили к своей трапезе.

— Ищущие, — пробормотала она. — Мы должны связаться с Ищущими.

Тревис уже направлялся к телефону. Он снял трубку, прислушался и опустил ее на рычаг.

— Не работает.

Итак, связи нет. Рации работают только на коротком расстоянии. Надеяться остается только на себя.

Но кто перерезал телефонные провода? Эти твари казались умными, но умными как животные, не как разумные существа. Открыть щиток, найти нужные провода... способны ли они на такое?

— Кто-то помогал им, — произнесла Грейс. — Тот, кто послал их, должен быть где-то здесь.

Тревис кивнул:

— Может, они...

Оба замерли, прислушиваясь. Звук был явственным — шлепок босой ступни по цементу. Раздалось тихое ворчание. Оно доносилось как раз из-за двери их номера. Ворчание стало громче, затем вновь послышались шаги босых ступней. Теперь они удалялись и вскоре совсем стихли.

Грейс медленно выпустила воздух из легких. Они не знают, в каком номере искать.

— Надо выбираться отсюда, — сказал Тревис. — Рано или поздно нас найдут.

Грейс не могла не согласиться. Кто бы ни были эти твари, они будут искать, пока не найдут их. Замок на двери — не препятствие. Но и снаружи они с Тревисом будут в невыгодном положении. Куда им в темноте против этих чудищ с огромными глазами.

Тревис выругался.

— Эх, знать бы, сколько их там?

Грейс закрыла глаза и попыталась использовать Дар.

И снова тень оказалась рядом, но сейчас Грейс видела не только ее. Она смогла заглянуть дальше. Паутина жизни вокруг была тонкой и рваной. Она попробовала соединить нити, однако они выскальзывали из рук.

Но кое-что она смогла увидеть. Грейс открыла глаза.

— Они повсюду вокруг мотеля. Я чувствую их...

Но было что-то еще. Грейс ощущала присутствие — присутствие ли? — кого-то еще. И этот кто-то отличался от прожорливых тварей. Грейс вновь попробовала прикоснуться к Паутине жизни... Безуспешно.

— Сколько их, Грейс? — вновь спросил Тревис.

— Не уверена. Пять, может, шесть. А может, и больше.

Тревис нахмурился, и Грейс знала, почему. Тогда, в Кейлавере, им вдвоем едва удалось справиться с *одним* фейдримом. А что делать с полудюжиной прожорливых и сильных тварей?

Грейс подняла руку:

— Тревис, а как насчет твоего...

— Бесполезно, Грейс. Думаю, в этом мире руны не действуют.

Тревис осторожно приблизился к окну.

— Такая тишина. Ничего не видно.

— Может, они ушли? — с надеждой сказала Грейс. — Может, это наш шанс?

Через минуту они были готовы. Тревис сжал в правой руке стилет. Грейс достала из башмака свой крошечный кинжал. Единственное, что приходило в голову: добраться до машины и завладеть пистолетом Эрикса.

У двери они прислушались. Тишина.

Тревис взялся за ручку и начал медленно поворачивать ее.

Грейс широко открыла глаза:

— Тревис, твой кинжал. Он светится.

Красный камень на рукоятке кинжала пульсировал светом. Тревис открыл было рот, чтобы ответить, но так и не успел.

Дверь распахнулась, и одна из тварей ворвалась в комнату. Она вскочила на одну из кроватей, резко развернулась и зарычала. Тревис занес было кинжал, но не успел пошевелиться. Тварь бросилась на него.

Воздух перед Грейс странно замерцал и словно свернулся. Блеснуло золотом, и траектория прыжка твари резко изменилась. Она отлетела в сторону и с визгом врезалась в стену.

Воздух вскипел, словно вода на огне, и перед Тревисом и Грейс появилась женщина. Она была высокой и золотоглазой. Черные волосы коротко острижены, стройное тело затянуто в блестящую черную кожу.

Прежде чем Тревис или Грейс успели что-то сказать, женщина подняла руки. Окровавленная тварь, из тела которой торчали щепки разнесенной вдребезги тумбочки, бросилась на нее.

Длинные руки животного сомкнулись в пустоте — женщина исчезла. Нет, не исчезла, теперь она оказалась позади твари. С улыбкой она нанесла резкий удар ногой в голову чудовища. Раздался хруст ломающихся костей, тварь пролетела по воздуху и вылетела в окно. Снаружи донесся глухой звук падения.

Воздух вновь взволновался, и теперь незнакомка стояла прямо перед Тревисом и Грейс.

Как она делает это? — хотела спросить Грейс, но Тревис опередил ее.

— Ты... — хрипло сказал он. — Я уже раньше видел тебя. Кто ты?

Незнакомка уперла руки в бока. Она даже не вспотела.

— Я — ваша единственная надежда.

33

— Что теперь?

Грейс посмотрела в окно. Сквозь разбитое стекло врывался прохладный осенний воздух, но Тревис не чувствовал холода. Он не отрывал глаз от незнакомки. Она была невероятно красива: гордые золотые глаза, высокие скулы. Однако не красота ее потрясала Тревиса. У женщины не было никакого оружия, и в то же время она казалась смертельно опасной.

— Вам нельзя здесь оставаться, — сказала незнакомка. — Остальные слышали шум и вскоре почуют запах крови. Вы должны идти со мной.

Ее английский был безупречным, но в то же время каким-то слишком правильным.

Грейс отвернулась от окна:

— Почему мы должны следовать за тобой?

Женщина опустилась на колени и провела ладонью по кровавой луже на полу. Затем поднялась на ноги.

— Потому что если вы не последуете за мной, то через пять минут от вас ничего останется.

Грейс молча кивнула, и незнакомка направилась к двери.

— Постойте. — Тревис и сам удивился тому, сколько металла слышалось в его голосе. — Почему мы должны доверять тебе? Ты следила за мной, а теперь появилась как чертик из коробочки и хочешь, чтобы мы шли с тобой. Мы даже не знаем, кто ты.

— Меня зовут Вани. Теперь вы знаете.

Дверь открылась, и женщина выскользнула в темноту.

Грейс последовала за ней.

— Что, черт возьми, ты делаешь? — спросил Тревис.

— Пытаюсь спасти свою шкуру.

Тревис чертыхнулся и последовал за ними. Грейс стояла неподалеку, но Вани нигде не было видно.

— Где она?

— Не знаю. Только что была здесь.

Чудненько. Она открыла их местоположение и сбежала.

— Знаешь, — начал Тревис, — я не думаю, что...

— ...она мне нравится, — закончил тихий шепот рядом с ним.

— Где ты была? И как ты...

— Ты не должен задавать мне вопросов, Тревис Уайлдер. Еще не время. Здесь небезопасно. За мной.

Вани двинулась к выходу.

Тревис нахмурился.

— Какова, — сказал он Грейс.

— Ну, — Грейс улыбнулась, — тихие девочки редко умеют ломать шеи волосатым чудищам.

Тревис решил не спорить, и они с Грейс последовали за Вани.

Только когда незнакомка переступила через что-то большое, лежащее на полу, Тревис понял, что это то, что осталось от Стюарта. Тревиса едва не стошнило.

Невдалеке располагалась еще одна парковка, освещенная лишь тусклой неоновой вывеской ресторана.

Вани остановилась; казалось, глаза ее светятся в темноте.

— Куда мы идем? — поинтересовался Тревис.

— Будем продвигаться к автомобилю Ищущих. Он там, у ограды. Держитесь ближе ко мне.

— Значит, ты знаешь Ищущих? — спросила Грейс.

— Да, я наблюдала за ними.

— А они знают о тебе?

— Не думаю.

И снова Тревис нахмурился, глядя на их спасительницу. Если она не с Ищущими, то с кем? С «Дюратеком»?

Нет. Тревис не знал почему, но был уверен, что это не так. Женщина опасна, это ясно. И она не говорит им всей правды. Но Вани сказала, что она их единственная надежда, и Тревис почему-то верил ей.

Вани спускалась по ступенькам. Тревис и Грейс последовали за ней. Когда они добрались до парковки, все по-прежнему было тихо. Тревис почувствовал ужас. Хотелось кричать. Уж лучше бы проклятые твари обнаружили себя.

Грейс сглотнула.

— Их пятеро, — прошептала она. — Они вокруг, двигаются быстро. Трудно уследить. И еще... Кто-то наблюдает за происходящим.

Вани кивнула:

— Я тоже чувствую это. Вот почему твари не боятся — хозяин здесь. Все не так просто, как я надеялась.

Тревис застонал:

— Что мы должны делать?

— Бежать. Так быстро, как только можете. Бегите к машине и забирайтесь внутрь. Сейчас!

С этими словами она толкнула их по направлению к машине.

Они бросились вперед. Тревис ощутил, как горячие когти коснулись его шеи.

Вани двигалась быстро как молния. На тварь обрушились удары, полетели брызги крови. Воздух вновь вскипел, и Вани взмыла вверх. Обеими ногами она нанесла страшный удар в голову чудовища. Тварь ударилась о стену и рухнула на землю.

— Тревис! — раздался крик Грейс.

Тревис схватил ее за руку и потянул за собой к машине.

Вокруг что-то мелькало, но Тревис сосредоточился только на машине. Боковым зрением он заметил, как одно из существ с рычанием бросилось на Грейс. Блеснули когти, затем чудовище словно ударилось о невидимую стену и рухнуло наземь.

Время замедлилось. Чья-то лапа появилась из темноты и схватила Тревиса за горло. Из той же темноты появились две сильные руки и утащили тварь обратно в темноту. Послышался хруст ломающихся костей.

Время снова рвануло вперед, и Тревис понял, что он уже рядом с автомобилем. Получилось! Тревис потянулся к ручке дверцы.

Воздух над автомобилем подернулся рябью, затем снова сделался прозрачным. На крышу автомобиля прямо из воздуха легко опустилась какая-то фигура. Тревис посмотрел в безмятежное золотое лицо.

Фигура присела. Она была во всем черном: плащ, перчатки, капюшон. Под капюшоном вместо человеческого лица маска — блестящая, полированная, словно посмертная маска фараона. Фигура подняла руку в перчатке и плавно повела ею в воздухе.

В Тревиса как будто вонзилась золотая игла. Боль была невыносимой. Сердце затрепыхалось в груди, словно выброшенная на берег рыба. Тревис попытался что-то сказать, однако изо рта вместе со струйкой слюны вырвалось лишь невнятное мычание. Фигура скрестила пальцы, и Тревис почувствовал, как останавливается его сердце...

Грейс с кинжалом в руке бросилась вперед. Фигура легко увернулась от удара, но заклинание было прервано. Тревис почувствовал, что свободен, выхватил из-за пояса свой стилет и ринулся в бой.

Движения его все еще были неуверенными, и Тревис не сомневался, что противник легко избежит удара. Однако кинжал словно притянуло к загадочной фигуре. Полыхнуло красным, и раздался нечеловеческий крик. Ослепленный, Тревис закрыл глаза, а когда вновь открыл их, фигура исчезла.

Тревис повернулся к Грейс:

— Куда...

Рядом появилась Вани.

— Быстро в машину, — бросила она.

Никто не стал с ней спорить. Тревис распахнул дверцу, и они с Грейс юркнули внутрь. Вани уже сидела на месте водителя. Взревел двигатель, завизжали тормоза, и машина рванулась вперед. Раздался удар о капот, машина перескочила через какое-то препятствие — видимо, то была одна из мерзких тварей, и вскоре беглецы уже неслись прочь от мотеля.

— Кто это был? — спросила Грейс. — Тот человек в маске?

— Это был не человек, — ответила Вани. — *Скирати.* Чародей. Именно его присутствие ты чувствовала, Грейс Беккет. Он повелитель *горлетов.*

Последнее слово она произнесла, словно это было ругательство.

— Горлеты? — с трудом выговорил Тревис, горло его все еще болело.

— Да, это слово означает Голодные Пасти. Чародеи частенько создают подобных для своих черных дел, но такую разновидность я видела впервые. Однако чародею не понравился укус твоего кинжала, Тревис Уайлдер. Хорошо, что у тебя есть такое оружие.

Машина даже не на волос не изменила курс, когда Вани протянула руку и раздавила странного паука, неизвестно откуда оказавшегося в машине. Она опустила стекло и выбросила прочь золотой комочек.

— Что это? — озадаченно спросила Грейс.

Ответ был кратким:

— Смерть.

Тревис посмотрел на свой стилет. Камень на рукоятке перестал светиться. Опасность миновала. Пока.

Навстречу промчались несколько полицейских машин с включенными мигалками и сиренами. Однако Тревис почему-то знал, что полицейским не удастся обнаружить ни горлетов, ни их хозяина в золотой маске.

— Куда мы едем? — спросила Грейс.

— Туда, где вы будете в безопасности.

— А потом?

— Мы должны освободить вашего товарища. Рыцаря.

— Бельтана? Ты знаешь, где Бельтан?

— Да.

Тревис глубоко вздохнул:

— Ты с Зеи, верно, Вани?

Она кивнула. Тревис продолжал:

— Зачем ты следовала за мной? И почему помогла нам?

— Потому, что мое предназначение — вернуть вас на Зею.

Часть третья
ГИБЕЛЬ БОГОВ

34

Лирит стояла на носу «Вестника судьбы», глядя, как с каждым новым прикосновением брызг к ее щеке в мерцающем воздухе один за другим вырастают из моря золотые купола.

Покрытое легкой рябью море напоминало неровную серебряную пластину, расплющенную под тяжелыми ударами солнечного молота. Белые меловые утесы устремлялись в лазурное небо; их пики венчали ровные колоннады стройных стволов итайи. Желтые листья деревьев процеживали слепящие солнечные лучи. Ветер дул со стороны Летнего моря, и изящный двухмачтовый корабль, что уносил странников прочь от Вольного Города Джендарры, своей стремительностью напоминал дельфина. Вскоре они миновали два одинаковых обелиска, вытесанных из того же белого известняка, что и утесы, и оказались в объятиях лазурного залива. Отсюда оставалось рукой подать до самого древнего города Фаленгарта.

— Вот она где! — раздался сзади чей-то резкий и скрипучий голос.

Лирит обернулась от балюстрады, и ее лицо осветила улыбка. Ее длинные пряди развевались под порывами ветра, словно парус.

— Капитан Магард!

Капитан «Вестника» был еще не стар — не старше, чем лет на десять, ее самой. Но жизнь на морях брала свое. Мощные плечи уже начали слегка горбиться от долгих бдений за штурвалом, и на руках не хватало пальцев. Но вот алая его рубаха и штаны своей яркостью мало чем уступали тем небылицам, которые он про себя рассказывал.

Лирит снова обратила взор к берегу. Таррас вырастал из моря буквально на глазах. Вдали, над золотом куполов, подобно комочкам белого пуха кружили птицы. Мощные желтоватые стены вздымались концентрическими кругами, а над ними в вышине поблескивали знаменитые городские шпили.

Магард расхохотался — как с ним случалось довольно часто и по любому поводу — и указал на массивные обелиски, проплывавшие в тот момент слева и справа от них.

— Уже и не вспомню, сколько раз мне случалось проходить через Ворота Мерона, и всякий раз дух захватывает!

Лирит кивнула. Ей еще ни разу не доводилось видеть ничего подобного. Обелиски высились на концах двух скалистых выступов, взявших залив в крепкие объятия. Своими гигантскими размерами они превосходили самые высокие башни доминионов и в то же время были стройны и изящны. Светлую поверхность покрывали резные письмена, слегка сглаженные многовековыми атаками ветра и соли. Расстояние между этими громадами было велико, под стать им самим, — в ворота Мерона без риска столкновения могли беспрепятственно пройти два десятка кораблей. Застыв по сторонам залива, каменные колоссы, казалось, поддерживали купол неба.

— Мерон был сыном Тарона, первого императора Тарраса, — пояснил Магард. — Считается, что он возвел эти обелиски в память о победах отца. По крайней мере так гласит официальная версия.

Лирит удивленно выгнула бровь:

— А неофициальная?

— Говорят, будто Мерон тем самым увековечил не отцовские победы на полях сражений, а свои собственные — в опочивальне. Из того, что известно о Мероне, нетрудно догадаться, что послужило прообразом этих памятников.

— Но, капитан Магард, это же настоящие громады!

— Что ж, если верить историкам, Мерон был о себе высокого мнения.

Лирит прикрыла рот рукой, сдерживая смех.

— Ладно, мне пора вниз, — произнес Магард и отошел от балюстрады. — Надо спускать паруса и переходить на весла. Входим в порт.

Он зашагал прочь. Но в следующее мгновение обернулся и спросил:

— Значит, это твой первый визит в Таррас?

— Да.

В черных глазах капитана вспыхнул огонь.

— Тогда послушайся моего совета, девочка. Это древний город, такой древний, что уже позабыл многое из того, чего другие города не узнают никогда. Говорят, ключи в колодцах Тарраса бьют не водой, а вином — столь хмельным, что от него тает даже самый стойкий дух, и столь горьким, что способно отравить этой горечью даже самое чистое сердце.

Лирит задумалась над его словами. Да, Таррас — город древний и давно пришедший в упадок. Когда-то Таррасская империя подмяла под себя почти весь Фаленгарт, и мощнее ее

не было на всей Зее. Но с течением столетий, оказавшись во власти слабых, жестоких и тщеславных императоров, она постепенно начала дряхлеть. Границы се сдвинулись к югу, подставив северные земли сначала под удары варварских племен, а позднее — семи доминионов. Теперь империя состояла разве что из самого Таррса и еще нескольких мелких городков, лепившихся по берегам Летнего моря.

И все равно, хотя Таррас давно миновал зенит своего могущества и славы, он оставался величайшим городом мира. Лирит как зачарованная глядела на бесчисленные купола, устремленные в небо шпили и огромные изогнутые мосты.

Капитан исчез где-то на нижней палубе, а Лирит вернулась на нос корабля. Город был совсем близко. Теплый, дремотный ветер доносил ароматы пряностей. Было видно, как в порту снуют люди — мужчины и женщины в разноцветных развевающихся одеждах. Просто невероятно, как всего за две недели она перенеслась в совершенно иной мир!

Нет, даже не верится, что еще две недели назад они на рассвете покинули Ар-Толор — спустя день после того, как Мелия узнала о смерти Ондо. А еще в тот день они обнаружили Таркиса, шута, который еще совсем недавно был королем Толории, — выпучив косые глаза, он болтался, подвешенный за шею к потолочной балке.

Убийство Таркиса повергло всех обитателей замка в ужас. Большинство поговаривало, что тот, мол, сам виноват, уж больно распустил язык, и кто-то из рыцарей решил наконец ему отомстить. Но говорили и другое, причем боязливым шепотом, как в самом замке, так и за его стенами, — что жизнью он поплатился не за то, что оскорбил рыцаря или лорда. Мол, виной всему женщина. Ведь вряд ли назовешь совпадением, что Таркис встретил свой весьма малоприятный конец как раз в тот момент, когда колдуньи, тайком прибывшие в Ар-Толор на Верховный Шабаш, столь же тихо собирались отбыть по домам.

Лирит точно знала, что колдуньи здесь ни при чем, а простолюдины охочи до сплетен, особенно если напуганы. И все же... было в этих слухах и домыслах зерно истины. Каким-то внутренним чутьем Лирит чувствовала, что к кошмарной смерти причастна женщина. Но кто? И почему?

Последней Таркиса живым видела Эйрин. А чуть позже в тот же день о том, что он попался ей на глаза, поведала баронесса. Прислушиваясь к нити Паутины жизни, Лирит слышала слова Таркиса — причем точно так же, как их запомнила Эйрин.

Она видит все насквозь... Мне негде спрятаться... Она находит меня даже во сне. Не только она наделена зрением. Я тоже их видел...

В тупик Лирит поставили его последние слова.

Бойтесь живую и мертвую, ибо нет вам спасения из ее паутины.

Как можно одновременно быть живой и мертвой? И зачем этой женщине убивать шута?

К сожалению, все это только прибавило загадочности и без того странному, окутанному тайной уходу из жизни Таркиса. Но к вечеру того дня Лирит и Эйрин уже знали, что лично их ждут дела куда более неотложные.

С наступлением темноты, когда рогатая луна начала клониться к западному горизонту, девушек призвала к себе Иволейна.

— Я хочу возложить на вас одну ношу, — произнесла королева, как только они вошли в ее покои. — Признаюсь, она не из тех, что переполнила бы мое сердце радостью, и тем не менее мне не остается ничего другого. Просто я привязана к Узору, и как я вынуждена просить вас выполнить мою просьбу, так и вы не должны мне в ней отказать.

Лирит не догадывалась, чего стоило Иволейне вступить в самое средоточие Узора, однако наверняка цена, которую она заплатила, была гораздо дороже той, что Лирит могла себе представить. Иволейна избегала смотреть им в глаза, движения и слова ее тоже были какими-то неестественными, словно ее кто-то заморозил.

В углу, сурово поджав губы, стояла Тресса. В течение всего разговора рыжеволосая колдунья не обронила ни слова.

— И что за ношу ты хочешь на нас возложить? — наконец осмелев, спросила Лирит.

Ответ Иволейны в некотором роде круто изменил весь ход их с Эйрин жизни.

— Леди Мелия держит путь в Таррас вместе с бардом по имени Фолкен Черная Рука. Вы составите им компанию. В течение всего путешествия не спускайте с них глаз и как можно больше разузнайте о человеке по имени Тревис Уайлдер, которого колдуньи называют Разбивателем Рун. Если он вернется к ним...

Королева умолкла. Ее стройные плечи поникли, а рука непроизвольно сжалась в кулак.

— Да, Ваше величество.

Иволейна так и не посмотрела на них. Выражение на ее лице было отнюдь не тем, что ожидала увидеть Лирит, — не было в нем ни гнева, ни стальной решимости. И лишь во взгляде сиял ледяной отблеск. Сердце Лирит мгновенно похолодело — она словно увидела королеву Толории совершенно иными глазами. Ибо отблеск этот был не что иное, как страх.

— Если это произойдет, вы должны мгновенно поставить меня в известность.

Аудиенция закончилась, и Тресса неслышным, но твердым шагом проводила их до двери.

— Да хранит тебя Сайя, — произнесла Лирит, шагнув через порог.

Тресса обернулась на Иволейну — та все еще стояла у окна, стройная фигура на фоне сгущавшейся тьмы.

— Да хранит Сайя вас всех, — прошептала королева.

Затем дверь за ними затворилась, и Лирит с Эйрин остались одни посреди коридора. Девушки переглянулись, и в следующее мгновение их обеих словно прорвало. Нет, никто из них толком не понимал, что означали слова Иволейны, но страх, застывший в ее глазах, был красноречивее всяких слов. Однако Узор был предельно ясен, и им предстояло взяться за порученное дело.

Пока они шли к горнице, где остановились Мелия и Фолкен, Лирит успела в уме выстроить доводы — правдоподобное объяснение причин, почему они с Эйрин должны сопровождать эту пару во время путешествия на юг. Оказалось, она зря старалась.

— Дорогие мои, — произнесла Мелия, обнимая их обеих, — буду только рада, что вы поедете вместе с нами!

— Спасибо вам, — поблагодарил их у двери Фолкен после того, как они условились, что встретятся на рассвете следующего дня.

Хищное лицо барда казалось усталым и изможденным.

— Измотанный скитаниями бард не лучший попутчик в такое время, как это. Для Мелии будет куда приятнее иметь рядом с собой двух юных красавиц, а еще двух подруг, которых она любит всем сердцем.

От этих его слов обе юные красавицы онемели.

Неужели вы слепы? — хотелось крикнуть Лирит. *Мы же приставлены шпионить за вами, а заодно и за Тревисом.*

Но она только посмотрела барду в глаза и кивнула.

Когда девушки шли назад коридорами замка, они остановились у двери, что вела в комнату Даржа. Его, как опекуна Эйрин, следовало поставить в известность об их решении.

— Сейчас же начинаю собирать вещи, — ответил им рыцарь.

— И ты не хочешь ничего у нас спросить? — удивилась про себя Лирит, но удержалась, понимая бесполезность вопроса. Дарж доверял им не меньше, чем Мелия с Фолкеном.

Так даже лучше, мысленно произнесла Эйрин, когда они отошли чуть дальше от его комнаты.

Это как понимать?

Лирит все еще не знала, когда баронесса научилась говорить, не прибегая к словам. Голос Эйрин прозвучал у нее в мозгу громко и четко.

Как сказала Иволейна... Узор изменить нельзя. С нашей ли помощью или нет, колдуньи намерены заняться поисками Тревиса. И как мне кажется, будет намного лучше, если его обнаружим именно мы с тобой — его друзья, те, кому он небезразличен.

Лирит понимала, что Эйрин права. Иволейна ведь не запрещала им заговорить с ним, предостеречь его, посоветовать вернуться домой и никогда больше не показывать носа на Зею. То была нить, которую, рискуя навлечь на себя удар судьбы, сестра Мирда отваживалась вплести в полотно жизни.

К тому же еще неизвестно, увидят ли они Тревиса вообще. А также Грейс или Бельтана. Хотя мысль эта по-своему утешала.

На следующее утро, когда только-только начинало рассветать и по земле стелился туман, а путники садились на лошадей, Лирит подняла глаза и увидела, что откуда-то сверху, из узкого окна, на них смотрит бледное лицо. И тотчас ей стало понятно, что слова своего она не сдержала.

Как Теравиану стало известно об ее отъезде из Ар-Толора, она не ведала, и этот вопрос не давал ей покоя всю дорогу. Возможно, он подслушал разговор Иволейны и Трессы, когда те обсуждали между собой, что неплохо было бы отправить Лирит и Эйрин на юг вместе с Мелией. Теравиан большой мастер шпионить, оставаясь при этом в тени.

Нет, здесь что-то не вяжется. Лирит ведь разговаривала с ним в последнюю ночь шабаша, всего за несколько часов до того, как Мелия узнала об убийстве бога. Как ни трудно в такое поверить, ответ напрашивался один.

Теравиан наделен Даром!

Что ж, талант встречается и у мужчин. Лирит знала одного отрока по имени Дейнен, который в известной мере обладал этим даром — например, в ослепительном свете солнца он как-то раз видел собственную смерть, и видение сбылось. И все-таки талант этот чаще присущ женщинам, он если и встречается у мальчиков, то в пору их возмужания пропадает без следа. Но Теравиану больше шестнадцати зим, и он уже мужчина, если не умом, так телом, и если верить его словам, видения являются ему не впервые.

Впрочем, какое это имеет значение? Лирит подозревала, что королева Иволейна заботилась о Теравиане не из-за одного только уважения к ее союзнику, кейлаванскому королю Бореасу.

Стоило им покинуть стены замка и выехать на дорогу, ведущую в морю, как Лирит тотчас ощутила прилив бодрости. Напоенный солнцем осенний день уступил эстафету золотистому вечеру, и хотя по-прежнему было тепло, в воздухе с самой зари оставалась утренняя прохлада, которая куда-то исчезала только с наступлением бархатных сумерек.

Они немного поговорили, пока ехали на юг через Толорию. Молчание было слегка окрашено горечью утраты, однако было в нем и нечто успокаивающее. Путь лежал через густонаселенные земли. И все равно с всеобщего молчаливого согласия путешественники избегали усадеб и придорожных гостиниц, предпочитая останавливаться на ночлег под раскидистой сенью деревьев, и несколько раз располагались в *талатрине*, что остался от древнего Таррасского пути. Погода оказалась благосклонна к ним, и было просто грешно проводить столь благословенные часы внутри стен постоялых дворов.

По утрам, еще до рассвета, Лирит просыпалась, свернувшись калачиком под теплым одеялом рядом с Эйрин, и слушала, как Мелия негромко читает молитвы, пока Фолкен, позвякивая котелком и сковородкой, готовит завтрак. Вскоре после этого обычно раздавался негромкий бой часов, затем, облаченный в неизменную кольчугу, поднимался Дарж и, опустившись рядом с ними на колени, принимался будить. Ароматы мэддока бывали столь соблазнительны, что Лирит волей-неволей выползала из своей импровизированной постели и садилась к огню, зажав в ладонях горячую глиняную кружку, а Фолкен тем временем раздавал поджаренный на сковородке хлеб. После чего все снимались с места, усаживались на скакунов и ехали дальше по залитой осенним солнцем местности.

Странно, но Лирит не могла припомнить, когда еще она была так счастлива.

На девятый день они без всяких приключений достигли вольного города Джендарры. Это был крупный, грязный, шумный и в то же время восхитительный портовый город, расположенный в месте, где в Заревое море впадали, предварительно слившись в величавый поток, две реки — Келдуорн и Димдуорн.

Лирит благодарила судьбу, что та не привела их в вольный город Кораниу. Девушка не была там с того самого дня, когда бежала на север, в Толорию, чтобы начать жизнь заново. Несмотря на происшедшие с тех пор перемены, Лирит сомневалась, что хочет вновь вступить под его мощные стены. На их счастье, в это время года море в Кораите было неспокойным, и поэтому путники направили свои стопы в Джендарру.

За два столетия до этого вольные города сбросили правителей-тиранов и, объединившись в довольно рыхлый союз, отдали бразды правления в руки купцов. Теперь во главе каждого из них стоял не граф и не герцог, а мэр, который избирался представителями торговых и ремесленных гильдий. В результате вольные города процветали и богатели; впрочем, порядка, возможно, в них было и меньше, нежели в замках доминионов. И хотя Ли-

рит провела последние девять лет своей жизни в одном из таких феодальных гнезд, ей почему-то казалось, что определение «вольный город» вводит людей в заблуждение. Да, купить там можно чего душа пожелает, но отнюдь не вволю, ибо каждый товар имеет цену, и немалую.

Что, кстати, вскоре выяснил для себя и Фолкен, отправившись покупать билеты на судно, отплывающее в Таррас.

— Грабеж среди бела дня! — возмущался бард, входя в гостиницу, где они остановились. — Капитан разве что не перевернул меня вверх тормашками, чтобы вытряхнуть их моих карманов последние гроши!

— Как печально, мой дорогой, — посочувствовала ему Мелия. — Надеюсь, корабль по крайней мере приличный?

Нет, Фолкен действительно достал им билеты на очень даже приличный корабль. Капитан Магард занимался в основном перевозкой пряностей и ювелирных изделий — то есть товаров дорогих, но компактных. Значит, на корабле не будет ни вони, ни толкотни потных людских тел. За столь дорогие его сердцу золотые Фолкен раздобыл для них три небольшие каюты — одну для Мелии, другую для себя и Даржа и третью для девушек.

Отдельная каюта для Мелии пришлась весьма кстати. Как выяснилось буквально в первые часы, кареокая красавица отвратительно переносила качку. Лирит не могла с уверенностью сказать почему, но это открытие немного ее взбодрило. Что ж, никто не безупречен — даже бывшая богиня. А вот Фолкен — которому то и дело приходилось бегать туда и сюда с ведром — был явно удручен таким развитием событий.

Прежде Лирит еще ни разу не доводилось путешествовать морем — и сейчас она просто влюбилась в него. Эйрин же и Дарж, хотя и не страдали так тяжко, как Мелия, тоже предпочитали держаться на нижней палубе. Лирит проводила долгие часы, гуляя по верхней палубе, — наслаждалась ощущением соленых брызг на коже, радовалась теплым солнечным лучам, следила за дельфинами, что стремительно плыли наперегонки с их кораблем, или же наблюдала за звездами, а капитан Магард тем временем рассказывал ей, какие из них помогают ориентироваться в открытом море.

Правда, надо сказать, что «Вестник судьбы» никогда не уходил далеко от берега. В туманной дымке по правому борту нередко можно было различить скалистые утесы, поросшие зеленью берега или даже горы, чьи вершины терялись среди облаков. Когда на пятое утро их пребывания на борту корабля Лирит вскарабкалась по приставной лестнице на верхнюю палубу, чтобы полюбоваться сиянием солнца на морской глади, на душе у нее было грустно — скоро их путешествие подойдет к концу.

35

К тому времени, когда «Вестник судьбы» пришвартовался в порту, на палубу поднялись и остальные пассажиры. Дарж покачивался, таща на себе неподъемный груз узлов и баулов. В Джендарре путешественники продали лошадей, что дала им королева Иволейна, и, судя по всему, доблестный рыцарь решил, что теперь поклажа — целиком и полностью его забота. Лирит поспешила забрать у него несколько сумок. Эйрин поморщилась, но тоже предложила свои услуги.

Фолкен проводил Мелию к сходням, где капитан Магард уже руководил разгрузкой. Обычно смугловато-золотистая, кожа бывшей богини все еще имела зеленоватый оттенок, но близость твердой почвы под ногами быстро вернула ей бодрость духа.

— Благодарю вас, капитан, — сказала она. — Я никогда не забуду нашего путешествия.

Магард расплылся в улыбке и отвесил поклон:

— Будь в моих силах успокоить ради вас море, мадам, я бы сделал это, не раздумывая!

Мелия улыбнулась и потрепала его по обветренной щеке:

— Что ж, попробуйте научиться.

Пристань Тарраса напоминала гигантский муравейник. Глаз резали самые яркие и причудливые цвета, нос щекотали пряные ароматы. Даржа беспощадно пихали со всех сторон, и славный рыцарь то и дело вертелся волчком, стараясь сохранить равновесие под тяжестью поклажи. Город вздымался прямо у них над головами, и теперь было хорошо видно, что он стоит на холме. В самом его центре в небо взмывал белый каменный утес — разительный контраст по сравнению с гладкой поверхностью башен и золотых куполов, что теснились вокруг него.

Лирит направилась вдогонку за остальными. Неожиданно в глазах у нее потемнело, а шум толпы стал каким-то приглушенным, под стать негромкому рокоту моря. Лирит ощутила, как сердце сжала холодная рука страха, словно откуда-то из глубин ледяного океана к поверхности поднялась зловещая масса придонной воды.

В двадцати шагах от нее, на другой стороне пристани, отгороженная людской толпой, стояла мужская фигура. Заметив на себе взгляд, человек поспешил отвернуться. Полы его плаща колыхнулись на ветру, и из-под низко надвинутого капюшона блеснула искра золота. Этот человек наблюдал за ними с первой же секунды, как путешественники ступили на берег.

Нет, не совсем так. На протяжении всего их путешествия, где бы они ни останавливались, Лирит ощущала в Паутине жизни легкую щекотку. Стоило ей обернуться, как она успевала заметить, что за угол или в темную дверь юркнула закутанная в

черное фигура. Видение это бывало слишком мимолетным и слишком обманчивым, но Лирит не могла избавиться от чувства, что за ними пристально следят чьи-то глаза.

И хотя каждое такое наваждение вселяло в нее беспокойство, она еще ни разу не была напугана так, как сейчас. Казалось, доски пристани ходуном заходили у нее под ногами, словно палуба корабля. Да и золотой блеск под надвинутым капюшоном привиделся ей впервые.

— Лирит?

Толпа стала гуще, затем поредела вновь. Но фигуры в черном там больше не было — она словно растворилась, растаяла в воздухе.

— Лирит, с тобой все в порядке? — испуганно спросил ее Фолкен.

— Не волнуйся, — ответила девушка, облизнув пересохшие губы. — Просто закружилась голова. Вот и все.

Фолкен кивнул и повернулся в Мелии.

Не притворяйся, Лирит.

Услышав в голове голос, Лирит подняла глаза. Эйрин буквально буравила ее своим пронзительно-голубым взглядом.

Ты что-то увидела. Буквально пару секунд назад. Что это было такое?

Лгать и притворяться не имело смысла — хотя бы потому, что, когда говоришь через Паутину жизни, солгать невозможно, даже при самом большом желании.

Не знаю, Эйрин. Может, мне почудилось. В общем, я не уверена. Но это не...

Не успела она добавить что-то еще, как заговорила Мелия. Было видно, что к ней наконец вернулись здоровье и бодрость духа. Янтарные глаза богини блестели под стать золотым куполам города. Чему удивляться — ведь Мелия вернулась домой.

— Нам нет смысла здесь задерживаться, — сказала она. — Нужно как можно скорее попасть во Второй Круг. Я бы хотела без промедления поговорить с Орситом.

Спрашивать, кто такой Орсит и зачем им надо срочно поговорить с ним, было некогда. Мелия решительным шагом направилась сквозь толпу прочь от пристани. Ее спутникам ничего не оставалось, как поспешить за ней следом.

36

Пока они шли через внешние круги Тарраса, Эйрин восторженно вертела головой во все стороны — ей хотелось разглядеть как можно больше. Всего год назад она решилась выйти за неприступные стены замка, причем решение это далось ей не сразу и с тру-

дом. С тех пор девушка сделала для себя открытие: вокруг простирается удивительный мир, о существовании которого она раньше и не подозревала; он одновременно манил ее и пугал.

Эйрин наслаждалась каждым мгновением путешествия, и не только потому, что взору открывались новые земли. Нет, дело даже не только в этом. Пока ехали через Толорию, Эйрин постоянно упражнялась в плетении нитей Паутины. Она частенько заговаривала с Лирит о Даре, однако побаивалась испробовать его в одиночку. В конце концов Эйрин научилась самостоятельно говорить через Паутину, чем, кажется, даже немного удивила Лирит.

Похоже, ты наконец подобрала ключ к своему таланту, сестра, мысленно ответила ей Лирит, когда однажды вечером они сидели у костра, упражняясь в умении ощущать живые существа с расстояния двадцати шагов.

Правда, ключ уже давно при ней, зажатый в изуродованной правой руке, вот только Эйрин до этого ни разу не решилась разжать пальцы, чтобы взглянуть на него.

— Когда человеку дается великий дар, — сказала ей как-то раз старуха из племени морнишей, — надо чем-то жертвовать взамен.

Белира, да и не только она одна, постоянно насмехалась над ее изуродованной рукой. Но что взять с глупых девчонок? Откуда им знать, что быть колдуньей — нечто большее, чем кажется с первого взгляда. Эйрин больше не страшны их насмешки. И она перестала сердиться. Скорее ей было жаль недалеких умом девчонок, и она надеялась, что в один прекрасный день они тоже откроют для себя великую истину — ключ к могуществу заключается не в желании достичь того, чего у тебя нет, а в умении разглядеть то, чем уже обладаешь.

Однажды Эйрин в волнении пыталась мысленно втолковать это Лирит. Но в сознании ее почему-то возник странный образ — гордая женщина в голубом одеянии, с мечом в руках, выезжает верхом из увенчанного семью башнями замка, а в траве под копытами скакуна лежит чье-то поверженное тело.

Ты забыла о тех, кто принял из-за тебя муки...

Эйрин торопливо оборвала протянувшуюся между ней и Лирит нить. Почувствовав, как та оборвалась, темноволосая колдунья недоуменно посмотрела на свою спутницу, но Эйрин торопливо пробормотала в свое оправдание, что, мол, устала и ужасно хочет спать.

Интересно, о ком тогда говорила ей старуха из племени морнишей? Нет, все так, были люди, кто принял из-за нее муки, и Эйрин их не забывала. Так, например, она никогда не забудет Гарфа, который погиб, защищая ее от разъяренного медведя. Или храброго сэра Меридара, который пожертвовал собой

ради спасения Тиры и Дейнена, стремясь доказать, что достоин ее. Нет, она не так бессердечна, как выходило со слов старухи.

Или же все-таки гадалка права? В голове у Эйрин возникли певучие строки:

Надменные красавицы сестры
Ее в одиночестве бросили.
Но однажды они раскаются,
Когда к ним она снова явится.
Пусть трепещут!
С мечом в руке на гордом коне
Проедет она по всей их стране.

Эти стихи, что когда-то прочел шут, заставили ее вспомнить слова дракона. Сфитризир некогда сказал, будто у них с Лирит на роду написано предать колдуний. Может, то же самое ей пытался втолковать и Таркис?

Но Эйрин никогда не станет причинять вреда своим сестрам. Даже Белире. Шут и дракон ошиблись. Первый из них помутился рассудком, а второго снедала зависть. И все же, пока они ехали на юг, мысль эта неотвязно преследовала девушку, омрачая во всех отношениях приятное путешествие.

И вот теперь они шагали по шумным и многолюдным улицам древнего Тарраса. Эйрин попыталась стряхнуть с себя темные мысли. Сколько вокруг диковинного! И незачем мучиться сомнениями насчет сказанного когда-то гадалкой, шутом или драконом.

От пристани они прошли через триумфальную арку из белого камня — она не менее чем в три раза превосходила размерами парадные ворота Кейлавера — и вскоре очутились внутри Пятого Круга. Эта был самый крупный из кругов города, и — если верить Фолкену — именно здесь жили ремесленники и прочий трудовой люд. Главная улица, по которой они шли, была широкой и безупречно чистой, с рядами итайи по обеим ее сторонам. Но от Эйрин не скрылось, что боковые улочки и переулки, отходящие от нее, были пыльными и столь узкими, что туда почти не проникал солнечный свет. Оттуда, из подслеповатых окон и дверных проемов, выглядывали чумазые лица. Эйрин облегченно вздохнула, когда они, миновав еще одну арку, оказались в Четвертом Круге.

Главная улица шла здесь в гору, круто взбираясь вверх мимо просторных домов и мануфактур. Железные ворота были увиты пахучей жимолостью, наполнявшей воздух приторным ароматом. Слух ласкало нежное журчание фонтанов. В Четвертом Круге обитали купцы и цеховые мастера. Нетрудно было заменить, что торговому люду живется здесь привольно. Дома иных

из них могли посоперничать красотой с домами представителей благородных сословий. Но, как объяснил Фолкен, Круги Тарраса располагались таким образом, что те, что были дальше и выше, принадлежали тем, кто обладал могуществом и славой.

Вскоре они прошли в Третьи Ворота, за которыми проживало военное сословие. Путешественники миновали невыразительные глухие стены, в которых почти не было дверей. А рядом с теми немногими, что все же имелись, навытяжку застыли стражники. Таррасские солдаты, если сравнивать их с рыцарями доминионов, были облачены в довольно причудливый наряд. Верхняя часть его состояла из кожаной куртки и кованой бронзовой кирасы, голову венчал бронзовый шлем, зато нижняя часть состояла из одной лишь короткой юбчонки, которая оставляла голыми ноги в плетеных сандалиях. Тем не менее по суровому выражению лиц Эйрин поняла, что перед ней отважные, закаленные в боях воины. Несмотря на упадок, Таррас еще помнил славу своих прежних побед.

Наконец они миновали солдатский квартал, и у Эйрин отлегло от души. Перед ними открылся Второй Круг.

— Можно сказать, мы почти пришли, — произнес Фолкен. — Может, кто-то из вас случаем знаком с самим императором и забыл нам сказать об этом? В Первый Круг пускают только приглашенных, челядь и придворных.

— Поговорим об императоре Эфезиане позднее, — заметила Мелия. — А сейчас мы уже у цели. Добро пожаловать в Священный Круг Тарраса.

Эйрин огляделась по сторонам — повсюду были святилища из белого камня и купола храмов. По тихим улицам шагали мужчины и женщины в свободных одеждах самых разных оттенков, и Эйрин тотчас догадалась, что это храмовые жрецы и жрицы.

Некоторые, с гладко выбритыми головами, были облачены в алые наряды. Волосы других ниспадали на плечи густо умащенными локонами, а их изумрудно-зеленые одеяния были перехвачены золотыми кушаками. Желтые, голубые, ярко-оранжевые — каких тут только не было цветов! Уж если местные жрецы и жрицы столь непохожи друг на друга, то что говорить о богах, которым они служат. Эйрин даже не осмеливалась представить себе, хотя и знала, что мистических культов в Таррасе больше, чем те семь, что известны в доминионах. Но сколько их на самом деле, этого с уверенностью она сказать не могла.

— Мелия, — робко обратился к богине Дарж, предварительно прочистив горло, — могу я узнать, сколько в этом городе богов?

— Не волнуйся, — ответил Фолкен, и в его глазах вспыхнул лукавый огонек, — во Втором Круге также расположен Таррасский университет. Здесь преподают выдающиеся ученые, собраны лучшие в мире математики и инженеры.

Дарж удивленно выгнул брови:

— Сдается мне, я непременно должен посетить этот, как его там, *университет.*

— Посетишь, я тебе обещаю, — подмигнул Фолкен, — но сначала...

— Братья и сестры, — раздался негромкий голос, — это действительно наш дом? Он прекраснее, чем мне когда-либо снилось!

Мелия, с блаженной улыбкой обняв себя за плечи, раскачивалась взад и вперед.

От Эйрин не скрылось, что Фолкен и Лирит обменялись взглядами. Это было точь-в-точь, как однажды описала ей Лирит, когда она застала Мелию танцующей в святилище Манду. За все их путешествия Мелия ни разу не впадала в подобное состояние, хотя и тогда случались странноватые моменты. Мелия охотно вела разговоры о прошлом, и тогда лицо ее принимало задумчивое выражение. Но Эйрин тогда решила, что все это потому, что они держали путь в ее родной город. Сейчас же могло показаться, будто Мелия унеслась от них куда-то далеко, в заоблачные выси.

Нет, Эйрин, все не так. Это нас как будто здесь нет, и Мелия видит Таррас таким, каким он запомнился ей много лет назад, когда она впервые вступила в его пределы.

Фолкен нежно коснулся плеча Мелии.

— Дорогая, — шепнул он.

На какое-то мгновение Мелия застыла на месте, но затем повернулась к остальным:

— Ну что разинули рты? Пойдемте за мной.

С этими словами она развернулась и решительно зашагала по узкой улочке, вымощенной белым камнем. Остальным ничего не оставалось, как последовать за ней.

Шагая вслед за богиней, Эйрин приметила один купол — он словно парил в вышине над другими куполами Второго Круга. И даже в чем-то затмевал купол императорского дворца, который виднелся за стенами Первого Круга. В отличие от остальных он не был золотым, но сиял ослепительной голубизной, сливаясь с небосводом. Интересно, подумала про себя Эйрин, какому богу посвящен этот храм, превосходящий своим величием храмы иных богов. Увы, путь их лежал не к нему.

Наконец они остановились перед небольшим святилищем, гораздо более скромным, чем соседние. Колонны и карнизы его были лишены каких-либо украшений, окон тоже не было. Внутрь вела одна только узкая дверь.

Мелия посмотрела на своих спутников. Теперь ее янтарно-желтые глаза смотрели ясно и пронзительно.

— Прежде чем войти сюда, я бы советовала вам избавиться от неподобающих мыслей и мирских забот. Здесь, в

обители Манду, не место страху, гневу или страстям. Он отрешен от желаний и поэтому вечно умирает. И поскольку он отрешен от желаний, то вечно воскресает вновь.

— Может, у него все-таки возникнет желание прорубить пару окон, чтобы сэкономить на свечках, — буркнул себе под нос Дарж, но, почувствовав на себе испепеляющий взгляд Мелии, поспешил придержать язык.

Эйрин с трудом сдержала желание обнять трезвомыслящего рыцаря и вслед за Мелией переступила порог святилища.

37

Судя по всему, Манду Вечноугасающий пользовался в Таррасе той же мизерной популярностью, что и в доминионах. В главном приделе храма находилась лишь горстка молящихся. Мебели тоже было мало — несколько деревянных скамеечек, для тех, кому захочется преклонить колени, голый мраморный алтарь и в мрачноватом нефе изображение бога, вырезанное из молочно-белого камня. Бог отрешенно взирал на мир пустыми глазницами.

К ним навстречу поспешил тощий жрец, подбирая на ходу полы белого одеяния — не иначе как боялся запутаться в них и упасть. Он был еще совсем молод, с некрасивым, но веселым и приветливым лицом, которое украшал крупный крючковатый нос.

— Ваше святейшество, Мелиндора! Стало быть, сон, насланный Манду на моего наставника, оказался вещим! Вы вернулись!

Мелия шагнула ему навстречу:

— Скажи мне, о послушник, и часто ты испытываешь сомнения в могуществе Манду и мудрости твоего наставника?

Юноша вытаращил глаза:

— Никогда, о Ваше святейшество! Нет-нет, Манду всемогущ и мой наставник — воплощение мудрости. Я лишь хотел сказать...

— ...что ты собираешься принести уставшим с дальней дороги гостям вина, а затем отведешь их к Орситу, — закончила за него Мелия.

Юноша все стоял, разинув рот.

— Я сказала, вина, — напомнила ему Мелия, — а затем к Орситу.

Эйрин с трудом сдержала себя, чтобы не рассмеяться. Судя по всему, юноше и без того сейчас не по себе. А вот в глазах Мелии плясали лукавые огоньки. Было ясно, что богиня и не думает сердиться.

И все равно юный жрец трепетал так, словно перед ним, пылая гневом и источая сияние, явился сам Манду. Навер-

ное, в некотором роде так оно и есть, ведь Мелия тоже богиня. И уж это послушник знал наверняка. Он поспешил за вином и пока нес, немного расплескал на пол. После чего неловко попытался вытереть лужицу полой жреческих одежд.

Лишь поднеся вино к губам, Эйрин поняла, что ее мучает жажда. Интересно, как она не заметила этого раньше? Взгляд ее остановился на умиротворенном лице Манду, но прежде чем она успела задать себе новые вопросы, юный жрец поманил их к двери:

— Сюда, Ваше святейшество. Он ждет вас.

Все проследовали в дверь и оказались в совершенно пустой комнате. На первый взгляд было не определить, велика она или мала, поскольку и стены, и пол, и потолок в ней были белыми. Более того, глаз с трудом улавливал, где одно переходило в другое. Серебряный свет струился в ней как будто ниоткуда и отовсюду одновременно.

— Добро пожаловать, — произнес сухой, но приветливый голос.

Эйрин обернулась по сторонам и только тогда поняла, что комната отнюдь не пуста. В самой ее середине в воздухе, скрестив ноги и положив руки на колени, парил старец. Его одеяние, волосы и ниспадающая борода были того же серебристо-белого цвета, что и стены. А вот сморщенные щеки имели бронзово-смуглый оттенок, а глаза — карие, словно два ореха.

Мелия шагнула вперед, источая улыбку.

— Орсит, какое счастье снова видеть тебя!

Старец улыбнулся. Столько нежности на лице Эйрин не видела за всю свою жизнь ни у кого.

— Дорогая, это я рад тебя видеть. Ты уж прости, что я не спустился, чтобы поприветствовать тебя еще горячее. У меня сегодня второй день Спокойствия, и мне придется пробыть в таком состоянии еще один. Кстати, коль разговор зашел о нарушении правил, думаю, что Манду не обидится и простит меня.

— Я постараюсь ему в этом помочь, — улыбнулась Мелия. — Не волнуйся, я подойду к тебе сама.

С этими словами она воспарила в воздух и села, сложив ноги, в нескольких футах от Орсита.

— Это она для вас, — фыркнул Фолкен.

Лирит придвинулась ближе — на лице ее читался нескрываемый восторг.

— Прости меня, Орсит, но как это у тебя получается?

— Что ты имеешь в виду, моя красавица?

— То, как ты паришь в воздухе.

В ответ старец пожал плечами:

— Боюсь, что я и сам толком не понимаю, как это происходит. Просто сижу, как умею, и пытаюсь ни о чем не

думать. А потом замечаю, что пол, оказывается, уже где-то внизу, подо мной.

Лирит улыбнулась и кивнула, словно поняла, что он имеет в виду. А вот Дарж нахмурил брови, да так, что лоб ему пропахала глубокая складка.

— А где нам прикажете сидеть? — недовольно буркнул он.

— О, где угодно, мой серьезный друг, где угодно, — и старец улыбнулся.

— Но здесь же сидеть негде, — настаивал рыцарь.

— Странно, странно. — Орсит удивленно склонил голову. — Мне почему-то казалось, что здесь можно сидеть *везде*.

Эйрин рассмеялась и, скрестив ноги, уселась на пол.

— Правильно сделала, моя милая, — произнес Орсит. — Кстати, какие выразительные у тебя глаза. Тебе не доводилось видеть голубые жемчужины из императорского дворца? Их в мире не больше десятка. Но по сравнению с твоими глазами они лишь тусклая галька. Стоит императору тебя увидеть, как он в гневе вышвырнет жемчужины в окно.

У Эйрин перехватило дыхание. Она почувствовала, как Лирит села с ней рядом и сжала ей руку. Их примеру последовал Фолкен и, наконец, Дарж. При этом у эмбарца предательски хрустнули колени.

— Орсит, — тем временем продолжала Мелия, — сколь о многом нам надо с тобой поговорить! Я ведь не видела тебя целую вечность!

— Полагаю, тогда моя борода была заметно короче и не такая седая, — пошутил старец.

По лицу Мелии промелькнула печальная тень:

— Да, Орсит, ты прав. Но о прожитых годах мы поговорим с тобою позднее. Сейчас же ты должен поведать мне все, что знаешь, о бедном Ондо.

Веселости на лице старца как не бывало, ее место заняла искренняя озабоченность:

— Боюсь, у меня займет не так уж много времени, чтобы поведать тебе все, что мы узнали. Обычно Манду предпочитает держаться особняком от всех раздоров и склок между другими богами, но даже он на сей раз оказался втянутым в то, что произошло. Я обычно посылал в город моего доброго Ландуса — того, что привел тебя ко мне — с поручением быть там моими ушами и глазами. Но он узнал лишь то, что я без того уже слышал собственным сердцем и что, без сомнения, уже слышала ты. Крики богов, перебивающих друг друга, и ссоры их последователей.

— Да, я их слышала, — кивнула Мелия. — Они громче, чем рокот моря.

— Как мне представляется, каждый храм обвинил остальных в заговорах и интригах, — продолжал Орсит. — Что, в общем-то, недалеко от истины. В конце концов, это Таррас. И тем не менее, несмотря на все их козни, в злостном преступлении невозможно заподозрить ни один из храмов. Кстати, не один только Ондо потерян для нас. Убиты еще семь жрецов и жриц из других храмов. И главное, как я ни бьюсь, я не вижу в этих злодеяниях какой бы то ни было закономерности. Такое впечатление, что жертвы убийств выбраны наугад.

— Орсит, не сочти мой вопрос оскорбительным, — вмешался Фолкен, — но разве раньше храмы не пытались строить друг другу пакости?

— Пытались. И хотя Манду редко принимал участие в этих склоках, боги большие любители выяснять отношения, создавать союзы, перетягивать на свою сторону сочувствующих, а затем предавать их, и все для того, чтобы укрепить свои позиции и увеличить число последователей. Я опасаюсь, как бы некоторые храмы — из тех, что не отличаются добродетелью — не прибегли при случае к запрещенным приемам. Кровь жрецов льется не в первый раз. Но никогда, за всю двухтысячелетнюю историю Тарраса, убийства не происходили столь часто. Бога больше нет.

Мелия сжала кулачки.

— Но что по этому поводу предпринимает Этерион?

— Как ни печально, почти ничего, — отвечал Орсит, — разве что вечно спорит и швыряет в разные стороны обвинения.

— Этерион? — переспросила Эйрин. — А это еще кто?

— Это ассамблея храмов Тарраса, — пояснил Фолкен. — То место, где собираются жрецы, чтобы обсудить наболевшие вопросы. Или же повыяснять отношения, что случается гораздо чаще. Надеюсь, ты обратила внимание по дороге сюда на самый большой купол? Это и есть и Этерион.

— Я теперь редко покидаю стены храма, — произнес Орсит. — Но три дня назад посетил Этерион, когда там собралась последняя ассамблея. Однако никакого решения так и не было принято. Наоборот, жрецы принялись поливать друг друга грязью. Казалось, они пришли туда специально для того, чтобы обрушить друг на друга самые несуразные обвинения — мол, заговор этот дело рук конкурентов, вознамерившихся переманить на свою сторону новых верующих и возвыситься над другими культами.

Дарж презрительно фыркнул:

— Ваши жрецы и боги скорее похожи на детей, что ссорятся из-за игрушки.

— Ты недалек от истины, — пробормотал Фолкен.

— Но почему бы богам не объединиться, вместо того чтобы поливать друг друга грязью? — продолжал Дарж. — Вместе они бы гораздо скорее вывели преступника на чистую воду.

— Разумный вопрос, о смелый воин, — согласился Орсит. — Но я сомневаюсь, что ответ на него придется тебе по душе. Видишь ли, за всеми этими взаимными обвинениями и упреками я почувствовал нечто такое, что было гораздо сильнее и глубже всего остального. И это нечто — страх. Я ощущал его в каждом, кто там присутствовал.

Лирит кивнула:

— Понимаю. Ведь тот, кому хватило смелости убить бога, не остановится перед новыми убийствами.

И тогда Эйрин все поняла.

— Остальные боги опасаются, что если они начнут искать убийцу, то и сами могут стать его новыми жертвами. И если боятся боги, то что же говорить о жрецах.

Орсит кивнул:

— В ваших словах есть доля правды, дети мои, хотя все не так-то просто. История соперничества среди богов Тарраса похожа на бурлящий океан, и простые смертные осмеливаются приблизиться разве что к кромке прибоя, в страхе, как бы их ураганом не унесло в открытое море.

Мелия закусила губу.

— Даже для нас, бессмертных, порой бывает много неясного. Я надеялась, что члены Этериона сумеют договориться и совместными усилиями схватят убийцу Ондо. Однако сердце подсказывает мне, что этого не произойдет.

— Он кому-то перешел дорогу? — поинтересовался Фолкен.

— О, Ондо настроил против себя не одного бога, — пояснил Орсит. — Он не самый могущественный из них, всего лишь покровитель гильдии золотых дел мастеров. А это значит, что в его руках все производство ювелирных украшений в Таррасе. А многие из богов питают к золоту слабость, любят украшать им как жрецов, так и храмы.

Фолкен многозначительно почесал подбородок. Но даже если сказанное Орситом и показалось ему немаловажным, он не подал виду.

— Что ж, — сказала Мелия, сверкнув глазами. — Уж если Этерион не способен ничего предпринять, я буду вынуждена обратиться за помощью к иным силам. Я попрошу аудиенции у самого императора.

В ответ Орсит лишь печально покачал головой:

— Увидишь, моя дорогая, он тебе ответит отказом. Даже тебе. Скорбя по Ондо, император запер ворота дворца и никого не желает видеть.

— Скорее он прячет за ними какую-то тайну, — буркнул себе под нос Фолкен. — Готов поспорить, что император забился под одеяло и трясется там от страха, гадая, что же произойдет дальше. Эфезианцы никогда не отличались мужеством.

— Увы, похоже, что трусость была присуща им всем до единого, — согласился Орсит. — Всем девятнадцати.

— Девятнадцати? — изумился Дарж. — Их что, было так много?

— О да, наша династия древняя. Нынешний император — девятнадцатый по счету на эфезианском престоле, — уточнил Орсит.

— Неужели никто не пытался его сбросить? Зачем вам понадобились все эти девятнадцать императоров-трусов?

— Затем, что мягкотелый император все же лучше сильного и жестокого тирана.

И вновь Дарж не нашел, что на это сказать.

— И что теперь? — поинтересовался Фолкен, глядя на Мелию.

Та, сложив руки на груди, покачалась в воздухе:

— Не знаю. Для начала нам надо найти себе пристанище. Мне же необходимо время, чтобы подумать.

С этими словами она грациозно опустилась на пол. А вот для Даржа вновь принять вертикальное положение оказалось делом не из легких, не говоря уже об изяществе. На помощь рыцарю пришел Фолкен, рывком поставив его на ноги. И вот теперь Дарж стоял на своих двоих. Лицо его пылало смущением и гневом одновременно, что всех весьма позабавило. Эйрин даже чмокнула его в морщинистую щеку, отчего Дарж засмущался еще больше. Затем они все попрощались с Орситом, пообещав вскоре вновь навестить его. Жрец же остался парить в воздухе.

— И куда теперь? — поинтересовался Фолкен у Мелии, после того как они покинули стены храма.

— Полагаю, добрый Ландус может посоветовать нам приличную гостиницу.

Юный послушник, проводивший их до дверей, поднял голову:

— Разумеется, о Ваше святейшество. Все гостиницы находятся в Четвертом Круге. Мне представляется, вам бы подошел «Дом Девяти Фонтанов». Там вам наверняка понравится.

— Только не это! — вскричала Мелия и в ужасе застыла на месте.

Эйрин, да и все остальные, удивленно посмотрели на нее. Мелия же побледнела как полотно.

— О, простите меня, если я чем-то оскорбил Ваше святейшество. Если вы имеете что-то против этой гостиницы...

Фолкен оттолкнул юного жреца в сторону:

— Мелия, что с тобой? Что случилось?

С этими словами он схватил богиню за плечи. Какое-то мгновение Мелия стояла, окаменев как статуя, а затем с рыданиями осела в объятия барда.

— Это Геб! — прошептала она.

Эйрин еще ни разу не слышала этого имени.

— Геб?

— Да, Крысиный Бог, — пояснил Ландус. — Божество воров и попрошаек. Но...

— В чем дело? — потребовал ответа Фолкен.

Не успела Мелия проговорить, как Эйрин уже знала, в чем тут дело.

— Он мертв, — прошептала Мелия срывающимся голосом. — Его убили!

38

Даржу Таррас не понравился.

Нет, рыцарь не отрицал, что город велик и древен. Он был даже согласен назвать его величественным. Пять кругов цитадели поражали своей высотой и мощью и при необходимости могли защитить жителей от посягательств любого врага. Даже сумей неприятель преодолеть внешние стены, как ему пришлось бы штурмом брать еще четыре линии обороны. К тому же местный гарнизон отличался выучкой и дисциплиной, рынки изобиловали товарами, как местными, так и заморскими. Даже климат благоволил городу — благодаря морским ветрам здесь никогда не было изнуряющей жары.

И все-таки пока они шагали по направлению к Четвертому Кругу, Дарж проникался все большей уверенностью, что он ни за что на свете не обменял бы на Таррас свой серый холодный замок посреди продуваемой всеми ветрами пустоши. Город явно был нездоров — чего только стоили его многочисленные культы и склочные боги, пропитанный пряными ароматами воздух, шумные улицы и тенистые гроты. Дарж не был уверен, в чем тут дело, но он видел признаки нездоровья даже в городских стенах. Несмотря на их видимую мощь, стены покрывала паутина тонких трещин, которые на протяжении многих веков не раз пытались залатать и замазать. То же самое нездоровье читалось и в глазах его жителей, которые то и дело попадались ему навстречу, — Даржа настораживал их пустой, отрешенный взгляд. Это был какой-то усталый город.

Нет, даже не усталый. Просто он слишком давно стоит под палящим солнцем и на своем долгом веку повидал и

пережил все, что только случается в этом мире. Это был пресыщенный город, пресыщены и его жители.

Кому, как не Даржу, было знать, какую опасность таит в себе эта пресыщенность. Когда человек все испробовал, когда его больше нечем удивить, он от скуки способен на любые необдуманные поступки, на любые глупости. Даржу не раз приходилось видеть, как в поисках острых ощущений люди спивались, или, не зная устали, волочились за женскими юбками, или пытались щекотать себе нервы на войне, убивая себе подобных, и все от неизбывной скуки.

А если такой пресыщенностью заражен целый город?

— Мелия, может, тебе тяжело идти? — поинтересовался у богини Фолкен, когда они в очередной раз миновали городские ворота и вышли на шумную улицу Четвертого Круга. — Мы с Лирит можем пойти вперед и прислать за тобою носилки.

Царственное лицо Мелии было исполнено решимости:

— Фолкен, я же сказала, что не сяду ни в какие носилки. Как я могу позволить себе разъезжать, сидя на шелковых подушках, когда двоих моих братьев больше нет в живых? Я дойду до гостиницы своим ходом.

Они свернули на боковую улицу — она была столь узка, что скорее напоминала туннель. Солнечные лучи почти не проникали в нее — лишь тусклые голубоватые отблески, которые отбрасывали нависшие над улочкой стены домов. После ослепительного солнца глаза Даржа не сразу освоились с полумраком, царившим в этом рукотворном ущелье, но вскоре он увидел их — женскую фигуру с ребенком на руках, что, казалось, плыла им навстречу.

Дарж даже споткнулся. От неожиданности сердце едва не выскочило из груди. Как реи могли оказаться здесь, в этом чужом знойном городе, можно сказать, за тридевять земель от промерзших равнин Эмбара?

— Дарж?

Он почувствовал, как на запястье ему легла чья-то рука. Самая обыкновенная, теплая человеческая рука, но Даржу ее прикосновение показалось сродни раскаленным кузнечным щипцам.

— Дарж, с вами все в порядке?

Это была Лирит. Она наверняка заметила испуг в его глазах, потому что тотчас убрала руку. В ее собственных глазах тоже застыл ужас. Но Дарж испугался не ее прикосновения — его взгляд был устремлен вдоль улицы.

Но страх постепенно отступил, кровь вернулась к лицу, дыхание стало ровным.

Теперь женщина с ребенком находилась совсем близко, и стало понятно, что это никакой не призрак. На женщине

была полупрозрачная туника, окутавшая ее подобно туману, а из-под слоя пепла, которым было вымазано ее лицо, просвечивала смуглая кожа. Завернутый в пеленки ребенок был так же смугл, как и мать, а крошечное личико, как и у нее, перемазано пеплом. Женщина шла, склонившись над младенцем и напевая ему на ходу колыбельную.

— Со мной все нормально, — заверил было спутницу Дарж, но в этот момент Мелия сделала шаг навстречу женщине.

— Я не узнаю твоих одежд, — негромко сказала она, обращаясь к незнакомке. — Можно спросить, какому культу ты следуешь?

Женщина оторвала взгляд от младенца и улыбнулась:

— Неудивительно, что вы, госпожа, не узнали моих одежд. Это новый культ в этом городе. Новое божество зовут Тира, или иначе — Дитя Огня.

От Даржа не скрылось, как ахнули шагавшие рядом с ним Лирит и Эйрин. Он и сам ощутил, как внутри него шевельнулось неприятное чувство. Он не испытывал ничего подобного уже долгие годы и с непривычки мог принять его за восторг. Обычно Дарж бывал невысокого мнения о богах, но, с другой стороны, до этого ему ни разу не приходилось путешествовать в обществе богини. В Мелии было нечто умиротворяющее, непривычное и вместе с тем завораживающее.

— О да, как я сразу не догадалась, — прошептала богиня.

Женщина в сером неправильно истолковала ее слова.

— Пусть вас не тревожит, госпожа, что вы ничего о нем не знали. Но вскоре все в этом городе узнают о нем, и тогда они последуют за Тирой. Ибо она ступила в огонь, чтобы все мы сумели преобразиться.

— Преобразиться? Но как? — Мелия еще пристальнее посмотрела на женщину.

— В тех, кто мы есть на самом деле.

С этими словами женщина еще крепче прижала младенца к груди и зашагала дальше по улице. Вскоре ее серые одежды растворились в полумраке переулка. Но нет, то было не видение. И все же, как уяснил для себя в последние недели Дарж, чтобы ощутить присутствие потусторонних сил, не обязательно встретить призрак. И он тотчас задумался, суждено ли ему снова увидеть холодные равнины Эмбара.

Женщина скрылась из виду, и у него из груди вырвался облегченный вздох. Оставалось только надеяться, что остальные этого не заметили, поскольку внимание его спутников было приковано к Мелии. Сопровождаемая Фолкеном, та шагала дальше по улице. И хотя печаль все еще окутывала ее легким облаком, лицо ее светилось слабой улыбкой.

— Это Тира, — прошептала она, и глаза ее вспыхнули огнем. — Значит, она все-таки богиня.

Лирит кивнула:

— Меня уже давно мучил вопрос, надолго ли хватит преданности ее последователей, если вокруг Тиры сформируется мистический культ? Но кто мог представить себе, что все произойдет так быстро! Ты заметил, как посветлела Мелия? Да, пусть несколько богов погибли, зато родилось новое божество.

Дарж мало что понял в этом разговоре о богах и богинях. Все, что выходило за рамки его опыта — а последний состоял главным образом из попыток расплавить в тигле или растворить ее в кислоте какую-нибудь субстанцию, с тем чтобы изучить ее качества, — было свыше его понимания. И тем не менее сказанное Лирит почему-то вселило в его сердце надежду.

«Дом Девяти Фонтанов» был расположен на восточном краю города, недалеко от стены Третьего Круга, в том месте, где в море выступал небольшой мыс.

Фолкен уже объяснил путникам, что в Третьем Круге живут таррасские купцы, и до известной степени это было видно и по гостинице. Она оказалась просторной и хорошо обставленной, хотя и далеко не шикарной. Чисто выбеленные стены лишены каких-либо украшений, незамысловатый мозаичный узор на полу радовал глаз. Сама гостиница представляла собой квадратное строение в несколько этажей, за стенами которого находился открытый внутренний двор, где журчали струи нескольких фонтанов. Наверное, от них гостиница и получила свое название.

Заправляла гостиницей моложавая женщина по имени мадам Вил — ее черные как смоль волосы уже тронула седина, но она все еще оставалась хороша собой. Надо сказать, что Дарж немало подивился тому, что хозяйка гостиницы — женщина. В доминионах это считалось не женским делом. Держать пивную — это да, варить пиво — работа женская. Но на то и диковинная заморская страна, чтобы и нравы в ней тоже были диковинные.

К тому же Вил справлялась со своим хозяйством на славу. Между прочим, чем больше Дарж об этом задумывался, тем большим уважением проникался к ней. Уж лучше остановиться в гостинице чистой и уютной, где во всем чувствуется женская рука, нежели в той, где заправляет какой-нибудь неотесанный мужлан. Стоит ли удивляться, что в Эмбаре гостиницы и постоялые дворы один запущеннее другого. Выходило, что обычаи и нравы города не так уж и плохи.

И хотя большинство постояльцев гостиницы составляли заезжие купцы — как правило, из ближайших к Таррасу городов, — по комнатам, куда привела их Вил, нетрудно было понять, что здесь нередко останавливаются гости и поважнее или по крайней

мере с более тугими кошельками. Пол в комнатах был выложен голубой плиткой. Широкие окна выходили во внутренний двор, тонкие прозрачные занавески колыхались на легком ветерке.

Дарж уловил журчание воды — оно доносилось из небольшой бронзовой раковины, установленной на мраморном постаменте. Из камня торчала трубка, и из нее в раковину бежала веселая струйка воды. Как ни странно, вода при этом не переливалась через край. Не иначе как там имелась вторая трубка, по которой она стекала вниз и затем куда-то еще. То есть сама текла сюда и сама же вытекала куда-то прочь за пределы гостиницы.

— Вам здесь нравится, госпожа? — поинтересовалась у Мелии хозяйка гостиницы.

Мелия подошла к окну и ахнула:

— Все просто чудесно, мадам Вил.

Фолкен положил в ладонь хозяйки несколько монет. Та кивнула и удалилась.

К гостиной примыкали три спальни — одна для Мелии, другая для девушек и третья для Фолкена с Даржем. Имелась здесь, как обнаружил любопытный рыцарь, еще одна комната — с ванной, причем, как и в случае с фонтаном, вода сама бежала сюда по трубам. А еще — вот чудо! — удивительной формы ночная ваза, снабженная бачком с водой для смыва нечистот. Дарж, который ни разу в жизни не видал ничего подобного, не удержался от соблазна и несколько раз спустил из бачка воду, чтобы убедиться, как работает сие хитроумное устройство. Он бы и дальше продолжил свои сливные опыты, если бы не Мелия. Заметив, что рыцарь ведет себя как малое дитя, она укоризненно заметила, что, мол, нечего понапрасну расходовать драгоценную воду, которая поступала сюда с далеких северных гор. После чего Дарж сел и задумался, каким это образом прохладная ледниковая вода попадает в жаркий южный город, преодолев расстояние в десятки миль.

— Ну, вот мы и пришли, — задумчиво произнес Фолкен. — И что теперь?

Бард сидел, поглощая принесенные слугою оливки. Лирит и Эйрин расположились возле окна и вдвоем лакомились апельсином. Даржу уже доводилось пробовать оливки, а в доминионах рыцарь как-то раз отведал и апельсин — но там все это было редкостью, деликатесами и по карману разве что богачам. В Таррасе же, как он успел заметить по пути в гостиницу, апельсинами торговали буквально на каждом углу.

Мелия сидела в кресле с пушистым черным котенком на коленях. Дарж никак не мог взять в толк, откуда тот взялся — не иначе как обитал где-то здесь же, при гостинице, и случайно забрел к ним в комнату. Даржу показалось странным, что ко-

тенок этот как две капли воды похож на другого — того, что несколько месяцев назад сопровождал их до самого Перридона. Нет, это лишь совпадение, убеждал себя рыцарь. За это время тот наверняка уже стал ростом с настоящего взрослого кота.

— Даже не знаю, что и делать, — сокрушенно вздохнула Мелия. — Право, не знаю.

Ее слова застали Даржа врасплох. Ведь все они прибыли в Таррас по ее, Мелии, просьбе. Даржу казалось, что коль она просила их об этой любезности, то у нее наверняка имелся план действий, и по прибытии на место назначения Мелия тотчас возьмется за разгадку убийства бога. Или богов, как теперь выяснилось. Но Мелия лишь смотрела в окно и рассеянно гладила котенка. От Даржа не скрылось, как девушки обменялись многозначительными взглядами — не иначе они тоже не ожидали услышать от бывшей богини такое признание.

К еще большему своему удивлению, Дарж обнаружил, что вскочил с места. Нет, просто непозволительно вот так сидеть и ждать у моря погоды. Надо срочно что-то предпринять.

— Чтобы раскрыть убийство, надо применить логику.

В ответ на это Фолкен только фыркнул:

— Речь идет о городе, где полным-полно богов, Дарж, а не о твоих химических опытах. Логика здесь бессильна.

— Нет, это не довод, — возразил Дарж.

Логика всесильна всегда и везде. Верно, боги загадочны, а пути их неисповедимы. Но с другой стороны — хотя они и отличаются от людей, — у них имеются, так сказать, свои правила игры. Тому свидетельство козни и склоки их последователей — разве об этом не говорила сама Мелия, да и Фолкен тоже.

— Мелия, ты не могла бы мне рассказать, что представляли собой эти Ордо и Геб? — обратился он к богине.

— Какая разница. Ведь их больше нет! — воскликнула та.

Дарж постарался заговорить с ней как можно проникновеннее, хотя и не понимал, будет ли от этого толк.

— Нет-нет, разница есть, и немалая! Ведь если мы лучше узнаем, что это за боги, то сможем понять, зачем кому-то понадобилось причинять им зло. Из того, что я успел заметить, и тот, и другой были второстепенными божествами.

Услышав такие речи, Мелия подняла глаза.

— Это еще не значит, что они заслужили смерть! — возмущенно бросила она рыцарю.

Дарж поморщился. Лицо Мелии стало серым — под стать вымазанному пеплом лицу женщины, что встретилась им на улице.

Но, коль уж дело приняло такой оборот, останавливаться не имело смысла. Налицо загадка. А Дарж мастер разгады-

вать загадки. И наверняка отыщется какая-то закономерность. Главное, хорошенько поискать.

— Я отнюдь не хотел сказать, миледи, что гибель этих богов не имеет значения. Напротив, то, что жертвой кровавого злодеяния становится бог, наводит на грустные размышления. Можно предположить, что убийца не только жесток, но и наделен властью. Я же задаю один-единственный вопрос: почему убиты именно *эти* боги?

— Ты хочешь сказать, что Ондо и Геб выбраны не случайно? — спросил Фолкен.

— Согласитесь, что у убийцы наверняка имелся какой-то план, — пожал плечами Дарж.

— Нет, здесь что-то не так, — вмешалась Эйрин. — Чтобы убить бога, надо обладать незаурядными способностями. А если убийца действительно наделен могуществом, то зачем он начал с второстепенных божеств? Не проще ли ему было начать с самых влиятельных. Как, например, Ватрис или Йорус?

Эйрин теперь стояла возле камина, прикрыв сухую руку здоровой. Она успела переодеться в чистое платье из легкой голубой ткани, под которой Дарж различил стройные девичьи формы. И поспешил отвести глаза — нет, пожалуй, все-таки чуть позднее, чем того требовали приличия.

Эйрин побарабанила пальцами по щеке:

— Думаю, мне понятна причина, почему в качестве жертвы был выбран Ондо. В его власти находились все золотых дел мастера в городе, и, смею предположить, боги охочи до золота не меньше, чем люди. Но кому на руку убивать Геба? Да и скорбеть по нему тоже будут немногие — разве что только воры и нищие. Но вряд ли они имеют вес в городе.

И тогда Дарж все понял.

— Но в том-то все и дело, миледи! Вы попали, что называется, прямо в яблочко!

— Я? Неужели? — искренне удивилась Эйрин.

— Как вы только что сами сказали, миледи, мало кто в городе станет оплакивать безвременную кончину Крысиного Бога. За исключением присутствующих здесь, — поспешил добавить Дарж, поймав на себе гневный взгляд Мелии. — А из того, что нам стало известно от Орсита в храме Манду, Ондо сильно недолюбливали в других храмах.

— К чему вы клоните, Дарж? — гневно сверкнула очами Мелия.

— Кажется, я понимаю, — вмешалась Лирит. — Стоит покуситься на самого популярного бога, как другие боги мигом объединятся, чтобы найти убийцу независимо от того, страшно им или нет. Но если убиты те, что не внушают особых симпатий, к чему напрасно тратить время и силы? Убийце нечего опасаться, и он разгуливает безнаказанный. А значит...

Лирит негромко вскрикнула, а Дарж понимающе кивнул.

— Ничто не мешает ему продолжить свое гнусное дело, — закончил он ее мысль.

Теперь с места, сжав кулаки, поднялась и Мелия. Возмущенно мяукнув, котенок соскочил у нее с колен.

— Нет, боги этого не допустят! Они не станут спокойно смотреть на творящееся безобразие! Подумайте, что вы говорите!

— Неужели? — спокойно возразил Фолкен и положил ей на плечо руку.

Мелия с подавленным видом опустилась на стул. Из груди ее вырвался стон.

— Извини меня, Дарж, — негромко произнесла она. — Ты сейчас сказал горькую правду, такую горькую, что ее больно слышать. Я и сама об этом догадывалась. Я люблю своих братьев и сестер, однако должна признать, что не всегда они питают любовь друг к другу. Ты прав — найдутся среди них и те, чье сердце при известии о гибели Ондо или Геба исполнится радости.

Котенок вновь запрыгнул ей на колени, и теперь Мелия нежно гладила его шелковистую шерстку.

— Но мы опять вернулись к тому же, откуда начали, — напомнила Эйрин. — Итак, что же нам известно?

Мелия подняла глаза. Фолкен тоже испытующе ждал, что же девушка скажет дальше. Но Эйрин и Лирит молчали. Неожиданно Дарж понял, что взгляды присутствующих обращены к нему. И ему на мгновение стало страшно. А потом по всему телу разлилось удивительное тепло.

— Нам надо выяснить, кто больше всех выиграл от гибели Ондо и Геба, — произнес он. — Как только мы это сделаем, подсказывает нам логика, мы найдем и убийцу.

— И что тогда? — прошептала Мелия.

На этот вопрос у Даржа не нашлось ответа.

— Ладно, — сказал Фолкен, — пора приниматься за дело.

39

Лирит прошла в Четвертый Круг Тарраса, стараясь не задумываться о том, что это то самое место, к которому она стремилась всю свою жизнь.

Не глупи, сестрица. В Таррасе ты такая же чужестранка, как и в древнем Малакоре. Просто он напоминает тебе Коранту. Вот и все.

Нет, Эйрин по-своему права. Все вольные города чем-то похожи друг на друга. То же солнце на белых стенах, те же

желтые цветы линдарры, наполняющие воздух пьянящим ароматом, те же песни женщин, что тянут с рынка тяжелые корзины, — все так, как в милой ее сердцу Кораите, только без... Нет, лучше не надо об этом.

А если тебе показалось, будто в Таррасе нет борделей, приглядись как следует. Здесь среди бела дня торгуют тем, что в Кораите продают осторожно, с оглядкой и под темным покровом ночи.

Нет, Эйрин, конечно, права. Но все равно сердце Лирит пело. В конце концов в любом крупном городе — даже в Баррсунде, что в холодном и неприветливом Эмбаре — найдется квартал жриц любви вроде улицы Пестрых Платков в Кораите.

На грустные воспоминания о Кораите Лирит наводила только эта улица — улица, где она оказалась, когда ей было всего одиннадцать лет — несчастный, неприкаянный, никому не нужный ребенок, чьи родители прямо у нее на глазах пали от рук бандитов. Ведь и мать всегда мечтала, чтобы дочь побывала в большом городе, отец же ничего не жалел для любимого чада. И вот как-то раз они собрали пожитки в повозку и, покинув скромное свое жилище, направились по зеленым холмам на юг, в Толорию. Но в первую же ночь пребывания в большом городе, когда они по ошибке свернули в темный переулок, в лунном свете блеснул кинжал. Больше отца с матерью Лирит никогда не видела.

Родители остались истекать кровью в придорожной канаве, а Лирит... На то и вольный город, чтобы в нем каждый был волен торговать чем угодно, в том числе и живым товаром. Бандиты понимали, что за ребенка можно выручить неплохие деньги, и оставили ее в живых. И хотя Лирит кричала, царапалась и отбивалась, что было детских силенок, ее потащили прочь и продали Гултасу.

На улице Пестрых Платков не было воронов, как на карте, которую она вытащила из колоды бабушки Сарет, и все равно улица эта напоминала ей поле боя, с которого хотелось бежать без оглядки. В конце концов Лирит это удалось. И ничто более не заставит ее вернуться туда. В течение нескольких лет Гултас платил ей меньше, чем сам требовал за стол и кров, — не дай бог девчонка тайком скопит денег и захочет выкупить себя из рабства.

Но Гултас ничего не ведал о тех монетах, что Лирит заработала, показывая на улицах фокусы. Их она хранила в тайнике. Когда ей стукнуло двадцать, в свой день рождения она вручила Гултасу мешок золотых — ровно столько, сколько городские законы предписывали платить за выкуп из рабства одной женщины. Гултас тогда рвал и метал, но Лирит была к этому готова и вскоре уже держала путь на Север, где ее ждали свобода и новая жизнь.

А как же та карта, сестрица? Разве гадалка не сказала тебе, что от судьбы не уйдешь?

Но Лирит сейчас было не того. Она купила у уличного торговца пакетик засахаренных лепестков линдарры, и теперь они таяли у нее на языке. Девушка шла по узкой улочке с рядами деревьев по обеим сторонам.

Лирит искала глазами дом гильдии золотых дел мастеров, и, кажется, тот был уже близко. По словам заезжего торговца, с которым она сегодня утром говорила в гостинице, гильдия золотых дел мастеров располагалась на улице Языков Огня. Пока что она миновала Дымную улицу, Факельную и Радужную. Последняя не имела ничего общего с языками огня, но Лирит понравилось ее название, и она прошлась по ней просто так, из любопытства. Здесь над каждой дверью были вывешены разноцветные полотнища. Или натянуты от дома к дому поперек улицы — самых разных цветов и оттенков. Они даже резали глаза своей пестротой. Это была улица красильщиков тканей.

Поручение получил каждый — и Лирит была благодарна Даржу за его железную эмбарскую логику. Убийство бога плохо укладывается в голове, но стоило взяться за его расследование, как за нечто банальное, нечто такое, что можно проанализировать и понять, — и оцепенения, которое охватило буквально всех их до одного, как не бывало. Может, конечно, все их усилия окажутся тщетны — может, им никогда не разгадать окутывающую последние в городе события тайну, — но по крайней мере у всех *возникло* чувство, что они делают нечто нужное.

Лирит получила задание отыскать здание гильдии золотых дел мастеров. Дарж тем временем за компанию с Эйрин отправился в узкие улочки Пятого Круга, чтобы поговорить со жрецами убиенного Геба. Лирит показалось любопытным, что храм Крысиного Бога расположен не во Втором Круге, как все остальные святилища, а непосредственно в том районе города, что населен отбросами общества, его основными последователями. Должно быть, Дарж что-то заподозрил — вряд ли печальная участь Геба особо волновала остальных богов. И Дарж, и Эйрин надеялись выяснить у жрецов, известны ли тем причины, почему кому-то понадобилось убивать их божество. Лирит же было поручено расспросить о том же золотых дел мастеров.

В свою очередь, Мелия и Фолкен направились в Первый Круг города просить аудиенции у императора. Вряд ли они могли на нее надеяться — о чем, кстати, уже говорил Орсит, — но Мелия стояла на своем.

— Эфезиан нам не откажет, — уверяла она. — Ведь убит уже второй по счету бог. Неужели императору хочется войти в историю с запятнанным именем? Неужели он, как родоначальник династии, намерен попустительствовать хаосу в городе?

Стоило Мелии произнести эти слова, как все присутствующие устремили на нее удивленные взгляды. Мелия раскраснелась, а глаза сияли ярким огнем, словно драгоценные бусины.

Фолкен нежно положил ей на плечо руку:

— Мелия, это уже девятнадцатый по счету император в этом городе, а не первый.

На какое-то мгновение Мелия словно окаменела, глядя перед собой невидящим взором. Затем нахмурилась и посмотрела на Фолкена.

— Прекрасно знаю, — огрызнулась она. — Ты что, считаешь меня полной дурой?

Не успели присутствующие даже раскрыть рта, как она величественно выплыла за дверь. Фолкен последовал за ней, но сначала успел тревожно покоситься на Лирит. С Мелией последнее время творилось что-то неладное. Что это значит? Почему она все чаще впадает в паутину прошлого?

А с тобой что, сестра? Почему ты все время думаешь о Коранте, о том, как ты когда-то танцевала для Гултаса?

Было душно, и на лбу у Лирит выступили бусинки пота. Даже ее летнее платье, сшитое в расчете на прохладное лето доминионов, казалось толстым и тяжелым в жарком климате Тарраса. Лирит позавидовала таррасским женщинам, облаченным в легкие, просторные, словно струящиеся одежды. В доминионах такие одежды наверняка бы вызвали осуждающие взгляды, но в Таррасе никто не обратил бы ни малейшего внимания.

Лирит даже не заметила, как дошла почти конца улицы Языков Огня. В горле у нее пересохло, и она надеялась, что сй навстречу попадется уличный торговец, у которого можно будет купить стакан воды со льдом. Но улица, по которой она шла, почему-то была пустынной, словно вымершей. Единственное, что бросалось здесь в глаза, — это мраморные колонны на обоих ее концах с задрапированными в черноё капителями.

Лирит уже почти ступила за пределы улицы, когда, наполненный ароматами моря, сюда залетел порыв ветра, сорвав с колонны черную драпировку. Ее взору тотчас открылось то, что до этого было спрятано тканью, — каменная фигура в виде извивающихся языков огня, покрытая ослепительным слоем золота.

Ну конечно, какая же я клуша! Это ведь первая улица, на которой не видно людей! Следовало ожидать, что именно так и будет. Ведь здесь у них траур!

Порыв стих, и черная ткань снова опустилась на место, скрыв от глаз позолоченное изображение. Лирит тотчас позабыла про мучившую ее жажду и вернулась на улицу. Там располагались несколько десятков мастерских, но все они стояли темны и пусты.

Лирит выбрала большую дверь в самой середине улицы — выкрашенную зеленой краской и украшенную золотым изображением руки — символом бога Ондо, решила Лирит. Она собралась с духом и постучала.

— Убирайся! — раздался из-за двери приглушенный голос.

Лирит отдернула руку. В позолоченной руке имелось небольшое отверстие. Сквозь него ее и увидели.

— Добрый день, — ответила Лирит, стараясь направлять голос в это отверстие. — Уделите мне минутку внимания, я бы хотела с вами поговорить.

Кто-то презрительно фыркнул:

— Ты пришла, чтобы убить нас и хитростью завладеть нашим золотом.

Лирит нахмурилась. Если обладатель голоса за дверью говорит от имени всех золотых дел мастеров, то эти самые мастера народ на редкость подозрительный. Но, с другой стороны, чему удивляться, если убили их бога? Волей-неволей станешь принимать меры предосторожности.

— Нет-нет, вовсе не за этим! — возразила Лирит. — Как я могу хитростью завладеть вашим золотом, если сначала я должна вас убить?

— Ну ладно, в таком случае...

Раздался щелчок замка, и дверь отворилась — но на тонюсенькую щелочку, в которую можно было разглядеть на редкость низкорослого, тощего и сморщенного старика в желтых одеждах.

— Спасибо. — Лирит кивнула.

— Одну минуту, девушка. — Над головой старика ветер взъерошил несколько тонких прядей. — Ты ведь сейчас не насмехалась надо мной? Или издевка в твоих словах мне только послышалась?

— У меня и в мыслях не было насмехаться над вами, — заверила она старика. — Наоборот, я пыталась убедить вас в моих самых добрых намерениях, вот и все. Я не желаю вам зла и пришла сюда безоружной. Видите? — И Лирит развела руки, показывая, что они пусты.

— Хм. Что ж, на вид ты худышка, да и одета как-то чудно. Выходит, ты попрошайка? Неужели ты и впрямь надеешься, что мы поделимся с тобой нашим золотом лишь потому, что и ваш бог тоже убит? Ничего ты у меня не получишь! Даже не рассчитывай!

— Так вам известно, что случилось с Гебом?

— Подумаешь, Геб! Разве сравнить его с нашим бесценным Ондо, которого больше нет в живых? — С этими словами старик провел перед глазами сморщенной рукой. — Его нет, значит, нет и золота для куполов Тарраса. Теперь они потускнеют навеки, как и наши сердца.

Грудь Лирит наполнилась сочувствием. Бедный старик — он потерял все, что было для него дорого. И как только она посмела поддразнить его? Лирит протянула руку, желая утешить несчастного.

Но старик резко оттолкнул протянутую к нему руку:

— Не смей прикасаться ко мне, девчонка! Одни только боги ведают, когда в последний раз ты мыла свои грязные руки! А может, и вообще никогда! Почему вы, нищие, никогда не просите подать вам кусок мыла? Нет, подавай вам золото, и ничего другого. Так что советую тебе сначала привести себя в порядок. Глядишь, кто-нибудь да и возьмет тебя к себе в услужение и научит честно зарабатывать кусок хлеба. Правда, сомневаюсь, чтобы у тебя были к этому таланты — с первого взгляда видно, что умишко-то у тебя куцый. Ладно, может, сгодишься у красильщиков мешать краску в чане. Особого ума на это не требуется. Знай себе орудуй мешалкой!

То скромное сочувствие, что Лирит только что испытывала к старику, испарилось, словно лужа на солнце. Она попыталась возразить, но не смогла подобрать нужных слов и лишь усилием воли удержалась, чтобы не придушить на месте сварливого старикашку.

— Ты меня слышишь? — продолжал глумиться тот. — Что стоишь, будто язык проглотила? Иди-ка отсюда подобру-поздорову, авось где-нибудь и повезет. А здесь у нас дубины стоеросовые не нужны. Убирайся, и без тебя тошно!

И дверь захлопнулась прямо у девушки перед носом.

На улице Языков Огня Лирит провела еще около часа с тем же результатом. Дар помогал ей безошибочно определить, за которой дверью есть живая душа, и тогда она стучала в надежде, что ей откроют. Но даже если открывали, разговора не получалось. Наоборот, Лирит натыкалась на нескрываемую враждебность. И дело не только в том, что жители улицы оплакивали гибель своего бога. Золотых дел мастера оказались людьми надменными, неприветливыми и мелочными. Если Ондо, их бог, был под стать им, стоит ли удивляться, что остальные боги поспешили от него избавиться.

Лирит устала и мечтала только об одном — поскорее очутиться в прохладной комнате гостиницы. Но все-таки заставила себя постучать в еще одну дверь. Ей открыла молодая женщина, такого же примерно возраста, что и она сама, и на какое-то мгновение в сердце Лирит затеплилась надежда.

Но тотчас погасла — женщина обрушила на Лирит такую гневную тираду, по сравнению с которой все сказанное ранее обитателями улицы Языков Огня могло показаться словами, полными тепла и участия.

— Да как у тебя, паршивка, хватило наглости явиться сюда, да еще в такое время, в расчете, что мы поделимся с тобой нашими сокровищами!

— Мне не нужны ваши сокровища, — возразила Лирит. — Я просто хотела...

— Тогда скажи мне, какому богу ты поклоняешься? Имаю? Йорусу? Все понятно. — Женщина ткнула Лирит пальцем в грудь. — Ты последовательница Сифа. А значит, здесь тебе делать нечего. Даже не рассчитывай! Ты не получишь от нас своих золотых амулетов. Ни сегодня, ни вообще! До тех пор, пока Этерион не выделит нам нового бога, мы, ювелиры и золотых дел мастера, отказываемся делать украшения для храмов! Мы и впредь не станем делать их для тех, кто строит против нас козни, кто мечтает ограбить нас. Довольствуйтесь бронзой!

На сей раз Лирит уже была готова к тому, что за этим последует, и предусмотрительно отступила назад. В следующее мгновение дверь захлопнулась у нее перед носом. Настроение было испорчено окончательно. Ничего не оставалось, как покинуть улицу Языков Огня и вернуться в гостиницу.

У первого же уличного торговца, что попался ей навстречу, она купила стакан вина. Вернее, попыталась купить. Потому что как только она протянула ему монету, он наклонил глиняный кувшин с вином так, что все содержимое вылилось на мостовую, после чего с улыбкой протянул ей деревянный стакан.

— Извините, — промолвила Лирит, удивленно глядя на пустую емкость. — Но не кажется вам, что сначала подают стакан, а потом наполняют его вином.

Торговец шлепнул себя по лбу:

— Извините меня, глупого, госпожа. Сегодня я все делаю не так. Вечно все путаю, честное слово. Только вернулся из храма, как вздумал наполнить свой кувшин, когда тот был еще полон. И пролил вино прямо одной даме на ноги. Представляете, как мне от нее досталось.

— Представляю, — ответила Лирит и протянула ему стакан.

На сей раз торговец все сделал как надо. Лирит вместе со стаканом приняла его извинения. Кстати, стакан он разрешил ей оставить себя, в качестве возмещения ущерба. Она сделала глоток, но освежающий напиток был не в радость. Как она расскажет остальным, что так ничего и не узнала здесь, на улице Языков Огня?

Или все-таки узнала? В том, что накричала на нее склочная особа из-за последней двери, было что-то важное. Женщина упомянула какого-то Сифа — почему-то она приняла Лирит за его сторонницу. Значит, Сиф — это бог? И если да, то почему ее приняли за последовательницу его культа.

Лирит вспомнилось, как женщина презрительно ткнула в нее пальцем, как высокомерно посмотрела на нее. Ага, в расстегнутом вороте тускло поблескивал в лучах солнца бронзовый амулет в виде паука.

Довольствуйтесь бронзой!

Да, за этим наверняка что-то кроется, Лирит ничуть не сомневалась. Но что значат ее слова? Девушка сжала в кулаке подаренный морнишами амулет и свернула на другую улицу. Она расспросит Мелию о том, кто такой Сиф, как только вернется в...

Из горла ее вырвался сдавленный крик ужаса. Там, в арке, Лирит увидела *нечто*: кишащая, извивающаяся масса заполнила собой весь внутренний двор. Прямо у девушки на глазах к ней протянулись блестящие нити. Затем они потускнели, приобретя серый оттенок, и стали частью огромного спутанного клубка. Лирит показалось, будто ее кто-то потянул, ноги сами по себе несли ее по направлению к арке.

Нет, здесь клубок был прямо-таки огромным, гораздо больше, чем тогда, в Ар-Толоре. И рос буквально на глазах. Нет, сначала содрогнулся, а затем словно разбух. Он уже не помещался во дворе и протянул серые щупальца на мостовую. Он не остановится, пока не дотянется до нее и не поглотит, не поглотит вместе с Паутиной жизни и всем живым на свете.

У Лирит потемнело в глазах, к горлу подступил комок. Стакан выпал из рук. Девушка согнулась пополам, и ее вырвало на мостовую тем глотком вина, что она успела сделать.

Чем спасла себе жизнь. Что-то наподобие насекомого просвистело у нее над головой. В воздухе сверкнуло серебро. Лирит вскинула голову. Буквально на расстоянии вытянутой руки от нее в ствол дерева впился тонкий нож и теперь торчал оттуда, подрагивая. В том месте, где острие впилось в кору, растекалось черное пятно.

Яд!

Лирит обернулась, высматривая того, кто покушался на ее жизнь. Она не решилась применить Дар, не тот момент. Уголком глаза она все еще видела в арке серое копошение. Стоит ей прикоснуться к паутине, как этот клубок затянет ее, и тогда уже ей не вырваться.

И вдруг — блеск золота!

В темном переулке возникла закутанная в черный плащ фигура. Та самая, которую она тогда заметила в порту. И в занесенной руке еще один нож. Раздумывать было некогда. Лирит бросилась со всех ног.

По крайней мере, сестрица, клубок не сумеет тебя поглотить, если ты уже мертва.

Утешение небольшое. Фигура в черном приготовилась к очередному броску... но неожиданно обернулась куда-то назад. И снова Лирит разглядела под низко надвинутым капюшоном золотой блеск. Фигура застыла, словно прислушиваясь к чему-то. Затем, подобно предрассветной тени, дрогнула и исчезла. В переулке мелькнули полы черного плаща, и снова на вымершей улице ни души.

Лирит прижала руку к горлу, удивляясь, что еще жива. Ведь незнакомец в черном наверняка намеревался ее убить. Но почему он бежал? Словно он ощутил приближение чего-то.

Лирит обернулась по сторонам, но ничего не увидела. Кишащий комок куда-то исчез, и внутренний двор, что виднелся в арке, был пуст. Немного поколебавшись, Лирит обратилась к Дару. Повсюду она ощущала жизнь во всей ее красе — люди, деревья, птицы в небе. Наваждение исчезло.

Нет, не совсем так. В какой-то момент Лирит ощутила нечто еще: за ней по-прежнему следили чьи-то невидимые глаза. Но не это испугало девушку. Внутри ее естества поднималась теплая волна, растекаясь по жилам пьянящим вином.

И затем это *нечто* исчезло, а с ним и ощущение разлитого по жилам вина. Лирит же осталась стоять, опустошенная, словно сосуд, из которого оно вытекло.

40

Эйрин повернулась еще раз, наслаждаясь нежным шуршанием ткани нового платья. Она понимала, что это глупо, что это больше пристало несмышленой девчонке, а не взрослой женщине, однако в новом наряде было нечто настолько восхитительное, что она просто не могла удержаться.

— Клянусь стрелами Ирсайи-охотницы! — воскликнула она. — Я была убеждена, что мне ни за что не отмыться от этой жуткой грязи. Казалось, я больше никогда не буду чистой! Я всегда думала, что воры и нищие в этом городе живут в канализационных трубах. Но и представить себе не могла, что там же находятся и храмы Геба!

— Но ведь он был Крысиным Богом, — произнесла Лирит. Она сидела возле окна их гостиничной комнаты. — Думаю, крысы для жилья предпочитают именно такие места.

Эйрин вздрогнула, подумав о том, какое количество благовоний и духов понадобится ей, чтобы забыть об омерзительном запахе городских подземелий. Еще когда они с Даржем в Пятом Круге спрашивали прохожих, где можно найти Крысиного Бога, ей показалось, будто те насмехаются над Гебом, норовят оскорбить его. Однако вскоре поняла, что это были вовсе не шутки.

Они вошли в канализацию через устье огромной трубы. Та оказалась настолько велика, что по ней можно было идти один за другим, не сгибаясь, выпрямившись в полный рост. Какая-то старуха подсказала им идти вслед за крысой, которая

юркнет в трубу. Эйрин сначала засомневалась в том, как это можно отправиться вслед за какой-то крысой, но Дарж указал на царапины на стенах — треугольник с двумя точками внутри. Не было никакого сомнения в том, что этот рисунок означает крысу. Под треугольником они заметили нарисованную стрелу и отправились в том направлении, куда та указывала. Путь им освещал факел — Дарж догадался купить его у одного из уличных торговцев.

Насколько Эйрин могла судить, канализация тянулась под Таррасом на расстояние многих лиг. Многие из тоннелей существовали уже с давних времен и давно не использовались. По ним было бы не так уж трудно передвигаться, не будь они завалены всевозможным мусором вроде осколков черепицы, о которые можно в любое мгновение пропороть ногу. Несколько раз девушка пыталась воспользоваться Даром и почувствовать нити жизней в соседних тоннелях. Она чувствовала на себе взгляды многочисленных глаз, наблюдавших за ними из темноты. Спустя какое-то время Эйрин оставила свои попытки.

Только когда им пришлось свернуть и углубиться в новый и поэтому действующий отрезок канализации, путешествие превратилось в настоящий кошмар. Теперь они шли по колено в грязной воде. Платье Эйрин пузырем всплыло на поверхность мерзкой жижи. Однако не оно одно теперь плыло по поверхности нечистот. В них плавало само по себе и кое-что живое. Девушка не раз замечала гладкие, извивающиеся тела, ускользавшие прочь из круга света, отбрасываемого факелом Даржа. В подземелье стояла нестерпимая вонь, затрудняя дыхание и выворачивая путников буквально наизнанку.

Когда Эйрин снова осмелилась воспользоваться Даром, то не ощутила поблизости ни единой человеческой жизни. Вокруг были одни только крысы. Эйрин предположила, что тем, кто обитает под Таррасом и знает здешнюю географию, совершенно не нужны никакие указатели, чтобы найти храм Геба. Эти царапины и стрелы на стенах предназначались исключительно для посетителей подземелья и, вне всякого сомнения, показывали путь, пролегавший по самым омерзительным канализационным коридорам. Эйрин не сомневалась, что никто из почитателей Геба сам никогда не пользовался этими тоннелями.

Наконец коридор закончился, и путники шагнули на сухую поверхность. Вскоре они оказались в огромном, похожем на пещеру помещении. Скорее всего это и был храм Геба. Сводчатый потолок подпирали колонны. Сам потолок разглядеть было невозможно, несмотря на мерцающий свет сотен зажженных свечей. Перед неким подобием алтаря стояли импровизированные скамьи из гнилых досок и корзин. На самом алтаре возвышался деревянный идол, символизировавший Геба — человека с головой крысы.

К сожалению, оказалось, что путешествие в храм Геба не стоило тех испытаний, которые выпали на долю путников. В храме они застали лишь нескольких почитателей культа Крысиного Бога. Большинство их разбежалось по дальним тоннелям, опасаясь преследований и наказаний. Вот поэтому-то Эйрин и ощутила присутствие многих человеческих жизней в подземных коридорах. Поскольку они оказались без своего верховного покровителя, ничто уже не могло остановить других горожан от расправы с этими изгоями.

Эта мысль разбудила в груди девушки чувство сострадания к отверженным. У людей ничего не осталось, чтобы начать жизнь заново.

— Сударыня, — произнес Дарж хриплым шепотом. — Мне кажется, будет лучше, если мы сейчас уйдем отсюда. Наше присутствие здесь... вряд ли кому-то нужно.

Чувство сострадания тут же покинуло Эйрин, сменившись страхом. Она вновь прибегла к помощи Дара. Да, на них по-прежнему смотрели десятки глаз. Недобрых, подозрительных глаз. Она ухватила Даржа за руку, и они поспешно зашагали в обратном направлении.

Когда они выбрались на улицы Тарраса, оказалось, оба так сильно испачкались и так крепко «благоухали», что прохожие в ужасе шарахались от них. Платье Эйрин было безнадежно испорчено, а то, что оставалось у нее в запасе, совершенно не подходило для жаркого климата Тарраса. Что же ей делать?

Однако отчаяние быстро сменилось радостью, когда, вернувшись в гостиницу, они обнаружили, что Мелия купила им всем новую одежду.

— Я подумала, что вам, возможно, понадобится новая одежда, — промолвила богиня, хитро сморщив свой миниатюрный носик.

Эйрин около часа отмокала от грязи, погрузившись в мраморную ванну, наполненную горячей водой с добавлением благоуханных масел и цветочных лепестков. Сейчас же она чувствовала себя необыкновенно чистой и свежей в новом платье из восхитительной тонкой ткани небесно-голубого цвета, которое удивительно ловко сидело на ней и совсем не стесняло движений. На Лирит было сходного покроя светло-желтое платье, оттенявшее ее смуглую кожу.

Радость Эйрин от обновки не осталась незамеченной.

— Платье удивительно идет тебе, сестра, — заметила Лирит.

Эйрин присела в шутливом поклоне:

— Спасибо на добром слове, сестрица! Ты так же прекрасно выглядишь в своем!

Лирит улыбнулась, но когда выглянула в окно, выражение ее лица изменилось. Что же случилось?

Прежде чем Эйрин успела задать этот вопрос, дверь ванной распахнулась и на пороге появился Дарж. По крайней мере ей *показалось*, что это Дарж.

Вместо привычной серой туники на рыцаре было одеяние, которое для него купила Мелия, — пара мешковатых шаровар цвета морской волны, плотно облегавших талию и щиколотки, и пурпурного оттенка жилет. Кинжал рыцарь засунул за черный кожаный ремень. Однако вовсе не наряд Даржа вызвал удивление Эйрин.

Она никогда еще не видела рыцаря в таком облике. Его мускулистые руки своей прекрасной формой напоминали руки статуи, высеченной талантливым скульптором. Распахнутый жилет оставлял открытой широкую выпуклую грудь, густо поросшую черными волосами. Плоский живот напрашивался на сравнение с булыжной мостовой таррасской улицы.

Заметив преувеличенный интерес к себе со стороны девушки, рыцарь нахмурился:

— Что-то не так, сударыня? В этих шароварах я чувствую себя совсем по-дурацки. Боюсь, что я не так надел их, потому что трудно понять, где у них зад, а где перед.

Он подстриг усы и выбрил щеки. Влажные волосы были зачесаны назад, оставив открытым лоб. При неярком свете послеполуденного солнца морщины на его лице казались не такими резкими и глубокими.

— Дарж, — наконец смогла вымолвить Эйрин. — Ты такой... то есть я хочу сказать... ты выглядишь таким...

К ней тут же приблизилась Мелия:

— Мне кажется, что Эйрин хочет сказать, Дарж, что ты выглядишь очень мужественным.

Рыцарь покраснел, потому что в следующее мгновение Мелия дернула его за штанину.

— Мне странно слышать это, сударыня, потому что именно в этот момент я чувствую себя не особенно мужественным.

— Поверь мне, мой дорогой! — С этими словами она сжала его руку и удивленно приподняла брови. — Фолкен, мне кажется, тебе следовало бы обзавестись такими же мускулами!

Бард усмехнулся и тронул струны лютни:

— Если бы только этого можно было добиться при помощи моего любимого эля!

Благодаря любезности Мелии он щеголял в новом одеянии — таких же, как и у Даржа, шароварах, правда, светло-серого цвета, и просторной рубашке лазурного оттенка. Телосложение он имел гораздо более хрупкое, чем у Даржа, и поэтому выглядел довольно тощим. Бард также успел побриться и смотрелся весьма импозантно в своих обновках. Однако вниманием девушки бард завладел всего лишь на короткий миг.

Что случилось, сестрица? — услышала она мысленный голос.

Эйрин поняла, что снова не сводит с Даржа глаз.

Ничего.

Она почувствовала, что сейчас услышит новый вопрос, и поэтому, торопливо «подобрав» свою нить, направилась к буфету, чтобы налить себе вина. Неторопливо потягивая холодную кисловатую жидкость, девушка задумалась. Почему она так сурово и грубо смотрела на Даржа?

Какие могут быть сомнения — ее просто удивило, что для своих лет Дарж выглядит удивительно молодо. Ведь он уже пережил сорок пятую зиму. Кроме того, она знала, что меч рыцаря весит ровно половину ее собственного веса. Попробуй помахать таким и, конечно, будешь в хорошей физической форме! Она поняла, что испытывает радость оттого, что Дарж ее друг, и ей хочется, чтобы он всегда был в добром здравии. Удовлетворенная таким объяснением, Эйрин осушила свой бокал до дна.

— Так вы добились аудиенции у императора? — задала вопрос Лирит.

Котенок Мелии вскочил к ней на колени и теперь играл краешком ее платья.

Мелия разразилась невнятным возгласом, в котором явно угадывалась недовольная интонация.

— Можете считать, что она ответила *«нет»*, — прокомментировал Фолкен. — Как насчет капельки вина, Эйрин?

Девушка торопливо налила вина Мелии и барду.

Дарж собрался было сесть, но, видимо, решил, что может случайно запутаться в своих широченных шароварах, и торопливо выпрямился.

— Мне кажется странным, что император Эфезиан отказался встретиться с тобой, Мелия, учитывая твое... э-э-э... положение в Таррасе.

— Эфезиан ни за что не отказался бы от встречи со мной, — заявила богиня. — Он не посмел бы! Он знает о том, какую услугу я оказала его прапрапрадедушке, Эфезиану Шестнадцатому.

— Что же это была за услуга? — поинтересовалась Эйрин.

Мелия улыбнулась:

— Скажем так — он ни за что не смог бы сесть на свой трон без помощи дополнительной подушки.

— Не понимаю, — сказала Лирит. — Если Эфезиан с почтением относится к тебе, Мелия, то почему же он отказывает тебе в аудиенции?

Вместо богини ответил Фолкен:

— Потому что этот ничтожный прыщ в щегольских одеждах, извините меня, господа, я имею в виду министра Ворот, даже не пропустил нас в Первый Круг. Кроме того, он не соизволил передать наше послание императору.

— Но, Мелия, — вновь вступила в разговор Эйрин. — Разве не существует способов надавить на министра?

— Боюсь, что здесь, в Таррасе, это трудно, моя дорогая. Обычно бог становится обидчивым, если вмешиваешься в дела его почитателей. Среди их учеников в этом городе существует настоящее соперничество, и все они до единого чрезвычайно себялюбивы. А на одеждах министра Ворот я заметила эмблему Мисара.

— Мисар? Кто это? — осведомился Дарж.

Мелия издала болезненный стон:

— Это бог бюрократов. Поверьте мне, если я скажу, что Мисар — ярый приверженец законов. Так что, как бы ни пыталась, я никак не смогу повлиять на этого маленького человечка.

— Так что же делать? — спросила Лирит.

— Я должна выяснить, смогу ли найти другие способы пробраться к Эфезиану. Если смогу, то...

Голос Мелии дрогнул, и она прижала руку ко лбу.

К ней тут же подскочил Фолкен:

— Опять голова заболела?

Богиня коротко кивнула:

— Не беспокойся. Надеюсь, она, как всегда, скоро пройдет.

Эйрин бросила на Лирит озабоченный взгляд. С каких это пор богиню стали одолевать головные боли?

Фолкен помог Мелии сесть, затем обвел взглядом всех остальных:

— Я с радостью выслушаю тех, кому больше повезло в наших общих поисках.

К несчастью, положительными результатами похвастаться никто не смог. Дарж вместе с Эйрин поведали собравшимся о своем путешествии по зловонным канализационным тоннелям под улицами Пятого Круга.

— Все приверженцы Геба находятся в бегах, — завершила рассказ Эйрин. — Они опасаются за свою жизнь, потому что остались без своего бога. Наверное, нельзя винить их в этом. Но мы, к сожалению, не узнали ничего такого, что приблизило бы нас к разгадке.

— Смотрите, что я нашел, — подал голос Дарж. Подбросив в воздух золотую монетку, он ловко поймал ее. — Я увидел это, когда мы проходили по одному из самых зловонных подземных коридоров. Готов признать, что очень странно обнаружить деньги в канализации. Но даже эта моя находка вряд ли поможет нам.

— Да, странно, — согласился Фолкен. — Можно мне взглянуть на нее?

Рыцарь протянул ему монету. Фолкен осмотрел ее с обеих сторон:

— Она чистая, на ней даже нет чеканки.

Дарж кивнул:

— Скорее всего чеканка стерлась от времени. Она, видимо, пролежала там многие столетия.

— Возможно, — ответил бард и вернул монету владельцу.

— А ты, Лирит? — обратилась к сестре Эйрин. — Узнала что-нибудь у ювелиров?

Лирит столкнула котенка с колен и встала.

— Только то, что если Ондо такой, как и его приверженцы, то почти у каждого жителя города имелись основания для его убийства.

Далее девушка продолжила свой рассказ о многочисленных неприятных разговорах с обитателями улицы Языков Огня. Закончив повествование, она посмотрела в окно, крепко сжимая ткань своего новенького платья.

— Что случилось? — подошла к ней Эйрин. — Что-то плохое, о чем тебе не хочется рассказывать нам?

Когда Лирит обернулась, глаза у нее были какие-то потухшие, словно подернутые пеплом.

— Когда я возвращалась сюда, на меня напали.

И девушка поведала встревоженным товарищам о том, что произошло с ней на улице Языков Огня. Какой-то человек в черном, которого она мельком видела при их высадке с «Вестника судьбы», метнул в нее нож и поспешно скрылся.

— Я не знаю, почему он убежал, — закончила Лирит, опустив глаза и разглядывая собственные пальцы. — Он точно хотел убить меня, но по какой-то непонятной причине убежал, так и не метнув в меня второй нож.

Эйрин опустилась на колени рядом с ней и положила свою здоровую руку на руки Лирит.

Мелия тоже подошла к ней и мрачно спросила:

— А ты... ничего не почувствовала, дорогая?

Лирит вздохнула:

— Мне показалось, что я ощутила еще чье-то присутствие, но я не совсем уверена в этом. Понимаете... я увидела нечто в Паутине жизни незадолго до того, как на меня напали.

Эйрин почувствовала, как руки Лирит вдруг похолодели.

— Что же, сестра? — чуть слышно произнесла она.

Лирит подняла глаза. Мелия ободряюще кивнула ей.

— Ты снова увидела это? Верно? — спросила Мелия.

Эйрин крепко сжала руки сестры.

— О чем ты, Лирит? Что ты увидела?

Лирит нервно облизнула губы и произнесла слова, от которых у Эйрин перехватило дыхание:

— Я увидела клубок. Плотно спутанные нити Паутины жизни.

41

Два дня спустя Дарж проснулся, разбуженный серебристым светом луны. Было трудно понять, какое сейчас время суток — раннее утро или поздняя ночь. Над этим городом, похоже, никогда не опускалась тьма, по крайней мере полная. Даже в самый разгар ночи белые стены домов отражали лунный свет, а многочисленные уличные фонари и сиявшие в небесах звезды создавали ощущение вечных сумерек. Здешние ночи не шли ни в какое сравнение с теми, что окутывали земли доминионов — черные, словно чернила, и непроницаемые, как покрывало из плотного черного бархата. Даржу не нравился тусклый ночной свет этого города, потому что он навевал мысли о призраках.

Но их здесь нет, Дарж из Стоунбрейка. Как нет нигде, кроме Эмбара, где они вот уже несколько лет покоятся глубоко под землей.

Но даже если дело действительно так, то почему он так явственно видел их в Ар-Толоре. Мейри и маленького Дарнема, совсем как живых, такими, какими он запомнил их на всю жизнь, за исключением того, что выглядели они гораздо бледнее обычного и гораздо печальнее. Такой грустной Мейри он никогда не видел, даже в ту минуту, когда сказал ей о том, что король велел ему отправляться на охрану северных границ. Там ему предстояло пробыть все лето и всю осень, не дольше, самое позднее до первого снега.

— Пообещай мне вот что, — сказала она, взяв в ладони его лицо. — Все королевское воинство, все рыцари выглядят такими мрачными, будто улыбки помешают им одержать победу над врагом. Обещай мне, что вернешься веселым, с улыбкой на устах!

Ее просьба показалась ему странной, он привык ни в чем ей не отказывать.

Клянусь всем на свете, что выполню твою просьбу!

Однако вернуться с первым снегом Дарж не смог. С наступлением зимы в земли королевства вторглось огромное войско кочевников-северян. Именно Фолкен предупредил эмбарского короля и именно тогда Дарж и познакомился с легендарным бардом. Отряд Даржа получил приказ изгнать противника за пределы королевства и выдворить обратно на север. Вернуться в родное поместье рыцарю удалось лишь ко Дню Среднезимья. В Стоунбрейке его ожидала грустная картина: две свежевырытые могилы — одна большая, вторая поменьше.

— Да благословят их небеса, — прошептала Йирга, жена управляющего имением, в ответ на его немой вопрос. — Лихорадка унесла их жизни. Наверное, боги сочли неразумным разлучать мать и дитя и забрали жизни обоих. Боги проявили милосердие.

Да благословят их небеса.

Дарж промолчал в ответ. Он знал, что Йирга не права, что богам неведомо милосердие. Падал снег. Дарж опустился перед могилами на колени и в последний раз в своей жизни заплакал. Он рыдал долго и безутешно, яростно ударяя по замерзшей земле кулаками, в кровь разбивая руки. Рыцарю казалось, что вместе с самыми дорогими ему людьми в могиле похоронено и его собственное сердце. Так ему и казалось все эти последние годы. Мейри взяла с него слово, чтобы он не грустил, однако сама нарушила клятву, покинув его навсегда. Поэтому Дарж полностью посвятил себя королевской службе, стал прекрасным воином, верным рыцарем короля Сорина, навсегда отказавшись от развлечений, любви и прочих легкомысленных мужских утех. Так было до тех пор, пока...

Дарж закрыл глаза и мысленно представил себе Эйрин и ее взгляд, которым она удостоила его два дня назад. Мрачные и горестные воспоминания тут же растаяли, как лед под лучами жаркого солнца, развеялись, как холод от пламени костра, который, как ему казалось, давно угас. Нет, не угас, в нем еще теплится искра любви.

Он присел в постели, чувствуя, что обливается потом. Этому необходимо как можно скорее положить конец. Эйрин смотрела на него таким взглядом потому, что он почувствовал себя совершенным глупцом, только и всего. Такая юная и красивая особа никогда не сможет счесть его достойным своего внимания.

Следует, однако, признать, что находились молодые мужчины, которые отворачивали взгляды от Эйрин из-за ее изувеченной руки, но они и сами были недостойны жениться даже на самке собаки, не говоря уже о женщине столь высокого положения. Но имелись и другие мужчины вроде него, Даржа, которым совершенно не важно, какая рука у этой очаровательной юной особы.

— Глупость и вздорная мечтательность, — прошептал старый рыцарь. — Что с тобой происходит, Дарж из Стоунбрейка? Все это время ты если не предаешься горестным размышлениям о прошлом, то рисуешь в своем воображении картины несбыточного будущего. Так нельзя!

Скорее всего его одолела та же болезнь, что и леди Мелию. В последние дни она не раз погружалась в грезы далекого прошлого. Дарж заметил, что это вызывало у Фолкена нешуточную тревогу, однако, судя по всему, бард просто не знал, что делать. Сама Мелия также не осознавала, что ведет себя несколько необычно. Это было как раз самым странным. Даржу еще не доводилось встречать в своей жизни людей, столь уверенных в себе и собственных способностях, как Мелия.

Стало немного светлее. Значит, это все-таки утро, а не ночь.

Дарж встал и оделся, натянув на себя новые штаны и жилет. С некоторой долей зависти отметил про себя, что это

одеяние удивительно подходит для здешнего климата. Только подойдя к двери, он заметил, что постель Фолкена пуста. Он прошел в заднюю, более просторную комнату.

— Доброе утро, мой дорогой! — воскликнула Мелия. Она стояла возле стола и разливала из кувшина по чашкам какую-то розоватую жидкость. — Выпьешь сока магры?

Дарж совершенно не представлял себе, что такое сок магры, поскольку никогда раньше о нем не слыхивал. Однако решил не обижать богиню отказом и, утвердительно кивнув, взял у нее чашку.

— Ты рано встал, — произнес Фолкен.

Он сидел в кресле и перебирал струны лютни.

— Так же, как и вы, — ответил Дарж.

Он в очередной раз с удивлением отметил про себя, что музыкальный инструмент как бы сросся с бардом, стал едва ли не частью его существа. Иногда Фолкен, видимо, сам того не замечая, говорил с певучей интонацией своей любимой лютни, словно заменяя ее своим певучим голосом.

— Я рада, что вы встали и готовы отправляться в путь, — сказала Мелия. — Прошлой ночью мне стало известно, что назначено собрание Этериона. Оно начнется на рассвете.

Дарж нахмурился:

— Я наверняка услышал бы шаги посыльного, приди тот с подобным известием в наши комнаты, но я ничего не слышал.

Мелия лишь улыбнулась в ответ и налила себя чашку сока. Дарж уже хорошо знал, что в таких случаях не стоит проявлять излишнего нетерпения и не требовать объяснений. Во всяком случае, общаясь с леди Мелией, этого делать точно не следовало. Поэтому он решил сделать глоток из своей чашки. Сок оказался сладким и холодным. Дарж не успел заметить, как чашка его опустела.

— Еще сока? — спросила Мелия, и Дарж утвердительно кивнул.

Сок магры действительно пришелся ему по душе.

Они добрались до ворот Второго Круга к тому времени, когда солнечные лучи коснулись самых высоких куполов города.

— Нам следует поторопиться, — сказал Фолкен, посмотрев на небо. — Вы ведь сказали, что собрание Этериона начнется на рассвете. Нельзя опоздать.

— Конечно, — отозвалась Мелия и гордой поступью прошагала под сводами ворот.

Дарж вопрошающе посмотрел на Эйрин и Лирит, но те лишь пожали плечами. Мол, откуда им знать, что имела в виду Мелия. Хотя девушки проснулись несколько поздно и одевались в спешке, выглядели они на удивление хорошо. Они зачесали волосы наверх и закололи их так, как это обычно делали местные женщины. Белокожая Эйрин, как ни старалась изменить

свою внешность, выглядела типичной северянкой. Что же касается Лирит, то она, со своей смуглой кожей, легко могла бы сойти за уроженку Тарраса, причем особу знатного происхождения.

— Ох, Мелия! Стоит ли в столь ранний час говорить загадками? — простонал Фолкен.

— Но ведь все предельно просто, — пояснила богиня. — В самые ранние рассветные часы в Этерионе соберутся только жрецы и жрицы менее могущественных храмов. Опоздание же будет означать, что опоздавший столь уверен в своем положении или настолько всеведущ, что не боится пропустить чего-то такого, что остальным кажется важным. И чем позже ты приходишь...

— ...тем более значительной и важной фигурой являешься? — вопросом закончила фразу Мелии Эйрин.

— По крайней мере в глазах окружающих ты являешься такой важной особой! А в Таррасе, дорогая, подобное порой играет огромную роль!

Даржу ее слова все равно показались непонятными.

— Не понимаю, как можно быть важной фигурой только потому, что ты сам уверовал в это. Даже будь я уверен в том, что у меня есть оружие, но его на самом деле у меня нет, что помешает моему противнику воткнуть свой меч мне в живот? — сказал он.

Мелия ласково коснулась пальцами его щеки:

— Вас это могло бы удивить, дорогой, но это так.

Когда они вышли на улочки Четвертого Круга, то оказалось, что вокруг полно народа. К голубому куполу, возвышавшемуся над куполами других храмов, направлялись огромные толпы местных жителей, мужчин и женщин. Шагавшие вперед вместе со всеми Лирит и Эйрин двигались, наклонив друг к дружке головы. Обе молчали — по крайней мере губы их не шевелились, — но Даржу показалось, что девушки разговаривают. В первый вечер их пребывания в городе, когда Лирит рассказала об увиденном ею волшебном клубке, рыцарь сразу не понял, что она имела в виду. Однако Эйрин побледнела, как будто на нее обрушился порыв холодного ветра, а Мелия и Фолкен обменялись понимающими взглядами и кивками.

После этого Лирит стала вести себя более сдержанно и замкнуто, почти все время молчала, изредка перекидываясь парой слов с Эйрин. О колдовстве и колдуньях Дарж знал очень мало, однако логика подсказывала ему следующее: похоже, что это не случайно, что кишащий клубок, виденный Лирит, так вырос здесь, в Таррасе, городе, где неизвестные убийцы посягнули на жизнь самих богов.

Однако Даржа в последнее время больше беспокоило другое: кто тот человек, что покушался на жизнь Лирит? Почему он следил за ними все то время, пока они шли по пристани? И почему все-таки решил причинить вред кому-то из них?

Этого рыцарь не знал. И всю дорогу сожалел о том, что оружие — его замечательный меч — пришлось оставить в гостинице.

Будь начеку, Дарж из Стоунбрейка! Как только время приблизится к закату, вас будет ожидать великая опасность...

Ход его размышлений прервал громкий пронзительный детский плач.

Дарж поднял глаза и увидел, что его спутники ушли немного вперед. Видимо, они не слышали детского плача. Неужели это снова призраки, только на сей раз уже не безмолвные?

Дарж обернулся, сделал глубокий вдох и наконец увидел, откуда доносился плач. Этот был вовсе не призрачный, а самый что ни на есть настоящий ребенок, мальчик лет четырех-пяти. Он стоял недалеко, на другой стороне улице. Его черные волосы были взъерошены, по круглому личику текли слезы. Скорее всего он потерял родителей. Мальчик плакал, размахивая руками. Пальцев видно не было, потому что рукава его одеяния были слишком длинны и едва ли не волочились по земле.

Дарж озабоченно нахмурился. Дело не в длине рукавов. Одежда ребенку слишком велика. Скорее всего он одет в одежду взрослого мужчины. Судя по виду, раньше ее носил какой-нибудь жрец. Но зачем плачущий ребенок нацепил на себя жреческий балахон? Мальчишка снова огляделся по сторонам, после чего заплакал еще громче и горестнее.

Даржа по-прежнему смущало нелепое одеяние ребенка.

— Дарж! — услышал он. — Пошли!

Это была Эйрин. Она чуть отстала от своих спутников. Девушка знаками показала рыцарю, чтобы тот поторапливался.

Дарж оглянулся на плачущего малыша. К мальчику подошла какая-то женщина и о чем-то разговаривала с ним, явно пытаясь успокоить и узнать название улицы, на которой тот проживает.

Увидев, что ребенок теперь не пропадет, Дарж поспешил за своими товарищами.

Тем не менее детский плач еще долго стоял в его ушах.

42

Когда спутники прошли под сводами Этериона между массивными мраморными колоннами, лучи солнца еще только коснулись верха крепостных стен Первого Круга.

Они шагали по огромному, словно бесконечному коридору. Вскоре с одной стороны стена закончилась, перейдя в каменную балюстраду, за которую поспешно ухватился, спот-

кнувшись обо что-то, Дарж. Когда он увидел открывшуюся его взгляду картину, то подумал, что соорудить такой величественный храм вряд ли под силу даже умелым градостроителям его родного Эмбара. Распростертый над головой рыцаря купол Этериона был настолько огромен, что под его сводами вполне разместился бы целый замок и еще осталось бы немало свободного места. Противоположная стена находилась от них так далеко, что ее невозможно было толком разглядеть. Исполинский купол у Даржа над головой был таким же, каким и снаружи, — небесно-голубым и удивительно похожим на само небо. Наверху располагались огромные круглые окна, сквозь которые в храм проникали золотистые солнечные лучи. В вышине, над головами вошедших, порхали стайки птиц.

Этерион образовывал огромный круг. Вдоль стен рядами стояли массивные мраморные колонны. Дарж насчитал их семь ярусов. Между каждой парой колонн были устроены ложи, в которых могли располагаться зрители. Ложи нижних ярусов оказались настолько малы и тесны, что в них можно было только стоять. Верхние же, напротив, были просторны и уставлены шезлонгами, на которых жрецы могли поудобнее устроиться во время храмовых ритуалов и церемоний. Скорее всего в Этерионе высокое положение значило много больше, чем даже в самом Таррасе.

— Посмотрите-ка на Даржа! — улыбаясь, воскликнула Эйрин. — Сейчас ему в рот птица залетит! Готова поспорить, он охвачен благоговейным ужасом!

— А я утверждаю, — рассмеялся Фолкен, — что он пытается представить себе, как здешние зодчие ухитрились возвести такую громадину!

— Думаю, без посторонней помощи не обошлось, — заметила Лирит, искоса посмотрев на Мелию.

— Пойдемте за мной! — сказала та. — Моя ложа вон там!

Даржу наконец удалось переключить внимание с величественной красоты храма на другую тему:

— *Твоя* ложа, Мелия?!

Богиня пожала плечами:

— Вообще-то, будь здесь сейчас Тум, мне пришлось бы делить ее с ним. Ложа предназначена для нас, Девяти богов. Хотя, попытайся мы все вместе занять бы ее, она была бы для нас тесноватой!

Ложа Мелии находилась на шестом ярусе. Выше нее, напротив огромной арки, которая служила одновременно и входом и выходом из храма, располагался только один, высший, седьмой. Ложа оказалась просторной, уставленной красивыми и удобными столами и креслами полированного дерева. Однако всю мебель покрывал толстый слой пыли. Сколько же времени прошло с тех пор, как Мелия в последний раз была в Таррасе? Прежде

чем Дарж успел задать этот вопрос, богиня стремительно взмахнула рукой, и пыль тут же куда-то исчезла. Или она только пригрезилась ему?

Посчитав ненужными какие-либо расспросы, рыцарь сел вместе с остальными, выбрав место поближе ко входу в ложу. Дарж не желал быть застигнутым врасплох, если вдруг к ним осмелится войти незваный гость.

Вскоре в ложу действительно вошли, но это оказался всего лишь слуга, который принес кувшин с вином и пять кубков. Другой слуга принес чашу с фруктами бледно-зеленого цвета, которых Дарж раньше никогда не видел.

— Скажи, Мелия, — обратилась к богине Эйрин. — Ты будешь выступать на Этерионе?

— Вряд ли, дорогая. Во всяком случае, сегодня не буду, — сказала Мелия и протянула баронессе кубок с вином. — Мне почему-то кажется, что теперь я здесь чужая. Просто хочется послушать тех, кто будет выступать, и выяснить кое-что для себя о верованиях некоторых храмов. Как знать, может, те, кто замыслил недоброе против Ондо и Геба, невольно выдадут себя, когда им придется взять слово и выступить перед собравшимися. Так часто случается с истинными виновниками содеянного зла.

В голове Даржа мелькнула мысль, что вероятность этого чересчур мала. Однако говорить об этом вслух он не стал. Те, кто посягнул на жизнь богов, явно не новички в злодейском ремесле.

Заполнена была лишь половина лож Этериона. Не оставалось никаких сомнений, что жрецы опасались покидать стены храмов — ведь убийца все еще разгуливал на свободе. В конце концов, в городе убивали не одних только богов.

— Кажется, сейчас все начнется, — сказала Мелия. — Давайте послушаем!

Она подошла к стене, на которой висел позолоченный рог в виде трубы, и сняла крышку, прикрывавшую его широкую часть.

Дарж сел у двери и оказался таким образом далеко от балюстрады. Ему то и дело приходилось вытягивать шею, чтобы разглядеть то, что происходило внизу. Белый пол Этериона был пуст и гол, за исключением треугольного возвышения из светлого камня, на котором стояли три фигуры в белых одеждах и находился пьедестал с установленным на нем золотым шаром. На том же пьедестале вздымались ввысь три золотых рога, такие же, как и тот, что висел на стене ложи. Дарж снова задумался о том, для чего те могут предназначаться. Если это трубы, то они находятся в неправильном положении.

— Это кто такие? — шепотом спросила Эйрин у Мелии.

— Три Голоса Этериона, — вполголоса пояснила ей богиня. — Каждый год для этой цели избирают новых людей,

они должны вести собрание. Первый избирается храмами, жрецы которых занимают два самых нижних яруса, второй — храмами верхних ярусов и третий — храмами средних. Таким образом, представлены все храмы.

Эйрин собралась было задать новые вопросы, но в этот момент один из людей, стоявших на возвышении, поднял руку и заговорил. Это оказался жрец высокого роста, с длинными черными волосами. Даже на расстоянии было видно, что его глаза злобно сверкают.

— Я заявляю, что в Этерионе будет порядок!

Сначала у Даржа мелькнула мысль, что голос жреца совершенно не будет слышен с такого большого расстояния, однако каким-то непонятным образом он был явственно различим в их ложе. Несмотря на мощь голоса стоявшего на возвышении жреца, зрители продолжали переговариваться друг с другом, переходить с одного яруса на другой и заходить в другие ложи.

— Я не совсем уверен в том, что в Этерионе действительно знают, как навести прядок! — пренебрежительно усмехнулся Фолкен.

Мелия на какой-то миг болезненно поморщилась, но ничего не сказала.

Дарж следил за происходящим со смешанным чувством интереса и презрения. Совершенно ясно, что бард прав. Они стали свидетелями не упорядоченного собрания свободных граждан, призванного решать важные вопросы, а скорее подобия беспорядочной рукопашной схватки, в которой роль оружия выполняли слова.

Вскоре Дарж узнал, что жреца, стоявшего сейчас на возвышении, зовут Медрис. Он представлял храм Зета, одного из наиболее могущественных и почитаемых в Таррасе богов. Его культ исповедовал сам император.

Стоявшую рядом с ним женщину звали Ванера. Гордой осанкой и ростом она почти не отличалась от Медриса, однако являла собой холодное серебро по сравнению с его раскаленным добела железом.

Из слов жрецов Дарж также узнал, что Ванера — верховная жрица храма Ирсайи-охотницы. Когда же об этом услышала Эйрин, у нее перехватило дыхание. Рыцарю было известно, что Ирсайя — самая почитаемая богиня у жителей доминионов, однако на Этерионе Ванера представляла лишь жрецов среднего яруса.

Третий человек, представлявший самые нижние ярусы, был облачен в серо-коричневое одеяние. Его имя было Лидерус и он представлял храм Гола — бога отшельников-аскетов.

Дарж знал, что боги на Этерионе отсутствовали, их представляли жрецы их храмов. И все же незримое их присутствие каким-то образом ощущалось, оно было как будто разлито в воздухе. Эмбарцу это напомнило ощущение, которое он испытывал

у себя на родине в предгрозовые минуты, когда с севера вот-вот должны были обрушиться ураганные ветры.

— Круг открыт, — произнес Медрис. — Кто желает обратиться к Этериону?

Со всех сторон с балконов лож свисали разноцветные развернутые полотнища. Медрис смерил их пристальным взглядом и продолжил:

— Этерион признает право храма Ватриса Быкоубийцы на слово!

После этого он возложил руку на венчавший пьедестал золотой шар. Раздался негромкий звук, напоминавший хлопанье крыльев, и откуда-то снизу, из тени, что-то взлетело в воздух. Насколько Дарж мог судить, это был огромный кристалл, обрамленный деревянной рамой. Он напоминал окно, вокруг которого не было стен, сделанное из такого толстого стекла, что предметы по другую сторону от него меняли свои пропорции и очертания. К раме крепились два позолоченных рога.

Кристалл покоился на неком подобии каркаса из металла и дерева. С ним причудливо сопрягались всевозможные механизмы и шарниры, назначения которых рыцарь так и не сумел уяснить для себя, так как сидел слишком далеко. Кристалл начал подниматься вверх, к самому верхнему ярусу.

— Достаточно! — крикнул стоявший на возвышении Лидерус.

Голос его был резким, но не слишком громким. Однако он прозвучал в ложе столь же отчетливо, как и голос Медриса.

Лидерус шагнул прямо к центру возвышения.

— Как явствует из летописи, на последнем Этерионе заключительную речь держал храм Ватриса с первого яруса. Таким образом, первенство сегодня должно быть передано храму другого яруса, если он пожелает выступить перед собравшимися. Сейчас к Этериону обратится храм Ондо.

Медрис посмотрел на Лидеруса. Гнев в его взгляде читался даже с их верхнего яруса. Затем мужчины посмотрели на Ванеру — та тоже стояла на возвышении, но немного поодаль. Она, в свою очередь, посмотрела куда-то вбок. Дарж только сейчас заметил, что за возвышением находится что-то вроде ямы. В ней сидел писец, яростно водивший пером в книге. Захлопнув ее, он кивнул Ванере.

— Да, в летописи сказано именно так, как говорит Лидерус, — громогласно провозгласил он. — Пусть говорит храм Ондо!

Лицо Медриса приняло неприязненное выражение, и он сошел с пьедестала. Лидерус положил руку на золотой шар. В следующее мгновение кристалл снова пришел в движение, и механические руки опустили его на уровень третьего яруса и совершили полукруг по периметру всего Этериона. Дарж наконец понял, что движения кристалла соответствовали движениям пальцев Лидеруса, скользившим по поверхности шара — неким образом он управлял кристаллом.

Кристалл остановился перед ложей, в которой жрецы развернули золотистый флаг. Назначение его стало окончательно ясно после того, как один из жрецов шагнул к кристаллу, и кристалл увеличил изображение его лица так, что оно заняло внутреннее пространство всей рамы. Теперь его мог видеть весь Этерион. Наклонившись к золотистому рогу, жрец заговорил, и его голос теперь был слышен в каждой ложе.

Дарж начал понемногу понимать происходящее. Рога на кристалле выполняли ту же роль, что и рога, в которые говорили стоявшие на возвышении жрецы. Они каким-то образом доносили голос того, кто говорил в них, до всех зрителей, причем значительно усиливая. Это был своего рода фокус, как и сам кристалл. Но, черт возьми, удивился про себя Дарж, оказывается с изображением и звуком можно обращаться точно так же, как с деревом или металлом. Таррасцы воистину гениальные инженеры и изобретатели. Или по крайней мере были ими тысячу лет назад, когда возводили Этерион.

К собравшимся теперь обращался жрец храма Ондо. Он говорил резким, пронзительным голосом.

— Это неслыханно! Да как посмел другой храм заговорить прежде, чем слово возьмем мы, последователи Ондо, лишившиеся своего великого бога? С какой стати храм Ватриса осмелился посягнуть на право быть услышанным первым?! Не иначе именно их бог совершил это злодеяние! — С губ жреца слетали капельки слюны, упав на кристалл, который тут же увеличил их в несколько раз. — Всем известно, что Ватрис Быкоубийца жаждет крови!

Со стороны лож донесся ропот негодования и громче всего — с той стороны, где находились жрецы храма Ватриса. Они принялись энергично размахивать красным флагом.

— Пусть говорит теперь храм Ватриса! — провозгласил Медрис.

Лидерус собрался было выразить протест, но Ванера отрицательно покачала головой. Медрис ухватился обеими руками за шар. Кристалл взлетел вверх и поплыл параллельно полу в направлении самого верхнего яруса.

— Вы лжецы! Бессовестные лжецы! — проревел один из жрецов, огромный дородный мужчина. Его толстая шея раздулась от гнева, грозя разорвать ворот его малинового одеяния. — Ни для кого не секрет, что любое слово, произносимое жрецами храма Ондо, — чистая ложь! Так было еще до того, как погиб ваш бог, и с тех пор ничего не изменилось!

Своды Этериона огласили крики негодования и презрительный свист. В знак согласия с говорящим вверх взметнулись десятки флагов. Жрецы храма Ондо явно дрогнули под натиском обрушившегося на них всеобщего возмущения.

 Фолкен тихонько присвистнул:

— Похоже, что друзей и сторонников у храма Ондо здесь не так уж много, верно?

— Но все равно убивать его никто не имел права! — ответила Мелия.

— А я и не говорю об этом.

Мелия откинулась на спинку кресла и вздохнула:

— Видимо, они правы. Ондо всегда отличался непомерным себялюбием. Но плохим богом он не был!

— Не беспокойся, Мелия! — заверил ее Фолкен. — Мы найдем истинных виновников!

Однако Дарж не разделял уверенности барда. Этерион продолжался, и слово один за другим брали жрецы других храмов. Казалось, флаги находятся в постоянном движении, а кристалл безостановочно перелетает по всему помещению храма — это Медрис, Лидерус и Ванера, отталкивая друг друга, поочередно хватались за поверхность золотого шара.

К тому времени, когда было решено закончить Этерион, обсуждаемые вопросы оказались до предела запутанными. К единому мнению так и не пришли. Храм Ондо обвинял другие храмы в том, что это они задумали злодейское убийство их бога — даже те храмы, жрецы и жрицы которых пали от рук неизвестных убийц. От храма Крысиного Бога не выступил никто, его жрецов почему-то здесь не оказалось. Не успело закончиться обсуждение, как жрецы — мужчины и женщины — стали стремительно покидать свои ложи и поспешно направились вниз. Единственное Дарж понял наверняка — ни один из храмов не имеет представления о том, что происходит в городе, и все жрецы смертельно напуганы. А еще он не сомневался, что ни один из присутствовавших на Этерионе не причастен к убийству Ондо. Это не слишком много, однако достаточно для размышлений.

Спутники рыцаря встали, собираясь покинуть ложу. Дарж открыл дверь и первым шагнул за порог, чтобы убедиться, что им не угрожает никакая опасность. Огромный коридор был полон людей. Мимо проходило множество народу, все торопились к выходу.

Неожиданно внимание Даржа привлекли несколько человек. Шагах в двадцати от него торопливо шагали по коридору три жреца. Они шли против людского потока, к противоположному выходу. Жрецы были одеты в темно-серые одежды, украшенные блестящими нитями. Дарж не мог припомнить, видел ли он сегодня в храме людей в таких одеждах. Кто эти жрецы? Все трое явно торопились, желая побыстрее достичь двери, ведущей на лестницу. Они старательно натягивали на глаза капюшоны, словно хотели остаться неузнанными. Нырнув в дверь, жрецы исчезли из поля зрения рыцаря. Вместе со своими спутниками Дарж шагнул под своды колоннады. Он повернулся к Мелии, чтобы спросить ее об этих жрецах, но

прежде чем он успел открыть рот, богиня помчалась вперед по коридору.

— Сюда! Я сейчас поговорю с Орситом! — воскликнула Мелия.

Они приблизились к старому жрецу, которого почтительно поддерживал под руку юный Ландус. Это несколько удивило Даржа, поскольку, когда Орсит свободно парил в воздухе в храме Манду, он показался ему подвижным и полным сил. Однако сейчас, вынужденный передвигаться при помощи обыкновенных, земных средств, он сильно горбился и крепко держался за руки своего молодого спутника.

Дарж заметил в глазах Мелии выражение горестного сожаления — видимо, богиня поняла, что, возможно, видит Орсита в последний раз. Как тяжело, однако, приходится в жизни таким, как Мелия и Фолкен! Они ведь пережили уже многих близких им людей. От этой мысли рыцарю стало грустно.

— Драгоценнейшая, — произнес Орсит, ласково улыбнувшись, — мне показалось, я заметил тебя сегодня в числе собравшихся в Этерионе, и не ошибся. Это ты. Признаюсь тебе, глаза мои в последнее время сильно ослабли. Теперь я одного лишь Манду четко представляю себе. Хвала небесам, что со мной всегда мой добрый Ландус. Из него когда-нибудь выйдет прекрасный жрец.

Юноша поспешно склонил голову, но окружающие успели заметить скользнувшую по его лицу улыбку.

— Хотелось бы услышать твое мнение о сегодняшнем собрании, — сказала Мелия. — Боюсь, оно не слишком удалось.

— А ты надеялась на благоприятный исход, драгоценнейшая? — вопросом ответил ей Орсит. — Нам всем остается лишь надеяться. Надежда — наше последнее пристанище.

Мелия собралась что-то ответить, но что именно, Дарж так и не узнал, потому что в следующее мгновение по коридору прокатилась волна страшного грохота, словно прогремел раскат грома. Затем еще один и еще. На самом деле никакого грома под сводами храма прогрохотать не могло, несмотря на его исполинские размеры. Да и не слишком этот звук был похож на настоящий раскат грома.

В коридоре послышались крики. Люди устремились туда, откуда доносился гром. Дарж обменялся взглядами со своими спутниками, и они все вместе побежали вслед за толпой жрецов в развевающихся одеяниях, оставив Орсита и Ландуса.

Коридор свернул влево, по периметру Этериона. Дарж раскидал в стороны кучку жрецов в шафранного цвета одеждах — те полетели друг на друга и потом еще долго тщетно пытались подняться на ноги.

Представшее взору рыцаря зрелище вынудило его и его спутников застыть на месте. На беломраморном полу коридора

лежали три неподвижных тела. Вокруг растекалась лужа крови. Один из убитых, запомнившийся Даржу дородный жрец, лежал на спине. Глаза остекленело смотрели вверх, на лице застыла маска мучительного удивления. Да, это был он, жрец храма Ватриса. Судя по цвету одежд, двое остальных принадлежали к тому же храму. Все они, вне всякого сомнения, были мертвы.

Дарж и Фолкен приблизились к мертвым телам. В воздухе висел дым с острым, неприятным запахом.

Рыцарь и бард опустились на колени, чтобы получше рассмотреть тела убитых. В одном месте одежда дородного жреца была разорвана. Фолкен потянул за лоскуток, и оторвал его дальше. Взгляду предстала небольшая рана на груди убитого. Из нее все еще сочилась кровь. Рана совсем не походила на рану от стрелы, которую в свое время получил Дарж. Поблизости не было никаких намеков на то, каким оружием убили жреца.

Фолкен встал. Руки его были перепачканы в крови.

— Не понимаю. Каким же заколдованным оружием воспользовался убийца?

Дарж также не мог этого взять в толк. Зато ясно было одно. Даже в Этерионе находиться небезопасно.

43

Лирит шла по пыльным улочкам Пятого Круга. Бесчисленные торговцы наперебой предлагали ей купить самые разные товары — серебряные кольца, ковры, фрукты, разноцветные шали, жареное мясо. Это был внешний круг Тарраса, где обитали бедняки и изгои общества. Лирит снова закрыла глаза, мысленно вытягивая нить из Паутины жизни.

Где же вы, сестры? Вы должны быть где-то рядом. Подскажите мне, где вас найти!

Ответом была только тишина и негромкий шум жизни, неизменно и неустанно сопровождающий Паутину жизни.

Открыв глаза, она увидела старика. Тот сидел на ковре, расстеленном прямо на мостовой, и торговал деревянными амулетами и статуэтками. Это были миниатюрные идолы, изображавшие новых богов. Почитатели этих богов обычно носили их с собой, храня в кармане или привязав узелком к шали. Лирит узнала некоторых из них — грубо вырезанного из дерева быка с иглой в боку почитали приверженцы культа Ватриса Быкоубийцы, человечка с лошадиным лицом — приверженцы Йоруса. Других идолов девушка не знала, например, четырехрукую богиню с безмятежной

улыбкой на лице, бога с белоснежными крыльями или еще одного бога с козлиными рогами и ногами, зловещей улыбкой и огромным фаллосом.

Лирит больше не стала задерживаться возле торговца идолами и защагала дальше. Что ж, может, она ошибается, и ее сестер здесь нет. Может, новые боги действительно изгнали ее из этих мест.

Но ты же знаешь, что это не так, сестра. Сайя находится повсюду, даже в этом городе, где властвуют новые боги.

Лирит пошла дальше. Ей попадались лица самых разных оттенков кожи. Некоторые были такими же смуглыми, как она, а у отдельных прохожих кожа оказалась даже темнее. Лирит уже давно не встречала людей, столь сильно внешне с ней схожих. Совсем немногих она встретила в Кораите, и еще меньше — в доминионах. Неужели она той же крови, что и здешние жители?

Этого ей никогда не узнать. Как не сможет она спросить о своем происхождении у родителей. Известно лишь то, что они не всегда жили в Толории, а еще до того, как она, Лирит, появилась на свет, побывали во многих странах. Больше она о них ничего не знала.

Девушка вышла на площадь. Одетые в лохмотья детишки бегали от краснолицых торговцев, а женщины наполняли глиняные кувшины водой из грязноватого фонтана. На одной стороне площади прямо на булыжной мостовой сидели, прислонившись спиной к стенам домов, несколько мужчин и женщин. Сначала Лирит подумала, что это уставшие от работы ремесленники присели передохнуть. Подойдя ближе, она поняла, что ошиблась.

Их глаза были полузакрыты и смотрели в пространство бессмысленным, отупелым взглядом. У всех были высохшие, как палки, конечности, грязная, дурно пахнущая, обтрепанная одежда. Вокруг обожженных жарким солнцем лиц роились мухи. На лицах блуждали безумные улыбки. Покрытые лиловыми пятнами губы растянуты в неприятной ухмылке. В руках — пустые деревянные чашки.

Повинуясь непонятному импульсу, Лирит потянулась мысленным взором к Паутине жизни в поисках нитей этих людей. От этой затеи она тут же отказалась, потому что от омерзения ее едва не вырвало. Но Лирит успела рассмотреть их нити, они были темными и какими-то сморщенными.

— Не хотите ли чашечку, сударыня? — услышала она чей-то хриплый голос.

Прямо перед ней вырос какой-то мужчина. Когда-то он, видимо, имел довольно привлекательную наружность, но давно уже лишился зубов, а кожа лица висела складками, как будто не соприкасалась с черепом. До Лирит донесся сладковато-приторный запах гниения. Его губы были покрыты такими же лиловыми пятнами, как и у тех, кто сидел на мостовой.

— Что? — спросила девушка, едва не задохнувшись от зловония.

— Это новый напиток, сударыня. У него бесподобный вкус, какой вам никогда не доводилось пробовать. — Мужчина протянул ей чашку, подняв ее на уровень лица. — Его называют Эликсиром Прошлого. Выпейте его, и к вам вернутся самые заветные ваши воспоминания! Вы снова переживете сладостные минуты прожитых лет.

К горлу Лирит поднялась тошнота. Пережить снова и снова свое прошлое?

— Нет! — решительно произнесла она, все еще борясь с тошнотой.

И зашагала дальше. Мужчина, казалось, даже не заметил ее ухода и повернулся к другому прохожему, предлагая все тот же Эликсир Прошлого. Тот протянул монету и получил за нее чашку. Лирит поспешила покинуть площадь.

Наконец, когда ей все-таки удалось справиться с приступом тошноты, Лирит решила свернуть на другую улицу. Наступил полдень, а она все не нашла того, что искала. Ее спутники будут ломать голову над тем, где она сейчас, ведь Эйрин она сказала, что идет немного прогуляться по городу.

Куда ты, сестра? Их следует искать именно здесь!

В следующее мгновение Лирит увидела в каменной стене похожую на грот арку. За ней простиралось затемненное золотисто-зеленое пространство. Как зачарованная девушка приблизилась к гроту.

Под сводами арки оказались чугунного литья ажурные ворота, через прутья которых Лирит увидела сад. От него веяло прохладой. Девушка толкнула ворота, но они были заперты.

Лирит принялась рассматривать ворота. Они оказались на замке, на запоре, но не металлическом или деревянном. Роль замка выполняли живые виноградные лозы, которые плотно оплетали железные прутья. Девушка задумалась. Странно. Для того чтобы лоза разрослась так сильно, должно пройти немало времени. Однако сад казался ухоженным, как будто рука человека касалась его только вчера.

До Лирит вскоре дошло. Ворота были на самом деле заперты, но лишь для того, кто не знал, каким «ключом» следует их открывать. Лирит просунула руку через решетку и провела пальцами по лозе. Заклинание оказалось совсем несложным, так что ей даже не пришлось закрывать глаза. Она мысленно представила себе, как прикасается к нитям растений и распутывает их.

Лозы тут же отпустили прутья решетки.

Лирит толкнула ворота, и их створки отворились внутрь. Она шагнула под свод грота. За спиной что-то проскрежетало, но не понадобилось даже оглядываться — это ворота снова

закрылись у нее за спиной. Девушка зашагала вперед по узкой тропинке, мимо ровных рядов фруктовых деревьев и цветов.

Голоса звучали очень тихо, так что Лирит сначала приняла их за журчание невидимого фонтана. Затем мысленно услышала негромкий шепот и поняла, что она не одна.

Кто это такая?

Самозванка. Почитательница новых богов.

Нет, дочери! Она знала заклятие. Она искусно расплела его.

Значит, она откуда-то с севера.

Но у нее смуглое лицо.

Пусть даже она с севера, все равно в ее жилах течет южная кровь.

Что же нам делать? Она тут же почувствует, что мы собрались на шабаш!

Но она уже здесь!

Затем наступила тишина. Лирит замерла в ожидании. Вокруг нее трепетала листва, хотя никакого ветра не было. Девушка открыла свой разум и свои мысли, чтобы сестры могли понять, кто она такая. Их было не меньше дюжины, а может, даже больше.

Выносить эту звенящую тишину у Лирит больше не было сил. Она собралась что-то сказать, когда в ее голове прозвучал хор негромких голосов.

Добро пожаловать, дочь Сайи!

44

Когда Лирит вернулась в гостиницу, взошло солнце, окрасив небо из оттенков аметиста в оттенки оникса. Сидевшая в кресле возле окна Мелия подняла на нее взгляд. На коленях у нее зевал и потягивался пушистый котенок.

— А мы беспокоились из-за тебя, дорогая!

Хотя голос богини прозвучал спокойно и нежно, Лирит тем не менее обеспокоенно заморгала.

— Видишь, Дарж? — произнес Фолкен. — Я же говорил тебе, что она вовсе не пропала, на нее не нападали разбойники и она не лежит где-нибудь на дне заброшенного колодца!

— Удивительно, что этого не случилось, — ответил рыцарь.

Мужчины сидели за столом, играя в неизвестную Лирит игру, в которой пользовались круглыми, шлифованными камешками. Несмотря на прозвучавшую в голосе барда игривость, выражение его лица оставалось безмятежным, а Дарж выглядел даже спокойнее обычного. Не было никаких сомнений, что они

пережили немало неприятных минут, опасаясь за ее жизнь. Ведь на нее уже покушались.

— Со мной все в порядке, — ответила девушка и тотчас поняла, что ее слова совершенно не соответствуют действительности.

— Где ты была, Лирит? — бросилась к ней с вопросом Эйрин.

В голове Лирит тут же прозвучали новые слова подруги.

Я звала тебя, но ты не отзывалась!

От Лирит не ускользнул взгляд Мелии — богиня вполне могла подслушать мысленный голос Эйрин.

— Я ходила искать колдуний! — громко произнесла она вслух.

Лирит могла бы поговорить этой ночью с Эйрин наедине, но, что бы ни говорила Иволейна, Мелия и Фолкен ее друзья. А поскольку деяния колдуний приводили Даржа в неловкое положение, лучше всего сообщить всем своим спутникам о том, что она узнала.

Однако, начав свой рассказ, Лирит почувствовала, что сама не вполне уверена в том, что ей недавно стало известно.

Она отправилась в город на поиски других колдуний в надежде узнать что-нибудь новое о клубке в Паутине жизни. Ведь он оказался гораздо крупнее того, что она видела в Ар-Толоре. Эйрин его не видела, а вот кто-нибудь из колдуний, обитающих в Таррасе, мог. Лирит рассудила так — узнав об этом, она сможет также получить ключ к разгадке таинственных убийств.

По крайней мере девушка сильно на это надеялась. Ее спутники с интересом выслушали рассказ о том, как она проникла в волшебный сад. Среди колдуний, которых она там обнаружила, оказались как знакомые ей женщины, так и незнакомые. Это точно были колдуньи — дочери Сайи. Именно так они называли себя — ведь только им известно, как сплетать Паутину жизни и как общаться при помощи ее нитей.

Однако не все оказалось просто. Эти колдуньи не были частью Узора, сотканного на землях доминионов. А поскольку Сайя действительно присутствовала в Таррасе, ее присутствие было безмолвным, его заглушал яркий свет новых богов. Заклятия местных колдуний не отличались большой силой, как то, например, что запирало ворота, ведущие в волшебный сад и которое Лирит с легкостью сумела снять. Однако они обладали и несомненными талантами, которые были Лирит неизвестны и вызвали ее удивление. Например, отличались способностью общаться мысленно, но без помощи нитей Паутины.

Лирит представила себе, что последователи подобных старинных религий вряд ли будут популярны в любом городе, где преобладают культы новых богов. Так что неудивительно, что свои способности они держали в строгом секрете. В результате они обладали даром совместно налагать заклятия — так,

как когда-то Лирит доводилось видеть вне плетения Узора. Оказавшись в саду, Лирит попала на шабаш тринадцати колдуний и смогла пообщаться с ними всеми как с одним человеком. Ей удалось запомнить имя только одной из них — самой старой. Ее звали Теста, и она была старшей колдуньей на этом шабаше.

— Так видел хоть кто-нибудь из них этот клубок? — спросила Эйрин.

Лирит утвердительно кивнула:

— Некоторые видели. Но только те, что обладали даром Видения. Так сказала мне Теста.

Эйрин строго поджала губы:

— Но почему тогда его видела *ты*, Лирит? Ведь ты...

Лирит горестно вздохнула. Она все еще сомневалась в словах Тесты, но что ей оставалось ответить?

— Те из нас, что обладают даром Видения, видели тот самый клубок, о котором ты говоришь, — сказали колдуньи, иногда говоря голосом Тесты, иногда шепчущим хором. — Это было две луны назад, и с тех самых пор он разрастается все сильнее. Причина этого нам неведома, но мы боимся, что он является каким-то предзнаменованием. Некоторые из нас видели такие же сны, как и ты, сны о золотых пауках и о том, кто находится в тени. Он ожидает добычу, которая попадется в его сети.

В этом месте своего рассказа девушке пришлось сделать над собой усилие, чтобы выдержать взгляд Эйрин.

— Я не знаю, Эйрин, — произнесла она вслух. — Может быть, я обладаю лишь малой частичкой этого Дара. Видимо, я всегда знала об этом, хотя никогда не могла заставить себя признаться.

— Но, ради Сайи, почему? — спросила Эйрин, схватив ее за руку. — Это же прекрасно!

Лирит вся напряглась. Стоит ли сказать Эйрин те слова, которые произнесла Теста?

Мне все видно. Ты скрываешь свой Дар, подобно занавесу, приподнятому высоко над окном. Но теперь этот занавес разворачивается. Видение крепнет в тебе. Тот, кто когда-то страдал, иногда обретает такую силу, а твое прошлое точно отмечено печалью.

Так же, как и мое будущее, «сказала» Лирит, подумав о словах старой гадалки и карте, которую та вытащила. После чего покинула зал, в котором собрались на шабаш местные колдуньи.

— Я кое-чего не понимаю, моя дорогая, — произнесла Мелия, и Лирит обрадовалась вопросу богини. Она не знала, как и что ответить Эйрин. Кроме того, Даржа явно привел в неловкость ход, который принял ее рассказ. — Разве нет на землях доминионов колдуний, обладающих даром Видения? Почему никто из них не видел, как запутывается Паутина жизни?

— Не знаю точно, — ответила Лирит. — Но Теста упомянула, что к появлению клубка в паутине имеет отношение Юг, а ведь в моих жилах как раз течет южная кровь. Но я не уверена в том, что правильно поняла ее.

— Она в самом деле так сказала? — переспросила Мелия, и ее взгляд приобрел задумчивое выражение. — Может быть, может быть...

Неужели Мелия все-таки поняла смысл слов Тесты? Если это и так, то пояснений со стороны богини все равно не последовало.

— Ты не единственная, кто провел сегодня небольшое расследование, — сказал Фолкен. — Дарж, может, покажем Лирит нашу находку?

Девушка подошла ближе к рыцарю, и тот развернул какой-то лоскуток ткани. Взгляду Лирит предстал сплющенный кусочек металла. Он был покрыт каким-то липким, бурого цвета веществом. К горлу девушки подступила тошнота, она поняла, что это следы крови.

— Что это? — наконец смогла вымолвить она.

Дарж положил осколок металла на стол рядом с камешками недоигранной мужчинами игры.

— Я сегодня опять побывал в Этерионе и осмотрел место убийства жрецов храма Ватриса. Надеялся найти что-нибудь такое, что могло бы пролить свет на причину их гибели. И нашел это. Этот осколок вонзился в стену коридора. Такие вот кусочки металла и лишили их жизни.

Лирит вспомнилась жуткая картина — безжизненные тела, лужи крови.

— Я не понимаю. Не мог такой кусочек металла пронзить тела убитых и вонзиться в стену. Разве такое возможно?

— Вполне, если что-то могло запустить его с огромной скоростью.

— Но как подобного можно добиться?

Однако найти правильный ответ на этот вопрос был не в состоянии даже Дарж с его пытливым умом. Несмотря на то что сегодня и ему, и Лирит удалось кое-что разузнать, расследование тем не менее замерло на месте подобно тому же кусочку металла, намертво застрявшему в стене Этериона. Более того, если верить Мелии, Этерион пребывает в состоянии полного хаоса. После гибели жрецов храма Ватриса очень трудно назвать точную дату нового обсуждения в стенах Этериона. Кроме того, министр Ворот по-прежнему отказался сообщить императору о прибытии Мелии. Лирит опасалась, что с паутиной произойдет беда еще до того, как им удастся разыскать убийц.

— Тревожные мысли пробуждают во мне аппетит, — произнес Фолкен. — Мне кажется, пора попросить мадам Вил принести нам ужин.

45

Ужинали без особого удовольствия. За окном на вечернем небе появились первые звезды. Лирит понимала, что еда приготовлена превосходно, однако ей казалось, что она жует золу из костра. Никто не имел ни малейшего представления, как остановить убийц. Благодаря Дару или без его участия Лирит точно знала, что последуют новые убийства, прежде чем им удастся положить конец. Неужели и ей придется расстаться с жизнью?

Когда слуги убрали со стола и покинули комнату, Мелия обратилась к барду:

— Послушай, Фолкен! Может быть, песня или баллада помогут нам немного отвлечься от наших сегодняшних горьких дум?

Бард послушно извлек из футляра лютню и, немного подумав, кивнул:

— Пожалуй, я поведаю вам о новых богах и об их приходе в Фаленгарт. Это имеет прямое отношение к истории города, в котором мы с вами находимся.

— Думаю, будет лучше, если ты не станешь превозносить ни старых, ни новых богов! — торопливо произнесла богиня.

Котенок, лежавший у нее на коленях, недовольно заурчал.

— Не беспокойся, Мелия, — рассмеялся бард. — Я не обижу никого, обещаю тебе!

Мелия больше ничего не сказала, а остальные придвинули кресла поближе к столу. Бард заиграл негромкую, слегка меланхолическую песню. Она заставила Лирит задуматься о том прекрасном, что утрачено навсегда, о том, что ушло в небытие, но все еще оставалось в памяти.

— Помните тот рисунок в пустошах между Толорией и Перридоном? — нараспев произнес Фолкен. — Гиганта, изображенного на склоне холма?

Эйрин кивнула:

— Это один из старых богов. Его звали, кажется, Мог.

Дарж прочистил горло и тоже вступил в разговор:

— Не хочу оскорблять никого из старых богов, Фолкен, но, судя по тому рисунку, Мога трудно заподозрить в миролюбии.

Лирит вспомнился единственный огромный глаз Мога и его длинные клыки.

— Его действительно не назовешь добрым, — сказал Фолкен. — Мог был снедаем ядом и тенью. Он желал разрушить весь мир. Но таким он был не всегда. И это тоже будет частью моего рассказа.

В небе за окном высыпали звезды, когда Фолкен начал свое повествование, от которого кровь у Лирит попеременно то вскипала, то застывала, как лед.

— Давным-давно, — начал бард, — в лесах Фаленгарта, что на севере Зеи, обитали старые боги, а вместе с ними и их дети, Маленький Народец, которые выглядели все по-разному. Маленькие проказливые человечки, умные темные эльфы или гномы, а также светлые эльфы или феи, которые из всех прочих были особенно любимы старыми богами.

Людей в Фаленгарте не было, за исключением могримов, которые совсем не походили на современных людей. Могримы жили в лесах, одевались в шкуры животных, устраивали себе жилища в пещерах, охотились при помощи каменных ножей, поскольку, подобно Маленькому Народцу, не знали, что такое железо.

Долгие века старые боги были самыми могущественными созданиями в Фаленгарте: Олриг Одноглазый, Исани с Перекрестка Дорог, Дурнах-Кузнец. А Мог, Повелитель Сумерек, был самым сильным из них, и силой с ним способен был тягаться один только Олриг. Мог становился сильным лишь тогда, когда день умирал и на смену ему приходила ночь.

— Значит, уже тогда он отличался жестокостью? — спросила Эйрин.

— Нет, — возразила Мелия. — Зло не обязательно связано только с ночью. Только люди и боги способны творить зло ночью.

Фолкен кивнул:

— Мелия права. Но тогда, более тысячи лет назад, многое стало меняться. В Фаленгарте обитали одни только могримы, а люди — в Морингарте, огромной жаркой стране к югу от Летнего моря. Старые боги избегали Морингарта, предпочитая прохладные, влажные леса севера, и поэтому оставались равнодушны к городам людей.

Однако на юге неожиданно произошел великий пожар, и множество людей устремилось через море на север. Там они обнаружили города, в том числе и тот, что со временем сделался величайшим городом мира.

— Таррас, — пробормотала Лирит.

— Верно, — согласился Фолкен. — Создание Тарраса и других городов вдоль южных границ Фаленгарта заставило старых богов и Маленький Народец задрожать, как деревья под порывами сильного ветра. Они не понимали людей, приплывших с другого берега моря, которые стали возводить башни из камня и выковывать из металла острые мечи. Кроме того, они привезли с собой и своих богов — необычных, новых богов.

Скрестив на груди руки, Мелия сказала:

— Мне обидно слышать это, Фолкен. Нет в нас ничего необычного, да и не особенно мы новые.

— И все же старые боги старше по возрасту, — ответил бард. — Это были боги леса, камня, воды и неба, призванные

45

Ужинали без особого удовольствия. За окном на вечернем небе появились первые звезды. Лирит понимала, что еда приготовлена превосходно, однако ей казалось, что она жует золу из костра. Никто не имел ни малейшего представления, как остановить убийц. Благодаря Дару или без его участия Лирит точно знала, что последуют новые убийства, прежде чем им удастся положить конец. Неужели и ей придется расстаться с жизнью?

Когда слуги убрали со стола и покинули комнату, Мелия обратилась к барду:

— Послушай, Фолкен! Может быть, песня или баллада помогут нам немного отвлечься от наших сегодняшних горьких дум?

Бард послушно извлек из футляра лютню и, немного подумав, кивнул:

— Пожалуй, я поведаю вам о новых богах и об их приходе в Фаленгарт. Это имеет прямое отношение к истории города, в котором мы с вами находимся.

— Думаю, будет лучше, если ты не станешь превозносить ни старых, ни новых богов! — торопливо произнесла богиня.

Котенок, лежавший у нее на коленях, недовольно заурчал.

— Не беспокойся, Мелия, — рассмеялся бард. — Я не обижу никого, обещаю тебе!

Мелия больше ничего не сказала, а остальные придвинули кресла поближе к столу. Бард заиграл негромкую, слегка меланхолическую песню. Она заставила Лирит задуматься о том прекрасном, что утрачено навсегда, о том, что ушло в небытие, но все еще оставалось в памяти.

— Помните тот рисунок в пустошах между Толорией и Перридоном? — нараспев произнес Фолкен. — Гиганта, изображенного на склоне холма?

Эйрин кивнула:

— Это один из старых богов. Его звали, кажется, Мог.

Дарж прочистил горло и тоже вступил в разговор:

— Не хочу оскорблять никого из старых богов, Фолкен, но, судя по тому рисунку, Мога трудно заподозрить в миролюбии.

Лирит вспомнился единственный огромный глаз Мога и его длинные клыки.

— Его действительно не назовешь добрым, — сказал Фолкен. — Мог был снедаем ядом и тенью. Он желал разрушить весь мир. Но таким он был не всегда. И это тоже будет частью моего рассказа.

В небе за окном высыпали звезды, когда Фолкен начал свое повествование, от которого кровь у Лирит попеременно то вскипала, то застывала, как лед.

— Давным-давно, — начал бард, — в лесах Фаленгарта, что на севере Зеи, обитали старые боги, а вместе с ними и их дети, Маленький Народец, которые выглядели все по-разному. Маленькие проказливые человечки, умные темные эльфы или гномы, а также светлые эльфы или феи, которые из всех прочих были особенно любимы старыми богами.

Людей в Фаленгарте не было, за исключением могримов, которые совсем не походили на современных людей. Могримы жили в лесах, одевались в шкуры животных, устраивали себе жилища в пещерах, охотились при помощи каменных ножей, поскольку, подобно Маленькому Народцу, не знали, что такое железо.

Долгие века старые боги были самыми могущественными созданиями в Фаленгарте: Олриг Одноглазый, Исани с Перекрестка Дорог, Дурнах-Кузнец. А Мог, Повелитель Сумерек, был самым сильным из них, и силой с ним способен был тягаться один только Олриг. Мог становился сильным лишь тогда, когда день умирал и на смену ему приходила ночь.

— Значит, уже тогда он отличался жестокостью? — спросила Эйрин.

— Нет, — возразила Мелия. — Зло не обязательно связано только с ночью. Только люди и боги способны творить зло ночью.

Фолкен кивнул:

— Мелия права. Но тогда, более тысячи лет назад, многое стало меняться. В Фаленгарте обитали одни только могримы, а люди — в Морингарте, огромной жаркой стране к югу от Летнего моря. Старые боги избегали Морингарта, предпочитая прохладные, влажные леса севера, и поэтому оставались равнодушны к городам людей.

Однако на юге неожиданно произошел великий пожар, и множество людей устремилось через море на север. Там они обнаружили города, в том числе и тот, что со временем сделался величайшим городом мира.

— Таррас, — пробормотала Лирит.

— Верно, — согласился Фолкен. — Создание Тарраса и других городов вдоль южных границ Фаленгарта заставило старых богов и Маленький Народец задрожать, как деревья под порывами сильного ветра. Они не понимали людей, приплывших с другого берега моря, которые стали возводить башни из камня и выковывать из металла острые мечи. Кроме того, они привезли с собой и своих богов — необычных, новых богов.

Скрестив на груди руки, Мелия сказала:

— Мне обидно слышать это, Фолкен. Нет в нас ничего необычного, да и не особенно мы новые.

— И все же старые боги старше по возрасту, — ответил бард. — Это были боги леса, камня, воды и неба, призванные

к жизни рунами, которые когда-то произнес Кузнец Мира. Новые боги Тарраса были совсем другими. Ниндари были богами людей и божественную суть им даровали люди, их почитатели. Но их происхождение оставалось загадкой. Лига за лигой жители Тарраса неумолимо продвигались дальше на север. Старые боги почувствовали, что их дни сочтены. Один за другим вместе с Маленьким Народцем они стали исчезать в Сумеречном Царстве, стране, которая не является страной, которая находится одновременно везде и нигде.

Однако среди старых богов был один, кто отказался скрыться в Сумеречном Царстве. При виде людей, направлявшихся в Фален гарт, он впадал в буйную ярость и обвинял Олрига, главного из богов, в измене и трусости, потому что тот не желал вступать с людьми в войну.

— И этим богом, — сказал Дарж, — был Мог, верно?

Фолкен кивнул.

— В его словах другие старые боги уловили давнюю ревность, которую Мог затаил против Олрига. Ему всегда хотелось стать главным, но остальные отвергали его притязания. Это еще сильнее разжигало ненависть Мога. И тогда он отправился на поиски того, в чьих силах было помочь ему, — на поиски дракона. Еще с незапамятных времен, с первых дней сотворения мира, драконы были заклятыми врагами, потому что желали разрушить все то, что создал Кузнец Мира.

— Или Сайя, — снова пробормотала Лирит и встретилась взглядом с глазами барда. — Так по крайней мере говорится в некоторых сказаниях.

— Или Сайя, если угодно, — кивнул Фолкен. — Мог отправился в Пустошь и стал взбираться на гору, которая была столь высока, что пронзала само небо и которой уже давно нет, ибо она с тех пор превратилась лишь в жалкую груду камней. Мог в кровь изрезал руки и ноги, но все-таки добрался до вершины, где увидел Хрисс — самку дракона.

Хрисс было уже много лет, поскольку она принадлежала к племени Агамара, первого из драконов. Она также отличалась великой мудростью. Подобно всем Гордримам, она жаждала знаний и поняла, увидев Мога, что ей представилась возможность получить их.

— Я подарю тебе требуемое знание, — сказала Хрисс Могу.

Своим острым когтем она пропорола собственное брюхо, и оттуда хлынула кровь. Драконша предложила Могу испить этой крови, и тот с жадностью согласился. Кровь ее была горяча и полна мудрости, и пока он пил, Хрисс вытянула шею так, чтобы можно было дотянуться до тела Мога. Когда он опьянел от вкуса драконьей крови, Хрисс сожрала его живое сердце, потому что ей всегда хотелось полакомиться сердцем бога и впи-

тать его знания. Удовлетворив свое желание, она улетела с горной вершины, оставив Мога на поживу грифам-стервятникам.

Несмотря на свою божественную сущность, Мог, наверное, так и умер бы на вершине высокой горы, если бы его не пожалела колдунья по имени Кирса. Кирса взобралась на гору и принесла с собой кусок таррасского железа, который поместила Могу в сердце, наложив на него чары и оживив его.

Взгляд Фолкена затуманился.

— Если выпить крови дракона, можно обрести великую мудрость. Однако цена этой мудрости высока — она затемняет зрение, не позволяя разглядеть в окружающем ни доброты, ни красоты. Мир в глазах такого бога или человека становится равнодушным, жестоким и уродливым. Увидев это в глазах Мога, Кирса поняла, какую ужасную ошибку совершила, однако прежде, чем она успела снять чары, Мог сбросил ее с горы. Так отплатил он ей за помощь.

Эйрин сжала пальцы левой руки в кулак.

— Ей нужно было проклясть его!

— Она и сделала это, — пояснил бард. — «Да не постигнет тебя никогда Любовь!» — крикнула колдунья, падая вниз. Конечно же, любовь Могу была не нужна, потому что в его груди теперь билось железное сердце. Он быстро забыл ее слова. А мудрость, содержавшаяся в драконьей крови, даровала ему желаемое — знание того, как разгромить южан и сокрушить их богов.

За сотни лет до этого на Зею упали три Великих Камня — *Имсари,* и их подобрал темный эльф Альсендифар. Он сумел заключить в них силу льда, огня и сумерек, после чего спрятал, поскольку ревностно относился к их красоте и не желал, чтобы кто-то другой увидел Имсари.

Овладев драконьей мудростью, Мог узнал, что благодаря этим камням ему удастся разрушить Первую Руну, которая носила имя Зея. Кузнец Мира начертал ее на Рассветном Камне в самом начале Творения для того, чтобы мир существовал вечно. Разбив Первую руну, Мог преобразил бы Зею по своему образу и подобию, и тогда все остальные боги стали бы его рабами.

Но для этого замысла ему требовались помощники. Он знал, что для войны против людей ему понадобится собственное войско. Давным-давно, еще на заре веков, на Зее появились люди, поселившиеся севернее Торингарта. Они были похожи на обитателей Моринтарта, но отличались более высоким ростом, бледной кожей и истинно варварскими нравами.

Под личиной старого слепого пророка Мог отправился к Бераш — одному из вождей варварских племен. Бераш был настолько смелым, высокомерным и невежественным, насколько может обладать всеми этими качествами любой человек. Слад-

кими речами и льстивыми обещаниями Мог убедил его поменяться с ним сердцами и вместо своего живого получить железное. Бераш ответил согласием и после этого стал воистину могущественным и ужасным. Отныне его называли Бледным Королем, вечным слугой Мога.

Фолкен отнял пальцы от струн лютни:

— Конец истории, я думаю, вы все хорошо знаете. Мог обольстил тринадцать новых богов, сделав их бессмертными, превратив в своих некромантов. Некроманты отправились на Зею и отыскали тайник Альсендифара. Они отняли Имсари у карлика, желая вернуть Великие Камни Берашу, чтобы тот передал их Могу. Но когда Бледный Король выступил из Имбрифаля...

— ...он увидел, что его поджидает целое войско, — закончила фразу барда Эйрин. — Это Ультер Торигартский и Эльсара Таррасская заключили союз и изгнали Бледного Короля обратно в Имбрифаль и отняли у него Имсари.

— Верно, — сказал Фолкен. — Затем Ультер и Эльсара направили войска в Ущелье Теней. Ультер оказался на поле боя первым и ударил Бледного Короля своим волшебным мечом по имени Фелльринг, заколдованным жертвенной кровью трех колдуний. При этом содрогнулись и меч, и сам Бледный Король. Ультер едва не погиб, поскольку его войско было разбито, однако на помощь ему поспешила Эльсара со своими воинами, переломив исход битвы. Некроманты бежали обратно в Имбрифаль. Так Эльсара спасла жизнь Ультеру.

— Она полюбила его.

Все посмотрели на Мелию, которая продолжала поглаживать котенка. На ее губах играла лукавая улыбка.

— Ультер отправился из Торингарта в Таррас, чтобы предупредить императрицу о наступлении Бледного Короля. Сначала она отвергла его предложение заключить союз, говоря, что ей нет никакого дела до войн, которые бушуют на севере. Но под конец Эльсара уступила. И не только потому, что поверила в угрозу вторжения чужеземцев, а потому что влюбилась в храброго воина, который тоже полюбил ее.

Фолкен отложил лютню в сторону:

— Если это и происходило так, то их любовь не была достойным образом вознаграждена. Их подданные никогда не приняли бы брака между повелителем варваров и императрицей южного государства. Но когда они основали королевство Малакор, чтобы охранять ворота, ведущие в Имбрифаль, каждый из них подарил новому королевству по ребенку — дочь Ультера и сын Эльсары сочетались браком, и их наследники властвовали в Малакоре до тех пор...

Голос барда дрогнул, но Лирит прекрасно поняла, что он хотел сказать.

До тех пор, пока королевство не прекратило своего существования.

— Подождите, — вступил в разговор Дарж. — Мы знаем, что Бледный Король потерпел поражение в ходе Войны Камней. Но что же стало с Могом?

Фолкен снова взял в руки лютню:

— Об этом знают немногие, потому что Война Камней велась в Фалангарте, тогда как война против Мога велась на границах Сумеречного Царства, куда не в состоянии был проникнуть ни один человек, за исключением, пожалуй, могримов. Однако как только армии северян и южан вступили в боевой союз против общего врага, то же самое сделали и Ниндари, и Эльдари.

— Ты хочешь сказать, что вступили в союз и боги — и старые, и новые? — спросила Лирит.

— Да, моя дорогая, — кивнула Мелия. — Так оно и было. Нельзя утверждать, что мы хорошо ладили друг с другом, но все мы прекрасно понимали, что только сообща можно спасти Зею от Мога.

— Сообща все боги устроили ловушку, — продолжил Фолкен. — Они соткали сияющее иллюзорное изображение трех Имсари, а также Рассветного Камня. Мог устремился к ним, поскольку считал священные камни залогом своих будущих побед. Когда он схватил их, они тут же превратились в тени. Мог понял, что его обманули. Но было слишком поздно. Устремившись к камням, Мог вышел за пределы круга мироздания. При помощи могущественных рун старые боги поместили Мога в другой круг, наложив на это место чары и навсегда поместив его в своеобразную тюрьму за границами Зеи.

Для того чтобы уловка удалась, пришлось пойти на жертвы. Некоторые из старых богов не успели вернуться в нормальный мир и остались в зачарованном круге вместе с Могом.

Сердце Лирит пронзила острая боль. Неужели можно действительно любить кого-то так сильно, чтобы ради этого отказаться от предмета своей любви. Мысль была прекрасной, хотя навевала сильную грусть.

— Что же случилось с остальными старыми богами, Фолкен? — спросила она.

— Их время ушло. В мире людей не осталось для них места. Они исчезли в Ущелье Теней, и Маленький Народец вместе с ними. — Бард искоса посмотрел на Мелию. — Но как выяснилось позже, в канун последнего Среднезимья, хотя о них и почти совсем забыли, они все-таки еще существуют.

Со слов Эйрин Лирит знала о том, как в Кейлавере эльфы перенесли раненого Бельтана в безопасное место, а также о том, что некие странные существа подобрали тела мертвых

фейдримов и унесли их с собой. Когда-то давно фейдримы относились к Маленькому Народцу, прежде чем подпали под чары некромантов.

— Значит, сбылись пророческие слова колдуньи Кирсы, — произнесла Эйрин.

— Почему ты так думаешь? — спросил ее Фолкен.

— Ведь Бледного Короля удалось победить именно благодаря любви Ультера и Эльсары. Могу же так и не удалось завладеть волшебными камнями, — сказала Эйрин с улыбкой. — «Да не постигнет тебя никогда Любовь!»

Фолкен как-то испуганно посмотрел на Мелию, затем снова на Эйрин:

— Может быть, в этом ты права! — сказал он.

Лирит вздохнула. Она надеялась, что бард расскажет им менее грустную балладу, как-то развеселит их. В то же время рассказ Фолкена все-таки пришелся к месту. Лирит снова поймала себя на том, что мучительно раздумывает, кто же мог оказаться убийцей богов. Тот, кто лишил жизни Ондо и Геба, должен обладать невероятной силой, равной мощи Мога, который когда-то бросил вызов всему миру. Но для спасения мира в те далекие времена объединились и старые и новые боги. Может, и сегодня удастся подобное? В конце концов, если Маленький Народец сможет вернуться из Ущелья Теней, то почему бы им не попытаться спасти мир? Она только собралась задать Фолкену вопрос, как...

...раздался чей-то пронзительный крик.

Что-то темное шлепнулось ей на колени и поползло по легкой ткани одеяния. Это был паук — черный, блестящий, размером с монету. Девушка вскочила на ноги, и паук упал на пол.

Он попытался было скрыться, но Дарж стремительно встал на ноги и наступил на него каблуком. Раздался неприятный хруст. Все было кончено, но Лирит все еще испытывала страх.

— Это всего лишь паук, сударыня, — учтиво объяснил рыцарь. — Вам больше не следует его опасаться.

Остальные смущенно посмотрели на девушку. Лирит почувствовала, что следует объясниться. Она вытащила амулет в виде паука и показала его своим товарищам. Затем рассказала о своих жутких снах, в которых участвовали золотые пауки и прожорливое создание, обитающее во мраке. Однако о Сарете она не сказала ни единого слова. Это не имеет никакого значения, им незачем знать о Сарете, твердила она себе, прекрасно зная, что это неправда.

Мелия прикоснулась к ее руке:

— Я сделаю все для того, чтобы сегодня ночью в твоих снах не было никаких кошмаров. Если ты, конечно, не против.

Лирит напряженно кивнула. Она уже собралась убрать на место амулет, когда ей кое-что припомнилось.

— Мелия, — сказала она. — Я вспомнила, о чем хотела спросить тебя сразу после того, как побывала у золотых дел мастеров, точнее, мастериц. После покушения на мою жизнь я совсем забыла об этом. Когда они увидели у меня эту штуку, то назвали меня почитательницей Сифа, и одна из этих женщин сказала, что у меня никогда не будет золотых амулетов, таких, как я хочу.

— Я понимаю, что они подумали, увидев у тебя амулет, — сказала Мелия. — Сиф — бог-паук. Последователи этой религии считают пауков священными, божественными созданиями.

Эйрин бросила на Мелию быстрый взгляд:

— А присутствовали на Этерионе представители храма Сифа?

— Нет, их там не было.

— Подобно половине городских храмов, — усмехнулся Фолкен. — Мне кажется, что они так же напуганы, как и...

— Как и сталь моего боевого меча! — раздался голос Даржа.

Все удивленно посмотрели на старого рыцаря. Не в его характере было прерывать собеседников.

— В чем дело, Дарж? — спросила его Лирит.

— Мелия, — произнес рыцарь, — скажи нам, как одеваются жрецы храма Сифа?

Богиня удивленно посмотрела на него.

— Они носят одежды темно-серого цвета с нитями светло-серого, похожего на жемчуг, оттенка, напоминающими паутину. А что? Почему ты спрашиваешь?

— Потому что теперь я знаю, кто совершил убийства!

46

Несмотря на теплый благоуханный ночной воздух, что проникал в комнату, Эйрин было холодно. Заявление Даржа поразило всех присутствующих, как удар молнии. Она бросила взгляд на Лирит, затем быстро расплела нить вдоль всей Паутины жизни.

Что он такое говорит, сестра? Даже Мелии с Фолкеном не удалось найти убийц Ондо и Геба. Не может Дарж знать имена убийц! Я уверена в этом!

Ответ Лирит последовал незамедлительно.

Если ты в этом уверена, то ты просто недооцениваешь его. Дарж немало повидал на своем веку и пережил такое, что ты даже представить себе не сможешь. Он мудрый и проницательный человек, и способный ученый. Так что ты сослужишь и ему, и себе плохую службу, если усомнишься в нем, сестра.

У Эйрин перехватило дыхание. Ее поразила резкость слов Лирит. Неужели она действительно достойна таких упреков?

Она ведь не упрекнула Даржа в глупости. Девушка перевела взгляд на остальных. Фолкен стоял за спинкой кресла, в котором сидела Мелия, и поглаживал богиню по плечам. Оба внимательно и серьезно смотрели на Даржа. Эйрин моргнула. Скорее всего Лирит права. Это действительно чудовищно — усомниться в словах рыцаря и в нем самом. Было совершенно ясно, что бард и богиня ему верят.

Как будто по мановению волшебной палочки перед ней предстали те эпизоды прошлого, когда она была несправедлива к рыцарю, когда смеялась над ним. Хуже всего было то, что порой она намеренно не обращала на него внимания.

Эти эпизоды напомнили ей изображения на гадальных картах.

Ты забыла того, кто переносит из-за тебя огромные муки.

Неужели Дарж — именно тот, кого имела в виду гадалка? Что же сейчас с ней происходит? Ведь нигде не найти человека добрее, сильнее и искренне, чем этот старый эмбарец. Почему же ей так трудно видеть в нем доброе?

Наверное, потому, сестра, что не хочешь видеть в нем этого. В конце концов, ведь он годится тебе в отцы...

— Кто же убийцы, Дарж? — спросила Мелия решительным тоном.

— Это стало мне ясно только сейчас, — ответил ей рыцарь и посмотрел на Лирит. — Паук, сударыня.

— Какое отношение к убийству имеют пауки? — поинтересовался Фолкен.

— Самое непосредственное, — ответил Дарж. — Я не могу разъяснить суть сновидений госпожи Лирит или видения колдуний Тарраса. Однако я знаю то, что видел собственными глазами. Три дня назад, когда мы покидали своды Этериона за несколько мгновений до убийства жрецов храма Ватриса, я обратил внимание на нескольких человек, которые не участвовали в выступлениях. Они явно куда-то спешили, как будто желая остаться незамеченными. На них были темно-серые одеяния с вплетенными в них нитями, похожими на паутину.

Мелия встала с кресла, и котенок, мяукнув, полетел на пол, ловко приземлившись на все четыре лапы.

— Жрецы Сифа, — сказала она. Ее глаза гневно вспыхнули. — Ты считаешь, что убийца — Сиф?

Дарж утвердительно кивнул.

— Из того, что мы узнали, явствует именно это. После посещения Лирит золотых дел мастеров нам стало известно, что Ондо отказался изготовить амулеты из золота, которые бог пауков пожелал для своих жрецов. Мы также знаем, что последователей культа Ондо недавно лишил части их золота. Я уверен, что Сиф любыми правдами и неправдами решил заполучить золото.

Сначала он убил Ондо, затем — жрецов различных храмов, чтобы посеять хаос, напугать всех и убедиться в том, что Этерион не станет совместными усилиями искать его. И, наконец, он вступил в сговор еще с одним богом, чтобы украсть золото у всех ювелиров-ремесленников.

— Геб, — произнесла Эйрин. Теперь все становилось на свои места. Лирит была права — как посмела она не доверять Даржу? — Вот поэтому-то ты и нашел золотую монету в канализационной трубе.

— Похоже, именно поэтому, — согласился рыцарь. — Но я тогда нашел не монету. Это была золотая улитка. Мне следовало бы сразу понять это, если принять во внимание ее гладкую поверхность. В моих алхимических исследованиях я использовал таких же улиток, правда, свинцовых. Золотых же улиток используют в ювелирном деле. Последователи Геба, видимо, украли золото и, переправляя его через канализационные трубы, проходящие под городом, в спешке потеряли одну из золотых улиток.

Фолкен провел рукой по своим посеребренным сединой волосам.

— Обожди минутку, Дарж. Если Сиф вступил в сговор с Гебом для того, чтобы похитить золото Ондо, то почему же он убил его? Какой смысл убивать своего сообщника?

— Верно, никакого, — согласился Дарж. — До тех пор, пока Геб не обманул Сифа, припрятав золото. Не забывайте о том, что Геб — покровитель не только нищих, но и воров.

Фолкен шлепнул себя по лбу затянутой в перчатку ладонью:

— Ну конечно! Вот поэтому-то последователи Геба и пустились в бега! Они могли бы упрочить свое положение, сыграв на симпатии окружающих к смерти их бога, а вместо этого спрятались в канализационных трубах под городом. Они не хотят, чтобы ювелиры узнали об их сговоре с убийцами Ондо. Но также опасаются и мести Сифа!

Сжав руки в кулачки, Мелия подошла к окну:

— Мне следовало догадаться об этом раньше! Сиф всегда отличался склонностью к интригам! — Затем богиня повернулась к Даржу. — Спасибо тебе!

Рыцарь низко поклонился ей.

— Одного я до сих пор не могу понять, — произнесла Лирит. — Ты сама нам сказала, Мелия, что за всю историю существования Тарраса ни один бог ни разу не покусился на жизнь другого бога. Так как же все-таки Сифу удалось убить Ондо и Геба?

— Не знаю, — ответила Мелия. — Но собираюсь обязательно выяснить это. Давайте прямо сейчас отправимся в храм Сифа! Я покажу этим...

Слова Мелии внезапно прервал стук в дверь. Фолкен распахнул ее, и в комнату влетел молодой человек. Он едва не упал, наступив на полу своего белого одеяния.

— Ландус! — невольно вырвалось у Эйрин.

Дарж вовремя подхватил юного послушника, не дав ему упасть.

При взгляде на Ландуса у Эйрин перехватило дыхание. В последний раз, когда она видела юношу, его лицо было совершенно безмятежным и радостным. Сейчас же черты его были странно искажены, карие глаза остекленели и запали.

— В чем дело, Ландус? — спросил Фолкен.

Юный послушник тщетно пытался подобрать слова. Он сильно запыхался, поскольку скорее всего бегом проделал весь путь от Четвертого Круга.

— Орсит... Орсит...

Мелия прижала к горлу руку, лицо ее побледнело.

— В чем дело, Ландус? — повторила она. — Он жив?

— Я... простите меня, Ваше святейшество...

Мелия обессиленно опустилась в кресло.

— Я за секунду до этого ощутила странный холод, — тихо проговорила она. — Я подумала, что это порыв ночного ветра. Но ведь ветра не было, верно?

Она посмотрела на Ландуса, чье лицо приняло выражение глубокой скорби.

— Нет, Ваше святейшество, ветра не было.

47

Купола многочисленных храмов Второго Круга сияли в жемчужно-серебристом свете луны. Эйрин казалось, будто они выточены из кости безвестным исполинским зодчим. Улицы Тарраса были уже не таким многолюдными, как жарким днем. Но даже в прохладные ночные часы они отнюдь не оставались пустынными. Горели уличные светильники, позволявшие легкомысленным гулякам благополучно перебираться с одной пирушки на другую. Из освещенных окон доносились звуки музыки и смех, однако они казались скорее какими-то зловещими, нежели бесшабашно-веселыми. Время от времени доносились чьи-то крики, но было трудно сказать, крики это боли или же шумные выражения пьяного восторга.

Они не успели добраться до Пятого Круга, как Эйрин едва не налетела на какого-то мужчину в довольно богатом одеянии. Его вырвало прямо на землю, мужчина пьяно рассмеялся и побрел дальше. Дарж собрался было броситься за ним вслед и

отчитать за недостойное поведение, но Эйрин удержала его за рукав. Мелия, не сбавляя шага, решительно двигалась вперед.

В Третьем Круге было тихо, поскольку он находился под бдительным наблюдением таррасских воинов. Район храмов, по которому они сейчас шли, не отличался ни спокойствием, ни разнузданностью кварталов простолюдинов. Однако было ясно, что большинство богов предпочитают ночные тени яркому солнечному дню. В воздухе пахло ладаном. С многих сторон доносились приглушенные звуки молитвенных песнопений.

Они прошли мимо одного из храмов, двери которого были широко открыты. На ступеньки струился свет, напоминавший расплавленное золото. Фриз над входом изображал козлоногого бога. В одной руке он сжимал обнаженную девушку, в другой — красивого юношу.

Эйрин заглянула внутрь храма. Разобрать что-либо было невозможно из-за дыма кадильниц. Однако ей показалось, что пол шевелится, как живой, словно завален змеями. Когда легкий порыв ночного ветерка немного развеял дым, Эйрин поняла, что они вовсе не змеи, а руки и ноги, сплетенные в живой, огромный, шевелящийся узел. Воздух оглашали стоны. Это были звуки наслаждения. Или нескрываемой муки.

На этот раз Дарж потянул Эйрин за рукав:

— Сударыня, не надо заглядывать в этот храм!

Огромным усилием воли она заставила себя отвести взгляд от храма и позволила рыцарю проводить ее к остальным спутникам.

Ландус уверенно и быстро вел их по темным улицам. На его лице было выражение мрачной торжественности, хотя это могло просто показаться в неясном свете луны. В эти минуты даже его огромный крючковатый нос казался не таким смешным, каким запомнился Эйрин в первый раз. Похоже, она снова недооценила еще одного человека.

К тому времени, когда они добрались до храма Манду, оплакивание уже началось. Внутреннее помещение храма было освещено каким-то бледным сиянием, источник которого было невозможно определить, и белый камень казался полупрозрачным. Около десятка жрецов и жриц стояли перед алтарем под безмятежно улыбающимся скульптурным изображением Вечноугасающего Бога. На огромной каменной глыбе что-то лежало.

Точнее, все было не совсем так. Непонятный предмет возвышался над поверхностью камня. Наконец до Эйрин дошло, что это человеческое тело, обернутое с головы до ног в белую ткань. Открытым оставалось только лицо — исхудавшее и изборожденное морщинами, оно даже после кончины было таким же благостным и мирным, как и в жизни.

— Орсит, — прошептала Мелия.

Жрецы расступились, когда она устремилась к алтарю. Они как будто ожидали ее прихода. Мелия провела рукой по лицу усопшего. Затем нагнулась ближе к нему и что-то прошептала, однако ее слова заглушили звуки торжественного песнопения. Эйрин не могла понять слов, но ощущала их огромную, неподдельную печаль, но также и безграничную, почти нестерпимую радость.

Наконец Мелия отвернулась от парящего над алтарем тела покойного и возвратилась к своим товарищам.

— Если это не доставит тебе слишком много хлопот, — обратилась она к Ландусу, — то покажи нам место, в котором он провел свои последние минуты.

Юноша кивнул.

— Конечно, Ваше святейшество. Мне это совсем нетрудно. Пройдите, пожалуйста, сюда.

Затем он провел Мелию и ее спутников в небольшую комнату, которая в отличие от прочего увиденного Эйрин в храме Манду была до отказа заполнена всевозможными вещами. Стены уставлены шкафами и книжными полками, плотно набитыми и плотно скрученными свитками пергамента. Посреди комнаты стояли стол и табурет. На столе во множестве располагались корзинки с писчими перьями и склянки чернил, а также лежал лист пергамента, залитый чернилами из опрокинутой чернильницы. Написанного на нем было почти не разобрать.

— Это... это комната Орсита, — произнес Ландус, пытаясь подобрать нужные слова. — Он был всегда таким аккуратным в том, что касалось летописей. Орсит любит... то есть любил разные истории.

В тускло освещенной свечами комнате Ландус неожиданно показался Эйрин хрупким и изможденным, и к тому же каким-то постаревшим. Стало ясно, что он любил и почитал Орсита. Немного подумав, Эйрин подошла к нему и положила руку ему на плечо.

— Мне очень жаль, Ландус, — сказала она.

Юноша удивленно посмотрел на нее и кивнул. По его губам скользнула благодарная улыбка:

— В конце концов, все это не минует и нас. Орсит прожил долгую счастливую жизнь. В то время как мы пытались отрицать это, за последний год он сильно сдал. Ужасно, но в этом, видимо, нет ничего удивительного.

Фолкен приблизился к столу:

— Он находился здесь, когда ты обнаружил его?

Ландус кивнул:

— Несколько человек слышали крик Орсита. Я находился в коридоре, так что прибежал сюда первым. Однако когда я оказался в этой комнате, он уже не дышал. Скорее всего

остановилось его больное сердце. Он успел как-то коротко крикнуть. Думаю, он не очень страдал.

— Мне следовало бы пораньше прибыть в Таррас, — сказала Мелия. — Я могла бы подольше пообщаться с ним. Я не знала, что у него было слабое сердце.

— От этого знания вряд ли было бы легче, сударыня.

Все разом посмотрели на Даржа. Рыцарь, опустившийся на колени в углу комнаты, резко выпрямился.

Мелия удивленно посмотрела на него и сказала:

— О чем ты говоришь?

— Причина смерти Орсита — вовсе не его слабое сердце, — ответил рыцарь.

— Дарж, сейчас не время для шуток, — нахмурился Фолкен.

Эмбарец удивленно поднял бровь и бард понял, что произнес что-то не то.

— Ты что-то нашел, Дарж, верно? — подбежала к нему Эйрин. — Что же?

Рыцарь вытянул вперед руку. На его ладони лежал сверкнувший в тусклом свете канделябра золотой паук.

48

Фолкен сидел за столом, изучая забрызганный чернильными кляксами лист пергамента. Мелия безмолвно стояла за его спиной, отказавшись садиться. Она пребывала в огромном напряжении и напоминала скульптурное изображение Манду, стоявшее в главном помещении храма. Однако в ее глазах не было и следа той безмятежности, которая отличала Вечноугасающего Манду. Ее взгляд свидетельствовал о том, что богиня напугана.

— Вы уверены в том, что это Сиф убил Орсита? — спросил Ландус. Он изо всех сил пытался сдержать нервную дрожь.

— Дарж связал все воедино, — ответила Лирит. — Все улики указывают на то, что убийца — Сиф. — Она указала на лежавшего на столе золотого паука. — А вот он устранил все наши былые сомнения в этом.

— Мне кажется, это какой-то яд, — сказал Дарж. — Ты сообщил нам, Ландус, что не заметил на теле Орсита никаких ран. Так что скорее всего причина смерти — яд.

— Может быть, — печально согласился юноша. — Но почему же Сиф решил сделать Орсита своей первой жертвой?

— Я думаю, все по той же причине, — ответил ему Фолкен. — По той же причине, по которой убил других жрецов

и попытался лишить жизни Лирит. А не просто для того, чтобы посеять хаос в стенах Этериона. Сиф боялся, что кто-нибудь узнает о том, чем он занимался. — Бард указал на залитый чернилами лист пергамента, и все подошли к нему ближе. — Я не думаю, что это обычная храмовая летопись. Нет, Ландус, мне думается, что это личный дневник Орсита.

Ландус кивнул:

— Вполне возможно, Орсит действительно вел дневник.

Фолкен взял со стола лист пергамента.

— На нем невозможно что-либо прочитать, однако надеюсь, что кое-что разобрать все-таки удастся. Вот, например, ясно различимы слова *«тьма внизу»*, а здесь, чуть ниже, стоит слово *«смерть»*. А еще ниже, в самом низу, постойте-ка... *«что пауки придут снова»*.

Мелия сделала еще один шаг вперед.

— Мне кажется, пришло время наведаться к Сифу в гости!

Через несколько минут они уже стояли на ступеньках, ведущих в храм бога-паука. Он находился недалеко от храма Манду, и юный послушник быстро привел их туда. Ни у кого даже не возникло мысли посоветовать Ландусу не ходить вместе с ними. Лицо его было преисполнено такой же решимости, что и лицо Мелии.

Тогда как большинство храмов Второго Круга высечены из глыб белого мрамора, камень, из которого сложены стены храма Сифа, был серого цвета и светился в лунном свете. Двери — массивные и украшенные инкрустацией из оникса, были надежно заперты.

— Что-то мне подсказывает, что жрецы Сифа не слишком настроены отвечать на вежливый стук в дверь, — произнес Фолкен.

— Тогда нам придется войти внутрь без их разрешения, — зловеще проговорила Мелия.

С этими словами она подскочила прямо к дверям и подняла руки высоко над головой. Эйрин сначала подумала, будто ей показалось, но затем поняла — все было именно так. Хрупкую фигурку Мелии окружило лазурное свечение.

— Откройся! — приказала богиня.

Ее руки вспыхнули огнем. Раздался раскат грома. Как будто от удара исполинского кулака двери слетели с петель и с грохотом упали внутрь.

Происшедшее удивило даже Фолкена, а уж он немало повидал на своем веку.

На землю медленно опускалось облако пыли.

— Заходим! — сказала Мелия и шагнула в образовавшееся отверстие.

Храм Сифа был огромен. Темный свод подпирали десятки колонн, высеченных из того же серого камня, что и стены. С потолка свисали гобелены, сотканные из какой-то серебри-

стой ткани. Они напоминали клочья паутины. В самом центре храма, на мозаичном полу, инкрустированном ониксом, из огромного круга расходились лучами восемь гигантских рук.

Это не руки, Эйрин. Это символ паука — огромного черного паука.

В храме находились жрецы, но разглядеть их всех было невозможно, потому что они поспешно спасались бегством. Вскоре в храме не осталось никого, за исключением шестерых путников.

— Что-то подсказывает мне, что они все были не в настроении и не захотели поболтать с нами, — проговорил Фолкен.

— Трусы, — презрительно сказала Мелия.

Ландус не сводил с нее удивленных и одновременно восхищенных глаз. На его лице также читался явный испуг. Эйрин догадывалась, какие чувства сейчас испытывает юноша. Не каждый день можно увидеть бывшую богиню в действии.

Фолкен задумчиво почесал подбородок:

— А что же теперь?

— Смотри! — сказала ему Мелия.

Затем она шагнула в круг с символическим изображением паука. Богиня не повысила голос, однако слова, которые она начала произносить, громко пророкотали под сводами пустого храма. Ее достаточно резкий тон показался присутствующим даже более зловещим, чем любая вспышка гнева.

— Покажись мне, Сиф! — воззвала она к незримому богу-пауку. — Я знаю, что ты сейчас слышишь меня. Паук всегда знает, что находится в центре его паутины.

Тишина.

— Отзовись, Сиф, или я до основания разрушу твой храм и оставлю от него одну огромную зловонную яму!

Мелия подняла руки над головой.

— Нет! — раздался в ответ чей-то пронзительный голос. — Не делай этого, Мелиндора!

Воздух в дальнем конце храма задрожал и пошел волнами. Затем, как будто чья-то огромная рука отбросила в сторону серую занавесь, воздух сделался прозрачным, открыв взгляду трон из серебристого камня. На нем восседала какая-то гигантская фигура. От осознания того, что она видит настоящего бога, у Эйрин перехватило дыхание.

Внешне Сиф оказался похож на человека, если не считать того, что у него оказалось четыре руки и четыре ноги. Казалось, все восемь конечностей одновременно двигаются. Его наряд состоял из наброшенной на плечи серой туники. Голова Сифа была слишком маленькая для столь большого тела. В самой середине лица сверкали крошечные черные глазки.

— Я здесь, Мелиндора, — произнес бог-паук каким-то металлическим голосом. — Ты довольна?

— Не совсем. В любом случае я разгромлю твой храм за то, что ты наделал.

Она снова подняла вверх руки. Сверкнула голубая молния. Одна из колонн треснула и надломилась.

— Стой! Не надо! — прорычал Сиф, накрыв голову всеми четырьмя руками, когда сверху посыпались пыль и мелкие камни. — Прекрати, Мелиндора! Я не заслужил этого!

— Неужели? — издевательски переспросила его Мелия, протянув в его сторону золотого паука, найденного в комнате Орсита. — А я думаю, что ты как раз заслужил наказания! И даже больше, чем простое наказание!

Мелия протянула руку к статуе.

— Нет, Мелия, подожди!

На этот раз с этим словами обратился не Сиф, а Фолкен. Он ласково прикоснулся к ее руке и осторожно опустил ее. Богиня недоуменно повернулась к нему:

— В чем дело, Фолкен? Сиф лишил жизни Орсита, умертвил других жрецов. Так пусть же он ответит за свои злодеяния!

— Ты ошибаешься! — выкрикнул Сиф. — Это не я, клянусь моей паутиной! Мелиндора, клянусь тебе, это не мой паук!

— Ты лжешь! — шагнула к нему Мелия.

— Нет! Спроси у него! — Сиф указал одной из своих четырех рук на Фолкена. — Он знает правду, я вижу это по его глазам! Вы все знаете, что этот напыщенный дурак Ондо не позволял иметь золотых пауков. А негодяй Геб спрятал все золото, которое украл для меня!

Мелия собралась что-то сказать, но, видимо, не смогла найти нужных слов. Она опустила руку и сделала шаг назад. Фолкен подхватил ее под руку.

— Получается, я был прав, — подал голос Дарж, явно не слишком смутившись от того, что лицезреет настоящего бога. Напротив, он держался так, будто Сиф — не грозное божество, а мальчишка-слуга, пойманный при попытке украсть кусок хлеба. — И ты разгневался на Ондо и вступил в сговор с Гебом для того, чтобы похитить золото.

— Да, я признаюсь в этом! — пророкотал Сиф. — Я презирал Ондо за его гордыню. А теперь знаю и о предательстве Геба, и ненавижу его! — Руки Сифа то и дело сплетались и расплетались. — Но я не убивал их. Я *никого* не убивал.

— А жрецов храма Ватриса в Этерионе? Дарж своими глазами видел, как твои жрецы шныряли по храму за несколько минут до убийства!

— Ты все неправильно поняла, Мелиндора! Мои жрецы по моему указанию тайно следили за ходом выступлений в

Этерионе. Они всего лишь хотели незамеченными выйти из храма. Я не знаю, кто убил жрецов Ватриса. Я знаю одно — мои люди не имеют к этому никакого отношения!

— Ты лжешь! — повторила Мелия.

На этот раз она произнесла эту фразу шепотом.

Эйрин знала, что боги намного превосходят простых смертных и способны делать то, что кажется вполне реальным, хотя таковым и не является. Она была не совсем уверена в том, что сейчас видит перед собой настоящего Сифа. Но в то же самое время понимала, что бог-паук не лжет.

Не успев осознать, что делает, Эйрин решительно шагнула вперед. Она точно не знала, как следует правильно обращаться к богам, так что ограничилась следующим:

— Извини меня, владыка Сиф, но если не ты убил других богов, то кто же тогда истинный убийца?

— Ты думаешь, ничтожное создание, что я сам не хотел бы этого знать? — ответил Сиф, сжав руки в кулаки. — Я раздавлю тебя, как муху, застрявшую в моей паутине!

Эйрин посмотрела на него изумленным взглядом. Но прежде чем она успела что-то сказать, прямо перед ней встал Дарж.

— Бог ты или нет, но так обращаться к даме непозволительно!

Узкие глазки Сифа превратились в щелочки:

— А ты что за букашка?!

Мелия направилась прямо к трону:

— Это мой друг. Как был моим другом и Орсит. Если ты что-нибудь знаешь, Сиф, ты мне немедленно это расскажешь!

Сиф беспокойно заерзал на троне, выкатив вперед похожее на бочонок брюхо.

— Ты больше не богиня, Мелиндора! Незачем мне тебя слушать!

— Верно, — спокойно согласилась Мелия. — Но собравшихся в Этерионе ты все-таки послушаешься! Я скажу им, что ты скрываешь сведения об убийцах. Вряд ли жрецам других храмов понравится это известие. Они просто вышвырнут твоих жрецов из Этериона. Навсегда!

Сидевший на троне Сиф вздрогнул, беспокойно зашевелив всеми своими конечностями. Он тщетно пытался что-то сказать.

— Подумай об этом, Сиф! — резко бросила Мелия. — Тебя ожидает целая вечность — но без почитателей твоего культа, поскольку некому будет молиться за тебя. Тебя ждет полное забвение! Ты навечно останешься один вместе с твоей паутиной!

— Ты не посмеешь это сделать!

Мелия положила руки себе на бедра и удивленно подняла брови.

Бесформенное тело Сифа заколыхалось, как желе.

— Ты безжалостна, как оса, Мелиндора! — с отвращением вымолвил бог-паук. Затем, немного успокоившись, добавил: — Но я скажу тебе то, что ты желаешь услышать!

К сожалению, оказалось, что Сиф почти ничего не знает. Мелия и Фолкен время от времени задавали ему вопросы, но единственное, что тот мог подтвердить, состояло в том, что золотой паук не принадлежал ни ему, ни кому-либо из его почитателей. Он также не знал, кто мог обронить его. В конечном итоге богиня и бард поняли, что от Сифа больше не удастся ничего узнать.

— Я устала от тебя, Сиф, — сказала Мелия. — Мы уходим.

С этими словами они с Фолкеном повернулись спиной к трону.

— Постой, Мелиндора! — слащаво проговорил бог-паук. — Поскольку я рассказал все, что тебе было нужно, надеюсь, ты не сообщишь Этериону о моей маленькой сделке с Гебом? Ведь ты сделаешь это? Мелиндора? *Мелиндора!*

С губ Сифа слетали брызги слюны, но Мелия, гордо задрав подбородок, зашагала прочь от трона.

— Давайте уйдем отсюда, — сказала она остальным. — Я всегда терпеть не могла пауков!

Через несколько секунд они оказались за порогом храма и стали спускаться вниз по ступенькам. Суровое выражение лица богини немного смягчилось.

— Значит, это все-таки не Сиф, — произнесла Лирит и посмотрела на Даржа. — Похоже, что ты во всем оказался прав. Правда, пока ты еще сам не знаешь имени убийцы.

— Мне кажется, сударыня, что это чудо, на которое я имею такое же право, как и все остальные, — пожал плечами рыцарь.

Эйрин разочарованно вздохнула. Они так и не приблизились пока к разгадке.

— Кому же все-таки принадлежит золотой паук?

— Не знаю, — отозвался Фолкен. — Хотя, по-моему, Орсит это знал. Скорее всего он именно об этом писал в своем дневнике. Но тогда почему...

Закончить фразу ему помешал пронзительный нечеловеческий крик, разорвавший ночную тишину.

Все немедленно обернулись. Крик доносился из открытых дверей храма. Дарж и Фолкен ворвались внутрь первыми, за ними Мелия и Ландус и последними Лирит и Эйрин.

Затем все резко остановились, открыв от удивления рты. Внутри храма царила суматоха. Жрецы бестолково носились взад-вперед, на сей раз спасаясь бегством не от гнева Мелии, а пытаясь как можно дальше отскочить от огромной ямы, зиявшей в дальнем конце храма. Она образовалась там, где совсем недавно

находился трон бога-паука. С полдесятка колонн были обрушены. С потолка сыпалась щебенка, в воздухе висели огромные клубы пыли. От Сифа не осталось и следа.

Не обращая внимания на обезумевших от паники жрецов, спутники Мелии пробрались через груды камней прямо к краю ямы. Когда они подошли слишком близко к краю, Фолкен жестом приказал отойти немного назад. Яма имела почти правильную круглую форму. Края ее были острыми, как будто сделаны огромным ножом. Внутри была бездонная пустота. Она магнетически притягивала Эйрин, маня девушку к себе. Лирит ухватила ее за плечи. Дарж метнул в яму камень. Все стали ждать, когда он достигнет дна, однако этого так и не произошло.

Фолкен попытался схватить одного из убегавших жрецов, но тот с криком вырвался и умчался прочь. Бард чертыхнулся.

— Что здесь происходит? Нужно спросить у него, что тут случилось!

— Ты теперь не найдешь его.

Эту фразу произнесла Мелия. Ее голос прозвучал как-то непривычно спокойно и устало. Богиня прижала ладонь ко лбу. Ее лицо будто подернулось пеплом.

— О небо, что же случилось?! — воскликнул Фолкен.

— Его больше нет. Он исчез. Навсегда, — отозвалась Мелия.

Эйрин прижала ладонь ко рту, чтобы сдержать рвущийся из горла крик. Сифа больше нет. Он мертв. Убийца все это время находился где-то рядом, в храме, и даже богиня не заметила его...

Часть четвертая
ЭЛЬФ И ВРАТА

49

Настало время сов.

Грейс лежала на жесткой узкой кровати и всматривалась в непроглядную тьму. Она сбила ногами грубые простыни, а выцветшая, маленькая не по размеру ночная рубашка на ней скомкалась и стала влажной от пота. Спальня старших девочек находилась на втором этаже приюта, воздух был спертым и тяжелым. Хорошо бы открыть одно из небольших окон и впустить дуновение прохладной горной ночи. Однако Грейс и не думала вставать. Все окна в детском доме «Беккет и Стрейндж» уже много лет были заколочены гвоздями.

Не делай этого, Грейс.

Вокруг нее клубилась плотная алчная тень.

Не заставляй себя снова переживать это, пусть пламя угаснет.

Но оставалось нечто важное — что-то, что ей необходимо вспомнить. Грейс сдалась на милость тьмы. Где-то заухали совы. Ей снова было тринадцать лет.

Над ее головой скрипнули половицы: старые сосновые доски прогибались под внушительной массой. Это, должно быть, миссис Фальк направляется в ванную после своего стакана чая с джином перед сном. Грейс так и не поняла, почему комната кухарки располагается на третьем этаже, ведь этой грузной даме требовалось десять минут, чтобы подняться по лестнице.

С другой стороны, все, кто работал в приюте, жили наверху — прислуга, медсестра, экономка, садовник, миссис Фальк и мистер Холидей, директор приюта. Может быть, так было легче держать детей на расстоянии. Третий этаж был строго-настрого запрещен Правилами. Однажды, когда Грейс было восемь лет, она подошла к лестнице, ведущей на третий этаж, и занесла ногу на первую ступеньку. В тот же миг ее настигла миссис Фальк, отволокла на кухню и отходила там одной из своих больших деревянных ложек, которыми помешивала суп в котлах. Грейс никогда больше не делала попытки подняться наверх.

Где-то над головой хлопнула дверь. Несколько секунд спустя послышалось ворчание, сопровождающееся натужным пыхтением. Это навело Грейс на воспоминание о документальном фильме Национального Географического Общества, который ей однажды дали посмотреть по старенькому приютскому черно-белому телевизору. Ей нравились такие фильмы, хотя мистер Холидей и говорил, что все ученые безбожные грешники. Тот фильм был о животных в Африке. Там черный буйвол, погрузившись в глубокую лужу грязи, издавал точно такое же пыхтение. Кажется, стряпня Фальк ей самой не пошла впрок. Вот опять. Это значит, что три-четыре раза за ночь Грейс будет разбужена ее хождениями. Если вообще уснет.

— Грейс...

Едва слышный шепот возник в темноте спальни.

— О Грейси...

Хихиканье.

Грейс оцепенела. Разговаривать после того, как погашен свет, запрещалось Правилами. Как и вставать с постели, даже если вам хотелось писать.

Мочиться в постель как раз не шло вразрез с Правилами — а случалось это здесь нередко. В иной день простыни с желтыми пятнами развевались на бельевой веревке, как флаги. В то же время, испачкав постель, можешь получить шлепок-другой от миссис Мурто, экономки, а то и от ее мужа, если самой ей недосуг, а большие руки мистера Мурто грубые и жесткие от работы. Грейс научилась не пить слишком много перед сном.

— Мы за тобой, Грейси. — Снова короткие приглушенные смешки. — Это я, миссис Фальк и мистер Холидей здесь. — Противное причмокивание. — Мы хотим, чтобы ты стала нашей особенной девочкой, Грейси.

Из темноты протянулись руки, готовые ухватить ее за рубашку.

Грейс резко села.

— Оставьте меня в покое.

Она произнесла эти слова вслух, пусть даже миссис Броуд, смотрительница по второму этажу, сидит на стуле за дверью.

Руки исчезли.

— Ах ты, маленькая... — Грейс не разобрала слово, — лучше бы ты заткнулась.

Это была Мэтти Уинтер. Ей нравилось вворачивать слова, которые она украдкой подслушивала у мистера Мурто. Садовник имел обыкновение непрерывно ругаться за работой и, казалось, никогда не замечал этого.

— Ты нас слышишь? — донесся тонкий жалобный шепоток.

Лизбет Картер. Она говорила, словно хныкала: у нее что-то было не в порядке с носом, и она не могла свободно дышать. В последнее время Лизбет тенью следовала за Мэтти.

Грейс могла лишь смутно различить их силуэты во мраке: один высокий и толстый, другой маленький и худой, как щепка. Попав в сиротский приют два года тому назад, Мэтти объявила себя королевой спальни девочек на втором этаже, и никто из них не возразил — по крайней мере не получив в отместку от Мэтти кулаком в живот. Грейс по возможности избегала Мэтти, но несколько месяцев назад той, судя по всему, надоело молчание Грейс, и с тех пор она непрестанно пыталась вывести девочку из себя.

— Я сказала, оставьте меня в покое. — Грейс не стала понижать голос.

Сдавленный вскрик, и снова Лизбет:

— Боже мой, я что-то *слышала!* Это дверь? Что мы будем делать, Мэтти? Броуд *все* слышит.

— И твое хныканье в том числе, — прошипела Мэтти. — Заткнись, пока я тебя не прибила.

Лизбет всхлипнула. Ее худая тень скользнула в дальний угол комнаты к своей кровати.

Глаза Мэтти поблескивали в слабом свете, проникавшем из-под двери. Она прислушивалась. Грейс тоже напрягла слух. Броуд, высохшая старуха с седыми волосами, стянутыми в тугой пучок, обладала длинными, как у осла, ушами. И если она слышала шум в спальне, то обычно врывалась, включала тусклый верхний свет и вопила в точности как осел.

Тишина. Не слышно даже сухого шороха страниц пожелтевшего тома «Хрестоматии».

— А зачем мне читать что-то новое? — сказала Броуд в ответ на вопрос Грейс. — Ничего приличного не было написано за последние пятьдесят лет. Извращенцы эти нынешние авторы. Желчь из них льется, как из сточной канавы, а они еще называют это литературой. Так что мне не нужны современные «Ридерз дайджест» или что-то еще в этом роде. Я могу назвать все это одним словом, вот так-то.

Она никогда не говорила, что это за слово, но Грейс полагала, что мистер Мурто знает его.

Из-за двери не доносилось ни звука. Мэтти наклонилась ближе. Грейс почувствовала ее горячее кисловатое дыхание у своего лица. Она нащупала грудь Грейс, нашла сосок и сдавила его.

— Милые у тебя грудки, Грейс. Они крутят их тебе, пока ты не закричишь? Этого они от тебя хотят?

Она нажала сильнее.

Грейс сжала зубы, сдерживаясь, чтобы не закричать. Не потому, что Броуд услышит, это ее не волновало; вопли старухи ей вреда не причинят. Она не хотела пасовать перед Мэтти.

Мэтти фыркнула и отпустила ее, но вдруг вскинула руку, снова схватила Грейс за грудь и сжала ее. И еще раз.

Грейс едва дышала. Неужели Мэтти не понимает? Дрожащей рукой Грейс дотронулась до руки девочки — и в тот же миг, словно какой-то провод соединил их, она почувствовала ненависть, отвращение... тоску. За последние два года они настигали и Грейс, и Лизбет, и Сару Фейнман, и Нелл Барнс. Но никогда не приходили к Мэтти.

Грейс будто сунула палец в электрическую розетку. Как это у нее получилось? Как она смогла узнать, что думает Мэтти?

Мэтти оттолкнула руку Грейс. Проводок порвался.

— Ах ты, сука!

Слово было знакомо Грейс. Прозвучало оно так, будто Мэтти плакала, но это было невозможно.

— Ты, тощая маленькая... — такого слова Грейс никогда раньше не слышала. — Что ты со мной сделала?

— Но ты ведь хочешь этого, — сказала Грейс, на этот раз шепотом, потому что ее душила тошнота. — Ты хочешь, чтобы они пришли за тобой. Но это не сделает тебя особенной, Мэтти. Это сделает тебя...

Грейс не могла найти нужные слова, чтобы объяснить. Ведь в конце концов это обращает тебя в ничто. И, может быть, единственный способ противостоять насилию — быть полностью, абсолютно пустой. В полумраке глаза Мэтти сверкнули яростной болью и желанием. Затем, издав звук, который мог быть и пренебрежительным фырканьем, и рыданием, она прокралась к своей постели.

Грейс легла и снова стала смотреть в темноту. Она пыталась заставить себя не думать. Раньше по ночам она думала о людях, которые могли прийти когда-нибудь и спасти их, — о людях из правительства. Но потом однажды приехал какой-то человек; глаза у него были красные и усталые, а костюм мятый и грязный. Мистер Холидей все ему показывал, широко улыбался, отечески поглаживая по головкам попадавшихся малышей, а тот человек сделал несколько заметок в своем блокноте и уехал. И жизнь вошла в привычное русло.

Разумеется, Грейс быстро поняла, что жизнь в приюте ужасна. В нормальных условиях дети не лежат по ночам без сна, ожидая легкого поскрипывания половиц и рук, тянущихся из мрака.

Правда, в последнее время они приходили за ней все реже и реже. Она связывала это с тем, что Броуд называла, сморщив свой ослиный нос, ежемесячным несчастьем. Но это было еще не все.

Нельзя сказать, что она сопротивлялась им. Она не боролась и не кричала, а старалась наблюдать как бы со стороны. Казалось, им это не нравится. Тогда она стала смотреть на них более пристально. А однажды ночью несколько месяцев тому назад тот, кто пришел за ней, отступил, не начав. Грейс не могла видеть его лица — они всегда были в масках, — но руки она узнала. Мозолистые и сильные руки рабочего.

— Прекрати так смотреть на меня, ты, маленькая Иезавель, — прорычал он.

Как — «так», мистер Мурто?

Она даже не произнесла эти слова вслух, но глаза его расширились за прорезями маски. Он поднял кулак, словно хотел ударить ее, но не ударил.

— Ты не лучше меня, потаскушка. Думаешь навредить мне своими чарами, но ничего у тебя не выйдет. Ты еще заплатишь за это.

Но ей повезло. Она бросилась назад к своей кровати, а они почему-то не пошли за ней.

Даже не глядя, Грейс чувствовала их взгляды. И тоже наблюдала, по-своему. Иногда, спускаясь на первый этаж, она слышала споры, которые быстро стихали, как только девочка оказывалась в поле зрения. А порой кто-нибудь из них пристально смотрел на нее, забавно скосив глаза. И только заметив такой же взгляд у одной из младших девочек, Грейс наконец поняла, что это страх.

Почему-то эти взгляды вызывали у Грейс улыбку. На прошлой неделе она улыбнулась миссис Фальк в столовой.

— Прекрати, ужасная девчонка, — прохрипела Фальк, прижимая руку ко рту и с трудом втягивая в себя воздух, и вдруг, переваливаясь с ноги на ногу, заковыляла прочь со всей возможной быстротой.

А потом пришел мистер Холидей и сообщил им, что миссис Фальк больна и сегодня он сам раздаст им обед.

И вновь тишина. Мэтти, должно быть, добралась до постели, и Лизбет тоже. Сара похрапывала, а Нелл тихонько всхлипывала во сне. Она всегда плакала во сне, хотя наутро никогда этого не помнила.

Снова скрип наверху. Фальк неуклюжей тяжелой походкой возвращается в свою комнату. Половицы стонут. Тонко скрипнула дверь, и затем надолго воцарилась тишина.

Треск!

Грейс села в кровати. Сара и Нелл тоже поднялись, похожие на призраков в своих белых ночных рубашках.

— Черт, — выпалила Мэтти. — Что это было?

Лизбет взвизгнула:

— Они идут за нами!

Мэтти протянула руку, чтобы стукнуть ее. Лизбет сжалась в комок, заглушая рыдания подушкой.

Грейс прислушалась. Раздался еще один звук, более глухой, чем первый. Будто что-то мягкое и ужасно большое упало на пол.

— Фальк, — прошептала она.

— Что это, Грейс? — спросила Нелл, смуглой рукой прижимая к груди простыню.

Грейс, ничего не ответив, выскользнула из постели. Она подошла к двери.

— Грейс! — прошептала Сара. — Нельзя выходить!

Опять стало тихо. Нет, неправда. Раздался слабый размеренный звук, похожий на стук метронома, которым пользовалась Броуд во время пения псалмов на Рождественском ужине.

— Грейс!

Она повернула ручку, дверь распахнулась, и в комнату проник свет.

Потрепанная хрестоматия лежала на стуле. Старухи нигде не было видно. Грейс поколебалась. Оставить пост у спальни ночью — значит нарушить столько Правил, что на кухне Фальк не хватит ложек. Но что-то было неладно. Затаив дыхание, она вышла в коридор. Не было нужды говорить остальным, чтобы они остались — никто не пошел за ней. Слышался плач Лизбет.

Грейс сделала несколько шагов по коридору. Вот — поскребывание. Доносится сверху, будто крысы грызут дерево. Ей показалось, что какой-то голос тихо произносит ругательства.

Девочка двинулась дальше. Ни одна из дверей в коридоре не открылась. На сиротский приют снова опустилась тишина. Остался лишь этот глухой звук. Грейс дошла до конца коридора. Перед нею была лестница на третий этаж.

Грейс уцепилась за ветхие перила и глянула вверх. Колени подгибались, еще можно бегом вернуться в постель, пока Броуд ее не поймала. Дело тянуло на хорошую порку. Но она не повернула назад.

Что-то случилось. Грейс это чувствовала, как почувствовала душевную боль Мэтти.

Будто по своей собственной воле ее правая нога коснулась ступеньки. Сверху хлынул серебристый серовато-синий свет. Он скатывался по ступенькам, как клубящийся туман.

Сделай это, Грейс.

Теперь к прежнему звуку добавилось странное гудение, которое постепенно перешло в пронзительный вой. Грейс открыла рот, но не смогла произнести ни звука. Свет расплескивался по ступенькам, собирался вокруг ног, холодил кожу.

Ты должна подняться по лестнице. Ты уже однажды сделала это, когда тебе было тринадцать. И сможешь сделать это снова.

Цепляясь за перила, Грейс поставила ногу на ступеньку — и мир обратился в пламя.

Нет, не так. Языки пламени дотянутся до нее позднее. Не раньше, чем она увидит. Ей нужно подняться по ступенькам.

Но огонь уже ревел вокруг. Грейс свернулась в клубок на лестнице и разразилась слезами не тринадцатилетней девочки, но взрослой женщины. Потом тени окутали все вокруг и погасили огонь.

50

Тревис раздвинул тяжелые гардины, впуская в комнату яркий свет октябрьского утра.

— Грейс, — позвал он, присев на краешек кровати.

Слабый стон слетел с ее губ, голова дернулась, но глаза оставались закрытыми. Она спала.

Нет, не спала, Тревис. Это не просто сон. Грейс снова там, снова окутана тенью прошлого.

Он положил правую руку ей на лоб и почувствовал покалывание.

— Грейс, пора просыпаться. Ты в Денвере, в отеле «Браун Палас». Да, я знаю, он кажется причудливым по сравнению с мотелем «Голубые небеса», но не сердись. Это из-за Ищущих.

Уголки ее рта опустились вниз. Пальцы сжались в кулаки, сминая покрывало.

Вани привезла их сюда накануне вечером, после нападения на мотель. Ни он, ни Грейс не знали, где Ищущие, но Вани каким-то образом знала. Она провела их в комнату на третьем этаже, постучала. Когда же дверь открылась и выглянуло удивленное лицо Дейдры, в холле кроме них уже никого не было.

Они постарались во всех подробностях рассказать Дейдре и Фарру о случившемся, потом посмотрели сообщение по четвертому каналу в десятичасовом выпуске новостей. Тревис не очень удивился, когда на экране появились их с Грейс фотографии.

— Полиция ищет этих двоих по подозрению в причастности к разбою в мотеле «Голубые небеса», — произнес бесстрастный голос диктора. — Они считаются опасными, поэтому, если увидите их, не приближайтесь к ним, а немедленно сообщите в полицию.

Очевидно, их друзья в «Дюратеке» были заняты. И вновь Тревис подумал о фигуре в золотой маске, о которой Вани сказала, что это хозяин горлетов. Движением руки ему удалось остановить сердце Тревиса. Если бы не кинжал, заколдованный Повелителями Рун много лет назад, Тревис сейчас уже был бы мертв.

Спасибо, Джек, мысленно произнес он.

Сразу после новостей Грейс отправилась спать. Но Тревису было не до сна. Глубоко за полночь он все еще беседовал с Дейдрой и Фарром, подробно рассказывая им все, что мог вспомнить о нападении. Наконец Фарр пошел в свою комнату, чтобы связаться с Ищущими. Дейдра приготовила Тревису напиток, который считала травяным чаем, но он, видно, содержал много других активных компонентов, потому что, очнувшись, Тревис обнаружил, что лежит на диване, а в окно комнаты просачивается между высокими городскими зданиями красный отблеск рассвета.

Глаза Грейс были еще закрыты, но веки уже подрагивали. Он наклонился и поцеловал ее влажный лоб:

— Я люблю тебя, Грейс.

Она открыла глаза, приподнялась и пригладила спутанные волосы:

— Тревис, ты... что-то сказал?

Он улыбнулся и взял ее руки в свои:

— Я просто сказал, что пора просыпаться.

— Извини, я была в... я имею в виду, я была только...

— Все в порядке, Грейс. Я знаю.

Он крепче сжал ее руки.

— Я была там, в Спардисе. Я видела тень.

Она оцепенела и попыталась высвободить руки, но он не отпустил.

— Ты должна была мне рассказать, — мягко проговорил он. — Насчет регрессий. У тебя их не было со времени нашего возвращения в Денвер, так ведь?

Ей не хотелось говорить об этом.

— Не беспокойся, Тревис. Я не хочу надоедать тебе старыми воспоминаниями.

Он не знал, смеяться или плакать. Это какое-то безумие. Почему она всегда думает, что со всем должна справляться сама?

— Надоедай мне, Грейс, пожалуйста. Мне это необходимо.

Она пристально посмотрела на него. Потом легкая улыбка коснулась ее губ. Медленно, словно не зная в точности, как это сделать, Грейс подняла руку и погладила Тревиса по щеке.

— Когда именно среди всех этих несчастий ты стал сильным?

Теперь настал его черед удивиться ее словам. Он выпрямился, потом пожал плечами.

— Не знаю, Грейс. Правда, не знаю.

Она отвела взгляд:

— Я не могу остановить воспоминания, Тревис. Иногда мне кажется, прошлое захлестнет меня.

— Что прошло, то прошло, Грейс. Прошлое не может причинить тебе вреда.

— Так ли?

Он встал.

— Пошли. Дейдра звала в гостиную. Посмотрим, умеют ли в этом отеле заваривать приличный мэддок.

51

Дейдра уже разливала напиток из серебряного чайника. Не говоря ни слова, она протянула им чашки, и Тревис удивился, почему вчера он сомневался в ее дружбе.

— Спасибо, — сказал он, отхлебнув из чашки.

Это был не мэддок, а самый настоящий густой, темный, прекрасно заваренный кофе.

— Вы у меня в долгу, — ответила она.

Грейс устроилась на стуле и отпивала из чашки маленькими глотками. Открылась дверь второй спальни, и вошел Фарр. На нем была та же мятая одежда, что и накануне, а лицо все так же хранило хмурое выражение.

— Что сказали Философы? — спросила Дейдра.

Фарр провел рукой по своим темным вьющимся волосам.

— Ничего. Они абсолютно ничего не говорят.

Дейдра нахмурилась:

— Но это же невозможно. Стюарт и Эрикс мертвы, а мы нарушали Правила направо и налево. Они должны что-то сказать.

— Очевидно, не должны.

Фарр и Дейдра опустили глаза, а Тревис вздохнул:

— Прошу прощения, но вы забыли, что не все в этой комнате свободно понимают язык Ищущих. Не могли бы вы перевести?

— Я не уверен, что смогу, — сказал Фарр, заправляя выбившийся край рубашки.

Тревис искоса посмотрел на него:

— То есть? Вы всегда говорите загадками и всегда появляетесь в черных лимузинах в нужный момент. Я думал, у вас, Ищущих, на все есть ответ.

— Я тоже так думал, — прошептал Фарр.

Грейс нарушила тишину:

— Ладно, а что нам делать теперь?

Тревис с наслаждением допил ароматный кофе и стал размышлять. У «Дюратека» оставался Бельтан, только теперь в их распоряжении имелись еще и колдуны в золотых масках. Да, проблема. Пока Тревис не знал способа ее решить.

— Мы должны найти вашего друга, рыцаря Бельтана. Действовать нужно быстро. У нас мало времени.

Тревис широко раскрыл глаза, будто пространство вокруг него расступилось. Раздался щелчок, словно закрылась дверь номера. Но он не помнил, слышал ли, чтобы она открывалась.

— Вани, — выдохнул он. — Ты вернулась.

Она улыбнулась, и суровое выражение ее лица несколько смягчилось.

— Не совсем так, Уайлдер. Я никуда и не уходила. Я должна наблюдать за этим отелем. Здесь безопасно — пока. — Она склонила голову, ее короткие взъерошенные волосы блестели в свете утреннего солнца. — Это кофе?

— Позвольте мне, — предложила Дейдра, надеясь за этими простыми действиями скрыть свое удивление. Она наполнила чашку.

— Спасибо. — Вани взяла предложенный кофе.

— Ты знаешь, это не мэддок, — предупредила Грейс.

Вани вдохнула поднимавшийся от чашки пар.

— Подойдет и это, Грейс Беккет. Сегодня была... долгая ночь.

Вани села на софу, и впервые Тревис заметил тени под ее золотистыми глазами. На ней все еще были облегающие штаны и сапоги из черной кожи, куртку она сняла, оставшись в черной маечке. Когда Вани подносила чашку ко рту, Тревису были видны татуированные символы, змеившиеся по ее рукам. Еще больше символов охватывало шею. Он не знал их значения, ему было только известно, что это не руны.

— Итак, ты нас знаешь, — сказал Фарр.

— Вы Ищущий, — сказала Вани.

Фарр кивнул.

— Зачем ты прибыла сюда, на Землю? Ты можешь нам сказать?

Вани опустила чашку.

— Разве Тревис Уайлдер и Грейс Беккет еще не рассказали вам? Я прибыла, чтобы забрать их обратно на Зею.

Дейдра хотела было что-то сказать, но Фарр сделал легкое движение рукой, призывая ее к молчанию. Она бросила на него вопрошающий взгляд. Тревис заметил этот молчаливый диалог и решил, что, видимо, таковы правила их взаимоотношений.

Грейс выпрямилась, щеки ее порозовели от выпитого кофе.

— Как ты оказалась здесь, Вани? Как ты попала на Землю? Мне нужно... нам нужно знать.

Вани, казалось, задумалась над этими словами. Наконец кивнула:

— Пожалуй, я начну свой рассказ вот так. Давным-давно мои предки жили на юге Зеи, в жарком краю Морингарта в городе Мрак Моринду. Из всех городов Амуна, расположенных на берегах великой реки Эмир, только город Кор был древнее. Кор был самым большим из городов-государств, но Мрак Моринду — самое лучшее пристанище для колдунов.

— Колдуны, — проговорил Тревис. — Вчера ночью ты, кажется, назвала колдуном того, в золотой маске?

— Да, — подтвердила Вани, сощурив глаза.

— Так кто же такие колдуны? Они такие же, как Повелители Рун?

— Нет, колдуны — еще их называют магами — не имеют ничего общего с чародеями севера. По крайней мере насколько мне известно. К сожалению, многое из того, что было известно моему народу, оказалось утраченным со времени нашего изгнания из Моринду и земель Амуна. Короче говоря, колдуны — это те, кто может приманивать морндари и повелевать ими.

— Морндари, — повторила Дейдра.

Очевидно, она забыла указания Фарра.

Вани кивнула.

— На древнем языке моего народа это значит «те, кто жаждет». С тех пор как первые люди Амуна обнаружили их, мордари жаждут. Они... — Она посмотрела в потолок, словно подыскивая слова, и продолжила: — На вашем языке их можно было бы назвать духами. Но не духами умерших людей. Они древние — стары как мир или, может быть, еще старее. Их можно почувствовать, но у них нет тел, они не имеют формы и, по существу, не являются живыми. Однако они могущественны. И, как обнаружили колдуны, их можно приманить кровью. Поэтому их так и назвали.

— Кровь, — содрогнулась Грейс. — Ты имеешь в виду кровь животных?

Вани покачала головой:

— Если колдун хочет повелевать ими, то должен предложить им свою собственную кровь. Отведав ее, мордари становятся тупыми и сытыми, и тогда колдун может просить их о чем угодно.

Как это возможно? — хотел спросить Тревис, но язык, казалось, присох к небу.

— Блистательные города Амуна пали две тысячи лет тому назад, — сказала Вани. — Колдуны восстали против богов, но были отброшены и уничтожены, а река Эмир сменила русло во время последнего столкновения, поэтому Амун стал таким, каким он является сейчас: Морголти, пустыня пыли и костей.

Грейс подтянула колени к груди.

— Очень интересная история, Вани, но какое отношение это имеет к тому, как ты попала на Землю.

Вани улыбнулась:

— У настоящего глубокие корни, Грейс Беккет, а мгновения — как листья на дереве. Даже простое событие происходит только потому, что раньше случилась тысяча других событий. Мой народ называет это судьбой.

— Я бы назвала это теорией хаоса, — сказала Грейс.

Вани пожала плечами:

— Как ни называй, а результат один. В разгар войны против богов колдуны попытались вырвать у Мрака Моринду тайну — тайну великой мощи. Чтобы не дать им уйти, колдуны Моринду запечатали ворота и разрушили город изнутри. Так Моринду и его тайна оказались навеки погребенными под песками Амуна.

Тревис сжал свою пустую чашку.

— Вани, те колдуны, что хотели украсть тайну власти из Моринду, тоже носили золотые маски?

Вани сдержанно кивнула.

— В Амуне был городок Шират, с начала времен богов являвшийся антиподом Моринду. Это люди из Ширата пер-

выми стали называть город моих предков Мраком, чтобы отравить сознание людей — заставить их бояться и ненавидеть жителей Моринду. Шират всегда жаждал завладеть знанием Моринду. Да, — ее глаза встретились с глазами Тревиса, — колдуны Ширата носили золотые маски.

Грейс подскочила:

— Вани, ты же сказала, что все колдуны были уничтожены в ту войну.

— Большинство. Но не все.

— И все-таки непонятно, зачем двухтысячелетним старцам интересоваться мной и Тревисом?

— Причина та же, что и у моего народа, — ответила Вани, пристально разглядывая свои запястья с замысловатым рисунком татуировок. — Раз выжил кто-то из народа Моринду, выжили и некоторые из людей Ширата. Они никогда не прекращали поиска утерянных тайн моринду. А мы никогда не прекращали всеми силами мешать им. Прошлой ночью на вас напал один из представителей Ширата. Если бы даже ты не увидел его, Уайлдер, я бы все равно знала это. Они всегда использовали горлетов в качестве рабов.

Грейс поежилась:

— А какие они, Вани? Эти горлеты?

— Они создаются черной магией Ширата. Мне лишь известно, что они сделаны из сочетания крови и плоти различных существ. Но я никогда не видела *таких* горлетов. Они сильнее тех, о которых мне доводилось слышать раньше. И быстрее.

— И сообразительнее, — добавила Грейс. — Не так ли?

Вани кивнула.

— В любом случае я рада, что колдуны Ширата объявились. В последние месяцы я стала подозревать, что через Врата прошел один из их отрядов.

Даже Фарр забыл об установленных им самим правилах.

— Врата? — Его карие глаза пристально смотрели на Вани. — Ты хочешь сказать, что между Зеей и Землей есть какой-то проход?

Вани улыбнулась:

— Долгое время мой народ прятал артефакт Моринду. Однако три года назад мы рискнули воспользоваться им, и вот я здесь, на Земле, в надежде найти Уайлдера и Беккет.

— Три года? Но ты не могла так долго находиться на Земле. Ищущие услышали бы об этом.

Улыбка превратилась в легкую гримасу:

— Думаю, вы переоцениваете быстроту, с которой я могу выучить язык незнакомого мира, и недооцениваете мою способность скрываться от глаз Ищущих.

Фарр не нашелся что сказать.

Нервы Тревиса были натянуты как струна.

— Если у тебя есть Врата, Вани, то ты можешь помочь нам доставить Бельтана обратно на Зею.

— Нет, не могу.

Ее ровный голос потряс Тревиса. Он не сводил с Вани глаз, как и Грейс.

— Артефакт Моринду всемогущ, и хотя мы используем его, принцип действия нам не вполне понятен. Видите ли, артефакт полый, и когда мой народ впервые обнаружил его, он был наполнен темной жидкостью.

— Кровью, — догадалась Грейс.

— Да, кровью. Но когда я хотела воспользоваться артефактом, чтобы отправиться на Землю, мой брат обнаружил, что он пуст.

Тревис в волнении провел рукой по своей стриженой голове.

— Но я не понимаю. Разве не может твой брат просто наполнить эту штуку и забрать нас обратно?

— Это не так просто, Уайлдер. Мы не знаем, какая кровь была в артефакте.

Грейс предположила нарочито спокойно:

— Человеческая кровь?

— Нет, — возразила Вани, повернувшись к Грейс. — Человеческая кровь не отворяет Врата. В артефакте была другая кровь, кровь большой силы. И чтобы снова открыть Врата, понадобится такая же.

— Но разве артефакт не «подсказал» тебе, что ему нужно? — Грейс отщипывала катышки свалявшейся шерсти от своего пушистого свитера.

— На артефакте нет надписей. Если бы они были — то на древнем языке Моринду, и мы бы не смогли их перевести. Говорят, чтобы открыть путь, нужна такая же сильная кровь, как Кровь Света.

Грейс вздохнула:

— И у тебя нет никакой идеи. Что бы это могло значить?

Вани не ответила.

— Только то, что ты застряла здесь. — Тревис вздохнул и уточнил: — *Мы* застряли здесь.

Вани встала и прошлась перед окном. Черная кожа поскрипывала.

— Мы подозревали, что кровь будет расходоваться по мере использования артефакта. Еще не отправившись в это путешествие, я знала, что оно будет в один конец. Но примерно год назад брат прислал мне сообщение, что те, кого мы ищем, появились на Зее, и зовут их Грейс Беккет и Тревис Уайлдер.

Дейдра тихонько присвистнула.

— Вот это удар — попасть сюда без пути назад и вдруг узнать, что те, кого ты ищешь, — там, на Зее.

Вани с иронией взглянула на Дейдру:

— Это ты верно заметила, Ищущая. Однако два месяца назад брат прислал мне другую весть: что Уайлдер и Беккет вернулись на Землю.

Тревис попытался разобраться:

— Подожди минуту. Если ты не можешь открыть Врата, как же твой брат посылает тебе сообщения?

— С помощью вот этого.

Вани вынула из кармана черный треугольный камень.

Фарр придвинулся ближе, стараясь разглядеть.

— Что это?

— Часть артефакта Моринду, — сказала Вани. — Она позволяет брату говорить со мной через артефакт, хотя это обходится ему дорого. Без этой части артефакт неполон.

— Как это понимать? — недоуменно спросил Фарр.

Вани сжала в ладони каменный треугольник.

— Месяц назад передо мной появились Врата. Я подумала, что это очередное сообщение от брата. Но ошибалась. Врата... открылись шире.

Грейс выпрямилась.

— Скирата.

— Я не сразу поняла это. Я была застигнута врасплох и едва успела спастись. В то мгновение я не видела, кто напал на меня, но прошлой ночью подтвердились мои опасения. Через Врата действительно прошел колдун из Скирата. Вероятно, он силой вырвал артефакт из рук брата и с его помощью прошел через Врата.

— Подожди минутку, — снова остановил ее Тревис. — Ты, кажется, сказала, что не можешь активизировать артефакт без нужной крови.

— Да, — согласилась Вани. — Сказала.

Тревиса охватила дрожь.

Неужели...

Однако Грейс успела раньше:

— Ты думаешь, колдун узнал секрет? Ты считаешь, он знает, какая кровь нужна, чтобы привести в действие артефакт?

— Видимо, да, — подтвердила Вани. — Иначе он не смог бы пройти.

Фарр мрачно глянул на Дейдру.

— Что? — спросила она.

Он потер щетинистый подбородок.

— Это очень плохо. События прошлой ночи могут значить лишь одно: существо, которое Вани называет скирати, работает вместе с «Дюратеком». И на репортаже о нападении на мотель можно большими буквами написать — «Дюратек».

Дейдра, волнуясь, завершила мысль Фарра:

— А значит, ничто не помешает «Дюратеку» воспользоваться Вратами, чтобы получить доступ на Зею.

Страх охватил Тревиса. Если Дейдра права, то конец всему, за что он боролся, конец Зее как свободному и независимому миру. Он посмотрел на Грейс, и она так же испуганно посмотрела на него.

— Нет, — возразила Вани, — я не впадаю в отчаяние. Не все надежды еще утрачены.

Фарр в сомнении покачал головой:

— Прости меня, Вани, но ты не знаешь «Дюратек». Они воспользуются любым шансом, чтобы проникнуть на Зею и завладеть ее ресурсами.

— Ты не прав, Ищущий. — Глаза Вани сверкнули. — Мне известно о группе колдунов, которую ты называешь «Дюратеком». Я наблюдала за ними, так же как наблюдала за тобой. И хотя у них есть рыцарь, Врата и секрет крови, существует еще кое-что, чем они не обладают.

Она не разжала ладонь, но Тревис вспомнил о треугольном камне.

— Ты сказала, что артефакт неполон без него.

— Да, — подтвердила Вани. — Когда призма отделена от артефакта, она действует как фокус для Врат. Пока она у меня, Врата, открытые артефактом, будут вести к призме. Чтобы открыть Врата обратно на Зею, следует свести вместе и артефакт, и призму.

— И потом, — подхватил Тревис, — если нам удастся заполучить Бельтана и артефакт, узнать, что такое Кровь Света, то мы сможем попасть на Зею.

Однако, произнося эту фразу, Тревис уже понимал, насколько нелепо она звучит. Как им решить такую сложную задачу пусть даже с помощью Вани и Ищущих?

— Вани, — мягко сказала Грейс. — Есть еще один момент, о котором ты нам не рассказала. Зачем ты и скирати искали меня и Тревиса?

Вани склонила голову. Ее черный силуэт четко вырисовывался на фоне окна.

— Потому, Грейс Беккет, — сказала она, и ее золотые глаза засверкали, — что тебе и Тревису Уайлдеру суждено поднять погибший город Мрак Моринду из песков Моринтарта.

52

В очередной раз Бельтан выплывал из темных волн беспамятства, прорывался сквозь вязкую поверхность и оказывался на холодной твердой плите нагим и обездвиженным.

Он прилагал все силы, чтобы полностью осознать реальность. Видимо, это склеп под Кейлавером, где покоится его убитый отец. Но нет никакой уверенности, туман застилает ему глаза. Как он очутился здесь? Вспомнился огонь, бегущий по жилам. Яд! Да, она его отравила и принесла сюда, чтобы превратить в себе подобного. Кайрен.

Не тронь мое сердце, ведьма!

Но какая разница — вырежет она его сердце или нет? А зачем ему вообще нужно сердце?

Ты любишь его.

Нет, причина не в этом, а в его обычной глупости. Какой смысл в любви? Он любил отца, короля Бельдреаса, а чем это закончилось? И снова Бельтан увидел картину, однажды вторгшуюся в его сны, а теперь — из-за колдуна Дакаррета — в его пробуждающийся разум: нож, глубоко вонзающийся в широкую сильную мужскую спину, и рука, извлекающая этот окровавленный нож. Рука Бельтана. Он боготворил Бельдреаса, своего отца, и он же убил его — нанес удар, когда тот не ждал опасности. Не к такому ли концу всегда ведет любовь — боль, предательство, смерть?

Нет, это не одно и то же. Я только хочу увидеть когда-нибудь Тревиса Уайлдера и все. Хочу лишь сказать ему, что я прошу прощения.

Но у него не будет такого шанса. Леди Кайрен собирается вырвать у него сердце. Что ж, может быть, так будет лучше. Пусть удалит ему то, что не в силах вернуть потерянную любовь.

Только что-то здесь не так. Он видел, как Кайрен умирала. И здесь слишком светло для отцовского склепа под замком. Серая пелена растворялась в жесткой, безжизненной белизне.

Металлический щелчок, потом воздух прорезал женский голос, хотя странно резкий и гортанный.

Объект Е-2, медицинский журнал. Седьмое октября, кассета вторая. Результаты тестов и дубликат образцов крови и тканей были направлены в центр для анализа и проверки, и мы ждем указаний для дальнейших действий.

Со вчерашнего дня у меня появилось время, чтобы просмотреть видеозаписи системы безопасности, и я теперь уверена, что абориген не говорит по-английски. На аудиодорожке ленты речь объекта неразборчива. Логическое объяснение состоит в том, что его неожиданное пробуждение испугало меня, и я проецировала слова, которые могла понять, на звуки, издаваемые объектом. Я находилась на дежурстве в течение тридцати шести часов, но вчера у меня было добрых семь часов настоящего сна.

И все же, по счастью, звуки, издаваемые объектом, представляют собой туземную речь. Я направила ленту в центр для цифровой обработки и перекрестного сравнения с известной на

текущий момент лексикой. Однако сомневаюсь, что они найдут какие-либо совпадения. Теперь я уверена, что объект ни на каком языке не говорил, а просто испускал крики боли и страха.

Между тем из соображений безопасности мы держим объект Е-2 заторможенным на максимально безопасном уровне. После такого долгого состояния беспомощности, даже с учетом лечения альтернативной сывороткой крови, сила, которую он проявил, удивляет. Мы разбудим его, когда получим инструкции, скорее всего завтра. Конец записи.

Свет становился ярче, облекаясь в формы.

Но я не сплю, ведьма!

Бельтан хотел крикнуть, но тело не повиновалось ему. Она думала, что ее яд заставит его проспать до завтрашнего утра, но не тут-то было. Когда-то одна ведьма тоже недооценила его. Кайрен. Поэтому он смог тогда подняться из каменного гроба, отшвырнуть ее и ткнуть в нее факелом.

Почему уже дважды колдовские чары оказались слабее, чем сила Бельтана? Полной уверенности у него не было, но его родная мать Алира была в некотором роде колдуньей.

Молодой Бельдреас, который тогда еще не был королем, отправился верхом в болота западного Кейлавера, чтобы поохотиться на кабанов, и встретил там Алиру в деревне Берент. Ее зеленые глаза очаровали его, поманили за собой. Однако когда на следующий день Бельдреас узнал, что жители деревни считали Алиру деревенской колдуньей, он впал в гнев. Никогда ни один из последователей Ватриса не влюблялся в колдуний, а уж Бельдреас был настоящим воином.

Он встретился с ней на деревенском выгоне и, наверное, прибил бы в гневе, если бы девушка не сказала ему, что его незаконный сын уже живет в ней. Каким бы молодым и горячим ни был Бельдреас, он не причинил бы вреда женщине, носившей ребенка — его ребенка.

И все-таки Алира была колдуньей, и Бельдреас не хотел иметь с ней никаких отношений. Он отправился обратно в Кейлавер, а Бельтан первые семь лет своей жизни провел с матерью. Она часто заставляла его пить горькие напитки из заваренных трав или просила пожевать какой-нибудь невкусный кусок корня, от которого тошнило. Бельтан так никогда и не узнал, зачем она это делала. Она только говорила ему: «Это сделает тебя сильным, мой маленький принц».

Но он любил ее и всегда слушался, а когда мальчика тошнило от настоев, она клала его голову себе на колени, гладила его волосы и пела ему, пока он не засыпал.

В то лето, когда ему исполнилось семь лет, Алира подхватила лихорадку, и хотя сама помогала любому больному жителю деревни своими лекарственными травами, никто из них не

приготовил снадобья для нее. И похоронить ведьму тоже было некому. Тогда Бельтан вложил в окоченевшие руки Алиры ее любимый зеленый шарф, поцеловал в холодную щеку, а затем поджег маленький деревянный домик, в котором они жили, и смотрел, как он горит.

Настолько высоки были понятия Бельдреаса о чести — если не говорить о его чувствах, — что он не хотел видеть, как его единственное дитя, законное или незаконное, живет бедняком в заброшенной деревушке. Он послал своего сенешаля лорда Алерейна привезти Бельтана в Кейлавер. Скоро Бельтан всей душой полюбил Бельдреаса и свой новый дом. Но не забыл мать и то, как в конце концов ее колдовское искусство предало ее — с тех пор Бельтан уверовал, что это искусство вероломное.

И все-таки благодаря отварам трав, которые мать когда-то заставляла его пить, Бельтан приобрел способность сопротивляться снадобьям. Пока он вспоминал все это, в комнате становилось светлее. Рыцарь мог уже видеть ровный потолок и странное голубовато-белое освещение. В противоположной части комнаты он заметил тень: стройная женщина сидела за столом, склонив голову и рассматривая в руках какой-то предмет.

Хорошо, что ему удалось не вскрикнуть. Так она не узнает, что он мог услышать и как-то понять ее слова — или по крайней мере некоторые из них, потому что многое из того, что она говорила, походило на колдовские заклинания.

Снова щелчок. Теперь она говорила более мягким тоном.

Персональное замечание. Мы знаем, что генетически объект относится к современным человеческим существам. Результаты филогенетического анализа, основанные на последовательностях ДНК, прибыли вчера, и даже самые приблизительные оценки подтверждают происхождение из популяции северной Европы давностью в пять тысяч лет с допуском ошибки в тысячу лет.

Мои собственные предки родом из Норвегии. Полагаю, можно сказать, что мы в некотором роде родственники. Вместе с тем в нем есть что-то варварское, кажущееся мне чуждым и тревожным. Не такими ли были викинги, совершавшие набеги на Европу?

В центре говорят, что уровень цивилизации аборигенов средневековый, примерно одиннадцатый век с погрешностью в плюс-минус два века. Мне все еще кажется удивительным, что развитие могло идти параллельно земному с запаздыванием в тысячу лет. Но как раз об этом говорят наши историки. Люди есть люди. Не воля индивида, а плотность населения и теория вероятности являются регулирующими факторами. Может быть, верховные правители правы. Может быть, проявления судьбы все же существуют.

Как бы то ни было, а там, должно быть, сейчас жестокая эпоха. Объект не может говорить с нами, но шрамы, многочисленные повреждения костей свидетельствуют о жестокости. Я понимаю, эта теория не слишком научна, но я полагаю, проснись он и освободись от пут, он убил бы меня голыми руками.

Тишина.

Доктор Ананда М. Ларсен. Конец записи.

Вздох, шарканье, потом звук отодвигаемого стула. Тень поднялась.

Бельтан не поднимал век. Это первейшее правило военнопленного. Пусть враги думают, что ты беспомощен. Женщина — доктор по фамилии Ларсен — не так уж и ошибалась на его счет. Будь он свободен, он не стал бы убивать ее, но что-нибудь предпринял, лишь бы вырваться из этого места.

Раздался какой-то непонятный звук, вроде перезвона. Потом скрежет, в любом мире означающий, что закрывается замок. Он заперт. И остался один.

Послышалось потрескивание и чье-то тихое дыхание.

Нет, все-таки не совсем один.

Бельтан открыл глаза и повернул голову. Из небольшой клетки в углу на него смотрел умными темными глазами шин-паси.

— Привет, — сказал Бельтан хрипло. — Так ты тоже здесь?

Существо наклонило голову, пробежалось длинными темными пальцами по проволочным ячейкам клетки.

Бельтан нахмурился:

— Ты ведь понимаешь меня? Может быть, не слова, но интонацию? Ты для них — то же самое, что и я. Только ты знаешь больше, чем они думают.

Шин-паси протянул длинные, покрытые рубцами руки к ярким картинкам с изображениями костей на стене: высокий хрупкий череп с огромными глазными впадинами.

Бельтан попытался приподнять голову, обнаружил, что это возможно, и огляделся вокруг. Он был все еще обнажен, но его прикрыли тонкой простыней. Наверное, он для них все же не предмет, а человек. Множество проводов и трубок, увиденных им во время последнего пробуждения, исчезли; и теперь осталась только одна, что вела от укрепленного наверху прозрачного пузыря к игле, воткнутой в его руку. Он был еще связан, но путы, казалось, стали чуть слабее, чем раньше, как будто его связали небрежно. Видно, не подумали, что он мог проснуться так рано. Насколько можно понять, три ленты удерживают его на металлическом столе: одна проходит над предплечьями и грудной клеткой, другая прижимает руки к бедрам, а третья — стягивает ноги.

Сжав зубы, Бельтан напрягся. Из чего бы ни были сделаны эти ленты, они оказались сильнее, чем он. Тогда рыцарь стал извиваться. Метод оказался более эффективным — почти удалось вытащить правую руку. Если бы побольше места.

Он снова напрягся, но через несколько минут прекратил попытки — выбился из сил, а правое запястье горело.

Думай, Бельтан. Твои мускулы обессилели, так используй мозги для разнообразия, если они не совсем усохли за эти годы. Вспомни, как седлаешь своего скакуна. Конь всегда задерживает дыхание, когда ты затягиваешь подпругу, поэтому, когда он делает выдох, подпруга ослабевает и седло соскальзывает. Выдыхая, ты ничего не добьешься: лента стягивает твои бедра. Но есть способ стать меньше в размерах.

Он так и сделал.

Подался вверх под повязками. Между спиной и стальным столом получился зазор в один дюйм, но нужно было еще немного. Он сжал зубы и что было сил натянул путы. Ленты потрескивали, растягиваясь. Все-таки после всех тяжелых испытаний он был сильнее, чем думал.

Теперь достаточно. Бельтан просунул руку за спину, потом опустился вниз всем телом. Задержал дыхание и резко выдохнул воздух из легких. Попробовал потянуть правую руку. Лента не пускала, но после вспышки боли руку удалось извлечь. Он содрал порядочный кусок кожи, рука кровоточила, но зато была свободна.

Давай, давай работай.

Путы на бедрах теперь ослабли, достаточно просто вытащить левую руку. Ослабить повязку вокруг предплечий и груди было труднее. Однако в результате предыдущих действий Бельтан смог положить правую руку поверх зажима, удерживающего повязку. Он не мог видеть, что делает, пальцы онемели; казалось, невозможно понять эту сложную застежку.

Только не такая уж она и сложная. Во всем теле появилось странное покалывание, и Бельтан почувствовал, что мышцы тела слушаются его.

Наконец путы были побеждены, и он сел.

Простыня сдвинулась, и Бельтан бросил взгляд на свое тело. Ну что ж, не так страшно, как могло быть. Он все так же худощав, но не слишком. Не осталось и следа от выпиравшего живота, и можно было пересчитать все ребра. Розовой теплотой светилась кожа, под ней так и ходили жгуты мускулов. От раны, полученной на празднике Среднезимья, осталась белая полоска, змеившаяся по боку. Рыцарь с трудом согнул руки, но с удивлением почувствовал, что мог бы взмахнуть мечом, если бы понадобилось.

Невероятно.

Ладно, какой бы ни была разгадка этой тайны, она подождет. Бельтан отбросил простыню. Снять повязки с ног

легко, но он не был уверен насчет трубки в руке. Сжав зубы, выдернул ее. Немного больно, но не так уж страшно, как ему казалось. Он осторожно свесил ноги и соскользнул на холодный пол. Оттолкнувшись от своего ложа, впервые за два месяца Бельтан стоял.

Тут ему едва не пришел конец. В ушах зашумело, в глазах стало темно, комната закружилась. Он наверняка упал бы, раскроив голову о твердый пол, но в последний момент ухватился за стальной шест рядом с металлическим столом и повис на нем. Постепенно головокружение прошло. На этот раз Бельтан осторожно сделал несколько шагов. С каждым шагом кровь быстрее бежала по жилам, а уверенность наполняла сердце. Через некоторое время, весь в поту и тяжело дыша, он добрался до двери. На крючке висел тонкий белый халат, какой был на докторе. Он накинул халат на плечи и завернулся в него. Слишком маленький, но все же лучше, чем ничего.

Послышался тихий гортанный звук. Шин-паси пристально смотрел на него сквозь ячейки клетки. Казалось, это существо беспокоилось о нем. Может быть, так оно и было. Приглядевшись, Бельтан заметил, что это самка.

Усмехнувшись, он приложил палец к губам:

— Со мной все в порядке, леди. Теперь сиди тихо. Мы ведь не хотим, чтобы кто-то понял, что мы встали.

Существо продолжало смотреть сквозь сетку.

Дверь была сделана из неизвестного Бельтану металла. Не имелось ни засова, ни щеколды, на которую полагается ее закрывать, как у большинства дверей, но была ручка, которая, очевидно, служила рычагом для открывания. Бельтан попробовал пошевелить ручку.

Она не шевелилась.

Всем телом он навалился на ручку, но безрезультатно. Что же это за запор?

Шин-паси снова стала издавать звуки и, просунув пальцы сквозь ячейки сетки, пыталась привлечь его внимание.

— Подождите, леди, — пробормотал Бельтан. — Я должен найти способ открыть эту дверь.

Он присмотрелся. На двери имелась небольшая коробочка со стеклянным окошком, в котором рдели красные знаки. Под окошком на коробочке было десять выпуклых металлических квадратиков. На каждом из квадратиков какой-то знак, но Бельтан не знал, что они означали. Хоть он и понимал каким-то чудом здешний язык, читать на нем явно не мог. С другой стороны, и на Зее его навыки в письме и чтении были невелики. Чтение — занятие для священников, высокородных дам и королей, а не для бастардов.

Снова Бельтан ощупал дверь, но не нашлось ничего, чем можно было бы воспользоваться. С этой стороны двери не было даже петель. Только коробка с квадратиками и мерцающие знаки.

Он выругался. Если они сейчас вернутся, его снова свяжут, на этот раз крепче. Или посадят в клетку, как шин-паси. Нужно выйти отсюда, пока не поздно.

Снова раздалось дребезжание сетки и крики шин-паси, на этот раз более громкие и настойчивые. Бельтан посмотрел на клетку. Шин-паси сновала внутри вверх и вниз, потом присела на корточки, и стала тыкать в него своим длинным пальцем. Что это она?

Болван, обернись.

Он обернулся, и его взгляд упал на коробочку со светящимися символами.

— Это. — Бельтан подошел к коробочке на двери, потом снова глянул на существо в клетке. — Ты хочешь, чтобы я что-то сделал с этим, да?

Шин-паси снова показала пальцем на его руку. Бельтан нахмурился, протянул руку к коробочке. Коснулся одного из квадратиков.

Раздался громкий крик шин-паси. Бельтан оглянулся на клетку. Существо наблюдало. Он прикоснулся еще к одному квадратику коробочки. И снова существо издало крик, от которого он вздрогнул. Бельтан сжал челюсти и дотронулся до третьего квадратика.

Тихое ворчание. Бельтан, поколебавшись, нажал на очередной квадратик. Окошко на коробочке потемнело, потом появился один красный символ и прозвучал щелчок. Как раз такой щелчок он слышал, когда доктор выходила из этой комнаты.

Снова ободряющее ворчание. Бельтан похолодел. Он сошел с ума или это полоумное существо действительно руководит им?

Умно, Бельтан. Может, даже слишком умно. Кто знает, что они с ним сделали. И кто знает, что они сделали с тобой. Тебе нужно выбраться отсюда. Ясно, как белый день, это существо наблюдало за ними, а они не замечали.

Он нацелился на следующий квадратик, который поддался со второй попытки. В окошке появился еще один красный символ, также сопровождавшийся щелчком. Для следующего понадобилось несколько попыток и несколько резких окриков, но еще один символ он получил сразу. Шин-паси издала тихий возглас. Бельтан облизнул губы и нажал на кнопку.

Щелчок.

Появился четвертый красный символ. Потом на один ужасный момент окошко в коробочке потемнело. Бельтан начал было браниться в полной уверенности, что испортил эту штуку, но символы появились снова, только не красные, а изумрудно-зеленые. Внутри двери раздался металлический скрежет, будто повернулись задвижки.

Бельтан в изумлении воззрился на существо в клетке. Оно наблюдало за тюремщиками и узнало их секрет. И вправду смышленое.

— Спасибо, — прошептал он.

Существо сидело на корточках, потеряв к Бельтану, казалось, всякий интерес. Он снова повернулся к двери, взялся за ручку и нажал на нее. Дверь открылась.

53

— Вот это, — сказал Фарр, разворачивая ветхие листы бумаги на столе красного дерева в их гостиной, — схемы оперативной базы «Дюратек», в нескольких милях к северу от делового квартала Денвера.

Вани осторожно подошла к столу.

— У вас есть карты их крепости, Ищущие? Я могла наблюдать только снаружи и не знаю, что находится внутри.

Дейдра иронично улыбнулась:

— Ну ты же понимаешь, членство в таинственной международной организации дает кое-какие преимущества.

— Да-да, — Фарр подхватил ее тон, — безграничные. Просто эти синьки были сделаны для предыдущего владельца здания. «Дюратек» занял его два месяца тому назад. Боюсь, они уже перепланировали внутренние помещения.

Вани провела пальцем по карте:

— Нет, я так не думаю. Они сделали некоторые изменения снаружи для большей безопасности. Вряд ли дюратековцы надолго останутся здесь. Когда будут достигнуты определенные цели, они отсюда уйдут.

Грейс взглянула на Вани. В чем же состоит цель оперативной базы «Дюратек»? Открыть Врата на Зею? Если так, то почему они удерживают у себя Бельтана?

Может, он достался им просто по счастливой случайности, Грейс. Что-то вроде нежданной удачи, которую надо использовать, пока они считают, что не откроют Врата без части артефакта Вани.

— Ладно, — сказал Тревис. В руке он держал серебряную кофейную чашку, а взгляд был красноречиво устремлен на кофейник. — Неужели все здесь кофеманы?

Он наклонил кофейник над чашкой. Пусто. Тревису достались лишь четыре виноватых взгляда.

Грейс выпрямилась в кресле, устав от сидения.

— Я позвоню портье.

Вряд ли она сможет быть полезна при планировании атаки на секретную базу многонациональной корпорации. Ее задача — вновь собрать друзей после неудачи.

Она набрала номер, но при соединении в трубке раздалась приятная музыка — звонок поставили на ожидание. Грейс задумалась. Если бы Дар действовал здесь, на Земле, может быть, она все же могла бы помочь...

Но оно не действует, Грейс. По крайней мере не очень хорошо. Ты только тогда почувствуешь, где именно они держат Бельтана, когда окажешься в нескольких футах от него. Найти его смогут лишь Вани и Ищущие.

А что потом? Как они собираются получить артефакт и секрет его использования у скирати?

Ты же видела ее в схватке, Грейс. Она делает невозможное с точки зрения законов физики. Вани говорит, что ей предопределено судьбой доставить тебя и Тревиса обратно на Зею. Может быть, судьба действительно существует.

Нет, как ученый она не может в это поверить. Нет такого явления как судьба; никакое божественное провидение не управляет жизнями. Если Бог и существует, то он слепой идиот.

Но боги существуют, Грейс. Ты видела, как родился один из них.

Ну хорошо. Так, может, стоит извлечь эти старые идеи из ящика, куда засунула их много лет тому назад, стряхнуть с них пыль и пересмотреть, когда будет время?

Но не мысль о богах беспокоила Грейс. Даже если судьба существует, разве она не покончила с нею в приюте «Беккет и Стрейндж»? Нет, лучше верить во вселенскую случайность и знать, что ужасные вещи случаются из-за глупого везения, а не потому, что кто-то заслужил это.

Наконец в трубке раздался голос. Она попросила принести кофе, положила трубку и повернулась к остальным.

— Вани, — спросил Фарр, — где находится комплекс, в котором ты заметила наибольшее скопление охраны?

Вани показала на верхнюю часть чертежа:

— Я думаю, они держат его здесь. Но охранников не так уж и много. Должно быть, в обеспечении безопасности комплекса они полагаются на другие средства.

— Конечно, — с горькой усмешкой заметил Тревис. — Их проклятая технология. На это они и рассчитывают, чтобы держать нас подальше. Думают, что могут все с помощью своих штучек.

Дейдра бросила на него суровый взгляд:

— Успокойся, Тревис. «Дюратек» действительно сконструировал много такого, о чем Ищущие даже не знают.

— Но Тревис прав в одном, — заметил Фарр. — «Дюратек» утратил бдительность, они всегда были самонадеянными нахалами. Их слабое место — гордыня, и мы можем использовать это к нашей выгоде.

Грейс хотела было заговорить, но раздался стук в дверь. Все, кроме Вани, подскочили. Грейс перевела дыхание.

— Это прислуга, — пояснила она, направляясь к двери. — Надеюсь.

Действительно, принесли кофе. Грейс закрыла дверь на ключ и отнесла поднос к столу.

Дейдра постучала пальцем по одной из карт.

— Итак, вы оба думаете, что Бельтан и артефакт находятся в этом крыле?

Вани кивнула.

— И там есть еще что-то.

— Еще что-то? — с тревогой переспросил Фарр. — Что ты имеешь в виду?

— Не знаю, — сказала Вани. — Но что бы это ни было, оно имеет для них очень большое значение. Такое же большое, как артефакт и Бельтан.

Дейдра задумчиво крутила серебряный браслет на правой руке.

— Хорошо, — подала голос Грейс. Она решила наконец озвучить витавший в воздухе вопрос. — Как мы предполагаем попасть туда?

— У меня есть идея, — сказал Фарр.

Как оказалось, идея Фарра немного недотягивала до настоящего плана, но могла представлять собой интригующий лабораторный эксперимент.

Грейс скептично посмотрела на Фарра:

— Ты уверен, что хоть что-то получится?

— Это довольно просто. Мы с Дейдрой заставим полицию поверить, что ты и Тревис находитесь в одном месте севернее Денвера. Разумеется, «Дюратек» никогда не доверит полиции всю работу, поэтому они тоже пошлют туда своих агентов, оставив комплекс почти без охраны.

— Остается надеяться, что ее на самом деле будет поменьше, — заметила Дейдра. — Вани должна будет провести Грейс и Тревиса через периметр, найти Бельтана и забрать артефакт.

Грейс нахмурилась:

— Ты не ответил на мой вопрос, Фарр.

Он встретился с ней глазами.

— Никогда ни в чем нельзя быть уверенным до конца, Грейс Беккет.

— А что ваши Философы? — обратилась Вани к Фарру. — Разве Ищущие не дают клятвы не вмешиваться напрямую?

Тревис фыркнул:

— В таком случае они уже два-три раза нарушили свою клятву.

Фарр, ко всеобщему удивлению, вдруг стал что-то насвистывать.

— На такой случай у нас есть освобождение, — пояснил он.

Что-то здесь было не так.

— Тогда почему вы идете на неприятности, связанные с клятвой, если позволяете себе нарушить ее, когда вам это нужно?

Дейдра и Фарр обменялись красноречивыми взглядами, но ничего не ответили.

— Пойду приму душ. — Тревис встал. — Дело надо делать с горячим сердцем и чистыми руками, не так ли?

Он исчез в одной из комнат, а Дейдра и Фарр ушли в другую: Дейдра, чтобы позвонить, а Фарр — подготовить кое-какое снаряжение.

Фарр задержался у двери.

— Ничего, если ты побудешь здесь, Грейс?

Та взглянула на Вани, которая стояла у окна.

— Все нормально.

Фарр коротко кивнул и вышел вслед за Дейдрой. Послышался шорох, и Вани уселась на диван рядом с Грейс. Грейс не заметила, как она пересекла комнату.

— Как это у тебя получается? — удивилась она. — То есть как ты передвигаешься?

Вани улыбнулась:

— Извини, Грейс Беккет. Я не хотела тебя пугать. Все еще забываю, что я не в Голгору. Там все знают, что можно перемещаться таким образом.

Грейс чуть придвинулась к таинственной женщине. От ее облика веяло опасностью, вне всякого сомнения. Цепкие и мускулистые руки, глубоко посаженые глаза и жесткие темные волосы придавали ей воинственность. И все-таки в чертах лица, в линии губ проступала мягкость, которую ничто не могло скрыть.

— Голгору? — переспросила Грейс. — Что это такое?

— Крепость высоко в горах. Там я прошла обучение и получила все это. — Она показала на татуировку рук и шеи, затем откинула волосы с левого уха, по краю которого было проколото множество отверстий. Грейс насчитала тринадцать золотых серег.

— Голгору, — продолжила Вани, — это особая школа, хотя о ее существовании известно немногим. Именно там т'голы учатся тихим искусствам. Те, кто выдерживает, конечно. Вместе со мной начинали обучение еще двадцать учеников. В конце только трое из нас стали т'голами.

Грейс была в недоумении:

— Но ведь т'голы убийцы, Вани? Люди, специально обученные убивать.

Вани даже глазом не моргнула:

— Да, некоторые называют нас убийцами. Но на нашем древнем языке «т'гол» означает «те, кто охраняет».

— Сколько тебе было лет, когда ты попала туда? — спросила Грейс. Ей нравилась Вани, она была благодарна ей. Не хотелось верить, что она — всего лишь обученный убийца. Или охранник? Хранитель?

Грейс хотела разобраться.

— Я пришла в Голгору, когда мне исполнилось двенадцать, — сказала Вани. — Поздно. Большинство попадает туда, когда им не больше десяти солнц. Но я из рода Крови, и учителя не могли отказать мне.

— Крови?

— Да. Королевской крови.

— Мрак Моринду, — выдохнула Грейс. — Ты происходишь от его правителей, так? Так ты принцесса!

Легкая улыбка Вани была прекрасна.

— Наверное, я была бы ею, если бы Моринду возник снова.

Грейс наконец догадалась.

И ты думаешь, я вместе с Тревисом сделаю это. Поэтому ты пришла сюда — найти нас. Ты думаешь, что мы поможем вам откопать город, о котором никогда не слышали, в мире, куда даже не можем попасть.

— Прости меня, Грейс Беккет, — сказала Вани. — Вижу, я расстроила тебя. — Она встала.

— Просто Грейс.

Вани обернулась.

— Без Беккет. — Грейс подняла на нее глаза. — Зови меня просто Грейс.

В золотистых глазах женщины вспыхнул мягкий свет, она улыбнулась и снова села. Грейс молчала, потому что обнаружила, что потеряла нить разговора.

— Рыцарь, — начала Вани после минутного молчания. — Тот человек, Бельтан. Он и Тревис... как это, они очень близки?

Грейс сложила руки на коленях.

— Бельтан любит его, — сказала она просто.

— А Тревис отвечает на эту любовь?

Глаза Вани вдруг погасли. Что-то здесь было не так, но Грейс не знала, что именно.

— Почему ты сама не спросишь Тревиса? — поинтересовалась она.

Вани отвернулась. Грейс потянулась было к ней, но в этот момент дверь одной из спален открылась и вошел Тревис. На нем были все те же черные джинсы и трикотажная майка, но голова свежевыбрита, а глаза более ясные.

— Что происходит? — спросил он.

Вани промолчала, Грейс стала подыскивать слова, но ее спасло появление Фарра и Дейдры. В руках у Фарра было небольшое черно-золотистое устройство.

— Думаю, мы готовы, — заявил он. — Мне только нужно, чтобы Грейс сказала сюда несколько слов для полиции и «Дюратека».

Он протянул ей устройство вместе с желтым блокнотом.

— Надеюсь, ты не возражаешь, Грейс, но я взял на себя смелость написать текст твоей капитуляции.

Грейс пристально посмотрела на него.

Если этот план удастся, Грейс, — если ты пройдешь сквозь Врата и вернешься на Зею, — ты никогда больше его не увидишь.

Той ночью, год тому назад, когда Фарр впервые помог ей спастись из денверского полицейского участка, ей о многом хотелось расспросить его. В хаосе, наступившем с прибытием Ищущих, у Грейс никогда не находилось спокойной минуты, чтобы поговорить с ним. Теперь, наверное, и не будет.

Фарр набрал в грудь воздуха, собираясь что-то сказать, но его опередила Вани:

— Нам кое-что понадобится для подготовки артефакта к использованию, — сказала она. — Мази, травы, свечи — ритуальные предметы. У меня нет времени собрать их.

Тревис почесал в затылке и улыбнулся Грейс. Та кивнула. Не требовалось Дара, чтобы прочесть его мысли.

— Я знаю подходящее место, — сказала она.

54

Дейдра смотрела в тонированное стекло лимузина, наблюдая за смутными тенями, мелькавшими мимо машины. Временами на фронтоны магазинов из красного кирпича накладывалось отражение ее лица. Она машинально крутила толстый серебряный браслет на руке и думала о Брикстоне.

То, что «Дюратек» виновен во множестве смертей в «Сдавайся, Дороти», не вызывало сомнений. Таинственный огонь — вполне стандартная процедура этой корпорации. Потом была «электрия». Правда, тогда Глинда могла получить наркотики почти повсюду, но не получила, как было известно Дейдре. Их дал Глинде «Дюратек» — чтобы подчинить себе.

Арион рассказал мне сегодня вечером.

Арион?

Привратник. Все шепчутся об этом. Никто не знает, как, но они добыли себе одну чистокровку. Теперь никто из нас им не нужен.

И снова ей вспомнился лес, толстая кирпичная стена, за которую вывел ее привратник Арион. Потом сделали анализ ДНК с клеток кожи Глинды. Фарр сказал, что видел и раньше подобные генетические рисунки в клетках из других миров. Дейдре не нужны были образцы крови и лаборатория, чтобы понять, что в «Сдавайся, Дороти» присутствовали и другие с такими же генетическими рисунками.

Но кто такие были Глинда, Арион и все остальные? Давно ли они собирались в лондонском ночном клубе буквально в трех милях от штаба Ищущих, а те даже не подозревали об этом? И не связано ли это каким-то образом с сегодняшними событиями? Вопросы лишь замыкались в круг, ничего не проясняя.

— Дейдра?

Она отвернулась от окна и встретилась взглядом с зеленовато-золотистыми глазами, которые своей глубиной и блеском внезапно напомнили ей глаза Глинды и Ариона. Только это было невозможно.

На этот раз голос Грейс звучал скорее смущенно, чем озабоченно:

— Дейдра, что это?

— Извини, Грейс, я задумалась.

По крайней мере это не ложь, хоть и не вполне правда. Но как рассказать Грейс о своих мыслях?

Грейс несмело улыбнулась ей:

— Задумалась. Это плохая привычка. Мне самой пришлось долго бороться с ней.

Дейдра тихо засмеялась. Она знала Грейс Беккет только как имя в папке с делом, но не как человека. А в сумятице последних дней не было возможностей для обстоятельной беседы. И все же у Дейдры внезапно появилось чувство — такое сильное и определенное, о котором ее дед-шаман сказал бы, что оно послано ее путеводным тотемом, — что они с Грейс могли бы стать хорошими друзьями, если бы позволили время и расстояние между мирами.

Тревис и Адриан сидели на противоположных сиденьях и, склонив головы друг к другу, тихо разговаривали. Без сомнения, Адриан расспрашивал Тревиса о его экспериментах в мире AU-3. Прямо как инквизитор.

Вани сидела впереди вместе с водителем. «Я здесь лучше вижу», — объяснила она.

— Иногда мне хочется перестать думать, — призналась Дейдра. — Хотя бы на минуту.

Грейс тут же оживилась:

— Есть один способ. Но не думаю, что он тебе понравится.

Она вытащила из-под свитера ожерелье и стала рассеянно крутить зазубренный кулон.

— Я раньше никогда не видела его вблизи, — прошептала Дейдра. — Только на рисунках.

Грейс зажала кулон в руке.

— О чем ты говоришь?

— О твоем ожерелье.

Смятение и догадка попеременно отразились на лице Грейс.

— В первый же вечер, когда я встретила его, Фарр сказал мне, что они интересуются такими рунами, как вот эти: Железные сердца. Почему-то я никогда не показывала его Тревису. Он, наверное, знает, что означают эти руны или хотя бы некоторые из них. Может быть... может быть, я никогда по-настоящему и не хотела знать. — Она дала ожерелье Дейдре. — Но ты ведь знаешь?

Дейдра покачала головой:

— Немногое. Я не знаю, что символизируют руны. Но нам известно другое. Ты слышала о друге Тревиса, Джеке Грейстоуне?

Грейс сдержанно кивнула.

— Веками он жил в Лондоне под разными именами, в том числе и под именем Джеймса Сарсина. Потом в 1880 году книжная лавка сгорела, а Сарсин исчез. Но мы нашли его старый журнал, который смогли частично прочесть. В журнале был рисунок меча, покрытого рунами.

Грейс прикоснулась к своему ожерелью:

— Это кусочек металла от меча.

Она произнесла это как утверждение, а не как вопрос.

— Копия рисунка находится среди бумаг в багажнике лимузина. Я выну его и покажу тебе, когда представится случай.

— Спасибо. Мне бы очень хотелось посмотреть.

Слегка скрипнули тормоза, лимузин замедлил ход. Грейс снова тихо заговорила:

— Знаешь, когда ты связан с другим миром, это вовсе не благо.

Дейдра тоже так считала.

— Тогда что же это?

Дейдра не могла ответить, да Грейс и не ждала. Она надела ожерелье и поспешно спрятала его обратно под свитер.

Лимузин остановился. Фарр что-то спросил у Тревиса, но Дейдра не расслышала. Они не успели как следует проанализировать опыт Тревиса и Грейс. А теперь, если их план сработает, они потеряют два ценных объекта. Ну что она за Ищущая?

Дейдру снова стали одолевать сомнения. Ищущая ли она? От Философов все так же ни слова. Правда, для этого конкретного случая Фарр добился от них разрешения не испрашивать одобрения своих действий. И все же молчание казалось странным. Когда в отеле Дейдра позвонила в штаб-квартиру, Саша как-то подозрительно поспешно объяснила по телефону сдавлен-

ным голосом, что для Дейдры или Адриана еще нет никаких сообщений от руководства Ищущих.

Ты поступаешь правильно, Дейдра. Лучше дать им уйти, чем позволить «Дюратеку» поймать их.

Только все было гораздо сложнее. Тревис и Грейс хотели вернуться в мир, который они называли Зея. А кто такая в том мире Дейдра, чтобы не пустить их? Может быть, вопрос не в том, какой она Ищущий, а в том, какой она человек?

Дверца лимузина открылась, и в машину проник солнечный свет. Тонкий темный силуэт вырисовывался на фоне солнечного сияния.

— Мы прибыли, — объявила Вани.

Дейдра вышла и подождала, пока выйдут остальные. Фарр захлопнул дверцу автомобиля, и все вместе вошли в полутемную лавку.

Дверь за Дейдрой резко захлопнулась. Свист ветра и птичье пение наполнили благоухающий воздух, и на секунду ей показалось, что она снова оказалась в том невероятном лесу. Потом увидела небольшие стереодинамики и вентиляторы на стене, и паутину проводов, свисающих с потолка.

Раздвинулась, мелодично зазвенев, занавеска из голубых бусин.

— Ну, — произнес хрипловатый голос, — вы вовремя. Карты говорят о неприятностях.

Из темноты протянулись темные пальцы с длинными красными ногтями.

55

Они собрались в уютной комнате в заднем помещении магазина. Небольшие оконца были закрыты тяжелым бархатом, а освещение обеспечивали расставленные повсюду свечи. На круглом столе с резьбой в виде магических символов были в замысловатом порядке разложены карты Таро. Дейдра знала, что снаружи полдень, но здесь, в этой комнате, создавалось впечатление вечной полуночи.

— Марджи, — попыталась улыбнуться Грейс. — Как хорошо снова увидеть тебя.

Марджи засмеялась, ее белые зубы сверкнули в обрамлении рубиновых губ.

— Разумеется, королева. Разве я не сказала тебе, что мы еще увидимся? Это судьба — ничего не скажешь. А теперь все садитесь. Я знаю, нам о многом надо поговорить.

Марджи сделала круговое движение гибкой темной рукой, и, как будто это движение обладало колдовской силой, Дейдра обнаружила, что сидит вместе с остальными.

Марджи встала возле последнего незанятого стула. На ней был невероятный наряд, состоявший из зеленоватого платья мини, расшитого блестками вечернего жакета с короткими рукавами, а на шее красовалось ожерелье из гигантских фальшивых жемчужин. Дейдра почувствовала укол зависти. Сама она никогда так не выглядела.

— Сегодня я собрала вас здесь, — торжественно проговорила Марджи, — чтобы прочесть последнюю волю и завещание вашего недавно скончавшегося прапрадеда.

Пять пар глаз удивленно воззрились на нее.

Марджи подавила смешок, потом села и скромно оправила жакет.

— Извините, я всегда хотела это сказать.

Фарр сердито глянул на нее.

— В самом деле, мадам, сейчас не время для шуток. Нам кое-что нужно купить, а потом снова в путь.

— Ладно, я вижу, кое-кто мрачен и не в духе сегодня. — Марджи подперла рукой подбородок, прикрыла пурпурные веки. — Это мило с твоей стороны, золотце, но бьюсь об заклад, сестра Марджорам могла бы разгладить эти морщины.

Дейдра сжала губы, чтобы не рассмеяться. Фарр что-то недовольно пробормотал и отвел взгляд. На его виске билась жилка.

Вани склонилась над столом, изучая карты.

— Похоже на карты Т'хот. Значит, ты предсказательница.

Марджи легонько пожала плечами:

— У меня есть дар. Но я никогда раньше не слышала, чтобы их называли карты Т'хот. Интересное название. Откуда ты, золотко?

— Издалека.

— Полагаю, что так. Дай мне только одно сказать, девушка. — Голос Марджи зазвенел, она направила палец на Вани. — Ты и черная кожа. Вау!

Вани смущенно подняла золотистые глаза:

— Кожа обеспечивает мне защиту, позволяя в то же время свободно двигаться. Практично, если это означает твое «вау».

Глаза Марджи округлились, и она в недоумении посмотрела на Тревиса, который сидел рядом с ней.

— Милый, что за людей ты ко мне привел? С какой они планеты?

Тревис усмехнулся:

— Вот уж действительно вопрос по существу.

Марджи приложила руку к груди.

— Ты не обманываешь меня, милый?

— Честное слово. — Взгляд серых глаз был серьезен как никогда. — Не обманываю.

Пока Тревис вкратце пересказывал их историю, Марджи то закатывала глаза, то хваталась за край стола, но не

перебивала. Наконец его голос затих и растворился в тишине, Марджи тоже успокоилась.

— Итак, ты была в другом мире, королева, — сказала она Грейс. — И ты тоже из того мира. — Это уже Вани. — Ну что ж, теперь понятно: на Земле я ни у кого не встречала такого взгляда.

— Ты веришь нам? — спросила Грейс.

Теперь Марджи рассмеялась:

— Почему бы и нет, королева? Конечно, есть другие миры, кроме этого. Богу известно, что они должны быть. Я бы сошла с ума, если бы их не было.

Дейдра искренне позавидовала такой простоте и бесхитростности. Но этот мир не всегда благосклонен к особенным людям.

Она подалась вперед, чтобы внимательнее рассмотреть расположение карт Таро. Дейдра не слишком верила в их магический смысл, но считала, что карты содержат древние, выверенные столетиями многозначительные символы, которые может понять человек вдумчивый и тонкий.

— Никогда прежде я не видела такого расклада, — сказала она.

— Потому что я сама его изобрела, — ответила Марджи. — Однако карты не твоя стихия, не так ли, шаманка?

Дейдра выпрямилась:

— Я не шаманка.

— В самом деле? — Марджи подняла тщательно выщипанную бровь. — Тогда почему ты носишь это?

Дейдра тронула желтоватый медвежий клык, висевший на шее.

— Ты ошибаешься. Мой дедушка был шаманом. Он отдал мне это перед своей кончиной.

— Хорошо, милочка. А почему, как ты думаешь, он отдал это тебе, когда понял, что умирает?

От такого напора Дейдра растерялась.

— Не отрицай своих дарований, девушка. Я просто не понимаю, почему люди так боятся своей силы. А вот сестра Марджорам не боится. Почему бы всем остальным не последовать ее примеру?

Тем временем карты уже разглядывала Вани.

— Ты сказала, что увидела в картах неприятности. — Она решила напомнить о деле. — Какие неприятности?

— Хотелось бы мне самой знать. — Марджи глянула на Тревиса и Грейс. — Меня разобрало любопытство, когда вы двое появились у меня на пороге, а по вашим следам шла полиция. Поэтому я разложила карты.

Тревис готов был задать вопрос, но Марджи остановила его.

— Нет, не беспокойтесь. Я ничего им не сказала ни тогда, ни во второй раз, когда они вернулись сюда после вашего маленького приключения в мотеле «Голубые небеса».

Грейс горько усмехнулась:

— Ты действительно все видишь, Марджи.

— На самом деле это было в сегодняшнем выпуске утренних новостей. Не то чтобы я специально ими интересовалась. Просто все не могу поверить, что на первое место ставят эту шлюху Анну Ферраро. Не считаете же вы, что ваши дела важнее моих.

Марджи манерно поправила прекрасной формы грудь.

— Марджи, — тихо обратилась к ней Вани. — Карты.

— Прошу прощения, милочка. Я отвлеклась. — Марджи постучала ногтями по картам. — Но дело в том, что я не знаю, о чем они говорят. А обычно с Марджи такого не бывает. Здесь, в одной стороне треугольника, Повозка. Кто-то явно находится в дороге. — Она бросила взгляд на Вани. — Но, мне кажется, мы установили этот факт. А здесь, рядом с Повозкой, лежит Семерка Мечей. Видите двоих в лодке, плывущих по воде? Вода означает бессознательное. Оба грустны, но они оставляют прошлое за собой, и смотрите — они направляются в золотой город на море.

Дейдра нахмурилась:

— По-моему, весьма неплохой расклад, Марджи.

— Безусловно, шаманка. За исключением этого.

Пурпурным ногтем Марджи постучала по третьей карте в треугольнике, с которой смотрело отвратительное, злобное лицо. Дьявол.

— Здесь что-то кроется, — тихо проговорила Марджи. — Это зло, и зло алчущее. Оно сокрушит любого, кто к нему приблизится.

Она подняла на Тревиса блестящие черные глаза.

Он коснулся ее руки.

— Мы должны идти, Марджи, должны открыть путь. Поэтому нам нужна твоя помощь.

Она улыбнулась печальной и нежной улыбкой:

— Я знаю, вы должны, милый. Я только предупреждаю вас. Вот и все.

Фарр встал.

— Марджи, нам кое-что нужно. Травы, различные масла. Так вроде бы? — Он посмотрел на Вани.

— Я скажу, что именно понадобится.

Теперь Марджи ослепительно улыбалась Фарру:

— Платить будете наличными, чеком или выставить вам счет?

Поиск необходимого не занял много времени. На полках магазинчика Марджи был большой выбор. Единственная трудность состояла в том, что Вани не знала английских названий нужных трав, но она описывала их Грейс, которая проявила такие основательные познания в фитотерапии, что удивила Дейдру и произвела на нее большое впечатление. Грейс объяснила Марджи, что именно необходимо Вани. Всего набралось три мешочка с

травами, бутылочка чистого ароматического масла и пять черных свечей.

— Я пользуюсь этим для очищения или для подготовительной церемонии, — сказала Марджи, протягивая пакет Вани. — А какой ритуал выполняешь ты, милочка?

— Тот, который поможет нам добраться до золотого города на море, как я надеюсь, — ответила Вани.

Марджи одобрительно кивнула.

Фарр кашлянул:

— Наверное, нам пора.

Но не тут-то было.

— Постойте. Никто никуда не пойдет на пустой желудок. Меня не интересует, кто из какого мира, все должны поесть.

От неожиданности все остановились и переглянулись. Действительно, никто из них не вспоминал о еде уже в течение многих часов. Однако Марджи права. Даже в гуще самых невероятных событий людям нужно есть.

Пока они рассаживались за столом для гаданий в задней комнате, Марджи, казалось, в одну секунду приготовила обед. Были предложены маленькие сандвичи с помидорами и сыром, миска с греческим рагу из бобов с маслом и чесноком, зеленые оливки и ореховые пирожные. После вкусной и сытной трапезы Фарр развернул карту «Дюратека», и вместе с Вани они еще раз кое-что уточнили.

Марджи тоже бросила взгляд на синьку, собирая посуду со стола.

— Это похоже на сверхсекретные шпионские материалы, детки. Теперь не вызывает сомнения тот факт, что Марджи умеет хранить тайны. Я только надеюсь, что никто больше не знает, куда вы собрались.

Фарр с недоумением посмотрел на Тревиса:

— Я никому ничего не говорил, — начал оправдываться тот. — Нет, это не совсем так. Я звонил Дэвису и Митчеллу Бэрк-Фейверам, друзьям из Касл-Сити. Но я не сказал им, где мы находимся и что собираемся делать. И это было до...

— Ваши дружки из «Дюратека» учуяли, где вы прячетесь, — веско произнесла Марджи.

Тревис ухватился за край стола.

— Подожди-ка, не хочешь ли ты сказать, что Митчелл и Дэвис...

— Я ничего не говорю, — подняла вверх руки Марджи. — За исключением того, что излишняя болтливость топит корабли.

Фарр протянул Марджи измятую белую визитную карточку:

— Мы благодарны тебе за молчание.

Она сунула карточку в карман жакета и подмигнула:

— Ты мог бы поблагодарить меня и за другие услуги, милый.

Фарр торопливо двинулся к двери.

— Теперь нам действительно пора.

— Спасибо, — сказала Дейдра.

Марджи торжественно кивнула в ответ.

Грейс неуверенно обняла Марджи.

— Нам повезло, что мы встретили тебя.

Марджи прищелкнула языком:

— Пустяки, королева. Везение здесь ни при чем. Это была судьба, просто-напросто судьба. Поосторожнее с моим жемчугом.

— О, — смогла лишь вымолвить Грейс и отступила назад.

— До свидания, Марджи, — сказал Тревис.

Она приблизилась к нему, прикрыла глаза и поцеловала его в щеку.

— Марджи...

Она с улыбкой отстранилась.

— Не волнуйся, милый. На твое сердце уже много претендентов, я видела это в картах. Так что прости великодушно сестру Марджорам.

Поколебавшись, Тревис поцеловал ее в рубиновые губы. Марджи картинно отшатнулась, широко раскрыв глаза, замахала руками; впервые с того момента, как они вошли сюда, она не находила слов.

Вани задумчиво смотрела на Марджи своими золотистыми глазами.

— У моего народа есть великие ясновидящие и оракулы, они проникают мыслью на годы вперед. Быть может, каким-то образом их путь пролегал и здесь, и их кровь течет в твоих жилах.

Марджи сжала ее руку:

— Мне нравится твоя мысль, милочка.

В дверях Дейдра обернулась, чтобы в последний раз поблагодарить Марджи, но увидела лишь тихо качающиеся голубые бусины занавески.

56

Марджи повесила телефонную трубку и бросила взгляд на разложенные карты.

— Надеюсь, это было правильное решение, девочка, — вздохнула она.

Они нуждались в помощи, это было совершенно ясно. Марджи подошла к столу, села и снова принялась рассматривать карты. Никогда прежде не видела Марджи так много темных карт вместе. Даже в тот день, когда потерпела поражение в

своих притязаниях на звание королевы Денвера, а эта жирная маленькая проститутка «Чи-Чи» Баффет выиграла только потому, что каким-то очень убедительным способом обольстила в туалетной комнате троих членов жюри.

Она дотронулась до одной из карт в центре треугольника.

— Дьявол.

Стало вдруг очень холодно, но так всегда бывает, когда жертвуешь комфортом ради моды.

Можно подумать, ты когда-нибудь предпочтешь комфорт, девочка. Красота — твое бремя.

Хотя так было не всегда. Когда-то, много лет тому назад, она была Мартином Дж. Моррисом, долговязым чернокожим подростком. Мартин жил с дядей, питавшимся только тем, что находилось в консервных банках, пившим то, что находилось в бутылках с быками на этикетках, и употреблявшим только те слова, что заглушались гудками в повторных телевизионных показах фильмов, которые Мартин любил смотреть.

Слава? Что за чушь, Мартин. Лучше бы ты смотрел «Эй-Тим». Мистер Т. — вот на кого тебе надо равняться. Брось всю эту мишуру. Крутись, как те парни-танцоры, и тебя будут звать Мартином-Везунчиком. Ты меня слушаешь?

Мартин не слушал. А ночью крутился один в своей комнате на чердаке.

Жизнь была не так уж плоха, пока была жива тетка. Она смеялась, глядя, как Мартин танцует с взбивалкой для яиц вместо микрофона, изображая пение под старые записи Билли Холидей. Потом однажды Мартин глянул в зеркало, висевшее в его комнате, и не нашел там своего отражения. Зато совершенно отчетливо увидел, как его тетя переходит улицу в двух кварталах от их дома, а из-за угла выворачивает мусоровоз и сбивает ее.

Раньше он всегда думал, что, когда людей сбивает машина, они летят по воздуху, падают на дорогу, катятся и вскакивают как ни в чем не бывало, как Линдсей Вагнер, бионическая женщина. Но тетя словно взорвалась, как будто ее тело было хрупким тяжелым плодом, который не лопался лишь благодаря ее жизненной силе. Зеркало на мгновение стало багровым, а потом оказалось, что Мартин смотрит в свои широко раскрытые глаза.

Когда он спустился вниз, уже прибыла полиция, а дядя вытаскивал пробку из бутылки.

Примерно год тому назад Мартин выбрал момент и, когда дядя храпел на своей кушетке, проскользнул в его комнату, залез в шкаф покойной тети и убежал к себе на чердак с охапкой женских тряпок из шифона, бархата и скрипучего полиэстера. В тот серый день в жизнь шестнадцатилетнего мальчишки нако-

нец вошел цвет оттенками канареечно-желтого, ярко-розового и изумрудно-зеленого. Появилась на свет сестра Марджорам.

Еще через год, когда дядя обнаружил в конце концов, куда делась одежда покойной жены, он вышвырнул Мартина на улицу. Это было самое большое благодеяние, которое когда-либо оказывали Мартину за всю его жизнь.

— Ясно, что ты страдаешь от депрессии, низкой самооценки и отсутствия идентификации личности, — сказал Мартину в молодежном центре консультант с тусклыми глазами, поглядывая на его обтягивающие джинсы, короткий топик и боа из перьев. — Поэтому ты и воображаешь себя другой личностью.

Но консультант ошибался. Сестра Марджорам была личностью. Мартин Дж. Моррис не был. Шестнадцать лет, видя в зеркале худенького мальчишку с беспокойными глазами чужака, он не имел ни малейшего представления о том, кто он. А потом в тот день он наконец обнаружил, что даже не представлял себе, как ему нужны туфли на шпильках и сумочка от Шанель. Он нашел сам себя.

И она перестала быть Мартином. Она стала чем-то другим, чем-то восхитительным и, несмотря на всю поддельность, все эти перья, блестки, кремы-депиляторы, инъекции коллагена и силикона, чем-то в высшей степени настоящим.

Она стала сестрой Марджорам, сутью жизни.

Но в этот момент ее одолевало смущение.

Что здесь происходит, девочка?

Марджи знала, что обладает необычными парапсихическими способностями. Знала это так же точно, как и то, что потрясающе выглядит в лавандовой органзе, в то время как «Чи-Чи» Баффет в таком наряде похожа на мисс Пигги. Не один десяток раз в своей жизни у нее были видения в зеркале, как в тот день, когда погибла тетя, или когда она увидела себя, открывающей магазинчик, и каждое из видений сбывалось. Но сегодня ее талант, казалось, изменил Марджи. Появлялось столько ясных картин, но они не складывались в одно четкое видение, словно разбитое зеркало, осколки которого она не могла сложить.

Марджи снова рассматривала карту Дьявола. Это зло реальное и опасное, но находится в отдалении, окружено картами, говорящими о путешествии, прошлом и мечтах. Она перевела взгляд на карты внешнего круга. Рыцарь Мечей, перевернутый. Могущественный человек, но власть у него была украдена. Рядом с этой картой лег Волшебник. Это он — восхитительный парень с бритой головой. Тревис.

Марджи вздохнула.

Ты бы оказала ему кое-какие особые услуги, не так ли, девочка?

Ее охватил жар, сменившийся ознобом. Это было не совсем желание, а более темное, странное и гораздо более притягательное чувство. Она сразу поняла, что любит его, но вместе им не быть.

Не можешь же ты всегда получать то, что хочешь, Марджи, тебе это известно. Для тебя это то же самое, что вино и кредитные карточки.

Но если она не может получить его, то кто сможет?

Рыцарь Мечей. Должно быть так — расположение карт ясно указывало на это. И разве они не сказали, что есть человек, которого они пытаются спасти? Но здесь, по другую сторону от Волшебника есть еще одна придворная карта, Королева Мечей. Значит, это та, что любит его, так ведь? Так Рыцарь или Королева? Тогда она поняла.

Оба любят его, девочка. Видит Господь, оба.

Но если в плену находился Рыцарь, кто же тогда Королева? В воображении промелькнул образ: золотистые глаза, которые умеют вглядываться так глубоко, как, казалось, никто не мог смотреть. Никто, кроме нее самой.

Марджи улыбнулась. Тайна раскрыта.

Ты станешь очень занятным парнем, мистер Тревис.

Ну что ж. Досадно, когда что-то ускользает из рук. С другой стороны, может, кому-то это нужно больше, чем ей.

Это твоя собственная вина, что ты такая особенная, Марджи. Но спасибо за поцелуй, милый. Я навсегда сохраню его в сердце.

Она готова была заплакать. Не очень хорошая идея, когда на ресницах так много туши. Марджи загнала слезы назад и взяла колоду карт. Нужно погадать на себя, может быть, это отвлечет. Она принялась медленно тасовать карты, пока не почувствовала, что момент настал, и перевернула первую карту.

Ухмыляющийся череп смотрел на нее из черного капюшона смерти.

Марджи оцепенела.

Это всего лишь символ, девочка. Конец цикла, начало нового — вот что это означает и ничего больше.

Так написано в книгах о картах Таро. Но иногда, как ей было известно, карты говорят именно то, что они означают.

Смерть.

Ее окатило холодной волной — это колыхнулась бархатная занавеска, прикрывавшая открытое окно, и прохладный осенний воздух проник в комнату.

Марджи подошла к окну.

Я думала, ты закрыто. Должно быть, Марджи, ты надышалась сегодня жидкостью для снятия лака.

Она закрыла окно и снова направилась к столу.

Но на полпути услышала тихое пыхтение, похожее на то, которое обычно издавал ее дядя, выпив пару бутылок пива и завалившись на кушетку.

Марджи, похолодев, прислушалась. Пыхтение прекратилось. Затем раздался звон разбитого стекла.

Ее охватило негодование. Какой-то гад забрался в ее лавку и мало того что напугал ее до полусмерти, так теперь крушит все, как бык. Марджи схватила стальной напильник с полки. Кто бы там ни был, она ему задаст.

Марджи прошла по коридору, миновала несколько дверей, подошла к занавеске из бусин. В следующую секунду ее настигло такое зловоние, что Марджи зажмурилась, но слезы все равно потекли, и тушь размазалась. Тот, кто там находился, вонял так, будто вывалялся в помойке. Дыша ртом, Марджи раздвинула занавеску.

Слышалось пьяное ворчание, потом что-то темное и зловещее вышло из тени между двумя рядами полок. Показалась маленькая головка с низким лбом, и светлые глаза уставились на Марджи. Медленно существо направилось к ней, попутно сбрасывая все с полок.

Еще несколько бутылок упало на пол, и крик Марджи заглушил звон бьющегося стекла.

Она отступила назад, отпустив занавеску, и бусины скрыли от нее ужасного пришельца. Откуда бы ни явился этот монстр, а пришел он за ней. Быстро они...

Пошарив за спиной, Марджи нащупала дверную ручку, повернула ее и оказалась в своей туалетной комнате. Стены здесь были увешаны зеркалами, а на белом туалетном столике теснились коробки с пудрой, щетки для волос, полировальные пилочки, щипцы для завивки. Такая красота, как у Марджи, не давалась сама собой, она добывалась из множества бутылочек.

Марджи навалилась на дверь, но опоздала. Что-то тяжелое яростно ударило по двери, и Марджи отбросило к столику. Затылком она ударилась о зеркало, зазвенели, падая на пол, флакончики и бутылочки.

Чудовище вошло медленно, осторожно. Оно было достаточно сообразительным, чтобы понять, что загнало жертву в угол. Теперь, при ярком свете, отражавшемся во всех зеркалах, Марджи смогла рассмотреть его.

— Ну и урод же ты, парень.

Существо напомнило ей обезьяну. Руки волочились по полу, когти рвали ковер в клочья. Длинные блестящие волосы покрывали все его тело, а морда морщилась, когда он обнажал клыки. Самыми ужасными были глаза: слишком большие, раскосые, белые, как две луны. Ни у одного существа не могло быть таких глаз. Во всяком случае, на этой планете.

Существо двинулось вперед. Марджи завела руку за спину и стала дрожащими пальцами шарить по туалетному столику. Зловоние стояло такое, что можно было упасть в обморок. У нее закружилась голова. Монстр раскрыл пасть и уже собрался кинуться на нее. В этот момент Марджи нашла наконец то, что искала. В одной руке у нее оказался баллончик с лаком для волос, а в другой — зажигалка, которой она пользовалась, чтобы нагревать щипчики для ресниц.

— Смотри, милый, у тебя сегодня день нехороших волос.

Взревел огонь, окутывая чудовище. Оно вскрикнуло, замахало невероятно длинными руками и побежало обратно.

Марджи двинулась следом, подгоняя его струей пламени. Существо снова издало пронзительный крик, потом рухнуло в коридоре. Задергались в агонии конечности, охваченные огнем.

Марджи опустила баллончик. Существо лежало неподвижно, свернувшись, как обожженное насекомое. Оно было мертво. Глаза Марджи слезились от дыма. Она отступила назад и обернулась. Дыхание у нее перехватило. Марджи смотрела в зеркало туалетной комнаты и не видела себя. Перед ее взором предстала магистраль с двусторонним движением, ведущая на вершину холма и вниз в долину. Плоские глыбы серого камня высились как гиганты на фоне серовато-зеленых гор. Пять восемнадцатиколесных грузовиков стремились вверх по холму мимо знака скоростной магистрали. Грузовики были покрашены в черный цвет, за исключением белого полумесяца на боках. Марджи стала пристально всматриваться в дорожный знак, но изображение поблекло, и вот перед ней уже знакомый высокий тонкий силуэт в жакете с блестками и растрепанной прической.

Из оцепенения ее вывел непонятный тихий звук. Марджи обернулась.

Они поспешно протискивались в дверь, ковыляли к ней по изрезанному ковру, поблескивая на свету. Золотые пауки. Она насчитала десять, двадцать. Потом перестала считать, потому что они продолжали просачиваться в дверь. Снова подняла баллончик с лаком и зажигалку. Вырвалось пламя. Первый ряд пауков расплавился, превратившись в неподвижные сгустки.

Баллончик зашипел. Пламя поколебалось и опало.

Марджи отбросила пустой баллончик и отступила к туалетному столику.

Дело плохо, девочка. Ты всегда лучше смотрелась в серебре. Золото определенно не твой цвет.

Пауки придвинулись. Она нащупала на столике телефон. Еще есть время для одного звонка. Из кармана жакета вынула визитную карточку, которую дал ей симпатичный ворчун. Набрала номер и поднесла трубку к уху.

— *Вы позвонили на пейджер «Комлинк»*, — ответил механический голос электронного устройства. — *Пожалуйста, наберите номер, по которому с вами можно связаться.*

Нет, не было времени для ответных звонков. Они должны понять ее сообщение. Марджи не знала, что на самом деле увидела в зеркале, но если видела, значит, это важно. Своим твердым ногтем она нажимала на кнопки.

Что-то коснулось ее щиколотки. Марджи уронила телефон и топнула ногой. Свалился паук. Топнула еще раз, и паук лопнул под ее острым каблуком.

За ним последовали другие пауки, и еще, и еще. Отступать было некуда.

— Последний танец, Марджорам, — прошептала она.

Пауки все гибли под ее каблуками, пока она не почувствовала первые болезненные уколы.

57

Бельтан спрятался в тени позади груды стальных клетей. Он прислушался: быстрые шаги, отзвуки голосов, стук закрывающихся дверей. Больше часа Бельтан пробирался по запутанным темным коридорам крепости, в которой не было заметно особой активности. Потом, несколько минут назад, начался этот шум. Что-то случилось.

Может, доктор вернулась в комнату и обнаружила, что твое ложе опустело, Бельтан?

Однако он не слышал сигнала тревоги, а отдаленный шум не напоминал бой или драку. Казалось, кому-то отдают команды.

Бельтан замерз. Тонкий белый халат, похищенный в той комнате, совсем не грел, и пришлось скрючиться, прижав колени к груди. Он знал, что следовало бы идти дальше. Охранник, которого Бельтан видел минуту назад, видимо, направлялся к своим товарищам для выполнения какого-то задания. Но нужно передохнуть хотя бы еще минуту. Хотя в его худых членах и появилась сила, рыцарь и представить себе не мог, что после перебежки из одного укрытия в другое он будет покрываться потом от слабости и дрожать, как новорожденный жеребенок.

Послышалось тихое гудение.

Она забилась в угол позади него, охватив длинными руками маленькую голову, как будто баюкая ее. Безмятежно смотрела на Бельтана своими милыми умными карими глазами, полными боли. Голые участки кожи на ее руках глянцево поблес-

кивали в тусклом свете, а шрамы на них напоминали руны Тревиса Уайлдера.

— Все хорошо, леди, — прошептал он. — Побудем здесь еще минутку.

Она откинулась назад, как будто поняла его.

А может быть, и поняла, Бельтан. Она узнала секрет запора на дверях. И была там, в твоем сне о Серой Стране. Она звала тебя.

Он понимал, что брать с собой шин-паси рискованно и, наверное, неразумно. Но своей жизнью и свободой он обязан ей — даже если это ненадолго. В шкафу Бельтан нашел какой-то металлический инструмент неизвестного назначения. С виду он казался опасным, если знать, как правильно его применить. Этим инструментом, как рычагом, он открыл замок клетки. Шин-паси поднялась на негнущиеся ноги и обняла Бельтана тонкими длинными руками.

Она шла за ним тихо, быстро, будто угадывая каждое его движение. Дважды она вела себя чудно, размахивая руками, когда Бельтан собирался свернуть в какой-нибудь коридор, и каждый раз, отступая, он слышал голоса, доносившиеся оттуда. Бельтан размышлял, что они сделали с нею. И что сделали с ним. Шин-паси была не единственной, кто, казалось, что-то знал.

Пробираясь по крепости, рыцарь не раз чувствовал покалывание, сопровождавшееся ощущением опасности. Каждый раз он отводил шин-паси в безопасное место. И каждый раз спустя несколько мгновений появлялись охранники в странной форме, состоявшей из высоких черных ботинок, узких черных брюк и тонких черных рубашек с короткими рукавами.

Не было сомнения, что это охранники. Бельтан как последователь Ватриса узнавал воина с первого взгляда. Все до одного крупные мужчины с крепкими руками и толстыми шеями, с коротко стриженными волосами. На рубашках эмблема в виде белого полумесяца. Но самыми красноречивыми были предметы, прикрепленные к их поясам, — короткие, массивные, сделанные из металла. Бельтан не мог в точности знать, что это такое, но манера мужчин носить их, держать в руках свидетельствовала о том, что это оружие.

Снова покалывание в шее и предплечьях, будто иголками. Через мгновение появился охранник. Он не просто делал обход, а, судя по всему, имел определенное задание. Вокруг головы у него был какой-то провод.

— Это Кларксон. В секциях «Альфа» и «Бета» чисто. Теперь направляюсь в секцию «Гамма». Грузовики один и два уже полностью загружены, так что начинайте погрузку третьего. Хорошо, потом...

Хриплый голос охранника смолк, когда тот свернул за угол, покалывание затихло, исчезло и чувство опасности.

Бельтан повернулся к шин-паси. Та смотрела на него, и ее глаза на темном морщинистом лице не выражали беспокойства.

— Они что-то сделали со мной, леди, — сказал он хрипло. — И с тобой тоже.

Существо проследило за движением его губ и сделало знак скрюченными пальцами. Пора идти.

Согнувшись, он двинулся по коридору к источнику тусклого серого света. Шин-паси ковыляла за ним. Бельтану хотелось бы ходить, как она, опираясь на костяшки пальцев рук. Он чувствовал себя так, будто его мышцы, словно мокрую кожу, положили на солнце для просушки — попытки выпрямиться причиняли боль.

После шума и оживления коридор казался странно тихим. Они прошли мимо распахнутых дверей пустых помещений, где на полу валялось несколько скомканных бумажек и с потолка свисали разноцветные провода.

Свет стал ярче. Сверху раздался новый звук — вопли, смысла которых Бельтан не понял. Похоже на рычание какого-то большого животного. Но предупреждающего покалывания он не ощутил. Откуда бы ни взялись его новые инстинкты, но завели они его далеко. Бельтан сжал зубы, стараясь унять дрожь в ногах, и повернул за угол. Он едва не столкнулся с мужчиной и женщиной в длинных белых халатах. Бельтан так резко остановился, что чуть не упал на скользком полу, но ему удалось сохранить равновесие. Тихо ухнув, шин-паси ткнулась ему в спину. Он застыл, ожидая, что доктора обернутся, увидят его и поднимут тревогу.

Но они не заметили беглеца. Оттуда, где стояли доктора, доносилось все более громкое завывание сирены. Серый свет там был ярче, а воздух холодным.

Доктора громко разговаривали между собой, чтобы перекричать сирену. Они не слышали шагов Бельтана и шин-паси. Но почему он не чувствует покалывания? Может, его новые инстинкты все-таки ослабевают? Или опасность на самом деле не грозит — по крайней мере пока их не нашли.

— ...и загружается сейчас, — перекрикивал шум доктор-мужчина.

Доктор-женщина запахнула раздувающийся от ветра халат.

— А объект?

— Ты имеешь в виду Е-1?

— Да. Негуманоид.

— Он уже в том же грузовике.

Женщина немного повернулась, и Бельтан узнал ее. Это она находилась в комнате, где его держали. Бельтан запомнил последние слова, которые женщина произнесла:

Доктор Ананда М. Ларсен. Конец записи.

— Ты не знаешь, почему поступил приказ об эвакуации? — спросила Ларсен, поеживаясь от холода.

Мужчина пожал плечами:

— Кто же может сказать? Не забывай, мы всего лишь мозги. Руководят здесь мускулы. Но я слышал, причина в том, что они обнаружили наше местонахождение и собираются нанести удар.

— Кто?

— Ты прекрасно знаешь, кто.

Ларсен кивнула. Она вроде что-то прошептала, но из-за шума ничего не было слышно.

Бельтан затаил дыхание. Хотелось бы узнать, кто собирается напасть. Может быть, удалось бы связаться с этими людьми и бежать с их помощью.

— Проклятие. — Ларсен скрипнула зубами. — Вон там — видишь? Над грузовиком.

Ларсен что-то пробормотала. Бельтан не понял, что именно, но это могло быть только ругательство.

— Я думала, он уехал. Не их ли он ищет?

— Так я и подумал. Должно быть, он вернулся из-за эвакуации.

Наконец Бельтану все стало понятно. Оживление, переговоры охранников, пустые помещения. Их обнаружили, они опасаются нападения и поспешно покидают свою крепость. Но куда они направляются?

Не важно. Главное — выбраться отсюда, пока они не выяснили, что его нет. В суматохе эвакуации может появиться такой шанс.

Ларсен поморщилась:

— У меня от него мурашки по всему телу.

— И это еще не самое страшное. Как ты думаешь, что скрывается под этой маской?

— Боже, даже не упоминай об этом. Не знаю, где они его откопали, но лучше бы отправили обратно.

— Согласен, но он нам нужен. Именно он показал, как осуществить генную терапию с использованием сыворотки крови негуманоида в качестве вектора доставки. И он доставил нам негуманоида.

— Да, с этим я не буду спорить. Но он нам больше не нужен. Наша техника продвинулась далеко вперед еще десять веков тому назад, помимо его ужасных методов. Ты видел гибриды, которые он создал? Спасибо начальству, что всех их уничтожили. Это были настоящие монстры. Ничего похожего на Элиту.

— Ты имеешь в виду твою шимпанзе?

— Ты не поверишь, какие результаты я получила. Основные интеллектуальные навыки улучшились на семьдесят восемь процентов. Тест на абстрактное мышление показал увеличение на сто пятьдесят три процента. Это невероятно. Я думаю,

она на пороге овладения языком — заметь, не какие-то там сигналы с помощью рук, а настоящий сложный язык.

Доктор-мужчина не слушал ее.

— Как ты думаешь, он поможет нам?

Ларсен посмотрела на мужчину.

— Кто?

— Негуманоид. Они думают, что он знает, как действует артефакт. Как ты считаешь, это нам поможет?

— Не знаю, — вздохнула Ларсен. — Я слышала, он все еще при смерти.

— Ну, этого следовало ожидать. Мы видели, какие гибриды попадают сюда. Логично предположить, что для гомогенетических особей это должно быть еще хуже. Поэтому лаборатория центра прежде всего синтезировала «электрию», чтобы контролировать их боль. — Тихий смешок. — Международная наркоторговля — настоящая благодать для наших научных изысканий, да, Ананда?

Она сделала шаг назад, пригнувшись, будто ее толкнули.

— Мне нужно идти, — сказала она. — Думаю, они продвигаются к сектору «Гамма».

— Сами они ничего не тронут.

— Я знаю. Просто... хочу убедиться, что они правильно обращаются с Элли и Е-2.

Мужчина кивнул:

— Увидимся.

Ларсен ничего не ответила. Развернувшись, она увидела в десяти шагах от себя Бельтана и шин-паси. Несколько мгновений они стояли, замерев и глядя друг на друга. Ларсен прижала руку к груди.

— Дойл!

— Ты еще здесь, Ананда? — Мужчина обернулся, глаза его широко открылись: — Боже!

Он бросился к стене, протянул руку к красной кнопке. С пронзительным криком шин-паси метнулась к нему. Она настигла доктора в тот момент, когда рука его коснулась кнопки. Вой сирены пронзил тишину, замигали лампочки. Доктор закричал, падая навзничь под тяжестью шин-паси.

— Элли! — крикнула Ананда. — Нет!

Длинные черные пальцы сомкнулись на шее мужчины, а шин-паси издала победный крик. Голова доктора с громким стуком ударилась об пол, и тело обмякло. Шин-паси подняла глаза. В них был гнев и боль.

Сирена продолжала завывать. Через минуту здесь будут охранники. Бельтан метнулся к Ларсен.

— Пожалуйста, — прошептала она. — Не убивай меня.

Бельтан протянул к ней свои большие руки.

— Прости.

Он сомкнул пальцы на ее шее, сдавил. Она вытаращила глаза, уцепилась за его руки, но не смогла разжать их. Бельтан начал сжимать пальцы сильнее и вдруг холод сковал его.

— Не так. Ты слабак, парень. Дай я прикончу ее.

Исчез пустой коридор. Он находился в зимнем лесу, по колено в снегу, окрашенном ярко-красными пятнами крови. Перед ним лежала молодая косуля, бока которой бурно поднимались от дыхания. Пена пузырилась вокруг стрелы, вонзившейся ей в бок.

— Я сказал: прикончи ее!

Она была такой красивой, такой слабой. Он не мог этого сделать.

Презрительное фырканье. Сильная рука вырвала у него нож. Рука его отца.

— Я сделаю это сам, раз ты такой трус. Прямо как девчонка, а не мой собственный сын.

Бельдреас сделал одно быстрое стремительное движение, и красный дымящийся поток хлынул на снег.

Снова перед его глазами зыбко выплыл коридор. Бельтан ослабил хватку. Ларсен судорожно глотнула воздух.

Он не мог этого сделать. Не важно, что она делала с ним, но не заслуживала того, чтобы пустить ей кровь.

Бельтан оттолкнул женщину. Она стукнулась о стену, села на пол, не отводя от него глаз. Он усмехнулся, поднес палец к губам. Теперь тихо.

Бельтан двинулся вперед, перешагнув через тело доктора. Глаза мужчины безжизненно смотрели вверх. За открытым проемом находилась плоская площадка, огороженная чем-то вроде колючей изгороди. Пять длинных черных массивных громадин стояли параллельно одна другой, и от них шел рокочущий шум. Бельтан подумал, что это и есть те самые грузовики, о которых ему рассказывал Тревис. Повозки для перевозки грузов. Он прищурился от резкого ветра и шагнул наружу.

Позади него громкий крик перекрыл завывание сирены.

— Здесь, он здесь! О Боже, помоги мне. Наверное, Дойл мертв.

Итак, доктор Ларсен пренебрегла его пожеланием хранить молчание. Позади раздался топот ног, обутых в ботинки. Бельтан обернулся и увидел двоих охранников в черном, бегущих по коридору. Они миновали Ларсен, перепрыгнули через тело упавшего доктора, даже не глянув на него.

Один из охранников был проворнее и настиг Бельтана раньше. Могучей рукой мужчина захватил шею Бельтана и

ударил его сзади по ногам, очевидно, думая, что такого тщедушного и почти голого человека удастся повалить без труда.

Бельтан издал рычание, в котором смешались гнев и радость. Он схватил руку нападавшего, завернул ее назад, потом переступил через его ногу и выбросил свою ногу назад. По науке Ватриса это было совсем нетрудно. Бельтан наклонился к охраннику, который орал скорее от удивления, чем от боли, согнул и быстро разогнул его ногу, треснувшую со смачным хрустом. Зазубренный конец кости торчал сквозь черную штанину, быстро намокавшую черной кровью. Теперь мужчина кричал от нестерпимой боли и катался по полу. Бельтан поднял голову.

— Сдавайся, — приказал второй охранник.

Он стоял в пяти шагах от Бельтана, двумя руками держа перед собой металлический предмет, который раньше висел у него на поясе. Он что-то сделал с этим предметом и раздался щелчок. Бельтан еще не понял, что это такое, но судя по тому, как мужчина держал это, он, видно, был намерен защищаться.

— Я сказал — сдавайся!

Бельтан решил посмотреть, действительно ли эта штука может защитить охранника. Кроме того, что ему терять, кроме собственной трусливой и злосчастной жизни? Бельтан напрягся, потом шагнул вперед.

Тут раздался пронзительный крик, и что-то черное и быстрое выпрыгнуло из темноты. Вытянулись длинные руки, и черная масса приземлилась на охранника. Словно удар грома прогремел выстрел. Бельтан замер.

— Нет! — раздался душераздирающий крик.

Ларсен бросилась вперед, заливаясь слезами. Охранник, ворча, сел, сбросив с себя нападавшего. Шин-паси скатилась на землю, обмякшие руки раскинулись, карие глаза смотрели в небо. В груди зияла глубокая кровавая дыра.

Приступ головокружения захлестнул Бельтана. Шатаясь, он подался вперед.

— Леди...

— Элита! — вскрикнула доктор Ларсен, опускаясь на колени у безжизненного тела шин-паси.

Все еще сидя, охранник навел оружие на Бельтана.

— Сказано тебе, сдавайся, ты, ублюдок!

— Идиот! Не смей убивать его! — закричала Ларсен, заглушив сквернословие охранника.

Бельтан безучастно наблюдал. Ублюдок. Даже здесь знают, кто он такой. Кровь шин-паси заливала твердую черную поверхность пола. Бельтан почувствовал, как подгибаются его колени, как странная сила начинает покидать его. Казалось, ему не хватает воздуха. Грубые руки подхватили его, не дали ему упасть.

Охранник, убивший шин-паси, шагнул вперед. Его красное лицо пылало от ярости.

— Пусти меня к этому ублюдку.

И снова доктор Ларсен преградила ему путь. В глазах ее застыл страх, вытянутые руки дрожали, но голос был решительным:

— Ты ничего ему не сделаешь. Знаешь, сколько в него вложили денег? Больше, чем ты заработаешь за всю свою жизнь, болван. Понятно?

Охранник с яростью и недоумением уставился на нее.

Ларсен обратилась к людям, которые держали Бельтана:

— Поместите его в грузовик с другим объектом. Немедленно.

Бельтана куда-то потащили, но он не мог оказать сопротивления.

— Отпустите меня, — хрипел он.

Ларсен шагнула к нему с выражением удивления на лице:

— Господи, ты действительно можешь говорить на нашем языке.

— Я сказал, отпустите меня.

— Они не причинят тебе вреда. — Теперь глаза ее увлажнились. — Не бойся.

Он оскалил зубы, не сводя с нее глаз.

— Отец был прав, — тихо сказал он. — Я должен был убить тебя.

Она пристально посмотрела на него и безотчетно тронула свое горло.

Вокруг сгустился туман. Охранники двигались, как призраки, и Бельтану показалось, что он плывет по серому океану.

В какой-то момент туман немного рассеялся, и он смог осмотреться. Возле группы из нескольких шин-паси стоял человек в черном одеянии. Шин-паси суетились, таская мешки и загружая их в грузовик. Только что-то в них было необычное. Пальцы шин-паси оканчивались длинными изогнутыми когтями, а глаза были не мягкими и карими, а большими и блестящими, как луна.

Человек в черном коснулся своего лица, и несколько шин-паси заверещали и кинулись в указанном направлении. Потом человек обернулся, и сердце Бельтана дрогнуло. Лицо человека было сделано из золота.

Туман снова сомкнулся. Казалось, он просачивается в мозг. Что-то кольнуло в руку. Неужели они снова отравили его? Когда зрение прояснилось, Бельтан увидел перед собой ряд черных дверей. Чья-то рука отперла одну из дверей. Они грузят его в один из этих грузовиков. Придут другие, враги его похитителей. Но они не будут знать, где его искать.

Руки потянулись за ним. Не успеть. Бельтан обмяк. Они не были к этому готовы. Руки старались ухватить рыцаря, в

то время как он подался вперед, к двери, которая еще оставалась закрытой. Она была покрыта слоем грязи. Бельтан быстро прижал к ней палец. Нужно оставить знак, который поймут те, другие. Но он никогда не был силен в письме. Думать некогда. Вот уже его грубо отдернули назад. Потом он увидел его — знак, который запомнил.

Палец дрожал, не было уверенности, что знак удалось нарисовать правильно. Потом Бельтана втащили в темный длинный ящик. Там было тесно. Протащили мимо штабелей стальных клеток. Одна из них оказалась пустой, а дверца открытой. Его впихнули вовнутрь.

— Нет, не надо! — попытался он вскрикнуть, но раздались совсем другие слова.

— Фа! Оэл им этала инхар!

Руки нажали сильнее, и он скользнул в стальной ящик, как ребенок в стальную безжизненную матку. Снаружи раздалось клацанье засова. За пределами ящика сгустились тени. С грохотом закрылись двери грузовика.

— Прости меня, леди, — прошептал Бельтан.

Но она его не могла слышать. Он оказался трусом и слабаком, как сказал ему тогда отец. Она умерла, спасая его, и теперь он остался один.

Послышался тихий звон.

Рыцарь прислушался. Звук повторился. Он напоминал звук льдинок в звездную ночь. Раздался перезвон, и туман, казалось, немного рассеялся. Бельтан пододвинулся к небольшому вентиляционному отверстию и выглянул наружу.

Ему казалось, что внутри грузовика должно быть темно, но это было не так. Слабое серебристое свечение освещало ящики, клетки и все вокруг. Почти все было стальное, как его клетка, но один ящик выделялся особо. Он был меньше по размерам, казалось, был сделан из камня, а поверхность его покрывали странные угловатые символы.

Свет стал ярче. Теперь Бельтан видел, что свет идет от одного из соседних стальных ящиков. Что-то в нем двигалось. Теперь позвякивание стало громче, и создавалось впечатление, что и свет становится более ярким. Бельтан забыл об усталости, забыл о страхе, даже не обратил внимания на то, что грузовик тронулся в путь.

Бельтан прижал лицо к решетке.

— Кто ты?

Существо в клетке подняло большую круглую голову и пристально посмотрело на него раскосыми глазами, похожими на прозрачные, бездонные драгоценные камни.

— Долго еще? — спрашивала Грейс, сидя на корточках у пруда под виадуком.

Тревис сердито глянул на нее:

— Ты уже задавала этот вопрос ровно семнадцать минут назад.

Грейс открыла рот, чтобы возразить, но в эту секунду чрезвычайно тяжелый грузовик прогрохотал по мосту над ними. Куски цемента упали вниз, словно тяжелый снег. Тревис знал, что на самом деле вопрос состоял не в том, долго ли им еще ждать звонка от Ищущих, а сколько у них остается времени до того момента, пока мост не рухнет им на головы.

— Время почти истекло, — сказала Вани.

Она сидела у основания бетонной колонны, напряженно вглядываясь в даль.

— Спасибо, — поблагодарила Грейс и кисло улыбнулась Тревису.

Он ответил ей сердитым взглядом:

— Отлично. Доверимся загадочной женщине из средневекового мира, у которой даже нет часов.

И снова у него возникло чувство, что Вани относится к тем людям, которые определяют время, не пользуясь часами. Наверное, она постоянно отсчитывает секунды в подсознании. Тревис предполагал, что она также способна зажечь огонь под дождем и завести машину с помощью обертки от жевательной резинки и шнурка. Она была из числа бесконечно способных людей. Сам Тревис несказанно радовался, когда вспоминал, как пользоваться консервным ножом.

Хорошо, что Вани осталась с ними.

Ищущие доставили их на возможно близкое расстояние от комплекса «Дюратека». Это был «Коммерс-Сити» — бодрое оптимистическое название никак не подходило к мрачной, грязной промышленной зоне к северу от делового квартала, где располагались нефтеочистительные заводы, склады и фабрики по производству кормов для животных.

Сто лет тому назад здесь, в низине, простирались луга с высокой зеленой травой. Теперь над виадуками поднимались дымовые трубы, извергающие клубы пара, которые смешивались с коричневатыми облаками. Но такова цена Коммерции. Вне всякого сомнения, «Дюратек» чувствовал себя здесь как дома. Кроме того, если они добьются своего, то всего через несколько лет здесь будет Кейлавен или Толория.

При расставании с Дейдрой и Фарром было сказано лишь несколько слов. Но к тому времени они уже десять

раз перемыли косточки своему плану. А что еще сказать тому, кто, если все пройдет по плану, окажется в другом мире? Смотрите в оба! Будем держать связь. Прелестно!

Он пожал руку Фарру, поцеловал Дейдру в щеку, шепнув ей «спасибо».

— Береги себя, мой благородный воин, — сказала ему она.

Только когда они с Грейс пробирались в лабиринте темных закоулков и складов, следуя за Вани в жалкой попытке подражать ее скользящему шагу, Тревиса действительно поразила абсурдность того, что они собирались предпринять.

Это невозможно, Тревис. Даже если каким-то чудом мы вырвем Бельтана у «Дюратека», как мы сможем воспользоваться артефактом? Это как раз тот случай, когда у Вани не на все есть ответ.

Еще один грузовик. Снова падает цементный снег.

Грейс вытряхнула кусочки цемента из волос.

— А если он без сознания, как мы его перенесем?

Тревис поежился в своем черном плаще.

— Что?

— Мы не подумали об этом. Мы ведь не можем нести его и одновременно отбиваться. И даже если Бельтан в сознании, он ведь перенес серьезную атрофию мышц. Он не сможет идти. Может быть, стоило оставить его у них, по крайней мере пока он не окрепнет? — Грейс оперлась о выступ опоры. — Нет, оставлять Бельтана во вражеских руках опасно, операцию надо проводить сейчас.

Тревис подошел к ней, посмотрел на свои мокрые, быстро замерзающие ноги. Может быть, не имеет значения, что ты делаешь; может быть, результат будет одинаков, независимо от предпринимаемых тобой действий. Может быть, как сказала Вани, все это просто судьба.

— Ты несешь чушь, Грейс.

Она потянулась к нему, взяла его за руку. Он сжал её ладонь.

Заскрипел гравий, появилась Вани.

— По-моему, я могу различить их крепость. Ты видишь? За этим пустым пространством, за стеной.

Тревис не следил, куда она показывает. Он смотрел на нее.

— Каково это? — спросил он. — Пройти через Врата, зная, что не сможешь вернуться домой?

Она глянула на него золотистыми глазами:

— Я вернусь домой. Карты сказали мне это.

Слова прозвучали уверенно, но в тоне он уловил сомнение, и она отвела взгляд. Значит, даже Вани не полностью верит в судьбу. Может быть, еще не поздно. Может быть, стоит остановиться, пока...

Пронзительная трель донеслась из мобильного телефона, который Фарр дал Грейс, когда они вышли из лимузина.

Грейс нажала кнопку.

— Алло?

Она слушала некоторое время, потом опустила телефон.

— Пора.

Вани выбралась из-за кучи мусора, сваленного под виадуком, скользнула в просвет между двумя изгородями с засохшими сорняками. Тревис и Грейс обменялись взглядами. Он сунул телефон в кармашек сумки, надел ее на плечо, и они двинулись следом за Вани.

Не было необходимости обсуждать звонок. Это значило, что Фарр и Дейдра находятся в условленном месте к северу от них. Это значило, что с помощью цифрового записывающего устройства Фарра Грейс только что побеседовала с полицией. Устройство было так сконструировано, что Фарр смог записать двадцать отдельных элементов ее голоса, несколько простых фраз и междометий, которые могли бы послужить ответом на вопрос, например, «да» или «не могли бы вы повторить это».

Любой из элементов можно было найти с помощью кнопки. Это значило, что Фарр мог держать магнитофон у телефонной трубки и выбирать те куски фонограммы, которые лучше всего подходили для ответа.

И это сработало, о чем свидетельствовал звонок Фарра. Он оставался у телефона достаточно долгое время, чтобы полиция могла проследить вызов, потом позвонил Грейс. В этот момент они с Дейдрой уезжали от того места, откуда звонили, чтобы их не настигла полиция. Вместе с «Дюратеком».

Им потребовалось еще пятнадцать минут, чтобы добраться до ограды, окружавшей комплекс. Так было задумано. Они хотели дать «Дюратеку» возможность перехватить сообщения на волнах полицейской рации, собрать силы и оставить здание в надежде поймать Тревиса и Грейс.

Пока все шло по плану. В сотне рядов впереди располагалось длинное приземистое индустриальное здание. Перед ним парковка — почти пустая, за исключением нескольких развалюх.

— Кажется, они ушли, — сказала Грейс.

— Не высовывайся, — прошептала Вани. — Ушли наверняка не все.

Тревис надел темные очки. Даже серый свет раннего утра был слишком ярок для его глаз.

— Никого не вижу, — сказал он.

— С этой стороны к зданию невозможно подъехать на машине, — ответила Вани, — а пешком они никого не ждут.

Тревис кивнул:

— Верно, только идиоты рискнут идти сюда пешком.

Вани подползла к ограде и извлекла что-то из кармана. Несколько движений, и в ограде образовался проход.

— Ты первый, Уайлдер.

Тревис посмотрел на дыру.

— А как же насчет «только после дамы»?

— Здесь другая планета, — заметила Грейс.

Они пробрались сквозь дыру в ограде. Вани шла последней. Вскоре все трое укрылись за стареньким автомобилем.

— Что-нибудь видишь? — прошептал Тревис.

— Ничего, — сказала Вани. — Видимо, их здесь меньше, чем я думала. Скорее всего концентрируют оставшиеся силы перед главным входом в здание.

Грейс оперлась на распахнутую дверцу машины.

— Самоуверенность и осторожность плохо уживаются вместе. Они, видно, полагают, что никто не знает об этом местечке. А сейчас многие из них направляются на север, уверенные, что перехватят нас с Тревисом.

— Сюда, — бросила Вани.

Они короткими перебежками двигались от машины к машине и таким образом приблизились почти к самому зданию. Футов за тридцать машин больше не осталось, и укрыться было больше не за чем.

— Я хочу, чтобы вы оба добрались вон до той двери, — сказала Вани. — Бегите так быстро, как только можете, но не забывайте пригибаться. Не останавливайтесь, пока не доберетесь туда.

— А ты? — поинтересовалась Грейс.

— Буду наблюдать на случай, если вас заметят.

Тревис сглотнул и крепко взял Грейс за руку. Затем набрал полную грудь воздуха, и они побежали.

Тревис чувствовал себя полным идиотом. Казалось, весь мир наблюдает за тем, как они с Грейс, согнувшись в три погибели, мчатся к зданию. Он ждал, что вот-вот раздадутся сигналы тревоги, но все было тихо. Наконец Тревис прижался к стене рядом с дверью. Грейс рядом с ним. Вани нигде не было видно.

Воздух рядом свернулся и вновь стал прозрачным.

— Тихо, — одними губам произнесла Вани.

Она попробовала ручку двери, но та не поворачивалась. Это не обескуражило Вани. Она взялась за ручку обеими руками, напряглась и всем телом навалилась на дверь.

Тревис так и не понял, что она сделала. По поверхности двери словно пробежала волна, и в следующую секунду дверь плавно и беззвучно распахнулась.

За дверью никого не оказалось.

— Сюда, — махнула Вани.

Они оказались в пустом длинном коридоре. Над головами тускло мерцали лампы дневного света. Многие лампы не горели, так что в коридоре было довольно темно. Тревису почему-то вспомнился шарик, бегущий по колесу рулетки. Где он остановится? На черном или на белом? На жизни или на смерти? Делайте ставки, господа.

Вани беззвучно двигалась по коридору. Тревис и Грейс следовали за ней, тоже изо всех сил пытаясь не шуметь. Они миновали несколько распахнутых дверей, комнаты за ними были темными. По позвоночнику Тревиса пробежал холодок. Он почти хотел, чтобы враг обнаружил себя. Воистину, ожидание кошмара зачастую страшнее самого кошмара.

Еще двери, еще пустые комнаты.

— Где они? — прошептала Грейс, но тут же прикусила язык, встретив яростный взгляд Вани.

Тревис прикоснулся плечом к плечу Грейс и мысленно произнес: *Я хотел сказать то же самое.*

Он не знал, способна ли Грейс уловить его мысли через Паутину жизни, но она пожала его руку в ответ.

Они подошли к очередной двери — больше остальных. Она оказалась заперта. Тревис услышал тихое гудение. Он дотронулся до пола и ощутил легкую вибрацию.

Вани бросила на Тревиса предостерегающий взгляд, и он понял: здесь!

Грейс и Тревис отступили в сторону. Вани медленно повернула ручку. Теперь нужно держаться поближе к Вани и в то же время не вставать на ее пути. Пришло время ее работы. Как только увидят Бельтана, они должны забрать его.

— Пора, — прошептала Вани.

Одним непрерывным движением она повернула ручку, распахнула дверь и нырнула в комнату сквозь черную занавеску.

Тревис и Грейс бросились за ней. Тревис ожидал, что руки Вани будут двигаться с бешеной скоростью, разбрасывая агентов «Дюратека» в стороны, словно щенков.

— Ох, — прошептала рядом Грейс.

Вани стояла совершенно неподвижно, уперев руки в бока. Тревис осторожно выступил вперед и снял свои солнцезащитные очки.

— Пусто, — произнес он. — Здесь пусто.

Комната оказалась большой, около сотни футов в поперечнике, и в ней не было почти ничего за исключением нескольких пустых ящиков и коробок. Горело всего несколько ламп, а в углу комнаты вращался большой вентилятор — он-то и издавал гудение.

— Может, они прячутся где-то еще? — предположила Грейс. — Есть ведь и еще комнаты.

— Нет. — Вани покачала головой. — Они ушли. Все.

Но в этом не было никакого смысла. Зачем агентам «Дюратека» *всем* отправляться на поиски Тревиса и Грейс?

— Как такое может быть? — прохрипел Тревис.

Вани обернулась к нему:

— Они знали, что мы идем сюда.

Внезапно Тревис понял. Каким-то образом они узнали. И тогда вывезли отсюда все: артефакт, Бельтана. Все.

— И что теперь? — поинтересовался он.

Вани начала поворачиваться:

— Теперь мы должны... — Она замерла, прислушиваясь.

— Вани, что происходит?

Грейс еще не закончила фразу, а Тревис уже увидел их. Тощие неуклюжие тени выползали из-за ящиков. Из темных углов комнаты.

— Это ловушка, — проговорила Вани.

59

Лимузин набрал скорость, и Дейдра откинулась на сиденье. Дом, откуда они позвонили в полицию, остался позади.

— Знаешь, — сказала она. — Все это было совершенно незаконно.

— Только в этом мире, — ответил Фарр.

Он плохо выглядел, был небрит. Темные глаза ввалились, а губы — обычно пухлые и чувственные — превратились в тонкие линии. Фарр крутил ручку приемника. Из динамика доносились голоса. Он ловил полицейскую волну.

Дейдра вздохнула:

— Думаешь, полиция приедет?

— Кажется, они уже в пути.

Прибудет полиция, скоро жди и «Дюратека». А значит, план сработал, по крайней мере часть плана. Дейдра надеялась только, что остальным тоже сопутствует удача.

Впрочем, дело не в удаче. Тревис и Грейс рассказали, на что способна Вани. «Дюратек» отправится за ними, оставив немногочисленную охрану, а Вани войдет туда, заберет артефакт и освободит Бельтана. Даже если они не найдут способа активировать артефакт и вернуться на AU-3, то лишат «Дюратек» возможности исследовать его.

Признайся себе, Дейдра Атакующий Ястреб, ты ведь на самом деле не хочешь, чтобы им удалось активизировать артефакт. Ты не хочешь, чтобы они уходили.

Может, это Ищущая в ней не хочет расставаться с объектами изучения? Нет, и это неправда. Причина проста — ей не хочется расставаться с Тревисом и Грейс.

— Как скоро прибудет полиция? — спросила она.

— Примерно минуты через три. Мы будем уже далеко.

Фарр оторвался от радио и принялся перебирать бумаги в папке — документы, касающиеся Беккет и Уайлдера. Есть ли люди, связанные с другими мирами? Об этом Дейдра гадала, когда только присоединилась к Ищущим. Теперь она сама стала таким человеком.

Полицейское радио что-то бормотало, но Фарр не обращал на него внимания. Он смотрел на какую-то бумагу в папке, затем с нехарактерной для него нежностью погладил ее. Дейдра вытянула шею и наконец увидела. Это была фотография. Высокая элегантная женщина сбегала по ступеням особняка. Она смотрела куда-то вбок, на лице ее было написано отчаяние.

Внезапно Дейдру озарило. Ее дед сказал бы, что это послание из мира духов. Такие послания всегда приходят внезапно. Они болезненны, но несут в себе истинное знание.

— Черт бы тебя побрал, — прошептала она.

Фарр озадаченно посмотрел на нее.

— Что с тобой?

— Черт бы тебя побрал, — повторила она. — Ты и в самом деле полагаешь, что ты — это он, точно? Марий Луций Альбрехт. Величайший Ищущий в истории. Ты не повторяешь его карьеру. Ты пытаешься *быть* им.

— О чем ты толкуешь?

— Об этом самом. Альбрехт любил ее — леди Элис Фарадей. Женщину, которую его послали изучать Философы. А теперь ты думаешь, что любишь *ее*. Грейс Беккет.

Он открыл было рот, но Дейдра не дала ему сказать и слова:

— Ты что, обезумел, Фарр? Ты что, полагаешь, что обязан повторить все, что сделал Альбрехт? Все, что мы сделали в Денвере, преследовало одну лишь цель? — Теперь Дейдра вся тряслась от ярости. — Другие были правы. Я не хотела им верить, но они правы. Ты хладнокровный, высокомерный сукин сын, Адриан Фарр. Если ты и вправду новый Марий Альбрехт, то он был таким же ублюдком.

Выдохшись, Дейдра откинулась на сиденье. Фарр не двигался. Он не пытался возражать, оправдываться или спорить. Вместо этого еще раз взглянул на фотографию и аккуратно закрыл папку.

Дейдра сглотнула, злость холодной струйкой вытекала из нее, уступая место страху.

— Нет, — прошептала она. — Господи, не говори этого.

Поздно.

— Я люблю ее, — произнес Фарр.

Она никогда не слышала, чтобы Фарр говорил таким тоном. Он был абсолютно серьезен — констатировал факт.

— Ты не можешь получить ее, — произнесла Дейдра. — Книга запрещает это. В конце концов даже Альбрехт сдался.

Фарр кивнул:

— Я знаю.

За окном мелькали огни. Лимузин мчался к ней — к Грейс Беккет. Только теперь Дейдре уже хотелось, чтобы Грейс, Тревис и Вани нашли способ воспользоваться артефактом. Фарр всегда был образцом Ищущего, иногда достойным восхищения, иногда презренным, всегда загадочным, могущественным и очаровывающим. Видеть его таким, как сейчас, было невыносимо.

Раздался писк пейджера, валявшегося на сиденье. Фарр схватил его.

— Это они? — спросила Дейдра.

— Не может быть, еще слишком рано. Потом мы договорились, что они позвонят, а не воспользуются пейджером. — Он нажал кнопку и нахмурился. — Я не знаю этот номер.

— Какой?

— 268-533-7128.

— И я не знаю. А с какого номера звонили?

— Сейчас посмотрим.

Фарр нажал другую кнопку, а Дейдра тем временем включила ноутбук, в который перед поездкой загрузила базу данных телефонов Колорадо.

— Звонок был сделан из Денвера. «Дом чудес Марджи».

Дейдра взяла сотовый телефон и набрала номер. Телефон не отвечал.

— Марджи не отвечает, — сказала она.

— И не ответит.

Фарр повернул ручку громкости приемника. Раздался голос:

— ...Денверская пожарная команда уже прибыла на место происшествия. Судя по всему, один человек остался в горящем здании...

Передачу прервали помехи.

Глаза Фарра были широко раскрыты. Дейдра впервые видела его испуганным. Не нужно было связываться с духами, чтобы знать — никто не выберется из огненной ловушки. «Дюратек» знал свое дело.

— Они знают. — В голосе Фарра звучала ярость. — Они знают все.

— Наверно, они прослушали нас. У Марджи. Проследили за нами от гостиницы и подслушали разговор. Или поставили жучков. Боже, Тревис и Грейс!

Фарр схватил телефон и набрал номер.

— Черт, отключен. — Он горько рассмеялся. — Я же сам сказал Грейс включить телефон, только когда они соберутся позвонить нам.

— Что делать теперь?

— Я звоню Ищущим. Мы больше ничего не можем сделать. Боюсь, придется привлечь закон. Полицию. Даже «Дюратек» не может похищать людей на глазах у полиции — им такое внимание не нужно. Все уладить можно позже, даже если придется внести залог, чтобы освободить Тревиса и Грейс из тюрьмы. У Ищущих хватит и денег, и влияния.

Фарр набрал номер.

— Алло, это Фарр. У нас кризис. Необходимо немедленно оповестить Философов...

Неожиданно он замолчал. Затем медленно опустил телефон.

Дейдра едва не сорвалась на крик:

— Что ты делаешь?

— Они повесили трубку.

— Повесили?

Он поднял усталые глаза.

— Да, повесили. Ответила Саша. Как только я назвал себя, она сказала, что очень сожалеет, но говорить со мной не может. Что всем запрещено вмешиваться и вступать в контакт с тобой или мной. Затем разъединилась.

Дейдра потянулась к телефону:

— Надо перезвонить. Мы объясним...

Фарр аккуратно вынул телефон из ее рук:

— Нет, Дейдра. Они не будут говорить с нами. И как я сразу не догадался.

Дейдра ничего не понимала. Ведь Ищущие не бросают своих агентов. И тут до нее начало доходить.

Фарр кивнул:

— Верно. Правило первое: «Ищущие не вмешиваются в действия субъектов внеземного происхождения».

Дейдра медленно кивнула:

— Мы больше не Ищущие. Мы объекты изучения.

Фарр кивнул:

— Наблюдатели попали под наблюдение.

— Думаешь, они наблюдают за нами?

— Наверняка проводят изыскания и расследования, связанные с нами. Я бы и сам так поступил.

— Но почему?

— Они хотят знать, как мы поступим. Очевидно, Философы решили, что мы слишком глубоко погрузились в это дело и из исследователей превратились в игроков. Видно, для них

мы бóльшую ценность представляем не как исследователи, но как объекты исследования. Они хотят посмотреть, как мы будем поступать...

— ...имея свободу выбора, — закончила за него Дейдра.

Они пристально посмотрели друг другу в глаза. Да, оба думали об одном и том же. Если Ищущие оставили их, теперь они ничем не связаны. Никакими правилами, никакой клятвой. А это означало...

— Мы теперь можем делать что хотим, — произнесла Дейдра. — Все что угодно.

Фарр усмехнулся, словно волк при виде стада жирненьких овечек. Он открыл бардачок и извлек оттуда два девятимиллиметровых полуавтоматических пистолета. Один протянул Дейдре. Стараясь, чтобы рука не дрожала, Дейдра взяла смертоносную игрушку.

Фарр нажал кнопку на подлокотнике.

— Водитель, отвезите нас в «Коммерс-Сити». И поскорее.

Лимузин набрал скорость, но Дейдра понимала — им не успеть. Было что-то еще, что они упустили из виду. Точно! Ведь Марджи прислала номер телефона. Вот он, на экране компьютера: 268-533-7128.

— Дай мне телефон, — сказала она.

Фарр протянул аппарат, и Дейдра набрала номер. Последовала серия коротких гудков, а затем механический голос сообщил, что такого номера не существует. Почему-то Дейдру это не удивило. Марджи звонила как раз перед тем, как ее магазин сгорел. Она что-то хотела сообщить. Но что?

А что, если это не телефонный номер? Марджи ведь много чем занималась. Карты Таро, нумерология, кофейная гуща...

Дейдра снова взяла телефон и вгляделась в кнопки. Так на них ведь не только цифры, но и буквы. Попробуем прочитать первые. Она застучала по клавишам ноутбука и вскоре удовлетворенно откинулась на спинку.

Фарр внимательно наблюдал за ней.

— Что, Дейдра?

Она не могла отвести глаз от надписи на экране:

BOULDER 128

— Боулдер, — сказала она удовлетворенно.

— Что?

— Они движутся по шоссе 128 в сторону Боулдера. «Дюратек». Возможно, там у них еще одна база. Это ведь всего в тридцати милях отсюда.

— Ты уверена, Дейдра?

Она дотронулась до висящего у нее на шее пожелтевшего медвежьего клыка.

— Абсолютно.

Фарр снова нажал кнопку:

— Водитель, последний приказ отменяется. Едем к Боулдеру по шоссе номер 128. И не останавливайтесь!

Дейдра положила пистолет на сиденье рядом с собой и коснулась серебряного колечка на пальце.

— А что с Грейс и Тревисом? — спросила она.

— Если ты права, они вскоре должны позвонить и сообщить, что дюратековцы покинули комплекс. Наши друзья сейчас в полной безопасности.

Дейдра кивнула. Они с Фарром движутся дюратековцам наперерез и попытаются остановить их. А если те и оставили кого-то в комплексе, Вани без труда справится с ними.

Она усмехнулась Фарру:

— Ну что ж. Вперед, к свободе выбора.

60

— Ты ведь справишься с ними, Вани? — выдохнул Тревис.

Тени медленно надвигались на них. Стены отражали голодное ворчание. Грейс вздрогнула. Чего они ждут?

Вани стояла в защитной стойке.

— Я уже говорила — эти горлеты отличаются от тех, с которыми мне приходилось сталкиваться раньше. Они сильнее. И умнее.

— Это не совсем точный ответ на мой вопрос, — пробормотал Тревис.

— Я справлюсь с тремя. Если повезет, с четырьмя.

Тревис застонал:

— Но тут их явно не четыре.

Вани не спускала с горлетов глаз.

— Я заметила, Тревис, может, тебя это удивит, но люди с других миров тоже умеют считать.

Грейс тоже старалась не выпускать горлетов из виду. Они постоянно двигались, то приближаясь, то удаляясь.

— Почему они не нападают? — спросила она.

Тревис вытер со лба пот.

— Наверное, играют с нами.

— Нет. — Вани покачала головой. — Горлеты не играют в игры. Я не уверена, но, кажется, их хозяина здесь нет. Видимо, он дал им команду охранять определенное пространство. Если мы уберемся отсюда, они скорее всего не последуют за нами, так как это было бы нарушением приказа.

Они медленно пятились по направлению к двери. Наконец Вани сказала:

— Вы должны выйти в дверь. Но делайте это медленно, чтобы не вспугнуть их.

— Ты же сказала, что они не могут покинуть эту комнату, — прошептал Тревис.

— Я надеюсь на это. Но кто может поручиться, что им не дали приказа нападать, если от них начнут убегать? Ты хочешь проверить?

— Пошли! — Грейс ухватила его за локоть.

Медленно, как только могли, Грейс с Тревисом вышли в пустынный коридор. Немного подождали.

— Вани...

Грейс замолкла. Воздух вокруг них всколыхнулся, и Вани оказалась рядом с ними. Стальная дверь была закрыта.

Тревис сдвинул очки на лоб.

— Когда ты научишь нас своим штучкам?

— Я могу научить тебя, Тревис, — сказала Вани, поправляя куртку, — только потом...

— Потом она убьет тебя, — закончила за нее Грейс.

Вани повернулась к ней:

— Откуда ты знаешь столько об обычаях т'голов?

— Просто догадалась. — Грейс старалась говорить спокойно. — Теперь мы можем убраться отсюда?

— Думаю, да.

Грейс прикрыла глаза и попыталась использовать Дар. Тень была где-то неподалеку, но Грейс удалось не концентрироваться на ней. Хватало и других страхов.

Вот! Восемь — нет, девять! — уродливых узлов на Паутине жизни. Существа, вызванные чем-то ужасным, превращенные в пародию на то, чем они могли бы быть.

Грейс открыла глаза.

Тревис с тревогой наблюдал за ней.

— Что с тобой?

Грейс помедлила, затем покачала головой.

— Идем. Вани права, они не последуют за нами. Мы должны выяснить, куда они дели Бельтана.

Она направилась по коридору по направлению к выходу.

И тут тишину разорвал резкий вой.

— Что это? — закричала Грейс, зажимая уши.

— Это сигнал тревоги.

Голос Вани был отчетливо слышен, невзирая на вой сирены.

— Какой смысл? — прокричал в ответ Тревис. — Почему тревога не включилась, когда мы вошли сюда?

— Потому что они хотели, чтобы мы вошли в здание, но не вышли отсюда.

Секундой позже раздался грохот — кто-то бился в дверь. Грейс вновь прикоснулась к Паутине жизни и теперь ясно увидела: темное пятно прямо за дверью.

— Они пытаются выбраться наружу!

Вани отступила от двери.

— Видимо, сирена активизировала вторую команду. Команду охотиться за нами.

Через мгновение все трое уже мчались к выходу. Грейс обернулась и увидела, как поверхность двери выгибается. Она снова сосредоточилась на выходе. И тут серый прямоугольник двери, через которую они вошли в здание, сделался черным. Дверь закрыли!

В тридцати футах впереди показались две тени. И они двигались прямо к беглецам.

Горлеты! И их становится больше.

— Назад, — крикнула Вани. — Бегите в обратную сторону. Быстро!

И Грейс с Тревисом бросились назад. Позади слышались звуки ударов и яростное рычание. Вскоре их догнала Вани.

— Я ликвидировала двоих, — на бегу крикнула она. — Но появляются все новые!

Они добежали до двери, за которой находились остальные горлеты. Металл деформировался, из помещения доносился грохот, сопровождаемый звуком когтей, скребущих по двери.

Беглецы не останавливались. Наконец коридор закончился очередной дверью. Сзади опять послышался грохот, и Грейс поняла, что горлеты взломали дверь и присоединились к преследователям.

Дверь оказалась закрытой.

— Отойдите, — бросила Вани.

Она уперлась обеими руками в дверь и закрыла глаза. Сирена завывала по-прежнему, но раздался и какой-то новый звук, от которого у Грейс мороз пошел по коже.

Он становился все громче и громче.

— Торопись, Вани! — крикнул Тревис.

Вани не отвечала, челюсти ее были стиснуты. Дверь под ее руками начала подергиваться рябью, словно краска под пламенем паяльной лампы.

Грейс обернулась. Горлеты быстро двигались по коридору. Перед ними мчался какой-то сгусток огня, словно указывая дорогу. Видимо, он и являлся источником странного звука.

Дверь под руками Вани словно становилась прозрачной. Можно было разглядеть стоянку, машины на ней.

— Вперед! — крикнула Вани, и дверь распахнулась.

Беглецы выскользнули во двор, и Вани захлопнула дверь. Как раз вовремя — глухой удар обрушился изнутри на металлическую поверхность.

— Бегите, — сказала Вани. — Переберитесь через изгородь, оттуда бегите к шоссе и постарайтесь остановить какую-нибудь машину.

— А ты? — выдохнула Грейс.

— Я задержу их.

— Нет, — твердо сказал Тревис. — Их слишком много. Мы не бросим тебя.

Вани обернулась:

— Не будь дураком, Тревис. Вы только помешаете мне. Если хотите помочь — бегите!

— Тревис! — выкрикнула Грейс. — Послушай ее...

Договорить она не успела. Что-то со страшной силой ударило ее в бок.

Грейс покатилась по мостовой, солнечное сплетение взорвалось болью. Она попыталась подняться, и тут горлет обрушился на нее. Разверзшаяся пасть была совсем близко. Чудовище занесло лапу со страшными когтями, словно выбирая место удара.

И тут воздух за горлетом вскипел, и через мгновение его лапа оказалась вывернута под неестественным углом. Все это сопровождал хруст ломающейся кости.

— Тревис! — крикнула Вани. — На землю.

Грейс увидела, как неподалеку Тревис бросился на землю, а над ним пронеслась черная тень. Вани махнула рукой и швырнула в горлета каких-то три маленьких предмета — они блеснули сталью.

Горлет покачнулся — из его груди торчали три стальных треугольника. Он попытался вырвать их своими длинными когтями, затем рухнул наземь и затих.

Грейс выпустила воздух из легких. Оба атаковавших горлета были мертвы, но откуда они взялись? Она подняла глаза и всмотрелась в крышу здания.

— Да, — сказала Вани, — они напали сверху. Бегите, пока не появились новые.

Она помогла Грейс подняться на ноги. Тревис хотел было что-то сказать, но тут дверь распахнулась, и пять горлетов рычащим клубком вылетели во двор.

Грейс мгновенно оценила расстояние. Даже Вани не успеет — горлеты доберутся до Тревиса первыми. Она вся сжалась, ожидая, как ее друга сейчас разорвут на куски.

Раздавшийся звук напоминал крик. Он становился все громче, и что-то непонятное вылетело из-за угла здания. Зеленой вспышкой это нечто рванулось к горлетам. Те повернули головы как раз, когда оно ударило в них. Пять волосатых тел взлетели в воздух, раскинув длинные лапы. В верхней точке они словно застыли в воздухе — Грейс даже показалось, что твари умеют

летать, — затем рухнули на мостовую пятью неподвижными грудами. Больше они не поднялись.

Зеленая штуковина крутанулась, и, только когда она остановилась рядом с Грейс, та наконец поняла, что это. Это был *грузовичок* — большой зеленый старый пикап. Капот и бампер забрызганы кровью. Из заднего окошка торчат два ружья, на зеркальце заднего вида болтается освежитель воздуха в виде радуги. На переднем сиденье расположились двое мужчин.

Нет, не мужчин, Грейс. Посмотри на их шляпы. Это же ковбои!

Стройный мужчина на пассажирском сиденье выглянул в окошко и присвистнул:

— Вот это я называю дорожным происшествием, Митчелл.

Водитель не ответил. Он смотрел на Грейс; глаза за стеклами очков в проволочной оправе были серьезными. Затем густым мелодичным голосом произнес:

— Вас подбросить, мэм?

61

Тревис смотрел в заднее окошко пикапа, но не видел ничего, кроме машин и тротуара. Они отъехали уже примерно милю от кошмарного здания. Если скирати и приказал горлетам преследовать их, так быстро двигаться эти твари не способны. Он почувствовал, как ему пожали руку. Грейс!

Тревис обернулся.

— Итак, Тревис, — обратился к нему Дэвис Бэрк-Фейвер, — собираетесь вы представить ваших друзей?

Троица погрузилась в пикап со всей возможной скоростью, не ожидая, пока остальные твари покинут здание, и Митчелл рванул грузовичок вперед, не дожидаясь даже, пока они захлопнут дверцы.

— Это Грейс Беккет, — сказал Тревис. — Она врач. А это Вани. Она...

Он помедлил: а кто на самом деле Вани?

— Я их друг, — проговорила Вани.

Тревис взглянул на нее, Вани подняла бровь, и он улыбнулся.

— Она наш друг, — повторил он.

Дэвис сдвинул на затылок свой «стетсон» и расплылся в широкой ухмылке:

— Приятно познакомиться.

— Ладно, Тревис, — сказала Грейс. — Теперь наша очередь спрашивать.

Она откинулась на сиденье. Лицо Грейс было бледным, пепельные волосы всклокочены, но глаза сверкали. В нескольких местах ее лицо было поцарапано, рука перевязана платком Дэвиса.

Тревис продолжал:

— Грейс, Вани, позвольте представить вам моих друзей из Касл-Сити — Дэвиса и Митчелла Бэрк-Фейверов. Тот, что все время смеется, это Дэвис, а красавчик с приемником — Митчелл.

— Видишь, Дэвис, — с удовлетворением произнес Митчелл, впрочем, не спуская глаз с дороги, — я же говорил, что я красивее.

— Да ты просто старше.

— Да, с годами я становлюсь лучше.

— Подумаешь, я тоже ничего.

— Нет, ты что, не слышал? Ты смешной.

— Не смешной, а смешливый. Верно, Тревис?

Тревис посмотрел на Грейс и Вани.

— Надеюсь, вы поняли — они вроде как вместе.

— Думаю, мы догадались, — заметила Вани.

— Это так очевидно? — поинтересовался Дэвис.

Грейс кивнула:

— Да уж, такие отчаянные парни с винчестерами.

Тревис расхохотался, но вдруг замолк.

— Послушайте, — спросил он, — а как вы догадались, что мы здесь и что нам нужна помощь?

Митчелл озадаченно посмотрел на него в зеркальце заднего вида.

— Ты хочешь сказать, ты не знаешь, что она позвонила нам?

— Кто она?

— Ваша подруга из Денвера, Марджи.

Грейс широко раскрыла глаза:

— Марджи? Когда она звонила?

Дэвис взглянул на часы:

— Часа два с небольшим назад. Мы сразу вскочили в грузовик, и Митчелл всю дорогу гнал как сумасшедший.

Тревис взглянул на Грейс, но она лишь пожала плечами. И тут Тревис вспомнил, как Марджи спросила, кто знает о них, и он упомянул своих друзей из Касл-Сити. Видимо, она запомнила имена, а затем узнала телефоны в справочном бюро. И все же это не объясняло, *почему* Марджи позвонила.

— Что она сказала вам? — спросил он.

— Немного, — ответил Митчелл. — Просто, что ты в беде и где тебя найти. Сказала... сказала, что ты был где-то далеко, а теперь вернулся. А этой своре из «Дюратека» что-то от тебя нужно. И от твоей подруги. Это правда?

Тревис сжал подлокотник.

— Совершенная правда.

— Появившись здесь, вы подвергаете себя большой опасности, — сказала Вани.

Дэвис небрежно отмахнулся:

— Пустяки, мэм. Митчелл на этом грузовичке с любым справится. Уже приходилось.

— Потому что ты водить не умеешь, — бросил Митчелл.

— Да ну, просто бычки у нас шляются где попало.

Митчелл обратился к Тревису:

— Послушай, ты должен знать кое-что еще.

Смех Дэвиса стих, как по мановению волшебной палочки.

Митчелл продолжал:

— По пути из Касл-Сити мы кое-что видели. На Саммит-роуд. Ты должен знать это место, Тревис. Проселок, который ведет как раз от нашего ранчо. Сейчас им, кроме нас, почти никто не пользуется. Но сегодня мы видели там машину, и в ней сидела парочка этих умельцев в черных костюмах.

— «Дюратек», — процедил Тревис.

— Верно. Мы с этими молодчиками уже сталкивались. Они приезжали к нам на ранчо через пару дней после твоего звонка. Мы ничего им не сказали. А потом мельком увидели тебя по телевизору в репортаже о строящемся в Денвере соборе и позвонили помощнице шерифа Джейсин Уиндом. И... — Митчелл замялся.

— Что? — потребовал Тревис.

— За машиной дюратековцев ехал автомобиль шерифа. Мы видели Джейсин. Она переговаривалась с ними через окошко.

В мозгу Тревиса все встало на свои места.

— Это она — Джейсин — рассказала «Дюратеку», что мы в Денвере.

— Я не знаю, почему она сделала это, Тревис. — Митчелл покачал головой. — Не знаю, что у нее общего с этими волками.

Тревис знал. Она любила Макса, а Макс сгорел. И виноват в этом он, Тревис.

Не стоило вам приезжать, хотелось ему сказать Дэвису и Митчеллу. *Лучше держитесь от меня подальше.*

Но во рту Тревиса так пересохло, что он не смог произнести ни слова.

Дэвис почесал подбородок:

— Не возражаешь, если я спрошу, что это за твари? Из какого зоопарка они сбежали? Не иначе, зверюшки вскормлены на токсических отходах.

Грейс выпрямилась:

— Точно! Вот почему они кого-то напоминают. Это генетически модифицированные земные животные. Но как

это сделали? Клонирование? Для этого требуется слишком много времени. Генная инженерия? Наверное. Но какой геном они использовали?

Дэвис нахмурился:

— Она всегда разговаривает, как безумный ученый из комиксов?

— Частенько, — ответил Тревис.

— Извините, — смутилась Грейс. — Просто ваши слова навели меня на мысль. Вам эти твари не показались похожими на шимпанзе?

Тут Тревис понял, к чему она клонит. Горлеты и есть шимпанзе... по крайней мере были когда-то. Но их изменили, как некроманты превратили Маленький Народец в фейдримов. Но каким способом удалось так изменить шимпанзе?

Тревис открыл рот, еще не зная толком, что сказать, но его опередила Вани.

— Ищущие, — произнесла она. — Они не знают, что случилось.

Грейс нахмурилась:

— Мы ведь должны были позвонить.

Она достала телефон Фарра и нажала кнопку вызова.

— Это я, — вскоре сказала она.

Внезапно пальцы Грейс, державшие телефон, побелели, глаза расширились. Она слушала невидимого собеседника, затем кивнула:

— Мы едем.

Тревис взял из рук Грейс телефон и отключил его. Он понял — случилось что-то ужасное.

— Марджи мертва, — медленно проговорила Грейс. — Два часа назад ее дом сгорел. — Она обернулась к Дэвису и Митчеллу: — Это случилось сразу после того, как она позвонила вам.

Тревис отказывался верить. Марджи мертва. Ярость всколыхнулась в нем, но вскоре уступила место глубокой печали. Опять кто-то, кто помог ему, заплатил за это своей жизнью.

— «Дюратек», — сказала Грейс. — Их агенты выследили нас и подслушали разговор.

Вани сверкнула глазами:

— Куда они перебрались?

— В Боулдер. По шоссе 128. Мы должны ехать туда.

— Как ты узнала, что они там?

— Фарр сказал. Они с Дейдрой уже на пути туда. Едем за ними.

— Боулдер так Боулдер, мэм, — проворчал Митчелл и так резко крутанул руль, что сидящим в машине пришлось хвататься за что попало, чтобы не повалиться друг на друга.

Грязь и камни полетели из-под колес, и мгновение спустя пикап уже мчался в противоположном направлении.

Митчелл усмехнулся:

— Этому трюку научил меня мой дедушка на ранчо в Монтане.

Тревис снова позвонил Фарру и сообщил, что у них есть автомобиль и они быстро движутся в сторону Боулдера. Затем на полуслове замолк и опустил телефон.

— Аккумулятор сел.

Впереди лежала автострада 128 — полоса асфальта, петляющая по невысоким холмам. Цивилизация еще не добралась сюда, и по обе стороны от дороги мелькала лишь голая коричневая земля.

— Что-нибудь видно? — спросила Грейс. Ей казалось, что они движутся слишком медленно.

Дэвис прищурился:

— Ничего, хотя, постойте, впереди что-то есть.

Они подъезжали к Боулдеру. Там шло строительство. Рядом со стройкой дорогу почти целиком занимал огромный грузовик. Неподалеку два экскаватора. Вокруг были расставлены оранжевые предупредительные конусы, а человек в оранжевой безрукавке держал в руке знак «Стоп».

Митчелл притормозил.

— У нас нет на это времени, — сказал Тревис.

Грузовик сдал немного вбок, и теперь дорога была полностью перекрыта.

Грейс стиснула челюсти. Дюратековцы уже наверняка добрались до Боулдера.

Дорожный рабочий теперь уже размахивал знаком.

— Тревис, Грейс, — произнесла Вани. — Я плохо знакома с вашим миром, но скажите мне: если это рабочие, то почему на них такая новая одежда?

Грейс повнимательнее всмотрелась в рабочих через стекло пикапа, который уже почти остановился. Двое мужчин в оранжевых безрукавках приближались к ним. Один из них запустил руку в карман черных брюк. Из-под оранжевой безрукавки виднелась белая рубашка и галстук. А затем Грейс увидела неподалеку блестящий черный седан.

— Митчелл, — закричала Грейс, — увези нас отсюда! Скорее!

Митчелл и сам уже все понял. Он вдавил педаль газа в пол, и пикап рванулся вперед. Мужчины в безрукавках бросились в разные стороны. Пикап выехал на узкий тротуар. Слишком узкий! Митчелл ударил по тормозам; пикап начал разворот.

Раздался резкий хлопок, и заднее стекло пикапа разлетелось брызгами осколков. Грейс оглянулась и увидела, что двое в безрукавках держат в руках пистолеты.

— Пригнитесь! — заорал Тревис.

Пригнулись все, кроме Вани. Она совершила какое-то невообразимо быстрое движение, затем ее рука застыла и, когда Вани разжала пальцы, Тревис увидел, что на ее ладони лежит пуля.

Пикап тряхнуло.

— Держитесь! — выкрикнул Митчелл.

Автомобиль с разгону влетел на ковш экскаватора, и мир вокруг бешено завращался. Грейс ощутила пугающее чувство невесомости — пикап перевернулся в воздухе, колеса ударили оземь, машина подпрыгнула и рванулась вперед.

Стараясь не порезаться осколками, Грейс осторожно выпрямилась рядом с Тревисом. Грузовик и экскаваторы быстро удалялись. А люди в черном сбрасывали оранжевые безрукавки и бежали к седану.

Пикап перевалил через гребень холма, и вся сцена пропала из виду. Тревис смотрел то на Дэвида, то на Вани. Она протянула Дэвису пулю.

— Сохрани на счастье.

Дэвис не отрывал глаз от пули.

— Уж не сомневайтесь, мэм. Сохраню.

Пикап продолжал мчаться вверх-вниз по невысоким холмам.

— Далеко еще до Боулдера? — спросила Грейс.

— Думаю, не очень, — ответил Дэвис. — Если я правильно помню, вскоре будет поворот на восток на шоссе 93. А девяносто третье ведет к Боулдеру.

— Скорее, — выдохнула Грейс.

Она не отрывала глаз от спидометра. 70, 80, 90. Казалось, пикап того и гляди взлетит. Какой-то дорожный указатель промелькнул так быстро, что Грейс не успела прочитать его.

Они взлетели на вершину очередного холма, и Грейс увидела внизу развилку. А на дороге пять восемнадцатиколесных трейлеров. Один лежал на боку, перекрывая дорогу, и дымился. Второй грузовик врезался в него, остальные сумели избежать столкновения и теперь стояли на дороге под самыми разными углами друг к другу.

— Вон! — указал рукой Тревис. — Видишь, сразу за первым грузовиком?

Было слишком много дыма, но тут порыв ветра немного разогнал его и Грейс увидела. Поперек дороги лежал черный лимузин, бок вмят от столкновения с первым грузовиком.

— Дейдра, — пошептал Тревис вмиг пересохшими губами.

Фарр, мысленно произнесла Грейс.

Из кабин грузовиков выбирались люди и бежали к месту аварии. Видимо, она случилась буквально только что.

— Ну вот, — произнес Митчелл. — Мы нашли их. Что дальше?

Ответила Вани:

— По правой стороне дороги можно проехать. Если Ищущие живы, они должны быть в голове колонны.

— Хорошо, мэм.

Митчелл переключил передачу, и пикап двинулся вниз.

Окажись живым, Фарр, мысленно молила Грейс, не совсем понимая, что она делает. *Черт тебя подери, пусть ты будешь жив!*

Они проехали мимо одного из грузовиков. Двое крупных мужчин в черных джинсах и футболках бросили на пикап мутные взгляды. У обоих на поясе в кобурах висели револьверы. Прежде чем они как-то среагировали, пикап пронесся мимо.

Охранники из второго грузовика бросились врассыпную, чтобы не попасть под колеса.

Раздался крик: «Стоп!» Кричал Тревис, и Митчелл ударил по тормозам. Дэвис посмотрел в зеркальце:

— У нас скоро будут гости. Здесь не самое удачное место для остановки.

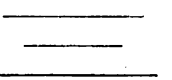
— Смотри, Грейс. — Тревис указал на грузовик. — Внизу, на левой дверце.

Грейс всмотрелась и увидела три горизонтальные полоски, нарисованные пальцем на пыльной дверце.

— Это же просто граффити.

— Нет, — мягко возразил Тревис. — Ты ошибаешься.

Он сунул руку за пазуху и извлек маленький кусочек кости на кожаном шнурке. На кости были выгравированы три параллельные линии:



Грейс поняла:

— Руна!

Тревис кивнул:

— Руна надежды.

— Что все это значит? — нахмурившись, спросил Дэвис.

Вани открыла дверцу пикапа.

— Это значит, что их друг в этом автомобиле.

— Нам понадобятся ружья, — заметил Митчелл.

Грейс достала одно из ружей, Тревис взял другое, и они начали выбираться из пикапа.

— Остановитесь и бросьте оружие, — раздался громкий голос.

Все замерли.

Обладатель голоса стоял в двадцати футах, направив на Грейс и Тревиса пистолет. Из разреза на его щеке сочилась

кровь. Не сводя глаз с пикапа, он одной рукой поднес ко рту радиопередатчик:

— Я взял их. Мы за транспортом номер три. Мне нужна...

Голова его резко повернулась, раздался хруст, и тело охранника безвольно осело на землю. Побледневшие Дэвис и Митчелл не сводили с трупа глаз. Воздух вскипел, и через мгновение Вани была рядом с ними, вытирая руки о кожаные штаны.

— Впереди есть еще охранники, — сказала она.

Над головой Грейс просвистела пуля. Все пятеро прижались к заднему бамперу грузовика, чтобы их не было видно из кабины. Дэвис медленно двинулся влево, Митчелл — вправо.

Раздался одновременный выстрел двух ружей, секундой позже послышался звук двух захлопываемых дверок.

— Наши друзья решили, что лучше посидеть в кабине, — ухмыльнулся Дэвис.

— Не спускайте с них глаз, — сказала Вани, — я осмотрюсь.

Она исчезла.

Дэвис присвистнул:

— Как она это делает?

— Наблюдай за своим парнем, — оборвал его Митчелл.

— Я думал — ты мой парень. — К Дэвису вернулось его чувство юмора.

Где-то за грузовиком послышались тяжелые шаги, затем короткий вскрик боли. Вани делала свою работу.

— Нам нужно открыть дверь кузова, — сказала Грейс.

Тревис взялся за ручку. Заперто. Грейс охватила паника.

Тревис приложил обе руки к двери, наклонил голову и стиснул зубы.

— *Урат*, — проговорил он.

Грейс ждала, но ничего не происходило. Бесполезно, магия слишком слаба здесь, на Земле.

Тут Тревис отпрянул, и дверь распахнулась. Грейс не верила своим глазам:

— Я думала...

Тревис пораженно смотрел на свою правую ладонь, на которой сиял серебряный символ: три перекрещенные линии.

— Моя сила. Она вернулась!

— Что там у вас, Тревис? — спросил Митчелл, не оборачиваясь.

— Мы входим, — ответила Грейс.

Тревис поставил ногу на задний бампер, подтянулся и взобрался внутрь, затем протянул руку Грейс. Воздух в кузове трейлера слегка светился странным металлическим светом. Все внутри было заставлено большими стальными упаковочными ящиками. Многие попадали набок, когда трейлер остановился.

Послышался стон. Грейс обернулась и увидела руку, торчащую из дыры в одном из ящиков.

— Бельтан! — закричал Тревис.

Они с Грейс подбежали к ящику одновременно.

Грейс схватила большую, но исхудавшую руку рыцаря.

— Бельтан, мы здесь! Мы найдем способ открыть...

И тут Тревис прокричал руну:

— *Урат!*

Дверца ящика распахнулась. Грейс отпустила руку рыцаря, и вскоре сам он неуверенно выбрался из ящика: высокая тощая, но такая знакомая фигура.

Бельтан улыбнулся, и, несмотря на всю его худобу, круги под глазами, изможденное лицо, он показался Грейс таким прекрасным, что у нее перехватило дыхание.

— Бельтан. — Теперь Тревис шептал.

Рыцарь нахмурился:

— Клянусь Ватрисом, что с тобой случилось, Тревис Уайлдер?

Тревис обнял великана-рыцаря с таким жаром, что слезы заструились по щекам Грейс.

63

Тревис не выпускал Бельтана из объятий. Раньше рыцарь всегда казался таким сильным, таким несгибаемым. Теперь же, под белым лабораторным халатом, его тело выглядело слабым и беззащитным. Тревис знал, что легко мог бы поднять рыцаря на руки. Впрочем, может, оно и правильно? Может, теперь он защитник?

— Тревис, — поговорил Бельтан. — Я должен что-то сказать тебе.

Грейс бросила нервный взгляд на дверь трейлера.

— Нам нужно идти.

— Она права, — сказал Тревис. — Здесь небезопасно. Поговорим позже.

Где-то снаружи раздался выстрел.

— Нет, это не может ждать!

Бельтан схватил Тревиса за плечи. Он еще был силен, и Тревис не смог бы легко вырваться. Бельтан с трудом подбирал слова, глаза его горели.

— Тогда, в банях Спардиса, я... я сказал тебе, что не жалею. Но я сказал это, потому что думал, что умираю. Я знаю, ты не слышал зова, и... я сожалею, Тревис. Сожалею, что...

— Нет! — Тревис говорил твердо. — Не смей сожалеть, Бельтан! Никто не имеет права сожалеть о том, что полюбил.

Бельтан пораженно смотрел на него.

— Да, — продолжал Тревис. — Ты немного удивил меня. Однако я много думал об этом. Я не знал, что делать, но это не важно. Теперь я знаю. — Слова, ясные, словно руны, возникали в мозгу Тревиса. — Бельтан, я...

В открытой двери трейлера показался стройный силуэт. Тревис обернулся и встретил золотой взгляд Вани.

— Охрана наступает, — сказала она. — Их немного, и вряд ли они ожидали встретить сопротивление. Думали, что горлеты уже давно сожрали нас. Но Дэвис и Митчелл не смогут долго их сдерживать. Нам нужно торопиться.

Бельтан смотрел на Вани широко раскрытыми глазами:

— Кто она?

— Она... — Тревис облизнул губы.

— Это Вани, — сказала Грейс. — Она воин с Зеи, и мы обязаны ей жизнью.

Бельтан кивнул:

— Тогда и я обязан тебе жизнью, Вани.

Она взглянула на Тревиса, затем вновь на Бельтана.

— Твоя благодарность может оказаться преждевременной, рыцарь из Кейлавана. Нам нужно уходить.

— Погодите, — сказал Бельтан. — Есть кое-кто еще, кому требуется наша помощь.

— Бельтан... — запротестовал было Тревис, но рыцарь прервал его:

— Ты не понимаешь, Тревис. Мы должны освободить его.

В глубине трейлера блеснул серебряный свет. Тревис почувствовал покалывание в правой руке.

Он, Бельтан и Вани достигли ящика одновременно, втроем поставили его вертикально. За маленькой решетчатой дверцей что-то двигалось.

— Поспешим, — сказал Бельтан. — Мне кажется... он болен.

Тревис опустился на колени и заглянул в ящик. На него смотрели большие миндалевидные глаза. В них была какая-то древняя грусть, боль и что-то еще. Возможно, радость.

Тревис понял:

— Железо! Он не выносит прикосновения к железу или стали. Никто из них не может. Поэтому ему и не выбраться.

— Кто не может? О чем ты, Тревис? — спросила Грейс.

Он не ответил. Вместо этого третий раз за день Тревис произнес открывающую руну:

— *Урат!*

Да, именно здесь источник его возрожденной силы. Замок упал, дверца распахнулась. Со звуком, напоминающим

далекий звон колокольчиков, эльф появился из ящика. Люди смотрели на него, затаив дыхание.

Прошлой зимой в Кейлавере Тревис использовал силу Синфатизара — Сумеречного Камня, чтобы излечить группу призраков и превратить их обратно в эльфов, коими они когда-то были. Эльфы последовали за ним в Ущелье Теней и там спасли Бельтану жизнь.

Те эльфы были высокими, ярко светящимися созданиями. Но эльф, который сейчас предстал перед людьми, казался их тенью. Он был ужасно тощий — даже худее Бельтана, кожа его была серой. Голова казалась слишком большой для тоненькой шеи. И он был обнажен и лишен каких-либо признаков пола.

И все же эльф был прекрасен. Тревис начал опускаться на колени, однако эльф протянул тонкие руки, схватил его за плечи, и через секунду Тревис вновь был на ногах. Но страх ушел. На смену ему пришла холодная умиротворенность.

— Как? — Грейс прижала руку к сердцу. — Как он оказался здесь?

— Он был их пленником, — промолвил Бельтан. — Как и я. Они проводили над ним опыты.

Тревис заметил тонкие шрамы на руках эльфа.

— Должно быть, — сказала Вани, — он прошел через Врата вместе со скирати.

Услышав это, эльф кивнул. Потом дрожь сотрясла его тело. Ему было больно — безумно больно. Эльф протянул дрожащую руку к ящику-клетке. Раздался высокий, почти беззвучный крик боли. Он что-то хотел. Что-то необходимое эльфу находилось в клетке.

Грейс опустилась на колени и извлекла из ящика пластиковую бутылочку с лиловыми пилюлями, на каждой из которых была изображена белая молния.

Грейс открутила колпачок и протянула бутылочку эльфу. Тот помедлил, затем тонкими пальцами извлек три таблетки, положил их в рот и проглотил. Потом прикрыл глаза рукой. Когда эльф опустил руку, в его глазах больше не было боли.

Грейс взглянула на таблетки:

— Ублюдки! Вот зачем таблетки. Это для них, чтобы они выжили на Земле. «Электрия» предназначена для эльфов.

Эльф протянул тонкую руку и погладил Грейс по щеке. Она протянула руку в ответ и коснулась серой кожи.

Их прервал голос Митчелла:

— Поторопитесь! Похоже, к ним прибывает подкрепление.

Следом раздался звук выстрела.

Тревис взглянул на Вани, та кивнула. Он бросил:

— Мы с Вани идем. Грейс остается с эльфом и Бельтаном.

Рыцарь шагнул вперед.

— Я иду с тобой, Тревис. Я твой защитник.

Тревис помедлил, затем положил руку рыцарю на грудь.

— Нет, Бельтан. Не сейчас.

Рыцарь сглотнул, сделал шаг назад и прислонился к ящику. Печаль сжала сердце Тревиса. Хотелось обнять рыцаря, но времени не было.

— Тревис! — послышался голос Дэвиса.

Тревис и Вани двинулись к выходу и выскользнули из кузова.

Снаружи было жарко. Митчелл и Дэвис держали ружья на изготовку. Мгновением позже враги появились из-за ближайшего трейлера — длинные руки волочились по асфальту. Тревис насчитал трех горлетов... пятерых... Потом бросил считать.

Загрохотали ружья, и две твари рухнули на асфальт. Из-за грузовика появлялись все новые и новые. Дэвис и Митчелл стреляли и стреляли, но горлетов было слишком много. И тут сердце Тревиса замерло — он увидел, как в поле зрения показалась еще одна фигура. Она двигалась медленно, черный балахон волочился позади.

Луч заходящего солнца пробился сквозь облака и отразился от золотой маски. На этот раз Тревис разглядел выражение «лица» маски: безжизненная улыбка, прищуренные глаза.

Скирати поднял руку, и сердце Тревиса затрепыхалось в груди.

Вани схватила его за руку.

— Тревис!

Он попытался ответить, но не смог.

Вновь послышались выстрелы, только на сей раз то были не Дэвис и Митчелл. Еще один горлет рухнул на землю. Однако второй выстрел был сделан не в горлета. Вместо этого раздался звонкий *«пинг!»*, когда пуля попала во что-то металлическое.

Чародей словно споткнулся, из-под капюшона разлетелись блестящие осколки. Горлеты замедлили свой бег. Тревис глубоко вздохнул, сердце его возобновило работу. Что происходит?

Скирати поднял голову, и капюшон откинулся назад. Золотой маски больше не было. Пуля разбила ее и обнажила лицо чародея.

Или то, что осталось от лица. Два черных глаза смотрели из массы розовых шрамов. Вместо рта какая-то щель. Две дырки вместо носа посреди остатков лица.

Тревис понял. Вани говорила, что чародеи используют для своей магии кровь. Сколько раз скирати приходилось резать себя? Сколько ран было нанесено его рукам, ногам, торсу, прежде чем там не осталось больше места, которое можно было бы разрезать? Когда осталось только лицо?..

Блеснуло золото. Остатки маски лежали возле колеса одного из грузовиков. Чародей бросился туда.

Он не успел. Черными комками ярости горлеты набросились на скирати. Дэвис и Митчелл опустили ружья и с ужасом смотрели на происходящее.

Тревис шагнул вперед, но Вани остановила его.

— Значит, старые истории говорят правду, — сказала она. — Маски фокусируют их силу. Теперь он не может контролировать горлетов.

И горлеты восстали против него — своего хозяина и мучителя. Тревис чувствовал, как к горлу подкатывает тошнота, но не мог отвести взгляда.

Монстры недолго возились со своим хозяином. Несколько мгновений, и от него осталась только груда костей, ошметков плоти и обрывков черной ткани.

Тревис думал, что, закончив с хозяином, горлеты продолжат наступление на них, но этого не произошло. Теперь длинными когтями они царапали друг друга. Видно, пришла пора создавать в стае иерархию, чужаки их больше не интересовали.

Послышались шаги. Тревис обернулся, ожидая увидеть кого-то из охраны, но нет...

— Дейдра.

Он произнес это имя как молитву, затем сжал девушку в объятиях.

Фарр опустил пистолет, глядя на то, что осталось от чародея.

— Удачный выстрел.

— Нет. — Дейдра покачала головой. — Это судьба.

— Я не вижу охраны, — заметил Митчелл. — Наверное, разбежалась.

— Да нет, — покачал головой Фарр. — Отступили в ожидании подкрепления. А оно наверняка скоро прибудет.

В воздухе зазвенели колокольчики, и появилось серебряное свечение. Все посмотрели на открытую дверь трейлера. Грейс стояла рядом с серым существом, которое прикрыло глаза, защищая их от вечернего света.

— Боже милостивый, — прошептал Дэвис. — Что это?

В глазах Митчелла, Дейдры и Фарра читался тот же вопрос.

— Эльф, — просто сказал Тревис.

Позади эльфа появился Бельтан. Он с усилием протянул какой-то предмет через бортик трейлера — маленькую коробочку из темного камня, расписанную символами.

Вани судорожно вдохнула:

— Артефакт Моринду.

— Нам показал его эльф, — сказала Грейс. — Сами мы бы его никогда не нашли.

Грейс спустилась из кузова трейлера на землю, а Тревис с Фарром помогли Бельтану.

Эльф вытянул вперед тонкие руки. Дэвис и Митчелл своими сильными руками поддержали его и опустили на землю. Эльф поднял голову, а затем коснулся лица Дэвиса. Тот радостно засмеялся.

Внимание остальных сосредоточилось на каменной коробочке.

— Это он? — спросил Фарр. — Артефакт, открывающий Врата?

Вани опустилась на колени.

— Нет, просто контейнер. Наверное, скирати сделали его, чтобы защитить артефакт. — Она провела по коробочке рукой, затем покачала головой. — Он замкнут кровавым заклинанием. Не знаю, как мы...

Тут эльф протянул руку и прикоснулся к контейнеру. Одна из боковин тут же откинулась. Вани помедлила, затем сунула руку внутрь коробочки и извлекла оттуда маленький кусочек абсолютно черного камня.

Камень был обработан в форме пирамиды, на которой изображались угловатые письмена. Вершина пирамиды была плоской, словно срезанной, и Тревис мог видеть внутри маленький резервуар. Со срезанной верхушкой артефакт казался незавершенным. Где же остальная его часть?

Не успел Тревис подумать об этом, как Вани достала из кармана маленький треугольный камешек, который показывала ему раньше. Призма. Вани поднесла ее к артефакту, но тут эльф остановил ее руку. Вани удивленно нахмурилась. Тревис тоже не понимал, в чем дело.

И тут эльф поднес руку к своей груди, надавил пальцем на серую кожу... и палец погрузился внутрь его тела. За ним второй, третий. Пальцы раздвигали рану, из нее забил луч серебряного света. Рот эльфа распахнулся в немом крике боли, и существо извлекло что-то из своей груди.

Это был камень.

Нет, не просто камень. Тревис подбежал к эльфу.

— В чем дело? — воскликнула Грейс. — Что это?

Эльф кивнул. Тревис не знал почему, но был уверен: это существо позволило захватить себя и доставить на Землю с одной целью: передать ему — Тревису — Великий Камень.

— Это Синфатизар, — проговорил он.

Тревис протянул руку и взял из тоненькой руки эльфа Сумеречный Камень, влажный от крови. Кровь сочилась из раны на груди, но эльф повернулся к Вани и протянул к ней руки.

Вани замешкалась лишь на мгновение, затем подняла артефакт и подставила его под струйку крови. Резервуар почти мгновенно наполнился. Эльф прижал руку к груди, и кровь остановилась. Свет под его пальцами погас.

— Кровь Света, — произнесла Вани.

— Что это значит? — каркнул Бельтан.

Тревис взял его за руку.

— Это значит, что мы отправляемся домой.

64

Несколько минут спустя они были готовы.

Грейс достала из пикапа маленький рюкзачок и вытащила из него вещи, купленные в магазинчике Марджи. Марджи, которой нет теперь среди живых. Но Тревис подумает об этом позже. Он не позволит, чтобы ее смерть была напрасной.

Они расположились в задней части трейлера. Вани установила артефакт на одном из ящиков, вокруг расставила четыре свечи. Она смешала какие-то травы с маслом и зажгла это при помощи пятой свечи. Ароматный дым закурился в воздухе. Тревис вдыхал запах дыма, и в голове у него прояснялось.

Он посмотрел на Дейдру и Фарра, потом на Митчелла и Дэвиса.

— Как вы будете отсюда выбираться?

Дэвис ухмыльнулся:

— Не переживай. Лимузин твоих приятелей теперь просто жестянка, а вот в пикапе бензина пока хватит.

Фарр кивнул.

— Думаю, мы успеем. Надо еще подобрать нашего водителя. В его контракте не было тарана колонны грузовиков, поэтому мы высадили его за милю отсюда.

— Погоди, есть кое-что, что ты должен знать, — сказала Грейс, придвигаясь к Ищущему.

Фарр посмотрел на нее, лицо его застыло.

— «Электрия», — сказала Грейс. — Я знаю, зачем «Дюратек» производит ее. Это для эльфов, чтобы они могли выжить на Земле.

Фарр моргнул. Похоже, меньше всего он ожидал, что Грейс сообщит ему именно это.

— Спасибо, доктор Беккет, — произнес он.

Эльф протянул руку к Дейдре и сжал ее пальцы. Когда он отнял руку, Тревис увидел слезы у Дейдры на глазах.

— Артефакт готов, — сказала Вани.

— Погоди. — Дейдра полезла за пазуху. — Грейс, я чуть не забыла, вот рисунок, о котором я тебе говорила. Тот, с мечом.

— Спасибо. — Грейс приняла свернутый листок.

Вани опустилась на колени возле артефакта, Тревис и Грейс рядом, но Бельтан втиснулся между ними. Эльф тоже

придвинулся ближе. Вани помедлила, затем поставила призму на верхушку артефакта.

Воздух тут же задрожал, и появились Врата. Они казались слегка размытыми, за ними переливалось, перекручивалось серое пространство.

— Помогите мне представить место назначения, — сказала Вани. — Мы должны найти моего брата в Таррасе, городе...

— Золотом городе у моря, — сказала Грейс.

Вани кивнула, затем поднялась на ноги. Перед ними были Врата. Тревис видел Дэвиса, Митчелла, обоих Ищущих, но они словно таяли.

— Вы все, берегите себя, — послышался голос Митчелла, а Дэвис согласно кивнул.

Дейдра плакала, слезы текли по щекам.

— Увидимся ли мы еще? В этом или другом мире?

Только Адриан молчал, не спуская с них глаз.

Тревис поднял руку, собираясь что-то сказать, но тут эльф раскинул руки, и Врата словно свернулись вокруг странников, заключив их в капсулу серебряного света.

Штат Колорадо превратился в тень и исчез.

Часть пятая
ТЕНЬ ПРОШЛОГО

65

Пустота. Вокруг Тревиса не было ничего, лишь огромная, щемящая, бесконечная пустота. Он попытался крикнуть, сообщить, что с Вратами случилось нечто ужасное, но у него не было губ, не было легких — совсем не было тела. Он уменьшился до крошечной точки — почти невидимой искры энергии.

Тревис попытался найти остальных — Грейс, Бельтана и Вани. Тщетно. Вокруг простиралась только серая пустота.

Тревис снова попытался закричать и вдруг почувствовал, как к нему приближается некое существо. Нет, несколько существ. Видеть их он не мог, они были бестелесны, как и он сам. Вместо этого в бесцветном тумане произошло легкое волнение, подобное кругам на воде от скользящих по поверхности водомерок.

Он ощутил удар, внезапный, как нахлынувшая волна. Голод. Мощный, неуемный голод. Примитивное желание набить утробу.

Сюда!

Тревис не услышал собственного голоса, но почувствовал, как звук резонирует в его теле подобно колокольному звону. Он оторвал свое сознание от приближающихся существ и увидел сияющий круг посреди пустоты. А по другую сторону круга был свет. Настоящий, золотистый свет.

Вокруг волнами вздымался серый туман. Ненасытные крупинки бросались на него как безжалостные насекомые, готовые высосать все его существо. Тревису безумно хотелось освободиться от них, он потянулся к светящемуся кругу и...

...упал на камни.

— У-ух! — По пронзившей его резкой боли Тревис понял, что все еще жив.

Еще три выдоха «уф!», и три других тела приземлились рядом. Послышался шепот, легкий, как ветерок, пролетающий через заснеженный лес.

Тревис сел и вытянул вперед окоченевшие, дрожащие руки. Его одежду и кожу покрывал тонкий слой льда. Он

подставил левую руку под наклонный луч золотистого света. Какое-то мгновение ледяные кристаллики сверкали, как драгоценные камни, потом растаяли.

В руке что-то было. Тревис с усилием разогнул замерзшие пальцы. На ладони лежал круглый серо-зеленый камень. Синфатизар. Он снова сжал пальцы.

Они находились в каком-то крохотном переулке — сумрачное узкое пространство между двумя белыми строениями. То там, то здесь с синих лоскутков неба падали на землю лучи солнечного света. Вани уже стояла на ногах, ее черная кожаная одежда казалась серой от ледяной корки. Грейс и Бельтан прижимались друг к другу, сидя у стены. Оба посинели от холода, а их волосы и брови покрывал толстый слой инея. Грейс открыла глаза, и с ее ресниц упало несколько снежинок. Нигде вокруг не было ни малейшего признака Врат.

Тревису понадобилось время, чтобы обрести голос:

— Что это было за место?

Вани опустила обсидиановый артефакт в карман куртки.

— Пустота между мирами.

— А ты... ты раньше сквозь нее проходила, когда путешествовала к Земле?

— Да.

Вот это мужество! Или просто привычка? Тревису казалось, что ему ни за что не выдержать этого снова, он определенно сойдет с ума.

— Что...

Произнесенное Грейс слово прозвучало как слабый хрип. Она сглотнула, откашлялась, и на этот раз ее голос прозвучал громче:

— Кто были те существа в пустоте, Вани?

— Морндари.

Бельтан нахмурился, разламывая сосульки в рыжей бороде.

— Морндари?

— Те, кто жаждет, — пояснила Грейс.

Зеленые глаза рыцаря по-прежнему выражали недоумение. Тревис решил, что объяснит ему все чуть позже, когда они немного отогреются.

Вани осторожно прошла к началу улочки, выглянула из-за угла и осмотрелась.

— Идите сюда. Старайтесь быть на солнце. Оно поможет вам согреться. Кажется, наше прибытие осталось незамеченным, это хорошо.

Пришлось пояснить:

— В это время года мой народ всегда находится в Тарасе, поэтому я думаю, что скирати тоже здесь, в городе.

Тревис вновь содрогнулся. Значит, и здесь есть колдуны.

— Не бойся, Тревис, ты скоро придешь в себя.

Вани не поняла, отчего он вздрогнул. Она протянула ему свою сильную руку и помогла подняться. Потом одним нежным прикосновением смахнула льдинки с его щеки.

Из-за спины Тревиса донесся глухой стон — Грейс помогала Бельтану встать на ноги. Широкоплечий рыцарь стоял, уперевшись рукой в стену. Его зеленые глаза по-прежнему смотрели на Тревиса и Вани. Мрачное лицо исказила гримаса боли.

Ударил свет — на этот раз откуда-то из глубины. Он с каждой секундой становился ярче, и неожиданно взорам путников предстала высокая фигура.

В тот же момент Тревис забыл о боли и затекших ногах, забыл о страхе. Он поглядел в древние, как мир, бездонные глаза и на мгновение ощутил покой.

Воздушное серое существо, которое они освободили из металлического ящика, все еще находилось здесь — Тревис различал его среди лучей. Оно стало стройным и высоким, выше, чем Тревис или Бельтан. Оно уже не было нагим, а как будто прикрыто светом, словно на нем надеты блестящие одежды и корона из белого огня.

— Ты, — прошептал Тревис. — Именно ты указал мне Врата в пустоте!

Эльф кивнул, хотя этот жест передавал нечто большее, чем простое «да» — тысячи слов, которые невозможно произнести ни на одном языке. Тревис снова посмотрел на Сумеречный Камень в своей руке. Казалось, он повторял свечение эльфа, закручивая его в серо-зеленую дымку.

Бельтан неуверенно шагнул к эльфу.

— Ты жив. Я рад.

Эльф подплыл к Бельтану. Тонким пальчиком прикоснулся к маленькой круглой ранке на руке рыцаря, затем повернул свою руку. Шрамы были едва видны, но Тревис все же мог различить их.

Бельтан чуть не задохнулся:

— Во имя Ватриса, что они сделали! Неужели они перелили твою кровь мне?

Эльф снова кивнул. Бельтан покачнулся и стал падать. Грейс и Тревис бросились к нему, но опоздали.

Тонкими руками эльф подхватил Бельтана, нежно обнял. Рыцарь широко раскрыл глаза. Из тела эльфа заструились ниточки белого света и обвили его.

Бельтан отступил назад, но не упал. Он стоял прямо, неуклюже прижав к бокам руки, а свет все быстрее и быстрее вращался вокруг него. Фигура рыцаря сверкала, кожа сделалась полупрозрачной, как стекло. Тревис разглядел бугорки мышц

внутри, потом бьющееся сердце. Вскоре даже плоть стала прозрачной, и возникли очертания костей. И вдруг яркая вспышка, и все прекратилось.

Сумерки снова сгустились в переулке.

Бельтан стоял, вытянув вперед руки и открыв рот. Одежда из лаборатории испарилась, он оказался полностью обнаженным. Тревис знал, что ему не стоит так пристально смотреть, и все же не мог отвернуться — рыцарь уже не был прежним живым скелетом. Теперь он стал довольно крепким и стройным. Мускулы перекатывались под бледной кожей. Редеющие, тронутые сединой волосы ниспадали на широкие плечи, а неряшливая борода обрела свой прежний ухоженный вид. С левой стороны, там, где некромант Дакаррет снова вскрыл его рану, осталась бледная тонкая полоска.

Бельтан в изумлении смотрел на эльфа. Из-за затопившего все вокруг света было сложно что-либо увидеть, но Тревису показалось, что эльф улыбнулся.

Последние завитки света вокруг Бельтана исчезли. Грейс с улыбкой отвернулась, Вани старательно отвела глаза.

Бельтан заметил это и посмотрел на себя.

— Во имя крови Ватриса! Извините, дамы. Э-э-э... Тревис...

Тревис вытащил свой плащ из рюкзака, который все еще висел у него на плече, и накинул его на рыцаря. Его руки задержались на груди Бельтана, гладкой и мускулистой.

— Как ты себя чувствуешь?

Рыцарь усмехнулся, укутываясь в плащ.

— Несколько смущен. Все остальное прекрасно. Даже старые боевые раны и шрамы не болят.

Раздался нежный щебечущий звук. Это эльф проплыл мимо них прямо к Вани. Он сделал грациозное движение. В ответ она достала артефакт и вынула призму. Тревис заметил, что теперь артефакт пуст.

Эльф взял камень своими тонкими длинными пальцами и поднес его ближе к телу. Возникла вспышка света, раздался резкий чистый звук, почти крик, потом свет угас, а артефакт снова оказался в руке Вани. Но он уже не был пустым, его наполняла какая-то темная жидкость.

Вани приложила призму, запечатав кровь эльфа. Тревис заметил, что перед этим она убедилась, что призма повернута под углом так, чтобы ее грани не совпадали с гранями артефакта. Он предположил, что Вани сделала так для того, чтобы Врата снова случайно не пришли в действие.

— Спасибо, — просто сказала Вани.

Тревис приблизился к эльфу, сжимая в руке Сумеречный Камень.

— Ты позволил магу захватить тебя и отправить через Врата, верно? Ты сделал это, чтобы иметь возможность попасть на Землю и принести мне Синфатизар. Но почему?

Эльф склонил голову, и слова зазвенели вокруг Тревиса и внутри его.

Чтобы выбрать, каким это будет.

Он не понял. Что он должен был выбрать, что будет? Однако прежде чем Тревис успел спросить, эльф уплыл прочь. Светящееся существо остановилось возле Грейс и медленно склонилось перед ней.

Грейс прижала руку к горлу. Свет эльфа отразился в ее глазах. На какое-то мгновение свет потерял свою яркость, а эльф, как показалось, протянул к ней свою руку. Но уже через секунду серебристая дымка, окружавшая эльфа, неожиданно снова сделалась яркой, увеличиваясь, как звезда, и потом разрушилась, оставляя лишь раскаленную добела искру света. Искра облетела вокруг них один раз, после чего исчезла.

Тревис вопросительно взглянул на Грейс. Она только покачала головой и подошла к Бельтану. Сначала подняла одну его руку, потом другую, осмотрела лицо.

— Невероятно. Ты находился в коме целых два месяца, Бельтан. Твои мышцы подверглись сильнейшей атрофии, у тебя был остеопороз. А теперь, — Грейс отступила на шаг, — ты в прекрасной форме.

Взгляд Бельтана потеплел, и он поклонился ей.

— Благодарю вас, миледи. Мне всегда хотелось в это верить.

— Нет, я не о том...

Он вздохнул:

— Я знаю, что вы имели в виду, миледи. Просто мое тело теперь в порядке. — Рыцарь посмотрел на свои руки. — Но сам я слишком далек от совершенства.

Смутное беспокойство закралось в душу Тревиса. О чем это говорит Бельтан?

Снова заговорила Грейс:

— Ты сказал что-то о крови эльфа, Бельтан, о том, что они перелили ее тебе.

— Думаю, что так, миледи. Когда я очнулся у них в крепости, увидел трубки, подсоединенные к моим венам. Должно быть, они использовали их, чтобы перелить мне кровь эльфа. Я думаю... я думаю, именно так я узнал то, чего в противном случае не узнал бы никогда. Например, как разговаривать на их языке.

Это был удар для Тревиса. У него и у Грейс все еще хранились половинки серебряной монеты, которую им дал брат Сай. Он считал, что именно волшебная монета позволяет им найти общий язык с Бельтаном. Но ведь и Дейдра, и Фарр могли разговаривать с Бельтаном, так же как и Дэвис, и Митчелл.

— В крепости шин-паси, — продолжал Бельтан. — Я думаю, им тоже переливают кровь эльфов.

— Шимпанзе? — Грейс скрестила руки на груди. — Ах, вот оно что! Вот как они вычислили вектор доставки, который использовали для генной терапии. Так они создали горлетов. Что означает... — Она взглянула на Бельтана. — Ах, Бельтан...

Тревис подошел ближе.

— Что они сделали с ним, Грейс?

Бельтан посуровел:

— Они пытались превратить меня в убийцу. — Он сжал кулаки, но голос остался подчеркнуто спокойным. — Видно, они не знали, что я уже когда-то был им.

О чем это Бельтан? Тревис вопросительно посмотрел на Грейс.

— Нам не следует беспокоиться. Я не вижу никаких внешних морфологических изменений. А эльф... Я думаю, он вылечил Бельтана. Это все тот же наш доблестный рыцарь, — Грейс улыбнулась, — только немного лучше прежнего.

Бельтан действительно выглядел вполне здоровым. Он широко улыбнулся словам Грейс, и улыбка, как всегда, сделала его лицо еще более обаятельным.

Неожиданно тень заслонила солнце. Вани снова появилась в проулке. Когда только она успела отойти?

— Вот. — Девушка протянула Тревису сверток одежды. — Надень. Мы должны уходить.

Тревис осмотрел одеяния.

— Ты ведь не украла все это? Похоже, воровство на Зее — обычное дело.

Золотистые глаза Вани недовольно вспыхнули:

— Ты не можешь носить здесь свой земной наряд. Он привлечет ненужное внимание.

Тревис тягостно вздохнул. Точно, украла.

Через несколько минут на всех уже была новая одежда. Грейс надела простое светло-зеленое платье, в котором она все равно выглядела как истинная королева. Вани обмоталась огромным куском желтой материи, таким образом скрыв кожаную одежду. Тревис и Бельтан нарядились в длинные белые рубахи, которые доходили им до щиколоток.

Вани протянула Тревису холщовый мешок.

— Спрячь в него свои вещи.

Он засунул свой туманный плащ в мешок, переложил туда же несколько предметов из рюкзака: очки и малакорский кинжал, а также рисунок меча, который Дейдра в свое время отдала Грейс. Затем затянул веревку и закинул его на плечо.

— Ты можешь идти? — спросила Грейс у Бельтана.

Рыцарь утвердительно кивнул:

— Думаю, что могу. Хотя кружка эля придала бы мне больше сил.

— У нас нет времени на эль.

— Глупости, — шутливо заметил Бельтан. — На эль время есть всегда.

Вани двинулась в сторону выхода из проулка.

— Мы сейчас же должны найти моего брата.

— Откуда ты знаешь, что он в Таррасе? — спросил Тревис. — Ты уже несколько месяцев с ним не разговаривала.

— На стене, рядом с местом, где я взяла... то есть нашла одежду, я видела знаки.

Тревис нахмурился:

— Ты знаешь, что твой брат здесь, потому что он хулиган и любит пачкать стены?

— Это тайные знаки, Тревис. Мой народ пользуется ими, когда хочет дать знать о себе. Жители города принимают их за обычные царапины. А теперь идем.

66

Мелия снова танцевала.

Лирит замерла на пороге комнаты, прижав ладонь к губам. Красноватый свет дня струился сквозь окно и тонкие шторы. Они все пытались отдохнуть, но никто не смог уснуть после визита в храм Сифа прошлой ночью, когда они стали свидетелями убийства паукообразного божества. В конце концов уснула только Эйрин, но покой покинул Лирит, и она ушла в комнату Мелии. Она хотела спросить ее кое о чем. Разузнать о пауках.

Фолкен стоял здесь же, у двери, и смотрел на Мелию. Маленькая женщина танцевала на красном ковре в центре комнаты. Каждый ее шаг был элегантен и точен, на пальцах ног сверкали кольца. Она напевала тихую печальную песню, которая снова напомнила Лирит музыку морнишей.

Лирит взглянула на Фолкена:

— Как давно это с ней?

— Не знаю точно, — сказал он тихо. — Она ушла в свою комнату около часа назад. Я здесь нахожусь всего несколько минут.

Мелия обернулась, поклонилась и снова закружилась в танце. Это был тот же танец, который Лирит видела раньше, в усыпальнице Манду в Ар-Толоре. Однако теперь в нем чувствовалась сосредоточенность и упорство, которых не было в прошлый раз.

Лирит сжала амулет у себя на шее.

— Что она делает, Фолкен?

— Я думаю, повторяет свою легенду.

— Свою легенду?

— Да. Историю того, как она стала богиней.

Бард оторвал взгляд от Мелии.

— У каждого из новых богов ест· своя легенда — история, на которой зиждется их культ. Подобно истории Ватриса, который зарезал белого быка, и разлившаяся красная река крови затушила пожар в его королевстве. Или Йорус, Повелитель Гроз, которого бросили в море — он превратился в коня, поскакал по волнам и уничтожил врагов.

— Или как Тира, — добавила Лирит.

Фолкен поднял руку к подбородку.

— Да, в отношении Тиры ты права. Как Тира, сгоревшая в огне и вознесшаяся звездой в небеса.

— А какая легенда у Мелии? Я о ней не знаю.

— Послушай, — сказал бард.

Только тогда Лирит поняла, что Мелия перестала петь. Она говорила, произнося слова нараспев. Мелодия изменялась в такт ее движениям.

— ...что я не выйду за него замуж, сестра. Ведь прошлой ночью я слышала, как он, захмелевший от вина, хвалился за столом перед другими. Это он убил наших людей, это он пролил их кровь на землю. Это он отнял у нас отца и мать. Это он разорвал наших братьев и разбросал их останки на радость стервятникам.

Движения Мелии изменились, как изменился и ее голос, становясь все тише и тише, как будто говорил кто-то другой. А возможно, так оно и было.

— Но его слово — закон, Мелиндора. Ты не смеешь отказать ему, или он убьет нас обеих и тех немногих из наших людей, кто еще остался. Он выбрал тебя, и что бы ты ни делала, он не изменит свою волю, если только ты не потеряешь девственность от другого мужчины. Однако ни один мужчина не прикоснется к той, кого выбрал он. Это равносильно смерти.

Снова изменились движения Мелии и ее голос.

— Ни один мужчина не прикоснется ко мне? Очень хорошо, сестра. Тогда ни с кем не разделю я ложа, ни за кого я не выйду замуж, и ни один мужчина не спасет меня от постели убийцы. Там — ты видишь его, такого прекрасного и сияющего? Он всегда был моим другом. Я выйду замуж за месяц в небе. Я буду танцевать танец единения с его бледным светом и стану его женой.

Лирит смотрела на Мелию в изумлении. Как могла молодая женщина, пронзенная горем оттого, что ее заставляют выйти замуж за военачальника, убийцу ее семьи, обручиться с

месяцем? Однако потому-то эти истории и назывались волшебством. Если желание было сильным, иногда происходило невозможное, и тогда рождались бог или богиня.

— Лирит? — прозвучал холодный голос. — Фолкен? Что вы делаете здесь? Насколько я помню, это мои покои.

Мелия остановилась и уперла руки в бока. Ее брови насупились.

Фолкен вздохнул:

— Дорогая...

Этого слова оказалось достаточно. Мелия оглядела себя и снова подняла глаза вверх:

— Я что, снова... Я снова отключилась?

Лирит без колебаний кинулась к богине и крепко обняла ее.

— Ты такая смелая! Ведь ты отказалась стать его женой!

Мелия вся съежилась, но потом как будто оттаяла в объятьях девушки.

— Или глупая, моя дорогая! У богов есть свои секреты. Но это было так давно, все осталось в далеком прошлом.

— Да, Мелия. Все это было действительно очень давно. Тем не менее, видимо, для тебя все так же реально, как и то, что происходит сейчас, — задумчиво произнес Фолкен.

Мелия отвернулась.

— А временами даже более реально, — Она снова повернулась к нему. Глаза ее были сухими. — Я не знаю происхождения моих чар, Фолкен. Мои удивительные способности пробуждаются во мне без всякого предупреждения и засыпают так же внезапно. Но теперь я знаю, что не одинока.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Вчера вечером я провела совет с моими братьями и сестрами. По крайней мере с теми, кто захотел разговаривать со мной. Мы — большая семья, и, как в любой семье, у нас случаются ссоры.

Лирит поразило то, что Мелия, видимо, разговаривала с другими богами, даже не покидая гостиницу. В то же время разве люди не разговаривают с богами один на один, тайно, в священной тишине? Это называется молитвой. И у Лирит появилось подозрение, что молитвы Мелии были лучше услышаны, нежели молитвы обыкновенных верующих.

— Что ты имеешь в виду, Мелия? — спросил Фолкен.

Богиня подошла к окну. Яркий свет отражался от поверхности золотых куполов.

— Не только я, многие из богов рассказывают свои волшебные истории. Их чувства гораздо глубже, ведь я-то уже больше не богиня. Не просто страх заставляет богов молчать. Мно-

гие боги так заняты воспоминаниями о древних временах, что не отвечают даже на молитвы своих верховных жрецов.

— Это могло бы объяснить хаос, царящий в Этерионе, — сказала Лирит, обдумывая слова Мелии. — Похоже, жрецы не получают наставлений от своих богов. Это пугает их. А страх делает людей злобными и заставляет защищаться.

— Думаю, ты права, дорогая, — согласилась Мелия.

— Итак, кто-то не только убивает богов, но еще и следит за тем, чтобы не возникло препятствий. Налагая заклятия, эти злоумышленники добиваются того, что боги погружаются в мечты о прошлом. Но кто может делать все это? — Фолкен слегка развол-новался.

Мелия подошла к барду.

— Я не знаю. Но это происходит довольно давно, а император никак не откликнулся. Мне все равно, кого придется подкупить, сегодня я отправлюсь в Первый Круг, чтобы увидеться с ним.

Эйрин и Даржа они нашли в главном зале. Мадам Вил прислала наверх кувшин охлажденного сока магры, и Дарж выпил большую часть его сам.

— Что-нибудь случилось? — В глазах Эйрин отразилось волнение.

Фолкен усмехнулся:

— Я полагаю, мы собираемся на встречу с императором.

Спустя несколько минут они шли по шумным улицам Четвертого Круга, направляясь к главному проспекту города. Мелия шагала столь стремительно, что людям приходилось отскакивать в стороны, чтобы дать ей пройти.

— Как интересно, — сказала Эйрин, идя рядом с ней.

Лирит вопросительно посмотрела на юную баронессу.

— Вон там, в фонтане!

Лирит проследила за взглядом Эйрин. На другой стороне площади, в огромном фонтане, радостно смеясь, плескалась немолодая чета. Двое маленьких детей стояли рядом, скрестив руки, с выражением явного неудовольствия на круглых личиках.

Лирит остановилась и укоризненно посмотрела на них.

— Но это бессмысленно.

— Я знаю, — рассмеялась Эйрин. — Должно быть наоборот? Похоже, они все перепутали.

Слова Эйрин почему-то встревожили Лирит. Где же еще она слышала подобное? Потом она вспомнила об уличном торговце, о сомнении в его глазах, когда он лил вино прямо на тротуар. «Я все делаю не так. Все не так...»

Лирит охватило странное чувство. Что-то здесь происходило. Что-то очень важное.

Эйрин заметила ее беспокойство.

— Сестра, что случилось?

Лирит собралась было ответить, но ее отвлекло какое-то движение. Двое мужчин стояли у входа в аллею. Она увидела блеск переходящих из рук в руки монет, потом один из мужчин вышел на улицу с деревянной кружкой в руке. Он опрокинул содержимое кружки на землю, бросил ее и торопливо пересек площадь. Затем прислонился к стене и соскользнул вниз, на мостовую, присоединившись к другим сидящим мужчинам и женщинам.

Лирит наклонилась и подобрала кружку, которую только что выбросил человек — она была уверена, что найдет в кружке остатки Эликсира Прошлого. Понюхав кружку, закашлялась и отбросила ее. Это было дешевое вино с добавлением обычных горьких трав. В нем не оказалось ничего волшебного, ничего из того, что могло бы заставить людей погружаться в видения.

Но если это не так, сестрица, тогда что же заставляет их жить исключительно прошлым?

Ее взгляд снова скользнул по стене. Подобно остальным, мужчина уставился в пространство пустым взглядом. Его лицо облепили мухи, лиловые губы застыли в бессмысленной улыбке.

Прикосновение к ее руке заставило Лирит обернуться. Рядом стояла Эйрин в полном смятении. Однако прежде чем она смогла заговорить, к ним подошел Дарж.

— Миледи, Мелия и Фолкен уже далеко впереди. Мы не должны отставать.

— Эйрин, Дарж, — быстро заговорила Лирит, — вы не заметили ничего странного со времени нашего прибытия в Таррас?

Рыцарь погладил усы.

— Ты имеешь в виду что-нибудь еще, кроме укрепления жилищ и убийства богов?

Лирит с трудом удержалась от стона:

— Да, Дарж, кроме этого.

Эйрин пожала плечами, а Дарж через мгновение кивнул.

— Теперь, когда вы заговорили об этом, миледи, я вспомнил. Я там видел мальчика, в Четвертом Круге. Он плакал прямо на улице.

— В этом нет ничего странного, Дарж, — сказала Эйрин. — Дети часто плачут.

Рыцарь вздохнул:

— Особенно, как мне кажется, когда я оказываюсь рядом. Но на мальчике была мантия жреца. Мантия явно для взрослого.

Холодок пробежал по спине Лирит, несмотря на жаркий воздух. Что означал рассказ Даржа? Как бы то ни было, одно она знала точно. Не только боги опутаны нитями времени в этом городе, но и их служители — люди Тарраса.

И ты сама, сестрица.

Воспоминания вернулись, гнетущие и мрачные. Лирит решительно отбросила их. Она не станет заложницей прошлого, как те люди, сидевшие возле стены.

— Идемте, — сказала она. — Не надо заставлять Мелию ждать.

Как только они поравнялись с бардом и его спутницей, Эйрин тут же проникла в сознание Лирит.

За нами следят, сестрица.

Лирит быстро кинула нить в Паутину жизни. Да, совсем рядом мелькнула какая-то тень. За ними явно следили.

Девушка снова услышала голос Эйрин.

Ты думаешь, это тот, который покушался на твою жизнь?

Лирит попыталась определить это. Близость человека в черных одеждах наполнила ее дурным предчувствием. Эта тень походила на ту, что она часто замечала, путешествуя к югу от Тарраса. Ее присутствие не столько пугало девушку, сколько вызывало тревожное любопытство.

Она на мгновение задумалась, потом прикоснулась рукой к руке Даржа, используя эту связь, чтобы приблизить свою нить к его.

Дарж!

Лирит почувствовала удивление и страх, охватившие старого рыцаря. Конечно, когда она прикоснулась к нему так в прошлый раз, она крала его воспоминания. Но теперь она только хотела передать ему информацию без слов, которые могли бы быть увидены и подслушаны. Она сильнее сжала его руку.

Пожалуйста, Дарж. Не вырывайся. За нами следят. Слева и сзади. Там, в тени, позади груды глиняных горшков. Ты видишь?

Лирит использовала Паутину, чтобы создать в его мыслях образ, и почувствовала, что он понял. Она отпустила нить и услышала рядом вздох. Однако когда взглянула на Даржа, его лицо было полно решимости. Сегодня большой меч рыцаря находился у него за спиной. Руки Даржа нетерпеливо сжимались и разжимались, готовые пустить его в ход.

Шедшие впереди Мелия и Фолкен свернули на другую улицу. Лирит, Эйрин и Дарж последовали за ними. Как только они свернули за угол, эмбарец был уже готов к бою. Он достал меч и прижался к стене.

Помоги мне, сестра!

Это голос Эйрин.

Лирит сразу поняла, что хотела сделать ее сестра. У Эйрин была сила, но ей не хватало опыта и умения.

Лирит протянула невидимые руки вперед, направляя их к рукам сестры. Они вместе сплели нити Паутины жизни в тонкий занавес. Все было сделано на одном дыхании. Любой, кто посмотрел бы на них, увидел бы только пустую стену.

Надо подождать. Вот фигура в черном появилась в поле их зрения. Незнакомец двигался очень осторожно. Когда фигура поравнялась с ними, Дарж вышел за пределы чар невидимости.

Тень попыталась ускользнуть, но рыцарь действовал быстро. Его меч сверкнул как молния, и острие замерло в сантиметре от сердца врага. Преследователь замер. Эйрин и Лирит выступили вперед, когда заклинание утратило свое действие.

— Покажись! — прогремел Дарж.

Фигура колебалась какое-то время, затем подняла две коричневые руки и откинула капюшон. Лирит посмотрела незнакомцу в глаза, и ее сердце замерло.

— Приветствую тебя, *бешала*, — сказал человек звучным глубоким голосом. Его красивое лицо выражало замешательство.

У Эйрин захватило дух. Дарж что-то проворчал.

— Я узнаю тебя, — сказал он, опуская меч. — Ты тот морниш, который отвел нас к повозке старухи в Ар-Толоре.

Сарет уже раскрыл рот, но тут подошли Мелия и Фолкен.

— Вот ты где, — с упреком сказала Мелия. — У нас нет времени на пустяки. Если мы... — Ее янтарные глаза сверкнули. — О, я вижу, тебя отвлекли.

Фолкен внимательно посмотрел на Сарета:

— Итак, кто же твой друг, морниш?

Лирит попыталась говорить, но казалось, что сердце застряло у нее в горле. Тело покрылось потом.

— Сарет! — позвал женский голос.

Они оглянулись, пытаясь увидеть обладателя этого голоса.

— Сарет.

Теперь голос звучал ближе. Сарет обернулся, глаза его расширились, и он скинул с себя мантию.

— Вани!

Теперь Лирит увидела ее — женщину, укутанную в желтое, чья кожа и глаза были такого же медного оттенка, как и у Сарета. Женщина отличалась безукоризненной красотой. Она грациозно и быстро приближалась к ним. К неудовольствию Лирит, она бросилась к Сарету, и морниш заключил ее в объятия. Их глаза радостно сияли.

— Вани, — прошептал он, и его голосом ясно говорила любовь. — Как такое могло случиться? Как ты оказалась здесь?

Лирит тоже хотелось это узнать. Сарет следил за ними от самого Ар-Толора. Следил за *ней*, хотелось бы верить. Однако почему эта странная женщина кидается к нему в объятия, и он совершенно против этого не возражает?

Она отвернулась, чтобы не наблюдать кошмарный спектакль долее, однако тут Эйрин вдруг ахнула, а Дарж негромко выругался.

Лирит проследила за их взглядами, и ее тоже охватило изумление.

Вслед за странной женщиной к ним подошли еще три человека: высокий светловолосый мужчина, еще один, лысый мужчина, и женщина истинно королевского облика. Лирит покачнулась, и если бы не стена рядом, наверняка не удержалась бы на ногах.

— Сестра, — прошептала она, но к тому моменту, когда ей удалось громко произнести это, Грейс уже подошла к ним вместе с Тревисом и Бельтаном.

Они все улыбались, лица у них были счастливые и удивленные, как и у самой Лирит.

— Дорогие мои! — радостно воскликнула Мелия. — Вы так вовремя!

67

Странно, несмотря на всю внешнюю суету приготовлений к возвращению на Зею, Грейс не переставала думать о своей жизни в родном мире. Никогда раньше она не испытывала таких светлых чувств, не могла припомнить, чтобы когда-то в своей жизни смеялась так радостно, так свободно, обнимала других с такой легкостью, как здесь, на Зее.

Симптомы ясны, доктор. Вам радостно. Это явно не то, к чему вы привыкли, но, я слышала, для жизни это совсем не опасно. Возможно, когда-нибудь вы даже привыкнете к этому.

Опасная привычка.

Слишком много объятий и разговоров. По правде говоря, так много, что они стали привлекать к себе взгляды прохожих. Хорошо, что человек, которого Вани назвала Саретом и который, судя по его темной коже и чертам лица, явно был ее братом, отвел их в затемненный грот. Там, в прохладной тени, они смогли спокойно поговорить вдали от жгучих лучей солнца и любопытства окружающих.

Как бы Грейс ни была рада видеть своих друзей, было кое-что еще, чего она так сильно жаждала все эти месяцы, пока находилась на Земле. Как только они ступили под своды грота, она позволила себе закрыть глаза, протянула вперед руки и коснулась Паутины жизни.

Ее тело затрепетало. На Земле все было таким неприятным и грязным, что она забыла это удивительное ощущение. Нити жизни сплетались вокруг нее в сложную паутину, мерцающую и безупречную...

Нет, Грейс, не безупречную.

Ее охватило сомнение, и она стала осматриваться по сторонам. Что-то было не так. Но что? Каждая нить, которой она

касалась, была яркой, безукоризненной. Потом она осознала. В больнице она научилась понимать, что иногда истинно не то, что видишь, а то, чего не видно. Она пробежала глазами по ним — маленьким темным пятнышкам на паутине — местам, где надлежало сиять нитям, но которые теперь были пусты.

Грейс, с тобой все в порядке?

Голос Эйрин снова прозвучал в ее сознании. Глаза Грейс все еще были закрыты, однако она отчетливо видела Эйрин. Очертания молодой женщины сияли в светло-голубом свете ее жизненной нити.

Я... Я не уверена, только и смогла ответить Грейс.

Затем она увидела Лирит. Очертания ее фигуры казались еще более расплывчатыми.

Ты видишь, сестра, правда? Повреждения в Паутине.

Грейс попыталась объяснить.

Не совсем. Ощущение такое, что я чувствую не все, что должна чувствовать. Как будто некоторых нитей не хватает.

Волна печали и страха нахлынула и на Лирит.

Я знаю, куда они пропали, сестра...

Нить Лирит достигла нити Грейс. Нити соединились. В воображении Грейс пролетали образы, и в какое-то мгновение она увидела все: спутанный клубок и Паутину жизни.

Ее глаза широко распахнулись:

— Что это?

Лирит вздохнула:

— Я не уверена. Но я говорила с Мелией, она считает, что это связано с тем, что происходит сейчас в Таррасе.

Грейс силилась понять.

— О чем ты говоришь? Что происходит в Таррасе?

Она была потрясена и сказала это так громко, что Фолкен обернулся.

— Хороший вопрос, Грейс. Ты вернулась в темные времена. Я не знаю, как объяснить тебе коротко. Скажу только, что богов убили — троих богов, — и мы сейчас идем к императору, чтобы хоть как-то изменить сложившуюся ситуацию.

— Нет, — прозвучал низкий голос морниша.

Все как один повернулись к Сарету.

— Вы не должны идти во дворец. Угроза для вас слишком велика. Вы должны немедленно покинуть город.

Дарж сердито посмотрел на него:

— Почему ты преследовал нас? Не ты ли причина грозящей нам опасности?

Вани подошла к Сарету. В ее глазах читалась тревога.

— Сарет, что происходит? И что произошло с тобой?

Ее взгляд скользнул вниз. Грейс посмотрела туда же. Она поняла, что у него ампутирована нога, прямо под коленом. А в этом необычном мире не существовало изготовленных на заказ протезов натурального цвета. Левая нога Сарета оканчивалась деревяшкой.

Сарет взял руку Вани и сжал ее. Заметив это, Лирит отвернулась.

— Я должен многое рассказать тебе, — ответил Сарет, пристально глядя на Вани. Потом он посмотрел на остальных. — Полагаю, нам всем нужно много рассказать друг другу. Но в Таррасе вам находиться небезопасно. Будет лучше, если вы сейчас последуете за мной. Наш фургон находится недалеко от города. Там можно будет спокойно обо всем поговорить.

Грейс отметила подозрение на лице Даржа. Фолкен и Мелия обменялись взглядами и безмолвными посланиями. Грейс не знала, почему они сейчас находятся в Таррасе или почему Сарет следовал за ними. Но Сарет был братом Вани, а Вани сделала для них гораздо больше, чем просто спасла жизнь. Она доказала свою преданность и дружбу.

— Вы должны доверять ему. — Грейс решила высказать свое мнение. Она взглянула на Вани: — Вы должны доверять им обоим.

Дарж спрятал в ножны меч, как будто слова Грейс были приказом, и поклонился Сарету и Вани.

— Вы друзья моей госпожи, и я оскорбил вас. Я уверен, что моя госпожа сурово накажет меня. — В словах рыцаря слышалось смирение.

— Нет, мой дорогой страж, — произнес Сарет. — Ты совершенно прав, что был настороже, особенно здесь. Мы поговорим об этом позднее. Сейчас же нам пора уходить.

Мелия полетела вперед.

— Надо по крайней мере зайти в гостиницу и уладить вопросы с мадам Вил.

— Не удастся, — сказал Сарет.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурился Фолкен.

— «Дома Девяти Фонтанов» больше нет.

— Что ты говоришь, как больше нет? — У Эйрин перехватило дыхание.

Сарет резко взмахнул рукой.

— Я говорю, что его нет. Как и храма Сифа. Там, где еще утром была гостиница, теперь огромная пустая яма.

Грейс не знала, как здание может просто так улетучиться, но по выражению лиц других поняла, что они-то об этом догадывались.

Мелия в волнении прижала руку к груди.

— Сколько? Сколько людей было внутри?

— Никто не знает точно, — ответил Сарет. — Около десятка гостей и слуги. И хозяйка гостиницы.

На щеках Эйрин засверкали слезы.

— Мадам Вил. Но почему? Зачем им делать такое?

Лирит с трудом подбирала слова:

— Они узнали, где мы остановились, и попытались уничтожить нас.

Сарет колебался какое-то мгновение, затем кивнул.

— Ты ведь знаешь, как они делают это? — заговорил Фолкен. — Ты знаешь, как они заставляют здания исчезать?

— Я расскажу тебе, старец. Только не здесь.

Сарет огляделся, как будто в ожидании нападения.

— Внимание всем, — возвысил голос Фолкен. — Ради нашей безопасности предлагаю передвигаться по городу настолько быстро, насколько это возможно.

Тревис положил руку на плечо Бельтану.

— Ты можешь идти?

Тот, казалось, был не вполне уверен в своих силах, но через мгновение решительно кивнул и взял руку Тревиса в свою.

Вани отвернулась от них и подошла к Сарету.

— Идем, — сказала она.

Ее голос был столь же безжизненным, как и взгляд.

68

Наступил вечер. Грейс и Лирит шли следом за Вани по дорожке, что вела по склону каменистого холма в полулиге к северу от Тарраса. Они покинули грот небольшими группами, с перерывами в четверть часа, чтобы не вызывать подозрений. Однако Даржу не нравилось, что замыкают процессию Лирит, Вани и Грейс.

— Три женщины не должны передвигаться без сопровождения, когда вокруг опасность, — настаивал рыцарь.

Грейс взглянула на Вани и улыбнулась:

— Думаю, вам не стоит волноваться за дам.

Теперь Грейс и Лирит изо всех сил пытались успевать за Вани, которая стремительно поднималась вверх по склону. И вдруг, когда Грейс почувствовала, что больше не выдержит такого темпа, тропинка резко оборвалась.

Они взошли на вершину холма — плоское пространство, поросшее деревьями итайя, которые, словно колонны, возносились к небу. Итайя также назывались деревьями солнечных листьев, и Грейс сразу поняла почему. Тонкие и узкие желто-зеленые листья улавливали солнечный свет и рассеивали его, превращая в нежную золотистую дымку.

На противоположном краю рощи холм резко обрывался, и Грейс поняла, что они, должно быть, взобрались на вершину одного из белых утесов, что вздымались высоко над городом. Далеко внизу виднелся Таррас — пять концентрических кругов из белого камня, сверкавшие в солнечном свете купола храмов. Грейс обернулась, чтобы поделиться с Лирит впечатлением, но...

Она, видимо, не заметила его, когда они вошли в рощу. Он прятался там, среди деревьев. Крылья сложены, шея изогнута, а покрытое чешуей тело и ящерообразная голова не оставляли сомнений.

— Лирит, там дракон! — пробормотала она со смешанным чувством страха и изумления.

Лирит усмехнулась. Грейс едва смогла оторвать взгляд от этого существа, чтобы взглянуть на нее. Как Лирит может смеяться над драконом?

— Присмотрись! — улыбнулась Лирит.

Грейс обернулась и снова ощутила холодок страха, который рассеялся, когда она заметила наконец облупившуюся краску, колеса на спицах и маленькую зеленую дверцу на том месте, где должен быть хвост дракона.

Это была повозка. Теперь Грейс различала среди деревьев и другие повозки в форме разных животных, фантастических и реальных. Там были жаба, кролик, улитка, а также единорог и крылатый лев. Меж деревьев и повозок реяли флаги, люди в ярких одеждах двигались по кругу. Несколько человек вышли навстречу путникам. Грейс увидела Тревиса, Бельтана, Мелию и Сарета. Дарж, Эйрин и Фолкен шли позади них.

Вани направилась прямо к ним, Грейс и Лирит следом.

— Не беспокойся, сестра, — сказала Лирит. — Я тоже в свое время обманулась.

Ее слова поразили Грейс.

— Ты хочешь сказать, что встречалась с народом Вани и Сарета раньше?

— Не совсем так, сестра. Они пришли в Ар-Толор в конце лета, и Эйрин, Дарж и я отправились посмотреть на них. Но я слышала, что нельзя на самом деле близко узнать морнишей.

— Ты хочешь сказать — морндари, — произнесла Грейс.

Темноволосая колдунья покачала головой. Она явно никогда раньше не слышала этого слова. Обе группы теперь собрались в самом центре рощи.

— Вани, — обратилась Грейс, — ты не говорила нам, что морндари и есть твой народ.

— Так мы сами называем себя. По-фаленгартски мы называемся морниши, или кочующий народ. Хотя чаще нам дают имена куда менее лестные.

Фолкен почесал подбородок:

— Морндари. Почему мне это слово кажется знакомым?

Вани взглянула на Сарета, тот кивнул.

— Это значит народ Моринду, — сказала Вани.

Выцветшие глаза барда широко раскрылись:

— Моринду? Ты имеешь в виду Мрак Моринду, затерянный город магов? — Он ошеломленно посмотрел на Мелию.

Янтарные глаза богини сверкнули:

— Признаю, я часто размышляла о том, правда ли это.

Неожиданно чей-то пронзительный голос донесся из открытой двери фургона в форме дракона:

— Сарет, где они? Приведи их ко мне, сейчас же! Я могу умереть в любой момент.

Сарет усмехнулся:

— Глупости, аль-Мама. Ты точно знаешь, когда отправишься в Большое Путешествие. Ты мне сама говорила, что тебе об этом поведали карты.

— Эй, где ты, негодник? — снова пронзил воздух голос. — Я наложу на тебя *вакша* на моем смертном одре, слышишь ты меня? Давай сюда!

— Что такое вакша? — спросила Грейс.

— Проклятие, — ответила Вани, улыбнувшись.

Бельтан сжимал в руке глиняную кружку.

— На твоем месте я бы пошел.

Он отхлебнул из кружки, поморщился, но заставил себя проглотить ее содержимое.

Эйрин скривилась:

— Бельтан, этот лечебный чай, который аль-Мама заварила тебе, ужасно пахнет. Как ты вообще можешь пить его?

— Она сказала, что я должен выпить все, иначе она наложит вакша, от которого у меня...

Он покраснел и быстро отпил еще глоток.

Вани направилась к фургону.

— Сейчас моя аль-Мама заглянет в ваше будущее, — пояснил Сарет Грейс и Лирит. — Остальных она уже видела.

Лирит отвернулась и скрестила руки на груди.

— Я остаюсь здесь. Я уже знаю свою судьбу.

Сарет поглядел в спину Лирит, но Грейс не смогла понять выражения его глаз.

— Сюда, — пригласил он, и Грейс прошла за ним и Вани в фургон.

Глазам Грейс потребовалось время, чтобы привыкнуть к мраку тесного помещения. Потом она уловила легкое движение и различила худую, похожую на птицу фигурку, завернутую в одеяла.

Женщина, лежавшая на лавке, была очень старой. Точное определение возраста потребовало бы более близкого рассмотрения, но даже так Грейс была уверена, что ей перевалило за сто лет. Руки старухи походили на высохшие палки, нос — на клюв грифа, а вот глаза ее были живыми и ясными, как луна в полнолуние.

— Оставь нас, Сарет, — проскрипела старуха.

Грейс слышала, как его деревянная нога гулко застучала по деревянным ступеням. Она раскрыла рот, не зная толком, что хотела сказать.

— Закрой рот, девочка, и дай мне посмотреть на тебя, — произнесла женщина своим неприятным голосом.

Грейс поспешно закрыла рот.

— Ай-ай-ай. — Женщина покачала головой и заулыбалась, показывая единственный сохранившийся зуб. — Какая же ты худышка! Я думала, что ты совсем другая! Однако внешность порой обманчива, не так ли? — Она захихикала, касаясь своей почти лысой головы. — Теперь дай мне свою руку.

Пока Грейс пребывала в замешательстве, костлявая рука высунулась из-под одеяла, и тонкие пальцы сжали ее запястье с поразительной силой, притягивая к себе. Старуха перевернула руку Грейс ладонью вверх и принялась изучать ее. Затем снова захихикала:

— Да-да, я вижу это в тебе. Ты сильна, девочка. В конечном счете, возможно, ты даже сильнее всех остальных. Многие сломаются, прежде чем все завершится, но только не ты. Именно ты будешь сильнее всех. В этом твоя судьба.

Грейс с трудом могла дышать. Нет, старуха ошибается. Она не была сильной. Она чувствовала себя усталой, духовно сломленной, ненужной, как вещь, которой попользовались, сломали и выбросили прочь. Даже теперь она могла видеть тень, такую же голодную, как и те бестелесные существа в пустоте между мирами.

Она вырвала свою руку.

Старуха недовольно заворчала:

— Не думай, что я ничего не вижу. На тебе лежит тень более тяжелая, чем на других, — память о прошлом. Те, кто говорит, что прошлое не может вредить, — лгут. Оно может поглотить твою суть и оставить только пустую оболочку. Но, — старуха наклонилась ближе, ткнув пальцем в грудь Грейс, — только если ты позволишь ему.

Грейс с трудом пыталась найти слова.

— Но вы сказали, что верите в судьбу. Что, если у меня нет выбора?

— Перестань! — Старуха недовольно махнула рукой. — Судьба такова, какой ты сама ее сделаешь. Каждый день нам приходится выбирать по тысяче раз на день. Повернуть налево

или направо? Выпить воды или вина? Судьба — это то, куда нас в конечном счете заводят наши решения. Не больше и не меньше. Если ты не можешь избежать судьбы, это не значит, что ты не можешь подправить ее.

Грейс в сомнении покачала головой, потом задумалась. Пожалуй, слова старухи не такие уж безумные. Эти рассуждения похожи на теорию хаоса, а не на волшебство.

Хаотичные системы безнадежно сложны. Ты знаешь это, Грейс. Бесконечное количество факторов сработают вместе самым непредсказуемым образом. Ты не можешь контролировать их, это тоже может быть судьба.

Несмотря на смятение, владеющее Грейс, слова женщины подарили ей крошечную толику надежды.

Вани опустилась на колени у постели старухи.

— Что ты увидела для него, аль-Мама?

— Кого ты имеешь в виду, дитя?

— Ты прекрасно знаешь, кого я имею в виду, аль-Мама. Тревиса Уайлдера.

Старуха пожала острыми плечами:

— А что, по-твоему, я увидела? Это он и есть. Ты это знаешь, так же как и я. Но он не такой, как я ожидала. На его руках нет знаков. Даже у младенца есть линии на руках, Вани, но не у него! — Она прищелкнула языком. — У этого человека нет ни прошлого, ни будущего.

Вани отпрянула, как будто старуха ударила ее.

— Значит, у него нет судьбы?

— Поэтому ты думаешь, что он подправить ее? — Старуха скрестила руки, и на ее костлявых запястьях блеснули браслеты. — Возможно, дитя мое. Я об этом не подумала. Или не посмела подумать. Моим старым костям не вынести таких тайн. Впрочем, как знать, может, ты права. Возможно, он действительно один из Бессудебных. Давно было сказано, что только они могут войти в покои, где спит Ору, и их разум не погрузится в безумие. И если он действительно один из них...

Вани и старуха зажмурились. Грейс с трудом шевелила пересохшим языком:

— О чем вы говорите?

— Идем, — сказала Вани, поднимаясь. — Мы должны дать аль-Маме отдохнуть.

Грейс запротестовала, но Вани уже подталкивала ее к выходу.

— Позаботься о ней, Вани, — проговорила старуха. — Он никогда не доберется до Города Тайн без нее. Ее будущее яснее всех других.

Занавеска сомкнулась. Грейс скатилась по ступенькам и оказалась среди качающихся деревьев итайя. Солнце село,

и небо превратилось из темно-синего сапфира в желтовато-зеленую яшму. Из-за моря поднималась луна, в десятки раз большая, чем на Земле.

Сарет ждал их.

— Расскажите мне все, что она сказала.

Вани кивнула, взяла Сарета за руку, и они вдвоем стали прогуливаться по роще, о чем-то переговариваясь.

Грейс услышала за своей спиной вздох. Она обернулась и увидела Лирит.

— Где остальные? — спросила Грейс.

Взгляд карих глаз Лирит был устремлен в сгущающуюся тьму.

— Он ведь любит ее?

О чем это она?

— Любит ее! Я уверена!

В волнении Лирит стала ходить взад-вперед.

— Тем лучше для него. Надеюсь, что они... что они будут счастливы, когда поженятся.

— Поженятся? О чем ты говоришь, Лирит?

Юная колдунья кивнула в темноту.

— Вани и Сарет. Если они любят друг друга, разве они не поженятся?

Теперь Грейс поняла. Как же она сразу не заметила? Но опять же, можно прослушать сердце человека стетоскопом, однако нет такого инструмента, который позволял бы узнать, что творится в его душе.

Она коснулась руки Лирит.

— Вани и Сарет любят друг друга, потому что они брат и сестра.

— Брат и сестра? — Лирит не верила своим ушам. — Ты хочешь сказать...

Она отвернулась, закрыв лицо руками. Грейс показалось, что Лирит всхлипнула. Она обняла подругу.

— Грейс! Вот ты где!

Она обернулась, вместе с ней обернулась и Лирит. Это был Тревис. Он посмотрел на Лирит.

— А что ты?..

— У нас все в порядке, — быстро ответила Грейс.

Тревис кивнул:

— Идем. Фолкен в ярости, он желает поговорить с Саретом. Похоже, они собираются сначала устроить нам пир. Я полагаю, не часто морниши — мордари — принимают в свой круг гостей, но уж если делают это, то с шумом.

Грейс посмотрела на Лирит. Глаза колдуньи светились в темноте.

Со мной все хорошо, сестра.
Грейс крепче сжала руку Лирит.
— Показывай дорогу, — приказала она Тревису.

69

За долгие тысячелетия странствий морниши утратили многие из своих традиций, но только не искусство устраивать пиры.

Тревис наблюдал за тем, как горящие искры поднимались из костра к странным звездам вместе с необузданными звуками музыки. В его животе, казалось, поместилось больше перченого мяса, лепешек и оливок, чем это представлялось физически возможным. В руке он держал кружку какого-то красного пряного вина. Приятное тепло, разливающееся по телу, было вызвано не только пламенем костра.

Тревис стоял на краю светового круга возле Эйрин, Лирит и Даржа, а другие собрались на противоположной стороне костра. Мелия и Фолкен восседали на грудах подушек, подобно особам королевского происхождения. Некоторые из морнишей сидели на земле и играли кто на барабанах, кто на флейтах, кто на инструментах, похожих на скрипку, а также на других инструментах, которых Тревис не знал.

Те из морнишей, кто не играл сам, танцевали под музыку. Даже дети играли и танцевали. Девочки были одеты в яркие платья и шарфы, мальчики — в широкие штанишки и цветастые рубахи.

Все морниши — старики и дети — носили украшения: браслеты, ожерелья, кольца на руках, ногах, в ушах и носу. Однако Тревис заметил татуировку только у Вани. Это были странные символы, которые причудливым узором обвивали ее руки и шею. Грейс сказала, что это символы для обучения.

Она убийца, Тревис. Т'голы все такие. С раннего детства Вани учили искусству убивать людей самым быстрым и эффективным способом.

Они с Грейс отошли от костра, чтобы поговорить.

— Они считают, что ты а-нарай.

— А-нарай?

— Это значит Бессудебный. Бабушка Вани и Сарета сказала, что у тебя нет ни прошлого, ни будущего, потому что на твоих руках больше нет линий.

— Так вот что они имеют в виду. Старуха — она сказала, что не в моей власти и судьбе раскрыть Моринду, но что судьба морниша в том, что они обретут Моринду через меня. Сложно понять.

— Согласна. И что еще сложнее понять, что они считают — именно я отведу тебя к потерянному городу Моринду, чтобы ты возродил его из пустыни для них. По ее словам, это моя судьба.

— А что ты думаешь о своем предназначении, Грейс?

Грейс молча махнула рукой, и Тревис так и не смог решить, что хуже — знать свою судьбу или не знать совсем.

Кто-то из танцоров закружился прямо перед Тревисом. Когда они остановились, он увидел женщину-морниш в наброшенной на плечи пестрой шали.

— Потанцуй со мной, — весело позвала она.

Тревис собрался было ответить отказом, но вдруг понял, что слова обращены не к нему, и взгляд темных карих глаз женщины устремлен не на него, а на Даржа или, точнее, на широкую грудь Даржа, которая виднелась из-под его расстегнутой рубахи. Женщина накинула шаль ему на шею и потянула за собой к музыке и свету.

— Миледи, так нельзя! — пробормотал Дарж.

— Можно, среди моих людей можно, скажи «да». Ты — среди моих людей.

Дарж в надежде посмотрел на Тревиса, но Тревис лишь улыбнулся и помахал ему рукой, зная, что ничто не поможет несчастному рыцарю. Женщина потянула его в самую гущу толпы.

— Бедный Дарж, — вздохнула Эйрин. — Он, должно быть, чувствует себя не в своей тарелке.

— Не думаю, сестрица, — засмеялась Лирит, — у него, кажется, все в порядке.

Лирит была права. Женщина использовала шаль, чтобы заставить Даржа танцевать, но рыцарь быстро освоил сложные «па» и теперь довольно искусно двигался в такт движениям своей партнерши. Она спустила шаль ему на бедра и притянула рыцаря поближе к себе.

Эйрин недобро прищурилась, ее левая рука сжалась в кулак.

— Эта... эта шлюха, надеюсь, не думает, что может заполучить Даржа?

— Нет, сестра. Они не могут... — голос Лирит дрогнул, — то есть я слышала, что они никогда не вступают в брак вне клана.

Эйрин не совсем поняла, о чем речь, а Лирит отвернулась от костра, и ее лицо скрыла тень. Может быть, Лирит слишком много выпила? Тревис хотел подойти к ней, но остановился. Он увидел еще одну фигуру, вдалеке от света и музыки. Несмотря на темноту, новые глаза Тревиса видели его. Он на секунду задумался, но потом оставил Лирит и Эйрин и направился к фигуре, стоявшей под деревом.

— Бельтан, что ты делаешь здесь?

Рыцарь уставился на свою чашку, но в ней еще было полно вина.

— Боюсь, я не в настроении сегодня.

— Тогда эльф не до конца излечил тебя.

— Дело не в том. Эльф хорошо меня залатал. Я очень благодарен ему за это.

Тревис подошел ближе. Вдали от огня было на удивление прохладно.

— Тогда в чем же дело?

Бельтан молчал, в его глазах отражался огонь далекого костра.

— Я кое-что узнал о себе, Тревис. В Спардисе, в банях. Дакаррет сказал мне. Это... это о том, что я сделал. Ужасное преступление.

Рыцарь вздрогнул. Что же было не так? Тревис не знал, но прекрасно понимал одно — не стоит верить словам некроманта. Он взял руку рыцаря и подержал ее в своих ладонях.

— Бельтан, я не знаю, что тебе сказал Дакаррет, но он — зло. Он хотел причинить тебе боль. Такое не может быть правдой.

— Это правда, — хрипло сказал Бельтан. — Я знаю, что это правда. Пять лет назад, в Кейлавере, именно я...

Он запнулся. Тогда, в денверской больнице Тревис осмелился преклонить колени и прикоснуться своими губами к губам рыцаря. Но это был поступок труса — тот не мог ни отреагировать, ни отвернуться. Тревис выдохнул и наклонился к губам рыцаря.

— Тревис, ты здесь?

Он вздохнул и отступил назад. Бельтан смотрел на него в замешательстве. Его вытянутые руки замерли, как будто пытались отыскать кого-то или оттолкнуть. Откуда-то из темноты вынырнула Вани.

— Вы должны вернуться к огню, — сказала она. — Оба.

Глаза Бельтана сузились:

— Нам и здесь хорошо.

Тревис попытался найти подходящий ответ:

— Что-то не так, Вани? Мы должны искать скирати? Ты сказала, что они могут быть здесь, в Таррасе.

Вани отвела взгляд от Бельтана и произнесла резким тоном:

— Они действительно здесь, в Таррасе. Сарет говорил мне, что видел их знаки. Но я думаю, что они не станут нападать на нас открыто, во всяком случае, здесь они этого делать не станут. Они немного боятся морнишей. И в этом они правы.

Тревис задумался.

— Твои соплеменники тоже считаются волшебниками, ведь так, Вани?

— Нет, нам запрещено использовать кровное волшебство, пока мы не вернемся в Мрак Моринду. Но у нас есть... другие способы избавиться от скирати.

Тревис обратил внимание на ее крепкий стан, быстрые легкие движения.

Бельтан перехватил взгляд Тревиса и нахмурился.

— Идем, — сказал Тревис, неожиданно решив вернуться к огню. — Пойдемте назад, к костру.

Морниши только что попросили Фолкена спеть и теперь укладывали свои барабаны и флейты на землю, чтобы послушать барда. Тревис увидел Грейс, Мелию и других и направился к ним, следом шли Бельтан и Вани. Грейс подняла глаза, улыбнулась ему. Тревис улыбнулся в ответ, но мысли его были далеко. Что-то произошло там, в тени, вдали от костра. Он чуть не поцеловал Бельтана. Почему он все-таки не сделал этого?

Фолкен встал и взял аккорд на своей лютне.

— Я думаю, эта песня подходит и этой ночи, и этому месту. Она называется «Баллада об Ультере». Это песнь о севере и юге и о том, как они очень давно объединились.

Мечом Фелльринг с острова Эльфов Ультер поразил
Сердце Бледного Короля — волшебное лезвие было
Расколото надвое. Но Бераш более не поднялся.

Потом в долину пришли Повелители Рун
Чтобы запереть ворота Имбрифаля — и колдуньи с
Их умирающим искусством плели дороги из тьмы угроз.
Лорд Ультер преклонил колени перед королевой, и договор
они заключили меж собой:
Хранить спокойствие Малакора,
Чтобы более не собирались тени.

Последние звуки песни смолкли. Воцарилась тишина. Морниши смотрели на барда с почтительностью и некоторой отрешенностью. Затем по двое или по трое они вставали, кланялись Фолкену и Мелии и выходили из круга огня. Через несколько мгновений в свете костра остались только восемь путников, считая Вани и Сарета.

— Вечеринка окончена, — сказал Тревис.

Грейс смотрела на огонь, теребя свое ожерелье.

— Грейс, что с тобой?

— Эта песня. Я... я ее знаю.

— Может быть, ты слышала, как Фолкен пел ее раньше?

— Нет-нет.

Грейс подошла к барду, который укладывал лютню в чехол.

— Фолкен, ты мог бы сыграть еще раз первый куплет?

— Зачем, дорогая? — спросила Мелия.

— Я не уверена, что полностью поняла его смысл. Споешь, Фолкен?

Бард согласно кивнул.

— Очень хорошо.

Он снова достал лютню, и стал перебирать теперь уже знакомые аккорды «Баллады об Ультере». Вдруг, к удивлению Тревиса, Грейс запела каким-то незнакомым, хрипловатым голосом.

Слова прощаний слишком долго
Хранят их слабые сердца.
И молчаливый дождь льет слезы
На дальнюю дорогу без конца.

Рука Фолкена замерла над лютней. Он пристально посмотрел на Грейс.

— Я никогда не слышал, чтобы такие слова пели под эту музыку.

Мелия вскочила:

— Но ей они знакомы!

Фолкен кивнул.

«Мечом Фелльринг с острова Эльфов...», «Слова прощаний слишком долго...» Грейс подняла глаза, сама теперь испытывая крайнее изумление.

— Когда я была ребенком, я пела эту песню. Ничего не понимаю.

Сарет выступил вперед. Огонь делал резкими черты его лица.

— Возможно, вы разгадаете эту загадку позже. Я думаю, сейчас пора обсудить наши дела.

70

Когда Вани закончила свой рассказ, ветки сгорели и превратились в угли. Она поведала собравшимся о трех годах, проведенных на Земле. О том, как она искала тех, кому судьбой предначертано поднять Мрак Моринду из песков Морголти. О том, как узнала из послания Сарета, что Тревис и Грейс и есть те, кого она ищет. О том, как они вместе убегали от «Дюратека» из Денвера в тот ужасный последний день.

Только когда заговорила Эйрин, Тревис понял, что Вани закончила свой рассказ. Юная баронесса смотрела на Грейс и Тревиса широко раскрытыми глазами.

— Так это вы должны помочь морнишам найти потерянный город их предков?

— Легендарный город Моринду, — произнес Фолкен. — Как это может быть? Какое отношение имеют Грейс и Тревис к Городу Тьмы?

Он обернулся к Мелии.

Та пожала плечами и устроилась поудобнее на подушках.

— Ну, меня не спрашивай. Я еще даже не родилась, когда города Амуна были разрушены в войне магов. И ни один из моих братьев и сестер тоже еще не появился на свет.

— Да, верно, — сказал Фолкен, потирая подбородок.

— Ну что, Вани? — вступила в разговор Грейс. — Я бы хотела помочь вам, отблагодарить тебя за все, что ты сделала для нас, но как же мы найдем город, потерянный тысячи лет назад?

Ей ответил Сарет:

— Мы надеялись, что у вас обоих могут быть идеи на этот счет. Все, что написано в Т'хот, говорит нам, что ваша судьба — возродить Мрак Моринду.

— Ты хочешь сказать, что не имеешь представления, где нам искать это место? — поинтересовался Тревис.

— Если бы мы знали, — сказала Вани, — разве не нашли бы и не раскопали его раньше?

Великолепно. Ему и Грейс уготовано судьбой сделать то, о чем никто не знает, а они сами — тем более.

Сарет протянул руки к огню.

— Карты говорят нам только, что произойдет, но не говорят, как. Или когда. Мы знаем только то, что может пройти много лет, прежде чем вы отправитесь к Моринду. А сейчас мы должны думать о других тайнах, которые в отличие от Моринду уже на поверхности.

— А ты не хочешь объяснить нам, зачем преследовал нас от самого Ар-Толора? — вступил в разговор Дарж.

Морниш вздохнул:

— Ну что ж. Я приношу извинения за недоверие, вызванное моим долгим молчанием. Однако мы не часто беседуем о таких вещах с чужаками. Только обстоятельства побуждают меня к этому. Но чтобы ответить на твой вопрос, мой дорогой друг, поясняю: мы шли за вами от самого Ар-Толора по той же причине, что привела нас туда изначально, — проследить за вами.

Лирит прижала колени к груди.

— Но зачем?

Грейс опередила Сарета:

— Потому что мы — ваши друзья, Лирит. Сарет и Вани думали, что мы с Тревисом поможем им найти потерянный город, но нам пришлось вернуться на Землю. Поэтому они решили присматривать за вами на тот случай, если мы вернемся, полагая, что по возвращении сюда, на Зею, вы будете первыми, с кем мы вступим в контакт.

Сарет рассмеялся:

— Похоже, что мы, морниши, не такие уж и загадочные, какими считаем себя. То, что ты говоришь, правда. Наши пророки сказали нам, что тот, кого мы ищем, будет повелителем северной магии, однако он придет не с севера, а скорее всего из другого мира. Поэтому Вани и решилась использовать камень для путешествия на Землю. — Он взглянул на Тревиса. — Позже, когда мы услышали с том, что ты совершил в Кейлавере в последнюю ночь полнолуния, то поняли, что ты-то нам и нужен. Однако прежде, чем мы смогли добраться до Кейлавера, ты уже вернулся в свой мир. — Сарет помешал угли, и вверх полетели снопы искр. — Несколько месяцев назад мы узнали, что ты снова на Зее, но разрушения от Огненной чумы затрудняли передвижения, и когда мы достигли замка Спардис в Перридоне, вы оба уже ушли. Но мы продолжали следить за вашими друзьями. И я отослал Вани весть о том, что вы снова вернулись в свой мир.

— Сарет, Вани так ничего и не объяснила нам. Как ты смог использовать артефакт для пересылки сообщения? — спросил Тревис.

Глаза морниша сверкнули, и он как бы невзначай раскатал рукава рубахи. Но Тревис успел заметить светлые следы шрамов в свете костра.

— Мне казалось, ты говорил, что морнишам запрещено употреблять кровавое волшебство.

— Иногда то, что запрещено, должно быть все-таки совершено, чтобы предотвратить еще более страшное зло.

Тревис согласился. В каком-то смысле это было подобно освобождению Фарра от Ищущих. Правила изобретены для защиты людей, но иногда правила стоит нарушать во имя спасения человеческих жизней. Чтобы переслать человека через Врата, потребовалась кровь эльфа, человеческой же крови оказалось достаточно, чтобы посылать слова.

Эйрин приблизилась к огню.

— Поэтому, когда мы покинули Ар-Толор, ты, Сарет, последовал за нами сюда, в Таррас.

— Отчасти так. Но нам нужно было идти в Таррас еще по одной причине.

— Какой?

— Убитые боги. Ты ведь знаешь, что происходит? Ты знаешь, как и зачем их убивают?

— Мы потратили все это время на то, чтобы найти убийцу, — сказала Эйрин. — Почему ты ничего не сказал нам, Сарет?

Морниш горько усмехнулся:

— Повозки не так быстры, как корабли, сударыня. Вы добрались до Тарраса за несколько дней до нашего прибытия. Я попал в город только в тот день, когда скирати пытались

навредить вам, бешала. — Он сказал эти последние слова Лирит, глядя ей в глаза.

Лирит обернулась:

— Скирати. Ты имеешь в виду магов вроде того, который напал на Грейс и Тревиса в их мире?

Сарет кивнул:

— Да, хотя тот маг, который напал на тебя, бешала, чем-то отличался. Не могу сказать точно чем, но то, что это был скирати, сомнений нет. Только они носят золотые маски.

— Маски, — пробормотала Грейс, и к ней обратились вопрошающие взгляды ее спутников. — Эти маски фокусируют их волшебство. Мы сами это видели.

Бельтан откашлялся. Это был первый звук, который он издал после того, как путешественники собрались вокруг огня.

— Ну вот, теперь давайте выясним, правильно ли я все поняла. Эти маги — скирати, они стоят за убийством богов, верно?

Сарет задумался, затем кивнул. Мелия сжала маленькие ручки в кулаки.

— Они за это дорого заплатят!

— Но как? — сказал Фолкен. — Даже маг не может быть настолько могущественным, чтобы убить бога.

Морниш какое-то время молча смотрел на землю. Тревис заметил, что он смотрит на свою деревянную ногу. Наконец Сарет снова поднял глаза:

— Это демон, — сказал он.

Вани прижала руку к губам, а на лице ее отразился нескрываемый ужас. Очевидно, она знала, что значили слова Сарета, а по их лицам это поняли и Мелия, и Фолкен. Но не Тревис.

— Демон? — переспросил он.

— Да, — ответил Сарет. — Оставшийся со времен Войны Магов. Когда маги восстали против богов-королей Амуна, они создали этих демонов, получив в их лице мощнейшее оружие. Демон мог превратить целый город в прах, разрушив каждый камень его стен и оставив один песок.

Эйрин содрогнулась:

— Как в случае с гостиницей мадам Вил!

— А эти демоны, кто они такие?

— Это морндари после реинкарнации. Морндари всегда были бестелесными и голодными духами — поэтому использование крови помогло изменить их и властвовать над ними. Некоторые маги нашли способ подчинить себе морндари, заперев их в каменном теле. Они-то и стали демонами. После реинкарнации они смогли ходить по земле, но их голод не уменьшился в новом физическом обличье. Они поглощали все, что попадалось им на пути, но никогда не насыщались.

От таких слов Тревису сделалось нехорошо. Он мысленно увидел их — неясные, похожие на тени существа с бездонными утробами, пожирающие целые города, в то время как люди тщетно пытаются спастись от них.

— Если они всегда голодны, — сказала Грейс, — как тогда их остановить? И почему они не поглотили все в Амуне?

— Они почти сделали это. Именно из-за них земли Амуна превратились в Морголти — свалку костей, пыли и смерти. Однако маги, которые сотворили их, поняли, что это безумие, и смогли отменить свое колдовство, разрушив всех демонов.

— Не всех, — поправил Фолкен. — Если, конечно, ты прав.

Сарет повернулся к барду:

— Мы можем только предполагать, что один из демонов пересек море Саммер и вышел к берегам Фаленгарта.

— Тогда почему он ничего не разрушил там? — поинтересовалась Лирит.

— Его удерживали в заточении, в казематах под тем холмом, на котором позже был построен Таррас. Только мы не знаем, кто упрятал его туда. Должно быть, это был маг, обладающий великой силой.

— Но если потребовалась сила такого могущественного мага, чтобы сковать демона в первый раз, как его можно запереть снова? — спросил Тревис.

— Демон не свободен, — ответил Сарет. — Не совсем свободен. Ибо будь это так, на месте Тарраса давно была бы пустошь. Его оковы ослабевают благодаря действиям скирати. Но мне кажется, что маги нашли способ использовать демона в своих целях, не выпуская его на свободу.

— В своих целях! — В голосе Мелии зазвучала ярость. — Ты хочешь сказать — убить богов!

Сарет мрачно посмотрел на Мелию:

— Нет, о великая, это не так. Скирати не используют демона для убийства богов. Наоборот, их смерти нужны, чтобы успокоить чудовище — попытка насытить его, чтобы они могли беспрепятственно пройти мимо него.

— Так, значит, — вскричал Фолкен, — скирати приносят богов в жертву демону, чтобы просто пройти мимо него?

Мелию буквально трясло от негодования:

— Это... Это отвратительно.

Сердце Тревиса наполнилось гневом. Что-то было не так — не только существование древнего монстра или бессмысленные смерти трех богов. Неожиданно до него дошло.

— Сарет, — начал он, — ты утверждаешь, что скирати приносят богов в жертву демону, чтобы насытить его.

— Так.

— Но ты также сказал, что демона нельзя насытить, и не имеет значения, как много он поглотит.

— Нельзя, правда.

— Тогда что же при такой пище сдерживает его от прибавления силы, достаточной для полного освобождения?

Сарет снова посмотрел на свою деревянную ногу и промолчал.

71

Вани нарушила тишину:

— Брат, ты должен рассказать нам, как ты узнал о демоне, находящемся под Таррасом.

Сарет наклонил голову и пробормотал что-то себе под нос. Собирался с мыслями? Или же это была молитва? Прежде чем Тревис смог решить, что это, морниш начал рассказ.

— Я узнал о демоне два года назад — вскоре после того, как ты покинула нас, Вани. Мы расположились лагерем у подножия Гор Савана, и к нашему каравану подошел дервиш.

— Дервиш? — переспросил Фолкен.

Его вопрос удивил Тревиса. Он всегда считал, что Фолкен знает все о народах и истории Зеи.

— Свободное использование кровавого волшебства запрещено морнишам до их возвращения в Мрак Моринду, иначе мы станем такими, как скирати, — жадными до власти. Однако были такие, кто решился преступить закон и кто теперь наносит быстрые одиночные удары, чтобы повысить свое мастерство. Это и есть дервиши. Большинство из них совершенно безумны — цена, которую они платят за уединение и знания. И этот не стал исключением.

Он подошел к каравану уже умирающий. Я думаю, только это подвигло его на разговор, чтобы похвалиться добытыми секретами, прежде чем смерть заберет его. Он был худой, как скелет, обожженный солнцем пустыни, а его лицо покрылось струпьями. Он сказал, что пришел из Морголти, Земли голода. Там он копал раскаленные пески и нашел... это.

Сарет что-то достал из кармана. Тревису показалось, что это толстый треугольной формы кусок глины, покрытый какими-то значками.

— Всю ночь, что я наблюдал за ним, дервиш бормотал во сне. Его мучил жар, и я мало разобрал из того, что он говорил. Но некоторые слова он повторял снова и снова. «Мрак поднимется снова. И его кровь — ключ». На рассвете я видел, как жизнь покинула его, и мы похоронили его.

Вани взяла кусочек глины у Сарета.

— Что это? Ради чего дервиш копал пески Морголти и отдал свою жизнь?

— Это часть дощечки для письма, — ответил Сарет. — Я сразу это понял, но прочитать не мог. Мне прочел Миргет. Она написана на древнем языке Амун.

— И что там написано? — спросил Фолкен.

— Очень немногое, несколько обрывков слов. Судя по всему, она написана во время Войны Магов. Я уже был готов забыть дервиша и его бред, но, принимая табличку из рук Миргета, нечаянно обронил ее. Она ударилась о землю и...

Сарет забрал дощечку из рук Вани. Затем осторожно разделил ее на две части и вынул маленький золотой кружок. Вани выпрямилась.

— *Фа-дет.*

— Да. — Сарет обвел взглядом остальных. — Это фа-дет, диск, использовавшийся великими магами Моринду, чтобы обмениваться официальными посланиями.

В темно-красном отблеске костра Тревис смог различить тонкую гравировку на диске.

— Что на нем записано?

— Пусть он раскроется нам, Сарет, — сказала Вани.

Сияние ее глаз не уступало сиянию диска.

Сарет покачал головой.

— Чтобы сделать это, нужна кровь. Однажды старейшины разрешили мне использовать фа-дет, но одного раза оказалось достаточно, я не буду больше бездумно лить на него кровь.

— Ты хочешь сказать, что он больше не тайна для тебя? — спросила Грейс.

— Как я сказал, это способ обмена посланиями у жрецов. Даже если диск был бы перехвачен, вор не смог бы услышать послание.

— Если только вором не является сам маг, — пробормотал Тревис, не заметив, что произнес замечание вслух, пока не почувствовал взгляд Сарета.

— Что ты узнал от него? — спросила Вани.

Сарет набрал воздуха:

— Что демон заперт в кургане белого камня на севере, за морем — по его описанию я понял, что этот курган и есть холм, на котором теперь стоит Таррас. И еще я узнал, что что-то там связано с демоном. Реликвия Мрака Моринду.

— Какая реликвия? — прошептала Вани, пододвигаясь ближе.

— Скарабей, — так же тихо ответил Сарет. — Скарабей Ору.

У Вани перехватило дыхание, но, судя по озадаченным лицам присутствующих, Тревис был не единственным, кто пришел в замешательство.

— А этот скарабей разве не простое украшение? — спросил он.

Сарет рассмеялся звонким, но каким-то безрадостным смехом.

— Ты также можешь сказать, что солнце — источник света, подобный свече. Из всех тайных заклятий Мрака Моринду никогда не было другого, столь же могущественного, как Скарабей Ору.

— Подожди минутку, — сказала Грейс, — я слышала, как твоя бабушка произносила это имя — Ору. Кем он был?

Вани все еще не пришла в себя.

— В течение трехсот лет он был королем Мрака Моринду.

— Глупости, — рассердился Дарж. — Никакой человек не может быть королем в течение трех веков.

Сарет снова рассмеялся:

— Да, это правда, мой дорогой друг. Человек не может. А бог?

— Ору не был божеством, — вскричала Мелия в гневе. — Божественные короли Амуна были просто тиранами, которые изображали из себя богов, чтобы подтвердить свое якобы божественное право управлять городами. Это демагогия!

— Тем не менее, — сказал Фолкен, — многие считают, что без такого жесткого правления первые города так и не появились бы в пустынях Амуна. И, конечно, беженцы из Амуна принесли цивилизацию в Фаленгарт. Без божественных королей Моринтарта Таррас никогда не появился бы.

Сарет подбросил золотой фа-дет в руке.

— Это правда, Ору начал свою жизнь обычным человеком — на самом деле он был сыном нищего. Видите ли, в Моринду король или королева властвовали не по праву рождения, а скорее по праву волшебства. Самые великие маги поколение за поколениями короновались как король или королева. А за всю тысячелетнюю историю не было мага, могущественнее Ору. Если другие правители Амуна только называли себя богами, то Ору был им.

— Но если Ору родился в таких ужасных условиях, — недоумевала Лирит, — то как же он обрел такое могущество?

— Боюсь, что ответ на этот вопрос похоронен с Моринду в песках Морголти, — ответил Сарет. — Но даже во времена существования Моринду лишь немногие знали о том, как Ору уподобился богу. Возможно, его жена и семеро верховных жрецов — больше никто. Даже для обычного заклятия требовалась река людской крови, но крови Ору хватало трех капель.

Однажды, как говорит легенда, сотня магов скирати принесли себя в жертву, одновременно вонзив ножи в сердце и заполнив своей кровью большой бассейн — и все лишь для того, чтобы продлить жизнь короля скирати на десять лет. — Сарет многозначительно поднял палец вверх. — Десять лет — вот что король скирати купил за смерть ста магов. А к моменту гибели Моринду Ору уже прожил триста лет.

Бельтан скрестил руки.

— Так если этот Ору был великим королем, отчего же он не спас город?

— Он не мог, — сказал Сарет. — Потому что, видишь ли, он спал.

Грейс в изумлении захлопала глазами.

— Спал?

— Да, спал. Шли века, он становился все более могущественным, но с годами ему становилось все труднее просыпаться. Иногда он спал несколько дней подряд, во сне стонал, метался, поэтому жрецам приходилось приковывать его к трону. Затем дни превратились в недели, недели в месяцы, а потом...

— Он больше не проснулся, — с содроганием закончила Эйрин.

Сарет кивнул.

— С тех пор его называют Прикованным Богом, потому что он спал прикованным к трону, в то время как семь верховных жрецов правили от его имени. И со временем эти семеро раскрыли ужасный и могущественный секрет. Они прокололи палец Ору и выпили его кровь, став великими магами. Однако они не смогли употребить всю кровь, которую взяли у него. Некоторое ее количество они запечатали в золото.

Тревис подскочил.

— Скарабеи! Вот что такое скарабеи. Драгоценности, в которых кровь божественного короля Ору.

— Да, — сказал Сарет. — Я не знаю, как получилось, что скарабей оказался заперт в гробнице вместе с демоном — фа-дет только сообщил, что он там. Тем не менее нет более ценной реликвии в Мраке Моринду. Или более опасной.

Кусочек черного дерева растворился в пламени костра. Наконец заговорила Вани:

— Сарет, ты кое-что не рассказал нам. Когда я видела тебя в последний раз, с твоей ногой все было в порядке. — Она посмотрела на его деревянную ногу.

Он слегка смутился.

— В мире не существует более мощной крови, чем кровь божественного короля Ору. Кровь пятисот магов не может сравниться с той, что заключена в одном скарабее. Единственной каплей можно сотворить тысячу чудес. Или...

— Артефакт, — догадалась Грейс. — Ты хотел найти скарабея, чтобы использовать кровь Ору на артефакте и вернуть Вани с Земли.

Сарет едва кивнул.

— В этом году, после того как мы узнали, что Тревис Уайлдер был здесь, на Зее, и до того, как он вернулся на Землю. Я не мог... не мог жить с мыслью, что ты там одна, без какой-либо надежды...

На глаза Сарета навернулись слезы. Вани обняла его.

— Теперь я здесь, брат. Но ты должен сказать мне, что случилось с тобой.

Он резко отер слезы.

— Старейшины запретили, конечно, однако я ослушался и убежал. Только я сделал это не один. Ксемет пошел со мной. — Сарет взглянул на остальных. — В детстве Ксемет, Вани и я были неразлучны. Мы все делали вместе. Ксемет был мне как брат. Только когда мы стали взрослыми, карты... — Вани отвернулась. Сарет замолчал и не стал договаривать свою фразу до конца. — Итак, Ксемет пошел со мной в Таррас. От слуг Крысиного Бога мы узнали о трещине, которая уходила в глубь скалы под городом так глубоко, что они ни разу не осмелились дойти до ее конца. Мы спускались вниз по расщелине, пока не достигли огромной пещеры. И там... — Руки Сарета задрожали. Он сцепил пальцы, пытаясь скрыть дрожь. — Я не могу сказать вам точно, что произошло в пещере. Это напоминало ночной кошмар. Я увидел скарабея. Он сиял на алтаре, как золотая звезда. Ксемет приблизился к нему. И тогда... на нас опустилась тень. Тень, происхождения которой мы не знаем.

Наверное, демон все еще связан древним заклятием. Иначе я бы не спасся. Я только почувствовал смертельный холод в ноге и не смог идти дальше. Но Ксемет... он был ближе. Какое-то мгновение я видел его, потом тень увеличилась. Раздался грохот, и земля задрожала. И он... он пропал. — Лирит прижала ладонь к губам. — Тогда я убежал, как трус, — проговорил Сарет. — Я выполз из пещеры на руках. Не знаю, как выбрался наружу. Только когда меня нашли люди Геба и помогли подняться, я понял, что лишился ноги. — Он потрогал свою деревянную ногу. — Потом за мною пришли наши и вернули меня обратно в караван. Я думал, меня накажут, но они не сделали этого.

— Видимо, решили, что ты уже достаточно наказан, — сказал Фолкен. История Сарета глубоко взволновала его.

Вани скрестила руки на груди.

— Бедняга Ксемет. Я никогда не...

Ее слова замерли в тишине, и Тревису показалось, что он все понял. Когда друзья детства стали взрослыми, Ксемет полюбил Вани. Однако она не разделяла его любви. Что-то не позволяло ей, что-то, что она видела в картах.

— Так ты считаешь, что скирати хотят получить скарабея? — спросила Грейс.

Сарет сжал кулаки.

— Наверняка. Они всегда искали реликвии Моринду, а мы всегда старались помешать им. Скарабей — самая могущественная из всех реликвий. Никто не может предсказать, какое зло могут сотворить скирати.

— Например, воскрешение Мрака Моринду? — сказал Тревис.

Сарет кивнул.

— Каким-то образом скирати узнали о демоне и скарабее под Таррасом. Два месяца назад один из них напал на меня и вырвал артефакт.

— Мы знаем, — сказала Вани.

Он отрешенно смотрел на тлеющие угли.

— Я считал, что так они кормят демона. Я думал, что они используют артефакт, чтобы открывать проход между пещерой под Таррасом и храмами богов. Путешествие между мирами требует большой крови — крови существа света, о котором говорила Вани, существа, которое прошло через Врата вместе с вами. Но крови мага может быть достаточно, чтобы открыть порталы внутри города.

Грейс нахмурилась:

— Разве это возможно без призмы артефакта? А она была у Вани на Земле.

— Да, теперь я это знаю, — сказал Сарет. — И так получилось, что артефакт все равно попал на Землю. Значит, остается только один ответ.

На этот раз Тревис догадался первым:

— У скирати есть другой артефакт Врат.

— Да, — ответил Сарет.

Фолкен вздохнул:

— Значит, все-таки именно скирати стоят за убийством богов в городе. Они приносили богов в жертву демону, надеясь насытить и обойти его, чтобы добраться до скарабея. И они убивали всех, кто приближался к разгадке их действий.

Взгляд Мелии мгновение был печален, потом преисполнился решимости.

— У них ничего не получится. Мы не позволим.

— Но как? — в отчаянии спросила Грейс. — Как нам остановить их, если демон на их стороне?

У Тревиса мурашки пробежали по спине. Снова в его голове зазвучал таинственный шепот.

Выбрать, как это будет.

Он не знал, как, но именно по этой причине эльф позволил пленить себя и перенести в другой мир. Тревис осторожно достал камень из кармана. Он слегка поблескивал на ладони, вбирая свет костра.

Сумеречный камень.

— Мы сможем остановить их. Синфатизар нам поможет, — сказал он.

72

Лирит вышла из фургона, в котором спала, и вдохнула влажный рассветный воздух. Бледно-золотистый свет проникал сквозь кроны деревьев итайя. С моря дул ветер, и высокие деревья качались, послушные его воле. В небе кружились чайки, их крики были похожи на голоса духов.

Прошлым вечером Лирит слишком устала, чтобы по-настоящему осмотреть свой фургон. Теперь оказалось, что фургон имел форму жабы. Хорошо хоть не паука.

Она шла, и ее ноги утопали во влажной траве. От растений исходил насыщенный, чистый аромат. Лирит побродила среди деревьев и вскоре увидела далеко внизу белые башни и золотые купола Тарраса. Они сияли как бриллианты безукоризненной огранки в лучах рассветного солнца.

Впрочем, нет, не совсем безукоризненной. Несколько тонких темных линий поднимались со стороны города прямо в небо. Лирит ужаснулась. Таррас горел. Правда, всего лишь в нескольких местах, однако для Лирит это значило одно: темнота и тревога, ощущаемые в городе, усиливались. Сколько людей оставили свои дела, своих любимых и, выпив Эликсир Прошлого, уставились на солнце пустыми глазами? Но, возможно, это не имеет значения; возможно, скоро не останется ни города, ни людей, о которых нужно беспокоиться. Лирит прикрылась руками от ветра. Линии дыма виделись ей темными нитями, уходившими высоко в небо.

Какое-то мгновение она раздумывала, потом протянула руки вперед. Да, она могла видеть его — клубок в узоре Паутины жизни. Он трепетал и разрастался под ее взглядом. Лирит почувствовала легкое недомогание. Тем не менее она заставила себя присмотреться внимательнее, заглянуть в самое сердце клубка.

Там она смогла увидеть или скорее почувствовать черную бездонную пустоту. Затем прямо у нее на глазах нить притянулась к клубку. Сверкнула яркая вспышка, и нить пропала.

После того что Лирит узнала вчера, она не удивилась. Не было сомнения в том, что демон являлся источником появления клубка в Паутине, а также изменений, происшедших в саду богов. Но тогда почему Лирит впервые увидела этот узел именно в Ар-Толоре?

Думай, сестра! Что произошло в тот день, когда ты впервые увидела узел? Охранник подошел к двери, чтобы разбудить тебя. Это был... Это был день, когда Мелия приехала в Ар-Толор.

Да, в этом есть смысл. Мелия уже тогда начала теряться в переживаниях прошлого, и после ее приезда то же началось и с тобой, сестренка. А теперь это происходит с людьми в Таррасе.

Лирит предположила, что узел в Паутине — только образ, вызванный ее даром Видения, который пытался придать плоть и форму угрозе. Но почему демон заставлял Мелию и других богов, а также людей вокруг путать прошлое, настоящее и будущее? Скорее всего демон распутывал не только нити, но саму ткань времени.

Лирит вздохнула. Она не могла ответить на эти вопросы, но очень хотела задать их другим. Если, конечно, еще осталось время. Потому что вчера, возле угасающего костра, они составили отчаянный, как показалось Лирит, план.

— Думаю, мне придется спуститься под город, — сказал тогда Тревис. — Видимо, поэтому эльф снова заполнил артефакт своей кровью. Он хочет, чтобы я прошел порталы и с помощью Синфатизара остановил демона, прежде чем тот сможет вырваться на свободу.

— Нам нужно отвлечь скирати, — произнес Сарет. — Они будут следить за пещерой, где заперт демон. Твой волшебный камень не поможет тебе, если ты не сумеешь подобраться к демону. Нужно удерживать магов как можно дальше от тебя.

— Я думаю, император Эфезиан поможет нам в этом, — заявила Мелия, блеснув глазами. — Не важно, хочет он того или нет.

Именно Грейс в конце концов задала вопрос, который волновал их всех:

— Но как, Тревис? Как ты сможешь использовать Синфатизар, чтобы остановить демона?

— Я еще не понял этого до конца, Грейс, — ответил он с усмешкой. — Как видно, эльф считает, что Камень может сделать это. И Рунные Врата я запечатал, используя Синфатизар. Хочется верить, что камень действительно поможет.

Затем они отправились спать, Сарет и Вани развели их по фургонам. Однако прежде чем уснуть, состоялся еще один разговор, между Лирит и Эйрин. Они говорили без слов, обмениваясь мыслями, и не включили Грейс в этот разговор, потому что та от усталости сразу же провалилась в глубокий сон. Кроме того, Лирит не знала, как сказать Грейс, что, согласно Узору, ей придется предать своего друга.

Грейс не была на Верховном Шабаше, сестра, «говорила» Эйрин. *Она не является частью Узора.*

Это было правдой, только Лирит не понимала, что это означает, ну, не совсем понимала. Ей придется поразмыслить над этим позже. Теперь нужно решать совсем другие проблемы.

Мы должны при первой же возможности сообщить Иволейне о прибытии Тревиса Уайлдера. Этого требует Узор.

Лирит почувствовала замешательство на том конце нити.

Я знаю, сестра. Не только ты рада видеть Тревиса, и не только ты пришла в отчаяние от того, как он сейчас выгля-

дит. Мне все еще трудно поверить в то, что он хочет навредить Зее. В нем заключена сила, огромная сила. Такая, что никто из нас не может не считаться с ней.

Но что нам делать, Лирит?

То, что я говорю. Согласно Узору, мы просто должны сообщить о нем Иволейне и наблюдать за ним. Не имеет значения, какую угрозу он будет представлять для Зеи в будущем, сейчас Тревис — единственный, у кого есть шанс предотвратить освобождение демона, и мы не должны препятствовать ему.

А что, если он допустит ошибку, сестра? Что, если он случайно выпустит демона? Ведь тогда Зея погибнет!

Лирит об этом не подумала. Однако она знала об опасности толкования предсказаний. Иногда, стараясь избежать предначертанного судьбой, человек позволяет этому случиться.

Нет, Эйрин. Мы не будем предпринимать ничего, кроме того, что нам указано. Мы отправим послание Иволейне и будем наблюдать за Тревисом. Это все. А вот как нам сказать Грейс?

Спокойной ночи, сестра. Тебе нужно выспаться.

Но Лирит мало спала, и когда засыпала, ей снилось, что она подталкивает Тревиса Уайлдера к клубку в Паутине жизни, а в это время мужчина и женщина кричали. Мужчиной, конечно, был Бельтан. Он любит Тревиса. Сначала Лирит думала, что женщина Грейс, потом увидела, что у нее золотистые глаза. Прежде чем она смогла рассмотреть внимательнее, нити сомкнулись вокруг Тревиса, затягивая его в центр клубка, и через мгновение он исчез. Клубок продолжал расти, поглощая все, включая саму Лирит.

Сейчас, где-то позади, она услышала голоса. Морниши начинали просыпаться. Скоро все будут на ногах. Лирит обернулась.

— Здравствуй, бешала, — произнес Сарет, его темные золотые глаза светились в нежном свете зари.

Лирит взяла в руку амулет. Любые слова, которые она могла бы сказать, не имели значения. Наверху пронзительно закричали чайки.

Вчера вечером, в темноте, она смогла забыть о его красоте. Но теперь, увидев его, почувствовала слабость. Взгляд ее скользнул по деревянной ноге. Лицо Сарета потемнело, и он отвел деревянную ногу назад.

Лирит в ужасе подняла глаза. Она не хотела заставить Сарета прятать изуродованную ногу. Эта нога была его частью, как и красивые руки, и бородка. Она принимала его таким, какой он есть. Лирит снова попыталась заговорить, но не смогла.

Это глупо, сестра. Скажи ему. Скажи о своих чувствах!

— Старуха говорит, что он приносит удачу, — промолвил Сарет низким мелодичным голосом.

Лирит смущенно наклонила голову. Он показывал на амулет, который она все еще держала. Лирит разжала руку.

— Правда? Не думаю, что когда-нибудь эти штуки помогали.

Прошлой ночью Вани рассказала, как скирати использовали волшебных золотых пауков, чтобы их ядом убивать неугодных. Так они убили Орсита. И она видела их в своих снах...

Ей показалось, что он угадал ее мысли.

— Нет. Не позволяй деяниям скирати влиять на то, во что ты веришь. Это просто злая шутка о том, что маги скирати используют пауков, чтобы творить зло. Ведь в Моринду пауков считали священными. И мой народ также высоко почитает их. В наших легендах они — ткачи, которые соединяют мир воедино.

Лирит вздохнула:

— Мы думали, что Сиф стоит за убийствами, потому что нашли одного из пауков там, где был убит жрец Орсит. Но это было лишь совпадение, не так ли?

— Возможно, хотя и не совсем. Я полагаю, скирати просто нашли возможность сбить с правильного пути тех, кто искал убийц.

Лирит кивнула, но ей хотелось говорить вовсе не о пауках.

— Я слышала... — Ее голос дрогнул, и она облизнула губы. — Я слышала, будто морниши не заключают браков с людьми, не принадлежащими к их клану.

Замерев, Сарет смотрел куда-то вдаль, мимо нее.

— То, что ты слышала, — правда.

Эти слова вызвали у Лирит почти физическую боль. Она отвернулась, чтобы скрыть выражение своего лица.

— Я понимаю.

Но, возможно, дело в другом. Кто она такая, чтобы мечтать о замужестве с Саретом? Она вспомнила сон, в котором Сарет превратился в камень у нее в руках. Разве ее сон уже не сбылся?

Она услышала шорох позади себя. До ее обоняния донесся запах мужского пота и степных трав. В горле пересохло.

— Бешала, — прошептал Сарет.

Она закрыла глаза.

— Ты все время говоришь это слово, но я не знаю его. Что оно означает?

— На языке моего народа оно значит «возлюбленная».

У Лирит перехватило дыхание.

— Нет, не может быть! Я помню, так ты назвал меня в Ар-Толоре, — произнесла она.

В его глазах была печаль.

— Да.

— Но...

— Какой морниш не узнает своей судьбы, если увидит ее? Бешала.

Они стояли как деревья, слегка покачиваясь на ветру, а чайки взывали к ним сверху. Потом медленно, сопротивляясь порывам ветра, потянулись друг к другу.

— Лирит! Так вот ты где!

Она отскочила назад, обернулась. Грейс и Тревис направлялись к ним. Лирит почувствовала, как ее щеки зарделись, Сарет поспешно отошел.

Даже если Грейс или Тревис заметили что-то, они ничего не сказали.

Тут нечего замечать, сестрица. Ты слышала его слова. Какова бы ни была его судьба, он не может жениться на чужой. И ты знаешь, какая у тебя судьба. Ворон...

— Мелия проснулась, — сказал Тревис. — Она хочет, чтобы мы собрались все вместе. Сейчас.

Грейс пожала плечами:

— Я пыталась объяснить ей, что никто не пойдет спасать мир до того, как она выпьет мэддока, но ты ведь ее знаешь.

— Надо же, — сказала Лирит, надеясь, что ее голос звучит легко и беззаботно.

— Лирит? — Тревис поднял на нее взгляд.

— Да?

— Ты так смотрела на меня. Что случилось? У меня волосы в беспорядке? Минуточку!

Он пригладил свою лысую голову и рассмеялся.

— Прости меня, — сказала она. — Я... я еще не совсем проснулась.

Тревис переглянулся с Грейс, и оба поняли, что допустили бестактность, подойдя к Лирит. Чтобы исправить ситуацию, Тревис решил перевести разговор:

— Доброе утро, Сарет. Что на ней? — Тревис указал на карту в его руке.

— Возможно, ты объяснишь мне. Сегодня утром я вытащил карту из колоды аль-Мамы, чтобы посмотреть, что готовит мне грядущий день.

Он перевернул карту. Лирит прижала ладонь к губам. Карта изображала человека с тремя мечами, вонзенными ему в спину.

Тревис посерьезнел:

— Должен вам сказать, что это не очень добрый знак.

— Да, — согласился Сарет, — не очень. Эта карта обозначает вероломство. Кто-то кого-то сегодня предаст.

— Но кто? — спросила Грейс.

Лирит скрестила руки на груди и отвернулась.

— Не стоит заставлять леди Мелию ждать.

Ближе к полудню вся компания шла по главному проспекту, который проходил через все пять кругов Тарраса.

— Хорошо, — пробормотал Тревис. — Получается, я единственный, кто выглядит незаметным?

Он поправил свое новое одеяние: штаны до колен, широкая белая рубаха и красный жилет, вышитый желтой нитью. На голове повязан платок, в ушах серебряные серьги. Если бы не его бледная кожа, он выглядел бы как настоящий морниш.

Еще в караване Сарет и Вани выдали путешественникам новую одежду.

— Это обычная предосторожность, — убеждал Сарет. — Так вы привлечете к себе меньше внимания со стороны скирати. Подумаешь, обычная горстка морнишей, пришедшая в город предсказывать желающим судьбу и продавать всевозможные безделушки.

Наряд Грейс не слишком отличался от одеяния Тревиса. Она была выше всех в группе, если не считать Бельтана и Тревиса, и никакие одежды женщин-морнишей не подошли ей. Ее пепельные волосы были спрятаны под бесформенной шляпой. Вани даже дала ей небольшой меч, чтобы Грейс носила его на поясе. На остальных были яркие одежды и различные украшения. Даржу коротко подстригли усы, оставив бакенбарды, типичные для морнишей. Старый рыцарь сначала воспротивился, однако Эйрин заметила, что так он выглядит лет на десять моложе, и ворчание как-то само собой прекратилось.

— По крайней мере маскировка помогает, — заметила Грейс. — Смотри! К нам даже никто не подходит.

— А разве можно их в этом винить? Марджи арестовала бы нас за преступление против моды.

Грейс вздохнула и потрогала свою вышитую жилетку.

— Нет, я думаю, ей это понравилось бы.

Чем больше Грейс думала об этом, тем больше считала удачной идею Сарета переодеть их. Скирати ненавидели морнишей и относились к бродячему народу с презрением. Их мало заботила кучка сброда, пришедшего в город, чтобы раздобыть несколько монет. Кроме того, они искали Мелию, Фолкена, а также Лирит, Даржа и Эйрин. Маги вряд ли могли знать, что Тревис, Грейс и Вани находятся в городе.

Кроме того, по ходу их путешествия Грейс стало казаться, что не только маскарад позволил им пройти в город неузнанными. Лирит права. Жители Тарраса точно впали в какое-то безумие. Многие из них находились в явном замешательстве, стоя посреди улицы с ведром, ребенком или корзинкой с домашним скарбом, не зная, что с этим делать. Многие стояли у стены, по их ли-

ловым пятнистым губам ползали мухи. В руках они держали пустые кружки. В этом не было абсолютно никакого смысла — Лирит сказала, что в Эликсире Прошлого нет ничего волшебного.

Это демон, Грейс. Это существо ответственно за все, что происходит в городе. Но как это связывает Мелию и богов вместе с окружающими их людьми, с прошлым?

Этого Грейс не знала. Но она чувствовала по себе: с каждым днем воспоминания прошлого казались ей все более реальными, а настоящее превращалось в парад теней.

Они добрались до Второго Круга города. Из того, что Грейс удалось узнать, это был священный квартал. На Земле она никогда не верила в богов, и даже здесь, на Зее, где боги были реальны и присутствовали в жизни, Грейс все же не слишком думала о них. Они были одновременно и более слабыми, и более опасными, чем ей представлялось. Однако величия здешних белокаменных храмов она не могла отрицать. Над ними поднимался огромный синий купол. Это скорее всего был Этерион, о котором упоминала Мелия.

Они достигли ворот Первого Круга и увидели, что позолоченные ворота плотно закрыты. Похоже, мнение императора не изменилось.

Мелия поправила закрывающую лицо вуаль и направилась к маленькой красной двери в стене у ворот. Она постучала три раза. Затем толкнула дверь руками, и когда Грейс показалось, что богиня сейчас разнесет дверь в щепы, верхняя створка открылась и появилось лицо толстого стражника.

— Пожалуйста, сообщите министру Ворот, что я требую встречи с ним! — заявила Мелия.

— Министр не принимает никого без предварительной договоренности.

— Простите. — Мелия положила руку на плечо солдата. — Я вижу, вы совсем глупы, так позвольте мне объяснить вам проще. Я буду разговаривать с министром.

Солдат моргнул.

— Конечно, Ваше святейшество. Я сейчас приведу министра.

Дверь закрылась. Грейс уже собралась спросить Мелию, не применила ли она свой Дар, как вдруг дверь распахнулась снова. Министр Ворот оказался изумительно красивым и нарядно, даже щегольски одетым мужчиной того же возраста, что и Тревис. Его борода лоснилась благовонным маслом, на пальцах сверкали перстни. Он лишь взглянул на Мелию и остальных, нахмурился, и его лицо сразу же лишилось красоты.

— Я не знаю, почему в этом городе терпят воров и бродяг, — произнес он надменно. — Но я знаю точно, что их присутствие не приветствуется под сенью императорского дворца.

Мелия откинула вуаль, открывая лицо.

— Вы правы, министр. Я действительно в своем роде бродяга. Однако этот город был моим домом почти две тысячи лет.

Глаза министра расширились, но потом сузились снова.

— Леди Мелиндора. Простите мне мою грубость. Я не узнал вас в таком... наряде. Однако я должен сообщить вам, что император не изменил своего мнения о вашем прошении. Если бы вы указали мне место, куда я могу отправить сообщение, то в следующее же мгновение после окончания траура императора я сообщу вам об этом.

— Нет, министр, — ответила Мелия с холодком. — Вы сейчас же откроете ворота и позволите нам увидеться с императором.

Она сделала легкое движение рукой.

К лицу министра прилила кровь.

— Не смей использовать свои трюки против меня. Если попытаешься, я призову Мисара, моего бога, и тебе придется предстать перед Этерионом за твои деяния. Даже ты не выше богов, Мелиндора.

— Давай-давай. Мне будет очень интересно услышать, что Мисар скажет об этом.

Мужчина схватил амулет в форме золотого пера, висевший у него на шее.

— Клянусь Мисаром, я сделаю это!

Мелия скрестила руки.

— Я жду.

Министр сжал амулет так, что его пальцы побелели, и, словно молясь, закрыл глаза.

Вдруг он вскрикнул, отпустил амулет и отшатнулся. Красный отпечаток амулета ясно виднелся на его ладони. Он уже превратился в волдырь.

— Мисар оставил тебя! — вскричала Мелия. — Какое зло ты совершил, что так произошло? Нет, мне неинтересно знать это. Впусти нас, или я позабочусь о том, чтобы остальные боги тоже отвергли тебя, как это только что сделал Мисар. Никто не будет обращать внимания на твои молитвы, и когда ты умрешь, твои кости достанутся грифам. Тебе не будет спасения после смерти, министр, только вечная боль и одиночество.

В словах Мелии было столько силы, что даже Грейс содрогнулась. Министр пробормотал что-то, потом обернулся и крикнул в глубь коридора. Красная дверь захлопнулась, и мгновение спустя с грохотом отворилась одна из огромных позолоченных створок.

— Все сюда, — произнесла Мелия с приятной улыбкой.

Министра нигде не было видно, но их ожидали четверо солдат, готовых проводить к императору. Вся компания про-

следовала за солдатами по мощеным площадям, мимо бассейнов, в которых плавали удивительной красоты рыбки.

— Что там случилось, Мелия? — тихо спросил Фолкен. — Мисар действительно оставил министра Ворот?

— Более того, — ответила Мелия. — Ты видел, как священный амулет обжег его? Мисар наложил на министра проклятие.

— Проклятие? — переспросила Грейс.

— То есть отлучил от своей милости, — сказала Мелия. — Боги редко используют такое — и делают только с теми, кто совершил ужасное преступление, что-то, что противоречит всему, что защищает этот бог.

Какое преступление совершил министр? Прежде чем Грейс успела спросить, солдаты остановились у нескольких богато украшенных дверей, таких же огромных, как и ворота Первого Круга. Над ними возвышалось огромное белое сооружение, увенчанное куполом, сиявшим золотом в лучах солнца. По обе стороны двери висели белые полотнища с вышитыми на них символами трех деревьев и пяти звезд.

Один из солдат обернулся к Мелии.

— Я доложу императору, что вы здесь, Ваше святейшество.

— Спасибо, уважаемый, но в этом нет необходимости.

Маленькая богиня подняла руки. Мгновение голубоватое свечение мерцало вокруг ее рук, затем дверь распахнулась. Прежде чем солдат успел что-то предпринять, Мелия проскользнула внутрь, а ее спутники поспешили за ней. Они оказались в пространстве столь огромном, что Грейс потребовалось время, чтобы сориентироваться. Пятнышки где-то вдалеке на самом деле были людьми.

Мелия уже быстро шла по белому полу. Грейс старалась не отставать. Кремового оттенка кошки постоянно попадались им на пути. Они выглядели такими мягкими, что у Грейс возникло желание взять одну их них на руки и погладить. Однако она не стала этого делать, потому что знала, что прикосновение к любимым императорским кошкам каралось отсечением руки. Грейс заметила, что многие кошки побежали за Мелией.

Они шли почти целую минуту, точки по другую сторону зала наконец стали принимать различимые очертания.

Грейс онемела от изумления.

На белокаменном, инкрустированном золотом троне сидел человек, который мог быть только императором, и никем иным. Он был огромен, как сама империя. Руки размером с туловище Грейс лежали по обе стороны трона, а ноги, огромные, как стволы деревьев, заканчивались удивительно изящными ступнями в сандалиях. Голова императора, которая казалась слишком маленькой по сравнению с остальным телом, опиралась на несколько

складок плоти, которые когда-то были шеей. Его круглое лицо обладало на удивление изящными чертами. Глаза умные, хотя и какие-то тускловатые. Голову венчала корона из золотых листьев итайя.

Императора окружало множество женщин. Кто они такие? Его прислужницы? Рабыни? Храмовые куртизанки? В одном Грейс была уверена — все до одной были молоды, красивы и, если не считать драгоценностей, абсолютно наги. Пара раздетых молодых людей овевала императора опахалом, их покрытые маслом тела блестели. Несколько дев старались привлечь внимание Эфезиана к фруктам. Другие молодые люди играли на арфах и танцевали.

Покраснев, Грейс отвернулась и увидела, что все ее спутники-мужчины, не отрываясь, смотрят на обнаженных женщин.

В отличие от спутников Грейс император совершенно не обращал внимания на лоснящиеся женские тела, извивающиеся в танце. Он с безразличным видом держал в руке бокал вина, словно забыв о нем. На его лице была написана нескрываемая скука.

— Ваше великолепие, — обратилась Мелия. — Как приятно видеть вас!

Император слегка приподнялся. На мгновение он нахмурился, но в следующую секунду будто пелена упала с его глаз, и они зажглись ярким светом.

— Боги мои! Мелиндора Сребролунная!

Голос императора показался Грейс довольно приятным чистым тенором.

— К вашим услугам, Ваше великолепие! — сказала Мелия, присев в элегантном реверансе, которому Грейс не смогла бы научиться и за тысячу лет.

Тем не менее они все согласно этикету поклонились.

Эфезиан жестом пригласил их встать.

— Это первое интересное событие, произошедшее за весь день. И Фолкен с тобой. Снова готов к новой проделке, да, меланхоличный бард? Объединял какие-нибудь королевства? А это твои друзья? Они ведь не настоящие морниши, верно, Мелиндора? Они совсем не похожи на морнишей, кроме этих двоих. Это брат и сестра? И еще, может быть, тот, темнокожий. Вы только что прибыли в Таррас?

У Грейс возникло впечатление, что император не ожидал, что кто-то будет отвечать на его вопросы. Тем не менее Мелии удалось вставить слово.

— Нет, Ваше великолепие. Мы уже некоторое время находимся в городе.

— Что? — Эфезиан перебросил мясистую руку на подлокотник трона. Несколько обнаженных девушек тут же подскочили. — И вы только теперь пришли ко мне? Что ты делала все это время, Мелиндора? Разве может быть что-то более важным, чем посещение меня, твоего императора?

Мелия искусно выдержала паузу после вопроса.

— Я пыталась, Ваше великолепие. Однако министр Ворот сказал мне, что вы отклонили мое прошение о свидании.

— Глупости! Министр не говорил мне ни о каком прошении.

— После моей недавней стычки с ним меня это не удивляет, Ваше великолепие.

Эфезиан явно разозлился:

— Спасибо, что дала мне повод заняться чем-то действительно интригующим. Я выясню все до конца.

Он щелкнул толстыми пальцами и вперед выступил один из солдат. Сначала Грейс их не заметила, но теперь видела, что десятка два воинов стояли по периметру тронного зала. Она предположила, что это необходимо для безопасности императора. Но, с другой стороны, охраны было слишком много.

— Приведи министра Ворот ко мне, — приказал император солдату. — Вы же можете отведать угощений, пока мы его подождем, — добавил Эфезиан.

Несколько девушек поспешно спустились вниз с помоста. Дарж по-прежнему не спускал с них глаз.

Лирит прикоснулась к его руке:

— Он имел в виду вино, Дарж.

Рыцарь усмехнулся с видимым облегчением и принял бокал у одной из девушек. Эйрин прижала ладонь к губам, чтобы удержаться от смеха.

Прекрасно сложенный юноша преподнес Бельтану бокал вина. Белокурый рыцарь улыбнулся.

— Привыкнуть к этому вовсе несложно.

— В том-то и проблема, Бельтан, — негромко сказала Грейс. — Он давно привык.

Император что-то проворчал, когда несколько девушек погладили его по волосам. Затем разогнал их.

— Убирайтесь! Все! С завтрашнего дня я возвращаюсь к евнухам. Они холодны, как камни, но по крайней мере не хихикают все время.

Лирит не решалась, но потом все-таки подошла к помосту, и поклонилась почти так же элегантно, как Мелия.

— Простите меня, Ваше великолепие.

Император посмотрел на нее.

— Почему я должен прощать тебя, девушка? Ты оскорбила меня?

— Просто я заранее приношу свое извинение, Ваше великолепие.

Эфезиан рассмеялся.

— Мелия, эта мне нравится. Умненькая. Можно мне ее?

— Боюсь, она не принадлежит мне.

— Жаль, тогда продолжайте, девушка, вы принесли ваши извинения. Я в хорошем настроении, потому что увидел Мелиндору, и скорее всего не прикажу выпороть вас за вашу дерзость.

Лирит нервно сглотнула.

— Я просто подумала, Ваше великолепие, что могла бы внести предложение. Если все это, — она указала на тела, извивающиеся у трона, — все это потакание вашим слабостям наскучило вам, то, возможно, вы готовы рассмотреть новое предложение?

Император сложил руки на животе.

— Предложение? Какое?

— Например, мораль и добродетель.

Эфезиан повторил эти слова, как будто впервые слышал их.

— Мораль и добродетель? Я правильно понял тебя, девочка? Ты имеешь в виду — отказаться от вина, еды и плотских утех?

— Вам не следует отказываться от них, Ваше великолепие, не совсем. Просто потреблять в умеренных количествах.

— Умеренных? — Император захлопал в ладоши, его глаза радостно засияли. — Да, умеренность. Как это точно! Людям будет очень неприятно — я это обожаю. Пожалуйста, расскажи нам еще про эти добродетели, как ты называешь их.

Лирит уже открыла рот, чтобы ответить, но в это время солдат, которого император послал за министром, промчался мимо них и рухнул на колени у подножия трона.

Эфезиан нахмурился:

— Я приказал тебе привести министра. Однако я не вижу его.

— Простите меня, Ваше великолепие, — сказал солдат. — Я не мог привести министра.

— Почему нет?

— Потому что министр мертв, Ваше великолепие.

Грейс почувствовала, как сердце бешено застучало в груди.

— Мертв? — Эфезиан подозрительно сощурил глаза. — Но как? Я не помню, чтобы заказывал его казнь на сегодня.

— Судя по его внешнему виду, это яд, Ваше великолепие. И мы кое-что нашли на теле. Нечто странное.

Грейс как будто ударили. Нет. Не может быть.

— И что же это такое? — допытывался Эфезиан.

Солдат протянул руку. На ней лежал паук, сделанный из золота.

Эфезиан подался вперед, слушая рассказ Мелии и Фолкена об убитых богах. Нагих девушек и юношей отослали прочь.

— Это правда, Мелиндора? — проговорил Эфезиан. — Ты знала, кто стоит за смертями Ондо, Геба и Сифа, а также за отвратительными нападениями на мои храмы в городе? И ты не рассказала мне об этом?

— Пожалуйста, вспомните, Ваше великолепие, — Мелия говорила с ним как с капризным ребенком, — сегодня министр Ворот отказался пускать меня в Первый Круг и не сообщил вам о моей просьбе.

— Теперь мы знаем причину этого, — сказал Фолкен. — Должно быть, министр действовал по воле скирати. Эти колдуны не хотели, чтобы вы узнали правду об убитых богах, Ваше великолепие, и не позволяли никому, кто мог бы предупредить вас, войти во дворец. Но бог Мисар, должно быть, обнаружил предательство вашего министра. И когда министр в конце концов позволил нам войти, скирати сразу же вознаградили его смертью.

Эфезиан стиснул в руке бокал, инкрустированный драгоценными камнями.

— Это недопустимо. Я не потерплю лжи и предательства в моем городе — если только они не исходят от меня лично. Жаль, что министр уже мертв, иначе я сам казнил бы его каким-нибудь ужасным способом.

Он поднес было бокал к губам, но поморщился, опустил бокал и вздохнул. Мелия поднялась еще на одну ступеньку, ведущую к трону.

— Что-то не так, Ваше великолепие?

— Ничего, Мелиндора. — Император с отвращением отбросил кубок прочь. Малиновое вино разлилось по белому полу, напоминая кровь. — За исключением того, что о важных событиях в своей империи я узнаю последним.

— Но это огромная и великая империя, Ваше великолепие.

Эфезиан недовольно скривился:

— Именно так мне и говорят мои советники. Однако я не настолько безволен и глуп, как они считают. Я знаю, что дни моей империи сочтены, хотя ее земли постоянно расширяются. — Он поправил корону короткой мясистой рукой. — Пожалуй, пришла пора заняться делами государства вплотную.

Лирит одобрительно кивнула:

— Вы увидите, что это одна из счастливых сторон вашей добродетельной натуры, Ваше великолепие. Ваш разум и ваша энергия освободятся для нужных и полезных вещей.

— Неужели? — с иронией произнес Эфезиан, потирая подбородок. — Красиво говоришь. Я приказываю тебе — расскажи мне еще о моих добродетелях.

Мелия снова поднялась на одну ступень.

— Ваше великолепие...

Император жестом остановил ее.

— Да-да, Мелиндора, я вижу, что это не праздный визит. Боги запрещают приходить в Таррас лишь для того, чтобы выказать свою любовь и уважение возлюбленному императору. Хватит. Чего ты хочешь?

— Купол Этериона, — сказала Мелия. — Ах да, и солдат, побольше.

Император наклонил голову, его толстые губы растянулись в улыбке:

— Ну наконец-то. Все-таки это будет интересный день.

Немного позже путешественники собрались в помещении, которое Эфезиан назвал «скромным императорским покоем, где вы можете подождать, пока все будет подготовлено для Мелиндоры». По имперским меркам скромным называлось помещение размером с огромный склад.

Лирит нигде не было видно. Она осталась в тронном зале, поскольку Эфезиан выразил желание узнать побольше о диковинной теории морали и достоинства. Уходя, Грейс видела Лирит сидящей на верхней ступеньке трона. Она весело болтала с императором, который сияющими глазами смотрел на нее, потирая подбородок и усмехаясь.

Он близорук, Грейс. Ты видела, как он наклоняется к каждому, кто заговорит с ним. И поэтому все эти раздетые молодые девушки были ему неинтересны, он просто не мог их нормально видеть.

В этом мире невозможно, к сожалению, приобрести очки для императора. С другой стороны, чтобы стать мудрее и видеть суть вещей и явлений, стекла не помогут.

Грейс прогуливалась по залу под косыми лучами света, вдали от всех остальных. Эти несколько дней были для нее мучительно трудными. Как хорошо отключиться, пусть даже только на одно мгновение. Она посмотрела в свой бокал: пуст. Грейс пошла к слуге, стоявшему в дальнем конце зала.

Она ускорила шаг, потом перешла на бег.

К тому моменту, когда Грейс добежала до противоположной стороны зала, ее сердце выпрыгивало из груди, легкие хрипели, но ни слуги, ни вина там не было. Ее спутники казались маленькими тенями где-то вдалеке. Ей ничего не оставалось, как вернуться к ним и надеяться, что она успеет сделать это прежде, чем лишится сил.

Помедленнее, Грейс. Ты думаешь, что, стремительно перелетая из одного мира в другой, удастся сохранить хорошую физическую форму?

И тут Грейс заметила статую, мимо которой она пробежала в неудачной попытке добыть вина. Это была фигура

человека в два раза выше нормального роста. Грейс не могла понять, что заставило ее остановиться и посмотреть на скульптуру. Она казалась совершенно неуместной здесь. Но, возможно, это и делало ее привлекательной.

В отличие от белого гладкого мрамора, окружавшего ее со всех сторон, это был грубо отесанный серый камень. Тем не менее скульптуру отличала необыкновенная одухотворенность, которая придавала удивительную живость образу. Человек был скорее всего воином, приготовившимся к битве, в руке он держал массивный меч.

На изображенном была грубая одежда древнего воина: искусная резьба создавала иллюзию тонкой кожи, меха, и кованых стальных доспехов, а косматые волосы придавали ему несколько волчий облик. Тем не менее он был красив. Более того — он впечатлял. Перед таким человеком почтительно преклоняют колени. Потом Грейс заметила кольцо в его брови и поняла, что этот человек был королем.

Однако как же объяснить нахождение здесь этой скульптуры? В Таррасе правили императоры, не короли, и Грейс понимала, что ни один из них никогда не выглядел так. Статуя была вся в щербинках и выбоинах. Скорее всего ее изваяли очень давно.

— Что ты здесь делаешь, Грейс? — прозвучал за ее спиной мелодичный голос.

От звука голоса Фолкена Грейс очнулась и поняла, что неотрывно смотрит на статую. Как давно она разглядывает ее? Грейс быстро обернулась. Остальные путешественники тоже подтягивались в ее направлении.

— Он был славным королем, — тихо произнес бард.

— Кто он, Фолкен?

— Это Ультер, король Торингарта. Так он выглядел тысячу лет назад. Я думал, что ты знаешь о нем, Грейс, о том, как он и Эльсара, императрица Тарраса, объединились, чтобы победить Бледного Короля в Войне Камней. — Фолкен подошел ближе к скульптуре. — Так вот как выглядел Фелльринг. Мне всегда это было интересно. Я думал, что никаких копий не осталось, после того как статую разрушили. Но Эльсара, видимо, разрешила сохранить этот вариант, когда Ультер приехал в Таррас просить ее о помощи.

— Фелльринг? Что это? Или кто?

— Это имя носил меч Ультера. Вот видишь? — Фолкен указал на клинок в каменной руке. — На нем начертаны руны силы.

Внимание Грейс было сосредоточено на лице статуи, и она не сразу рассмотрела меч. Только теперь она увидела его — и в следующее мгновение пол поплыл у нее под ногами, а мир сразу как-то поблек, утратив привычные краски. Когда взгляд прояснился, она увидела склонившиеся над ней лица товарищей. Фолкен, Мелия, Тревис и другие. Когда наконец у нее перестало звенеть в ушах, она услышала их голоса.

— Что с тобой, Грейс? — спросил Тревис.

— Ты можешь говорить? — обеспокоенно поинтересовалась Мелия.

Еще два голоса звучали в ее голове, сплетаясь в один.

Сестрица, что случилось?

Внимание окружающих сильно смутило Грейс. Она собралась с силами и решительно встала.

— Все хорошо, — заявила она, хотя это было не совсем так. В данный момент она плохо себя чувствовала.

— Тебе виднее, — с сомнением заметил Тревис, — но даже я знаю, что люди не падают в обморок, если с ними все нормально. Что с тобой происходит?

Не было смысла скрывать. Кроме того, она хотела увидеть, должна увидеть, права ли она. Дрожащими пальцами она вынула из кармана бумажный сверток и развернула его. Это был рисунок, который ей дала Дейдра.

Рисунок меча.

Сомнений не было — даже она видела, что руны одинаковы. И реакция Фолкена подтвердила ее правоту.

Ошеломленный бард посмотрел на Грейс:

— Грейс, откуда у тебя может быть рисунок с изображением Фелльринга?

— Это не... просто рисунок, Фолкен, — с дрожью в голосе ответила она и вытащила свое ожерелье. Обычно Грейс никому его не показывала.

Фолкен пошатнулся, прижав руку к груди.

— Клянусь Великой Семеркой, этого не может быть!

Бельтан заворчал:

— Хватит загадок, Фолкен. Будь столь любезен, объясни нам, что все это значит?

Вани с любопытством прищурила глаза:

— Это осколок меча? Того самого, что в руке статуи?

— Осколок Фелльринга, — прошептал Фолкен. — Но как это могло произойти?

Грейс сама плохо понимала.

— Он был у меня всегда, — сказала она, сжимая в руке кулон. — Он был на мне, когда меня нашли люди из приюта. Я не помню точно, но, кажется, мне тогда было года три, не больше.

— Это невозможно, я знаю. Единственный ребенок, у которого могла быть эта вещь, был бы...

— Последним потомком и наследником Ультера, — закончила Мелия.

Фолкен и все остальные уставились на Грейс, как будто у нее неожиданно выросли крылья. Грейс пыталась найти слова, но все ее усилия оказались тщетными. Получалось, это была

статуя короля Ультера из Торингарта, и он ее далекий-далекий предок. Что означает, что она совсем не с Земли. Что она...

Голос Тревиса от удивления был тихим-тихим:

— Грейс, ты уроженка Зеи.

Нет, это не могло быть правдой. Однако все было именно так, и она понимала это. Девочка-найденыш трех лет от роду, одна у подножия горы, и все, что у нее есть, — этот обломок меча. Да еще несколько строк из песни, которую она слышала в младенчестве. Песни из другого мира. Из ее мира.

Слова прощаний слишком долго...

— Мечом Фелльринг с острова Эльфов... — пробормотала Грейс.

Мелия схватила Грейс за руку, светясь от счастья.

— Добро пожаловать домой, Ралена!

75

Ошеломленная Грейс слушала, как Фолкен и Мелия рассказывают историю — ее историю — о том, как долгими веками они тайно следили за наследниками древнего королевства Малакор. Лирит уже вышла из тронного зала, но Грейс не заметила, когда. Просто почувствовала, что Лирит смотрит на нее сияющими глазами.

— Я не понимаю, Фолкен, — сказал Бельтан, когда бард прервал рассказ. — Все древние легенды гласят, что королевская ветвь Малакора была полностью уничтожена, и когда Малакор пал, никто из наследников не спасся.

— Ты прав, Бельтан, — ответил Фолкен, рассматривая рисунок меча на клочке бумаги. — Так гласят легенды.

В его словах был подтекст, но Грейс не сразу поняла, что он имеет в виду.

— Все понятно, — сказал Тревис. — Один из членов королевской семьи выжил, только вы с Мелией не хотели, чтобы об этом кто-нибудь знал.

У Фолкена был такой вид, будто тяжесть всех прошедших веков разом навалилась на него.

— Это был единственный ребенок короля и королевы, их новорожденный мальчик. Я вырезал его своим ножом из чрева умершей матери на следующий день после убийства самого короля.

Лирит приблизилась к нему.

— Ты боялся, что убийцы короля и королевы погубят и их дитя.

— Но как все это произошло? — спросила Эйрин. — Легенды говорят о падении Малакора, но не рассказывают, как именно. Только что ты...

Мелия бросила взгляд на юную баронессу, и Эйрин тут же прикусила язык. Однако Грейс поняла, о чем та чуть не проболталась.

Ты стала той самой причиной, по которой пало королевство.

— Нет, миледи, сегодня я не буду рассказывать вам об этом. — Бард поднял глаза и просветлел. — Это не имеет значения, не теперь. Главное — ты вернулась к нам, Ралена.

Наконец Грейс обрела голос:

— Почему ты называешь меня Раленой?

Мелия улыбнулась:

— Потому что это твое настоящее имя, дорогая. По крайней мере то имя, которое тебе дали твои родители.

Ее слова чрезвычайно удивили Грейс.

— Мои родители? Так ты знала их?

— Дорогая моя, я прекрасно их знала, — вздохнула Мелия. — Они были такими молодыми, такими умными — иногда рядом с ними я чувствовала себя тысячелетним младенцем.

Все покатились со смеху. Смеялись с наслаждением, до слез. Не только неожиданная шутка была тому причиной, но и давно накопившееся напряжение. Когда все успокоились, рассказ продолжил Фолкен:

— Раиф и Анилена — твои родители, Грейс, рано поженились. Слишком рано, как мы с Мелией считали в то время, но, видимо, они чувствовали, что им нужно торопиться. Видишь ли, Анилена в то время была единственной наследницей Малакора, прямым потомком последних короля и королевы. Ее родители умерли молодыми — мать при родах, а отец — на охоте на кабана всего год спустя.

Мелия осторожно прикоснулась к руке Фолкена.

— Он позволил зверю убить себя, Фолкен. Ты знаешь, что это правда. Король не хотел жить без своей жены.

Бард в ответ сжал ее руку.

— Мне и Мелии пришлось растить Анилену, причем мы старались, как могли. Не единожды за многие века нам доводилось воспитывать ребенка из рода Малакор, но никогда прежде — младенца столь нежного возраста, поэтому Анилена была особенной для нас.

Конечно, нам помогали. С нами жил Гэвриел Варден с двумя своими сыновьями. Гэвриел был из семьи управляющего поместьем, предки которого служили королям Малакора, так что династическая линия не прерывалась даже после падения королевства. Всегда был по крайней мере один такой управляющий, следивший за наследником.

Когда Анилена была ребенком, мы все жили в южном Кейлаване, в маленьком поместье на берегах реки Златовинной.

— Там было так красиво, — тихо произнесла Мелия. — Я никогда не забуду отблеск речной воды на закате.

Грейс слушала ее, затаив дыхание.

— А она... Анилена знала, кто она?

— Сначала нет, дорогая, — сказала Мелия. — Мы хотели, чтобы у нее было нормальное детство. Она только знала, что родители ее умерли, и считала нас своими дядей и тетей. Позже, на ее восемнадцатилетие, мы подарили ей ожерелье. То, которое теперь носишь ты, и рассказали правду о ее происхождении. Сначала она рассердилась, но через некоторое время примирилась с бременем той ответственности, что легла на нее. — Мелия прикоснулась к руке Грейс. — Женщины в твоем роду всегда были сильными, дорогая.

Грейс подавила желание отдернуть руку.

— И волевыми, не забывай, — добавил Фолкен. — Не прошло и месяца с того момента, как мы все рассказали ей, и Анилена сбежала и вышла замуж за Раифа, старшего из двух сыновей Гэвриела Вардена. По правде говоря, я была удивлена тем, что понадобилось так много времени, чтобы объединить эти две ветви. Без сомнения, Анилена полюбила его и была готова подарить ему наследника как можно быстрее. На тот случай, если случится что-то ужасное.

— Так и вышло, — угрюмо произнес Дарж.

— Черные рыцари, — сказала Мелия. — Четыре года спустя. Анилена и Раиф были счастливы друг с другом и со своей дочерью Раленой — с тобой, Грейс. Однажды мы с Фолкеном отправились в путешествие в Джендарру, чтобы нанести визит нашему старому другу Туму. Тебя мы взяли с собой, поскольку Тум никогда не видел тебя, а родители разрешили тебе поехать. Тебе было только три зимы. В целях нашей безопасности Анилена и Раиф послали с нами Меррика Вардена — это был второй сын Гэвриела, младший брат Раифа.

— Как потом оказалось, — сказал Фолкен, — защита понадобилась не нам. Когда мы вернулись в поместье, оно было сожжено. Только несколько человек выжили, под обломками мы нашли Гэвриела. У него были жуткие раны. Он рассказал нам о рыцарях в черных доспехах. Молча, без боевых кличей они напали на поместье и подожгли его. Раифа убили, когда он попытался защитить Анилену, она подхватила его меч, но они... — Фолкен зажмурил глаза, потом раскрыл их вновь. — Они убили Анилену тут же. Потом, по-прежнему не издав ни единого звука, рыцари развернулись и ускакали так же быстро, как и появились. Гэвриел рассказал нам обо всем этом из последних сил и скончался на руках Меррика.

Грейс с ужасом слушала рассказ. На несколько минут она обрела родителей, которых никогда не знала, и снова потеряла их.

— Кто? — Грейс с трудом сглотнула. — Кто они были? Те черные рыцари?

— Боюсь, что мы никогда не узнаем этого, — сказала Мелия.

— Я уверен, что их послал Бледный Король, — с суровой уверенностью произнес Фолкен. — Теперь мы знаем, что он в тот момент готовился сломать Рунные Врата — то, что не удалось сделать в прошлое Среднезимье.

Мелия посмотрела на барда, но ничего не сказала.

— Это темная история, Фолкен, — вступил в разговор Бельтан. — Мне жаль, Грейс, что ты потеряла родителей. Я знаю, что это такое. Но все это не объясняет появления Грейс в мире Тревиса.

— Это я так сделала, — сказала Мелия.

Тревис раскрыл рот от удивления.

— Ты хочешь сказать, что можешь переправлять людей через миры?

Мелия неторопливо разгладила складки своей одежды.

— Не совсем. Мне помогли.

Фолкен скрестил руки и поднял бровь.

— Ну хорошо, мне очень хорошо помогли. Но новые боги были обязаны мне — ведь я часто делала им разного рода одолжения за многие тысячи лет.

— Итак, ты и несколько других новых богов отправили Грейс на Землю, — подытожил Тревис.

Теперь пришла очередь Грейс удивиться:

— Зачем?

— Чтобы защитить тебя, дорогая. Откуда бы они ни появились, эти черные рыцари, у них была единственная цель — убить наследников Малакора. Ты была единственной наследницей, и мы понимали, что рано или поздно рыцари узнают, что ты осталась в живых. Тогда мы предприняли самые отчаянные меры.

Вани подошла поближе, ее кожаная одежда негромко поскрипывала.

— Так значит, ты знала об этом другом мире, о Земле, так же как об этом знают морниши. Я считала, что только маги Моринду знали о месте, куда можно попасть, пройдя через пустоту, — морндари давно рассказали им, и поэтому маги изготовили эти самые артефакты.

Мелия потрепала Вани по щеке — неожиданный для обеих жест.

— Не надо недооценивать нас, дорогая. Мы можем быть глупы и жалки, но бессмертные все-таки кое-что знают. Мы первыми открыли другой мир тысячу лет назад, потом помогали старым богам удерживать Мога за пределами Зеи. Мы видели, пусть всего несколько мгновений, мир за пределами того, который мы знали ранее.

Тревис задумчиво смотрел на Мелию.

— Значит, новые боги могут открыть Врата на Землю.

— Все не так легко, как хотелось бы. Это потребует от нас грандиозных совместных усилий, создания союза, который, я боюсь, невозможен снова. Но при всех наших усилиях, я думаю, у нас ничего не вышло бы, если бы нечто не помогало процессу с другой стороны.

Ее слова окончательно смутили Грейс.

— Что ты имеешь в виду? Что могло помогать вам с другой стороны?

Однако, прежде чем бард или богиня ответили, их опередил Тревис:

— Вот это, не так ли?

Он торопливо вынул из кармана камень серо-зеленого цвета. Синфатизар.

Фолкен кивнул:

— Мы полагаем, что он. По крайней мере так теперь думаем. Тогда мы не знали, что Сумеречный Камень на Земле. Но его волшебство было сродни маяку для мощи новых богов, притягивая ее к Земле и открывая Врата.

— Поэтому ты пришла в Касл-Сити, Грейс, — сказал Тревис. — И поэтому люди из приюта нашли тебя именно там. Так получилось потому, что у Джека Грейстоуна был Синфатизар. И я полагаю, что именно это привело Железные сердца в Касл-Сити прошлой осенью. Они пришли туда именно за ним, — добавил Тревис и сжал камень в руке.

— Мы не можем быть уверены, — сказал Фолкен, — хотя, возможно, все так и есть. Мы знаем, что Бледный Король обладал великим камнем по имени Гелтизар. Должно быть, могущества камня хватило для того, чтобы он смог послать своих слуг в твой мир. Заметьте, так же как и Грейс, они оказались в том самом месте, где хранился Синфатизар.

Глаза Грейс как будто погасли, ей казалось, что она вот-вот заплачет. Наконец она узнала, что в детстве эти люди ее не бросили. Что они любили ее, пытались защитить. Тогда отчего же она всегда чувствовала себя такой одинокой, что с трудом могла терпеть эту боль?

— Почему, — прошептала она, — почему вы позволили мне идти одной? Зачем вы послали меня?..

...туда, в приют, в тень? — хотела спросить она, но слова застряли у нее в горле.

Мелия молчала секунду, но потом взяла руки Грейс в свои:

— Мы не посылали тебя одну, Грейс. По крайней мере мы этого не хотели. Меррик Варден держал тебя на руках,

когда мы открыли Врата. Он должен был пойти с тобой, присматривать за тобой. Но... что-то пошло не так.

Грейс тряхнула головой, у нее не было слов. Мелия крепче сжала ее руки.

— Ты была такой маленькой, такой хорошенькой. На тебе было платьице, сшитое матерью, а Фолкен надел на тебя ожерелье, которое нашел на шее Анилены. Когда Меррик вступил в переход, мы все почувствовали чье-то присутствие. Что это было или кто, мы до сих пор не знаем. Но оно было велико и могущественно. Это было зло. Я видела, как Меррик закричал от боли. Уже была видна другая сторона Врат — гора, где они, должно быть, нашли тебя. Последним усилием Меррик перекинул твое маленькое тельце вперед. Я видела, как ты упала, покатилась по траве, заплакала. Потом Меррик вскрикнул, его буквально на части разорвало что-то, чего никто из нас не мог видеть. Потом Врата закрылись, и мы не смогли снова открыть их.

Мелия разжала руки.

— Мне так жаль, Ралена. Прости, что оставили тебя одну. Мы хотели защитить тебя, а получилось наоборот. Пожалуйста... Сможешь ли ты когда-нибудь простить нас?

Грейс хотела что-то ответить, но вместо этого застонала и покачала головой. Боль затуманила лицо Мелии, и она отступила. Нет, Мелия не так поняла ее. Грейс по-прежнему отчаянно пыталась найти подходящие слова.

— Мне нечего прощать. Вы сделали все, что могли. Я жива!

И убита.

Но она не произнесла этого вслух. В этом не было вины Мелии или Фолкена. Они посвятили свои жизни защите ее семьи. Если бы не они, Грейс никогда не появилась бы на свет.

Фолкен ласково улыбнулся:

— Не важно, что произошло, Грейс. Ты жива и ты здесь, с нами. Это главное. В один прекрасный день Малакор воссияет под твоей властью.

Эти слова были как неожиданный хлопок в ладоши. Мелия засмеялась и действительно захлопала в ладоши.

— О Ралена! Я думала, что больше никогда не увижу тебя. В тот день, когда мы пришли в Кейлавер прошлой зимой и увидели тебя, я подумала, что у меня сердце разорвется от радости.

Глаза Фолкена чуть не выскочили из орбит:

— Что?! Ты хочешь сказать, что все это время ты знала, что Грейс это Ралена?

Богиня мило улыбнулась ему в ответ:

— Конечно, дорогой.

Лицо барда приобрело совершенно неестественный пурпурный оттенок.

— И ты не считала необходимым поделиться этим пустячком со мной?

Мелия кокетливо закатила глаза:

— Ну, я не думала, что тебе понадобится так много времени, чтобы вычислить это самому. Я сразу ее узнала — только такой очаровательный ребенок, как Ралена, мог вырасти в такую красивую женщину, как Грейс. Кроме того, я полагаю, что ни у кого ни в каком мире нет таких чудесных глаз, как у нее. Они ничуть не изменились, дорогая.

Казалось, Фолкен сейчас взорвется, но в этот момент вперед выступил Дарж. Его морщинистое лицо, как всегда, было спокойно, однако в карих глазах горел огонек.

— Я тоже знал, — сказал он тихо. — Ты и впрямь королева — для людей, если не для волшебников.

И к великому изумлению Грейс, Дарж преклонил перед нею колено и почтительно склонил голову.

Все как будто ждали этого жеста, и через мгновение к нему присоединился Фолкен, затем Бельтан, потом все остальные. Тревис улыбался, у Лирит и Эйрин заблестели глаза. Даже Мелия, Вани и Сарет стояли на коленях перед Грейс.

Это было ужасно. Разве они этого не понимают? Не может она быть королевой.

Но ты действительно настоящая королева, Грейс. Как бы ты ни отрицала этого, ты не можешь ничего изменить, поэтому смирись. Кроме того, ты правительница королевства, которого уже давно не существует, не существует уже много веков. Так о чем же тебе беспокоиться?

О многом. Голубые глаза Фолкена сияют ярче, чем когда-либо. Очевидно, бард считает, что она собирается восстанавливать Малакор — то самое королевство, которое погибло по его вине, как утверждают легенды. Она посмотрела на Вани и Сарета. Почему все вокруг полагают, что она обладает даром воскрешать погибшие цивилизации?

Грейс вытерла слезы, потом наклонилась и заставила Даржа подняться.

— Встань, Дарж, пожалуйста. И вы все. Вы понимаете, как глупо выглядите?

Тревис примерял роль подданного:

— Как пожелаете, Ваше величество.

Сарет вышел вперед.

— Вы рассказали нам удивительную историю. Но можно мне напомнить...

Мелия перебила его:

— Да, Сарет. Мы чуть не забыли. Пойдемте все. Полагаю, мои предложения императору были рассмотрены. Пора показаться Эфезиану и проститься с ним.

Грейс шла словно в забытьи. Она чувствовала, что остальные смотрят на нее со смешанным чувством благоговения и уважения. Даже Тревис. Это просто ужасно.

— Итак, король Бореас был прав, Грейс, — обратилась к ней Эйрин. — Ты действительно принадлежишь к королевской семье. Только ты не герцогиня, а королева.

Королева. Так называла ее Марджи. Совпадение или интуиция?

— Вообще, — продолжала Эйрин, — как королева Малакора ты по происхождению даже выше Бореаса.

К своему удивлению, Грейс рассмеялась, и смех успокоил ее.

— Если кто и скажет Бореасу об этом, то точно не я!

Эйрин засмеялась вместе с нею.

— Не смотри на меня!

Они все еще смеялись, когда достигли трона императора. Близорукие глаза Эфезиана засияли, когда Мелия рассказала ему об их открытии и королевском происхождении Грейс.

— Это обязательно надо отпраздновать! — После шумного выражения радости он переключил свое внимание на Грейс. — Мы почти кузены, Ваше величество. Я потомок старшего сына Эльсары, а вы — ее второго сына. Итак, повелеваю, чтобы весь Таррас почитал вас. У нас будет девять дней пиров, музыки и танцев. Более того, мы можем, вы и я, проехать вместе парадом в золотой колеснице, и я дам вам несколько советов по поводу того, как нужно управлять империей.

Грейс не представляла, что ответить на это, поэтому пролепетала:

— Спасибо, Ваше великолепие.

Теперь Эфезиан обратился к Мелии:

— Я должен поблагодарить тебя, Мелиндора. Вполне может статься, что это самый интересный день моей жизни.

— И он не совсем еще закончен, Ваше великолепие, — сказала Мелия. — Поэтому давайте не будем праздновать раньше времени.

Эфезиан подозвал одного из своих солдат, и тот доложил, что Этерион готов, как и просила Мелия. После этого путешественники попрощались с императором и удалились. Лирит и Грейс пообещали скоро посетить его. Позолоченные ворота дворца с грохотом захлопнулись за ними.

Неожиданно все вокруг задрожало. Раздался дикий рев, и брусчатка двора вздыбилась. Грейс вскрикнула и упала, остальные тоже не удержались на ногах. Грейс поняла, что вибрация, сотрясающая все вокруг, исходит не от дверей. Дрожала сама земля под ногами.

— Что происходит? — закричал Фолкен, стараясь перекричать грохот.

Но в этот момент дрожь земли немного успокоилась, и зловещая тишина повисла над дворцом, нарушаемая отдаленным лаем собак.

Первым поднялся Сарет и помог встать Грейс. Сеть тонких трещин покрывала мощеный двор. Грейс была уверена, что еще мгновение назад этих трещин не было.

— Похоже на землетрясение, — сказал Тревис.

— Не нравится мне это, — сказал Сарет, встревоженно глядя на Вани. — Пещера демона находится глубоко под городом. Это не предвещает ничего хорошего.

Вани открыла рот и собралась ответить, но стоявшая рядом с ней Мелия пошатнулась, из ее груди вырвался стон боли, лицо было смертельно бледным.

Фолкен тут же бросился к ней.

— Мелия, ты ранена?

Она покачала головой.

— Тогда что?

Мелия смогла выдавить единственное слово.

— Мисар...

Это означало только одно: еще один бог погиб, став очередной жертвой демона.

76

Тревис запрокинул голову, глядя вверх, на синий купол. Почти невозможно было поверить, что над ним не небо. Птицы ныряли вниз и взлетали вверх, парили к белым облакам. Ему пришлось смотреть целую минуту, прежде чем проявился обман. Облака не двигались, нарисованные на потолке. Мелия привела их на огромный балкон на шестом ярусе. Балкон был в полном их распоряжении, не считая птиц.

Грейс стояла чуть в стороне от других и смотрела на белый пол Этериона далеко внизу. Тревис не мог удержаться от улыбки. Когда он впервые встретил ее в главном зале в Кейлавере, сразу предположил, что она с Зеи. И даже позже, когда узнал, что Грейс из Денвера, Тревис всегда чувствовал, что она ближе к этому миру, чем, например, он.

Получается, ты был прав, Тревис. Она действительно с Зеи. Более того, значительная часть самой Зеи принадлежит ей.

Только отчего на ее лице столько печали? Возможно, он знал причину. Мелия и Фолкен послали ее на Землю,

чтобы защитить, а в результате она попала в детский приют. И там было небезопасно. Тревис знал, что видел тень, ее тень.

Теперь она вернулась на Зею, домой.

Тревис засунул руку в карман широких штанов и вынул половинку монеты, которую дал ему странный проповедник и которая дважды переправляла его назад, на Землю. У Грейс была вторая половинка монеты, и однажды после их возвращения в Денвер Тревис соединил половинки вместе, чтобы изучить знаки на обеих сторонах.

Когда монета была соединена, он наконец узнал один из символов: круг с точкой в середине. Это была руна Зеи, символ этого мира. Тревис не мог узнать руну на другой стороне монеты — треугольник с чертой над ним. Она несколько напоминала ему руну льда, но, казалось, эта имела другое значение.

Ведь это две стороны одной и той же монеты, не так ли, Тревис? Так тебе сказала сестра Миррим — когда сгорел один мир, то сгорел и другой.

Руна на обратной стороне монеты могла означать только Землю.

Хорошо, так решалась одна загадка, но она влекла за собой другую — кто такой брат Сай? И как мог проповедник пересылать Тревиса и Грейс туда и обратно лишь взмахом руки, когда другие, включая «Дюратек» и скирати, с трудом собирали волшебную кровь и артефакты, чтобы сделать это?

У Тревиса не было предположений. Волшебство морндари, похоже, позволяло передвигаться через пустоту между мирами. И, очевидно, имсари тоже — именно так Джек Грейстоун попал на Землю. И когда Джек был там, Синфатизар работал как маяк, приведший Грейс в Касл-Сити. Вместе со слугами Бледного Короля и Повелителем Рун Майндротом.

Был ли брат Сай родственником кого-либо из этих правителей? Тревис не знал. Но половинки монеты были несколько похожи на артефакт, хотя им не требовалось крови.

Тревис вздохнул. Сейчас невозможно ответить на его вопросы. Но если ему снова выпадет шанс поговорить с братом Саем, он непременно получит ответы. Тревис осторожно сунул монету обратно в карман.

— Хорошо, Мелия, — сказал Фолкен, видимо, продолжая начатый спор. — Мы здесь. И три роты таррасских солдат окружают Этерион. Что теперь?

Мелия все еще была бледна. Однако лицо ее выражало решительность, и в глазах сверкал гнев.

— Сарет сказал, что Тревис проберется в подземелье под городом, а мы должны отвлечь скирати, чтобы они не встретили его там. Отвлечь магов, вот чем я намерена заняться.

— Каким образом ты собираешься это сделать?

— Увидишь.

Богиня распростерла руки, закрыла глаза и запрокинула голову назад.

— Манду, мой дражайший брат, ты здесь?

Слова Мелии рассеялись в туманном воздухе, и тишина наполнила Этерион. Тревис уже начал думать, что вопрос Мелии прозвучал напрасно, как вдруг зазвучал голос. Он шел из ниоткуда: глубокий и сильный, однако странно нерешительный, как будто тот, кто говорил, не был искусен в речах.

— Я... здесь... дорогая сестра.

Странное спокойствие охватило Тревиса. Он знал, что предстоит спуститься под город, сковать демона, тем не менее его наполнял покой.

Эйрин вздохнула, ее взгляд потеплел.

— Манду.

— Кто такой Манду? — тихо спросил Тревис.

— Вечноугасающий Бог.

Казалось, что Эйрин хотела сказать больше, но только снова вздохнула.

Мелия выступила вперед:

— О Манду. Так радостно видеть тебя снова. Мы непозволительно давно не виделись.

— И мне... дорогая сестра.

Воздух заволновался, и появился старик в белом балахоне.

— Я наблюдаю... за ними. Как ты просила... дорогая сестра.

Тревис тихо охнул. Старик был прекрасен. Его морщинистая кожа, тонкая, как шелк, сияла, будто под нею был свет. Тонкие седые волосы окаймляли голову, а золотые глаза были полны доброй мудрости. Фигура старого бога мерцала, становясь то прозрачной, то непроницаемой.

— Я благодарю тебя, Манду, — сказала Мелия. — Им нужен пастырь. Боюсь, заблудших овец прибавилось.

— Да... дорогая. Мисар закончил свой круг. Но не бойся... милая Мелиндора. Я присмотрю и за стадом Мисара тоже. Я сам почти готов... завершить еще один круг. Однако я останусь... хотя бы на некоторое время. Возможно, я слишком далеко зашел... в своем совершенстве. Остановиться на некоторое время полезно для меня.

Мелия вся светилась:

— О Манду, я так рада слышать это. Нам всем будет легче от твоего присутствия, особенно в эти темные времена. Ты смог сделать то, о чем я просила?

— Смог. Теперь даже последователи Геба... говорят так, как ты указала.

— Замечательно!

— Теперь я пойду... отдохну. Боюсь, я не привык... быть реальным.

— Спасибо, мой дорогой брат, — сказала Мелия тихо. — Когда все будет сделано, я снова поговорю с тобой.

Сияющая аура вокруг старика вспыхнула так ярко, что Тревису пришлось зажмуриться. Когда он снова открыл глаза, старика не было, и Мелия уже шла к ним.

Лирит приветствовала ее:

— Мне казалось, ты говорила, будто Манду предпочитает оставаться в стороне от дел других богов.

— Обычно он не вмешивается. Но последние события затронули и его. Он согласился помочь тем, кто потерял своих богов. По крайней мере до тех пор, пока не появятся новые боги и не займут места Ондо, Геба, Сифа и Мисара.

Бельтан почесал свою редеющую светлую шевелюру.

— Прости, Мелия, я не понимаю. Боги были рядом с нами веками. Как теперь неожиданно могут появиться новые и занять места тех, что были убиты?

— Даже я не знаю, дорогой, — сказала Мелия. — Поэтому культы называются тайным волшебством.

— Тира, — тихо сказала Грейс. — Она стала богиней. Мы видели, как она вознеслась на небо. Пойдут ли за ней те, кто потерял своих богов?

Мелия задумалась.

— Со временем, наверное. Пока Тира еще только ребенок. Возможно, пройдет много времени, прежде чем мы сможем понять ее предназначение.

— О чем говорил Манду? — спросил Фолкен. — Он что-то упомянул о разговорах последователей Геба.

Мелия пригладила свои иссиня-черные волосы.

— Да, Манду говорил с нищими и ворами Тарраса. Они распространяют слухи по городу.

— Слухи, которые рассказывают о реликвии древнего юга. О реликвии, которая и сейчас якобы содержится императором в Этерионе.

Сарет широко раскрыл глаза:

— Скарабей! Ты пытаешься убедить скирати, что каким-то образом император получил скарабея и охраняет его в Этерионе. Поэтому ты призвала всех солдат.

Мелия улыбнулась:

— Думаешь, получится, Сарет?

Морниш почесал бороду, и улыбка скользнула по его лицу.

— Жажда скирати получить скарабея не имеет границ. Они не смогут удержаться, если поверят, что в слухах есть доля правды. Они придут.

Тревис собрал всю силу воли.

— И это даст мне необходимое время, чтобы спуститься под город и...

И что? Он действительно не знал, поэтому ничего больше не сказал. Время пришло. Если план Мелии удался, скирати могут появиться в Этерионе в любой момент. Вани достала из кисета обсидиановый артефакт и установила его в центре балкона.

Сарет передал Вани свечи и небольшой мешочек с травами. Они собирались произвести очистительное заклинание. Две минуты, может быть, три — все, что оставалось у Тревиса, пока он не спустился под город. Когда Сарет столкнулся с демоном, он потерял своего лучшего друга и ногу. Что потеряет Тревис?

Возможно, все. Что все?

Его взгляд остановился на высокой мощной фигуре. Белокурый рыцарь смотрел в пространство над Этерионом, огромные руки ухватились за каменные перила. Рыцарь выглядел здоровым и сильным. Все равно что-то довлело над ним, замутнив его душу, и снова Тревис задумался над тем, что «Дюратек» сделал с Бельтаном.

— Они старались сделать из меня убийцу, — говорил Бельтан. — Я полагаю, они не знали, что я уже был таким.

Имело ли это отношение к преступлению, о котором Бельтан говорил вчера вечером? Нельзя верить некроманту, что бы он ни говорил. Бельтан хороший, добрый и смелый, у него нет склонности к разрушению. Он не такой, как Тревис.

Я монстр, Бельтан: Я тот, кому суждено разрушить Зею. Об этом сказал дракон Сфитризир. Грейс говорит, что и колдуньи в это верят.

Тревис направился к Бельтану, но вдруг тихий голос зазвучал позади него:

— Ты ведь можешь видеть его тень.

Тревис обернулся и уставился на Грейс.

— Что?

Она не смотрела на него, ее взгляд был устремлен на большого рыцаря.

— Я впервые увидела ее по дороге в Спардис и потом снова, когда я связала наши нити воедино. У него тоже есть тень, так же, как и у меня. Как и у всех нас.

Он вопросительно посмотрел на нее.

— Сегодня утром, когда мы шли в город, я использовала Дар, чтобы посмотреть на твою нить, Тревис. На твою и на нити остальных. Даже Мелии и Фолкена. У нас у всех есть тени.

Тревис понял. У всех есть духи, которые преследуют их. Он вздохнул.

Я люблю тебя, Элис.

На мгновение он как будто снова очутился там, в безмолвном доме в Иллинойсе, где умерла его сестра. Потом взор его прояснился, и он увидел, что Грейс смотрит на него.

— Ты любишь его? — спросила Грейс.

Вопрос был прямым, как будто врач спрашивал его, где болит.

— Да, — сказал Тревис и удивился уверенности в своем тоне. — Я ничего никогда не знал толком в этой жизни, Грейс. Частенько я не могу отличить, что хорошо, а что плохо. Но я люблю Бельтана. Это единственное, в чем я уверен.

Взгляд Грейс пронизывал его.

— Тогда почему ты сейчас не с ним?

Тревис не смог ничего сказать. Теперь, как и прошлой ночью, что-то удерживало его. Но что?

— Вани, — подсказала Грейс.

И только в эту секунду Тревис осознал, что смотрит не на Бельтана, а на девушку. Как будто почувствовав его внимание, она подняла на него золотые глаза. И снова опустила их.

— Что происходит, Грейс? — только и смог произнести Тревис.

— Я не знаю. Я думаю, наверное... — Грейс вздохнула. — Еще в гостиничном номере в Денвере Вани спрашивала меня о тебе и Бельтане. Она спрашивала, любишь ли ты его. Когда я ответила, что да, она, как мне показалось... чуть не заплакала.

Осознание ситуации захватило Тревиса, ему стало плохо.

— Вчера вечером, когда Сарет рассказывал об их друге, Ксемете, было очевидно, что Ксемет любил ее. Но Вани упомянула карты, что-то, что она увидела в них.

— Мордари верят в судьбу, Тревис. Возможно, карты открыли ей, кого она должна полюбить, и, возможно, это был не Ксемет, возможно, это...

Нет, он не хотел слышать. Бельтан любит его, и он любит рыцаря. Это единственная уверенность за всю бестолковую жизнь, и он не откажется от этого чувства. Но Грейс закончила:

— Она любит тебя, Тревис.

Церемония подготовки завершилась, Вани выпрямилась. Голубоватый дым ладана вился вокруг нее призрачными струями.

— Ты готов, Тревис?

Он взглянул на Грейс, но времени для слов не оставалось. Может быть, к лучшему. Проще уйти вниз, под город и встретить демона — от одного чудовища к другому. Лучше так, чем выбирать между двумя людьми, которых он не достоин.

Тревис подошел к артефакту. Нащупал у себя в кармане гладкую поверхность Синфатизара. Несмотря на смертель-

ную тоску, смог улыбнуться. Жив он или мертв, по крайней мере он старался сделать что-то доброе. Может быть, зачтется.

— Готов, как всегда.

Мелия встала на цыпочки, поцеловала его.

— Будь осторожен, дорогой.

Эйрин растерянно оглядела собравшихся:

— Он не может идти один. Мы должны проследить... то есть кто-то должен пойти с ним.

Лирит резко взглянула на девушку.

— Я пойду с ним, — сказал Сарет. — Я единственный из вас уже бывал в пещере демона. Значит, я должен открыть Врата.

Грейс подошла к Тревису.

— Ты знаешь, мы через многое прошли вместе, Тревис. Пойдем вместе до конца.

Ее слова пронзили его сердце. Это неразумно. Слишком опасно, они могут не вернуться. А она королева. Невозможно позволить ей идти. Но, опять же, она королева, а кто он, чтобы противоречить ей?

— О Грейс, — только и сказал Тревис.

— Путешествие вниз тяжело и опасно, — проговорил Дарж. — Полагаю, у вас мало шансов вернуться. Но вы не сможете сказать, что это произошло оттого, что у вас не было с собой меча. — И рыцарь тоже подошел к артефакту.

— Ну что ж, — решительно сказала Лирит, — там, где трое мужчин, должны быть хотя бы две женщины. — Она бросила взгляд на Эйрин и подошла к Сарету.

Фолкен рассвирепел:

— Что, все собираются идти под город?

— Нет, — сказала Мелия. — Только те, кто должен, я полагаю. Если же Бельтан и Вани будут так любезны и останутся с нами, мы вместе отразим атаки магов, которые могут прорваться через солдат Эфезиана. А ты, Фолкен, присмотришь за леди Эйрин.

Бельтан был мрачен. Он сжал рукоять меча морнишей.

— Никакие чародеи не пройдут мимо меня, Мелия.

— Мимо нас, — поправила Вани.

Убийца смотрела на Бельтана. Рыцарь взглянул на нее и кивнул.

Тревис был в смятении. Никто из них не должен идти, это его участь.

— Благодарю, — сказал он. Слово совершенно не соответствовало ситуации, но больше он ничего не смог сказать.

Эйрин задрожала.

— Что-то приближается. Их там много, я чувствую.

— Скирати, — промолвила Вани.

Бельтан достал свой меч, а Фолкен пододвинулся к Эйрин.

— Маги поверили слухам, — сказала Мелия. — Нужно торопиться.

Сарет опустился на колени, прикоснулся к маленькой каменной призме и повернул ее так, что грани совпали с гранями артефакта. Послышался щелчок, воздух раздвинулся, и появился неровный овал темноты, окаймленный голубым свечением.

Тревис почувствовал, как кто-то схватил его за руку. Грейс. Она отвела его немного назад. Дарж и Лирит подошли ближе.

— Не думайте ни о чем, когда будем проходить, — сказал Сарет. — Вы должны дать мне представить пещеру. И, что бы ни случилось, держитесь вместе. Понятно?

Они кивнули.

— Пусть боги идут с вами, дорогие мои, — сказала Мелия.

Тревис последний раз взглянул на Вани и Бельтана, но ни один из них не смотрел на него. О Господи, что за мука!

— Пора! — скомандовал Сарет.

Плотным клубком Тревис, Грейс, Лирит и Дарж последовали за морнишем в потрескивающий овал Врат.

77

Под Таррасом было жарко.

Душный воздух тоннеля окутывал Тревиса, как черное одеяло, не давая дышать. Сарет держал маленький фонарь, прикрывая его свет щитом. Тревису было несложно идти по извилистому коридору — несмотря на темноту, его новые глаза различали гладкие волнистые стены и пол. Однако Грейс, Лирит и Дарж постоянно спотыкались и слепо ощупывали пространство впереди себя.

— Далеко еще? — прошептал Тревис Сарету.

Морниш не произнес ни слова с того момента, как мерцающие Врата исчезли. Насколько Тревис мог понять, они постоянно двигались вниз.

— Я направил Врата так, чтобы они доставили нас прямо к пещере, — сказал Сарет едва слышно. — Видимо, мы чуть дальше, чем я предполагал. Скоро придем.

— Такое ощущение, что весь мир давит своим весом на это место, — пробормотал Тревис на ухо Грейс.

— Нет, только один город.

Сарет остановился. Тоннель снова разветвлялся на два совершенно одинаковых прохода.

У Тревиса началась паника. Единственный способ выбраться на поверхность — это найти пещеру и потом тот

выход из нее, по которому однажды спасся Сарет. У Сарета все еще есть артефакт, но он пуст, кровь эльфа израсходована. Если они не найдут верный путь, то останутся в этой западне навсегда. Хотя нет, не так. Рано или поздно их найдут скирати. Если еще раньше демон не поглотит их и весь город.

— Сюда, — решил Сарет и пошел по левому проходу.

Остальные последовали за ним. Тревис шел и думал, как эти тоннели образовались. Не водой. Хотя стены были гладкими, но то здесь, то там из них торчали острые камни. В конце концов они напомнили Тревису кровеносную систему огромного тела.

Сарет поднял руку.

— Я узнаю это место, — прошептал морниш. — Мы рядом.

— Но я чувствую только пустоту впереди, — сказала Лирит, слегка прижав пальцы к вискам.

— Неужели, миледи? — пробурчал Дарж. — А я думаю, что за всю свою жизнь не нюхал воздуха, столь насыщенного опасностью.

— Пустота, это и есть демон, бешала, — прошептал Сарет. — Возможно, это ты и ощущаешь.

— Нет. Впереди что-то есть, — тихо сказала Грейс. — Но сложно понять — как тень на черном. — Она выдохнула. — Теперь оно пропало.

Тревис нащупал в кармане твердый шар Синфатизара.

— Дальше я пойду один. Вы оставайтесь здесь.

Лирит запротестовала:

— Но свет...

— Мне не нужен свет, — оборвал ее Тревис и начал спускаться по тоннелю.

Страх возрастал в нем с каждым шагом.

Это глупо, Тревис. Более чем глупо. Сарет сказал, что демоны могут поглощать целые города. Они превратили всю южную часть континента в пустыню. С чего ты взял, что сможешь остановить его?

Он не мог, но мог Синфатизар. А еще потому, что Джек Грейстоун сделал его Разбивателем Рун, и теперь Тревис единственный, кто мог прикоснуться к имсари и остаться в живых. Поэтому эльф и передал камень ему.

Сумеречный Камень сделает всю работу, Тревис. Ты просто мальчик на посылках. Это не такой уж большой труд, ты справишься.

Они прошли совсем немного, когда Тревис заметил легкий свет, словно пятнистое лиловое свечение, обычно заметное после того, как взглянешь на яркий свет. Позади Сарет задул пламя фонаря, и Тревис понял, что не он один видит свет. С каждым шагом лиловое свечение становилось ярче, пульсируя в воздухе.

Тревис ощутил его раньше, чем увидел. Дуновение чуть более прохладного воздуха коснулось его лица, и легкое эхо

шагов уже больше не возвращалось так быстро. Впереди простиралось пустое пространство. Огромное пространство. Лиловый свет теперь испещрял темноту подобно оспинам. Резкий запах пропитывал воздух. Стены по обеим сторонам обвалились. Если бы не сверхчувствительные глаза, он никогда не увидел бы края обрыва. Как бы то ни было, правый ботинок Тревиса скользнул с края пропасти. Он чуть не упал, но сильные руки удержали его за плечо. Дарж.

— Я считал, что ты должен был остаться там, — прошептал Тревис.

— Как пожелаешь, Тревис. Я вытащу тебя из пропасти и вернусь назад.

Тревис поморщился.

— В этом нет необходимости. И спасибо.

Остальные тоже подошли ближе, и распростертые руки Даржа оградили их от падения в бездну. Они стояли на плоской каменной плите, нависавшей над пустотой. Посередине плиты находился цилиндр из темного камня, четырех футов высотой и настолько широкий, что Тревис с трудом мог бы обхватить его. Он походил на пьедестал.

Лиловый свет мерцал во всех направлениях, подобно зарнице, и поэтому было невозможно оценить размер пещеры. Она огромная, это все, что мог сказать Тревис, такая огромная, что он удивился, как весь город еще не провалился в нее.

Сарет тихо присвистнул:

— Она выросла. Когда я был здесь в прошлый раз, пещера была вполовину меньше.

— Демон. — Лирит сказала это тихо, но эхо ее слов все еще отдавалось под сводами. — Где он, Сарет?

— Разве не должен он от голода напасть на нас? — спросил Дарж.

Он держал свой большой меч наготове, как будто массивное лезвие могло повредить существу, у которого даже нет тела.

— Не знаю, — выдохнул Сарет. — Демон...

— Его нет, — просто сказала Грейс.

Остальные обернулись к ней.

— То есть как — нет? — спросил Тревис.

Она протянула руки.

— Его нет. Нити Паутины жизни переплетены, как ты и говорила, Лирит. И некоторые из них наполовину... съедены. Но существа, которое сделало это, больше нет здесь. В этом я уверена.

— Мы слышали, как дрожала земля, — сказал Дарж. — Могло ли это быть следствием бегства демона?

Сарет сжал руки в кулаки.

— Нет. Это невозможно. Если бы демон в тот момент уходил, без сомнения, мы бы знали об этом.

— Возможно, он просто вырвался, — сказал Тревис. — Всего несколько минут назад. После того, как мы прошли Врата.

Дарж нахмурился:

— Очевидно, мы почувствовали бы большее дрожание в тоннелях, если бы это был демон. Логика подсказывает, что демон не мог выбраться отсюда недавно. А значит, он должен все еще быть здесь.

— Только его нет, — сказала Грейс.

Лирит скрестила руки.

— Один из вас точно ошибается. Демон не может быть и не быть здесь одновременно.

Мозг Тревиса бешено работал.

Время.

Потом озарение.

— Время! — воскликнул он, и эхо загрохотало по всему подземелью. — Вот оно, Лирит.

Сарет посмотрел на него:

— О чем ты говоришь?

Мысли носились в разуме Тревиса так быстро, что было сложно остановить одну из них.

— Вчера вечером ты говорила об этом, Лирит. И мы видели это, когда шли по городу сегодня утром. Люди и боги теряются в мечтах о прошлом. Это демон — он разрушает течение времени здесь, в Тарра-се, сначала для богов города, а потом и для простых жителей.

Лирит кивнула.

— Демон не только поглощает нити Паутины жизни. Он спутывает нити полотна времени.

Глаза Грейс засветились. Она повернулась к Сарету:

— Вани говорила, что морндари не имеют физического тела. Это так?

— Так.

— Тревис, — продолжала она, — ты знаешь что-нибудь о теории относительности?

— Доктор у нас ты, Грейс.

— Да, но, к сожалению, не доктор технических наук. Однако судя по тому немногому, что мне известно, относительность говорит о том, что время, материя и пространство связаны. Если у чего-то нет тела, нет массы, оно может двигаться со скоростью света. И такое движение способно влиять на течение времени.

Худое лицо Сарета было угрюмым.

— Я не буду притворяться, что понимаю, о чем ты говоришь, Грейс, но если у морндари нет тел, то у демонов они есть. Они — морндари, одаренные телами магами Амуна.

— Все верно, — сказала Грейс, закусив губу.

— Об Эйнштейне поболтаем позже, Грейс. Демона больше нет здесь. Нужно найти проход, по которому вышел Сарет, и самим выбираться отсюда.

— Дайте мне минуту, — сказал Сарет, подходя к краю пропасти. — Даже внешне здесь все изменилось со времени моего прошлого похода. Надо подумать.

Дарж сжал меч.

— Я бы посоветовал быстрее принимать решения. Нельзя ожидать, что скирати будут долго верить уловкам леди Мелии. И разве у магов нет реликвии, с помощью которой они могли бы транспортироваться сюда?

Сарет молча всматривался в темноту.

— Тебе нужен свет, — сказала Лирит.

Она сплела пальцы и подняла вверх светящийся шар зеленоватого цвета. Темнота отступила на шаг. Лоб Грейс покрылся морщинками, когда она повторила движения Лирит. Появился еще один комочек зеленого света, но теперь в руке Грейс. Однако темнота все еще плотно обступала их.

— *Лир,* — прошептал Тревис, и серебристый рунный свет присоединился к светлячкам ведьм.

Темнота отступила еще на шаг.

Сарет продолжил тщательный осмотр. Грейс, Лирит и Дарж двигались за ним. Тревис тоже было двинулся следом, но что-то отвлекло его внимание: паучьи очертания в мерцающем зеленосеребряном свете. Он направился к круглому пьедесталу, который заметил ранее.

Нет, не пьедестал, Тревис. Алтарь.

Он опустился на колени и вздрогнул. Протянул руку, поколебался мгновение и потом прикоснулся к вырезанным на гладком черном камне символам, которые мерцали в волшебном свете.

— Вот, — сказал он тихо, но слова разнеслись эхом. — Думаю, вам надо взглянуть...

Через мгновение все были там. К тому времени Тревис уже распознал цель знаков. Это не были руны или другие письменные знаки, а довольно острые квадратные пиктограммы: рисунки, которые можно читать, не зная языков.

— Это рассказ, — сказал он.

Лирит опустилась на колени рядом с ним.

— Рассказ о чем?

— О маге, — проговорил Сарет, его глаза светились в волшебном свете. — Посмотри, вот он.

Сарет указал на худощавую фигуру. Человек сжимал в одной руке предмет весьма вычурной формы, а из другой выходила череда маленьких точек.

— Но что он делает? — спросил Дарж, бледное освещение подчеркивало морщины на его лице.

Грейс прикоснулась к алтарю.

— Он связывает демона.

Все вместе, пиктограмма за пиктограммой, они восстановили историю. Маг пролил свою кровь, притянув существо, которое было представлено только как точечка, окруженная концентрическими линиями энергии. Демон. Неровные очертания походили на холм, который мог быть только холмом Тарраса. Маг сотворил впадину в холме и с помощью еще одной порции своей крови заманил туда демона.

— Это была не только его кровь, — сказала Лирит, указывая на одну из пиктограмм.

В руке мага была точка, от которой отходили восемь тонких линий.

Быстро они дочитали историю до конца. При помощи скарабея маг заманил демона в пещеру в скале и затем наложил очень сильное заклятие. Последняя пиктограмма показывала, как из тела мага посыпался дождь искр, а круг демона сжался.

— Все? — сказал Дарж, хмурясь. — Но у меня такое ощущение, что история не закончена.

— Похоже, мы не можем видеть всего, — сказал Тревис. — Посмотрите, вот краешек еще одной пиктограммы; ее основная часть стерта.

Потом он понял. С одной стороны камень алтаря был разбитым и неровным, как и все стены здесь. Какая-то сила, что пробила эти тоннели, расколола камень алтаря и уничтожила часть рисунка. Однако Тревису казалось, что он может различить последние символы: маг со всей своей оставшейся силой рисует здесь свое повествование. Они поднялись, обступив алтарь.

— Итак, это был Скарабей Ору, — задумчиво произнес Сарет. — Так маг запер здесь демона. Он использовал драгоценность как скрепляющий центр и пожертвовал свою кровь, чтобы сковать заклятие. Полагаю, мы никогда не узнаем его имени, но он, должно быть, был одним из сильнейших — возможно, один из магов, которые создали демонов прежде, чем осознали свою ошибку.

Тревис почувствовал боль в груди. Маг принес себя в жертву, чтобы обратить свое же волшебство вспять и спасти мир. Он сжал правую руку в кулак.

— Сарет, — проговорил Дарж, — ты говоришь, скарабей не был поглощен волшебством мага, но скорее стал его центром.

— Правильно.

— Тогда, я думаю, тебе стоит взглянуть на это.

Рыцарь смахнул пыль с вершины алтаря. С одной стороны камень был оплавлен и деформирован, но с другой

оказался совершенно неповрежденным. На этой стороне, прямо на поверхности камня имелось небольшое круглое углубление.

— Выглядит так, будто что-то должно подходить сюда по размеру, — сказала Грейс.

Тревис шумно сглотнул. Он тщательнее отер пыль и открыл восемь желобков, отходящих от круглого углубления.

— Нечто с восемью ногами...

Они смотрели друг на друга широко раскрытыми глазами, мерцавшими в серебряно-зеленоватом свете. Чуть слышный звук пронесся в воздухе, как будто маленький камушек зашелестел, прежде чем упасть в бездну.

Ужас леденил душу Тревиса.

— Лирит, Грейс, вы не чувствуете приближение скирати?

У Лирит были закрыты глаза, она уже работала.

— Нет, кроме нас, тут никого нет. Я... — У нее вдруг перехватило дыхание.

— Что-то приближается к нам, — сказала Грейс, распахнув глаза. — Что-то...

Часть тьмы исказилась, разделилась и поплыла к ним: фигура, окутанная в широкий черный балахон. Серебряный рунный свет и зеленые волшебные огни отразили неподвижное, зловеще улыбающееся лицо из золота.

— Скирати! — закричал Сарет, выхватывая меч.

Дарж выступил вперед с поднятым огромным мечом.

— Маска, — говорила Грейс. — В ней источник его силы!

Лирит прижалась к ней, уже наколдовывая что-то. Тревис сглотнул, ожидая атаки горлетов. Определенно маг пришел со своими слугами.

Скирати остановился в нескольких метрах от них.

— Иди, ва-кет! — прошипел Сарет. — Иди сюда, чтобы мы убили тебя.

Сначала тихо, но, постепенно становясь громче, из-под маски донесся зловещий звук. Это был смех.

— Право же, Сарет. — Маг говорил, странно шепелявя. — Неужели это единственное приветствие, которое ты приберег для своего самого старого и доброго друга?

Скирати поднял руку в черной перчатке к маске. Послышался негромкий щелчок, и маг опустил маску, открывая лицо.

Или то, что осталось от его лица.

Отвращение поднялось к самому горлу Тревиса. С левой стороны человек выглядел нормальным, смуглая кожа, темный карий глаз. В каком-то смысле он был даже похож на Сарета. Но взгляд Тревиса привлекала правая сторона лица этого человека — или, точнее, то место, где должна была быть правая сторона

его лица. Тревис видел кости и зубы, похожую на резину кожу, сильно натянутую в попытке скрыть провалы. Однако без маски скрыть их было невозможно: правая сторона лица этого человека была съедена.

— Клянусь кровью Ору! — произнес Сарет. — Это не можешь быть ты. Ты мертв!

Слова скирати прозвучали неразборчиво, но резко:

— И мне тоже приятно видеть тебя, дорогой друг.

— Я только хотел сказать... — залепетал Сарет. — Демон, я видел, как он схватил тебя!

— Правда? — спросил незнакомец, придвигаясь ближе. — Возможно, это было только то, что тебе хотелось увидеть. Потому что вот он я, стою перед тобой, живой, если и не совсем здоровый. — Левая сторона его рта искривилась в усмешке, и он кивнул на ногу Сарета. — Но то же и с тобой. Однако я бы сказал, что тебе повезло.

Он провел рукой около левой стороны лица и вздрогнул от боли.

Сарет облизнул губы.

— Ксемет.

— Да, это я. Друг, которого ты привел в лежбище демона и которого бросил умирать, спасаясь бегством.

— Но ты не умер.

— Естественно. Ты всегда был глуп, Сарет. Очевидно, у твоих родителей была только одна извилина, чтобы передать детям, и ее получила Вани. Но не бойся. Я больше не злюсь. По правде, я даже благодарен тебе за то, что ты сделал со мной. Если бы не ты, дорогой Сарет, я бы никогда не получил того, что имею теперь — ключ ко всему, чего я когда-либо желал.

Сарет колебался, потом сделал шаг вперед.

— О чем ты говоришь, Ксемет? Что ты получил?

— Вот это.

Ксемет опустил руку в складки одежды и достал что-то. Мягкий золотой свет хлынул у него между пальцами. Он вытянул руку вперед.

Он лежал на ладони мага, ножки двигались, прикасаясь к его плоти; паук, сделанный из золота.

Тревис сразу же понял, что это не один из тех пауков, которых скирати делали, чтобы переносить яд. Этот был больше и гораздо красивее. Его глаза были как многогранные опалы, а на спинке крепился сверкающий красный драгоценный камень. Свет и энергия исходили от паука. Он казался живой драгоценностью.

— Скарабей Ору, — прошептал Сарет.

Демон, возможно, и ушел, но Грейс и без Даржа знала, что они все еще в большой опасности. Сарет подошел к своему старому другу так близко, как только мог, но Ксемет не позволял морнишу подойти слишком близко, и каждый раз, когда Сарет приближался менее чем на пять шагов, отходил от него.

Он не настоящий скирати — он не может им быть. Если бы он был магом, мы все были бы уже мертвы. Он просто одет, как они. Только зачем?

Тревис и Лирит стояли рядом с Грейс и смотрели на Сарета. Дарж отошел чуть в сторону. Он все еще держал меч наготове, но не двигался. Возможно, Ксемет и не маг, но у него скарабей, и, судя по словам Сарета, невозможно предугадать, что Ксемет может сделать при помощи этой реликвии.

Сарет увлажнил губы. Без сомнения, морниш тщательно обдумывал, что говорить:

— Это чудо, Ксемет. Ты сделал то, зачем мы приходили сюда в тот день, — вырвал скарабея из рук скирати. И я невозможно счастлив, что ты жив. Только отчего ты не пришел к нам ранее, не дал нам знать, что жив? Все морниши были бы рады. — Он сделал паузу. — Вани была бы рада.

Ксемет вздрогнул. На мгновение левая сторона его лица обмякла. Но тут же посуровела снова.

— Умно, Сарет. Однако неискренние банальности не позволят мне забыть, как ты бросил меня здесь умирать. И твои милые слова не вернут мне лица.

— Мне так жаль, что такое случилось с тобой, мой друг. Правда.

— А теперь ты предлагаешь мне неискреннее сожаление, — огрызнулся Ксемет, — еще менее действенное средство от того, что случилось. Осознание того, что ты потерял часть своего тела так же, как и я, не делает нас равными. Разница между потерянной ногой и тем, что выстрадал я, огромна.

Снова он провел рукой по пустоте правой половины своего лица. Грейс понимала, что Ксемет сделал невозможное, пережив такую рану — особенно в этом мире, где даже маленькая царапина может привести к заражению и смерти.

Но это было стерильное иссечение, не так ли, доктор? Так же как и нога Сарета. Демон не совсем ест предметы — не ртом и зубами. Просто то, к чему он прикасается, — исчезает. Как камни в этих тоннелях.

Или как плоть.

— Как, Ксемет? — сказал Сарет. — Как ты выжил? И почему ты одет как один из скирати?

— Что, старый друг, тебе и твоим спутникам не терпится услышать историю?

Взгляд Сарета стал умоляющим.

— Никто не мог пережить столкновения с демоном. Но ты смог.

Единственный глаз Ксемета засветился. Грейс поняла: Сарет обращался к тщеславию и самолюбию Ксемета, стараясь выиграть время. Но время для чего?

— Хорошо, Сарет. Я признаю, теперь, когда ты пришел сюда, я бы расстроился, если бы ты канул в вечность, не услышав моего рассказа. Я полагаю, у нас достаточно времени, чтобы рассказать все, — Ксемет рассмеялся, издавая булькающий звук. — *Ему* точно нет дела до времени. И я полагаю, что у меня скоро будет все время вселенной. — Он крепче сжал скарабея в руке.

Грейс заметила, как Тревис опустил руку в карман. Сможет ли Камень остановить Ксемета, если тот попытается навредить им? Грейс не знала всего о силе Камня. Дарж все еще держал меч, а пальцы Лирит, спрятанные за спину, плели волшебство. Грейс выпустила нить в сторону худенькой ведьмы.

Заклинание?

Да, сестра, заклинание связывания. Хотя я не знаю, удержит ли оно его. Ты чувствуешь? Скарабей разрывает нити, даже когда я пытаюсь соединить их.

Давай помогу.

С открытыми глазами работать было сложно, но они не могли позволить Ксемету понять, что они делают.

— ...и тогда на нас напал демон, — говорил Сарет. — Я добрался до выхода, обернулся и протянул тебе руку. Только тогда я почувствовал холод в ноге. Казалось, тебя поглотила тень, тебя больше не было.

Ксемет стукнул по скарабею.

— То, что ты увидел, было не совсем тем, что произошло, друг. Демон действительно напал на меня. Я чувствовал, как он окружил меня, и почувствовал холод на лице. Потом земля задрожала, и подо мной открылась бездна. Я упал.

— Поэтому мне и показалось, что демон поглотил тебя. Я не мог знать, что ты все еще жив.

Ксемет издал подавленный рычащий звук:

— Ты считаешь, это избавляет тебя от ответственности за преступление? Если бы ты остался, то услышал бы крики моей агонии. Я упал на пять саженей. Когда я ударился о дно, не знаю, сколько костей было разбито. Пока я лежал там, окоченение на лице исчезло, но пришла боль.

— И что потом? — спросил Сарет.

— Я не знаю, как долго я пролежал там. День, возможно, дольше. Там не было света, нечем было измерять течение времени. Я умирал, медленно и верно. Пытался ползти, но мне требовались часы, чтобы передвинуться на сантиметры. В конце концов я почувствовал, что слабею, и знал, что конец близок. Последний раз я сдвинул себя в сторону одного острого камня — и там нашел это. — Он снова усмехнулся. — Ирония судьбы, я знаю, что если бы не был ранен, то никогда не нашел бы средство своего избавления. В темноте он выглядел, как и все остальные камни. Но я расцарапал руки, и когда капля крови попала на него, он... проснулся от ее вкуса.

Ксемет спрятал скарабея под одеждой, но достал что-то еще: черный треугольный камень.

— Второй артефакт, — сказал Сарет.

Изуродованные губы Ксемета растянулись в самодовольной ухмылке:

— Значит, ты знаешь, как мы делали это, как приносили богов в жертву демону. Но мне это не неприятно. На самом деле я надеялся, что морниши догадаются, что происходит, и помешают скирати. Я даже рассчитывал на это. Все это было частью моего плана, как отделаться и от демона, и от магов на моем пути.

— Ты хочешь сказать, что не присоединился к ним?

— Присоединиться к этим *ва-кет?* Возможно, я был домоседом, возможно, я был неуклюжим, но я никогда не был глуп. — Ксемет потрогал золотую маску, которая теперь висела на шнурке на шее. — Правда, их маскарад устраивал меня. Он позволял скрывать свое лицо и тело, когда я выходил в город.

— Ты! — Лирит чуть не задохнулась. — Ты пытался убить меня!

Ксемет отпустил маску.

— Когда я увидел, что вы прибыли в город, я понял, что дотошная сука Мелиндора Сребролунная не сможет не вмешаться. В этом наряде я пытался убить тебя, чтобы она поверила, что за смертями богов стоят скирати. Я знал, что как только она заподозрит скирати, то сделает все возможное, чтобы помешать им. Она и делает это теперь. И я убил бы тебя, если бы не появился мой старый добрый друг и не спас тебя.

Лирит подняла руку к сердцу.

— Так это ты спас меня?

В глазах Сарета была печаль.

— Это был я, бешала.

— Бешала! — пересмешником повторил Ксемет. — Ах, Сарет, это слишком замечательно. То, что ты привел ее с собой сюда, делает ситуацию такой... милой. Хотя должен сказать, наряд нашего народа не идет ни одному из них, кроме нее.

Сарет провел рукой по волосам, его глаза сверкали.

— Что ты собираешься делать, Ксемет?

— Пожалуйста, Сарет, ты прекрасно знаешь, что я собираюсь убить тебя, так же как демон убьет всех скирати.

— Ты хочешь сказать, что предаешь их?

Ксемет вздохнул:

— Ты просто удручающе глуп. Конечно, я предаю их. Так же, как ты предал меня.

Грейс вздохнула. Карта Т'хот, которую Сарет вытащил в то утро, — три меча. Разве он не говорил, что она обозначает предательство?

Сарет с трудом искал слова:

— Я не понимаю.

— Тебе по слогам произнести? Хорошо, но только коротко. Время убегает от тебя и от магов скирати. — Ксемет поднял артефакт Врат. — Когда я нашел это в ущелье, где умирал, я знал, что нашел свое спасение. Не знаю, почему он попал сюда. Возможно, маг, который сковал демона, полагал, что сможет выбраться с его помощью, когда свершит свое волшебство. И если так, то он погиб до того.

Однако моя кровь пробудила артефакт, и когда я открыл его, то увидел, что там осталась магическая кровь. Я использовал ее, чтобы создать Врата на поверхность, и выбрался наружу. Я умирал, и я дал Вратам только слабое представление, куда они должны вывести меня, но, казалось, судьба была на моей стороне, потому что я вышел на поверхность в сельской местности к западу от Тарраса, и меня нашел пастух. Он был добрым и одиноким человеком, и он заботился обо мне до моего выздоровления. Тем хуже. Как только я стал достаточно силен, мне пришлось отплатить ему за доброту убийством. Но он видел артефакт, а я не мог допустить, чтобы морниши услышали хотя бы слово об этом. Не прежде, чем я найду себе новых друзей.

— Скирати, — процедил Сарет сквозь сжатые зубы.

— Соображаешь. — Ксемет установил артефакт на алтарь. — Я имел намерение вернуться сюда и заполучить скарабея, только знал, что мне нужно изобрести способ убрать демона. Тут-то скирати и пригодились. Я сблизился с ними, показал им артефакт, рассказал о скарабее.

Как ты понимаешь, маги скирати были весьма заинтересованы. Они давно искали подобные артефакты. Это потому, что они ищут что-то по ту сторону пустоты. У них там какие-то союзники.

Грейс взглянула на Тревиса. Он озвучил слово, которое обожгло ее.

«Дюратек».

— Признаю, — продолжал Ксемет, — я не слишком обращал внимание на этих далеких друзей скирати. Я даже не

уверен в том, как маги нашли связь с людьми из другого мира без артефакта. Полагаю, здесь, в Фаленгарте, есть кто-то, с кем маги в союзе, кто-то приблизился к ним и сообщил то, что мордари узнали очень давно, что там, за пустотой, есть еще мир. Все, что я знаю, это что люди с той стороны пустоты ищут путь на Зею и что скирати обещали помочь им в обмен на какую-то любезность или плату.

Не так, чтобы что-то из этого имело значение для меня. Все, о чем я забочусь, это сделать их моими должниками, и для этого позволяю им использовать артефакт для контактов со своими союзниками там. Их навыки в кровавом волшебстве таковы, что они смогли посылать и получать послания в тот мир. Они даже смогли перенести несколько предметов из того мира, включая оружие, сделанное их братьями за пустотой, — металлические палки, которые могут убивать на расстоянии. — Ксемет усмехнулся. — Конечно, маги, которые пытались пройти сами, были поглощены мордари в пустоте. Чтобы открыть Врата, через которые может пройти живой человек, им нужна кровь мага куда более сильного, чем просто маг скирати.

— То есть кровь Ору, — сказал Сарет.

Ксемет снова вынул скарабея.

— Именно так. Я рассказал скирати о нем и помог им разработать план — план, о котором вы теперь тоже знаете. Используя артефакт и кровь многих магов, мы открыли Врата в храмы богов и скормили их демону, чтобы насытить его, и мы смогли пройти мимо него и получить скарабея.

Сарет поднял кулак.

— Но демона нельзя насытить! Если он на свободе, он никогда не прекращает поглощать.

Ксемету, казалось, стало скучно.

— Ты думаешь, я не знаю этого, Сарет? Поверь мне, я знаю о демонах больше твоего. Мне нужно было отвлечь и демона, и скирати, чтобы самому получить скарабея. Да, и еще одно. Возможно, тебе интересно узнать, что это я рассказал скирати об артефакте, которым владеют морниши.

У Сарета не было слов, его трясло.

— Зачем, Ксемет? — сказала Грейс и сама удивилась своим словам. — Зачем тебе скарабей?

Он перевел свой безразличный взгляд на нее.

— Скажи мне, женщина с севера, разве это не меньшее из того, что я заслуживаю, пережив такие мучения — мучения всей моей жизни. Я всегда был вторым после Сарета, и когда захотел то единственное, что не могло принадлежать ему, мне тоже отказали.

— Паук пощупал его палец тонкой золотой лапкой. — Когда я выпью кровь Ору, то стану величайшим волшебником

из всех живущих. Даже демон не сможет сопротивляться мне, и я снова свяжу его.

Наконец Сарет нашел что сказать:

— Вани стыдилась бы тебя.

Никакие из слов, что Сарет говорил ранее, казалось, не возымели действия, но эти...

Ксемет как-то съежился.

— Она здесь, в Таррасе?

Сарет кивнул, и Ксемет снова прикоснулся к своему лицу. Если он и раньше не был красавцем, что теперь Вани подумала бы о нем? Но Грейс знала, что Вани отказала ему не из-за его внешности. Она верила, что предназначена Тревису. Однако что-то подсказывало Грейс, что Ксемет ничего не знает об этом.

Ксемет отступил от пьедестала. Он как-то сразу растерялся, затряс головой, забормотал что-то себе под нос. Сарет взглянул назад на остальных, это их единственный шанс, пока Ксемет отвлечен мыслями о Вани. Дарж поднял меч, Тревис опустил руку в карман.

Готова, сестричка?

Грейс сжала нити Паутины жизни.

Готова.

И вместе они двинулись вперед.

— Стойте! — закричал Ксемет, поднимая скарабея.

Золотое свечение стало невыносимо ярким. Сарет, Тревис и Дарж отступили. Лирит вскрикнула, и Грейс почувствовала острый приступ боли, когда нити Паутины были вырваны из ее разума. Она отшатнулась.

— Ты что думаешь? — закричал Ксемет. — Что сможешь остановить меня сейчас? Ты знаешь, что это? В руке я держу скарабея, величайшую реликвию силы, которая осталась от Мрака Моринду. Единственной каплей крови Ору маги низвергали горы, заставляли моря кипеть и закрывали свет дня потоками саранчи. Меня невозможно остановить.

Сарет поднял руку, чтобы защититься от золотого сияния.

— Демон, Ксемет. Где демон?

— Он свободен, — победно произнес Ксемет. — Мои шпионы во дворце подслушали милый план Мелиндоры сегодня утром, поэтому я открыл Врата в Этерион. В то время демон был достаточно силен не только, чтобы добраться до Врат, но и чтобы пересечь их. Он слаб и медлителен после тысячелетия голода здесь в заточении, и ему придется немало поглотить, прежде чем он припомнит свою истинную силу. Все равно он — демон. Даже сейчас, я полагаю, он расправляется со скирати, как и с Мелиндорой Сребролунной и ее дружками. Когда демон покончит с ними, то прежде чем он станет

слишком силен, я снова свяжу его — мощью божественного короля Ору.

Ксемет поднял скарабея выше, запрокинул голову и открыл рот. Его пальцы крепче сжали сияющего скарабея, раздавили его. Три темно-красные капли пролились Ксемету в рот.

Произошедшие перемены были быстрыми и жуткими. Крапинки золотого света — сначала бледные, как тусклые светлячки — проникли ему под кожу. Потом они стали ярче, роились над его лицом, шеей, светили сквозь ткань его одежды, пока все тело Ксемета не стало светиться так же ярко, как и скарабей.

Он откинул раздавленную драгоценность и выбросил руки вперед.

— Да! — кричал он, и его голос грохотал по всей пещере. — Да!

Золотые искры плясали у правой стороны его лица. Появились первая кость и зубы, потом мышцы и кожа. Искры потускнели до мягкого золотого свечения, которое покрывало его. Ксемет улыбнулся — и выражение отразилось на обеих сторонах его лица. Медленно он протянул руку и потрогал свою обновленную плоть.

— Цел, — прошептал он, его глаза светились изумлением. — Я снова цел. И я чувствую, как она течет по моим жилам. Его кровь. Я самый могущественный волшебник со времен самого Ору.

Лицо Сарета напоминало маску боли.

— Ты глуп, Ксемет. Вани...

Сияющее лицо Ксемета нахмурилось:

— Что Вани?

Сарет посмотрел в глаза Ксемету.

— Вани в Этерионе.

Ксемет замер, уставившись на каменный потолок наверху.

— Демон!..

С криком ярости Сарет рванулся вперед. Он почти успел. Тогда легким движением руки Ксемет направил потрескивающие золотые искры из своих пальцев в грудь Сарету. Морниш отлетел и со стоном боли упал на краю бездны. Лирит закричала и бросилась к нему, удерживая над пропастью.

Дарж и Тревис двинулись к Ксемету, но они были слишком далеко. Только Грейс была рядом, но нити Паутины жизни ускользали от нее, когда она пыталась произвести заклинание.

Ксемет снял артефакт с пьедестала и прикоснулся пальцем к его острию. Брызнула кровь и покрыла артефакт.

— Я иду, Вани, — закричал он, и появились Врата: овал темноты, окаймленный голубоватым светом.

Ксемет бросился вперед. Когда он сделал это, кольцо голубого света вспыхнуло и расширилось. Грейс пыталась

увернуться, но ее ноги скользили по камню. Вскрикнув, она споткнулась и соскользнула в противоположном направлении.

— Грейс, нет! — услышала она крик Тревиса.

Потом пещера исчезла, а Грейс погрузилась во тьму.

79

Как семечка, выплевываемая сердитым человеком, Грейс вывалилась из Врат и со стоном упала на камни.

С шипящим звуком Врата сомкнулись за ней. Грейс с трудом поднялась, опираясь на руки и ловя ртом воздух. На этот раз проход через Врата был как заплыв через черную толщу воды. Такую холодную, ужасно холодную. Ее мышцы застыли, разум стал кусочком льда.

Ты должна помнить кое-что, Грейс. Ты должна кое-чего опасаться...

С содроганием она вспомнила.

Ксемет. Где Ксемет?

С трудом Грейс встала и заставила себя двигаться. Вокруг бушевал шторм. Ветер завывал и визжал, раздирая волосы и одежду. Пятнистые формы кружили вокруг нее в воздухе, но Грейс не была уверена, настоящие они или лишь миражи.

— Грейс!

Поверх рева шторма она услышала голос мужчины. Нет, не шторма. Ее взгляд прояснился достаточно, чтобы различить мраморные колонны и высокий синий купол. Итак, это Этерион. Но внутри здания не может быть шторма, даже в таком огромном здании, как это.

Что-то сильно потянуло ее — один раз, потом снова. Но рук не было. Тем не менее Грейс чувствовала, как ее тело скользит по полированному каменному полу.

— Грейс, держись!

Наконец ее сердце растопило холод, и Грейс смахнула с глаз капли воды. Знакомая фигура припала к полу чуть в стороне. Мужчина держался за колонну у стены, его светлые волосы теребил ветер. Грейс проползла еще несколько метров. Она уже почти дотянулась до мужчины.

— Бельтан! — Ветер, казалось, сорвал слова с ее губ. — Бельтан, что происходит?

Взгляд рыцаря был направлен куда-то за спину Грейс. Она стала поворачиваться, чтобы проследить за его взглядом.

— Нет, Грейс, смотри на меня, понимаешь? Не смотри ни на что, кроме меня.

Грейс кивнула. Снова к ней прикоснулись невидимые руки. Она пыталась сопротивляться, но тщетно. Еще скользнула по полу.

— Держи ее, Бельтан! — закричала Вани.

Убийца ухватилась за колонну рядом с Бельтаном. Потом — Мелия, ее черные волосы бешено метались. Чуть дальше Фолкен и Эйрин держались за каменную скамейку, которая, должно быть, была прикручена к полу. За другую скамейку рядом с бардом и молодой баронессой цеплялась фигура в черном балахоне.

Сердце Грейс затрепетало. Ксемет?

Нет. Маг отвернулся от ветра, лицом к Грейс. Его золотая маска была в дырах и трещинах, края обвалились, обнажая лицо, искаженное страхом. Это был не Ксемет.

Грейс соскользнула еще чуть дальше от рыцаря.

— Поторопись, дорогой, — призывала Бельтана Мелия тихо, но сурово.

Бельтан ногой обхватил колонну и стал ползком продвигаться вперед. Мимо него летели куски бумаги, обрывки ткани. Из близлежащей беседки выскользнул стул и, пролетая, ударил Бельтана по плечам, он вскрикнул от боли.

Стул перевалился через рыцаря и покатился по полу мимо Грейс, словно живой. Она следила за его движением.

— Нет, Грейс! Не смотри ни на что, кроме меня!

Она смотрела на Бельтана и на кровь, струившуюся из раны на его лбу.

— Держись за мои руки, Грейс!

Он протянул руки. Она пыталась дотянуться, но не могла. Их разделяла пропасть в полметра. Осторожно Грейс опустилась на живот и протянула руки Бельтану.

Но это стало ошибкой. В таком положении она потеряла сцепление и тотчас почувствовала, что сползает дальше по камням.

— Нет! — закричала Эйрин.

Грейс попыталась поднять голову, чтобы последний раз посмотреть на своих друзей прежде, чем ее поглотит бездна.

— Поймал, — произнес Бельтан, улыбаясь и крепко держа ее за запястья.

Он держал ее так сильно, что было даже больно, но Грейс и виду не подала. Бельтан тянул ее назад. Вани держала его за ноги, удерживая колонну. Белокурый рыцарь сделал последнее усилие, Вани потянула, Грейс оттолкнулась, и они все втроем оказались прижатыми к колонне.

Мелия вздохнула:

— Слава богам!

— Чуть не пропала, — сказал Фолкен, но его слова затерялись в шуме ветра.

Грейс обернулась. Мороз пробежал по коже, когда увидела то, на что Бельтан приказал ей не смотреть.

Они находились все на том же широком балконе, на котором собирались раньше, откуда был виден пол пятого яруса Этериона. Половина балюстрады балкона была разрушена, остался лишь открытый обрыв. Грейс находилась в каком-то метре от пропасти. Если бы Бельтан не успел схватить ее...

Еще один стул прогремел мимо и сорвался за край. Только он не упал на пол. Вместо того разогнался в воздухе и полетел в глубь Этериона. Потом неожиданно замедлил движение и сменил направление. Грейс с замиранием сердца следила, как стул стал описывать круги по границе Этериона, кружа в воздухе.

Стул не был единственным. Сотни, нет, тысячи объектов громоздились в воздухе. Стулья, столы, скамьи, статуи, вазы, металлические чаши и обломки камней, большие и маленькие. Она увидела проплывавшую мимо часть балюстрады балкона. За ней — несколько свитков пергамента, потом целый мраморный алтарь. Все эти предметы кружили над центром Этериона. Нет, не кругом. По спирали.

Теперь Грейс четко видела это. Все выглядело точно как на уроке астрономии в колледже, как миниатюрная модель галактики, плоская у краев, более объемная в середине; вся материя вращается вокруг центральной точки, приближаясь к ней с каждым витком.

Яркая вспышка света зажглась в центре спирали и также быстро пропала. Что происходит? В середине спирали было так много предметов, что Грейс не могла различить.

Она смотрела на остальных широко открытыми глазами:

— Что произошло здесь?

— Группа магов прорвалась через солдат императора, — сказала Вани сквозь стиснутые зубы. — А это — один из них.

Она кивнула в сторону мага, который все еще держался за скамью позади Фолкена и Эйрин. Он смотрел испуганно, его маска разбилась, а без нее он был бессилен.

— Бельтан, Мелия и я сдерживали их, — продолжила Вани. — Но потом...

— Навалилась тень, — сказал Бельтан. — Тень, какой я раньше никогда не видел.

Грейс проследила за его взглядом. Ей стало дурно, когда она увидела их: фигуры в черных одеждах, золотые маски сияли. Она смогла насчитать по крайней мере пятерых. Колдуны парили в воздухе без движения. Были ли они во сне, парализованы? Мертвы?

Грейс увидела еще неподвижные фигуры среди хлама: темные, лохматые, искривленные. Горлеты. Среди обломков также были люди, таррасские солдаты. Они плыли в воздухе на спинах, с закрытыми глазами, как будто на поверхности моря. Неумолимо они приближались к центру спирали в середине Этериона.

Наконец в ужасе Грейс поняла. С каждым оборотом все объекты приближались к тени в середине. А когда достигали ее, они... поглощались ею.

— Демон, — выдохнула она.

— Грейс, дорогая, — серьезно произнесла Мелия, — как ты оказалась здесь?

— Мы были...

— Тревис, — спросил Бельтан хрипло, — он в порядке? Как остальные?

Грейс пыталась перекричать ветер:

— С ними все в порядке. По крайней мере я так думаю. Я попала сюда через...

Новый прилив страха охватил ее. В хаосе своего появления она совсем забыла: где-то здесь должен быть Ксемет. Она вытянула шею, пытаясь разглядеть его.

Маг, державшийся за скамью, вскрикнул. Со стоном скамья сдвинулась со своего места. Маг снова вскрикнул. Его золотая маска закружилась в воздухе, потом ее движение замедлилось, когда она присоединилась к общему потоку к центру и забвению.

Со скрипом скамья оборвалась совсем. Руки мага сомкнулись на щиколотке Эйрин.

Молодая баронесса вскрикнула, она не смогла удержаться за скамейку.

— Нет! — закричала Грейс.

Фолкен был быстрее. Он протянул свою руку в черной перчатке и ухватил Эйрин за запястье левой руки. Молодая женщина резко повисла, а также и все еще державший ее за ногу маг. Он хватался за ногу, царапая ее, а Фолкен держал Эйрин только одной рукой, локоть другой его руки обвивал скамейку.

— Я не смогу удержать их! — прокричал бард.

Бельтан и Вани вдвоем пытались перебраться к соседней колонне, стараясь дотянуться до Фолкена и Эйрин, но Грейс понимала, что они ни за что не успеют. Оставался только один шанс.

Грейс зажмурила глаза.

Эйрин.

Пауза, потом дрожащий голос зазвучал в ее голове.

Грейс!

Эйрин, послушай меня.

Было сложно использовать Дар, сила демона стягивала нити Паутины.

Грейс, я не хочу падать.

Ты не упадешь. Наложи на него заклинание. Сделай это сейчас — заклинание боли.

Не могу. Я не могу удержать нити.

Я помогу тебе.

Ну же, давай, Эйрин.

В своем разуме Грейс протянула невидимые руки, ухватилась за извивающиеся нити и протянула их молодой женщине.

Сейчас!

Грейс почувствовала неуверенность, потом усилие воли, такое, что оно глубоко взволновало ее. Нити соединились в сияющее полотно.

— Мои глаза! — закричал маг. — Мои глаза!

Он отпустил ногу Эйрин и схватился за лицо, сквозь его пальцы сочилась кровь. Он стал беспорядочно падать и вскоре достиг края спирали. Тогда маг присоединился к общему текущему потоку, устремив вверх взгляд алых впадин.

Фолкен подтянул Эйрин ближе. Грейс почувствовала тень — ее тень, — пульсирующую на границе видения. Она увеличивалась, когда Грейс помогала Эйрин с заклинанием, но потом не уменьшилась. Она чувствовала, как темное и тяжелое прошлое давит на нее.

Грейс всмотрелась в тень, и в это мгновение ее осенило. Она вспомнила пиктограммы на алтаре и точку, окруженную кругами силы. Да, теперь все совпадало. Это было нечто с бесконечной силой гравитации, заключенной в камушке не больше ее ладони, — нечто, преломляющее и искажающее время и сознание, и оно втягивало материю в себя с ненасытной жадностью.

Это как черная дыра, Грейс. Демон. Все движется по спирали к нему, падает в его гравитационный колодец без возможности освободиться. Даже само время. Поэтому настоящее и прошлое так смешались здесь, в Таррасе.

Грейс уже раскрыла рот, чтобы объяснить остальным, но она понятия не имела, как можно растолковать теоретическую физику группе средневековых людей, она даже не была уверена в том, что сама все поняла. А также, полагала Грейс, это и не имело значения. Тень ее прошлого всплыла наверх и стала приближаться. Скоро она поглотит ее, если демон не сделает этого первым. Или, возможно, они суть одно и то же.

— Мы не можем дать ему скрыться, — сказала Мелия. — Я должна попробовать остановить его.

Янтарноокая дама поднялась у колонны, на ее лице была решимость.

Фолкен прикоснулся к ней.

— Нет, Мелия, не нужно. Он поглотит тебя.

— Я должна попытаться, дорогой.

Мелия начала отпускать колонну... и остановилась, когда с вершин Этериона проплыла фигура. Черные одежды на человеке развевались в бешеном ветре. Вместо лица золотая маска глядела из-под капюшона злыми мертвыми глазами. Беззвучно его ноги ступили на пол балкона.

— Маг! — закричал Бельтан.

Фигура в черном легко приблизилась к ним, притяжение демона не действовало на него. Рука в перчатке поднялась к маске и сняла ее. Хотя лицо было из плоти, но выглядело таким же золотым, как и маска.

— Ксемет, — произнесла Вани в изумлении.

80

Ксемет улыбнулся, его лицо было целым и безупречным. Вани недоверчиво тряхнула головой.

— Ксемет, неужели это ты?

— Да, Вани, я.

По щекам Вани потекли слезы прежде, чем их унес ветер.

— Но Сарет сказал... сказал, что ты погиб.

— Сарет солгал тебе. Как видишь, я вполне здоров. Даже более того.

Он пододвинулся ближе.

— Ксемет, ты сияешь. Что с тобой случилось?

— Давай уйдем отсюда, и я все тебе объясню. — Он протянул ей сияющую руку. — Идем со мной, бешала...

Острый взгляд Вани неожиданно затуманился, выражение лица стало безвольным. Она протянула руку Ксемету.

— Вани, нет! — пронзительно закричала Грейс. — Это Ксемет освободил демона. Он выпил кровь скарабея.

Вани моргнула и отдернула руку. Улыбка Ксемета превратилась в ухмылку.

— Ах, дорогая, — с насмешкой проговорил он. — Мои деяния раскрыты. Что же мне теперь делать? — Пронзающий смех сорвался с его губ. — Да, правильно — я величайший маг в мире. И я буду делать все, что пожелаю.

Ксемет вскинул руки над головой, и из них вверх взметнулись золотые искры, ударяя в купол Этериона. Раздался гром, по куполу расползлись черные трещины, донесся глубокий рокочущий звук, и кусочки камней дождем посыпались сверху.

Грейс наклонила голову, но ей надо было знать, что произойдет. Камни полетели вниз, однако потом были захвачены притяжением демона и стали частью спирали вокруг него.

Она подняла глаза. Теперь Грейс видела настоящее небо сквозь остроконечную дыру в куполе Этериона. От дыры отходили еще трещины. Она задумалась, не обвалится ли все здание. Но демону все равно, он поглотил бы и камень. Ксемет говорил, что демон еще слаб после заточения, хотя с каждым поглощенным предметом становится сильнее. И быстрее.

Ксемет опустил руки, глядя на них с восхищением. Потом снова рассмеялся.

— Весьма забавно. — Он направил взор на Грейс. — Что у нас тут? Похоже, маленькая мышка проскочила за мной сквозь Врата. Придется раздавить ее.

Времени придумать что-то не осталось. Ксемет щелкнул пальцами, и вперед понеслись золотые искры. Грейс сжалась и приготовилась к боли.

Но вместо того взорвалась колонна рядом с нею. Она разорвалась на мелкие кусочки камней — все это полетело к вращающемуся диску спирали. Ксемет был на секунду озадачен, потом испустил новый пронзительный смех.

Он заражен, Грейс. Все признаки налицо — головокружение, плохое общее состояние. Он пьян от крови скарабея и не может контролировать свою новую силу.

— Похоже, я промахнулся. Не волнуйся, маленькая мышка, сейчас я не промахнусь.

Он указывал пальцем прямо ей в грудь.

— Ксемет, — сказала Вани, с трудом поднимаясь на ноги и держась за колонну. — Зачем ты пришел за мной?

Ксемет постоял, покачиваясь, потом сделал несколько неверных шагов к Вани.

— Ты, конечно, должна знать, бешала. Я пришел, чтобы наконец-то завладеть тобой... Как должно было произойти очень давно.

Вани прижалась щекой к мраморной колонне.

— Тогда... тогда, значит, ты любишь меня?

— Люблю тебя? Да я боготворю тебя, Вани! Еще со времен, когда мы были детьми, я знал, что ничего в мире не хочу больше, чем тебя. А потом... — Его лицо исказилось.

— Прости, Ксемет, — сказала она.

Он приблизился.

— Не извиняйся, бешала. Тебе никогда не придется унижаться передо мною, не так, как этим собакам. Тогда я не был достоин тебя, сейчас я это понимаю. Но теперь все изменилось. Я буду таким, каким ты захочешь, бешала.

Ксемет протянул руки вперед, и неожиданно его балахон исчез. На нем оказались широкие черные штаны и малиновый жилет. Обнаженные мускулистые руки и грудь сияли, лицо отличалось точеной красотой. Короткая черная бородка покрывала подбородок.

Вани поморщилась, и Грейс поняла.

Ксемет придал себе внешность Сарета. Сарета, который, как ему казалось со времен детства, всегда был лучше его.

Ксемет, вероятно, заметил реакцию Вани, потому что губы его распрямились, напустив тень на прекрасный образ, который был лишь маской. Как и золотая маска, которую он носил ранее.

— В чем дело, бешала? Тебе неприятно мое новое лицо?

Глаза Вани были очень серьезны.

— Я предназначена другому, Ксемет.

Небрежным движением он отмел ее слова.

— Что такое судьба для такого, как я? Я величайший маг со времен божественного короля Ору. Я могу сделать судьбу такой, как пожелаю, или сломать ее. Скажи мне, что нужно сделать, чтобы покорить тебя, и это будет сделано.

Ксемет снова покачнулся и с трудом удержался на ногах. Грейс обменялась взглядом с Бельтаном, рыцарь кивнул. Он сделал тот же вывод, что и Грейс.

— Хорошо, — сказала Вани, перекрикивая шум ветра. — Ты можешь завоевать мое расположение только одним путем.

Грейс увидела в глазах убийцы недобрый свет. Вани выторговывала им время.

— Что я должен сделать, чтобы твое сердце стало моим?

— Свяжи демона, Ксемет. У тебя есть сила, я вижу ее в тебе. — Вани протянула руку и потрепала его по лучащейся щеке. — Я знаю, что ты можешь сделать это... бешала.

Глаза Ксемета расширились. На мгновение Грейс увидела маленького печального мальчика, которому никогда не доставалось того, чего он жаждал. В ее душе даже появилась жалость. Однако мыслью острой, как нож, она вырвала ее.

— Хорошо, бешала. Мне больше не нужен демон. Я избавился от скирати, теперь никто меня не остановит. Я выполню твою просьбу, но потом мы покинем это место. Вместе.

— Да, Ксемет. Вместе.

Он отвернулся от нее и подошел к краю балкона. Ветер трепал его одежду, но и только. Демон не влиял на него.

Воздух Этериона стал чище. Спираль с предметами почти пропала. Грейс видела, что она еще вращается у центра Этериона: точки абсолютной тьмы. Глаза почему-то не могли долго фокусироваться на ней, Грейс почувствовала подступающую тошноту. Каждую секунду появлялась вспышка света,

когда что-то достигало середины спирали. Фигура в черном балахоне приблизилась к центру.

Вспышка.

Она заставила себя посмотреть на Ксемета. Тот чуть не упал с края балкона, но удержался и выпрямился.

— Узрите мощь Ору! — закричал он.

Он поднял руки в направлении демона, и вокруг его тела появилось свечение, как вокруг Солнца. Золотые лучи вырывались из его рук и устремлялись к центру спирали, поражая демона.

Грейс не столько услышала, сколько почувствовала его крик. Как ударная волна он взмыл вверх, сквозь воздух, камень и плоть.

Казалось, стены Этериона пульсируют. Сущность всего живого вскрывалась.

Ликующий Ксемет запрокинул голову:

— Ради тебя, Вани!

Золотые лучи, исходящие от его рук, стали еще ярче, ударяя по темному пятну демона. Грейс смотрела, и трепет победил в ней страх. Ксемет может это сделать. Он может связать...

Ксемет задрожал и соскользнул на несколько сантиметров ближе к краю пропасти. Потом тряхнул головой, глядя вниз, на свои руки. Из них все еще струился золотой свет.

Снова его тело пронзил спазм. Маг дрожал, как каменные стены Этериона.

— Я не...

Остальные слова были унесены ветром.

Грейс моргнула. Руки Ксемета, казалось, становились длиннее, вытягиваясь в сторону демона. Он старался втянуть их назад.

Но ему не удавалось. Золотые лучи все так же доставали до демона, однако пальцы Ксемета стали несоразмерно длинными и утончались с каждым нараставшим сантиметром.

Ксемет закричал:

— Я не могу отпустить его!

Слова было почти невозможно разобрать, они улетели прочь, как гудок удаляющегося поезда. К тому времени руки Ксемета вытянулись на несколько метров. Пальцы стали такими тонкими, что смешались с лучами света, погружавшимися в демона.

— Что с ним происходит? — в ужасе вскрикнула Вани.

Грейс поняла. Крик демона был не криком агонии, а воплем удовлетворения. Сарет говорил, что мордари жаждут крови. Демон голодал в заточении более двух тысяч лет. И теперь он отведал крови безмерной власти.

— Демон затягивает, — сказала Грейс. — И у Ксемета недостаточно силы, чтобы контролировать его.

Руки Ксемета стали веретенообразными, около шести метров в длину, как будто демон тянул их за золотые нити.

Теперь и голова мага утягивалась демоном, а за ней и все тело; шея и плечи растягивались до гротескных размеров. Шесть метров. Десять. Пятнадцать. Его крик все еще звучал, но едва ли Ксемет был жив. Такая деформация убила бы человека в секунду.

А что значит секунда, когда тебя затягивает черная дыра, Грейс? Время останавливается, и секунда длится вечно.

Давясь тошнотой, Эйрин отвела взгляд. Фолкен прижал ее лицо к своей груди. Мелия была печальна, а Бельтан и Вани смотрели с отвращением, не в силах оторвать взгляда.

Крики Ксемета, казалось, замерли, когда мгновение его агонии растянулось до вечности. Только его ноги оставались на балконе. Тело выше талии превратилось в веревку, которая змеей устремлялась вместе с золотыми лучами колдовства к демону.

В мгновение ока все закончилось. Как натянутая пружина, отпущенная с одного конца, тело Ксемета оторвалось от балкона, пролетело над Этерионом и превратилось в бесформенную тень.

Вспышка.

Он пропал.

— Ксемет, — прошептала Вани.

— Ты... — Бельтан облизнул губы. — Ты знала, что из этого получится?

Вани покачала головой. Она всего лишь хотела выиграть еще немного времени, она не могла знать, что вновь приобретенная сила Ксемета — сила, которой он всегда так страстно хотел — станет его погибелью.

От Этериона мало что осталось, лишь немного щебенки, да и та исчезала в ярких вспышках. Дальняя стена Этериона неожиданно вздулась и взорвалась брызгами белого камня, которые закрутились спиралью по направлению к демону. Кровь Ору сделала его сильнее. Демон намеревался разодрать Этерион.

Нам нужно выбираться отсюда.

Это говорила Грейс.

Но сначала зазвучал другой голос.

Я так устала, сестра. Смертельно устала. Я больше не могу танцевать.

— Мелия! — вскричал Фолкен. — Нет!

Грейс только и успела вскинуть голову, чтобы увидеть, как Мелия отпустила колонну, за которую держалась. С закрытыми глазами богиня поднялась в воздух. Ее маленькое тело перевернулось на спину. Мелия поплыла прочь от балкона, присоединяясь к спирали над Этерионом.

— Фолкен! — закричал Бельтан. — Держись за Эйрин!

Слишком поздно. Как и Мелия, Эйрин поднялась в воздух с закрытыми глазами.

Эйрин! Эйрин, ты меня слышишь?

Но единственный ответ пришел от тени, присоединенной к нити Грейс. Она обвила ее, близко, нежно. Грейс слишком устала, чтобы сопротивляться. Ее глаза закрылись.

Нет, это то, чего хочет он. Он хочет, чтобы ты поддалась тени прошлого, и тогда он сможет поглотить тебя.

Грейс с трудом раскрыла глаза. Прямо перед ней Бельтан безвольно уронил голову на плечо.

— Бельтан! Не позволяй себе заснуть!

Она начала трясти его, но его рука вырвалась, рыцарь поднялся в воздух и поплыл в направлении Мелии и Эйрин. Вани поднялась за ним. Глаза убийцы были закрыты, тело неподвижно.

Тень пульсировала вокруг Грейс. В голове ее звучали крики сов.

Фолкен, попыталась крикнуть она, но не смогла сформировать слово. Впрочем, в этом и не было смысла. Сквозь туман Грейс различила тело барда, плывшее навстречу остальным. Она крепче ухватилась за колонну.

Не закрывай глаза, Грейс. Не поддавайся ему. Прошлое не может навредить тебе, оно не может...

Даже на слова уходило слишком много усилий. Колонна, казалось, таяла у нее под пальцами. Она почувствовала, что тело становится невыносимо тяжелым, она не могла сопротивляться тяготению тени.

Грейс закрыла глаза, и прошлое поглотило ее.

81

— Бесполезно, — сказал Сарет, отворачиваясь от края пропасти и поднося руки к глазам.

Слова морниша эхом разнеслись по пещере. Лирит беспокойно взглянула на него.

— Итак, нет никаких признаков выхода, — сказал Дарж.

Сарет покачал головой.

— Здесь все изменилось. Если проход в город еще остался, то я не вижу от него и следа. По правде говоря, я боюсь, что прохода больше нет.

— Итак, мы здесь в ловушке, — сказал Тревис.

Это не было осознанным обвинением. Тем не менее Сарет вздрогнул:

— Сожалею.

Лирит подошла к морнишу.

— Ты не виноват.

— Нет, ты не права. Я виноват.

Он отвернулся.

Четверо собрались на выступе камня, который вонзался в пустоту около алтаря, где Ксемет нашел скарабея. Несколько минут, тянувшихся часами, Сарет искал признаки прохода, которым он однажды воспользовался, чтобы избежать встречи с демоном. Зеленое свечение колдовского света Лирит успокаивало, но отбрасывало тени на дюжину шагов вокруг них, поэтому Тревис послал свет своего серебряного шара, устремляя его сквозь пустоту, направляя в трещины и расщелины, чтобы осветить их.

Как сказал Сарет, все было бесполезно. Одна дыра в камне похожа на другую, и нельзя сказать, куда любая из них может вывести — если выведет вообще.

Лирит взглянула на Сарета печальными глазами. Потом колдунья сложила руки на груди и отошла к алтарю.

Тревис вздохнул. Сарету не следовало обвинять себя. Это была идея Тревис остановить демона, ему следовало прийти сюда одному. Хотя сейчас это не важно — похоже, обвинение не помогло им найти выход. И, кажется, не помогло Грейс и остальным.

Если уже не слишком поздно.

Тревис вглядывался в темноту выше, и холодный пот выступил на его коже. Там ли еще демон? И что с Этерионом? Что с Мелией, Фолкеном и Эйрин?

Но ни леди, ни бард и ни молодая баронесса не занимали мысли Тревиса. Вместо этого он поймал себя на том, что думает о Бельтане и Вани.

И если, Тревис, ты можешь спасти хотя бы одного из них, пусть будет спасен хотя бы один. Ты сможешь?

Он не знал, откуда взялся этот вопрос, холодный и жестокий, словно иголка в сердце. И не было никакой возможности ответить на него. Сейчас он не мог помочь никому из них.

— А нельзя воспользоваться артефактом, чтоб достичь Этериона? — спросил Дарж.

— Нельзя. Магия артефакта требует власти крови, а вся волшебная кровь была израсходована, когда мы открыли Врата сюда. Ксемет выпил кровь скарабея, и кровь Ору смешалась с его кровью — именно так он смог открыть Врата.

— А скирати не смогли открыть Врата в город, пользуясь вторым артефактом?

— Они работают с магией крови, — сказал Сарет. — Крови колдуна достаточно, чтобы открыть Врата города, но не по всему миру.

Дарж внезапно поднял глаза.

— Хороший Тревис волшебник. А разве волшебники не похожи на колдунов?

Тревис подавил сумасшедший смех.

— Это будет не первый раз, когда я давал кровь.

— Нет, Тревис, — сказал Сарет. — У твоей руны сильная магия, но она северная. Тебе не справиться с колдунами Мрака Моринду.

Дарж нахмурился.

— Неужели ничего нельзя сделать, Тревис?

— Как бы мне хотелось, Дарж... Увы, я не знаю никаких рун, которые могут вытащить нас отсюда.

— А как насчет Великого Камня?

Тревис вынул Сумеречный Камень. Он излучал колдовской зеленый свет: неподвижный и таинственный. Тревис немного понимал его власть. Он мог помочь. В целом это было все, что он знал. Он воспользовался им, чтобы исцелить призраков в Кейлавере и связать руны Врат. Лирит верила, что он может использовать его, чтобы связать демона. Но что касается того, чтобы вытащить их из пещеры...

Тревис протянул Синфатизар рыцарю.

— У тебя есть какие-нибудь идеи?

Дарж сделал шаг назад. Это слишком для логики эмбарца. Тревис опустил камень в карман.

— Похоже, мы не в силах помочь им, не так ли?

Лицо Сарета было непреклонным.

— Отсюда нет выхода.

— Вообще-то, — сказала Лирит высоким голосом, — я верю, что есть.

Трое мужчин повернулись и посмотрели на колдунью. Она склонилась над алтарем.

— В чем дело? — спросил Тревис.

— Я думаю, тебе лучше подойти и посмотреть.

— Что это, моя леди? — спросил Дарж, когда они подошли ближе.

— Глядите.

Лирит коснулась небольшого углубления на одной стороне вверху алтаря.

— Именно здесь был скарабей до того, как Ксемет взял его, — сказал Тревис. — Но я не понимаю, как это может помочь нам.

— Не может, — пробормотала Лирит. — Зато кое-что другое поможет.

Пальцами она стряхнула пыль.

Маленькая золотая искорка застряла в наполовину расплавленной поверхности основания.

Сарет поднял глаза:

— Мы должны убрать камень!

— Зачем? — спросил Дарж.

— Потому что, — сказала Лирит, — возможно...

Тревис уже работал. Он положил руку на алтарь и произнес руну:

— *Пем!*

Послышался громкий звук, как будто треснула скала, затем поверхность алтаря рассыпалась на мелкие кусочки. Тревис убрал руку.

— Смотри, — пробормотала Лирит.

Все четверо затаили дыхание, когда несколько фрагментов сдвинулись. Волокна тянулись подобно тонкой проволоке, обнаруживая отверстия. Тревис отбросил камни в сторону, и *он* упал на расколотые черепки: золотой, сверкающий и совершенный.

Скарабей.

— Как?.. — начал Тревис, но не смог продолжать.

Мягкий золотой луч высветил лицо Сарета, когда он стал на колени у алтаря.

— Мы глупцы. Он был здесь.

Тревис и остальные склонились рядом с ним.

Сарет провел пальцем по одной из пиктограмм, сбрасывая пыль тысячелетий. В одной руке у колдуна был круг с восемью линиями. А в другой руке был... такой же.

Сарет поднялся.

— Должно быть, два скарабея размещались в алтаре, как часть крепления. Но как только демон становился сильнее при поглощении богов, он изменял форму камня в этом месте. Алтарь начинал плавиться, и один из драгоценных камней проявлялся, но был скрыт.

— Поэтому Ксемет упустил его, — сказал Дарж.

— То, что у нас есть, — сказал Сарет, — предназначалось не для его глаз.

Сейчас морниш ухмылялся, Лирит улыбнулась ему в ответ.

Тревис вытянул руку. Медленно и осторожно скарабей пополз по его пальцам, затем переместился на ладонь. Его прикосновение было теплым.

— Итак, как мы будем использовать его?

— Как в сказках, — сказал Сарет. — Каждый из скарабеев создан, чтобы содержать три капли крови Ору.

Лирит коснулась драгоценного камня мизинцем.

— Сила крови...

Через минуту они были готовы. Сарет установил артефакт на алтарь и убрал призму, оставляя незащищенным пустой резервуар.

— Как насчет очищения? — спросила Лирит.

— Сейчас нет времени, — сказал Сарет. — Его цель — успокоить мозг путешественника, чтобы лучше сосредоточиться на месте назначения.

Дарж прочистил горло:

— Давайте все представим Этерион и постараемся не отвлекаться. Лучше не делить наши тела между многими местами.

— Как заставить его работать? — спросил Тревис.

Паукообразный скарабей не спеша перемещался по ладони.

— Подержи его над артефактом и надави на него, — сказал Сарет, — но надави слегка. Пусть упадет всего одна капля.

— А одной будет достаточно? — спросила Лирит.

Сарет встретился с ней глазами.

— Море крови скирати не равно одной капле из вен божественного короля Ору. Даже кровь эльфа будет водой по сравнению с ней.

Тревис затаил дыхание.

— Знаете, я и не представлял, что буду делать такое в своей жизни...

— Давай, Тревис!

Он сжал скарабея жестко и резко. Появилась темно-красная жидкость, образовав единственную сверкающую каплю. На мгновение капля зависла, затем Тревис слегка ударил скарабея, и капля упала в нижнюю выемку камня. Аккуратно он положил скарабея в карман.

— Ты остаешься здесь, — сказал он живому сокровищу.

Сарет пристально посмотрел на каждого из них по очереди.

— Готовы?

Они кивнули. Морниш поднял треугольную призму и поставил ее на поверхность артефакта. Мгновенно Врата превратились в голубой огонь, смешивающийся по краям с золотом.

— Помните, — прогрохотал Дарж, — Этерион.

Вместе они шагнули вперед.

82

Грейс стояла в ночной рубашке внизу лестницы. Все вокруг ее приюта было спокойно. Слишком спокойно. Даже совы хранили молчание. Но несколько минут назад Грейс слышала что-то. Она слышала ворчание миссис Фальк и вздохи, приносимые ветром в спальню девочки, как будто краснолицый повар шел из ванной. Потом послышался треск, а затем протяжный звук. Что-то случилось.

Грейс пристально посмотрела на темные перила лестницы третьего этажа и задрожала; она давно выросла из тонкой ночной рубашки, и ее красивые ноги торчали из нее, как белые палки. Ночь опустилась перед ней. Но это не была та темнота, которая заполнила помещение.

Это тень, Грейс. Твоя тень — пятно, связанное с твоей жизнью. Это она, это ее сердце. Оно внутри тебя, а ты внутри его.

Она хотела повернуться, спуститься по ступенькам, выбежать под холодные горные звезды. Вместо этого, вцепившись в перила, поставила ногу на первую ступеньку.

Появился серебряный свет, разливающийся внизу лестницы подобно серовато-синему туману. Она почувствовала вибрацию в воздухе и досках под ногами. Стало теплее.

Но для пламени слишком рано. Это было после того, как ты пришла, после того, как увидела что-то наверху. Ты должна пойти туда, ты должна вспомнить.

Тепло отступило. Рука Грейс скользнула по гладкому дереву перил, а ноги сделали еще шаг... и еще. Серебристый свет клубился вокруг голых лодыжек, и его прикосновение было прохладным.

Свет становился ярче. Грейс вздохнула, затем за пять шагов преодолела остальные ступеньки.

Она стояла в одном конце коридора, который шел по всей длине третьего этажа приюта. Бледный свет бесшумно струился над изношенными досками пола. Он шел из-под двери в дальнем конце коридора. Ей туда.

Гул становился громче. Грейс шла бесшумно мимо закрытых дверей к одной, с горячей белой полосой внизу. На полпути она услышала низкий звук, то поднимающийся, то опускающийся. Это напоминало поющие голоса. Только это было не пение. В этом звуке не было музыки.

Грейс остановилась перед дверью. Теперь гул стал совсем громким. Она подумала, что могла бы создать из слов песню — слов, которые были близки и понятны, как будто она слышала их давным-давно. Возможно, в рассказе. Или в песне.

Грейс подняла голову, вслушиваясь. Затем звук голосов прекратился, и новый звук послышался за дверью: жалобный стон, быстро угасший. Через мгновение послышался треск, как будто что-то разбилось.

Открой дверь, Грейс.

Она поколебалась, затем протянула руку и взялась за ручку.

Дверь была закрыта, но металл растекался и преобразовывался под ее пальцами. Дверь распахнулась. Серебристый свет ударил в глаза, и через мгновение Грейс все увидела.

Они стояли в полукруге в маленькой комнате. Семь взрослых — весь штат приюта, кроме одной. Они надели черные маски, как это было, когда они приходили забирать детей, но сейчас казалось, будто их лица очерчены сверкающими зелеными нитями. Если бы Грейс прищурилась, она могла бы смотреть сквозь маски.

Там был господин Мурто, в ярости глядевший на нее, а рядом миссис Мурто — на лице похоть, постепенно уступа-

ющая место страху. В центре стоял мистер Холидей, и его лицо, даже удивленное, было по-прежнему красивым.

Позади взрослых на стене висела черная ткань с серебряными рисунками. Рисунки казались знакомыми, хотя Грейс не знала, когда видела их раньше. Наиболее знакомым среди них был глаз. Глаз был расположен в центре расплывчатого лица, обнажившего острые зубы в ужасном оскале. Кто бы ни был изображен на рисунке, это был призрак ненависти и голода.

Взгляд Грейс вернулся к взрослым. Перед ними, развалившись на мягком кресле, снятом со старой кареты, лежала миссис Фальк.

Повариха не двигалась, невидящие глаза смотрели в потолок. Серая блузка была разорвана, и большие обвислые груди миссис Фальк нависали на бока, открывая рваную рану в центре торса. Тело и одежда поварихи были залиты кровью. Даже Грейс удивилась, что они сделали с ней. Она увидела кусок плоти в руке мистера Мурто, еще обагренный красной жидкостью, и поняла, что это сердце миссис Фальк. Мистер Холидей держал в руке такого же размера кусок чего-то темного, по виду металлического.

Мистер Мурто заговорил первым, выкрикивая ругательства, ни одно из которых Грейс не поняла.

— Что мы делаем? — пронзительно завизжала миссис Мурто. — Она видит нас. Что мы делаем?

Мурто свирепо посмотрел на обезумевшую женщину:

— Именем Кромешной Тьмы, заткнись, или твое сердце — следующее.

Он перевел взгляд на мистера Холидея.

— Торопись, Дамон, заканчивай акт созидания, пока не слишком поздно.

Мистер Холидей схватил темный кусок...

Это железо, Грейс. Кусок железа.

...затем грубо затолкал его в отверстие в груди миссис Фальк.

Миссис Фальк села. Вялые конечности зашевелились. Затем она посмотрела и улыбнулась — холодно, с ненавистью. Раскинула руки в стороны.

— Я готова, хозяин, — закричала она пронзительным голосом. Ее сумасшедшие глаза, ее губы налились кровью. — Нашими руками мы вернем всех на путь истинный, и Властелин Ночи будет править всем!

Грейс сделала шаг назад. Несмотря на движения и речь миссис Фальк, Грейс была совершенно уверена, что повариха мертва.

Грейс. Посмотри на черную ткань — это символ культа Ворона. Железные Сердца создали новую Фальк. Вот что ты видела той ночью, это то, что ты стерла из памяти. Вот почему ты вернулась сюда — увидеть и понять.

Но если это правда, почему она все еще здесь. Почему не появилось пламя?

— Я позабочусь о маленькой гниде! — закричал мистер Мурто, расставив свои большие руки и двигаясь к Грейс.

— Нет, — сказал мистер Холидей, взглядом останавливая землекопа. — Предоставь это... посетителю.

Металлический свет стал ярче, а гул громче, поэтому Грейс подумала, что звук проник в мозг. Черная ткань с символами затрепетала, затем сдвинулась, как будто что-то высокое, бледное и очень тонкое прошло сквозь нее.

Взрослые упали ниц. Грейс не могла двигаться, и существо направилось к ней.

Дух смерти был гротескным и в то же время прекрасным. Огромная голова балансировала на тонкой шее, а глаза напоминали большие черные камни.

Дух смерти подошел ближе, раскидывая изящные руки, чтобы заключить девочку в свое последнее объятие. Тень, казалось, окружала Грейс со всех сторон.

Не позволяй ей касаться тебя, Грейс.

Ее собственный голос звучал словно откуда-то издалека.

Ты должна вызвать пламя.

Было трудно двигаться. Холод духа смерти коснулся ее плоти. Девочка почувствовала первые прохладные прикосновения его пальцев. Казалось, тень радостно пульсировала. Она собиралась съесть ее живьем.

Врачу — исцелися сам.

Где-то глубоко внутри вспыхивала искра жизни. Ни гнев, ни ненависть; просто сожаление по тем годам, которые она скрывала от тени, — годам, которые также скрывали ее от света. Она избежала их, будучи девочкой, и могла сделать то же, будучи взрослой женщиной. Однажды они украли ее жизнь. Грейс не позволит сделать это снова.

Настало время прогнать тени.

Она подняла руку, и воздух комнаты превратился в сверкающее пламя.

Дух смерти воздел свои тонкие руки и в беззвучном крике отбросил назад голову, когда огонь окутал его.

Грейс отвернулась и пошла прочь. Дверь позади нее захлопнулась, загораживая, но не убирая потрескивание пламени и крики людей. Потом послышалось царапанье с другой стороны двери. Грейс взглянула на ручку двери — та расплавилась и превратилась в бесформенный комок. Вместо серебристого света по полу полз черный дым.

Медленно и спокойно Грейс пошла по коридору прочь от двери. Пламя следовало за ней, оно лизало стены, пляса-

ло на потолке, подобно веселым голубым призракам, поглощая тени.

Грейс остановилась, чтобы потянуть ручку звонка на стене, предупреждающего о пожаре, и тотчас пронзительный вой разрезал воздух. У других — Сары, Нелл, Элизабет и всех остальных — было время уйти. Но только у детей.

Коридор пылал. Последние клочки теней горели как куски черной бумаги, сияние окутывало Грейс. Это был ее огонь, не так ли? Она позвала его, и он пришел: первый оправданный риск тринадцатилетней колдуньи.

83

Тревис толкал поврежденные сторожевые врата. Ржавые петли скрипнули, и врата наклонились внутрь, сбрасывая тонкие куски белой краски, подобно хлопьям мертвой кожи. Он пошел по заросшей тропинке. Плакучие ивы вздыхали, и дом казался раскаленным в пурпурном воздухе и сумерках Иллинойса, как будто был сделан из костей. Зачем он пришел сюда? Тревис не возвращался в это место с того знойного дня, когда ему исполнилось двадцать, когда он покинул ферму, где вырос, устремил свой взор на запад и никогда не оглядывался.

Но это неправда, Тревис. Ты оглядывался. Каждый день ты оглядывался.

И теперь он снова здесь. Но как? Он был в...

Очень трудно вспоминать, где он был. Мутное пятно, словно все, что случилось с Тревисом с тех пор, как он покинул это место, ничего не значило по сравнению с тем, что случилось с этими выгоревшими деревянными стенами. Была тень, вот все, что он помнил. Но, возможно, это не имело сейчас значения. Возможно, единственное, что имело значение, — это то, что он вернулся.

Тревис прошел сад, сад матери. В его памяти он был такой же аккуратный, как ее кухня: все на своем месте. А сейчас стал переплетением жимолости, ломоносов и диких цинний. Одинокие светлячки мерцали между листвой. Они казались тусклыми и угасающими, их время было сочтено.

И твое тоже, Тревис. Зачем еще ты вернулся сюда, если это не конец?

Он дошел до ступенек крыльца, начал подниматься по гнилым деревяшкам, и его взяло сомнение. Он не мог еще раз войти туда. Тревис повернулся и стал обходить дом вокруг к заднему двору.

Здесь все было еще более диким: переплетение чертополоха, златоцвета и молочая. Белый пух одуванчиков летал в удушливом воздухе, однако не мог найти места, где можно было бы лечь на землю и пустить корни. Тревис понимал это беспорядочное движение. Разве не так же он метался туда-сюда с тех пор, как покинул этот дом? Искал место, которое могло быть его домом?

— Думаю, ты так и не нашел его, — пробормотал он. — Иначе зачем ты вернулся сюда?

Дом сзади выглядел еще хуже. Ставни упали с окошек, водосточные желоба сползли, а некоторые доски отошли от стен. Почему?

Потому что они мертвы, Тревис. Помни. Они мертвы, и ты даже не вернулся на их похороны.

Он узнал об их смерти из письма, написанного пастором; оно как-то нашло его. Тревис помнил немного из того, о чем говорилось в письме. Там было что-то о раке, и что он уже прогрессировал к тому времени, когда его обнаружили, и как его отец последовал в мир иной менее чем за два месяца после смерти матери. Но он четко помнил последнюю строку.

Господи, благослови их обоих, ибо они наконец соединились со своей любимой Элис.

Тревис вздрогнул.

Деревья шептали ее имя, сорняки эхом повторяли его, светлячки слабо мерцали в траве. Вот почему он вернулся сюда. Не ради них, а ради Элис.

Низкий могильный холмик, обвитый горошком. Ее похоронили прямо здесь, на заднем дворе. Не в центре двора, а в той стороне, где он мог видеть могилу из окна своей спальни: постоянное напоминание о содеянном.

Убийство — тяжелый грех.

Это был голос его отца, хриплый и дрожащий. Тревис приник к верхним ступенькам, слушая.

Несчастный случай, мистер Уайлдер...

Это голос пастора, сухой, но добрый.

Да, несчастный случай.

Его мать, ее слова, поблекшие, как полосатые занавески, висящие на окне в кухне.

Несчастный случай не может быть грехом.

И снова низкий голос отца.

Он ревновал ее. Он всегда был идиотом. А она была такой совершенной, такой прекрасной.

Теплый зефир пришел вместе с ночью, открывая безмолвные звезды в небе и унося прочь эти слова.

Это был несчастный случай. Он любил Элис больше всего на свете — ее низкий голос, веселые голубые глаза.

Он бы сделал все для нее. Но она была больна, и родители поручили ему ухаживать за ней. Пузырьки с лекарствами сверкали. Он смешал их и дал ей слишком много пилюль.

Слишком много.

Желтый свет коснулся щеки Тревиса. Он поднял голову. Ферма была темной и молчаливой — кромс одного окна на верхнем этаже. Кто-то включил там свет, в ее прежней комнате.

Прежде чем Тревис подумал об этом, он толкнул дверь кухни. Не заперто. Он открыл дверь и вошел в дом.

Темный, душный воздух окутал его. Сколько лет прошло с тех пор, как он жил здесь? Тревис не знал. Наверное, очень много. Было трудно что-либо рассмотреть, только слабая полоска звездного света пробивалась сквозь занавески. Затем он пошел дальше и увидел тусклый свет, падающий на ступеньки. Тревис на ощупь подошел к лестнице, затем поднялся в коридор на втором этаже. Все двери были закрыты, кроме одной. Там сиял золотой свет. Свет этот потянул Тревиса вперед по пыльному лоскутному ковру мимо плесневелых обоев. Он не решался войти, думая, что ждет его за дверью, затем шагнул. Понадобилось мгновение, чтобы полностью запечатлеть эту картину, затем Тревис рассмеялся. Они ждали того дня, когда он вернется?

Но это не важно. Важно другое: он четко знал, что нужно делать.

Комната была такой, как он ее помнил. Белые полки заставлены книгами и чучелами животных, и еще больше книг было на маленьком белом столе. Розовый полог покрывал кровать, гармонируя с подушками и простынями. На белом столике рядом с кроватью, кроме грубой лампы, которую кто-то включил, стакан воды и пузырек с лекарством.

Тень в коридоре позади Тревиса сгущалась, принимая форму и толкая его вперед. Ему едва ли нужен был ее толчок. Родители присоединились к Элис. Но они никогда не могли любить ее так, как любил ее он.

Тревис вошел в комнату осторожно, стараясь не касаться вещей. Он высокий и неуклюжий и должен заботиться о сестре, потому что она маленькая и хрупкая. Так всегда говорила ему мать.

Тревис припал к полу, потом лег на ее кровать. Она была слишком мала, и ему пришлось подтянуть колени близко к груди, так, что он больше сидел, чем лежал, прислонясь спиной к подушкам и стене.

Легкий сладкий запах шел от покрывала. Ее запах. Мгновение он вдыхал его. Затем повернулся и взял пузырек с лекарством с ночного столика.

Тревис посмотрел на этикетку на пузырьке... цифры и буквы скакали в нелепом танце. Он сосредоточился, но не

мог уследить за их движениями. Однако сейчас не надо было различать их. Он открыл крышку, повернул пузырек, высыпал содержимое на ладонь.

Гора маленьких лиловых пилюль, и каждая помечена небольшой белой молнией.

Тревис неодобрительно посмотрел на пилюли. Что-то не так. Зловещие. Но что это значит? Впрочем, какая разница, он сделает то, что должен сделать. Сначала они присоединились к Элис, теперь его очередь.

Тень ждала.

— Добрый вечер, старший брат.

— Добрый вечер, Букашка.

Тревис поднял руку и положил все пилюли в рот.

Не делай этого, Тревис.

Он закрыл рот, удерживая пилюли языком, когда в сознание его ворвался чей-то голос. Женский голос, прокуренный и знакомый.

Не глотай их. Если ты сделаешь это, она выиграет.

Смятение охватило его. Кто выиграет?

Тень. За этим она привела тебя сюда.

Нет, я пришел сюда сам.

Женский голос не унимался.

Нет, Тревис, не ты. Она привела тебя на это место, в твое прошлое. Я знаю, потому что она сделала то же со мной, она старалась отделить меня от моей памяти, но я выстояла. Ты тоже должен выстоять. Иначе все будет потеряно, все, чего мы добились.

Тревис все еще не понимал, но голос показался ему знакомым.

Выплюнь их, Тревис.

Голос становился настойчивым, таким, каким доктор дает приказания. Было трудно двигаться. Пилюли начали понемногу таять на кончике языка. Он, наверное, проглотил какое-то их количество.

Тень пробралась в комнату, съедая свет.

Пожалуйста, Тревис.

Голос стал исчезать. Глаза Тревиса закрывались. Тень обмотала темную веревку вокруг его шеи, мягко и нежно массируя горло.

Тревис начал глотать.

Слушай меня, Тревис!

Казалось, голос звал издалека.

Я знаю, что случилось. Я могу все это видеть. И она бы никогда не захотела, чтобы ты сделал это. Элис любила тебя...

Тревис быстро открыл глаза.

Да, почему он этого не понимал? Голос прав. Этого хотели они, а не Элис. Она простила его, прежде чем ее глаза закрылись, она бы никогда не потребовала такой мести.

Тень душила Тревиса, проникала в рот, пытаясь заставить его глотать, лезла в горло.

Со стоном Тревис повернул голову и выплюнул пилюли. Тень нависла над ним, намереваясь упасть на него и раздавить своей массой.

Появился серебристо-зеленый свет, разорвав тень и отбросив обрывки в сторону.

Тревис посмотрел на свет. Маленькая легкая фигура стояла перед ним, в ее руке был камень. Именно от него и шел свет.

— Элис?

Она улыбнулась, показав кривые зубы.

— Это я, старший брат, — сказала она голосом, который всегда казался взрослым, несмотря на нежный лепет. — Вот. Я принесла тебе это.

Она держала камень. Его поверхность была покрыта серо-зелеными крапинками.

Синфатизар.

Он уставился на нее:

— Но как?..

Она пожала плечами:

— Не знаю, старший брат. Думаю, что он тебе нужен, поэтому я принесла его тебе. Правильно?

Тревис протянул дрожащую руку и взял у нее Камень.

— Да.

Он сжал пальцами гладкую поверхность камня. Элис выглядела как раз такой, какой он ее помнил, с темными косичками и в синем платье, гармонировавшем с ее глазами.

— Знаешь, ты не можешь быть здесь на самом деле.

Элис снова улыбнулась, но выражение ее лица было вымученным и печальным. Она отвернулась.

— Я тоже люблю тебя, Тревис.

Затем она повернулась и вышла в дверь, исчезнув в темноте.

Тревис попытался встать, пойти за ней.

Ты не можешь идти за ней, Тревис.

Близкий и ласковый голос зазвучал в памяти. В уме возникли обрывки воспоминаний, и он пытался соединить их.

— Грейс? — прошептал он.

Это я, Тревис.

— Я должен идти за ней.

Но ты не можешь. На самом деле ее никогда здесь не было. Ничего этого здесь нет. Думаю, я наконец поняла, что он делает. Демон создает иллюзию, чтобы удержать тебя, чтобы удержать всех нас, пока он не станет достаточно сильным, чтобы нас уничтожить. Тебе необходимо воспользоваться Камнем, чтобы остановить его, пока не поздно.

— Воспользоваться Камнем, чтобы остановить его?

Призрак прошлого...

И он наконец понял.

О Грейс, помоги мне.

На какое-то мгновение он почувствовал себя ужасно одиноким, висящим в пустоте между прошлым и настоящим. Затем пришло ощущение безучастности и успокоения, и Тревиса окружил золотисто-зеленоватый свет.

84

Тревис очнулся. Это был не мираж. Он растянулся на полу Этериона, вокруг завывал, неистовствуя, ветер, бросая в лицо мелкие камешки. Высоко в куполе над ним зияла дыра, стены в некоторых местах провалились внутрь. Он видел, что мраморные колонны деформировались и треснули с внешней стороны. Однако камни не падали. Наоборот, большие каменные глыбы начали вращаться по кругу в десятке метров над его головой, подобно тому, как вода стекает в водосток. Все большие камни кружились по Этериону, с каждым витком приближаясь к тому темному месту, что находилось в самом центре.

Боль сдавила разум Тревиса, он все вспомнил. Он прошел за Саретом, Дарж и Лирит через Врата, и они очутились на обваливающемся балконе. На краю Этериона. Вокруг яростными порывами завывал ветер, и они хватались за оставшиеся перила балкона, чтобы их не унесло.

Демон был здесь, в центре Этериона, и он притягивал любые предметы — мрамор, дерево, материю — внутрь, к центру. Всякий раз, когда что-то достигало демона, возникала вспышка света, и предмет исчезал. Так что Ксемет был прав. Демон все еще слаб, ожидает, когда к нему поступит пища, так же как Ксемет и скирати использовали Врата, чтобы приносить ему богов. Но с каждым поглощенным предметом демон становится сильнее.

И только когда Лирит пронзительно закричала, Тревис увидел спящие тела, которые, лежа на спине, проплывали среди камней. Так что не только предметы притягивались демоном. Мелия и Фолкен, Грейс и Эйрин, Бельтан и Вани — все они казались спящими, все плыли в воздухе по Этериону, приближаясь к демону с каждым витком.

Ксемета нигде не было видно. Может быть, он спасся. А может, демон уже поглотил его. Определенно демон еще свободен. И по происходящему Тревис видел, что еще несколько

минут, и демон проглотит и остальных. Он повернулся к Сарету, Даржу и Лирит и увидел, что они шагнули с балкона и поднялись в воздух. Глаза их закрылись. Тревис вскрикнул, протягивая к ним руку, но опоздал. Все трое начали свое неумолимое вращающееся путешествие к демону. Затем Тревис почувствовал, как что-то тяжелое навалилось на него. Слишком усталый, чтобы сопротивляться, он отодвинулся от перил, и его окутал полумрак, увлекая в мрачные воспоминания прошлого.

— Но сейчас ты здесь, Тревис, — процедил он сквозь стиснутые зубы.

Элис, Элис помогла ему. И Грейс.

Он встал и поискал других. На какое-то мгновение с ужасом подумал, что они уже погибли. Затем увидел, как они плывут почти в центре круга, тела их по-прежнему были неподвижны. Мелия и Эйрин были ближе всех к центру. Еще виток, и они достигнут демона. Другие были немного позади. Но где же Грейс?

— Тревис!

Слово почти затерялось в реве ветра и грохоте бьющихся камней. Затем он увидел ее на другой стороне Этериона. Грейс шла, пошатываясь, по треснувшему и вздувающемуся полу.

— Грейс! — закричал он, делая к ней шаг.

Теперь ее голос зазвучал в его сознании.

Поторопись, Тревис!

Прежде чем Тревис смог ответить, невидимые руки со страшной силой схватили его. По другую сторону Этериона Грейс обхватила колонну руками, но в центре Тревису было не за что ухватиться. Он почувствовал, что его тело стало ужасно легким, носки ботинок едва касались пола. Затем его потянули еще раз, и он поднялся в воздух.

Камень, Тревис! Ты должен им воспользоваться.

На этот раз в его сознании заговорил другой голос — голос старого друга.

Я не понимаю, Джек.

Ты должен воспользоваться Синфатизаром против демона. Камень может остановить его.

Тревис поднимался к началу спирального круга. Для него не будет медленной карусели. Его несло вверх, прямо к демону.

Что ты имеешь в виду, говоря «остановить его»?

Да перестань же думать и слушай, Тревис.

В сознании грозно звучал голос Джека Грейстоуна. Тревис почти видел синие горящие глаза старого антиквара.

Сумеречный Камень не может разрушать так же, как и демон. Это ему неподвластно. Демон — это парадокс, нечто несуществующее, заключенное в камне. Синфатизар может разре-

шить этот парадокс — он может заставить демона быть тем или другим. Разве ты до сих пор не знаешь сущности камня? Вода не похожа на вино, свинец — на золото, тьма на свет. Вот чем он всегда был, Тревис. Все, что тебе нужно сделать, это выбрать, чем ему быть.

Выбрать, чем ему быть. Именно это сказал волшебник, именно поэтому он сам пострадал, доставляя ему Синфатизар на Землю. Так что же надо выбрать?

Вокруг ревел ветер. Среди камней Тревис увидел демона совсем другими глазами. Туманная дымка окружала его. У демона не было облика, он скорее походил на шарик, который перекатывался, как капля жидкого металла. К тому же это была просто раковина, та, которой пользовались колдуны, чтобы привязать его к Зее. Внутри этой раковины демон был наедине с морндари, голодным духом, преследовавшим его в пустоте среди миров: голодная яма пустоты, которую никогда невозможно было наполнить, сколько бы она ни поглотила.

До центра спирали оставалось около трех метров.

Сделай это, Тревис!

Полтора метра. От демона на него надвигалась волнообразная нить. Тревис схватил Синфатизар в правую руку. Камень светился зловещим светом.

Но я не знаю как, Джек.

Глупости. Конечно же, ты знаешь как. Ты — повелитель, я сам тебя сделал им. Камень должен повиноваться твоим командам. Так действуй же!

Времени не оставалось. Нить добралась до Тревиса и обвилась вокруг него. Он почувствовал, как его плоть и кровь начали постепенно исчезать, как будто содрали все хорошее, что в нем когда-либо было, оставив только голый, почерневший скелет мрачных воспоминаний. Попытка разбудить Элис; ее тело было холодное, как лед. Бегство с чердака волшебника, когда Джек один оказался лицом к лицу с видениями. Осознание, что Макс выдал его «Дюратеку».

Наконец Тревис понял. Так вот как демон это делал, как он затягивал к себе людей и как в итоге пожирал их. Он прорывался сквозь пласты их жизней, эксгумируя все самые плохие моменты. А с такими мрачными останками кто же не пожелает отдать себя пустоте.

Темная нить сдавила, соскабливая последние крупинки успокоения, за которые Тревис держался, и оставляя только зарубцевавшиеся следы боли. Поблекший фермерский дом в штате Иллинойс в тот день, когда он покинул его навсегда. Лихорадочный безумный взгляд Макса, когда его объяло пламя. Бельтан, безжиз-

ненно лежащий в луже крови. Свежий могильный холмик, который он видел из окна своей спальни.

Нет.

Это слово шепотом звучало в его сознании, но Тревис внял ему как крику. Нет, он бы не позволил этому быть единственным воспоминанием о ней — маленькой частичке, брошенной в сырую, богатую червями почву того серого дня в Иллинойсе. Ее улыбка, ее волшебный смех, ее маленькое тело, свернувшееся в его больших руках, когда они читали книгу. Не важно, что случилось потом, он бы не забыл этого, не забыл.

Я люблю тебя, старший брат.

Я тоже люблю тебя, Букашечка.

Это было так ужасно. Его пальцы стали почти прозрачными, он уже исчезал. С последней искрой желания Тревис взял Синфатизар, коснулся им темного силуэта демона и сделал свой выбор.

— Превратись в камень!

Это было меньше чем шепот. Но голос Джека произнес эти слова в его мозгу, и сотни других голосов эхом отвечали им повторяющим хором: голоса всех Повелителей Рун, которые когда-либо жили, говорили сейчас как один, через него.

Превратись в камень!

Возник прекрасный серебристо-зеленый свет, обжигающий его руку. Раздался крик, не звук — вопль беззвучной агонии, которая пронзила его мозг перед внезапным концом.

Вдруг поднялся ветер.

Затем Тревис упал на мраморный пол с высоты нескольких десятков футов.

85

— Держись! — выкрикнул чистый голос.

Казалось, невидимые руки схватили Тревиса, остановив его падение. Звук, похожий на сотни раскатов грома, превратился в эхо.

Гром постепенно затих, и оставшиеся камни неслись вниз. С трудом Тревис повернул шею. Он увидел других падающих; их лица были такими же ошеломленными, как и его. Лирит, Дарж и Сарет вращались в падении с одной стороны от Тревиса, а на некотором расстоянии с другой стороны падали Эйрин, Бельтан и Вани с Фолкеном и Мелией.

Мелия светилась прекрасным голубым светом, ее руки сжимали виски, лицо было сосредоточенно.

Чувство паники поднялось к горлу Тревиса — последний раз, когда он видел Грейс, она была на полу Этериона. Потом он вздохнул, когда увидел, как она парит над Мелией. Сила демона, должно быть, подняла ее воздух как раз перед концом.

— Очень хорошо, Мелия, — ревел Фолкен, медленно переворачиваясь вверх ногами и путаясь в выцветшем голубом плаще. — Мы можем сейчас остановиться. Только делай это медленно.

— На самом деле это не так просто. Я то держу тебя, то нет. Нет даже промежутка.

Фолкен тяжело вздохнул:

— Что ты имеешь в виду, что нет промежутка? Все, что я хочу — получить...

Слово превратилось во что-то похожее на визг, когда Фолкен резко упал на несколько метров, затем остановился. Через секунду остальные последовали за ним, и Тревис чуть не прикусил язык, резко затормозив. Еще после нескольких падений и остановок каменный пол сделался значительно ближе. На последний бросок оставалось не более полутора метров, хотя Тревис все-таки умудрился приземлиться на заостренный камень.

Он был все еще в центре Этериона, остальные — вокруг него. Тревис увидел, как встает Вани, вот и Бельтан помог Грейс подняться.

В груди он почувствовал нежное тепло. Они живы, они все живы.

— Тревис! — крикнул Бельтан.

Рыцарь поддерживал Грейс. Она подняла взгляд и улыбнулась. Рядом с ними стояла Вани — руки на поясе, огонек в золотых глазах.

Тревис по-прежнему не знал, почему Джек выбрал его или кем на самом деле был брат Сай. Но в этот момент он совершенно не сомневался, что эти трое — все для него. Грейс — самый близкий друг, какой у него когда-либо был. И теперь он...

— Нет.

Позади раздался крик вместе со скрежетом сдвигаемого камня. Тревис повернулся. Лирит нависла над выступом булыжника, а Дарж спешил к ней.

— Тревис, — закричал Дарж, — нам требуется твоя помощь! Быстро.

Затем Тревис понял — эти двое пытались освободить третьего от груды камней.

Сарет.

Тревис спрятал Синфатизар в карман и припустился бежать, карабкаясь по высоким каменным выступам.

— Что случилось?

Лицо Даржа было белым от пыли скалы.

— Груда камней, на которую он упал, не была прочной. Она рассыпалась, когда он пытался взобраться на нее.

Лирит открыла глаза:

— Он жив. Но ему не хватает воздуха. Мы должны его освободить.

Дарж начал сталкивать камни с высокой глыбы. Лирит тащила булыжник, раня руки до крови.

— Отойдите, — сказал Тревис.

Рыцарь и колдунья с изумлением посмотрели на него.

— Сейчас же.

Он сам удивился металлу в своем голосе.

Они повиновались, а Тревис собрал свою волю. Положил правую руку на один из камней и затем произнес руну, которая эхом в сотни голосов отозвалась в мозгу.

— *Сар.*

Камни знали свое имя и послушались.

Валуны разлетелись, повисли в воздухе, затем с сокрушительным треском упали на пол на расстоянии дюжины футов. Где только что были камни, зашевелилась и села фигура.

— Сарет...

Лирит обхватила его руками. Глаза на пыльном лице Сарета приобрели осмысленное выражение.

— Тебя не раздавило, — сказал Дарж удивленно и немного разочарованно.

— И голову не повредило, — ухмыльнулся Сарет. — У меня есть кое-что, чем можно подпереть камни.

Морниш держал в руке длинную деревяшку, и Тревис понял, что он использовал в качестве подпорки свою деревянную ногу. Дарж помог ему подняться.

Сарет усмехнулся Тревису:

— Спасибо, чародей. Ты мастер по... по части открывания.

Тревис вздрогнул и открыл было рот, но Лирит заговорила первой:

— Ирсайя, что это?

Колдунья показала на чистое пространство между глыбами на полу. В центре круга лежал бесформенный черный кусок камня размером с кулак Тревиса. Неживое лицо на камне открыло рот в беззвучном крике.

Сарет приблизился к Лирит.

— Это демон. Или то, что от него осталось.

— Просто камень, — пробормотал Тревис.

Лирит взглянула на него:

— Что ты имеешь в виду?

Он сунул руку в карман и вытащил гладкий по форме Синфатизар.

— Демон был камнем и в то же время ничем. Камень позволил мне выбрать, кем ему быть.

— Это чудо, — сказал Сарет.

— Действительно, — послышался чистый голос Мелии. — Истинно, чудо в том, что ты смог спасти всех, Тревис.

Он повернулся.

— Мне любопытно, дорогой, — сказала Мелия. — Если даже я не могла сопротивляться чарам демона, как получилось, что ты сумел использовать камень против *этого?*

Тревис опустил глаза вниз на Сумеречный Камень, сейчас находящийся в покое, и подумал о девушке, которая дала ему его во сне. Которая дала ему то, что у него было, но что он боялся принять от себя.

Прощение.

Я люблю тебя, Элис.

— Мне помогли.

Мелия вскинула голову, однако прежде, чем смогла спросить что-то, Фолкен сказал, глядя на скалу, в которой был демон:

— Итак, он мертв?

Мелия кивнула.

— Я все еще чувствую часть его власти, разливающейся по воздуху, как волны по воде. Но волны уже начинают стихать.

Она взглянула на Грейс и Эйрин, те кивнули в ответ.

— Это вон там, — сказал Тревис со вздохом.

Пыль и мелкие осколки камней рухнули с треснувшего купола.

— Мне тут не нравится, — сказал Дарж. — Пора уносить ноги.

— Сюда, — позвала Мелия. — Врата Этериона здесь.

Пол с треском начал разваливаться под ногами.

Кто-то вскрикнул, Тревису показалось, что Эйрин. Затем Тревис увидел, как окаменевший демон вместе с несколькими каменными глыбами исчез в темноте ямы.

— Назад! — закричал Дарж. — Вы должны отойти назад.

Рыцарь сильными руками оттащил Тревиса. Лирит и Сарет уже отбежали от трещины.

Пол снова закачался, а трещина начала расти с ужасной скоростью, разрезая Этерион пополам. Края осыпались.

— Тревис.

Это Бельтан.

— Мы не можем пройти к выходу, да? — сказала Лирит.

— Трещину не перепрыгнуть, она очень широкая, — крикнул Дарж.

И она становилась шире.

— Мелия! — закричал Фолкен сквозь грохот падающих камней. — Неужели ты не можешь восстановить пол?

Лицо богини выражало страдание. Она схватила барда за руку.

— Уберечь вас от падения, вот все, что я могла сделать. У меня не осталось силы для такого поступка.

— Мы должны идти, — сказала Вани, глядя на провисший купол.

— Мы не можем оставить их, — кричала Эйрин. — Дарж...

— Не бойся, госпожа, — произнес рыцарь.

— Тревис, а что твои руны?

Он покачал головой. Если бы были какие-нибудь руны, которые могли бы забрать их отсюда, он бы не...

Тревис потер лоб рукой.

— Сарет, Врата!

Глаза морниша расширились:

— Ну да. Мы глупцы.

Он вытащил артефакт из кармана. Лирит подошла ближе.

— Скарабей все еще у тебя, Тревис?

— Я бы посоветовал поспешить, — понял все Дарж.

— Вани, — закричал Сарет. — Мы можем уйти. Сейчас!

Бельтан поднял руку:

— Тревис?

Он улыбнулся:

— Увидимся снаружи, Бельтан!

Рыцарь улыбнулся ему, затем кивнул.

— Бежим! — сказала Вани остальным. — Мы должны бежать!

Тревис повернулся посмотреть, как Сарет давит извивающегося скарабея. Капля крови медленно вытекла и упала в артефакт. Это означало, что осталась еще одна капля.

Лирит поставила призму на артефакт, и мгновенно появились Врата: черный овал в окружении голубого огня.

Дарж посмотрел на Врата.

— Что-то с ними не так. Они выглядят слабыми.

— Я не знаю, — сказал Сарет. — Возможно, влияние демона коснулось их магии. Но Врата открыты, и мы должны пройти.

Четверть купола рухнула, погребя арочный вход, через который их друзья бежали несколько секунд назад.

— Нет! — закричал Сарет.

Все вчетвером бросились к Вратам.

Тревис бежал. Мешок спадал с плеча и цеплялся за камни. Сверкающий предмет выпал из него и скользнул в расщелину. Его очки.

Тревис вскинул голову. Другие уже прошли сквозь Врата. Но он не мог оставить очки. Ему их дал Джек. Тревис отчаянно шарил рукой по камням. Пальцы коснулись проволоки и стекла, затем схватили очки.

С криком Тревис бросился к Вратам.

86

Человек в черном был искалечен, но не мертв.

Щель в полу раскрывалась, словно голодный рот. Высокие стены тяжело стонали, выгибаясь внутрь. Через секунду они должны разрушиться.

Врата — они открыли Врата.

Человек в черном пришел в движение. Превозмогая боль, вкарабкался на острый камень. С криком бросился вперед и прошел через уменьшающуюся оболочку Врат.

Как закрывается глаз, так и Врата перестали существовать.

Этерион Тарраса — который стоял над городом тысячи лет — стал сам себе могильным холмом.

87

Не обращая внимания на общую суматоху, Грейс неотрывно смотрела, как большой голубой купол Этериона согнулся внутрь, стал падать и разрушился. В воздухе прогремел гром, и белый столб пыли поднялся в небо.

Жители Тарраса в возбуждении толпились на улицах Второго Круга, наблюдая разрушение великого здания. Солдаты бегали взад-вперед, выполняя приказы начальства.

Никто не обращал внимания на друзей, никто не видел, как они бежали с Этериона, ибо облако пыли большой волной катилось с ними, скрывая их побег.

Все думали, что Этерион разрушило землетрясение.

Они никогда не узнают о демоне, который почти поглотил город и всех его жителей.

Возможно, это и к лучшему. Пусть люди опасаются явлений природы, а не древней и жадной магии. Иногда лучше не знать, что в мире обитают темные силы.

Рухнули стены Этериона, вздымая к небу все новые облака пыли. Эйрин со вздохом прижалась к Грейс.

Все хорошо, утешала ее Грейс, вплетая слова в Паутину жизни и удивляясь, как легко это у нее получается. *Мы теперь свободны, Эйрин.*

Я знаю, отвечала молодая женщина и снова вздыхала.

Бельтан и Вани стояли близко друг к другу с отрешенными лицами. Вдруг Грейс посетила мысль о том, как прекрасен большой белокурый человек рядом с темноволосой убийцей. Он был как жизнеутверждающий яркий день рядом с глубокой

таинственной полуночью. Она не могла представить себе двух более противоположных людей.

И в то же время у них было что-то общее. Оба любили Тревиса. Бельтан по велению сердца, а Вани — согласно картам.

— Я не могу смотреть на это, — тихо сказала Мелия, и слезы заблестели на ее смуглых щеках.

Она отвернулась и хотела отойти, но Фолкен удержал ее. В руках богиня держала маленького черного котенка. Грейс удивилась, откуда он мог взяться. Котенок слабо мяукнул и царапнул Мелию по щеке.

На улице появились солдаты.

— Нам не следует привлекать к себе внимание, — сказала Вани. — Здесь могут быть скирати. Вдруг не все они погибли в Этерионе.

Они двинулись к узкой улице, откуда можно было спокойно наблюдать за происходящим. Опять послышалось глухое грохотание, и новая туча пыли поднялась в воздух.

— Ксемет, — пробормотала Вани, ее глаза были полны боли.

Грейс взглянула на убийцу и подумала, что той сейчас нелегко. Не отвергни Вани любовь Ксемета, может, он бы и не связал себя со скирати. С другой стороны, это дело совести Ксемета, не ее.

Грейс мягко отстранилась от Эйрин и подошла к Вани.

— Ты не виновата, — промолвила она.

Вани кивнула, но не ответила.

Фолкен стиснул кулаки.

— Сейчас, когда демон повержен, я надеюсь, река времени повернет в правильное русло.

Мелия вытерла слезы.

— Уже. Манду сказал мне, что есть еще несколько маленьких завихрений и волнений, но и эти уже успокаиваются. Мы больше не затеряемся в прошлом.

Бельтан вздохнул:

— Да, очень образно — заплутали в прошлом.

Эйрин испуганно захлопала глазами:

— Я думала... я думала, это я.

Грейс взглянула на молодую женщину.

— Что случилось, Эйрин?

— Это было ужасно. — Баронесса стиснула руки. — Как в плохом сне, только гораздо более реальном. Снова был канун зимы, и я...

Она глубоко вздохнула и расправила плечи.

— Я сделала что-то ужасное во сне, что-то, что я сделала и на самом деле и за что мне ужасно стыдно.

Грейс поняла. Леотан. Эйрин убила молодого человека заклинанием. Но у него было железное сердце.

— Потом там появилась тень. Она хотела, чтобы я спрыгнула с самой высокой башни замка. Я этого не сделала.

Она обвела всех взглядом блестящих голубых глаз.

— Видите, я знала, что смерть делу не поможет. Тень бушевала, она закричала на меня, но я убежала.

Грейс не знала, что сказать, и взяла Эйрин за руку.

— Твой сон не очень отличается от моего, — вступил в разговор Бельтан. Лицо рыцаря было подчеркнуто спокойным. — Как и ты, я во сне совершил убийство. Убил человека. Ко мне тоже подошла тень и приказала направить нож на себя. Я начал вонзать лезвие в свое собственное сердце. А затем...

Грейс смотрела на него во все глаза:

— Затем что, Бельтан?

Большой рыцарь пожал широкими плечами:

— Затем я осознал, что прошлое — в прошлом, а жить надо настоящим, здесь и сейчас.

Грейс понимала, что имеет в виду Бельтан. Да, любовь — веская причина, чтобы жить, возможно — единственная. Но какое черное дело мог совершить рыцарь? Он сказал, что убил человека, однако он воин, разве ему не приходилось убивать людей в бою?

Мелия потрогала цветки виноградной лозы, которая вилась по белой стене узкой улицы.

— Я думаю, тенью в твоем сне был демон. Если бы ты сделал то, чего он желал, он бы победил и поглотил тебя.

Она улыбнулась:

— Но ты не поддался тени. Призраки прошлого не будут больше преследовать тебя.

Грейс знала, что это не полная правда. Тени прошлого все еще здесь. Если закрыть глаза, она могла видеть их, как и раньше, прикрепленных к слабо светящимся нитям жизни каждого из них.

А еще...

Тени сейчас были меньше и более отдаленными. Даже собственная тень Грейс. А что, если они никогда не оставят свое прошлое позади, и, как тень, оно всегда будет следовать за ними? Впрочем, подобно тени, прошлое не имеет реальной власти. Темнота будет всегда, но это еще не значит, что они не встретятся впереди, при свете.

Грейс вздохнула, закрыла глаза, вытянулась и коснулась мерцающей Паутины жизни. Она сделала это непринужденно, легко, не страшась. Впервые Грейс держала в руках ярко сверкающие нити — нити жизни.

Это было великолепно.

Грейс.

Голос Эйрин звучал в ее голове.

Грейс, с тобой все в порядке?

Разве она может объяснить?

Да, Эйрин. Впервые в моей жизни у меня все в порядке.

Врачу — исцелися сам.

Грейс открыла глаза. Все с любопытством смотрели на нее. Она засмеялась.

— Извините, — сказала Грейс и оставила все без объяснения.

Как Лирит однажды учила ее, это правильно, что в женщине должна быть загадка. Она посмотрела на Вани, Мелию и Фолкена. Интересно, о чем каждый из них думал в плену у демона? Понятно, что они неохотно говорят об этом. Грейс могла бы угадать момент, когда тень заставила Фолкена жить снова: это гибель королевства.

Малакор не умер, не так ли, Грейс? Не совсем, если ты здесь.

Она потрогала свое ожерелье.

Ты королева, Грейс, нравится тебе это или нет. Но удача с тобой. Ты правительница королевства, которого больше не существует. Ты должна принять это. Есть величество, но нет бремени.

— А ты, Грейс? — сказал Бельтан. — Что ты увидела в тени?

Она облизнула губы.

— Приют для сирот в Колорадо. Я снова была там, ночь, пожар. Только я...

Ее сердце колотилось.

— Это была я. Я здесь единственная, кто сделал это. Просто я не помнила. Но сейчас все ясно.

Эйрин подошла к ней.

— Что ясно, Грейс?

— Пожар. Я устроила пожар, который уничтожил приют.

Баронесса уставилась на нее в изумлении, а Мелия сжала губы и кивнула.

— Я слышала, — сказала Мелия, — что талант колдуньи может ярко проявиться в момент лишения свободы.

У Грейс сильно закружилась голова. Она вспомнила ступеньки, открытую дверь, миссис Фальк и зияющую дыру в ее груди...

— Фолкен, я расскажу тебе, что я видела. Это было так ужасно, я должна была... Я должна была закрыть эту дверцу в свою память. Но сейчас я помню все. Я...

Фолкен нежно взял ее за плечи.

— Что это, дорогая? — спросил бард. — Ты здесь в безопасности. Ты можешь сказать нам.

Было так трудно говорить. Слова вылетали из нее как осколки стекла.

— Железные Сердца. В приюте на Земле. Я видела, что они делали с миссис Фальк. Они вставили в ее грудь кусок

железа, и она проснулась. И еще другое, там было нечто... бледное. Я видела это в символе Культа Ворона. — Она покачала головой. — Но не крыло. Это был глаз... одинокий глаз на ужасном лице, и они сказали, что собираются помочь ему вернуться, вернуться в наш мир и править им.

Лицо Мелии побелело. Пальцы Фолкена впились в плечи Грейс, его глаза были полны решимости.

— Кому, Грейс? Кому они пытались помочь вернуться?

Кое-как она заставила себя произнести одно за другим эти слова:

— Повелителю тьмы.

Мелия судорожно сглотнула, Фолкен выругался.

Грейс покачала головой и положила свою ладонь на его руку. Ее мозг неистово работал, складывая ужасную мозаику.

— Это он, да, Фолкен? Однажды я спрашивала тебя об этом — если Маленький Народец смог вернуться, почему не могут вернуться старые боги? И оказывается он здесь, на Земле. Он выше всего — Бледного Властелина, даже скирати. Я уверена в этом, исходя из того, что сказал Ксемет. Он причина всего.

Эйрин и Бельтан обменялись озадаченными взглядами, Вани нахмурилась.

— О ком ты говоришь? — спросила она. — Кто создатель всего этого зла, которое ты описываешь?

Грейс облизнула губы.

— Мог...

Мелию затрясло:

— Глаз... конечно. Мы видели его раньше. Не крыло ворона, а глаз, который однажды был ослеплен...

— ...и теперь снова видит, — закончил Фолкен.

Мелия выглядела больной. Она протянула руки к Грейс.

— О дорогая, что мы сделали? Мы думали защитить тебя, а вместо этого послали в пасть тьмы. Как ты страдала! Ты, наверное, ненавидишь нас.

Грейс не могла вынести этого. Она обрела свое сердце не для того, чтобы оно снова было разбито.

— Я люблю тебя, Мелия, — сказала она мягко. — Я очень люблю и тебя, и Фолкена.

Янтарноокая богиня не верила своим ушам. Ее лицо отражало сильнейшую душевную муку.

— Вы боролись за жизнь моих родителей и за мою жизнь. Какие еще чувства может вызвать такая преданность?

Она крепко обняла их. Какое-то мгновение бард и богиня были ошеломлены, но в следующую секунду тоже обняли ее.

— Моя маленькая Ралена, — промолвила Мелия.

— Нет, — поправил ее Фолкен. — Наша выросшая Грейс.

Наконец они отошли друг от друга.

Бельтан был смущен:

— Я не понимаю, Фолкен, почему Мог хочет вернуться на Зею?

Эйрин взяла руки Бельтана в свои.

— Он хочет закончить то, что начал тысячу лет назад, — объяснил Фолкен. — Хочет сделать то, что старые и новые боги помешали ему сделать раньше.

— Что же? — спросил Бельтан.

— Мог желает разбить Первую руну и переделать Зею на свой лад, поработив планету и всех ее обитателей.

Воцарилось молчание. Вдалеке слышался грохот камней — это солдаты расчищали улицы Второго Круга.

Вани сделала несколько шагов в сторону.

— Мне это не нравится.

— Что? — спросила Мелия, подходя ближе.

Вани повернулась, ее золотые глаза светились:

— Мой брат, Тревис и другие. Они уже должны быть здесь.

Действительно, их настолько захватили открытия, что они забыли о Тревисе, Сарете, Дарже и Лирит.

Фолкен потер подбородок.

— Но ведь нужно какое-то время, чтобы пройти Врата?

— Нет, — ответила Вани. Ее тон не допускал возражений. — Переход через Врата — это мгновение.

Бельтан насторожился:

— Вы о чем?

— Что это означает? — спросила Эйрин.

Вани встретилась взглядом с каждым из них по очереди. Грейс ощутила прилив страха.

— Это означает, — сказала Вани, — что что-то случилось.

88

Что-то случилось. Так не должно быть.

Тревис закрыл глаза, защищаясь от ветра и пыли. Мусор танцевал и кружился по широкой грязной улице, которая пролегла перед ним. Деревянные здания тянулись вдоль улицы, их острые квадратные фронтоны стремились в синее небо.

— По-моему, на Таррас не похоже, — громко заявил Дарж.

Это было весьма сдержанное высказывание. Тревис открыл рот, но говорить было слишком трудно, все еще сковывал неестественный холод перехода.

Однако солнце, которое казалось меньше и белее, чем на Таррасе, быстро согревало.

Лирит покачала головой, капельки влаги блестели на ее черных волосах.

— Сарет, что это за место?

Морниш сделал шаг вперед, и его деревянная нога подняла облачко пыли.

— Я не знаю, бешала, ничего не знакомо.

А мне знакомо, хотел сказать Тревис.

Он знал это место. Каким образом? Он помнил момент прохождения Врат и леденящее серое небытие пустоты...

Пустота. Но так не должно быть. Серая пустота может существовать только между мирами...

Наконец пришло озарение. Они не в Таррасе. Они даже не на Зее. Они на Земле.

Это не просто Земля, Тревис.

Да, это был универмаг «Маккей», а также оперный театр, химическая лаборатория и салун «Шахтный ствол». «Шахтный ствол»?

Салун не мог быть там. Тревис собственными глазами видел, как он сгорел. Оставалось только одно объяснение.

— Это Касл-Сити, — пробормотал он.

— Ты имеешь в виду свою родную местность? — спросил Дарж.

Тревис кивнул.

Карие глаза рыцаря расширились.

— Это твой мир?

Тревис наклонился вперед.

— Да, но...

Что-то было не так.

— Что случилось с нами? — спросила Лирит.

Морниш внимательно разглядывал артефакт.

— Я не могу сказать. Врата работали странно. Видимо, какая-то часть магии демона вмешалась, разрушая силу артефакта.

— Но у нас только последняя капля крови скарабея, — сказал Дарж. — Мы можем воспользоваться ею, чтобы вернуться?

Тревис едва слышал их. Его мозг усиленно работал. Что здесь происходит? Витрины магазинов, Лосиная улица, горы Касл-Хайтс — все казалось знакомым, однако выглядело как-то не так.

Тревис сделал шаг вперед. Что-то черное выкатилось из-за угла на Лосиную улицу.

Хлестнул кнут, заржали лошади.

— Тревис!

Сильные руки Даржа схватили его за плечи и отбросили назад, чтобы он не попал под колеса.

Тревис прищурился и увидел, как к отелю «Силвер Палас» приближается экипаж.

— Это обычный экипаж в твоем мире, Тревис?

Обычный? Не в последние сто лет.

— Не может быть, — прошептал Тревис.

Но разве демон не разрушил течение времени?

Тревис поднял с земли грязный листок бумаги; в глаза бросились черные буквы:

ВЕСТНИК КАСЛ-СИТИ

Он заставил себя посмотреть на маленькие печатные буквы внизу. Несмотря на подступившую тошноту, Тревис знал, что не ошибается.

Последний выпуск — 13 июля 1887 г.

— Что это? — спросила Лирит, не дыша.

Даже Врата не смогли помочь им. Он поднял глаза от газеты и встретился глазами с колдуньей, рыцарем и морнишем.

— Боюсь, мы заблудились, — прошептал Тревис.

Так заканчивается книга «Мрак остается», третья книга серии «Последняя руна». Повествование о друзьях из обоих миров продолжится в четвертой книге «Кровь тайны».

Содержание

ЦИТАДЕЛЬ ОГНЯ
5

МРАК ОСТАЕТСЯ
443

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к.1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «XL», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Энтони Марк

Цитадель огня
Мрак остается

Фантастические романы

Редактор О. Скуднев
Художественный редактор О. Адаскина
Компьютерный дизайн: А. Сергеев
Технический редактор Н. Белова
Компьютерная верстка: Р. Рыдалин
Младший редактор Е. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПП «Ермак»
115201, г. Москва, 2-й Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Это — мир за гранью.

Сумрачный, сумеречный параллельный мир, где стоят высок замки и царят высокие боги, где грядущее повинуется закону тайн рун и закону могущественных заклинаний.

Мир, который века и века стоял рядом с миром нашим — невед мый, недоступный, чуждый. Но однажды граница меж Землей и м ром за гранью перестала существовать. И тогда...

И тогда за человеком, способным бродить между мирами, нача охотиться и секретные службы Земли, и силы Зла, возродившегося мире за гранью!

И тогда в мире за гранью появился некто, обладающий даром уб вать не людей, но — БОГОВ!..

И тогда настало для горстки защитников Света время схватиться только с адептами Мрака — «скирати», но и с подвластными им дем нами Ада...

За гранью
Цитадель огня
Мрак остается
Кровь тайны

ISBN 5-17-020255-5